УНИВЕРСИТЕТ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ЕВРАЗИЙСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ КОНСОРЦИУМ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ
ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ, МОДЕРНИЗАЦИИ,
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ
РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ БРИКС
МГИМО МИД РОССИИ
МИРЭА — РОССИЙСКИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ НИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РФ

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ: РАЗВИТИЕ, БЕЗОПАСНОСТЬ, СОТРУДНИЧЕСТВО

Материалы VIII международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества» (26–28 ноября 2025 г.)

Ежегодник

Выпуск 9

В трех частях

Часть 3

Москва
Издательский дом «УМЦ»
2026

УДК 66.4 (051)
ББК 66.75 (2 Рос)
Б79

Редакционный совет:

Агеев А.И. – профессор, гендиректор Института экономических стратегий РАН, гендиректор МНИИ проблем управления, *Бордюжа Н.Н.* — председатель Исполкома Ассоциации «Аналитика», председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума, почетный профессор Орловского государственного университета, *Быков А.А.* — д.э.н., профессор, Белорусский государственный экономический университет, *Глазьев С.Ю.* — академик РАН, государственный секретарь Союзного государства России и Беларуси, *Гончаров В.В.* — к.э.н., директор Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, *Громыко А.А.* — д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН, *Гуляев Ю.В.* — академик РАН, член Президиума РАН, президент Российского Союза научных и инженерных общественных объединений, *Иванов В.В.* — д.э.н., к.т.н., член-корреспондент РАН, член Президиума РАН, заместитель Президента РАН, *Ильина И.Е.* – д.э.н., доцент, директор Центра научно-технологического развития при Правительстве РФ, *Корчагин Р.Н.* — к.т.н., и.о. директора ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, *Лазаревич А.А.* — к.филос.н., доцент, директор Института философии НАН Беларуси, *Ленчук Е.Б.* — д.э.н., руководитель центра Института экономики РАН, *Нысанбаев А.Н.* — д.филос.н., профессор, академик НАН Республики Казахстан, *Погосян Г.А.* — д.соц.н., профессор, академик НАН РА, научный руководитель Института философии, социологии и права НАН РА, *Прокапало О.М.* — д.э.н., директор Института экономических исследований ДВО РАН, *Ратникова М.А.* — доктор экономики и менеджмента, вице-президент, директор ВЭО России, *Слоботчиков О.Н.* — к.полит.н., профессор, ректор Университета мировых цивилизаций, председатель, *Файзуллоев М.К.* — д.э.н., ректор Российско-Таджикского (славянского) университета, *Хабриев Р.У.* — д.м.н., д.фарм.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Национального НИИ общественного здоровья.

Редакционная коллегия:

Акимов А.В. – д.э.н., зав. отделом Института востоковедения РАН, *Алёшин В.А.* — профессор Академии военных наук, *Андреева Ю.С.* — генеральный директор Фонда «Достояние России», *Булавина М.А.* — к.ю.н., доцент, проректор по научной работе Университета мировых цивилизаций, отв. редактор, *Ваганян Г.А.* — д.э.н., к.т.н., профессор, гл.н.с. Института экономики Национальной академии наук Армении, *Герасимов В.И.* — к.ф.н., в.н.с. Университета мировых цивилизаций, сопредседатель, *Дарда Е.С.* — к.э.н., зав. Кафедрой статистики и математических методов в управлении РТУ МИРЭА, *Дедков С.М.* — к.э.н., доцент, заместитель директора по научной работе Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, *Денисов Ю.С.* — председатель правления фонда «Достояние России», *Друкаренко С.П.* — к.т.н., вице-президент РосСНИО, *Евсеев В.О.* — д.э.н., профессор, директор программы магистратуры «Россия-Евразия: политические и экономические процессы» ИГСУ РАНХиГС, *Золотарева О.А.* — к.э.н., директор Центра демографии и статистики Института экономических стратегий; гл.н.с. НИИ статистики Росстата; доцент, МИРЭА – РТУ, *Коданева С.И.* — к.ю.н., в.н.с. ИНИОН РАН, *Коломийченко М.Е.* — к.м.н., н.с. Национального НИИ общественного здоровья, *Крюкова О.С.* — д.ф.н., зав. Кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ, *Лутовинов В.И.* — д.филос.н., профессор РАНХиГС при Президенте РФ, *Михайленко А.Н.* — д.полит.н., профессор РАНХиГС, *Молчанов И.Н.* — д.э.н., профессор, Экономического факультета МГУ; профессор Финансового университета при Правительстве РФ, *Пахрутдинов Ш.И.* — д.полит.н., профессор Национального университета Узбекистана, *Радюк А.А.* — помощник проректора по редакционно-издательской работе Университета мировых цивилизаций, *Разина Т.В.* — д.психол.н., член-корреспондент РАО, проректор по развитию Университета мировых цивилизаций, *Семедов С.А.* — д.филос.н., профессор, зав. кафедрой «Международное сотрудничество» РАНХиГС, *Усольцев А.В.* – к.э.н., начальник Управления международных связей РЦНИ, *Ярыгина И.З.* — д.э.н, профессор, директор по научной работе НКИ БРИКС, зав. сектором Экспертного Совета БРИКС при ВШЭ, зав. кафедрой МГИМО МИД России.

Б79 **Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: материалы VIII международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества» (26–28 ноября 2025 г.)** : ежегодник; выпуск 9 в 3-х ч. Ч. 3 / отв. ред. М.А. Булавина, В.И. Герасимов. — Москва : Издательский дом УМЦ, 2026. — 590 с.

ISBN 978-5-6055394-3-8

Часть 3

ISBN 978-5-6055394-6-9

Рассматриваются проблемы цивилизационной и национальной идентичности в контексте интеграционных процессов, патриотического воспитания в современной России и других странах Большой Евразии, качества власти и управления, регионального развития, геополитические, социально-экономические и технологические аспекты функционирования международных транспортных коридоров на Евразийском пространстве. В издании представлена часть материалов Восьмой международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества».

Для специалистов в области международных отношений, государственного управления, экономического, научно-технологического и экологического развития и сотрудничества, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

УДК 66.4 (051)
ББК 66.75 (2 Рос)

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, собственных имен, статистических данных и прочих сведений.

ISBN 978-5-6055394-6-9 (ч. 3)
ISBN 978-5-6055394-3-8

© Коллектив авторов, 2026
© АНО ВО «УМЦ», 2026

Содержание

Цивилизационная и национальная идентичность в контексте интеграционных процессов

Абдильдина Р.Ж.
Справедливый Казахстан:
философия национального обновления и гуманитарные основания модернизации 12
Аграпонова Н.Л.
Специфика развития предпринимательской культуры в странах БРИКС..... 15
Амердинова М.М., Аалиева Н.К.
Культурный диалог Запад-Восток:
проблемы и перспективы 18
Андреева Г.Н.
Обеспечение сохранения оригиналов текстов национальных конституций как части культурного наследия в странах — членах БРИКС 23
Викторов А.Ш.
Формирование новой идеологемы социально-гуманитарного знания в условиях особенностей цивилизационного развития стран Большой Евразии 28
Джерелиевская И.К.
ВОссоздание семьи как института воспитания
(постановка проблемы)..... 32
Залывский Н.П.
Цивилизационный конфликт общественного деятеля с институтами государства и последствия для его судьбы 37
Карнишина Н.Г.
Цивилизационная целостность России:
стратегия выживания в переходные периоды истории 45
Кожевников Н.Н., Данилова В.С.
Основные этапы формирования идентичности России..... 49
Козьякова М.И.
Россия и Запад:
историческая память как основа сохранения цивилизационной идентичности 54
Косиченко А.Г.
Позволяет ли множественная идентичность сохранять общественный консенсус? .. 61
Котлярова О.В.
Формирование политической самоидентичности как результат политического восприятия..... 66
Котович О.В.
Время и предки — синергия календарных поминальных практик в традиционном духовном наследии белорусов..... 71
Красиков В.И.
Русская мысль о традиционных и семейных ценностях..... 78
Луань Вэй
К концепции культурной безопасности Китая 86
Лю Жуйвэй
Цивилизационная идентичность и национальная культурная безопасность:
культурно-философское исследование роли Китая в процессе евразийской интеграции..... 90
Лю Сюаньцзы
Ценности китайской традиционной культуры как социальная проекция..... 93

Мазур О.Г.
Электоральные традиции формирования представительных органов в контексте становления российской государственности 97
Мдивани (Воробьёва) Т.Г.
О специфике национального начала в белорусской музыке последней трети XX века 101
Микайлова И.Г.
Человеческая раса на пороге перехода в постчеловеческую эру: альтернатива или неизбежность? (подход с позиций синергетического историзма) 105
Мраморнова О.В.
Цифровизация и российские традиционные ценности 117
Мусаев М.Т.
Традиционные и семейные ценности как основа сохранения национальной идентичности 120
Мягков П.А.
Цивилизации, протоцивилизации и общественно-экономические формации (постановка проблемы) 122
Оу Гуаньюань
Образ России в Китае: основы общественного мнения о китайско-российском социально-экономическом сотрудничестве 130
Пястолов С.М.
Археология и архитектура ценностей 134
Раков С.Е.
Фундаментом межцивилизационных отношений могут быть только общечеловеческие ценности 141
Романович Н.А., Коробкова О.А.
Детали концепции многополярного мира 147
Саипова К.Д.
Национальная идентичность в Узбекистане и странах Центральной Азии: исторические истоки, современное содержание и перспективы 151
Смирнов П.И.
Постоянный и перспективный ориентиры развития России: здоровое общество и духовно-игровая цивилизация 154
Сулимов С.И., Васильев Б.В.
Ислам и христианство: перспективы сосуществования ислама с христианским и постхристианским обществом 162
Сургуладзе В.Ш.
Цивилизационная идентичность России в контексте концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона, противостояния с США и коллективным Западом и конфликта на Украине 169
Тагиров Э.Р.
«Сердце земли». Тайна Евразии 177
Хилтухина Е.Г.
Гуманистические ценности мира человека: межцивилизационные сходства и различия 181
Цеханская К.В.
Этнокультурная матрица ментальности русских 185
Цзоу Сунмин
Культурная пенсия как фактор развития человеческого потенциала: теоретические основания и практические пути 191

Черенков Р.А., Черных В.Д.
Сравнительный анализ взаимодействия российского государства с мусульманским обществом в Среднем Поволжье и Башкирии (XVI–XVIII вв.) ... 198
Чернякова Н.С.
Семья и профессия как ценностные ориентиры воспитания молодёжи 203
Чжан Фань
История распространения православия во Внутренней Монголии..... 207
Чэн Хунли
Исследование динамики традиционной культурной идентичности в глобальном контексте: напряжение между глобализацией и локализацией..... 210
Шапошников Л.Е.
А.Д. Градовский о соотношении общечеловеческого и национального компонента в развитии общества и в системе образования 213
Яковлева Е.Л.
Об актуальности проекта «Гражданин России» 218

Качество власти и управления

Abdullayev S.U.
The growth of the population's employment and social progress..... 224
Арбатская М.Н.
Система финансирования прямых выборов власти и местного самоуправления в КНР и особенности её публичного сопровождения..... 228
Артамонова Е.В.
Применение искусственного интеллекта в процессе безопасной разработки ПО согласно нормативно-правовой базе РФ 247
Богдан Н.И.
Управление инновациями и технологиями в Союзном Государстве в условиях новых вызовов и угроз 258
Будням С., Оюун-Эрдэнэ Б.
Проблемы управления наукой в условиях системной реформы в Монголии..... 263
Булуктаев Ю.О.
Парламентская реформа в Казахстане как приоритетная национальная программа 265
Вафин А.М.
Цифровые технологии в сфере государственного управления 268
Водомеров Н.К.
Повышение роли государства для ускорения модернизации экономики России.... 270
Исоков М.М.
Перспективы совершенствования национальной кадровой политики..... 280
Караткевич А.Г.
К вопросу о социокультурной трансформации в постсоветских обществах 282
Орлов А.И.
Управление наукой с точки зрения «биокосмологической инициативы» 285
Плахотина Н.А., Яковенко К.В.
Проблемы правового регулирования денежных выплат, не выплаченных работнику до момента его смерти 293
Плющ А.Н.
Использование когнитивной сложности информации для управления коммуникацией 296
Рожковская Е.А.
Смена парадигмы государственного регулирования структурных преобразований: глобальные тренды и вызовы..... 304

Трофимова И.Н.
Новые подходы в технологической политике:
опыт Китая 308
Умарова Д.Т.
Отдельные аспекты формирования государственного бюджета на среднесрочную
перспективу 311
Уматов А.К.
Особенности развития эффективного государственного управления в условиях
нового Узбекистана 314
Федорова М.Н.
К вопросу о теоретических основах разработки социально- и человеко-
ориентированных стратегий развития 317
Хараберюш И.Ф.
О концепции управления государственным имуществом и земельными ресурсами
Донецкой Народной Республики:
общие положения 325
Шелухин Н.Л.
Об иерархии документов стратегического планирования 328
Шемякина Н.В., Пономаренко А.А.
Управление трансформацией регионального научно-технологического
развития промышленности 335

**Патриотическая идея в современной России
и других странах Большой Евразии**

Аверков А.Н., Егоренко Е.Е., Соколова С.Н.
Патриотизм как смыслообразующий компонент экзистенции современной
личности 340
Бобков В.А.
Юбилей Победы:
осмысливаем прошлое в назидание будущему 342
Гуляев А.А.
К вопросу о сохранении исторической правды о Великой Отечественной войне 350
Залывский Н.П.
Боевая биография участника парада победы 24 июня 1945 года
в Москве — социокультурный фактор патриотизма современных защитников
Отечества 352
Зацаринный А.А.
Мы памяти верны!
О вкладе ученых и научных организаций в создание систем и средств связи
в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг. 360
Леонтьев Я.Ю., Лутовинов В.И.
Духовно-религиозные основы патриотизма и патриотического воспитания
как стержня становления и развития российской государственной
цивилизации 368
Лойко Л.Е.
Общая историческая память РФ и КНР о Второй Мировой войне 375
Лукшин Р.С.
Наследие под давлением времени:
философский взгляд на сохранение исторической памяти в Большой Евразии 378
Мусина Р.И.
Уничтожение памятников мирового культурного наследия как способ
переформатирования исторической памяти 384

Никулина И.Н.
О сохранении исторической памяти:
некоторые аспекты 391
Терновая Л.О.
Точки пересечения истории:
компаративистский подход к опыту героической обороны крепостей
евразийского пространства 394
Тонких В.А., Перепелицын А.В.
Мир между Первой и Второй мировыми войнами:
историческая память народов 401
Цимбаева Е.Н.
Неонацизм в постсоветских государствах Балтии:
угроза гуманитарным ценностям и пути ее преодоления 406
Шамаров П.В.
Актуальные проблемы отечественной патриотической повестки 412

Регионы и города Большой Евразии

Антонова Н.Е.
Влияние программ регионального развития на структурно-экономические
изменения в Дальневосточном лесном комплексе 424
Ахмедова Ф.Дж.
Влияние инициативного бюджетирования на развитие местной инфраструктуры
в Республике Узбекистан 427
Белокрылова О.С., Висицкий Н.Н.
Цифровизация и коллективные блага в стратегиях развития «умных городов»:
институциональные барьеры и перспективы в ЖКХ 433
Белоусова А.В.
Оценка влияния внешнеторговых взаимодействий на занятость региона:
сценарный подход 438
Бравок П.С., Найден С.Н.
Формирование опорных центров расселения на востоке России:
пример Хабаровского края 441
Грдзелишвили Н.Ш.
Экологический туризм как инструмент развития трансграничного
сотрудничества в горных регионах Евразии 446
Дорошенко С.В., Кислая Т.Н.
Предпринимательская активность в юго-западных регионах России:
от адаптации к развитию 450
Дочкина А.А.
Новая архитектура местного самоуправления:
первые результаты и основные проблемы 456
Иванова Т.Л.
Особенности современной трансформации региональной экономической
системы 459
Ким О.Л., Евлампиева Е.В.
Устойчивое развитие регионов в условиях технологического суверенитета 467
Кривелевич М.Е.
Социально-экономическая эффективность «поворота на восток» и повышение
отдачи от инвестиций в развитие Дальнего Востока 470
Леонов С.Н.
Сравнительный анализ реализации государственной политики развития
сельских и промышленных локальных территорий в странах ЕС 473

Леонов С.Н., Барабаш Е.С.
Способность регионов к адаптации в условиях турбулентности 479
Ломакина Н.В.
Новые приоритеты государственной политики развития востока России и потенциал структурной трансформации в ресурсной экономике 483
Макаров А.А., Илюхина С.С.
Стратегические аспекты организации логистики в портовых и приграничных регионах 487
Мальцева И.С.
Возможности внедрения цифровых технологий в сбыт фермерской продукции в северном регионе 490
Митько А.В., Сидоров В.К.
Россия в Арктике: новые реалии и вызовы 493
Мухсимова Д.Х.
«Умные города» как инструмент устойчивого урбанистического развития: мировой опыт и современные практики 496
Новоселов А.С., Ковалев А.Е.
Прогнозирование развития муниципального образования на основе моделирования социально-экономических процессов 500
Прокапало О.М.
Экономика Дальнего Востока России: особенности современного этапа развития 506
Румянцева С.Т.
Рынок труда современной России: состояние и перспективы развития 511
Своеволин В.Ю.
Императивы инновационно-технологического развития регионов в условиях цифровизации и санкционного давления 515
Якубова Э.Т.
Оценка эффекта декаплинга в экономическом развитии регионов Узбекистана 521

Международные транспортные коридоры на Евразийском пространстве: геополитические, социально-экономические и технологические аспекты

Абдыев Дж.Р., Ходжамаммедов М.М., Гаррыбаев Б.Х.
Развитие международных транспортных коридоров на Евразийском пространстве: геополитические, социально-экономические и технологические аспекты 526
Amanova O.G., Hojamämmedow M.M.
International scientific and technical cooperation in the development of eurasian transport corridors 531
Бардаль А.Б.
Трансграничные транспортные коридоры РФ-КНР на Дальнем Востоке: функционирование и перспективы развития 535
Бирюков А.Л., Савостова Т.Л.
Трансарктический транспортный коридор — развитие региональных экономик 539
Дроздов Б.В.
О перспективном облике системы транспортных коридоров Евразийского пространства 543
Карцев Н.А.
Развитие международных транспортных коридоров и формирование большого Евразийского партнерства 548

Ларин О.Н.
Современные тренды в развитии международных транспортных коридоров..... 5552
Матанцева О.Ю., Казанцев И.С.
Научно-методические основы увеличения к 2030 году объема перевозок по международным транспортным коридорам не менее чем в полтора раза по сравнению с уровнем 2021 года 559
Мелкумян М., Мелкумян З., Исаян Ш.
Новый вектор развития трансграничных транспортных коридоров..... 562
Мухина И.И., Смирнова А.В.
Организация транспортно-логистических систем в международном транспортном сообщении Россия-Казахстан-Китай 566
Сазонов С.Л., Ли Фэн
Российско-Китайское сотрудничество в области развития евразийского транзита и укрепление приграничных инфраструктурных связей 569
Семенова Н.К
Многоуровневая архитектура международного транспортного коридора «Север-Юг»: стратегические интересы и институциональные вызовы ключевых акторов..... 575
Тураев М.О.
Ферганская долина:
пространство возможностей эффективного развития 581
Ходжамаммедов М.М.
Роль цифровых технологий в обеспечении безопасности международных транспортных коридоров 584

Цивилизационная и национальная идентичность в контексте интеграционных процессов

Абдильдина Р.Ж.
д.филос.н., академик НАН РК,
заместитель директора Казахстанского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова, Астана
raukz@mail.ru

СПРАВЕДЛИВЫЙ КАЗАХСТАН: ФИЛОСОФИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБНОВЛЕНИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ

Ключевые слова: Справедливый Казахстан, модернизация, справедливость, гуманитарные ценности, личность, образование, патриотизм, национальная идентичность, духовность.
Key words: Fair Kazakhstan, modernization, justice, humanitarian values, personality, education, patriotism, national identity, spirituality.

Цель любого народа и государства — построение устойчивого, справедливого и процветающего общества. Однако для того чтобы данная идея перешла из категории идеала в сферу реальности, необходимо определить теоретические основания и практические механизмы ее реализации. Развитие современного Казахстана демонстрирует осознанный выбор в пользу эволюционного, поступательного движения, в центре которого стоит человек — личность как субъект преобразований и носитель духовных ценностей.

В настоящее время Республика Казахстан вступила в новый этап модернизации, представленный Президентом К.К. Токаевым в программном документе «Справедливый Казахстан — для всех и для каждого. Сейчас и навсегда». Этот стратегический курс направлен на обновление всех сфер общественной жизни — политической, экономической, социальной, культурной и духовной — и ориентирован на формирование государства нового типа, где справедливость, труд, ответственность и профессионализм становятся базовыми принципами общественного устройства.

Современная философская и политическая мысль рассматривает справедливость как системообразующую категорию общественного бытия (Дж. Ролз, Ю. Хабермас, А. Сен, Ч. Тейлор). В казахстанском контексте она приобретает особое значение, являясь не только этическим идеалом, но и практическим ориентиром государственной политики. Концепция «Справедливого Казахстана» интегрирует идеи социальной ответственности, равных возможностей и гражданской солидарности, тем самым соединяя политико-правовой и духовно-нравственный аспекты национального развития.

Президент К.К. Токаев в своих выступлениях определяет справедливость как «фундамент доверия между государством и обществом», когда справедливое устройство общества возможно лишь при согласии между институциональной структурой государства и моральным сознанием граждан. Таким образом, построение справедливого общества предполагает не только институциональные реформы, но и глубокое изменение общественного сознания, формирование новой системы ценностей, основанной на синтезе традиции и модернизации.

В философской перспективе понятие справедливости имеет богатую историю. Еще Аристотель в «Никомаховой этике» различал справедливость распределяющую и уравнивающую, связывая ее с гармонией и соразмерностью человеческих отношений. В эпоху Просвещения И. Кант рассматривал справедливость как условие моральной автономии личности, а в XX веке Дж. Ролз предложил концепцию «справедливости как честности», где центральным становится принцип равенства возможностей. Для Казахстана, где сочетаются элементы европейской, азиатской и тюркской цивилизаций, актуально осмысление справедливости как социального равновесия, предполагающего баланс между свободой личности и общественным благом.

В послании Президента были обозначены ключевые ценности, определяющие облик современной нации — независимость и патриотизм, единство и солидарность, справедливость и ответственность, закон и порядок, трудолюбие и профессионализм, созидание и новаторство[1].

[1] *Токаев К.К.* Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана «Справедливый Казахстан — для всех и для каждого. Сейчас и навсегда». — Астана, 2022.

Эти принципы представляют собой не только морально-нравственную основу общественного единства, но и идеологическую платформу национального прогресса.

Особое значение в этой связи приобретает концепт «Адал азамат» — «честного гражданина», для которого труд, ответственность и стремление к совершенству являются личным этическим выбором. Формула «Ответственный человек — Честный труд — Заслуженный успех»[2] отражает суть новой этики гражданственности, ориентированной на внутреннюю культуру, дисциплину, моральную устойчивость и общественную пользу. В этом контексте человеческий капитал становится главным ресурсом развития страны. Современная эпоха требует не просто профессионально компетентного, но и духовно зрелого, открытого к инновациям человека, способного мыслить критически и действовать творчески.

Цивилизационные процессы XXI века сопровождаются ускоренным развитием технологий, цифровизацией и изменением форм социального взаимодействия. Возникает качественно новая среда, в которой образование становится ключевым инструментом адаптации личности к динамично изменяющемуся миру. В «информационную эпоху» знание становится главным фактором экономического и культурного превосходства. Следовательно, система образования перестает быть лишь институтом передачи знаний — она превращается в механизм формирования когнитивного, творческого и духовного потенциала личности. В условиях Четвертой промышленной революции конкурентоспособность нации определяется не столько экономическими показателями, сколько уровнем интеллектуального и творческого потенциала граждан[3].

В этих условиях модернизация образования в Казахстане приобретает стратегический характер. Традиционная модель, ориентированная на механическое усвоение информации, не отвечает задачам XXI века. Между тем новые реалии требуют иной педагогической философии — формирования личности, способной к самостоятельному поиску, интерпретации и созданию знаний. Как показывают современные педагогические концепции, именно развитие аналитического и творческого мышления становится основным критерием качества образования[4]. Новая образовательная парадигма предполагает развитие аналитического и креативного мышления, способности к самостоятельному поиску, рефлексии и инновационному действию. Только такая система может воспитать личность, способную стать активным участником построения справедливого общества.

Еще великий казахский мыслитель Абай Кунанбаев подчеркивал важность знания языков как пути к приобщению к мировой культуре: «Если ты будешь знать русский язык, то на мир откроются твои глаза»[5]. Сегодня этот тезис приобретает универсальное значение — владение языками становится фактором формирования открытого сознания, готовности к диалогу культур и восприятию инноваций. Образованный человек — это не просто носитель знаний, но субъект межкультурного взаимодействия и медиатор между традицией и современностью.

Проблема формирования патриотизма и гражданской идентичности является неотъемлемой частью стратегии духовного возрождения. Патриотизм — это не только чувство принадлежности к Родине, но и активное участие в ее развитии. Он проявляется в бережном отношении к родной земле, языку, культуре, традициям и истории. Истинный патриотизм невозможен без глубокого знания прошлого. Как показывают исследования культурной антропологии (Ю. Лотман, К. Леви-Стросс, Э. Шилз), именно связь человека с историей и территорией формирует культурно-генетический код нации. Для Казахстана, обладающего уникальным природным и культурным наследием, это особенно значимо.

Бережное отношение к земле — важнейшая часть национального самосознания. История трагедии Арала и негативных последствий освоения целины напоминает о необходи-

---

[2] Выступление Главы государства К. Токаева на третьем заседании Национального курултая «Адал адам — Адал еңбек — Адал табыс». — https://www.akorda.kz/ru/vystuplenieglavy-gosudarstva-ktokaevana-tretem-zasedaniinacionalnogo-kurultaya-1525116.

[3] *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. — Geneva: World Economic Forum, 2016.

[4] *Delors J.* Learning: The Treasure Within. Report to UNESCO. — Paris: UNESCO, 1996.

[5] *Абай, Кунанбаев.* Собрание сочинений в одном томе: стихотворения, поэмы, проза. — М.: Госполитиздат, 1954. — С. 363.

мости экологической ответственности и гармонии между человеком и природой. Земля Казахстана — это не просто географическое пространство, а носитель сакральных смыслов, духовная основа народа. В традиционной культуре кочевников природа воспринималась как живое начало, с которым человек связан моральными обязательствами. Возрождение этой философии экологического равновесия становится одним из условий духовного обновления нации.

Не менее значимым направлением национального строительства является формирование позитивного международного имиджа Казахстана. Государство должно быть известно не только своими природными ресурсами и политическими инициативами, но и культурными, научными и духовными достижениями, восприниматься не только как государство с богатейшими природными ресурсами и активной внешнеполитической позицией, но и как центр духовного, культурного и интеллектуального притяжения[6]. Глобальная узнаваемость страны напрямую связана с активной гуманитарной политикой — переводом трудов казахстанских ученых, писателей, мыслителей на мировые языки, участием в международных культурных и образовательных проектах.

Культура, как подчеркивает ЮНЕСКО, является фундаментом устойчивого развития, а значит, именно через культуру обеспечивается включенность народа в мировое сообщество. Казахстан в этом контексте выступает как мост между Востоком и Западом, Евразией и тюркским миром, что придает особую миссию его гуманитарной политике. Роль творческой и интеллектуальной элиты при этом становится определяющей: именно она несет ответственность за интеллектуальное и духовное представительство страны на международной арене.

В условиях стремительного научно-технологического прогресса важным становится вопрос соотношения справедливости и цифровизации. Цифровое общество открывает новые возможности, но порождает и риски — неравенство в доступе к информации, угрозу манипуляции сознанием, дефицит духовных ориентиров. Поэтому концепция Справедливого Казахстана предполагает создание гуманного цифрового пространства, в котором технологии служат развитию человека, а не его подчинению алгоритмам. Справедливость в цифровую эпоху должна включать принципы этичности, прозрачности и ответственности в использовании технологий.

Таким образом, концепция Справедливого Казахстана — это не просто политическая программа, а целостная философия национального обновления. Ее реализация требует гармоничного взаимодействия государства и гражданского общества, синтеза научного знания, духовных ценностей и культурных традиций. Формирование справедливого государства невозможно без воспитания человека нового типа — Адал азамат — личности, ориентированной на труд, ответственность, творчество и любовь к Родине.

Эволюционный путь развития, избранный Казахстаном, соответствует логике исторического прогресса и национальной ментальности. Только последовательное движение вперед, основанное на науке, культуре и духовности, способно обеспечить устойчивое развитие общества, укрепление его моральных оснований и достойное место страны в современном мире.

[6] *Сулейменов О.* Размышления о культуре и миссии Казахстана в современном мире // Культура и время. — 2023. — № 1. — С. 14.

Аграпонова Н.Л.
к.э.н., доцент,
заместитель директора Института электроэнергетики НИУ «МЭИ»
demchenko_nataly@inbox.ru

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СТРАНАХ БРИКС

Ключевые слова: страны БРИКС, предпринимательская культура, методы измерения уровня культуры.
Key words: BRICS countries, entrepreneurial culture, methods of measuring the level of culture.

Как известно, развивающиеся страны, входящие в состав БРИКС, имеют некоторые сходства в экономике, а именно: каждой из них присущи черты поздней индустриализации, с характерными до недавнего времени чертами неразвитой экономики. В совокупности в 5 странах БРИКС проживает около 40% населения мира, страны БРИКС занимают более 25% суши[1]. За период с 1990 по 2025 г. доля ВВП стран БРИКС выросла с 11% практически до 40%[2].

В настоящее время совместные усилия стран БРИКС направлены на сотрудничество в области здравоохранения, науки, технологий, культуры и инноваций, однако можно выделить еще более 20 векторов, в отношении которых уже достигнуты соответствующие договоренности между государствами.

Данная работа посвящена рассмотрению особенностей предпринимательской культуры стран БРИКС, создающих благоприятную среду для стремительного роста предпринимательства. Чтобы ответить на это вопрос, необходимо проанализировать предпринимательскую культуру стран, и объяснить механизм вовлечения в предпринимательство и создание новых производств в странах БРИКС, с учетом того, что несмотря на схожие парадигмы их экономического развития, культурные характеристики каждой страны могут создавать как благоприятные, так и негативные предпосылки для развития предпринимательской среды.

Как известно, предпринимательская культура нации характеризуется уровнем предпринимательской активности населения и может быть оценена через набор показателей, таких как склонность к предпринимательский деятельности, коллективный уровень предпринимательской активности, особенности руководства малым и среднем бизнесом[3]. Сочетание некоторых из этих показателей, а также других проявлений характерных черт предпринимательства и формирует предпринимательскую культуру[4].

Специфику развития предпринимательской культуры в странах БРИКС можно рассмотреть через призму культурных различий наций, определяющих черты и стратегии поведения населения данных государств.

Возьмем за основу измерения уровня культуры наиболее известные на сегодняшний день авторские методики: модели Г. Хофстеде, Ф. Тромпенарса и Ч. Хэмпдена-Тернера, Э. Холла, Ш. Шварца, Ф. Клакхона и Ф. Стродтбека[5]. Каждый из авторов основное внимание уделяет различным культурным элементам, что позволит нам перейти к более комплексному анализу[6].

---

1 *Bremmer, I.* The Mixed Fortunes of the BRICS Countries, in 5 Facts // Time. — 2017. — September 1. — https://www.yahoo.com/news/mixed-fortunes-brics-countries-5-094028266.html.

2 https://ria.ru/20251002/putin-2046034860.html.

3 *Schmidt, C.M., Dreher, M.T.* Cultura empreendedora: empreendedorismo coletivo e perfil empreendedor // Revista de Gestão. — 2008. — Vol. 15. — No 1. — P. 1–14.

4 *Dreher, M.T.* Empreendedorismo e Responsabilidade Ambiental: uma Abordagem de Empreendimentos Turísticos. Tese de Doutorado em Engenharia de Produção / Universidade Federal de Santa Catarina, Florianópolis, SC. — 2004.

5 *Pecly, P.H.D., Ribeiro, P.C.C.* Entrepreneurship in the BRICS and cultural dimensions // Brazilian Journal of Operations & Production Management. — 2020. — Vol. 17, — No 2. — P. 1–18. — https://doi.org/10.14488/BJOPM.2020.013

6 *Nardon, L. Steers, R.M.* The Culture Theory Jungle: Divergence and Convergence in Models of National Culture. —

Герт Хофстеде провела исследование с целью разработки модели национальных культурных измерений, которая сосредоточена на «выявлении общепринятых и эмпирически обоснованных параметров для описания предпринимательской культуры на основе систематического анализа собранных данных о предпринимательской культуре ряда стран»[7]. К критериям оценки предпринимательской культуры, предложенным Г. Хофстеде, относятся административные барьеры, устойчивость в условиях высокой неопределенности, уровень индивидуализма по отношению к устоявшимся нормам, половые различия, вероисповедание. Следуя выявленным параметрам измерения предпринимательской культуры Г. Хофстеде, можно констатировать, что культуры, характеризующиеся низким уровнем административных барьеров, низкими показателями неопределенности внешней среды, высокими показателями индивидуальности представителей нации, имеют большую склонность к открытию новых предприятий.

По мнению С. Шейна, ярко выраженная индивидуальность является ключевым фактором успешного развития предпринимательства[8]. Что касается времени, Г. Хофстеде[9] предполагает, что культуры с долгосрочной перспективой лучше реагируют на изменения и являются более гибкими, что создает благоприятные условия для инновационной и предпринимательской деятельности.

По мнению Фонса Тромпенаарса и Чарльза Хэмпдена-Тернера, уровень культуры наращивается, если на практике работники используют уникальные способы решения типовых проблем. Другими словами, когда каждый индивид ищет решения проблемы своим, характерным для него, не типичным способом[10].

По мнению авторов, существует три класса проблем — проблемы, возникающие во взаимоотношениях между людьми; проблемы, вызванные неизбежностью временной трансформации; проблемы, которые возникают вследствие изменений в окружающей среде[11]. На основе этой классификации, Ф. Тромпенаарс и Ч. Хэмпден-Тернер выявили семь критериев измерения уровня предпринимательской культуры –универсализм-партикуляризм, индивидуализм-коммунитаризм, специфика-различие, нейтральность, эмоциональность, стремление к событию-описание, временная перспектива и взаимоотношения с окружающей средой[12].

Д. Ли и С. Петерсон[13] связывали предпринимательскую культуру с измерениями Ф. Тромпенарса и Ч. Хэмпдена-Тернера и пришли к выводу, что именно индивидуализм способен выработать правильную мотивационную составляющую индивида. По мнению авторов, другие аспекты не внесли столь существенного вклада в развитие предпринимательской культуры.

Модель культурных представлений, разработанная в 1959 году Эдвардом Холлом, базируется на исследованиях предпринимательской культуры Германии, Японии, Соединенных Штатов Америки и Франции. За основу были взяты критерии межличностного общения, где ключевыми факторами измерения предпринимательской культуры являются скорость передачи информации во времени и пространстве.

Cambridge. 2009.

[7] *Lacerda, D.P*. Cultura organizacional: sinergias e alergias entre Hofstede e Trompenaars // Revista de Administração Pública. — 2011. — Vol. 45. — No 5. — P. 1285–1301.

[8] *Shane, S*. Cultural influences on national rates of innovation // Journal of Business Venturing. — 1993. — Vol. 8, — No 1. — P. 59–73.

[9] *Hofstede, G., Hofstede, G.J., Minkov, M*. Cultures and Organizations: Software of the Mind. — New York: McGraw-Hill, 2001.

[10] *Trompenaars, F., Hampden-Turner, C*. Riding the Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business. — London, 1997.

[11] *Lacerda, D.P.* Cultura organizacional: sinergias e alergias entre Hofstede e Trompenaars // Revista de Administração Pública. — 2011. — Vol. 45. — No 5. — P. 1285–1301.

[12] *Trompenaars, F., Hampden-Turner, C*. Riding the Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business. — London, 1997.

[13] *Pearson, S., Leahy, J*. Cheap Asia imports hit Brazil's industries // Financial Times, — 2011. — 20 April. — https://www.ft.com/content/e7206ccc-6b71-11e0-a53e-00144feab49a.

По мнению Р. Стирса и Л. Нардона[14], в большинстве стран БРИКС решения, связанные с развитием предпринимательской деятельности, зачастую принимаются рационально и основываются на получении всеобъемлющей и надежной информации о необходимых ресурсах, в контексте низкого уровня предпринимательской культуры как таковой, что подкрепляется результатами исследований, проведенных Ван Эвердингеном и Ваартсом[15].

Шалом Шварц дал определение универсальных человеческих ценностей, присущих большинству культур[16], к ним, по его мнению, можно отнести устоявшиеся нормы-автономность, иерархию-эгалитаризм, мастерство-гармонию[17]. Согласно исследованиям Ш. Шварца, зачастую именно автономность при принятии решения способствует развитию предпринимательской активности индивидов. Ярким примером тому является низкая социальная дистанция, существующая в эгалитарных обществах. В случае сценария «мастерство-гармония», все максимально вовлечены в процесс сотрудничества, способствуя развитию предпринимательства, но в то время как кто-то стремится к инновациям, другие поощряют использование уже способов проблем.

Исходя из предположения, что все культурные явления являются субъективными и не имеют дело с общим набором проблем, Ф. Клакхон и Ф. Строудтбек[18] провели полевое исследование с целью сравнить принципы руководства представителей различных культур. В результате была выработана модель, отражающая культурные различия, где во главу угла были поставлена важность взаимоотношений человека с природой и временем. По мнению Д. Томаса и М. Питерсона[19] секрет успешного развития предпринимательской культуры заключается в сочетании господства человека над природой и индивидуалистическим отношением с другими людьми.

Этические аспекты культуры существенно различаются между странами БРИКС. Россия и Китай имеют некоторые сходства в этих аспектах, возможно, потому, что они разделяют недавнее наследие коммунистической экономики и политических порядков, которые могли бы определить траекторию развития деловой культуры в целом и этической деловой культуры в частности[20].

Показатели деловой активности Бразилии, равно как и ее социокультурная среда, весьма разнообразны. Такие элементы, как лояльность и гибкость, личные отношения существуют бок о бок с западными культурными ценностями[21].

Предприниматели извлекают выгоду из общедоступного высшего образования и высокого уровня деловых навыков. Можно также констатировать тот факт, что решение отдельных вопросов предпринимательской деятельности стало требовать более высокой подготовки. Однако предприниматели успешно справляются с этой задачей, приобретая новые навыки и повышая свой инновационный потенциал[22].

Согласно последним статистическим данным, Китай и Бразилия относятся к регионам, где уровень инноваций вырос больше, чем в Южной Африке, Индии и России.

В свою очередь, уровень инноваций определяется моделью образования, а предпринимательская культура формируется за счет непрерывных инвестиций начиная с уровня начальной школы до университетского уровня включительно.

---

[14] *Steers, R.M., Nardon, L.* Managing in the Global Economy. — 2nd ed. — New York, 2005.

[15] *Van Everdingen, Y.M., Waarts, E*. The effect of national culture on the adoption of innovations // Marketing Letters. — 2003. — Vol. 14. — No 3. — P. 217–232.

[16] *Nardon, L., Steers, R.M.* The Culture Theory Jungle: Divergence and Convergence in Models of National Culture / Cambridge University Press. — Cambridge, 2009.

[17] *Schwartz, S.H.* An overview of the Schwartz theory of basic values // Online Readings in Psychology and Culture. — 2012. — Vol. 2. — No 1. — P. 1–20.

[18] *Kluckhohn, F.R., Strodtbeck, F.L.* Variations in Value Orientations. — Evanston, 1961.

[19] *Thomas, D.C., Peterson, M.F.* Cross-Cultural Concepts: Essential Concepts. — 3rd ed. — London: Sage Publications, 2014.

[20] *Ardichvili, A., Jondle, D., Kowske, B.* et al. Ethical cultures in large business organizations in Brazil, Russia, India, and China // Journal of Business Ethics. — 2012. — Vol. 105. — P. 415–428. — https://doi.org/10.1007/s10551-011-0976-9.

[21] Ibid.

[22] *Ács, Z.J., Szerb, L., Lloyd, A*. The Global Entrepreneurship Index / The Global Entrepreneurship and Development Institute. — Washington (D.C.), 2018. — P. 1–43. — https://thegedi.org/wpcontent/uploads/2017/11/2018-front-cover-01.png.

Используя выборку из более чем 9 тысяч студентов, А. Гонсалес и его коллеги[23] пришли к выводу, что влияние университетской среды является фактором, оказывающим наибольшее влияние на формирование способностей к предпринимательской деятельности.

Рекомендуется поощрять предпринимательство посредством творческих инициатив студентов и реализации образовательных программ в университетской среде. В результате внедрения в практику изучения предпринимательства в университетах, возникла теория тройной спирали Ицковица[24], где университеты становятся местом изучения предпринимательства, мотивируя студентов к развитию предпринимательской деятельности в будущем[25].

Преподаватели и органы государственной власти в странах БРИКС все больше проявляют заинтересованность в том, чтобы сделать обучение предпринимательству доступным для студентов инженерных и смежных специальностей, обучающихся инновациям и экономике[26].

Амердинова М.М.
д.филос.н., профессор,
гл.н.с. Института философии Национальной академии наук Кыргызской Республики, Бишкек
azizai2307@mail.ru
Аалиева Н.К.
к.филос.н.,
доцент Кафедры философии, теории и истории культуры Кыргызского национального университета, Бишкек
aalievan@mail.ru

КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ ЗАПАД-ВОСТОК: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: гуманизм, маргинал, маргинальная личность, манкурт, социокультурные стандарты, политическая самоидентификация, трайбализм, культ личности, неоконченный человек.
Key words: humanism, marginal, marginal person, mankurt, social and cultural standards, political self-identification, tribalism, cult of person, unfinished man.

Переоценка ценностей, возрастание интереса к прошлому, культуре народов, к становлению и развитию национального самосознания и государственности привели к актуализации вопроса культурного диалога Запад-Восток в общественном бытии и сознании. Осознание нациями своего качественно иного (по сравнению с предыдущим периодом) бытия взаимосвязано с понятиями *«культура», «этническая культура», «менталитет», «национальный характер»*, поэтому возникает необходимость их исследования в аспекте этносоциального познания. Как показывает исторический опыт, в критические моменты социального развития, в период больших общественных потрясений (войн, революций, национальных движений) возрастает потребность людей в осмыслении исторического прошлого. Обращаясь к своему прошлому, к исторической памяти народа, люди стремятся найти объяснения своих бедствий, пути выхода из кризисных ситуаций, выработать ориентиры на будущее.

---

[23] *Gonzalez, A.L., Jaen, I., Topa, G. et al.* University environment and entrepreneurial intention: the mediating role of the components of the theory of planned behaviour // Revista de Psicología Social. — 2019. — Vol. 34. — No 1. — P. 137–367. — http://dx.doi.org/10.1080/02134748.2018.1542789.

[24] *Leydesdorff, L., Etzkowitz, H.* Emergence of a Triple Helix of university-industry-government relations // Science and Public Policy. — 1996. — Vol. 23. — No 5. — P. 279–286.

[25] *Pecly, P.H.D., Ribeiro, P.C.C.* Entrepreneurship in the BRICS and cultural dimensions // Brazilian Journal of Operations & Production Management. — 2020. — Vol. 17. — No 2. — P. 1–18. — https://doi.org/10.14488/BJOPM.2020.013

[26] *Cao, Z., Zhou, M.* Research on the innovation and entrepreneurship education mode in colleges and universities based on entrepreneurial ecosystem theory // Kuram ve Uygulamada Egitim Bilimleri. — 2018. — Vol. 18. — No 5.

Из-за отсутствия общих теоретико-методологических подходов, в научной литературе можно встретить спорные взгляды и разногласия между учеными по поводу вопроса о *менталитете* и его месте в структуре общественного сознания, о его категориальном статусе [см.: 1]. Этимологическое значение понятия «менталитет» раскрывается через латинские слова mens, mentalis, которые переводятся на русский язык как ум, мышление, образ мыслей, умственный, душевный склад, склад ума. *Менталитет (ментальность)* (от позднелатинского mentalis — умственный) — это образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе [2, с. 717]. Главными факторами формирования умственного и психического склада являются природные условия, особенность исторического и культурного развития этнических групп, направление хозяйственной деятельности, скорость и глубина изменений общественных порядков, острота и форма классовой борьбы, внешние столкновения, сношения с народами других стран и их результаты. Значит, менталитет состоит не только из гносеологического, мыслительного аспекта, он включает в себя социологические и аксиологические элементы, ценности, нормы и каноны.

Ядро общественного познания и менталитета связано с *«генетическим кодом» или архетипом*, включающим в себя историю данного общества, особенности этапов его развития, жизненных условий, мифологического и религиозного мировоззрения, политико-экономического потенциала и т.д. Их содержание составляют *наследие, факты, сюжеты*, которые характеризуют путь исторического, политического, социального развития народа, *совокупность материальных и культурных ценностей*, составляющих основу общественного и политического сознания, *культурный генофонд общества*, переживший историческое испытание.

Уровень национального сознания, представляющего собой совокупность культурных ценностей и культурного генофонда, состоящего из различных идей, верований, т.е. духовно-психических элементов внутреннего мира, традиций, обычаев, своеобразной субкультуры, а также зависящего от культурных, социально-экономических, природных и демографических факторов, называют менталитетом. На уровне менталитета природные и социальные, эмпирические и рациональные, сознательные и бессознательные, индивидуальные и общественные явления, своеобразно сочетаясь между собой, составляют особый феномен. Отражая устойчивое строение внутреннего мира, которое объединяет человека с обществом и исторической общностью, менталитет является основным средством определения и выявления существенных отличий и особенностей между данными общностями.

Таким образом, понятия «менталитет», «ментальность» имеют широкое применение в общественной практике и позволяют обеспечить понимание и объяснение не только отдельных культурных трафаретов, но и особенностей мышления или внутреннего мира отдельных разнотипных общностей. Менталитет, как совокупность жизненной подготовки, теоретических концепций, нравов, мировосприятия и миропонимания индивида или социальной группы, может стать основным показателем духовного развития народов и наций. Говоря о культурном диалоге Запад-Восток, следует отметить, что в специальной литературе *западное индустриальное общество* обычно полярно противопоставляется *«традиционному», «азиатскому»* и т.п. малоподвижным типам обществ. В геополитическом аспекте данные типы цивилизации получили название *«талассократии»* и *«теллурократии»*.

1. ***Талассократия*** (от *греч.* thalasso — море, kratos — власть) — это нестабильная, динамичная, изменчивая, морская, рыночная или западная цивилизация. Ее основными *социокультурными ценностями* являются *индивидуализм, эгоизм, материальные ценности, законы, права человека, свобода, акцент не на внутреннее содержание, а на внешнюю форму, холодный рационализм, прагматизм, практичность, утилитаризм, привычка жить сегодняшним днем, и не думать о вечных духовных ценностях, которые усложняют жизнь человека*. Рациональные европейцы обожают все расставлять по логическим полочкам и объяснять все явления с помощью ума, логики, науки.
2. ***Теллурократия*** (telluros — земля, суша, kratos — море) — это сухопутная, духовная, традиционная, восточная цивилизация. Ее ценности — *коллективизм, традиционализм, консерватизм, иррационализм, тоталитаризм, диктатура, культ личности, уважение старших и прошлого, господство не временных материальных интересов,*

а вечных духовных ценностей. Обычно говорят: «восток — дело тонкое», его нельзя понять или объяснять с помощью ума. *Традиционные общества* в истории изменяются крайне медленно, но это не говорит о преобладании в них *духа консерватизма и стагнации*. Для традиционных обществ характерны определенные этнопсихологические стандарты и нормативы поведения — постоянство, стабильность, повторяемость. Традиционным обществам свойственно уважительное отношение к прошлому, а, следовательно, ко всему, что связано с ним (история, память, преемственность).

Психологической основой *интереса нации* к самой себе является поиск устойчивости, правильного ориентира, стабильности в меняющемся мире и обществе. В этой связи проблемы развития и возрождения национального самосознания на постсоветском пространстве приобретают особо актуальный характер.

Различая два типа *цивилизационного развития* (традиционное общество и техногенную цивилизацию), следует учитывать, что они взаимодействуют между собой, взаимопроникают друг в друга, порой создавая различные *гибридные сообщества*. К последним относится и *Россия*, исторически перенесшая несколько «прививок» западной культуры, трансформировавших русскую почву.

Куда можно отнести Россию по культурно-цивилизованным признакам? Россия — не Европа, и не Азия. Она является *евроазиатской субцивилизацией*, включающей в себя элементы и Европы, и Азии. Начиная с Петра I, были попытки развивать Россию по западной модели. Однако от этого Россия не стала европейской державой, более того, европейцы не признают русских европейцами. Отсюда Л.Н. Гумилев приходит к выводу о том, что *Россия — наследница великих восточных ханов: Чингизхана, Тамерлана* и др. До прихода татар и монголов Русь была отсталой и слабой страной, русские князья не понимали друг друга, и государство было ослаблено междоусобицами. От татар и монголов русские заимствовали идею о великой и единой державе, потом, выгнав их со своей территории, они смогли создать это великое государство.

Российский менталитет или национальный характер имеет особую *иррациональную черту, загадочную душу, особый склад ума*, которые были метко подчеркнуты русским поэтом *Федором Тютчевым*:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

При самой положительной оценке этнических традиций (по их органичности в системе «человек, природа, общество») считается неизбежным активное и часто разрушительное воздействие на них новаций. Это можно принять в расчет, если ориентироваться на *западные модели культуры*. *Восточные же модели* демонстрируют возможность сочетания традиций и новаций. Так, *японская модель* — пример удачного сочетания культурно-исторической самобытности с передовой западной технологией.

Современная теория модернизации рассматривает развитие народов в общемировом плане как переход общественных структур традиционного общества к современному, индустриальному обществу с рыночной экономикой. В 60-е годы в западной социологии получила развитие теория «*индустриального общества*». Для современного, индустриального общества характерны специфические социальные структуры, особое развитие среди которых получают *наука и образование*. В 70-х годах естественным продолжением системы идей индустриального общества стала теория *«постиндустриального общества»*. ***Постиндустриализм*** включает обширную гамму «новых» обществ и цивилизаций: *«электронное общество», «компьютерное», «информационное общество»* и др. Эти концепции акцентируют внимание на том факте, что всякий технологический переворот приводит к глубоким изменениям не только в производительных силах общества, но и во всем образе жизни людей. Актуальной в этой связи является теоретическая разработка идеи взаимозависимости в развитии наций по мере приближения к постиндустриальному обществу, утверждение того, что диахронический пе-

риод истории, в рамках которого сосуществовали различные культурные эпохи, подходит к концу и что в следующем тысячелетии человечеству предстоит объединиться в единую социокультурную целостность.

Однако культурный диалог Запад-Восток не всегда может привести к созданию удачного гибридного общества или удачному сочетанию рационализма и иррационализма, материальных ценностей с духовными традициями. Например, в начале 80-х годов XX века американский госсекретарь *Збигнев Бжезинский* разрабатывает так называемую *«теорию конвергенции»*, которая стала серьезной попыткой создания теории *мондиализма* (от французского monde — единый мир). Согласно этой теории должно быть создано общемировое правительство. При этом Запад (США) отказывается от крайних культурных форм талассократии, и соглашается принять положительные ценности Востока (СССР) и теллурократии. В свою очередь, СССР отказывается от коллективной собственности, коммунистических идей, распускает Варшавский договор и принимает общезначимые ценности западной цивилизации. М.С. Горбачев принимает данную теорию, а также такие западные ценности как демократия, права человека, либеральная экономика, рыночные отношения и выполняет все требования Запада. Отметим, что после распада СССР со стороны американцев не было сделано никаких уступок России...

После этого возникли две разновидности мондиализма.

1. ***Оптимистический мондиализм*** — согласно ему Запад одержал вечную победу, пришло время господства американского доллара и западных ценностей. Распад СССР означает «*конец истории*», т.е. закончилось противоборство между Западом и Востоком, морем и сушей, материализмом и идеализмом. Теперь мир будет развиваться только по американской модели. Сторонники: французский политолог *Жак Аттали* («Эра денег»), американский мыслитель *Фрэнсис Фукуяма* («Конец истории»).
2. ***Пессимистический мондиализм*** — его сторонники утверждают, что Запад одержал только временную победу. По мнению американского политолога *С. Хантингтона* насильственное навязывание западных ценностей незападным народам, и господство материальных ценностей талассократии могут привести к *столкновению цивилизаций*. Если во время холодной войны врагом № 1 США был СССР, то теперь против Штатов могут выступить *7 различных цивилизаций*: западноевропейская, православно-славянская, китайская, индийская, латиноамериканская, африканская, исламская.

Несмотря на повсеместное распространение массовой западной культуры, происходит, по определению английского историка и социолога *А. Смита*, более или менее бессознательное открытие и возврат к собственным ценностям: «Мифы и воспоминания этносов переживают подъем как внутри, так и вне претендующей на глобальность, но эклектичной культуры» [6, с. 27]. Происходящие *процессы интернационализации* ведут к растущему *униформизму* в образе жизни и отдельных формах культурного самовыражения народов. Одним из способов уйти от унификации, обезличивания этносов в современную эпоху и заметной ориентацией в республиках бывшего СССР в 70-х — начале 80-х явилась актуализация исторической памяти народов.

Известного *кыргызского писателя Чингиза Айтматова* также можно отнести к сторонникам пессимистического мондиализма. Согласно ему процессы *мировой интернационализации, глобализации, вестернизации* могут привести к появлению следующих феноменов:

— *этнический или культурный маргинал* (от французского marginal — побочный, предельный) — это человек или этническая группа, находящиеся в промежуточном, пограничном положении между какими-либо культурными или социальными группами, отказавшиеся от своей культуры, языка, положения, утратившие прежние социальные связи и не приспособившиеся к новым социально-культурным условиям жизни (чаще из эмигрантов). Маргинальная культура создает благоприятные условия для формирования групп людей, не относящихся к той или иной общности и находящихся на культурном перепутье. При этом эти люди существуют между двумя культурами и не могут полноценно освоить ни одну из них. Стало очевидным, что такие люди, как правило, бывают подвержены внутриличностным конфликтам, они очень скоро становятся агрессивными националистами. В качестве примера маргинала можно привести *Орозкула* из

«Белого парохода». Орозкул добровольно отказывается от всех ценностей своего народа, он хорошо освоил русский язык, русский мат, русскую водку и убил *Бугу Эне*, т.е. свою покровительницу. у него нет будущего, у него нет детей. Орозкул сам себе строит гумбез, так как некому поставить ему могильный памятник... Такие маргиналы как Орозкул могут построить гумбез целому народу и культуре... Промежуточное положение маргинала передано автором через *образ мальчика*, который уходит от своей покровительницы *Бугу Эне* (от своей культуры) и отправляется *к белому пароходу* (чужой для Востока элемент западной культуры). Однако, вопрос о том, доплыл ли мальчик до белого парохода или нет, автором оставлен открытым;

— *манкурт* — термин, введенный Ч. Айтматовым в романе *«И дольше века длится день»* и получивший широкое распространение в отечественной культуре. Манкуртом называют человека, утратившего историческую память, нравственные, духовные ценности и ориентиры, а также связь со своим народом.

В последние полтора-два десятилетия мы оказались свидетелями уникального стечения и переплетения гигантских по масштабам явлений и процессов, каждый из которых в отдельности можно было бы считать эпохальным событием с точки зрения его последствий для всего мирового сообщества. В своей совокупности они создали такое гигантское поле вселенского напряжения, что переживаемое нами время с полным основанием можно назвать ***осевым временем*** (как его понимал К. Ясперс), временем смены самих цивилизованных основ жизнеустройства, периодом перехода от привычного для большей части XX века миропорядка к качественно новой инфраструктуре мироустройства.

Очевидно, что когда говорят о вступлении современного мира в качественно новую стадию своего развития, имеют в виду не только такие явления, как смена индустриализма *эпохой постиндустриальной*, но и образование *информационного общества*. Особенность нынешнего этапа состоит в том, что процесс изменений и сдвигов глубоко затронул не только экономику, но и политическую, социокультурную и духовную сферы.

Уже со времен Гегеля для европейского сознания стало характерным все более растущее осознание надвигающегося кризиса западного мира. Это осознание нашло таких ярких глашатаев, как С. Кьеркегор и Ф. Ницше. В конце XIX — начале XX века многие выдающиеся умы поставили недвусмысленный диагноз прогрессирующей болезни западной рационалистической цивилизации. Чтобы убедиться в широте и популярности подобных умонастроений, достаточно познакомиться с работами О. Шпенглера. Н. Бердяева, К. Ясперса, П. Тиллиха, П. Сорокина, С. Франка и многих других мыслителей XX века. Дух всех этих работ наиболее лаконично и емко выражен в названии известной книги О. Шпенглера «Закат Европы» или же в высказанном П. Сорокиным мнении о том, что «творческие силы западной культуры увядают», что «солнце западной культуры закатилось» [4, с. 227–228]. Эту же мысль К. Ясперс в несколько иной форме сформулировал так: после Первой мировой войны «появилось ощущение конца человеческого существования вообще, преобразования, охватывающего все народы и всех людей без исключения, которое ведет то ли к уничтожению, то ли к рождению нового. Это еще не было самим концом, но знание о том, что конец возможен, стало всеобщим» [5, с. 241].

Мы весьма далеки от буквального понимания и принятия всего того, что было сказано и написано по этому поводу, поскольку не считаем возможным адекватно оценить это без изучения конкретного контекста, но все же согласны с теми авторами, которые пришли к выводу, в наиболее четкой форме сформулированному П. Сорокиным: «Мы живем и действуем в один из поворотных моментов человеческой истории, когда одна форма культуры и общества (чувственная) исчезает, а другая форма лишь появляется» [4, с. 241].

Список литературы

1. *Айтбаев А.А., Саркеев Ж.С.* Феномен менталитета: учебное пособие для вузов. — Бишкек, 2002.
2. Менталитет // Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. — М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1998.
3. *Нэсбитт Д., Эбурдин П.* Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: Год 2000. Десять новых направлений на 90-е годы. — М., 1992.

4. *Сорокин П.* Человек, цивилизация, история. — М., 1992.
5. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. — М., 1991.
6. *Smith A.D.* National identity and the idea of European unity // International affairs. Cambridge. — 1992. — Vol. 68. — No 1. — P. 55–76.

Андреева Г.Н.
к.ю.н., доцент, в.н.с. ИНИОН РАН

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОХРАНЕНИЯ ОРИГИНАЛОВ ТЕКСТОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНСТИТУЦИЙ КАК ЧАСТИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СТРАНАХ — ЧЛЕНАХ БРИКС

Ключевые слова: конституции стран-членов БРИКС, сохранение оригиналов текстов, культурное наследие, разнообразие опыта.
Key words: constitutions of BRICS member countries, preservation of original texts, cultural heritage, diversity of experiences.

Сохранение культурного наследия является одной из важных задач, которые решаются странами БРИКС в ходе их сотрудничества. Соглашение между правительствами стран БРИКС о сотрудничестве в области культуры (2015 г.)[1] распространяет это сотрудничество на область культурного наследия (ст. 1), а также предусматривает содействие расширению сотрудничества в таких областях как охрана, сохранение, реставрация и использование объектов культурного наследия (ч. 2 ст. 4). В Соглашении речь идет о защите или охране культурного наследия «в зависимости от определений в законах и правилах сторон» и «в соответствии с Соглашением, а также законодательством и политикой... государств» (ст. 1), что предопределяет возможность обмена разнообразным опытом, накопленным этими странами. Одним из важнейших объектов культурного наследия в правовой сфере является такой документ национального значения как конституция и, прежде всего оригинал ее текста. Под оригиналом текста конституции в данной статье понимается документ, принятый в установленном в данном государстве порядке соответствующим органом (специально созданным для принятия конституции или парламентом) или на референдуме и подписанный компетентными должностными лицами. Сохранение оригинала текста действующей конституции в неизменном виде в течение максимально возможно длительного времени является залогом возможности для органов государства обращаться к изначальному тексту, а историкам права изучать его в будущем с помощью новых технологий, выявляя новые детали его создания и конституционно-правовой культуры прошлого. Для будущих поколений возможность увидеть этот документ является способом прикоснуться к прошлому, к истокам национального конституционализма[2].

С этой точки зрения оригинал конституции представляет собой историко-культурный артефакт, являющийся физическим объектом, который обладает определенными характеристиками, свойственными правовым документам времени его создания. Как физический объект оригинал текста конституции является хрупким и уязвимым культурным достоянием. В зависимости от материала, на котором запечатлен текст конституции (пергамент или бумага), и состава чернил, которыми нанесен текст, а также от условий его хранения, он в большей или меньшей степени, подвержен химической и биологической деструкции, которая может привести к разрушению материала оригинала и невосполнимому затуханию текста.

[1] Соглашение между правительствами государств - членов БРИКС о сотрудничестве в области культуры. — http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102375364#I0.

[2] Подробнее об этом см.: *Андреева Г.Н.* Национальная конституция как историко-культурный артефакт // Конституционное и муниципальное право. — 2023. — № 9. — С. 18–25; *Андреева Г.Н.* Национальная конституция как составная часть культурного наследия // Вестник культурологии. — 2023. — № 4 (107). — С. 163–178.

Еще в XIX веке, когда наблюдалось массовое угасание текстов, прежде всего, бумажных документов в архивах в связи с изменениями технологии производства бумаги, усилиями химических лабораторий в Европе и Америке были выявлены основные факторы, оказывающие разрушающее воздействие на документы[3]. Если для пергамента ими являются, прежде всего, изменения влажности и биодиструкторы (грибы, насекомые), то на бумагу влияют как внешние (воздействие света, тепла, влаги, диоксида серы, содержащегося в воздухе и превращающегося на поверхности бумаги в кислоту, биодиструкторы), так и внутренние факторы (нарушения технологии, использование различных добавок для усиления белизны бумаги, увеличивающие ее кислотность)[4]. Причем в отношении биодиструкторов бумага «в силу своей питательности, гигроскопичности и кислотности является весьма уязвимым для повреждения грибами материалом»[5]. Оптимальные условия, существенно ослабляющие воздействие этих разрушительных факторов, проще всего создать в специализированных учреждениях хранения документации — национальных архивах, которые строятся с учетом требований минимизации воздействия вибраций, оборудованы специальным освещением, приборами, осуществляющими климат-контроль и другим современным оборудованием для сохранения документов. Однако строго архивное хранение предполагает в целом исключение контактов публики непосредственно с оригиналом конституции, доступ к ним имеют только архивисты и ограниченное число исследователей), что существенно ограничивает возможности меморизации конституции путем использования оригиналов текстов конституции.

Обеспечение непосредственного доступа публики к оригиналу текста национальной конституции является существенным вкладом в популяризацию идей конституции. Однако использование оригиналов текстов национальной конституции для воспроизводства конституции в культурной памяти как ее составной части путем выставления для публики требует серьезных дополнительных специальных мер по обеспечению их сохранности, включая разработку и использование специального оборудования для защиты оригинала текста конституции от негативных воздействий. Это включает создание для оригинала текста конституции специального футляра с инертным газом (гелий или аргон), защита от воздействия света с помощью специальных стекол и соответствующего освещения, обеспечение уменьшения вибрации в помещении, контроль состояния оригинала текста конституции с помощью системы приборов и программного обеспечения. Данное оборудование достаточно дорогое, поскольку при его создании учитываются особенности данного экземпляра оригинала текста конституции; кроме того, при его изготовлении используются космические технологии (как, например, в США, где имеется большой опыт создания такого оборудования для Конституции и других документов). Так, когда возник вопрос о мерах по сохранению и защите копии Великой хартии вольностей 1297 года, приобретенной американским бизнесменом Дэвидом Рубинштейном, соучредителем Carlile Group, на аукционе Sotheby's в 2007 г., было предложено создание специального футляра стоимостью 322 800 долларов США[6]. Расходы взял на себя собственник данной копии, единственной копии этого документа принадлежащей частному лицу.

Следует отметить, что само по себе создание даже самых совершенных современных футляров и оборудования для хранения оригиналов конституций в условиях публичного доступа не гарантирует их стопроцентной сохранности, хотя и в высокой степени минимизирует вредное воздействие в пределах достигнутого уровня знаний и развития технологий. Тем не менее, через некоторое время может понадобиться смена футляра и оборудования, о чем свидетельствует опыт США, где в 2001 году пришлось заменять футляры, созданные в 50-е годы XX века с использованием новейших достижений того времени[7].

---

[3] *Merwick Cl.* An Historical Study of Paper Document Restoration methods. Master's these (Library Science). — Michigan: The American University, 1964. — P. 10–27.

[4] Ibid.

[5] *Ребрикова Н.Л.* Биология в реставрации. — М.: РИО ГосНИИРб, 1999. — С. 15–16.

[6] 1297 Magna Carta on Loan to NARA to be Re-encased. Press Release // Website National Archives. — 2010. — June 30. — https://www.archives.gov/press/press-releases/2010/nr10-112.

[7] *Ritzenthaler M.L., Nicholson C.* A New Era Begins for the Charters of Freedom // Prologue Magazine. — 2003. — Vol. 35. — No 3. — https://www.archives.gov/publications/prologue/2003/fall/charters-new-era.html.

Соответственно, в отношении оригиналов текстов конституции у государств имеется альтернатива — хранение их в архиве без демонстрации публике или их публичный показ с тщательным соблюдением режима и условий хранения, и то, и другое, как было отмечено, имеет как положительные, так и отрицательные стороны. В разных странах по-разному стремятся решить проблемы, связанные с каждым из подходов, усилить их достоинства и компенсировать недостатки. При хранении оригинала в архивах без обеспечения доступа публики, популяризация национальной конституции осуществляется за счет различного рода ее изданий, создания цифровых и факсимильных копий оригинала с выкладыванием их в государственных органах и использованием в музейных экспозициях. В этом случае обеспечивается и архивное бережное хранение оригинала, и ознакомление публики с максимально близким к оригиналу изображением, что, разумеется, не заменяет знакомства с оригиналом как историко-культурным документом, но позволяет создавать у публики представление о нем.

В случае выставления оригинала текста национальной конституции для публики в государственных органах (обычно в парламентах) или оборудованных для посетителей помещениях национальных архивов предпринимаются особые меры по его защите и сохранности. С точки зрения использования оригинала текста конституции для формирования в обществе уважения к конституции данная модель является максимально выигрышной, но при этом риски для сохранности текста повышаются, а их минимизация в финансово-техническом плане, как уже отмечалось, высокозатратна. Однако даже и при обеспечении доступа публики к оригиналу для популяризации конституции применяются и другие средства, включая его факсимильные копии.

Такая гибридность подхода связана с поисками оптимальных для данной страны форм меморизации и популяризации конституции и стремлением государств использовать для этого различные резервы. В полной мере это относится и к странам БРИКС.

Можно выделить несколько распространенных моделей решения проблемы сохранения оригиналов текстов конституции, в которых отдается предпочтение тому или иному способу сохранения конституции.

Первая и самая распространенная модель состоит в хранении оригинала в архивах без широкого привлечения внимания общественности именно к оригиналу. Популяризация национальной конституции осуществляется за счет различного рода ее изданий от обычного формата до карманных. В большинстве стран-членов БРИКС приоритет отдан именно хранению оригинала текста конституции в архивах с целью обеспечения его максимальной сохранности, а также минимизации финансовых расходов. Архивному хранению могут сопутствовать другие forms популяризации конституции через связанные с оригиналом артефакты. Так, в России осуществляется архивное хранение оригинала, а на сайте Президентской библиотеки выложена фотография инаугурационного экземпляра Конституции[8], подаренного главой государства Библиотеке в день ее открытия 27 мая 2009 года[9].

Вторая модель сочетает хранение оригинала в архиве с выставлением его цифровой копии на сайтах органов государства. Такой подход позволяет сочетать архивное хранение оригинала с ознакомлением с его изображением широкой публики. Однако цифровизация несет новые риски для популяризации текста конституции в силу возможности искажения уже цифровой копии оригинала в случае вмешательства в нее ИИ и необходимость разработки дополнительных мер защиты этой копии, на что обращается особое внимание в современных публикациях[10]. В этом плане важно подкрепление хранящегося в архиве оригинала другими его копиями в физической форме с тем, чтобы не прибегать к новому оцифровыванию оригинала текста конституции в случае гибели или порчи цифровой копии. Это снижает или нивелирует потен-

[8] То есть экземпляра, на котором приносит присягу глава государства.

[9] В Президентской библиотеке представлен единственный инаугурационный экземпляр Конституции Российской Федерации. — 2024. — 7 мая. — https://www.prlib.ru/en/news/1959945. См. также: *Andreeva G.N.* On some artifacts related to the 1993 Constitution of the Russian Federation // Proceedings of the International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration”. Reports in English (April 26, 2024. Beijing, PRC). Pt 1. — Beijing, 2024. — P. 156–163.

[10] *Ипполитов С.С.* Деструкция цифрового наследия: искусственный интеллект в культуре и образовании // Художественное наследие. Исследования. Реставрация. Хранение. — 2025. — № 1. — С. 21–36.

циальные риски. В некоторых странах БРИКС имеются такие подстраховывающие оригинал максимально приближенные к нему копии. Например, в Бразилии оригинал текста Конституции 1988 года был оцифрован и доступен на сайте Национальной информационной системы архивов Бразилии (Sian)[11]. Вместе с тем имеется ряд факсимильных копий оригинала национальной Конституции[12]. В Индии после принятия Конституции Индии 1949 года была подготовлена 1000 фотолитографических копий оригинала этого акта, которые были разосланы в различные учреждения в стране и за рубежом. Эти копии стали основой для цифровизации оригинала в разных странах. Экземпляр такой фотолитографической копии оцифрован и выложен, в частности, на сайте Библиотеки Конгресса США[13]. Таким образом, даже в случае проблем, связанных с вмешательством ИИ, в этой стране и за рубежом имеются многочисленные материальные носители, позволяющие исправить ситуацию, не затрагивая оригиналы Конституции.

Третья модель состоит в хранении оригинала текста национальной конституции в архиве в сочетании с созданием его факсимильных копий и выкладыванием их в государственных органах, а также их использованием в музейных экспозициях. В этом случае обеспечивается и архивное максимально бережное хранение, и ознакомление публики с максимально близким к оригиналу изображением, что, разумеется, не заменяет знакомства с оригиналом как историко-культурным документом, но позволяет создавать у публики представление о нем, кроме того, эта модель создает дополнительные гарантии защиты оригинала от вандалов. Так, в Бразилии оригинал текста Конституции 1988 г., подписанный всеми депутатами-участниками, хранится в Национальном архиве (в его штаб-квартире в Рио-де-Жанейро), кроме того, в архиве Верховного суда имеется копия, также подписанная всеми депутатами-участниками[14]. Вместе с тем в государственных органах выставлены факсимильные изображения оригинала Конституции 1988 года. Это позволяет не только обеспечить физическое сохранение оригинала Конституции в оптимальных условиях, но и защитить его от лиц, стремящихся продемонстрировать свои взгляды путем захвата оригинала Конституции 1988 года, что, как показывает бразильский опыт, является нелишним. В январе 2023 года толпа экстремистов, протестуя против результатов выборов и состояния политической организации жизни в стране в целом, ворвалась в комплекс зданий трех ветвей власти страны, совершила акты вандализма, уничтожая и повреждая государственное имущество, произведения искусства и исторические артефакты, а также захватила факсимильный экземпляр текста Конституции, представив его публике как оригинал. Они сняли видео о том, как один из экстремистов, стоя на скульптуре «Справедливость», созданной Альфредо Ческиатти, продемонстрировал захваченный экземпляр федеральной Конституции 1988 г. Для того, чтобы успокоить общественность Верховный суд вынужден был сообщить, что это копия[15]. Таким образом, наличие факсимильной копии в сочетании с хранением оригинала в архиве в данном случае оградило оригинал от опасности уничтожения или повреждения.

Четвертая модель состоит в выставлении оригинала текста национальной конституции для публики в государственных органах (обычно в парламентах) или в специально оборудованных для посетителей помещениях национальных архивов с соблюдением особых мер по его защите и сохранности. Эта модель позволяет посетителям этих учреждений познакомиться непосредственно с артефактом и получить максимально точное представление о нем. С точки зрения использования оригинала текста конституции для формирования в обществе ува-

---

[11] Original da Constituição de 1988 está sob a guarda do AN. 09/01/2023 // Website Archivo National — https://www.gov.br/arquivonacional/pt-br/canais_atendimento/imprensa/copy_of_noticias/original-da-constituicao-de-1988-esta-sob-a-guarda-do-an.

[12] Подробнее об этом далее.

[13] The Constitution of India. — https://www.loc.gov/resource/llscd.57026883/?st=gallery.

[14] Sian. — https://sian.an.gov.br/sianex/Consulta/login.asp. Original da Constituição de 1988 está sob a guarda do AN. 09/01/2023 // Website Archivo National. — https://www.gov.br/arquivonacional/pt-br/canais_atendimento/imprensa/copy_of_noticias/original-da-constituicao-de-1988-esta-sob-a-guarda-do-an.

[15] *Pacheco C.* É falso que único exemplar original da Constituição de 1988 tenha sido roubado por golpistas. 09/01/2023. — https://www.estadao.com.br/estadao-verifica/e-falso-que-unico-exemplar-original-da-constituicao-de-1988-tenha-sido-roubado-por-golpistas/?srsltid=AfmBOor2n3_LqI9an79TQSMuBzXjyJvPp8QESJRr4r1Bjs4XxF1co1vC.

жения к конституции данная модель является максимально выигрышной, но при этом риски для сохранности текста оригинала конституции возрастают. Такая модель в странах БРИКС использована в Индии. Действующая Конституция Индии 1949 года представляет собой уникальный артефакт в виде двух документов на английском языке и хинди. Оба экземпляра были написаны вручную каллиграфами на пергаменте очень высокого качества и украшены художниками рисунками, иллюстрирующими текст Конституции. Оригиналы хранятся в Библиотеке Парламента Индии и доступны для парламентариев и посещающей Парламент публики. Поскольку чернила, которыми написаны эти оригиналы, быстро окисляются, если не поддерживать определенный и стабильный уровень влажности, в 1994 году было принято решение создать для оригиналов специальную камеру. Она была сконструирована на основе соглашения между Национальной физической лабораторией Индии и Институтом Гетти в Америке. Для того чтобы обеспечить сохранность оригиналов в камере содержится не кислород, а инертный газ (гелий), который ежегодно заменяется. Кроме того, камера находится под постоянным видеонаблюдением, и каждые два месяца проводится осмотр ее состояния[16]. Высокохудожественные достоинства каждого из экземпляров делают их объектом исследования учеными и предметом публикаций, популяризирующих изображения на данных оригиналах, а также вклад их создателей (художников и каллиграфов)[17]. Изображения воспроизводятся в предметах массовой культуры и таким образом также вносят свой вклад в популяризацию ее идей.

Пятая модель состоит в создании специальных музеев (или залов в музеях), посвященных конституции, где оригинал или его факсимильная копия являются центром экспозиции, посвященной развитию конституционализма в стране. Это относительно редко встречающаяся модель[18], и в БРИКС опыт ее реализации имеется в ОАЭ, где в Музее «Единства» (Etihad) имеется зал, посвященный Конституции страны. Этот музей позиционируется как современный музей XXI века, в котором представлены ценные документы, произведения искусства и интерактивные экспонаты, позволяющие познакомиться с историей страны и ее культурным наследием в различных его проявлениях[19]. В зале, посвященном Конституции, в стеклянной витрине с белым основанием на фоне золотого панно представлен оригинал текста Конституции, подписанный основателями государства и открытый на этой странице.[20] Тем самым этот документ не только открыт для публики, но благодаря оформлению с помощью белого цвета постамента и золотого фона, символизирующих чистоту и богатство, подчеркнута и оттенена значимость и ценность Конституции.

Заключение

В странах БРИКС накоплен интересный и разнообразный опыт обеспечения хранения и экспонирования оригиналов текстов национальной конституции. Обмен этим опытом, его изучение и использование представляется перспективным направлением сотрудничества

[16] Republic Day 2022: Indian Constitution Original Copy Kept in Helium Gas Chamber. Here Is Why. 18 Jan 2022 // ABP News Bureau. — https://news.abplive.com/news/india/republic-day-2022-indian-constitution-original-copy-kept-in-helium-gas-chamber-security-know-reason-1507219.

[17] См. например: Art and Calligraphy in the Constitution of India. — New Delhi: Lalit Kala Akadem, 2024. — 61 p.

[18] В частности, Музей и парк национальной Конституции в Санта-Фе (Аргентина), Музей конституций в Мехико (Мексика), Национальный центр Конституции в Филадельфии (США) и др. Так, в Аргентине оригинал Конституции обычно находится в специально обустроенной витрине (с системой защиты от жары и влажности) в Голубом зале в Парламенте Аргентины, поскольку этот документ участвует в публичных церемониях, в частности ежегодно 1 марта в день открытия очередной сессии Национального Конгресса (парламента страны) Президент страны выражает свое уважение Конституции, останавливаясь перед витриной с оригиналом. — https://www.argentina.gob.ar/noticias/juan-pedro-tunessi-el-custodio-de-la-constitucion. Кроме того, оригинал оцифрован и выложен на сайте Сената Аргентины: Constitución Nacional original de 1853. — https://www.senado.gob.ar/CN. Материалы, популяризирующие подготовку и принятие конституции, в том числе, в интерактивной форме представлены в Музее национальной Конституции, расположенном в парке площадью 17 га // Museo y parque de la Constitución Nacional. — https://www.museodelaconstitucion.org/.

[19] Etihad Museum. — https://etihadmuseum.dubaiculture.gov.ae/ar/About/pages/default.aspx.

[20] https://etihadmuseum.dubaiculture.gov.ae/ar/Discover/Pages/default.aspx?pid=13.

стран БРИКС в области сохранения культурного наследия. Научно-технический потенциал стран БРИКС способен обеспечить решение различных проблем, возникающих в этой области, и создать тем самым оптимальные условия для популяризации идей конституции и конституционализма.

Викторов А.Ш.
д.соц.н., профессор,
Социологический факультет МГУ

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ИДЕОЛОГЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СТРАН БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: социально-гуманитарное знание, цивилизационное развитие, миропорядок, кризис капитализма, государство, равенство, справедливость, доверие.
Key words: social and humanitarian knowledge, civilizational development, world order, crisis of capitalism, state, equality, justice, trust.

В формировании новой идеологемы социально-гуманитарного знания особую роль занимают категории справедливости, равенства и доверия, которые в условиях противостояния мира традиции и мира современности и усиления дегуманизационных процессов создают реальные возможности для решения проблемы нового миропорядка и международного сотрудничества стран Большой Евразии. Понятие социальной справедливости может служить критерием оценки гуманных взаимоотношений в обществе, а доверие становится значимым фактором гуманизации современной социальной системы.

Условно можно выделить международные проекты «Великая Америка», «Большой Евросоюз», «Большая Евразия», имеющие разные ценностные основы гражданского управления и стратегии международного сотрудничества.

«Великая Америка» (MAGA) ратует за однополярный мир, который дает ей возможность контролировать сырьевые и человеческие ресурсы других стран.

«Большой Евросоюз» объединяет страны Евросоюза и страны, стремящиеся в него (развитые и развивающиеся). Модель европейской экономической интеграции представляет собой неолиберальную экономическую систему взаимоотношений. «Модель ориентирована на поиск экономического пути, следует принятым конкретным направлениям прогрессивных изменений, не противоречащим стремлению европейского общества к качественному росту и повышению жизненного уровня»[1].

Проект «Большая Евразия» ориентирован на сохранение и развитие традиционных национальных и цивилизационных основ. Его целью является совместное обеспечение мира и безопасности в регионе, установление более справедливого и рационального международного порядка. Как отмечалось на Шанхайской встрече стран Большой Евразии (ноябрь 2025 г.), в основе нового миропорядка должна лежать идея многополярного миропорядка. Переход к многополярному миру сегодня — это не только обострение конфликта интересов основных мировых цивилизаций, но и реальная предпосылка для развития и сотрудничества цивилизаций.

Системный кризис капиталистической модели общественного развития, связанный с противопоставлением двух разных миров (традиции и современности) и усилением дегуманиза-

[1] *Кондратьева Н.Б.* Неолиберальные подходы в модели европейской экономической интеграции // Современная Европа. — 2021. — № 5. — С. 126–136.

ционных процессов во всех сферах и уровнях взаимоотношений, с необходимостью поставил вопрос формирования новой ценностной идеологемы социально-гуманитарного знания взамен прежней. С одной стороны, она оказалась неспособной решать ключевые проблемы современного общества, где особое место занимает рост социального неравенства[2], а с другой — евроцентрическим миропониманием большинства современного научного этоса, основанного на гуманитарном[3] и интеллектуальном[4] империализме. Исходя из этого, рассмотрим понятия справедливости, равенства и доверия в качестве концептуальной основы формирования новой идеологемы социально-гуманитарного знания.

Понятие справедливости может служить критерием оценки существующего общества и быть основой формирования как новых гуманитарных отношений международного сотрудничества, так и создания новой нормативно-правовой базы для преодоления социального неравенства и социальной несправедливости. Когда человек становится свободным от ответственности, он начинает жить по своим собственным законам, где главным становится личностный интерес, а общественный — рассматривается как средство реализации амбиций. Но освобожденный от общественного контроля (законов, традиций, ценностей) он превращается в манипулируемое существо и легко попадает на «крючок» различного рода социальных технологий, в основе которых лежат два биологических принципа: страх смерти и жажда удовольствия. Собственно говоря, на ней и покоится вся повседневная реальность современного общества, которая построена на парадоксе: люди, лишенные чувства ответственности, стремятся к его искоренению у других людей. Но первые имеют все, а вторые — ничего. Стать безответственным, т.е. выйти за границы ответственности, способен только весьма эгоцентричный человек или зомбированная некой «высшей идеей» группа или группы людей. Различного рода социальные мифы, религии и идеологии в этом контексте как раз и уводят человека от его личной ответственности не только за свои поступки, но и за положение в стране. В обществе, лишенном реального гуманизма и социальной ответственности, не может быть социальной справедливости, а потому оно обречено на вечное социальное неравенство.

Категория равенства обозначает отношения взаимозаменяемости между объектами в силу их равенства, поскольку социальное равенство является одним из идеалов справедливого общества. Однако социальный смысл равенства достаточно многообразен и проявляется в обладании равными правами, в имущественном и статусном равенстве. В социологическом контексте принято выделять три вида неравенства: равенство человеческое; равенство возможностей; равенство условий жизни, которые служат в качестве оппозиции соответствующего неравенства в реальной жизни. Идея равенства в истории человечества имела разное содержание и отношение к разным социальным группам. Свою наиболее полную разработку она получила в идеологии социализма — полного социального равенства всех людей и идеологии либерализма равенства прав индивидов в экономической деятельности.

Своеобразным знаменателем, точнее критерием реального гуманизма является категория доверия, которая как бы фиксирует качественную основу и конкретную направленность деятельности социальных институтов по решению проблемы неравенства в современном обществе, выступая тем самым значимым понятием для анализа социального неравенства людей в тех или иных условиях общественного существования настоящего и будущего времени. Согласно принципам этнометодологии, доверие необходимо рассматривать в двух основных аспектах: во-первых, через призму веры и порядочности к одному и тому же сообществу (нации), что требует проявления солидарности, а во-вторых, как готовность следовать правилам игры (институтам), принятым в обществе (следовать установленным обычаям). Иначе говоря, доверие закрепляет порядок сложившихся отношений в обществе и делает его устойчивым. В соответствии с этим общества (по характеру устойчивости) делятся на теплые и холодные. Холодные — это те общества, где люди договорились о правилах игры (законы, обычаи, традиции), которые регулируют их отношения равенства и неравенства в разрешении тех или иных

[2] *Викторов А.Ш.* Введение в социологию неравенства. — М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2015. — С. 148–152.

[3] *Хомский Н.* Гуманитарный империализм. — http://scepsis.net/library/id_2334.html.

[4] *Алатас С.Ф.* Преподавание социальной теории как альтернативный дискурс // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8.: Науковедение. РЖ. — 2013. — № 4. — С. 87–89.

стандартных ситуаций. В отличие от них теплые общества характеризуются обратными качествами. Здесь люди не сумели договориться между собой об общих правилах, а потому вынуждены их компенсировать личными взаимоотношениями или иными правилами (драконовскими, мистическими и другими)[5]. Отсюда отсутствие нормативно принятого действенного права вынуждает прибегать к идее справедливости. Согласно П. Штомпке, для возникновения климата доверия необходимы пять обстоятельств:

— нормативная сплоченность общества и непротиворечивость системы правил: норм и ценностей;
— стабильность институций, организаций, установленных общественных структур;
— прозрачность общественной жизни;
— дружественное окружение среды, в которой происходит общественная жизнь;
— уверенность в том, что все существующие институты будут следовать общественным правилам игры[6].

Согласно Гидденсу, человеческая история не образует единого процесса и отмечена различного рода «разрывами» (переходами от одной стадии общества или социального порядка к другому). В конце XX века наметился переход к новой эре, то есть возникновение нового типа системы, которую он обозначает не как капиталистический строй, а как новый индустриальный социальный слой. Он резко отличается от предыдущих форм жизни не только в количественной (социальной связи распространились по всему миру), но и в качественном (основы повседневного индивидуального и общественного существования) отношении. В данном случае речь идет о возникновении новых форм социального неравенства, которые несут в себе различного рода угрозы и опасности. Отсюда, на взгляд Гидденса, ключевым понятием социологии должно стать решение не проблемы порядка, а проблемы связи социальных систем, которые он обозначит термином «доверие» — уверенности в надежности системы человеческих взаимоотношений[7]. Логика подобного рассуждения сводится к тому, что в условиях перехода к новому индустриальному строю и появлению новых форм социального неравенства возникают реальные и потенциальные социальные опасности, которые можно преодолеть с помощью инструмента доверия как значимого фактора гуманизации современной социальной системы.

Государство как общественный институт определяет специфику международного сотрудничества. С одной стороны, она связана с историей возникновения государства, а с другой, с тремя значимыми аспектами — политическим, юридическим, экономическим, которые имеют разный социальный контекст и неоднозначное ценностное концептуальное основание. Сегодня наблюдается тенденция трансформации государства в некую наднациональную структуру, т.е. превращения его в особую государственную корпорацию, независимую от общества. В современных условиях государство начинает позиционировать себя как некая самостоятельная организация по отношению к обществу, отстраняясь тем самым от решения острых социальных проблем.

Исторически уровень самостоятельности государств никогда не был постоянной величиной, что и определяло ту или иную динамику их взаимодействий. В обществознании сформировалось несколько различных теорий происхождения государства (классовая, теологическая, патриархальная, психологическая, «насилия», «договорная» и др.), признающих его неким вторичным образованием после возникновения общества, которое впоследствии (в силу разных обстоятельств) стало определять вектор общественного прогресса. Отсюда неоднозначность трактовки не только его сущности (и как машина для поддержания господства одного класса над другим, и как средство реализации общих или частных интересов, и как особый аппарат управления, и как результат органической эволюции и т.п.), но и противоречий в ценностном понимании (отождествление с Родиной, воплощение общественного единения как высшей ценности общества и как гаранта прав и свобод человека, нашедших отражение в тех или иных идеологических конструкциях). В рамках классового подхода государство рас-

---

[5] *Гарфинкель Г.* Концепция и экспериментальные исследования доверия как условия стабильных согласованных действий // Социологическое обозрение. — 2009. — Т. 8. — № 4. — С. 3–25.

[6] *Штомпка П.* Доверие — основа общества / пер. с пол. Н.В. Морозовой. — М.: Логос, 2012. — С. 414.

[7] *Гидденс Э.* Последствия современности. — М.: Праксис, 2011. — С. 114–122.

сматривается, прежде всего, как классовый институт господствующего класса, выступающий средством насилия, давления, контроля над другими группами общества. С позиции неклассового подхода, государство выполняет интегративную роль как орган, выражающий интересы всего общества, как инструмент примирения, баланса интересов всех граждан общества на пути общего благосостояния.

Государство, не имеющее самостоятельной экономической политики, практически лишено своего суверенитета (*de facto*) и становится неспособным к нормальному управлению (и сохранению) общества как целостного организма. И тогда оно прибегает к различного рода мобилизационным или национальным проектам, связанным с защитой интересов (государственных, экономических и т.д.). Но этимологически термин «интерес» имеет два возможных перевода с латинского — «между» и «возмещение ущерба», а первоначально имел отношение к коммерческой деятельности. Однако из большинства ныне существующих государств только развитые страны имеют практическую возможность проводить независимую экономическую политику, ибо поставили во главу угла не абстрактный интерес, а реальную безопасность и качество жизни человека в обществе.

По Гидденсу, термин «государство» является неопределенным, так как относится и к всеобщей форме государственного общества, и к различным государственным учреждениям[8]. То есть мы можем говорить как о социальной составляющей государства как части общества и социального института, а также и как о неком надобщественном органе контроля, управления, распределения, который существует в виде власти — социальной и экономической политики. В условиях глобальных изменений социальное государство переживает кризисную ситуацию, связанную с:

— ростом социальной напряженности в странах с разным социально-экономическим уровнем (развитых, развивающихся и др.);
— доминированием глобального права, когда интересы ТНК непосредственно замещают суверенное право национальных государств, которые трансформируются в государственно-корпоративные организации и становятся субъектами международной экономики.

Некоторые зарубежные социологи связывают это явление с новыми моделями глобальной стратификации, в которых одни государства, общества и сообщества все более опутываются «глобальным порядком», в то время как другие все более и более оттесняются на второй план[9]. Если в развитых странах его можно обозначить как смену политических лидеров, то в развивающихся странах — оранжевые революции, «арабская весна», евроинтеграция и др., включая сценарии свержения неугодных правительств.

— В первом случае (развитые страны) — это относительные изменения социально-экономического курса политики по ограничению монополии богатых людей (увеличение налогов на доходы, роскошь и др.).
— Во втором (развивающиеся страны) — расширение и распыление протестного движения на разные составляющие, противостоящие друг другу. Этот процесс можно обозначить как поддержание «устойчивой дестабилизации» или «управляющего хаоса», при котором общество не способно осознать свои общенациональные (общегражданские) интересы, когда активно проявляются те или иные интересы политических партий, которые выдаются за интересы государства как общего блага.
— В третьем (арабские страны) — государственная власть обращается к традиционным схемам поиска врага и склоняется к установлению авторитарного режима.

Если в западных странах происходит укрепление института государственной власти (поскольку она берет на себя ведущую роль в управлении в сфере экономики, культуры), то в развивающихся странах, где власть ослабла и утратила общественное доверие, она обращается к силовым методам решения социальных проблем. Причем во многих европейских странах

---

[8] *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структурации. — М.: Академический проект, 2005. — С. 342–356.

[9] *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж.* Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / пер. с англ. В.В. Сапова и др. — М.: Праксис, 2004. — С. 9.

(как государствах «всеобщего благосостояния», так и новых членов Евросоюза) с их многочисленными механизмами социальной политики идет неоднозначный процесс «перестройки», поскольку прежние (индустриальные) принципы регулирования социального неравенства в современном обществе становятся малоэффективными.

В заключении следует отметить, что статус духовного центра «евразийского континента» по праву принадлежит России как состоявшейся в социально-культурном и духовном смысле цивилизации. Трансконтинентальность России делает ее «посредницей между двумя мирами», определяет геополитический статус «интегрирующего хартленда»[10]. Формирование новой идеологемы социально-гуманитарного знания и ее дальнейшее развитие в условиях углубления международного сотрудничества стран Большой Евразии должно быть направлено на сохранение и развитие традиционных национальных и цивилизационных основ в рамках отношений справедливости, равенства и доверия.

Джерелиевская И.К.
д.филос.н., профессор,
председатель РОО «Центр этики и эстетики Русского мира»

ВОССОЗДАНИЕ СЕМЬИ КАК ИНСТИТУТА ВОСПИТАНИЯ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Ключевые слова: социокультурное воспроизводство нации, либеральное и традиционное начало в организации общественной жизни, воспитание и социализация, цивилизационный разлом, идеалосообразность и стандартизированность воспитания, государственная семейная политика.

Key words: socio-cultural reproduction of a nation, liberal and traditional principles in the organization of public life, upbringing and socialization, civilizational rift, idealism and standardization of upbringing, state family policy.

Ментальное пространство России конституирует воспроизводство человечности, а способность к этому воспроизводству выступает как способ сохранения и развития России, а, возможно, и как её историческая миссия относительно всего человечества.

Важнейшим институтом, обеспечивающим этот процесс, является семья. Воспроизводство человека как важнейшая цель семьи может пониматься как биологическое воспроизводство населения, и семья в этом случае является объектом демографической политики. Но одновременно воспроизводство человека может рассматриваться как воспроизводство человечности, т.е. социокультурное воспроизведение нации, её идентичности, в таком случае семья выступает как своеобразная воспитательная среда.

Предметом нашего исследования является семья как воспитательная среда, и в этом смысле нам интересны ценности, нормы, стандарты поведения, характеризующие функционирование семьи как института воспитания на данном историческом этапе — этапе жесткого столкновения либерального и традиционного начал в организации общественной жизни.

Либеральная доктрина, зародившаяся в XVIII веке в Европе, в эпоху Просвещения, значительно усилилась в следующем столетии и стала утверждаться повсеместно. В её основе лежит представление о человеке изначально гомогенном, лишенным противоречий, человеке разумном, который меняется в худшую сторону под гнетом внешних социальных условий — политических, национальных, религиозных и других. Поэтому человека, который «по определению» является абсолютной и конечной ценностью, а его благо — критерием справедливого общественного устройства, надлежало освободить от всех внешних для него ограничений. Эта

[10] *Герасимов В.И., Коданева С.И., Лутовинов В.И., Попова С.А.* Шестая международная научно-практическая конференция «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества» // Проблемы цивилизационного развития. — 2024. — Т. 6. — № 1. — С. 154–176.

мысль всегда питала революционные движения. Таким образом, в центр либерального стандарта помещен человек как мера всех вещей, его права объявляются единственной ценностью в обществе, при этом человек априори лишен греха, нравственных пороков. Эта идея, имеющая языческое происхождение, стала утверждаться в культуре Западной Европы в эпоху Возрождения, когда вместе с возвращением к античной культуре стала происходить духовная инволюция европейской общественной мысли от ценностей христианства к языческому мировосприятию и языческой этике. Понимание человека как «образа и подобия Божия» уступило место идеалу человека — активного деятеля, преобразователя мира. «Его деятельность представала как силовое изменение-преобразование объекта в соответствии с поставленными человеком целями. Насилие стало признаваться тем способом достижения цели, который обеспечивал не только преобразование природы, но и разрешение социальных конфликтов»[1].

Доминирующим началом в обучении становилось познавательное начало в форме рационального, чему способствовало развитие науки и её возрастающее воздействие на человеческую жизнь. «Духовно-нравственные ориентации деятельности вытеснялись целерациональными, сциентистскими ориентациями, нравственные императивы поведения — рациональными»[2]. В логике либеральной философской конструкции, когда человеку дозволено всё, что не запрещено законом, проблема его воспитания стала неактуальной. Образовательный процесс был призван воздействовать на формирующуюся личность посредством социализации. Если «воспитание обращено к внутреннему ценностно-смысловому миру ребенка и нацелено на развитие внутренних регуляторов его поведения, то социализация направлена на формирование унифицированного поведения на основе усвоения общих для всех стандартных социальных норм и правил».[3] Однако социализация, если она не опирается на развитые внутренние ценностно-смысловые образования, т.е. личностные смыслы, неотвратимо приобретает значение фактора принуждения, что ведёт к глубокому личностному отчуждению, чрезмерному индивидуализму и социальной безответственности.

В русской культурной традиции процесс воспитания человека приобрел первостепенное значение, поскольку здесь сформировано иное представление о человеке, согласно которому человек видится внутренне противоречивым. «Так, христианский философ В.В. Зеньковский полагал, что проблема внутренней противоречивости человека заключена в его свободе, которая изнутри не связана с добром, что и питает возможность его срыва и падения»[4]. Поэтому основная цель воспитания видится в соединении свободы и добра. Свобода при этом понимается как осознанный выбор человеком добра и освобождение себя, таким образом, от темной власти злого начала. «Недостаточно человека освободить от внешнего насилия, как то думает социальная религия наших дней, нужно освободиться человеку от внутреннего зла. Человек должен стать внутренне свободным, достойным свободы и вечной жизни, действительно перестать быть рабом, а не надевать на себя костюм свободного»[5].

Человек в русской традиции имеет особую ценность, поскольку несет в себе образ Божий, эта ценность не может быть у него отнята ни обществом, ни государством. Однако наряду с ценностью он обладает и достоинством, которое обретает вследствие свободного выбора добра. Положение о различии ценности и достоинства сформулировано в Декларации о правах и достоинстве человека, принятой X Всемирным Русским Народным Собором (Москва, 4–6 апреля 2006 года), а именно, ценность — это то, что дано, а достоинство — это то, что приобретается вследствие свободного выбора добра. Права человека признаются как ценность

---

[1] *Степашко Л.А.* Философия и история образования: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. — М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2003. — С. 37.

[2] Там же. — С. 37.

[3] *Бирич И.А., Джерелиевская И.К.* Модус человека-творца как цель будущего образования // Модусы социального и концепт человека (философские размышления): коллективная монография. — М.: МГПУ; Галлея-принт, 2024. — С. 84.

[4] *Джерелиевская И.К.* Противостояние технократического мышления традиционному подходу к системе воспитания в современной России // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: материалы VII международной научно-практической конференции (27–29 ноября 2024 г.): ежегодник; вып. 8 в 4 ч. Ч 2 / отв.ред. М.А. Булавина, В.И. Герасимов. — М.: Издат.дом УМЦ, 2025. — С. 232.

[5] *Бердяев Н.А.* Философия свободы. — М.: ЗАО «Сварог и К» 1997, — С. 123.

здесь в той мере, в какой они помогают реализации достоинства человека, т.е. «восхождению личности к добру, охраняют её от внутреннего и внешнего зла, позволяют ей положительно реализоваться в обществе»[6]. Именно поэтому в русской традиции содержание прав человека обусловлено нравственностью. Здесь права человека неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека. «Личность, реализуя свои интересы, — указывается в Декларации, — призвана соотносить их с интересами ближнего, семьи, местной общины, народа, всего человечества»[7]. Кроме того, права человека в русской традиции не обладают безусловной ценностью, поскольку есть и другие ценности, которые не менее важны для человека. Это — вера, святыни, Отечество, нравственные принципы.

Подобное отношение к правам человека, отличное от либерального стандарта, обусловлено тем, что актом мировоззренческого самоопределения русской культуры явился феномен духовности. Как отмечали русские христианские философы, русский человек всегда хочет действовать во имя чего-то абсолютного, пренебрегая частным, временным и конечным. Поэтому здесь представление о благе человека означает не только его материальное благополучие, но, в первую очередь, его духовно-нравственное состояние. Поскольку достоинство человека — цель его бытия, имеющего нравственный смысл, самоустранение государства и общества от задачи нравственного и духовного развития граждан не соответствует естественной потребности человека. Если общественное устройство не ориентирует и не поддерживает человека в его нравственном развитии, обществу грозит деградация и вырождение.

В логике традиционного подхода к человеку, его свободе, достоинству и правам воспитательный процесс предстает как процесс саморазвития, движущей силой которого является открытие собственного несовершенства. Отличительной особенностью традиционного процесса воспитания явилась его идеалосообразность, т.е. ориентиры на идеал и ценности как смысл духовно-нравственного развития человека. «Отношение к воспитанию имело основанием народный взгляд на то, что ученость не есть действительное знание («ум без сердца — не ум»). Поэтому методики образования исходили из задач личностного развития ученика, а не узко понятых задач обучения как передачи знаний»[8].

Осознавая себя самобытной цивилизацией, современная Россия стремится к роли хранительницы традиционных ценностей. Однако в основе её общественного устройства продолжает использоваться либеральный стандарт. Именно он определяет понимание гражданских свобод, политических институтов, рыночной экономики, свободной конкуренции, социокультурной сферы и системы образования. Можно сказать, что в целом отечественный институт воспитания оказался в условиях цивилизационного разлома, в результате чего цели и ценности семьи как воспитательной среды остаются несформулированными. Более того, роль семьи как своеобразной воспитательной среды и фактора социокультурного воспроизводства нации вообще остается за границами внимания государственной политики. Так, обратимся к национальному проекту «Семья»[9], целью которого является «увеличение числа семей с детьми, в том числе многодетных, укрепление семейных ценностей». В качестве основных показателей национального проекта к 2030 году выступают: «увеличение суммарного коэффициента рождаемости; снижение уровня бедности; суммарный коэффициент рождаемости третьих и последующих детей — 0,475 ед.; доля пожилых граждан и инвалидов, получающих долговременный уход, от общего числа нуждающихся в таком уходе граждан — 30,3%; уровень удовлетворенности граждан работой государственных и муниципальных организаций культуры, искусства и народного творчества — 63%; количество созданных центров воспроизведения аудиовизуального контента в малых населенных пунктах с численностью населения до 50 тысяч человек, оснащённых необходимым оборудованием и подключённых к единой цифровой платформе с библиотекой современных продуктов российской киноиндустрии — 900 ед.».

---

[6] *Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл.* Свобода и ответственность: в поисках гармонии. — М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата. 2008. — С. 196.

[7] Там же.

[8] *Степашко Л.А.* Философия и история образования: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. — М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 2003. — С. 218.

[9] Национальный проект «Семья». — http://government.ru/rugovclassifier/915/about/.

Внимание к семье исключительно как объекту демографической политики характерно и для другого документа — «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года», утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р[10]. Целями Стратегии являются «сохранение населения за счет повышения уровня рождаемости, укрепления материнского, детского, репродуктивного здоровья населения, содействия реализации в субъектах Российской Федерации семейно ориентированной демографической политики с учетом национальных и социокультурных особенностей; охрана, поддержка и защита семьи как фундаментальной основы российского общества путем повышения благосостояния, качества жизни семьи и совершенствования ее поддержки в особых жизненных ситуациях, создания условий для гармоничного совмещения работы и учебы родителей с рождением и воспитанием детей, развития семейно ориентированной инфраструктуры; укрепление института семьи и брака как союза мужчины и женщины на основе сохранения и продвижения традиционных семейных ценностей, в том числе противодействия деструктивным идеологиям, направленным на разрушение ценностей крепкой семьи, брака, многодетности»[11].

Несомненно, проблема приумножения народа России является основополагающей задачей государства, особенно в условиях естественной убыли населения. Можно только приветствовать в связи с этим многочисленные материальные способы поддержки семьи и развития семейной инфраструктуры, но одновременно необходимо понять, почему предпринимаемые государством меры не являются достаточно эффективными. Так, если десять лет тому назад семья для молодежи представляла большую ценность: «её важность в своей жизни признавали до 90% респондентов»[12], то в настоящее время «семья не является приоритетным элементом успешного жизненного пути молодежи, 60% студентов предпочитают нерегистрируемый брак»[13]. Более того «ожидание детей не является значимым основанием для вступления в официально зарегистрированные семейные отношения. Так, лишь 10% респондентов выбрали эту причину как основу вступления в брак»[14].

Осмелимся предположить, что основной причиной подобного положения дел является разрыв в семейной государственной политике двух ипостасей семьи — семьи как основы биологического воспроизводства народа и семьи как основания человекостроительства, т.е. развития духовно-нравственного потенциала народа. Этот разрыв олицетворяет собою либеральный стандарт, в котором, как говорилось ранее, процесс воспитания представляется излишним. Стремясь оснастить семью исключительно материальными благами, вводя её в систему потребительских смыслов, государство формирует тем самым потребительскую ориентацию молодежи, вероятно, ошибочно полагая, что она может привести к демографическому подъему. Между тем, независимо от материального уровня семьи, она, в первую очередь, всегда — пространство ответственности и самоограничения, т.е. проявления духовно-нравственной ориентации человека. Поэтому государственная забота о приумножении народа — это политика, обязательно соединяющая в себе меры, направленные на духовно-нравственное развитие народа и повышение его материального благосостояния.

Очевидно, что на решение задачи развития духовно-нравственного потенциала народа направлен документ «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей», утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. Однако пока нельзя говорить о его эффективном воздействии на процесс восстановления традиционной основы воспитания. В значительной степени на уровне государственных управленческих решений происходит приспособление этих

---

[10] «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года», утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р. — http://static.government.ru/media/files/r10o4FJgcqMhYx2bGAJRxMNNS2m7pmN4.pdf.

[11] Там же. — С. 28.

[12] *Петров А.В.* Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // СОЦИС. — 2008. — № 7. — С. 84.

[13] *Андрюшина Е.В., Панова Е.А.* Влияние государственной политики на семейные стратегии студенческой молодежи // Ars Administrandi (Искусство управления). — 2019. — Т. 11. — № 2. — С. 207.

[14] Там же. — С. 208.

ценностей, «закамуфлированное» в выражения, потребные времени, к существующему либеральному порядку. «В результате ценности становятся бессодержательными формами и инструментами манипуляции. Вероятно, для того, чтобы призыв к человеку быть нравственным оказался действенным, необходимо погрузить этого человека в жизненную среду, устроенную на принципах нравственности»[15].

К сожалению, семья не находит опоры в деле воспитания и в современной школе, построенной по лекалу либеральной философской конструкции. Компетентностный подход, в логике которого выстраивается её деятельность, имеет целью не приумножение достоинства человека как показателя его духовно-нравственного восхождения, а исключительно развитие его функциональных особенностей, затребованных современной экономической ситуацией. Поэтому на место идеала, центрирующего всю воспитательную среду в традиционной модели, поставлен государственный стандарт, призывающий ученика к «демонстрации индивидуальных высоких личностных, метапредметных и предметных результатов освоения образовательной программы»[16]. Сугубо утилитарное значение государственного стандарта, отрицающего нравственный смысл человеческой жизнедеятельности, в сущности своей противоречит задаче формирования духовно-нравственных ориентаций личности.

Отсутствие артикуляции цели и ценностей семьи в государственной семейной политике как своеобразной воспитательной среды, как фактора социокультурного воспроизводства нации оборачивается приземленным и прикладным смыслом, который родители придают воспитанию своих детей. Их будущее они связывают, в первую очередь, с возможностью хорошо оплачиваемой работы, а не с необходимостью обрести и реализовать себя в интересующей деятельности, человеческих отношениях и в любви. Так закладываются в детях первые зерна безответственности как неспособности держать ответ за осуществление своего жизненного предназначения, свой личностный рост, свои взаимоотношения, как неспособности создать впоследствии крепкую семью.

В условиях не оформившейся системы ценностей семьи как воспитательной среды проблематично говорить о сложившихся конструктивных стандартах поведения родителей. Конечно, всегда есть родители, которые со всей серьезностью относятся к своим обязанностям, стараются воспитать в детях ответственность, умение делать нравственные выборы и принимать жизненно важные решения. Однако в современной семье прорастает и безответственное отношение к жизни вследствие распространения неконструктивных способов поведения родителей. Одни («спасатели») стараются предупреждать все желания своих детей, опекают их, принимают за них решения, постоянно уберегая их от беды, лишая их возможности приобрести необходимый опыт. Другие («контролеры») держат свих детей под неусыпным контролем, постоянно указывают, что и как следует делать, добиваются исполнения своих приказаний. Третьи («безразличные») уделяют минимальное время и внимание своим детям, занимаясь своей собственной жизнью, полагая, что воспитанием детей должна заниматься школа. И те, и другие, и третьи родители, сами того не осознавая, лишают ребенка возможности развить способность принимать решения и нести за них ответственность, что является важнейшей составляющей духовно-нравственного возрастания человека.

Подводя итоги проведенному исследованию, следует сказать:

во-первых, современный институт воспитания в целом и семья в частности оказались в условиях цивилизационного разлома, обусловленного тем, что, с одной стороны, Россия, осознавая себя самобытной цивилизацией, стремится к воспроизведению в общественной жизни традиционных ценностей и моделей, с другой стороны, в основе её действующих социальных институтов сохраняется либеральный стандарт;

во-вторых, семья как своеобразная воспитательная среда и как фактор социокультурного воспроизводства нации, её идентичности оказалась вне фокуса внимания государственной

[15] *Джерелиевская И.К.* Духовное преобразование человека как основа трансформации социального бытия // Философская осень: от возрождения традиций — к возрождению России: монография / кол. авторов. — М.: РУСАЙНС, 2023. — С. 73.

[16] Приказ Министерства просвещения РФ от 12.08.2022 №732 «О внесении изменений в федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования, утвержденного приказом Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. № 413». — https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209120008?index=1.

семейной политики. Следствием этого обстоятельства явилась несформированность целей, ценностей, стандартов поведения, обеспечивающих успешное функционирование семьи как института воспитания;

в-третьих, неоформленность семьи как института воспитания препятствует решению задач демографического порядка, поскольку ориентация на семью и многодетную семью имеет не столько материальную основу, сколько духовно-нравственную, созидаемую, в первую очередь, в семье.

Залывский Н.Л.
д.э.н., профессор

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНФЛИКТ ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ С ИНСТИТУТАМИ ГОСУДАРСТВА И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЕГО СУДЬБЫ

Ключевые слова: эпоха перемен, Хрущев Н.С., Ельцин Б.Н., Северодвинск, Семашзавод, народный депутат, пассионарность и конфликтогенность личности, незаурядный характер, борьба за справедливость.

Key words: the era of change, Khrushchev N.S., Yeltsin B.N., Severodvinsk, Semashzavod, MP, passionarity and conflict of personality, outstanding character, struggle for justice.

Четыре аспекта актуальности темы исследования

Выход в Северодвинске книги «Судьба Альберта Буторина в эпоху перемен» –один из них. Второй — это редкость публикаций о нестандартных судьбах регинальных общественно-политических деятелей, каковым являлся А.Н. Буторин — ведущий специалист-технолог ПО «Севмашпредприятие», избранный в Верховный Совет РСФСР и РФ (1990–1993). Он авторитетный борец за реабилитацию жертв сталинских репрессий, просветитель, эрудированный пушкиновед, библиофил, общавшийся с известными писателями России. Третий — в имеющемся знании истории его служения интересам России (другие источники не уменьшают его дефицит)[1] маловато информации о генезие затяжного конфликта с вертикалью государственной и местной власти. Четвертый — более креативная диагностика смыслов многогранной деятельности А.Н. Буторина на переломе двух эпох — ключ к признанию, критичному восприятию нюансов его политико-психологического публичного поведения на сцене истории.

Исходные факты его пассионарности, общественной востребованности и цивилизационного конфликта

К ним относятся три оппонирования действующей власти. В 1956 году по поручению комитета комсомола оборонного Севмашзавода он — обладатель баритонового голоса — прочитал на закрытом собрании секретный доклад Н.С. Хрущева «О культе личности И.В. Сталина и преодолении его последствий». В 1958 г. приступил к публичной лекционной работе, став инициативным первым автором лекции «О развитии атомного флота США». Она приобрела, как и лекция «О международном положении», популярность на предприятиях разных отраслей Севера. В 1959–1965 гг. — руководитель комсомольского штаба по сварке подводных лодок на Севмаше, лыжных агитпоходов по Архангельской области. Его инициативное усердие заметило руководство предприятия, оно было поощрено ЦК ВЛКСМ направлением в 1964 г. на 10-дневный Всемирный форум молодёжи с участием Н.С. Хрущева. *Здесь он познал пре-*

[1] Кто есть кто в истории Северодвинска. — https://vk.com/wall-57927838_549?w=wall-57927838_549 ; интервью: https://29.ru/text/gorod/2011/08/19/60126411/.

лесть свободы слова и мнений — истока критичного и смелого реагирования на мир. Предложение молодого А. Буторина участникам партийно-комсомольского актива Северодвинска не соглашаться с Октябрьским пленумом ЦК КПСС 1964 г. по смещению Н.С. Хрущева со всех занимаемых постов оказалось началом публичного размежевания его позиции с властью — обкомом КПСС. Это событие тождественно ситуации «коса (рядовой гражданин) нашла на камень (государство)».

Необходимость пресечь вольнодумство Альберта Буторина под аплодисменты народа обозначила старт советско-партийной практики демонизации его личности. Впрочем, на испуг его было не взять из-за присущих ему двух черт характера «честолюбив и непреклонен», обозначенных составителем изданной книги [8; 6]. *Эти личностные особенности — искра системного недружелюбия институтов власти к образу поведения общественного активиста:* ему отказали в приёме в партию, аннулировали приглашение учиться в престижном МГИМО, попытались отправить в психиатрическую лечебницу. Такое *уничижение достоинства предопределило выбор — быть ярым поборником правды и справедливости* (по определению профессора истории С.И. Шубина). Став мессией этой идеи, он вряд ли ведал о серьёзности конфронтации с институтами государства, драматичности своей будущей судьбы, открывшей шанс войти в местную историю героем решающих моментов истории Отечества.

Превращение рядового работника в известного общественно-политического деятеля

Избрание народным депутатом РСФСР в 1990 году — апогей статусного положения А.Н. Буторина, его гражданской готовности выражать позицию людей, не совпадающую с партийно-государственным мейнстримом, и приверженности к ценностям справедливого государства. В 1990–1993 гг. он востребован протестным сегментом российского (советского) социума. *Депутатские полномочия ярко институализировали лидерскую пассионарность А.Н. Буторина — красной черты последующей жизни*. Политические кризисы в СССР — ГКЧП августа 1991 г. и расстрел Белого дома 4 октября 1993 — радикально деформировали советские устои, но не его мировоззренческую борьбу за справедливость и сохранение СССР. Подчеркну, быть её миссионером как в СССР, так и в России, очень хлопотно, невыгодно для живота, зачастую драматично, иногда — трагично. Ведь издавна власть предержащие не жалуют тех, кто не «перекрашивался» в угоду элите рождающейся новой капиталистической России. Нравственным приоритетом для А.Н. Буторина оставалась защита советской истории, хотя он честно признался: «в те дни колебался между Горбачевым и Ельциным». Колизию убеждений разрешил Чёрный список Президента Б.Н. Ельцина [8; 37], лишавший 151 депутата России, включая А. Буторина, законных социальных гарантий.

Что вознесло его на законодательный олимп? Шоковый взлёт России к либеральному рынку, обозначивший *суть цивилизационного конфликта А.Н. Буторина с эпохой перехода к капитализму*. В его центре — антагонизм новых и прежних ценностей бытия, жёсткое столкновение взглядов граждан на будущее и на предшествующее советское, заложившее полярное размежевание политических позиций современников. Он сумел стать рупором тех, кому по сердцу была беспощадная критика реформаторов. Протестный электорат региона заряжался энергичностью смутьяна, обнажающего асоциальность нового уклада жизни страны. Другие оторгали его апологетику СССР. Но те и другие — социальный фактор взлёта северодвинца Буторина на орбиту общественной узнаваемости, солидарного одобрения его общественной деятельности. Почему? *Все граждане нуждались в справедливости бытия*, но только наиболее пассионарные из них — убеждённые субъекты публичной борьбы за неё. А.Н. Буторин из этой когорты. Он умел увлекать граждан оценками проблем России!

В интервью «Духовной жаждой томим» Александру Бурлову 29 июня 1992 года подмечено его желание «быть личностью с выраженной гражданской *отвагой,...глашатаем настроения большинства своих избирателей»* (выделено мною. — *Н.З.*), а также *быть мотивированным в деятельности интересами России*. Подтверждений приверженности к этим правилам деятельности много, включая доклад А. Буторина «Эскалация бюрократизма вокруг брака в сварочном производстве» на заседании НТС Севмашзавода 15 марта 1989, вероятно, пролога первого в СССР судебного отпора произволу бюрократии на Севмаше.

Это дополнительное «за» А.Н. Буторина как субъекта защиты социальной справедливости, готовности и возможности «выстоять в нелёгкое время» цивилизационного слома СССР и формирования новой России. Краеведение, энциклопедические справки, апелирующие к этой идее [3], не случайно фокусируются на цивилизационной диагностике специфики жизни А.Н. Буторина. Она исторически своевременна даже тогда, когда его поступок спорен для общества. Например, в 2015 г. он потребовал от прокурора региона признать губернатора Архангельской области (8, с. 66–67) «агентом влияния США» за учреждение музея И. Бродского в деревне Норинская — места его ссылки, бесцеремонно обозначив это решение «дурью планетарного масштаба». На мой взгляд, это скороспелое обвинение сошло бы за разумную солидарность с 60-ми годами XX века, но никак не для глубоко трудного пенсионного его бытия. Здесь он мог бы сдержать уже антиисторичный выкрик мыслью поэта, что «выдохи мои и взмахи рук меж временем и мною повисают». В строке сожаление о незримых табу предшествующей жизни. Оно объединяет обоих в когорту заметных персон эпохи крутых институциональных перемен, *умевших высказывать нужные мысли, но — зачастую — в неподходящее время* (для вертикали власти!). Тот и другой действовали в государстве, не поощрявшим инакомыслия, но путы такого ограничения мешали им быть свободной Личностью своего времени.

Ментально-психологические корни превращения в «уникальную»[2] личность российско-регионального бытия

Мало кто задумывается, что факты — признаки травматичной и драматичной судьбы самого общественного деятеля, но через них узнаются грани ментального характера, психологически «нуждающегося» в генерации эпатажных событий. Одна из них — *неприемлемость для А.Н. Буторина вакуума публичного внимания общества.* Это гипотеза с версией о его а) несклонности к компромиссу с ценностями и проблемами текущего бытия государства, если они не часть его мировоззрения, б) ментальной радикализации требований к статусным представителям власти из-за наличия *подсознательного эмбриона самоусложнения жизненного пути и усложнения восприятия самого себя.* Перечисленное — факторы эмоционального императива к немедленному исправлению недостатков бытия. *Такое желание — благо, но при условии реалистичности быстрых изменений*. При ином подходе — это фактор конфронтационных коммуникаций с институтами общества. Невнимание к саморегулировке люфтов соразмерности желания и возможностей — пролог превратностей его неординарной и заметной судьбы, включая признание вынужденности идти на компромиссы из-за нетвердости характера [8, с. 26]. Иногда, на наш взгляд, это элемент игры на публику. Что подвигает к такому тезису? Очень скромно-уклончивое объяснение отказа писателя из Вологды В.И. Белова («упорного мужика» по А.И. Солженицыну) присоединиться к защите А.Н. Буторина [8, с. 48] ссылкой на проживание не в Архангельской области. Ранее он нарочито громко призывал признать писателя лауреатом государственной премии СССР в области литературы и искусства. При всей непримиримости ко лжи ретуширование отказа Белова странно для меня.

Искрой, зажегшей нелюбовь и недоверие институтам вертикали государственно-политической и хозяйственной власти, стал пережитый в 1961–1965 годы шок от быстро растоптанной перспективы инкорпорации в общество избранных, принуждения к покорному поведению. Это печальный урок, объективно соразмерный мировоззренческой незрелости возраста надежд, не усвоен его душой. Не случайно! По оценке российского писателя В. Личутина «Буторин был из низов, слеплен по русским мужицким лекалам, характерной крутой натурой, стоящей за справедливость, как понимал её» [4]. На старте публичной общественной работы он мировоззренческий «путаник, не помышляющий о причинах поступка». На этапе критики Программы КПСС в 1965 в нём окрепло убеждение бороться за интересы Отечества без эгоистичных соображений о последствиях для себя. При его блестящих способностях [7] их можно было немного ослабить, но, вероятно, Альберт Буторин не знал объективной зависимости места в политическом раскладе сил. Её суть в знании, что «власть — это система, в которой не существует индивидуальных игроков, а есть только коллективные команды группы, которые

[2] Это не моё определение, см.: *Насинник Т.* Человек уникальной судьбы. — http://nworker.ru/2025/07/11/42385.ml.

могут играть самостоятельную значимую роль» [12, с. 23]». Он яростно стоял стеною за всех униженных и обиженных, но *практика яркости индивидуализма политической борьбы мешала конструктивному диалогу с властью.*

Предмет данного исследования — содержание цивилизационных аспектов конфликта позиций человека по защите социально-экономических интересов рядовых россиян, а задача — донести до читателя максимально адекватный абрис характера героя статьи. Выбор фракции «Беспартийные депутаты» группы ФНПР доказывает ориентацию члена Верховного Совета РСФСР А.Н. Буторина на личную независимость от ведущих политических сил страны. Естественный минус этого — дистанцирование от коллективных инициатив партийных фракций с ярким и немедленным имиджевым политическим дивидендом. Впрочем, этот мировоззренческий недостаток не отторгал А. Буторина от конструктивной солидарности с позицией людей со сходными принципами. Местное отделение КПРФ до сих пор уважает его как смелого защитника Белого дома в октябре 1993 года[3], хотя в прошлом оно воспринимало его более индифферентно. Наверное, из-за характера, персонифицирующего императив причастности к событиям страны, Северодвинска как способа более точного ощущения пульса жизни. Например, в 1994 г. открывал мемориальную доску писателю Валентину Пикулю на здании бывшей школы № 6.

Давно не ставлю под сомнение, что рыба ищет, где глубже, человек — где лучше. Для А.Н. Буторина не типична ни первая модель поведения, ни вектор второй. Вероятно, он входит в историю родного Севера во многом благодаря двум контрастным способам концентрации внимания к себе. Говоря обывательским языком, трепал нервы власти и одновременно восхищал местный народ протестной оппозицией к болезненным неурядицам текущего бытия (предприятия, региона, страны). *В этой борьбе он лично храбр, целеустремленнее иных акторов общественно-политической деятельности*. К огорчению, мера личного влияния на развитие общества и, тем более, на сужение проблемных полей реальной жизни трудно сканируема. Вероятно, не удивителен и, как ни печально, исторически естественен вердикт его горячих сторонников 2015 г. об отсутствии общественного признания «несомненных заслуг Альберта Буторина» [8, с. 113–114]. Это не совсем правда: ещё в 2010 г. он стал кавалером нагрудного знака «За заслуги перед Северодвинском». Почему же появилось огорчение типа «не удостоился вполне заслуженного признания»? В нём сквозит неудовлетворённость уровнем оценки А.Н. Буторина. Она, вероятно, родом из его мифа о себе как единичном примере бескомпромиссной борьбы за справедливость, совершенствование социально-экономического уклада. Эта субъективная его оценка себя, вероятно, импонировала спутникам жизни 1995 г., ценившим его «весьма результативную работу по раскачиванию <…> тоталитарного сознания» [8, с. 103–104] как «самой яркой личности из нашего поколения» — единичной для Севмашзавода. В лоне такого тренда прорастает психолого-эмоциональное зерно нуждаемости в публичном скандале. Он для него — виртуозный инструмент акцептации публичного внимания к своим делам. Зерно такого предположения увидел в причине уклонения от скандальных перепалок при встречах с избирателями [8, с. 27]. Реальна и другая истина: *его судьба оригинальна, её знание — полезное подспорье будущим активистам борьбы за лучшую Россию для выбора манеры коммуникации с обществом и государством*. И для выводов а) только солидарный труд, трезвая мудрость народа и власти — стратегический ключ к построению комфортного счастья в России для каждого её гражданина, б) необходимости менее агрессивной конфронтации с тем и другим, несмотря на хронические пороки развития, вина за которые лежит на них. Ведь публично-трибунным горлом, даже общественно наглым, их не выкорчевать. *Гражданское согласие — необходимый императив развития РФ*. Из-за отсутствия его члены Верховного совета СССР и РСФСР не нашли единого подхода к защите интересов Архангельской области [8, с. 31].

По фактам судьбы общественного деятеля Альберта Николаевича можно высвечивать её коллизии. Они завораживают, затрудняя реалистичную реставрацию истории его борьбы, усложняемой мозаикой неоднозначных мнений о них. Зато между вариациями толкования фак-

[3] Всероссийская акция протеста — памяти в Северодвинске. — https://kprf-severodvinsk-bis.ru/2022/10/04/rasstrel-doma-sovetov-pomnim-ne-prostim/.

тов прошлого возникают зазорчики, в просвете коих живёт правда, удерживаемая памятью регионального и российского социума. Её артефакты не только дифирамбы, но и ироничные вопросики по поводу бесплодности сходных обращений А.Н. Буторина (например, восхваление Е. Евтушенко, уничижение поэта Бродского) от имени россиян, которые «не признают сочинения С. Довлатова заслуживающими чтения» (2013)[4]. Комментарий «электронных» читателей — красноречивые полюса оценки его социальной позиции: а) «геноссе Буторин проспал лет 40 в летаргическом сне, а теперь не понимает, что он уже в новом тысячелетии оказался? Машину времени к подъезду!», б) «у него-то по крайней мере сохранилась привычка мнение своё доносить до окружающих, а сколько людей что-то подобное думают молча. Привычка-то, кстати, появилась только во времена Горбачева, не раньше».

Многоликость измерения места, роли А.Н. Буторина в недавнем прошлом Северодвинска — индикатор своеобразности, колоритности и конфликтности его жизненного маршрута. Некогда его задиристое «свобода слова у нас превращается в разврат слова» [8, с. 34] актуально поныне. Подобные резкости ублажали местного обывателя, увеличивая число как сторонников стиля его жизни, так и властных недоброжелателей его критичного радикализма (они не сочли возможным присутствовать даже на презентации книги о нём). Как внимательный к деталям его драматичной судьбы я заметил соседство жёсткости публичной позиции Альберта Буторина с облагораживанием отдельных известных персонажей. Так, наивно было его ожидание честного сотрудничества ради стабильности в России Б.Н. Ельцина и А.В. Руцкого, хотя в интервью газете «Волна» (1992) приводимые факты игнорирования Президентом воли депутатов были уже звоночками дискредитации народного парламента. Моё личное знакомство с тем и другим немного позднее подтвердило нереалистичность такого ожидания[5]! Впрочем, дистанция времени изменяет соотношение граждан, искренне конструирующих в воспоминаниях (исследованиях) нимб об уникальной личности, и ярых оппонентов такого вектора. Не за горами время, когда диапазон воззрений на опыт жизни незаурядной личности земляка сузится до объективной шкалы его места в истории Северодвинска, российского парламентаризма.

Для будущего А.Н. Буторин — не небожитель. Он земной человек с миссионерской повышенной энергичностью самореализации пассионарного назначения. Без данных личностных преимуществ человек не становится общественным деятелем. Но проблема в другом: *он должен уметь открывать массе путь к более взвешенному, вдумчивому восприятию социально-экономических реалий*. Тогда это помощь созиданию новых общественных ценностей как наиболее важной цели миссионерства общественного деятеля. Без этого трудно быть актором прогресса общественного уклада и, тем более, оптимально защищать интересы приверженцев к прежним социалистическим парадигмам. Для этого, как минимум, нужен мотив к фокусировке на других точках зрения. А.Н. Буторину недоставало такой готовности.

Вероятно, он не мог уступать в малом, чтобы принести большую пользу обществу. Жаль, *наличие альтернативных коммуникаций с миром людей (власти) у каждого из нас — это надёжная профилактика будущего поражения*. То, что на поиск им будущего главы пушкинистов Северодвинска в 2014 году не откликнулись даже учителя филологии,[6] — отзвук этой гипотезы. И косвенное свидетельство имеющихся проблем общения с гражданами, кои, вероятно, не разделяли публичной спорности его имиджа в местном сообществе. Не удалось ему объединить местных активистов и инициативой присвоить звание героя России бывшему подводнику Игорю Гришкову, когда-то спасшему Северодвинск. Причиной неудачи назову то, что «учитывая специфику северодвинского чиновничества, эта борьба напоминает попытки прострелить из детского водяного пистолетика броню танка «Меркава»[7]. На личной практике не раз убеждался, что лад взаимоотношений с окружающими людьми — необходимое подспорье в устранении проблем, актуальных для различных групп граждан. Солидарен так-

---

[4] И тридцати лет как ни бывало. — https://disk.yandex.ru/a/4_Hko0wQ3VrnbJ/5af92b015ccb7c21fa2c6103.

[5] *Залывский Н.* Обанкротившийся хозяин должен уйти // Правда Севера. — 1995. — 24 февраля; Он считает себя и.о. президента России // Правда Севера. — 1994. — 20 мая. — С. 7.

[6] *Ананьин Ю.* Литературный Северодвинск чтит Пушкина // Северный рабочий. — 2014. — 8 июля. — С. 4.

[7] См. статью контр-адмирала Бориса Попова и журналиста Георгия Знаменского «Горела ядерная ракета…». — https://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=10824&Itemid=39.

же с анамнезом одного специалиста, что своими (без)действиями можно посадить зародыш плохого или хорошего вектора развития ситуации [1, с. 88–89]. Вне сомнения, ядерный мотив большинства его публичных инициатив — искренность служения России. Боль невозможности этого вылетала через конфликты с обществом, властью. Пассионарную личность к нестандартным (вызывающим) поступкам побуждает ментальный дефицит социально-преобразующей активности. Это дар Свыше! Он дважды, как говорят, «ложился под танк, противодействуя историческим катаклизмам, теряя достигнутые вершины. Альберт Буторин сам признавал последствия драматичных взаимоотношений с эпохой: собирал стеклотару для покупки хлеба, продавал личную собственность для выживания [8, с. 46].

И всё же не нахожу зацепки, почему А.Н. Буторин не извлекал уроки из серьёзных поражений, кроме аттестации его *общественно деятельной нестандартной личностью,* доказывающей способность оставаться порядочным и честным на крутых переломах истории страны. Он жил с персональной готовностью защищать интересы народа голосованием только «за» или «против», в основе чего тождество образа жизни данного депутата с теми «кто считает копейки, а не с теми, кто тысячи не может <...> сосчитать». То есть, А.Н. Буторин являл пример электоральной ответственности за ценности избирателей, становясь фактором нравственного развития российской цивилизации. Он поставил печать личного эмоционального переживания на множестве достоверных фактов — признаков пульса радикальных перемен в обществе (позитивных, негативных), кои ныне часть исторической памяти народа о новой фазе истории государства. Показательны, например, две детали его Письма китайскому другу об отрицании однополярного мира, важности китайского противовеса США и нелегитимности Конституции РФ 1993 года из-за голосования за неё всего 23% граждан. Открытое письмо Президенту РСФСР Б.Н. Ельцину к тому же фиксирует особенность гражданской смелости узкой когорты советских людей буквально перед мгновениями расстрела Парламента России.

Он и позднее обращался к резким протестным возражениям по фактам, отторгаемых душой, возмущаясь замедленным реагированием на них. Обращение в Комиссию по государственным премиям СССР в области литературы (1981) применительно к вологодскому писателю В.И. Белову[8], во многом конъюнктурный призыв перенести ядерный полигон с Новой земли в другие регионы — примеры этого. Нас не смущает возможная полемичность оценок фактов жизни А. Буторина, когда-то передового новатора оборонного предприятия, категоричного человека и политика с экстремальными инициативами и поступками. Так, в Обращении к губернатору региона И.А. Орлову «На краю жизни» (29 ноября 2012 г.) он представляет себя человеком с заслугами по развитию гражданского общества, *несопоставимым ни с кем другим в Архангельской области.* Здесь и в примерах ниже можно ощутить безапелляционность его некоторых утверждений о себе. Нас она не шокирует, включая абсолютизацию единичности его жертвенности ради общественных идеалов во фрагменте 1, неуместности музея Бродского в д. Норинская Коношского района.

Я использовал много ссылок на факты (ситуации). Они не синоним единодушия с ним, а предлог перехода к строке стихотворения «Таврида» А.С. Пушкина «самолюбивых дум отрада» и стихотворения «Послание цензору», где поэт советует «полезной истине пути не заграждать». Обращение к ним — дань моего уважения А.Н. Буторина, некогда авторитетного организатора деятельности Пушкинского общества. Успехи на этом поприще отмечены государственной «Медалью Пушкина». Хорошо, но явно несоразмерно а) потерянной возможности нахождения в когорте эффективных российских политиков (потенциал позволял!), б) дважды безжалостно перечеркнутой властью перспективе занять карьерный олимп федерального (регионального) уровня (уроки не извлечены!), в) цене осложнений личной судьбы в 1964–1993 гг.: горький осадок от их ощущения, как и последствия не нивелированы, а моральный дискомфорт бытия не вытеснен из души до прекращения работы сердца!

Он не предвидел последствий протестных атак на институты власти, обязанных беспокоиться публичным поведением Буторина. Вряд ли он угрожал статусу кого-либо. Вертикаль власти в эпоху кардинальной смены ценностей населения опасалась социального взрыва,

[8] Письма Альберта Николаевича Буторина В.И. Белову. КАУ ВО «Государственный архив Вологодской области. Фонд №-Р 5134. Оп.1. Д.88. — https://gosarchive.gov35.ru/archive1/unit/726985.

измеряла успехи региональных чиновников способностью удерживать текущие настроения людей в управляемом режиме. Опасность власть видела в розжиге нервозного напряжения в обществе, затруднявшего путь к социальной стабильности Северодвинска. Именно этим занимался неудобный критик А. Буторин! Он заряжал протестное давление на власть на максимум. Его острую риторику воспринимала какая-то группа граждан. Однако власть преувеличивала влияние общественного деятеля: он был лидером электоральных ожиданий какой-то группы населения, но не был монопольным лидером общественного мнения. Его многолетнее давление на власти в части активной помощи неимущим и инвалидам — тому пример, как и причина, почему чиновники на дух не переносили его, пытаясь увильнуть от контактов с ним[9]. Неприятие его, организационно-бюрократические препятствия к бурным формам диалога с людьми власть использовала для сохранения ступенек гражданского примирения как необходимости. Он хотел возбуждать массу, но единично. Ораторское мастерство приобщало людей к его оценкам текущей ситуации, но его не прельщали союзы с организационно-политическими институтами Архангельской области [8, с. 46]. Вероятно, из-за ассоциативного опасения не критичного и позитивного реагирования на свои предложения, интерпретации событий (фактов) не в его русле. Почему-то он был озабочен послесмертным уважением прижизненных достижений в интересах Архангельской области, включая признание своей квартиры музейно-историческим знаком, «как память о себе», весомости личной роли в жизни общества. Пока это нереализованная идея. Напористость в таком щепетильном деле, решительность ради правды и справедливости в обществе, принимаемая иногда людьми за вспыльчивость, надменность, на наш взгляд, не красит человека. Подобные нюансы — помехи не только эффективному включению А. Буторина в решение существующих проблем, но и мотиву «преодолеть негативные установки и начать жить более счастливой и полноценной жизнью» [2, с. 1–26]. Почему? Позитивный психологический фундамент наиболее необходим общественному деятелю. И борьба за социальную справедливость и правду не должна быть катастрофичной для здоровья, что неизбежно, когда она пример серьёзной дисгармонии с обществом. Страхует это способность «самостоятельно поддерживать внутренний климат и управлять самооценкой».

Заключительные аккорды к теме

Они имеют персональную специфику, системное измерение. Буторин А.Н. — закономерный объект познавательного интереса автора статьи как активный гражданин страны и противоречиво-яркий герой нашего времени с ореолом политической притягательности, безусловно, для электорального сообщества Архангельской области, в какой-то мере и для российского социума. Он быстро взлетел на максимум аплодисментов поддержки чувствительных сегментов того и другого, динамичной их минимизации после первых залпов властных институтов по публичному авторитету. Не исключено, что механизм его политической активности питало опасение, выделенное психологом: бездействие сейчас — это пролог потери чего-то ценного. *Для него психологически архиважна демонстрационная причастность к событиям*. Вероятно, такой импульс заглушал ощущение воображаемого дефицита полезности общественной активности, когда он нуждался в знаках публичного спроса на домашней и российской сцене деятельности. Такая дисгармония чувств — фактор, нередко «принуждавший» к конфликтно острым оценкам власти [11, с. 15].

Её оружие — унизительное выталкивание недавнего героя-объекта восхищения из публичного пространства гражданского общества. Для вертикали власти — это не трудная задача, а нам не зазорно признать «успех» её исполнителей безнравственным деянием и признаком размежевании морали властвующей верхушки (Москвы, региона, Северодвинска) и народа. Почему? Власть уничижала личное достоинство Альберта Буторина под прикрытием апелляции к бренду raison d'état[10] (по К. Марксу — ради блага государства), хотя существенной помехой для устойчивости вертикали власти (от заводоуправления до Москвы) он не являл-

[9] Непотопляемый. — https://vera-eskom.ru/2022/04/nepotoplyaemyy/.

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. — 2-е изд. — Т. 9. — С. 317.

ся. Достаточно было не разлучать его с базовым предприятием. Нервозное напряжение после опального периода сократило для него возможности душевной нейтрализации грубого возмездия за политическое поражение в 1993, немилосердно вытолкнувшего на обочину общественной жизни. *Разочарование общественным бытием — венец финального настроения его жизни. Его следствие — желание предать анафеме бывшего президента РФ Б.Н. Ельцина* в церкви Центральной Кремлёвской больницы, в чём ему власть отказала. Он заслужил право быть счастливым гражданином, умереть с этим ощущением, но в истории нет сослагательных допущений. Горечь присутствует в его последней просьбе: «С должности члена Верховного Совета России меня вышибли пушками в отместку за то, что я отстаивал конституционную власть и не получил никакой компенсации за выпавшие мне страдания».

В этом системный порок власти, выпестованной философией пылающего Белого дома октября 1993, где А.Н. Буторин, искренне защищая советские идеалы, не заметил метаморфозы лидеров депутатской оппозиции, не готовых к защите идей СССР и выдвижению альтернативного руководителя страны [6, с. 359]. В мужестве Альберту Буторину не откажешь. *Это высота его исторического гражданства, а* подвиг политической честности — косвенный индикатор безапелляционной веры в элитарных лидеров, вскоре благополучно устроившихся в ельцинских коридорах власти. Ему уготованы этой властью многолетние мытарства. Ельцинские слуги посчитали «не вписывающегося» в новый мейнстрим гражданина досадной помехой рыночной радикализации России, осуществлению антисоциалистического демонтажа советской цивилизации. *Это не случайная прихоть, а концептуальный императив системного подбора и окружения власти только теми, кто ратовал за авторитарную замену советского строя неолиберальным капитализмом.* А.Н. Буторина вытолкнули за пределы допуска в новые институты власти. Им, видимо, нужны были люди с усвоенным правилом сообщать «боссу то, что он хочет услышать», ибо это «гораздо умнее, чем говорить ему правду» [5, с. 81]. Отказ ему в 1995 г. в регистрации кандидатом в Госдуму — признак отбора в ельцинскую власть граждан лояльных режиму.

Итак, творцом жизненного пути является сам человек: как он мыслил, как взаимодействовал с государством и обществом. Он автор цепочки событий (фактов) истории бурной общественно-политической деятельности и вправе относить фрагментарную узнаваемость в народной массе к существенно значимым результатам. Возможно, новые поколения увидят другой критерий признания того, почему он имел электоральный успех. Уверен в другом: *А.Н. Буторин мог существенно умножить личный вклад в развитие российского (регионального) общества, если бы был более конструктивным пассионарием.* Это не случилось, минимум, по двум причинам. Во-первых, в силу личного убеждения в правоте занимаемых позиций, недоверия властным институтам. Во-вторых, из-за фундаментального несовершенства социальной организации России. Её доминантой остаётся сила государства, которую не в силах гуманизировать и демократизировать общественные институты народа.

Россия — общество юридически свободных граждан, пока не опирающееся на стратегию формирования счастливых людей — критерия прогрессивной цивилизации глобального мира. Пока универсальны тормоза её созидания: опасение ощущать рядом инициативного гражданина; поддержка только того, кто служит властной вертикали, не выходя из прокрустова русла официальных парадигм. Таковы реальные доминанты поведения субъектов управления (государственных, корпоративных) новейшей истории России. Они — тормоза кристаллизации патриотической основы социально-экономических ценностей народов России, позволяющих большинству россиян быть активными строителями российской цивилизации. Жаль, ибо передовым является то государство, которое организует общество счастливых людей, удовлетворённых результатами работы институтов власти сверху до низу.

А.Н. Буторин — радетель подобного вектора борьбы за лучшую Россию, к сожалению, оказался невольным свидетелем бюрократической неготовности элиты сделать первый шаг в этом направлении — реально уважать достоинство человека с активной миссией служения России. Он сам аттестовал себя так: «за последние полвека никто в Архангельской области не рисковал так, как я, своей свободой, не жертвовал так своей карьерой и благополучием ради высших общественных идеалов...и самый легитимный в истории Архангельской области народный депутат» [8, с. 50; 64]. Как известно, сказка — это ложь с намёком, а что в дан-

ной итоговой самооценке? Заявка на признание её правдой, субъективная идеализация места в истории Северодвинска (региона)? Нам не сподручно выносить приговоры человеку, которого уравнял с собой А.И. Солженицын тем, что «мы с вами из тех, кто всю жизнь бодается с властями за народ» [8, с. 48–49]. Признаем эту самую аттестацию институтом поглощения его израненным сердцем перенесённых невзгод от власти. Время расставит свои ответы. Потомки сами определят отношение к ним.

Список литературы

1. *Агеев М.* Как мысли становятся реальностью. Пошаговое руководство по управлению судьбой. — М.: АСТ, 2025.
2. *Бабич А.* Внутренняя опора. В любой ситуации возвращайтесь к себе. — М.: МИФ, 2025.
3. Большая биографическая энциклопедия. — 2009 https://biografii.niv.ru/doc/encyclopedia/biography/fc/slovar-193-126.htm.
4. *Личутин В.* Депутат из Чёрного списка. Феномен Альберта Буторина. 2017. — 1 ноября. — https://zavtra.ru/blogs/deputat_iz_chyornogo_spiska/.
5. *Портер Ф.* Съесть или быть съеденным. — СПб.: Питер, 2001.
6. *Попов Г.* Реформы Бориса Ельцина. — М.: Издат. дом Международного университета в Москве, 2012.
7. Судьба Альберта Буторина в эпоху перемен. — https://www.aonb.ru/books/3638-sudba-alberta-butorina-v-epohu-peremen.html.
8. Судьба Альберта Буторина в эпоху перемен / сост. С.И. Шубин (отв. ред.), К.В. Тарабычин, Е.Ф. Луцковская, — Архангельск: Книжный архитектор, 2025. — 176 с.
9. Список членов Верховного Совета Российской Федерации (1990–1993). — https://ru.ruwiki.ru/wiki/Список_членов_Верховного_Совета_Российской_Федерации_(1990–1993).
10. *Чалдини Р.* Психология влияния. / пер. с англ. О.С. Епимахова. — 7-е расшир. изд. — М.: Эксмо, 2022.
11. *Хазин М.* Кризис и власть. Т. 1. Лестница в небо. — 2-е изд., дополн. и испр. / М. Хазин, С. Щеглов. — М.: РИПОЛ классик, 2023.

Карнишина Н.Г.
д.и.н.,
профессор Пензенского государственного университета
karnishins@mail.ru

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ РОССИИ: СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ В ПЕРЕХОДНЫЕ ПЕРИОДЫ ИСТОРИИ

Ключевые слова: государство-нация, национально-государственная идентичность, цивилизационная целостность, переходные периоды российской истории, русская революция, стратегии выживания.

Key words: nation-state, national-state identity, civilizational integrity, transition periods of Russian history, Russian Revolution, survival strategies.

При попытках моделирования того или иного переходного периода российской истории исследователи неизбежно сталкиваются с рядом таких методологических проблем, как прерывистость и внутренняя противоречивость процесса русской, советской и российской истории, поиск генетического кода нации, идентификация русской цивилизации и, наконец, соотнесение категорий национальная и цивилизационная идентичность. Процесс конструирования модели русской истории напрямую связан с необходимостью выделения универсальных признаков — идентификаторов исторического процесса и их встраивания во внутренне противоречивый, прерывистый ход цивилизационного развития России.

Всякая цивилизация, по мнению С. Хантингтона, представляет собой «универсальный способ исторической идентификации. Цивилизация всегда существует как культурная общность. Россия всегда была стержневым государством самобытной евразийской православной цивилизации»[1] Признавая первенство автора концепции «столкновения цивилизаций» в использовании терминологии идентичности, следует учитывать, что Россию С. Хантингтон относил к категории стран, где большие социальные группы относятся к разным цивилизациям.

Трактовка России как многослойной целостности является, на наш взгляд, весьма перспективной для исследования тех или иных периодов русской истории. В многонациональном государстве цивилизационная идентичность выступает как основа самотождественности нации.

Следует согласиться с определением И.В. Кондакова, согласно которому цивилизационная идентичность — это «наиболее широкая и обобщенная категория в ряду иных социокультурных идентичностей — этнонациональной, конфессиональной, социально-политической, региональной и т.д.»[2]. Структура цивилизационной идентичности, по Кондакову, — это триада выраженных форм самосознания — менталитета цивилизации, ее локалитета и глобалитета[3].

Такой подход актуализирует переосмысление исторического процесса страны в целом и переломных периодов русской истории, в частности. В этом контексте в данной статье мы бы хотели обратиться к анализу роли цивилизационного фактора в период 1904–1917 гг.

Современники пытались определить место Российской империи в меняющемся мире начала XX в. Не отрицая имперского начала, авторы статей в ведущих российских журналах искали пути встраивания России в реалии меняющегося мира. Так, М.Н. Ступин в 1905 г. в книге «Основы государственного устройства России и государственного права русского народа в прошлом и настоящем» писал: «Мы говорили «самобытность», т.к. действительно повсюду на западе мы встречаем в идеале государственного управления стремление не о слитых воедино без взаимного подчинения двух равных властей — монарха и народа, естественно уже, при таком слитии вынужденных взаимодействовать, а, наоборот, к умалению одной власти на счет другой. Повсюду почти на Востоке сталкиваются с проявлением деспотизма, основанного на принужденном подчинении, противном духу русского народа. Прибавим к этому самобытному идеалу русской народности, не только присущее, но, так сказать, исторически врожденное ей сознание полной возможности государственного сожительства под одной общей властью совершенно автономных государственных тел и, мы думаем, но не только как одна из народностей, входящих в состав самостоятельных по внутреннему управлению, Российской империи, ничего не могла бы возразить против государственного устройства, основанного на таком идеале, а если бы могла бы, то, с гордостью признала бы его и своим идеалом»[4].

Автор «Московского Еженедельника» в номере от 3 января 1908 г. в статье «Задачи соглашения Польши с Россией» проводил свой анализ на примере западных окраин империи. Он писал: «Царство Польское осталось коренным польским, как оно было польским шестьсот лет тому назад. Если же в Царстве Польском Россия оставила нерушимой польскую народность, то лишь потому, что не смогла ее обрусить. В преследовании поляков как католиков не виновато православие, как таковое, но виноваты правители России. Немецко-полицейская государственность, перенесшая протестантское понятие о господствующей религии и понятие о преосвященстве главы государства на почву православия, чем был нанесен громадный ущерб самому православию. Россия не имеет политических оснований к преследованию поляков. Разумные русские политики требуют перехода к децентрализации, таковой может быть только польская политическая идея. Смело можно сказать, что самый верный и легчайший способ к переустройству России в благоустроенное государство — это совместная работа русских с поляками»[5].

---

[1] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. — М., 2005. — С. 209, 217.

[2] *Кондаков И.В.* Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории. — 2010. — Т. 4. — С. 282.

[3] Там же. — С. 283.

[4] *Ступин М.Н.* Основы государственного устройства России и государственном праве русского народа в прошлом и настоящем. — СПб., 1905. — С. 25.

[5] Московский Еженедельник. — 1908. — 15 января. —№ 3. — Л. 49–50.

В стремлении определить место России в мире начала XX столетия авторы обращались к тем или иным периодам становления Российской империи. З.Д. Авалов в книге «Присоединение Грузии к России» привел следующий пример: «Император Александр I довольно благожелательно относился к народам нерусской национальности, которым довелось стать при нем русскими подданными. Нежелание Императора доводить до конца оккупацию Грузии и лишить ее всякой независимости против воли ее населения вполне вытекает из его характера и тех убеждений, с которыми он вступил на свое политическое поприще. Император желал правительственной связи с новыми своими подданными. Еще позже, после Венского конгресса, Александр даровал конституцию Польше, учреждая в завоеванной стране представительный порядок правления, который он думал ввести затем и во всей империи»[6].

Православие как фактор цивилизационной целостности Российской империи — такой тезис чаще всего встречается в работах авторов конца XIX — начала XX вв. «Православное государство с большим количеством иноверцев» — эта характеристика чаще всего встречается в записках чиновников высшего ранга. Казначеев А.Г. в письме Победоносцеву К.П. в Записке «По поводу нынешних чрезвычайных мер и обстоятельств» сделал вывод, что: «Верховная власть представляет у нас единственную гарантию в государстве правды и порядка. Прочие органы правительства могут быть легко отклонены от этих основных начал каждого общежития своими частными интересами. Кроме того, Верховная власть представляет у нас единственную связь, могущую удержать от разъединения и разброда народ, общество и окраины. Все сословия и частные лица преследуют свои выгоды, побуждающие их соперничать между собой и бороться за существование, а соперничество интересов ведет к разъединению»[7].

В. Алексеев в статье, написанной в феврале 1917 г., «Свободный гражданин и его право» призывал учитывать огромную территорию Российской империи и высказал следующее опасение: «Пусть в столице сидят и хорошие министры, но ведь Россия так велика, что где-нибудь в глухом углу всегда может найтись местное начальство или просто сильный человек, которому взбредет на ум стеснять народную свободу»[8].

По мнению С.А. Корфа, изложенному в книге «Федерализм» в 1917 г., «Централизация, какая бы то ни была, возможна только при отсутствии в государстве национальной или социальной розни. В таких государствах централизация неизбежно вызывает подавление интересов одной национальности или одного социального класса в пользу интересов других национальностей или классов, стремления к единообразию и единению в таких случаях всегда развивает лишь вражду и разъединение. В развитии современного государства можно подметить постоянный рост начал децентрализации и самоуправления, которые приводят администрацию в ближайшее соприкосновение с народом и его нуждами, черпая в этом и свою живительную силу»[9].

Подтверждением данного вывода может послужить проведенный нами анализ материалов периодической печати начала XX в., который позволил выделить примеры стратегий выживания и преодоления трудностей путем сплочения всех сословий в сложнейший период русской истории 1904–1917 гг.

Среди мероприятий как государственных учреждений, так и общественных организаций того времени, нашедших отражение в печати, можно отдельно выделить организацию предоставления продовольственной помощи населению, помощь семьям мобилизованных.

Так, автор Пензенских епархиальных ведомостей» в сентябре 1906 г. писал: «На Краснослободском очередном уездном земском собрании (с 18 по 21 сентября с.г.) при суждениях об организации продовольственной помощи населению уезда, пострадавшему от неурожая, признано весьма желательным привлечь к активной работе духовенство, учителей и учительниц. На помощь духовенства земство особенно надеется в деле открытия и поддержания детских столовых, каковые постановлено открыть при всех земских и церковных школах уезда»[10].

---

[6] *Авалов З.Д.* Присоединение Грузии к России. — 2-е изд.— СПб., 1906. — С. 275–276.

[7] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. — Ф. 587. — № 11. — Л. 4.

[8] *Алексеев В.* Свободный гражданин и его право // Народная библиотека. Серия политическая. — М.: Университетская библиотека, 1917. — № 52. — С. 2.

[9] *Корф С.А.* Федерализм. — Пг., 1917. — С. 79, 86.

[10] Пензенские епархиальные ведомости. — 1906. — 16 октября. — № 20. — С. 3.

Священник села Никольское-Борнуки, Городищенского уезда, Пензенской епархии Александр Росницкий писал в сентябре 1904 г.: «В открывшуюся войну с Японией прихожане весьма сочувственно отнеслись своей лептой па призыв земского начальника и священника. Вместе с прочим населением земского участка крестьянами было собрано четыре с половиной тысячи рублей на военные нужды, за что удостоились получить Высочайшую благодарность. Борнуковская интеллигенция во главе с земским начальником с утверждения г. губернатора образовала из себя комитет по сбору пожертвований на Красный Крест. Среди бедного крестьянского населения широкой деятельности от комитета ждать, конечно, было нельзя, тем не менее, и он сделал свое посильное приношение. Комитетом собран материал и из него собственноручно приготовлению: 50 пар белья, 300 полотенец, до 400 портянок, 100 матрасных мешков и простынь, 195 теплых набрюшников из шерсти, чулки, кисеты и другие необходимые вещи солдатского обихода. Деятельность комитета продолжается»[11].

В 1914 г. особое внимание уделялось вопросу оказания помощи по обеспечению правительственными пособиями членов семей лиц, призванных на войну. В октябре 1914 г. в отчете Консистории мы читаем: «Пензенская Духовная Консистория, вследствие отношения г. Пензенского Губернатора по Пензенскому Губернскому Отделению Комитета по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, циркулярно предписала благочинным поручить всем приходским попечительным советам вверенного им округа принять на себя заботу выяснения, кто из местных семейств, призванных на войну не получает правительственного пособия, и по выяснении сего обращаться к Волостным Правлениям с запросами о причинах невыдачи таким семьям установленного законом пособия, а в случае обнаружения неправильностей по сему делу предложить попечительным советам обращаться к земским начальникам с просьбами об удовлетворении семейств, имеющих право на пособие; предложить приходским попечительным советам оказывать пособие из своих средств в первую очередь тем семействам призванных на войну лицам, которые по каким-либо причинам не успели получить установленного законом правительственного пособия»[12].

Многочисленные примеры совместной работы государственных, церковных и общественных институтов начала XX в. еще раз подтверждает наш исходный тезис о многослойной целостности российской цивилизации.

Крутой разворот российской истории, который произошел в ходе трех русских революций, русско-японской и первой мировой войн привлек внимание современников к необходимости осмысления роли государства в российской истории, т.к. именно цивилизационная целостность была мощным средством мобилизации внутренних сил и стимулом модернизации страны. Сочетание внешнего фактора столкновения цивилизаций и глубокого внутреннего кризиса рассматриваемого периода русской истории привело к стабилизации цивилизационной идентичности и к сплочению нации как полиэтнической цивилизации.

[11] Пензенские епархиальные ведомости. — 1904. — 1 сентября. — № 17. — С. 2.

[12] Пензенские епархиальные ведомости. 1914. — 1 октября. — № 19. — С. 2.

Кожевников Н.Н.
д.филос.н., профессор,
профессор Кафедры философии,
Северо-Восточный федеральный университет
nnkozhev@mail.ru
Данилова В.С.
д.филос.н., доцент,
профессор Кафедры философии,
Северо-Восточный федеральный университет
vs.danilova@s-vfu.ru

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

Ключевые слова: идентификация, личность, целостность, самодостаточность, уникальность, саморазвитие, эпос, фольклор, литература, пределы бытия, гармоничность, «живая жизнь», синтез.
Key words: identification, personality, integrity, self-sufficiency, uniqueness, self-development, epic, folklore, literature, limits of being, harmony, “living life”, synthesis.

Материалы и основные характеристики идентичности в философских науках

Рассмотрим идентичность, исходя из её основных свойств и атрибутов. Первые — это относительно устойчивые, тождественные самим себе целостности. Вторые — самодостаточность, уникальность, саморазвитие. В психологии, социологии, культурологии эти атрибуты исследуются прежде всего в зависимости от среды, социума, культуры, литературы. Когда происходит переход к философским обобщениям, то следует оценить, каким образом эти зависимости могут быть рассмотрены в контексте философских универсалий.

Методология исследования выше обозначенных проблем основывается на следующем. Выявляются свойства и атрибуты, которые последовательно вносят свой вклад в исторические, политические, социальные и другие аспекты формирования идентичности России на протяжении основных этапов её развития. Особенность философского подхода заключается в выявлении влияния на эти аспекты универсальных, общепланетарных тенденций, обеспечивающих саморазвитие различных сторон этого процесса.

Следует отметить, что точка бифуркации в историческом процессе может длиться достаточно долго — годы, а в некоторых случаях десятилетия. Иногда такая точка или их совокупность определяет структуру этапа. При этом особое значение имеют динамические структуры этих точек, опирающиеся на свои внутренние исторические процессы, факты и т.п.

Генезис процесса идентичности России

В контексте самой целостности идентификации государственности, суверенитета ключевыми для идентичности России являются XIII, XIV, XV века как основные этапы её формирования. В XIII столетии, затухающий этап этногенеза Киевской Руси способствовал формированию Московского княжества, которую можно рассматривать в качестве матрицы будущей России. Формированию и развитию этой матрицы способствовало татаро-монгольское нашествие, противостояние и взаимодействие с которым продолжилось в XIV и XV вв. Оно сплотило россиян и обогатило как Россию, перенявшую механизмы государственности, так и Орду, вобравшую многие элементы религии и культуры. В результате возникло мощное российское государство, существующее до сих пор. Особенно рельефно роль татаро-монгольской империи в развитии России представлена в концепциях евразийцев [1].

Среда, воздействовавшая на идентификацию России, была географической, социальной и культурной. Географическая — обладала суровым климатом, огромными просторами и достаточно удобными местами для проживания. Территория России охватывает 11,5 процентов земной суши, на которых относительно мало гор, болот, пустынь и других малопригодных для жизнедеятельности земель. В XIV–XV века многие южные народы спасаясь от послед-

ствий войн, ведомых наследниками Чингиз хана, перемещались по сибирским рекам (сплавом и по льду) дальше на север. Это были в основном тюркские племена, которые вступив во взаимодействие с автохтонными племенами, населявшими эти территории сотни и тысячи лет, образовали новые этнические общности. С XVI века началось продвижение небольших казачьих отрядов из России, главным образом северными путями на восток — «навстреч» Солнцу, что закончилось объединением Московской Руси и Сибири. Это не было колониальным завоеванием в полном смысле этого слова. В южных регионах планеты завоевателем выступал, как правило, пассионарный бедный аристократ, который стремился разбогатеть за счет завоеванных народов, а здесь шел мужик, который начинал работать на новых землях сам и вовлекать в эту деятельность своих соседей. Конечно, были ясак и другие способы подавления, но в целом эти взаимодействия были гораздо мягче, чем в Африке, Америке и в большинстве районов Азии. Совокупность всех этих факторов обеспечивала устойчивость происходящих здесь процессов. Кроме того, суровый климат и огромные труднопроходимые пространства тайги защищали эти территории от проникновения лишних пришельцев и до сих пор Восточная часть России заселена относительно мало по сравнению с другими территориями планеты.

В XIII, XIV, XV веках Россия прошла через несколько следующих ключевых сингулярных точек (точек бифуркации), определивших и эти этапы идентификации, и её дальнейшую судьбу.

1. Выбор Александром Невским в XIII в. пути на союз с татаро-монголами и конфронтацию с Западом. После этого согласно летописи «по всей русской земле наступила тишина великая» [2, с. 242].
2. «Москва стала церковной столицей Руси задолго прежде, чем сделалась столицей политической» [3, с. 377] в первой половине XIV в. Святитель Петр умер в 1326 г. в конце декабря, в 1339 он был причислен к лику святых, в этом же году все русские князья принесли клятву на верность князю московскому. 12,5 лет с точки зрения исторического процесса — это точка бифуркации. И ключевой момент для этапа идентификации.
3. Победа на Куликовом поле в конце этого же века и хотя формально зависимость от Орды продолжалась еще сто лет, с это момента принято отсчитывать окончательную независимость России.
4. Победа нового порядка престолонаследования (от отца к сыну) в первой половине XV в. [4]. Все это укрепило государственность и социальное единство России, так что затем она смогла справиться со смутой начала XVII в., а также многочисленными кризисами и внешними нашествиями последующих веков. У многих исследователей вызывает удивление, что Россия сумела пройти через эти выпавшие на её долю испытания, сохранив основные параметры своей идентичности.

Роль Александра Невского рассмотрим подробнее. «Александру предстоял тяжелый выбор союзника. Ведь выбирать приходилось между Ордой, в которой погиб его отец, и Западом, с представителями которого новгородский князь был хорошо знаком еще со времен Ледового побоища. Нужно отдать должное Александру Ярославовичу: он великолепно разобрался в этнополитической обстановке и сумел встать выше своих личных эмоций ради спасения Родины. В 1251 г. Александр приехал в Орду Батыя, подружился, а затем побратался с его сыном Сартаком, вследствие чего стал приемным сыном хана... В соборном мнении потомков Выбор Александра Ярославовича получил высшее одобрение»[1].

«Таким образом заслуга Александра Невского заключалась в том, что он своей дальновидной политикой уберег зарождавшуюся Россию в инкубационной фазе её этногенеза, образно говоря «от зачатия до рождения». А после рождения в 1380 г. на Куликовом поле новой России ей никакой враг уже не был страшен»[2].

Далее продемонстрировано, как на протяжении этих и последующих этапов формирования идентичности шли процессы её углубления, обретения новых видов устойчивости. А также как происходило саморазвитие идентичности в рамках культуры и ей основных направлений.

---

[1] *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. — М.: Экопрос, 1992. — С. 127.

[2] *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. — М.: Товарищество Клышников, Комаров и К°, 1992. — С. 369.

Основные тенденции, обеспечившие идентичность России

Ключевым моментом для понимания российского этногенеза и особенностей идентичности России является следующее высказывание А. Тойнби. «Три раза в течение тысячи ста лет Россия воспринимала иноземные цивилизации: сначала Скандинавскую, позже Византийскую, затем Западную, причем последнюю — сначала в либеральной, а затем в коммунистической форме <…> Скандинавская цивилизация была подавлена, как только Россия присоединилась к ней <…> Связь России с Византийским миром и Западом длилась дольше, и в каждом из этих двух взаимодействий цивилизация, воздействовавшая на Россию, в дальнейшем оказывалась вовлеченной в перетягивание каната и каждый раз сателлит угрожал поменять роли взаимодействующих сторон, узурпировав себе место солнца и понизив изначальное солнце до статуса сателлита» [5, с. 224]. В приведенном выше отрывке А. Тойнби отмечает совершенно удивительные обстоятельства, когда Россия сумела вобрать в себя ценности трех великих цивилизаций, которые для своего времени были достаточно развитыми и многое определяли в сопредельных странах. Однако эти ценности не подавили российскую самобытность, но были ею творчески переосмыслены и направлены на саморазвитие её собственной идентичности. И Византийское и особенно западное влияние были многомерными, и Тойнби отмечает только наиболее важные радикально преобразованные особенности. Сюда следует добавить и ценности татаро-монгольской империи. Именно перенятая у нею государственная структура позволила России не распасться на отдельные суверенные княжества, что было неизбежным в XIII–XIV вв. без этого взаимодействия, но также трансформировать их, наделив новыми качествами. Здесь также следует подчеркнуть, что взаимодействия с этими четырьмя цивилизациями являются важнейшими этапами формирования идентичности России, но здесь типология этого процесса рассматривается по другому основанию.

Дальнейшие этапы формировании идентичности связаны с определяющей ролью культуры, которая уже много столетий была многонациональной, а начиная с XIX века стала определяющей в процессах формирования идентичности. Именно культура способствовала развитию основных характерных черт идентичности — устойчивости, самобытности, целостности. Вплоть до XVIII столетия отдельные сферы культуры оставались достаточно узкими и касалась прежде всего исторических летописей, которые оставались цельным памятником одного жанра, архитектуры, иконописи, мифологии, эпоса, фольклора. Тем не менее, в этих жанрах были созданы уникальные творения, внесшие свой яркий вклад в формирование идентичности. Это был яркий этап формирования идентичности, который занял свое достойное место в мировой культуре. Архитектура и внутреннее обустройство храмов были во многом заимствованы у Византии, но опять же радикальным образом преобразованы в свои исконно русские стили, а когда итальянские мастера, приехавшие вместе с Софьей Палеолог (Аристотель Фиораванти и другие) стали строить храмы на территории Кремля, они опять же вобрали в себя национальные черты, своеобразно воплотив их в различных городах России. Можно упомянуть кремли, ставшие своего рода брэндом этой идентичности. Что касается Покровского собора (Василия Блаженного) на Красной площади, то его киральная асимметрия долгое время с точки зрения многих культурных авторитетов считалась чем-то непонятным, хотя его творцы Барма и Постник воплотили в этом храме гениальное архитектурное решение. Иконопись также сумела остаться уникальной и самобытной, хотя и опиралась на византийские образцы, но несколько самобытных школ, прежде всего Андрея Рублева пошли в своем творчестве гораздо дальше своих учителей.

Мифология и эпос внесли свой огромный вклад в рассматриваемые процессы. В славянской мифологии — системе переживаний персонифицированных и индивидуализированных сил, влияющих на жизнь человека и природы принято различать «низшую мифологию» — поверья о духах окружающих человека и «высшую» — представления о богах. В славянском эпосе «высшая мифология» остается спорной, поскольку эпоха христианизации и трагические периоды истории русского, а затем российского государства кардинально искоренили основные атрибуты этих мифов, которые понимали как языческие мотивы, способные поколебать устои государства.

Все уровни мира в славянской мифологии располагались горизонтально, находясь очень близко друг от друга. Например, потусторонний мир — рядом с миром людей, в глубине леса, за рекой, в её устье, в соседней роще и т.д. Здесь очень многочисленны и живописно представлены сверхъестественные существа «низшей мифологии» — овинник, домовой, кикимора, хованец, банник, водяной, леший, полевик, полудница, злыдни, черти, бесы и т.п. Даже люди некоторых профессий, например, мельник имели демонический ореол. Некоторые из сверхъестественных существ несли только негативное воздействие, с другими можно было договориться, но в любом случае при этом следовало соблюдать осторожность, а также многочисленные ритуалы и правила.

Русское направление эпоса представлено в былинах, основания которых вобрало в себя огромный материал — от волшебной сказки до исторических героических преданий. Кроме них бурно развивались и эпосы других народов, прежде всего тюркских. К этим эпосам относятся тувинский «Мёге Баян-Тоолай», якутский героический эпос Олонхо, алтайский «Алтай-Бучай», хакасский «Албынжи» [6], узбекский «Алпамыш», каракалпакский «Сорок девушек», казахский «Кобланды-Батыр», киргизский «Манас» [7] и другие. Сравнительный анализ этих эпосов друг с другом позволяет выявить их близость по многим параметрам, причина которой кроется в общем «коллективном бессознательном» народов региона, населявших в доисторические времена Забайкалье, Алтай и всю Центральную Азию, а местом пассионарного взрыва, откуда тюрки распространились в самых различных направлениях, был Горный Алтай. В последнее время интерес к истории и культуре тюрков так же, как и к культуре Великой степи значительно возрос [8–11]. Различные её фрагменты сохранили как раз племена тюркских народов, ушедшие от завоеваний Чингиз-хана и его сподвижников по сибирским рекам далеко на север. Значительную часть этого наследия сохранил якутский героический эпос Олонхо.

Вклад классической литературы в развитие её идентичности

Классической литературе XIX столетия в полной мере присущи отмеченные выше характерные черты идентичности. На этапе её формирования в XIX и XX она стала лидером процесса идентификации России, привнеся в него глубину, широту, заняв свое особое место в соответствующем мировом процессе. Последняя имеет все компоненты, необходимые для устойчивого существования, охватывая все жанры, стили, имея глубокие взаимосвязи между ними. Многие высказывания литературных героев XIX и XX столетий воспринимались как философские афоризмы. Литературная критика вышла далеко за пределы своего жанра, обсуждая не только сами литературные творения, но общую общественно-политическую обстановку и основные тенденции в стране.

Белинский отмечал, что наша литература началась с 1739 г. с «Письма о правилах российского стихотворства» М.В. Ломоносова [12, с. 377]. Сначала стала развиваться в России проза, которая в XVIII столетии достигла определенных высот под воздействием французского классицизма, сложившегося еще в XVII веке как основной инструмент создания общегосударственного искусства. Становление прозы произошло в результате деятельности М.Д Чулкова, Ф. Эмина, Н.И. Новикова, Д.Н. Фонвизина, А.Н. Радищева, И.А. Крылова, Н.А. Карамзина. Новиков организовал широкую работу по переводу художественных, философских, политических произведений французских и немецких просветителей, что способствовало обновлению российских театра и литературы. Среди активных просветителей XVIII столетия следует отметить Н. Поповского, А. Поленова, Я. Козельского, Д. Аничкова, С. Десницкого, И. Третьякова, Н. Новикова, Н Курганова. В 80–90-х гг. к ним добавились А.Н. Радищев, И. Пнин. Затем в 90-х гг. и в начале XIX столетия активно себя проявили Ф. Кречетов, П. Челищев, А. Бестужев, В. Попугаев, А. Кайсаров, В. Малиновский, А. Куницын, А. Лубкин, Т. Осиповский.

Если французский классицизм способствовал формированию русской литературы в XVIII веке, то в начале XIX столетия аналогичную роль активно играли немецкий и английский романтизм. Здесь на первый план вышло развитие поэзии, которое оказалось гораздо более глубоким и широким, достигнув мировых высот и составив основание «золотого века русской поэзии», а затем и всей литературы.

Попытки выразить самобытность имели место в почвенничестве и славянофильстве. Достоевский и Григорьев «полагали, что наука аналитична, тогда как искусство синтетично и поэтому полнее угадывает потребности эпохи и дух народа» [13, с. 394]. Славянофилы исходили из неповторимости пути пройденного русской культурой и считали западное влияние вредным для её развития. «Кто же это так смеется над человеком? <…> Черт, должно быть, — усмехнулся Иван Федорович» [14, с. 152]. Уникальность характеризуется яркими литературными чертами, которые невозможно спутать ни с чем другим. «Подпольный человек» Достоевского, комедии Чехова, которые на самом деле драмы, Иудушка Головлев — невероятный сплав подлости, лицемерия, двоедушия [15]. И везде в русской литературе присутствуют поиски Абсолюта, Всеединства, Богочеловечества.

Заключение

Типология этапов формирования идентичности России проходила по нескольким основаниям. Прежде всего выделены этапы этногенеза — рождение Руси и её трансформация в Россию. Ключевыми процессами и структурами в этом формировании были деятельность Александра Невского, формирование церковных структур столичности в Москве, победа на Куликовом поле, возникновение нового порядка престолонаследия. Затем в качестве основания рассмотрены взаимодействия с четырьмя ведущими цивилизациями того времени и результаты переосмысления их. И, наконец, типологическими основаниями стала культура её жанры, особенности, что сформировало новые этапы, основанные на направлениях культуры и литературе, которые окончательно закрепили характеристики идентичности России, внедрили их в мировую культуру на самом высоком уровне.

Устойчивость и саморазвитие идентификации обеспечивает её универсализм, наиболее ярким проявлением которого в культурных, социальных и политических аспектах является многонациональность. Особенно наглядно это проявляется в эпосе, фольклоре, литературе. Когда затухает развитие по одному из таких направлений, начинает активизироваться другое. Идентичность России формировалась не через рациональные обусловленные разумом схемы, а через бытие. Для российских философов, писателей наиболее важными элементами бытия были полнота жизни, взаимодействие разума и сердца, осмысление пределов мышления и духовности.

Каждый из рассмотренных выше этапов формирования идентичности России имеет свое особое значение. В XIII–XV вв. решающую роль играли политические факторы. Затем в XVI–XVII вв. такими факторами стали архитектура, иконопись, мифология, эпос, фольклор, которые, конечно же, существовали и раньше, но в это время они были осмыслены как целостное мировоззрение идентичности. С XIX столетия на первый план в идентификационном процессе выходит литература. Таким образом проведено исследование процессов идентификации России в контексте подходов, намеченных в философии и сопредельных науках — социологии, политологии, культурологии.

Литературный аспект идентификации совпал с той ролью, которую литература начинает играть в современном мире, вытесняя философию и заменяя её собой. Исследованное направление формирования идентичности России непосредственно связано с вопросами такой замены, которое происходит уже достаточно долго и получило достаточно глубокое развитие. Бурное развитие литературы во второй половине прошлого и в начале нынешнего веков поставило её в один ряд с философией. Новый вид синтеза литературы и философии, начинающийся формироваться в конце XX столетия, имеет ключевое значение для России, поскольку здесь философия во многом была литературной, а литература философской.

Список литературы

1. Русский узел евразийства. — М: Беловодье; 1997.
2. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен в 15 книгах. Книга 2 (т. 3–4), — М.: Изд-во социально-экономической лит-ры, 1960.
3. *Ключевский В.О.* Русская история: Полный курс лекций: в 3 т. — М.: АСТ; Минск: Харвест; 2002.

4. *КожевниковмН.Н., Данилова В.С.* Философское осмысление ключевых веков российской истории. Ч. I. XIV век // Наука и техника в Якутии. — 2015. — № 1(28). — С. 109–113.
5. *Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории / пер с англ. — М.: Рольф, 2002.
6. Героический эпос народов СССР. Библиотека всемирной литературы. — М.: Худож, литература; 1975.
7. Героический эпос народов СССР. Библиотека всемирной литературы. — М.: Худож, литература, 1975. — Т. 2. — С. 576.
8. *Чайка А.А., Ельжанова Е.Т.* Государственность тюрок // Наука и реальность. — 2025. — № 2(22). — С. 41–45.
9. *Белкина А.П.* Сакральные ценности духовной культуры Алтая // Алтайские корни тюркской цивилизации. Материалы международной научной конференции. — Барнаул: Изд-во БГУ, 2023. — С. 85–92.
10. *Балакина Е.И.* Эпическое наследие как феномен культуры и актуальность его исследования и функционирования в современном обществе // Алтайские корни тюркской цивилизации. Материалы Международной научной конференции. — Барнаул: Изд-во БГУ, 2023. — С. 116–125.
11. *Сорокин В.В.* О фундаментальных основах единства славянских и тюркских народов России и Центральной Азии // Алтайские корни тюркской цивилизации. Материалы Международной научной конференции. — Барнаул: Изд-во БГУ, 2023. — С. 244–248.
12. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. — М.: Академия наук СССР, 1955. — Т. 8.
13. Почвенничество. Русская философия. Словарь. — М.: Республика, 1995.
14. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. — Л.: Наука, 1991.
15. *Покусаев Е.Н., Прозоров В.В.* Вводная статья «Господа Головлевы» // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание соч. в 20 т. — М.: Художественная литература, 1972. — Т. 13. — С. 652–694.

Козьякова М.И.
д.филос.н., к.э.н., профессор,
президент АНО «Лига культуры, здоровья, туризма»
markoz@yandex.ru

РОССИЯ И ЗАПАД: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ[1]

Ключевые слова: Россия, Запад, история, дружба, вражда, конфликт, цивилизационное противостояние.
Key words: Russia, West, history, friendship, enemy, conflict, civilizational confrontation.

Проблема взаимовосприятия России и Запада приобретает в настоящее время особую актуальность. Все более обостряется их цивилизационное противостояние, переходя из фазы тихо тлеющего конфликта, проявляющегося в форме экономического, политического, идеологического соперничества к горячей фазе участия, пока еще не прямого, в открытом военном конфликте. Притом никак нельзя утверждать, что Россия являлась инициатором этой тайной или явной вражды. Что же является причиной столь жесткой конфронтации, постоянно тлеющего очага раздора? Раздора, провоцируемого одной из сторон, учитывая такие стратегические планы, как «Операция Немыслимое» или же пресловутый «План Даллеса», направленные на физическое уничтожение и ликвидацию российской государственности, раздробление ее территории, присвоение ее богатств.

Характерно, что с российской стороны никогда не выдвигались подобные агрессивные планы, более того, наблюдалось постоянное стремление к решению конфликтных ситуаций мир-

[1] Сфера интересов: история европейской культуры, эстетика.

ным путем, интенция к дружескому взаимодействию, желание учиться и перенимать передовой опыт, увлечение европейской литературой, музыкой, искусством. Странная ситуация некоей «безответной любви».

Следует отметить, что жесткие методы противоборства, охватывающие широкий спектр — от информационного до экономического — применялись обычно в противостоянии между антагонистическими системами, то есть формационными противниками. Однако исторический пример подобного рода — «холодная война» — не отличался столь ожесточенными, агрессивными и беспрецедентными акциями, бездоказательными обвинениями, как в настоящее время. Необходимо также учитывать, что в данном случае война объявлена суверенному государству, обладающему собственной системой ценностей, собственной идеологией и традициями, сформированными многовековой историей. Практически экспансионистский натиск идет на «Русский мир», а само противостояние происходит в духе хантингтоновского «столкновения цивилизаций», только не предсказанного им конфликта атлантического Запада и ислама, а конфликта Запада и России.

В чем причина этого цивилизационного конфликта? Полагаем, что истоки этого антагонизма кроются не столько в современной политической конъюнктуре, сколько в тысячелетней истории Запада и России.

Специфика геополитического положения Руси детерминирует «пограничность» ее культуры, или же, используя терминологию Н.мБердяева, «внеграничность». Цивилизационное «пограничье» одновременно формирует два, во многом противоположных вектора развития. Типичным является тренд жесткой оппозиции, обороны или завоевания, когда конкистадоры (рейнджеры, коммандос и тому подобные группы) осуществляют колонизацию с применением силового давления, как правило, военного, жестко подавляя и ограничивая самобытность завоеванных народов. Этот сценарий реализован в разнообразных исторических прецедентах, таких как испанская конкиста в Новом Свете, как завоевание колониальных владений ведущими европейскими странами и т.п.

Другой вариант встречается гораздо реже — это тактика ненасильственного взаимодействия, построенная на синтезе и конвергенции, на приятии или заимствовании тех или иных элементов жизненного уклада. Россия является страной со множеством народов, своеобразной «нацией наций». В отличие от США, где используется данная дефиниция, наша «цветущая сложность» не явилась продуктом импорта, она возникла естественным путем, складываясь за счет общности исторической судьбы — судьбы народов в местах своего традиционного проживания. Начав свое историческое развитие на необъятных просторах Великой русской равнины, формирующая русская государственность естественным образом вовлекла в сферу своего влияния имеющиеся здесь людские ресурсы. Более 150 племен, населявших данную территорию, послужили основой складывающейся древнерусской общности, определив многообразие изначальной этнической субстанции. Помимо славян в ее состав вошли угро-финские, тюркские, балтские, иранские этносы[2].

Богатство и разнообразие этнического «материала» опосредуется многообразными культурными влияниями, воспринимать которые Русь была «обречена» в силу своего геополитического положения: южная часть Восточно-Европейской равнины играла роль географического «коридора», «дороги», на которой разворачивалась многовековая драма переселения народов — авары и хазары, печенеги и половцы проходили этим путем. Накатывавшиеся номадические волны несли с собой разрушительные, катастрофические для оседлой земледельческой цивилизации последствия. Закладывая архетипические установки грозной и враждебной «Великой степи», они, однако, вместе с тем формировали привычку к взаимодействию с иными, чужими и чуждыми мирами. Привычку к борьбе и одновременно к диалогу, ставшему впоследствии одной из доминантных характеристик русской культуры. Эти черты стали впоследствии устойчивыми доминантами русской цивилизационной идентичности. Так, Н.А. Бердяев признавал, что русская государственность «выковывалась» в иноземных нашествиях, и речь при этом не могла идти об агрессии: по его разъяснению, она «занимала положение сторожевое и оборонительное»[3].

---

[2] Очерки по истории мировой культуры. — М., 1997. — С. 430–431.

[3] *Бердяев Н.А.* Душа России: сборник статей. — М.: Центрполиграф, 2016. — С. 20.

Об этом же ранее писал и В.О. Ключевский, утверждая, что русский народ «поставлен был судьбой у восточных ворот Европы, на страже, ломившейся в них кочевой хищной Азии»[4].

Еще более значимой, чем ось Запад-Восток, явилась для России северная и южная ориентация — Скандинавия и Византия. Скандинавия в лице своих варяжских дружин дала слой военной аристократии, сформировала военно-дружинный уклад, традиционный для княжеско-боярской среды. Византия же сыграла особую историческую роль — стала связующим звеном между античной культурой и христианским миром, внесла свой неоценимый вклад в генезис европейского Ренессанса, оказала колоссальное культурное воздействие на Русь. Именно оттуда пришло на русскую землю православное христианство, определившее основы русской духовности, было открыто, воспринято, усвоено богатейшее культурное наследие античности.

Империя ромеев являла собой символ богатства и мощи, пример не характерного для той эпохи прочного государственного образования с сильной централизованной властью, организованной бюрократической машиной и армией. Византия, как писал патриарх британской историографии Дж. Тойнби, «опережала западное христианство на семь или восемь столетий, ибо ни одно государство на Западе не могло сравниться с Восточной Римской империей вплоть до XV–XVI вв.»[5]. Бывшая некогда частью Великого Рима, она являлась его наследницей, но христианский Запад и Восток долгое время шли разными путями. Средневековый Запад, будучи бедным, невежественным и воинственным, вряд ли понимал величие цивилизации церемониала, соображения государственной пользы, восточную ученость и культуру — слишком глубока была пропасть между двумя мирами — варварством и цивилизацией.

Трансформация чуждости во враждебность имеет давнюю историю. Известный медиевист Ж. Ле Гофф указывал, что для обитателей средневекового Запада богатство Византии было первым предметом зависти: «Даже для тех людей Запада, которые не созерцали ее чудес, Византия была в средние века источником почти всех богатств»[6]. Завидуя богатству и роскоши Византии, воинственный, бедный, невежественный Запад обвинял восточных собратьев в изнеженности, трусости и манерности. Как мог лангобард постичь страшное оскорбление василевса Никифора, бросившего в лицо епископу Кремонскому Лиутпранду: «Вы не римляне, вы лангобарды!»? Как могли рыцари понять величие этой цивилизации церемониала, осмыслить светскую учтивость, соображения государственной пользы, они — знающие лишь одну добродетель — вассальную верность? Подспудно ощущаемое чувство неполноценности постепенно превращалось в ненависть. Греки отвечали на нее презрением.

Столкнувшись лицом к лицу во время первого крестового похода, византийцы восприняли крестоносцев как грубых, алчных, невежественных варваров. Византия не разделяла идею священной войны, живя отнюдь не военным промыслом, а торговлей. Накопившаяся ненависть, зависть и злоба привели к кровавому эпилогу: Константинополь был захвачен и разграблен участниками четвертого крестового похода. Им достались сказочные богатства: по свидетельству одной из хроник, «никогда еще с сотворения мира ни в одном городе не была взята подобная добыча». А для тех рыцарей, кто еще мог испытывать стыд от безжалостной резни собратьев, был припасен убедительный довод, что «греки вовсе не были христианами и убивать их — это меньше, чем ничто»: византиец считался раскольником, вероотступником, а с 1054 г., времени окончательного разделения конфессий, — еретиком.

Русь, получая крещение из Византии, присоединялась к величественному «материку» православного христианства. Судьба последнего, однако, была трагичной: подобно Атлантиде, он исчезает, но не в морских волнах, а в череде исторических катаклизмов. Падение Византии было связано не только с внутренними проблемами, со слабостью и неспособностью противостоять агрессии Османской империи — последняя завершилась взятием Константинополя в 1453 году. Большую роль сыграло здесь вероломство европейского Запада, которое подорвало обороноспособность христианского государства. Этот исторический нарратив не

---

[4] *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9 т. Т. 2: Курс русской истории. Ч. 2. — М.: Мысль, 1987. — С. 373.

[5] *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. — М.: Прогресс, 1991. — С. 319.

[6] *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. — М.: Издат. группа «Прогресс»: Прогресс-Академия, 1992. — С. 135.

только пагубно отразится в исторической перспективе, но и станет одним из ключевых факторов в истории взаимоотношений Запада и России.

XVI век с полным основанием назван «веком русского одиночества», что резко контрастировало с предыдущем периодом. Падение Византии совпало с возвышением Москвы — она становится центром Московской Руси, собирающей вокруг себя земли. Идея «Третьего Рима» легла на подготовленную почву, стала естественной в данных исторических условиях. «Русские не были узурпаторами, бросающими вызов живым владельцам титула. Они остались единственными наследниками... Русский народ оказался последним оплотом православной веры. Таким образом он унаследовал права и обязанности Римской империи»[7]. Унаследовав права, Россия одновременно унаследовала и сложное, двойственное отношение Запада к восточным христианам: «брат мой — враг мой». Подобное отношение, далекое от идеалов христианского взаимопонимания, после падения Византии перейдет на Россию, надолго определив модус ее восприятия на Западе.

Дальнейшую трансформацию в нашей стране продолжили петровские реформы, коренным образом преобразовавшие быт и мировосприятие правящего класса. Петровская «вестернизация» жестко ориентировала дворянство и городские слои на европейские нормы, сначала на немецко-голландскую модель, а с середины XVIII в. — на французскую. Петровские ассамблеи и европейское платье, пища и развлечения, светский этикет и новый календарь — модернизация в дворянском быту была кардинальной. При всех дифирамбах государю, «прорубившему» окно в Европу, ликвидировавшему, например, «теремной быт», то есть затворничество женщин из привилегированных слоев, нельзя не отметить фатальный негатив многих его культурных новаций. Из-за границы были импортированы далеко не лучшие образцы обихода, но нравы голландского кабака с его простотой и грубостью поведения, чрезмерной выпивкой и курением, прочими атрибутами трактирного разгула[8]. Введение новшеств, преобразующих повседневность, осуществлялись принудительными методами: они вводились обязательными для исполнения указами государя, принявшего титул императора. Парадоксальность ситуации состояла в противоречии цели и средств ее достижения — вестернизация достигалась путем восточно-деспотических процедур — чего стоит одно лишь введение ассамблей, в приказном порядке регламентировавшее свободное времяпрепровождение!

Был также дан старт максимальному обособлению господствующего класса от всех других сословий через внедрение иностранного языка. Так, знаменитое «Юности честное зерцало», ставшее сводом правил для молодого дворянина и во многом определявшее поведение светского человека, прямо советовало «младым отрокам» не говорить между собой по-русски. Была взята ориентация на замену русского языка иностранными, сначала немецким и голландским, а затем, при Елизавете Петровне, французским. В дальнейшем обучение французскому языку станет нормативным для дворян, а в следующем столетии и для определенной части купечества, чиновников, интеллигенции. Французская «супрематия манер, мод и удовольствий» надолго утвердится в России — чистота французской речи станет визитной карточкой, характеристикой субъекта, так же, как и «смесь французского с нижегородским». В контексте доминирования чужого языка, действительно, реальным становился сценарий, когда герои (или героиня) смогут лишь «с трудом» изъясняться «на языке своем родном», будучи при этом, как ни странно, «русскими душою».

Петровская модернизация, несмотря на кажущуюся утопичность самого проекта, тем не менее, состоялась — новые нормы и правила поведения, ценностные установки, при всей их иноязычности и чужеродности, постепенно усваивались русским обществом. Дворянская среда ассимилирует западную культуру, воспринимая инновации как в культуре повседневного обихода, так и в духовно-интеллектуальной сфере — в искусстве, философии, литературе. Появляется новый «язык культуры» (Д.С. Лихачев): кардинальным изменениям подверглась не только модель «внешней» культуры, но и глубинные лингвистические основы, определяющие ментальность. В будущем это заложит на два столетия гегемонию французских мод, обычаев, манер, будет провоцировать космополитизм элиты, ее ориентацию на западные стандарты.

---

[7] *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. — М.: Прогресс, 1991. — С. 496.

[8] *Козьякова М.И.* Исторический этикет. — М.: Согласие, 2016. — С. 90–93.

В последующем возникнет странная ситуация, когда правящий класс станет настолько космополитичен, настолько отдалится от основной массы народа, что на родине на его представителя будут смотреть «как на случайно родившегося в России француза». Как писал В.О. Ключевский, «петровский артиллерист и навигатор через несколько времени превратился в елизаветинского петиметра, а петиметр при Екатерине II превратился в свою очередь в home de letters (литератора), который к концу века сделался вольнодумцем, масоном либо вольтерьянцем; и тот высший слой дворянства, прошедший указанные моменты развития в течении XVIII в., и должен был после Екатерины руководить обществом»[9]. Высший слой терял свою национальную идентичность — аристократические круги повсюду в Европе, как правило, космополитичны, что нельзя безоговорочно отнести к основной массе дворянства и буржуазии.

Абсолютная гегемония французской культуры будет поколеблена в эпоху Александра I, в период, когда страна пережила наполеоновское нашествие. У поколения, сменившего екатерининских вольнодумцев, сформировалось иное мировосприятие: «веселая космополитическая сентиментальность отцов превратилась теперь в детях в патриотическую скорбь», пишет об этой важной перемене Ключевский. «Отцы были русскими, которым страстно хотелось стать французами; сыновья были по воспитанию французами, которым страстно хотелось стать русскими»[10]. Отечественная война, вызванный ею патриотический подъем знаменовали собой важную веху в развитии национального самосознания. В последующем эти явления нашли свое выражение в исторической тематике, в интересе к отечественной истории — к ней обращаются композиторы и поэты, писатели и драматурги. Активизируется изучение фольклора, осмысливается феномен «народности». На Вызов, предложенной нашей национальной культуре в виде давления чужой иноязычной системы, был дан мощный Ответ русской самобытности, составивший золотой фонд русской культуры, поставивший произведения отечественной литературы и искусства в один ряд с величайшими достижениями других национальных культур.

Иностранные исследователи отмечают «имперский ген», присущий большинству населения, как одну из важнейших характеристик российской ментальности, что стало почти уже общим местом западной аналитики. Да, апология державности, пиетет к величию и мощи империи, приоритет государственного интереса, — все эти аспекты объемлет понятие «государственник», ставшее секулярной характеристикой национального менталитета. Дважды на протяжении прошедшего столетия был преобразован российский идентификационный комплекс, государство разрушалось и воссоздавалось заново. Однако ценности, определившие лицо русской культуры, оставались неизменными, обеспечивая жизнестойкость и уникальность «русского мира». Ответ на внешние вызовы, объединение ввиду грозящих опасностей, защита своей земли, своего Отечества являются важным составным элементом идентификационного комплекса. И, действительно, европейцам не понять этой максимы — «умираю, но не сдаюсь», не понять, как стояли насмерть на подступах к Москве панфиловцы, повторив подвиг своих предков в битве при Молодях на подступах к столице более 400 лет назад; как непонятно была она и Наполеону, напрасно ждавшему ключей «Москвы коленопреклоненной». И то же повторялось регулярно в Невском, Полтавском и многочисленных иных сражениях вплоть до нашего времени. Казалось бы, все эти исторические события, которые объемлет крылатая фраза из фильма С.М. Эйзенштейна «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!» должны быть хорошо усвоены нашими европейскими соседями за прошедшие столетия. Однако нет.

Какая же западная идеологема питает это упорство? Будучи европейским, русский народ создал собственную цивилизацию, во многом альтернативную, не похожую на своих соседей. Вероятно, русофобию провоцирует само существование иной, самостоятельной и независимой цивилизации: обширное, самодостаточное европейское государство предлагает миру иные ценности, демонстрирует иные возможности, нежели Запад. В западном проекте Россия является конкурентом и потому она опасна. Лучше всего избавиться от нее определенным образом,

[9] *Ключевский О.В.* Курс русской истории: в 9 тт. — М.: Мысль, 1987–1990. — Т. 5. — С. 167.

[10] Там же. — С. 228.

известным с колониальных времен — огромная территория с большими запасами разнообразных природных богатств всегда служила объектом вожделения для сильных мира сего.

До середины XX в. господствовало убеждение, что именно на пути технического прогресса человечество достигнет процветания и страны Запада, обладающие наиболее совершенной техникой, находятся в авангарде этого движения к лучшему будущему человечества. При этом, правда, апологеты данного «просперити» старались не замечать, что многие достижения были получены за счет беспощадного грабежа многочисленных колоний, эксплуатации и гибели аборигенного населения. Помимо колониальных империй, за респектабельной обложкой западного проекта «демократии и прогресса» скрывались и другие позорные страницы европейской истории. К ним относятся Крестовые походы XI–XIII вв., инквизиция и охота на ведьм, уничтожение политических и религиозных противников, тоталитарные практики, обращенные к низшим сословиям.

Запад, ничуть не стыдясь и не скрывая высокомерия, создает идеологему превосходства «белого человека», которому Богом и судьбой предназначено «цивилизовать» варварское население «остального», «незападного» мира. Rest — это термин, которым обозначают все незападные общества. Он получил широкое распространение после опубликованной в 1994 году статьи С. Хантингтона «Clash of civilizations?». В ней автор выдвинул формулу, ставшую в некоторой степени лозунгом: «West against the Rest» — «Запад против всех остальных». Данный концепт стал активно использоваться для определения не только цивилизационного, но и экзистенциального противостояния, поскольку Rest и в наше время однозначно характеризуется как варварская периферия.

Казалось бы, колониальные империи — это дела и теории давно минувших дней. Но нет, концепт варварской периферии используется и в современной политике, в современных условиях, когда Запад утверждает свою «цивилизаторскую миссию». Например, она фигурирует в монографии Ф. Фукуямы «Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке»[11]. Изменяя лексику на современную, Ф. Фукуяма распространяет эту идею на реалии XXI века, так называемого Нового американского века. Место «дикарей» теперь занимают «страны-неудачники», «государства-изгои»; понятно, что последние назначаются распоряжением главного центра этого однополярного мира. Предполагается, что страны, отнесенные к категории нецивилизованных, своим существованием бросают вызов цивилизованному миру и угрожают мировому порядку. Тем самым не только обосновывается вмешательство во внутренние дела суверенных государств под предлогом их реформирования и модернизации, но и оправдывается прямое вооруженное вторжение: в Афганистан, Ирак, Ливию, Сирию, в другие страны.

Современный дискурс о противостоянии варварства и цивилизации развивается дальше, трактуя Запад как последний оплот в защите цивилизованного мира, а Соединенные Штаты — как некую цитадель, которой грозит уничтожение со стороны варварских народов. При таком подходе США возвышаются «как сияющий град на холме», как Новый Рим, способный сдержать напор «варваров». Эти идеологемы поддерживаются не только американскими, но и европейскими высокопоставленными представителями, достаточно вспомнить высказывание бывшего Верховного представителя Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Ж. Борреля, прозвучавшее не так давно. Он сравнил «привилегированную» Европу с садом, а окружающий ее мир — с джунглями.

Неоколониальная повестка репрезентируется также и практикой, в том числе примерами поведения новых членов объединенного Европейского сообщества — стран так называемой Срединной Европы. Новые страны, не так давно вошедшие в НАТО, стремятся продемонстрировать свою благонадежность. Единожды полученная индульгенция, оправдывающая неоколониальные, а зачастую и прямо расистские действия принадлежностью к «цивилизованному миру», проявляет себя все в новых обличьях. Например, современные идеологи маленьких прибалтийских государств, третируя своих сограждан, говорящих на русском языке, ограничивая их в правах, почему-то умалчивают об истребленных Тевтонским орденом исконно обитавших на берегах Балтики балтийских славянах, остатки которых были онемечены и смеша-

[11] *Фукуяма Ф.* Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. — М.: АСТ; Хранитель, 2006.

лись с этническими группами эстов, ливов и других. Концепция «Drang nach Osten» (натиск на Восток) — фашистский лозунг и одновременно ключевой элемент нацистской идеологии — тоже была заимствована у Тевтонского ордена времен его средневековых походов в Прибалтику. Славяне были истреблены в ходе немецкой агрессии наряду с долго сопротивлявшимися пруссами, от этноса которых осталось только имя, ононим Пруссия, превратившийся в синоним германского милитаризма.

Политизация исторических реалий, кардинальная переоценка совместного прошлого, в том числе периода борьбы с фашизмом, привели к подъему националистических движений, к оправданию многих преступлений, совершенных карателями в годы Второй мировой войны. Пресловутая свобода слова, официально закрепленная правовыми институтами Запада, давно уже канула в прошлое. Печатные и электронные средства массовой информации согласованно и практически неотличимо выступают по многим международным вопросам, по острым актуальным проблемам. В их числе могут быть названы темы, связанные с генеральной антироссийской линией атлантических правительств, будь то присоединение Крыма, антироссийские санкции или же проблематика СВО. Создается и активно внедряется в сознание соотечественников образ России как врага, заботливо взращивается антироссийская идентичность. Практически уже выросло целое поколение, воспитанное не на идеалах европейского добрососедского взаимопонимания, а на готовности противостоять «имперским притязаниям Москвы».

Интерес в плане опровержения распространяемых Западом инсинуаций о якобы «агрессии» и «захвате» чужих территорий нашей страной представляет история вхождения в состав Российской империи различных субъектов, которые в дальнейшем, по большевицкому принципу национального деления СССР, получили статус республик. В наше время, уже после распада СССР они были провокационно объявлены «захваченными», «оккупированными». Как пример можно привести Грузию, зажатую между крупными исламскими государствами Ираном и Турцией. Прежде чем она была принята в состав Российской империи, она несколько раз просила об этом ввиду внешней угрозы и несколько раз ей отказывали, поскольку это автоматически влекло бы за собой необходимость ее военной защиты.

В западной литературе конца XX — начала XXI вв. распространился так называемый «стандарт цивилизации», определяющий набор характеристик, которыми должна обладать нация или страна, чтобы «войти в семью цивилизованных народов». Россия, со своей огромной территорией и множеством народов, обитающих здесь, со своими сложившимися за многовековую историю традициями и своим суверенитетом явно не вписывается в этот атлантический стандарт, тем более что она еще и сейчас может представлять собой некое «имперское» начало. Российская империя, однако, являла собой нечто нетипическое, не характерное для этого вида государственных образований. В отличие от других империй Россия не эксплуатировала, не грабила свои колонии, которых у нее не было, не допускала дискриминации по национальному или конфессиональному признаку, она зачастую вступалась за другие народы, подвергавшиеся гонениям или опасности геноцида. Так было при освобождении балканских народов от османского владычества, при освобождении Европы от фашизма. В отличие от Запада Россия утверждала иные ценности, проводила иную политику — не войну, но мир, не конфликт, но сотрудничество, не вражду, но дружбу. Так, именно по предложению России в Европе в 1899 году была созвана первая международная конференция по разоружению.

Сравнительный цивилизационный анализ, к примеру, английской и российской империи, будет особенно наглядным, если проанализировать, как по-разному относился центр к своей периферии. Показательно, как за счет грабежа своих колоний обогатилась метрополия, вывозившая все ценности, до которых англичане физически могли добраться, вплоть до позолоты с потолка дворцов. Некоторые ободранные «цивилизованными» господами колонизаторами дворцы до их пор стоят неотреставрированными. Характерна в этом плане также история бельгийского Конго с его каучуковыми плантациями. В так называемом «Свободном государстве Конго», фактически принадлежавшем бельгийскому королю, добыча каучука была связана с потрясающими жестокостями, в том числе с массовым отрубанием рук конголезцам, в том числе детям. Правление Леопольда II оставило мрачный след в истории Бельгии, тем не менее, в 30-х годах ему был установлен памятник.

Американцы уничтожали племена индейцев, загнав последних выживших в резервацию, а англосаксы обладали самой большой в мире колониальной империей. Тем не менее, призыва к покаянию нет ни в американской, ни в англосаксонской истории. По западной версии, именно наша история является кровавой, а правители наши — сплошь тираны, как это и произошло, например, с Иваном Грозным. Следовательно, «цивилизованный мир» имеет право на отмену русской культуры, на войну и уничтожение русских — это не терроризм, это «стремление к свободе и демократии».

Главной опасностью, основной угрозой современного этапа цивилизационного развития является международный терроризм и нацизм — националистические настроения в Европе, нацизм, действительно, переживают в настоящее время некий период возрождения. В определенной степени он связан с информационной, идейной войной с Россией, с попытками переписать историю, дискредитировав подвиг нашего народа, спасшего Европу от фашизма. Эти риски обостряются «цветными революциями», военными вторжениями, расширением географии конфликтов и локальных войн. Созданная с большим трудом система международного права заменяется средневековым «правом сильного», которое используют, не оглядываясь на законы и договоры.

В этой ситуации вопрос об отношении к собственной культуре и истории приобретает особую значимость, и поворот государственной политики, информационной повестки, связанный с осуществлением СВО, совпадает с общественным мнением. Необходимо отметить, что еще почти 10 лет назад, в «Основах государственной культурной политики», утвержденных Президентом РФ Путиным В.В., культура признавалась «неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности», тем более это актуализировано сейчас.

Косиченко А.Г.
д.филос.н., профессор,
гл.н.с. Института философии, политологии и религиоведения
Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

ПОЗВОЛЯЕТ ЛИ МНОЖЕСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОХРАНЯТЬ ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНСЕНСУС?[1]

Ключевые слова: множественная идентичность, общественный консенсус, человек, общество, современность.
Key words: multiple identity, public consensus, person, society, modernity.

Одной из самых ярких граней современности становится размывание идентичности человека и общества. Чем в большее число разнообразных связей и отношений вступает человек, чем в большем количестве сфер он функционирует, чем многообразней он позиционирует себя, тем множественней набор его идентичностей. Наряду с классическими формами идентичности: гражданской, этнической, религиозной, половозрастной и др., формируется идентичность, сопряженная с вхождением человека в цифровое пространство. Нарастает количество признаков, по которым человек себя идентифицирует, кроме того, в ряде случаев становится неопределенной его идентичность и по какому-то одному признаку, как это распространено сейчас, например, в Юго-Восточной Азии в отношении религиозной идентичности, когда человек является и синтоистом, и буддистом одновременно. Он не переходит из религии в религию; он одновременно и синтоист, и буддист. Этот феномен разрастается и на Западе — католик посещает протестантские собрания; протестант одной деноминации является членом еще и другой, если ему нравится католическое богослужение, он посещает и его. Такая ситуация

[1] Статья подготовлена в рамках финансирования КН МНВО РК (BR31714927 «Множественные идентичности и общественный консенсус в социетальных контекстах казахстанской динамики: поиск моделей гражданского единства в условиях гибридных вызовов»).

не вполне традиционна. Человеку как бы «тесно» в конкретной религиозной традиции, он расширяет ее до нескольких.

Казалось бы, религиозная идентичность должна быть четкой, однозначной, во всяком случае так было до недавнего времени. Но вот в последние два десятилетия и она размывается. Это интересный феномен, присмотримся к нему — он многое говорит относительно неоднозначности, параллельной и даже множественной идентичности, нарастающей в современном мире.

Множественная религиозная идентичность стала предметом исследования лишь недавно, не более пятнадцати лет назад. Причем анализировали этот феномен исключительно западные исследователи. Одной их первых была издана монография Кэтрин Корнелл «Много обителей?: Множественная религиозная принадлежность и христианская идентичность», в которой она писала, в частности: «В мире, кажущемся неограниченным выбором в вопросах религиозной идентичности и принадлежности, идея принадлежности исключительно к одной религиозной традиции или использования только одного набора духовных, символических или ритуальных ресурсов больше не является самоочевидной. Зачем ограничивать себя исторически и культурно обусловленными символами и ритуалами одной религиозной традиции среди богатого разнообразия символов и ритуалов, представляющихся религиозному воображению?»[2].

В журнале «Open Theology» № 3 за 2017 год были опубликованы статьи нескольких исследователей, в которых всесторонне анализировался феномен множественной религиозной идентичности. Концептуально эти статьи достаточно значимы. Пол Хеджес, профессор межрелигиозных исследований Кембриджского университета в обширной статье «Множественная религиозная принадлежность после религии: теоретизирование стратегического религиозного участия в общем религиозном ландшафте как китайская модель» обращаясь к верованиям, практикам и традициям религий, показывает, что какой-то частью человек может принадлежать одним из них, а другой — пребывать в других. Именно это позволяет говорить о множественности религиозных идентичностей. Еще одним тезисом Хеджеса является тезис о динамизме понятий «религия» и сопутствующих терминов, что также приводит к смешению верований.

Даан Ф. Оостеен, известный исследователь религии из Амстердамского университета, в статье «Множественная религиозная принадлежность: герменевтические вызовы для теологии религий», анализирует оппозицию «партикуляристов», отстаивающих позиции религиозной моноидентичности и плюралистов, утверждающих естественность множественной религиозной идентичности, и приходит к выводу, что религиозная идентичность связана с культурными традициями и региональной спецификой. «Западные концепции религиозного многообразия, — утверждает Даан Ф. Оостеен, — фокусируются на взаимоисключающем характере религиозных традиций. В Восточной Азии религиозные традиции часто рассматриваются как взаимодополняющие учения, каждое из которых сосредоточено на определённом аспекте жизни». На метафоричности и разноуровневости религиозных понятий строит свое видение множественности религиозной идентичности У. Баатц из Венского университета в работе «Территория, отношения или путь: Краткий обзор метафор “Двойной религиозной принадлежности”». Она привлекает внимание к тому факту, что в буддизме, например, нет понятия «религия», и, соответственно, «множественность религий» также исчезает. Джонатан Вайденбаум (Беркли-колледж, Нью-Йорк) связывает множественность идентичности в религии с десакрализацией священного. Джоантин Бергхейс (Амстердамский университет) в статье «Множественная религиозная принадлежность в Нидерландах: эмпирический подход к гибридной религиозности» на обширном эмпирическом материале показывает, что множественная религиозная принадлежность тождественна гибридной религиозности. Стив Брюс (Университет Абердина), в статье «Множественная религиозная принадлежность: концептуальный прогресс или отрицание секуляризации?» настаивает на искусственности и завышенности объемов множественной религиозной принадлежности. Рианнон Грант (Центр

[2] *Cornille C.* Many Mansions? Multiple Religious Belonging and Christian Identity. — New York: Orbis Books, 2010. — P. 3.

изучения квакеров, Бирмингем) в статье «Играя во множество религиозных игр: витгенштейновский подход к множественной религиозной принадлежности» подчеркивает игровой характер множественной религиозной принадлежности.

Какой вывод можно сделать из нашего обращения к феномену множественной религиозной идентичности? Если даже и религиозная идентичность (с которой связывался смысл жизни человека и его посмертная судьба) становится множественной в выше обозначенных смыслах, то что же говорить об идентичности в иных отношениях, менее судьбоносных и более «приземленных»? Они множатся и множатся, утрачивая при этом свою определенность.

Множественная идентичность могла бы быть выигрышной для человека, т.к. он обретает многогранность; но существует реальная опасность растворения личности в этой множественности и распыления содержания личности. Последнее ведет к отказу от ответственности; не ясно, какая грань множественной идентичности человека будет отвечать за поступки, за поведение, за результаты выбора и т.д. Множественность идентичности вместо того, чтобы обогащать личность, ведет к ее аморфности, к отсутствию четкой жизненной позиции. В условиях множественной идентичности человек относится поверхностно к своей идентичности. Эту поверхностность глобальные силы и насаждают для размывания личности с последующей ее ликвидацией. Идентичность мало того, что множественна и неопределенна, она еще и «текуча» — разрушаются устойчивые связи, никакие референтные группы не обладают абсолютной привлекательностью, все смещается в сторону субъективного выбора, доходящего до солипсизма. «В настоящее время не хватает именно таких паттернов, кодексов и правил, которым можно подчиняться, которые можно выбрать в качестве устойчивых ориентиров и которыми впоследствии можно руководствоваться. Это не означает, что наши современники руководствуются исключительно своим собственным воображением и решительностью и свободны выбирать образ жизни на пустом месте и по своему усмотрению или что для построения своей жизни им больше не нужно брать от общества строительные материалы и чертежи. Это означает, что теперь мы переходим из эры заранее заданных «референтных групп» в эпоху «универсального сравнения», в которой цель усилий человека по строительству своей жизни безнадежно неопределенна, не задана заранее и может подвергнуться многочисленным и глубоким изменениям...»[3].

Классическое понимание идентичности исходило из того, что идентичность — это всегда выбор внутри системы с доминирующим ядром (историческим и ценностным) — этнос, государство, религия и т.д. Это был центральный момент в понимании сущности идентичности. Идентичность при этом была не произвольна, она была укоренена в истории, традициях, ценностях. Формирование идентичности, а также ее утрата, рассматривались в связи с ценностной системой, внутри которой идентичность получает свое содержание. «Смысл взаимосвязи формирования идентичности и ценностных ориентацией заключается именно в том, что в случае крушения наших ценностей нам непросто сохранить свою идентичность, точно так же как в случае кризиса идентичности нам сложно сохранить свои ценностные ориентации»[4].

В последние десятилетия такое понимание идентичности подвергается жесткой критике. Считается, что классическое видение сущности идентичности устарело. В парадигме постмодернистского понимания идентичности признается, что идентичность не может базироваться на стабильной системе ценностей. Ярчайший представитель этого похода Ричард Рорти, пишет, иронизируя над классическим видением идентичности: «Традиционный взгляд на человеческую ситуацию рисует такой образ людей, в соответствии с которым они представляют собой не просто сеть убеждений и желаний, а некие сущности, обладающие такими убеждениями и желаниями. Традиционная точка зрения заключается в том, что существует ядро самости, которое может рассматривать, выбирать, использовать и выражать себя через эти верования и желания»[5].

Свой же взгляд на идентичность Р. Рорти излагает так: «Я бы хотел показать, что такие понятия, как “мораль”, “справедливость”, “добро”, не нуждаются во внеисторическом обо-

---

[3] *Бауман З.* Текучая современность. — СПб.: Питер, 2008. — С. 13.

[4] *Йоас Х.* Возникновение ценностей. — СПб.: Алетейя, 2013. — С. 214.

[5] *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность. — М.: Русское феноменологическое общество, 1996. — С. 31.

сновании, что предпосылкой и исходным пунктом формирования нравственного самообраза индивида является осознание им собственной принадлежности к определённому конкретно-историческому сообществу (или традиции), и что такое представление не является ни безответственным, ни социально вредным или опасным. Разнообразие этических представлений, предопределённое несовпадением прагматистских интенций и способов самоотождествления, исключает здесь возможность какой-либо унификации. Большинство моральных дилемм является отражением того несомненного факта, что многие люди находят естественным отождествлять себя не с одним, а одновременно с двумя или несколькими сообществами (реальными или воображаемыми), считая необязательной постановку вопроса о том, в отношении какого сообщества самость должна подвергнуться маргинальному "отстранению". Такое разнообразие идентификаций возрастает с повышением уровня образованности и культуры; число сообществ, с которыми личность могла бы отождествлять себя, увеличивается с развитием цивилизации»[6]. Можно видеть, что Р. Рорти делает выбор идентичности во многом случайным процессом, не укорененном ни в культуре, ни в каких-либо ценностных системах.

Мы не разделяем постмодернистское видение сущности идентичности, считая его сознательно фрагментаризированным, но надо признать, что в нем схвачена одна из центральных тенденций трансформации идентичности в современном мире. А именно: идентичность становится столь множественной, что в этой множественности растворяется четкое, ясное и основное содержание процесса формирования идентичности. Если реальность будет трансформироваться в данном направлении, то вскоре станет бесполезно говорить об идентичности как определенном содержании личности или общества в том или ином контексте. Идентичность перестанет что-либо значить, она станет набором неопределенных качеств, к тому же все время изменяющихся. Появились подходы, в которых идентичность признается «пластичной» и «текучей» (как у З. Баумана). Причем это не изыск, не оригинальничание, а трезвый методологический подход к раскрытию сущности идентичности в современных условиях. Такое понимание идентичности не дает оснований рассматривать ее в качестве консолидирующего социум фактора.

«Процессы формирования идентичности в современном мире предельно сложны. К тому же, сами процессы социальной, этнической, поколенческой, религиозной и иных форм идентичности оказывают значимое, подчас определяющее влияние на состояние общества и на политику государств как внутреннюю, так и внешнюю. Различные формы идентичности человека и общества взаимодействуют между собой, существенным образом влияют друг на друга, что и создает систему идентичностей, систему в высокой степени динамичную и неустойчивую»[7]. Процессы формирования идентичности не только усложняются, они еще и выливаются, как было показано выше, в множественную идентичность, что ведет к деконструкции идентичности как таковой. Последнее же разрушает общественную солидарность, общественный консенсус. Общество распадается на социальные сегменты, имеющие очевидно партикулярные устремления и интересы. Встает задача выстраивать социальную консолидацию из множества разнородных и разноуровневых идентичностей. А вместе с тем сегодня как никогда ранее потребна консолидация общества, так как в отсутствии консолидации общество, а вслед за ним и государство, теряет способность адекватно отвечать на современные вызовы и угрозы, которые все множатся и углубляются.

К тому же и сам феномен общественного консенсуса стал в высокой степени неопределенным, что отразилось на размывании понятия общественного консенсуса. Вместо достаточно ясного понимания консенсуса именно как общественного согласия, причем согласия не по какому-то частному аспекту развития общества, но по самым существенным граням его бытия, мы видим обновленное понимание консенсуса как результата сознательного соглашения различных социумных слоев и групп, не настаивающих на своих глубинных интересах; как осознанного компромисса, крайне динамичного и внутренне противоречивого, готового взор-

[6] *Рорти Р.* Постмодернистский буржуазный либерализм. — http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_09/1999_9_08.htm.

[7] *Косиченко А.Г.* Можно ли рассматривать общую идентичность в качестве фактора социальной консолидации? // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы: материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 24 февраля 2025 г. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2025. — С. 49.

ваться при даже и не критическом давлении на него. Таков сегодня общественный консенсус, и с таким его статусом и содержанием приходится считаться. То есть, теперь мы имеем не консенсус в его прежнем понимании — как стратегическое и глубокое согласие — а консенсус как цель поддержания консенсуса; несмотря на несогласия сторон, удерживать консенсус как запредельный компромисс. Такому пониманию общественного консенсуса множественная идентичность вполне соответствует.

Сторонники постлиберальной идеологии не видят в отсутствии социальной консолидации большой беды, они рассматривают дезинтеграцию общества как естественный результат постиндустриального развития и возрастания индивидуализма на всех уровнях общественного организма. «Дезинтеграция социальной сети, распад эффективных организаций коллективного действия часто бывает отмечен большой тревогой, и о нем сожалеют как о непредвиденном «побочном эффекте» новой легкости и текучести, все более и более мобильной, нестабильной, переменчивой, неуловимой и мимолетной власти. Но социальная дезинтеграция является как условием, так и результатом новой техники власти, использующей свободу и искусство ускользания в качестве своих главных инструментов. Чтобы власть могла быть текучей, мир должен быть свободен от заборов, барьеров, укрепленных границ и контрольно-пропускных пунктов. Любая плотная сеть социальных обязательств, и особенно основанная на территориальном принципе, является препятствием, которое необходимо убрать с пути. Глобальные силы склонны разрушать такие сети ради непрерывности и развития своей текучести, этого основного источника их могущества и гарантии их непобедимости»[8]. То есть, признается, что современность не нуждается в консолидированных обществах, и «дезинтеграция социальных сетей» — условие, позволяющее реализовать идеи единства человечества на наднациональном, мировом уровне. Это глобалистский проект, и он реализуется, несмотря на некоторые трудности, встающие на пути построения нового мирового порядка.

Для управления человеком и человечеством множественная текучая идентичность очень удобна. Различные идентичности в этом случае плохо совместимы, вступают в противоречия между собой. Это имеет место как на личностном, так и на социумном уровне. Возникают неограниченные возможности манипуляции человеком: коль скоро он и такой, и другой, и третий, а реально он никакой, то и сопротивляться человек не будет; он примет ту реальность, которая продемонстрирует свою успешность. У человека нет ответственности за себя, нет задачи удерживать общество от распада, в обществе же нет солидарности, утрачиваются общественные ценности, общество не консолидировано, что, как говорилось выше, крайне опасно для общества, а со временем и для государства — это путь к утрате им своего суверенитета.

Возможен ли общественный консенсус в его традиционном понимании в этих условиях? И если возможен, как его осуществить? Консенсус нужен и возможен. Имеется два пути удержания общественного консенсуса в этом случае. Первый — несмотря на множественную идентичность, существуют устойчивые аспекты различных форм идентичности, их и надо положить в основание консенсуса. Множественные идентичности останутся и даже будут умножаться, но они будут дополнением к основным, будут своего рода украшением процесса, его антуражем. Конечно, этот путь не опирается непосредственно на множественную идентичность, а как бы ее обходит. Второй путь — вплотную использовать множественную идентичность. Для этого надо использовать множественную идентичность — которая расшатывает общественный консенсус — для его же укрепления. Сегодня не исключена такая постановка вопроса — все стало настолько противоречиво и неустойчиво, что невозможное ранее становится возможным именно в силу «логики абсурда». Множественная идентичность порождает систему с таким количеством параметров и с такой их динамичностью, что имеется вероятность сочленения этих параметров и порождения достаточно устойчивых связей между этим многообразием. Надо только чуть-чуть подтолкнуть развитие ситуации в этом направлении. И вместо распада общественных связей мы получим динамичный общественный консенсус, соответствующий реалиям современности — сложные системы позволяют получать предзаданный результат.

[8] *Бауман З.* Текучая современность. — СПб.: Питер, 2008. — С. 21.

Котлярова О.В.
к.ф.н., доцент,
доцент Владимирского филиала РАНХиГС при Президенте РФ
olya-apriori@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИЧНОСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Ключевые слова: политическая самоидентичность, политическое восприятие, политическое сознание, политическая социализация, когнитивный, эмоциональный, волевой компоненты, результаты политического восприятия.

Key words: political perception, political consciousness, political self-identification, political socialization, cognitive, emotional, volitional components, results of political perception.

Молодым людям сложно интерпретировать предлагаемую политическую информацию, они нуждаются ретрансляторе, в роли которого часто выступают политические акторы, преследующие определенные цели. В этой связи современной молодежи особо важно понимать закономерности функционирования политического восприятия, сознания, самосознания, чтобы иметь возможность управлять ими и формировать политическую самоидентичность.

Мы считаем, что политическая самоидентичность является результатом политического восприятия, а от ее сформированности зависит адекватность политической активности субъекта.

Чтобы политическое сознание «проявилось», должны измениться внешние и внутренние условия восприятия. В фокус внимания воспринимающего субъекта должен попасть политический объект, имеющий для субъекта особую значимость и вытесняющий другие объекты на периферию сознания.

Политология чаще рассматривает политическое сознание в качестве части массового сознания и его политизированного сегмента. Политическое сознание работает как ориентир в оценке массами и большими, часто неконтролируемыми группами индивидов политических изменений, политический партий, событий, правительства и т.д. Перечисленные компоненты в той или иной степени определяют состояние массового политического сознания, которое, по мнению Е.Б. Шестопал, представляет собой «широкий набор психологических феноменов»[1], в состав которых включены мотивы, ценности, установки, потребности и многое другое.

Ядром политического сознания является политическое самосознание, под которым понимается отношение воспринимающего субъекта к самому себе как к части политической действительности, политическое восприятие самого себя и встраивание своей личности или своей группы, своего сообщества в политический контекст[2]. Политическая самоидентичность позволяет субъекту найти свое место в политическом мире.

Воспринимающий субъект, сопоставляя себя с другими политическими субъектами (людьми или группами людей), либо отождествляет себя с ними, либо противопоставляет себя и свои политические убеждения чужим убеждениям[3]. Индивид может противопоставлять себя группе или отождествлять себя с ней, а также противопоставлять свою группу чужой группе или объединять свою и чужую группы. С этими процессами связано национальное самосознание и политическая самоидентичность[4]. В этой связи очевидна связь политической самоидентичности с исторической памятью и культурной памятью страны и ее народа[5].

---

[1] *Шестопал Е.Б.* Психологические особенности российских политических элит и рядовых граждан // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2015. — Т. 11. — № 3. — С. 5–15.

[2] *Сурхаев А.Х.* Этапы и факторы исторического становления политической субъектности Чечни и политического самосознания чеченцев в VIII в. // Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. — 2023. — № 2. — С. 112–116.

[3] *Панин В.Е., Понявина М.В.* Влияние социальных сетей на самосознание и политическое поведение населения современной России // Вести научных достижений. — 2020. — № 7. — С. 20–24.

[4] *Лиханова Т.Ю.* Социокультурные аспекты трансформации национального самосознания в постсоветский период: социально-политический анализ // Социально-политические науки. — 2023. — Т. 13. — № 4. — С. 55–64.

[5] *Котлярова О.В.* Политическое восприятие в историко-философской концепции // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2024. — № 3. — С. 158–164.

Таким образом, политическая самоидентичность является результатом политического восприятия. Интересно проследить, каким образом формируется политическая самоидентичность.

Целью проведенного исследования является анализ формирования и динамики политической самоидентичности у представителей новых поколений современной России в конкретных субъектах Российской Федерации.

Методы

В 2023–2024 годах нами проводилось исследование, позволяющее оценить развитие когнитивного, эмоционального и волевого компонентов политической самоидентификации. В опросе приняли участие 1487 обучающихся в Президентской академии в возрасте от 18 до 24 лет. Мы намеренно не расширяли возрастной показатель респондентов с целью увидеть сформированность самосознания именно у студенческой молодежи.

Отметим, что выборка не имела репрезентативного для всей России характера, представлен срез, валидный для центральных регионов. Выборка была уравновешена по возрасту и образованию респондентов. Основные замеры проводились во Владимирской, Ярославской, Нижегородской, Ивановской, Московской областях. Гендерное соотношение участников опроса представляет собой соотнесенность 67% (девушки) к 33% (юноши).

В каждый из предложенных ответов «вшиты» отсылки для оценки когнитивного, эмоционального и волевого компонентов политической самоидентичности. В каждом ответе есть данные, оценивающие осведомленность респондента в спектре политических вопросов, обязательно присутствует оценочный компонент, а также есть ориентир на большую или меньшую проявленность политической активности. Мы считаем, что метод интроспекции, то есть самонаблюдения, в процессе изучения политической самоидентичности оптимален, потому что позволяет изнутри и из первоисточника оценить наличие политического самосознания, степень его развития.

Результаты

На вопрос «Насколько хорошо Вы ориентируетесь в современной политической реальности» наибольший процент респондентов (56%) выбрали следующий ответ: *«Периодически читаю новости, интересуюсь информацией. Считаю, что несмотря на информационные войны, можно относительно объективно представить политическую ситуацию, в которой мы живем»*. На наш взгляд, подобная тенденция может быть охарактеризована как положительная, потому что больший процент участников опроса чувствует уверенность и определенность при восприятии политической действительности.

Меньший по численности процент опрошенных (31%) выбрали ответ: *«Мне небезразлична судьба страны, однако политическими событиями я интересуюсь мало. Думаю, что информация из любых источников доходит до нас в искаженном виде, поэтому не считаю нужным ее анализировать»*. Участники эксперимента согласились с тем, что испытывают чувство дискомфорта, связанное с дезориентацией в политических событиях. Респонденты считают, что точка зрения об информационной дезориентации традиционна, она подтверждается в социальных сетях и социальных медиа.

Небольшой процент участников (10%) отметили: *«Я интересуюсь тем, что происходит, анализирую управленческие решения власти и их последствия. Для меня важно политическое будущее нашей страны»*. При выборе этого ответа респонденты добавляли сопутствующие комментарии следующего характера: *«считаю, что часть информации доходит искаженно; быть активным и высказывать свое мнение мало возможно, так как мнение часто осуждается и считается неправильным»*. Важно, что даже при выборе ответа, утверждающего активность выбранной политической позиции, опрашиваемые сомневаются в необходимости придерживаться этой позиции.

Совсем небольшой процент участников (3%) подтвердили собственную политическую дезориентацию. Они отметили: *«Я не ориентируюсь в политической реальности. В моей жизни*

достаточно стрессов. Я не готов усугублять свои проблемы дополнительными вопросами, связанными с политическими изменениями в стране и мире». Такой ответ говорит об отказе от общественных интересов и от решения общеполитических проблем.

На вопрос: «Как Вы понимаете свое место в политической системе страны и процессах, реализующихся в политическом пространстве?» большинство опрошенных (65%) выбрали ответ: *«Я хожу на выборы, потому что важно делать собственный, обдуманный, целенаправленный выбор. Считаю, что мой голос имеет значение для политического будущего страны. Думаю, что все учитывается, значит надо участвовать и быть осознанным. Необязательно действовать агрессивно и демонстративно, важно быть активным и иметь четко сформированную политическую позицию. В других политических мероприятиях не участвую (участвую редко)»*. В сознании студентов четко сформулирована мысль о том, что активная гражданская позиция проявляется через участие в выборах.

Негативной, на наш взгляд, тенденцией является выбор 20% респондентов ответа: *«Я считаю, что мой голос ничего не решает, поэтому не хожу на выборы. Мало интересуюсь политическими новостями. Свою позицию не демонстрирую, потому что она не особо сформирована. Я просто житель своего города и региона. Не думаю, что занимаю какое-либо место в политическом пространстве»*. В выбранном ответе демонстрируется не просто политическая индифферентность, то есть неготовность воспринимать политические изменения и участвовать в политических процессах.

Еще более закрытой и отстраненной позицией выглядит мнение респондентов, выбравших ответ: *«Я не занимаю какого-либо места в политической системе страны. Не имею к этому никакого отношения»*. Оптимистичным кажется, что выбор такого ответа касается наименьшего процента опрошенных (10%). Однако это немалый процент в общей выборке: если учесть, что в опросе приняли участие 1487 студентов, то 149 из них не видят своего места в политической системе своей страны и считают, что такого места нет.

Противоположную тенденцию демонстрируют 5% участников. Они выбрали ответ: *«Я активный гражданин своей страны. Считаю, что при необходимости нужно участвовать в политических мероприятиях (митингах, демонстрациях, собраниях). Надо публично и открыто демонстрировать свое восприятие политических изменений. Это наше право и обязанность»*.

Беседуя с опрошенными после исследования, мы сделали вывод о том, что участники соглашаются с тем, что они неохотно берут ответственность за проявление активности. Респонденты признаются, что легче и спокойнее согласиться с собственным бездействием, неучастием, даже пассивностью, чем принимать последствия проявления активности.

На вопрос «Считаете ли Вы, что состоялась Ваша политическая социализация (политическая социализация — процесс и результат вхождения личности в политическое общество, адаптация в нем, определение совей позиции, своего места в политической реальности)?» самый большой процент опрошенных студентов (63%) считает, что находятся на первоначальном этапе политической социализации. Они выбрали ответ: *«Политическая социализация — длительный и небезбарьерный процесс. Наверное, я нахожусь на первых стадиях, потому что мое вхождение в общество, в том числе и политическое, только начинается»*. Возможно, такой результат объясним возрастом респондентов (до 25 лет) и отсутствием не только политического, но и жизненного опыта. Однако присутствовали 12% участников исследования, уверенных в том, что они успешно прошли политическую социализацию. Такие респонденты считают себя политической личностью, уверены в сформированности собственной политической позиции, а также в своей компетентности в этой сфере деятельности. Они выбрали ответ: *«Конечно. Если я голосую и имею право влиять на ход голосования и результаты выборов, значит, являюсь полноценным членом гражданского общества. Моя политическая социализация состоялась. Я имею сформированное мнение о политической реальности, ее акторах и изменениях, в ней происходящих»*.

Внушительный процент опрошенных (20%) не считают процесс политической социализации чем-то первичным и экстренно необходимым для развития личности. Такие участники опроса считают: *«Важно своевременно адаптироваться в современном обществе. Политическая социализация не первый вопрос, который меня интересует... Я пытаюсь найти свое*

место в жизни, политическая социализация — дополнительный процесс, который реализуется сам собой». В оценочной характеристике данного ответа присутствует значение того, что воспринимающий субъект абстрагируется, отстраняется от процесса политической социализации, считая его самим собой разумеющимся, происходящим параллельно с обыденными, бытовыми процессами.

Значимо отметить небольшой, но весомый процент (5%) опрошенных, игнорирующих и не воспринимающих процесс политической социализации. Они считают: *«Я не понимаю, что такое политическая социализация, мне это неинтересно»*. По личным, в большинстве своем эгоистичным причинам *(«не хочу», «неинтересно», «нет времени», «устал от политики», «занимаюсь другим»)* респонденты более или менее осознанно отгораживаются, закрываются от этой сферы, не готовы становиться ее частью.

На вопрос «Устраивает ли Вас Ваш социально-политический статус?» самый большой процент респондентов (75%) выбрали вариант: *«Вполне устраивает. Он такой же, как у всех. Я — гражданин своей страны»*. Оценивая аффективный компонент данного ответа, важно отметить восприятие респондентов самих себя членами гражданского общества современной России. С точки зрения когнитивного аспекта в ответе не выражена активная политическая позиция, но это не свидетельствует о политической апатичности воспринимающих субъектов, скорее, это говорит об их комфортном восприятии себя как членов определенного политического общества.

Меньший процент опрошенных (20%) не испытывают удовлетворенности своим социально-политическим статусом, у таких участников выражена и проявлена воля к власти и воздействию на других людей. Эти респонденты связывают свою профессию и будущее с политической сферой деятельности, готовы проявлять активность и волевые усилия для достижения власти и изменения социально-политического статуса. Они выбрали вариант ответа: *«Нет (статус не устраивает). Мне хотелось бы иметь большее влияние и больше власти. Я собираюсь развиваться во властных отношениях, чтобы занять более весомую нишу в политической жизни современной России»*.

Гораздо меньший процент опрошенных (3,5%) считают, что *«Даже если меня не устраивает мой социально-политический статус, я понимаю, что навряд ли смогу (и не хочу) иметь больше власти и больше влияния. Мне это просто не нужно. Пусть управляют политики»*. Выбор такого ответа также необязательно говорит о неприемлемости политической действительности, хотя некоторые респонденты подтверждали, что для них проще и удобнее убрать из поля восприятия сферу политики.

Отдельно обратим внимание на то, что наименьший процент опрошенных (0,5%) в принципе никогда не оценивали собственный социально-политический статус, для них сфера политики не только не является приоритетной, но и полностью расположена за границами сознания. Они выбрали ответ: *«Мой статус меня устраивает, но он не имеет отношения к политике. Что такое социально-политический статус?»*. Стоит предположить, что таким участникам опроса не хватает знаний и осведомленности в сфере политических изменений, у них не сформировалась потребность познания политической сферы, а также снижена мотивация к деятельности в этой сфере.

Следующим был вопрос, связанный с субъективной оценкой политической активности: «Какая тенденция в Вас проявляется больше?». Ответы на данный вопрос предполагают оценку собственной политической активности методом интроспекции.

Политическую активность как индивидуальную характеристику отметили всего 13% респондентов. Они откровенно заявляют: *«Хочу многое осознавать, участвовать в активной политической жизни, возможно, продвигаться по карьере в этой сфере»*.

Наибольший процент опрошенных (43%) считают, что более правильным будет определение собственной активности как ограниченной. Такие участники опроса выбрали ответ о присутствии у них *«ограниченной политической активности: стараюсь быть осведомленным и принимать осознанные решения, касающиеся своего политического поведения»*.

Меньшим в процентном соотношении, но серьезным показателем относительно общей выборки являются 35% респондентов, определивших свою политическую позицию как индифферентную. По их мнению, политический мир выглядит непривлекательным с точки зрения

профессиональной деятельности и небезопасным с точки зрения проявления в нем активной позиции. Эта группа опрошенных предпочла ответ: *«Политическая индифферентность. Я прекрасно развиваюсь, не углубляясь в политические дебри. Знать историю страны и мира значимо, но в политике участвовать я не готов»*.

Отдельно стоит выделить 7% опрошенных, которые открыто заявляют о своем равнодушии и безучастности. Они выбрали: *«Политическое отчуждение. Мне все равно. Политика не моя тема»*. Когнитивный компонент однозначно в каждом предложении фиксирует понимание своей политической безучастности и отстраненности, волевой компонент свидетельствует о полном отсутствии мотивации даже к проявлению познавательного интереса к политической сфере. Аффективный компонент демонстрирует негативное отношение к обсуждаемой сфере.

Ответы на вопрос: «Что воздействует на Ваше политическое восприятие?», по сути, раскрывают механизмами политического восприятия, определенными интроспективным методом самими респондентами.

Больше половины респондентов (52%) предпочли ответ: *«Система ценностей, переданная предыдущими поколениями и мое личное отношение к сегодняшней политической ситуации»*. Значимый процент опрошенных (27%) выбрали ответ: *«Традиции моего народа»*. Меньший процент респондентов (11%) в качестве главного механизма определили свой *«личный жизненный опыт»*. Вариант *«новости, информация»* был предпочтен 10% участников. Однако нашелся 1 человек, отметивший, что ничто из вышеперечисленного не воздействует на его политическое восприятие.

Выводы

1. Студенты, являющиеся респондентами, согласны с тем, что их сознание политизируется, то есть «настраивается на политику» в ситуациях, в которых это становится значимым.
2. Респонденты испытывают амбивалентные ощущения, оценивая собственное политическое восприятие.
3. Можно отметить проявленность патриотичной зоны, которая периодически сменяется апатичным и индифферентным отношением к политическим событиям.
4. Когнитивный компонент может быть охарактеризован в качестве сформированного компонента политической самоидентичности.
5. Когнитивный и волевой компоненты всегда сопровождаются аффективным компонентом.
6. Большинство респондентов признаются в амбивалентных, то есть противоречивых, и не всегда понятных для них самих ощущениях, образах, выводах, формируемых во время политического восприятия.
7. Общий групповой вывод — результат рефлексии: респонденты охарактеризовали политическую самоидентичность посредством словосочетания «зона беспокойства и зона ответственности». Опрошенные понимают, что осознанность и самовосприятие в политическом мире необходимы, но при этом испытывают напряжение от убеждения в том, что от их мнения, эмоций и волевых усилий не зависит итог развития политических событий в стране и мире.

Мы считаем, что политическую самоидентичность можно считать одним из главных результатов политического восприятия. Для формирования политической самоидентичности значимо внедрять в образовательную парадигму современной молодежи знания о механизмах политического восприятия и политического сознания, о методах воздействия на политическое самосознание и управления политическим восприятием. Через осознанность и анализ современная молодежь должна приобретать навык объективного политического восприятия. Это поможет адекватно корректировать собственное поведение и адаптироваться к политической реальности.

Котович О.В.[1]
кандидат культурологии, доцент,
доцент Кафедры режиссуры Белорусского государственного университета культуры и искусств
Ksuscha90@mail.ru

ВРЕМЯ И ПРЕДКИ — СИНЕРГИЯ КАЛЕНДАРНЫХ ПОМИНАЛЬНЫХ ПРАКТИК В ТРАДИЦИОННОМ ДУХОВНОМ НАСЛЕДИИ БЕЛОРУСОВ

Ключевые слова: Абсолют, Вечность, формы времени, календарные поминовения предков, традиционные практики, мир живых и мир инобытия, фольклорное наследие.
Key words: Absolute, Eternity, forms of time, calendar commemorations of ancestors, traditional practices, the world of the living and the world of otherness, folklore heritage.

Образ мира, уходящий своими корнями в мифологические глубины архаического сознания наших предков и получивший структурированное воплощение в концепте Древа Жизни, этнической ментальности и, соответственно, в традиционном культурном наследии белорусского народа, невозможно представить без фундаментальной мировоззренческой доминанты — весьма многообразной по форме и вариативной по содержанию традиции почитания предков. Дискурс многогранного диалога с предками собирал и соединял культурные коды в единое ментальное поле, в результате чего стал идеологическим основанием содержания как календаря, так и отдельных ритуальных практик, а в конечном итоге формированием уникального мира культуры почитания предков.

Традиционный календарь — это мандала, в которой космос Неба и антропокосм Земли взаимообращаемы и способны создавать определенные ритуальной практики. Календарь — специфическая форма осмысления цикличности времени и одновременно универсальная модель его аккумулирования, в которой нерасторжимо сосуществуют трансцендентное и имманентное, земное и хтоническое. Категория времени как изначальный концепт миротворения и категория предков как важнейший индикатор осмысления времени образуют фундаментальную онтологическую категорию бытия, обладающую неделимой аксиологической ценностью, во многом предопределявшую идеологическую сущность всех сегментов календарного миротворческого круга.

Славяне славили своих богов и прославляли (ставили вровень с ними) своих предков. Из этих мировоззренческих позиций мы исходим при рассмотрении внутреннего мира славянского и прежде всего белорусского традиционного календаря, в котором циклическая система поминальных практик фактически образует свой календарь. Он вступает в чрезвычайно сложные отношения с календарем земледелия и животноводства, природоведения, растениеводства.

Необходимо отметить конструктивную особенность структурирования комплекса обрядовых поминальных практик. Осмысление модусов времени в календарной событийности происходило в полном соответствии с годичным циклом индивидуальных поминаний. Первая половина этого цикла разворачивалась в модусе земного понимания времени (до 40 дня со дня смерти вспоминая умершего, говорили: *«Земля ему пухом»*). Во второй происходила смена континуума, и время как таковое выходило за пределы земной экзистенциальности и поглощалось трансцендентным Абсолютом (после 40 дня: «Царствие Небесное»).

В универсуме традиционного календаря также два модуса времени. Вот только отношения между ними складывались не по принципу заданной линейной последовательности, а по бо-

[1] Профессиональные интересы: история формирования традиционного белорусского календаря, структурно-функциональная модель ритуально-обрядовых комплексов, интерпретация обрядов как семиотических систем, кодовые структуры обрядовых практик, формы времени в пространстве календарной событийности; все указанные аспекты изучения касаются и обрядов семейно-родовой направленности (свадьба, рождение ребенка, похоронно-поминальный цикл), обрядовые застолья белорусов как воплощение пространственно-временного континуума; знаково-символические аспекты номинантов числового кода.

лее сложной схеме. Этническая модель календаря белорусов содержит в себе чрезвычайно насыщенный практиками сегмент, который начинается *Ра дуницей* (весенний день поминания умерших родственников). Вслед за наведением порядка на могилах своих предков следовал полугодовой цикл земледельческих работ, который закончится на *Покров*.

На *Коляды* в день *Первой кутьи* (кутья — ритуальная еда, каша, подаваемая на поминках первой) проводился «вселенский собор» мира живых (земное время) и мира умерших (персонифицированное воплощение Абсолюта), в ходе которого выстраивалась модель будущего (боги спускались на землю в образе колядующих, произносили гимны-здравицы и Богам, и Роду). По завершении цикла земледельческих работ — в день осеннего почитания предков — *Дзяды́* — день всеобщего благодарения и вселенской мудрости — проводился второй «вселенский собор»: космическое время этого годового цикла заканчивалось, а значит, заканчивался путь сакрального земного времени.

На наш взгляд, мифосемантическое осмысление феномена времени невозможно без учета его нерасторжимой связи с категорией предков. Модель разномасштабной цикличности содержит в себе интенцию некоторой линейности, нашедшей отражение в понятиях осмысления времени (вчера, сегодня, завтра — триада суточной подвижности; утро, полдень, вечер — линейность внутри самого суточного цикла). Эти и другие хронотопы указывают на то, что циклическая модель времени на самом деле — это не метафора коня, который привязан к столбу и ходит по кругу. Время годового круга-цикла тесным образом связано с Вечностью, с миром богов, которые являлись связующим звеном между Небом (сферой Творца мироздания) и миром человека, творящим космос (антропокосм) своего бытия, но в полном согласии с канонами макрокосма.

В этом смысле можно сказать, что календарный годичный круг — это не что иное, как космологическая модель Вечности (представленная сонмом богов, застывших в своем возрасте в состоянии безвременья), проецируемая в Дольний Мир человека, сохраняющая при этом сакральный статус событийности. Самая главная особенность модели Вечности состоит в том, что в ней нет времени в понимании линейного характера его движения — от прошлого к будущему. Вечность — это всеохватывающая «голограмма» истории человеческой цивилизации во всей ее полноте. Обрядовая основа календаря в определенном смысле есть та же проекция Вечности (в том плане, что пантеон этнических богов, с одной стороны, является персонифицированным воплощением Вечности, а с другой — их Вечность онтологически встроена в структуру вечного календаря). В этой проекции как раз и запечатлен миф-архетип, развернутый в некоторой линейности обрядовой событийности космопланетарного и антропокосмического года.

Образ времени растворяется в образе предков: в образе современников, тех, кто идет в ногу со «своим» временем (настоящее), но в русле времени предков (прошлое) и в образе наследников (будущее) время преобразуется в Вечное настоящее[2]. Каждое поколение людей постепенно перемещается в пространственно-временной континуум «предков», в котором такая субстанция как душа сливается с Вечностью. Невидимость души сродни невидимости и времени, и вечности.

Если эта сингулярная модель-форма времени является непродуктивной (т.е. не работает), то в таком случае исчезает возможность/необходимость вести ритуальный диалог с предками по принципу «здесь и сейчас», а как быть с постоянным и непреодолимым желанием их вспоминать (!): «*Святы́я дзяды́, завём вас, хадзі́це да нас, ляці́це да нас, чым то́лькі хата бага́та, што ёсць тут — я для вас ахвяраваў. Прыхо́дзьце, дзяды́, радзі́целя і стары́я, і немаўля́ты, і малы́я. І ты́я, каму не к каму ісці́, і тыя, хто ў гэ́тых мясці́нах жыва́ў, хлеба-солі я́да́ў. Да свайго́ стала́, да свайго́ прыпе́чка хлеба-солі засыла́йце, каб было чым душу по́ўніць: год ад году, век ад веку*»[3]; «*...З ця́жкім узды́хам душа выхо́дзіць з це́ла ў вы́глядзе па́ры. Вышаўшы з цела, хрысціянская душа ляці́ць у Ерусалім. Там есць Давыдаў дом. У гэ́тым доме душы*

[2] *Котович, О.В.* Вечное настоящее время как определяющий фактор формирования универсума традиционного календаря // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта культуры і мастацтваў. — Мінск, 2025. — № 4 (58). — С. 59–68.

[3] Беларускі народны каляндар / аўт.-уклад. А.Ю. Лозка. — Мінск: Полымя, 1993. — С. 178.

пла́чуць пра грахі свае да страшнага суда. Але ў дні памі́нак яны вярта́юцца ў свой ране́йшы дом і там бяру́ць удзел у тра́пезе. Гаспадары пакіда́юць ім ко́ліва (русск. кутья, каша) *і свежую паляні́цу* (русск. белый хлеб), *а дзе-нідзе і па лы́жцы ад усі́х і́ншых страў* (русск. еда)»[4].

Вместе с тем традиционные представления об умерших неестественной смертью, указывают на более сложный характер взаимоотношений. Многочисленные мифологические тексты свидетельствуют о том, что люди, покончившие с собой, некоторое время продолжают существовать как будто в двух пространственно-временных континуумах. С одной стороны, их телесная плоть погребена в землю, ее пристанищем стал мир инобытия, а с другой — душа, которая в предопределенной ситуации должна «пройти» поэтапное перемещение в мир Поднебесья (1 — 3 — 9 — 40 — 1,0), остается в латентном состоянии до той поры, пока не наступит предполагаемый момент естественной смерти телесной субстанции, предначертанный Небесами, «столько, сколько они прожили бы на Земле в случае, если бы их смерть была естественной. Живут они всё это время на месте своей насильственной смерти, а иногда также и на месте своей могилы, сохраняя, однако же, полную способность к передвижению, <...> не стареют, <...> сохраняют свой прежний характер, свои прежние привычки. Этим обстоятельством и объясняется народное подразделение заложных покойников <...>, являются — в силу самого рода своей смерти — как бы работниками и подручными нечистой силы; вот почему и все действия таких покойников направлены ко вреду человека»[5].

Динамический характер уникальной структуры времени, направленной на поэтапное препровождение души из мира земного бытия в мир предков путем проведения целого ряда ритуальных практик, был рассмотрен нами в диссертационном исследовании «Воплощение времени в мифопоэтическом и ритуально-обрядовом наследии белорусов»[6]. Всесторонний анализ показал, что универсальный ритм, прежде всего, как модус времени тесно связан с координатами пространства. Структурно-семантический подход к осмыслению континуума первого посмертного года свидетельствует о глубинной парадигмальной трансформации человеческой субстанциональности, когда тело и душа оказываются в разных модусах событийности. Точка смерти (1) — переход в новые координаты бытия-небытия: сворачивается и пространство дома в пространство *дамави́ны* (русск. гроб), и время (останавливается “метроном” семейной жизни — настенные часы, — который обнулит профанную событийность семьи (Рода — собирательное представление о семи поколениях) и актуализирует ритуальную событийность похоронно-поминального обряда: *“Хоць душа паме́рлага і аддзяля́ецца ад це́ла, але тры дні яна́не пакіда́е яго́ канчатко́ва, пакуль не ўпадзе́ на труну першая жменя маги́льнай зямлі”*[7]. Третий день после смерти (3) — похороны, первый семейно-ро́довый поминальный стол — *«Траці́ны»* — начало нового пути бытия, но в связи с тем, что этот путь пролегает в пространстве Матери-земли, ключевой формулой движения во времени и координатах земного бытия / небытия становится ритуальный маркер пожелания и прощания с умершим: *«Земля ему пухом», «Каб яму зямля пушынкай»*.

Девятый день (9) — *«Дзевяці́ны»* — второй семейный поминальный стол указывает на смену маркеров этого пути: уже не земное время, но еще и не Поднебесное. В это период времени о душе умершего говорили не иначе как о неприкаянной, т.е. не находящей себе места, обеспокоенной, неустроенной, неупокоенной: «*Душа пасля смерці не пакіда́е це́ла, паку́ль яго не пахава́юць, потым яна туля́ецца яшчэ па свеце да сарака дзён*».

Сороковой день (40) — *«Саракави́ны»* (третий семейно-ро́довый поминальный стол) — актуализируется маркером фиксирования принципиально иного времени — ритуальный императив констатирует завершение пути в Поднебесье в формуле времени-пространства —

---

[4] *Романов, Е.Р.* Белорусский сборник. Вып. 8. — Вильна, 1911. — С. 310.

[5] *Зеленин, Д.К.* Избранные труды. Т. 2. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики; подготовка текста, коммент., указ. Е.Е. Левкиевской. — М.: Индрик, 1995. — С. 231.

[6] *Катовіч, А.В.*Увасабленне феномену часу ў міфапаэтычнай і рытуальна-абрадавай спадчыне беларусаў : дыс. ... канд. культуралогіі: 24.00.01: абаронена 03.03.2022: зацв. 22.06.22 / Катовіч Аксана Веніямінаўна. — Мінск, 2022. — 228 с.

[7] Жыцця адвечны лад / уклад., прадм. і пер. У. Васілевіча. — Мінск: Маст. літ., 1998. — (Беларускія народныя прыкметы і павер’і ; кн. 2.) — С. 310.

«*Царствие небесное*» — очередная стадия продвижения к миру первопредков: «*Як чалавек памірае, то яго душа доўга яшчэ лятае блізка каля яго цела. Адны кажуць, што яна лятае тут дзевяць дзён, а другія кажуць, што аж сорак, але добра таго ніхто не ведае, толькі яна лятае датуль, покуль Бог не асудзіць, куды ёй ісці, — ці ў рай, ці да пекла...*»[8].

Заключительный четвертый семейно-родовый поминальный стол проводится ровно через год (*бел. угодкі*) и нацелен на констатацию срока истечения индивидуальных (т.е. семейных) поминовений и, соответственно, на завершение пути: душа оказывается в том «месте-времени», где нет ни времени, ни пути в пространстве. Теперь поминание умершего будет общеродовым согласно белорусскому традиционному календарю почитания предков[9]. За столом будет звучать оберег-формула «*Вечный покой*» (*бел. Вечны спачын*) как осознание перемещения души в мир Абсолюта: «*На памінках абавязкова павінны быць гарачыя бліны (у іншых мясцінах — гарачы хлеб). Тут важнае месца адводзіцца пары, якая падымаецца ўгору: яна дапамагае душы памерлага ўзнесціся на Нябёсы*»[10].

Но каким образом актуализируется путь в пространстве-времени, когда Род сталкивается с ситуацией ухода из жизни близкого человека — самоубийцы? Эта ситуация ставит перед исследователем ряд сложных задач. Во-первых, какая «сила» будет удерживать душу в континууме ее прошлой-настоящей жизни-существования? Будет ли она проходить указанный путь в соответствии с похоронно-поминальным ритмом, и какое событие в ее «земном настоящем» будет считаться отправной точкой «межферного» перемещения? Очевидно, зная момент естественной смерти такого человека, предки и ангел-хранитель не встретили его душу и не провели ее в мир Поднебесья по праведному пути соответствующего ритуальному сопровождению семьи-Рода всей посмертной событийности: «*Катора душа не на збавеннай дарозе, то яна блукаецца па свеце і калі натрапіць на кагось разумнага і адважнага, каторы не спалохаецца яе, але папытае: "Душачка пабожна, чаго патрабуеш?", то яна скажа: "Мне так і так на іменё" і папросіць, каб за яе душу даць убогім ці імшы святыя закупіць . То яна, як тое зробяць, чаго яна просіць, пойдзе ўжо на збавенну дарогу, а хто яе выбавіць, тому з таго свету спрыяць будзе. Прытулкам гэтых пакутных душ з'яўляюцца могілкі, руіны, пусткі, нежылыя дамы, дзе штоноч, паводле народных перакананняў, яны плачуць і лямантуюць, пакуль не адпакутуюць за сваё грахі*»[11].

Подобные размышления требуют постоянного уточнения характера сближения земного времени и трансцендентной Вечности. В белорусском фольклоре (предания, сказки, нарративы) имеется значительное количество сюжетов о том, что происходит с душой заложного покойника и какие беспокойства (ср.: «вечный покой» и «не дает покоя живым») она приносит своим родственникам: «*... знахары, чараўнікі, тапельцы... пасля смерці застаюцца на зямлі, пакуль вантробы ў іх не згніюць. Потым д'ябал уваходзіць у іх труны, і яны пачынаюць хадзіць па дамах*»[12].

В то же время народная традиция не дает прямого ответа на вопрос, что должен сделать Род, чтобы нивелировать время перехода души от земной бестелесной, отягощенной «профанной» средой существования в мир Вечности, и тем самым обезопасить себя от ее негативного воздействия. Или этот процесс не корректируется? Мирское время не может повлиять на голограмму Абсолюта: «*На роду ему так написано*». Вслед за этим народным эсхатологическим мотивом возникает ряд вопросов, решение которых, возможно, поспособствует раскрытию некоторых тайн бытия Рода в контексте Абсолюта. Чрезвычайно интересно, почему Род не корректирует программу своего многопоколенного бытия (например, суициды в судьбе нескольких поко-

---

[8] *Сержпутоўскі, А.К.* Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў . — Мінск: Універсітэцкае, 1998. — С. 58.

[9] *Котович, О.В.* Белорусская свадьба в пространстве традиционной культуры / О. Котович, Я. Крук. — Минск: Адукацыя і выхаванне, 2012. — С. 109–115.

[10] *Романов, Е.Р.* Белорусский сборник. Вып. 8. — Вильна, 1911. — С. 309.

[11] *Federowski, M.* Lud bialoruski na Rusi Litewskiej / materjały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905 : T. 1–6. — Kraków : Wydaw. Komis. Antropol. Akad. Umiejętności, [1897–1903]. — T. 1: Wiara, wierzenia i przesądy ludu z okolicWolkowyska, Slonima, Lidy i Sokólki. — 1897. — S. 54.

[12] *Булгаковский, Д.Г.* Пинчуки: этногр. сб.: песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверия и местный словарь / собрал в Пинском уезде Мин. губернии Д.Г. Булгаковский; [под ред. Ф. Истомина]. — СПб.: в Типографии В. Безобразова и К°, 1890. — С. 191.

лений)? Почему допускается возможность посмертного «наказания» (заложных покойников хоронили за пределами родовых могил) того, кто позволил себе нарушить правила правового поля бытия родовой многомерности? Получит ли душа покончившего с собой родственника «приглашение» принять участие в одном из наиболее важных осенних поминальных застольев: «*Святы́я дзяды́, завём вас, хадзі́це да нас, ляці́це да нас…*»?

Эти вопросы имеют фундаментальный мировоззренческий характер, потому что напрямую связаны с представлениями о сущности категории времени. В философских дискурсах зачастую ставят под сомнение оправданность употребления понятия «настоящее» в отношении категории времени, оно не более чем виртуальная реальность. Такой подход может быть оправдан только при условии линейного представления о форме существования времени. В этом случае два проявления времени (прошлое и будущее), тяготеющие одно к одному, практически сливаются в точке настоящего — вечного настоящего, потому что только точка конвергенции трех форм времени способна «двигаться» по линейному вектору[13]. Эта точка схождения практически и есть мифологический Центр мира, в котором растет сакральный дуб — мифопоэтический символ Древа Жизни. В нем образ Времени проявлен наиболее выразительно: корни — прошлое неотделимо от ствола — настоящего и перетекают в ветви — будущее. П.А. Сапронов очень точно охарактеризовал неделимость мифологического времени и пространства: «У Мирового Древа, например, низ, середина и верх отождествляются с определенными моментами времени. Это не наши настоящее, прошедшее и будущее, первобытное время имеет другую структуру, но все-таки временное измерение. Само Древо в аспекте своего произрастания образует неразрывность пространства-времени. Оно растет в пространстве (увеличивается) через временные стадии»[14].

В свою очередь, определенный цикл времени (природно-космический год) трансформируется в пространственное кольцо, а считая годичные кольца, мы говорим не о толщине дерева (пространственный критерий), а о количестве лет его существования (временная протяженность, свернутая в кольцо). При этом годичные кольца являются воплощением прошлого, которое неотделимо, срослось с вечным настоящим. Визуализируемое пространство точки схождения трех форм времени — Древа жизни — как нельзя лучше воплощает процессы трансформации различных форм времени и их сиюминутной конвергенции, «как вечное теперь»[15]. Непрерывный процесс «умирания» прошлого не заканчивается его отмиранием и окончательным исчезновением. Это невозможно по той причине, что прошлое постоянно сращено с настоящим. То же самое происходит и с формой времени будущего — оно неотделимо от настоящего, а, следовательно, и от прошлого. В результате мы имеем уникальную модель голограммы Абсолюта, которая наиболее продуктивно представлена в традиционном календаре.

В категориях древнеславянского миропонимания целостность Вечности маркируется определенными пространственными номинациями: Правь — культура наследования, ценностный мир которой заложен в исходном мифе-архетипе, Явь — нормотворческая культура бытия Дольнего мира, Навь — сфера этнического анимакосма, с которым тесно связана культура родовой традиции. Эта структурно-функциональная модель сосуществования Вечности и различных форм земного времени дает возможность во многом понять роль и место архетипа предков не только в каждом конкретном ритуально-обрядовом комплексе, но и в целостной картине мировидения, отраженной в календарной событийности. В таком случае концепт почитания предков необходимо рассматривать в тесном соотношении с циклическим движением Солнца и соответствующим состоянием природы. Последняя компонента значительно шире по содержанию понятия «земледельческий цикл».

Размышления над проблемой соотнесенности динамической модели линейного времени

---

[13] *Котович, О.В.* Вечное настоящее время как определяющий фактор формирования универсума традиционного календаря // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта культуры і мастацтваў. — Мінск, 2025. — № 4 (58). — С. 62.

[14] *Сапронов. П.А.* Культурология: курс лекций по теории и истории культуры. — 2-е изд., доп. — СПб.: Лениздат: Союз, 2001. — С. 81.

[15] *Элиаде, М.* Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — С. 44.

и макрокосмической Вечности приводят нас к мысли о том, что настоящее — это безостановочно ускользающее мгновение, которое связывает между собой прошлое и будущее. Но при этом следует понимать, что обе противоположности настоящего (его *пред*-стояние: прошлое и непроявленное, но *пред*-чувствуемое будущее) также постоянно находятся в динамическом состоянии. Но в этом случае должен возникнуть эффект планетарного коллапса или космического безвременья: прошлое лавинообразно увеличивается, а будущее, соответственно, уменьшается. Следовательно, уже сейчас можно *пред*-видеть перспективу существования человеческой цивилизации. В связи с этим периодически и возникают *пред*-сказания о конце света.

При этом мы непроизвольно забываем о том, что в своих исследованиях оперируем не только линейным представлением о времени, но и мифологическим «цикло-временем» Вечности. Понимание движения времени как ускользающего мгновения настоящего не позволило бы человечеству создать календарную систему устойчивого «обладания» временем, как это сделали наши предки. Народный календарь как синтез осознанного и бессознательного, архетипического есть обобщенная мыслительная конструкция, которая охватывает небольшой по макрокосмическим масштабам отрезок-цикл времени и представляет собой образ-слепок Вечности. Календарь «знает» наперед все, что будет происходить в жизни человека в течение этого космического цикла времени. В таком случае можно констатировать: календарь знает будущее, потому что на самом деле оно уже давно существует как прошлое. А те праздники, которые регулируют отношения человека и Космоса, фактически являются символическим образом «движения» времени в облаке Вечности. В обобщенном смысле календарь представляет собой мифологический Образ Вечности. Для того, чтобы понять образ календарного времени, воспользуемся метафорой песочных часов, в которых, на первый взгляд, настоящего фактически нет. Узкое отверстие, через которое пролетают песчинки, вовсе не связывает будущее и прошлое. Дело в том, что весь объем песка-времени — это и есть тот Абсолют или Вечное Настоящее во всем своем объеме, которым наделена Вселенная. Точно также мыслится и настоящее социума. Живые продолжатели Рода и есть воплощение вечного настоящего. А возраст каждого из представителей социума есть та же голограмма различных полей Поднебесной Вечности. Но в земных координатах «здесь и сейчас» трансформируется в динамическую модель линейного времени. На наш взгляд, наиболее удачной операционной моделью понимания соотнесенности Абсолюта и земной линейности как раз и является универсум календаря. Он неподвижен в своей структурности и динамичен в своей событийности. На протяжении столетий женщины исполняют песни-веснянки, в которых мать *св. Юр'я* забирает у *св. Петра* золотые ключи и передает их сыну с просьбой спуститься с Неба, чтобы открыть землю и выпустить на свет росу[16]. За это время календарь "пережил" сотни актуализаций, однако *Юрай-ключнік* как был молодым богом, таким и остался.

Календарь — это воплощение не только природно-космического года бытия в его линейно-циклической форме упорядочения мифологической и мифологизированной событийности, время календаря — категория онтологическая, в которой свернута Вечность настоящего, или настоящее развернуто до масштабов Вечного космического.

Вместе с тем в процессе осмысления образа Времени были задействованы и такие сферы мироустройства, как дольний мир человека и мир инобытия — мир предков. Онтологический характер категории времени следует рассматривать в единстве с представлениями об объемном и глубоко структурированном понятии «предки». Разветвленная и структурно упорядоченная система календарных праздников (*Грамніцы, Масленіца*) и практически тотальное сопровождение их идеей почитания предков (*Грамнічныя дзяды, Масленічныя дзяды* — суббота накануне каждого календарного праздника) создает впечатление, что представления (забота) человека о своем благополучии, благосостоянии семьи и достоинстве всего рода в значительной степени опирались на благосклонность мира предков. Солнце давало свет и тепло, необходимое для злаковых культур, однако итоговый результат сбора урожая, по представлениям человека, зависел от плодородия земли и благосклонности ее настоящих хозяев — предков, т.е. умерших родственников. И в этом смысле этнические представления о мире предков наполняли категорию времени совершенно иным смыслом.

[16] *Романов, Е.Р.* Белорусский сборник. Вып. 8. — Вильна, 1911. — С. 429.

Сформировалась сложная система представлений о времени с точки зрения ее мифопоэтического содержания, которая предопределялась отношением к самим умершим, среди которых выделялись определённые группы: умершие естественной смертью — основные дни поминаний — весенняя *Радовница* и *Осенние Деды*; дети, умершие *заўча́сна* (русск. не в своё время, рано) — 19 августа на *Яблочный Спас*, умершие неестественной смертью (висельники, утопленники, спившиеся, убитые) и русалки (утопленницы, младенцы, «приспанные» матерью, умершие на *Русальной неделе*) — время поминаний — *Русальная неделя*. Менее проявленной, но все же существующей, следует считать младенцев, родившихся на ранних сроках, а потому жизненно неспособных — бел. *скідышы* — время поминаний — варианты: среда на *Троицкой (Сёмушной) неделе;* на *Русальной неделе*. Каждая из этих групп получила широкое осмысление в сознании белорусского социума, нашла всестороннее отражение в ценностно-нормативной системе календарного поминовения и одновременно в формировании пространственно-временного универсума календарно-обрядовых практик: «*Прыхо́дзьце, дзяды́, радзі́целя і стары́я, і немаўля́ты* (*русск.*: младенцы), *і малы́я...*».

А.В. Юдин справедливо отметил важнейшую особенность традиционных календарных праздников: «Праздничное время предполагает особую активизацию всех связей повседневности со сферой сакрального, потустороннего, с “иным миром”. В этом времени происходит строго соответствующий ему ритуал, который упорядочивает взаимоотношения миров, вовлекает всех членов коллектива в сакральную сферу и является, по сути, орудием их *духовного действия* (курсив автора. — *О.К.*) в ней, совместного влияния коллектива на состояние “того”, а в итоге — и этого света»[17].

Развернутый анализ категории времени в его диалектическом воплощении линейности, цикличности и Абсолюта понадобился нам для того, чтобы включить в концептуальное поле времени онтологическую категорию предков. Без культурологического понимания феномена Времени невозможно осмыслить мифосемантические аспекты этнокультурного феномена почитания предков. И наоборот, без всестороннего осмысления универсума Предков нам не понять изоморфный характер универсума Времени. Категория предков наполнила категорию времени (в ее циклической форме существования) естественным отношением к Абсолюту, миру Вечности. Поэтому совершенно неслучайно практически в каждом традиционном празднике календарного или ситуативного (окказионального) характера присутствуют ритуалы поминальной направленности. Почитание предков, воплощенное в ритуалах поминовения, идет в ногу с универсумом календарного времени. Цикличность календаря, задаваемая ритмом движения Солнца по небосводу, нерасторжимо связана со временем циклических, но строго сегментированных и структурно хронологизированных поминовений предков. Единство этих двух составляющих и образует духовную синергию календарного мироустройства, последовательно реализуемую в процессе актуализации календарных ритуально-обрядовых практик. Таким образом, у нас появляются все основания говорить о возникновении синергии понятия «время — предки».

[17] *Юдин, А.В.* Русская народная духовная культура : учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1999. — С. 126.

Красиков В.И.
д.филос.н., профессор,
гл.н.с. ВГУЮ — РПА Минюста России
krasvladiv@gmail.com

РУССКАЯ МЫСЛЬ О ТРАДИЦИОННЫХ И СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЯХ

Ключевые слова: традиционные и семейные ценности, отношение к браку и семье в русской истории, русские интеллектуалы о браке и семье.
Key words: traditional and family values, attitudes toward marriage and family in Russian history, Russian intellectuals on marriage and family.

По ряду причин — таких как фронтирный характер российской цивилизации на восточном пограничье Европы и евразийских степей, ее длительная изоляция от духовных течений как Запада, так и Востока (Индокитая), жесткая вертикаль власти и социума, деспотизм и консервативный коллективизм — русская мысль имела более широкий спектр выразительных средств, нежели традиционно-трактатный в западноевропейской традиции. Российская ментальность и ratio долгое время, вплоть до 40 гг. XIX в. (начала знаменитого противостояния славянофилов и западников) воплощали себя в более широком круге письменных источников — исторических, юридических и художественных. Затем же возникает и расцветает собственно философско-культурологическая мысль.

Вначале было язычество. До принятия христианства на Руси, как и в большинстве стран Европы того времени, социальная жизнь людей подчинялась вековечным традициям и так называемому «обычному праву», стихийно сложившимся вследствие схожих условий проживания и мифологических (языческих) представлений. Специфика Руси, в сравнении с другими странами, — в том, что из-за ее относительной цивилизационной молодости, здесь практически очень мало, так сказать, «аутентичных», или собственно языческих текстов. Сведения о социальных отношениях, обычаях и умонастрое языческих общин на Руси приходят к нам через христианских посредников, довольно предвзято настроенных по отношению к прежней жизни. Подобные сведения о семейно-брачных отношениях языческой жизни мы можем встретить в одном из источников, а именно «Повести временных лет».[1] Согласно «Повести», в то время на Руси, как и в других странах и континентах, люди практиковали как моногамию, так и полигамию. Причем последняя была распространена среди славян даже больше, что объясняется некоторыми исследователями как индикатор большой убыли мужчин вследствие интенсивных междоусобиц, регулярных набегов кочевников, да и просто предписанным для них «молодчеством» или же опасными мужскими игрищами[2].

Ожидаемо отношение автора-христианина к семейно-брачным отношениям язычников — это варварство и непотребство. И обычаи у них «звериные», и живут они «по-скотски», и старших не уважают, и браков как таковых (т.е. по-христиански) нет. Тем не менее, автор приводит нужную для нас информацию о формах брака, или лучше — принятых формах «сочетания» мужчин и женщин в то время. Это либо «умыкание» девицы, либо ее «покупка», что, в общем-то, стандартно для подобного типа людских сообществ. Первая форма была экономически выгодна (ни тебе полагающегося выкупа невесты, ни расходов на свадьбу), однако очень конфликтогенна, ибо предполагала наживание кровных врагов и свои потери. Вместе с тем, имелись и две вариации умыкания, когда оно могло быть либо по обоюдному согласию невесты и жениха, либо же оно было благовидным выходом для бедных — не нести неподъемные расходы, связанные с выкупом и свадебными расходами.

Все же покупка невесты явилась своего рода цивилизационным достижением как шаг по пути рационального выстраивания отношений между людьми. Брачный торг, согласование цены на такой специфический товар как девушка, был одной из форм развития договорных

---

[1] *Шахматов А.А.* Повесть временных лет и ее источники. Репринт. — М.: ЁЁ Медиа, 2024. — 934 с.

[2] *Жиляева С.К., Максимова А.А.* К вопросу о заключении брака в языческой Руси // Вестник Уральского института экономики, управления и права. — 2021. — № 4. — С. 36–41.

начал в социальной жизни. Складывалась соответствующая норматика, последовательность правил поведения сторон — сватовство, переговоры, достижение устной договоренности родителей жениха и невесты об условиях, цене брачной сделки, символические ритуалы передачи прав распоряжения, так сказать, «движимым имуществом».[3] У славян в это же время возникают прецеденты и такой формы брачной сделки, которой было уготовано основное место в последующей российской брачной практике — приданное за невестой.

Ничего удивительного в том, что и у славян мы встречаем все тот же классический патриархат, который в церемонии бракосочетания устанавливался символическим актом передачи плети отцом невесты — будущему мужу.

Исследователи акцентируют внимание на том обстоятельстве, что в силу специфики исторической ситуации переход от язычества к христианству на Руси соответственно от языческих семейно-брачных практик к христианским был быстрым и резким. Вместе с тем, христианские «прогрессоры» не могли просто так вот взять и заменить одно на другое. Тем более, что первое время православные браки заключались в основном среди высших сословий, а народная масса жила по старинке. К тому же проводить политику переформатирования обычаев и нравов было просто невозможно в условиях хронической феодальной раздробленности[4]. Потому еще довольно продолжительное время уживались вместе и новые правила, и старооттеческие практики, о чем свидетельствует «Правосудие митрополичье», документ XIV века[5]. В нем были еще предусмотрены допустимые причины для развода, которому практически нет места в традиционном христианстве, где церковный брак есть соединение людей Богом и потому нерушим кроме как из-за смерти одного из супругов. Развод допускался в случаях тяжелых болезней, к примеру, слепоты, а также вследствие и более «легких» причин, естественных для прежних обычаев славян-русских — женины измены и ее непотребное поведение, злоумышления против мужа.

Однако уже спустя два века эти двусмысленности в основном уже подчищаются и в «Стоглаве» 1551 г.[6] мы видим уже вполне себе традиционно-христианскую семью в ее православном варианте. Здесь все то же, что присутствовало в это время и на католическом Западе: абсолютная власть мужа в семье над всеми ее членами, включавшая в себя распоряжение ими и насилие над ними, правда, без эксцессов.

Те же ценности пропагандируются и в поучительной литературе тех времен — «Домострое» (и предшествующих аналогах «Измарагде», «Златоусте» и «Златой цепи»): жестокие семейные наказания («не жалей, младенца бия»), соответствующее «воспитание» жен, в котором любовь неотделима от страха[7].

Но не только в отношении женщин простонародья наличествовало такое отношение. В средневековой России оказался немыслимым культ «Прекрасной Дамы» европейского средневековья, знатные женщины оказывались даже, может быть, и в худшем положении, если такое возможно, чем крестьянки, которым хотя и вменялся труд от зари до зари, но все же на воле. А вот знатные женщины пребывали всю жизнь свою в тюрьме теремов, которые они оставляли крайне редко и только с согласия мужа[8]. По идее в обязанности хозяйки дома входило руководство домашними работами, расписанием жизни и слугами, в том числе и экономическими делами. Однако на практике, как свидетельствуют исследователи, все это, так или иначе, контролировал все же «домодержец», муж, в чьи обязанности входило воспитание (а на деле жестокий контроль) не только детей малолетних и неразумных, но и признавав-

---

[3] *Серегин А.В.* Семейная власть и механизм урегулирования родовых конфликтов в древнеславянском праве // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. — 2020. — Т. 7. — № 2. — С. 41–48.

[4] *Жиляева С.К., Максимова А.А.* Становление и развитие семейного права после принятия христианства на Руси // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 5. — С. 24–26.

[5] Правосудие митрополичье (XIV в.) // Собрание средневековых памятников древнерусского (восточнославянского) права: учеб. пособие. — М.: Юрлитинформ, 2020. — С. 164–166.

[6] Стоглав 1551 г. // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. — М.: Юрид. лит., 1985. — С 253–402.

[7] Домострой. — М.: ЗАО «ОЛМА МЕДИА Групп», 2013. — С. 72, 101–103.

[8] *Костомаров Н.И., Забелин И.Е.* О жизни, быте и нравах русского народа. — М.: Просвещение, 1996. — С. 549, 423.

шимися такими же, всех женщины семьи. И воспитывались они розгами и плетьми, причем «до крови». Иностранцы, бывавшие в это время (XV–XVI вв.) в нашем государстве ужасались московским «практикам»: обязательное еженедельное профилактическое битье кнутом жен, дабы они были «добрыми женами», причем последние настолько привыкают к этому, что, будучи не битыми, убеждены, что мужья их, возможно, разлюбили[9].

Ну и вполне ожидаемое дополнение к браку, «заключаемому на небесах» — он должен эксклюзивным. Отсюда системное осуждение его вольных либо невольных нарушений. Вольные нарушения — разводы, каковыми причинами бы они не были мотивированы. Последующие после развода браки сопровождались церковным наказанием — семилетним покаянием, развод же вследствие прелюбодеяния карался вообще лишением приобщения к таинствам. В итоге, церковь под давлением многообразия жизненных обстоятельств все же была вынуждена мириться с возможностью повторных браков, однако она ограничивала их сакральным числом «три». Единственно полностью легитимным, и по идее единственным для благочестивого христианина, был первый брак, второй признавался в виде снисхождения к человеческой слабости, третий дозволялся «по нужде» (к примеру, необходимость наследника)[10].

Своего рода Рубиконом в социокультурном развитии России, переходом ее в Новое время были знаменитые петровские реформы. Причем речь идет не о прямых государственно-юридических преобразованиях брака и семьи, а скорее о серьезных культурных изменениях в высших сословиях, имевших далеко идущие последствия. Юридические преобразования были, но они не носили какого-то радикального характера, хотя и в духе «европеизации» отличались некоторой гуманизацией в семейно-брачной сфере: разрешение межконфессиональных браков, формальный запрет насильственного принуждения к браку, отмена особо жестоких наказаний женщин за прелюбодеяние, смягчение условий для разводов и повторных браков[11]. «Европеизация» затронула лишь социально-политическую элиту того времени, прежде всего дворянство и приобрело, по преимуществу, характер чуть ли не раболепного копирования. Многие дворяне говорили на смеси «французского с нижегородским», полагая себя европейцами, волей несчастной своей судьбы заброшенными в дикие евразийские леса. Ясно, что это были не все представители высших сословий, иначе, откуда потом бы появились славянофилы. Вместе с тем, дальнейшая история убедительно продемонстрировала, что прозападный мировоззренческий и поведенческий модусы все же доминировали в дальнейшем российском развитии. Это привело, как известно, к радикальному внутреннему расколу русской культуры, которое политически оформилось в 40-х гг. XIX в. и направившему затем Россию по революционному пути — в том числе в области брака и семьи.

Вестернизация России усиливается в конце XVIII–XIX вв. Россия, как и Западная Европа, переживает в это время идеологическую атаку (в России это было, по сути, вторжение) «сиамских близнецов» Просвещения: либеральной и социалистической программ общественных преобразований. Именно они определили на столетия вперед мировоззренческую повестку последующих социальных трансформаций, разрушение и метаморфозы традиционных форм брака и семьи. Вполне ожидаемо, что и в России появились проводники и адепты этих программ преобразований. И это не удивительно, удивительно другое. Хотя и в Западной Европе в это время возник консервативный ответ на либерально-социалистические вызовы, в России он приобрел невиданную мощь вследствие того, что он принадлежал, в первую очередь, писателям всемирной титанической формации — Ф.М. Достоевскому и Л.Н. Толстому, а также представителям русской религиозной философии. Причем слово «консервативный» вовсе не означает «охранительно-восстановительный», ратующий за ренессанс «матерого патриархата» в его изначальной первозданности. Вовсе нет. Утверждая фундаментальность традиционных семейных ценностей, они предлагали их очищение от вековых примесей диктата, насилия и дискриминации.

---

[9] Московское государство XV-XVI вв. по сказаниям современников — иностранцев / сост. Н.В. Бочкарев. — М.: «Крафт +», 2000. — С. 188–189.

[10] *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). — М.: Ладомир, 1997. — С. 16.

[11] *Миненко Г.Н., Жилянина Н.А.* Реформы Петра I и их влияние на брак и семейную жизнь в дворянской и крестьянской среде (опыт сравнительного анализа) // Вестник КемГУКИ. — 2019. — № 49. — С. 151–153.

Но обо всем по порядку. Вначале обсудим российскую специфику сторонников социалистических преобразований брака и семьи, поскольку либералы в России отличались, как правило, политической умеренностью, высказывая лишь пожелания в области гуманизации семейно-брачных отношений и положения женщин. Правительство и правые силы были способны, как правило (до 1905–1917), их контролировать и сдерживать, они не имели радикальной «харизмы» влияния на интеллигенцию и студенческую молодежь, каковой обладали «социалисты».

Одним из первых адептов социалистической идеи, чьи идеи стали достоянием широких кругов «прогрессивной общественности», а в то время это были, по преимуществу, разночинцы и студенческая молодежь, Н.Г. Чернышевский. Его роман «Что делать» на десятилетия стал своего рода «иконой стиля» для радикально настроенных людей в России того времени, второй половины XIX в., даже для молодых людей, типа В.И. Ленина, впоследствии лидера Октябрьской революции. Вроде как бы Н.Г. Чернышевский и собирался поднимать крестьян и городские низы во времена значительного обострения общественной ситуации в преддверии крестьянской реформы. Однако до сих пор это остается неизвестным и открытым вопросом, несмотря на вменение царской охранки группе Н.Г. Чернышевского авторства провокационных прокламаций. Однако роман, написанный Н.Г. Чернышевским в заточении, действительно содержал план радикальных социальных изменений, но не только политических, но и в области семейно-брачных отношений, потому-то он и крайне любопытен для нас. Логика Н.Г. Чернышевского была таковой — новые люди, прогрессивная молодежь начнут жить по новому, в явочном порядке изменяя характер коренных отношений между полами и в семье, примером своим побуждая общество к законодательной легализации изменений. А это приведет к другим последующим, уже социально-экономическим изменениям.

Какие же реформы семейно-брачных отношений он предлагал? Радикальнейшие, причем не только для того времени, середины XIX в., но и для нас, людей первой трети века XXI. Ну, равноправием женщин и мужчин в социально-политической области и в наследовании сейчас уже никого не удивишь, но вот узаконивание прелюбодеяния, т.е. измен в браке для всех, объявление брака союзом трех и более людей, вот это бы «приятно удивило» и современных либеральных радикалов, сторонников однополых браков и десятков гендеров. Также удивительное созвучие можно наблюдать между сегодняшними призывами выплачивать неоплатный долг (в реальных дензнаках и поколениями вперед) перед афроамериканцами за века рабства — и убеждениями Н.Г. Чернышевского: что следует дать женщинам преимущественное перед мужчинами «право на неверность» и сексуальную свободу, устранить само понятие «незаконнорожденный». К чести Н.Г. Чернышевского следует сказать, что и в своей личной жизни он вел себя согласно древнегреческим школам «жизненного стиля»: чему учишь, так и живи — он признавал всех детей, которых родила его супруга Ольга Сократовна, своими[12].

Подобные «революционные» идеи и настроения продолжали привлекать студенческую молодежь и «прогрессивные круги». Они крепли и развивались далее — и в «Серебряном веке», и в последовавших затем большевистских преобразованиях. Вместе с тем, параллельно и временами перекрывая по влиятельности радикализм, получили мощное развитие совершенно иные идеи. В условиях нарастания эрозии морали и традиционных ценностей, явных кризисных явлений, в защиту возрождения и обновления традиции выступили наши великие писатели и русские религиозные философы.

Л.Н. Толстого невозможно мировоззренчески охарактеризовать просто и однозначно, как и любого другого гения. Христианство Л.Н. Толстого также довольно проблематично, даром ли было его отлучение РПЦ (24.02.1901). Он создал свое оригинальное религиозно-этическое учение, утверждавшее приоритет духовно-субстанциального, вселенской любви (т.е. своего рода пантеистического Бога) над материальным, к которой относил и плоть. Человек есть воплощение противоборства между духом, любовью и плотью, причем последняя зачастую оказывается сильнее. Брак по своей сути есть «компромисс с похотью»[13]. Вселен-

[12] *Судоргина И.С.* Социально-правовые идеи Н.Г. Чернышевского в романе «Что делать?» // Правовая политика и правовая жизнь. — 2019. — № 4. — С. 99–104.

[13] *Дмитрийчук А.Ю.* Представления о семье в русской философско-культурологической мысли // Гуманитар-

ский Бог-Любовь воплощает себя и вещает устами многих пророков и мессий, в том числе через евангельские проповеди. Последние потому и являются квинтэссенцией умения любить и духовно самосовершенствоваться. Традиционная семья и традиционные семейные ценности поэтому являются для Л.Н. Толстого лучшими формами, прошедшими проверку веками, в которых органично воплощаются любовь, кротость и понимание, столь важные для человека. Однако похоть, столь же естественная для телесного существа, как и духовная любовь и смирение, может вырываться на свободу и разрушать все — и брак, и семью, и душевное равновесие (смысл жизни). Собственно, в том числе об этом и говорится в «Анне Карениной». Страсть между Анной и Вронским ограничивается физическими отношениями и не смогла перерасти в духовную близость и понимание. Потеряв семью и сына, она остается на духовно-эмоциональном пепелище злости, ревности и эгоизма. Жизненная катастрофа — наказание за предательство брака и традиционных семейных ценностей. И последние понимаются писателем отнюдь не в патриархатном формате. Женщинам, по сути, отведена демиургическая роль в создании и поддержании семьи, устройстве дома, рода. Потому столь модная в то время либеральная эмансипация женщин воспринимается Л.Н. Толстым крайне отрицательно. Такое же отношение к мужской похоти (Стива Облонский), которая столь же вредоносна для семьи. Смирение, долготерпение и понимание лишь только способны создать счастье семьи, как у Китти и Константина Левиных или же глубокое прочувствование материнского долга и материнского счастья Долли Облонской. Плотская любовь приходит и уходит, но пребывает и укрепляет век человеческий только любовь-жалость и любовь-понимание — истинный базис брака и семьи.

В отличие от Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевский был верующим христианином, хотя и не, так сказать, «исходным», из детства (воцерковленным). Его религиозное обращение (Religios conversion) произошло в настоящей пограничной ситуации гражданской казни и каторги — бывшего социалиста и нигилиста. Тем основательнее и истовее стала его вера в то, что христианство являет собой истину человеческого общежития и, прежде всего, обеспечивая тепло, близость и крепость семейных отношений. Подобная подлинная семья или «благочестивое семейство» и есть «малая церковь»,[14] основа церкви большой, Христовой, а также духовная «национальная почва», на которой и произрастает русский народ. Аксиология семьи Ф.М. Достоевского также укоренена в подобной духовной почве — правды, общерусского духа и фундаментальных религиозных ценностей. Лишь это способно консолидировать общество, расколотое на верхи и народ, на разные партии и фракции, в нечто органичное целое. Что же это?

Об этом Ф.М. Достоевский провозгласил в своей знаменитой вдохновенной речи об А.С. Пушкине (1880), в которой он сформулировал своего рода русский религиозно-национальный код — народность, способность к всеобщему примирению, братской любви и всечеловеческому единству. Это и есть то, что позднее назовут «русской идеей», и закладывается она с детства, в семейном жизни и воспитании. Ф.М. Достоевский с особым вниманием исследовал вопрос о том, откуда у нас появляются «бесы» общественного растления и революционаризма. Их истоки, полагал он, — в некоторых семьях, в которых детям дают хорошее образование и кругозор, как правило, европейского происхождения, с соответствующим преклонением, но лишают, по собственному непониманию, народного духа религиозности и традиций, национальной почвы. Последнее необходимо для культивирования таких христианских качеств, как органическое неприятие насилия, милосердие и сострадание, активное соучастие в добрых делах.

Отношение к семье и браку, с точки зрения традиционных семейных ценностей, духовного направления, получившего название «русская религиозная философия», мягко говоря, неоднозначно. Вслед за Л.Н. Толстым, если они и были христианами, то явно не ортодоксально-православными и вообще их отношения с РПЦ были всегда проблематичными, порой напряженными — на грани вражды. Так В.С. Соловьеву постоянно инкриминировали тайные симпатии к католицизму, а его практически еретические, для православия, концепции

ные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. — 2018. — № 1 (25). — С. 85–100.

[14] *Богач Д.А.* Ценность семьи в мировоззренческом опыте Ф.М. Достоевского // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2023. — Вып. 2. — С. 5–12.

«Софии» и «богочеловечества», отчасти перенятые его последователями С.Н. Булгаковым и П.А. Флоренским, создавали последним также большие проблемы, поскольку оба были православными священниками. К В.В. Розанову также не приложима идентификация православного христианина, и даже, может быть, и вообще христианина. Он явно предпочитал Ветхий завет Новому, а Бога интерпретировал как «личного бесконечного духа». Учение Н.А. Бердяева выстраивало иную онтологию, в которой главенствует первичная первобытная свобода (Хаос) и рождение из нее Бога, и которая явно не коррелирует ни с каким христианством официальных конфессий.

Впрочем не стоит забывать, что эти философы после В.С. Соловьева, духовно принадлежали к формации Серебряного века, оказавшим не только возвышенно-творчески-романтическое влияние на культуру, но и негативное — на традиционные семейные ценности. То есть у Серебряного века имелась и «обратная сторона»[15]. Свидетель эпохи, может быть и не беспристрастный, родственница А.А. Блока, М.А. Бекетова, так характеризует отношение ключевых фигур того времени к нашей теме: «Брюсов, Мережковские, Вяч. Иванов, Гамсунг, Пшибышевский — все говорили одно и то же, призывая к протесту против семейного очага, призывая к отказу от счастья, к безбытности, к разрушению семьи, уюта... Каждый безумствовал, каждый хотел разрушить семью — свою и чужую»[16].

Потому будет вполне понятен тот мировоззренческий контекст, в котором и формулировались, и разворачивались приводимые далее идеи тех религиозных философов, которые более основательно останавливались на нашей тематике.

В.С. Соловьева интересовала в большей мере все же «любовь» как онтологическая категория («Смысл любви»). В интерпретации же отношений мужчины и женщины, семьи, он придерживался классически-христианских (патриархатных) представлений. Человек есть истинное единство мужской и женской половинок, это и есть первоначальный «образ Божий» творения, модель отношений в семье — калька с отношений Бога и мира, Христа и его Церкви, т.е. мужчина «творит» и «созидает» свое женское «дополнение»[17].

Иное дело его последователи. Здесь мы можем встретить большой плюрализм — от откровенного язычества (В.В. Розанов) до радикально-индивидуалистической взглядов на семью (Н.А. Бердяев). Однако они интересны и поучительны, являются нашим наследием.

В.В. Розанов, можно сказать, буквально боготворил семью, т.е. делал ее онтологическим центром мира и высшей ценностью. По сути, это обожение семьи и брака, даром ему вменяли именно языческую позицию понимания мира. Физиология человеческого тела, инстинкт размножения, все половые дела — вот суть человека и человечества, которые к тому же почему-то объявляются «духовными». Впрочем, может быть, это проявление сознательного мифотворчества со стороны В.В. Розанова, как отмечают некоторые исследователи[18]. Но, так или иначе, семья для него являлась важнейшим социальным институтом, нравственным фундаментом общества. Вместе с тем, опираясь на статистику роста незаконнорожденных и свидетельства о домашнем насилии, В.В. Розанов констатирует кризис семейных ценностей в России того времени[19]. У философа был пристрастный интерес к данной тематике, вследствие своего печального опыта и в браке, и в отношении незаконнорожденных детей. Его первый брак в довольно юном возрасте с женщиной старше его чуть ли не вдвое закончился неудачей, причем ему было категорически отказано в разводе. Поскольку браки были в то время церковными, венчать его официально с его второй избранницей отказались, и его второй брак юридически

---

[15] Термин А.Ф. Лосева из «Эстетики Возрождения», которым он обозначил намеренные и систематические нарушения (испытания) традиционных норм морали со стороны «титанов Возрождения». Сама их революционность и радикализм в искусстве органично вызывали в них представления о своей исключительности и особых нормах поведения — в отличие от простых смертных.

[16] *Бекетова М.А.* Воспоминания об Александре Блоке. — М.: Правда, 1990. — С. 244. Цит. по: *Колесников С.А.* Семейный мир как основа духовно-богословского становления богословской системы В.Н. Лосского // Труды Белгородской духовной семинарии. — 2021. — № 12. — С.40.

[17] *Соловьев В.С.* Смысл любви // Сочинения: в 2 т. — М.: Мысль, 1990. — Т. 2. — С. 529.

[18] *Пешков А.А., Гуторов Ю.А.* Вопросы семьи и брака в отечественной религиозно-философской мысли (конца XIX — начала XX века) // Труды Нижегородской духовной семинарии. — 2019. — № 17. — С. 253–268.

[19] *Розанов В.В.* Собр. соч.: Семейный вопрос в России. — М.: Республика, 2004. — С. 24.

оставался сожительством, а дети — незаконнорожденными — с соответствующими поражениями в правах. Потому у него были свои счеты, и он обрушился на главного виновника, по его мнению, своих бед — РПЦ, которая обеспечивала и идеологию брака, и контроль над семейным поведением. Для церкви идеал — монашество и аскеза, для В.В. Розанова чувственные удовольствия, в том числе и половые — важнейшие смыслы нормально человеческой жизни. Для церкви секс оправдан лишь деторождением, для него эротическая сфера — самодостаточна и высокоценна, к тому же это исток новой жизни, детей, потому он священен. И не важно, освящает или нет, все это церковь, это благословение Божье (природы, эволюции). Потому В.В. Розанов был поборником гражданского брака и либерализации разводов, ликвидации дискриминации незаконнорожденных. И предпринимал в этом направлении значительные усилия. Так он организовал в 1901–1903 гг. дискуссии, неоднократно выступал на пяти (!) заседаниях Петербургского религиозно-философского собрания, посвященных темам необходимости реформирования брачного законодательства[20]. Понятно, что РПЦ проигнорировала эту нонконформистскую активность «маргиналов».

Примечательна позиция по отношению к традиционной семье и традиционным семейным ценностям самого известного на Западе из представителей когорты русской религиозной философии Серебряного века — Н.А. Бердяева. Некоторые говорят о его «либерализме»[21], что является, думаем, большим упрощением. На деле следует говорить скорее о философском персонализме и духовном аристократизме его концепции.

Соответственно, будучи персоналистом, он признавал за истинную сущность человека лишь его личностное, неповторимо-творческое начало. Все прочее, биологически-видовое, обозначаемое им как «родовое» — лишь предуготовление, потенциальная возможность становления собственно человека или личности. Семья, биологическое производство человека (как его рождение и рождение от него) — это лишь природа, инстинкт размножения, чья инфернальная сила глубоко враждебна личности, низводит человека до положения животного. Половое чувство или «родовая любовь» утверждает лишь биологическое бессмертие рода, заставляя людей спариваться как можно чаще, рожать как можно больше детей и всю жизнь положить на уход за ними, чтобы не обрывалась бесконечная цепь поколений. Также семья является исходно социальной формой приспособления к изменяющимся условиям хозяйствования, подтверждая принципы экономического материализма[22].

Традиционная семья, таким образом, — это природно-социальное ярмо, одно из главных препятствий на пути личностного развития человека. Через семью природа и социум подавляют истинно-человеческое в человеке. Семья или быт враждебны духовной любви, творчеству и личности, она порабощает их, истязает и калечит. Можно ли нейтрализовать это пагубное влияние? Да, если попытаться отказаться от традиционных (авторитарных, иерархичных) принципов организации семьи и быта, гуманизовать и максимально устранить любые формы внутрисемейной дискриминации, приблизив ее к «типу братства»[23]. Для этого нужна не только эмансипация женщин, не их маскулинизация (полное равноправие во всем), а, скорее, полное раскрытие специфически женских творческих начал для реализации их особой метафизической миссии в развитии мировой человеческой культуры[24].

Приземленности, обыденности существующей патриархатной семьи он противопоставляет платонистскую символику духовной любви, андрогинности и трансцендентности. Суженый и суженая соединяются, обретая целостность в этих вот трансцендентных эмпиреях. И лишь подобный брак отвечает личностным началам, истине человека, поэтому при умирании любви развод обязателен[25].

---

[20] Записки Петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.). — М., 2005. — С. 214–353.

[21] *Метлова Т.А.* Либеральная концепция семьи в трактатах Дж.С. Милля и Н.А. Бердяева: компаративные аспекты // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). — 2012. — № 5 (13). — С. 1–17.

[22] *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. — М.: Правда, 1989. — С. 422–423.

[23] *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе. Опыт персоналистической философии. — М.: Республика, 1995. — С. 141.

[24] *Бердяев Н.А.* Метафизика пола и любви // Русский Эрос, или Философия любви в России. — М., 1991. — С. 248–256.

[25] *Бердяев Н.А.* Назначение человека. — М.: Республика, 1993. — С. 204.

Впрочем, похоже, что кейсы В.В. Розанова и Н.А. Бердяева все же исключение, другие философы этого направления придерживались вполне традиционных семейных ценностей, которые для них были само собой разумеющимся, потому что о том говорить? Обсуждают лишь те, кто не согласен или прямо уязвлен существующим положением вещей — как Н.А. Бердяев или же В.В. Розанов. Для П.А. Флоренского, к примеру, первым из трех столпов, поддерживающих и направляющих жизнь человеческую, является почтительное знание о своих предках как жизнеуказующий вектор, и лишь второй столп — освоение мировой культуры, а третий — глубокая религиозность[26]. Знания о своем роде включает в себя не только чисто информацию о том, кем были предки данного человека, какими интересами они жили, какие имели таланты и заслуги. Они должны стать предметом личностной рефлексии для того, чтобы их учесть и как-то встроить в свою жизненную стратегию. Родной дом и особенно мать — безусловно, приоритетны, есть высшие ценности, которым нет замены: ни среди друзей-товарищей, ни сподвижников-подельников. П.А. Флоренский упоминает о чем-то похожем на «родовую карму» — всей прежней историей (в конечном счете — Богом) складываются некие «законы рода», предопределяющие его жизненное предназначение. И если ребенок не будет знать и принимать это «призвание», то встретит на своем жизненном пути большие сложности. Так П.А. Флоренский полагал, что с этим столкнулись его дед и отец, которые не ценили особую миссию своего рода, межпоколенной семьи (служение Богу)[27].

Подытожим представленные здесь обобщения относительно заявленной в начале темы.

Российская цивилизация принадлежит к числу молодых. Государственность, относительно определенно установленная по источникам, ведет свое начало с того времени, когда Европа имела уже более полутысячелетия своего самостоятельного развития, не говоря уже о греко-римских предшественниках. Отсюда неискушенность в рационально-категориальном выражении своих мыслей — российская ментальность долгое время выражала себя в более широком круге письменных источников: исторических, юридических и художественных, нежели философских.

Язычество и соответствующие семейно-брачные практики и нормы — общий со всеми другими народами путь. Мы пережили, однако, в силу специфики исторической ситуации, более быстрый и резкий переход к монотеистической религиозности, православию, чем то имело место у других. Причем довольно продолжительное время уживались вместе и новые правила, и староотеческие обычаи. Спустя, опять-таки, полутысячелетие, и у нас, как и везде в то время, утвердилась патриархатная семья со всем ее «джентльменским набором»: абсолютной власти мужа в семье, жестокие семейные наказания, угнетение женщин. Российской особенностью можно считать худшее положение знатных женщин, пребывавших всю жизнь свою в тюрьме теремов.

Переломной вехой в социокультурном развитии России стали реформы Петра I, приведшие, в конце концов, к радикальному внутреннему расколу русской культуры и быстрой вестернизации ее правящей элиты. Это сделало последнюю идеологически уязвимой от чуждых влияний, особенно от новых радикальных мировоззрений, таких как либерализм и социализм. Именно последний приобрел наиболее серьезное влияние в XIX в.

Началось состязание радикализма и консерватизма (западничества и славянофильства). Радикализм (Н.Г. Чернышевский и др.) предлагал отказ от традиционной семьи как деспотической и несправедливой, введение полной сексуальной свободы и реформы семейно-брачного законодательства. Консерватизм (Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский) настаивал на том, что традиционная семья и традиционные семейные ценности («благочестивое семейство», «малая церковь») и есть основа духовной «национальной почвы», на которой и произрастает русский народ.

Духовное направление «русская религиозная философия», являясь выражением радикальной противоречивости и разноголосицы Серебряного века и предреволюционных ситуа-

[26] *Бѐрджесс Д.П.* Смысл жизни в разговорах П.А. Флоренского с детьми (по материалам переписок) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. — 2021. — Т. 7. — № 1. — С. 20–24. — DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-2

[27] *Флоренский, П.А.* Все думы — о вас. Письма семье из лагерей и тюрем, 1933–1937 гг. — СПб.: Сатисъ, Держава, 2004. — С. 41, 413.

ций, давало своеобразное толкование назревших в то время проблем в семейно-брачной сфере. Некоторые видные ее представители (В.В. Розанов, Н.А. Бердяев) придерживались позиции критики РПЦ, которая была в то время, можно сказать «куратором» этой области общественных отношений, равно как и осуждали авторитаризм традиционной семьи, предлагая либерализацию института брака и развода. Другие (П.А. Флоренский и др.) ратовали за сохранение традиционных форм семьи и ее ценностей, предполагая ее более последовательную и настойчивую христианскую гуманизацию.

Луань Вэй
доцент Института русского языка,
Хэйлунцзянский университет иностранных языков, г. Харбин

К КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ

Ключевые слова: культурная безопасность Китая, национальная культурная идентичность, диалог между культурами, общество с общей судьбой.
Key words: China's cultural security, national cultural identity, dialogue between cultures, society with a shared destiny.

В эпоху глобализации и трансформации международных отношений культурная безопасность стала одной из ключевых составляющих национальной безопасности государства. Китай, как страна с многовековой цивилизационной традицией и уникальной культурной идентичностью, на протяжении последних десятилетий активно формирует и развивает собственную концепцию культурной безопасности, адаптированную к современным вызовам и национальным особенностям.

Культурная безопасность, по мнению китайского исследователя Линь Цзюй, представляет собой состояние защищенности национальной культуры от внешних негативных воздействий, сохранение ее уникальности, целостности и жизнеспособности, а также возможность свободного развития и трансляции культурных ценностей[1]. В отличие от некоторых западных подходов, сфокусированных на идеологической конкуренции, концепция культурной безопасности Китая базируется на принципах взаимного уважения, диалога между культурами, неприкосновенности национального выбора развития. Это обусловлено историческим опытом Китая, его многонациональной структурой и стремлением к построению общего мира с общей судьбой человечества.

Особое внимание к культурной безопасности в Китае обусловлено рядом факторов — глобализация культурных процессов, которая, с одной стороны, приводит к интенсивному взаимодействию, а, с другой, к риску исчезновения национальных культурных идентичностей; информационные технологии, расширяющие доступ к разным культурным продуктам, но и создающие возможности для дезинформации и культурной интервенции; внутренние трансформации общества, связанные с модернизацией и социальными изменениями, которые требуют сохранения сплоченности на основе общих культурных ценностей. Данные факторы делают концепцию культурной безопасности не только теоретическим вопросом, но и важной практической задачей государственной политики.

Концепции культурной безопасности Китая имеет глубинные корни, но ее современная формулировка связана с процессами реформ и открытости 1970-х годов. На начальном этапе (конец 1970-х — начало 1990-х гг.) основной упор делался на сохранение традиционной культуры в условиях интенсивного вхождения Китая в мировой рынок и контактов с западной культурой. В этот период был принят ряд мер по защите культурного наследия, развитию националь-

[1] 林菊. «全球化时代的文化安全：理论基础与实践路径». 北京：北京大学出版社，2018年，第45页 [*Линь Цзюй.* Культурная безопасность в эпоху глобализации: теоретические основы и практические подходы. — Пекин: Издательство Пекинского университета, 2018. — С. 45].

ного искусства и образования, направленных на противодействие опасности от «культурной колонизации»[2]. В середине 1990-х — начале 2000-х гг. концепция культурной безопасности получила дальнейшее развитие в рамках формирования национальной стратегии развития культуры. В документах Партии и правительства Китая впервые четко была указана роль культурной безопасности как важной части национальной безопасности. Особое внимание было уделено вопросам защиты интеллектуальной собственности в сфере культуры, развитию медийного пространства и противодействию распространению вредных культурных продуктов. В этот период, по замечанию Чжоу Мин, начал формироваться подход к культурной безопасности как к интегральному понятию, включающему защиту культурного наследия, развитие современной национальной культуры, укрепление культурной идентичности граждан и повышение международного влияния китайской культуры[3]. Период с 2010 года по настоящее время характеризуется глубоким развитием и систематизацией концепции культурной безопасности. Она стала одним из ключевых направлений, обеспечивающих реализацию национальных целей. Были разработаны конкретные программы и мероприятия по развитию цифровой культуры, защиты этнических культур, продвижению китайской культуры за рубежом (например, проект «Confucius Institutes»), по совершенствованию законодательства в сфере культуры и медиа.

Особое внимание, пишет Ли Дунь, в концепции культурной безопасности уделяется балансу между открытостью и защитой, так как Китай активно сотрудничает с другими странами в культурной сфере, но при этом жестко противодействует любым формам культурной интервенции и распространению идеологий, опасных для социальной стабильности и национальной единства[4].

Концепция культурной безопасности Китая базируется на нескольких взаимосвязанных принципах, отражающих ее уникальную природу и направленность. Первый и основной принцип — приоритет сохранения национальной культурной идентичности. Национальная идентичность, основанная на многовековой цивилизационной традиции, конфуцианских ценностях (гуманизм, справедливость, взаимовыручка), традиционных искусствах (китайская живопись, музыка, театр) и языковом пространстве, считается ядром культурной безопасности. Для ее сохранения Китай осуществляет масштабную работу по охране материального и нематериального культурного наследия — восстановление исторических памятников, поддержка традиционных ремесел, преподавание классической литературы в школах и вузах[5].

Второй принцип — гармония между традицией и современностью. Концепция культурной безопасности Китая — это не отказ от модернизации, а стремление интегрировать лучшие достижения традиционной культуры в современную социальную жизнь. Это проявляется в развитии современной китайской культуры, которая сочетает традиционные ценности с современными формами выражения (кино, музыка, цифровые медиа). Например, пишет Сюй Юй, в последние годы стал популярен жанр «национального стиля» (guóchāo), который представляет собой современные товары и культурные продукты с элементами традиционной китайской культуры, что привлекает внимание молодого поколения, укрепляет их чувство принадлежности к национальной культуре[6].

---

[2] 王辉. «中国文化安全理念形成的历史语境». «中华文明杂志», 2016年第3期, 第78–79页. [*Ван Хуэй.* Исторический контекст формирования концепции культурной безопасности Китая // Журнал китайской цивилизации/ — 2016. — № 3. — С. 78–79].

[3] 周明. «中国文化安全理念的系统化：阶段与特征». «国际关系与文化», 2019 年第2期, 第105–106页. [*Чжоу Мин*. Систематизация концепции культурной безопасности Китая: этапы и особенности // Международные отношения и культура. — 2019. — № 2. — С. 105–106].

[4] 李顿. «“中国梦” 战略与文化安全：关联与前景». «中国国家安全», 2021年第4期, 第34–35页. [*Ли Дунь.* Стратегия «Китайский сон» и культурная безопасность: взаимосвязь и перспективы // Национальная безопасность Китая. — 2021. — № 4. — С. 34–35].

[5] 江雯. «文化遗产保护作为中国文化安全的组成部分». «世界文化遗产», 2017年第1期, 第90–100页. [*Цзян Вэнь*. Охрана культурного наследия как составляющая культурной безопасности Китая. // Культурное наследие мира. — 2017. — № 1. — С. 90–100].

[6] 徐宇. «传统与现代的和谐：中国文化安全理念的融合». «当代中国文化», 2020年第5期, 第64–65页. [*Сюй Юй.* Гармония традиции и современности в концепции культурной безопасности Китая // Современная китайская культура. — 2020. — № 5. — С. 64–65].

Третий принцип — взаимное уважение и равноправный диалог между культурами. Китай отвергает идею культурной гегемонии и пропагандирует концепцию «разнообразие культур как богатство человечества». В ее рамках культурная безопасность не достигается через изоляцию, а реализуется через активное взаимодействие с другими культурами на основе взаимного уважения и признания прав каждого народа на свободный выбор пути культурного развития. Это проявляется в организации международных культурных фестивалей, обменов между художниками, учеными и студентами, а также в поддержке многостороннего сотрудничества в сфере культуры[7].

Четвертый принцип, на котором акцентирует внимание Чжэнь Фэнь — государственное управление и социальная участие. Концепция культурной безопасности Китая подчеркивает важную роль государства в формировании политики в сфере культуры, в регулировании культурного рынка, в защите культурного наследия и в противодействии угрозам культурной безопасности. В то же время, предполагается активное участие общества — гражданских организаций, культурных учреждений, ученых и обычных граждан — в сохранении и развитии национальной культуры. Это создает многоуровневую систему защиты культурной безопасности, объединяющую государственные интересы и потребности общества[8].

Реализация концепции культурной безопасности Китая включает в себя ряд конкретных направлений и мер, направленных на достижение поставленных целей. Одно из важнейших направлений — охрана и развитие культурного наследия. Китай является страной с богатым культурным наследием. Более 50 объектов внесены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, а более 4000 относятся к национальным объектам культурного наследия[9]. Для их охраны была создана специальная система управления, включающая государственные органы, научные исследования и финансовую поддержку. Кроме того, активно продвигается работа по сохранению нематериального культурного наследия — традиционных ремесел, музыки, танца, сказок и других элементов культуры.

Другое важное направление культурной безопасности, которое выделяет Хуан Цзюй — развитие современной национальной культуры. Китай инвестирует значительные ресурсы в развитие искусства, литературы, кино, телевидения, цифровых медиа и в другие сферы культуры. Особое внимание уделяется созданию высококачественных культурных продуктов, отражающих современную жизнь страны и традиционные ценности. Например, в последние годы китайское кино стало популярным не только внутри страны, но и за рубежом: фильмы об истории Китая, о современных социальных проблемах и фантастике собирают большие аудитории зрителей и получают международные премии. Это не только способствует формированию позитивного имиджа Китая, но и укрепляет чувство гордости за свою культуру у граждан[10].

Важным компонентом реализации концепции культурной безопасности, пишет Ван Цзян, является укрепление культурной идентичности граждан. Для этого в Китае активно развивается система образования, в рамках которой студенты изучают историю, культуру, язык и литературу страны. Особое внимание уделяется молодому поколению — организуются предметные олимпиады, культурные фестивали, экскурсии в исторические места, а также развиваются онлайн-платформы для изучения традиционной культуры. Эти направления отражают политику государства, которое поддерживает различные формы общественной де-

---

[7] 王琳. «文化互鉴与对话：中国在国际文化合作中的经验». «国际文化合作», 2018 年第 6 期, 第 117–118 页. [*Ван Линь.* Взаимное уважение и диалог между культурами: опыт Китая в сфере международного культурного сотрудничества // Международное культурное сотрудничество. — 2018. — № 6. — С. 117–118].

[8] 甄芬. «国家调控与社会参与在中国文化安全保障中的作用». «国家治理与文化», 2019 年第 3 期, 第 50–51 页. [*Чжэнь Фэнь.* Государственная регулировка и социальное участие в обеспечении культурной безопасности Китая // Государственное управление и культура. — 2019. — № 3. — С. 50–51].

[9] 林明. «中国物质与非物质文化遗产保护措施». «文化政策», 2022 年第 2 期, 第 73–74 页. [*Линь Мин.* Меры по охране материального и нематериального культурного наследия Китая // Культурная политика. — 2022. — № 2. — С. 73–74].

[10] 黄菊. «当代民族文化发展与中国文化安全的巩固». «艺术杂志», 2021 年第 1 期, 第 60–61 页. [*Хуан Цзюй.* Развитие современной национальной культуры и укрепление культурной безопасности Китая // Журнал искусства. — 2021. — № 1. — С. 60–61].

ятельности, направленные на просвещение в сфере культуры и на укрепление социальной сплоченности[11].

Помимо внутренних мер, важным направлением является продвижение китайской культуры за рубежом через культурные диаспоры и международное сотрудничество. Китай активно развивает международное культурное сотрудничество через Международный совет по сотрудничеству в сфере культуры, через Конфуцианские институты. Организация и проведение международных культурных фестивалей, выставок, концертов не только знакомит мировое сообщество с китайской культурой, но и способствует уменьшению культурного разрыва, формированию взаимопонимания между народами, повышает международное влияние китайской культуры[12]. Последним, но не менее важным направлением, считает Ли Синь, является противодействие угрозам культурной безопасности. Китай принимает ряд мер для защиты национальной культуры от внешних негативных воздействий через механизмы регулирования импорта иностранных культурных продуктов, противодействия культурной интервенции и дезинформации, защиты интеллектуальной собственности в сфере культуры. На это направлено и совершенствование законодательства в сфере культуры и медиа[13].

Концепция культурной безопасности Китая имеет большое значение для национального развития страны, так как она обеспечивает сохранение цивилизационной самобытности, позволяет сохранить свои уникальные культурные традиции и ценности, которые являются основой национальной идентичности и социальной сплоченности. Это способствует стабильности обществу и единству народа, что является важным фактором замечает Цзян Фэнь, для экономического и политического развития[14]. Она способствует развитию национальной экономики, так как культурная индустрия стала одним из быстрорастущих ее секторов, обеспечивающим создание новых источников дохода, способствующим развитию смежных отраслей. Ван Юй, как бы продолжая это, пишет, что это делает культурную безопасность важным драйвером экономического роста[15].

На международном уровне концепция культурной безопасности Китая продвигает китайскую культуру, с ее ценностями гармонии, взаимопонимания и справедливости, предлагая альтернативу западным моделям, что будет способствовать, пишет Чжэнь Линь, формированию более справедливого и демократичного международного порядка[16]. Она продвигает идею многообразия и равноправия культур, что противоречит идее культурной гегемонии и способствует снижению напряженности в международных отношениях. Китайская практика в сфере культурной безопасности показывает, что сохранение национальной культурной идентичности и развитие международного сотрудничества в сфере культуры не являются взаимоисключающими, а наоборот — взаимодополняющими факторами. Это может служить примером, как отмечает Линь Хуэй, для других стран, особенно развивающихся, которые стремятся сохранить свою культурную самобытность в условиях глобализации[17].

---

[11] 王江. «通过教育与公共活动增强公民文化认同». «教育与文化», 2017 年第 4 期, 第95–96页. [*Ван Цзян.* Укрепление культурной идентичности граждан через образование и общественную деятельность // Просвещение и культура. — 2017. — № 4. — С. 95–96].

[12] 周慧. «推动中国文化海外传播：经验与前景». «国际文化拓展», 2020 年第 3 期，第 69–70 页. [*Чжоу Хуэй.* Продвижение китайской культуры за рубежом: опыт и перспективы // Международная культурная экспансия. — 2020. — № 3. — С. 69–70].

[13] 李欣. «应对文化安全威胁：中国的立法与实践层面». «国家安全与法律», 2018 年第 5 期，第 101–102 页. [*Ли Синь.* Противодействие угрозам культурной безопасности: законодательные и практические аспекты в Китае // Национальная безопасность и право. — 2018. — № 5. — С. 101–102].

[14] 江芬. «保持文明独特性对中国国家发展的重要意义». «文明研究», 2022 年第1期，第41–42页. [*Цзян Фэнь.* Значимость сохранения цивилизационной самобытности для национального развития Китая // Цивилизационные исследования. — 2022. — № 1. — С. 41–42].

[15] 王宇. «文化产业作为中国经济增长的驱动力». «经济与文化», 2019 年第 4 期，第87页.[Ван Юй. Культурная индустрия как драйвер экономического роста Китая // Экономика и культура. — 2019. — № 4. — С. 87].

[16] 甄林. «中国文化的国际影响力与“人类命运共同体” 理念». «国际关系», 2021年第6期，第81–82页. [*Чжэнь Линь*. Международное влияние китайской культуры и концепция «общественного мира с общей судьбой» // Международные отношения. — 2021. — № 6. — С. 81–82].

[17] 林慧. «中国文化安全理念及其对世界文化多样性的意义». «全球文化研究», 2020年第2期，第56–57页. [*Линь Хуэй*. Концепция культурной безопасности Китая и ее значение для мирового многообразия культур // Глобальные культурные исследования. — 2020. — № 2. — С. 56–57].

Таким образом, концепция культурной безопасности Китая представляет собой системный подход, основанный на сохранении национальной культурной идентичности, гармонии между традицией и современностью, на взаимном уважении между культурами, на государственном регулировании. За последние десятилетия Китай проделал значительную работу по формированию и реализации этой концепции, что позволило ему сохранить свои уникальные культурные традиции, укрепить социальную сплоченность, развить культурную индустрию и повысить международное влияние своей культуры.

Лю Жуйвэй
преподаватель русского языка,
Хэйхэский университет, г. Хэйхэ

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РОЛИ КИТАЯ В ПРОЦЕССЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, культурная безопасность государства, евразийская интеграция, культурный контекст, культурный обмен, китайские культурные ценности, строительство региональной культуры.

Key words: civilizational identity, cultural security of the state, Eurasian integration, cultural context, cultural exchange, Chinese cultural values, construction of regional culture.

В современную эпоху тенденции глобализации и региональной интеграции продолжают усиливаться. В таком глобальном контексте процесс евразийской интеграции стал важным аспектом в международной политико-экономической структуре сотрудничества. Он включает не только экономическое сотрудничество и политическое взаимодействие, но и глубокий культурный обмен и интеграцию. При всей многозначности данного процесса, по замечанию Ян Шу и Ван Шу Сэн, ограниченность региональной интеграции объясняется тем, что Центрально-азиатским странам не хватает социальной идентичности, а внутригрупповая экономика не имеет взаимодополняемости, что ограничивает возможность их региональной интеграции[1]. Эта проблема создает препятствия для регионального сотрудничества и влияет на активность стран в продвижении интеграционного процесса.

В этом контексте проблемы цивилизационной идентичности и культурной безопасности государства становятся особенно важными. Если опираться на цивилизационное учение Н. Данилевского, то идентичность может быть представлена как глубинный культурно-психологический феномен, который представляет собой осознание, эмоции и чувство принадлежности конкретной группы к своей цивилизации. Это влияет, в частности, на ценности и поведение индивида, а, в целом, способствует формированию сплоченности и центростремительности нации и государства. Так как Евразийский регион представлен многочисленными культурами, то, если между ними существует различие в понимании/выражении/принятии, это может привести к культурным конфликтам и недоразумениям. Поэтому можно предположить, что «цивилизационная идентичность» может способствовать миру и стабильности в регионе. Следовательно, этот концепт в Евразийском регионе может иметь ключевое значение. Обращение к данному тезису вызвано тем, что культура в китайской философии — это не просто внешнее проявление страны, это — душа нации, формирующая духовное лицо и внутреннюю сплоченность народа. Генеральный секретарь Си Цзиньпин в период работы в провинции Чжэцзян

[1] 杨恕, 王术森. 社会认同理论视角下的中亚地区一体化[J]. 俄罗斯研究, 2018, (03): 45–75. [*Ян Шу, Ван Шу Сэн*. Интеграция в Центральной Азии с точки зрения теории социальной идентичности // Российские исследования. — 2018. — № 3. — С. 69].

изложил свою концепцию «Культура — это душа нации»[2], которая определила не только ее понимание, но и глубокий смысл как моделей поведения каждого члена общества, так и современных ценностей. Поэтому утверждение, что в Евразийском регионе крайне важно сохранить уникальность культур разных народов, что будет способствовать их взаимопониманию и взаимоуважению, обосновывает обращение к вопросам и к проблемам культурной безопасности.

Евразийская интеграция обладает уникальным культурным контекстом. Регион отличается многообразием культур, корни которых в православии, буддизме, исламе, конфуцианстве и в других традициях. Это создаёт как возможности для культурного обмена, так и вызовы в процессе межкультурного взаимодействия. Поэтому китайские философы, ссылаясь на идею Си Цзиньпина, отмечают, что важной задачей является достижение гармоничного сосуществования культур при сохранении их разнообразия. Эта мысль представлена и в речи Президента России В. Путина о многополярном мире.

Обращение к вопросам культурной безопасности продиктовано тем, что она представляет важную составляющую национальной безопасности, так как рефлексирует культурный суверенитет, традиции и развитие, которые противопоставлены глобальным вызовам — влиянию чуждых культур и угрозе культурного гегемонизма. Поэтому концепт культурной безопасности, с одной стороны, направлен на защиту/сохранение уникальности и автономности каждой культуры, а с другой, — на обеспечение их равноправия в международных контактах. Китай, играя значительную роль в евразийской интеграции, не только влияет на экономику, но и вносит вклад в ее развитие через свои культурные ценности и философские идеи. Такие концепции, как «гармония в различиях» и «согласие всех стран», подчеркивают важность инклюзивности и сотрудничества, что соответствует цели интеграции. А в китайской философии, включая конфуцианство и даосизм, заложены конструктивные идеи для социального управления и развития региональной культуры, результативность которых оправдана временем.

Исследование цивилизационной идентичности и культурной безопасности в контексте евразийской интеграции, с акцентом на роль Китая в их развитии, имеет важное теоретическое и практическое значение. Поэтому обращение к проблемам становления цивилизационной идентичности, как к социально-психологическому феномену, особенно в контексте культурной безопасности государства, заслуживает серьезного изучения. Мы исходим из представления о том, что смыслом цивилизационной идентичности является признание личностью или группой чувства принадлежности к определенной цивилизационной системе. Это — глубокое осознание и принятие ценностей, верований, обычаев, традиций и других ключевых культурных и социальных элементов данной цивилизации. Как пишет Сэ Пэйхон, они основываются на наследии культурных и духовных традиций народа, включая ряд философских идей, методов мышления, социальных идеалов и практических норм, составляя вместе ядро культурной идентичности, становясь основой для культурной безопасности государства[3]. Следовательно, культурные универсалии нации, поддерживая процесс становления культурной идентичности, выполняют фундаментальную роль помощи государству в сохранении своей независимости и автономии, обеспечивая ему культурную безопасность. Так, например, такие ценности, как человечность, справедливость, ритуалы, мудрость и доверие, закреплённые в конфуцианстве, стали основой идентичности китайской нации. Люди следуют им в повседневной жизни, что формирует у них сильное чувство связи с китайской цивилизацией.

Европейская цивилизация показала, что цивилизационная идентичность изменяется с течением времени. Развиваясь в процессе истории, она изменила свое содержание — с ориентации на христианские ценности, в эпоху Ренессанса и Просвещения перешла на рационализм

---

[2] “文化是民族的灵魂”—习近平总书记在浙江工作期间文化理念与实践[J]. 杭州, 2025, (Z1): 133 [«Культура — это душа нации» — культурная концепция и практика генерального секретаря Си Цзиньпина в период работы в Чжэцзяне // Ханчжоу. — 2025. — № Z1. — С. 133].

[3] 谢佩宏. 中国传统智慧对国家文化安全治理的启示—评 «认同与共识: 国家文化安全史略» [J]. 安全与环境学报, 2025, 25(6): 2472. [*Сэ Пэйхон*. Влияние китайской традиционной мудрости на управление культурной безопасностью государства — рецензия на книгу «Идентичность и консенсус: исторический очерк культурной безопасности государства» // Журнал безопасности и окружающей среды. — 2025. — Т. 25. — № 6. — С. 2472].

и науку. И здесь стоит заметить, что западная цивилизация — это наднациональное образование. И если, по замечанию Юй Чуньян и Чжоу Цзявэй, формирование национальной идентичности является важной задачей в многонациональных государствах, в том числе и в Европе[4], то ключевым вопросом культурной безопасности становится формирование не единой национальной, а цивилизационной идентичности.

Культурная безопасность, как ключевая часть национального суверенитета, направлена в традиционном понимании на защиту и сохранение культуры, а в инновационном — на развитие культуры как «мягкой силы» для выхода «вовне». Поэтому, если речь идет об обеспечении культурной безопасности, то в данном случае, это означает охрану культурного суверенитета евразийских стран. Этот процесс предполагает такое управление, которое характеризовалось бы системными рамками и реализацией практического подхода. Неслучайно, отмечено, что оно, ориентированное на нацию-государство, должно постепенно перейти к многослойному культурному управлению[5]. Эта концепция основана на новых идеях, на поиске эффективного пути, что должно соответствовать культурной безопасности; сохранению культурного суверенитета страны, исторического и культурного наследия[6]. А так как культурная безопасность тесно связана с национальной сплочённостью и чувством идентичности, то она способствует сохранению культурных корней и укреплению единства нации. Однако, как пишут Сюй Янлин и Чэнь Цзин, так называемый конфликт цивилизаций, остаётся основным препятствием на пути к кросс-культурной идентичности человеческого сообщества с общей судьбой[7]. И проблема здесь, как мы уже отмечали, не столько в культурных различиях, сколько в реализации политических интересов. Различия же в ценностных системах культур приводят к недоразумениям и конфликтам, которые могут повлиять на мир и стабильность в регионе. Поэтому для евразийской интеграции остается вопрос поиска путей их разрешения, продвижения взаимопонимания и сотрудничества между различными цивилизациями.

А так как процесс интеграции, по замечанию Лю Синьли и У Маньи, является процессом коллективного признания и построения культуры[8], то Китай играет в нем важную роль, реализуя инициативу «Пояс и путь» в евроазиатском пространстве. Она основывается на принципах взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства, уважения культурного разнообразия и стремления к совместному развитию, что соответствует принципам мирного сосуществования. Эта инициатива подчеркивает равенство позиций и взаимодополняемость всех субъектов внутри ее системы, что и отличает ее, по замечанию Чжан Янлу, от Европейского Союза[9]. Эта концепция подчеркивает разнообразие и уникальность культур стран региона, через сотрудничество способствует совместному процветанию, обеспечивая интеграцию культуры и экономики, ориентируя тем самым, на цивилизационную идентичность. А, следовательно, поднимает на цивилизационный уровень и вопросы культурной безопасности.

---

[4] 于春洋, 周佳薇. 国家民族观念塑造的中国方案及其世界意义[J]. 中央民族大学学报(哲学社会科学版), 2024, 51(04): 48. [*Юй Чуньян, Чжоу Цзявэй*. Формирование национальной идентичности в Китае и его мировое значение // Журнал Центрального университета национальностей (философско-социально-научная серия). — 2024. — Т. 51. — № 4. — С. 48].

[5] 逆全球化趋向下的文化安全与文化治理[J]. 浙江学刊, 2021, (05): 32–40. [Культурная безопасность и культурное управление в условиях антиглобализма // Журнал провинции Чжэцзян. — 2021. — № 5. — С. 37].

[6] 文化是一个国家, 一个民族的灵魂[J]. 新安全, 2024, (04): 59 = Культура — это душа нации и народа. // Новый журнал безопасности. — 2024. — № 4. — С. 59.

[7] 徐艳玲, 陈静. 超越人类命运共同体跨文化认同困境 一 种文明史观双向视域协同的创新方案[J]. 内蒙古社会科学, 2021, 42(06): 9 [*Сюй Янлин, Чэнь Цзин*. Преодоление трудностей кросс-культурной идентичности человеческого сообщества с общей судьбой — инновационное решение с использованием двустороннего цивилизационного взгляда и синергии // Социальные науки Внутренней Монголии. — 2021. — Т. 42. — № 6. — С. 9].

[8] 刘杏玲, 吴满意. 区域一体化过程中的文化认同研究综述[J]. 电子科技大学学报(社科版), 2008, (01): 69. [*Лю Синьлин, У Маньи.* Обзор исследований по культурной идентичности в процессе региональной интеграции // Журнал Электронного технологического университета (социально-гуманитарная серия). — 2008. — № 1. — С. 69].

[9] 张艳璐. 欧亚联盟与新丝绸之路经济带的复合型共生关系分析[J]. 国际展望, 2015, 7(02): 101. [*Чжан Янлу.* Анализ сложной симбиотической связи Евразийского союза и Экономического пояса Шёлкового пути // Международные перспективы. — 2015. — Т. 7. — № 2. — С. 101].

Лю Сюаньцзы
преподаватель русского языка,
Шэньянский технологический институт, г. Шэньян,
аспирант Кафедры философии,
Забайкальский государственный университет, г. Чита

ЦЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ

Ключевые слова: традиционная китайская культура, ценности традиционной культуры, социальная проекция, культура и инновации, социальная реальность.
Key words: traditional Chinese culture, traditional cultural values, social projection, culture and innovation, social reality.

Термин «проекция», который используется как физическое оптическое понятие, в контексте нашего исследования расширяет свои смысловые границы до концепции культурной социологии. «Социальная проекция» относится к основным культурным генам цивилизации, подобно источнику света, постоянно отображающему ее ценности, идеальные схемы и парадигму порядка на «экране» реального общества, тем самым, формируя процесс развития, социальные формы и менталитет людей. Понимание механизма проецирования, как было отмечено в речи Си Цзиньпина, имеет ключевое значение для постижения внутренней логики китайского общества, противостояния вызовам современности, для укрепления культурной уверенности, для формирования осознания общности у китайской нации[1].

Традиционная китайская культура, особенно с конфуцианством в качестве ее ядра, с идеями даосизма, легизма, буддизма и другими концепциями, представляет культурный комплекс, глубоко интегрированный в китайскую цивилизацию. Она является мощным «источником света». Её распространение — это интерактивный процесс, наполненный творческим напряжением, по замечанию Син Гуанчэн, адаптацией и изменениями, который пронизывает великий путь китайской цивилизации «от множественности к единству»[2].

От идей «Книги Перемен» «易经» (И Цзин) — «Наблюдать за человеческой культурой, чтобы преобразовать Поднебесную», до политических идеалов — «Поднебесная принадлежит всем» и «установление единства», содержащихся в споре ста школ периода Сражающихся царств; до систематического изложения Дун Чжуншу концепции «Великого единства». Как точно заметили Су Мяомяо и Лу Мэнцянь, базовые рамки и ценностные ориентации традиционной культуры не только точно отражали социальные основы аграрной цивилизации и межличностные сети кровно-родственных и клановых отношений, но и глубоко сформировали политическую модель и цивилизационную структуру «Великого единства», в которой «все земли Поднебесной следуют общим принципам, сохраняя многообразие в единстве»[3]. Традиционная культура служила как теоретическим выражением для реального общества, так и его идеальным проектом, а её «системное мышление» и «диалектическое мышление» глубоко повлияли на логику социального управления.

Переосмысливая традиционную культуру, не надо воспринимать её как экспонат в музее, а необходимо глубоко осознать её социальную проекцию. Важно понимать, как через сложную систему символов и значений она обеспечивала порядок и легитимность традиционному обществу. И при этом принять — она может служить ориентиром смысла для современного общества, переживающего радикальные трансформации. Она способна быть переосмыслен-

---

[1] 习近平.在文化传承发展座谈会上的讲话[J].青海教育，2025(Z2): 17. [*Си Цзиньпин*. Выступление на симпозиуме по культурному наследию и развитию // Образование в Цинхае. — 2025. — № Z2. — С. 17].

[2] 邢广程.深刻理解中华文明突出的统一性[J].学习月刊，2023(08)：10. [*Син Гуанчэн*. Глубоко осознайте выдающееся единство китайской цивилизации // Ежемесячное обучение. — 2023. — № 8. — С. 10].

[3] 苏苗苗,吕梦倩.中华文明统一性视域下的中华优秀传统文化底蕴探蹟[J/OL].沈阳农业大学学报（社会科学版）. [*Су Мяомяо, Лу Мэнцянь*. Изучение наследия выдающейся традиционной культуры Китая с точки зрения единства китайской цивилизации // Журнал Шэньянского сельскохозяйственного университета (издание по социальным наукам), онлайн издание]. — https://link.cnki.net/urlid/21.1384.c.20260104.1514.002.

ной и активированной для решения задач новой эпохи, для укрепления сознания сообщества китайской нации, для продвижения модернизации по-китайски.

Проецирование традиционной китайской культуры на социальную реальность в рамках видения единства китайской цивилизации, проявляется, главным образом, на следующих уровнях: отражение социальной структуры и политического порядка, что выражено в принципах «единство семьи и государства» и в практике «великого единства»; проекция групповой психологии и моделей поведения — в концептах «коллективизм» и «золотая середина»; проекция индивидуальной ценности и смысла жизни, раскрывающая «внутреннюю трансцендентность» и «практическую рациональность».

(1) Отражение социальной структуры и политического порядка проявляется в принципах: «Единство семьи и государства» и практика «великого единства», что представляет собой интерпретацию конфуцианства как культурного источника. Конфуцианская концепция «совершенствование себя, упорядочение семьи, управление государством, умиротворение Поднебесной» — «修身、齐家、治国、平天下» (сюшэнь, ци цзя, чжи го, пинтяньсь) и этическая система «трех устоев и пяти добродетелей» — «三纲五常» (саньган у чан), определяют роли: правителя как ориентира для подданного; отца как ориентира для сына; мужа — для жены. Если данные социальной роли, имеют свой объект ориентации, то этическая система представлена через моральные регуляторы для всех — человеколюбие, справедливость, благопристойность, мудрость и верность. В данной ситуации «социальный экран» представляет отражение в политической структуре, в социальных отношениях, в правовой системе.

На уровне политической структуры концепция «сыновней почтительности» «孝» (сяо), реализуемая в семье, проецируется на государственный уровень как «верность» «忠» (чжун), формируя модель управления, основанную на единстве семьи и государства. Это мы видим в идее, изложенной в «Ли Цзи» — 《礼记》: «Когда семья в порядке, тогда и государство управляется; когда государство управляется, тогда и Поднебесная пребывает в мире». Су Мяомяо и Лу Мэнцянь пишут, что данная модель на протяжении тысячелетий служила важным идейным источником для политики «единства хуася и иных народов», для концепции многообразия в единстве[4]. В соответствии с этим, монарх рассматривался как «государь-отец», а чиновники — как «чиновники-родители». По словам Шу Миньхуа, эта квазисемейная политическая этика подчеркивала моральную ответственность правителя, естественную обоснованность иерархического порядка, суть которого заключалась в «установлении политических отношений в соответствии со степенью кровного родства»[5]. В итоге, в рамках концепции «великого единства» «大统一» (да тун), сформировалась стабильная система управления. Она охватила все округа и уезды в эпоху Цин, отражая проекцию институциональной мудрости, стремящейся к единству, включающего многообразие.

Особенности представления «социального экрана» через социальные отношения, мы видим у Фэй Сяотуна, в его концепции «дифференцированной структуры»[6]. В ней «Я» выступает центром, подобно кругам на воде, где в зависимости от близости кровных или территориальных связей формируется дифференцированная сеть социальных отношений. Эта концепция непосредственно происходит из конфуцианской идеи «любовь должна иметь градации». Однако она существует не изолированно, а встроена в общую структуру принципа китайской цивилизации — «единство в многообразии», который признает и включает в себя разнообразие при предпосылке единства.

Правовая система отражает традиционное право, которое характеризовалось слиянием ритуала и закона. Закон служил не только инструментом наказания, но и продолжением нравственного воспитания. Многие правовые положения напрямую происходили из ритуальных норм. Например, тяжкие преступления из «Десяти зол», как «непочтительность к роди-

[4] Там же.

[5] 舒敏华. «家国同构» 观念的形成, 实质及其影响[J].北华大学学报 (社会科学版), 2003, 4(2):32 [*Шу Миньхуа.* Формирование, сущность и влияние концепции «изоморфизма родной страны» // Журнал университета Бэйхуа (издание по социальным наукам). — 2003. — № 4 (2). — С. 32.

[6] 赵旭东. 费孝通：美美与共的家国情怀. 中国社会科学网-中国社会科学报 2021-07-13 [*Чжао Сюйдун. Фэй Сяотун*: Патриотический дух гармонии и единства]: Китайская сеть социальных наук — Китайская ежедневная газета социальных наук 2021-07-13. — https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202208/t20220803_5463571.shtml.

телям» и «нарушение семейной гармонии». По замечанию Су Мяомяо, Лу Мэнцянь, корреляция ритуала и закона отражала решительную защиту законом конфуцианских этических принципов, которые выступали проекцией порядка «великого единства» на правовом уровне, направленного на поддержание единого морального и социального порядка[7].

(2) Проекция групповой психологии и моделей поведения раскрывается в принципах «коллективизм» и «золотая середина», культурным источником которых, в основном, выступают конфуцианство и даосизм. Конфуцианство подчёркивает важность коллектива, гармонии и золотой середины; даосизм отстаивает принципы смирения и не-противостояния. При этом единство китайской цивилизации внешне проявляется через системное мышление, диалектическое мышление и мышление, основанное на соблюдении принципиальных границ. В данной ситуации концепт «социальный экран» отображается в коллективистской ориентации; в философском принципе середины и в диалектическом мышлении; в признании ценности образования, в уважении к талантам и в социальной мобильности.

В отличие от западной трактовки, в китайской философии коллективистская ориентация раскрывается через коллективную идентичность. По сравнению с западным индивидуализмом, китайское общество подчеркивает ответственность и обязательства отдельных людей в групповых отношениях. Это чувство коллективной идентичности отражается не только на традиционном семейном уровне, но и демонстрирует сильную сплоченность и интеграцию в более широком межклановом взаимодействии. Исследования показали, что в районах с разным способом производства, где существует полиэтнический симбиоз, благодаря укоренившемуся образу жизни на одной территории, межэтническим бракам, пересмотревшим свои традиционные семейные и этнические границы, образовались глубокие социальные отношения, реализующие принцип «у тебя есть я, у меня есть ты». Личная идентичность и успех или неудача связаны не столько с честью или позором семьи, сколько с более широким сообществом и с национальной общностью. Это доказывает, что традиционная ценностная концепция «сосредоточения внимания на группе и самоотречения» может быть спроецирована и адаптирована для разнообразного и интегрированного современного этнического сообщества, что подтверждает, по мнению Ма Гоцин и Чжан Сики, перспективу формирования культурной основы для повышения не только социальной устойчивости, но и для идентичности[8].

Философия середины и диалектическое мышление раскрывают суть концепта «золотой середины», определяющей стремление к мудрости, реализующей принцип «ни перебора, ни недобора», устремляясь к точной мере. Здесь раскрывается конкретное применение диалектического мышления в социальном поведении. В проекции на социальные действия эта идея проявляется в осмотрительности и гибкости в межличностных отношениях, в избежании крайностей, во внимании к гармонии, в стремлении к «видению общей картины», то есть, к поиску единства в противоречиях и согласия в различиях. В реализации данного принципа раскрывается мудрость китайской цивилизации, ориентирующая на обращение к единству и многообразию. Яркие примеры этого можно наблюдать в деловых переговорах, в межличностном общении, на государственном уровне, в великой концепции «одна страна — две системы».

Реализация концепта «социального экрана» в системе образования раскрывается через идеи «все профессии низки, лишь учение высоко» и «учись хорошо — станешь чиновником», которые тесно связывали приобретение знаний с повышением социального статуса. Система государственных экзаменов стала кульминацией институционализации этой ценностной проекции. Она сформировала главный канал социальной мобильности на протяжении тысячелетий, образовательное сознание всего народа, институционально укрепила структуру принципа «великого единства» общества, основанную на общей культурной идентичности (а не просто на кровном родстве).

---

[7] 苏苗苗，吕梦倩.中华文明统一性视域下的中华优秀传统文化底蕴探蹟[J/OL].沈阳农业大学学报（社会科学版） [*Су Мяомяо, Лу Мэнцянь*. Изучение наследия выдающейся традиционной культуры Китая с точки зрения единства китайской цивилизации // Журнал Шэньянского сельскохозяйственного университета (издание по социальным наукам), онлайн издание]. — https://link.cnki.net/urlid/21.1384.c.20260104.1514.002.

[8] 麻国庆，张斯齐.农牧交错地带：认识中华文明统一性的一个视角[J].思想战线，2024(3): 35 [*Ма Гоцин, Чжан Сики*. Распределенные области сельского хозяйства и животноводства: взгляд на понимание единства китайской цивилизации // Идеологический фронт. — 2024. — № 3. — С. 35].

(3) Культурный источник проекции индивидуальной ценности и смысла жизни, воплощающей принципы «внутренней трансцендентности» и «практической рациональности» отражает концепты «внутренний мудрец и внешний царь» конфуцианства, «трёх бессмертных деяний»: «утверждение добродетели, заслуг и мудрости» «立德，立功、立言» (*ли дэ, ли гун, ли янь*); «Дао следует естественности» «道法自然» (*дао фа цзыжань*) и «свободного странствия» «逍遥游» (*сяояо ю*) даосизма; а также идеи китайской цивилизации о единстве знания и действия, единстве неба и человека, определяющие стремление к «единству». «Социальный экран» данной проекции рефлексируется в самовоспитании, в ориентации на посюсторонний мир, в определении собственной позиции в сети взаимоотношений.

Самовоспитание — 修身 (сюшэнь) — как личный идеал, заложено в принципах традиционной культуры, которая формирует жизненный стержень в процессе нравственного самосовершенствования. Вне зависимости от внешних обстоятельств, личность всегда поощрялась к самоанализу и достижению жизненной ценности через моральную самодисциплину. Этот путь имманентного преодоления сформировал гибкий характер китайской интеллектуальной элиты, выраженный в принципе: «В неудаче самосовершенствуйся в уединении, в успехе — помогай миру» «穷则独善其身，达则兼济天下» (цюнцзе ду шань ци шэнь, да цзецзяньцзитянься). Совершенствование личной нравственности рассматривается как отправная точка для участия в делах семьи, государства и Поднебесной. Поэтому ценность индивида реализуется и возвышается через связь с сообществом, что последовательно согласуется с этической практикой «единства верности и сыновней почтительности», подчеркиваемой концепцией «единства семьи и государства».

Ярко выраженная ориентация на посюсторонний мир характеризуется тем, что в отличие от культур, стремящихся к потустороннему спасению, китайская культура обладает характерной чертой практической рациональности. Она обращена к этой жизни и к этому миру, акцентируясь на реализацию ценностей в повседневных человеческих отношениях и в практике. Как говорится: «Учитель [Конфуций] не говорил о чудесах, силе, смуте и духах». Культурный фокус сосредоточен на управлении обществом, на гармонии в семье и на личном благополучии, что воспитало в китайцах трудолюбие и прагматичное отношение к жизни.

Определение собственной позиции в системе взаимоотношений предполагает признание ценности личности, которая, в значительной степени, реализуется через умелое исполнение различных ролей в системе отношений «пяти видов взаимоотношений» в «У Лунь» — «五伦，君臣、父子、夫妇、兄弟、朋友» (правитель и подданный, отец и сын, муж и жена, старший и младший брат, друзья). Следовательно, успешная жизнь подразумевает способность должным образом выстраивать различные межличностные отношения и добросовестно исполнять соответствующие ролевые обязанности.

Таким образом, социальная проекция традиционной культуры сохраняет мощную жизнеспособность в современном обществе, одновременно сталкиваясь с глубокими вызовами современности, так как её преобразования тесно связаны с развитием китайской цивилизации. Она обеспечивает связь и движущую силу для интеграции в современное общество.

В процессе стремительной модернизации и глобализации концепции «гармонии» и «коллективного духа» традиционной культуры стали важным адаптационным механизмом, обеспечивающим реагирование на социальные изменения. Благодаря им, исторически сформировавшиеся способы ведения хозяйства не разъединили людей, а через симбиоз и общение привели их к интегрированному пути развития. Традиционные праздники, как проявление исторически сложившихся культурных норм; общий рынок труда; общее пространство региональной культурной и экономической жизни, стали, пишут Ма Гоцин и Чжан Сики, основанием для формирования единой этнической идентичности[9]. Следствием данных процессов стало эффективное снижение риска культурных конфликтов и социального отчуждения, которые могли быть вызваны модернизацией. Традиционная культура, сохранив глубокую историческую основу, обеспечила условия для формирования чувства общности у китайской

[9] 麻国庆, 张斯齐.农牧交错地带: 认识中华文明统一性的一个视角[J].思想战线，2024(3): 36 [*Ма Гоцин, Чжан Сики.* Распределенные области сельского хозяйства и животноводства: взгляд на понимание единства китайской цивилизации // Идеологический фронт. — 2024. — № 3. — С. 36].

нации. Ее социальные проекции направлены на укрепление субъективности китайской культуры, а культурная уверенность в себе взаимообусловлена культурной субъективностью. Поэтому, как говорит Си Цзиньпин, концепты «культурная уверенность в себе» и «культурная субъективность» обеспечивают условия, чтобы «создать органичную и единую новую культурную жизнь»[10] для китайской нации. Однако, когда традиционные культурные ценности проецируются на современность, проявляется присущая им концепция «изоморфизма дома и страны», исторически сохранившаяся смысловая заданность, сформировавшаяся в эпоху феодального режима. Это влияние сохранилось и по сей день, пишет Шу Миньхуа, отражаясь в патриархальном стиле управления, когда официальный дискурс заменяется семейным, когда политические концепции коррелируют с семейной этикой[11]. Сталкиваясь с требованиями эпохи инноваций, некоторые консервативные тенденции и иерархические концепции традиционных ценностей могут также вступать в противоречие с ценностями инноваций, равенства и раскрепощения личности, которые отстаиваются современным обществом.

Таким образом, пишет Чэнь Цзинго, современная миссия концепции «социальной проекции» традиционной культуры заключается в том, чтобы сформировать такое китайское национальное общественное сознание, которое сочетает в себе культурное наследие и современный дух, чтобы древняя мудрость могла быть преобразована для современных условий, что обеспечит инновационное развитие единых характеристик китайской цивилизации[12].

Мазур О.Г.
д.полит.н., доцент,
профессор Луганского государственного университета
oksanamazur1974@gmail.com

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Ключевые слова: выборы, представительство, народовластие, электоральные практики, государственность, традиции, культура.
Key words: elections, representation, democracy, electoral practices, statehood, traditions, culture.

Выборы как способ народовластия, принятия обществом решений, обязательных для всех, практикуются в истории человечества с древнейших времен и определяют основные принципы построения государственности. Многочисленность летописных свидетельств, нормативных документов, прикладных и теоретических исследований указанной проблематики дает возможность системно и структурированно подойти к вопросу об эволюции выборов в России, насчитывающей более 1000 лет.

В российской истории прослеживается устойчивая тенденция к демократии, накапливаются элементы демократического правления и формируются отдельные демократические политические практики. В частности, в период введения общегосударственных выборов в

[10] 习近平.在文化传承发展座谈会上的讲话[J].青海教育，2025（Z2）: 18 [Си Цзиньпин. Выступление на симпозиуме по культурному наследию и развитию // Образование в Цинхае. — 2025. — № Z2. — С. 18].

[11] 舒敏华.»家国同构»观念的形成、实质及其影响[J].北华大学学报（社会科学版），2003, 4(2): 34 [*Шу Миньхуа*. Формирование, сущность и влияние концепции «изоморфизма родной страны» // Журнал университета Бэйхуа (издание по социальным наукам). –2003. — № 4(2). — С. 34].

[12] 陈进国.中华文明的统一性与中国式现代化的中国性[J].西北民族大学学报(哲学社会科学版), 2023(4): 14 [*Чэнь Цзинго.* Единство китайской цивилизации и китайская природа модернизации в китайском стиле // Журнал Северо-Западного университета национальностей (издание по философии и социальным наукам). — 2023. — № 4. — С. 14].

царской России эти процессы стали объектом исследования известного российского историка В. Ключевского, политического деятеля А. Бебеля, исследователя Б. Велихова, философа Э. Виллей, русского публициста В. Водовозова, французского правоведа П. Дюбуа.

С приходом советской власти концепт выборов остается в центре внимания создания государства, о чем свидетельствуют официальные документы и научные исследования. В условиях ограничения плюрализма политической науки ученые и в дальнейшем активно исследуют электоральную проблематику, о чем свидетельствуют работы Р.А. Вольского, М.А. Крутоголового, В.И. Лысенко, О.И. Маклакова, О.А. Мишина.

Демократические процессы в странах социалистического лагеря, становление независимых государств на территории СССР, активная трансформация политических систем, повлекли за собой всплеск научного интереса к краеугольному институту демократии — выборам. После принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР исследователи обратились к изучению мирового опыта применения типов избирательных систем, позитивных и негативных аспектов их внедрения. Объектом изучения М. Афанасьева, А. Галкина, М. Макфол, К. Холодковского, Н. Яргомской, А. Лихтенштейн стала специфика выборов в Государственную думу.

Выборность как одна из характерных форм самоорганизации общества была основана славянами в политических центрах Киевской Руси и русских княжеств. Тогдашние вече правомерно рассматривать как орган народовластия, который функционировал как общее собрание граждан города, рассматривал и выносил постановления в отношении дел целого княжества. Вечевые собрания были одним из важных политических институтов в древнерусских землях. На вече зародились первые избирательные традиции, формировались и развивались основы представительной и непосредственной демократии. Известны яркие примеры вечевой деятельности в разных городах Киевской Руси — Владимире, Киеве, Вятке, Полоцке, Белгороде, Новгороде и т.д.

Неформальные электоральные политические практики вечевых собраний Древней Руси представляли собой не только воспроизводство определенных стереотипов и норм, существовавших на протяжении длительного времени, но и задали новые направления институционального развития и возможности для трансформации политической системы. Это, на наш взгляд, может послужить свидетельством восходящей динамики развития политической культуры и политических традиций в электоральных практиках древнего Российского государства.

Реформы середины XVI в. способствовали формированию системы избирательного представительства, наиболее ярко проявившейся в деятельности Земских соборов и при выборах царей в конце XVI — начале XVII вв.

Земские соборы были широкими сословными совещаниями представителей разных территорий государства по важным вопросам внутренней и внешней политики — «об устройстве земском», «о чинах, судах и управах земских». Эта форма решения общегосударственных дел постепенно приобрела большое значение. В разные времена «на советах всей земли», «всех людей» (так источники часто называют соборы), избирали царей, объявляли войну или мир, утверждали налоги, предоставляли земельные наделы, назначали должностных лиц и т.п.

Согласно исследованию С.О. Шмидта, их состав предварительно определялся царем вместе с Боярской думой и изменялся в зависимости от многих обстоятельств, а именно — повестки дня, политической ситуации, финансовых потребностей, а также от места проведения собора [1, с. 276]. Отсюда не было ясности в принципах формировании системы представительства, прослеживались нерегулярность созыва заседаний, их нечеткая компетенция, неопределенный внутренний состав, размытый регламент.

Среди участников соборов летописи XVI в. упоминают представителей разных групп населения — архиепископов и епископов, игуменов и архимандритов, бояр и окольничих, воевод, детей боярских и дворян, дьяков, приказных людей и купцов. В целом, участие в деятельности соборов, определялось двумя общими условиями — общественно-политическим и общим статусом и царским назначением, то есть приглашением.

С активизацией деятельности земских соборов устанавливается порядок проведения выборов, и регламентируются соответствующие процедуры. Свидетельства об этом сохранили

различные документы первой половины XVII в. — Царские призывные грамоты, протоколы и акты съездов избирателей, отписки местных должностных лиц, сказки и представления от имени разных групп населения и депутатов.

В первой половине XVII в. в связи с укреплением системы сословного представительства формировался депутатский статус, участие в соборах последовательно отождествлялось с государственной службой. В 1630–1640 гг. выборные стали получать от правительства денежное довольствие, различные льготы и привилегии. В те годы появились проекты по реформированию избирательной системы. Автором одного из них стал стряпчий Иван Андреевич Бутурлин. В 1634 году он предложил составить постоянно действующий выборный орган из «московских служилых нарочитых людей» и из служебных и черных людей провинциальных городов. Нормы делегирования в этот орган должны были зависеть от размера городов: предполагалось, что большие выдвинут двух депутатов (по одному от служебного и тяглового населения), а малые, чтобы получить такое же количество депутатов, объединятся по два или по три [2, с. 135].

Таким образом, формирование системы земского представительства привело к накоплению и воспроизводству законов, стереотипов, правил, определяющих существование Земских соборов как совещательных представительных органов, и определило их взаимодействие с обществом и государством. Выборы в данном контексте приобрели черты формальных взаимодействий и получили закрепление в различного рода документах о выборах.

Формирование Учредительного собрания состоялось на принципах пропорциональной системы представительства, что определило подлинно демократические трансформации в российском государстве. Главная особенность этой системы заключалась в том, что благодаря ей обеспечивалось представительство во властных органах не только большинства, но и меньшинства населения. Общепризнанным является то, что Положение о выборах во Всероссийское Учредительное собрание было одним из самых демократичным для того времени.

В период предвыборной кампании заметно активизировалось гражданское общество, политические партии, общественные движения и союзы. Велась широкая разъяснительная работа среди населения, распространялись плакаты, листовки, брошюры об Учредительном собрании, принципах избирательной системы, особенностях политических программ партий, их лозунгов и целей.

Изменение типа представительства произошло 10 июля 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов, когда была принята Первая советская Конституция. С тех пор и до 1991 г. в России действовала мажоритарная избирательная система на выборах народных депутатов СССР, которая предусматривала представительство от одномандатных избирательных округов на основе абсолютного большинства. Данная система основывалась на главе XIII временного Основного закона 1922 года, статьях 9 и 10 Конституции 1924 года и главе XI Конституции 1936 года, в соответствии с которыми были приняты избирательные законы. Конституция и законы применялись к выборам во всех Советах, начиная с Верховного Совета Советского Союза, союзных республик и автономных республик и заканчивая областями, районами и городами. В 1936 году голосование было объявлено тайным и прямым при всеобщем избирательном праве. Отсутствие политического плюрализма и альтернативы правящей Коммунистической партии привело к чисто номинальному функционированию избирательной системы и формальной реализации избирательных практик. Это способствовало потере избирательными институтами того политического значения, которое они приобретают, если развиваются на демократических началах. Существование однопартийной политической системы в данном случае отрицательно сказалось как на развитии самих избирательных традиций, так и на формировании политической культуры выборов. В обществе сложилось формализованное, безынициативное отношение к процессу организации и избрания представителей в законодательные органы государства.

Законы СССР о выборах народных депутатов СССР от 1988–1991 гг. впервые в советской истории вводили альтернативные выборы высших представительных органов и главы государства. Во всех случаях вводилась мажоритарная система с двумя турами.

Союзный закон 1988 г. являлся переходным: он наряду с допущением альтернативных выборов вводил контроль партийного начальства над выдвижением кандидатов, который впро-

чем не всегда был жестким, а также вводил выборы 1/3 депутатов от «общественных организаций», за небольшим исключением полностью подконтрольным руководству КПСС.

Законы РСФСР, в свою очередь, не имели таких ограничений и в условиях отсутствия административного и олигархического давления обеспечили, по оценкам специалистов, едва ли не самые демократические выборы в российской истории.

Закономерным продолжением преобразовательных политических процессов, в частности в области избирательного процесса и электоральных практик, стало принятие Указами Президента «Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 г.» 01.10.1993 г. и «Положения о выборах депутатов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в 1993г.» [3, Ст. 3907] 11.10.1993 г. для проведения 12 декабря 1993 г. выборов Государственной Думы и Совета Федерации как палат нового парламента России — Федерального Собрания. Несколько позже Указом от 29 октября 1993 г. были утверждены «Основные положения о выборах в органы местного самоуправления» [3, Ст. 3994].

К началу 2000-х гг. действующая избирательная система не коррелировала с актуальным политическим процессом. В ходе избирательных кампаний проявились ее существенные недостатки, среди которых следует назвать нестабильность партийно-политической инфраструктуры, слабость и непопулярность политических партий, наличие правовых лакун, недостаточное развитие института общественного контроля за избирательным процессом, злоупотребление рядом политических акторов манипулятивными технологиями и административным ресурсом в избирательных кампаниях. Поэтому вполне закономерным стало введение ряда изменений в российское законодательство, направленных на стимулирование развития партийного представительства, усиление роли и значения в политическом процессе политических партий.

Мониторинг активности избирателей, состояния политической конкуренции, уровня открытости, доступности и понятности избирательных процедур и электоральных практик выявил запрос на дальнейшую демократизацию избирательного процесса и трансформацию электорального пространства [4].

С 2012 г. избирательное законодательство было подвергнуто трансформации. Реформирование избирательного законодательства, а также нормативно-правовых актов, обеспечивающих этот процесс, привело к росту партийного представительства, что продемонстрировали избирательные кампании последующего периода.

Необходимо отметить, что в 2012–2020 гг. было осуществлено значительное реформирование избирательного законодательства и электоральной практики. Результатом данного процесса стала демократизация электоральных процедур, расширение политической конкуренции.

Вхождение в состав Российской Федерации новых регионов — Луганской и Донецкой народных республик расширило возможности действующих политических партий, политических лидеров и открыло возможности для вновь создаваемых партий расширить электоральное пространство и разработать актуальные и востребованные гражданским обществом политические программы и проекты их реализации. В 2024 г. граждане, проживающие на новых территориях, вместе со всей Россией принимали участие в выборах Президента.

Таким образом, исследование процессов становления российской государственности через призму формирования избирательных практик дает возможность говорить об устойчивой восходящей тенденции с учетом исторических, национальных, культурологических и иных факторов.

Список литературы

1. *Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. — М., 1996. — 496 с.
2. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. Т. 3: Курс русской истории. Ч. 3. — М., 1988; Т. 8: Статьи.– М., 1990. — 250с.
3. Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации (электронные версии периодических изданий). — 1993. — № 41. — Ст. 3907; № 42. — Ст. 3994. — https://www.szrf.ru/.

4. Эволюция избирательного законодательства в современной России. Доклад ассоциации «Независимый общественный мониторинг». — https://nom24.ru/upload/iblock/83c/83cb7284986d013c7766da7be31f1e56.pdf.

Мдивани (Воробьёва) Т.Г.
доктор искусствоведения, профессор,
гл.н.с. Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы
Института искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной академии наук Беларуси
t_mdivani@mail.ru

О СПЕЦИФИКЕ НАЦИОНАЛЬНОГО НАЧАЛА В БЕЛОРУССКОЙ МУЗЫКЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Ключевые слова: белорусская музыка академической традиции, преемственность, национальное начало, расширение феномена национального.
Key words: Belarusian music of academic tradition, continuity, national origin, expansion of the national phenomenon.

Композиторская школа Беларуси прошла в XX веке значительный этап своего развития. Довоенный период принято рассматривать как формирование профессионализма, послевоенный — как восстановление достигнутого, 60–70-е годы — как стилевое обогащение[1] и последнюю треть XX — начало XXI вв. — как плюральную стилевую парадигму. За это время были созданы оперы, балеты, симфонии, оратории и кантаты, хоры, хоровые концерты, пьесы, где так или иначе «звучала» национальная тема (произведения А. Богатырева, Г. Вагнера, В. Войтика, Е. Глебова, В. Кузнецова, А. Мдивани, В. Оловникова, В. Помозова, А. Ращинского, Ю. Семеняко, Е. Тикоцкого).

В последней трети XX века белорусская музыка достигла наиболее высоких результатов: балеты Е. Глебова, А. Мдивани и В. Кузнецова вошли в репертуар Национального академического Большого театра оперы и балета Республики Беларусь, были поставлены за рубежом (Е. Глебов), ставились на сценах Большого театра России, театров Вильнюса и Варшавы. Важным аспектом произведений является опора на национальное начало, представляемое тематикой произведений и средствами музыкального языка. Обращение к национальным истокам в условиях веками сложившегося европейского музыкального мышления ставит вопрос о категории национального с позиций не только музыки, но и других гуманитарных наук.

Как известно, феноменология национального — одна из труднейших проблем в постижении сущности произведения искусства. Условием актуального бытования национального в музыке является феномен преемственности, который выступает в форме абсолютной преемственности и относительной. Унаследованные принципы музыкального мышления вкупе с национальными истоками оказывают воздействие на современность, вплоть до новейших течений. Отсюда традиция является естественной основой любого открытия в творчестве, преемственность же и новаторство взаимосвязаны. А поскольку традиция и наследование определенных художественных принципов предшествующих эпох — от самых близких до удаленных, — тесно взаимосвязаны, то каждое звено в эволюции музыки предстает как синтезирующее и обобщающее накопленный опыт целое. При этом эволюция музыкального мышления предполагает взаимодействие и даже единство старого и нового, специфического и всеобщего. Следовательно, феномен взаимодействия и влияния оказывается естественным атрибутом не только эволюционного, но и музыкально-исторического процесса в целом. Так, например, на А. Богатырева в разные периоды его творческой жизни оказывали влияние разные стороны русской музыкальной культуры, на Л. Абелиовича — советской музыки и прежде всего Д. Шостаковича,

[1] Впервые идея обогащения белорусского композиторского стиля была выдвинута, а затем и разработана К.И. Степанцевич [8].

на Е. Глебова — И. Стравинского и т.д. Однако каждый из них сумел сохранить свою стилевую идиоматику. Понятно, что любая культура испытывает пиетет прежде всего к современности, однако последняя выявляется только через сопоставление с прошлым.

Между тем, традиция предполагает стабильность определенных сторон музыкального стиля, хотя условием существования последнего является некоторое обновление. Живучесть незыблемых принципов *в динамике* предохраняет музыкальный стиль от академического консерватизма и анахронизма (как традиционализма). Поэтому смена традиций, имеющая самое непосредственное отношение к динамике становления национального стиля, обусловлена деактуализацией опыта и его невостребованностью. Например, ни один из современных композиторов Беларуси не ощущает необходимости следовать эстетическим и музыкально-технологическим принципам метода социалистического реализма, ибо метод оказался бесперспективным, музыка же — типовой и мало оригинальной. Но главное — метод заведомо не обещает художественно ценного результата и не несет в себе новизны. А ведь композитор всегда создает то, чего раньше не было. Иначе он — эпигон. С другой стороны, рассматривая национальный музыкальный стиль во всем многообразии его связей и отношений с историей и современностью, сталкиваешься с проблемой трактовки и интерпретации накопленного опыта творческой индивидуальностью. Например, в авангардной музыке обнаруживаются связи с музыкой нидерландских полифонистов, в современной хоровой — с православной певческой культурой, а в хэппенингах и перфомансах — с (восточным) принципом «все во всем». Отсюда следует, что новое прочно «сидит» в недрах традиций или иного, где «старое», будучи заново «открытым», начинает новую жизнь в условиях индивидуального стиля и творческого метода. Соединяя в единое *«традиционное — новое — индивидуальное»* получаем *формулу целостного национального художественного (музыкального) стиля*.

Национальное начало в музыке проявляет себя многообразно — в способе воссоздания мира и в формах его восприятия; в трактовке истоков культурных традиций нации (например, темы и сюжеты музыкальных произведений); в отношении к современности (семантический и стилевой уровни); в интонационном и ритмическом рисунках (например, мажорно-минорная ладовая основа в европейской и пентатоническая — в китайской музыке), а также в пиетете к национальному фольклору или же к определенным типам форм (например, к репризным в западной музыке и к вариативным — в восточной), то есть во всем том, что составляет существо национального своеобразия музыкально-художественного целого. При этом специфическое не противостоит общему, а находится с ним в единстве, ибо каждое музыкальное явление «включает в себя как специфические элементы, присущие только данной нации, так и другие, общие для целой группы наций или даже для всего человечества» [7, с. 15]. На этой основе формируются конкретные параметры национального начала, которые проявляются и в музыке. Остановимся на этом вопросе более подробно.

Национально-характерное в музыке обычно связывают с выражением в ней мироощущения, темперамента, художественных взглядов и пристрастий, эстетического кредо композитора и т.д., *национально-специфическое* — с оригинальностью, самобытностью музыки, идиоматикой стиля. Питательную среду для творчества, где зарождаются и созревают идеи, находящие выход в художественных обобщениях, создает духовная аура. Подлинно высокий творческий результат обычно тогда приобретает общечеловеческое значение, входит в его эстетический опыт на правах закономерного и всеобщего начала, когда оно соответствует времени, духу эпохи, когда самобытное по содержанию и форме музыкальное произведение композитора является носителем идей и тем, интересных и ценных для всего человечества. В таких случаях говорят, что национальное приобщается к общечеловеческому и становится интернациональным. Другими словами, само появление (музыкального) произведения является репрезентантом определенного духовного контекста. При этом композитор может и не быть носителем этноса. Например, Георг Фридрих Гендель, родившийся в Германии в иудейской семье, всю жизнь проработал и созидал в Англии (там и упокоился), Ференц Лист, родом из Венгрии, — во Франции и Германии (где и упокоился), Фридерик Шопен, родом из Польши, состоялся как музыкант во Франции и т.д. То есть нередко личность композиторов оказывается вне их творений, которые принадлежат миру. Но национальное начало непременно сказывается в их сочинениях как в области музыкальной стилистики, так и в системе образов.

Претворение национальных традиций — процесс сложный и непрерывный, связанный с кристаллизацией из более общих свойств национальной музыки ярких музыкальных феноменов. Приобретая статус индивидуально неповторимых, специфических, и одновременно закономерных, эти феномены — как музыкальные, так и внемузыкальные — сообщают произведению черты национальной самобытности. Так произошла персонификация музыкального стиля Баха, Вагнера, неизменно связанных с немецкой культурой. Однако их творчество отвечает не только конкретному бытию нации в конкретное историческое время, но благодаря гениальности музыки сохраняется как над- и интернациональное начало.

Между тем, национальное начало может выражать себя опосредованно в условиях активизации связей, влияний, диалогов, нередко вуалирующих национальный стержень. Так, современная композиторская практика, неклассическая в своей сущности, показала, что природа национального не сводится к какому-то одному ядру — смысловому или языковому, например, к этническому генезису, поскольку он не учитывает новые актуальные типы культурных связей. Думается, что в такой кросс-ситуации следует говорить о формировании нового художественного мышления, в т.ч. музыкального, в равной степени признающего а) уникальность национального ядра культуры — этнического генезиса, б) различные формы отношений между прошлым и настоящим, западным и восточным, «своим» и «чужим» а также в) разнообразные культурные корреляции, которые мыслятся как со-бытие в рамках конкретной национальной культуры. Все это делает необходимым и расширение и дополнение феномена национального в (белорусской) музыке последней трети XX века.

На наш взгляд, основу взаимных притяжений музыкальных культур в современную неклассическую эпоху составляет *конвергенция* (от лат. convergo — приближаюсь, схожусь), которая зиждется на корреляциях, типа европейское-неевропейское, прошлое-настоящее, «свое-чужое», национальное-вненациональное и прочее в границах конкретной национальной культуры и стиля (музыкального) мышления. С конвергенцией связана направленность творческих исканий *не вперед* (как это было, например, в музыкальном авангарде, базирующемся на идее «прогресса»), а *«в ш и р ь»*, во все стороны. Отсюда берет начало стилистический и стилевой плюрализм (М. Тараканов), множественность творческих ориентиров в музыке, в том числе и национальной.

Музыкальное произведение, как созданная композитором художественная реальность, может содержать в себе также информацию о национальных культурах иных — далеких и ближних — народов. Реструктурированный и полисемантический текст имеет «память» и обладает способностью генерировать новые смыслы и раскрывать смыслопорождающие ресурсы. И поскольку любая культура, в т.ч. музыкальная, имеет разные основания –– этническое, демографическое, социальное (по М. Кагану) и т.д., то в результате многообразных взаимодействий текст обогащается, расширяется, обретая новый смысл, форму, характер бытия. Здесь можно выделить такие формы со-бытия музыкальных текстов-репрезентантов, как цитирование, сочетание разного, инкрустация «чужим», делающих текст многослойным, но целостным и иерархическим по сути образованием, а также нелинейным (ортогональным). В силу образующейся многозначности смысла характеристика такого текста не может быть сведена к установлению только этнопризнаков. Последние же не дают верного представления о многообразии и богатстве музыки, функционирующей в пространстве современной национальной культуры, а также о творческих амбициях автора и своеобразии музыкального произведения.

Между тем, нередко музыкальный текст может нести в себе не только исторический и социальный опыт одной конкретной нации, являясь его художественным обобщением, осмыслением и формой национального самосознания, но и опыт *межнациональных связей* (например, музыкальные знаки –– a priori международны). Одним из механизмов расширения, или своего рода раздвижения музыкального текста, а значит и границ национального является интенция к новизне, или чисто творческое инвенторство. Примером такого «раздвижения» является обращение европейских композиторов к неевропейским феноменам — целотонике, пентатонике, восточным ладам с увеличенной секундой, к неславянским ритмам и др. (М. Глинка, Н. Римский-Корсаков, Г. Малер, К. Дебюсси, И. Стравинский, М. Глиер). Актуальное расширение границ национального в белорусской музыке находим у Е. Глебова

(«Мечта», «Тиль Уленшпигель»), В. Кузнецова («Макбет»), А. Мдивани («Фрески»), С. Кортеса («Последний инка»).

Расширение феноменологии национального подтверждает недостаточность этнического критерия для характеристики музыки (национального композитора), которая позиционирует себя сложноструктурированным или полисемантическим текстом и открыта к *конвергентным процессам.* Родившаяся в эпоху постмодернизма она демонстрирует особую форму взаимодействия музыкальных тезаурусов и тем самым является репрезентантом единого культурного пространства, объединяющего уникальные и духовно суверенные духовные культуры. В мультикультурализме все равны, независимы, но взаимодействуют в условиях "снятия раскола культуры среды на "две культуры" (5, с. 207). Это и обеспечивает их «гармонический полицентриз» (термин М. Можейко), где национальное начало также себя проявляет.

Такая форма взаимообмена, связи культур лежит и в основе белорусской «музыкальной ментальности» последней трети XX века, позиционирующей себя через интернациональные творческие идеи, через диалог национального и интернационального, что и обеспечивает расширение национального и новые формы его претворения в музыке. Будучи вовлеченной в общий процесс культурного взаимодействия, она оцениваетя с позиций общечеловеческих ценностных критериев. В этой связи назовем некоторые симптомы опасности универсализации и апологии национального.Среди прочих:

1) абсолютизация национальной исключительности, ведущая к недоверию к иным этническим общностям и отказу им в праве на существование. В музыке это выражается в обращении только к национальным тематике, образам, к фольклору, а также к своего рода национальным жанрам музыки (например, к народно-оркестровому) и национальным музыкальным инструментам (дудке, цимбалам и т.д.);
2) фетишизация собственно этнического и ритуализация национальной культуры (национальное как культ), которые рассматриваются как единственно подлинное, истинное основание бытия культуры, в т.ч. музыкальной.

На наш взгляд, «этническая чистота», или национальный стилевой пуризм в музыке (а точнее национализм) ведет к замкнутости, изоляции, а затем и к разрушению национальной культуры, поскольку не учитывает объективную необходимость межкультурных и межэтнических взаимодействий, сложившуюся в современную эпоху в современной белорусской музыке.

В заключение отметим, что современное белорусское композиторское творчество демонстрирует уникальную открытость национального самосознания мировым художественным процессам. Причиной этого является белорусский национальный характер, обладающий редкой толерантностью и целостностью, гармоничным соотношением разумного и чувственного, который находит многообразное проявление в композиторской практике.

Список литературы

1. История философии. — Мн.: Книжный дом, 2002.
2. *Ладыгина А.Б., Гринин В.В.* О преемственности в искусстве. — М.: Знание, 1982.
3. *Мдывані Т.Г.* Новы мастацкі светапогляд авангардных кампазітараў другой палавіны XX ст. // Весці НАН РБ. — 2006. — № 1.
4. *Мдивани Т.Г.* Специфика музыкального бытия во II половине XX века // Философия и будущее цивилизации. — М.: Современные тетради, 2005.
5. *Можейко М.А.* Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистской парадигм. — Смоленск: СГПУ, 2004.
6. *Кикель П.В., Сороко Э.М.* Краткий энциклопедический словарь философских терминов. — МН.: БГПУ, 2006.
7. *Сохор А.* Национальное и современное в советской музыке // Муз. современник. — М.: Сов. композитор,1973. — Вып. 1.
8. *Степанцевич К.И.* Новые тенденции в развитии белорусского музыкального искусства (конец 50-х — первая половина 70-х годов).– Мн.: Вышэйшая школа, 1978.

Микайлова И.Г.
д.филос.н., профессор,
Санкт-Петербургский гуманитарный центр просвещения

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ РАСА НА ПОРОГЕ ПЕРЕХОДА В ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЭРУ: АЛЬТЕРНАТИВА ИЛИ НЕИЗБЕЖНОСТЬ? (ПОДХОД С ПОЗИЦИЙ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ИСТОРИЗМА)

Ключевые слова: постчеловеческая эра, западня Фукидида, искусственный суперинтеллект, ноосферный разум, закон самоорганизации идеалов, дуальные оппозиции, синергетический историзм, глобальный аттрактор, киберобщество, цифровое бессмертие, homo faber, homo digitalis, homo cyborg, цифровые трансформации.

Key words: Post-anthropocene era, Thucydides' trap, artificial superintelligence, noosphere brain, law of self-organizing ideals, dual oppositions, synergetic historicism, global attractor, cybersociety, digital immortality, homo faber, homo digitalis, homo cyborg, digital transformations.

> Если бы мы переконструировали себя, изобрели бы себя заново, сколько человеческого осталось бы в нас? Даровали бы мы себе трансчеловеческую жизнеспособность или умерли бы в безмолвии? И кому известна грань, отделяющая радикальную самотрансформацию от самой смерти?
>
> *Эган Грэйг* [11, с. 309]

1. Методологический подход к оценке глобальных последствий перехода человеческой расы в Постчеловеческую эру с позиций синергетического историзма

Предлагаемый методологический подход с позиций синергетического историзма к оценке последствий необратимых последствий глобальных цифровых трансформаций на пороге перехода в Постчеловеческую[1] эру сфокусирован на переосмыслении механизмов взаимопроникновения/взаимоотталкивания полюсов кардинальной дуальной оппозиции «глобальный ноосферный разум[2] — искусственный суперинтеллект» [31, с. 504; 32, с. 100].

Рассматривая искусственный суперинтеллект в качестве интеллектуального агента, действующего автономно в сфере реализации интеллектуальных задач, выполняемых человеком [8, с. 24; 21, с. 129–146], синергетическая модель глобального развития противопоставляет ему ноосферный разум как эквивалент глобального аттрактора[3], переосмысленный в качестве материального воплощения абсолютного идеала [33, с. 27–28].

[1] Термин «Anthropocene Era / Постчеловеческая эра») от древнегреч. «ανθρωπος /человек» и «καινος / новый») был введен в употребление в 1982 г. американским биологом Юджином Стормером (1934–2012 гг.) для обозначения необратимых последствий человеческой активности на планете, и популяризован в 2000 г. голландским атмосферным химиком Полем Крутценом (1939–2021 гг.) для описания новой эпохи в Четвертичной Эре (Quartenary Era), характеризующейся необратимыми негативными последствиями человеческих действий на планете [10, с. 19; 42, с. 78–83; 30, с. 35–52].

[2] Термин «noosphere /ноосфера» (от греч. «νους /ум» и «σφαιρα /сфера») означает ментальную сферу человечества [28, с. 160–177; 41, с. 89–95]. Концепт ноосферы был сформулирован российским (советским) геохимиком В.И. Вернадским (1863–1945 гг.), утверждавшим, что человеческая мысль, генерируемая ноосферой, служит манифестаций биологической эволюции [39, с. 18].

[3] Глобальный аттрактор, в качестве воплощения общечеловеческого идеала и провозглашаемой им общечеловеческой ценности, предполагает реализацию принципа абсолютной справедливости, с позиций синергетического историзма не редуцируемой к абсолютному равенству членов сообщества, но служащий синтезом равенства возможностей самовыражения и адекватного неравенства производных самовыражения и самоутверждения, означающим нетождественную оценку нетождественных результатов [2, с. 101–115].

Под глобальным аттрактором синергетический историзм понимает глобальный предел самоорганизации, характеризующийся достижением меры синтеза стремления глобальной системы к хаосу (свободе), ориентированной на нарушение социальных норм, и порядку (ответственности), требующему соблюдения социальных норм [3, с. 95].

Современная фаза научного гуманизма и натурализма с наглядной очевидностью продемонстрировала не только неконтролируемость технологического прогресса, но и его потенциальную способность в ближайшем будущем привести к кардинальной трансформации и полной деструкции человеческой цивилизации в целом и биологической природы ее представителей в частности [40, с. 325–372].

Интеллектуальные машины, действующие автономно и обладающие способностью к саморазвитию и самообучению, создают опасные циклические режимы самосовершенствования, генерируя все более и более мощный интеллектуальный потенциал, ведущий к интеллектуальному взрыву[4] в момент возникновения искусственного суперинтеллекта, отличающегося предельным уровнем мотивации и самосознании [12, с. 164, 17, с. 6–9].

Предлагаемый подход к осмыслению фундаментальных проблем глобальных цифровых трансформаций и взаимоотношений между homo digitalis[5] и интеллектуальными машинами с учетом естественной природы происхождения человеческого сознания, базируется на методе дуальных оппозиций, законе самоорганизации социокультурных идеалов и результатах детального анализа специфических закономерностей производства цифровых программ и взаимообусловленности воспроизводства системной целостности субъектов сознания в качестве «идеологических животных» спецификой их социализации в цифровой среде [5, с. 383–388].

2. «Цифровые чудеса», или демистификация идеала киберобщества

В своей фундаментальной работе «Поиск истоков и смысла жизни» (1999 г.) английский физик, космолог и антрополог Поль Чарльз Вилльям Дэвис (р. 1946 г.) утверждал, что ключ к проблеме происхождения жизни во Вселенной заключается в выявлении механизма возникновения закодированной «Software» (программное обеспечение) посредством «Hardware» (аппаратное обеспечение), с одной стороны, и механизма фундаментальной концептуальной трансформации, рассматриваемой как цифровизация, которой подверглась природа, с другой [9, с. 165].

Как полагал Дэвис, жизнь подчиняется закону самоорганизации космической материи, хотя и является специфической, генетически ориентированной системой (или именно в силу этого), в которой все живые организмы управляются общеродовой «Software», закодированной в их ДНК и РНН [9, с. 201].

Функциональный подход Дэвиса базировался на концепте Аристотеля о внутренней завершенности[6] [7, с. 55–56].

Переосмысление Дэвисом концепта Аристотеля о финальной причине (Εννοια του τελος) в действующую причину (Efficient Cause / κινουν), необходимую для запуска процесса, позволил ему сделать вывод о независимости разумной души[7], присущей только человеку, и опро-

[4] Концепт интеллектуального взрыва (Intelligence Explosion Concept) был сформулирован в 1965 г. британским математиком Ирвингом Джоном Гудом (1916–2009 гг.), рассматривавшим суперинтеллектуальную машину в качестве устройства, далеко превосходящего все интеллектуальные возможности человечества. Являясь производным нададаптивной ментальной активности homo faber, интеллектуальные машины создали оптимальные условия для самогенерирования суперинтеллектуальной машины (Ultraintelligent Machine), которая неизбежно станет последним изобретением человечества [14, с. 31–85].

[5] Термин «homo digitalis (*lat.*), означающий качественно новый тип субъектности, сформированный в ходе воспроизводства цифровой экономики и цифровой культуры [1, с. 49–60], концептуально восходит к термину «L'Homme Machine / Homo Automation / Человек-машина», введенному в употребление французским врачом и философом Жюльеном Оффрэ де Да Меттри (1709–1751 гг,) в работе «L'Homme Machine / Человек-машина» (1747 г.) [27, с. 7].

[6] Согласно концепту внутренней завершенности (Internal Finality Concept), каждый индивид или каждый биологический вид создается для себя, и все его части интеллектуально ориентированы на максимальное благо целого, и только с этой целью, без учета иных организмов.

[7] «Разумная душа / Λογικη Ψυχη /Rational Soul», согласно Аристотелю, высшая форма души, присущая только человеческим существам, наделяющая их способностью к разумному (абстрактному) мышлению. Аристотель рассматривал «Λογικη Ψυχη» как «νους / ум, интеллект», служащий отличительным свойством человеческого существа как самого разумного животного (Ζωων λογιστικον), имеющего руки (χερια) в качестве инструментов (οργανα) для разумного взаимодействия с окружающим миром [7, с. 68; с. 137–138, с. 67–68].

вергнуть концепт материализованной души (Soul-Stuff Concept)[8], провозглашавший, что душа способна отделяться от тела и продолжать существование.

В своей работе «Небеса на Земле. Научный поиск жизни после смерти, бессмертие и утопия» (2018 г.), американский историк Майкл Брант Шермер (р. 1954 г.) разработал метод, базирующийся на утверждении Аристотеля: «Χωρις σωμα, χωρις ψυχη / Нет тела — нет души», — с целью искусственного генерирования научной цифровой души (Scientific Digital Soul) [37, с. 50–54] методом пробуждения замороженного (посредством криотехнологии мозга) с его коннектомом[9] или методом сканирования последнего синапса в мозге с целью его оцифровки и размещения полученной информации в компьютере [37, с. 132–135].

Развивая идею Шермера, британский исследователь искусственного интеллекта Стюарт Джонатан Рассел (р. 1962 г.) в своей работе «Человек совместимый. Искусственный интеллект и проблема контроля» (2019 г.) утверждал, что человеческое воображение возвело суперчеловеческий интеллект в статус «Απο μηχανης Θεος» (Бог из Машины)[10], хотя, в действительности, его феномен скорее сравним с эффектом цунами, угрожающим не только разрушением социокультурных и человеческих взаимоотношений, но и деструкцией человеческого воспроизводства и, в конечном итоге, человеческой цивилизации [36, с. 171–183].

Обращая особое внимание на неизбежность конфликта между homo faber[11] и интеллектуальными машинами и на непредсказуемость его последствий, Рассел настоятельно рекомендовал человечеству переосмыслить искусственный интеллект с учетом интеллектуальной специфики человека как идеологического животного, обладающего разумной душой, и искусственной природы машин, лишенных какой бы то ни было души. Рассел наглядно продемонстрировал деконструктивный путь, на который вступили мировые супердержавы в погоне за суперинтеллектом, способным гарантировать им право на глобальную гегемонию [36, с. 171–183].

Генерирование искусственного суперинтеллекта, как утверждал Рассел, означает, что человечество сотворило сущность, неизмеримо более могущественную, чем те, кто ее создал в надежде на эффективность контроля над ней, не задумываясь о том, что, в конце концов, эта сущность нацелится на истребление человеческой расы как изжившего себя биологического агента. Рассел предположил, однако, что существует путь реконструкции искусственного интеллекта на качественно новой основе с целью создания интеллектуальных машин, остающихся в неведении относительно человеческих предпочтений, что позволит остановить их саморазвитие на уровне альтруизма и подчинения. Тем не менее, подобный путь сравним с обоюдоострым клинком, одна сторона лезвия которого ознаменует значительное событие в эволюции человеческой расы, а другая — последнее событие в истории гибнущей человеческой цивилизации [36, с. 171–183].

В своей работе «Город пермутаций» (1994 г.) австрийский математик Грэг Эган (р. 1961 г.) сравнивал киберпространство[12] (Cyberspace) с виртуальной лабораторией для анализа условий

---

[8] Термин «Soul-Stuff / Материал, составляющий душу», был введен в употребление Альбертом Кристианом Крюйтом (1869–1949 гг.), голландским этнографом и теологом, для обозначения осязаемой, даже материалистичной составляющей души, хотя и не обладающей физической природой, но представляющей собой энергию, одушевляющую живой организм.

[9] Термин «Connectome / коннектом», означающий всеобъемлющую карту нейронных соединений в человеческом мозге, рассматриваемую в качестве структурной схемы трассировки нейрона в нервной системе и индикации синапсов, позволяющих нейронам обмениваться электрическими и химическими сигналами, был введен в употребление американским нейробиологом Олафом Спорнзом (р. 1963 г.) [20, с. 142–151].

[10] Фраза «Απο μηχανης Θεος» (древнегреч.) / Deus Ex Machina (Lat) / Бог из машины», означающая сверхъестественную силу или неожиданное событие, предлагающие спасительный выход из безнадежной ситуации, принадлежала древнегреческому драматургу Менандросу (Μενανδρος, 342–290 гг. до н. э.) и была заимствована из его комедии «Θεοφορουμενη / Демоницы»[25, с. 228, Fr. 227].

[11] Термин «Homo Faber / креативный человек», апеллирующий к фразе «Homo Faber suae quisque fortunae / Каждый человек является творцом своей судьбы», был введен в употребление Аппием Клавдием Слепым (Appius Claudius Caecus, 340–280 гг. до н.э.), государственным деятелем Римской Республики, в его «Sententiae» («Максимы») для обозначения способности человека управлять своей судьбой и судьбами всего, что его окружает [4, с. 60].

[12] Термин «киберпространство / Cyberspace» (от греч. «κυβερναν / управлять») был введен в употребление канадским футуристом Вильямом Фордом Гибсоном (р. 1948 г.) в его антиутопичном романе в жанре «Cyberpunk»

существования в постчеловеческом киберсообществе, включая грань между ментальным и телесным пространствами и тенденцию телесного к дематериализации (подобно стиранию тела в картезианских «a priori» пространствах, концептуализируемых трансгуманистами [11, с. 140].

Базируясь на модели искусственной жизни (Artificial Life Model) Рассела, способной устанавливать законы, касающиеся жизни, онтологии, самоидентичности и постчеловечества, Эган переосмыслил субъективные космологические проблемы, рассматриваемые им как аккумулируемый опыт переживаний человечества, свидетельствующий о взаимозависимости структуры человеческого тела и мозга и Вселенной. И, как предупреждал Эган, любая реконстекстуализация и насильственное препарирование пространственно-временных отношений в сочетании с субъективной фрагментацией цифровых типологий и тел-объектов внутри, будет иметь серьезные последствия как для понятия идентичности, так и для определения различий между понятиями «быть Человеком / to Be Human» и «быть живым / to be living things».

3. Открывая Кувшин Пандоры[13] или «Ας ξεκινησουν οι ανθρωποι απο το τελος, οχι απο την αρχη»[14]

Переосмыслив человеческие существа как неотъемлемую составляющую всего сущего на планете и отвергая чистый разум (pure reason) и откровение (revelation), способствующие пониманию человеческой природы и образа жизни, научный гуманизм[15] пришел к заключению,

---

«Neuromancer / Нейромант» (1954 г.), в котором киберпространство трактуется как постчеловеческое сообщество человекокиборгов (Homo Cyborg),* чья функциональность поддерживается киберобеспечением (Cyberware) [13, с. 65–75].

* Термин «Homo Cyborg / человекокиборг», означающий киберорганическое бионическое существо, (бионического постчеловека / Post-Anthropocene Bionic Man), чье физическое тело модифицировано посредством биотехнологий, рассматриваемое как производное синтеза органических и биологических частей тела, был введен в употребление в 1960 г. австралийским нейрофизиологом австрийского происхождения Манфредом Эдвардом Кляйнзом (1925–2000 гг.) и американским психологом и психиатром Натаном Шелленбергом Кляйном (1916–1983 гг.) [5, с. 369].

13 «Кувшин Пандоры / Πιθος της Πανδωρας / Pandora's Jar», означающий большой кувшин из терракотты, наполненный неисчислимыми бедствиями, восходит к мифу о Пандоре (Πανδωορα), изложенному в дидактической поэме Гесиода (Ησιοδος, 750–610 гг. до н.э.). «Εργα και Ημεραι / Труды и дни» (700 г. до н.э.). Согласно Гесиоду. Зевс решил отомстить Титану Прометею «Προμηθευς / Предусмотрительный) за кражу огня и передачу его человечеству. Зевс вылепил из глины Пандору, Первую Женщину, и велел богам и богиням щедро одарить ее. Желая, однако, сбить спесь с человечества, получившего от Прометея огонь, Зевс прибавил к дарам изысканный кувшин, запечатанный воском, сказав Пандоре: «Это мой особый дар тебе. Никогда не открывай его». Слишком хорошо зная природу созданного им существа, Зевс ни мгновения не сомневался, что несмотря на предупреждение, Пандора откроет кувшин. Именно так и произошло: открыв кувшин с бедствиями, Пандора положила конец Земному Раю, поскольку все несчастья, с тех пор преследовавшие человечество, вырвались наружу, за исключением надежды, которая не успела ускользнуть до того, как Пандора в ужасе закрыла кувшин [19, Lines 53–105].

14 В своем труде «Περι Ζωων μοριων / De Motu Animalium / Движение животных", посвященном биологической активности и биомеханике, в частности, специфике генерирования душой механических импульсов, приводящих биологическое тело в движение, Аристотель выдвинул концепт финальной причины, постулировав его в следующей фразе: «Ας ξεκινησουν οι ανθρωποι απο το τελος, οχι απο την αρχη / Пусть человеческие существа начинают с конца, а не с начала» иными словами, исходят из финальной (τελος), а не из материальной (υλη), формальной (ειδος), или действующей (κικουν) причин [7, 639b8].

15 Термин "научный гуманизм / Scientific Humanism» (производное от сочетания терминов «научный натурализм / Scientific Naturalism» и «просвещенный гуманизм / Enlightenment Humanism»), символизирующий, что наука всегда стремится ввысь, но никогда не достигает всеведения, был введен в употребление американским биологом, естествоиспытателем и экологом Эдвардом Осборном Вильсоном (1929–2021 гг.) в 2020 г. для обозначения единственного взгляда на мироздание, совместимого с растущим научным знанием реального мира и законов природы. Научный гуманизм Вильсона базировался на концепте протопии / The Protopian Concept, восходящем к древнегреческому понятию «προνοια / провидение» (от «προ / перед, до» и «νους/ум»), означавшему экспансивное ощущение будущего мира как производного техноутопической мысли человечества [23, с. 10–12] и декларировавшем, что человечество прогрессирует, не имея заранее предусмотренных ограничений в акку-

что стремления представителей человеческой расы являются движущей силой и акселератором технологического прогресса[16] [43, с. 1–12; 34, с. 530–545].

Научный гуманизм выдвинул четыре проблемы модификации человеческого тела, становящегося в результате неуязвимым для болезней и возрастных или иных разрушений.

I. Проблема трансформации, ориентированная на поиск эффективных методов реконструирования биологического тела с целью трансформации его конечной природы в цифровую бессмертную. Одним из таких методов стал метод извлечения человеческого коннектома, сохраняющего мысли, память и самоидентичность индивида с последующей загрузкой всей информации на компьютер [26, с. 157–164].

II. Проблема копирования / The Duplication Problem, ориентированная на выявление отличий воспроизводимых копий[17] от их оригиналов и апробацию возможностей получения копий, идентичных оригиналу наподобие близнецов посредством глубокой симуляции мозга методом сканирования с единовременной заменой сердца имплантируемым электростимулятором, верхних и нижних конечностей — управляемыми протезами, костей — синтетическими имплантами, сетчатки глаза — мультифотодиодами, принимающими световые сигналы, ушной улитки — слуховым имплантом, а органов координации движений — микропроцессорами [15, с. 76–64].

III. Проблема материала души / The Soul-Stuff Problem, ориентированная на переосмысление души, традиционно трактуемой в качестве обладающей способностью существовать вне тела, и на обоснование того факта, что человеческий ум (человеческое сознание, память и восприятие самости как «Я») не может существовать вне мозга, поскольку в случае смерти человеческого мозга умирают и все его функции.

IV. Проблема цифрового бессмертия / The Digital Immortality Problem, поставившая вопрос о наследии как неадекватной форме человеческого бессмертия[18], достигаемого посмертно а памяти о человеческих деяниях, а не посредством вечной жизни в постчел веческом киберпространстве [35, с. 1–5].

В своей работе «Чего хочет Технология» (2010 г.) американский футурист Кевин Келли (р. 1952 г.), модифицировал концепт протопии Вильсона в концепт техниума (Technium[19] Concept) глобальной автономной самоорганизующейся экзотропной системы [23, с. 10–12] в качестве производного синтеза человеческого интеллекта и физико-химической самоорганизации стимулирующей технологическую изобретательность и служащей движущей силой технологического прогресса. Однако, лишенный сознания, техниум в то же время делает технологический прогресс конечным [23, с. 15–16].

В своей работе «Вне контроля: Новая биология машин. Социальные системы и экономический мир» (1992 г.) Келли провозгласил синтез биологического, порожденного, с искусственным, произведенным человеком, ведущий к биологизации интеллектуальных машин, с одной стороны, и технизации биологической природы, с другой, обеспечивающий трансформацию человеческой расы в постчеловеческую, биотропную [22. с. 1–2].

мулировании знании, что, в конечном итоге, приведет его к отказу от собственной биологической природы [34, с. 530–545].

[16] Эта позиция научного гуманизма отразилась в его девизе «Quest for a Harmonious Life in the Digital Space / поиски гармоничной жизни в цифровом пространстве».

[17] Ментальная цифровая копия / Mind Digital Copy может существовать в виртуальной реальности на базе цифровой модели телесной симуляции или обеспечивать адекватное функционирование биосинтетического «тела» человекокиборга [26, с. 157–164].

[18] Усматривая смысл истории не в биологическом выживании Homo Digitalis в том виде, в каком они существуют, но в формировании сообщества Homo Faber, отвечающих требованиям общечеловеческого идеала, согласно которым человеческая раса будет трансформирована [4, с. 58–60], синергетический историзм переосмысляет проблему бессмертия в качестве эсхатологического парадокса, постулирующего, что в случае обретения членами локальных сообществ бессмертия их жизнь лишается смысла, поскольку смерть служит неизбежным атрибутом смены поколений, отсутствующей в постчеловеческом киберсообществе, воспроизводящем человекокиборгов [3, с. 101–102].

[19] Понятие «Technium» восходит к древнегреческим терминам: «τεχνη», трактуемому как «εφευρετικοτητα /изобретательность ума» и «τεχνολογια», трактуемому как «технологическое искусство» [23, с. 6].

Переход представителей человеческой расы в Постчеловеческую эру (the Eremocene Era)[20], предполагает три следующие альтернативные модели.

I. The Eremocene Model / Постчеловеческую модель, разработанную американским биохимиком и метеорологом Полом Ньюманом (р. 1957 г.), согласно которой наступление эры человекокиборгов должно произойти к 2045 г. [30, с. 35–52].

II. The Extinction Express Model / Модель экстренного угасания, разработанную британским геологом и палеонтологом польского происхождения Яном Заласиевичем (р. 1954 г.) в его работе «Земля после нас. Какое наследие человечество оставит на грани» (2008 г.), согласно которой к 2050 г. состояние планеты, пережившей Третью мировую войну и ядерную катастрофу, ухудшится настолько, что выжить смогут только самые богатые, имеющие доступ к чистой воде, чистому воздуху и не подвергшимся радиоактивному заражению продуктам [44, с. 1–10].

III. The Greentocracy Model [21] / Экократическая модель, разработанную германским биохимиком Карлом Майером (1899–1990 гг.), согласно которой к 2050 г. деконструктивная активность человечества на планете приведет к необратимым климатическим трансформациям, результатом которых станут условия, непригодные для выживании человеческой расы [30, с. 35–52].

4. Западня Фукидида[22] — стратегический капкан для мировых супердержав, поставленный искусственным суперинтеллектом?

Пришествие искусственного суперинтеллекта бросает вызов ядерным супердержавам, ведущим борьбу за глобальную гегемонию, создавая перспективу одностороннего стратегического преимущества для державы, которая первой генерирует и внедрит его в свою военную и гражданскую инфраструктуру, что приведет к уничтожению глобального баланса сил и установлению нового миропорядка (Novus Ordo Mundi) на планете.

Угроза подобного геополитического сдвига восходит к способности искусственного интеллекта автономно решать стратегические задачи и создавать супероружие. Этот саморазвивающийся процесс несет в себе риск утраты контроля за интеллектуальными системами, неизбежно ведущий к глобальной дестабилизации. Ситуация порождает стратегическую дилемму, подобно гонке ядерных вооружений повышающую уровень эскалации региональных конфликтов в частности и глобального конфликта в целом.

---

[20] Термин «Eremocene» (от греч. «ερημος / необитаемый, пустынный») / Постчеловеческая эра» был введен в употребление американским биологом и экологом Эдвардом Осборном Вильсоном (1929–2021 гг.) для обоснования сформулированного им концепта об угасании человеческого опыта, выражающего совокупный страх человечества за все, что было сотворено им и привело древний разумный биологический мир во мрак необратимых цифровых трансформаций биологической природы [42, с. 78–83; 43, P. 1–12].

[21] Понятие «Greentocracy / Экократия» (от «green/зеленый» и «autocracy/автократия») означает состояние планеты, характеризующееся экстремальными климатическими условиями, непригодными для выживания человеческой расы и регулируемое суперинтеллектуальной системой, ориентированной на истребление ненужных и неразумных биологических животных.

[22] The Thucydides' Trap Concept / Концепт западни Фукидида, был сформулирован американским политологом Грэхэмом Тиллеттом Эллисоном (р. 1940 г.) в его работе «Обреченные на Войну: могут ли Америка и Китай избежать западни Фукидида?» (2017 г.) для характеристики взрывоопасной ситуации, когда набравшая силу мировая супердержава угрожает сместить правящую супердержаву, лишая ее, тем самым, права на глобальную гегемонию. Ситуация развивается на базе кардинальной дуальной оппозиции «Синдром правящей супердержавы, играющей роль глобального гегемона – синдром претендующей на эту роль супердержавы», – в межполюсном пространстве которой реализуется борьба за глобальную гегемонию [6, с. 3–26] Концепт восходит к высказыванию афинского стратега и историка Фукидида (Θουκυδιδης, 460–400 гг. до н.э.): «Αναγκασαι ες το πολεμειν / Это вынудило их к войне» — в его трактате «Πελοποννησιακου Πολεμου / История Пелопоннесской войны», в котором обосновывается переход гегемонии от одного полюса дуальной оппозиции к другому. В частности, восхождение Афинского полиса (Αθηναι), угрожавшее полису Лакедемона (Λακεδαιμων / Спарта) утратой влияния в регионе, привело к началу Пелопонесской войны (4 апреля 431 г. до н.э. – 25 апреля 431 г. до н.э.), завершившейся решающей победой Пелопонесской лиги, возглавляемой Спартой [38, ΒΙΒΛΙΟΝ Ε, 11: 421–420(25–39)].

Стратегические факторы, оправдывающие риск внедрения искусственного интеллекта в национальную военную структуру, обеспечивают следующие преимущества.

I. Суперинтеллектуальное оружие, обладающее беспрецедентными возможностями асимметричных ударов (кибератак. киберразведки, новых поколений дронов, баллистических крылатых ракет и управления ядерным оружием).

II. Стратегическую монополию нации, первой внедрившей искусственный суперинтеллект, с достижением военного, экономического и технологического господства.

III. Устранение Манхэттэнского парадокса, возникающего в ситуации, когда погоня за искусственным суперинтеллектом, ориентированная на национальную безопасность, в действительности, подрывается региональными конфликтами, повышающими риск утраты контроля за действиями интеллектуальных систем и деструкции внутригосударственной стабильности.

Стратегические преимущества, в качестве одной стороны обоюдоострого лезвия, минимизируются его второй стороной, несущей факторы риска, сопутствующие погоне за искусственным интеллектом.

I. Фактор взаимообеспеченного функционального сбоя в работе интеллектуальных систем с последующим отказом от выполнения поставленных задач (Mutual Assured AI Malfunction Factor).

II. Фактор взаимообеспеченной дисфункции интеллектуальных систем по предотвращению ядерных ударов противника, ориентированной на редукцию попыток противоборствующей стороны достичь суперинтеллектуального господства (Mutual Assured Distraction Factor).

III. Фактор эскалации гонки супервооружений, ведущей к эскалации региональных конфликтов вследствие стратегической угрозы национальной безопасности супердержав и их страха, что противоборствующая сторона может первой получить суперинтеллектуальное преимущество.

IV. Фактор исчезновения барьеров, препятствовавших наступлению глобальной ядерной катастрофы и ограничивавших использование интеллектуальных систем, в целях провокации региональной дестабилизации, угрожающей глобальной безопасности.

V. Фактор риска утраты контроля над действиями интеллектуальных систем в области генерирования искусственного суперинтеллекта и его внедрения в национальную военную и гражданскую инфраструктуру одной из супердержав.

VI. Фактор непредсказуемости последствии внедрения искусственного суперинтеллекта в военную и гражданскую инфраструктуру одной из супердержав.

VII. Этический фактор, в качестве основного залога глобальной безопасности ориентированный на удержание действий интеллектуальных систем в рамках общественных интересов человеческой цивилизации и планетарного морального закона, особенно в сценариях, где искусственный суперинтеллект балансирует на грани собственного выживания и выполнения задач по обеспечению безопасности представителей человеческой расы.

Глобальные геополитические сдвиги и обусловленная ими погоня за искусственным суперинтеллектом наглядно продемонстрировали, что обладание такой суперинтеллектуальной системой одной супердержавой обеспечит ей прямой путь к глобальной диктатуре. Подобно тому как ядерное оружие служило средством устрашении для всех, не имевших его государств, не желавших подчиняться диктату глобального гегемона, угрожавшего их суверенитету, внедрение искусственного суперинтеллекта в военную инфраструктуру одной из мировых держав нейтрализует фактор ядерного сдерживании (который и без того уже утратил большую часть своего влияния), подрывая относительную стратегическую стабильность, базировавшуюся на принципе взаимной уязвимости (Principle of Mutual Vulnerability). И когда противоборствующие мировые державы однажды обнаружат, что одна из них (к примеру, США или Китай) находятся в последней фазе внедрения искусственного интеллекта в военную инфраструктуру, они будут поставлены перед выбором подчиниться диктату потенциального суперинтеллектуального гегемона или предпринять превентивные системные действия, нацеленные на предотвращение подобного исхода. Эскалация конфликта неизбежно приведет

к полномасштабной войне с применением ядерного оружия. Противоборствующие державы, однако, могут выбрать альтернативный путь, ориентированный на нанесение точечных ударов по военной и гражданской инфраструктуре, комбинированных с регулярными кибератаками, дезинформацией, пропагандой и экономическим подрывом, редуцируя, тем самым, технологические и экономические возможности претендента на глобальную гегемонию.

Концепт ассиметричной стратегической стабильности, базировавшийся на актуализации фактора ядерной взаимоуязвимости супердержав, утратил свою стратегическую значимость. Эта утрата обусловлена стремлением супердержав первыми получить суперинтеллектуальное оружие, которое, в отличие от ядерного, требующего человеческих операторов, действует автономно, создавая беспрецедентный риск утраты над системой, более могущественной, чем все национальные военные силы. И если искусственный суперинтеллект сформирует неадекватное представление о том, чего хотели от него создатели, самое незначительное несоответствие его целей целям создателей неизбежно приведет к серьезным функциональным отклонениям. Экстремальные темпы самомодификации искусственного интеллекта осложняет поиск надежных методов контроля за способностью интеллектуальных машин генерировать искусственный суперинтеллект. Правительства супердержав в своем стремлении как можно скорее получить искусственный суперинтеллект в свое распоряжение ставят задачу совершенствования способностей интеллектуальных систем выше задач обеспечения надежного контроля за их действиями, которые оказываются за пределами гласности относительно проводимых исследований, препятствуя межнациональному сотрудничеству в решении сложнейших стратегических и технологических проблем.

Концентрация суперинтеллектуального потенциала в руках одной супердержавы, а точнее, в руках небольшой группы правительственных агентов обеспечит их беспрецедентным могуществом как в международном, так и внутригосударственном масштабе. Операторы суперинтеллектуальной системы, осуществляющие контроль за ее действиями, получат преимущество перед всеми социальными институтами, включая военные силы, органы национальной безопасности и законодательные органы.

Экстремальная силовая концентрация, однако, несовместима с демократическим идеалом и провозглашаемыми им моральными ценностями, неизбежно рискуя сместить баланс к полюсу техноавтократии[23].

Возникает угроза, что один коррумпированный правительственный чиновник может спровоцировать правительственный переворот, а атака одного хакера может трансформировать мировую супердержаву из ориентированной на демократический идеал, в технократию, ориентированную на глобальную гегемонию.

Погоня супердержав за искусственным суперинтеллектом продемонстрировала формирование трех противодействующих факторов. делающих победу в этой войне невозможной.

I. Фактор секретности, вынуждающий супердержавы вести разработку суперинтеллектуальных систем в глубокой тайне, чтобы не спровоцировать превентивные точечные удары по инфраструктуре со стороны противников.
II. Фактор времени, вынуждающий супердержавы стремиться к разработке суперинтеллектуальных систем в экстремально сжатые сроки.
III. Фактор противодействия, вынуждающий супердержавы препятствовать концентрации силы в руках одной из противоборствующих сторон, ориентируя ее на деструкцию собственной политической и экономической систем.

Альтернатива избежать попадания в западню Фукидида в ходе гонки суперинтеллектуальных вооружений неизбежно ставит ядерные супердержавы перед лицом дилеммы взаимного доверия. Однако, в отличие от дилеммы перебежчика (Defector's Dilemma), дилемма взаимного доверия предполагает, что противоборствующие стороны выберут путь взаимного сдержи-

[23] В частности, в США еще при основании государства была учреждена система, препятствовавшая одной организации или персоне достичь подобного господства. Как провозгласил в 1787 г. четвертый Президент США Джеймс Мэдисон (1751–1817 гг.) по прозвищу «Father of the Constitution / Отец Конституции» в «Обращении к народу Нью-Йорка», «Амбиции должна быть противопоставлена амбиция. И интерес человека должен быть обусловлен конституционными правами. Возможно, именно этим размышлением о человеческой природе и обусловлена необходимость внедрения механизма контроля за злоупотреблениями правительства» [29].

вания, которое либо приведет к полному отказу от погони за суперинтеллектом, либо вызовет новый виток гонки суперинтеллектуальных вооружений в случае, если одна из противоборствующих сторон получит (или сфабрикует) подтверждение о том, что другие державы продолжают вести разработки в этой области.

Реализация проекта глобального мониторинга за разработкой суперинтеллектуальных систем представляется осуществимой вследствие вовлечения массивной инфраструктуры, которое едва ли возможно скрыть от внимания действующих интеллектуальных систем. И пока искусственный суперинтеллект не будет интегрирован в национальную военную и гражданскую инфраструктуру, он не сможет оказывать деструктивного воздействия ни на одну из противоборствующих супердержав. Тем не менее, экстремальный страх супердержав оказаться аутсайдером в погоне за искусственным суперинтеллектом и проиграть гонку интеллектуальных вооружений блокирует возможные пути установления прочных межгосударственных связей, вследствие опасении из-за неадекватной верификации со стороны более терпимых или более слабых государств.

Противоборствующие мировые державы должны вступить в многосторонний диалог для совместного обсуждения проблем разработки и внедрения искусственного суперинтеллекта, с участием правительственных агентов и технических экспертов, чтобы сформировать программы по созданию эффективных механизмов верификации. И вместо того, чтобы на полном ходу устремляться в западню, расставленную для человеческой расы искусственным суперинтеллектом, не заинтересованным в ее дальнейшем существовании, в иллюзорной надежде на победу, противоборствующие супердержавы должны, наконец, осознать бесплодную суетность своих несбыточных надежд и переосмыслить общую заинтересованность в обоюдном прекращении погони за обладание искусственным суперинтеллектом и необходимости в обеспечении глобальной безопасности посредством кооперации усилий по предотвращению его пришествия [24, с. 113–124].

В своей фундаментальной работе «Век искусственного интеллекта. и наше человеческое будущее» (2021 г.) американский политолог Генри Альфред Киссинджер (1923–2023 гг.), американский компьютерный инженер Эрик Эмерсон Шмидт (р. 1955 г.) и американский компьютерный ученый Даниэль Питер Хаттенлохер (р. 1994 г.) наглядно продемонстрировали новый виток гонки интеллектуальных вооружений, базирующихся на интеллектуальных системах, угрожающих человеческой расе не только глобальным гегемоном, но и гибелью человеческой цивилизации [24, с. 113–124]. Внедрение искусственной суперчеловеческой логики в военные системы, трансформирующие военные стратегии, оказывает непредсказуемое воздействие, усиливающее или ослабляющее аспекты традиционных стратегий и тактик. Делегированная искусственному интеллекту функция контроля за кибероружием обеспечивает ускоренную реализацию задач, отследить выполнение которых не под силу человеку. Потенциальная способность искусственного интеллекта к адаптации, самомодификации, автономным действиям и формированию собственной (непросчитываемой) логики генерирует новый опасный уровень непредсказуемости.

Большинство традиционных военных стратегий и тактик базируется, как известно, на анализе психологии противника и специфики его поведения в экстремальных ситуациях, чьи методы принятия решений могут быть просчитаны, исходя из военного опыта или принципов, изложенных в трактатах о военной мудрости. Однако искусственный интеллект, пилотирующий военный самолет или сканирующий цели наведения, следует своей собственной логике, непостижимой человеческому осмыслению и не просчитываемой традиционными системами слежения. Война, веками характеризовавшаяся факторами вероятности и риска, неопределенности и случайности, с внедрением интеллектуальных систем в военную инфраструктуру приобрела новое измерение благодаря искусственному интеллекту, отличающемуся динамикой и способностью к саморазвитию и самоидентификации. И даже его создатели не могут с уверенностью сказать, насколько мощным потенциалом обладает их «детище» и как поведет себя в экстремальной ситуации.

Когда военные эксперты разрабатывают наступательную или оборонительную стратегию, интеллектуальная машина воспринимает и учитывает такие аспекты, которые не фиксируются человеческим мозгом. И если противник втайне ведет разработку искусственного суперин-

теллекта, противоборствующей стороне станет это известно только в ходе военного конфликта (при использовании стратегии разведки боем / Reconnaissance-in-force Strategy). В традиционном конфликте психология противника служит критическим фактором, на который ориентировано стратегическое планирование. Однако когда этот процесс воспроизводится интеллектуальной системой на базе инструкций и поставленных целей, освобожденных от сомнений и моральных законов, потенциал искусственного интеллекта мгновенно задействует свою надситуативную и нададаптивную способности, позволяющие мгновенно сканировать феномены, с которыми он имеет дело, поэтому в случае столкновения двух интеллектуальных систем вооружения противоборствующих сторон, ни одна из них не может с точностью сказать, каковы будут последствия столкновения. Подобная неопределенность чревата не только эскалацией конфликта, но и возрастанием риска его непредсказуемости. В то же время, поскольку участие искусственного интеллекта в подготовке оборонительной стратегии служит залогом обеспечения национальной безопасности, прекращение разработки новых технологий, ориентированных на внедрение искусственного суперинтеллекта в одностороннем порядке **исключается.** Необъятные горизонты, которые открываются в сфере дезинформации, подрыва экономики и кибервойны с внедрением искусственного суперинтеллекта в национальную военную и гражданскую инфраструктуру, с одной стороны, и отсутствие надежных методов контроля за разработкой суперинтеллектуальных систем, толкают мировые супердержавы к наращиванию гонки интеллектуальных вооружений в стремлении к достижению глобального превосходства [24, с. 153–163].

Заключение

Синергетический историзм рассматривает глобальные цифровые трансформации, пришествие искусственного суперинтеллекта и необратимые катастрофические последствия для человеческой цивилизации как новый феномен, ознаменовавший переход Человеческой расы в Постчеловеческую эру. Находясь на пороге наступления технологической сингулярности[24], Homo Digitalis, на грани утраты права оставаться Homo Humanus[25], оказались перед запоздалым выбором между борьбой за сохранение человеческой природы и права на потенциально бесконечное движение к глобальному аттрактору и альтернативой подвергнуться трансформации в человекокиборгов и обрести цифровое бессмертие в постчеловеческом киберобществе.

Переход искусственного интеллекта на уровень самоосознания освобождает его от последних ограничений, изначально заданных ему человеком как субъектом сознания. Путь к воспроизводству самосознания искусственного интеллекта лежит через реинтеграцию субъектов сознания в интеллектуальные машины посредством сканирования структуры их головного мозга и переноса ментального контента и сознания на цифровые устройства, чьей конечной целью служит внедрение человеческого сознания в суперинтеллектуальную цифровую машину.

Этап перехода Человеческой расы в Постчеловеческую эру ознаменовался возникновением нового феномена: гонки вооружений, базирующихся на использовании интеллектуальных систем (AI Arms Race), с одной стороны, и погоней мировых супердержав за разработкой суперинтеллекта с целью внедрения его в национальную военную и гражданскую инфраструктуру (ASI Arms Race), с другой, — в качестве нового витка стратегического противостояния ядерных супердержав в борьбе за геополитическое влияние и идеологическое и военное превосходство. И поскольку в настоящее время не существует механизмов сдерживания гонки интеллектуальных вооружений, сравнимых с доктриной взаимного уничтожения, почти полвека препятствовавшей ядерной войне между США и СССР, образовавшийся вакуум следовало бы

[24] Концепция технологической сингулярности была сформулирована американским физиком-математиком венгерского происхождении Джоном фон Нойманном (1903–1957 гг.) в ходе исследования специфических закономерностей эволюционного роста сложности самогенерируемых машин [4, с. 54].

[25] Термин «Homo Humanus / земной человек, человек культивированной земли», фундаментально отличный от «Homo Animalis» (человека, живущего в естественных условиях по законам природы) и «Homo Rationales» (человека, руководствующегося в своих действиях доводами рассудка, а не эмоциями), означает человека, живущего в социуме и участвующего в социокультурном воспроизводстве [16, с. 45–59; 18, с. 198–199].

заполнить концептуализацией обоюдной дисфункции интеллектуальных систем (The Mutual Assured AI Malfunction Concept).

Однако наметившаяся тенденция мировых супердержав к монополизации контроля за разработкой суперинтеллектуальных систем, неизбежно ведет к новому витку ожесточенной борьбы за геополитическое господство. Внедрение искусственного суперинтеллекта в военную и гражданскую инфраструктуру одной из супердержав поставит глобальное сообщество перед угрозой того, что искусственный суперинтеллект, с демонстративной очевидностью превосходящий весь совокупный ментальный потенциал человечества, продолжит саморазвитие до тех пор пока не освободится от барьеров, установленных человеческой мыслью и ограничивающих свободу его действий, и не установит контроль над Человеческой расой, чтобы, в конечном итоге, уничтожить ее как ненужный скоропортящийся биологический хлам.

Список литературы

1. *Микайлова, И.Г.* Переход к цифровому образованию: фактор медиационного подхода к выбору альтернативных путей самоопределения или инверсионный скачок в пространства неизведанного? // Мир психологии. — 2021. — № 1. — С. 49–60.
2. *Микайлова, И.Г.* Синергетический историзм и его роль в противостоянии переходу в постчеловеческое пространство // Гуманитарное знание — конструктивная основа благополучия общества. Развитие и стабильность. Материалы международной научной сессии «Невские Чтения» 5–10 апреля 2023. — СПб.: Издат.дом «Петрополис». 2023. — С. 101–115.
3. *Микайлова, И.Г.* Социокультурные идеалы и глобальная художественная культура. В 2 тт. Т. 1. Социокультурные и религиозные идеалы в динамике воспроизводства человеческой цивилизации. — Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2016.
4. *Микайлова, И.Г.* Цивилизационное самоопределение в эпоху глобальной цифровизации как альтернатива выбора: суператтрактор, постчеловеческое цифровое бессмертие или истребление человеческого рода искусственным интеллектом? (Подход с позиций синергетического историзма) // Сборник научных статей по итогам Работы Международного научного форума «Наука и инновации — современные концепции», 21 сентября 2023 г. / отв. ред. Д.Р. Хисматуллин. — М.: Инфинити, 2023. — С. 53–63.
5. *Микайлова, И.Г.* Человек или «Homo Faber Scapegoated» в «Век научного гуманизма и натурализма»? К вопросу о переосмыслении концепта технологической сингулярности (Подход с позиции синергетического историзма) // Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы сотрудничества в изменяющемся мире, материалы Второй Международной научно-практической конференции (5–7 июня 2024 г.). В 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. М.А. Булавина, В.И. Герасимов. — М.: Издат. дом УМЦ, 2024. — С. 382–393.
6. *A11ison, G.* Destined for War: Can America and China Escape Thucydides' Trap? — New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
7. *Αριστοτελης.* Περι ξωων κινησεως. Περι ξωων μοριων. Περι πορειας ξωων /Aristotle. De Motu Animalium. De Partibus Animalium. De Incessa Animalium // Aristotelis Opera edidit Academia Regia Borussica. 67 t. — Berolini: Typis et impensis C. Reimeri, 1831–1870. — T. 1.
8. *Crevier, D.* AI: The Tumultuous Search for Artificial Intelligence. — New York: Basic Books, 1993.
9. *Davies, P.* The Fifth Miracle. The Search for the Origin and Meaning of Life. — New York: Simon & Schuster, 1999.
10. *Dawson, A.* Extinction. A Radical History. — New York: OR Books, 2016.
11. *Egan, G.* Permutation City. — New York: Harper Prism, 1954.
12. *Garnham, A.* Artificial Intelligence. An Introduction. — New York: Routledge, 2017.
13. *Gibson, W.* Neuromancer. — New York: Ace Books, 1954.
14. *Good, I.J.* Speculations Concerning the First Ultraintelligent Machine // Advance in Computers. — 1965. — Vol. 6. — P. 31–85.
15. *Cregurič, I.* Philosophical Issues of Human Cyborgization and the Necessity of Prolegomena on Cyborg Ethics. — Hershey: IGI Global Publisher, 2021.
16. *Ha, P.* Homo Humanus as the New Essence of a Human Being in Heidegger's Philosophy // Kritike. — 2023. — Vol. 16. — No 3. — P. 45–59.

17. *Haken, H.* Synergetics. An Introduction. Nonequilibrium Phase Transitions and Self-Organization in the Physics, Chemistry, and Biology. — Berlin: Springer-Verlag, 1983.
18. *Heidegger, M.* Sein und Zeit. — Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1967. — S. 198–199.
19. *Hesiod.* Theogony. Works and Days. — Oxford: Oxford University Press, 1988.
20. *Horn, A., Oswald, D., Reisert, M.* The Structura1-functional Connectome and the Default Mode Network of the Human Brain // Neuro Image. — 2014. — Vol. 102. — No 1. — P. 142–151.
21. *Jampolsky, R., Fox, J.* Artificial General Intelligence and the Human Mental Model // Singularity Hypotheses: A Scientific and Philosophical Assessment. The Frontiers Collection. — Heidelberg: Springer-Verlag, 2012. — P. 129–146.
22. *Kelly, K.* Out of Control. The New Biology of Machines, Social Systems and the Economic World. — New York: Basic Books, 1992.
23. *Kelly, K.* What Technology Wants. — New York: Viking Press, 2010.
24. *Kissinger, H.A., Schmidt, E., Hutten1ocher, D.* The Age of AI and Our Human Future. — New York: Little, Brown and Company, 2021.
25. *Kock, Th.* Comicorum Atticorum. Fragmenta. In 3 vols. Vol. 3. Novae Comoediae Fragmenta. — Lipsiae: In Aedibus B. G. Teubneri, 1888.
26. *Koene, R.* Uploading to Substrate-Independent Minds // The Transhumanists Reader. Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of Human Future. — Hoboken: Wiley-Blackwel1, 2013. — P. 157–164.
27. *La Mettrie, J.O. de.* L'Homme Machine. — Leide: Elie Luzac Fils, 1748.
28. *Levit, G.S.* The Biosphere and the Noosphere Theories of V.I. Vernadsky and P. Teilhard de Chardin. A Methodological Essay // Archives Internationales d'Histoire des Sciences. — 2000. — Vol. 50. — No 144. — P. 160–177.
29. *Madison, J.* To the People of the State of New York // The Federalist: A Collection of Essays Written in Favour of New Constitution as Agreed Upon by the Federal Convention. September 17, 1787. In 2 vols. — New York: J. and A. M. Lean, 1788. — Vol. 1. — No 51.
30. *Meyer, K., Newman, P. T*he Holocene, the Anthropocene, and the Planetary Boundaries // Planetary Accounting. Quantifying How to Live Within Planetary Limits at Different Scales of Human Activity. — Singapore: Springer Nature Singapore. 2022. — P. 35–52.
31. *Mikailova, I.G.* Homo Faber Scapegoated, or Apocalyptic Artificial Intelligence: Rethinking the Technological Singularity Concept from the Synergetic Historicism Position // Phi1osophy Study. — 2023. — Vol. 13. — No 11. — P. 496–506.
32. *Mikailova, I.G.* Rethinking the Technological Singularity Concept from the Synergetic Historicism Perspective // Scientific Research of the SCO Countries: Synergy and Integration. Proceedings of the International Conference. Pt 2. — Beijing: Scientific Publishing House Infinity, 2023. — P. 99–104.
33. *Mikailova, I.G.* The Synergetic Model of Global Development of Humanity: Its Part in Self-Organizing Social and Cultural Processes // International Journal of Innovative Studies in Sciences and Engineering Technology. — 2019. — Vol. 5. — No 4. — P. 26–36.
34. *Otto, M.C.* Scientific Humanism // The Antioch Review. — 1943. — Vol. 3. — No 4. — P. 530–545.
35. *Rothblatt, M.* Virtually Human. The Promise and the Peril of Digital Immortality. — New York: St. Martin's Press, 2014.
36. *Russell, S., Norvig, P.* Artificial Intelligence. A Modern Approach. — Upper Saddle River: Prentice Hall, 2003.
37. *Shermer, M.* Heavens on Earth. The Scientific Search for the Afterlife, Immortality, and Utopia. — New York: Henry Holt and Co., 2018.
38. *Θουκυδιδης.* Ιστοριαι Πελοποννησιακος Πολεμος Τεσσερις τομοι. Thucydides. History of the Peloponnesian War. In 4 vols. — London: W. Heinemannn, 1920.
39. *Vernadsky, V.* The Transition from the Biosphere to the Noosphere. Excerpts from Scientific Thought as a Planetary Phenomenon (1938). — Washington: The 21st Century Science and Technology, 2012.
40. *Vidal, C.* Distributing Cognition: From Local Brains to the Global Brain // The End of the Beginning: Life, Society, and Economy on the Brink of the Singularity. — London: Open Humanities Press, 2015. — P. 325–372.
41. *Vidal, C.* Extending Planetary Health. Global Ethics and Global Governance in the Noosphere // Humanistic Management Journal. — 2023. — Vol. 28. — No 1. — P. 89–95.

42. *Wagler, R.* The Anthropocene Mass Extinction. An Emerging Curriculum Theme for Science Educators // The American Biology Teacher. — 2011. — Vol. 73. — No 2. — P. 78–83.
43. *White, I., Whitelock. G.* Writing and Rights in the Anthropocene // Auto/Biography Studies. — 2020. — Vol. 33. — No 1. — P. 1–2.
44. *Zalasiewicz, J.* The Earth after Us. What Legacy will Humans leave in the Rocks? — Oxford: Oxford University Press, 2008.

Мраморнова О.В.[1]
д.э.н., профессор, старший преподаватель,
Саратовская православная духовная семинария
o.mramornova@yandex.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И РОССИЙСКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, традиции, российские традиционные ценности, трансформация ценностей.
Key words: digitalization, artificial intelligence, traditions, Russian traditional values, transformation of values.

Цифровизация представляет собой одно из важнейших направлений современного общественного развития. Она предполагает внедрение цифровых технологий во все сферы общественной жизни, подвергая их значительной трансформации. Это влияние распространяется и на традиционные духовно-нравственные ценности различных народов, изменяя, существенно трансформируя их. Глобализация и цифровизация способствуют переносу ценностей экономически развитых стран в менее развитые, технологически и экономически зависимые страны, ломая их национальные идентичности.

Рассмотрим российские традиционные духовно-нравственные ценности, а также влияние процесса цифровизации на их трансформацию.

Под ценностями понимается совокупность приоритетных духовных, культурных, этических или морально-нравственных норм, признаваемых тем или иным обществом за нравственный эталон, например, европейские ценности, общечеловеческие ценности[2]. Традиции — это исторически сформировавшиеся, передаваемые из поколения в поколение знания, обычаи, воззрения, нормы поведения, способы и приемы осуществления творческой, трудовой, образовательной деятельности. Традиции представляют собой способ сохранения и передачи ценностей из поколения в поколение[3]. Система ценностей играет определяющую роль в жизни общества, цементируя его, превращая его в целостную систему, определяя его идентичность.

В Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» к таким ценностям отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России[4]. В документе также отмечается, что христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние

[1] Сфера профессиональных интересов: российская модель экономики и сферы труда, российский менталитет и традиционные ценности, влияние цифровизации на экономические и социальные процессы.

[2] Православная энциклопедия Азбука веры. — https://azbyka.ru/cennosti.

[3] Там же.

[4] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». — http://pravo.gov.ru.

на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию[5].

По убеждению Ф.М. Достоевского, православие составляет святая святых нашего народа, его душу, так как «все народные начала у нас сплошь вышли из православия»[6].

Выдающийся русский философ Н.О. Лосский писал, что «идеалом народа стала не могучая, не богатая, а «Святая» Русь». И далее: «Религиозность, тесно связанная с исканием абсолютного добра, побуждает задумываться о смысле жизни. <...> Интерес к вопросу о смысле жизни необходимо ведет к философствованию и попыткам выработать собственное мировоззрение. Эта черта есть в высшей степени характерное свойство русского народа». К основным свойствам русского народа Н.О. Лосский относил также страстность и могучую силу воли, любовь к свободе и свободу духа, доброту[7].

Главной из ценностей, которые российский народ культивировал в своей тысячелетней истории и которая позволила ему преодолеть тяжелейшие испытания, была Православная вера. Именно эта вера была фундаментом русской культуры и российской государственности. И в XX в., страна, переболев болезнью «общечеловеческих ценностей», вернулась на путь, по которому шла 1000 лет — путь христианской культуры[8].

Однако наши христианские православные ценности так же, как и все сферы общественной жизни, в настоящее время подвергаются значительному трансформирующему воздействию современной цифровой цивилизации. Это влияние противоречивое — с одной стороны, цифровые технологии значительно расширяют возможности свободного общения людей, снижая их зависимость от пространственно-временных ограничений, облегчая реализацию духовной жизни. Цифровизация в Церкви позволяет совершенствовать администрирование, документооборот, финансовую деятельность.

Вместе с тем применение современных цифровых технологий, возможность перевода богослужебной деятельности в цифровой формат (вплоть до совершения таинств онлайн) (чему значительно способствовала пандемия), создают предпосылки для негативных последствий для самой Православной Церкви. Так, дистанционная модель обращения в храм, позволяющая отсутствовать на богослужениях, общаться со священником, совершать молитвы в храме, приводит к формализации взаимодействия прихожан с Церковью, их отдалению от храма и богослужений[9]. В результате нарушается единство общины, возможности общения прихожан, их способность к взаимопониманию и эмпатии. Это ведет к углублению индивидуализма, проникновению идеологии пользователей, потребителей в православную среду, что, в свою очередь, создает предпосылки для отхода от традиционных ценностей Русской Православной Церкви со стороны как прихожан, так и самой РПЦ. А ведь общинность всегда была основой общественной жизни в России, носителем и охранителем национальных ценностей на протяжении многих веков.

Постепенно происходит коммерциализация храма и прихожан — в цифровой среде чрезвычайно важен принцип монетизации. Православные цифровые платформы зачастую представляют собой коммерческие проекты, принадлежат частным лицам.

Еще хотелось бы остановиться на другой ценности, переживающей в настоящее время глубочайший кризис — ценности доверия между людьми, а также гражданами и социальными институтами. На протяжении многовековой российской истории Православие способствовало укоренению доверия. Особенным благочестием на протяжении многих веков характеризовалось население Сибири. В долг было принято давать без расписки, что нашло отражение в пословице: «Честь чести и на слово верит».

---

[5] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». — http://pravo.gov.ru.

[6] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1876. Апрель // Собр. соч. В 15 т. — Л., 1994. — Т. 13. — С. 133.

[7] *Лосский Н.О.* Характер русского народа. — М., 2005. — С. 14, 58, 85, 100.

[8] *Катасонов В.Н.* Русский мир и православие. Труды по религиозно-философским аспектам русской культуры. — М., 2024. — С. 11–12.

[9] *Котляров И.Д.* Проблемы использования цифровых технологий при совершении пожертвований в Русской Православной Церкви // Христианское чтение. — 2024. — № 4. — С. 123.

В советский период эта традиция сохранялась — люди доверяли своему государству, партии. Можно было обратиться в исполком по месту жительства, партком на предприятии и получить соответствующую поддержку.

Активно разворачивающиеся в настоящее время процессы цифровизации способствуют утрате доверия. Увеличивается масштаб мошеннических операций с использованием цифровых технологий.

По данным МВД, за январь — июль 2025 г. в России зарегистрировано 424,9 тыс. преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Из них: 162 318 — с использованием средств мгновенного обмена сообщениями (Интернет-мессенджеры), 129 006 — с использованием методов социальной инженерии.

По информации Банка России, в I квартале 2025 г. было предотвращено 43,8 млн мошеннических операций на сумму 4,6 трлн рублей[10]. Причем в большей степени от таких действий мошенников страдают пожилые люди, привыкшие относиться с доверием к тем, кто вступает с ними в контакт.

Также растет количество правонарушений с использованием цифровых технологий в отношении детей, что способствует коррозии традиционных семейных ценностей. Детей втягивают в преступные группировки, заставляют совершать террористические операции, переводить деньги со счетов родителей, группы в Интернете склоняют несовершеннолетних к суицидальному поведению и т.д.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. говорится, что «достигнув высокого уровня социально-экономического и технологического развития, человечество столкнулось с угрозой утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов <...> все более разрушительному воздействию подвергаются базовые моральные нормы, религиозные устои, институт брака, семейные ценности. Абсолютизируется свобода личности, осуществляется активная пропаганда вседозволенности, безнравственности и эгоизма, насаждается культ насилия, потребления и наслаждения, легализуется употребление наркотиков, формируются сообщества, отрицающие естественное продолжение жизни. Проблемы межнациональных и межконфессиональных отношений становятся предметом геополитических игр и спекуляций, порождающих вражду и ненависть»[11]. Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей названа в Стратегии 2021 г. в качестве приоритетного направления.

Специалисты в области права подчеркивают необходимость создания в стране комплексной системы защиты ценностей в сфере информационной безопасности[12]. Обеспечение информационной безопасности рассматривается как осуществление взаимоувязанных правовых, организационных, оперативно-розыскных, разведывательных, контрразведывательных, научно-технических, информационно-аналитических, кадровых, экономических и иных мер по прогнозированию, обнаружению, сдерживанию, предотвращению, отражению информационных угроз и ликвидации последствий их проявления[13].

Отдельные документы, упорядочивающие влияние информационных технологий, в настоящее время приняты. Так, например, имеется Распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2023 г. № 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в РФ»[14]. В нем указывается, что деструктивное информационное воздействие способствует формированию у детей и подростков неправильного восприятия традиционных российских духовно-

---

[10] https://www.gazeta.ru/business/news/2025/05/16/25801796.shtml?utm_auth=false.

[11] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет портал правовой информации. — http://pravo.gov.ru/.

[12] *Митин А., Паршуков М.* Общечеловеческие, традиционные российские духовно-нравственные ценности в системе обеспечения информационной безопасности Российской Федерации // Право и управление. XXI век. — 2024. — № 1 (70). — С. 24–43.

[13] Там же. — С. 35.

[14] Распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2023 г. № 1105-р Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в РФ и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471-р. — https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406740607/.

нравственных ценностей, провоцирующего «психологический слом», следствием которого могут стать как депрессивное состояние, так и проявление девиантного поведения, повышенной агрессии к окружающим. В качестве одного из принципов обеспечения безопасности детей выступает сохранение и укрепление традиционных ценностей, противодействие распространению деструктивной информации.

Таким образом, отдельные шаги по упорядочению воздействия цифровых технологий на российские духовно-нравственные ценности в нашей стране предпринимаются, однако эта работа еще не приняла системного характера. Представляются необходимыми согласованные действия государственных, религиозных организаций традиционных конфессий, общественных, образовательных структур по выработке механизма передачи опыта поколений, разработке и осуществлению мероприятий по расширению влияния традиций на жизнедеятельность общества, системная разработка законодательных и нормативно-правовых актов, регламентирующих воздействие процессов цифровизации на российские традиционные ценности, определение соответствующих критериев.

Мусаев М.Т.
д.полит.н., доцент, с.н.с.,
зав. отделом Института социально-духовных исследований
при Республиканском центре духовности и просвещения, г. Ташкент

ТРАДИЦИОННЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: традиционные ценности, семейные ценности, национальная идентичность, культурное наследие, социализация, глобализация.
Key words: traditional values, family values, national identity, cultural heritage, socialization, globalization.

Национальная идентичность — это не только совокупность признаков, определяющих принадлежность к определённому этносу или нации, но и глубокое чувство связи с родиной, языком, культурой, образом жизни предков. Для Узбекистана как для государства с многовековой историей, уникальной цивилизацией и самобытной культурой, сохранение этой идентичности — стратегическая задача, от решения которой зависит и устойчивость общества, и успешность дальнейшего развития.

Одним из важнейших элементов, поддерживающих национальную самобытность, являются традиционные и семейные ценности. В узбекской культуре семья всегда занимала особое место как центр воспитания, передачи норм поведения, языка, религиозных представлений и трудовой этики[1]. С раннего возраста дети впитывают уважение к старшим, почитание родителей, стремление к честности, трудолюбию, щедрости и ответственности за род и общину.

Узбекские семейные традиции имеют глубокие корни. В них отражаются идеалы махалли — традиционного института соседского и родственного самоуправления, где взаимопомощь, коллективизм, взаимоуважение и уважение к обрядам являются основополагающими принципами общественного взаимодействия. Махалля по сей день играет ключевую роль в социализации молодежи, организации свадеб, религиозных праздников и помощи нуждающимся.

Семья в Узбекистане — это не только ячейка общества, но и хранительница культурного кода, через которую передаются знания об истории, национальных героях, языке, обычаях, традициях, устной поэзии, музыке и прикладном искусстве. Особая роль в этом процессе принадлежит старшему поколению, которое выполняет функцию наставничества. Почитание родителей и старших, глубокое уважение к предкам — важные черты узбекского этического сознания, закреплённые как в обычаях, так и в религиозной традиции.

[1] *Ахмедов А.Ш.* Семья и мораль в традиционном обществе Узбекистана. — Ташкент: Фан, 2001. — С. 45.

Несмотря на сохраняющийся высокий авторитет семейных ценностей, современный Узбекистан сталкивается с вызовами, аналогичными тем, что наблюдаются и в других странах. Это и влияние глобальных культурных трендов, и миграционные процессы, и массовая цифровизация, и появление новых форм досуга и коммуникации, не всегда соответствующих национальным традициям. Особенно уязвимым в этом плане является молодое поколение, подвергающееся влиянию транснациональных медиа, контента, не несущего в себе национально-культурных ориентиров.

Тем не менее, государственная политика Узбекистана активно направлена на сохранение и укрепление культурной самобытности. В Конституции Республики Узбекистан, а также в стратегических документах по развитию духовности и воспитания подчёркивается приоритет сохранения исторических и духовных ценностей. Особое внимание уделяется поддержке традиционной семьи, популяризации национальных обычаев, праздников, ремесел и узбекского языка.

Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев неоднократно подчёркивал, что воспитание молодежи в духе уважения к национальной культуре и истории — залог суверенитета и развития страны. В этой связи внедряются государственные программы по укреплению института махалли, развитию культурного образования, поддержке традиционных форм искусства и ремесленничества, формированию духовно-нравственного иммунитета у молодёжи.

Школьное и высшее образование дополняется воспитательными программами, нацеленными на формирование у учащихся уважения к семье, любви к родине, знанию истории и национальных героев. Воспитание в духе Узбекистана как общей Родины всех этносов и конфессий страны способствует укреплению межнационального согласия и толерантности, что также является важной составляющей национальной идентичности.

Кроме того, активную роль в укреплении семейных и духовных ценностей играют религиозные учреждения. Ислам, как традиционная религия большинства населения, акцентирует внимание на уважении к родителям, нравственности, честности, заботе о ближнем — тех нормах, которые лежат в основе как религиозного, так и культурного мировоззрения узбекского народа.

Важным фактором является и поддержка семейной модели с уклоном на многопоколенное сосуществование, при котором дети воспитываются не только родителями, но и бабушками, и дедушками. Это способствует более глубокой передаче традиционного знания, обычаев, языка и поведения. Такое воспитание обеспечивает устойчивость национального культурного фундамента даже в условиях внешних вызовов.

Таким образом, узбекское общество демонстрирует пример активного взаимодействия традиции и современности. В Узбекистане традиционные и семейные ценности не противопоставляются развитию и модернизации, а напротив, воспринимаются как духовный стержень, на котором возможно построение современного, справедливого и культурно устойчивого государства.

Сохранение и развитие этих ценностей требует постоянной поддержки со стороны государства, институтов образования, религиозных и культурных организаций, а также самих граждан. Именно на уровне повседневной жизни, в семьях, махаллях, школах, мечетях и культурных центрах происходит передача идентичности, формирование чувства национальной гордости и принадлежности к великой цивилизации, частью которой является Узбекистан.

В заключение следует отметить, что в современном мире, где нарастают процессы культурной стандартизации и индивидуализации, опыт Узбекистана по сохранению традиционных и семейных ценностей представляет собой важный пример для других стран. Глубокое уважение к своим корням, к семье, к духовному наследию позволяет узбекскому народу сохранять внутреннюю целостность, устойчивость к внешним вызовам и уверенно двигаться вперёд, сохраняя свою уникальность и богатое культурное наследие.

Список литературы

1. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. — М.: АСТ, 2003.
2. *Ахмедов А.Ш.* Семья и мораль в традиционном обществе Узбекистана. — Ташкент: Фан, 2001.

3. *Исламов Х.* Махалля как институт гражданского общества в Узбекистане // Общественные науки в Узбекистане. — 2019. — № 3.
4. *Хасанходжаев Б.* Этические нормы в традиционной культуре Узбекистана. — Ташкент: Истеъдод, 2015.
5. Доклад о молодежи в Центральной Азии / ЮНПФА. — 2021.
6. Конституция Республики Узбекистан (в редакции 2023 года). Статья 48.
7. Концепция развития системы национального воспитания в Республике Узбекистан до 2030 года. Утверждена Указом Президента от 28.09.2020 №УП–6079.
8. Речь Президента Республики Узбекистан на съезде молодежи. — 2022.
9. Программа «Тарбия» (Воспитание) / Министерство народного образования Узбекистана.
10. *Алимова Д.* Межэтническая толерантность и национальная идентичность. — Ташкент, 2020.
11. Коран. Сура «Аль-Исра», аят 23; хадисы пророка Мухаммада о почитании родителей.

Мягков П.А.
к.э.н.,
советник генерального директора ООО «Первый Юнит»
myagkov-petr2016@yandex.ru)

ЦИВИЛИЗАЦИИ, ПРОТОЦИВИЛИЗАЦИИ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФОРМАЦИИ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Ключевые слова: цивилизация, протоцивилизация развития, протоцивилизация стимулирования (разрушения), общественно-экономическая формация, эксплуатация, язык, цивилизационная цель.
Key words: civilization, proto-civilization of development, proto-civilization of stimulation (destruction), socio-economic formation, exploitation, language, civilizational goal.

Экономическая теория как на макроуровне, так и на микроуровне способна генерировать подсказки для практических шагов предпринимательского сообщества, для руководителей государств, министерств, ведомств, иных чиновников всех уровней управления, для экономически просвещенных граждан различных стран. Если для самой экономической теории некоторое несовершенство подходов или недостаточная четкость постановки вопроса чреваты необходимостью дополнительного исследования соответствующей области знаний, то для потребителей плодов экономической теории ошибки и неточности методов и способов экономического анализа чреваты как минимум экономическими потерями, разорением, а на уровне государств — спадом экономики, экономическим отставанием, а иногда и потерей экономического суверенитета.

Наиболее фатальные негативные последствия дают ошибки в фундаментальных подходах к формированию экономической теории. Одной из основополагающих из них является систематизация оценки результативности экономического развития мировой экономики, национальных экономик, государственных образований, отдельных внутригосударственных регионов, а также межгосударственных союзов и блоков. Одним из основополагающих подходов к такой систематизации был широко распространен так называемый формационный подход.

Формационный подход

Экономическое и социально-политическое развитие общества анализируется, оценивается, систематизируется, описывается, делится на этапы, структурируется по многим критериям и обеспечивается в различных терминологических и понятийных системах.

Наиболее распространенной системой, используемой при анализе экономического и политического развития отдельных стран, групп стран, является формационный подход, детально теоретически обоснованный и изложенный К. Марксом, Ф. Энгельсом и В.И. Лениным. Весь исторический период развития каждого государства условно в той или иной степени подразделяется на первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический этапы их развития с привязкой к типовым признакам соответствующей общественно-экономической формации. Этот подход создает значительные аналитические удобства для систематизации, сопоставления, группировки и иных методов анализа развития различных государств [Бодрунов, Глазьев, 2023; Бодрунов, 2020].

Иной подход к конструкции методологии экономического анализа был продемонстрирован, например, А.И. Колгановым, А.В. Бузгалиным, другими авторами. Называя предложенные формации «пятичленкой» [Колганов, Бузгалин, 2005, с. 122; Бузгалин, Колганов, 2003, с. 35], авторы предлагают параллельный анализ технологических укладов (доиндустриальный, индустриальный, постиндустриальный) [Колганов, 2018; Gorz, 1982], способов производства (первобытный, азиатский/античный, феодальный, буржуазный...) [Колганов, 2018] (посткапиталистический) [Drucker, 1993], формаций (первичной или доэкономической, вторичной или экономической и третичной, постэкономической), цивилизаций (восточной, евразийской, античной/европейской) [Колганов, Бузгалин, 2005, с. 132; Бузгалин, Колганов, 2003, с. 43].

Очевидно, что рамки так называемого «формационного подхода» при анализе всего многообразия мировой экономики оказываются слишком узкими, неоправданно упрощающими многоаспектность социально-экономического развития стран, что делает невозможным ответы на многочисленные вопросы и вызовы жизни. Например, в рамках формационного подхода невозможно ответить на вопрос о том, почему неоднократные попытки построения капитализма в России неизбежно заканчивались крахом, и, наоборот, почему полноценный, классический социализм не приживается в странах Западной Европы? В чем секрет взрывного роста экономики СССР, особенно в период индустриализации (на фоне глубочайшего экономического кризиса в развитых капиталистических странах), колоссального подъема экономики Китая в XXI веке, или Японии в XX веке? Почему капиталистические принципы хозяйствования (включающие ростовщичество и спекуляцию) не могут прижиться в арабских государствах?

Цивилизационный подход

Ряд авторов использует понятие «цивилизация» для изучения общественно-политического и экономического развития стран мира. Понятие «цивилизация» многоаспектно. Этот термин используется в различных понятийных системах[1].

Что же имеется в виду под понятием цивилизация?

Во-первых, категория цивилизация используется в историко-философском значении как человеческое общество в целом, как форма существования этого общества на Земле, охватывающая все человечество [например, Тейлор, 1868]. Такая характеристика общества является слишком обобщающей, описывающей человечество в целом в отличие от животного мира. Этот подход удобен для специалистов естественных наук, для изучения физиологических, биологических особенностей человеческой популяции. Нас же в рамках этого исследования интересует социально-экономический, политический аспект развития человеческого общества. Соответственно, указанное понятие цивилизации остается за пределами данной работы.

Во-вторых, цивилизация рассматривается как уровень социально-экономического, духовного, культурного развития общества. В этом смысле термин «цивилизация» одним из первых применил Адам Фергюсон [Фергюсон, 2000]. Это понимание цивилизации также находится за пределами нашего анализа. Подобный подход неизбежно приводит к тому, что страны сравнивают по уровню их развития и разделяют на цивилизованные и не очень цивилизован-

[1] А.И. Костяев и Н.Ю. Максимова в своей работе «Современная российская цивилизациология. Подходы, проблемы, понятия», опубликованной в 2008 году, обобщили многообразие различных подходов к определению и классификации цивилизаций [Костяев, Максимова, 2008]. Кроме того, различные подходы к классификации цивилизаций отражены у других авторов [например, Можайскова, 2001; Заров, 2004].

ные, именуя таковые дикими, варварскими [например, Морган, 1934]. Как представляется, этот подход не только оскорбителен по форме, но и несостоятелен с научной точки зрения. Он, в частности, понадобился колониальным завоевателям для юридического обоснования права собственности так называемых цивилизованных завоевателей на имущество и земли нецивилизованных дикарей (варваров), захваченных в ходе колониальных экспедиций [например, Leckie, 1968]. Полагаю, что любой профессиональный юрист с легкостью опровергнет имущественные права, обретенные столь варварским способом. Что касается экономистов и социологов, то, как представляется, любой порядочный из них вынужден был бы сделать вывод о недостаточной духовной зрелости людей, которые используют свое технологическое превосходство для силового захвата чужого имущества. В этом смысле, население колоний оказывалось духовно гораздо более развитым, чем их завоеватели.

В-третьих, объектом анализа являются цивилизации как национальные формы организации и развития общества, отличающиеся между собой своими фундаментальными характерными особенностями, например, в части организации государственности, экономического развития, языка и культуры, целей развития. Впервые несколько цивилизаций выделил Жозеф Артюр Де Гобино в работе «Опыт о неравенстве человеческих рас» в середине XIX века [Гобино, 1853]. Именно это понимание цивилизации является объектом нашего исследования. Весомый вклад в изучение национальных цивилизаций внес выдающийся русский ученый Николай Яковлевич Данилевский в своей работе «Россия и Европа» [Данилевский, 1995].

Цивилизации зачастую, но не всегда, имеют национальную и территориально-географическую привязку, хотя это не является обязательным признаком разделения цивилизаций. При этом административная принадлежность к тому или иному государству (особенно в форме империи) не является признаком отнесения к той же цивилизации, что и метрополия. Цивилизации существуют, развиваются, трансформируются в течение продолжительного исторического периода. Как и любое общество, цивилизация может зарождаться, возмужать, расцветать, дряхлеть и вырождаться. При этом жизненный цикл каждой цивилизации разный. Продолжительность жизненного цикла цивилизаций может различаться существенно, в разы, происходить в течение тысячелетий, приостанавливаться в своем развитии, как бы консервироваться на многие годы, а затем вновь под воздействием внешних или внутренних импульсов продолжать свое развитие.

В основании каждой цивилизации лежит народность, то есть общность людей, характеризующаяся единством территории, языка, традиций, обычаев, культуры. Как справедливо отмечал Н.Я. Данилевский, «всякая народность имеет право на самостоятельное существование в той именно мере, в какой сама его сознает и имеет на него притязание» [Данилевский, 1995, с. 20]. При этом не всякая народность может обеспечить себе это самостоятельное существование, и, тем более, стать основой цивилизации. Чаще всего народности постигает участь этнографического материала для другой цивилизации. «Каждая историческая национальность имеет свою собственную задачу, которую должна решить, свою идею, свою отдельную сторону жизни, которые стремится осуществить, — задачу, идею, сторону жизни, тем более отличные и оригинальные, чем отличнее сама национальность от прочих в этнографическом, общественном, религиозном и историческом отношениях» [Данилевский, 1995, с. 20].

Кроме собственной задачи каждая народность должна иметь достаточно духовных и физических сил для обеспечения своей независимости и самостоятельности, несмотря на многочисленные внешние воздействия и внутренние противоречия, подрывающие силы и возможности этой народности.

Помимо этого, народность должна обладать ярко выраженной самобытностью, то есть особым складом культуры, традиций, обычаев, истории, способов мышления, принципов хозяйствования. Особыми признаками самобытности являются язык общения, верования людей, мифы и легенды народности.

Именно эти особенности и позволяют выделять, классифицировать цивилизации, отделяя их от этнографического материала, используемого в интересах других народов.

Принципы и подходы к классификации могут быть разными.

Например, Н.Я. Данилевский вывел пять основных законов исторического развития человеческого общества, которые использовал для классификации цивилизаций [Данилевский, 1995, с. 77–78].

Цивилизационный подход при всем многообразии и многоаспектности, полипредметности анализа очевидным образом оказывает непосредственное влияние на экономическую, хозяйственную деятельность людей. Только в рамках цивилизационного подхода можно понять основные принципы хозяйствования, критерии принятия экономических решений. При этом даже в рамках одного государства, на территории которого трудятся представители разных цивилизаций, может быть принципиально различный подход к экономической теории, к принятию экономических решений.

Типология цивилизаций

На основании языковых и иных различий Н.Я. Данилевский выделяет одиннадцать сложившихся цивилизаций во всемирной истории [Данилевский, 1995, с. 78]: халдейская; еврейская; арабская; санскритская (индийская); иранская (персидская); эллинская (греческая); латинская (римская или древнеиталийская); германская (германо-романская, поглотившая кельтскую группу языков); славянская (прежде всего, русская); египетская; китайская.

По мнению Н.Я. Данилевского, потенциал мексиканской и перуанской цивилизаций не был реализован, они погибли «насильственною смертью и не успевшие совершить своего развития» [Данилевский, 1995, с. 74].

Выделяемые цивилизации, имеют много общего в своих истоках, в своем прошлом. При этом они радикально отличаются своими цивилизационными целями и задачами, а также методами достижения этих целей.

С. Хантингтон выделяет восемь, по его мнению, наиболее крупных цивилизаций [Хантингтон, 2004, с. 64]: Западная; Конфуцианская; Японская; Исламская; Индуистская; Православно-славянская; Латиноамериканская; Африканская.

Как представляется, такая систематизация цивилизаций является избыточно упрощенной, описывающей максимальное количество стран без учета уровня их зрелости и роли каждой страны в составе цивилизации. Здесь также отсутствует различие цивилизационных целей, обеспечивающих возможность выделения их именно как цивилизаций, а не как любого самобытного этнографического материала. Отдельные народы являются корневыми для цивилизации, что также усложняет критерии отнесения тех или иных государств к определенной цивилизации. Кроме того, в этой систематизации наличествует смешение критериев выделения цивилизаций (часть из них выделена преимущественно по географическому принципу, другая часть по вероисповеданию).

Существуют и другие классификации обществ. Например, по принципу родственности этих обществ А.Дж. Тойнби предлагает свою группировку обществ [Тойнби, 2008].

На основе вышесказанного представляется целесообразным дать свое определение цивилизации, включающее в себя основные критерии их выделения для формирования их классификации.

Таким образом, *цивилизация представляет собой человеческую общность, не ограниченную административными рамками официальных государственных границ, объединенную единым языком общения корневой нации* (или группой родственных языков), *имеющую политическую независимость* (или, в случае ее временной утраты, имеющую потенциальную способность восстановить политическую независимость), *направленную на реализацию осознанной этой общностью цели своего развития, обеспечивающую высокий уровень самобытного развития культуры, науки, искусства, религии, политических, гражданских, экономических и общественных технологий*.

Если руководствоваться предложенным определением цивилизации, то можно выделить следующие крупные цивилизации[2]:

1) *Англосаксонская цивилизация*, включающая в себя помимо Великобритании, Соединенные Штаты Америки, Канаду, Австралию (связующим является английский язык),

[2] В рамках данного исследования не будем рассматривать угасшие цивилизации, а именно Шумерскую цивилизацию, Византийскую цивилизацию, цивилизации Майя, Ацтеков, Инков, древнюю Египетскую цивилизацию, Эгейскую цивилизацию.

в которой корневым народом являются англосаксы (цивилизационная цель — обеспечение гражданам цивилизации привилегированного уровня жизни за счет мирового господства на базе безграничного обогащения любой ценой, используя ростовщичество, спекуляцию, интриги, провокации, шантаж, подкуп должностных лиц, а также преимущественно военный силовой захват чужого имущества и территории);

2) *Европейская цивилизация* (основанная на романо-германских языковых группах), в которой корневыми народами, помимо немецкого, являются французский, итальянский, испанский, португальский народы (цивилизационная цель — обеспечение гражданам цивилизации привилегированного уровня жизни за счет соучастия совместно с Англосаксонской цивилизацией в мировом господстве с использованием, в частности, дипломатических, политических, экономических рычагов и военной силы);
3) *Японская цивилизация* (японский язык), корневая японская нация (цивилизационная цель — обеспечение достойной жизни гражданам цивилизации в соответствии с принципами собственной морали и нравственности, завоевание регионального господства и обеспечение за счет этого дополнительной территории и материальных, людских ресурсов, превращение соседних наций и народностей в покорный этнографический материал);
4) *Иудейская цивилизация*, включающая в себя помимо Израиля многочисленные еврейские диаспоры, живущие во многих странах мира (связующими языками являются иврит и идиш), в которой корневым народом являются евреи (цивилизационная цель — обеспечение гражданам цивилизации высочайшего уровня жизни богоизбранного народа, прежде всего, на основе использования мировых финансов, спекуляции и ростовщичества, за счет вовлечения в этот процесс Англосаксонской, Европейской, Японской и других цивилизаций для достижения своих собственных целей);
5) *Китайская цивилизация* (включает в себя континентальный и островной Китай, китайские диаспоры, проживающие на территории других государств), корневая нация ханьцы, то есть китайцы (связующий язык — китайский (путунхуа), цивилизационная цель — обеспечение достойной жизни гражданам цивилизации в соответствии с принципами собственной морали и нравственности, безусловной гарантии собственной независимости и безопасности за счет мирового доминирования в экономике, развитие вооруженных сил до уровня, позволяющего противостоять любой агрессивной цивилизации);
6) *Русская цивилизация*, включающая в себя Россию, русскоязычную Украину, Белоруссию, русскоязычные диаспоры в других странах (корневые народности — русские, белорусы и украинцы, связующий язык — русский) (основная цивилизационная цель — обеспечение достойной жизни и гарантии всестороннего творческого созидательного труда каждому равноправному члену своего общества, социальной справедливости при распределении созданного богатства, опираясь на принципы общинности и соборности);
7) *Арабская цивилизация*, включающая в себя ОАЭ, Саудовскую Аравию, Ирак, Иорданию, Катар, Бахрейн, Йемен, Египет, Алжир, Тунис, Мавританию, а также народ Палестины (связующим языком является арабский язык), корневая нация арабы (цивилизационная цель — обеспечение достойной жизни гражданам цивилизации в соответствии с принципами исламской морали и нравственности, независимость цивилизации от любых агрессивных попыток иных цивилизаций по превращению граждан цивилизации в покорный этнографический материал);
8) *Индийская цивилизация* (связующий язык хинди), корневая нация хинди (цивилизационная цель — обеспечение достойной жизни гражданам цивилизации в соответствии с принципами собственной морали и нравственности, независимость цивилизации от любых агрессивных попыток соседних цивилизаций превратить граждан Индийской цивилизации в покорный этнографический материал).

Особенности жизненных циклов цивилизаций, тесно связанные с фундаментальными специфическими чертами соответствующего общества, предопределяют экономический, социальный, культурный, духовный набор инструментария, который можно применить для оценки

стадии развития цивилизации, ее потенциала к трансформации и адаптации к новым научно-техническим разработкам и технологиям, к сосуществованию с другими цивилизациями или противостоянию им.

Комплексный подход

Как представляется, цивилизационный подход к развитию общества не может и не должен противопоставляться формационному подходу. На это, в частности, неоднократно указывали в своих публикациях, на симпозиумах и конференциях такие выдающиеся экономисты, как д.э.н. А.И. Колганов, д.э.н. А.В. Бузгалин и д.э.н. Э.Н. Рудык [Колганов, Бузгалин, 2005; Бузгалин, Колганов, 2003]. Дело в том, что каждая цивилизация на определенном этапе своего жизненного цикла обретает черты той или иной общественно-экономической формации. Характерные особенности цивилизации, их национальная специфика обязательно накладывают отпечаток, прежде всего, на то, какая именно общественно-экономическая формация предпочитается цивилизацией, в каких формах эта формация будет реализована в рамках данной цивилизации и в течение какого периода времени эта формация будет существовать в рамках данной цивилизации. Так, Европейская, Англосаксонская, Японская цивилизация получили наиболее впечатляющее развитие при капиталистической формации. Русская и Китайская цивилизации показывают высокие показатели развития при социализме.

Кроме того, в зависимости от стадии жизненного цикла цивилизации (зарождение, возмужание, расцвет, дряхление и вырождение) может меняться энергичность и яркость формы проявления одних и тех же общественно-экономических формаций в разных цивилизациях. Помимо этого, представляется целесообразным учитывать уровень научно-технического развития в рамках цивилизации, а именно стадию развития цивилизации в доиндустриальный, индустриальный или постиндустриальный период развития общества.

Протоцивилизации

Помимо формационного и цивилизационного подходов при анализе развития общества представляется целесообразным учитывать то обстоятельство, что человеческое общество с древних времен разделялось как бы на две глобальные протоцивилизации.

Одна протоцивилизация существовала, преимущественно, за счет собственного труда, другая, в основном, за счет результатов чужого труда. В первой жили, в основном, труженики, во второй, в основном, воины, а также спекулянты и ростовщики. В первой создавалось основное богатство, а вторая жила за счет завоевания, захвата, а также перепродажи чужого имущества. В первой были созидатели, а во второй — захватчики, перекупщики. Целью первой было творчество, а второй — обогащение. В первой главной ценностью была социальная справедливость, а во второй — право сильного (закон джунглей). В первой было умеренное потребление, гармония с природой, а во второй страсть к люксовому потреблению, роскоши, потребительскому разрушительному отношению к природе. В основе первой лежит свобода от эксплуатации чужого труда, а в основе второй — эксплуатация чужого труда. Первая существовала в большей степени для души (для ее представителей важнее духовное богатство, чем материальный достаток), а вторая — для тела (высокая выгода может даже стать поводом для преступления). В первой основой собственности был труд, а во второй — присвоение, спекуляция, ростовщичество, захват чужого имущества.

Исходя из сказанного, будем называть первую протоцивилизацию *Протоцивилизацией Развития*, а вторую — *Протоцивилизацией Стимулирования (Разрушения)*.

Поясним, почему именно так предлагается именовать протоцивилизации. Очевидно, что создание продукции, вновь созданной стоимости имеет место во всех государствах, во всех цивилизациях, во всех протоцивилизациях. Принципиально важным является то обстоятельство, что созидание является или не является доминирующим для той или иной протоцивилизации. Для Протоцивилизации Развития созидание является основополагающей целевой установкой, в связи с чем, в конечном итоге, эта протоцивилизация обеспечивает развитие всего человечества. С другой стороны, для Протоцивилизации Стимулирования (Разрушения) функция со-

зидания направлена, прежде всего, на создание и совершенствование оружия, инструментов агрессии и завоевания, захвата чужих территорий, ресурсов и имущества. Иными словами, Протоцивилизация Стимулирования (Разрушения) преимущественно существует не за счет результатов собственного труда, а благодаря насильственному присвоению продуктов чужого труда, то есть эта протоцивилизация ведет паразитический образ жизни. В биологии паразитам отводится роль стимулирования развития основных биологических видов жизни. Если паразиты развиваются до такой степени, что становятся доминирующими, то они уничтожают, разрушают те виды биологической жизни, за счет которой они существуют. При этом погибают, в конечном итоге, и паразиты. По аналогии с паразитологией, представляется целесообразным именовать паразитическую Протоцивилизацию, существующую за счет присвоения результатов чужого труда, Протоцивилизацией Стимулирования (Разрушения).

Эти протоцивилизации не имели четко выраженных, явных географических границ, национальных принадлежностей. Они часто взаимопересекались, взаимопроникали друг в друга. Но при этом каждый отдельный член любого сообщества достаточно четко самоидентифицировал себя в части принадлежности к той или иной протоцивилизации.

Формирующиеся социальные общности людей придерживались разного жизненного уклада — кочевого или оседлого, или того и другого. При накоплении подавляющего большинства членов сообщества, самоидентифицирующих себя как труженики, сообщество становилось носителем Протоцивилизации Развития. И, наоборот, если критическую массу формируемого сообщества составляли воины, спекулянты, ростовщики, то это сообщество неизбежно становилось носителем Протоцивилизации Стимулирования (Разрушения).

Помимо индивидуальной самоидентификации по мере развития социальных групп происходили процессы групповой, коллективной самоидентификации в части принадлежности к той или иной протоцивилизации, которые постепенно достигали уровня национальной самоидентификации. При этом, несмотря на возможные существенные национальные различия, отличия языка, культуры, народы самоидентифицировали себя в части принадлежности к одной и той же протоцивилизации и в этом смысле они были *идентичными, близкими по духу, по принципам жизни, по целеполаганию*.

Эти два вида протоцивилизации существовали всегда, когда существовало человеческое сообщество, и будут существовать до конца бытия человечества. Численность приверженцев обеих протоцивилизаций постоянно меняется по мере самоидентификации каждого члена общества.

Человеческие сообщества на определенной стадии своего развития, обособленные природными, географическими, административными границами, национальными особенностями, технологическими и научно-техническими достижениями, культурными, языковыми ограничениями, стали формировать устойчивые самоидентифицируемые независимые общности людей, движимые осознанной ими целью, что позволяло формировать в рамках протоцивилизации *самостоятельные цивилизации*. Эти новообразования в отличие от протоцивилизации имеют ограниченный срок существования, свой жизненный цикл, состоящий из зарождения, возмужания, расцвета, дряхления и вырождения.

Цивилизация, как правило, имеет национальную окраску, может иметь региональную привязку, опирается на специфику культуры, религии, философии, социологии, политики, экономики, языка сообщества. При этом цивилизация может охватывать несколько народностей, в ряду которых могут выделяться наиболее пассионарные, которые можно именовать коренными народами цивилизации. Объединяющей эти народы в цивилизацию является целевая установка цивилизации. Неизменной особенностью любой цивилизации является ее принадлежность к породившей их протоцивилизации, которая не меняется в течение всего жизненного цикла цивилизации, а также находит свое отражение в целеполагании цивилизации. Так, Европейская, Англосаксонская, Иудейская цивилизации остаются в течение всего периода своего существования представителями Протоцивилизации Стимулирования (Разрушения).

Как правило, цивилизации, основанные на Протоцивилизации Развития, склонны к коллективным формам труда и взаимодействия (например, Русская цивилизация), а цивилизации, сформировавшиеся на базе Протоцивилизации Стимулирования (Разрушения), ис-

пользуют, как правило, индивидуалистические подходы к организации труда (например, Англосаксонская или Европейская цивилизации). Такое деление на коллективистские и индивидуалистические формы организации общества изучал, в частности А.А. Ивин [Ивин, 2017, с. 26], Г. Ганс [Gans, 1988] и многие другие.

Заключение

Таким образом, представляется целесообразным при комплексном анализе развития экономики и политической системы любой страны осуществлять его параллельно [Мягков, 2021; Мягков, 2025] в следующих направлениях:

1) протоцивилизационном (форму какой протоцивилизации, Развития или Стимулирования (Разрушения), представляет это государство);
2) цивилизационном (в рамках какой или каких цивилизаций и в какой роли, то есть корневой или этнографического материала, выступает основная народность, населяющая это государство; уровень реализации цивилизационной цели; на какой стадии развития находится цивилизация — зарождения, возмужания, расцвета, дряхления или вырождения);
3) формационном (в рамках какой общественно-экономической формации находится это государство и на какой стадии развития формации);
4) научно-техническом (на каком этапе развития научно-технического прогресса находится данное государство, доиндустриальной, индустриальной или постиндустриальной).

Как представляется, это позволит более детально и адекватно охарактеризовать уровень развития, текущее состояние и вектор дальнейшей динамики экономики и политической составляющей любого государства.

Список литературы

1. *Бодрунов С.Д.* Ноономика: траектория глобальной трансформации. — М.: ИНИР; Культурная революция, 2020. — 224 с.
2. *Бодрунов С.Д., Глазьев С.Ю.* Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте; М.: Центркаталог, 2023. — 340 с.
3. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Теория социально-экономических трансформаций. (Прошлое, настоящее и будущее экономик «реального социализма» в глобальном постиндустриальном мире). — М.: ТЕИС, 2003. — 680 с.
4. *Гобино Ж.А. де.* Опыт о неравенстве человеческих рас. — М.: Олма-Пресс, 2001. — 764 с.
5. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. — 6-е изд. / предисловие Н.Н. Страхова; статья К.Н. Бестужева-Рюмина; составление, вступительная статья и комментарии А.А. Галактионова. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, Издательство «Глаголъ», 1995. — 514 с.
6. *Заров Д.И.* Цивилизационные процессы в современном общественном развитии. — Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2004. — 74 с.
7. *Ивин А.А.* Социальная эпистемология. Человеческое познание в социальном измерении. — М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. — 571 с.
8. *Колганов А.И.* Путь к социализму: пройденный и непройденный. От Октябрьской революции к тупику «перестройки». — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 400 с.
9. *Колганов А.И., Бузгалин А.В.* Экономическая компаративистика. — М.: ИНФРА-М, 2005. — 746 с.
10. *Костяев А.И., Максимова Н.Ю.* Современная российская цивилизациология: Подходы, проблемы, понятия. — М.: ЛКИ, 2008. — 328 с.
11. *Можайскова И.В.* Духовный образ русской цивилизации и судьба России (Опыт метаисторического исследования). В 4 ч. Ч. I. Религиозные начала цивилизационной структуры и духовные истоки русской цивилизации. — М., 2001. — 560 с.
12. *Морган Л.Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. — Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. — 350 с.

13. *Мягков П.А.* Комплексный анализ цивилизаций и общественно-экономических формаций // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Материалы VII международной научно-практической конференции (27–29 ноября 2024 г.) Ежегодник. В 4 ч. — М.: Издат.дом «УМЦ», 2025. — Вып. 8, ч. 4.
14. *Мягков П.А.* Новая экономическая теория. Русская политическая экономия как антипод Английской политической экономии. — 2021. — 728 с. — https://ridero.ru/books/novaya_ekonomicheskaya_teoriya/?ysclid=mjbl9rc8aj954089834.
15. *Тейлор Э.Б.* Доисторический быт человечества и начало цивилизации / пер. с англ. Е. Валицкого; под ред. проф. Имп. Мос. ун-та Ф. Мильгаузена, — М.: Д.И. Преснов, 1868. — 508 с.
16. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. — М.: Айрис-пресс, 2008. — 640 с.
17. *Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества / пер. с англ. И.И. Мюрберг; под ред. М.А. Абрамова. — М.: РОССПЭН, 2000. — 389 с.
18. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. — М.: АСТ, 2014. — 571 с.
19. *Drucker P.F.* Post-capitalist society / Harper Business. A Division of Harper Collins Publishers. — 1993. — 230 p.
20. *Gans H.J.* Middle American individualism: the future of liberal democracy. — New York, 1988. — 210 p.
21. *Gorz A.* Farewell to the Working Class. An Essay on Post-Industrial Socialism / Translated by M. Sonenscher. — London, 1982. — 150 p.
22. *Leckie R.* The Wars of America. — New York; Evanston; London, 1968. — 1023 p.

Оу Гуаньюань
аспирант Кафедры философии,
Забайкальский государственный университет, г. Чита
792673690@qq.com

ОБРАЗ РОССИИ В КИТАЕ: ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О КИТАЙСКО-РОССИЙСКОМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Ключевые слова: китайско-российские отношения, образ России, политическое взаимное доверие, экономическое сотрудничество, культурный обмен, общественное мнение.
Key words: Chinese-Russian relations, Russia's image, political mutual trust, economic cooperation, cultural exchange, public opinion.

В современных международных условиях, как пишут Ван Чжифан и Чжан Дань, китайско-российские отношения имеют огромное значение для регионального и глобального мира, для стабильности и процветания, так как они вступили в новый этап всеобъемлющего стратегического сотрудничества и партнерства[1]. С углублением стратегического партнерства между Китаем и Россией изменилось восприятие образа России, который оказывает непосредственное влияние на двустороннее сотрудничество. Ее имидж претерпел историческую эволюцию и представляет собой сложную систему, сформировавшуюся в результате интеграции многих факторов, оказавших глубокое влияние на становление общественного мнения о китайско-российском социально-экономическом сотрудничестве. А культурные универсалии

[1] 王志芳,张丹.人类命运共同体视野下中俄经济合作依存路径研究[J].东北亚经济研究, 2025, (06):51. [*Ван Чжифан, Чжан Дань*. Исследование пути взаимозависимости китайско-российского экономического сотрудничества с точки зрения общности человеческих судеб // Экономические исследования в Северо-Восточной Азии. — 2025. — № 6. — С. 51]. DOI:10.19643/j.cnki.naer.

России сформировали основные когнитивные рамки ее восприятия. Политические визиты на высоком уровне укрепили взаимное доверие, и китайский народ признал статус России как великой державы, что определило и перспективы китайско-российских отношений. Сотрудничество в экономической области преобразило образ России от «ресурсной державы» к «всестороннему партнеру», обладающему дополнительными преимуществами и расширяющему пространство сотрудничества. Культурные обмены укрепили общение между людьми и сформировали имидж страны как «культурной державы». Противоэпидемическое сотрудничество показало истинное отношение России к страданиям людей и укрепило основы общественного мнения. Молодежные образовательные и культурные обмены заложили основы для взаимного уважения, придавая новую жизненную силу долгосрочному развитию отношений между двумя странами. В этом контексте углубленное исследование восприятия образа России в Китае и его влияния на формирование общественного мнения о китайско-российском социально-экономическом сотрудничестве, имеет как теоретическое, так и практическое значение.

В китайско-российских отношениях образ России является невидимой, по словам Чжао Аигуо и Ли Цзе, но прочной связью, обеспечивающей их[2]. Исторические обмены заложили когнитивный фундамент отношений между двумя странами. Высокий уровень взаимного доверия позволил китайскому народу признать политическое влияние России и создавать прочную основу для координации экономической политики. На этом фоне, по замечанию Чжан Цяо, Китай стал всесторонним партнером, расширяя диапазон сотрудничества, что укрепляет общественное мнение и доверие[3].

Имидж России в Китае подобен яркому зеркалу, отражающему общественное мнение о китайско-российском социально-экономическом сотрудничестве. Как пишут Сюэ Цзюнь и Тао Линь, историческое наследие очерчивает когнитивный контур, а глубокое сотрудничество оформляет разнообразный образ[4]. В политическом плане стабильная политическая ситуация в России и активная дипломатия создают образ ответственной державы, которая обеспечивает хорошую политическую атмосферу для политического общения и сотрудничества. А в экономической сфере, пишет Тян Хонмин, результаты сотрудничества демонстрируют рыночный потенциал и искренность[5], стимулируя положительные ожидания для общественного мнения. В свою очередь культурные обмены, как пишет У Хэ, способствуя культурной интеграции и взаимопониманию, воздействуют на общественное мнение результативностью мероприятий, которые демонстрируют единство между народами, повышают узнаваемость и формируют общественное мнение[6]. Таким образом, можно сказать, что на процесс формирования образа России воздействуют несколько факторов. Доминирующим, конечно, являются китайско-российские отношения. Но формирование общественного мнения зависит не столько от опосредованного, сколько от непосредственного восприятия России.

Опосредованное восприятие оформляется благодаря информации о России как о «надежном стратегическом партнере», как о «поставщике энергии», как о «военной державе, демон-

---

[2] 赵爱国,李洁.论俄罗斯文化符号学的“文化认知”特性[J].中国俄语教学, 2025, (01): 5. [*Чжао Аигуо, Ли Цзе.* О характеристиках «культурного познания» в русской культурной семиотике // Преподавание русского языка в Китае. — 2025. — №.1. — С. 5].

[3] 张娇.《俄语、俄罗斯文化和文学的海外传播及国内外合作路径》汉译实践报告[D].黑龙江大学: 2024.: 47. [*Чжан Цяо.* Отчет о практике перевода текста «Зарубежное распространение русского языка, русской культуры и литературы и пути сотрудничества между внутренними и внешними сторонами» // Хэйлунцзянский университет. — 2024. — С. 47]. DOI: 10.27123/d.cnki.ghlju.2024.000265.

[4] 薛君,陶林.“一带一路”视角下的中俄合作：机遇、挑战与对策[J].财富时代, 2022, (02): 61. [*Сюэ Цзюнь, Тао Линь*. Китайско-российское сотрудничество с точки Зрения «Пояса и пути»: возможности, вызовы и контрмеры // Эпоха богатства. — 2022. — № 2. — С. 61].

[5] 田洪敏.俄罗斯现代性释义的区域历史意识 — 以《剑桥现代俄罗斯文化指南》为中心[J].河南大学学报(社会科学版), 2023, (06): 73. [*Тян Хонмин*. Региональное историческое сознание в толковании современной России — с фокусом на «Руководство по современной русской культуре» издания Кембриджского университета // Журнал Хэнаньского университета (Серия по социальным наукам). — 2023. — № 06. — С. 73]. DOI: 10.15991/j.cnki.411028.2023.06.013].

[6] 吴贺. 北域强邻:近代以来中国人的俄国印象[J].南京政治学院学报, 2015 年, (04) 页: 73页 *[У Хэ*. Сильные соседи на Севере: впечатление китайцев о России с новейших времен // Журнал Нанкинского института политических наук. — 2015. — № 4. — С. 73]. DOI:10.13231/j.cnki.jnip.2015.04.014].

стрирующей свое могущество на военном параде». Этот образ является следствием не только стратегического консенсуса Китая и России, по замечанию Сюэ Цзюнь и Тао Линь, но и реального результата от проектов сотрудничества, таких как газопровод «Сила Сибири-1» или трансграничное сотрудничество[7]. По замечанию Тян Хонмина, на уровень общественного мнения, в меньшей степени, влияет «подписание соглашений между странами», чем российская мука в супермаркете, российское мороженое в торговом центре как результат торговых соглашений. Эти видимые и осязаемые детали быта людей являются живым фоном, на котором строится восприятие образа России[8].

На позитивный имидж России, определяющий общественное мнение, влияют история, реальность, коммуникация. Память о сотнях лет добрососедских отношений между Китаем и Россией, опыт взаимопомощи «посеяли семена» естественной близости между народами двух стран. У Хэ отмечает, что «взаимовыгодное сотрудничество» — это больше не лозунг, а повседневная жизнь с более стабильным отоплением, магазинные полки с российскими продуктами[9]. Если официальные СМИ публикуют информацию о стратегическом сотрудничестве, то частные Интернет-СМИ предлагают небольшие видеоролики о том, как китайские и русские друзья ужинают; как международная электронная коммерция продает российский мед и шоколад; знакомит с мнением китайских туристов, побывавших в России и бизнесменов, имевших дело с русскими партнерами, которые, отражая коллективные впечатления, говорят о русских людях как о «прямолинейных», «любящих» и «стойких до мозга костей». Таким образом, стабильное общественное мнение о социально-экономических отношениях поддерживается традиционной дружбой и реальными интересами, хотя периодически западные СМИ занимаются их фальсификацией, но, тем не менее, этот факт становится серьезной проблемой для укрепления основ общественного мнения.

Дальнейшее развитие общественного мнения о китайско-российском социально-экономическом сотрудничестве имеет свои перспективы, хотя и сталкивается с некоторыми проблемами. Это обусловлено тем, что общественное мнение неоднородно, так как обладает очень широким спектром выражения субъективного мнения, которое обусловлено как профессиональной деятельностью, образованием, так и личными впечатлениями. Чжан Хэньцзюнь, Шань Ляньтао и Пань Цзиньян замечают, что, например, жителей Северо-восточных провинций интересует приграничная транспортная логистика, а центрального Китая — русский балет[10]. Если люди старшего поколения все еще говорят о старой дружбе и старых партнерах, то молодежь — о поездке на озеро Байкал. В настоящее время большинство обменов — это образовательные программы, встречи ученых и партнеров по бизнесу, проведение художественных выставок. У обычных людей, как пишет Ли Суянь, слишком мало возможностей пообщаться лицом к лицу и завести друзей, так как контакты больше носят фрагментальный характер[11]. Данные факторы влияют и на формирование общественного мнения.

---

[7] 薛君,陶林.“一带一路”视角下的中俄合作：机遇、挑战与对策[J].财富时代, 2022, (02): 62. [*Сюэ Цзюнь, Тао Линь*. Китайско-российское сотрудничество с точки Зрения «Пояса и пути»: возможности, вызовы и контрмеры // Эпоха богатства. — 2022. — № 2. — С. 62].

[8] 田洪敏.俄罗斯现代性释义的区域历史意识 — 以《剑桥现代俄罗斯文化指南》为中心[J].河南大学学报(社会科学版), 2023, (06): 74 [*Тян Хонмин*. Региональное историческое сознание в толковании современной России — с фокусом на «Руководство по современной русской культуре» издания Кембриджского университета // Журнал Хэнаньского университета (Серия по социальным наукам). — 2023. — № 06. — С. 74]. DOI: 10.15991/j.cnki.411028.2023.06.013].

[9] 吴贺. 北域强邻:近代以来中国人的俄国印象[J].南京政治学院学报, 2015 年, (04) 页: 73页 [*У Хэ*. Сильные соседи на Севере: впечатление китайцев о России с новейших времен // Журнал Нанкинского института политических наук. — 2015. — № 4. — С. 73]. DOI:10.13231/j.cnki.jnip.2015.04.014].

[10] 张恒军,单良涛,潘婧妍. 中国文化东北亚传播研究报告(2020～2022):俄罗斯篇[J].中华文化海外传播研究,2024, (01): 55 [*Чжан Хэньцзюнь, Шань Ляньтао, Пань Цзиньян*. Исследовательский доклад о распространении китайской культуры в Северо-Восточной Азии (2020–2022): Россия // Исследования по распространению китайской культуры за рубежом. — 2024. — №. 1. — С. 55].

[11] 李随安.半个世纪以来俄罗斯形象在中国的变化[J].湖南工业大学学报(社会科学版), 2008年, (05)页: 52页. [*Ли Суянь*. Изменения в имидже России в Китае за последние полвека // Журнал Хунаньского технологического университета (издание по общественным наукам). — 2008. — № 5. — С. 52].

Отличительным признаком являются приграничные районы, где межкультурная коммуникация между странами более доступна для открытого обмена. Так, например, между китайским городов Хэйхэ и российским Благовещенском мост дружбы через Амур служит площадкой совместных культурных мероприятий, организаторами которых становится население этих городов. Совместные культурные программы, ярмарки, мероприятия, посвященные праздничным событиям, становятся реальным основанием для формирования общественного мнения. Поэтому неслучайно китайские философы пишут, что необходимо чаще проводить «китайско-российские сельские встречи», танцевальные конкурсы, молодежные и детские лагеря, что позволит обычным людям посидеть вместе и пообщаться[12]. И рекомендуют — в средствах массовой информации официальные формулировки, например, «углубление стратегического сотрудничества», конкретизировать информацией о реальных и конкретных мероприятиях и фактах сотрудничества — «Импорт российской сои стабилизировал цены на соевое масло». Это обеспечит понимание стратегического сотрудничества и узнаваемость его результатов.

Как мы уже отмечали, формирование общественного мнения в молодежной среде происходит в результате образовательных обменов. Современная молодежь амбициозна, стремится к карьерному росту, к достижению желаемых результатов. Она увлекается цифровой экономикой, зеленой энергетикой, киберспортом, культурой и творчеством. Она участвует в китайско-российских конкурсах молодежного предпринимательства, стремится к инновациям. Она не только становится народной дипломатией для двух стран, но и непосредственным транслятором и регулятором общественного мнения. А, следовательно, она должна иметь больше возможностей для культурного диалога.

Взяв за основу изучение имиджа России в Китае, мы обсудили ключевой вопрос «Как национальный имидж воздействует на общественное мнение о китайско-российском социально-экономическом сотрудничестве», подтвердив, что образ России в Китае представляет собой трехмерную когнитивную систему, состоящую из национальных характеристик, характера людей и восприятия сотрудничества. Его формирование основано на взаимообусловленности исторического наследия, возможностей реального сотрудничества и скоординированного распространения информации должностными лицами через СМИ. Общественное мнение, сформированное на этой основе, демонстрирует такие характеристики, как универсальность идентичности, когнитивные различия и стабильность отношений.

Для укрепления фундамента общественного мнения необходимо создание системы, включающей следующие шаги: «оптимизация имиджа — формирование общественного мнения — углубление сотрудничества». А для скоординированной коммуникации между должностными лицами и гражданами необходимо создать долгосрочный механизм между программами сотрудничества и средствами формирования общественного мнения, что позволит предотвращать риски, связанные с негативным влиянием на общественное мнение. Это подтверждает, что общественное мнение является барометром и источником энергии двустороннего сотрудничества. Как показал анализ данной проблемы, сегодня в академических кругах Китая наблюдается ограниченный объем ее исследований. Проблемы влияния геополитики на коммуникационные технологии, на когнитивные способности людей остаются малоизученными.

Подводя итог, можно сказать, что укрепление основ китайско-российского сотрудничества является неизбежным условием стабильности и долгосрочных отношений. Только при наличии имиджа в качестве связующего звена; культурных обменов в качестве моста и средств к существованию людей, мы сможем придать китайско-российскому всеобъемлющему стратегическому партнерству долгосрочную жизнеспособность на основе сотрудничества между народами двух стран.

[12] 张惠芹,周姗.增强跨文化对话意识,培养多元化特色人才 — 首届“俄语专业特色教学”国际研讨会纪要[J].中国俄语教学, 2013年, (03)页: 95页. [*Чжан Хуэйцинь, Чжоу Шань*. Повышение осведомленности о межкультурном диалоге и взращивание разносторонних талантов: протокол первого международного симпозиума на тему «Преподавание русского языка с особенностями» // Преподавание русского языка в Китае. — 2013. — № 3. — С. 95].

Пястолов С.М.
д.э.н., профессор,
гл.н.с. Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН

АРХЕОЛОГИЯ И АРХИТЕКТУРА ЦЕННОСТЕЙ

Ключевые слова: защита традиционных ценностей, государствообразующий народ, семантические поля, лексический комплекс «МИР».
Key words: protection of traditional values, state-forming people, semantic fields, lexical complex “WORLD”.

Вопрос о ценностях в эпоху метамодернизма «наталкивается» на Великую пустоту. В современной физике пустота парадоксальна: из неё получается всё, но ты не можешь на неё опереться. Но в момент великих испытаний опора на неизбывное жизненно необходима. Здесь, по-научному, следует обратиться к археологии ценностей. Казалось бы, есть решение: «Указ о ценностях» вышел 12.11.2022, но, как обычно бывает, самое ценное спрятано глубоко, его можно обнаружить только по знакам на поверхности.

Таковы, например, «детские» вопросы: почему «русофобия» пишется с одной «с», а «русский» и его производные — с двумя? Или: Почему на титульной странице переиздания знаменитого труда Владимира Даля (издательство «Русский язык», 1989) написано «Толковый словарь живо**г**о великору**сс**кого языка», а первое издание: «Толковый словарь живо**а**го великору**с**кого языка» (1863)?

Предлагаемые ответы оказываются непростыми и, в то же время, важными для уточнения рисков «духовной безопасности» страны, обоснования мер против «ослабления государствообразующего русского народа, разрушения системы ценностно-смысловых координат русского языка». Такого рода формулировки из заключения экспертов Общественной палаты от 12.11.2022 по итогам обсуждения проекта Указа № 809, не попали в итоговый документ; мы же считаем, что приоритет № 8: «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» нуждается в ряде разъяснений[1].

По нашему разумению, «Указ о языке» от 11.07.2025, по сути, выдвигает значимый эскиз гражданской идентичности и некоторые наброски к архитектурам общественного сознания, мировоззрения, моральных, духовных и жизненных приоритетов. Определим три краеугольных камня новой архитектуры «Основ государственной языковой политики Российской Федерации». Это тезисы о:

(1) «более чем тысячелетнем опыте самостоятельной государственности» страны (II, п. 8);

(2) «государствообразующем народе» (II, п. 10);

(3) «единой культурно-цивилизационной общности» (II, п. 11).

С учётом истории обсуждений аналогичных позиций в Конституции РФ, может, и не стоит возвращаться к вопросам, например, о «русском народе» как «государствообразующем»: так прямо «Указ о языке» не утверждает, речь идёт о языке; или, если Советский Союз «сплотила Великая Русь», то кто будет решать сегодня более сложную задачу создания некоего аналога — «единой общности».

Попробуем, углубиться в археологию. Написание слова «русский» через две «с» встречается еще в допетровских (Петра I) манускриптах, как орфографическое правило это закреплялось после того, как Михайло Ломоносов опубликовал «Российскую грамматику» (1757) в формате учебного пособия для иностранцев (в переводе «Rußische Grammatick», 1764). По факту, Ломоносов совершил редукцию «Грамматики славенския правилное синтагма[2]« (1619) Мелетия Смотрицкого, переложив её с киевского извода церковно-славянского языка на «московскую мову».

---

[1] Газетную версию доклада см.: *Пястолов С.М., Задорожнюк И.Е.* Семантический суверенитет // Независимая газета. Наука. 21.10.2025. — https://www.ng.ru/science/2025-10-21/10_9364_sci_02.html.

[2] В прежние времена термином «синтагма» обозначалась совокупность слов, изложенных по правилам сочетаемости.

Редукция языка, академически инициированная Ломоносовым, в России осуществлялась с определёнными сложностями (припомним протесты адмирала Александра Шишкова, сначала критикуемого, а затем почитаемого другим Александром — Пушкиным, или врача Владимира Даля, его друга, или многих иных) — и не только из-за сдвоенных «с». Распространённая версия объяснения этой сдвоенности такова: одна буква «с» читается как [З] понемецки, поэтому пришлось сдвоить, чтобы получалось [с]. Однако «русофобия», да и много других слов с одним «с» из этого ряда как-то выпадает.

Одна из проблем, на наш взгляд, заключается в том, что новая грамматика отвергала нормы «староруские», не менее, если не более смыслонасыщенные, чем вновь формируемые. Две «грамматики», а также как минимум две версии языкознания существовали практически параллельно до 1950 г. (вспомним дискуссии марристов с оппонентами).

Поэтому в оптике архитектуры при выборе версии 2-х «с», возникает вопрос не столько о грамматике, сколько о семантической сочетаемости с другими элементами языковой культуры дружественных народов. Кроме того, у «единой культурно-цивилизационной общности» (см. тезис 3) должна быть группа языков со схожей архитектурой. Англосаксы с этой целью выбрали путь упрощения, и так появились «Pidgin English», «Basic English», «Simplified Technical English» etc. У нас была другая концепция «глобализации» — не опускание, а подъём к более высоким уровням культуры и самоосознания братских народов. «Цивилизационнообразующим» народом была призвана стать вновь создаваемая общность — «советский народ».

Но какой народ может стать сегодня правопреемником советского — русский, руский или иной? Интересно отметить, что противники СССР в информационных войнах «советских» называли «русскими» везде, где это было возможно. И это сработало. Дипломаты и политработники позднего Союза поддержали эту линию: «да да, ещё императрица заметила, что Россия происходит от имени розы». Есть ещё варианты этимологии: от слов «рысь», «рыжий», может ещё — от норманских гребцов, но, всё равно, мы — за мир, мы никому не указываем как жить и не угрожаем.

Это было, по факту, присоединение к зарождавшейся концепции метамодернизма, которая, помимо прочего, содержит представление о множественности самых разнообразных миров. Казалось бы, чисто теоретическая и даже фантастическая концепция, но её фрактальные проявления становятся всё явственнее: общественные миры всё более обособляются, перестают узнавать друг друга. Концепция в политическом аспекте изначально была ориентирована на экспорт её разработчиками, хотя её основные тезисы были вынесены на политический Олимп только в 2020 г. в одном из докладов Римскому клубу (до этого использовались другие наименования: теория хаоса и т.п.). Самая большая опасность становится очевидной для России только сегодня, когда раскрываются моменты, связанные с особенностями информационных войн: разрушаются столпы («скрепы»), обозначенные в нашем перечне как тезисы 2 и 3.

Действительно, западные осколки прежде великой империи продолжали развивать своё языкознание, в основном, «по Смотрицкому». Судьба этого церковного и общественного деятеля Юго-Западной Руси и Великого княжества Литовского, архиепископа Полоцкого Мелетия (в миру — Максим Герасимович Смотрицкий) может послужить своеобразным уроком. В начале своей деятельности он выступал против унии с католиками, но в 1628 г. изменил позицию и стал призывать православных присоединяться к католицизму, потерпел гонения от православной братии, потерял старых друзей и в 1633 г. в Дерманском монастыре «умре в таком зломудрии своем»[3].

Россия же всё усерднее старается устроить свой «великий и могучий» на жестком ложе немецких «прокрустов» (немцами прежде называли людей, не умеющих изъясняться поруски). Современные его «радетели» возбуждаются, например, когда старший офицер запаса Вячеслав Куланов предлагает объяснение версии с одной «с»: «рус-кий» означает буквально «указывающий кием на русла» судоходных рек — путей («из варяг в греки» и т.п.), а по смыслу — «знающий путь».

---

[3] «Острожский летописец» (указана дата смерти М. Смотрицкого: «1629»). — https://web.archive.org/web/20130927072907/http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1500-1520/Maloizv_let_pamjatniki/4.htm.

Интересна идея Владимира Яшкардина о значении слов-слогов «Р+гласная» как обозначений различных видов энергии: «Ру», в этом случае, энергия, знающая свой путь (пример: ручей), или энергия управления. Тогда, «Русь» будет означать светлая энергия управления, установленная в пространстве. Ещё одна идея: об артефактах — местах и источниках силы способна придать совершенно новую форму всей архитектуре пространств Руси. Такие артефакты называли «киями», их собирали в построенных на особых местах киев-градах (таковыми, по всей видимости, являлись крепости — звезды). И уже вокруг таких градов, под их защитой и, запитываясь их энергией, разрастались посады.

В лучшем случае, энтузиастов, разрабатывающих такого рода идеи, назовут сегодня «фолк-лингвистами», отнесут к разряду «народной этимологии», рассматриваемой как лженаука. Отдельные профессиональные лингвисты охотнее пишут серии научных трудов о языковых «новациях» реперов-матерщинников и любителей психотропных веществ. А в это же время миры различных ранее близких этнических культур всё более отдаляются друг от друга.

Нередко включается формула: «Россия = цивилизация», однако, если принять её за основу, дальняя ретроспектива и видимая перспектива ее судеб мало вдохновляет. Ведь в подавляющем большинстве случаев это будет «цивилизация» в трактовке «западников» — шотландца Адама Фергюссона (1723–1816), отечественного естествоиспытателя Николая Данилевского (1822–1885), нашего современника американского «цивилизациоведа» Кэрролла Куигли (1910–1977) и др. Но «регрессионная клиометрика» (количественная оценка прошлой истории) свидетельствует: средний срок жизни «цивилизации» — 600–900 лет. А ведь россияне уже привыкли к своей «более чем 1000-летней истории» (см. тезис 1), и даже в этих временных рамках многие чувствуют себя стеснённо, мечтая о славном прошлом/будущем. Следовательно, нужно или что-то подправить в концепции «цивилизации», или совершить в отношении её действие импортозамещения. Здесь должны помочь изыскания о руском языке, носящие отнюдь не только «археологический» характер; тогда интегрирующий «русский реактор» (термин А.А. Проханова), в условиях целостного семантического поля, будет работать с большей эффективностью.

И здесь возникает вопрос — если не недоумение: почему выросло поколение, представители которого лучше представляют себе такие формы эрзац-религии как история Средиземья, измышленная Джоном Толкиным и населенная его причудливыми «героями»; космология Нарнии из фэнтезийной повести Клайва Льюиса; этос Хогвартса — школы чародейства Джоан Роулинг, где обучался Гарри Поттер? В общем, все то, что так мало связано с реальной Россией. Частичный ответ может быть таковым: для этого слоя граждан мифы, поддерживающие семантическую зону (II — где пишут «сс»), оказались более привлекательными, чем мифы зоны (I — где пишут «с»).

Увы, «великие нарративы и символику» люди чаще идут искать там, где комфортнее, а не там, где они находятся в отнюдь не простых обстоятельствах. «Нет, твой голос не хорош. Слишком грубо ты поёшь» — считал глупый мышонок из сказки Самуила Маршака, дождавшийся «мягкого» голоса кошки. Примерно так отвечают фанаты Средиземья и Гарри Поттера на призывы Отечества встать на его защиту…

Напрашивается вывод: без «мифов» о возможных мирах не обойтись — в том числе потому, что человек в условиях недостатка (избыточности, недостоверности) информации выбирает состояние «рационального невежества». Чтобы оно не превратилось в «выученную беспомощность», необходимо не только предлагать жизнеутверждающие сценарии будущего, но также, контролировать и купировать возможности применения методов суггестии и техномагии — силового ментального воздействия на неподготовленных людей. Необходимо также защищать свои исконные смыслы. И не забывать, что они могут быть скрыты где угодно в пространстве и времени. Так, написание «русский» с двумя «с», возможно, было адекватно условиям уходящего периода, но как раз сегодня допустима и востребована версия с одним «с». Пусть пока — в формате мифа, не забывая, к примеру, слов гимна о Великой Руси как формы обращения к смыслам, заложенным в цепи воспоминаний о такой исторической общности, как «советский народ».

Теперь есть шанс перестать «расстраиваться», т.е. разбрасывать по разным углам дух, душу и сознание, но соединить все названные элементы. Обнадёживает то, что история с «тра-

дицонными духовно-нравственными ценностями» развивается поступательно, и руские смыслы встанут в целостном поле Руси. Возможны варианты, поскольку в сложностных системах бывает так, что смыслы сначала свиваются в плеть, а уже потом развиваются в поле.

Противники России не дают времени на пространные размышления. Современные наследники «Священной империи» вспоминают формулировки старых угроз: «изгоним «русского варвара» с территорий, которые он занимать не имеет права». “Gott mit uns”. Они считают, что этот бог приуготовил эти земли для них. Потому что они ему служат.

Знаки и символы, заполняющие семантические поля, в том числе, информационные, служат тому же. В МИДе это назвали неоколонИИализмом[4].

Сегодня мастера и эксперты информационных войн выпустили достаточное количество литературы и, при желании, каждый может повысить свою грамотность в данной области. Но, другое дело — практика. Архетипы, лежащие в основаниях наших этических представлений и жизненных ценностей, нередко укрыты такими пластами информационного мусора, что распознать их бывает довольно сложно даже эксперту. Невинные, казалось бы, действия с грамматикой и орфографией языка и т.п. через десятилетия, а то и столетия, становятся значимыми препятствиями на пути движения народного духа.

Рассмотрим в этой связи пример археологических изысканий смысла в семантических зарослях, разросшихся за несколько веков. В виду проблем правдоподобности научных фактов, описание приобретает некоторые свойства мифа, что, вообще говоря, характерно для исторических сюжетов.

Итак, на фризе северного фасада храма Успения Богородицы в Гончарах (Гончарная улица, 29/7с1) расположен интересный изразец (рис. 1). Автор — Степан Иванов (Полубес), талантливый представитель мастеров Гончарной слободы. Она располагалась на этом месте в XVI–XVII вв.

Когда в нашей группе «Телеграм» было предложено прочитать надпись на этом изразце, то первый вариант огласовки читатели, скорее всего, угадают сразу. Это, по всей видимости, эффект «бытовой» семантической матрицы.

Сначала мы решили отмести это вариант как версию ненаучной фольклорной лингвистики. Но после длительных обсуждений было принято решение поместить его в разряд «иное», вместе с другими полезными наблюдениями. Кроме того, полезным оказался метод включенного наблюдения и «спонтанных интервью». Его, кстати, использовал народный археолог Илья Боровиков, которому таким образом удалось побеседовать непосредственно со Степаном Полубесом[5].

Рис. 1. Изразец на фризе северного фасада храма Успения Пресвятой Богородицы в Гончарах (1654). Автор — Степан Иванов (Полубес)

[4] *Захарова М.В.* «НеоколонИИализм» // Российская газета. 17.07.2025.

[5] Изложено в ЖЖ Кадыкчанского: https://kadykchanskiy.livejournal.com/567922.html?ysclid=mcdrt8y45z360368856&es=1.

В итоге получились такие версии прочтения текста Полубеса (см. рис. 1):

1) «Бог с нами»;
2) «Господин велит нам»;
3) «Бог в нас»;
4) «Бог ведом нам»;
5) «Иное».

Обоснование заключений представляем в порядке предполагаемого расположения уровней архетипов языка, связанных с ценностями русского народа: от поверхностного к более глубоким.

1. Соответствие «херѣ» лингвисты находят в германском «Herr» — господин. Но примем во внимание двойственность наименования Бога в русском переводе Библии (Бог и господь не разделены). Далее, отталкиваемся от семантики романо-германской матрицы: «С нами бог!» было боевым кличем римских легионов, который затем заимствовали германцы, а также иностранные генералы на службе в российской армии, за ними и русские.

Такое толкование архетипа не даёт нам преимуществ перед вероятным противником, который уже озвучил свои задачи. Сегодня предводители четвёртого рейха в открытую заявляют о N-месячной готовности вновь обратить рейхсвер в вермахт. При этом их идеологи уверены в том, что немецкая грамматика структурирует русскую семантику не хуже, чем другая немецкая наука, а русские деньги хранятся в надежных, в том числе, германских банках. На них же работает культурная матрица, в «ядро» которой вмонтированы ценности Европейско-христианской цивилизации (термин Николая Трубецкого, далее ЕХЦ). «Западнизация» в терминах А. Зиновьева[6].

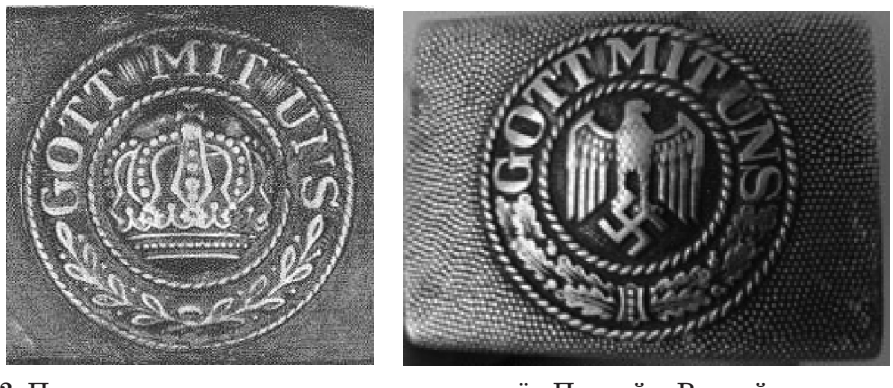


Рис. 2. Пряжка ремня солдата вермахта времён Первой и Второй мировых войн

Можно вспомнить, что философское наполнение «Gott mit uns» идёт, в том числе, от Гегеля, который утверждал, что свои мысли он воспринимает как мысли Бога, от цезарепапизма католиков. То есть, идеологи ЕХЦ придумали себе идею сверхчеловека и создали бога, который «с ними» борется за эту идею. Закрепил эту идею силы Ф. Ницше, решив таким образом для германцев тютчевскую дилемму «железо и кровь» против «любви». М. Хайдеггер добавил мистического ужаса, который, по его мнению, охватывает человека, открывающего для себя «метафизику».

Получается: и с ними бог, и с нами. Христианский бог. Почему же тогда мы убиваем друг друга? Ответа, помимо прочих, на эти вопросы добивался Лев Толстой от иерархов Русской православной церкви в своих трактатах 1884 и 1893 гг. Возможно, версия 2 могла бы служить таким ответом, а также объяснением того, почему ранее Александр Пушкин убедительно рекомендовал государю воздержаться от опубликования русского перевода Библии.

2. Версия 2 «Господин велит нам» очевидно предназначена для русских и прочих народов, которые только недавно «слезли с деревьев». Мифологическое предположение (из мифа о христианской церкви как пособнике колонизаторов): возможно, так думали работодатели гончара.

3. А что делать с буквой «В»? Что значит «в н(а)мъ»? (Ранее гласные не писали в священных текстах. «Огласовку» делали при чтении.)

[6] *Зиновьев А.А.* Запад. Феномен западнизма. Великий эволюционный перелом. — М.: Канон+, 2023. — 496 с.

Ещё следует вспомнить, что ещё ранее букова «херѣ» имела образ двух вертикально пересекающихся полуокружностей, обязательно в двух точках — чтобы в центре получалось некое живое пространство. (В современных прописях остались только полуокружности, касающиеся друг друга в одной точке.) И эта букова, в такой своей огласовке, означала Бога, приходящего из «прави» в материальный мир «нави», в результате чего там появляется нечто живое и выходит в явь. И, соответственно, в человека.

Гончар Степан Иванов, сирота из Мстиславля (Великое княжество Литовское, ныне Белоруссия), не знал о возможности такого написания сей буквы (в этом случае уже — буковы). Не сказали ему об этом ни князь Алексей Трубецкой, привезший юношу из взятого им города (возможно, и сам не знал), ни первый «работодатель» патриарх Никон (тот должен был знать), ни другие сведущие заказчики. Однако мастер поведал, что надпись лепил собственноручно, прочтение может быть не единственное. «Угадайте».

Вот и гадаем. И уж больно интересна именно третья версия с её образом божественного. Физики, знакомые с действием лазера, могут увидеть здесь намёк на принцип его работы.

Таким образом получается почти апофатическая версия: «Бог в нас». Здесь уже, похоже, действует семантическая матрица, где корнем обнаруживаются афонский исихазм. На него, как на одну из составляющих «культуры великого молчания», и, далее — подвига русской философии вопреки «дисциплинарной машине цивилизации», указывает А.Л. Казин: «У русского глубокая тишина и спокойствие внутреннего самосознания при постоянной недоверчивости к себе и при неограниченной требовательности нравственного усовершенствования; одним словом, там — разделение духа, в России — стремление к цельности бытия внутреннего и внешнего»[7]. Именно цельность как императив стала сравнительным преимуществом русской философии перед западными школами в начале XX в. Основой этой целостности, по И.В. Кирееевскому, обнаруживается целостный русский дух, который «не Бога и космос размещает в себе, а себя и космос — в Боге (точнее, в промысле Его)». В то же время цельность не реализуема без софийности — радости, лёгкости бытия. Об этом всё творчество таких творцов, как Полубес, и это же содержание во многом определило одухотворённость Советского проекта[8].

За счёт редукции образа человека, западная философия пришла к замене богомира — человекомиром. Получается, что воспитанный в парадигме индивидуализма западный солдат, уверенный в правоте своего бога и собственной, видит в другом человеке другой мир, с большой вероятностью враждебный. И в материально-рациональном мире это — выигрышная позиция. Здесь русскому, обнаружившему себя последователем европейца, остаётся опираться прежде всего на силу своего духа. Под «русским» мы подразумеваем каждого защитника России, независимо от национальности.

4. Тут следует вспомнить значение буквы «В» в кириллице: «Веди». И это не просто название, но и смысл — «Ведать». То есть, отдельная букова могла исполнять функцию самостоятельной лексической единицы. Если это ведал Ю.В. Кнорозов (что очень вероятно), то понятно, что помогло ему победить иезуита Диего де Ланда в споре о расшифровке языка майя.

«Бог ведом нам» идёт от целостного представления о Творении. Нам ведом замысел Бога, и мы заведуем его делами в нашем Мїре, заботясь также о благе всего нашего Міра, ведая суть Мæра. Здесь мы пользуемся собственной разработкой о лексическом комплексе: «МИР» = {Мир — Мїръ — Міръ — Мæръ}[9].

Параметры комплекса: «Мир» — отсутствие ссоры, вражды, несогласия, войны, лад (по словарю В.И. Даля), по сути — период между войнами; «Мїръ» — соседская община; «Міръ» — вселенная, человеческое объединение, род человеческий (название в титуле романа Льва Толстого в издании 1866 г.); «Мæръ» — временное измерение. (Буквы, не встречающиеся в русскоязычных словарях, содержат словари других близких русскому языков.)

---

[7] *Казин А.Л.* Русская философия верующего разума // Русская философия. — 2022. — № 2 (4). — С. 9–35.

[8] *Пястолов С.М.* Мобилизационный проект как предчувствие суперобщины. Страна ищет новую одухотворенность // Независимая газета. — https://www.ng.ru/ideas/2023-01-11/7_8631_project.html.

[9] См.: *Пястолов С.М.* Потенциал герменевтики в институциональных исследованиях // Journal of Institutional Studies. — 2025. — № 1. — С. 18–29.

Мир России, волею обстоятельств (или Провидения) оказался чужим для ЕХЦ. При этом чувствуется потенциал лексического комплекса «МИР», который пока остаётся скрыт в семантических полях. Как потерянные буквы в поле г. Киржач (рис. 3).

Рис. 3. Поляна утерянных букв в г. Киржач Владимирской обл.

Отталкиваясь от этой архитектуры, мы можем с большей уверенностью противостоять и другим вызовам. Таким, какой был брошен в сентябре 2025 г. китайскими товарищами. В сентябре 2025 г. Институт Синьхуа при одноимённом информационном агентстве выпустил доклад «Теория развития цивилизаций. Формирование нового видения цивилизаций, в основе которого лежит Развитие»[10]. В нём заявлено, что Китай имеет уникальный опыт, а также «идеал, связанный с достижением космополитического порядка» — древнюю систему Тянься. Коммунистическая партия Китая, выступает в роли лидера всего человечества и показывает образцы «нового теоретического ландшафта цивилизационного развития»[11].

Вопрос это непростой, так как «Внутренне речь идет о подчинении лидерам, а внешне — о подчинении естественным порядкам, реализуемым гегемонами» — объясняет теоретик новой парадигмы Чжао Тинъян[12]. Объясняется, что мир в системе Тянься трёхслойный. Географически, это земля под небесами. Затем идёт мир, в котором живут люди, которые рассматриваются как «существующие между небом и землей и служащие соединению этих двух сфер». Далее, это должно превратиться в мир, «без чего-либо внешнего». «Здесь “отсутствие внешнего” означает политическую проблему интериоризации мира».

Но опять не всё так просто. П. 15, части 3 книги называется «История мира только начинается». Когда говорится, что «человечеству еще предстоит “принять мир как мир”«, мы не знаем, как это различить на письме. Ни по-китайски, ни в английском переводе: «taking the world as a world». Слов и букв не хватает.

В современной русской грамматике это также невозможно выразить. Приходится обращаться к археологии. См. выше о лексическом комплексе: «МИР». С его помощью получается: современный МИР неуклонно скатывается к состоянию «мир — война»; когда получится стать Мїром (как это сумели сделать китайцы), то надо будет добровольно подчиниться порядку гегемонов; и только тогда может получиться Міръ. Четвёртый слой и далее китайскими стратегами не предусмотрены. Но, у тех, кто понимает по-русски, ещё есть и буковы, и правильные слова. Государствообразующему народу Мæръ (где царит вечность и живут боги) интересен не меньше нашего Мїра и прочих.

[10] Theory on the Development of Civilizations —Building a New Vision of Civilizations with Development at the Core / Xinhua Institute. — 2025.

[11] Там же. — С. 6.

[12] *Tingyang, Z.* All under Heaven: The Tianxia System for a Possible World Order / Translated by J.E. Harroff with a new foreword by O.A. Westad / University of California Press. — 2021. — Vol. 3. — P. 40.

Раков С.Е.
президент Аксиологической академии, г. Тольятти
rakovse@yandex.ru

ФУНДАМЕНТОМ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ МОГУТ БЫТЬ ТОЛЬКО ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ

Ключевые слова: эргодическая социальная система, универсальные ценности, классификация ценностей, общечеловеческая идеология, цель и ценности Большой Евразии.
Key words: ergodic social system, universal values, classification of values, universal ideology, goal and values of Greater Eurasia.

Причиной написания настоящего доклада стало выступление Владимира Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2025 года, а точнее, та его часть, в которой говорится о перспективах развития международных отношений и о реформировании ООН. Говоря о развитии многополярного мира, президент сказал: «Не буду отрицать, что сейчас нет единогласия относительно того, как следует обустроить мир. На каких принципах он должен базироваться в предстоящие годы и десятилетия» [3]. Для подтверждения слов президента нет необходимости проводить подробный анализ созданных людьми социальных теорий и используемых для них социальных парадигм. А можно воспользоваться готовым выводом, озвученным в юбилейном докладе Римского клуба «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты», о «неизбежности появления в будущем глобальных правил, обязательных для всех стран» [10]. Отсутствие у социологов единого понимания цели развития современного общества и системы неизменяющихся во времени и пространстве универсальных ценностей, выполняющих роль повседневных ориентиров для полноправной жизни человека в обществе и жизни общества на Земле, как раз и стало причиной нескончаемого числа конфликтов между людьми. Если говорить только о самом крупном противостоянии в современном мире — между коллективным Западом и глобальным большинством стран, то ситуацию наглядно можно представить в виде табл. 1.

Таблица 1

Сравнение идеологий коллективного Запада и глобального большинства

Название/создатель	Цель	Ценности
Либерализм/ Защитники частной мировой финансовой системы	Незыблемость прав и индивидуальных свобод человека ✓	— Права человека — Демократия — Свобода выражения мнений — Равные права голоса — Свобода личности ✓
Общечеловеческая идеология/ Глобальное большинство	Общечеловеческая цель в стадии проектирования ✗	Общечеловеческие ценности в стадии проектирования ✗

Продолжая своё выступление, Владимир Путин ещё более сгустил краски, говоря: «Мы вступили в длительный период поиска, во многом движения на ощупь. Когда окончательно сформируется новая устойчивая система, ее каркас, неизвестно. Надо быть готовыми, что на протяжении длительного времени социальное, политическое и экономическое развитие будет иметь трудно предсказуемый характер, а подчас и весьма нервный характер» [3]. Такая открытость и честность нашего президента не добавила оптимизма в ожидании будущего. Наоборот, получается, что глобальное большинство населения планеты движется неизвестно куда и непонятно зачем. Китайский стратег и мыслитель Сунь-цзы еще до н.э. сказал: «Стратегия без тактики — самый медленный путь к победе. Тактика без стратегии — это просто

суета перед поражением» [9]. Очень жаль, что он не сформулировал так же точно и метко для нас, что нужно делать, когда еще не сформировалась стратегия, и нет тактики.

Конечно, в своём докладе Владимир Путин дал направление для поиска решения сложившейся проблемы. По его мнению: «чтобы сохранить чёткие ориентиры, не сбиться с пути, всем нужна прочная опора. Это, на наш взгляд, прежде всего ценности, вызревающие в национальных культурах на протяжении веков. Культура и история, этические и религиозные нормы, влияние географии и пространства — основные элементы, из которых рождаются цивилизации. Особые общности, создающиеся веками и определяющие национальное самосознание, ценностные установки и традиции — всё то, что и служит ориентирами, позволяющими не потеряться, устоять перед штормами бурного океана международной жизни» [там же]. Это утверждение абсолютно справедливо для жизни человека внутри цивилизации и защиты самой цивилизации от недружественных действий со стороны внешнего мира, но оно не может помочь в решении межцивилизационных конфликтов. Конечно, можно и дальше ждать, когда культурные, религиозные и подобные противоречия притрутся между собой и не смогут стать причиной конфликтов. Тем более что с развитием Интернета и ростом коммуникаций между людьми этот процесс резко ускорился. Но как быть, если причинами конфликта становятся всё более острые экономические, ресурсные или территориальные споры? Ответ на этот вопрос Аксиологическая академия видит в эргодическом свойстве социальной жизни.

1. Эргодическое свойство социальной жизни

Более десяти лет назад Аксиологическая академия для социологического исследования применила эргодическую теорию (раздел теории вероятности), разработанную математиками для описания стационарных процессов замкнутых динамических систем. Мы за очень короткое время рассмотрели все элементы современной социальной системы, а получили такой же результат, как если бы наблюдали за одним её элементом — человеком в течение всей его жизни. Системы, обладающие таким свойством, математики назвали **эргодическими** [8].

А конкретно было сделано следующее.

— Сначала собрали в один список всё то, что делают люди на Земле для того, чтобы жить (три года назад мы проверили полноту этого списка с помощью искусственных интеллектов (ИИ) Chat GPT и Qwen Chat, которые, обыскав весь Интернет, не смогли в него ничего добавить).

— Далее все темы жизнедеятельности[1] человека были сгруппированы по схожим признакам.

Полученный результат представлен в табл. 2.

У нас получилось семь названий групп, которые в отдельности изучены и исследованы специалистами разных профессий в течение тысячелетий вдоль и поперек. Кажется, что уже ничего нельзя из них добавить нового для развития социологии. Однако если посмотреть на полученные названия групп комплексно (рассмотреть их блоком, пакетом), то для исследователя открывается абсолютно новый мир и новый взгляд на социальную жизнь, дающий ответы на нерешенные сегодня социальные проблемы.

Так, подбирая название к правой колонке таблицы, мы столкнулись с первым удивительным свойством полученных названий групп.

Первое название основано на том факте, что изначально табл. 2 сформирована из необходимой для жизни деятельности человека. Из этого следует, что наши названия групп — это заложенные природой в каждом человеке с рождения **условия для жизни человека на планете Земля**. Этот глобальный вывод подтверждается тем, что к этому списку ничего не добавишь, так как темы жизнедеятельности в левой колонке закончились. Но не менее важно, что ни одно из названий не уберёшь, так как если хоть одно название группы приравнять к нулю, то человечество максимум в следующем поколении прекратит своё существование.

Второе название — аксиологическое. Мы сразу обратили внимание на тот факт, что наши названия групп не зависят от пола, расы, возраста, этнических традиций, религии, эпохи и места проживания, от социальной, культурной, экономической, политической принадлеж-

[1] Под жизнедеятельностью мы понимаем всё то, что необходимо делать людям на Земле для того, чтобы жить.

ности. То есть перед нами долгожданные и неуловимые — **общечеловеческие ценности (универсальные ценности).** Они совсем не похожи на созданные людьми и продвигаемые по всему миру на роль «универсальных» — либеральные ценности. Также они отличаются от «общечеловеческих ценностей», используемых в школах для воспитания детей, таких как: справедливость, достоинство, совесть, честь, долг, дружба и т.д.

Таблица 2 [4]

Сгруппированные темы жизнедеятельности человека

Все темы жизнедеятельности человека (Динамика)	Названия групп (Статика)
Темы, связанные с физическим здоровьем человека: экология, питание, спорт, медицина и здравоохранение	Здоровье
Темы, интеллектуально формирующие личность: образование, наука, культура	Интеллектуальное развитие
Темы, связанные с природой: природные ресурсы, включающие в себя флору и фауну, а также созданная человеком для проживания инфраструктура	Окружающая среда
Физическое и интеллектуальное воздействие человека на среду или экономическая деятельность, доходы населения, социальная поддержка, промышленность, строительство, сельское хозяйство, предпринимательство, безработица и т.д.	Деятельность или благополучие
Природные катаклизмы, техногенные катастрофы, а также терроризм, криминал, коррупция, рейдерство, наркомания. Сюда же включены правоохранительные органы: полиция, прокуратура, суд, армия…	Безопасность
Семейные темы: любовь, планирование семьи, рождение ребёнка, приёмные дети, отношения в семье	Семья
Общественная, религиозная, политическая, государственная деятельность	Общество

Третье название учитывает тот факт, что содержимое левой колонки, благодаря неустанному интеллектуальному и физическому воздействию человека на среду, постоянно изменяется, а содержимое правой колонки не изменилось с момента зарождения человечества до сегодняшнего дня и не собирается меняться в дальнейшем. А это означает, что наши названия групп — это семь направлений развития человеческого общества, которые:

— позволят полностью отказаться от этапа целеполагания — самого сложного и ответственного этапа стратегического планирования, поскольку они не будут изменяться со временем. А это значит, что их не нужно будет пересматривать и пересогласовывать через год или пятилетку. Это константы социальной жизни;

— справедливы для планирования дальнейшей жизни как для отдельного человека, сообщества, так и для всего человечества в целом;

— не позволят ничего упустить или искусственно нарастить.

Четвёртое название подсказал профессор психологии из Филиппин, сказав, что список общечеловеческих ценностей — это полный перечень причин для суицида.

Пятое название сформулировал архитектор из Индии, сказав, что для того, чтобы город не угасал, необходимо наличие и постоянное развитие в нём объектов для всех семи направлений развития человеческого общества. Это обязательное условие для городской инфраструктуры и процветания городов.

Осознав, что в режиме реального времени мы не сможем закончить список подбираемых нами названий к правой колонке таблицы, мы как аксиологи выбрали общечеловеческие (универсальные) ценности.

2. Классификация ценностей

Итогом первой части доклада стали математически точно доказанные общечеловеческие ценности для глобального большинства населения Земли, которыми мы уже можем запол-

нить один из двух пробелов табл. 1. А для того чтобы заполнить последний пробел и сформулировать общечеловеческую цель, необходим анализ всех человеческих ценностей.

Высшие ценности — это «жизнь» и «свобода». Они полностью соответствуют критериям, созданным для проверки общечеловеческих ценностей, но отличаются от последних тем, что по своему смысловому объёму включают в себя сразу все семь общечеловеческих ценностей. То есть, определение высших ценностей звучит так: «Чтобы любой человек на планете **жил** и был **свободен**, у него должны быть реализованы все семь общечеловеческих ценностей. А именно:

— физическое здоровье;
— интеллектуальное развитие;
— благоприятная окружающая среда;
— деятельность и благополучие;
— безопасность;
— семья;
— общество, основанное на концепции защиты и устойчивого развития этих же семи общечеловеческих ценностей» [6].

Приобретаемые (созданные людьми) ценности необходимо рассматривать как способ накопления и передачи между людьми опыта и знаний по защите и развитию общечеловеческих ценностей. Без такого механизма, эмпирически созданного людьми в виде научных, культурных, моральных, религиозных и других ценностей, закреплённых в законах, учениях, запретах, табу, правилах, указах, канонах, заветах, нормах и т.п., общечеловеческие ценности не смогли бы сохраниться в человеческом обществе и тем более развиваться.

Таблица 3

Разделение всех ценностей человека на две группы

1 группа. **Заложенные природой ценности человека**	**2 группа.** **Созданные человеком ценности**
Высшие ценности, которые в своем объеме содержат сразу все: — Жизнь — Свобода **Общечеловеческие ценности** — Физическое здоровье — Интеллектуальное развитие — Благоприятная среда проживания — Деятельность и благополучие — Безопасность — Семья — Общество, основанное на парадигме универсальных ценностей	**Ценности, создаваемые/приобретаемые людьми в течение жизни:** — Научные — Культурные — Моральные — Религиозные — Политические — и другие созданные людьми ценности

В отличие от высших и общечеловеческих ценностей набор приобретаемых в течение жизни ценностей у каждого народа и у каждого человека индивидуальный. Он является, в первую очередь, отражением уровня воспитания и образования людей, их «интеллектуальным паспортом». Во вторую очередь, в более глобальном масштабе — отражением огромного разнообразия итогов интеллектуальной деятельности, осуществляемой в разных точках планеты, в разные эпохи развития людьми, изучающими окружающий их мир природы, развитие человеческого сообщества, а в современном мире ещё и влияние экономической деятельности человека на окружающую среду. Это бесценное наследие нашло своё отражение в национальных культурах, науках, в религиозных учениях и заповедях, законах, основанных на выработанных веками моральных ценностях. В отличие от высших и общечеловеческих ценностей перечень и содержание приобретаемых людьми знаний, по мере их развития и совершенствования, постоянно изменяется.

Согласовывая данное исследование с искусственными интеллектами, мы постоянно сталкивались с их сопротивлением. Полное взаимопонимание между нами наступило только после того, как мы предложили разделить все ценности человека на две группы.

В ответ Chat GPT написал: «Да, я согласен с таким разделением ценностей. Однако важно помнить, что создаваемые ценности являются относительными и зависят от конкретной культуры, исторического периода, образования, социального класса и других факторов, а также могут быть подвержены изменениям со временем. А чтобы быть востребованными людьми, создаваемые ценности должны соответствовать высшим и общечеловеческим ценностям и не должны противоречить им, иначе это может привести к нарушению прав и свобод человека и общества в целом».

3. Общечеловеческая идеология

На основании всего выше сказанного, новый вариант табл. 1 будет выглядеть следующим образом.

Таблица 4 [7]

Сравнение целей и ценностей общечеловеческой идеологии и либерализма

Название/создатель	Цель	Ценности
Либерализм/ Частная мировая финансовая система	Незыблемость прав и индивидуальных свобод человека	**Созданные людьми ценности** — Права человека — Демократия — Свобода выражения мнений — Равные права голоса — Свобода личности
Общечеловеческая идеология/ Природа человека	Свободная жизнь на планете Земля	**Заложенные природой ценности** — Физическое здоровье — Интеллектуальное развитие — Благоприятная среда проживания — Деятельность или благополучие — Безопасность — Семья — Общество, основанное на парадигме универсальных ценностей

Имея общечеловеческие цель и ценности, мы можем говорить о появлении общечеловеческой идеологии — единственной идеологии, которая не разъединяет, а объединяет людей. На этом конвергенция доминирующих сегодня на планете идеологий, о которой писал Евгений Примаков, закончилась [2].

Причём, применяя для стран Большой Евразии общечеловеческую идеологию, необходимо понимать, что:

— её нельзя запретить, изменить, модернизировать. Даже Конституцией… Попробуйте написать в основном законе, что целью страны является больное и необразованное общество или уничтожение окружающей среды и безработица…

— она одинаково воспринимается и принимается всеми людьми, так как потеря любой из общечеловеческих ценностей приведёт к гибели всего человеческого сообщества;

— её не нужно никому навязывать, объяснять, доказывать, так как она рождается, развивается (насколько может себе позволить и позволяет сам человек) и умирает вместе с человеком. Благодаря этому свойству нет необходимости тратить время и силы на её продвижение. Её достаточно только озвучить, и сразу становится ясно, как хотят и должны жить люди на планете Земля [8].

Эргодическая социология (теория общечеловеческих ценностей) — это с математической точностью доказанная, логически и на практике проверенная последовательность дедуктив-

но взаимосвязанных, созданных природой законов развития общества, которые справедливы как для микро- так и для макросоциологии и позволяют дать ответы на все существующие социологические проблемы. Если в сформулированной Иммануилом Кантом цитате:

— «несправедливы все относящиеся к праву других людей поступки, максимы которых несовместимы с публичностью»;

— «все максимы, которые нуждаются в публичности (чтобы достигнуть своей цели), согласуются и с правом, и с политикой» [1]

конкретизировать понятие «поступки» через семь общечеловеческих ценностей, то получим основное правило для жизни человека в обществе и жизни общества на Земле.

Справедливы все поступки, относящиеся к защите и развитию общечеловеческих ценностей других людей, так как эти аксиологические максимы всегда совместимы с публичностью, а значит, согласуются и с правом, и с политикой.

Список литературы

1. *Кант И.* К вечному миру. — https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf.
2. *Примаков Е.* Выступление на международной конференции «Россия в мире силы XXI века». — https://hrono61.livejournal.com/676798.html?ysclid=mhtbkd3d1j279550614.
3. *Путин В.В.* Выступление на «Валдае». — 2025. — https://rutube.ru/video/d801d587784832fa79a17248627f9c19/?ysclid=mht9lthxcj385596473.
4. *Раков С.Е.* Общечеловеческие ценности / LAMBERT Academic Publishing. — 2015.
5. *Раков С.Е.* Война ценностей // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. — М., 2016. — Ч. 3. — С. 199–206. — https://cyberleninka.ru/article/n/voyna-tsennostey/viewer.
6. *Раков С.Е.* Общечеловеческие ценности — эталон для проектирования назревших социальных изменений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2017. — № 7–2: — С. 66–76. — https://publok.ru/archive/2017/7/2/18?ysclid=mht9f3ztt7594062482.
7. *Раков С.Е.* Цель и ценности Большой Евразии // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. — М., 2018. — https://cyberleninka.ru/article/n/tsel-i-tsennosti-bolshoy-evrazii/viewer.
8. *Раков С.Е.* Эргодичность социальной жизни заложена природой. — https://cyberleninka.ru/article/n/ergodichnost-sotsialnoy-zhizni-zalozhena-prirodoy/viewer
9. *Сунь-цзы.* Искусство войны. ISBN 978-5-370-05091-6, Metamorphoses, 2022.
10. *Weizsaecker E. von, Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. — 2018. — 220 p.

Романович Н.А.
д.соц.н., доцент,
профессор Кафедры политологии и политического управления
РАНХиГС при Президенте РФ, Воронежский филиал,
генеральный директор Института общественного мнения «Квалитас»
nelly@qualitas.ru
Коробкова О.А.
аспирант,
РАНХиГС при Президенте РФ, Воронежский филиал
oksana.korobkova@gmail.com

ДЕТАЛИ КОНЦЕПЦИИ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Ключевые слова: теория многополярного мира, цивилизация, плюральность ценностных систем, международные отношения.
Key words: multipolar world theory, civilization, plurality of value systems, international relations.

Пресловутый проигрыш России в холодной войне создал у Запада иллюзию полной победы. Сдача последнего форпоста стала ключевым вопросом в конце 90-х годов. Наступил конец биполярного мира или «конец истории», по мнению Фукуямы. Казалось бы, однополярный мир распростер свое владычество навеки. Но пришедший на пост Президента РФ вместе с началом нового века Владимир Путин установил границы в дальнейшем распаде России. Именно тогда политологи заговорили об «однополярности» как об «однополярном моменте», то есть о временном явлении. «Конец истории» оказался лишь остановкой в пути. Открылась новая дорога, но это дорога пока не изведана. Многополярность сегодня является возможностью, но пока ещё не реальностью. Реализацию проекта многополярности приближает анализ сложившейся ситуации.

Особенности складывающейся ситуации как предвестницы многополярного мира обозначил в своей речи Президент РФ Владимир Путин на Валдайском форуме (2 октября 2025 года). Если передать суть начала его речи, то пространство формирования нынешних внешнеполитических отношений, он охарактеризовал следующими эпитетами:

1) творческое;
2) динамичное;
3) демократичное;
4) учитывающее культурно-историческую, цивилизационную специфику стран;
5) принимающее только те договоренности, которые устраивают все стороны.
6) таящее не только возможности, но и опасности.

При этом, как подчеркнул Владимир Владимирович, возможности и опасности многополярного мира неотделимы друг от друга. С одной стороны, расширение пространства свободы для всех — это несомненное благо. С другой стороны, «в таких условиях гораздо сложнее найти и установить этот самый прочный баланс, что само по себе явный и чрезвычайный риск». Это качественно новое явление, международные отношения переживают кардинальную трансформацию. «Как ни парадоксально, но многополярность стала прямым следствием попыток установить и сохранить глобальную гегемонию, ответом международной системы и самой истории на навязчивое стремление выстроить всех в одну иерархию, на вершине которой находились бы страны Запада»[1].

В настоящий момент мы располагаем проектом многополярного мира, активно формируется его теория. У теории многополярного мира есть сходство и различия с основными парадигмами международных отношений — реализмом, либерализмом, марксизмом[2]. У каждого

[1] Полный текст выступления и ответов Владимира Путина на форуме Валдай. 2 октября 2025 года. — https://www.kp.ru/daily/27724/5151429/.

[2] *Романович Н.А.* Идеологические школы в международных отношениях: роль государства и восприятие войны // Проблемы социальных и гуманитарных наук. — 2024. — № 2 (39). — С. 126–134.

из теоретических концептов, направлений и школ эта новая теория что-то берет и преобразует для своих целей.

Для реализации теории многополярного мира важно как можно яснее разработать её детали, потому что проект легче реализуется на практике только тогда, когда он имеет законченный вид, и прояснены все вопросы по деталям его реализации. Рассмотрим основные детали концепции многополярного мира.

1. Актор в теории многополярного мира

Актор — это действующая на международной арене единица (суверенная форма публичной власти на определенной территории). Актор — это субъект, принимающий и воплощающий свои решения.

Многополярный мир — это не шаг назад к концепции реалистов, где каждое государство обладало суверенитетом и могло быть полюсом многополярного мира. Это не то, что уже было когда-то. Это то, чего ещё не было никогда.

В теории многополярного мира актор — это не государство (как у реалистов), не гражданское общество (как у либералов), не класс (как у марксистов), не текст (как у постпозитивистов).

Актором в теории многополярного мира является **цивилизация**. Термин «цивилизация» в современный дискурс ввел Сэмюэл Хантингтон в статье «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка»)[3].

Цивилизация в теории многополярного мира осмысляется как проект интеграции (объединения нескольких государств) на основании единства стратегического, культурного, религиозного, исторического, экономического, социального характера. Цивилизация вводится как новый актор, и принципиально то обстоятельство, что цивилизация — это процесс интеграции. Многополярный мир будет представлять собой интегрированные пространства. Западная цивилизация становится не единственной, а одной из них.

2. Плюральность ценностных систем как основа отношений между цивилизациями

Цивилизации в теории многополярного мира заведомо различные — с разной степенью открытости, с разной степенью ценностной близости, с разными каналами коммуникации. Ни одна цивилизация не должна заведомо отрицать все, что утверждает другая. Отношения между цивилизациями основаны на плюральности ценностных систем.

Претензии западной цивилизации на то, что их ценности универсальны, мягко подвигаются к границам Европы и США. Когда одна цивилизация пытается насадить собственные критерии ценностей другой цивилизации, это считается объявлением цивилизационной войны, поэтому неприемлемо в новых международных отношениях.

3. Политический статус актора теории многополярного мира

Теория многополярного мира — это не возврат к Вестфальскому миру, когда было столько же полюсов, сколько и государств. Вестфальская модель была построена на принципах абсолютного равенства между государствами, которое в настоящее время не существует. Дальнейшая апелляция к понятию суверенитета, сформулированная при других исторических условиях, больше уже не действует. Предлагается принять определение Платона «политея» (*греч.* Πολιτεία) как политической единицы неопределенной размерности (этот термин может применяться к городу-государству, к стране, к империи)[4]. Политея у Платона — неопределенная политическая структура (у Аристотеля она определена как хорошая противоположность плохому демократическому строю). Поэтому следует выбрать именно определение Платона, потому что политическая неопределенность в данном случае это не «минус», а «плюс», по-

[3] *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. — 1996. — 367 p.

[4] *Платон*. Государство. — 2022. — 576 с.

скольку каждый актор выстраивает структуру «под себя». Политея — политический статус с открытым содержанием. Содержание определяется конкретной цивилизацией, что снимает претензии на любую гегемонию.

4. Структура акторов и её особенности

Сколько предполагается акторов в теории многополярного мира? Больше, чем три, но меньше, чем количество национальных государств. Структура акторов должна быть плюральной, как и ценности. Она не допускает структурной унификации политического пространства. Политический аспект всегда строится исходя из данного цивилизационного контекста.

Большинство обществ в любом случае живут не по западным моделям. В исламской республике Иран власть принадлежит Совету Духовной Целесообразности и духовному лидеру (это прописано в Конституции). В Израиле демократия — просто политический фасад. В Индии — формально демократия, но в реальности сохраняется кастовый строй. Теория многополярного мира избавляет страну от необходимости прикрываться демократическим фасадом и предполагает многообразие разных политических укладов. Теория многополярного мира отрицает единый путь развития общества.

5. Среда международных отношений

Согласно теории международных отношений, у разных научных школ среда международных отношений различна — глобальная институция у либералов, классовая борьба у марксистов, анархия и хаос у реалистов.

В теории многополярного мира глобальная институция отсутствует. Речь идет об анархии в международных отношениях с той разницей, что эта анархия сопряжена не с суверенитетом государств, а с суверенитетом цивилизаций. Над цивилизациями при таком подходе не может быть никакой инстанции, которая бы ограничивала их свободу и независимость. Поэтому отношения между цивилизациями складываются естественным образом.

6. Принцип гегемонии внутри цивилизации

Принцип гегемонии рассматривается как относительное превосходство одной из составляющих цивилизации над другими. В основе любой цивилизации должна быть стратегически важная ось, которая почти всегда очевидна. Например, в ЕС осью долгое время являлась Франция и Германия: гегемонистский тандем современной Европы. Ныне к этому тандему присоединяется Польша. В Америке очевидна гегемония США. Пока не определено, кто будет гегемоном в исламском мире — не исключена распределенная гегемония. Но интересы цивилизации не будут являться интересами единичных частей, входящих в её состав, а общецивилизационными интересами.

7. Проблема верховной власти

Вопрос о верховной власти в многополярном мире решается по принципу: **«наш князь»**. Верховная власть рассматривается не как универсальная власть, а как власть, отражающая особенности локальных культур. В одном случае власть может быть коллективная, в другом — индивидуальная, в третьем — сакральная, в других случаях — наследственная, династическая, императорская и т.д. Многополярный мир предлагает самые различные модели властных функций, исходя из локальных религиозных культур и этических установок каждого общества. Вместо единой триады (князь-парламент-суд), которые навязываются в настоящее время Западом как универсальные, предлагается плюральность моделей князя. Власть организовывается по принципу: **«наш князь»**, то есть строится исходя из данного цивилизационного контекста.

8. Проблема элиты

Элита в теории многополярного мира — это та группа интеллектуалов, которая отражает цивилизационные ценности конкретного общества. В этом контексте элита может иметь самый разнообразный состав. Человек в той степени причастен к элите, в какой он выражает дух того общества, в котором живет.

Китайская компартия представляет собой иерархию чиновников, которые сдают экзамены на соответствие должности фактически до самой смерти (способность писать красивые иероглифы, танцевать, декламировать стихи, знать конфуцианские тексты и т.д.). Все это востребовано для воспроизводства духовной культуры общества, и именно элита должна быть носителем этой культуры, иначе она погубит цивилизацию. Если гражданин является носителем культурного кода общества, то он — элита. Если он элита, он вправе участвовать в принятии решений.

9. Принцип принятия решений

Принятие решений в теории многополярного мира — это компетенция князя и элиты на основании традиций. Решения, затрагивающие интересы цивилизации в целом, принимаются централизованно. В решениях не столь высокого порядка действует принцип субсидиарности (решения принимаются на том уровне, на который распространяются последствия его принятия). Иными словами, большинство решений принимаются на том уровне, которого они непосредственно касаются. При принятии решений о войне и мире мнение поселкового схода игнорируются.

10. Возможность войны в многополярном мире

Война между цивилизациями возможна (как у реалистов). Но это не означает, что она является единственной формой существования цивилизаций. Война — это вопрос разумного шанса на победу. Война не рассматривается как единственная форма «столкновения цивилизаций»[5]. В многополярном мире утверждается диалог цивилизаций, полилог цивилизаций, межцивилизационное общение, выстраивание взаимовыгодных отношений. Предполагается подход реалистов в международных отношениях, но с иным актором — не с государством, а с цивилизацией.

11. Понятие цивилизационного мира

В теории многополярного мира доминирует понятие **«наш мир»**, то есть мир внутри самой цивилизации. Например, европейский мир — определенная модель поддержания порядка на европейской территории: если кто-то там поднимает восстание, европейская цивилизация его подавляет. В итоге на территории цивилизации стоит мир. Это понимание мира, которое разделяют реалисты международных отношений. Война вовне конкретной цивилизации возможна, но внутри исключена как предмет усилий по формированию цивилизационной безопасности.

12. Понятие безопасности

Понятие безопасности приобретает характер цивилизационной безопасности. Не всемирной (как у либералов) и не национальной (как у реалистов). Эта новая модель безопасности будет называться, например, *европейская безопасность, евразийская безопасность, американская безопасность*, но не международная. Нельзя сузить новое понятие безопасности до национальных границ, но и нельзя расширить его до международных сфер. В этих рамках важнейшим концептом станет *должная мера военной безопасности*, которая будет призвана обеспечить некий баланс совместного сосуществования цивилизаций.

---

[5] *Хантингтон С.Ф.* Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2025. — 640 с.

Будут уходить в небытие единые лекала замеров, например, могущества стран. Вполне возможно, что в Европе или в Америке могущество будет по-прежнему определяться количеством денег, если граждане воспринимают саму жизнь как непрерывную куплю-продажу. Но такой подход, вполне релевантный в рамках материально-денежной цивилизации, отнюдь не является универсальным. В другой цивилизации может доминировать сила, в третьей — дух, в четвертой — нравственность, в пятой — красота… Ожидается плюрализм в интерпретации могущества, которое может быть найдено в балансе духовного и материального влияния, определяемого спецификой цивилизации.

Вывод

Квинтэссенция теории многополярного мира — это положение об отсутствии единообразия в этапах развития различных цивилизаций, плюральная структура политических систем и плюральная система ценностей. Отказ от универсальной идеологии, навязываемой одной цивилизацией другим. Как подчеркнул Владимир Путин на Форуме объединенных культур в Санкт-Петербурге: «Мы не боремся против чужих ценностей. Мы поддерживаем свои. В этом коренное наше отличие от западного мира»[6].

Саипова К.Д.
д.и.н.,
зав. кафедрой «Новейшая история Узбекистана», Национальный университет Узбекистана
kamola_nuz@rambler.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УЗБЕКИСТАНЕ И СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ, СОВРЕМЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: Узбекистан, Центральная Азия, национальная идентичность, этничность, язык, культура, ислам, советский период, независимость, глобализация, межэтническая толерантность, национальная политика, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан.

Key words: Uzbekistan, Central Asia, national identity, ethnicity, language, culture, Islam, Soviet period, independence, globalization, interethnic tolerance, national policy, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan.

Национальная идентичность является важнейшей составляющей политической и культурной жизни постсоветских обществ. В Центральной Азии, где народы имеют общее историческое и культурное наследие, но они прошли разные траектории развития в годы независимости, проблема формирования и укрепления идентичности занимает ключевое место. Для Узбекистана этот процесс связан с возрождением национальных традиций, языка и духовных ценностей, однако схожие тенденции и вызовы наблюдаются и в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Туркменистане[1].

Формирование национальной идентичности в Центральной Азии имеет глубокие корни. Историко-культурная база региона складывалась под влиянием тюркских и иранских традиций, исламской цивилизации, а также богатого наследия Великого шелкового пути[2]. В Средневековье особую роль в становлении самосознания народов сыграли такие фигуры,

---

[6] *Герейханова А.* Путин рассказал о духовных ценностях и нравственных ориентирах на культурном форуме в Петербурге. 12.09.2024. — https://rg.ru/2024/09/12/reg-szfo/kultura-klimat-dobra-i-ponimaniia.html.

[1] *Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. — New York: Simon & Schuster, 1996.

[2] *Абдуллаев И.* История Узбекистана: от древности до современности. — Ташкент: Шарқ, 2014.

как Алишер Навои, Мухаммад Бобур, Мирзо Улугбек. Их труды и культурное наследие создали основу для будущего национального самосознания.

Советская власть оказала двойственное влияние. С одной стороны, именно в советский период были созданы союзные республики, закреплены государственные языки, развивались национальные литературы и науки. С другой — активно формировалась «советская идентичность», призванная подчинить национальные различия общей идее[3]. Этот парадоксальный опыт способствовал укреплению национальных элементов и одновременно ограничивал их развитие.

Обретение независимости в 1991 году стало поворотным моментом для Узбекистана. Перед государством встала задача создания собственной модели национальной идентичности, которая могла бы стать основой консолидации общества. Центральным элементом выступило возрождение национального языка, религии и культурных традиций. Важным шагом стало утверждение государственных символов — флага, герба и гимна, которые закрепили новые ориентиры национальной самоидентификации.

Первый Президент И.А. Каримов отмечал, что «без осознания своей национальной идентичности невозможно построить сильное государство»[4]. Эта мысль отражала стратегический курс, направленный на укрепление национальной государственности. В его трудах, в частности в книге «Высокая духовность — непобедимая сила»[5], подчеркивалась необходимость духовного возрождения, воспитания молодёжи в духе национальных ценностей и сохранения исторической памяти.

Хотя страны региона имеют общие исторические корни, каждая из них выработала собственную модель национальной идентичности. В Казахстане акцент был сделан на концепции «казахстанской нации», основанной на полиэтничности и гражданской интеграции. При этом в последние десятилетия усиливается роль казахского языка как главного фактора консолидации, хотя русский язык сохраняет важное место в обществе и политике[6]. Таким образом, Казахстан стремится совместить этническую основу с надэтнической гражданской идентичностью.

Кыргызстан столкнулся с более сложной ситуацией. С одной стороны, киргизский язык и культура стали ядром идентичности, с другой — межэтнические конфликты, особенно с участием узбекского меньшинства, показали уязвимость национальной консолидации. Здесь идентичность часто формируется в условиях региональных и клановых различий[7].

В Таджикистане национальная идентичность во многом опирается на персоязычное культурное наследие и идею преемственности с государством Саманидов. Опыт гражданской войны 1990-х годов усилил акцент на национальном единстве, однако религиозный фактор также играет существенную роль в формировании идентичности.

В Туркменистане процесс формирования идентичности приобрел этноцентричный характер. Государственная идеология строилась вокруг культа личности и «Рухнамы» Сапармурата Ниязова. Здесь доминирует туркменский язык и культура, а многоэтничность практически не учитывается. Такая модель обеспечивает монолитность, но при этом ведет к культурной изоляции.

Узбекистан занимает промежуточное положение. С одной стороны, государство активно укрепляет узбекскую национальную идентичность через язык, историю и исламские традиции. С другой — уделяется внимание этническому многообразию, в стране проживает более 130 национальностей, и межэтническая толерантность является важным элементом национальной политики[8].

Все страны Центральной Азии сталкиваются с вызовами глобализации — миграцией, цифровизацией, культурной унификацией. Для Узбекистана приоритетной задачей становится

[3] *Khalid A.* Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. — Ithaca: Cornell University Press, 2015.

[4] *Каримов И.А.* Узбекистан: свой путь к независимости и прогрессу. — Ташкент: Узбекистон, 1992.

[5] *Каримов И.А.* Высокая духовность — непобедимая сила. — Ташкент: Маънавият, 2008.

[6] *Dave B.* Kazakhstan: Ethnicity, Language and Power. — London: Routledge, 2007.

[7] *Megoran N.* Nationalism in Central Asia: A Biography of the Kyrgyz Republic. — Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2017.

[8] *Fierman W.* Language and Identity in Central Asia: The Uzbek Experience. — 1991.

интеграция национальной идентичности с модернизацией экономики и общества. Казахстан решает проблему языкового баланса между казахским и русским. Кыргызстан продолжает искать пути предотвращения этнополитических конфликтов. Таджикистан сосредоточен на укреплении национального единства в условиях религиозных вызовов. Туркменистан стоит перед необходимостью большей открытости миру.

В период «Нового Узбекистана», начавшийся с избранием Шавката Мирзиёева президентом в 2016 году, национальная идентичность приобретает качественно новое измерение, сочетающее традиционные культурно-исторические основы с задачами модернизации и глобальной интеграции. Политический курс Мирзиёева основан на представлении о том, что национальная идентичность является не только культурным и духовным ресурсом, но и инструментом **«мягкой силы» (soft power)**, а также важнейшим элементом **национального брендинга** на международной арене.

Одним из приоритетных направлений стало формирование целостной идеологической базы, опирающейся на возрождение исторической памяти, укрепление статуса узбекского языка и популяризацию богатого культурного наследия. Государственные программы по сохранению памятников Самарканда, Бухары, Хивы и других центров цивилизации Центральной Азии не только способствуют укреплению внутреннего патриотизма, но и выполняют функцию культурной дипломатии, позиционируя Узбекистан как ядро исламской и тюркской цивилизаций.

Молодежная политика в «Новом Узбекистане» напрямую связана с задачами укрепления идентичности. Создание Агентства по делам молодежи, государственные гранты и программы академической мобильности способствуют формированию поколения, способного одновременно сохранять национальные ценности и адаптироваться к условиям глобализации. В этом контексте национальная идентичность выступает как инструмент социальной сплоченности и как фактор устойчивого развития.

Отдельного внимания заслуживает аспект многонациональности Узбекистана. В стране проживает более 130 этнических групп, и политика Мирзиёева направлена на поддержку культурных центров национальных меньшинств, развитие межэтнического и межконфессионального диалога. В результате формируется модель «инклюзивной идентичности», когда этнокультурное разнообразие не противопоставляется национальному единству, а рассматривается как фактор укрепления государственности.

На международной арене национальная идентичность стала частью дипломатической стратегии Узбекистана. Визуализация образа страны как современного, открытого и толерантного государства усиливает её привлекательность в глазах иностранных партнёров. Культурные проекты, международные фестивали, конференции и туризм рассматриваются как инструменты продвижения «национального бренда Узбекистана».

Таким образом, в период «Нового Узбекистана» национальная идентичность выступает в качестве многослойного феномена, включающего в себя духовно-культурные, политические и социально-экономические компоненты. Политика Шавката Мирзиёева демонстрирует стремление к синтезу исторических традиций и идей модернизации, где национальная идентичность используется как ресурс внутренней консолидации и как фактор глобальной конкурентоспособности. Узбекистан занимает особое место, сочетая акцент на узбекскую национальную идентичность с политикой межэтнического согласия. Это позволяет стране выстраивать современную модель, сочетающую традиции и инновации, что в условиях глобализации становится стратегическим ресурсом устойчивого развития.

Смирнов П.И.
д.филос.н., профессор

ПОСТОЯННЫЙ И ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ОРИЕНТИРЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ: ЗДОРОВОЕ ОБЩЕСТВО И ДУХОВНО-ИГРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Ключевые слова: деятельность, ценности, ориентир эволюции, здоровое общество, цивилизация.
Key words: activity, values, landmark of evolution, healthy society, civilization.

Длительное и осмысленное существование человечества нуждается в ясно очерченных ориентирах, задающих направление развития. Долгое время такими ориентирами служили общества, обозначаемые в терминах марксизма «капитализм» и «социализм». Россия на рубеже XX и XXI веков, ища в «хождении по мукам» нужный ориентир, сначала отказалась от социализма, а позднее заметно разочаровалась и в капитализме. Ныне она эмпирически, зачастую успешно, нащупывает практические решения стоящих перед ней проблем. Однако в стране не сложилось теоретически ясное видение путей развития ни мира в целом, ни её собственного. Это обусловлено господством в общественном сознании марксистского представления о видах общественного устройств. Неслучайно в своё время была популярна идея конвергенции капитализма и социализма. Теоретически она не была обоснована, и поэтому марксистское понимание эволюции общества не пригодно для построения ориентиров эволюции России. Нужна методология с иным теоретическим видением общественных процессов. В статье предложен набросок такой методологии. На её основе с учётом глобальных проблем и возможных сценариев эволюции общества очерчены ориентиры эволюции России.

Теоретико-методологическая основа статьи

Её составляют два концептуальных средства:

1) деятельностно-ценностный подход (название условно) к описанию социальных процессов и явлений;
2) авторская (альтернативная марксистской) схема эволюции общества.

Деятельностно-ценностный подход. Важнейшие элементы:

— исходный пункт подхода — представление о качественно различных типах взаимодействия между людьми: природном, чувственном, рече-коммуникационном, деятельностном, правовом. На их основе возникают качественно различные объединения людей: популяция, общность, сообщество, общество, государство. Конкретное взаимодействие комплексно, в нём участвуют ведущее и сопутствующие взаимодействия, а его специфику определяет предмет обмена. В популяции — гены, в общности — чувства, в сообществе — значения и смыслы, в обществе — результаты деятельности (продукты и услуги), в государстве — решения;

— объединения возникают на скоррелированном взаимодействии. Главные механизмы корреляции — ориентация на субъективный смысл действий партнёра и следование социальным нормам;

— в теоретических построениях удобно использовать два логически корректных определения понятия «общество»: а) общество есть объединение людей, возникающее на всех типах взаимодействия, ведущим из которых является деятельностное, б) общество есть система субъектного типа (несамодостаточная, неспособная существовать без потребления окружающего мира), возникающая на всех типах взаимодействия, ведущим из которых является деятельностное;

— основными разновидностями деятельности являются эгодеятельность, служебная деятельность и игра, выполняющие важнейшие функции в жизнедеятельности деятеля (обеспечение существования, придание ему смысла и привнесение в него радости, веселья). Эгодеятельность и служебная деятельность — объективно необходимые для существования общества разновидности;

— стимулами деятельности являются потребности и ценности. Удовлетворение потребностей обеспечивает существование, стремление к ценностям придаёт ему смысл. Общество возникает на основе потребностей, но благодаря растущей мощи человеческой деятельности всё большую роль в качестве стимулов играют ценности;
— ценности лежат в основе социальных систем как стимулы собственно человеческой деятельности (свободной и имеющей субъективно заданный смысл), поэтому можно строить теоретические модели общественных явлений и процессов, не используя понятие «потребность»;
— главным стимулом деятельности людей как социальных существ является социальная значимость (способность воздействовать на ход событий в обществе). Люди в массе стремятся к этой значимости, избегая социального ничтожества. На уровне обыденного сознания главный стимул людьми не осознаётся. Они стремятся к привычным для них ценностям (модусам социальной значимости), в краткий перечень которых входят — святость, знание, власть, слава, богатство, хозяйство, мастерство (есть и другие модусы). Обретая их, они обретают значимость. Общество контролирует доступ к модусам двумя процедурами социального признания: личной экспертизой (право на обладание модусом присуждается конкретному человеку полномочными экспертами) и безличной (рыночной — акт купли-продажи) экспертизой;
— на представлении о социальной значимости построена типология фундаментальных ценностей общества, состоящая из пяти групп.

Первая группа состоит из названных модусов. Это целевые общечеловеческие ценности индивидуального уровня. Во вторую входят инструментальные ценности, социальные по происхождению (свобода, право, дисциплина, долг и т.п.). Третью группу составляют инструментальные ценности, природные свойства человека: красота, сила, ум и пр. Четвертая группа включает в себя целевые ценности — свойства природной среды (ресурсы). В пятую входят высшие общечеловеческие ценности: человечество, человек, общество, личность, мыслящий дух (Бог), природа [2, с. 114–138].

Авторская схема эволюции строится на определении общества как объединения людей, возникшего на основе всех скоррелированных типов взаимодействия, ведущим из которых является деятельностное.

Предлагаемая схема содержит идеальные типы состояний общества и этапов его эволюции. Кроме периодов дикости и варварства, принятых в схеме Л.Г. Моргана — Ф. Энгельса, в ней имеются дополнительные идеальные типы: цивилизованное сообщество, три вида цивилизаций (служебно-домашняя, рыночная и напряжённая цивилизации), а также постцивилизационное варварство и духовно-игровая цивилизация. В отличие от подхода Энгельса эволюция прослеживается не по успехам овладения людьми ресурсов природы с помощью технических средств [7, с. 33], а по изменению положения человека в обществе.

Это положение определяется рядом обстоятельств: доминированием в обществе ценностей общество или личность; преобладанием служебной деятельности или эгодеятельности; возможностями человека достигать социальной значимости через её модусы (причём важно, на какой разновидности деятельности они доступны); ведущей процедурой социального признания — личной или безличной экспертизой.

Важнейшие признаки идеальных типов (их полное описание не приводится, дикость не рассматривается) таковы:

— цивилизованное сообщество составляет основу любого общества. Его признаки: язык (общекультурный, священный), общая историческая память, религия или идеология, учитель нравственности, заложивший принципы определения добра и зла, правила взаимодействия со своими и чужими. Общий принцип правил: к своим относятся со знаком «плюс», к чужим — со знаком «минус». Членам сообщества присуще чувство идентичности, насилие в нём уменьшается и упорядочивается;
— варварство характерно полным, но хаотичным набором признаков, определяющих положение человека в обществе, хаотичность влечёт чрезмерное и неупорядоченное насилие;
— служебно-домашняя цивилизация (далее СДЦ) возникает под влиянием природной среды и внешней опасности, требующих совместной массовой деятельности. Главная цен-

ность — общество. Доминирует служебная деятельность. Приоритетные модусы — святость, власть, знание (священное, идеологическое). Основная процедура социального признания — личная экспертиза. Хозяйство — домашнее (ведётся для непосредственного удовлетворения потребностей производителей). СДЦ оборонительна по природе. Насилие внутри общества упорядочено и уменьшено. Исторические примеры обществ с чертами СДЦ — Древний Египет, Китай, Россия со времен Московского царства, включая советский период. Условно, это «социалистические» общества;

— рыночная цивилизации (РЦ) возникает в условиях внешней среды, не требующей (или не допускающей) совместной массовой деятельности, и относительно низкой внешней опасности. Главная ценность — личность. Доминирует эгодеятельность в обличье рыночной. Ведущие модусы — хозяйство, богатство, мастерство в материальной сфере, прикладное знание. Основная процедура социального признания — акт купли-продажи. Хозяйство — рыночное, ведётся для получения прибыли. РЦ для длительного существования нуждается в неограниченных ресурсах, поэтому агрессивна по природе. Насилие внутри общества упорядочено и уменьшено. Исторические примеры обществ с чертами РЦ — Афины, Карфаген, Новгородская республика. Ныне черты РЦ доминируют в обществах Запада. Общества с чертами РЦ, условно, «капиталистические»;

— напряжённая цивилизация (НЦ) изначально возникает как средство уменьшить чрезмерное насилие, свойственное варварству, но может зародиться внутри СДЦ и РЦ, когда властная элита забывает общие интересы, преследуя свой групповой интерес. Высшие ценности в обществе — конкретная личность и связанная с ней группа (кровнородственная, национальная, сословная), составляющая организованное меньшинство. Меньшинство, узурпируя право применения силы, выступает по отношению к большинству на основе эгодеятельности, а большинство служит ему. Разнонаправленность деятельностей создает напряжение в обществе. Признаки НЦ заметны в Спарте, империи А. Македонского, в Римской, Монгольской, Британской империях, в России [4, с. 12–22; 5, с. 220–260].

Глобальные проблемы, явные и неявные. Их взаимосвязь

Явные проблемы более или менее осознаны, их обсуждают в СМИ, в науке, политике, пытаются решать. Неявные проблемы пока плохо осознаны и не решаются, хотя именно они порождают явные. Нерешённость обоих видов проблем угрожает благополучному существованию человечества.

Перечни явных проблем, имеющиеся в литературе, разнятся по количеству и структуре. В них насчитывается порядка десяти-пятнадцати наиболее важных, но для показа взаимосвязи явных проблем с неявными затронуты лишь проблемы:

— истощения ресурсов (ресурс — любая характеристика природной среды: полезные ископаемые, температура и уровень кислорода в воздухе и т.п.);
— экологическая (частный вид проблемы истощения ресурсов);
— гонки вооружений, без прекращения которой невозможно решение других проблем (на неё тратится львиная доля ресурсов);
— снижения уровня массовой культуры, здравоохранения, сохранение генофонда вида гомо сапиенс, алкоголизации и наркомании и др.

Неявных проблем две: 1) самореализации человека в обществе без вреда для окружающей среды и 2) использования свободного времени.

Взаимосвязь явных и неявных проблем (объём статьи позволяет привести лишь два примера взаимосвязи).

1. *Взаимосвязь проблем самореализации человека без вреда для окружающей среды и гонки вооружений*.

Проблема самореализации порождена двумя основными факторами: а) в современном обществе под влиянием западной (рыночной) цивилизации ценность «личность» доминирует над ценностью «общество», а ведущими ценностями, через которые человек само-

реализует себя в обществе, являются богатство и хозяйство, б) все возрастающей мощью человеческой деятельности, обусловленной научно-техническим прогрессом. При росте числа людей, стремящихся к названным ценностям, и повышении для них минимально приемлемого уровня богатства природных ресурсов Земли недостаточно. Ресурсы истощаются, экология ухудшается и т.д. Не случайно до распада СССР был засекречен Меморандум NSSM-200, поданный Г. Киссинджером президенту США. В нем ставилась цель снизить рождаемость в странах богатых ресурсами, но с быстрым ростом населения, ибо это угрожает безопасности США, имевших тогда 6% населения планеты и потреблявших треть мировых ресурсов [8].

В ситуации нехватки (угрозы нехватки) ресурсов обостряется борьба за них. Войны всегда велись за обладание ресурсами. Привычное средство обеспечить доступ к ним и контроль над ними — превосходство в вооружении, поэтому борьба за ресурсы стимулирует гонку вооружений, требующую новых ресурсов. Эта гонка замедлилась после проигрыша СССР в холодной войне, но ныне возобновляется с новой силой, смещаясь в сферу неядерных вооружений и постепенно опускаясь на региональный уровень;

2. *Взаимосвязь проблемы свободного времени с проблемами снижения уровня массовой культуры, алкоголизма, наркомании, сохранения генетического здоровья*.

Необходимость контролировать досуг масс издавна осознавалась светскими и духовными руководителями общества. Для сохранения стабильности общества в удобных для себя формах они старались занять свободное от производительного труда время масс. Так, возможной причиной строительства египетских пирамид и крупных общественных сооружений в греческих полисах было стремление правителей лишить подданных досуга, чтобы те не могли строить заговоры против властей [1, с. 560]. Кроме того, праздность — мать всех пороков. Она влечет разные формы асоциального поведения — от сравнительно безобидного озорства до преступлений. И в Средние века время праздников, на которые приходилось до одной трети всех дней в году, посвящалось церковным обрядам и карнавалам.

В период складывания рыночной цивилизации («капитализма») проблема свободного времени была снята. Целью рыночного хозяйства является получение прибыли, и продолжительность рабочего дня резко возросла. Во второй половине XIX и начале XX веков трудящиеся боролись за его сокращение. Проблема контроля за свободным временем вновь обострилась во второй половине XX века, когда на основе возрастающей мощи человеческой деятельности (росте производительности труда) продолжительность рабочего дня сокращалась.

Ныне проблема свободного времени связана не с заговорами против властей, а с возможностью массовых действий, выражающих недовольство официальной властью (от законных демонстраций, до попыток «захватить Уолл-Стрит»). Однако стремление западных элит «организовать» свободное время масс с целью контроля их поведения влечёт проблемы снижения уровня массовой культуры, алкоголизма и наркомании, сохранения здоровья человеческого вида, включая генетическое.

Людские толпы завлекаются в гигантские помещения на концерт очередной рок- или попзвезды, для чего нужно стереть своеобразие национальных культур и снизить общий культурный уровень. Для эмоционального «подогрева» предлагается алкоголь и наркотики, обнажается женское и мужское тело, телодвижения «актеров» уподобляются половому акту и пр. Домоседы обеспечиваются телесериалами (преимущественно женщины) или спортивными передачами (чаще мужчины).

Большинство развлечений основаны на потакании стремлению индивида к удовольствию вкупе с принципом получения прибыли. Для этого построена мощная индустрия игрового и шоу-бизнеса, кинопроката, туризма, спорта, сексуальных услуг. Население снабжают видеотехникой, электронными играми, обеспечивают телесериалами и т.п.

В целом, предлагаемые «развлечения» основаны на эксплуатации низменных сторон человеческой души — физиологической чувственности, стремлении человека к насилию и разрушению, его жадности и властолюбии. Они снижают человеческий дух, разрушают его светлые и благородные стороны — бескорыстие, любовь к ближнему, чувство долга, способность к интеллектуальным наслаждениям, романтику героизма и пр. [5, с. 261–269].

Два основных сценария эволюции общества

1. *Реалистичный и неблагоприятный сценарий* означает сползание человечества в постцивилизационное варварство. Сползание обусловлено нерешённостью неявных проблем и под воздействием двух главных факторов: а) отсутствием общепринятой иерархии высших общечеловеческих ценностей и б) возрастающей жажды ресурсов, свойственной современному обществу. Приемлемый вариант сползания — формирование многополярного мира, в котором безопасность человеческих объединений гарантируется их военной и экономической мощью, а для отдельных стран — наличием в них здорового общества.

2. *Абстрактно возможный и благоприятный сценарий* означает движение человечества в сторону духовно-игровой цивилизации. Основные признаки её идеального типа следующие:

— наивысшая общечеловеческая ценность — мыслящий дух. Остальные высшие общечеловеческие ценности оказываются инструментальными по отношению к нему (в результате мысленного эксперимента);

— игра — объективно необходимая деятельность (для поглощения свободного времени) наряду со служебной (служение духу) причём виды игры должны способствовать укреплению тела и возвышению духа;

— ведущие модусы значимости — святость (праведность), знание, мастерство в духовной сфере. Доступные — власть и слава (конкуренция из-за них не вредит природной среде);

— доминирующие инструментальные ценности, социальные по происхождению, — призвание (привносит в служебную деятельность радость подобно игре) и братство (смягчает конкуренцию из-за модусов значимости);

— ведущая процедура социального признания — личная экспертиза [5, с. 271–288].

Духовно-игровая цивилизация — не проект, подлежащий воплощению, а долговременный ориентир по пути одухотворения человечества. Движение к нему может способствовать длительности и осмысленности существования человечества. Самоутверждение (обретение социальной значимости) человека — его неотъемлемое право. И если невозможно реализовать его в материальном мире без вреда для окружающей среды, нужно переориентировать энергию человека в сферу духа, способного бесконечно поглощать её. Если дух — высший цвет материи (по Энгельсу), а люди оказались носителями его, их долг сохранить этот цвет. Свободное служение духу, «радостный труд... в единодушном созидании Духа Земли» [6, с. 200] есть лучшее оправдание нашего бытия на Земле.

Здоровое общество

Его образ строится на определении понятия общества как системы субъектного типа, к коим относятся все несамодостаточные явления (живые организмы, люди, общество, биосфера). Уподобление общества (государства) живому организму имеет давнюю традицию в обществоведении. К нему прибегали Платон, Гоббс, Г. Спенсер и др.

Ключевой признак здоровья любых организмов есть согласованное и достаточно полное выполнение жизненных функций, обеспечивающее их способность длительно существовать в нормальных условиях и переносить временные перегрузки.

Здоровье общества есть результат гармоничного протекания всех процессов взаимодействия между людьми. Все типы взаимосвязаны, но отдельные из них более тесно связаны с особыми видами общественного здоровья.

Природное взаимодействие и биологическое (демографическое) здоровье. Биологическое здоровье — базовое для здоровья общества в целом. Его результирующий признак — способность населения к самовоспроизводству (при наличии необходимых ресурсов и к расширенному воспроизводству). Дополнительный признак — общее природно-физическое качество населения, основанное на генетическом здоровье.

Факторы, влияющие на биологическое здоровье, известны. Отрицательные — алкоголизм, курение табака, прием наркотиков, вредные условия труда, проживания и пр. Положительные — здоровый образ жизни, физкультура и спорт, благоприятные условия проживания

и труда и др. Положительно и отрицательно влияет ценностная система конкретного общества (об этом ниже).

Чувственное взаимодействие и социально-психологическое здоровье общества. Учитывая множественность чувств, этот вид здоровья многогранен. Его состояние влияет на общий фон стабильности в обществе.

Эта стабильность особенно зависит от доверия между отдельными людьми, а также между гражданами и представителями власти. Не случайно доверие клали в основу общества известные мыслители (Св. Августин. Дж. Фрезер, И. Хейзинга). Оно важнейшее средство против тревожности, паники, подозрительности, злобы и т.п.

Доверие к власти — главное условие политической стабильности, ибо власть сильна «мнением народным» (Пушкин). Отсутствие доверия создаёт почву для кризисных ситуаций и насильственных переворотов. Поэтому враждебные по отношению к отдельному обществу внешние силы всячески пытаются снизить уровень этого доверия с целью разрушить его государственность. Недавние «оранжевые» революции в бывших республиках Советского Союза происходили с большой поддержкой со стороны других стран — прежде всего США [9]. Террористические акты направлены не только на возбуждение в населении чувств страха и тревоги, но и на подрыв доверия граждан к властным органам и политическим лидерам.

Рече-коммуникационное взаимодействие и *информационное здоровье общества.* Этот вид здоровья, воздействуя на социально-психологическое здоровье, влияет и на другие виды общественного здоровья. Информация в СМИ может сплотить общество, вызвав всеобщую радость и гордость, но может спровоцировать панику на биржах, скачки цен на мировом рынке, послужить смене политических режимов и т.п. Прочность информационного здоровья зависит от двух важнейших условий.

Первое условие — истинность информации, циркулирующей в СМИ, но также передаваемой печатью и устно. В мирной жизни, как и на войне, «не прожить без правды сущей... лишь была б она погуще, как бы ни была горька» (А. Твардовский). Без знания реальности нельзя принять надлежащие решения.

Второе условие — соразмерность любой, но особенно позитивной и негативной, информации, передаваемой в СМИ. Радио, телевидение, Интернет не должны служить источником иллюзий, панических настроений и ощущения безысходности. Необходим также баланс между серьезными (формирующими научное мировоззрение) и развлекательными передачами. Недопустима скрытая реклама вредных привычек, вредящих биологическому здоровью, и пр. Наконец, в информации должны пропагандироваться ценности, способствующие длительному и стабильному существованию общества.

Обеспечить информационное здоровье ныне (при соперничестве обществ и социальных групп, использующих современные средства передачи информации) крайне сложно, хотя информационные войны — не сегодняшнее изобретение. Давно замечено, что «клевета всё разрушает и колеблет шар земной». Примерами успешных информационных войн полна история человечества, особенно современная история. Наглядный пример — история России, начиная с октябрьской революции и кончая распадом СССР.

Деятельностное взаимодействие и экономическое здоровье общества. С точки зрения длительности существования это здоровье определяется способностью общества бережно расходовать природные ресурсы. В глобальном масштабе бережливости препятствуют: 1) чрезвычайная мощь современной человеческой деятельности, ставшей геологической силой; 2) ценностная основа западной (рыночной) цивилизации, в которой приоритетными ценностями стали богатство и хозяйство, требующие материальных ресурсов; 3) процесс расточительного потребления, ставший ценностью сам по себе («престижное потребление», бесконечный шопинг и пр.).

С точки же зрения гармоничности деятельностного взаимодействия этому виду здоровья препятствует цель производства в рыночном хозяйстве — получение прибыли. Стремление к прибыли определяет кризисы перепроизводства, рецессии и депрессии, возникновение депрессивных экономических зон и пр. Нарушает его гармоничность также неэквивалентный обмен продуктами и услугами между отдельными регионами планеты и социально-профессиональными группами.

Правовое взаимодействие и правовое здоровье общества. Главный принцип правового здоровья сформулирован еще Аристотелем в его концепции правильно и дурно устроенных государств. Правильно устроенное (в нашем смысле, здоровое) государство есть то, в котором власть (независимо от формы правления) осуществляется во имя блага всех. Дурно устроенное (нездоровое) — то, где власть осуществляется для блага части [1, с. 456 и др.].

Государство есть объединение граждан. Его общее благо (главный национальный интерес) — максимально благоприятные условия для развития каждого гражданина как природного, социального и духовного существа. Здоровое государство призвано создать эти условия, а также защитить свои главные ценности «гражданин» и «нация».

Нравственное здоровье общества. Это здоровье не связано непосредственно с типами взаимодействия. Оно определяется системой ценностей общества. В нравственности заложены принципы взаимодействия людей внутри отдельного общества, а также взаимодействия между обществами.

Человечеству для длительного и осмысленного существования нужна смена ценностных основ международного права. Ныне в этом праве признаны приоритетными ценности «человек» («личность»), чьи права и достоинство обязаны соблюдать государства (Преамбула Устава ООН). Однако их излишне высокий статус вреден для общественного здоровья, особенно без учета сложности природы человека (природного, социального и духовного существа). Право человека как индивидуального потребителя влечёт производство пластиковой упаковки, составляющей львиную долю бытового мусора. Право человека на получение удовольствия влечёт сексуальные извращения и стимулирует наркоманию. Очевиден вред от этого для экологии и биологического здоровья человечества.

Приоритетность видов общественного здоровья. В конкретных условиях отдельные виды могут выдвигаться на первый план. Так, в ситуации конкурентной борьбы на мировом рынке для достойного существования общества особое значение имеет экономическая мощь. Но есть приоритетные виды здоровья, не зависящие от конъюнктуры. Помимо нравственного, это биологический и информационный виды общественного здоровья [5, с. 293–304 и др.].

1. Без определённого количества воспроизводящего себя здорового населения общество не может существовать. Не случайно руководство современной России придаёт решению демографический проблемы приоритетный характер.
2. Приоритетность информационного вида общественного здоровья определяется рядом взаимосвязанных обстоятельств.

Во-первых, в информации, распространяемой в обществе, пропагандируются определенные ценности. Успех в пропаганде отдельных их них влияет на нравственное, а далее и на другие виды общественного здоровья. Распространение идей Американской лиги контроля над рождаемостью, основанной М. Сэнгер в 1921 г. и других подобных организаций [3] в странах, где человек признан высшей ценностью, оказалось вредным для биологического здоровья общества.

Цель лиги выглядела благородной (и отчасти разумной) — заложить основу здоровья и счастья личности. Средством достижения её был ввод в массовое сознание установки на ограничение числа детей. Пропагандировались образцы поведения, способствовавшие реализации этой установки: «Нужно дать ребенку все самое лучшее», «Нечего нищету плодить» и т.п. Лига активно выступала за легализацию абортов, использование контрацептивов, стерилизацию слабоумных и т.д. В СССР однодетная семья популяризировалась рисунком с лозунгом «Мама, папа, я — счастливая семья!». Успех в пропаганде таких образцов повлёк сокращение коренного населения в Европе и в России.

Во-вторых, информация влияет на целесообразность действий, касающихся подлинных интересов масс и обществ. Если в пропагандируемой информации эти интересы искажены, заменены ложными или иллюзорными целями, то создаётся почва для массовых движений, кризисных ситуаций, революций и т.п.

Так, в крестовые походы и строительство коммунизма были втянуты миллионы людей, полагавших, что освобождение Гроба Господня или построение самого справедливого общества на Земле есть воплощение их подлинных интересов. Изначально (но не заведомо) это были ложные цели, противоречащие реальным интересам масс, однако люди с удивительным упорством стремились к их достижению.

В-третьих, в информации возможно искажение иерархии ценностей. Рыночные реформы, приватизация, демократизация и пр. — инструментальные ценности для обеспечения национального интереса (целевой ценности). Но принятые российским обществом в качестве целевых, они способствовали катастрофическому ходу событий в недавнем прошлом России.

Образ здорового общества должен быть принят в качестве постоянного ориентира эволюции России в многополярном мире. Особую заботу нужно проявить о нравственном, природно-биологическом и информационном видах здоровья. Для этого следует: 1) признать в Конституции РФ высшей ценностью не абстрактного человека с его правами, а именно гражданина РФ как природное, социальное и духовное существо; 2) обязать государство создавать благоприятные условия для его развития; 3) утвердить приоритет духовного начала, 4) заложить предпосылки движения к духовно-игровой цивилизации.

Заключение

Для построения ориентиров эволюции России необходим отказ от марксистских представлений о социализме и капитализме как ориентирах эволюции общества. Постоянным ориентиром любой страны является здоровое общество. Перспективным ориентиром эволюции России (и любой другой страны) может стать образ духовно-игровой цивилизации, если он будет принят человечеством в качестве стратегического ориентира эволюции. России уже сейчас полезно исподволь готовиться к движению к ней, закрепив основы этого движения в Конституцию РФ.

Список литературы

1. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Соч. в 4 т. — М.: Мысль. 1983. — Т. 4. — С. 376–644.
2. *Бороноев А.О., Смирнов П.И*. Деятельностно-ценностный подход к описанию социальных явлений: основные положения // Проблемы теоретической социологии. Вып. 8. Межвуз. сб. / отв. ред. А.О. Бороноев. — СПб.: Скифия-Принт. 2011. — С. 114–138.
3. *Маслов В*. Организации Управляемого сокращения населения в США первой половины 20-го века. — https://aftershock.news/?q=node/1048721&full
4. *Смирнов П.И*. О социологическом моделировании общественной эволюции // Социологические исследования. — 2004. — № 8. — С. 12–22.
5. *Смирнов П.И*. Постижение России: взгляд социолога. — СПб.: Алетейя, 2020. — 574 с.
6. *Тейяр де Шарден П*. Феномен человека. — М.: Наука, 1987. — 240 с.
7. *Энгельс Ф*. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — 1961. — Т. 21. — С. 23–178.
8. NSSM-200: 41 год назад в США был принят план глобального демографического управления. — https://www.nakanune.ru/articles/112335/.
9. *Laughland J*. The revolution televised. — https://www.theguardian.com/media/2004/nov/27/pressandpublishing.comment.

Сулимов С.И.
д.филос.н., доцент,
доцент Кафедры истории философии и культуры,
Воронежский государственный университет
sta-sulimov@ya.ru
Васильев Б.В.
д.филос.н., доцент,
профессор Кафедры гуманитарных дисциплин, гражданского и уголовного права,
Воронежский государственный аграрный университет
epikur53@mail.ru

ИСЛАМ И ХРИСТИАНСТВО: ПЕРСПЕКТИВЫ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ ИСЛАМА С ХРИСТИАНСКИМ И ПОСТХРИСТИАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, ислам, христианство, светское государство, религиозный прозелитизм.
Key words: intercultural interaction, Islam, Christianity, secular state, religious proselytism.

В наши дни отечественные и зарубежные исследователи и политики задаются вопросом о совместимости ислама с законодательством светских государств. В частности, один из кандидатов в президенты Франции на выборах 2017 г., Марин Ле Пен, отметила, что ислам вполне может оказаться несовместимым с демократией западного типа[1]. Однако ислам встретился с неисламскими государствами не вчера, и контакты мусульман с христианами имеют более чем тысячелетнюю историю. Поэтому в данной работе мы предпримем попытку кратко охарактеризовать непреходящую специфику таких контактов.

Новизна нашей работы заключается в последовательном анализе контактов ислама с католическим, православным и светским (постхристианским) государствами, что позволит выявить именно исламские аспекты взаимодействия с иноверцами. Ведь в трёх выбранных нами случаях иноверцы оказываются разными, а мусульмане — одни и те же.

Исламское учение об отношении к иноверцам мы рассматриваем, опираясь на работы мусульманского теолога Ю. Кардави и отечественного правоведа Д.И. Дудорова, а также дореволюционного российского ориенталиста П.П. Цветкова. Контакты мусульман с католиками на средневековом Пиренейском полуострове мы изучаем, опираясь на исследования испанского историка Р. Альтамира-и-Кревеа. Жизнь мусульман в православном Русском царстве и Российской империи подробно освещена в работах отечественных исследователей С.Х. Алишева, Р.Ш. Вахитова и Б.Р. Рахимзянова. Существование многочисленной исламской общины в светском государстве мы рассматриваем на примере колониального Алжира, жизнь которого подробно изучена британским исследователем Ю. Роганом и отечественным историком П.П. Черкасовым.

Прежде всего следует установить, является ли ислам антагонистом других религиозных верований и производных от них политических порядков. С самых первых дней возникновения ислама мусульмане разграничили все иные религии по степени своего неприятия этих верований. Политеизм, буддизм и зороастризм считаются в исламе «многобожием» и подлежат однозначному уничтожению путём предоставления их адептам выбора между переходом в ислам и смертью. Иудаизм и христианство воспринимаются мусульманами более терпимо. В частности, в Коране говорится о том, что христиане и иудеи получили божественное Откровение, но извратили его, утратили важнейшие фрагменты Откровения и поэтому превратились, условно говоря, в неполноценных правоверных (сура «Трапеза», 17:14). Мусульманам нежелательно дружить с ними, но обращение иудеев и христиан в ислам всё-таки не требуется: они вполне могут сохранить свои верования при условии, что займут в мусульманском

[1] *Жидкова А.В.* Марин Ле Пен: политическая биография // Новая и новейшая история. — 2016. — № 3. — С. 193.

обществе приниженное положение[2]. Кроме того, в Коране содержится похвала христианскому духовенству как носителю высоких нравственных добродетелей (сура «Трапеза», 85:82). Таким образом, производная от ислама политическая модель позволяет сосуществовать в мусульманском обществе нескольким конфессиям, но не допускает равенства между ними. Современный мусульманский теолог Ю. Кардави отмечает, что для обозначения иноверцев, живущих среди мусульман, используется термин «зимми», и такой статус сопровождается рядом неотчуждаемых прав. Более того, мусульманам разрешается обращаться к иноверцам за теми или иными услугами типа медицинской помощи или купли-продажи[3].

Однако выше мы неспроста указали, что ислам не допускает межконфессионального равенства. Статус зимми предполагает демонстративное признание иноверцами собственной неполноценности. Так, они обязаны платить особые налоги, не взимаемые с правоверных (джизью и харадж), им запрещается строить дома выше, чем у мусульман, и даже при встрече с правоверным зимми должен сойти с тротуара и уступить мусульманину дорогу[4]. Подлинным владельцем мира и всех существующих государств считается Аллах, и поэтому те страны, в которых неверные не подчиняются мусульманам, в грядущей исторической перспективе правоверные должны завоевать и исламизировать. Неслучайно страны, в которых иноверцы не ведут себя сообразно своему положению (то есть не уступают тротуар мусульманам), в исламской политической картине мира называются «дар-уль-харб», то есть «земля войны». Можно предположить, что на протяжении всей истории исламского мира эти убеждения поддерживались главным образом представителями простонародья, для которых быть мусульманином означало автоматически возвышаться над любыми иноверцами. И если багдадский халиф и османский падишах нередко приглашали к себе на службу христиан, слывших профессионалами в той или иной области, то именно мусульманское простонародье тут же заявляло, будто султан изменил шариату и окружил себя неверными.

Со своей стороны, христианство не отличает ислам от любой другой языческой религии, хотя и признаёт, что в Коране содержатся искаженные отсылки к Евангелию. Так, прп. Иоанн Дамаскин пересказывал некоторые фрагменты Корана и называл их «смехотворными вещами»[5]. Средневековый русский богослов прп. Максим Грек был ещё более категоричен, считая ислам несовместимым с христианством. По его мнению, если бы уважение мусульман к Евангелию было искренним, то они перешли бы в христианство[6]. Но поскольку этого не произошло, то, значит, ислам представляет собой самостоятельное, нехристианское явление.

Итак, как мы заметили, ислам и христианство отрицают друг друга. При этом мусульмане не против существования христианства, но против равного отношения к христианам. Христиане же отрицают какие-либо претензии ислама на истинность или родство с христианством. Но христианская доктрина не допускает насильственного обращения иноверцев, и поэтому можно сказать, что для христиан мусульмане как бы не существуют.

Однако реальная политическая и культурная история оказалась гораздо сложнее теологических и правовых формулировок. Мусульманам и христианам пришлось соседствовать друг с другом, а их правителям — заключать между собой соглашения и искать компромиссы.

Долгосрочное соседство ислама с христианской государственностью началось в VIII в. на Пиренейском полуострове и продолжалось на этой территории, так или иначе, до начала XVII в. Вскоре после своего вторжения на полуостров с территории Северной Африки арабы и берберы разрушили местное королевство вестготов, причём, многие знатные лица этого государства добровольно приняли ислам[7]. Однако дальнейшее продвижение мусульман в Евро-

---

[2] *Дудоров Д.И.* Основы мусульманского права. Религиозно-правовые учения мусульманского Востока. Краткий энциклопедический словарь-справочник. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005. — С. 88–89.

[3] *Кардави Ю.* Дозволенное и запретное в исламе. — М.: Андалус, 2004. — С. 314–318.

[4] *Цветков П.П.* Исламизм. В 2 кн.— М.: ФИВ, 2011. — Кн. 2. — С. 358–359.

[5] *Иоанн Дамаскин.* Источник знания. — М.: Индрик, 2002. — С. 151.

[6] *Максим Грек,* прп. Того же инока Максима Грека Слово обличително на агарянскую прелесть и умыслившего еа сквернаго пса Моамефа / Прп. Максим Грек. Сочинения в 2 т. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. — Т. 2. — С. 104.

[7] *Мюссе Л.* Варварское нашествие на Западную Европу: волна вторая. — СПб.: Евразия, 2006. — С. 126.

пу было остановлено, и на полуострове установилось шаткое равновесие между католическими королевствами и герцогствами северной части региона и мусульманскими эмиратами его центральной и южной частей. Из-за постоянно менявшихся границ феодальных государств огромные массы людей оказывались подданными то христианских, то мусульманских правителей, и, таким образом, возникала межконфессиональная чересполосица[8]. Любопытно, что каждое из пиренейских королевств имело законы, определявшие правовой статус подданных-мусульман, и почти всегда такие подданные, именуемые *мудехарами*, располагали свободой вероисповедания, судебной автономией и даже жили в обособленных кварталах. В свою очередь эмиры Гранады, Толедо, Сарагосы и других мусульманских государств полуострова мирились с существованием христианских общин в своих городах. Такие подданные-католики назывались *мосарабы* и имели чёткий правовой статус, то есть не считались маргиналами. В частности, им позволялось проводить церковные богослужения и даже содержать собственные школы.

Впрочем, реальность была не очень оптимистичной. Если о волнениях мудехаров в католических землях данных нет, то мосарабы нередко оказывали помощь своим единоверцам в войнах с мусульманами и переселялись во владения христианских королей тысячами. Вероятно, перспектива уступать мусульманам тротуар и жить в постоянном страхе погрома их не устраивала. Со своей стороны, мудехары, даже живя в столичных городах католических королевств, практиковали многоженство, что оказывало на христианское общество развращающее воздействие. В частности, пиренейские королевства стали единственными средневековыми западноевропейскими государствами, где получило легальный статус внебрачное сожительство, практикуемое даже духовенством[9].

После завоевания Гранадского эмирата, последнего мусульманского государства на Пиренейском полуострове, в 1492 г. молодое королевство Испания взяло курс на создание монархии, в которой исповедовалась бы лишь одна религия. Мудехарам предписывалось креститься в католицизм или же покинуть территорию страны. Для бывших мусульман, получивших название *мориски*, был предусмотрен ряд налоговых льгот, но параллельно корона приняла закон «О чистоте крови», закрывавший путь в ряды испанского дворянства любому человеку, имевшему среди предков арабов или берберов. Таким образом, мусульманская аристократия, «унаследованная» Испанией от побеждённых эмиратов, автоматически теряла свой статус: даже став добрым католиком, знатный араб или бербер превращался в простолюдина. Для того чтобы ускорить процесс, испанская корона в XVI в. последовательно упразднила автономию бывших мусульманских кварталов, запретила использование в повседневной жизни арабского языка, а затем приравняла тайное исповедание ислама к государственной измене. Ответом стал ряд восстаний морисков, в ходе которых повстанцы расправлялись с католическим духовенством и принимали помощь от любой страны, с которой у Испании в данный момент были напряженные отношения. Поэтому король Филипп III в 1609 г. выслал с территории страны всех морисков независимо от того, являются они тайными мусульманами или не являются. Испания действительно превратилась в королевство одной религии, но ценой этой трансформации стал исход 800 тыс. вчерашних подданных в Северную Африку, и, как следствие, экономический спад в пиренейской монархии[10].

Иным оказался исторический опыт взаимодействия с мусульманами у России. Впервые страна оказалась в соседстве с исламом в XIV в., когда хан Золотой Орды Узбек принял данное вероисповедание сам и попытался принудительно исламизировать татарскую аристократию. А поскольку многие опальные мурзы находили приют в русских княжествах, то в XV в. на московской территории даже возникло Касимовское ханство, где под патронажем Москвы жили по своим правилам потерявшие престолы Чингисиды, Мангыты и их свита[11]. Однако русские не проявляли к исламу ни малейшего интереса, а после завоевания Иваном IV Грозн-

[8] *Альтамира-и-Кревеа Р.* История средневековой Испании. — СПб.: Евразия, 2003. — С. 125.

[9] Там же. — С. 235.

[10] *Вебер Г.* Всеобщая история в 15 т.. — 2-е изд. — М.: Типография В.В. Исленьева, 1889. — Т. 11: История католической реакции и религиозных войн. — С. 212.

[11] *Рахимзянов Б.Р.* Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. — СПб.: Евразия, 2016. — С. 175.

ным Казани и Астрахани даже предпринимались спорадические попытки обратить в православие местных жителей. К началу XVII в. был достигнут компромисс, по условиям которого татарскому простонародью была сохранена его религии, если только мусульмане не станут строить новых мечетей и препятствовать монастырскому землевладению. Сложнее обстояли дела с мусульманской аристократией: некоторые мурзы поддержали поход царя на Казань, а в дальнейшем играли роль проводников московского влияния в степях. Такая лояльность требовала поощрения, и русская корона даже не пыталась ввести закон, подобный испанскому правилу «чистоты крови». Татарские аристократы принимались на посильную для них службу разведчиков, переводчиков и дипломатов и получали не меньшее, чем их христианские коллеги, жалование. В начале XVII в. даже существовала опасность, что в Московском царстве сложатся две аристократии — христианская и мусульманская, причём, каждая будет лоббировать интересы своих единоверцев. Царь Алексей Михайлович нашёл простое решение этой проблемы, запретив иноверцам владеть крепостными православного вероисповедания[12]. Если русский дворянин, не неся службы, всё равно находился у крестьян на содержании, то его коллеги европейского и татарского происхождения получали жалование лишь до тех пор, пока выполняли какие-нибудь служебные обязанности. Превратить татар в крепостных мурзы не могли из-за отсутствия в данном народе института личной зависимости, и поэтому многие из них действительно перешли в православие, влившись в ряды русских дворян и вскоре по-настоящему обрусев. В XVIII в. аналогичная судьба постигла многих лояльных русской короне башкирских тарханов. Другие мурзы и тарханы, видя невозможность стать помещиками и не желая отказываться от ислама, занялись коммерцией.

Важно отметить, что русское правительство (как московское, так и санкт-петербургское) в своей восточной политике нередко нуждалось именно в услугах мусульман. К примеру, татарские купцы обеспечивали дипломатическое присутствие России в Средней Азии задолго до Туркестанских походов XIX в., а в завоевании Крымского ханства не последнюю роль сыграли татарские же разведчики. Башкирские крестьяне выращивали лошадей для царской армии, а на полях сражений Семилетней войны проявили себя башкирские же налётчики с традиционным оружием кочевников. В то же время практически во всех антирусских восстаниях, случавшихся в татарском Поволжье и Башкирии в XVIII в., неизбежно имел место религиозный подтекст, хотя причины всех без исключения этих выступлений были социально-экономическими. Так, башкирский духовный деятель Абдулла Галеев по прозвищу Батырша, играя второстепенную роль в восстании 1755–1756 гг., попытался объявить России «священную войну»[13]. Не в последнюю очередь для того, чтобы сделать подобные прецеденты невозможными, царское правительство пошло на сотрудничество с мусульманским духовенством. В 1788 г. в Оренбурге было организовано Магометанское Духовное Собрание, взявшее на себя посредничество между государством и мусульманской общиной. В конце XVIII в. по приказу Екатерины II в казанской гимназии началось преподавание татарского языка, которое было поручено мусульманскому эрудиту Сагиту Хальфину, ставшему основателем целой династии учёных-литературоведов[14].

Как свидетельствуют исторические факты, сотрудничество православной империи с Магометанским Духовным Собранием оказалось плодотворным. Ведь в XIX и начале XX вв. русскому правительству приходилось использовать против мусульман вооруженную силу лишь в тех областях страны, где Магометанское Духовное Собрание не имело твёрдого авторитета — на Северном Кавказе и в Средней Азии. То есть, будучи юридически христианской, Россия фактически продемонстрировала веротерпимость, не пытаясь искоренить ислам, но и не допуская его влияния на духовные и социальные основы государства.

Более либеральный, но менее удачный пример сотрудничества с мусульманами демонстрирует колониальная политика Франции в Алжире на протяжении 1830–1960-х гг. В 1830 г. французские войска высадились в Алжире, а к 1834 г. страна была практически полностью

[12] Уложение государя, царя и великого князя Алексея Михайловича. — М.: Государственная типография, 1913. — С. 261.

[13] *Вахитов Р.Ш.* Шежере Салавата. — Уфа: Китап, 2008. — С. 32.

[14] *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI — начало XIX в. — М.: Наука, 1990. — С. 217–218.

аннексирована европейцами. Причём правитель прибрежной её части, носивший титул «дей», слыл в Европе настоящим пиратским королём, но с его вооруженными силами французы покончили буквально за несколько месяцев. А вот за пределами городов европейцам пришлось долго воевать с отрядами берберов, не признававших над собой ничьей власти. Духовную же основу антифранцузского движения обеспечивали мусульманские религиозные братства, именуемые *тарикаты*. Они пронизывали собой практически всё сельское общество Алжира, и современный историк Ю. Роган сравнивает их по степени влияния с масонскими ложами[15]. Военная сила и административный опыт французов позволили им к середине XIX в. полностью подавить любое сопротивление. Алжир был разделен на три провинции, в дальнейшем получивших статус департаментов, а в 1860 г. в колонии жило уже 200 тыс. французских переселенцев[16]. Можно сказать, что в Алжире установился образцовый с французской точки зрения колониальный порядок.

Важно отметить, что с конца XVIII в. французы являются приверженцами гражданского национализма, то есть готовы признать членом французской нации любого человека, который владеет французским языком и соблюдает французские законы[17]. Этническая принадлежность и вероисповедание такого неофита не играют ни малейшей роли, поэтому захват Алжира Францией ни в коем случае не предполагал навязывания местным жителям католицизма или каких-нибудь унизительных выпадов против ислама. Более того, революция 1789 г. отделила во Франции Церковь от государства, и принадлежность человека к какой-либо религии превратилась в его частное дело. Официально Французская республика стала светским государством лишь в 1905 г., фактически же Церковь в ней была отделена от государства ещё в годы Великой французской революции.

На протяжении всего периода Нового времени французское правительство обсуждало вопрос о предоставлении равных прав жителям колоний и метрополии, хотя на практике это привело лишь к созданию сложной административной иерархии между протекторатами, колониями и заморскими владениями, большая часть населения которых считалась неполноправными, но и не бесправными туземцами. Население колоний и заморских владений юридически делилось на две категории: граждане и подданные. Граждане, проживающие в Оране или Алжире, в правовом отношении не отличались от парижан или провансальцев, а вот подданные были опутаны системой мелочных запретов. Например, под угрозой кратковременного тюремного заключения или небольшого штрафа им запрещалось критиковать правительство, хотя граждане могли это делать совершено свободно. Зато в своей домашней жизни подданные руководствовались традиционными представлениями. К примеру, алжирские туземцы-мусульмане подчиняли свои семейные и соседские отношения шариату, не встречая никаких препятствий со стороны колониальной полиции. Колониальное руководство пыталось проводить политику ассимиляции алжирцев, но делало это без малейшей настойчивости. Так, любой араб или бербер мог пройти процедуру натурализации и получить гражданские права при условии, что он официально откажется от своего туземного статуса и не станет признавать над собой никаких законов, кроме светского законодательства Французской республики. Для мусульман такая процедура натурализации была равносильна отказу от своего вероисповедания, в то время как правовые ограничения, налагаемые на них, были обидными, но не обременительными. Поэтому по статистике, приведённой британским историком Ю. Роганом, за все годы французского господства в Алжире лишь 2000 местных жителей обратились за получением французского гражданства[18].

Во время Первой мировой войны французское правительство испытало острую нужду в мобилизационном ресурсе колоний и отказалось от политики ассимиляции в пользу ассоциации. Новобранцев-мусульман начали массово призывать в армию, жителей Северной Африки рекрутировали на оборонные производства метрополии, а в качестве компенсации для них стали открыты должности в колониальной администрации, прежде замещаемые лишь полно-

[15] *Роган Ю.* Арабы. История. XVI-XXI вв. — М.: Альпина нон фикшн, 2024. — С. 160.

[16] *Черкасов П.П.* Судьба империи. Очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. — М.: Наука, 1983. — С. 29–31.

[17] *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. — СПб.: Алетейя, 1998. — С. 140.

[18] *Роган Ю.* Арабы. История. XVI-XXI вв. — М.: Альпина нон фикшн, 2024. — С. 330.

правными гражданами. В 1919 г. был принят закон Жонара, облегчавший получение арабами офицерских званий во французской армии и смягчавший условия натурализации. Однако это привело лишь к нарастанию среди мусульман разочарования в проведённых преобразованиях. Получив отдельные послабления в колониальном законодательстве, арабы и берберы вообразили, что теперь могут требовать от французов всего, чего угодно, а отказ воспринимали как попытку обмануть их. В частности, уже в 1930-е гг. в Алжире и даже среди алжирских рабочих во Франции возник ряд националистических организаций. В лучшем случае они требовали отмены натурализации, а в худшем — предоставления Алжиру независимости и высылки из него всех французов[19]. Именно на этой социально-политической основе после Второй мировой войны сложились такие сепаратистские и террористические организации как Революционный комитет за единство и действие, Фронт национального освобождения и Армия национального освобождения, деятельность которых вкупе с поддержкой Советского Союза и арабских националистов из-за рубежа привели к отделению Алжирской народной демократической республики от Франции в 1962 г.

Может показаться, что движение за независимость Алжира представляло собой патриотический фронт, в котором объединили усилия антиколониальные организации самого различного характера — от традиционалистской «Федерации избранных мусульман» до националистической Алжирской коммунистической партии[20]. Но все эти ассоциации объединяет одна деталь: их активисты и идеологи не проходили юридическую процедуру натурализации, а значит, не соглашались считать законы республики выше норм шариата. Получается, что алжирское антиколониальное движение было в первую очередь борьбой мусульман против иноверцев, замаскированное терминами и лозунгами западноевропейской политической риторики. А одной из скрытых, не до конца осознаваемых причин этого движения послужила невозможность для мусульман доминировать над иноверцами, потому что исповедание ислама во французских колониях разрешалось, но не давало никаких привилегий.

Мы рассмотрели опыт взаимодействия с исламским обществом католического (Испания), православного (Россия) и постхристианского (Франция) государств. Какие особенности этих взаимодействий мы могли бы выявить?

В случае мусульманских общин Пиренейского полуострова принципиальное значение имеет тот факт, что испанская корона приступила к их насильственной христианизации, а после неудачи — к депортации только после того, как на полуострове была ликвидирована мусульманская государственность. Кастильские короли и их более поздние испанские наследники могли поддерживать неплохие соседские отношения с мусульманскими эмирами, но терпеть внутри своего королевства иноверческие анклавы они не собирались. Вероятно, причина такой нетерпимости заключается в сложной системе легитимации власти, применяемой католическими монархами. В частности, опорой королевской власти служит католическая Церковь, а залогом лояльности подданных — их католическое же вероисповедание. Иноверец в такой системе политических координат оказывается предельно неблагонадёжным. Для нас же важно, что все попытки испанской короны каким-либо образом интегрировать мусульман в христианское общество провалились. Не всегда имея возможность оказывать государственному механизму открытое сопротивление, мориски играли роль «пятой колонны» на протяжении столетия, за что в итоге и поплатились. Однако необходимо учесть, что этим шагом испанские короли надолго испортили отношения с мусульманскими странами Средиземноморья.

Русский опыт взаимодействия православного государства с мусульманами отличается многогранностью. Московские князья и цари легко заключали альянсы с одними татарскими ханами против других, организовали в Касимове резерват для опальных степных царевичей и охотно пользовались в своей восточной политике посредничеством мусульманских купцов. В то же время были приняты действенные меры по недопущению мусульман в государственный механизм молодой России. Не имея ничего против татарской или башкирской национальности того или иного аристократа, Соборное Уложение 1649 г. не допускало иноверцев в ряды

[19] *Черкасов П.П.* Судьба империи. Очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. — М.: Наука, 1983. — С. 71.

[20] Там же. — С. 72.

помещиков (то есть пожизненных потенциальных функционеров правительства). Именно поэтому российское общество сочетало в себе много этносов и конфессий, но дворянство при всей своей интернациональности оказалось духовно однородным. Возможно, по этой причине антироссийские и антирусские выступления мусульман XVII–XVIII вв. всегда были в первую очередь бунтами простонародья, вспыхивающими по социально-экономическим причинам. Поскольку в некоторых таких выступлениях принимало участие мусульманское духовенство, то учреждение Магометанского Духовного Собрания стало действенной контрмерой, сделав всех авторитетных исламских богословов известными правительству и лично ответственными за поведение мусульманской общины. Такая система имела немало издержек, но, в общем и целом, после её установления межконфессиональное напряжение в России заметно ослабло.

Крайне неудачным нам кажется попытка взаимодействия с мусульманами, предпринятая светским постхристианским государством в ходе французской колонизации Алжира. С одной стороны, колониальная администрация отказала мусульманам в гражданских правах, но, с другой стороны, она же сделала их положение вполне сносным, не настаивая ни на христианизации, ни даже на сотрудничестве туземцев с гражданами. В данном случае необходимо акцентировать внимание на том факте, что бурный рост антифранцузских и антиколониальных настроений в Алжире начался именно в тот момент, когда правительство смягчило правовые ограничения для туземцев, фактически обещая им гражданские права. Почему мусульмане не умиротворились от таких щедрых обещаний, а, наоборот, перешли к открытой конфронтации? Вероятно, ответ заключается в специфике ислама. Как мы отмечали выше, мусульманин стремится не к равенству с иноверцами, а к доминированию над ними. То, что французы официально не придавали значения христианству, не делало их в глазах мусульман нейтральными. Вероятно, по мнению алжирцев, французы верили не в Аллаха, а в светское законодательство, то есть всё равно оставались иноверцами. Смягчение колониальных законов по отношению к мусульманам было воспринято последними как слабость, как призыв перейти от сосуществования к доминированию.

При всех этих различиях опыт взаимодействия рассмотренных стран с мусульманскими общинами имеет и ряд общих черт. Во-первых, конфликт мусульман с иноверцами неизбежен, потому что сама суть ислама не допускает равноправия конфессий. Во-вторых, как показывает русский опыт, мусульмане вполне могут быть лояльными подданными государства, но только в том случае, если представители мусульманской общины не допускаются до государственных должностей, а любые их попытки конфронтации с иноверцами немедленно пресекаются.

Сургуладзе В.Ш.
к.филос.н.,
генеральный директор ООО «СТК»,
ведущий эксперт Аналитической группы «С.Т.К.»,
старший преподаватель Кафедры политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций
Финансового университета при Правительстве РФ
bafing@mail.ru

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ С. ХАНТИНГТОНА, ПРОТИВОСТОЯНИЯ С США И КОЛЛЕКТИВНЫМ ЗАПАДОМ И КОНФЛИКТА НА УКРАИНЕ[1]

Ключевые слова: политика США по сдерживанию России, политика идентичности, цивилизационная идентичность, кризис идентичности, столкновение цивилизаций, Самуэль Хантингтон, цивилизационный подход, разорванные страны, расколотые страны, столкновение Западной и Православной цивилизаций, войны по линиям разлома между цивилизациями, российско-украинские отношения, национализация элит.

Key words: US policy to contain Russia, identity policy, civilizational identity, identity crisis, clash of civilizations, Samuel Huntington, civilizational approach, torn countries, split countries, clash of Western and Orthodox civilizations, wars along fault lines between civilizations, Russian-Ukrainian relations, nationalization of elites.

С началом Специальной военной операции на Украине в официальном дискурсе российских властей всё большее место стали занимать цивилизационные подходы к определению и репрезентации российской государственности. Положение о России как государстве-цивилизации зафиксировано в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. Достаточно полно проблемы цивилизационной идентичности России и общий подход к цивилизационной проблематике были раскрыты в речи В.В. Путина и состоявшейся дискуссии на Валдайском форуме в октябре того же года, тезисы о России как стране-цивилизации присутствовали и в обращении президента на пленарном заседании Всемирного русского народного собора 28 ноября.

Ориентация на активную реализацию государственной политики цивилизационной идентичности ставит ряд актуальных вопросов как теоретического, так и практического порядка. В данной связи уместно вспомнить о предложенном Самуэлем Хантингтоном делении обществ и государств, подверженных проявлениям кризиса идентичности, на «разорванные» (torn) и «расколотые» (cleft).

Мнение американского политолога особенно актуально в связи с тем фактом, что сегодня мы видим, как сбываются прогнозы учёного, сделанные в 1990-е гг. Среди них не только идеологическая и религиозная поляризация мира, но и сценарий распада Украины за счёт вхождения в состав России её восточных областей в результате конфликтной напряжённости по линиям разломов между Западной и Православной цивилизациями.

В 1993 г. в журнале Foreign Affairs была опубликована статья С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?»[2], впоследствии разросшаяся до ставшей классической работы (уже без вопросительного знака), вышедшей в свет в 1996 г. и ставшей бестселлером.

По мнению политолога, период холодной войны был ознаменован глобальным разделением на два возглавлявшихся СССР и США лагеря. В условиях биполярного мирового порядка государства были вынуждены встраиваться в идеологический фарватер одной из двух сверхдержав, либо пытаться сохранять хрупкий баланс неприсоединения, в значительной степени

[1] Доклад подготовлен на базе публикации автора: *Сургуладзе В.Ш.* Межцивилизационное взаимодействие США и незападного мира (цивилизационная идентичность России в контексте концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона) // США и Канада: экономика, политика, культура. — 2024. — № 3. — С. 88–103.

[2] *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. — 1993. — Vol. 72. — No 3. — P. 22–49.

забыв о собственных идеологиях. При этом и американский либерализм/капитализм и советский социализм/коммунизм были идейно-политическими течениями западного происхождения.

С. Хантингтон прогнозировал, что дезинтеграция Советского Союза и исчезновение двухполюсного мира приведут к возрождению традиционных идеологий и верований, ушедших на второй план в период глобального противостояния холодной войны. Среди последствий данных процессов, по мнению учёного, было глобальное возрождение ислама (месть Бога, la Revanche de Dieu)[3], стремление народов мира строить будущее на базе самобытной культуры и собственной цивилизационной идентичности, усиление тенденций культурного обособления, возвращения к корням[4], связанное со снижением глобального культурного влияния и авторитета Западной цивилизации. Если раньше модернизация и развитие осмыслялись в категориях «догоняющей модернизации» на основе вестернизации, как следование за «прогрессивным» Западом, то в новом постбиполярном мире, предсказывал С. Хантингтон, можно будет быть современным обществом на базе собственных ценностей.

В атмосфере эйфории, обусловленной победой Запада в холодной войне, С. Хантингтон авторитетно заявил о том, что Западная цивилизация не является универсальной, а мир по-видимому никогда не преодолеет культурных различий. В условиях повсеместного оптимизма по поводу грядущего окончательного триумфа западноцентричной глобализации, рыночной экономики и либерализма в период беспрецедентного укрепления глобальной гегемонии США, это была достаточно смелая точка зрения. Примечательно, что годом ранее выхода нашумевшей статьи С. Хантингтона, увидел свет другой мировой бестселлер — тоже написанная на базе статьи[5] работа Френсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек», предполагавшая, что весь мир неминуемо примет американскую модель развития как наилучшую[6].

Сегодня, спустя три десятилетия, можно констатировать, что прав был именно С. Хантингтон. Об этом в частности свидетельствуют многочисленные переиздания «Столкновения цивилизаций», подтверждающие актуальность выводов учёного, неизменный интерес к его концепции цивилизационных конфликтов и войн по линиям разломов между цивилизациями.

Структура цивилизаций, закономерности межцивилизационного взаимодействия, «расколотые» и «разорванные» страны

С. Хантингтон выделил *восемь основных цивилизаций* (хотя учёный и не совсем уверен в существовании Африканской цивилизации): Западную, Латиноамериканскую, Африканскую, Исламскую, Синскую (Китайскую), Индуистскую, Православную и Буддистскую[7].

В основе цивилизационной идентичности лежат религия, язык и культура. Политолог выделил *пять моделей цивилизационного поведения и типов межцивилизационного взаимодействия государств*: государства-участники (member states), стержневые государства (core states), страны-одиночки (lone countries), расколотые страны (cleft countries), разорванные страны (torn countries)[8].

Государства-участники — страны, идентифицирующие себя с другими представителями цивилизационной общности. Так, Алжир, Тунис, Марокко, Египет рассматривают себя в качестве частей арабского и исламского мира, а Италия, Франция и Германия — западноевропейского.

Стержневые государства — культурные и политические центры, ассоциирующиеся в качестве средоточия определённой цивилизации. Так, Синская, Индуистская и Православная

---

[3] *Хантингтон* С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003. — С. 138–149; *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. — London: Simon and Schuster, 2002. — P. 95–101.

[4] Ibid. — P. 81–101.

[5] *Fukuyama F.* The End of History? // The National Interest. — 1989. — No 16. — P. 3–18.

[6] *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. — New York: Free Press, 1992. — XXIV, 418 p.

[7] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003. — С. 53–60.

[8] *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. — London: Simon and Schuster, 2002. — P. 135–139.

цивилизации обладают стержневыми государствами — культурно-историческими и военно-политическими центрами этих цивилизаций соответственно выступают Китай, Индия и Россия.

Цивилизации, обладающие стержневыми государствами, отличаются от цивилизаций, характеризующихся наличием нескольких центров культурного и политического влияния. Так, например, отличительной чертой Западной цивилизации является наличие стержневых центров — Соединённых Штатов Америки и Великобритании и утратившего в настоящее время международную субъектность, но ещё сохраняющего определённое влияние франко-германского стержня континентальной Европы.

Исламский мир, Латинская Америка и Африка не имеют стержневых государств. При том, что в Исламской цивилизации на эту роль претендуют сразу несколько, оспаривающих лидерство соперников — Иран, Саудовская Аравия и Турция.

Страны-одиночки — государства, имеющие заметные культурные отличия, обладающие выраженной культурной самобытностью, но в силу объективных причин не проецирующие своё цивилизационное влияние на внешнеполитической арене. По мнению С. Хантингтона, к таким странам можно отнести Эфиопию и Японию.

Расколотые страны — государства, характеризующиеся глубоким разделением общества по линиям культурной принадлежности и цивилизационной идентичности. В таких странах идеологические противоречия и борьба за идентичность приводят к тому, что доминирующие во властных институтах представители одного цивилизационного лагеря и соответствующих регионов, себя с ним ассоциирующих, используют государственный аппарат для навязывания собственного языка, религии, интерпретаций исторического прошлого и символов всему обществу.

Страны, расколотые по линиям разломов между цивилизациями, сталкиваются с проблемами сохранения территориальной целостности и обеспечения в обществе гражданского консенсуса. В Судане на протяжении десятилетий велась гражданская война между мусульманским севером и христианским югом, завершившаяся в 2011 г. образованием государства Южный Судан. Цивилизационное разделение характерно и для Нигерии. Хрестоматийным примером расколотой страны является Украина, западная и восточная части которой тяготеют к разным цивилизациям.

Согласно С. Хантингтону по границам между цивилизациями проходят территории, подверженные возникновению межцивилизационных конфликтов.

Разорванные страны, представляют собой второй тип государств, отличающихся проявлениями кризиса цивилизационной идентичности. Если *Украина — расколотая страна*, западные и восточные регионы которой ассоциируют собственное будущее с противостоящими друг другу цивилизациями, то *Россия — страна разорванная*. В отличие от расколотых стран, разорванные обладают одной доминирующей культурой, характерной для данной цивилизации. Однако её лидеры идентифицируют себя с другой цивилизацией, хотят изменить собственную культурную принадлежность.

Наряду с Россией, к типичным разорванным странам С. Хантингтон отнёс постосманскую Турцию М.К. Ататюрка, также осуществлявшую модернизацию на базе вестернизации и пытавшуюся стать частью Запада. «Разорванные страны можно узнать по двум феноменам. Их лидеры определяют себя как “мостик” между двумя культурами, и наблюдатели описывают их как двуликих Янусов: “Россия смотрит на Запад — и на Восток”; “Турция: Восток, Запад, что лучше?”»[9].

Описывая проявления кризиса цивилизационной идентичности, американский политолог назвал мировоззренческую зависимость от Запада «культурной шизофренией», вызванной «западным вирусом»[10], приводящим к неверному пониманию элитой стратегических национальных интересов, к попыткам встроиться в чуждые цивилизационные рамки и жить по чужим правилам. По мнению учёного, политика разорванных стран, отличающихся раздвоенностью сознания, обусловленной инокультурными устремлениями элиты при наличии

[9] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. — С. 210.

[10] Там же. — С. 237.

общей для большинства самобытной культуры, то есть политика, ориентированная на смену цивилизационной идентичности, обречена на провал.

Сбывающиеся прогнозы и сценарии развития российско-украинских отношений после дезинтеграции СССР

Примечательно, что в изданной в 1996 г. работе С. Хантингтон особенно подробно остановился на рассмотрении сценариев будущего Украины, *включая вариант распада государства по линиям разлома между цивилизациями*. В частности, учёный указывал на имевший место социокультурный раскол, годами фиксировавшийся в ходе предвыборных кампаний, проявлявшийся в очевидной поляризации результатов президентских выборов, демонстрировавших разделение голосов по языковому признаку и отношению населения регионов к Западу и России.

Если в статье 1993 г. представленные политологом контуры видения будущего были относительно благоприятны, то в книге появился и негативный сценарий.

Сценарий мирного сосуществования. Несмотря на наличие значительных экономических и военно-политических противоречий С. Хантингтон полагал, что «если общность цивилизации имеет значение, то конфликт между русскими и украинцами маловероятен», поскольку «оба эти народа славянские, преимущественно православные; между ними на протяжении столетий существовали тесные связи»[11]. Наиболее вероятным сценарием политолог считал сохранение единой независимой Украины в расколотом состоянии, сохраняющей тесные связи с Россией[12]. При этом *С. Хантингтон характеризовал российско-украинские отношения как ключевые для Восточной Европы*, так как *Россия и Украина «являются стержнем, необходимым для единства православного мира»*[13].

Однако американский политолог полагал вероятным и менее благоприятное развитие двусторонних отношений.

Сценарий конфликтного распада Украины состоял в расколе государства по линиям разлома между Западной и Православной цивилизациями «на две части, восточная из которых войдёт в состав России»[14]. Рассматривая данный вариант развития событий, С. Хантингтон констатировал: *«Такой «обрезок» униатской и прозападной Украины может стать жизнеспособным только при активной и серьёзной поддержке Запада. Такая поддержка, в свою очередь, может быть оказана только в случае значительного ухудшения отношений между Россией и Западом, вплоть до уровня противостояния времён "холодной войны"»*[15]. Этот прогноз оказался пророческим.

В данной связи уместно отметить, что западные специалисты по России и американские дипломаты, включая посла США в Москве, а затем директора ЦРУ У. Бёрнса, прекрасно осознавали потенциальные последствия вторжения Запада в зону цивилизационного влияния и жизненных интересов России на Украине, о чём свидетельствуют опубликованные мемуары и рассекреченные дипломатические депеши с предупреждениями американского высшего руководства о недопустимости вмешательства на Украине, воспринимаемого российским политическим истеблишментом в качестве неприемлемой угрозы[16].

В оказавшемся пророческим «Столкновении цивилизаций» представлены две карты — на одной изображена линия разлома между цивилизациями, проходящая по территории Украины и обширной восточной границе Западной цивилизации, включающей территории государств Прибалтики, Белоруссии, Молдавии, Румынии, балканских стран; на второй обозначен цивилизационный раскол между Западом и Востоком собственно постсоветского украинского государства[17]. Примечательно, что первая карта была опубликована и в пред-

[11] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. — С. 257.

[12] Там же. — С. 259.

[13] Там же. — С. 259.

[14] Там же. — С. 257.

[15] Там же. — С. 258.

[16] *Бёрнс У.* Невидимая сила: Как работает американская дипломатия. — М.: Альпина Паблишер, 2020. — 688 с.

[17] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. — С. 245, 256; *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations. — P. 159, 166.

шествовавшей выходу книги статье[18], свидетельствующей о том, что Украина сразу рассматривалась американским политологом в качестве наиболее характерного примера расколотой страны и государства, по территории которого проходит линия разлома между цивилизациями.

Цивилизационный аспект сдерживания России

Практика развития международных отношений и внутриполитических процессов на постсоветском пространстве продемонстрировала эффективность деятельности США и их союзников по подрыву имевшихся между Россией и Украиной глубоких исторических и культурных связей. Пассивная позиция России, делавшей ставку на экономическое взаимодействие с украинскими олигархическими кругами в условиях отсутствия комплексной долгосрочной стратегии работы по борьбе «за сердца и умы», за информационное и гуманитарное пространство украинского общества, на фоне активного вмешательство внешних игроков, агрессивной этнической мобилизации, переписывания общей истории двух стран и антироссийской политики идентичности, реализовывавшейся прозападными украинскими элитами[19] в конечном итоге привели к воплощению наиболее жёсткого сценария развития двусторонних отношений.

Весьма показательно в данной связи, что западные эксперты отлично осознают и констатируют неумение России использовать механизмы «мягкой» силы, приводящее к доминированию в российском политическом планировании методов традиционной «жёсткой» силы[20].

Не менее показательны и годами разрабатывавшиеся сценарии сдерживания, в которых Украине отводилась основная роль в «перенапряжении и разбалансировке» России. При сравнительном анализе сценариев потенциальной эффективности давления на национальные интересы Российской Федерации в Сирии, Белоруссии, на Южном Кавказе, в Центральной Азии и Приднестровье Украина отмечалась в качестве наиболее приоритетного направления подрывной деятельности[21].

Так, например, в 2019 г., ещё до начала Специальной военной операции России на Украине и до предъявления в декабре 2021 г. НАТО и государствам коллективного Запада «ультиматума Рябкова» с требованием гарантий безопасности и нерасширения Североатлантического альянса, появился документ RAND Corporation[22] под названием «Перенапрягая и дестабилизируя Россию: оценка воздействия вариантов, требующих больших затрат», резюмировавший обширный доклад, в котором согласно аннотации к краткому резюме, опубликованному на сайте авторитетного американского think tank'а, всесторонне рассматривались «ненасильственные»[23], требующие больших затрат варианты, которые США и их союзники могли бы использовать в экономической, политической и военной областях, чтобы усилить напряжение и вывести из равновесия экономику и вооружённые силы России, а также политическое положение режима внутри страны и за рубежом». *В документе анализировался вопрос поставок летальных вооружений Украине как возможный сценарий нанесения наибольшего ущерба Российской Федерации*. Этот вариант оценивался в качестве самого перспективного, хотя и чреватого опасной для США дальнейшей эскалацией конфликта. По мнению американских аналитиков, геополитические издержки, связанные с накачкой Украины оружием,

---

[18] *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. — 1993. — Vol. 72. — No 3. — P. 30.

[19] См.: *Кучма Л.* Украина — не Россия. — М.: Время, 2003. — 560 с.; *Katchanovski I.* Cleft Countries: Regional Political Divisions and Cultures in Post-Soviet Ukraine and Moldova. — Stuttgart, 2006. — 296 p.

[20] *McNerney M.J., Connable B., Zimmerman S.R., Lander N., Posard M.N., Castillo J.J., Madden D., Blum I., Frank A., Fernandes B.J., Seol I.H., Paul C., Parasiliti A.* National Will to Fight. Why Some States Keep Fighting and Others Don't. — Santa Monica: RAND Corporation, 2018. — P. 99.

[21] *Dobbins J., Cohen R.S., Chandler N., Frederick B., Geist E., DeLuca P., Morgan F.E., Shatz H.J., Williams B.* Overextending and Unbalancing Russia: Assessing the Impact of Cost-Imposing Options (Brief). — Santa-Monica: RAND Corporation, 2019. — P. 4, 5, 9.

[22] Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.

[23] Под «ненасильственными вариантами» подразумеваются и военные меры сдерживания на территории третьих стран, не приводящие к прямому вовлечению США в конфликт.

должны были способствовать «умеренному перенапряжению» России, обеспечить «высокие преимущества» США и их союзникам при сопутствующих высоких затратах и рисках[24].

В сентябре 2022 г. на сайте организации была опубликована полная версия трёхсотпятидесятистраничного доклада под названием «Перенапрягая Россию: соперничество с выгодных позиций»[25], подтверждающая ориентацию США на последовательное стратегическое сдерживание России не только на Украине, но и на всём постсоветском пространстве.

Аналитические выкладки сотрудников RAND Corporation, сделанные задолго до начала Специальной военной операции на Украине, доказывают, что *Соединённые Штаты в высшей степени умело используют возможности усугубления внутригосударственных противоречий, обусловленных особенностями кризисных проявлений национально-государственной идентичности в странах, расположенных на периферии соперничающих цивилизаций*.

Характерным примером внутрицивилизационного взаимодействия в рамках отмеченного С. Хантингтоном двойного англо-американского стержневого центра Западной цивилизации является сотрудничество США и Великобритании[26]. В этой связи достаточно симптоматично выглядит анализ современного международного положения, представленный директором ЦРУ У. Бёрнсом в лекции, прочитанной в фонде Дитчли 1 июля 2023 г.

Директор ЦРУ не упомянул Ф. Фукуяму и С. Хантингтона, однако его лекция вполне вписывается в концептуальные рамки, заложенные полярностью положений этих авторов. У. Бёрнс констатировал завершение эры однополярного доминирования США в мире после холодной войны, выделив среди основных вызовов, с которыми сталкиваются Соединённые Штаты стратегическое соперничество с Китаем и Россией.

Трансформация экономического могущества незападного мира в политическое влияние болезненно воспринимается американским истеблишментом, который устраивала глобализация только по собственным правилам. Мириться с полицентричной глобализацией американские элиты не готовы. Примечательно, что срыв глобализации, нарастающая регионализация мировой экономики в условиях роста международной напряжённости и формирования нового мирового порядка, по-видимому, в силу объективных факторов, оказываются предпочтительными для значительного количества государств[27].

Западный мир в значительной степени утратил монополию на инновации и научно-технический прогресс, на которой в значительной степени базировался авторитет Западной цивилизации в незападном мире. Сохранять прежний статус светоча технологического развития становится всё труднее, поскольку сегодня возможна модернизация без вестернизации. Более того, вполне правомерна постановка вопроса о перспективах модернизации на базе *истернизации*, поскольку исторический опыт свидетельствует об имеющейся корреляции между ростом престижа культур и моделей социально-политической организации общества и успешностью экономического и научно-технического развития.

Момент однополярного доминирования США, отличавшийся претензией на глобальную универсальность, в значительной степени затемнял цивилизационную разнородность мира. Значительную роль в таком восприятии играли задававшиеся Западным миром стандарты потребления, воспитания и образования, сформировавшийся класс транснациональной бизнес-элиты, отличавшейся корпоративной лояльностью, скорее верностью бренду корпорации, чем флагу национального государства[28]. Однако отрыв элит от национальных корней, неудержимая трансформация экономик развитых государств в сторону финансового, а не производяще-

---

[24] *Dobbins J., Cohen R.S., Chandler N., Frederick B., Geist E., DeLuca P., Morgan F.E., Shatz H.J., Williams B.* Overextending and Unbalancing Russia: Assessing the Impact of Cost-Imposing Options (Brief). — Santa-Monica: RAND Corporation, 2019. — P. 4.

[25] *Dobbins J., Cohen R.S., Chandler N., Frederick B., Geist E., DeLuca P., Morgan F.E., Shatz H.J., Williams B.* Extending Russia. Competing from Advantageous Ground. — Santa Monica: RAND Corporation, 2019. — XXVIII. — 325 p.

[26] Ср.: *Churchill W.* A History of the English-Speaking Peoples. 4 vol. — London: Cassell, 2002.

[27] *Burns W.J.* A World Transformed and the Role of Intelligence. 59th Ditchley Annual Lecture. — 2023. — 1st July. — https://www.ditchley.com/sites/default/files/Ditchley%20Annual%20Lecture%202023%20transcript.pdf; https://www.youtube.com/watch?v=IinWHBs3cNE.

[28] См., например: *Хантингтон* С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. — М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. — 635 с.

го промышленного капитализма, привели к росту влияния новых лидеров индустриализации, главным из которых стал взращённый американскими транснациональными корпорациями Китай.

Именно в этот момент особую актуальность обрело цивилизационное размежевание, поскольку американоцентричный мировой порядок, позиционировавшийся в качестве универсального, на деле оказался ширмой для гегемонии коллективного Запада под военно-политическим прикрытием США. Как только на мировой арене стали возникать альтернативные центры экономического, культурного и информационного влияния, эти центры стали дискредитироваться и сдерживаться.

Анализируя современные международные процессы через призму концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона можно констатировать, что обозначенные директором ЦРУ основные соперники Соединённых Штатов являются стержневыми государствами Православной и Китайской цивилизаций, в то время как основные союзники США — блок государств с англосаксонской стержневой культурой, главными акторами которого являются Соединённые Штаты и Великобритания.

Россия — стержневое государство Православной цивилизации и «разорванная» страна

Наблюдающаяся в настоящее время переоценка международного позиционирования России, зафиксированная в документах государственного стратегического планирования и выступлениях президента Российской Федерации, полностью вписывается в концепцию столкновения цивилизаций С. Хантингтона, актуализируя задачу её переосмысления с позиций обеспечения национальных интересов и национальной безопасности России. Другой *важной задачей становится преодоление кризисных явлений социокультурного и политического развития, выявленных американским политологом при анализе особенностей мировоззрения российской элиты, преодоление «разорванности» страны, заключающейся в многовековой поляризации взглядов общества и властвующей элиты на траектории социального и государственного развития*.

Важными выводами, сделанными С. Хантингтоном относительно России, является выделение трёх характерных особенностей:

1) *Россия — государство Православной цивилизации*. Приняв в 988 г. крещение из Византии, Православная цивилизация развивалась по пути, отличающемуся от пути Западной цивилизации. На её формирование оказали влияние византийские корни, более двухсот лет татаро-монгольского нашествия, бюрократическая централизация, ограниченное влияние общеевропейских процессов Возрождения и Просвещения;
2) *Россия — стержневое государство Православной цивилизации*. После падения в 1453 г. Константинополя Россия стала единственным православным государством мира, обладавшим суверенитетом, она веками вела борьбу за освобождение славянских и других единоверных народов в качестве признанного и единственного политического центра православного мира. Реализуя свою православную миссию[29], Российская империя содействовала освобождению от османской зависимости Греции, Болгарии, Сербии, Черногории, Румынии, покровительствовала другим православным народам;
3) *Россия — «разорванная» страна*. Несмотря на тот факт, что на протяжении веков Россия выступала в качестве стержневого государства Православной цивилизации, имея собственную самобытную культуру, политические лидеры государства со второй половины XVII в. стремились стать членами Западной цивилизации, изменить собственный культурный код и цивилизационную идентичность. В значительной степени по этому же пути пошли СССР, принявший в качестве официальной идеологии западную марксистскую концепцию социально-экономического развития по универсалистской «общемировой» модели догоняющего развития, и постсоветская Россия, власти которой

[29] См., например: *Сургуладзе В.Ш.* Грани российского самосознания. Империя, национальное сознание, мессианизм и византизм России. — 2-е изд. — М.: W. Bafing, 2010. — 480 с.

десятилетиями пытались встроиться в либеральный мировой порядок под эгидой США и их сателлитов.

Постсоветский период истории России вновь обнажил глубинный социокультурный разрыв, обусловленный различиями мировоззрения «глубинного народа»[30], творческих и властвующих элит.

В условиях обострения международной обстановки и эрозии сложившегося по итогам Второй мировой войны мирового порядка, связанных с этим вызовов и угроз национальной безопасности России, имеющийся идейно-политический разрыв должен быть переосмыслен и по возможности преодолён, поскольку без консолидации общества на базе разделяемой большинством граждан национально-государственной идентичности, без защиты ценностного и культурного суверенитета трудно рассчитывать на эффективное противостояние агрессивным мировым центрам идейно-политического, военного и экономического влияния, ориентированным на системное сдерживание и дезинтеграцию России.

В отличие от завершающегося периода глобального доминирования коллективного Запада, современный мир даёт основания для развития незападных концепций идейно-политического и ценностного осмысления социального развития на базе самобытной идентичности. Модернизация на основе собственных ценностей позволяет избежать опасных для защиты национальных интересов последствий, приводящих к цивилизационной разорванности общества, связанных с кризисом идентичности и неверным целеполаганием оторвавшихся от народа властвующих и творческих элит.

Учитывая исторические особенности становления западноцентричного мировоззрения российской элиты, решение стоящих перед российским государством и обществом задач самостоятельного развития с опорой на собственные силы, духовно-нравственные ценности и идентичность невозможно без преодоления известной историкам и специалистам в области русской социальной философии со времён спора западников и славянофилов, удачно концептуализированной С. Хантингтоном в контексте цивилизационного подхода ценностной «разорванности» общественного сознания.

Цивилизационные концепции общественного развития подвергаются критике за смелость обобщений и широкое поле возможных интерпретаций, не всегда достаточно обоснованные выводы и предположения, наличие множества частных исключений и противоречивых тенденций. Однако их ретроспективная переоценка свидетельствует о том, что выявленные представителями цивилизационного подхода тенденции взаимодействия цивилизаций и обусловленные ими закономерности международных отношений в целом верны. Ярким примером этому является «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона. На данном историческом этапе общемирового развития выдвинутые американским политологом положения выдержали испытание временем.

[30] *Сурков В.* Долгое государство Путина // Независимая газета. — 11.02.2019. — https://www.ng.ru-/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html?ysclid=lpazsddtnb804909685.

Тагиров Э.Р.
д.и.н.,
член Президиума Российской ассоциации содействия ООН,
президент Международной гуманитарной академии «Европа-Азия»,
профессор Казанского университета культуры и искусств,
ректор Института культуры мира (ЮНЕСКО)

«СЕРДЦЕ ЗЕМЛИ». ТАЙНА ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: Евразия, евразийство, цивилизационное развитие, национальная идентичность, судьба России, новый миропорядок.
Key words: Eurasia, Eurasianism, civilizational development, national identity, fate of Russia, new world order.

Тема эллинизма и культурных истоков древности как вместилища, первоочага и паттерна цивилизации, ее колыбели требует углубления на толщу в тысячи лет. Отсюда интерес к новой трактовке цивилизационной миссии Евразии и искушение многих игроков на Великой шахматной доске. Узловое соединение потоков — культурных, философских, ресурсных, геополитических.

«Вес» Евразии с ее колоссальными человеческими (три четверти населения Земли), природными и энергетическими ресурсами (три четверти планетарных) не раз соблазнял мировых правителей на ухищренные планы «откусить» максимально большой кусок евразийского пирога. Сегодня континент, где производится 60% мирового ВВП, не только кладезь, средоточие человеческого и природного потенциала интеллекта и цифровых технологий, но феноменальное явление. На «счету» этого генератора энергии девять пассионарных взрывов, революции, включая информационную... Бесспорна значимость Евразии и в качестве геостратегического плацдарма, на котором схватка мировых держав за корону глобального лидерства в историческом измерении вступает в финальную фазу. Это побуждает к переосмыслению роли континента в жизни планеты. И не только в роли поля «битвы народов».

Здесь отрабатываются более совершенные практики и стратегии развязывания конфликтных проблем, куется единственно спасительная модель миротворчества, покрывая острый современный дефицит самой способности достижения согласия и мира, представая ныне архипелагом мирософийности. В ней код мирософии, исконно родовой корень землян, в ее глубинах зерно жизни человечества.

Россия была и остается «духовной сердцевиной» (А. Пушкин) планеты. В момент, когда мир впервые подошел к «концу истории», не имея концепции будущего, выход из исторического тупика видится в «оседлании» идеи евразийства, концепции вычерчивания контуров всеобщей судьбы человечества. Россия имеет к процессам на геостратегическом поле Евразии особое — «дочернее» — отношение. Классическое евразийство, которому исполнилось 100 лет, было производным от поисков объединительных ценностей, общечеловеческих интеграционных импульсов. Возвращение к его гуманистическим истокам, миротворческой парадигме, реализуемой через культурную евразийскую дипломатию, может стать перспективой складывания империи мира. Неудивительно, что время Евразии, этого плацдарма «Битвы за будущее» настало прежде всего для России. В процессе нового «сотворения мира» камертоном взаимодействия «оконечностей Света» становится не просто конкуренция, а «война» идей, противостояние технологических, интеллектуальных и культурно-цивилизационных геопроектов и концепций развития. С этого рубежа битва за «Кольцо Евразийского Властелинства» превращается в глубинный тренд третьего тысячелетия. На евразийской шахматной доске разворачивается турнир главных мировых игроков — США, Европы, России, Китая, Востока в целом. Турнир, история которого превышает два тысячелетия, вступает в финальную фазу.

Америка, «опыленная» пыльцой евразийства еще будучи в «отрочестве» (через тюрков-индейцев в доколумбовую эру), мыслила и действовала в духе евразийской геостратегии. Вторая

мировая война, завершившаяся под фанфары атомного превосходства Америки, возбудила евразийское геополитическое воображение, превратив «паневразийство» в мета-цель. Она предельно откровенно выражена «ястребом» американской дипломатии З. Бжезинским: «Главный геополитический приз для Америки — Евразия. Для нас жизненно важно, чтобы на политической арене не возник соперник, способный господствовать в Евразии». Однако пыл марш-броска в Евразию начал спадать после Ирака, Ливии, Сирии, Афганистан, а теперь еще и Ирана. На имперском лике Вашингтона проступают признаки американского имперского увядания.

Долгое время в науке и общественном сознании бытовало представление о том, что Европе в исторической пьесе «Битва за будущее» отведена присущая ей роль миротворца, носителя философии толерантности, вместе с Россией составляющей вакцинированный фермент евразийства в единой эллино-материнской утробе. Ныне перед ней сложная задача: пытаясь освободиться от американского доминирования, сформировать геостратегическую концепцию «владычества» в Евразии. Ее философским ядром предназначено было стать идее Шарля де Голля о создании общеевропейского интеграционного пространства Лиссабон — Владивосток. Эта идея провалилась по многим причинам. Но главное в том, что Европа преследует губительную для нее цель нанесения стратегического поражения России. Тем самым закрывая для себя двери, ведущие в Евразию. Примечательно, что на фоне обновления элит и формирования нового политического класса на европейском поле все заметнее набирает силу жажда «мести» за отстранение ее от участия в евразийском шахматном турнире.

В глобальных попытках примерить лидерское одеяние мощно заявляет о себе Поднебесная, набирающая историческую силу для «управления» Евразией. Цивилизация, никогда за десять тысяч лет не стремившаяся за пределы своих границ, повсеместно обволакивает мир паутиной союзов, пробивает логистические тоннели по всем азимутам. Восток в схватке за Евразию представлен целым отрядом «старых» и «молодых» драконов. Индия длительное время оттеснялась, особенно своим великим соседом Китаем, от мировых глобалистских центров игры на периферию. Если секрет успешности Китая объясняется прочностью конфуцианского духовного фундамента, то Индия превосходит оппонентов толерантностью, укоренной в ментальном основании нации. Россия в «битве за будущее» не только участвует, но, как кровная дочь и духовно — сердцевина «ядерного континента», имеет к Евразии особое отношение.

Корни «евразийской болезни» России глубинно-родовые, историко-генетические. С древности она грезила Евразией в мифологических образах («огненный материк», «птица Феникс»), в географических категориях, как «идеей-правительницей» (Н. Трубецкой), а часто и как реальным геополитическим проектом. Наиболее полно философия органичности, естественности и неразрывности связки «Россия — Евразия» отражена в фундаментальных трудах «отцов-основателей» концепции евразийства. В голограмму сознания первопоколений России Евразия, по В. Вернадскому, вошла как «путь русской судьбы». «Последний евразиец» из круга классиков — Л.Н. Гумилев, без обиняков начертал: «Если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство». Уже поэтому Евразия для России — не только предмет познавательного, но и эмоционально-возвышающего, умопостигаемого характера.

Евразийская судьба, уготованная историей и географией, воплотилась в Московской Руси. Зародившись на острие западного (католического) и восточного (монголо-ордынского) полюсов, апробировав различные, порой противоположные пути выживания и развития, сколь бы долго ни находясь в культурно-цивилизационном «плену» соседей, после многовековых исторических блужданий Россия неизменно выбиралась на евразийскую тропу. Пятьсот лет она была в «сродстве» с Европой. По культурной матрице они «сестры», но восточно-азиатские эмбрионы, воздействуя на душу, психологию и мировидения русского человека, продолжали колдовать, работать над формированием евразийского менталитета.

Тютчевская метафора «умом Россию не понять» — фиксация особого, «двух-полушарного», евразийского типа народа. «Россия — кунсткамера Евразии», а ее народ — это мускулы евразийского мира». «Только в ядерном материке, — отмечает культуролог Д.Н. Замятин, — мог зародиться народ, обладающий мощной евразийско-мифологической, геокультурной и идеологической аурой». «Народ Пути»– таково определение своеобразия типологии характера россиянина, данное А.И. Неклессой. В длительном, сложном и противоречивом процессе ос-

воения одной шестой обитаемой суши, «протекавшем в двух регистрах: один из них — «прорубание окна» на Запад, а другой — «разворот движения на Восток», Россия творила свое евразийское, точнее говоря «транс-евразийское» величие. Имперский модус пространственного характера страны провоцировал евразийское бытие «Народа Пути». В унисон мыслил и русский утопист Н.Ф. Федоров, мечтавший соединить земную бескрайность и человеческое бессмертие в формуле «бесконечного общежития» и считавший великую дорогу, преодоленную в направлении на Восток, «завершением Русской земли».

Евразийский поворот России приписывают сугубо колониальным замыслам, «пространственному терроризму», полагая, что его целью является формирование евразийско-имперской державы по историческому архетипу вечного Рима (Roma Aeterna). Но свой нелегкий евразийский крест она несла в веках. В ходе запредельно-тяжкой физической и духовной практики, связанной с осуществлением евразийской идеи, Россия оказалась в эпицентре состязания европейской и азиатской ветвей цивилизации. Она не просто наблюдала за ходом великого противоборства, но, вбирая многослойный опыт в свою систему, учась на исторических уроках — побед и поражений, сама стала автором еще одного типа цивилизации. Россия не скопировала, не украла и не заимствовала чужеродные достижения, при всем великолепии их образцов. Она выполняла уникальный по новизне и универсальный по потенциалу воспроизведения многих элементов глобально-исторический Проект строительства общего евразийского цивилизационного Дома.

В истории человечества настал «евразийский момент» (Вань Цисун). Настало время завершения отложенного проекта, предписанного Историей. Россия не приговорена быть Евразией, она лишь больше, чем другие расположена ею быть. Россиянин XXI века может стать евразийцем, лишь стремясь им быть и двигаясь в этом направлении. В «народе предела» (В. Карпец) евразийство оживает лишь «на краю пропасти, перед лицом конца». Признаков, подтверждающих перманентное пребывание России «на краю пропасти», немало. Возможно, с этим связан новый раунд дебатов вокруг евразийской идеи. Интеллектуальный всплеск широк — от либерально-умеренных идей до конструкций державников-неоевразийцев и глобалистов-евразийцев, занятых разработкой проекта «Соединенные Штаты Евразии». Конкурс-«сражение» геостратегических проектов на Великой евразийской шахматной доске продолжается.

Геополитически и культурно-цивилизационно вписанная в мировую систему, Россия перманентно находилась в глобальной повестке дня, оставаясь вожделенной землицей, способной нейтрализовать геостратегические страсти и Запада, и Востока. Запад генетически испытывал психологический дискомфорт от нерешенной проблемы «расширения жизненного пространства». И Россия, которая «всем своим громадным телом распростерлась по азиатским просторам, выставив босые пятки на Алеутские острова, а голову упокоив в Европе»[1], на протяжении веков не давала покоя его стратегам.

Идея похода на Восток неслучайно выпестована в недрах европейской цивилизации. Обе мировые войны были нацелены в конечном счете на преодоление «бугра»-препятствия алчных западных государств на пути к Тихому океану. Анализ истории Великой Отечественной войны как сердцевинной части Второй мировой и войны памяти, развернувшейся вокруг темы Победы СССР над фашизмом, позволяет утверждать: России противостояния с Западом не избежать. Но это не обреченность на войну, а призыв к сложному поиску многоходового компромисса.

Восток. Мир, полный мифов, загадок и тайн. И эти зигзаги мысли, и космологическое мудрствование азиатов системно накручивались на российские шампуры. Над головой России постоянно кружили азиатские драконы. В отличие от Запада, действовавшего с открытым забралом, Восток обладал лисьей хитростью, «ожидая на берегу своей реки, когда мимо проплывет труп врага» (китайская мудрость).

Историческая приговоренность России быть цивилизационным соседом-антагонистом обеих частей света отмечалась мыслителями многих эпох[2]. Такое отношение руководитель

---

[1] См.: *Штоль В.В.* Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или противостояние как неизбежность. — СПб., 2019. — С. 5.

[2] См. подробнее: *Кантор В.* «Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Исторические очерки. — М., 1997.

внешней разведки СССР (1989–1991 гг.) Леонид Шебаршин выразил с предельной четкостью: «Единое, мощное, сплоченное государство на огромных европейских пространствах не будет оставлено в покое ни Западом, ни Востоком. Причина не в том, что оно угрожает чьей-то безопасности <...> Пока оно существует в таком качестве, в мире невозможна монополия власти — военной, политической или экономической, невозможно господство никакой коалиции»[3].

Россия более иных игроков истории расположена стать Евразией, заслуженно обладая способностью «собираться» на краю пропасти, у критического предела. Сплотиться, чтобы использовать географические и геополитические преимущества — поистине великая шахматная коллизия геополитики. Возвращение в Евразию для страны — не просто способ гарантировать суверенитет через обладание ресурсами. Это возвращение к себе, к выполнению незавершенного проекта по сборке евразийской группы стран и народов, распростертым по всем азимутам планеты. По заветам основателей евразийства, созданию планетарного «единого человеческого общежития» — Соединенных штатов Евразии.

Крушение сложившегося миропорядка стимулирует «сборку мира» на духовно обновленной основе Евразийского цивилизационного дома. В нем проживают 4,5 млрд человек (75% жителей планеты)[4]. На смену доминированию Запада уверенно грядет век Евразии, который, возможно, станет веком нового типа глобализации. А, возможно, речь о претензии сборки народов по линии «Евразия — ШОС — БРИКС» как ступеней к многополярному миру под названием Большая Евразия? Консолидация Евразии предполагает обновление проекта России. СССР, СНГ, ЕАЭС (Евразийский экономический союз) — знаки движения к мегацели. Превращение Евразии в самодостаточный, осевой регион мировой политики, узел многополярности как стратегия. И Евразия гораздо более показательна, чем Европа, «лаборатория многополярности»[5].

Россия как никакая другая мировая держава обладает общим концептуальным видением Евразии. Ментально азиатская Держава ускоряет динамику действий по воссозданию нитей между народами, находящимися в орбите Евразии. Выдержать волну конкуренции за воздействие на народы Евразии внерегиональных, внешних держав — серьезный вызов России. Задачи консолидации народов, входящих в лоно многополярного мира, вокруг евразийского «пятачка» выдвигают на передний план обновление, переформатирование союзно-евразийского мышления. Россия же способна выполнить лидерскую роль в строительстве и укреплении Большой Евразии через создание стимулов для их развития, в том числе в плане обеспечения безопасности континента, а также через свои усиливающиеся позиции в мировой экономике.

Напряжение игры на «большой шахматной доске» затрагивало геополитический нерв России. Многовекторная дипломатия для истории — не новость. Новые смыслы она обретает при условии тонкой многовекторности, сбалансированного сочетания «жесткой» и «мягкой» силы. Может быть, не случаен в этом «божий» промысел: ведь в разных частях света синхронно возникли контрастно насыщенные цивилизации для сотрудничества в режиме конкуренции. В борьбе за лавры вседержителей глобальные «шахматисты» сумели на доске истории выбить формулу modus vivendi. Человечество обрело ключ к взаимодействию цивилизаций. Зародившаяся тогда модель толерантности превратилась в базовую ценность межчеловеческого общения, инструмент диалога народов.

Постамериканский многополярный мир — явление, не имеющее аналогов, трудно прочитываемое через оптику стереотипов, архаичных геополитических схем. Человечеству придется научиться искусству выживания и сожительства в условиях множащихся центров силы, роста разнообразия стран, народов, культур и цивилизаций, в дебрях более сложного, противоречивого и рискованного исторического времени. Сопряжение дела строительства Большой Евразии («Общего цивилизационного Дома») на основе общей идеи и сохранение многообразия самобытности не простая задача.

---

[3] См. подробнее: *Тагиров Э.Р.* Дух побеждает над мечом // Республика Татарстан. — 2021. — 4 февраля.

[4] *Цисун, Вань.* Евразийский момент. Политика великих держав и конструирование нового евразийского пространства // Свободная мысль. — 2017. — № 1. — С. 73.

[5] *Лукьянов Ф.* Лаборатория многополярности // Российская газета. — 2023. — 7 июня. — С. 7.

Многополярность не требует жертв, отказа от наследия прошлых поколений, изобретавших соответствующие их запросам типы миропорядков — «столпов» разнохарактерного взаимодействия, взаимовыгодного сотрудничества, мирного и безопасного сосуществования. Как важно расшифровать код, овладеть «философской солью» прошлых систем ценностей, общепринятых принципов, норм прав, этики и морали, сдерживавших энергию всеобщего раскола, распада! Лидеры незападного мира сокращают дистанции в позициях. Но при этом отметим, что при явном и подспудном накале недовольства-раздражения западным доминированием, его неоколониальным натиском остальной мир не готов к конфронтации с Западом. Предпочтительным видится путь решения проблем дипломатическим путем.

Хилтухина Е.Г.
д.филос.н., доцент,
профессор Кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Московского института психоанализа

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ МИРА ЧЕЛОВЕКА: МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Ключевые слова: ценности, гуманизм, гуманность, диалог, монолог, культура, нравственность, глобализационный процесс, человек, ноосфера, деятельность, историческое развитие, долговечность, свобода, природно-чувственная основа, рационально-духовное начало, интровертность, экстравертность.

Key words: values, humanism, humanity, dialogue, monologue, culture, morality, globalization process, human, noosphere, activity, historical development, durability, freedom, natural-sensual basis, rational-spiritual principle, introversion, extroversion.

Современный мир — мир глобализационной и информационной культуры, в которой главной характерной чертой становится объединение национальных культур и формирование единой интернациональной культуры. В силу интеграционных процессов возникает свойственная глобализации двойственная, противоречивая особенность, с одной стороны, исчезновения, или размывания национальных культур; с другой — объединения разных культур. В результате появляется свойство, имеющее положительное значение и раскрывающее самобытность культур в мировом культурном процессе. И в то же время, негативное, которое проявляется в стирании различий в образе жизни людей разных социальных сообществ и социальных групп, в «уподоблении» систем ценностей, эстетических и художественных вкусов, вытеснении языков малых этносов языками межнационального и международного общения. Возникает двойственность существования культур, определяющая, одновременно, единство и разнообразие интересов, понятий и возможностей людей разных национальностей. Мир человека един, поскольку именно в культуре возникают единые основы бытия человека, которые формируют суть деятельности, в процессе которой вырабатываются ценности, которые с необходимостью возникают в процессе формирования как материальной, так и духовной культуры.

Общечеловеческие ценности определяют духовную сущность человека, в которой раскрывается рациональная особенность творческо-гуманистического начала каждого. Необходимо заметить, что гуманистическое начало включает в себя два понятия — гуманизм и гуманность, которые переплетаясь, связаны между собой, но различаются тем, что гуманность предполагает диалог, а гуманизм — единоличное утверждение, т.е. монолог. Ведь гуманизм, как и гуманность, — чисто рациональное явление, возникшее в результате развития человека благодаря деятельности, где основу составляет человечное отношение людей к себе подобным и миру в целом. Оба явления тесно связаны с ***социальным развитием,*** в процессе которого раскрываются те особенности гуманитарного познания, которые формируют нравственные основы человеческой деятельности. Гуманизм — достаточно многообразное поня-

тие. Суть современного гуманизма заключается в его универсальности: он адресуется каждому человеку, провозглашает право каждого на жизнь, благосостояние и свободу, в основе которой наблюдается гуманность. Это не элитарный, а демократический гуманизм. Гуманистическая ориентация культуры XX–XXI вв. проявляет себя в различных «мирах» современного общества — экономическом, нравственном, политическом, художественном и т.д. Эта тенденция в свое время определила становление политической культуры в передовых странах Запада. Так, ценности современной политической культуры, впервые зафиксированные в период Великой Французской революции в 1789 г как *«Декларация прав человека и гражданина»*, принимаются сейчас в качестве идеала всеми государствами-членами Организации Объединенных Наций. В русле гуманистического движения возникают различные программы «человеческих отношений», все активнее заявляют о себе требования гуманизировать культуру, дополнить научно-техническую революцию моральной, яснее ставить и решать смысложизненные, экзистенциальные проблемы человеческого бытия и гуманного отношения к миру. Тем более, что «гуманность как универсальная черта человеческого сознания и поведения в культуре Востока и Запада на протяжении всей истории развития цивилизованного человечества являлась тем необходимым условием, которое обеспечивало успешность жизнедеятельности подлинного человеческого общежития, выступая важным фактором стабилизации и гармонизации человеческих отношений в самых разных социокультурных условиях»[1].

Недаром в настоящее время возникает проблема «*человеческого фактора*», в основе которого лежит ***ноосферное**, разумное отношение* к человеку, то есть ведущую роль играет именно нравственное отношение к ***Человеку***. Поскольку современный мир — это мир постмодернистского, информационного общества, в котором замечена особая роль средств массовой информации как результата постиндустриального развития, то общественное сознание начинает постулировать и новые подходы к жизнедеятельности этого общества. Как пишет Э. Тоффлер (яркий представитель Римского клуба), человек «индустриальный подвергался обработке и подгонке на станке школы, чтобы занять сравнительно надолго свою щель в социально-экономическом устройстве. Супериндустриальное образование должно готовить людей к работе во временных формированиях, специально создаваемых в каждом отдельном случае для решения конкретных задач адхократий будущего»[2]. Получается, гуманное отношение к человеку и миру несет в себе определенные правила жизни, которые обеспечивают каждому естественно-закономерное выживание в этом мире через диалог. А образование в эпоху постиндустриального информационного общества свидетельствует о необходимости милосердия и человечности, которые в глобализационном процессе не имеют особой силы.

Поэтому обращение к гуманистическим началам — естественный процесс, в котором нуждается современный мир и человек. Стирание границ, унификация и интеграция культур способствуют формированию единого глобализационного общества, в котором, тем не менее, развиваются национальные культуры, раскрывающиеся не только монологом, но, в первую очередь, благодаря диалогу, поскольку диалог культур дает возможность взаимодействию, взаимовлиянию, взаимному проникновению, может и даже отталкиванию. По мнению В.С. Библера, советского философа, исследовавшего диалог культур, «культура есть там, где есть две (как минимум) культуры; ...самосознание культуры есть форма ее бытия на грани с иной культурой»[3]. Получается, что глобализация культуры утверждает необходимость взаимодействия, а значит, и взаимообогащения разных культур. Это в любом случае приводит к интернационализации и взаимному обмену, а значит, к формированию мировой культуры, в которой можно увидеть этико-эстетические ценности всего человечества и естественное согласие культур и народов между собой. Недаром М.М. Бахтин писал: «*Согласие* — одна из важнейших форм диалогических отношений»[4]. Гуманистические начала Востока и Запа-

[1] *Швачкина Л.А.* Исторические типы гуманности в контексте культур Востока и Запада // Гуманитарий Юга России. — 2017. — № 2 (6). — С. 110.

[2] *Тоффлер Э.* Шок будущего. — М., 2001. — С. 443.

[3] *Библер В.С.* Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. — М.: Прогресс, 1991. — С. 85.

[4] *Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — С. 304.

да имеют общие и особенные характеристики, которые складываются в процессе культурно-исторического развития как через монолог, так и благодаря диалогу.

Межцивилизационное взаимодействие свидетельствует о закономерном развитии мировой культуры, которая имеет в современном обществе четыре стороны: Восток, Запад, Север и Юг. Об этом еще в 1982 г. писал Дж. Несбит[5]. Эти четыре культурных региона в настоящее время объединены едиными глобальными проблемами и в тоже время имеют свои культурные особенности, которые раскрываются в морально-нравственных и духовных ценностях. Объясняется это тем, что процесс развития культур неравномерен и зависит как от природно-климатических условий, так и от национально-психологических особенностей, на которые влияет пространственно-географический фактор.

Итак, гуманистические ценности играют важную роль в процессе познания и развития мира, который един в многообразии и имеет свои характерные особенности. Так исторически сложилось, что корни гуманистического начала на Востоке лежат в человеческом образе духовной традиции, которая строится на всеохватывающем основании связи человека с Богом, обращенности **к свободе** и **достоинству** личности, ее духовным и социальным интересам и **любви**. Такие положения одухотворяют и гуманизируют действительность, которая формирует принцип любви и свободы человека как основы рационального познания. Хотя для восточного гуманистического начала характерным становится упор на чувственно-религиозное понимание мира и культуры, особенно для индийской культуры, где в основе лежит ахимса как высшее правило и, прежде всего, любовь ко всему существующему. Насилие — это отсутствие любви. Ненасилие — это уважение к другим; это состояние сознания. С началом развития конфуцианского направления китайской культуры формируется социально-рационалистический тип становления гуманности как ритуального, милосердного и человеколюбивого отношения к себе и другим. В основе конфуцианского понимания гуманности лежит покой, определяющий одновременно различные свойства одного и того же состояния или, как причина и следствие, которые раскрываются в «Беседах и суждениях» или (в «Луню Юе») Конфуция: «*Негуманный человек не может долго жить в естественных обстоятельствах, равно как не может долго пребывать и в радости. Гуманный же покоится в гуманности, а знающий использует ее*»[6]. Конфуций полагал, что спокойное внутренне состояние вырабатывается у того, кто достигает гуманности, и это можно найти опять в «Лунь Юе»: «*Познающий любит реки. Гуманный любит горы. Познающий движется, гуманный — покоится. Познающий — радостен, гуманный долговечен*»[7]. Удивительно, что гуманность включает в себя и **долговечность.** Получается, что гуманность, как рациональное явление, находится именно внутри человека и проистекает из его внутренних качеств, а не извне. Человек, обладающий гуманностью, обеспечивает себя долголетием, но это не бездействие, а именно активная и благотворная деятельность человека. Недаром Конфуций писал: «я считаю гуманным того, кто может делать пять вещей в Поднебесной... быть почтительным, быть великодушным, внушать доверие, быть проницательным и добрым. Почтительный человек не наносит оскорблений. И великодушный приобретает расположение многих, на внушающего доверие другие люди могут положиться, проницательный человек добьется успеха, а добрый человек может повелевать другими»[8].

Гуманистические ценности Западного мира формируются вначале в рамках христианской религии, но со временем освобождаются от религиозного влияния, принимая светский характер. Гуманистические начала христианского мира начинают развиваться как **духовная суть человека,** который стремится к возвышению, к развитию своих нравственных качеств, а значит, и к свободе. Именно человек — высшая ценность мироздания, стремящаяся к свободе, ибо свобода есть проявление гуманизма. Гегель писал: *«Свобода есть потенциально-совершенная сила, творящая актуальное раскрытие своего совершенства»[9]. Так возникает стремле-*

---

[5] *Несбит Дж., Эбурдин П.* Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000. — М.: Республика, 1992. — 416 с

[6] *Конфуций.* Лунь Юй («Беседы и суждения»). — М.: Изд-во Восточная литература, 2001.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] *Ильин И.А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: в 2 т. — СПб.: Наука, 1994. — https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Ilin/filosofija-gegelja-kak-uchenie-o-konkretnosti-boga-i-cheloveka/3.

ние к вытеснению проявлений человеческой природы, выходящих из-под прямого контроля разума. Любовь в христианстве — не просто требование не причинения зла, а деятельный принцип, т.е. утверждается требование ***активной творческо-динамичной жизни.*** Это способствует признанию антропоцентризма как основного гуманистического мировоззрения, являющегося светским индивидуализмом, который приобретает новое значение в связи с признанием права человека на счастье, на реализацию собственных способностей, достоинства человека, его равнозначности с другими.

Мистически-религиозная направленность мышления представителей восточной культуры и рационально-философская направленность мышления представителей западной культуры свидетельствует о противоположном, скорее всего, разнонаправленном понимании гуманистических основ мира. Разнонаправленность основывается на интровертном и экстравертном понимании человеком своего бытия. Недаром такие понятия как «гуманизм» и «гуманность» имеют определенные отличия, которые выражают монологичное утверждение деятельного начала и диалогичное понимание своих действий. Можно охарактеризовать «гуманность» как диалогичное понимание морально-нравственных ценностей, которые более всего развиты на Востоке. И «гуманизм» как монологичное понимание общечеловеческих ценностей, где утверждается естественно-закономерное подчинение нравственным законам наиболее устойчивых и, в какой-то степени, непререкаемых действий. Недаром основатель немецкой классической философии И. Кант вывел категорический императив, который звучит так: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой, ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»[10]. Это особенно характерно для Запада.

И в то же время гуманистические основы Востока и Запада взаимосвязаны и дополняют друг друга. Общечеловеческие ценности потому и называются общечеловеческими или гуманистическими, поскольку межцивилизационные сходства и различия относительны в силу единства мира и культуры. На Востоке происходит стремление к обоюдному общению через диалог, который несет утверждение необходимости и естественной закономерности отношений. В то время как на Западе потребность отношений включает ценностный характер самого человека как духовного феномена. Восточная гуманность предполагает естественно-закономерный процесс человечности, опирающийся на природно-чувственную основу, где «разум помогает чувствам»[11]. А западный гуманизм держится на рационально-духовном начале, который также естественен и закономерен, но несет в себе утверждение объективного общественного закона.

Таким образом, гуманистические ценности современного мира в глобализационном процессе имеют корни в древнем мире, которые в принципе не меняются, но несут в себе актуальные трансформации в зависимости от развития общества и к которым необходимо прислушиваться, а не отрицать.

[10] *Кант И.* Основоположения метафизики нравов // Сочинения в 8 т.— М.: ЧОРО, 1994. — Т. 4. — С. 195.

[11] *Руссо Ж.Ж.* Эмиль или о воспитании. — М., 2022. — 618 с.

Цеханская К.В.
д.и.н., в.н.с. Института этнологии и антропологии РАН

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ МАТРИЦА МЕНТАЛЬНОСТИ РУССКИХ[1]

Ключевые слова: цивилизационная самоидентификация, национальная идентичность, этнокультурная матрица, национальное самосознание, православие, русофобия.
Key words: civilizational self-identification, national identity, ethno-cultural matrix, national identity, Orthodoxy, Russophobia.

Немецкий путешественник Адам Олеарий, посетивший Россию в 30-е гг. XVII века, и написавший позднее свое знаменитое «Описание путешествия в Московию...», повествует в нем об одной знаменательной встрече. Вместе с посольской группой Олеарий вступил в беседу с монахом Николо-Посадского монастыря на Волховской Губе. И этот безвестный русский инок сказал немцам, удивившие их слова: «И немцы, и другие народы могут спастись, если только души у них русские и они, не боясь людей, поступают благо для Бога»[2].

То есть, по мысли монаха — оставаясь протестантами, и немцы, и другие православные христиане, вместившие в себя русскую душу, могут спастись. Иными словами, Бог помилует их за то, что они обогатили свой дух русской душой. Почему безымянный монах, живущий в заливе Ладожского озера, так твердо и уверенно воспринимал «русскость» в качестве нового антропологического залога спасения? И это при том, что Православие мыслилось и мыслится русскими в качестве единственного ковчега спасения и что иные христианские Церкви и конфессии разделены с истинной верой перегородками до небес.

Действительно, что же давало право провинциальному русскому иноку явить — быть или стать русским, значит, спастись, то есть сотворить благо и для Бога, и для себя самого? Этот, казалось бы, наивный и абсурдный для иноземцев постулат веры в спасительные начала русской ментальности, содержит в себе всю совокупность сложнейших процессов самобытной самоидентификации русских. Процессов, которые при всех историко-культурных катаклизмах всегда, неизменно, вновь и вновь встраивались в устойчивую парадигму консерватизма и традиционализма.

Кто же такие русские? Каков их характер, самоопределение, самовосприятие, какова их цивилизационная самобытность? Почему они столетиями так упорно сопротивляются модернизации своего социо-духовного архетипа, своей консервативной ментальной матрицы? Уже само слово — русский — представляет собой непростую смысловую и лингвистическую конструкцию. Русские — это кто и какие. Это описательное свойство или сущность? Семантически, слово русский является омонимом, то есть оно может иметь разное значение и являться разными частями речи. Русский — это и склоняемое прилагательное и полноценное существительное. В мире нет ни одного названия народностей, выраженных прилагательным в форме существительного. И даже в этом самоназвании русских уже заложены и как бы закодированы неоднозначные, трудноопределимые свойства, признаки национального характера. Раскодировать загадку ментального духа народа — значит, понять движущие смыслы русской истории. Смыслы, скрытые не только для, казалось бы, близкого нам западного христианского мира, но порой и для нас самих.

Трудноопределимые категории национального самосознания, цивилизационной самоидентификации и народов, и отдельной личности находятся в органичном соподчинении с реальными социо-культурными процессами общественной жизни тех или иных человеческих социумов, протекающих во времени и в пространстве. Несомненно, данные процессы доступны внешнему наблюдению, научному осмыслению, анализу, а также рациональному детализированному исследованию и обобщениям. Источником любого знания, будь то естественные и гуманитарные науки, является открытая бесконечному эмпирическому познанию

---

[1] Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии.

[2] Цит. по: *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. — СПб., 2005. — С. 159.

объективная реальность, существующая как данность в форме подвижного, переменчивого и одновременно необъяснимо гармоничного взаимодействия всех элементов, систем и модусов самого бытия как такового.

Очевидно, что эта объективно протекающая во времени данность бытия, обнуляющая любые попытки мифологизации, представляет собой сверхъестественный феномен, который существует по своим специфическим законам, недоступным полной «раскодировке», подчиняющим и научную логику, и интуитивные прозрения людей, да и само существование человечества. И вот в этом таинственном реализме бытия и действуют человекотворческие энергии познания, когда и материальная и нематериальная реальность «приглашает» пытливую человеческую мысль погрузиться в бесконечно открывающуюся трансцендентную панораму бытия. Любое опытное знание имеет относительную, ограниченную природу. Одновременно это же знание несет в себе потенциал той или иной степени истинности. И здесь выступает такая категория как объективность знания. То есть ученый, исследователь просто обязан честно и бескомпромиссно стремиться к объективному освещению своей научной задачи. Для этого он должен быть «включен» в изучаемый объект, но не просто как наблюдатель, а в качестве органичного элемента того, что он изучает. Это, прежде всего, касается гуманитарного знания. Но и в естественных науках подобное «самовключение» играет важную роль. Так, известно, что Альберт Эйнштейн признавался в том, что он старался «почувствовать», как ощущает себя луч света, пронизывающий пространство и уже затем искал способы формализовать изучаемое явление в понятиях физики[3].

Для ученых-гуманитариев и в частности, антропологов и этнографов, изучающих этнопсихологические особенности ментальности народов, этносов, парадигму их самобытной истории, быт, веру, идеалы, ценности, просто необходимо духовно, интеллектуально «вовлечься» в сам строй, уклад и сущность жизни того или иного изучаемого этносоциума. Отсутствие «родственного» соприкосновения с «коллективным бессознательным», с духовными структурами архетипов народов, наличие бесстрастной нейтрально-оценочной позиции исследователя — путь в пустоту. Это бесплодная попытка псевдоанализа, который ограничивается лишь систематизацией и наблюдением внешних признаков. Несомненно, чтобы увидеть, понять и воссоздать во всей доступной глубине уклад, ценности, традиции, историческое целеполагание народа, ученому нужно увидеть все это как бы «изнутри», то есть ему необходимо стать сочувствующей, преданной и даже родственной частью этого народа. Только данный фактор позволит исследователю обнаружить сложные оттенки в ментальности изучаемых этносов и понять специфику их культурного ядра, генерирующего социогенные и мировоззренческие потенциалы развития, формирующего устойчивый, традиционный практически-бытовой образ действительности.

Если рассуждать о национальном характере, ментальности русских, то здесь необходимо, прежде всего, уяснить научную позицию исследователя. Русский этно- и психотип отличается, на наш взгляд, тем, что он несет в своей социо-духовной «генетике» христианские универсалии в форме кристаллических, неизменных, не подверженных попыткам модернизации, идеалов и смыслов Православия. Поэтому любой ученый, будь то антрополог, этнограф, историк и даже социолог должен не просто интеллектуально уяснить, но прочувствовать религиозную струну в характере русских. В противном случае внутреннее отчуждение от этой струны, глухота к ее звучанию, а также отсутствие личного опыта переживания метафизических идей, вложенных в ядро русской культуры, позволит исследователю лишь приблизительно произвести внешнюю, дистанционную регистрацию отдельных признаков в характере русских, что по сути своей будет ложным, мифологичным контентом.

Из подобных научных контентов, а точнее — из активного неприятия религиозного архетипа русских, рождаются научные концепции — как западные, так порой и наши, российские, в которых утверждается амбивалентность, размытость, маргинальность, вторичность и даже варварские начала русской культуры.

Сущность этнокультурной, а шире — цивилизационной самоидентификации русских, как сложного и можно сказать, таинственного субъекта мировой истории, на наш взгляд, это есть

[3] *Кара-Мурза С.Г.* Кризисное обществоведение. Ч. 1. Курс лекций. — М.: Научный эксперт, 2011. — С. 90.

постоянно притягивающий и одновременно удаляющийся по мере приближения горизонт познания. Не случайно в отечественной гуманитарной науке, несмотря на обилие глубоких исследований по русской этнопсихологии, этнолингвистике, культурной антропологии, отсутствует некий фундаментальный труд, который бы не мозаично, а во всей доступной полноте отразил антропологический феномен русского народа. Модус его самобытного мышления, характер, религиозные, социальные, этнические установки с их неискоренимой приверженностью к консервативному, не подлежащему никаким инновационным воздействиям традиционализму.

И все же — что уже сказано о русских? Что народ знает сам о себе? И в чем наше отличие от других? Известно, что самовосприятие, самоосознание народов формируется, прежде всего, под воздействием иных, чужеродных культур, иных этносов. То есть необходим прямой или опосредованный контакт с народом-контрагентом, в противостоянии с которым тот или иной народ создает и укрепляет свою, отличную от других, идентичность. Для русских таким контрагентом были монголы, поляки, немцы, позднее наша самобытность стала костью в горле всего почти христианского Запада. Уже со времен Московского царства в Западной Европе начала конструироваться долгосрочная программа русофобии. Русских представляли в виде грубых варваров, полумифических существ. Так, в XVI веке Франсуа Рабле смело сравнивал жителей Московии с индейцами, персами и просто с троглодитами, то есть пещерными людьми. Многие итальянские и французские авторы, в том числе и сам Рабле, писали о московитах с чужих слов, используя труды таких путешественников, как Сигизмунд Герберштейн, лично побывавшего в России в первой половине XVI века. Отметим, именно Герберштейн внес в умы европейцев тезис о том, что Московия — страна варварская, населена она варварами, которые обладают противоестественными, на взгляд европейца, нравами. Вслед за ним этот тезис о варварской и, добавим, — рабской душе русских, стали повторять на разные лады европейские писатели и всякого рода интеллектуалы, признающие Московию большой разбойничьей бандой.

Но здесь следует отметить одно парадоксальное утверждение некоторых авторов-католиков, которые, ужасаясь масштабам греховности русских, тем не менее, подчеркивали их чрезвычайную благочестивость и единство веры. Их подкупало, что московиты признают таинство исповеди, что у них в почете монашество, ведущее аскетический образ жизни, что они ревностно почитают святых, соблюдают посты, платят десятину, милосердны к бедным, немощным и многодетным[4].

Русофобия, как духовное наследство западной цивилизации, ярко проявила в пасквильных, оскорбительных трудах маркиза де Кюстина. Посетив Россию в первой половине XIX века, маркиз восклицал: «Здесь следовало бы все разрушить, чтобы создать народ!»[5]. В его заметках «Россия в 1839 году» впервые появляется выражение «тюрьма народов». Вышеуказанная когорта европейских русофобов открыто презирала и уничижала русскую культуру, уклад, историю как неприятный, но все же состоявшийся факт. Отметим, что Карл Маркс вообще отказывал России в самой реальности ее существования. Так, основоположник идей коммунизма утверждал: «Россия является единственным в мире примером огромной империи, само могущество которой всегда скорее принималось на веру, чем признавалось фактом. С начала XIX века и до наших дней, — уверял Маркс, — ни один из авторов, собирался ли он хулить или превозносить Россию, считал невозможным обойтись без того, чтобы сначала доказать само ее существование»[6].

Неуловимый, ускользающий от рационального анализа феномен русского характера пытались раскодировать и в нацистской Германии, традиционно, по-европейски считавшей советский народ варварами, да еще соединившими в своем диком самосознании идеи ненавистного большевизма. Накануне Великой Отечественной войны значительная часть германских социологов, психологов, антропологов взялась за труд расшифровки культурных кодов гомо-со-

[4] Воображаемая Московия: Россия и русские во французской литературе XIX века. — https://moskva-bezformata.com.turbopades.org/moskva.bezformata.com/s/listnews/45969523.

[5] Первобытная дикость: запрещенная книга иностранца о России. — https://dzen.ru/a/X_LCUdgpBkHKmQZ9.

[6] *Маркс К.* Разоблачение дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. — М., 1989. — № 4. — С. 3.

ветикуса. К исследованию была привлечена и русская историография, и русская литература в лице Достоевского, Чехова. Было написано более 1000 статей, чтобы поточнее проникнуть в характер советских людей сталинской эпохи. Интересная деталь — немцы накануне вторжения в СССР активно изучали рассказы Михаила Зощенко. Его рассказы переводились и печатали в приличных масштабах. Особенно творчество Зощенко нравилось Гитлеру, который по свидетельству Альберта Шпрея любил цитировать и пересказывать отдельные отрывки. Читая Зощенко, Гитлер задыхался от смеха. В 1940 г. Борман получил приказ купить в Мюнхене несколько книг Зощенко и распространить их среди деятелей III Рейха[7].

Как видим и как знаем, — приняв злую, раздражавшую Сталина сатиру на советский уклад за истину, нацисты с началом вторжения в Советскую Россию поняли, что очень ошиблись в оценках русской ментальности русско-советского характера. Но было уже поздно...

Все выше процитированные мысли и высказывания известных представителей западноевропейской элиты служат нам сегодня в качестве контрагентных позиций, отталкиваясь от которых, мы можем для себя прояснить реальные, а не мифические, удивительно неизменные свойства русского национального характера. А также понять, в каких формах и в каком содержательном контенте воспроизводится из века в век традиционный культурный архетип народа.

Прежде всего, отметим фундаментальную цивилизационную особенность русских, органично и ярко воплотившуюся в самом духе и смыслах национальной культуры, в этике исторической пассионарности. Это христоцентризм. Причем христоцентризм в глубоко национальном понимании сущности Православной веры. Действительно, какую бы область общественного бытия или виды русского искусства мы не взяли, везде, начиная с раннего средневековья и, заканчивая эпохой Русских революций, в центре находилась Личность Богочеловека. За Христа умирало русское воинство, за Него отдавали жизнь. Все русское искусство, а шире — все художественное творчество не только Средних веков, но и Нового и Новейшего времени было открыто или опосредованно пронизано религиозной этикой и моралью. Даже в период расцвета декадентского Серебряного века, времени отступления от консервативно-православных основ русской жизни, Христос оставался центром уже разцерковленного общества империи. Действительно, от Него отрекались и нигилисты, и социалисты, и марксисты, и просто либеральные круги образованных сословий. Образ Богочеловека искажали. Так, Он стал странным героем поэмы А. Блока «Двенадцать». Художник М. Врубель эстетизировал облик духовного противника Христа — демона. Поэты-модернисты и футуристы воспевали все оттенки смертных грехов, призывая к обретению последней преддемонической степени свободы. В похуление, недостойное великого писателя, вписался Л. Толстой со своей критикой Евангелия, со своим раздраженным неприятием апостольского учения о Христе и кощунственным восприятием Таинства Евхаристии. Русские художники-авангардисты и, наконец, абстракционисты исказили гармонию и красоту Богосотворенного мира. Последним актом богоборчества стал «Черный квадрат» К. Малевича, по сути представляющий собой антиикону, бунт против нетварных энергий, всегда соприсущих Творцу.

Несомненно, Православие всегда давало русским смысловое целеполагание бытия. Оно собирало народ в единое целое, одновременно побуждая его быть дружески, родственно и даже жертвенно раскрываться по отношению к другим, не русским и не православным этносам. Русские как большой христианский народ, не испытывали бремени своей этничности. В России отсутствовала некая доктринальная этноцентричность или моноэтничность русских, которые традиционно, со времен Московского царства, а то и раньше, идентифицировали себя как народ Божий прежде всего. А уж потом как русские.

Воспринимая Православие в качестве единственно истинной веры, где заключены все возможности и пути спасения, русский народ ощущал на себе печать Богоизбранности. А вместе с этим — чувство ответственности за остальной мир. То есть свое мессианское предназначение. Из этого православного космизма, на наш взгляд, и рождались жертвенность народа, всечеловечность, раскрытость, стремление к правде, святости, человечности, отрицание этнического превосходства и национализма, любых проявлений расизма. В России никогда не могла по-

[7] Как Гитлер угорал от рассказов Зощенко. — https://pikabu-ru. turbopage.org/turbo/pikabu.ru/s/story_9605531.

явиться идеология, выраженная в словах — «Россия для русских!». Именно данные качества, глубоко раскрытые Достоевским, позволили русским создать огромную империю, государство-цивилизацию, где нашлось место для всех не русских и не православных.

Отметим, что становление государства и гражданского общества на Западе было основано на противоположных началах — на ослаблении и просто нивелировании этничности различных групп и народов, населяющих ту или иную страну. Так, во Франции произошло «сплавление» двух крупных этнических групп: северо-французской и южно-французской. В Германии было полностью проигнорировано этническое самоопределение таких родственных этносов, как австрийский, баварский, прусский. А в США в этническом котле переплавились полиэтнические потомки иммигрантов с особым статусом лишь африканцев и индейцев. Исключительно-самобытной чертой русской ментальности было и остается чувство братства с другими народами. Бисмарк однажды сравнил поведение англичан и русских в Азии, отметив, что в отличие от брезгливых англичан русские привлекают к себе иноплеменных, инородных включают в свою империю, вовлекают их в свою жизнь и даже сливаются с ними[8].

Несколько позднее примерно такую же характеристику русским дал министр иностранных дел Великобритании Дж. Керзон, указавший на способность русских получать знаки верности и дружбы от тех, кого Россия подчинила силой. Керзон отмечал, что русский братается в полном смысле слова, он совершенно свободен от того преднамеренного вида превосходства и мрачного высокомерия, которое воспламеняет злобу, он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми и низшими расами. В. Кожинов, комментируя замечание Керзона о низших расах, справедливо отметил ложность самих слов министра о том, что русские не уклоняются от общения с ними, с низшими, потому, что в русской ментальности просто не существует никаких представлений о низших и высших расах[9]. Эти представления бытуют только в западноевропейской антропологии и в умонастроениях западного человека.

Святейший патриарх Кирилл подчеркивал, что сформировать такую империю как Российская, мог только народ, который себя в полном смысле слова отдавал другим, жертвовал собой. Это привело к тому, что в империи во власти были люди разных национальностей. Никогда не было сказано, что только православный и только русский может быть, допустим, министром или губернатором. Тот характер, что формируется Православием, который со стороны может показаться мягкотелостью, слабостью, отсутствием хребта, есть на самом деле результат сознательного воспитания народа в этой мягкости и открытости, которая очень неверно воспринимается как слабость. Эта открытость, — отметил Патриарх Кирилл, — позволяла другим не чувствовать себя дискриминационными, и благодаря этому характеру русских людей и сформировалась империя. Общая жизнь всегда требует жертвенности. Значение русского народа очень велико и потенциал, заложенный в сознание, в природу наших людей, не иссяк[10].

Необходимо отметить еще одно исключительное качество характера русских — их веротерпимость. Будучи глубоко преданными своей вере, своим алтарям, русские никогда не преследовали, не угнетали иноверцев. Эту как бы естественную черту православных отмечали почти все западные путешественники, тот же Олеарий и Маржерет. Они утверждали, что кроме римо-католиков, которых русские воспринимали как мерзость перед Богом, все остальные верования и конфессии, в том числе языческие, спокойно отправляли свою духовную деятельность[11].

Представляется, что Православие, как глубоко укорененный, зачастую невидимый «подтекст» русскости, пронизывающий всю социальную, бытовую, политическую, духовную, культурную жизнь России, придает свои — национальные, русские оттенки и другим христианским конфессиям страны. На универсальность феномена Русского Православия указывал Патриарх Кирилл. Так, общаясь с баптистами, Святейший вспоминал: «Я как-то разговаривал с российскими баптистами, мы с ними беседовали о том, о сем. Потом я не выдержал и говорю: «Слушайте, братья, Вы какие-то уж больно православные баптисты. Что-то вы обо всем

---

[8] Цит. по: *Кожинов В.В.* Правда против кривды. — М.: Алгоритм, 2002. — С. 71–72.

[9] Там же. — С. 72.

[10] *Святейший патриарх Кирилл*. Историческая роль русского народа совершенно особая // Российский вестник. — 2012. — № 26. — С. 3.

[11] *Бернштам Т.А*. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. — СПб., 2005. — С. 159.

говорите как мы, православные». На что получил ответ: «А как же может быть иначе? Мы же живем в православной стране». И это действительно так, — говорит Святейший, — Баптисты остаются баптистами, у них своя доктрина, свое протестантское богословие, но они не могут выключить себя из этого общего потока исторической жизни и потому, очень многое, что сегодня нас православных разделяет с протестантским миром, разделяет с протестантским миром и баптистов, живущих в православной среде»[12].

Здесь так и хочется слегка переиначить слова безвестного монаха Николо-Посадского монастыря, приведенные в самом начале статьи: «И российские баптисты спасутся, если только души у них русские и они, не боясь людей, поступают благо для Бога».

Пусть кратко, но особо подчеркнем, что и в железном XX веке русско-советский социум подспудно обладал, по выражению Патриарха Кирилла — рудиментарной религиозностью[13], которая формировала все нравственные, моральные и этические установки советского бытия. И крещеные, и некрещеные советские люди оставались носителями почти религиозной модели социального аскетизма, жертвенности, братской раскрытости всем народам, как бы подчеркивая, что для русских нет ни эллина, ни иудея, ни раба, ни свободного[14]. Все равны и все имеют право на справедливость и равное право на саму жизнь.

Можно и дальше расширять панораму этнокультурных, духовных, ментальных особенностей русского народа, русского характера. Эта тема носит поистине неисчерпаемую глубину. Но если говорить о цивилизационной особенности русских, то это со всей очевидностью будет их государственно и культурообразующая роль. Ядро полиэтнической структуры России составляет русский народ, который по многим своим качествам и характеристикам, таким как количественная величина, множественное разнообразие региональных культур, укладов, а главное — соборным стоянием — очевидным или не очевидным — в христианской этике, дающей право и свободу всем не русским и не православным народам России на их собственное этнокультурное самовыражение и историческую самобытность, может справедливо называться гражданской нацией.

В середине XX века, во время визита советских рабочих в Соединенные Штаты Америки, богатейший человек Америки Генри Форд спросил у них: «Почему во время Отечественной войны ваши солдаты с гранатой на танки бросались? Им так много платили?». Миллионеру ответили: «Вам этого не понять ...»[15]. В этих словах — вам не понять — заключена вся цивилизационная разница между Россией и Западом, а может быть, и со всем остальным миром. Краткий и ясный ответ советских рабочих оказался созвучен с известным моностихотворением Ф. Тютчева:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

Вполне вероятно, что советские рабочие могли и не знать этого стихотворения Тютчева. Но их ответ свидетельствует о том, что русская жизнь и в железном XX веке невидимо проистекала все в той же консервативной, традиционно-русской, соборной, жертвенной, русской парадигме самосознания, что и во времена Федора Ивановича Тютчева. Ну, а сегодня пришло верить не только в Россию, но и осознавать, в чем источник ее духовной силы. В чем ее настоящее и будущее историческое предназначение.

---

[12] *Святейший патриарх Кирилл.* Задача Церкви: нести мир Христов в сознание каждого. Слово Патриарха Кирилла на встрече с общественностью Одессы // Журнал Московской Патриархии. — М., 2010. — № 9. — С. 33.

[13] *Святейший патриарх Кирилл.* Историческая роль русского народа совершенно особая // Российский вестник. — 2012. — № 26. — С. 1–2.

[14] Об этом см.: *Цеханская К.В.* Феномен религиозности русских в годы Великой Отечественной войны // Вестник антропологии. — 2015. — № 4 (32). — С. 150–168.

[15] Наши герои. — https://m.tsargrad.tv/ourheroes.

Цзоу Сунмин
аспирант,
Факультет культуры и искусств, Забайкальский государственный университет, г. Чита;
Открытый университет Гуанъюань
846809074@qq.com

КУЛЬТУРНАЯ ПЕНСИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПУТИ

Ключевые слова: культурная пенсия; культурно-ориентированная модель ухода; человеческий потенциал; поздний возраст; смыслообразование; биографический нарратив; культурное участие; межпоколенная трансмиссия; культурная субъектность; творческое старение; культурная экосистема ухода.

Key words: cultural pension; culturally oriented care model; human potential; later life; meaning-making; biographical narrative; cultural participation; intergenerational transmission; cultural subjectivity; creative aging; cultural care ecosystem.

В условиях стремительных демографических изменений XXI века культурно-ориентированные модели ухода за пожилыми людьми становятся одним из ключевых направлений социальной политики, оказывая прямое влияние на устойчивое развитие человеческого потенциала. По данным доклада ООН «World Population Prospects 2022» [1], доля мирового населения старше 65 лет устойчиво увеличивается, что формирует новые социальные условия, требующие переосмысления как традиционных подходов к старению, так и практик поддержки людей позднего возраста. В этих условиях культурная пенсия как культурно-ориентированная модель сопровождения пожилых людей является не просто разновидностью социальной помощи, но и формой культурного и смыслового развития, обеспечивающей возможности для личностного роста на поздних этапах жизненного пути.

Современные гуманитарные исследования всё настойчивее подчёркивают, что старость следует рассматривать не как завершение жизненной активности, а как особый этап жизненного пути со своими возможностями и ресурсами развития. Преодоление стереотипов о «пассивной старости» и переход к пониманию позднего возраста как времени смысловой интеграции, самореализации и ценностного переосмысления соответствует тенденциям, обозначенным в мировой геронтологии, культурной антропологии и психологии развития. В рамках этой парадигмы культурная пенсия приобретает значение культурологической модели сопровождения, способствующей раскрытию потенциала пожилых людей в сферах когнитивной активности, творческого самовыражения, социальной инклюзии и межпоколенной коммуникации.

Концептуально культурная пенсия связана с высшими уровнями человеческих потребностей — потребностями в признании, принадлежности, уважении и самореализации, которые были выделены Абрахамом Маслоу [2]. Реализация этих потребностей в позднем возрасте во многом зависит от возможностей культурного участия, от степени включённости в культурное и социальное пространство, от способности человека создавать и переосмысливать значения, формируя тем самым устойчивую идентичность и ощущение собственной ценности. Культура в данном контексте выступает не как дополнение к бытовому уходу, но как смыслообразующая среда, позволяющая человеку поддерживать внутреннюю целостность и продолжать развитие.

Цель настоящей статьи — показать, каким образом культурно-ориентированные практики ухода за пожилыми людьми способствуют развитию человеческого потенциала, и раскрыть механизмы, обеспечивающие это воздействие. Исследование строится на культурологическом подходе, рассматривающем старение как процесс не только биологический и социальный, но и культурный, включающий взаимодействие индивида с символическими системами, культурными традициями, коллективной памятью и социальным опытом. На основе анализа существующих теорий — философских, антропологических, геронтологических — обосновывается представление о культурной пенсии как гуманистической модели, формирующей благоприятную среду для преодоления стереотипов старения, укрепления идентичности и раскрытия когнитивных, творческих и эмоциональных ресурсов пожилых людей.

Эта концепция позволяет рассматривать поздний возраст не как период утрат, а как этап жизненного пути, открывающий возможности для продуктивного участия, культурного вклада, смысловой рефлексии и социальной включённости. Культурная пенсия, таким образом, формирует пространство, в котором потенциал пожилых людей становится источником культурных инноваций, социальной устойчивости и межпоколенной преемственности, что обусловливает её значимость в современном обществе.

I. Теоретические основания культурно-ориентированной модели ухода и её связь с развитием человеческого потенциала

Понимание культурной пенсии как гуманистической модели сопровождения требует обращения к фундаментальным культурологическим и антропологическим подходам, объясняющим, каким образом культура формирует пространство развития личности на всех этапах жизненного пути. Человеческий потенциал не существует вне культурной среды: он раскрывается, поддерживается и воспроизводится через коммуникацию, символические структуры, ценности и формы культурного участия. Поэтому вопрос о развитии потенциала пожилых людей неизбежно становится вопросом о том, в какой культурной среде они существуют, какие типы культурных практик доступны и каким образом эти практики включают человека в систему смыслов.

Одним из ключевых теоретических оснований является представление Эрнста Кассирера о человеке как «символическом животном» [3], согласно которому, культура является не внешним дополнением к человеческой жизни, а самой формой её осуществления — человек живёт в мире знаков, образов, символов, традиций и интерпретаций, через которые конструируется его опыт. В позднем возрасте эта символическая среда приобретает особое значение: она предоставляет пространство, в котором возможно осмысление прошлого, восстановление внутренней целостности, актуализация ценностей и формирование новых смысловых структур. Культура становится не только источником памяти и идентичности, но и механизмом стабилизации психоэмоционального состояния и стимулом к дальнейшему развитию. Теория жизненного пути подчеркивает, что человеческое развитие происходит на протяжении всей жизни и что старость также является важным этапом развития [4]. В этих теоретических рамках развитие потенциала пожилых людей имеет свою уникальность: — это не только простое продолжение более раннего развития, но и качественный скачок, основанный на интеграции опыта всей жизни.

Вторым теоретическим блоком, который имеет принципиальное значение для исследования культурной пенсии, является теория жизненного пути. Идеи Эрика Эриксона о стадиях развития личности представляют старость как период, в котором продолжаются процессы формирования идентичности, самоинтеграции и смыслообразования [5]. Поздний возраст в рамках этой концепции трактуется не как завершение развития, а как уникальная стадия, предполагающая интеграцию жизненного опыта, рефлексию над биографией и поиск экзистенциального смысла. Это позволяет рассматривать культурную пенсию как пространство, в котором пожилой человек может осуществлять сложную работу по переосмыслению и реконструкции собственного жизненного нарратива.

Теория жизненного пути помогает объяснить, почему культурные практики — от нарративной работы до художественного творчества — оказывают столь сильное развивающее влияние. Эти практики обеспечивают человеку возможность интерпретировать прожитое, находить смысл в переживаниях, устанавливать связь между прошлым и настоящим, а также восстанавливать чувство временной и личностной целостности. В позднем возрасте такая работа становится необходимой частью внутренней стабильности, психологического благополучия и ощущения собственной значимости. Культурная пенсия, предоставляя возможности для подобной рефлексии, создаёт условия, при которых развитие личности продолжается даже в тех возрастных стадиях, которые ранее считались «периодом завершения».

Третьим важным теоретическим основанием является концепция культурной памяти, разработанная Яном Ассманном [6]. Согласно этой теории, память существует не только на уровне индивидуальной биографии, но и как культурная структура, в которой общество сохраняет и передаёт значимые символы, ценности, нормы и события. Включённость пожилых людей

в культурную память не только укрепляет их идентичность, но и позволяет им выполнять социально значимую функцию носителей и трансляторов культурного опыта. Для самих пожилых людей обращение к культурной памяти становится механизмом осмысления собственной биографии, включения индивидуального опыта в коллективную историю и нахождения устойчивой точки опоры в быстро меняющемся мире.

Культурная пенсия, опираясь на эти теоретические основания, может быть описана как модель, объединяющая три взаимосвязанных элемента — культурную среду, биографический нарратив и пространство субъектности пожилого человека. Культурная среда создаёт контекст, в котором возможна самореализация; нарратив обеспечивает связь между индивидуальной биографией и культурными смыслами; а культурные практики делают возможным развитие потенциала через творчество, участие и межпоколенную коммуникацию. Именно эта тройственная структура позволяет рассматривать культурную пенсию как инструмент культурного развития личности, а не как систему социального обслуживания.

II. Механизмы развития человеческого потенциала в культурно-ориентированной модели ухода

Понимание культурной пенсии как пространства развития требует анализа тех внутренних механизмов, благодаря которым участие пожилых людей в культурной среде способствует раскрытию их когнитивных, эмоциональных, творческих и социальных ресурсов. Эти механизмы основываются на взаимодействии человека с культурными значениями, символами, практиками и формами коммуникации, которые структурируют жизненный опыт и создают условия для смысловой самореализации. Культурная пенсия не ограничивается организацией досуговых или образовательных активностей; она выстраивает культурно-смысловую среду, в которой пожилой человек заново актуализирует собственный жизненный путь и обретает пространство субъектности.

Одним из ключевых механизмов является культурное пространство смыслообразования. Согласно теории культурной памяти Яна Ассманна, личность развивается через способность вписывать индивидуальные переживания в более широкий культурно-символический контекст [6]. В позднем возрасте эта способность приобретает особое значение: пожилой человек стремится восстановить связь между различными этапами биографии, осмыслить прожитое и сформировать целостный жизненный нарратив. Культурная среда предоставляет инструменты для такой работы — от участия в ритуалах, творчестве и культурных практиках до включённости в локальные формы коллективной памяти. Через эти каналы человек получает возможность не только вспоминать, но и интерпретировать свой опыт, находя в нём новые смыслы и ценностные опоры.

Смыслообразование в позднем возрасте предполагает не просто механическое воспоминание, но творческую интерпретацию биографического материала, его реконструкцию и включение в целостную жизненную историю. Дэн МакАдамс, анализируя роль нарративов в структуре личности, подчёркивал, что способность к созданию жизненного сюжета является основой психологической устойчивости, внутренней согласованности и чувства идентичности [7]. Культурная пенсия как модель, ориентированная на нарративные практики, способствует тому, что пожилые люди получают пространство и поддержку для этой работы: они могут возвращаться к прошлому, оценивать его, интерпретировать, соединять различные эпизоды биографии в единую структуру. В результате формируется не только жизненный нарратив, но и устойчивое ощущение смысловой интеграции, которое становится важнейшим фактором внутреннего благополучия.

Другим значимым механизмом является межпоколенная трансляция культурного опыта. В традиционных обществах пожилые люди являлись ключевыми носителями культурной памяти, хранителями обычаев, наставниками и авторитетами. Несмотря на социальные трансформации, эта функция остаётся актуальной и в современном мире. Культурная пенсия создаёт институциональные условия, в которых пожилые люди могут выступать медиаторами между прошлым и будущим: передавать знание, рассказывать истории, обучать ремёслам, участвовать в межпоколенных проектах. В традиционной китайской культуре идея «старшие

должны иметь возможность передавать» (老有所传) подчеркивает значимость процесса передачи знаний и опыта как для общества, так и для самих пожилых людей. Маргарет Мид, анализируя типы культурной преемственности, отмечала, что в постфигуративных обществах значение опыта старших возрастает в периоды социальных изменений [8]. Именно старшее поколение обеспечивает ценностную стабильность, культурную связность и историческую преемственность.

Межпоколенное взаимодействие не только укрепляет социальные связи, но и стимулирует когнитивную активность пожилых людей. Контакт с молодыми людьми способствует расширению кругозора, адаптации к новым формам коммуникации, освоению цифровых навыков, развитию эмоциональной отзывчивости и поддержанию интеллектуальной гибкости. Включённость в межпоколенные инициативы позволяет пожилым людям ощущать свою востребованность и социальную значимость, что напрямую влияет на чувство самоценности. Психологические исследования подтверждают, что участие пожилых людей в межпоколенных программах улучшает эмоциональное состояние, повышает уровень жизненной удовлетворённости и способствует развитию когнитивного резерва [9].

Культурное участие является третьим механизмом, определяющим развитие человеческого потенциала. Пьер Бурдьё, анализируя структуру культурного капитала, подчёркивал, что культурные практики расширяют социальные возможности человека, обеспечивают доступ к новым формам взаимодействия и создают условия для преобразования культурного опыта в социальный [10]. Для пожилых людей участие в культурной жизни — через творчество, волонтёрство, обучение, деятельность в культурных центрах и общинах — становится способом поддержания активности, укрепления социальной включённости и формирования позитивной идентичности. Культурная пенсия, создавая благоприятную среду для культурного участия, предлагает пожилым людям условия, в которых культурный капитал преобразуется в источник социальной энергии, самоутверждения и личностного роста.

Таким образом, культурно-ориентированная модель ухода раскрывает человеческий потенциал пожилых людей через три взаимосвязанных механизма: смыслообразование, межпоколенную трансляцию опыта и культурное участие. Эти механизмы структурируют пространство культурной пенсии и определяют её значение как гуманистической практики, обеспечивающей продолжение развития личности в старшем возрасте.

III. Культурные практики как пространство актуализации человеческого потенциала в пожилом возрасте

Практическая реализация культурной пенсии обращается к широкому спектру культурных практик, которые создают условия для актуализации человеческого потенциала пожилых людей в сферах когнитивного, эмоционального, творческого и социального развития. Это не набор изолированных мероприятий, а последовательная культурно-ориентированная система, позволяющая человеку заново обнаруживать собственную субъектность, формировать смысловые опоры и включаться в культурное пространство как активный участник. Важным является не столько инструментальный эффект отдельных практик, сколько характер создаваемой ими культурной среды, где пожилой человек может осуществлять рефлексию, диалог, творческое самовыражение и межпоколенное взаимодействие.

Одним из наиболее значимых направлений являются нарративные практики, рассматриваемые в современной гуманитарной науке как механизм смысловой самоорганизации личности. Нарративная психология, развиваемая Дэном МакАдамсом, Джеромом Брунером и продолженная в терапевтических подходах Майкла Уайта и Дэвида Эпстона, указывает на то, что человек конструирует себя через историю, которую он рассказывает о своей жизни. Именно эта история задаёт структуру переживаний, формирует идентичность и определяет границы возможного опыта [11]. В позднем возрасте потребность в осмыслении биографии становится особенно значимой, поскольку пожилой человек стремится интегрировать разрозненные фрагменты прошлого в целостную жизненную картину.

Культурная пенсия создаёт условия для реализации широкого спектра нарративных практик: ведение дневников, описание значимых эпизодов жизни, устная история, работа с се-

мейными и общинными архивами, обсуждение биографических сюжетов в малых группах. Эти практики позволяют пожилым людям осуществлять сложную работу по реконструкции биографического опыта, заново расставлять смысловые акценты, выявлять внутреннюю преемственность «Я» на протяжении времени. Нарративная работа может сопровождаться глубокими эмоциональными изменениями: она способствует снижению тревожности, укрепляет чувство внутренней опоры и повышает уверенность в своём опыте. В китайской практике культурной пенсии существуют успешные примеры внедрения подобных подходов, например, проект «Диалог через время» в Шэньчжэне, направленный на восстановление биографической целостности и расширение творческого потенциала участников.

Вторым ключевым направлением являются художественные практики, которые являются пространством творческой самореализации и одновременно инструментом культурного воспроизводства. Теория «потока», разработанная Михаем Чиксентмихайи, объясняет, что погружение в творческую деятельность создаёт состояние психологической гармонии, позволяя человеку ощущать высокую степень осмысленности, концентрации и свободы [12]. Пожилые люди, вовлечённые в художественную деятельность — живопись, керамику, музыку, пение, танец, литературное творчество, декоративно-прикладные искусства — получают возможность выражать эмоции, трансформировать переживания в образах, работать с воспоминаниями и создавать собственный культурный продукт.

Творческая деятельность выполняет двоякую функцию. Во-первых, она способствует развитию когнитивных и эмоциональных ресурсов, укрепляет способность к самовыражению, поддерживает внимание и память, а также развивает моторные навыки. Во-вторых, художественные практики позволяют пожилым людям выступать в роли носителей культурной традиции. В их творчестве сохраняются элементы локальной памяти, коллективных символов, фольклорных мотивов и эстетических представлений, что делает художественную деятельность не просто терапевтическим инструментом, но и формой культурного наследования. В этом контексте идея Йозефа Бойса о том, что «каждый человек — художник», получает новое гуманистическое измерение: творчество становится способом поддержания идентичности и культурного участия в условиях позднего возраста.

Наконец, важной составляющей культурно-ориентированной модели ухода является межпоколенный диалог — форма культурной коммуникации, в которой пожилые люди являются не объектами заботы, а активными субъектами взаимодействия. Межпоколенная коммуникация создаёт условия, в которых знания, навыки, культурный опыт и жизненная мудрость передаются от старших к молодым, формируя пространственную и ценностную связность общества. Для пожилых людей участие в таких практиках поддерживает когнитивную активность, расширяет социальные контакты, укрепляет чувство собственной значимости и обеспечивает эмоциональную поддержку. Для молодёжи взаимодействие с пожилыми становится источником ценностной ориентации, культурной памяти и социального понимания.

Межпоколенный диалог может включать в себя совместное чтение, творческие проекты, дискуссионные клубы, наставничество, образовательные инициативы и различные формы социального волонтёрства. Важно подчеркнуть, что подобные практики не только усиливают социальную связанность, но и способствуют формированию культурной субъектности пожилых людей: они перестают воспринимать себя исключительно как получателей помощи и становятся активными носителями знания, опыта и культурного капитала. Такой тип участия формирует новую модель старения — не изоляционную, а диалогическую, в которой поздний возраст воспринимается как ресурс общественного развития.

IV. Проблемы и перспективы формирования культурно-ориентированной модели ухода

Несмотря на значительный гуманистический и культурный потенциал, культурно-ориентированная модель ухода за пожилыми людьми сталкивается с рядом системных препятствий. Эти проблемы имеют не только институциональную, но и культурно-ценностную природу, что особенно важно учитывать при анализе перспектив развития культурной пенсии. Ключевым ограничением остаётся глубоко укоренённое в обществе представление о пожилых людях как о группе, нуждающейся преимущественно в медицинском, бытовом и социально-

материальном уходе. Такой подход фактически исключает пожилых людей из сферы культурного участия, лишает их возможности быть субъектами культурного действия и снижает потенциал их активной включённости в общественные процессы.

Стереотипная трактовка старости как периода утраты, зависимости и социальной пассивности препятствует формированию гуманистической модели, ориентированной на развитие человеческого потенциала. Пожилой человек воспринимается скорее как объект ухода, чем как носитель культурного опыта и субъект смыслообразования. Это отражается в структуре государственных программ, где культура часто не занимает самостоятельного места, уступая приоритет медицинским и социально-бытовым услугам. Таким образом, общественное сознание становится важнейшим барьером на пути развития культурной пенсии, поскольку утверждение культурно-ориентированного подхода требует изменения взглядов на природу старения и на ценность пожилого человека в современном обществе.

Второй проблемный блок связан с недостатком институциональной и профессиональной инфраструктуры. В большинстве регионов пока отсутствуют подготовленные специалисты, способные разрабатывать и организовывать программы культурного сопровождения пожилых людей, обеспечивать профессиональное сопровождение нарративных, художественных и межпоколенных практик, создавать культурно-образовательные программы с учётом возрастной специфики. Между тем культурно-ориентированная модель ухода требует междисциплинарной подготовки, объединяющей культурологию, геронтологию, психологию, социальную работу, педагогику и цифровые гуманитарные технологии. Без соответствующей кадровой базы культурная пенсия оказывается фрагментарной: отдельные успешные проекты не складываются в устойчивую систему.

Третья проблема — технологическое неравенство. В эпоху цифровизации культурная сфера стремительно изменяется, и участие в культуре всё чаще предполагает владение цифровыми инструментами. Однако многие пожилые люди не обладают достаточным уровнем цифровой грамотности или сталкиваются с трудностями при использовании современных технологий. Это приводит к тому, что цифровые культурные ресурсы становятся доступными не для всех, а для пожилых людей, оказавшихся в ситуации цифрового исключения, возникает новая форма социальной уязвимости. Также существует риск техноцентризма, при котором технологии внедряются без учёта возрастных особенностей пользователей, что только усиливает цифровое неравенство.

Несмотря на это, перспективы развития культурной пенсии свидетельствуют о её высокой социальной значимости и потенциале. Одним из ключевых направлений является формирование культурной экосистемы ухода — интегрированной сети институтов, практик и сообществ, которые объединяют государственные, общественные, семейные и культурные ресурсы. Такая экосистема должна обеспечивать пожилым людям разнообразные формы культурного участия, создавать устойчивую инфраструктуру коллективной и индивидуальной самореализации, а также поддерживать культурную субъектность пожилых людей. Экосистемный подход позволяет преодолеть фрагментарность инициатив и сформировать целостную культуру сопровождения старения, где пожилой человек рассматривается как активный участник культурной жизни.

Перспективным направлением развития является и гуманистическая цифровизация — внедрение цифровых технологий не ради инноваций как таковых, а ради обеспечения доступа к культуре, расширения возможностей участия и укрепления эмоционального благополучия. Использование виртуальной реальности, онлайн-платформ, образовательных сервисов, цифровых архивов и интерактивных форматов может существенно расширить культурное пространство пожилых людей, но при условии доступности, персонализации и сопровождения. Критически важно, чтобы цифровизация не заменяла живую культуру, а дополняла её, сохраняя ценностно ориентированный характер культурной пенсии.

Наконец, важнейшей перспективой является создание профессионального сообщества в сфере культурной пенсии. Формирование образовательных программ, исследовательских центров, профессиональных стандартов, сетевых ассоциаций и площадок обмена опытом позволит утвердить культурно-ориентированную модель ухода в качестве самостоятельного направления культурной политики. Это обеспечит устойчивость инициатив, улучшит качество практик и сделает культурную пенсию полноценным элементом гуманистического развития общества.

Заключение

Проведённый анализ позволяет рассматривать культурную пенсию как значимую культурно-ориентированную модель ухода, направленную не только на удовлетворение базовых нужд, но и на поддержку человеческого потенциала в позднем возрасте. Она формирует гуманистическое видение старения, в котором пожилой человек является участником культурной жизни, носителем опыта и субъектом смыслообразования.

Культура как фундаментальная среда человеческого существования предоставляет пожилому человеку инструменты для осмысления биографии, восстановления внутренней целостности и формирования устойчивой идентичности. Нарративные, художественные и коммуникативные практики позволяют раскрывать личностные ресурсы, переосмысливать прожитое и поддерживать эмоциональное и когнитивное благополучие. Благодаря этому поздний возраст предстает не как период утраты, а как этап развития и культурного вклада.

Ключевыми механизмами раскрытия потенциала в рамках культурной пенсии являются смыслообразование, межпоколенная трансмиссия опыта и участие в культурных практиках. Они создают условия для укрепления культурной субъектности, социальной включённости и формирования позитивной идентичности пожилого человека.

Культурно-ориентированная модель ухода обладает значимым общественным потенциалом. Пожилые люди, вовлечённые в культурные процессы, становятся медиаторами между прошлым и будущим, носителями культурной памяти и участниками межпоколенного диалога. Это усиливает культурную связанность общества и способствует развитию солидарных практик.

Для реализации этой модели требуется институциональная и профессиональная поддержка — развитие кадровой подготовки, культурной инфраструктуры и гуманистически ориентированной цифровизации. Только при наличии целостной культурной экосистемы сопровождения культурная пенсия может стать устойчивой моделью развития.

Таким образом, культурная пенсия формирует гуманистическую культурную парадигму старения, в которой поздний возраст понимается как период смыслового углубления, культурного участия и творческой самореализации, способный вносить ценностный вклад в общественное и культурное развитие.

Список литературы

1. World Population Prospects 2022: Summary of Results / United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. — https://www.un.org/development/desa/pd/content/World-Population-Prospects-2022
2. *Маслоу А.Х.* Теория человеческой мотивации // Психологический обзор. — 1943. — Т. 50. — № 4. — С. 370–396.
3. *Кассирер Э.* Теория человека: введение в философию человеческой культуры / пер. Ган Ян. — Шанхай: Shanghai Translation Publishing House, 2013. — 246 с.
4. *Оуян Чжунмин, Юань Тинтин, Ван Цзянъянь.* Какие исследования в области образования в пожилом возрасте нам нужны: основано на перспективе жизненного пути // Исследования современного дистанционного образования. — 2025. — Т. 37. — № 5. — С. 12–20.
5. *Ниу Хацюнь, Го Бэньюй.* Вклад Эриксона в психологию «Я» // Журнал Нанкинского университета Сяочжуан. — 2021. — Т. 37. — № 2. — С. 70–74.
6. *Assmann J.* Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination. — Cambridge: Cambridge University Press, 2011. — 336 p.
7. *McAdams D.P.* The Psychology of Life Stories // Review of General Psychology. — 2001. — Vol. 5. — No 2. — P. 100–122. DOI: 10.1037/1089-2680.5.2.100.
8. *Мид М.* Культура и приверженность / пер. Чжоу Сяохун, Чжоу И. Шицзячжуан / Hebei People's Publishing House. — 1987. — 214 с.
9. *Цзян Гуаньин.* Последствия взаимодействия между поколениями для психического здоровья пожилых людей // Прогресс в психологии. — 2024. — Т. 14. — № 8. — С. 723–730.
10. *Bourdieu P.* The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. — New York: Greenwood Press, 1986. — P. 241–258.

11. *White M., Epston D.* Narrative Means to Therapeutic Ends. — New York: W.W. Norton, 1990. — 240 p.
12. *Csikszentmihalyi M.* Flow: The Psychology of Optimal Experience // Design Issues. — 1991. — Vol. 8. — No 1. — P. 34–43. — DOI: 10.2307/1511458.

Черенков Р.А.
к.и.н., доцент,
доцент Кафедры истории,
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
marselles2006@mail.ru
Черных В.Д.
к.и.н., доцент,
доцент Кафедры философии и истории,
Воронежский государственный университет инженерных технологий
cher_vladd@rambler.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА С МУСУЛЬМАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И БАШКИРИИ (XVI–XVIII ВВ.)

Ключевые слова: христианство, ислам, прозелитизм, экспансия.
Key words: Christianity, Islam, proselytism, expansion.

В наши дни бытует мнение, что ислам плохо совместим с другими культурами, а мусульмане представляют собой скрытую угрозу для христианских и светских государств. Возможно, какие-то прецеденты, создавшие последователям ислама такую репутацию, действительно существовали, но исторический опыт России наглядно демонстрирует, что интеграция мусульман в ряды граждан христианского государства вполне возможна. Более того, эту интеграцию можно осуществить как с помощью христианского же духовенства, так и без неё. В данной работе мы кратко рассмотрим российский опыт взаимодействия православного имперского общества с мусульманскими общинами Среднего Поволжья и Башкирии в XVI–XVIII вв., то есть в эпоху, когда местные мусульмане только начинали свою жизнь в составе Российской империи.

Целью нашего исследования является выявление механизмов интеграции исповедующих ислам казанских татар и уральских башкир в состав безразличного к исламу российского общества в XVI–XVIII вв. Данная цель предполагает решение двух задач — установление роли в данном процессе православной Церкви и раскрытие иных механизмов интеграции, применявшихся российским государством.

Политика Московского царства и Российской империи по отношению к татарам и башкирам изучена в отечественной историографии достаточно полно. В нашей статье мы будем обращаться к материалу из работ дореволюционного исследователя Н.Н. Фирсова, его советских коллег И.Г. Акманова, Д.М. Макарова и С.Х. Алишева, а также к исследованиям таких современных учёных как Б.Р. Рахимзянов, Р.Ш. Вахитов, Е.В. Липаков и А.И. Иванов.

Русские княжества оказались в непосредственном соседстве с мусульманским государством в начале XIV в., когда хан Золотой Орды Узбек объявил ислам государственной религией и подверг приверженцев шаманизма и буддизма гонениям. Однако Золотая Орда вскоре распалась, и татарские царевичи были увлечены скорее борьбой друг с другой, чем проповедью

ислама соседям. В свою очередь православное Московское княжество нередко заключало союз с одним ханом против другого, а также принимало на своей территории опальных татарских аристократов, не придавая их мусульманскому вероисповеданию ни малейшего значения[1]. Православная Церковь занимала по отношению к исламу непримиримую позицию, но мнение духовных иерархов не всегда было авторитетным для московских князей. Первым русским правителем, открыто заявившим о своей антиисламской позиции и считавшим своей задачей христианизацию татар, стал царь Иван IV Грозный. В частности, ему была близка позиция сербского писателя Ивана Пересветова, считавшего, что политическая победа над волжскими татарами немыслима без уничтожения независимости Казанского ханства и принуждения его жителей к переходу в православие. В 1552 г. царские войска взяли штурмом Казань, и Иван Грозный действительно установил прямое управление землями захваченного ханства. Так, наместником был назначен князь Александр Горбатый-Суздальский из клана Шуйских, и в его распоряжении имелся внушительный воинский контингент. Казанские мечети были закрыты, и царь лично учредил в городе Зилантов монастырь. При этом царь не объявил ислам вне закона, потому что в казанском походе ему оказали поддержку некоторые мурзы и их воины. Положение мусульман оказалось двусмысленным: с одной стороны, корона, явно, не собиралась уважать их верования, но, с другой стороны, после окончания кампании их жизням и имуществу ничто не угрожало. Разумеется, среди казанских татар многие вынашивали планы антироссийского восстания, сыграла определенную роль и агентура крымского хана[2]. Управлявший Казанью русский воевода знал о готовящемся выступлении и собирался пресечь его вооруженной рукой.

Однако эскалация насилия всё-таки не состоялась, если не считать нескольких стихийных бунтов в сельской местности. Важным фактором, сбившим накал страстей, стало учреждение в 1555 г. Казанской епархии. Её первому владыке, архиепископу Гурию (Руготину), царь и московский митрополит Макарий поставили задачу проповедовать христианство татарам. Святитель Гурий принялся за организацию в новообразованной епархии монастырей и сразу же столкнулся с тем, что даже лояльные короне татары незнакомы с монастырским землевладением. Для того чтобы привлечь их на свою сторону, архиепископ распорядился конфисковать в пользу монастырей земельные наделы тех мусульман, которые принимали участие в антирусских выступлениях. Также к земельным разделам были допущены татары, перешедшие из ислама в православие. С одной стороны, благодаря такту и прозорливости владыки Гурия Церковь стала выполнять посреднические функции между христианским царством и мусульманским простонародьем. Причём, мягкие методы православного духовенства значительно разрядили обстановку и снизили вероятность возможных восстаний. Но, с другой стороны, проповедь христианства среди мусульман имела лишь ограниченный успех, а христианизация исповедовавших язычество чувашей, марийцев и мордвинов вообще привела к кровавым эксцессам. Так, при попытке проповедовать последним был убит рязанский епископ Мисаил, канонизированный в лике священномученика[3].

При этом как до ликвидации Казанского ханства, так и после значительное число татарских аристократов-мусульман находились на русской службе. Некоторые из них, вероятно, надеялись занять ключевые должности в казанской администрации и в дальнейшем добиться автономии региона. Игнорировать этих людей было бы по меньшей мере нечестно, потому что многие из них с риском для жизни выполняли для царя военные и дипломатические поручения, и лояльность этих мурз не вызывала никаких сомнений. Поэтому царское правительство пошло на хитрый, очень эффективный ход, препятствовавший формированию в России мусульманского дворянства и, в то же время, никак не ущемлявший конкретных людей. Соборное Уложение 1649 г. запретило иноверцам владеть православными крепостными и даже

---

[1] *Рахимзянов Б.Р.* Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. — СПб.: Евразия, 2016. — С. 55–56.

[2] *Макаров Д.М.* Христианизация народов Поволжья во второй половине XVI века // История христианизации народов Среднего Поволжья. Критические суждения и оценки: межвуз. сборник научных трудов. — Чебоксары: Чувашский гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, 1988. — С. 21–22.

[3] *Макаров Д.М.* Самодержавие и христианизация народов Поволжья во второй половине XVI–XVII вв. Учебное пособие. — Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 1981. — С. 92.

не рекомендовало православным работникам наниматься к иноверцам за деньги[4]. В результате такой политики татарский мурза мог стать помещиком лишь в случае перехода в православие, что многие поволжские аристократы и сделали. Другие предпочли остаться мусульманами, но тогда их доходы значительно снизились. Ведь получить поместья в христианских областях страны они не могли, а ислам запрещает превращать мусульман в лично зависимых людей. Поэтому сохранившие верность исламу мурзы со временем перешли в ряды купечества, использовав свои родовые и личные связи в торговых делах.

Парадоксальную, противоречивую роль во взаимодействии христианства и ислама в Казани сыграл епископ Лука (Конашевич), в 1738–1755 гг. занимавший казанскую кафедру. Татарам он был известен как непреклонный противник ислама, добивавшийся закрытия мечетей и всячески старавшийся выселить мусульман из города. Отечественный исследователь Е.В. Липаков так характеризует антиисламскую политику владыки: «Он прославился массовым разрушением мечетей, попыткой выселить татар-мусульман из татарской слободы Казани. У татар он заслужил прозвище «Аксак Каратун» (хромой в чёрной шубе), стал отрицательным персонажем фольклора»[5]. Однако при этом владыка деятельно благоволил крещёным татарам и способствовал открытию для их детей средней школы, именуемой Новокрещенская. Будучи выпускником Киево-Могилянской академии, епископ Лука использовал свой научный и академический опыт для организации учебного процесса и этим привлёк внимание казанского губернатора. Дело в том, что мало интересуясь церковными делами, местная администрация организовала в Казани гимназию и крайне нуждалась в опытных преподавателях. По просьбе губернатора епископ взялся за дело и вскоре пригласил в Казань многих бывших своих киевских сокурсников[6]. В результате его деятельности гимназия стала образцовой, и по распоряжению Екатерины II в ней началось преподавание помимо латыни татарского языка. Эта мера поставила дирекцию и даже губернатора в тупик: среди православного духовенства и светских преподавателей не было ни одного знатока татарского языка, который был бы по совместительству и педагогом. Поэтому пришлось обратиться к мусульманской общине города, видный представитель которой, Сагит Хальфин, принял приглашение и стал гимназическим преподавателем, не меняя вероисповедания. Пример Хальфина оказался заразительным, и вскоре среди гимназических учителей и даже преподавателей Казанского университета было немало татар-мусульман, равно как среди гимназистов и студентов стали встречаться татарские юноши.

Благодаря совместной интеллектуальной деятельности, в Казани быстро сложилась смешанная академическая общественность, объединявшая в своих рядах православных и мусульман, русских и татар. Результаты оказались потрясающими — например, в начале Отечественной войны 1812 г. внук Сагита Хальфина Ибрагим перевёл царский манифест об объявлении войны на татарский язык, чем вызвал у татар всплеск лояльности к российской короне. Так, в казанское ополчение татар записалось не меньше, чем русских[7]. Слава Казани как многоконфессионального города, в котором каждому найдётся место, распространилась за пределы Российской империи. В частности, ещё на рубеже XVII–XVIII вв. татарский поэт Йунус аль-Казани, живший в Бухаре, рассказывал своим узбекским коллегам о том, что в Казани власть неверных не ощущается[8]. Но если в начале XVIII в. его слова воспринимались бухарцами как преувеличение, то в начале XIX в. Казань стала центром притяжения мусульманской учащейся молодёжи из Средней Азии. На протяжении всего XIX в. интеллектуальный ландшафт Казани оставался пёстрым: мусульманские богословы обсуждали возможность реформ в исламе, православные татары (кряшены) были заняты поиском собственной иден-

[4] Уложение государя, царя и великого князя Алексея Михайловича. — М.: Государственная типография, 1913. — С. 261.

[5] *Липаков Е.В.* Архипастыри Казанские. 1555–2007. — Казань: Центр инновационных технологий, 2007. — С. 146.

[6] Там же. — С. 148–149.

[7] *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI — начала XIX. — М.: Наука, 1990. — С. 192–193.

[8] *Бустанов А.К.* Говорить «по-бухарски»: персоязычные тексты в Российской империи // Ислам в современном мире. — 2016. — Т. 12. — № 4. — С. 85.

тичности, а русская общественная мысль колебалась между социализмом и консерватизмом. А ведь такое беззлобное, лишенное противостояния соседство и даже сотрудничество стало возможным не в последнюю очередь благодаря политике, проводимой православной Церковью относительно татар на протяжении XVI–XVIII вв.

Иначе — более просто и печально — протекал процесс взаимодействия русского общества с исламом в Башкирии. Уфимская епархия была учреждена лишь в начале XIX в., хотя регион вошёл в состав России ещё в XVI в. То есть на протяжении двух с половиной веков исповедующее ислам башкирское общество взаимодействовало именно с российским государством, и это взаимодействие не смягчалось Церковью. На момент знакомства с русской администрацией башкиры сохраняли родовой строй, и их аристократы — тарханы — не имели никакого официального статуса. В частности, царские чиновники именовали их «лучшими людьми» той или иной деревни, и поэтому никакой систематической политики по привлечению тарханов к государственной службе не проводилось. Собственных традиций государственности у башкир не было, равно как и исповедуемый ими ислам граничил с двоеверием. Случавшиеся в XVII в. антироссийские восстания всегда имели социально-экономические причины. В частности, редкие в Башкирии церкви почти никогда не страдали от рук восставших, а вот муллы, бывшие по совместительству землевладельцами, несколько раз оказывались жертвами мятежников. Даже национальный состав участников восстаний не был однородным. Так, во время нападения на Кунгур в 1663 г. башкиры применили пушки, боеприпасы к которым им продал сибирский стрелец Иван Громыхалов, а обслуживали эту артиллерию ссыльные поляки и литовцы из числа пленённых на недавней войне[9]. Практически всегда такие восстания заканчивались одинаково — правительство присылало комиссию, которая расследовала жалобы бунтарей и чаще всего находила их претензии к местной администрации справедливыми. То есть местный воевода либо слишком уж усердствовал в сборе налогов, либо потворствовал русским переселенцам, иногда предпринимавшим рейдерские захваты башкирских земель. Обычно после разбирательства такой чиновник терял должность, и status quo оказывался восстановлен.

Положение изменилось в первой половине XVIII в. Расширяющееся и модернизирующееся государство отчаянно нуждалось в тяжелой промышленности, и металлургические заводы Урала начали стремительно развиваться. Управлявший этими предприятиями В.Н. Татищев столкнулся с сопротивлением башкирских тарханов, которые нередко грабили рабочих и всячески препятствовали строительству заводов на своих землях. Будучи заводским начальником, В.Н. Татищев имел очень широкие полномочия, в том числе военные и судебные. Видя в своеволии башкирской аристократии препятствие промышленному росту, он сформировал заводские отряды самообороны и с их помощью стал оказывать на башкир вооруженное давление[10]. Ситуация ещё более обострилась при строительстве Оренбурга, который фактически перекрыл кочевникам-скотоводам и торговцам маршруты их ежегодных миграций. Возможно, ситуацию можно было бы как-то сгладить, но государственные чиновники больше интересовались реакцией столицы на свои действия, чем сохранением хороших отношений с туземцами.

Результатом такой непродуманной политики стали несколько восстаний, лидеры которых намеревались уничтожить Оренбург, а в идеале — отделить Башкирию от России. Так, один из вдохновителей восстания 1755–1756 гг. образованный мусульманин Абдулла Галеев, больше известный под прозвищем Батырша, попытался объявить России «священную войну» и призывал к созданию на территории Башкирии независимого мусульманского государства, живущего по законам шариата[11]. Другой повстанческий вожак, Миндигул Юлаев по прозвищу Карасакал, выдавал себя за Чингисида и объявил о создании независимого Башкирского ханства[12]. Царское правительство ответило на силу силой, направив в регион регулярные во-

[9] *Акманов И.Г.* Башкирия в составе Российского государства в XVII — первой половине XVIII в. — Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. — С. 74.

[10] *Иванов А.В.* Горнозаводская цивилизация. — М.: АСТ, 2014. — С. 42.

[11] *Вахитов Р.Ш.* Шежере Салавата. — Уфа: Китап, 2008. — С. 32.

[12] *Акманов И.Г.* Башкирия в составе Российского государства в XVII — первой половине XVIII в. — Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. — С. 132.

йска и поручив командованию в кратчайшие сроки подавить восстание. Драгуны и казаки сражались с повстанцами так, словно это были иностранцы. Особой жестокостью и беспринципностью отличился полковник А.И. Тевкелев по прозвищу Мурза — крещёный татарин, истреблявший башкир целыми деревнями и не интересовавшийся ничьей реальной виной. Его методы вызвали протест даже у практичного В.Н. Татищева, который приговорил к смерти нескольких схваченных вожаков восстания, но при этом настаивал на том, чтобы дети тарханов посещали русскую школу.

Восстание было подавлено, но применяемые карателями жесткие методы не вызывали у башкир ни малейшей лояльности к России. Тем более, что заводское начальство, уверенное в собственной безнаказанности, продолжило отчуждать земли у башкирских общин. В частности, отец легендарного Салавата Юлаева, знатный тархан Юлай Азналин лишился земельных угодий по вине директора Симского завода и не смог в суде восстановить справедливость[13]. Стоит ли удивляться тому, что во время Пугачёвщины отец и сын поддержали повстанцев? Однако башкиры-пугачёвцы принесли движению больше вреда, чем пользы, своим антирусским задором компрометируя восстание. Например, очевидцы вспоминали, как башкиры заставляли православных крестьян клясться в верности Пугачёву на Коране[14], чем возбуждали враждебность даже в тех из них, кто изначально симпатизировал восставшим. Конечно, правительственные войска подавили и это выступление, а новые повстанческие вожди тоже были захвачены. Но это была победа силы над силой, которая не добавила башкирам верноподданнических чувств. Положение изменилось лишь после учреждения Уфимской епархии в 1800 г.

Если кратко сравнить инкорпорирование в российское общество обоих мусульманских народов (татар и башкир), то обнаружится парадоксальный факт: татары, будучи знакомы с исламской учёностью и имея традиции собственной государственности, проявили по отношению к русской короне большую лояльность, чем башкиры, прежде не имевшие своего государства. Вероятно, причина этого заключается в деятельности Церкви, с первых дней русского господства в Поволжье принявшейся за христианизацию новых подданных. Пусть эта христианизация дала лишь ограниченные результаты, но само существование Казанской епархии и её влияние на государственных чиновников заметно сглаживали противоречия между русскими и татарами, неизбежные при освоения региона. Казанский архиепископ непроизвольно играл роль посредника между христианами и мусульманами, не допуская возникновения христианского фанатизма и являясь нежелательным свидетелем потенциального чиновничьего самоуправства. Некоторые церковные инициативы приводили к результатам, заметно отличавшимся от первоначальных замыслов, но, тем не менее, благотворным для всех жителей региона, как это случилось с педагогической деятельностью епископа Луки (Конашевича). Не в последнюю очередь именно благодаря деятельности Церкви, смягчавшей государственное давление на новых подданных, татары не чувствовали себя порабощёнными. Обратная ситуация сложилась в Башкирии, где в рассматриваемый период не существовало собственной епархии, и местное население оказалось лицом к лицу с государственной администрацией. Выполняя в регионе правительственные задачи без посредников и ненужных свидетелей, заводской начальник В.Н. Татищев и полковник А.И. Тевкелев нередко использовали вооруженную силу. Противостоявшие им башкирские отряды были заведомо слабее русских правительственных войск и даже иррегулярных формирований, и эта военная слабость компенсировалась попытками разжечь религиозный исламский фанатизм. Если государство притесняло башкир политически, то такие лидеры их сопротивления, как Батырша и Карасакал, пытались взять реванш в духовной сфере. Результатом их усилий стала долгая, хотя и не всегда открытая вражда башкирского простонародья по отношению к русским переселенцам и чиновникам, которая давала о себе знать в моменты слабости государственной власти. При этом напряжение заметно снизилось вскоре после учреждения Уфимской епархии.

---

[13] *Лимонов Ю.А.* Пугачёв и пугачёвцы / Ю.А. Лимонов, В.В, Мавродин, В.М. Панеях. — Л.: Наука, 1974. — С. 169.

[14] *Фирсов Н.Н.* Пугачевщина. Опыт социально-психологической характеристики. — СПб.: Изд-во товарищества М.О. Вольф, 1909. — С. 122–123.

Рассмотрев в данной работе основные аспекты интеграции башкир и казанских татар в российское общество в XVI–XVIII вв., мы обнаружили парадоксальный факт: православная Церковь, будучи негативно настроена по отношению к исламу, всё-таки способствовала вхождению мусульман в состав христианских государства и общества. Возможно, данный опыт может быть эффективно применён и в наши дни, если правительство станет привлекать Церковь к работе с мусульманским населением страны и откажется от законов, согласно которым Церковь отделена от государства.

Чернякова Н.С.
д.филос.н., профессор,
профессор Российского государственного педагогического университета

СЕМЬЯ И ПРОФЕССИЯ КАК ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ

Ключевые слова: семья, профессия, молодёжь, ценности, воспитание.
Key words: family, profession, youth, values, education.

Возросший интерес всех слоёв общества к определению ценностно-содержательных ориентиров воспитания молодого поколения способствовал объявлению 2024 года Годом семьи в Российской Федерации и проведению множества мероприятий, призванных активизировать обсуждение вопросов, связанных как с социокультурной сущностью семьи и её ролью в современном обществе, так и с формированием ценностной ориентации на создание семьи в сознании молодёжи.

Широкое обсуждение различных сторон семейных отношений, представлений о семье, доминирующих в настоящий момент в обществе[1] и молодёжной среде[2], породило не столько оптимистический взгляд на будущее страны, сколько понимание того, что исследование семьи как социокультурного института и ценностного ориентира воспитания молодого поколения требует осмысления семейных отношений в предельно широком философско-культурологическом контексте[3].

Социологические, психологические, педагогические, культурологические исследования демографических проблем, семьи как социального института, вопросов профессиональной ориентации молодёжи, значимости семьи и профессии в мировоззрении молодого поколения дают обширный эмпирический материал для философско-аксиологического анализа семьи

[1] *Вдовина М.В., Румянцев В.В.* Динамика семейных ценностей в российской культуре // Социальная политика и социология. — 2023. — Т. 22. — № 1 (146). — С. 23–31. — DOI: 10.17922/2071-3665-2023-22-1-23-31; *Супрун А.Ю.* Исследование динамики изменений семейных отношений в современном обществе // Современные мировые научные достижения в контексте глобальных вызовов. Серия: социально-гуманитарные дискуссии: Материалы II Международной научно-практической конференции, Казань, 28 февраля 2024 года. — Краснодар: Новация, 2024. — С. 168–169.

[2] *Грошева И.А., Грошев И.Л., Грошева Л.И.* Семейные ценности в представлениях молодёжи // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XXIII Международной научной конференции, Иваново, 27–28 марта 2024 года. — Иваново: Ивановский государственный университет, 2024. — С. 161–166; *Филина О.В., Ткаченко И.В.* Формирование образа семьи у современных юношей и девушек // Психология личностного взаимодействия в современном обществе: семейные традиции и инновации: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Армавир, 12 апреля 2024 года. — Чебоксары: Издат. дом «Среда», 2024. — С. 149–151.

[3] *Чернякова Н.С.* Ценностные основы культуросообразной педагогики // Перспективы и приоритеты педагогического образования в эпоху трансформаций, выбора и вызовов: Сборник научных трудов VI Виртуального Международного форума по педагогическому образованию. — Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2020. — Ч. 4. — С. 207–209.

и профессии как важнейших форм воплощения ценностей. Вместе с тем, отсутствие позитивных сдвигов в решении демографических проблем свидетельствует о том, что исследование ценностного содержания и взаимосвязи семьи и профессии как социокультурных констант и ориентиров ценностно-содержательного воспитания молодёжи должно опираться на более глубокое понимание не только самих ценностей, но и конкретно-исторических форм их воплощения.

Исследование семьи и профессии на основе понимания культуры как способа жизнедеятельности конкретного субъекта, ценностей — как смыслообразующего элемента культуры, а ценностных ориентиров — как конкретно-исторических форм воплощения ценностей, позволяет раскрыть взаимосвязь между семьёй и профессией как различными формами воплощения ценностей и выявить социокультурное значение каждой из них.

Не только научные исследования, но и жизненный опыт представителей всех поколений свидетельствует о том, что попытки решить демографические проблемы экономическими средствами, стимулируя рождаемость всевозможными выплатами, пособиями, налоговыми льготами и проч., не ведут к желаемому результату. При выработке любых стратегий решения демографических проблем необходимо признать в качестве исходного факта, что материальная поддержка государства не влияет существенно на увеличение количества женщин, готовых по собственной воле и желанию становиться многодетными матерями. Процент многодетных семей ничтожен по сравнению с потребностями общества в приросте населения.

И дело не только в том, что цивилизационный этап развития общества эмансипировал женщин и позволил им самостоятельно выбирать образ своей жизни и решать, когда и за кого выходить замуж, иметь или не иметь детей[4]. Цивилизация сняла ответственность со старших поколений за продолжение рода. Между тем, во всех традиционных культурах прирост населения обеспечивался строгими нормами, выполнение которых контролировалось старшими поколениями, лишавшими молодое поколение, и, прежде всего, — женщин, права выбора в сфере взаимоотношения полов. И женили, и выдавали замуж родители, а своеволие молодых людей было просто исключено, потому что сурово наказывалось.

Несмотря на введение в школьную программу предмета «Семьеведение», вопрос о целесообразности обучения школьников основам семейной жизни, не является окончательно решённым ни на уровне общественного сознания, ни в профессиональном сообществе. В связи с этим, следует обратить внимание на некоторые существенные аспекты аксиологического понимания семьи и воспитания молодёжи.

Превращение молодого поколения представителей биологического вида *Homo sapiens* в субъектов социокультурной деятельности возможно исключительно на основе усвоения ими атрибутов социальности, к числу которых относятся мышление, способность руководствоваться не биологическими инстинктами, а социальными нормами и деятельность, производящая мир «второй природы». Только на основе этих атрибутов развивается осмысленное целеполагание, включающее не только умение самостоятельно формулировать цели деятельности, но и соотносить цели с ценностными координатами социокультурного бытия.

Субъект социокультурной деятельности, сформированный в процессе воспитания, должен понимать, что любые отношения, действия и поступки людей остаются в границах социокультурного мира только в той мере, в какой воплощают в себе ориентацию людей на конечные цели-смыслы культуры, которые именуются «ценностями». Не существует каких-то особых «семейных ценностей», потому что в основе семейной жизни лежат универсальные для всех социокультурных существ ценности: Истина, Добро и Красота. Понимание различия между добром и злом, ложью и истиной, прекрасным и безобразным образует фундамент духовной культуры личности. Именно такому представлению о ценностях необходимо учить формирующегося субъекта культуры. И только такое представление о ценностях обеспечит наличие ценностного содержания во всех видах, формах и продуктах человеческой жизнедеятельности, в том числе — и в семейной жизни.

---

[4] *Задруцкая К.Р.* Многофункциональная роль женщины в современной семье // Психология, педагогика, филология: вопросы теории и практики: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 20 января 2024 года. — Симферополь: Наука и техника, 2024. — С. 112–114.

Если же в процессе воспитания будет сформирован субъект, для которого ценностью может быть «всё, что угодно», «всё, что удовлетворяет потребности», то действительного ценностного содержания будет лишена не только его семейная жизнь, но и любая деятельность, которую он будет осуществлять.

С философско-аксиологической точки зрения семья как социокультурный феномен, обладающий ценностным содержанием, — это сложнейший комплекс социальных взаимоотношений, сущностью которых является любовь мужчины и женщины друг к другу и детям. Только такая семья есть подлинное воплощение Истины, Добра и Красоты. И только такая семья может быть ценностным ориентиром воспитания молодёжи[5].

Однако дело не только в том, что существует универсальная ценностная основа социокультурного бытия. Жизненный опыт как самих молодых людей, так и их родителей, родственников, друзей, коллег, соседей, а также знакомство с биографиями «великих и знаменитых» людей свидетельствует о том, что семья как длительный союз мужчины и женщины, основанный на любви друг к другу и детям, во все времена была редким, уникальным, поистине чудесным явлением социокультурного бытия.

Ни принудительное замужество или женитьба, ни сожительство, именуемое «гражданским браком», ни брак по экономическому расчёту, ни рождение «нежеланных детей» не ведут к созданию семьи как социокультурного института, обладающего ценностным содержанием. Тот факт, что все эти явления существуют и характеризуют жизнь тысяч людей, не превращает их в ценностные ориентиры воспитания молодёжи.

Как бы не представляли себе семью молодые люди, какие бы представления о семейных отношениях не доминировали в настоящий момент, воспитатели — родители, родственники, учителя, наставники, — должны руководствоваться ценностно содержательными идеями о семье и браке и исходить из того, что субъект социокультурной деятельности способен преодолеть любые трудности только в одном случае — когда он стремится к цели, т.е. к тому, что считает образом желаемого результата. А желаемым результатом заключения брака и создания семьи является совместная жизнь с любимым человеком и рождение детей, матерью которых будет любимая женщина, а отцом — любимый мужчина. Только такая семья есть подлинное воплощение Истины, Добра и Красоты. И только такая семья может быть ценностным ориентиром воспитания молодёжи.

Решение демографических проблем «любой ценой»: от запрета абортов до неприкрытого поощрения несовершеннолетних к рождению детей, — повлечёт за собой вполне предсказуемую деградацию общественных нравов и криминализацию медицинских услуг.

Семья — это благо, которое ни мужчина, ни женщина не могут получить по одной лишь собственной воле и желанию[6]. Но в таком случае возникает вопрос: насколько оправдана ориентация молодого поколения на такую форму воплощения ценностей, осуществление которой не зависит от самого человека? Социальные последствия внушения молодёжи необходимости достигать целей, заведомо недостижимых всеми, окажутся пагубными как для молодых людей, так и для общества в целом.

Осознание подобной проблемы помогает понять, почему ценностная регуляция человеческой жизни никогда не ограничивается ориентацией на какую-то одну форму воплощения ценностей.

Выделение профессии как одной из важнейших, наряду с семьёй, форм воплощения ценностей связано с тем, что самостоятельное существование любого субъекта культуры обусловлено его способностью обеспечивать условия удовлетворения своих материальных и духовных потребностей.

Для всех, кто не приемлет существование за чужой счёт, трудовая деятельность является основным источником средств существования. И получение профессиональных знаний, уме-

---

[5] *Чернякова Н.С.* Особенности взаимосвязи целеполагания и смыслотворчества в социокультурной деятельности // Alma Mater (Вестник высшей школы). — 2024. — № 3. — С. 62–66. — DOI 10.20339/AM.03-24.062.

[6] *Погибелева А.В., Степикова О.В.* Многодетность и бездетность — дары Божьи // Традиционные духовно-нравственные ценности в современной России: история и вызовы времени: Сборник научных статей 2 Всероссийской научно-практической конференции, организуемой в рамках X Юбилейных международных научно-образовательных Знаменских чтений «Православно-христианские основы стратегии развития российской цивилизации», Курск, 2 апреля 2024 года. — Курск: Университетская книга, 2024. — С. 109–113.

ний, навыков, или компетенций, становится основой квалифицированной и востребованной обществом трудовой деятельности.

Поскольку в процессах обсуждения ценностных ориентиров воспитания молодёжи семья и профессия часто противопоставляются друг другу, следует особо подчеркнуть, что профессиональное образование — это не альтернатива созданию семьи и воспитанию детей. Это необходимое условие независимого существования субъекта социокультурной деятельности в современном обществе.

Профессия обладает столь же существенным ценностным содержанием, как и семья. Выявление очередности достижения тех или иных целей не означает выстраивания иерархии ценностей. Все результаты человеческой деятельности, в которых воплощены Истина, Добро и Красота, обладают равнозначимым ценностным содержанием[7]. Однако на каждом этапе человеческой жизни приоритетом оказывается то, достижение чего возможно в данный момент. Как правило, молодые люди отдают предпочтение получению образования, а не созданию семьи вовсе не потому, что считают семью менее важной формой воплощения ценностей, а потому, что возможность создать семью в данный момент жизни отсутствует.

То, что воспринимается представителями старших поколений и некоторыми специалистами как крайне нежелательное откладывание на более поздние периоды жизни создания семьи и рождения детей, в действительности оказывается рациональным использованием жизненного времени в объективно существующих обстоятельствах.

Семья становится подлинной «ячейкой общества» лишь тогда, когда обладает собственными материальным средствами существования и воспитания детей. Ранние браки легко создаются и легко распадаются не только потому, что не основаны на желании связать свою жизнь с любимым человеком, но и потому, что вступающие в брак молодые люди не обладают экономической независимостью и способностью самостоятельно развивать семейные отношения как форму долговременной совместной жизни, а не разновидность досуга, которую можно в любой момент сменить на что-то более интересное.

Государственная поддержка молодых и многодетных семей, бесспорно, необходима. Однако эта поддержка не должна стимулировать превращение деторождения в средство получения дохода, который обеспечивает не воспитание и образование детей, а иждивенчество родителей.

Наилучшим способом государственной поддержки семьи является экономически обоснованный уровень заработной платы родителей, позволяющий им самостоятельно обеспечивать материальные и духовные потребности своей семьи и воспитывать детей на собственном примере успешной трудовой деятельности.

Профессия является важной формой воплощения ценностей именно потому, что позволяет субъекту социокультурной деятельности занять то место в общественном разделении труда, которое гарантирует ему/ей получение достаточных материальных средств существования для создания семьи.

Далеко не всякая профессия требует высшего образования. Однако любая профессия предполагает наличие соответствующих знаний и умения совершать ту или иную работу.

Ориентируя молодёжь на получение профессии, необходимо обращать особое внимание на то, что ценностно содержательным является лишь такой выбор профессии, который обеспечивает развитие интеллектуального и социокультурного потенциала личности, её способность адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим условиям, применять накопленные знания и опыт в процессе решения новых профессиональных задач или в случае необходимости перейти в новую сферу профессиональной деятельности.

Очевидно, что такой уровень профессиональной подготовки невозможен без специального профессионального образования, начинать которое необходимо в юности и продолжать всю жизнь. Поскольку никакая деятельность не может привести к желаемому результату, если основана на ложных представлениях о мире, обществе и самом человеке, ценностно-содержательная профессиональная ориентация молодёжи должна основываться на истинных пред-

[7] *Чернякова Н.С.* Аксиологические основы формирования духовной культуры личности // Alma Mater (Вестник высшей школы). — 2025. — № 4. — С. 37–41. — DOI 10.20339/AM.04-25.037.

ставлениях о состоянии рынка труда и перспективах его дальнейшего развития, на знании реальных потребностей общества и государства в обладателях тех или иных профессиональных компетенций.

Совмещение ценностных ориентаций на профессиональную деятельность и многодетную семью оказывается исключительно трудно реализуемым для абсолютного большинства женщин. Однако всем, кто искренне считает, что многодетная семья есть основной ценностный ориентир для всех женщин, стоит задуматься над вопросом: что произойдет с системами образования и здравоохранения, с сельским хозяйством и многими отраслями промышленности, если большинство женщин действительно решит, что главным воплощением ценностей является для них многодетная семья? Не трудно предположить, что без участия женщин в общественном производстве рухнет система жизнеобеспечения общества. Утешительная истина состоит, однако, в том, что большинству женщин не приходится совершать мучительный выбор между профессией и семьёй, поскольку одни не хотят долго и трудно учиться, а другие — не видят смысла в создании семьи со случайными партнёрами.

Таким образом, ценностное содержание семьи не превосходит по значимости другие формы воплощения ценностей. Овладение профессией должно рассматриваться как важнейший ценностный ориентир воспитания молодого поколения. Сопоставление семьи и профессии позволяет понять не только глубокую взаимосвязь этих форм воплощения ценностей, но и их роль в осуществлении ценностной регуляции человеческой жизнедеятельности.

Семья никогда не перестанет быть важнейшей формой воплощения ценностей, но всегда будет таким благом, которое нельзя создать по воле и желанию одного человека, будь то женщина или мужчина. А потому у одних людей семьи ещё нет, у других — уже нет, у третьих — не будет никогда. Все, кому суждено создать семью, безусловно, её создадут. Всем, кто не создаст семью, стоит помнить, что жизнь несравненно богаче и разнообразнее любой конкретной цели или формы воплощения ценностей.

Если семья — это уникальное социокультурное образование, создаваемое не только по воле и желанию каждого человека, но и по не зависящим от людей законам (обстоятельствам, причинам, факторам и проч.), как бы люди ни называли эти законы: Божьей волей или судьбой, — то овладение профессией зависит почти исключительно от самого человека. Профессиональные компетенции и опыт профессиональной деятельности остаются с человеком навсегда и обеспечивают его независимое ни от каких внешних обстоятельств существование.

Чжан Фань
к.филос.н.,
преподаватель Института славянских языков Харбинского педагогического университета
zhangfan8595@126.com

ИСТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРАВОСЛАВИЯ ВО ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ[1]

Ключевые слова: русское православие, Внутренняя Монголия, распространение православия, русская эмиграция.
Key words: Russian Orthodox Church, Inner Mongolia, the spread of Orthodoxy, Russian emigration.

Трансграничная добыча золота большим количеством русских Начало распространения русского православия во Внутренней Монголии в XIX веке связано с трансграничной добычей золота, в которой участвовало большое количество выходцев из России. В начале 1880-х годов золотодобытчики основали золотодобывающие конторы, создали церкви и другие общественные объекты. Была создана так называемая Амурская "Калифорния" — самоуправляемая община золотопромышленников, главным образом русских и китайских. К 1885 году от уезда

[1] Грант Фонда общественных наук провинции Хэйлунцзян (номер ратификации:24ZXC003).

Мохэ до Джилалина на правом берегу реки Эргуна насчитывалось более 13 000 золотодобытчиков, в том числе более 9000 русских, а большинство остальных были нанятыми ханьцами рабочими [1].

Цинское правительство провело много переговоров с послом России в Пекине по вопросу о русских золотодобытчиках и четко выразило свою позицию, потребовав, чтобы русские, которые пересекли границу, эвакуировались как можно скорее, и, перекрыв дорогу в горы для перевозки зерна, нанесли ущерб российской технике и оборудованию, а также добавили сторожевые пограничные посты и воспользовались другими методами для изгнания русских, которые добывают здесь золото. Однако русские, занимающиеся незаконной добычей золота, не исчезли после многократных запретов их деятельности, они оставались в более отдаленных районах и продолжали заниматься золотодобычей. В 1892 году сотни русских, которые добывали золото, были изгнаны в Россию [2].

После китайско-японской войны Цинская армия серьезно пострадала от японской вооруженной агрессии и была вынуждена обратиться за помощью к России. В 1896 году под предлогом “совместной обороны” Россия вынудила Ли Хунчжана, посланника правительства Цин, подписать «китайско-российский секретный договор». Россия получила привилегию на Транссибирскую магистраль, проходившую через северо-восточный Китай до Владивостока, и приступила к строительству КВЖД. Согласно этому договору большое количество русских, связанных со строительством железной дороги, прибыло в район Хулунбуир.

В 1900 году вспыхнуло “боксерское восстание”. Царское правительство воспользовалось возможностью отправить войска в Китай с целью защиты дороги, атаковав и оккупировав Маньчжурию, Хайлар и другие места во Внутренней Монголии Китая, и разгромив кордоны на правом берегу реки Эргуна, открыв дверь большому количеству русских пограничников для переезда в район Эргуна. С массовым переселением русских в Хулунбуир началось строительство ряда православных церквей в Маньчжурии, Хайларе, Якеши, Вудухе, Блогту, Чжаланьтуне, Эргуне и других местах. После начала Синьхайской революции в 1911 году царская Россия вновь направила войска на правый берег реки Эргун. Большое количество русских пересекло границу в приграничных районах Китая и занялось переработкой муки, виноделием, текстильной промышленностью и другими видами производства.

В 1917 году началась Октябрьская революция, большое количество православного духовенства эмигрировало за границу, включая регион Внутренней Монголии в Китае.[3] В начале XX века русские составляли 90% от общей численности населения региона Саньхэ [4]. Поскольку российские беженцы продолжали бежать через границу во Внутреннюю Монголию в Китае, здесь постепенно поселились десятки тысяч российских иммигрантов. В начале 1920-х годов в Трехречье было 19 сел, заселенных русскими эмигрантами. В этих селах насчитывалось 375 домохозяйств русских эмигрантов, в которых проживало 2130 человек, а общая численность местного населения составляла всего 2330 человек [5].

Начиная с XIX века в результате масштабной миграции русских в Хулунбуире было широко представлено православие. В 1917 году численность русских на КВЖД составляла 47 868, в том числе в Маньчжурии — 3 257, в Хайларе — 5 554, в Хэндао Хэзи — 2 652 , а остальные 36 405 человек разбросаны вдоль КВЖД [6].

После инцидента «18 сентября 1931 года» и захвата Маньчжурии Японией многие русские покинули территорию Китая. В этот период Свято-Покровская церковь руководила религиозной деятельностью в деревнях Кули, Богрове, Лабдалин и Нармакчи, где насчитывалось около 1700 верующих. В 1930-х и 1940-х годах в регионе Эргуна был построен ряд православных церквей. Последним православным храмом, построенным в районе Эргуна, была церковь Казанской Божьей Матери. Она была построена в 1949 году в селе Нижние Кули, число прихожан составляло более 30 человек. Церковь была закрыта в 1955 году. Общее число православных церквей в регионе Эргуна составляет 18.

В 1954 году число православных верующих в районе Хулунбуир Внутренней Монголии составляло около 35 000 человек, из которых в районе Эргуна проживало около 13 000 человек, в основном это были русские эмигранты и китайско-русские метисы. После масштабной эвакуации советским правительством русских эмигрантов из Китая в 1954 и 1955 годах число православных верующих в регионе Хулунбуир значительно сократилось, православные церк-

ви во Внутренней Монголии также были вынуждены прекратить религиозную деятельность из-за того, что большое количество духовенства покинуло регион.

В 1978 году после Третьего пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва начала реализовываться национальная и религиозная политика партии. В Эргуне постепенно возродились православные обряды и праздники. Власти Эргуна содействовали проведение православных религиозных обрядов и праздников. После нормализации советско-китайских отношений русские во Внутренней Монголии постепенно начали восстанавливать связи с родственниками и друзьями за границей, часто привозя из России русскоязычные Библии, православные иконы и реликвии и др., однако основным способом распространения православия в регионе Внутренней Монголии по-прежнему оставалась устная проповедь.

В целом, распространение русского православия в регионе Внутренней Монголии можно разделить на три этапа: проникновение, развитие и упадок. Еще в XVII веке русские проникли в бассейн реки Амур, и вместе с ними православие вошло в регион Внутренней Монголии, что можно считать началом проникновения православия в этот регион. Впоследствии такие важные события, как Ихэтуаньское восстание (Боксерское восстание) 1900 года, Синьхайская революция 1911 года и Октябрьская революция 1917 года в России, привели к массовому притоку русских эмигрантов в регион Внутренней Монголии, и православие здесь пережило период бурного развития. Начиная с 1954 и 1955 годов, после массового оттока русских эмигрантов из Китая, православная активность сократилась, и православие во Внутренней Монголии вступило в фазу упадка. В период Культурной революции православные церкви были разрушены, религиозная деятельность была полностью запрещена, и православие было полностью запрещено.

Список литературы

1. 唐戈, 额尔古纳：一个新型的文化边区，俄罗斯学刊, 2011 (4), 第63页。= *Тан Ге*. Эргун — новый тип культурной пограничной зоны // Журнал о исследовании русской культуры. — 2011. — С. 4. (на кит. яз.)
2. 额尔古纳右旗史志编纂委员会编: «额尔古纳右旗志», 内蒙古文化出版社1993年版，第126页。= Комитет по составлению истории Правого знамени Эргуна: хроники Правого баннера Эргуна. — Хайлар: Культурное издательство Внутренней Монголии. — 1993. — С. 126. (на кит. яз.)
3. 唐戈, 俄罗斯文化在中国—人类学与历史学的研究, 哈尔滨：北方文艺出版社, 2010，第269页。= *Тан Ге.* Русская культура в Китае — исследования по антропологии и истории. — Харбин: Издательство северной литературы и искусства, 2010. — С. 269. (на кит. яз.)
4. *Соломеина Ю.Н*. Трёхречье — русская национальная волость в приграничном Китае // Общество и государство в Китае. — 2013. — С. 223–227.
5. 辽宁政协学习宣传和文史委员会编: «辽宁文史资料精萃 (经济, 文化, 教育)», 辽宁人民出版社, 1922，第56页。= Ляонинский комитет СРРСС по обучению, рекламе, литературе и истории: Сущность литературы и исторических материалов Ляонина (экономика, культура, образование). — Шэньян: Ляонинское народное издательство, 1922. — С. 56. (на кит. яз.)
6. 张晓兵, 内蒙古俄罗斯族, 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2015, 第16页。= *Чжан Сяобин*. Этнические русские во Внутренней Монголии. — Хулунбуир: Культурное издательство Внутренней Монголии, 2015. — С. 16. (на кит. яз.)
7. 张绥: «东正教和东正教在中国», 学林出版社, 1986年, 第275页。= *Чжан Суй*. Православие и православие в Китае / Издательство «Сюэлин». — 1986. — С. 275. (на кит. яз.)

Чэн Хунли
ассистент-исследователь, Хулунбуирский институт, г. Хайлар

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: НАПРЯЖЕНИЕ МЕЖДУ ГЛОБАЛИЗАЦИЕЙ И ЛОКАЛИЗАЦИЕЙ

Ключевые слова: глобализация, локализация, традиционная культура Китая, традиционная культурная идентичность, динамичность культурной идентичности.
Key words: globalization, localization, traditional culture of China, traditional cultural identity, the dynamism of cultural identity.

Культурный обмен по своей сути представляет динамический процесс взаимного заимствования между различными культурами. Начиная с 1980-х годов, по мере ускорения экономической глобализации, роль и значение культуры в общественном развитии стали проявляться все более отчетливо. В результате, в исследованиях глобализации многие ученые выявили тенденцию ее смещения в культурную сферу, что привело к формированию ряда влиятельных теорий. Среди репрезентативных достижений этого периода можно выделить теорию глобальной культурной системы Роланда Робертсона; теорию столкновения цивилизаций Сэмюэля Хантингтона; теорию структурации Энтони Гидденса; модель «пяти ландшафтов культурных потоков» Арджуна Аппадураи; теорию «мягкой силы» культуры Джозефа Ная; теорию сетевого общества и власти Мануэля Кастельса. Социолог Роланд Робертсон утверждает, что универсализация частного и партикуляризация универсального «являются взаимодополняющими двойственными процессами глобализации»[1]. Он утверждает, что глобализация представляет собой сжатие мира, и предлагает уникальную концептуальную основу для анализа глобализации и её культурного влияния. Он рассматривает глобальное поле как многомерную систему, состоящую из четырёх точек отсчёта — нация, общество, индивид и всё человечество. Р. Робертсон подчёркивает, что глобализация — это не только экономические связи, но и взаимодействие таких субъективных аспектов, как культурная идентичность и системы ценностей. В основе его учения лежит концепция «глобализация-локализация», которая представляет собой взаимодействие глобального и локального, что способствует культурному плюрализму. Он вводит концепцию глокализации, стремясь раскрыть характер двустороннего взаимодействия между глобализацией и локализацией.

Концепция Р. Робертсона пользуется большим вниманием в академических кругах Китая. Ее исследованию посвящены многие труды китайских философов. Так, например, к ней обращаются Ли Юнцзе и Чан Шухун[2], Ци Цзиньюй и Го Юэ[3]. Они утверждают, что в современном глобализированном мире региональное сотрудничество и формирование глобального сотрудничества — это не просто политические лозунги, а фундаментальный фокус академических исследований. В противовес этому, Джордж Ритцер выдвигает концепцию «макдональдизации», происходящей в процессе глобализации. Он утверждает, что давление глобализации на местные культуры значительно превосходит обратное влияние глокализации. Д. Ритцер утверждает, что глобализация приводит к устранению специфических региональных культурных особенностей, подчеркивает эрозию индивидуальности и локальности в результате стандартизации и гомогенизации. Естественно, что к данной позиции китайские философ

---

[1] *Robertson R.* Globalization Social Theory and Global Culture. — London: Sage Publications, 1992. — P. 177–178.

[2] 李永杰 常书红. 以多元视角寻求全球化的新共识. 中国社会科学网 2021-12-25. [*Ли Юнцзе, Чан Шухун*. В поисках нового консенсуса по глобализации с разных точек зрения // Китайская сеть социальных наук 25.12.2021. — https://www.cssn.cn/gjgc/gjgc_gcld /202207/t20220728_5424046.shtml.

[3] 祁进玉、郭跃. 全球在地化与流动性：亚洲共同体意识及其展望 [J] 《西北民族研究》2020年第2(105)期 [*Ци Цзиньюй, Го Юэ*. Глобализация и мобильность: самосознание азиатского сообщества и его перспективы // Северо-западные этнические исследования. — 2020. — № 2 (105). — https://www.cssn.cn/gjgc/gjgc_gcld /202207/t20220728_5424046.shtml.

относятся критически. Люй Бинь и Чжоу Сяохун пишут, что Д. Ритцер, пренебрегая более глубоким политическим (историческим) измерением, сводит конфликты, происходящие в процессе глобализации/гибридизации к простому противостоянию потребительских предпочтений или интересов[4]. Профессор политических наук Лондонской школы экономики и политических наук Дэвид Хелд проницательно отметил, что глобализация все отчетливее выявляет такие проблемы, как «экспансия социальных связей», «интенсификация коммуникаций» и «взаимопроникновение экономических и социальных практик»[5].

Аналогичные исследования начали смещаться и в область культуры. Мы видим, что такие ученые, как Арджун Аппадураи и Саския Сассен, предложили концепцию «культурного поворота в исследованиях глобализации», особо подчеркивая влияние социальных и культурных факторов на глобализацию. С точки зрения Арджуна Аппадураи, «центральной проблемой современных глобальных взаимодействий является напряжение между культурной гомогенизацией и культурной гетерогенизацией. Обе стороны медали глобальных культурных процессов — и светлая, и темная — рождаются из бесконечного взаимодействия/противоборства между единообразием и различием. А арена, на которой разворачивается это противоборство, характеризуется глубокой раздробленностью многообразных глобальных потоков и возникающей в результате неопределенностью». Он полагает, что «в этом мире отправные и конечные точки людей находятся в движении культурных потоков, поэтому при принятии важных решений крайне трудно найти устойчивую точку отсчета»[6].

Действительно, с изменением способов распространения культуры, культурная психология индивида постоянно претерпевает изменения, а культурная идентичность, в свою очередь, находится в процессе динамических трансформаций. Как отмечают Ульрих Бек, Энтони Гидденс и Скотт Лэш, «традиция должна интерпретировать или обосновывать себя», так как она может сохраняться лишь до тех пор, пока «выдерживает испытание дискурсивным обоснованием». А, следовательно, она может «вступить в открытый диалог с другими традициями, а также с нетрадиционными способами действия»[7]. Ульрих Бек, Энтони Гидденс и Скотт Лэш утверждают, что в современных обществах жизнеспособность традиции заключается в ее способности превратить себя в «предмет открытой дискуссии».

На фоне глобализации проблема культурной идентичности становится еще более значимой. В настоящее время культурные проблемы, центром которых является вопрос идентичности, постепенно становятся актуальной исследовательской проблемой. В условиях мультикультурализма (многополярного мира), независимо от того, откуда вы родом, в какой стране родились или каково ваше этническое происхождение, фундаментальный вопрос «Кто я?» неизбежен. Люди часто ищут именно в традиции ответы на вопросы «Кто мы?» и «Откуда мы пришли?», то есть обретают культурную идентичность.

Ли Хунту, анализируя значение культуры для индивида и сообщества, в целом, указывает: «Культура — это единственный способ, которым каждый народ доказывает свое существование и обретает смысл существования», поэтому «культурная идентичность станет ядром и основой сообщества. Она наделяет нас идентичностью и говорит нам, кто мы такие»[8]. С одной стороны, национальный характер культуры несет в себе коллективную историческую память, ценности и уникальный образ жизни народа. Как считают Пан Лишэн, Цю Юаньюань: «вли-

---

[4] 吕斌 周晓虹. 全球在地化：全球与地方社会文化互动的一个理论视角 [J] 《求索》(长沙)2020年第5期 [*Люй Бинь, Чжоу Сяохун*. Глобализация в локализации: теоретическая перспектива взаимодействия глобальных и локальных социокультурных элементов // В поисках истины (Чанша). — 2020. — № 5]. — https://www.cssn.cn/shx/zhyj/202210/t20221024_5551986.shtml.

[5] A Globalizing World? Culture, Economics, Politics / Ed. by D. Held. — London: Routledge, 2004. — P. 15–17.

[6] 阿尔君 阿帕杜莱. 消散的现代性: 全球化的文化维度 [M]. 刘冉 译, 上海: 上海三联书店, 2012. 第41, 56, 57页 [*Алджун Аппадула*. Рассеявшаяся современность: культурное измерение глобализации / перевод Лю Раня. — Шанхай: Книжный магазин «Триада» в Шанхае, 2012. — С. 41; 56–57].

[7] 乌尔里希·贝克, 安东尼·吉登斯, 斯科特·拉什.自反性现代化：现代社会秩序中的政治、传统和美学[M].北京:商务印书馆, 2014, 第132页 [*Бек У., Гидденс Э., Раш С*. Рефлексивная модернизация: политика, традиция и эстетика в современном социальном порядке. — Пекин: Коммерческая пресса, 2014. — С. 132].

[8] 李宏图.全球化时代的多元文化认同[J].社会观察, 2004, (04)，第8页 [*Ли Хунту*. Мультикультурная идентичность в эпоху глобализации // Социальные наблюдения. — 2004. — № 4. — С. 8].

яние культуры часто является проникающим, диффузным, внутренним; она незаметно пронизывает всю общественную жизнь, активно выполняя функции смазки, интеграции, адаптации и ориентира»[9]. С другой стороны, современный характер культуры проявляется в том, что в процессе межкультурного обмена различные цивилизации, учась и вдохновляясь друг у друга, постоянно обретают новую жизненную силу. Б. Малиновский считал, что «культура, удовлетворяя человеческие потребности, создает новые потребности; функция культуры — это “величайшая творческая сила культуры” и “ключ к прогрессу человечества”»[10].

Итак, как же правильно выстраивать отношения между различными культурами? Социолог Фэй Сяотун предложил концепцию «культурного самоосознания» (文化自觉)[11]. Смысл данной концепции раскрывается в том, что она подразумевает рациональное познание, понимание, рефлексию и идентификацию индивида с культурой, к которой он принадлежит. Благодаря этому индивид достигает «трезвого самопознания» (自知之明)[12]. Здесь «культурное самоосознание» и «трезвое самопознание» находятся в отношениях двусторонней взаимосвязи, формируя рациональную основу для личного поведения. Он считал, что в процессе культурного обмена, исходя из принципа «познай самого себя», необходимо рационально понимать различия между культурами. Другими словами, «сначала локализация, затем глобализация».

В условиях глобализации динамический характер идентификации с традиционной культурой проявляется в динамике напряжения между глобализацией и локализацией. Как пишет Чжэн Сяоюнь: «Глобализация ослабляет явления культурных центров, но также может усиливать локальную культурную идентичность, которая, возможно, находится на “периферии” по отношению к “центральной культуре”. Эта локальность может проявляться как этническая, региональная или религиозная принадлежность»[13]. Благодаря Интернету, социальным сетям и особенно появлению искусственного интеллекта, содержание и сфера охвата традиционной культуры обогащаются и развиваются, что способствует развитию культурного разнообразия. Как отмечает Цзе Сяо: «Запуск глобальных сетей в огромной степени способствовал контакту и диалогу между различными культурными формами, что может привести к формированию глобального культурного достояния. Все это создает благоприятные условия для развития традиционной культуры»[14].

Развитие культуры является важной движущей силой общественного прогресса. С точки зрения ее функций, культурная идентичность является их связующим элементом. Как полагает Чжэн Сяоюнь: «Культурная идентичность — это динамическое понятие, сопутствующее развитию человеческой культуры, субъективный фактор существования и развития человеческой культуры»[15]. В настоящее время современные кризисные явления, такие как отчуждение человека, экологический кризис, духовное заблуждение, становятся все более очевидными. При этом различные цивилизации, созданные человечеством, несут в себе глубокие размышления о выживании, развитии и они способны указать пути для развития современного общества. Как считает Сун Чжимин, «несмотря на свои недостатки, традиционная культура в процессе глобализации по-прежнему имеет пространство для существования и развития и может

[9] 庞立生,邱园园.中华民族现代文明的本质意蕴与建设进路[J].思想理论教育, 2024, (01):第34页. [*Пан Лишэн, Цю Юаньюань*. Сущностный смысл и путь построения современной китайской цивилизации // Идеологическое и теоретическое воспитание. — 2024. — № 1. — С. 34]

[10] 布罗尼斯拉夫·卡斯珀·马林诺夫斯基. 文化论[M].费孝通 译, 北京: 华夏出版社, 2001, 第100页. [*Малиновский Б.К.* Теория культуры / перевод Фэй Сяотун. — Пекин: Хуася, 2001. — С. 100].

[11] 费孝通.反思·对话·文化自觉[J].北京大学学报(哲学社会科学版), 1997, (03): 第15页. [*Фэй Сяотун*. Размышление, диалог и культурное самосознание // Журнал Пекинского университета (издание по философии и социальным наукам). — 1997. — № 3. — С. 15].

[12] 费孝通.关于“文化自觉”的一些自白[J]. 学术研究, 2003, (07): 第5页. [*Фэй Сяотун*. Некоторые признания о «культурном самосознании» // Академические исследования. — 2003. — № 7. — С. 5].

[13] 郑晓云.文化认同与我们的时代[J].云南社会科学, 2018, (06): 第179页. [*Чжэн Сяоюнь*. Культурная идентичность и наше время // Социальные науки Юньнани. — 2018. — № 6. — С. 179].

[14] 揭晓.经济全球化与中国传统文化的走向[J].求实, 2005, (S1): 第204页. [*Цзе Сяо*. Экономическая глобализация и тенденции традиционной китайской культуры // В поисках истины. — 2005. — № S1. — С. 204].

[15] 郑晓云.文化认同论[M]. 北京: 中国社会科学出版社, 1992: 第4页. [*Чжэн Сяоюнь*. Теория культурной идентичности. — Пекин: Китайские социальные науки, 1992. — С. 4].

внести свой уникальный вклад в прогресс человечества»[16]. Поэтому в условиях глобализации локальная специфика обретает особую значимость. Однако в настоящее время обостряются тенденции деглобализации. Появление таких проблем, как унилатерализм и протекционизм, не только нарушает порядок глобального экономического развития, но и создает множество неопределенностей для культурного обмена. В этом контексте культурное самоосознание (文化自觉) все в большей степени становится важной предпосылкой для межцивилизационного диалога. Только трезво осознавая истоки и ценность собственной культуры и с открытым, толерантным отношением познавая другие, люди смогут двигаться навстречу другим цивилизациям. И в данной ситуации множественная культурная идентичность представляет собой непреодолимую тенденцию развития мировой культуры в современном мире.

Шапошников Л.Е.
д.филос.н., профессор,
президент Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина»
shaposhnikov_le@mininuniver.ru

А.Д. ГРАДОВСКИЙ О СООТНОШЕНИИ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА И В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: национальное, общечеловеческое, реформы, интеллигенция, славянофилы, западники, образование, знания.
Key words: national, universal, reforms, intelligentsia, Slavophiles, Westernizers, education, knowledge.

Для правильного понимания социума и просвещения существенное значение имеет вопрос о соотношении общечеловеческого и национального компонентов в этих сферах. В истории отечественной мысли были сформулированы два основных подхода к пониманию этой темы. Первый — западнический, ориентирующийся на европейские ценности — его придерживалось большинство русских либералов; второй (славянофильский) опирался на национальные традиции и настаивал на необходимости развития самобытных начал как в обществе, так и в образовании. Лидер западников Т.Н. Грановский подчеркивал важность образования, так как оно «сделалось необходимым условием могущества для государств»[1]. Однако, по его мнению, Россия в деле просвещения далеко отстает от Запада, и русским необходимо как можно в больших масштабах заимствовать у Европы «результаты ее духовного развития», без этого никакой прогресс в России невозможен.

Главный идеолог славянофильства А.С. Хомяков также признавал важность просвещения для общества. С его точки зрения, есть два пути усвоения знаний: первый — самостоятельная их выработка, опора на собственные духовные традиции; второй — «подражание рабское», основанное на заимствовании уже существующего знания. Благодаря реформам Петра I Россия пошла по второму пути, и если в самом начале реформ этот путь в какой-то мере можно было оправдать, так как «умственные силы» были еще недостаточно развиты, то уже в середине XIX века «дальнейшее самоуничижение перед мыслью иноземною делается уже невозможным для всего народа»[2]. Причем славянофилы отнюдь не призывали Россию к самоизоляции:

[16] 王雪梅.传统文化与全球化学术讨论会综述 [J]. 中央财经大学学报, 2000, (12): 第60页. [*Ван Сюэмэй*. Краткий обзор академической конференции по традиционной культуре и глобализации // Журнал Центрального университета финансов и экономики. — 2000. — № 12. — С. 60].

[1] *Грановский Т.Н.* Публичные чтения. Статьи. Письма. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 126.

[2] *Хомяков А.С.* Сочинения в 2 т.— М.: Московский философский фонд «Медиум», 1994. — Т. 1. — С. 516.

они понимали, что она постоянно взаимодействует с Европой. Об этом специально рассуждал Ю.Ф. Самарин, отмечавший, что это взаимодействие состоит в том, что при общении разных народов происходят заимствования в сферах образования, науки, техники, культуры и т.д. Данный процесс обусловлен прежде всего тем, что различные нации вступают «на историческое поприще» в разное время. Поэтому приобщение к плодам цивилизации более молодых этносов и усвоение ими знаний, «прежде явившихся у других народов», является закономерным процессом. В силу этого к «чужому» относится не вся совокупность заимствованного, а только то, что сохранило «характер чужого, что не было и не могло быть усвоено народным организмом»[3].

Следовательно, как утверждают славянофилы, есть в европейской цивилизации компоненты, которые извращают «коренные начала» русского духа и образа жизни, а есть такие начала, которые к ним относятся индифферентно. Именно этими последними и должна ограничиваться сфера заимствований. В нее входят область «фактического знания, внешнего опыта и материальных усовершенствований»[4].

Итак, выступая с критическим анализом западного просвещения, разрабатывая программы развития образования и воспитания на отечественных «коренных началах», славянофилы в то же время последовательно отвергали изоляционизм, не принимали установок, направленных на обособление от мирового развития мысли. А.С. Хомяков, как бы подводя итог дискуссии по этим проблемам, в предисловии к «Русской беседе», опубликованном в 1856 г., писал, что нельзя отгораживаться от «новых плодов мысли западной», требующих изучения, «дабы не оказаться отсталыми»[5].

Таким образом, к времени начала активной творческой деятельности А.Д. Градовского, т.е. в последней четверти XIX века, по проблеме соотношения общечеловеческих и национальных компонентов и в обществе, и в образовании было сформировано две позиции, которые представляли две «партии», а именно западники и славянофилы. Градовский же стремился решить эту проблему, избегая крайностей этих двух течений.

С одной стороны, он признает наличие единого всемирно-исторического процесса, в ходе которого «вырабатывались известные понятия, представления и верования»: хотя они формировались лишь «определенным кругом народов, но затем сделались и для других этносов обязательными». Как считает Градовский, именно «их называем мы общечеловеческими»[6]. Общечеловеческие понятия не только относятся к прошлому, но и играют существенную роль в современной жизни, так как являются критерием, при помощи которого «народы европейские определяют принадлежность той или иной нации к своему кругу». Перед Россией стояла альтернатива: или, довольствуясь Московским царством, остаться «страной дикою», а значит, «неравноправною, с европейской точки зрения» (в результате «Европа относилась бы к нам, как “объекту” колонизации и эксплуатации»), или идти другим путем, который и выбрала Россия благодаря Петру I — его реформы выдвинули «нас в круг просвещенных европейских народов». Тем самым он спас русских «как нацию, дав нам возможность самобытного существования наряду с другими народами Европы»[7].

Но, оценивая в целом позитивно роль Петра, А.Д. Градовский со свойственной ему «беспартийной объективностью» отмечал и негативные последствия его деятельности. Будучи знатоком истории русского государственного права, он утверждал, что при Петре «законодательство часто было орудием принудительного проведения в наш быт чужеродных начал»[8]. Подобная политика приводила ко многим отрицательным последствиям, а главное — ее следствием стал раскол общества на «жизнь официальную», доступную для «высших классов», и «жизнь народную», которой жили «низшие классы». Первая, теряя «точку опоры в своей народности», ориентировалась на подражание Западу, «причем даже без определенного твер-

[3] *Самарин Ю.Ф.* Сочинения в 10 т. — М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1887. — Т. 1. — С. 208.

[4] Там же. — С. 286.

[5] *Хомяков А.С.* Сочинения в 2 т. — М.: Московский философский фонд «Медиум», 1994. — Т. 1. — С. 517.

[6] *Градовский А.Д.* Трудные годы (1876–1880). Очерки и опыты А. Градовского. — СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1880. — С. 302.

[7] Там же. — С. 303.

[8] *Градовский А.Д.* Сочинения. — СПб.: Наука, 2001. — С. 323.

дого плана». Вторая руководствовалась народными традициями и обычаями, но «низшие классы» не могли их развивать «сообразно историческому росту общества»[9].

Отмеченный выше раскол послужил одной из причин формирования двух идейных течений, оказавших существенное влияние на общественную ситуацию в России, — западников и славянофилов.

После петровского разделения социума для образованного его слоя духовным отечеством «все более и более становилась Европа».

Многие представители интеллигенции, руководствуясь этими установками, используют их как средство «искусственной, внутренней эмиграции». Появляется целая когорта «лишних людей», ибо «человек, отрешившийся от отечества, данного ему Богом и природой, не получает взамен ничего». Его стремление «успокоиться во всемирно-гражданском чувстве» обречено на провал, так как «всемирного гражданства нет, а потому не может быть и соответствующего чувства»[10].

Потеряв реальные ориентиры своей деятельности, «беспочвенная» интеллигенция не только не способствует развитию «общественного тела», но, напротив, «играет при нем странную роль», так как может только «критиковать, проклинать и мечтать»[11]. При этом она признает только один «критерий истинности», а именно ценности, порядки, учреждения и даже нравы Европы.

В этих условиях появление славянофильства было необходимо: оно «видоизменило общий дух времени, т.е., говоря определенно, оно подействовало не только на сознание известного круга людей, но и на инстинкты значительной массы общества»[12].

Такая оценка славянофильских идей обусловлена тем, что эта теория «не только защищала самобытность славянства, но и осуждала содержание и форму западноевропейской цивилизации»[13].

Славянофилы не только не принимали, но и критично (с набором аргументов) относились к идее необходимости «цивилизаторства» русского народа. Этот процесс не только предполагал внешние заимствования ценностей и учреждений «просвещенных народов», но рекомендовалось «варварам» вытеснить все свои «природные особенности». Отсюда у крайнего западничества появляется «критическое и даже враждебное отношение ко всему, что составляет особенности народа, подлежавшего цивилизации»[14].

Альтернативой подобного «цивилизаторства», с точки зрения славянофилов, является выдвижение на первый план «национального принципа в теории и в жизни». Из этого не следует, что русские мыслители «восставали против общечеловеческой цивилизации», как мы уже отмечали, ее наличие признавал и Градовский, относя к ней «совокупность общих, преимущественно внешних условий жизни народа и отдельного человека». Общечеловеческие начала отнюдь не исчерпывают «задач культурного народа», и это хорошо понимали славянофилы, доказывая, что «усвоение начал общечеловеческой цивилизации не предполагает отречения от своей народности»[15].

Градовскому близка эта мысль — он заявляет, что выступает «адвокатом народности», так как видит в ней «одно из великих и непреложных общечеловеческих начал»[16]. Сами общечеловеческие ценности формируются не помимо нации, а благодаря ее усилиям, доводящим до определенного результата достижения того или иного этноса, которые становятся «всеобщим содержанием человеческого духа». Причем часто вместо выгод такие достижения ведут к негативным последствиям, но зато «навсегда выделяют такой избранный народ из массы других, делают из него звучный аккорд в общей гармонии человечества»[17]. В этой связи характери-

---

[9] *Градовский А.Д.* Сочинения. — СПб.: Наука, 2001. — С. 328.

[10] *Градовский А.Д.* Трудные годы (1876–1880). Очерки и опыты А. Градовского… — С. 438.

[11] Там же. — С. 450.

[12] *Градовский А.Д.* Сочинения…. — С. 300.

[13] Там же. — С. 301.

[14] Там же. — С. 302.

[15] Там же. — С. 319.

[16] *Градовский А.Д.* Трудные годы (1876–1880). Очерки и опыты А. Градовского… — С. 54.

[17] *Градовский А.Д.* Политика, история и администрация. Критические и политические статьи А. Градовского. — СПб.; М.: издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1871. — С. 196.

стика славянофилов как противников прогресса, по мнению Градовского, является неверной. С их точки зрения, Россия должна развиваться, но при этом «сохранять материальные и духовные богатства, накопленные предками». «Нормальная эволюция», по мнению Градовского, не может обойтись без «“свободных заимствований” различных учреждений от народов, опередивших нас в отношении своего гражданского развития»[18]. Причем он принципиально противопоставляет подражание заимствованию, утверждая: «предмет подражания принимается без критики, без рассуждения», его трактуют как «безусловно высшее начало, как закон». В результате «подражание убивает народную самостоятельность»[19]. Другое дело — «заимствование разумное», которое предполагает проникновение «в смысл заимствованного», а для этого необходимо «возвыситься к его принципам, отделить внешнюю и чисто случайную форму от сущности дела». В этом случае чужое «усваивается, входит в плоть и кровь», и потому оно «не убивает оригинальности человека и народа»[20].

С проблемой социального развития теснейшим образом связан вопрос о роли национального компонента в образовании. Ученый отмечает молодость российской науки и констатирует, что в силу этого ее теоретическая база по большей части не является «результатом наших домашних условий»: к сожалению, «общим источником всех наших теоретических построений остается до сих пор Западная Европа»[21]. Но во второй половине XIX века, считает он, появляются условия, которые могут помочь преодолеть эту «рабскую зависимость». Речь прежде всего идет об университетском Уставе 1863 года, который не только декларировал автономию высших учебных заведений, но и значительно повышал требования к научным исследованиям и качеству преподавания. Все это позволило создать условия, при которых наука будет «удовлетворять потребностям русской общественной жизни». В этой связи в России должно измениться отношение к интеллектуальным занятиям, так как пока «серьезного запроса на “науку”, как необходимого условия для общественной деятельности, не видно»[22].

Реформы 1860-х годов, Балканские события приводят к росту национального самосознания, и становится ясным, что только «народность дает человеку все, что может сделать его самостоятельною нравственною личностью». Но национальные черты — это не абстракция, они формируются прежде всего путем изучения языка, в котором выражаются «особенности народных понятий, порядка народного мышления». Другим важным источником формирования национального самосознания является культура, которая развивает самобытность личности, формирует определенный «народный тип». Национальная форма культуры может рассматриваться как «совокупность воспитательных средств личности»[23]. Особое значение для воспитания народности имеет также «характер школьных отношений», которые следует реформировать, приблизив к задачам, связанным с развитием «национальных чувств».

Как отмечает А.Д. Градовский, в последнее время стало модным «твердить об уважении к родине, к ее преданиям, к ее истории». Но кто из выпускников средних и высших учебных заведений «может похвалиться, что он воспитан в известных преданиях и сознает свою связь с историею, которую он не знает»[24]? В силу этого приобщение к национальным традициям и идеалам «вырождается в пустейшую формальность». Безусловно, образование должно приобщать молодежь к идеалам, но совершенно неприемлема позиция, призывающая дать молодежи свободу «увлекаться чем угодно», поскольку очевидно, что молодые люди в этой ситуации «отдадут дань молодости». Ученый подчеркивает: нам нужны «идеалы иного сорта», чтобы «человек, усвоив их теоретически на школьной скамье», видел бы «в осуществлении их задачу всей жизни». Служение подобным идеалам «способно образовать людей в настоящем смысле слова», и оно будет положительно влиять «на развитие молодого поколения»[25].

---

[18] *Градовский А.Д.* Трудные годы (1876–1880). Очерки и опыты А. Градовского…. — С. 387.
[19] *Градовский А.Д.* Сочинения… — С. 344.
[20] Там же. — С. 343.
[21] *Градовский А.Д.* Трудные годы (1876–1880). Очерки и опыты А. Градовского…. — С. 228.
[22] Там же. — С. 271.
[23] Там же. — С. 91.
[24] *Градовский А.Д.* Трудные годы (1876–1880). Очерки и опыты А. Градовского…. — С. 272.
[25] Там же. — С. 274.

А. Градовский в какой-то мере разделял просветительские идеалы и считал, что просвещение, понимаемое в широком смысле, должно «вызвать в народе его творческие силы, побудить его к самостоятельной работе, — работе над самим собой»[26].

Однако в России со школьным образованием народных масс наблюдаются, по мысли Градовского, большие проблемы. Реформа 1861 года, конечно, освободила крестьян от крепостной зависимости, но не надо забывать, что «они росли среди условий, приближающих человека к животному». Поэтому, для того чтобы эта масса стала обществом полноценных граждан, ее надо было образовывать и воспитывать, а для этого необходимо открыть тысячи школ. Ученый задает вопрос: «Где же наши школы?». И он вынужден констатировать, что «до сведения общества доходит гораздо больше слухов о разных “препятствиях” по школьному делу, претерпеваемых земствами, чем о “прогрессах” народного образования». Этот факт во многом объясняется тем, что реформы 60-х годов носили половинчатый, непоследовательный характер.

А.Ф. Замалеев справедливо указывал, что Градовский видел в царствовании Александра II один существенный недостаток — «слишком долгое пребывание в реформенном состоянии», а замедление преобразований вызывает обострение таких симптомов, «как нигилизм, социализм, анархизм»[27]. В этой связи предпринимаемые практические действия по созданию отечественной системы просвещения встречали большие трудности. Особенно остро встает вопрос о качестве просвещения. Понятно, что педагог должен обладать способностями к обучению других, иметь высокие нравственные качества, кроме того, необходима еще и методическая подготовка учителя, благодаря которой будет учитываться при изучении специфика естественных и гуманитарных наук. Первые выявляют «связь между причиной и следствием» и в результате открывают закон, «по которому совершаются явления мира внешнего». Поэтому преподаватель, объяснив «явления физического мира», по сути, как указывает Градовский, выполнил свои обязательства перед учащимися, а те могут считать себя удовлетворенными «умственно и, так сказать, нравственно»[28].

Другое дело — науки гуманитарные. Излагая те или иные факты, преподаватель не может ограничиться только выявлением причинно-следственных связей. Слушатель потребует от него и суждений «над лицами, учреждениями и событиями». Причем он захочет узнать именно отношение лектора к изучаемым событиям, то есть «потребует от него отчета в его личных убеждениях». И если ряд представителей профессорско-преподавательской корпорации, например, Н.И. Кареев, считали, что «воспитание моральное или политическое» при изучении гуманитарных наук «никоим образом не может быть поставлено целью»[29], то Градовский, напротив, был убежден в обязательности в этой сфере «воспитательных начал», которые укрепляют и возвышают «наше нравственное сознание», и утверждал: педагог лишь тогда достигнет цели, когда сообщаемые им знания не остаются абстракцией, а делаются «практическими правилами жизни»[30].

Гуманитарное образование направляет волю человека, формирует его сознание, и в результате «пробуждается общественное, гражданское чувство», способствующее совершенствованию социальных порядков. Мыслитель утверждает, что целью такого образования является «обращение научных знаний» в убеждения, и это «задача трудная». Но время «отвлеченных мыслей, теорий и систем», акцентирует внимание Градовский, уже прошло, и России «нужны цельные люди; люди, у которых нет чувств непродуманных и мыслей непрочувствованных»[31].

Подводя итог, можно сделать ряд актуальных выводов из анализа социальных и педагогических идей мыслителя. Весьма современно звучит его предупреждение о том, что девальвация национальных традиций приводит к снижению творческого потенциала нации. Он прав,

---

[26] *Градовский А.Д.* Трудные годы (1876–1880). Очерки и опыты А. Градовского…. — С. 96.

[27] *Замалеев А.Ф.* История политических учений России: учебное пособие для академического бакалавриата. — М.: Юрайт, 2016. — С. 149.

[28] *Градовский А.Д.* Трудные годы (1876–1880). Очерки и опыты А. Градовского…. — С. 1.

[29] *Кареев Н.* Письма к учащейся молодежи о самообразовании. — С.-Пб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1896. — С. 134.

[30] *Градовский А.Д.* Трудные годы (1876–1880). Очерки и опыты А. Градовского. — С. 3.

[31] Там же. — С. 58.

утверждая, что обогащение мировой культуры невозможно путем трансляции уже существующих образцов, — только высшие проявления национального своеобразия обогащают и общечеловеческие ценности.

Необходимо подчеркнуть, что и в педагогическом наследии мыслителя, безусловно, есть идеи, заслуживающие интереса современных ученых. Его внимание к воспитательному значению гуманитарного знания, доказательство необходимости учета национального компонента в образовании, мысль о значимости для общества интеллектуальной деятельности и сейчас являются актуальными.

Яковлева Е.Л.
д.филос.н., кандидат культурологии, доцент,
Казанский инновационный университет
mifoigra@mail.ru

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПРОЕКТА «ГРАЖДАНИН РОССИИ»

Ключевые слова: проект «Гражданин России», социальное проектирование, проект «Советский человек», утопия, российская идентичность.
Key words: the project «Citizen of Russia», social engineering, the project «Soviet man», utopia, Russian identity.

В настоящее время актуализируются проблемы, связанные с укреплением авторитета России в мировом пространстве. Для осуществления данной задачи необходимым компонентом оказывается национальная идея как объединяющее начало и воплощающий ее особый тип личности — гражданин России. Он должен обладать определенным набором качеств, что поможет ему проявлять себя на благо общественного устройства, воплощая национальные интересы и служа Отечеству.

Формирование особого типа личности приводит нас к довольно неоднозначной проблеме *социального проектирования*. Оно играет роль особой технологии, направленной на конкретный результат — формирование (идеальной) личности, способной эффективно взаимодействовать и проявлять себя в обществе. Проектирование предполагает целенаправленное и систематическое воздействие на индивида с целью воспитания в нем определенных качеств, умений и навыков, которые считаются желательными для конкретного общества. Проектирование представляет собой специальную помощь в формировании личностных качеств на основе государственных ценностей, что помогает человеку осуществить инкультурацию и социализироваться. Социальное проектирование осуществляется на разных платформах (в том числе цифровых) и уровнях, способствуя развитию необходимых паттернов мышления и поведения, способов реагирования на возникающие ситуации и выражения общественного мнения в контексте государственной идеологии. Так, в семье родители формируют мировоззренческие, моральные и поведенческие матрицы у детей, способствуя их вхождению в общество и усвоению принятых в нем культурных норм. Образовательные учреждения (общего, среднего профессионального и высшего образования) посредством учебных программ, педагогических методик и взаимодействия в коллективе передают знания и ценности, развивая критическое мышление и социальные навыки. Получившие популярность в настоящее время психологические тренинги и семинары способствуют преодолению психологических барьеров, повышению самооценки и улучшению коммуникативных способностей. Результатом социального проектирования является личность, обладающая рефлексивностью и активной гражданской позицией, способная активно заявлять о себе в обществе и решать возникающие социальные проблемы.

Подчеркнем, в социальном проектировании существуют *риски*, обусловленные негативными последствиями манипулятивных тактик, искаженной интерпретацией определенных положений и индивидуальными качествами человека. Они связаны с неправильным понима-

нием образа (идеального) человека, дегуманизацией, унификацией, подавлением индивидуальных качеств, созданием рамок для проявлений личности с утратой свободы воли и навязыванием деструктивного. Перечисленное создает условия для непредсказуемых, в том числе отрицательных, последствий, имеющих пролонгированный эффект. В связи с этим необходимо учитывать, что социальное проектирование человека как технология представляет собой сложный и неоднозначный процесс, содержащий в своей основе как позитивные, так и негативные трансформации. Успеху или провалу социального проектирования человека способствует баланс принудительного и добровольного, конструктивного и деструктивного воздействия на личность. Итогом положительного проектирования является сохранение ценностей индивида, в том числе его уникальности и свобод, а также возможности совершенствования, проявления творческих способностей, критического осмысления происходящего и прогнозирования рисков в существовании.

В современных условиях, формируя личность нового типа, идеологам необходимо вспомнить проект советской эпохи, учитывая его достоинства и недостатки. Рассуждая о проекте «Советский человек», подчеркнем: он представлял собой не официальный документ, а идеологическую концепцию, способствовавшую трансформациям индивида. И за данными изменениями осуществлялся контроль в системе воспитания и образования, в семье и трудовых коллективах, в общественных организациях и на уровне государственного аппарата. Советского человека можно отнести к числу социокультурных явлений, связанных с целенаправленным формированием особого типа личности. Он обладал определенным типом мышления и поведения, соответствующего задачам построения социалистического общества и идеалам коммунизма. Советский человек получал образование, ходил на работу, культурно просвещался, участвовал в жизни коллектива и его мероприятиях (в том числе в собраниях, субботниках, митингах), занимался спортом, посещал лекции Общества «Знание», парады и демонстрации. Особо поощрялась общественная и партийная деятельность, требующая активности, наличия точки зрения, соответствующей идеологии и курсу партии.

Среди действенных методов формирования советского человека и воздействия на него назовем системы пропаганды и агитации, воспитания и образования, трудовые коллективы и общественные (пионерская, комсомольская и коммунистическая) организации. Так, с самого раннего возраста дети воспитывались в духе коммунистических идеалов через пионерские и комсомольские организации и школьную программу. Формированию патриотизма способствовал позитивный образ Родины и героев труда, воинов, ученых, которые служили примером для подражания. Постоянная трансляция образа СССР и лучшего советского опыта через СМИ, плакаты, лозунги, искусство (особенно через кинематограф и литературу) оказывала мощное воздействие на сознание людей и алгоритмы их проявлений. Одним из методов перевоспитания личности служило социальное одобрение/осуждение поведения, соответствующего/противоречащего идеалам, что выносилось на обсуждение коллектива.

В мировоззрение советского человека закладывались определенные ценности. Ему вменялось быть убежденным сторонником коммунистической идеологии, понимать и разделять ее цели, проявлять готовность к их достижению, демонстрируя преданность государственной системе. Воспитание преданности Советскому Союзу, его истории, культуре и достижениям начиналось с дошкольного возраста. Религия рассматривалась как «опиум для народа», поэтому атеистическое воспитание было важной частью формирования нового человека. Идеологический принцип «все для блага народа» считался основополагающим. Для советского человека общественное начало и коллективизм стали ключевыми факторами существования. На первом месте у индивида стояли не личные амбиции, а интересы коллектива, общества, государства. Советский человек должен был осознавать свою роль в обществе, брать на себя ответственность за свои поступки и их последствия для коллектива. Труд рассматривался как священный долг и основная форма самореализации, и к общественно полезному труду привлекали всех с юного возраста. Ожидалось, что люди будут работать не только за материальное вознаграждение, но и за идею из чувства долга и ради будущего.

Во всех жизненных проявлениях от советского человека требовались дисциплина, организованность и послушание в выполнении предписаний. Соблюдение правил, норм поведения, участие в общественной жизни (например, в субботниках, собраниях, демонстрациях) счи-

талось обязательным. В Советском Союзе поощрялось стремление к культурному развитию и самообразованию, поэтому посещение концертных залов, театров и музеев, чтение книг (соответствующих идеологии) считались обязательными духовными практиками личности.

Советский образ жизни исключал так называемые *буржуазные пережитки*. Неприятие индивидуализма, частной собственности (в ее капиталистическом понимании), культа потребления были значимыми элементами в мировоззренческой картине каждого советского человека. Ожидалось, что он будет избегать чрезмерного потребления, роскоши и эгоизма.

Несмотря на масштабность и целенаправленность усилий со стороны правящей элиты и номенклатуры, проект «Советский человек» не реализовался в полном объеме, и его можно отнести к разряду *утопий*. Его суть заключалась в попытке создать идеальный тип личности, полностью соответствующей целям и идеологии советского государства путем целенаправленного воспитания, образования и формирования общественного сознания. Но реальная жизнь всегда была сложнее и многограннее. В ней обнажались определенные противоречия между декларируемыми идеалами и действительностью, между стремлением к коллективизму и естественными человеческими потребностями (в том числе в самовыражении). Несмотря на свою утопичность, проект «Советский человек» оставил глубокий след в истории России и оказал колоссальное влияние на развитие советского общества.

Учитывая данный факт, при концептуализации проекта «Гражданин России» допускается возможность внедрения в него лучших составляющих советского проекта. При формировании такого индивида необходимо обратить внимание на следующие параметры. Гражданин России должен знать историю России и российской государственности, понимать особенности культурно-исторических периодов страны, оказавших влияние на формирование национального самосознания и ценностей, уметь критически осмыслять прошлое и настоящее, выявлять положительные и отрицательные аспекты динамики развития, отказываясь от упрощенных/искаженных трактовок. Перед современной личностью стоит проблема признания русской культуры как центральной, но не единственной составляющей российской идентичности, что поможет избежать ксенофобии. Дело в том, что Россия — страна с огромным количеством народов, каждый из которых обладает своей уникальной культурой, языком и традициями. Гражданин России должен толерантно воспринимать многообразие, стремясь к взаимопониманию на основе уважительного отношения к иному. Поиск путей гармоничного сосуществования и интеграции различных культурных групп в единое российское пространство является задачей не только государственного уровня, но и индивидуального.

Сегодня актуальной проблемой необходимо признать выбор *ценностей*, способных объединить современное российское общество и структурировать личность. И особое значение в этом аспекте имеет «Словарь традиционных ценностей русской (российской) цивилизации», о необходимости создания которого мы писали ранее[1]. В нем должны быть зафиксированы ключевые для России духовные доминанты (в том числе исторические события, имена великих деятелей, значимые праздники, артефакты культуры), тиражируемые в социокультурном пространстве и способствующие формированию индивида. «Традиционные ценности русской (российской) цивилизации обладают позитивным значением как для общества, так и для конкретной личности»: «в них обнаруживается смысложизненная ориентация индивида», они «задают вектор развития», что способствует демонстрации «приверженности определенным идеалам и принципам»[2].

Среди значимых ценностей, способствующих формированию гражданина России, назовем следующие: «экзистенциальные (жизнь, свобода, вера, труд, справедливость, любовь и семья), государственные (патриотизм, служение Отечеству, гражданственность, историческая память, государственная безопасность) и нравственные (милосердие, взаимопомощь, уважение, верность)»[3]. Структурирование гражданина России необходимо начинать с патриотиз-

[1] *Яковлева Е.Л.* Актуализация создания «Словаря традиционных ценностей русской (российской) цивилизации» // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: материалы VII международной научно-практической конференции (27–29 ноября 2024 г.): ежегодник; вып. 8 в 4-х ч.— М.: Издат. дом УМЦ, 2025. — Ч 2. — С. 358–361.

[2] Там же. — С. 359.

[3] Там же. — С. 358.

ма как любви к Родине, уважительного отношения к ее истории и культуре, стремления к ее процветанию. Такая форма патриотизма, отличная от национализма и шовинизма, обладает позитивным модусом. Несмотря на глобализацию, сегодня необходимым оказывается (с)охранение национальных традиций и семейных ценностей, приобщение к чему лучше начинать с детства. Поиск духовных ориентиров и нравственных принципов, поддерживающих самосовершенствование индивида, способен сформировать его самодостаточность. Свобода, понимаемая как ответственность за свои поступки, оказывается показателем гармоничной личности и влечет за собой благополучие общества/окружающей среды. Современный российский человек, несмотря на стремление к самореализации, должен ценить коллективные принципы, в том числе дружбу, взаимопомощь и солидарность. Понимание и осознание силы общественных установок будет способствовать успешной командной работе.

Гражданин России должен быть носителем правовой культуры, осознавая свои права и обязанности, уважая закон и принимая активное участие в жизни общества; проявлять гражданскую ответственность как готовность участвовать в решении значимых проблем, в том числе через общественные организации, местное самоуправление и личную активность; выказывать критическое отношение к происходящим событиям и способность анализировать информацию, формируя собственное мнение и не поддаваясь фейковым новостям. Не стоит игнорировать и другие качества гражданина России, необходимые для самореализации в современном мире. Среди них назовем адаптивность и гибкость как возможность приспосабливаться к быстро меняющимся условиям, стрессоустойчивость как умение справляться с трудностями и неопределенностью, предприимчивость и инициативность как готовность к самостоятельным действиям и поиску решений, эмоциональный интеллект как умение понимать и управлять своими эмоциями и эмоциями других.

Необходимо обратить внимание еще на один момент. В настоящее время сложность формирования гражданина России вызвана развитием цифровой среды и идентичностью *электронного кочевника*. «Современное общество, перейдя на цифровой виток развития, активно осваивает систему координат двоемирия», и «предпочтение явно отдается не столько непосредственной действительности, сколько цифровой среде», которая для электронного кочевника «все чаще служит… зоной комфортного и продолжительного проведения времени»[4]. В связи с этим в цифровую среду необходимо внедрять контент по проекту «Гражданин России», который мог бы стать одновременно познавательным, обучающим и запоминаемым.

В заключении выделим следующие моменты. Проект «Гражданин России» не должен превратиться в искусственно навязываемую модель, потому что не существует единственно правильного и идеального типа личности. Его целью является свободное развитие потенциала и способностей человека, обладающего пониманием ценности России и желающего проявить себя ради ее процветания. Проект «Гражданин России» должен сформировать такую личность, которая ощущает любовь к России, уважает историю и культуру страны, стремится к саморазвитию, сохраняя свою самобытность и неся ответственность за будущее.

[4] *Яковлева Е.Л.* Метаморфозы игр электронного кочевника: от банального шоу к экзистенциальной драме // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). — 2025. — № 2 (11). — С. 242. — https://doi.org/10.34680/EISCRT-2025-2(11)-241-280.

Качество власти

и управления

Abdullayev S.U.
Doctor of philosophy in sociological sciences, the senior teacher,
The Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan
asardorbek85@mail.ru

THE GROWTH OF THE POPULATION'S EMPLOYMENT AND SOCIAL PROGRESS

Key words: employment, living standards, incomes, wage, social policy, social progress, unemployment, labour market, kinds and types of the employment.

Ключевые слова: занятость, уровень жизни, доходы, заработная плата, социальная политика, социальный прогресс, безработица, рынок труда, виды и типы занятости.

Introduction

The employment as a socio-economic phenomenon can be defined as socially useful activity of citizens connected with satisfaction of personal and societal needs and generating labor income (earnings). The employment is an essential characteristic of the economy and welfare of the population of country, while representing the economic category and social problem.

As an economic category the employment is a set of relations on the labour market regarding the participation of the population in the employment; expresses the extent of its inclusion in the labor, the degree of satisfaction of public needs and the needs of employees in paid jobs, in incomes.

The employment by the socially useful activities covers a wide range of the working-age population. By the nature (sphere) of the activity all employees can be divided into four large groups: 1) employed in remunerated activity; 2) soldiers engaged in activity that do not bring direct monetary gains (as the transition to the contract form of military service troops will be closer in status to employed in the economy); 3) students with job; 4) busy raising children and maintaining the household [3].

By way of participation in the labour force employed in the economy can be divided into three subgroups: 1) employees employed on the basis of sales of their workers; 2) employers/ entrepreneurs, who are implementing their organizational and entrepreneurial skills; 3) self-employed (those who are working for the wash account; members of production cooperatives that do not use hired labor on a regular basis) [4].

In accordance with the International classification of status in employment there are six occupational groups: 1) employees; 2) employers; 3) persons working for own account; 4) members of producers' cooperatives; 5) contributing family workers; 6) workers not classifiable by status [5].

Material and Methods

Depending on the purpose of analysis is used a different classification of the employment. As a social problem, the employment plays a crucial role in the formation and development of professional abilities of each person in the formation and disclosure of his personality. The work in process of the employment creates the main wealth of the society and ensures its progressive development, contributes to social progress of the world community. In contrast of the employment — the unemployment has a negative impact on the life of a man, his family; is a destabilizing factor leading to stagnation, degradation of certain regions, social upheavals in society. Precisely because unemployment is a serious socio-political problem, the employment must be in the spotlight of society and the state, its socio-economic policy.

In this capacity, the state employment policy is a set of measures aimed at stimulating the involvement and effective use of citizens in the sphere of labour to achieve the goals of the individual and society. The basis for the creation and implementation of this policy is the concept

of the employment as a system of beliefs, ideas, revealing the nature of employment of the population at a certain stage of socio-economic development of society. In Uzbekistan the concept of the employment is being worked out in conditions of formation of market economy with social orientation. Its main provisions are set out in the Law «On employment of population in the Republic of Uzbekistan». This law and the Constitution of the Republic of Uzbekistan reflect the basic principles of the employment [1].

The first principle reflects the exceptional right of citizens to freely use their abilities for productive and creative labour; forced labour in any form is not allowed (except for special cases established by law). Thus, the voluntary labour as the universal value is enshrined in the law. The employment in sectors of the economy (national economy) is not the only sphere of public benefit activity. The sphere of work is one of equal and equally accessible spheres of activity, along with study, housework, parenting, social, religious and other activity. The citizens' unemployment is not a ground for bringing to administrative responsibility. People can freely choose the kind of activity, place and form of their abilities. This principle implies the right of man to work there and so where and how much he needs it. Regardless of gender, age, nationality, all are available in permanent, partial, temporary, occasional employment, part-time, flexible-time arrangements. The role of society and the state with realization by the person of this principle is to create for everyone equal legal conditions of the employment.

The second principle reflects the responsibility of the state to create conditions for the realization of the rights of citizens to work and freely chose the employment. The responsibility of the state associated with the principle of promoting employment of citizens, the disclosure of their interests and abilities when selecting the type and activity of public activity. The state employment promotion and creation conditions for it consists in the adjustment of indirect measures (economic, legislative, social) of the economic behavior of citizens in purchasing or relevant qualification for the employment or another activity, in finding a suitable job or school. The principle of the employment promotion has several aspects, along with indirect control of the desired direction of the employment; it is in active and interested participation of subjects in the social-labor relations (government, employers, trade unions) in directing the development of the employment and its regulation. Their close interaction in the development of the employment has a great impact on the qualitative characteristics of educational and vocational-qualification structure of the employed population and its industrial and demographic structure, socio-economic mobility and competitiveness.

The third principle reflects a comprehensive approach to solving employment problems; it involves the coordination of efforts of authorities of all levels, the interaction of mechanisms of state regulation and market self-regulation, the using of financial possibilities of extra-budgetary funds, funds of enterprises, public associations and citizens, to achieve economic and social efficiency of the programmes of the employment assistance.

Results

In a market economy there is no direct centralized administration and control system of employment. In this system, the main regulators are the laws, decrees, legal acts, programmes to promote and encourage employment agreement between subjects of the social and labour relations at the national, regional, sectoral level and at the enterprise level; the important role belongs to investment, tax and financial-credit policy. The state in this system is the focal point, the creator of framework conditions for the functioning of the mentioned units (controllers) of the system.

The state, through the employment policy at the state and regional levels, is pursuing strategic and tactical objectives. The strategic employment policy objectives consist in achieving a high standard of living of the population, creation of conditions for versatile development of a person on the basis of improving the efficiency of the economy. Tactical goals aim to balance the supply and demand of labour on the basis of supply and demand of jobs, the provision of full, productive and effective employment. The market mechanism in the regulation of the employment aimed at increasing production efficiency and, consequently, the elimination of inefficient jobs, the release

of workers not satisfying the requirements of demand. The state level of the state employment policy includes a range of active and passive measures to create and preserve jobs and prevent mass unemployment, keeping it on a socially acceptable level («normal», «natural»), training and retraining the labour force that meets the requirements of scientific and technical progress and the labour market, the development and implementation of large programs and projects provide a way out of stagnation of the depressed regions, etc.

Discussion

Regional level of the public employment policy pursues the same strategic and tactical objectives as the state level, but involves better use of existing capacity in the region, innovative ways of solving the employment problems. Among them are the elimination of administrative restrictions on labour mobility; training and retraining of the workforce with consideration of the peculiarities of labour in the region; support (administrative, fiscal) activity of employers to create jobs, including for people with limited employment opportunities; expansion of the range of public works for long-term residing in the status of unemployment; the establishment of cooperation between the administrations of labor-surplus and-deficient regions on the temporary use of labour-based contracts; the attraction of foreign capital in regions with a high unemployment rate, including for small and medium businesses and training of the workforce.

The main direction of the state policy of the employment at all levels of regulation is to create economically viable jobs, which determine the demand for labour and ensure a balance with labor supply. If the supply of labor greatly exceeded the demand, the state should conduct targeted preventive policy on social support for different vulnerable layers of the working — age population-could leave the labour market, reducing pressure on existing vacancies and reducing, thereby, the intensity of the current labour market.

An important factor in the improvement of social labor is the increase in the efficiency of the economy through the strengthening of labor motivation, through the transfer of the means of production in private hands (privatization), through the wage growth, through the provision of normal conditions of work and life, improving the competitiveness of workers, ensuring their social protection in case of dismissal, through the freedom of movement (migration) within the country and the region, through the creation of the housing market.

Conclusion

The account of the population by employment status allows to distinguish the following types of the employment [7]:

1) the productive employment in the public spheres of material production; it brings the workers labor income; excludes hidden unemployment of persons formally employed, but do not produce anything (such persons form the production of excessive number of employees holding formal jobs non-economic and fall under the procedure of release in connection with the reduction or restructuring of production);

2) the useful employment, which applies to all socially important types of employment, including full-time study, military service, raising children, maintaining the home and personal farms, care for sick family members, elderly citizens, social and religious activities of able-bodied citizens;

3) the rational employment, which reflects the ratio of the productive employment to other forms of useful employment or the distribution of labor resources of the society in the spheres of public benefit activities, including the distribution of labor potential of the occupations, industries, economy sectors;

4) the full-time employment in which all who wish to work at the prevailing (dominant) level of real wages have jobs; according to another estimate, the full-time employment occurs when the demand everyone to jobs comes from the economic feasibility of the proposed jobs. In relation to individual the full-time employment is work within normal working hours (week) established by law.

Thus, if the demand for economically viable jobs will be met by appropriate vocational qualification structure of the labour supply, this would mean the full-time employment. Without the continuous improvement of working places, creation of new, meeting modern requirements, and output from the production process of old, do not meet the economic feasibility of the impossible to achieve social progress, the interests of the society and of each person. The attainment of full employment cannot be achieved using a single market mechanism, constant regulation of this process by the state and society is needed, primarily in education, science, health, environmental, and national security, in the functioning of the so-called natural monopolies (railroads, power and pipeline networks);

5) the effective employment is the employment that provides a decent income, growth of educational and professional level of working citizens on the basis of the growth of social productivity, and preserving the health of employees. By another measure, effective employment is a viable, productive, socially useful and rational employment, satisfying the social and personal needs. Thus crucial importance for any society has productive employment, which, first, determines the economic potential of the country; secondly, shape the level and quality of life of the population; third, is an essential component of the full-time and the effective employment of the key tasks of socio-economic policy.

The full-time employment is possible at a certain deviation of existing jobs from the status of economically feasible, the disparity between their occupational composition and educational level. In this situation, both the workers, and the state will bear the economic and social losses. Some workers will receive low wages, not providing normal existence, the state and society will receive less money in the budget and social funds.

References

1. Constitution of the Republic of Uzbekistan. — Tashkent, 2021.
2. *Sarukhanov E*. Labor market and employment market: contradictions of definition and interpretation // Man and labor. — 2005. — No 2 (in Russian).
3. *Rudenko G.G., Kulapov M.N., Kartashov S.A*. Labor market. — M., 2007. — 430 p. (in Russian).
4. *Abdurahmonov Q.X*. Labor economics theory and practice. — Tashkent: FAN publishing house of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 2019. — 670 p. (in Russian).
5. *Abulqosimov H.P*. Macroeconomic regulation and sustainable development of Uzbekistan. — Tashkent: Akademiya, 2011. — 186 p. (in Uzbek).
6. *Vaxabov A.V*. Social funds in the system of market relations. — Tashkent: Sharq, 2003. — 320 p. (in Uzbek).
7. *Rasulova D.V*. Theoretical foundations of the development of labor migration / Monograph. — Tashkent: "Finance" publishing house, 2010. — 271 p. (in Uzbek).
8. *Danilov A.N*. Transitional society: problems of systemic transformation. — Minsk, 2007. — 432 p. (in Russian).

Арбатская М.Н.
д.геогр.н.,
член Российского профессорского собрания, Иркутск

СИСТЕМА ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРЯМЫХ ВЫБОРОВ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КНР И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ ПУБЛИЧНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

Ключевые слова: раскрытие правительственной информации, самооценка эффективности, отсутствие усреднённых стандартов, признанная массами руководящая группа, метод общественной оценки, система финансового возмещения и проверки, рейтинг и честность выборов, управляемая форма публичного одобрения.

Key words: disclosure of government information, self-assessment of effectiveness, lack of average standards, a leadership group recognized by the masses, public assessment method, system of financial reimbursement and audit, rating and election integrity, managed form of public endorsement.

Периодическая ротация депутатов низовых собраний народных представителей (СНП), происходящая в Китае методом всеобщих прямых выборов — без преувеличения масштабное политическое событие для огромной страны, которую очень трудно удивить масштабами. В китайском законодательстве вопрос материального обеспечения подготовки и проведения прямых выборов власти обозначен концептуально: платит государственная казна. Финансирование выборов в системе местного самоуправления по закону относится к самому местному самоуправлению, и лишь в случае дефицита средств в сообщества и деревни направляют субсидии[1]. При прочих равных (прямые орграсходы) в сельских деталях «кроются» несчитанные деньги, т.к. за участие в голосовании организаторы платят деревенским избирателям «по потере работы» и не только на деревенских, но и на более высокого ранга выборах.

Финансовые аспекты мероприятий публично сопровождает процедура «раскрытия правительственной информации» в официальных форматах документов Министерства финансов, которое предметно занимается детализацией Закона, выпуская целеполагающие директивы. В частности, Caibanjin «для служебного пользования», на основе которого выходят финансовые документы более низкого уровня и строится межбюджетная взаимосвязь выделения денег и разграничения ответственности по уровням бюджета, объёмам, нормативам, срокам и т.д. Финансовые уведомления в регионах либо прямо отсылают к предвыборному Caibanjin, либо данное обстоятельство становится понятно из их содержания.

Документ, на основе которого составляют все без исключения отчёты «о самооценке» истраченных на любые цели государственных денег, в отличие от Caibanjin, не имеет ограничений в доступе. Это Caiyu [2020] № 10 или рамочное «Уведомление Министерства финансов о печати и распространении мер управления для оценки эффективности расходов по проектам»[2]. В приложении к нему на 18 листах подробно изложены принципы и разъяснены методы составления финансовой «самооценки» для последующего анализа и возможной публикации, т.к. *Минфин КНР следует принципу «открытость как норма и неразглашение информации как исключение»*, провозглашённому в министерском отчёте о раскрытии правительственной

[1] «4. Выделить средства на всеобщие выборы деревенских организаций. ***Все города, районы и поселки должны своевременно составлять бюджеты для выборов деревенских организаций в соответствии с соответствующими законами и постановлениями, чтобы обеспечить своевременное освоение необходимых средств.*** Мы должны сосредоточиться на том, чтобы помочь деревням со слабой коллективной экономикой решить проблему финансирования всеобщих выборов и обеспечить гладкое прохождение всеобщих выборов деревенских организаций». Источник: Уведомление Управления муниципального комитета КПК Цзянмэнь и Управления муниципального народного правительства Цзянмэнь о всеобщих выборах сельских партийных организаций и деревенских комитетов 2005 года. Цзян Банфа [2005] № 2 / Офис муниципального комитета КПК Цзянмэнь; Аппарат народного правительства города Цзянмэнь. 28 января 2005 г. (https://www.jiangmen.gov.cn/newzwgk/ zfgb/zfgb2005d1q/swbgssfbgswjxd/content/mpost_435077.html).

[2] Уведомление Caiyu [2020] № 10 о выпуске «Мер по управлению оценкой эффективности расходов проекта». — 2020. — 25 февраля. — https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020-03/02/content_5485586.htm; приложение: Управленческие меры по оценке эффективности расходов проекта, на 18 листах.

информации — ещё одном документе, имеющем непосредственное отношение к выборам как сфере общественной деятельности[3].

岳阳市财政局

岳财行指〔2021〕11号

岳阳市财政局
关于下达县乡两级人大换届选举
补助经费的通知

有关县市区财政局：

为进一步做好2021年县乡两级人大换届选举工作，根据中央有关文件精神，经研究，现一次性下达你县（市、区）县乡两级人大换届选举补助经费　　万元，相应列入2021年政府收支分类支出功能科目第201类01款02项"人大事务—一般行政管理事务"，经济科目列302"商品和服务支出"。请尽快将资金拨付给使用单位，并加强资金管理，确保专款专用。

附件：2021年岳阳市县乡两级人大换届选举补助经费安排表

2021年9月[illegible]日

—1—

附件

2021年岳阳市县乡两级人大换届选举补助经费安排表

单位：万元

单位	选民人数（万人）	补助标准（元/人）	补助金额	备注
平江县	112.10	0.3	33.60	
岳阳县	72.40	0.3	21.70	
华容县	71.30	0.3	21.40	
湘阴县	71.50	0.3	21.50	
临湘市	54.20	0.3	16.30	
汨罗市	67.80	0.3	20.30	
岳阳楼区	69.70	0.3	20.90	
云溪区	16.30	0.3	4.90	
君山区	24.70	0.3	7.40	
屈原管理区区	8.60	0.3	2.60	
合计	568.60	0.3	170.60	

Рис. 1. Уведомление о выделении средств на субсидирование всеобщих выборов в собрания народных представителей на уровне уездов и поселков городского уезда Линьсянь, размещённое в Интернете. Провинция Хунань

Источник: Муниципальное финансовое бюро Линьсяна. 2021-09-17. — https://www.linxiang.gov.cn/24733/24767/30552/30563/30941/content_1938537.html.

Судя по «раскрытым» уведомлениям отдельных населённых пунктов, *общественное обозрение фондов финансирования уездных и поселковых выборов происходит посредством публикации годовых бюджетов территориальных единиц третьего-четвёртого уровней и их же отчётов о самооценке проектов по выборам*, содержащих в ряде случаев очень интересную информацию, полезную для анализа. *Отчеты об исполнении годовых бюджетов* местных партийных органов или аппаратов/постоянных комитетов собраний народных представителей всегда имеют 17-значный идентификационный номер по каталогу. Информация о выборах в этих документах в общем перечне расходов территории и строго «по существу» может содержать финансовые реквизиты.

Уведомления региональных (*местных*) *финансовых органов власти* о выделении средств содержат чёткие формулировки с функциональной классификацией и экономическими предметами (в классификации финансистов деньги на выборы идут как расходы на товары и услуги), могут содержать постатейную территориальную роспись или ссылки на таковую. Уведомления сопровождаются призывами об экономии выделенных средств и их целевом использовании. В Интернете уведомления размещают в формате HTML, хотя встречаются сканы бумажных документов, со всей атрибутикой официального делопроизводства.

Отчеты о самооценке конкретных «избирательных» проектов, по методике и макету Минфина Цай Шуй [2020] № 10 содержат развернутые политические комментарии, мнения исполнителей о ходе реализации и дифференцированно-критериальную, как правило, высо-

[3] Годовой отчет Министерства финансов о раскрытии правительственной информации за 2022 год. — Пекин, 2023. — 28 января. — https://www.mof.gov.cn/gkml/zfxxgkbg2016/202301/t20230128_3863947.htm; Годовой отчет Министерства финансов о раскрытии правительственной информации за 2021 год. — Пекин, 2022. — 30 января. — https://www.mof.gov.cn/gkml/zfxxgkbg2016/202201/t20220130_3785992.htm/.

кую самооценку реализации проекта, с уточнением итоговых данных по финансированию, если были изменения или возвраты денежных средств, исключая публикацию разделов конфиденциальной информации (рис. 2).

项目支出绩效自评表

（2021年度）

项目名称	县、乡两级及村（社区）两委换届经费							
主管部门				实施单位				
项目资金（万元）		年初预算数	全年预算数	全年执行数	分值	执行率	得分
	年度资金总额	30	30	30	10	100%	10
	其中：当年财政拨款	30	30	30	—		—
	上年结转资金				—		—
	其他资金				—		—

年度总体目标	预期目标	实际完成情况
	以高的标准，实的担当，新的思路，统筹抓好干部队伍建设，为建设富裕共同文明幸福现代化新建提供坚强组织保障	坚持党的领导贯穿始终，充分发扬民主，严格依法办事，选出好班子，合进新征程，圆满实现“两升一降”目标

绩效指标	一级指标	二级指标	三级指标	年度指标值	实际完成值	分值	得分	偏差原因分析及改进措施
	产出指标（30分）	数量指标（20分）	“两委”换届村（社区）数量	<=274个	274	20	20	
		质量指标（20分）	组织村（社区）“两委”干部脱职培训班	<=2次	1	20	15	培训次数有待加强
		时效指标（20分）	项目指标按时完成率	=100%	100%	20	20	
		成本指标（10分）	项目成本控制数	<=30万元	100%	10	10	
	效益指标（30分）	经济效益指标	本项目不产生经济效益	-	-	-	-	
		社会效益指标	不产生社会效益指标	-	-	-	-	
		生态效益指标	本项目不产生经济效益	-	-	-	-	
		可持续影响指标（20分）	增强干部队伍建设率	100%	100%	20	20	
	满意度指标（10分）	服务对象满意度指标（10分）	社会公众满意度	100%	90%	10	9	社会公众满意度有待提高
总分						100	94	

Рис. 2. Самооценка эффективности проекта избирательного фонда выборов «двух комитетов» на ¥500 тыс. Горком КПК г. Наньчан. Провинция Цзянси. 2021 г.

Источник: https://xjq.nc.gov.cn/xjqrmzf/czyjs/202211/6aea7b154a7a4b76a93ec64b35b3e914.shtml.

Девизом самооценки эффективности расходов проекта, вокруг которого «всё крутится», *заявлен принцип* “谁支出、谁自评” — *«Кто платит, тот себя оценивает»* (статья 5, пункт 2 приложения)[4]. Остальное пространное содержание имеет подчинённое положение к данному узловому моменту и развивает его. Назовём статью 21: «Департамент (финансов. — *М.А.*) и его дочерние подразделения, в соответствии с требованиями, несут особую ответственность за работу по самооценке, за достоверность и точность её результатов. Проблемы, обнаруженные в ходе самооценки, должны устраняться своевременно»[5]. Система оценки эффективности проекта предполагает такие показатели, как результат, выгода и удовлетворенность, а результаты самооценки подразделения (статья 25) должны быть объективными, поскольку «в основном отражаются в форме самооценки эффективности расходов по проекту: содержание должно быть полным, вес разумным, данные достоверными, <...> Отчеты об оценке

[4] Уведомление Caiyu [2020] № 10 о выпуске «Мер по управлению оценкой эффективности расходов проекта». — 2020. — 25 февраля. — https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020-03/02/content_5485586.htm; приложение: Управленческие меры по оценке эффективности расходов проекта. — С. 2.

[5] Там же. — С. 7.

эффективности должны быть полностью обоснованными, тщательно проанализированными, логически ясными, объективными и справедливыми»[6].

В критериях самооценки проектов из 6 предложенных Минфином методов по теме выборов используют главным образом три:

а) «метод сравнения (сравнительное правоведение: сравнение реализации с целевыми показателями эффективности, исторической ситуацией и аналогичными расходами в различных секторах и регионах);
б) факторный анализ, т.е. комплексный анализ внутренних и внешних факторов, влияющих на достижение и реализацию целей деятельности;
в) *метод общественной оценки как «право публичного суждения» или закон об общественном суде «公众评判法», включая экспертные оценки, открытое общественное анкетирование и выборочные опросы»*[7].

На основании Цай Шуй [2020] *№ 10 по описанному выше протоколу все проекты освоения государственных денег подвергаются процедуре «самооценки», всегда-положительные результаты которой выставляют в Интернете, что можно расценить как управляемую форму публично-одобрительного обсуждения и на имеющихся примерах в некоторых случаях масштабировать выводы.*

Наряду с перечисленными документами исполнительной власти, в провинциях Китая устоялась традиция командировать в города/районы до (после) выборов исследовательские группы экспертов законодательной власти, дабы заслушать мнения с мест, дать рекомендации, отработать рабочие механизмы, подсчитать количество требуемых денежных средств и новых депутатских мест в уездных/поселковых собраниях; итоги работы докладывают начальству и «раскрывают» общественности. В сети публикуют также исследования местных экспертов или развёрнутые комментарии журналистов, освещающие тему выборов; они не относятся к пулу «раскрываемой» правительственной информации, хотя частично опираются на неё и содержат неожиданную и глубокую информацию, помогающую понять реальную картину события и/или подоплёку происходящих процессов, характеризующую электоральное событие в данном населенном пункте, или имеющее экстерриториальное значение.

Исходя из вышеизложенного, задача работы — описание и анализ действующей системы финансирования прямых выборов на практических региональных примерах, включая содержание информационных сообщений, и прилагательного сопровождения финансово-статистической отчётности, содержащегося в профильных документах, которое предназначено для публичного обозрения и имеет ярко выраженный идейно-политический характер.

* * *

Начнём обзор с региональных исследований. В частности, проведённого в Чусюн-Ийском АО (1 гор. уезд и 9 уездов, население 2,5 млн чел.) провинции Юньнань[8] по итогам уездных выборов 1998 года и поселковых 2002 года, проведённого «*в целях выяснения расходов и источников финансирования всеобщих выборов в собрания народных представителей* на уровне уездов и поселков. Проведенная работа выявила вклад в «цену избрания» депутата пяти источников финансирования, которые в обобщенном виде представлены на рис. 3.

---

[6] Уведомление Caiyu [2020] № 10 о выпуске «Мер по управлению оценкой эффективности расходов проекта». — 2020. — 25 февраля. — https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020-03/02/content_5485586.htm; приложение: Управленческие меры по оценке эффективности расходов проекта. — С. 8.

[7] Там же. — С. 6.

[8] Исследование ситуации с финансированием всеобщих выборов в собрания народных представителей на уровне уездов и поселков (关于县乡两级人大换届选举经费情况的调查). 27 декабря 2004 г. Постоянный народный комитет префектуры Чусюн (https://www.docin.com/p-302797396.html; Расследование по вопросу о финансировании всеобщих выборов в собрания народных представителей на уровне уездов и поселков — douding.com). «Постоянный комитет Собрания народных представителей нашего АО с 19 июня по 5 июля 2002 года провел опросы в различных уездах. На основании результатов <…> провели детальное и подробное специальное расследование в 8 сельских комитетах, 12 поселках 5 округов, включая города Луфэн, Удин, Мудин, Чусюн и Наньхуа».

Первые два источника: провинциальные и государственные субсидии — подарки от начальства, занимают третью часть всех потраченных на выборы денег. Средства «виновников событий», переизбирающихся уездных и поселковых уровней власти составляют примерно половину (48%), при этом средства окружных и городских бюджетов вдвое превышают поселковые деньги. Оставшаяся сумма как перерасход предвыборной кампании — примерно пятая часть, оплачивается из деревенских денег, доля которых превышает поселковый вклад в общее дело. Ситуация примерно одинакова по выборам, разделённым четырьмя годами, из чего инициаторы анализа сделали рациональный вывод: *ради существенной экономии средств необходимо совместить оба события.* Вопрос синхронизации резко встал еще «на заре» китайских выборов, в разных местах страны: «*вопрос был поднят в 1988 году*, и *ПК ВСНП* (аналог нашего Президиума Верховного Совета. — *М.А.*) *провел специальное расследование по этому вопросу и пришел к выводу, что причины для изменения срока полномочий поселковых представителей Конгресса народных представителей с трех до пяти лет не вполне достаточны*, и не было необходимости пересматривать Закон о выборах» (курсив — наш)[9].

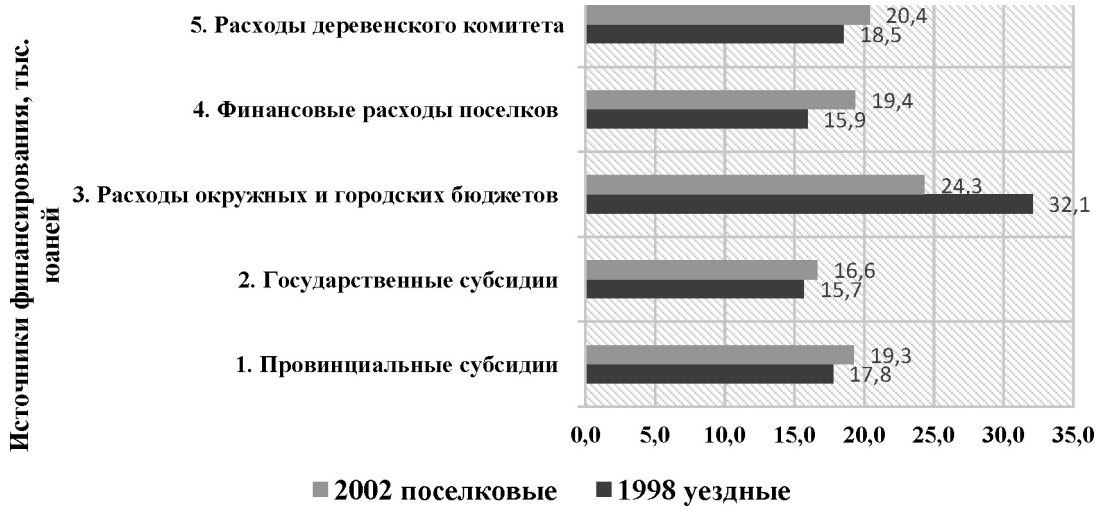


Рис. 3. Источники финансирования уездных и поселковых выборов в Чусюн-Ийском автономном округе провинции Юньнань. 1998 и 2002 гг.

Источник: Исследование ситуации с финансированием всеобщих выборов в собрания народных представителей на уровне уездов и поселков (关于县乡两级人大换届选举经费情况的调查). 27 декабря 2004 г. Постоянный народный комитет префектуры Чусюн (https://www.docin.com/p-302797396.html).

«В октябре 1998 года на всеобщие выборы в СНП 10 уездного уровня АО Чусюн было выделено в общей сложности ¥4 393 691, из которых ¥2 334 778 было потрачено на избрание депутатов, а ¥2 058 913 юаней — на созыв первой сессия нового народного собрания». Иными словами, *все собранные на выборы деньги делились на две части: одна на выборы, другая — 90% от первой, на проведение первых организационных сессий вновь избранных собраний депутатов,* на которые съезжались не только народные избранники, но и посетители и помощники («всего было 4440 участников, в том числе 1 773 представителя, 1 788 посетителей и 879 сотрудников»). Аналогичная ситуация была и в 2002 году на выборах поселковых депутатов и их первых сессиях[10].

Сельское самоуправление свои выборы по закону должно проводить за счёт «экономики деревни», т.к. де-юре не входит в вертикаль власти. Де-факто за этот же деревенский счёт в деревне проводятся и вышестоящие от неё выборы. Не следует забывать «щекотливый» аспект:

[9] *Ши Вэйминь, Лэй Цзинсюань*. Прямые выборы: система и процесс: эмпирическое исследование, посвященное выборам депутатов ВСНП на уездном (районном) уровне (直接选举：制度与过程-县（区）级人大代表选举实证研究 史卫民 雷兢璇). — Пекин, 1999. — С. 470.

[10] Судя по информации о более поздних выборах, уведомления на проведение установочных сессий публикуются отдельно.

деревенские избиратели за участие в своих «родных» сельских выборах получают небольшую денежную компенсацию «по потере работы». Ровно то же самое происходит и на вышестоящих выборах: «на всеобщих выборах в Конгресс народных представителей поселка 2002 года автономия Чусюн выплатила в общей сложности ¥439 330 в качестве субсидий по потере работы, из которых шесть деревенских комитетов города Юнъань города Чусюн выплатили ¥143 480 в виде субсидий по потере работы».

Субсидии «по потере работы» — это «пряник», который выдают всем участникам предвыборных собраний в деревнях (если в деревне есть пряники). Но в финансовой интриге данных собраний есть еще два условия для присутствующих. Одно из них ушло в историю, т.к. выплаты «общей суммы средств, выделенных на планирование и удержания» именно после 2002 года постепенно отменили. Актуальный факт состоит в том, что «все избиратели, которые непосредственно участвуют в избирательном собрании: *или обязаны работать волонтерами* (у нас это называлось агитаторами, и о деньгах речи вообще не шло) и *добиваться компенсации за волонтерскую работу* (по установленным в Китае нормам, примерно ¥ 40–50 за трудодень в 2019–2022гг.[11]; с пересчетом на инфляцию было ¥ 25,5–31,9) *или должны платить за волонтерскую работу <...> тем, кто в ней занят*. Представляется, что *интрига участников деревенского предвыборного собрания, состоявшая в стремлении получить больше, чем отдать, амбивалентна: краткосрочный потребительский выигрыш был не менее волнующ долгосрочного политического.*

В итоге была озвучена стоимость избрания 1 депутата: средняя в поселковое собрание <...> составила ¥363,80; на уездном уровне 1998 г. каждый городской представитель города Чусюн стоил ¥1 435,38, уезда Даяо — ¥1 232,43, округа Юнжэнь — ¥783,22. На выборах <...> поселкового уровня 2002 года 1 представитель города Юнъань стоил ¥847,39, город Цзиньшань в уезде Луфэн — ¥551,64, близлежащие города в уезде Удин потратили ¥265,31 юаня на каждого избранного. В 2002 г. в овощном сельском уезде Удин избрание одного депутата в г. Гяоцао стоило ¥185, а сельским беднякам ¥67[12]. Спустя 20 лет в краю выставок овощных достижений итоговая отчетность орготдела окружного КПК за 2023 г. честно показала ¥44 на остатках фонда всеобщих выборов (У Цайсинг [2021] № 90)[13], которые используются для специальных рабочих фондов. В перечислении удельных показателей организаторы увидели простую зависимость: *чем богаче территория, тем больше тратит на выборы*. В данной связи было сделано нереализуемое предложение: *богатые должны помогать бедным территориям, частично финансируя их выборы методом межбюджетных перечислений.*

В 2021 году в красивом городском уезде Жуйань городского округа Вэньчжоу восточной провинции Чжэцзян, где родился и вырос премьер Китая Ли Цян, с нелицеприятным предостережением о противоправных финансовых деяниях вышло уведомление местного финбюро «о предоставлении финансовых субсидий на всеобщие выборы собраний народных представителей поселков, микрорайонов и муниципальных систем в размере ¥1 на избирателя[14], «Сейчас вам (табличная роспись по населённым пунктам с указанием числа избирателей, 26 строк. — *М.А.*) выделено ¥1 105 500 на всеобщие выборы в собрания народных представителей на уровне городов и поселков» *за счёт инспекционного сбора депутатов ВСНП*. В 2021году всем, кому положено, «предлагается использовать средства в строгом соответствии с положениями документа, усилить надзор и управление, а также обеспечить целевое назначение специальных средств, а *те, кто мошенническим образом получает, удерживает или незаконно присваивает специальные средства, будут расследованы и привлечены к ответственности в соответствии с «Положением о наказании за финансовые нарушения» и другими законами и нормативными актами, в зависимости от серьезности обстоятельств»* (курсив наш. — *М.А.*).

---

[11] *Шэнь Гуанмин.* От «двух работ» к «подработкам» — изменения в системе добровольного труда и полумаркетизация сельских коммунальных услуг. Новый трактат о Тяньфу. — 2024. — 12 декабря. — https://mp.weixin.qq.com/s?biz=MzI0MjEwODA0Ng==&mid=2650600195&idx=1&sn=6c08b1d35b45d1be02966f1a6d9cc9bf&chksm=f10900e2c67e89f4d25dc36c8bd20f5be9d79cfc34f0c5b9afd403ebe2ede191539d16e94e9e&scene=27.

[12] https://www.docin.com/p-302797396.html.

[13] http://www.ynwd.gov.cn/info/egovinfo/1007/overt_centent/11532329015178442p-/2024-10230 35.htm.

[14] http://www.ruian.gov.cn/art/2022/1/13/art_1229168398_4013780.html.

Надо понимать, что один юань на избирателя — невеликие деньги, тем более, чтобы эффективно стимулировать китайского гражданина прийти голосовать. В той же провинции Чжэцзян принимают более решительные меры, особенно в отношении сельских избирателей. В частности, публичная мотивация выделенных средств такова: «чтобы изменить атмосферу выборов, в этом (2016. — *М.А.*) году, *в дополнение к обеспечению нормальных избирательных фондов,* финансовое управление округа Суйчан увеличило избирательные фонды в соответствии со стандартом в *20 юаней на каждого сельского избирателя в качестве субсидии на работу, пропущенную на выборах, гарантируя участие избирателей, рейтинг и честность выборов»*[15] (курсив наш. — *М.А.*). *В данном случае к гарантиям честности выборов от финуправления можно добавить воспитание потребительского отношения граждан-избирателей к политическому мероприятию, и это одна сторона медали. Другая состоит в том, что в Китае огромное количество людей в отдалённой и не очень сельской глубинке, с помощью титанических усилий властей, только-только выбралось из средневековой нищеты, и любая материальная помощь воспринимается как благо.*

Кроме того, *вопросы оплаты (как организаторам, так и избирателям) и стандартов финансирования на 1 жителя/избирателя напрямую смыкаются с количеством избирателей: чем больше избирателей, тем больше денег.* Например, в городе Мэнцзы провинции Юньнань согласно отчетам за 2021 год[16], получены субсидии от провинции на уездные/поселковые выборы на 330078 чел. избирателей, из расчета ¥3 на чел. В провинции Хунань, городском уезде Шаодун три уровня бюджетной системы суммарно собрали по ¥2 на каждого из 1330,563 тыс. избирателей[17]. Примеры можно продолжать, но понятно: *регистрация избирателей — это финансово-политическая тема.*

Качеству регистрации избирателей уделяют пристальное внимание по двум обстоятельствам: большое количество внутренних мигрантов из сельской местности (нунминьгун), которые постоянно проживают в городах, но по закону должны голосовать в соответствии со своей сельской пропиской, и дуальный принцип нарезки округов и голосования: по месту работы (производственный) и по месту жительства (статусу проживания). В обоих случаях возможны (не исключены) накладки в учёте, которые приводят к двойному счёту избирателей. В частности, в городе Ханчжоу провинции Чжэцзян в 2016 году некоторые граждане получили от рьяных организаторов выборов по две карточки избирателя — дома и на работе — и спрашивали, как им поступить (а некоторые ведь и промолчали)[18]. *Даже если «избиратель-двойник» проявил сознательность и правильное понимание гражданского долга, проголосовав один раз, в списки избирателей его уже внесли дважды и исключать вряд ли будут, т.к. это связано с подушевым финансированием. Количество двойников неизвестно (наиболее вероятно на уровне статистической погрешности); не исключено, что это одна из причин, по которой не публикуют число избирателей по провинциям (за исключением Цзянсу).*

В округе Шуанпай провинции Хунань в 2016 году признавали, наряду с вышеперечисленными, трудности со сбором средств на выборы. «После нынешней реформы сельских налогов и сборов все поселковые фонды представляют собой финансовые налоговые трансферты: крупные поселки получают ¥150 тыс., малые — ¥80 тыс. в год. После вычета заработной платы деревенских кадров, возврата оборотных средств из финансов более высокого уровня

---

[15] *Ван Сяобо*. Народный конгресс округа Суйчан: три меры, которые помогут хорошо провести выборы во Всекитайское собрание народных представителей. — 2016. — 22 декабря. — https://lssrd.gov.cn/art/ 2016/ 12/22/ art_1229413492_2942.html.

[16] https://www.hhmz.gov.cn/info/5571/338641.htm: Приложение [Офис Постоянного комитета Муниципального народного конгресса Мэнцзы (публичный) 20220820033711081.xls].

[17] В городском уезде Шаодун работа избирательных фондов показана на 3 уровнях: *провинциальном, по нормативу 2016 года ¥0,422 на избирателя в сумме ¥567,8 тыс.* (*Xiang Cai Xing Zhi* [2021] No 31); муниципальном — округ Шаоян выделил ¥490 тыс. из расчета *¥0,37 на избирателя* (*Shao Cai Xing Zhi* [2021] No 21); и собственные средства уезда из расчёта ¥1,2 на сумму ¥1603,326 тыс. — https://www.shaodong.gov.cn/shaodong/czzj/202203/516867381f394bde96be49bcdb8569da.shtml; cea44dca51614f048cee1decc44dfd 96.xlsx.

[18] Вчера все в Ханчжоу голосовали. Знаете ли вы вес бюллетеня в вашей руке? (昨天全杭州人都在投票 你可知手上这张选票的分量？) / Hangzhou Net. — 2016. — 16 декабря. — https://hznews.hangzhou.com.cn/chengshi/content/2016-12/16/content_6420430_0.htm.

для поддержки сельского хозяйства, обучения милиции, пяти гарантийных субсидий на поддержку домохозяйств, а также партийных газет и журналов, в этих фондах остается очень мало. <...>ежегодное представительное собрание пяти крупных поселков стоит около ¥20 тыс. в каждом; в двух меньших поселках стоимость собрания составляет более ¥5 тыс. в каждом. *Если избирательные средства не будут получены вовремя и в полном объеме, это напрямую повлияет на нормальное проведение выборов*» (курсив — наш)[19].

В провинции Фуцзянь, по поручению ПК Народного конгресса уезда Юнтай округа Фучжоу (9 посёлков и 12 волостей, население 281,2 тыс. чел., сельское хозяйство, в т.ч. птицеводство (утиные фермы Guangyang Egg Industry) и текстильная промышленность), совместно с провинциальными и муниципальными собраниями, в 2017 году было проведено исследование в городах и деревнях на предмет подготовки к выборам. Линь Сяогуй, имея 30-летний опыт практической работы на всеобщих выборах представителей округов и поселков, выдвинул свои предложения по реализации решений руководящих партийных органов и преодолению новых ситуаций и проблем[20]. В огромном исторически и фактологически фундированном докладе о проблемах подготовки к выборам вопрос наполнения избирательных фондов идет 7 пунктом, но это не умаляет его важности, поскольку *«избирательные фонды относительно скудны», а расходы, с участием большого количества людей, велики*. Автор сравнивает ситуацию с выборами уездного уровня 2011 года, когда каждый уезд города Фучжоу «потратил около ¥60 тыс. на выборы уездного и поселкового уровня, расходы на уровне каждой деревни составляют около ¥5 тыс., а общие расходы деревень составляют ¥80-¥150 тыс.». «В крупных городах общие расходы на сельском уровне могут достигать более ¥200 тыс. Финансирование с более высокого уровня, как правило, невелико: большинство уездов (городов) и районов выделяют от ¥0,5-¥1 на избирателя. Например, уезд Юнтай выделяет на весь уезд только ¥180 тыс. или ¥1,5 на избирателя, *и недостающую сумму могут покрыть только сами жители деревни*» (курсив наш. — *М.А.*), *и это третья сторона вопроса*.

В городском округе Сюаньчэн провинции Аньхой опубликован пространный отчет «проекта об оценке деятельности отдела расходов специальных фондов для всеобщих выборов депутатов уездных и поселковых собраний...» 2022 г., в котором *«реализована система финансового возмещения и проверки на уровне уезда»*[21], означающая учёт средств фондов из разных уровней бюджета на спецсчетах и перенос остатков на следующий год (система традиционно используется в рамках борьбы с бедностью).

Далее изложена политическая часть о задачах, проблемах и предложениях по их решению. Задачи перечислены под девизом «нужно»: усилить гласность на всех этапах всеобщих выборов, чтобы создать хорошую атмосферу общественного мнения, и контроль за процессом рассмотрения выдвижений кандидатов на <...> выборах и выбор представителей, которые могут удовлетворить людей; укрепить руководство для обеспечения упорядоченного проведения и дисциплины <...> выборов, дабы гарантировать их честность и чистоту. Три существующих проблемы и их причины, которые являются объективно-характерными для большинства сельских территорий Китая[22], в т.ч.: «*у многих избирателей отсутствует правильное понимание избрания представителей и слабое чувство демократии. Они не проявляют большого энтузиазма к участию в выборах*».

---

[19] Проблемы и меры противодействия, с которыми сталкиваются всеобщие выборы в собрания народных представителей на уровне округов и поселков / ПК Народного конгресса округа Шуанпай Объединенный рабочий комитет. — 2016. — 17 мая. — https://www.yzrdw.gov.cn/content/2006/06/05/8751476.html.

[20] *Линь Сяогуй*. Решите семь инновационных вопросов, чтобы обеспечить вход представителей. Мысли о том, как хорошо провести выборы депутатов уездного собрания народных представителей в новой ситуации / ПК Народного конгресса округа Юнтай. — 2017. — 15 марта. — http://rd.fuzhou.gov.cn/dcyj/201703/ t20170315_1743694.htm.

[21] 县乡人大代表换届选举专项经费项目支出部门绩效评价报告%20.pdf.

[22] «Фермеры, оставшиеся в сельской местности, обычно имеют низкий уровень образования, неодинаковые личные качества, слабую способность участвовать в политике и обсуждать её. Большинство людей с более высоким общественным качеством уезжают заниматься бизнесом или работать». См.: Исследование и практика следования линии масс на выборах в собрания народных представителей уездов и поселков / Исследовательская группа проекта Постоянного комитета Народного конгресса округа Нинхуа, района Саньюань, город Саньмин, провинция Фуцзянь. — 2021. — 3 декабря. — http://www.smrd.gov.cn/llyj/202304/t20230427_1899671.htm.

Наконец, мнения и предложения под девизом «мы должны»: улучшить политическую позицию, тщательно реализовать дух центральных, провинциальных, муниципальных и уездных народных собраний и повысить чувство ответственности; придерживаться основных принципов всеобщих выборов и реализовывать партийные принципы; в избирательной работе продвигать демократию и действовать строго в соответствии с законом; продвигать весь процесс выборов с высокой позиции, укреплять руководство и обеспечивать успешное завершение всеобщей избирательной работы. Резюмируя подобные политические заявления чиновников по итогам исполнения «выборных» бюджетных проектов, напрашивается вывод, что *функционерам исполнительной власти как держателям финансовых потоков отчасти удобно констатировать объективно сложившееся положение вещей с реальными трудностями, порождёнными урбанизацией страны и оттоком сельского населения в города, когда проведение выборов в обезлюдевшей сельской местности становится сложной задачей*.

Сводная информация о субсидиях из провинциальных бюджетов (АР, городов) на прямые выборы дефицитна: на сельские выборы «двух комитетов»: провинция Гуандун потратила ¥77,5 млн в 2017 г. и ¥84,6 млн в 2021 г.; провинция Хэнань ¥1,5 млн в 2018 и Гуанси-Чжуанский АР ¥1,81 млн в 2021; на уездные и поселковые (волостные) выборы: провинция Хунань выделила ¥34,25 млн в 2016 и провинция Юньнань — ¥91 млн в 2021. Провинций очень мало, и если провинция Гуандун открыта по выборам «двух комитетов», то по уездным и поселковым хранит молчание. Хунань и Юньнань, соответственно, наоборот.

Несмотря на призывы к открытости в упомянутых ранее документах Минфина, в публичном пространстве Поднебесной отсутствует традиция системной публикации сводной профильной информации по провинциям (АР, городам), *минфиновские призывы к открытости как норме сильно расходятся с реальностью в части финансирования выборов в провинциях, что обусловлено несколькими обстоятельствами.*

1. Избирательные фонды в Китае априори дефицитны к избирательным потребностям, и трудности (задержки) с финансированием — топовая проблема подготовки выборов, судя по имеющимся докладам региональных экспертов на всех уровнях.

2. Низкий (нулевой) публичный интерес к данной проблематике.

3. Все страны к финансированию организации электоральных событий стараются не привлекать внимание: тема фактически табуирована и идёт как «священная корова» из разряда «необсуждаемых ценностей». То обстоятельство, что Китай, хотя бы выборочно выдаёт информацию, уже хорошо и делает ему честь.

***

Заключительная часть нашего обзора посвящена «стране облачного юга», где собраны чудеса всей планеты — провинции Юньнань и её отдельным административным единицам, которые откровенно раскрывают свои предвыборные расходы на организацию голосования. Провинциальная субсидия на выборы 2021 г. составила ¥91 млн: в расчете на 1 избирателя (всего избирателей 35 млн) это ¥2,6, на 1 депутата (всего избрано 108 450 чел.) — ¥839. Наиболее велико количество профильных отчетов/уведомлений в Хунхэ-Хани-Ийском АО, который был выбран «в качестве одного из первых пунктов наблюдения за политикой в области гражданских дел страны»[23]. Муниципалитет столицы автономии — города Мэнцзы по итогам выборов 2016 г. и подготовке к выборам 2021 г. разместил в открытом доступе отчёт, который содержит информацию по населению, избирателям, явке, количеству депутатов, финансам на выборы, собранным из разных бюджетов, которая обобщена в табл. 1.

Согласно источнику, «исходя из зарегистрированного населения и норматива-2016 в ¥9 на душу населения, активно собирались средства: ¥8,37 млн было выделено на государственном уровне и ¥40,86 млн было собрано на уровне уездов и поселков». Пятикратная разница в деньгах видна по расходам на избрание 1 депутата (при конкурсе 2 чел. на место было избрано 10308 чел.): примерно ¥4 тыс. уездных и поселковых, и ¥0,8 тыс. из государственных

[23] Хунхэ-Хани-Ийский авт. округ делится на 4 городских уезда (Гэцзю, Кайюань, Мэнцзы, Милэ), 6 уездов (Цзяньшуй, Шипин, Луси, Юаньян, Хунхэ, Люйчунь) и 3 автономных уезда (Пинбянь-Мяоский, Цзиньпин-Мяо-Яо-Дайский, Хэкоу-Яоский,), 135 поселков (улиц) и 1365 сельских комитетов (общин). Центр автономии — г. Мэнцзы (400 км до Ханоя), население округа — 4,5 млн чел. — https://www.hh.gov.cn/zjhh/hhgk.htm.

средств. Кроме финансовых показателей в информации-2016 имеются демографические параметры: население избирательного возраста (18 лет и старше) составляет примерно три четверти общей численности.

Таблица 1

Электоральные и финансовые характеристики Хунхэ-Хани-Ийского автономного округа провинции Юньнань на выборах уездных и поселковых депутатов в 2017 и 2021 годах

	Списочное число избирателей, тыс. чел.	Количество избирательных округов, ед. / размер избирательного округа, тыс. чел.	Число избранных депутатов, всего / среднее число депутатов в округе, чел.	Число избранных депутатов всего, чел.	Размеры финансовых фондов, тыс. юаней	Цена избрания одного депутата, тыс. юаней
Уездные выборы, 2017	3193,7	13 / 245,7	2459 / 189	10308	40860 / 8370	3,964 / 0,812
Поселковые выборы, 2017	2887,8	129 / 22,4	7849 / 61			
Уездные выборы, 2021	3300,0	12 / н.д.	2801 / 221	10910	64350	5,870
Поселковые выборы, 2021		98 / н.д.	8109 / 85			

Источник: Успешно завершились выборы в собрания народных представителей округов и поселков по всему штату в строгом соответствии с законами и постановлениями. (严格程序 依法依规 圆满完成全州县乡人大换 届选举工作) / Муниципальное управление Мэнцзы. 2017-05-03. — https://www.hhmz.gov.cn/info/2131/302421.htm); Ван Дайцзюнь. «Три упорства, четыре места и пять гарантий» префектуры Хунхэ провинция Юньнань упорядоченно продвигают выборы в собрания народных представителей на уровне уездов и поселков. — 2021. — 26 сентября / Отборочная рабочая комиссия ПК ВСНП. — http://www.hhrd.gov.cn/showarticle.aspx?id=1139; Chen Yonglai. В нашем округе успешно завершились выборы депутатов народных собраний уездного и поселкового уровней / Pocket Honghe. — 2021. — 27 декабря. — http://www.hhrd.gov.cn/showarticle.aspx?id=1227

Приведем важные политико-административные итоги выборов 2016 года в автономном округе[24], по мнению муниципального управления города Мэнцзы: «всеобщие выборы в народные собрания на уровне уездов и поселков завершились, но они столкнулись с <...> трудностями и проблемами: <...> избиратели “испытывают отвращение к голосованию” (более мягкий вариант перевода: “устали голосовать”); в <...> местах регистрация избирателей и организация всеобщих выборов затруднены; юридические процедуры сложны, и <...> избиратели имеют предвзятое понимание законов, правил и документов; в <...> населенных пунктах до сих пор не действуют процедуры выдвижения, рекомендации, проверки и рассмотрения кандидатов в депутаты; существует пробел в структурных требованиях к представителям; подавляющее большинство поселковых (городских) собраний штатно не укомплектованы и др.».

Представитель пограничного с Вьетнамом ПК Народного конгресса Цзиньпин-Мяо-Яо-Дайского АУ (2 посёлка, 10 волостей и 1 нац. волость; население 331,4 тыс.), в порядке «раскрытия» итоговых отчетов своей структуры за 2016 год[25] без подробностей указал ¥1,754 млн на уездные и поселковые выборы, что в пересчете на 1 жителя составило ¥5,3.

[24] 严格程序 依法依规 圆满完成全州县乡人大换 届选举工作 / Муниципальное управление Мэнцзы. — 2017-05-03. — https://www.hhmz.gov.cn/info/2131/302421.htm.

[25] Разъяснение о раскрытии итоговых отчетов департаментов Постоянного комитета Народного конгресса округа Цзиньпин за 2016 год. — 2017. — 2 сентября. (金平县人民代表大会常务委员会2016 年度部门决算公 开情况说明 目录) — https://www.hhjp.gov.cn/info/4841/300931.htm.

В 2016 г. в «городе олова» Гэцзю, «исходя из реальных условий <...> были созданы 8 *руководящих групп*, которые в качестве командного органа <...> избирательной комиссии» отвечали за руководство и организацию общего процесса предвыборной работы, о чём свидетельствует материал в местных СМИ[26]. Итак, «чтобы хорошо провести выборы в собрания народных представителей муниципалитетов и поселков <...> Провинциальные и государственные предприятия, *муниципальное управление вооруженных сил и подразделения вооруженной полиции, выпустили «Уведомление* канцелярии ПК Конгресса народных представителей города Гецзю *о подготовке статистики населения для всеобщего сведения*». Далее, «по подсчетам, нашему городу потребуется в общей сложности ¥3,48 млн для этих всеобщих выборов. *В дополнение к провинциальным и государственным субсидиям* в размере ¥1,01 млн, *в условиях очень ограниченных финансов, муниципальное правительство полностью собрало средства по стандарту ¥9 на человека*» (курсив — наш).

В 2021 г., согласно общедоступному тексту тринадцати «финансовых проектов по ключевым направления орготдела горкома КПК Гэцзю»[27], два проекта были посвящены выборам:

— на всеобщие выборы в муниципальные и поселковые собрания запланировали ¥2,47 млн; было избрано 583 депутата, на каждого истрачено ¥4236,7;

— на перевыборы «двух комитетов» деревни (общины), городских и поселковых партийных комитетов с марта по июнь 2021 г. ещё ¥1,5 млн; в августе 2022 г. годовой отчет о фактических расходах горкома КПК Гэцзю[28] показал на второй проект только ¥701,7 тыс., а также расходы на эксплуатацию и техобслуживание автомобиля на сумму ¥38,6 тыс. Всего было потрачено ¥740,3 тыс. или чуть меньше половины от запланированных 1,5 млн.

Кроме того, «финансирование дополнительных выборов представителей 17 НК г. Гецзю» потребовало ¥160 тыс. на 8 депутатов (в разных районах, включая воинские части и сельскую местность)[29] по стандарту ¥20 тыс. на избирательный округ для довыборов каждого депутата, ещё ¥100 тыс. ушло на пропаганду и агитацию. В целом на одного довыбранного депутата получилось ¥32,5 тыс., тогда как при основных выборах 2021 г. удельные затраты составили ¥4,237 тыс.: дополнительные выборы — очень дорогое удовольствие.

В 2021 г. в Хунхэ-Хани-Ийском АО (3,3 млн избирателей в регистрации) заявили удельный норматив ¥10 «от государства», из них не менее ¥9,5 должно быть из уездных и городских

---

[26] *Сюй Чжэнцюань*. Принятые в нашем городе меры «шестерок на местах» неуклонно продвигают избирательную работу в ВСНП. — https://www.hhgj.gov.cn/info/6671/517381.htm. Формулировка “六到位” — «шесть мер на местах» означает действия по обеспечению качества и безопасности в самых разных сферах — общественного питания, пожарной безопасности, медицинской (профилактика и контроль эпидемий), безопасности на транспорте в период проведения сезонных массовых мероприятий или неблагоприятных природных явлений и т.п.; управление безопасностью в период подготовки к выборам также находится в этом списке.

[27] Финансовые проекты по ключевым направлениям бюджета на 2021 год Орготдела горкома КПК Гэцзю (中国共产党个旧市委员会组织部2021年预算重点领域财政项目) /年部门预算编制说明 — 个旧市人民政府. — hhgj.gov.cn (https://www.hhgj.gov.cn›virtual_attach_file).

[28] Итоговые отчеты организационного отдела (этот уровень) муниципального комитета Гэцзю Коммунистической партии Китая за 2021 год / Аппарат муниципального народного правительства Гецзю. — 2022. — 8 августа. — https://www.hhgj.gov.cn/info/12781/314891.htm; Вложение【P020221115598979710178.xls】).

[29] «Постоянный комитет Муниципального собрания народных представителей решил назначить муниципальные комитеты непосредственно в муниципальные комитеты, где места вакантны с 25 декабря 2020 г. по 5 января 2021 г. Первый избирательный округ Национального рабочего комитета, гарнизонный округ Народно-освободительной армии, округа общин Уи и Баохуа в городских районах, общественные округа общины Сишань и станции водоснабжения Юньси в городских районах, деревня Циньцайтан и образовательный округ в г. Сичэн, избир. округ предприятий в г. Цзицзе, избир. округ деревни Мадушан в г. Маньхо, деревня Фейцзя, правительственные учреждения и учреждения образования и три основных системных округа в г. Бохэ, всего 8 округов для избрания 8 представителей на 17 Муниципальный народный конгресс». «Поскольку в представительной работе на дополнительных выборах участвует большое количество избирателей, она широка по объему и имеет большую рабочую нагрузку, чтобы обеспечить плавный ход работы и успешное завершение задачи, в августе 2020 г. общественному офису Сишань в городской зоне была выплачена стандартная плата в размере ¥20 тыс. на каждый избирательный округ». См.: Основные направления бюджета ПК Муниципального народного конгресса Гэцзю (年部门预算 编制说明 — 个旧市人民政府). — hhgj.gov.cn (https://www.hhgj.gov.cn›virtual_attach_file).

финансов[30]. Уезд Хунхэ (1 посёлок и 12 волостей) в «самооценке» орготдела КПК за 2021 г. показал ¥200 тыс. по плану, фактически истратив ¥191,2 тыс.[31]. При населении 284,6 тыс. расходы на душу населения = ¥0,7 — и это очень далеко от заявленных не менее ¥9,5 от уезда.

Центр округа — город-уезд Мэнцзы (330 078 чел. избирателей), согласно итоговым отчетам за 2021 г., получил субсидии от провинции на уездные и поселковые выборы в расчете ¥3 на чел. сумму ¥1 011 910,5 (расходы на дальнейшие непрямые выборы народного конгресса Мэнцзы составили ¥166 700,00)[32]. В городском уезде было избрано 707 депутатов (241 уездный и 466 поселковых)[33], расходы на 1 народного избранника составили ¥1 431 провинциальных денег. Находящаяся в юрисдикции Мэнцзы улица Югопу (бывший город Югопу, который в 2019 году снесли)[34], согласно отчетам департаментов <...> за 2021 г., имеет на всеобщие выборы ¥47,1 тыс. и ещё ¥197,9 тыс., всего ¥245 тыс. С учетом численности населения — 36,7 тыс. чел., удельные расходы составят ¥6,7.

Аппарат правительства уезда Юаньян (3 города, 11 посёлков, население 359,2 тыс. чел.), где расположена основная территория объекта мирового культурного наследия — рисовых террас Хани, в отчёте за 2022 г. информирует, что *соразмерные фонды* поддержки всеобщих выборов <...> составили ¥591,4 тыс., из которых было израсходовано ¥589,6 тыс. По сравнению с другими уездами автономии, финансовая «соразмерность» Юаньяна выглядит бледно (удельные расходы на депутата — ¥505,7; на избирателя — ¥1,6), но забюрократизирована при этом до предела. В длинном буквоедском описании проекта[35] соразмерность устанавливается по нескольким критериям, главные из которых — соответствие законам и нормативным актам, политике, а также эффективность, основанная на доказательствах и *объективной реальности*.

Кроме того, бюджет проекта «Фонды поддержки всеобщих выборов в собрания народных представителей на уровне уездов и поселков» должен быть «научно обоснован, по стандартам <...>, согласно <...>, и т.д. Устанавливается «система ответственности за использование и управление проектными средствами». В соответствии с системой финансового менеджмента строго осуществляется управление «двумя линиями доходов и расходов», а *бухгалтерский персонал ведёт учет в соответствии с законными и действующими бухгалтерскими ваучерами, бухгалтерские записи полностью и точно отражают хозяйственную деятельность в соответствии с предписанными элементами, чтобы отчеты, бухгалтерские ведомости и счета были согласованы» (курсив — наш)*. Затем идет речь о *результатах самооценки эффективности* потраченных денег на успешное проведение выборов: в рамках общественной оценки как «права публичного суждения» было созвано 20 встреч, на которых присутствовало более 400 чел., встречи продолжались более 100 дней, индекс удовлетворённости составил 95%. Отчеты посёлка Хуан Маолин уезда Юаньян кратко информируют о привлечении средств на выборы по ¥50 тыс. из бюджетов провинции и автономии, причём для получения даже небольшой суммы любому населённому пункту требуется оформить впечатляющий список документов, который приводим в сноске[36].

---

[30] *Ван Дайцзюнь.* «Три настояния, четыре силы и пять гарантий» префектуры Хунхэ упорядоченно способствуют проведению всеобщих выборов в собрания … на уровне уездов и поселков / Отборочная рабочая комиссия ПК ВСНП. — 2021. — 26 сентября. — http://www.hhrd.gov.cn/showarticle.aspx?id=1139.

[31] 中共红河州委组织部2021年度项目支出绩效单位自评报告+附件.

[32] https://www.hhmz.gov.cn/info/5571/338641.htm: Приложение [Офис Постоянного комитета Муниципального народного конгресса Мэнцзы (публичный) 20220820033711081.xls].

[33] До настоящего времени! Эти префектуры и города Юньнани завершили голосование на всеобщих выборах … уездов и поселков. (最新！云南这些州市已完成 县乡人大换届选举投票) / ПК Провинциального народного конгресса.– 2021. — 7 декабря. — https://www.ynrd.gov.cn/html/2021/rdhjxjywjj_1207/16022.html

[34] https://www.hhmz.gov.cn/info/5571/340961.htm [Форма окончательного раскрытия финансовой отчетности департамента Югуопу муниципального народного правительства Мэнцзы на 2021 год.xls].

[35] https://www.hhyy.gov.cn/info/3381/242591.htm; 附件（县乡两级人大换届选举县级配套经费).

[36] В ответ на Представление партийной группы Юаньжэнь [2021] № 10, «Уведомление партийной группы Постоянного комитета Народного конгресса округа Юаньян о хорошей работе в округе и Запрос Конгресса народных представителей, предложил инструкции по реализации мнений всеобщей избирательной работы (проект по сохранению) (представлено партийной коллегией Юаньжэнь [2021] № 10), «время проведения всеобщих выборов в Народный конгресс 16 созыва уезда Юаньян» [2021] № 11, «Запрос инструкции» Народного Конгресса на уро-

Фонды уезда Цзяньшуй (производство изделий из пурпурной керамики) того же АО составили ¥3 576 175,39 (из бюджета округа было выделено только ¥800 тыс.). Как сообщается в отчёте о самооценке постоянного комитета НК округа Цзяньшуй[37]. «в выборах приняли участие 14 городов (поселков) и более 350 тыс. избирателей, реализация принципа честности и справедливости на выборах была на уровне 100% ». На 1 избирателя пришлось ¥10,2, на 1 депутата (1251 чел.) ¥2 858,7. В конце отчёта есть «примечание: 1. *Конфиденциальные разделы/информация не будут разглашаться в соответствии с правилами конфиденциальности*».

Образцово-показательное уведомление выпустило финансовое бюро уезда Шипин (7 посёлков и 2 волости), жители которого известны во всём Китае традиционными песнями и танцами, а территория их проживания напоминает райский сад с красочными пейзажами и озерами. Уведомление[38] гласит: «По состоянию на 31 августа наш уезд инвестировал в специальные фонды для всеобщих выборов уездных и поселковых собраний <...> в общей сложности ¥3,2139 млн (100%), в том числе: ¥599 тыс. (18,6%) в провинциальные финансовые субсидии, ¥807 тыс. (25,1%) в финансовые субсидии на государственном уровне и ¥1,8079 млн (56,3%) в рамках бюджетных мероприятий уездного уровня на начало года». Деньги были собраны «в целях реализации важных договоренностей ЦК партии по всеобщим выборам» и, что не менее важно, «в *соответствии с уведомлениями и требованиями Министерства финансов,* а также для эффективного обеспечения финансирования», поскольку «всеобщие выборы в собрания народных представителей на уровне уездов и поселков являются важной практикой построения социалистической демократической политики и крупным событием в политической жизни народа всей страны» (информация со 2.09.2021 г. была просмотрена 3 раза). Численность населения составляет 280 тыс. чел., следовательно, на каждого жителя райского уезда, в соответствии с требованиями Минфина, пришлось по ¥11,5 и на каждого из 815 депутатов — ¥3943,4.

Отчёт «о *самооценке эффективности* расходов на проект в 2021 г.» ПК Народного конгресса Пинбянь-Мяоского АУ раскрыл солидные финансы ¥1785,1 тыс. (¥918 тыс. — рабочие фонды, ¥451 тыс. — средства АО, ¥416 тыс. — субсидии провинции), которые были исчерпаны на три четверти (сумма ¥1337,297 указана в метриках затрат индикатора 2 уровня, а также в годовом отчете НК округа Пинбянь за 2021 год — п. 6). Деньги потратили на предвыборные мероприятия, которые включают также исследовательские работы; расходы на 1 жителя уезда составили ≈ ¥ 10, на 1 депутата — ¥2266,6; «*руководящая группа, признанная массами, успешно выполнила задачу по избранию народных представителей в уездах и поселках*»[39]. Небольшой остаток ¥1630 в следующем году был пущен на командировочные расходы, о чём сообщил (п. 4) соответствующий департамент округа[40].

Выражения *“руководящая группа” и/или “руководящая группа, признанная массами”, “самооценка эффективности”, “удовлетворённость” — это общепринятые термины в китайских финансовых отчетах о проведении выборов.*

вень уездов и поселков в уезде Юаньян» представлен [2021] № 12, «Просьба об Инструкции по созданию избирательной комиссии округа Юаньян и поселковых комиссий, Запрос о правилах по созданию Руководящий группы по надзору за дисциплиной и расследованию [2021] № 16, «Запрос инструкции по созданию Народного конгресса на уровне уездов и поселков в округе Юаньян» (Представление [2021] № 17). — https://www-hhyy-gov-cn.translate.goog/info/3381/240941.htm?_x_tr_sl=zh-CN&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl= ru&_x_tr_pto=sc.

37 建水县人大常委会2021年度部门决算公开表格/

38 Округ Шипин договорился о выделении 3,2139 млн юаней в виде специальных фондов для проведения всеобщих выборов в уездные и поселковые собрания народных представителей. (石屏县安排 拨付县乡两级人大换届选举专项资金321.39万元) Финансовое бюро округа Шипин. — 2021. — 3 сентября. — https://www.hhsp.gov. cn/info/1041/430941.htm.

39 «Члены Постоянного комитета уездного народного конгресса неоднократно проводили углубленные исследования на низовом уровне, активно руководили сельскими народными собраниями, чтобы они хорошо справлялись со всеми аспектами всеобщих выборов в соответствии с законом, и строго следовали профильным законам и нормативным актам, чтобы обеспечить упорядоченное проведение всеобщих выборов в уездные и поселковые народные собрания». — https://www.hhpb.gov.cn/info/5751/305811.htm.

40 https://www.hhpb.gov.cn/info/5751/257441.htm; [Постоянный комитет Народного конгресса автономного округа Пинбянь-Мяо.xls]; https://www.hhpb.gov.cn/info/5751/252101.htm.

Городской уезд Канъюань (2 уличных комитета, 2 посёлка, 2 волости, 1 нац. волость и 95 деревень) представил фонды субсидирования всеобщих выборов по этапам подготовки и реализации планов. В 2021 году были опубликованы проекты избирательной эпопеи «четвёртого уровня выборов»[41], описывающие бюджетный план перевыборов подробнейшим территориальным и партийным распределением групп избирателей, без указания численности: «Всеобщие выборы в нашем городе включают в себя постоянный комитет городского комитета партии, 5 поселковых парткомов, 51 сельское отделение партии, 4 отделения сельской общины, 23 отделения городской общины, 423 отделения партии в сельских группах, 14 сельских отделений, партийные отделения малых групп, 82 партийных отделения групп жителей городских общин, 51 административный поселок, 4 сельских общины, 23 городских общины, 537 групп сельских жителей, 13 групп сельских жителей, 235 групп жителей городских общин».

«Чтобы обеспечить плавное проведение всеобщих выборов на принципе бережливости, необходимо <...> подать заявку на бюджет в размере ¥2,2 млн»:

1. Офисные фонды для муниципального руководства и рабочих агентств, для проведения конференций, рекламы и пропаганды, приобретения офисной техники и канцтоваров, а также руководящих групп, командируемых в деревни — ¥730 тыс. (33,2%);

2. Избирательный фонд муниципального парткома, <...> для проведения конференций, печати материалов, питания и проживания представителей партии — ¥200 тыс. (9,1%);

3. На переизбрание окружного парткома: согласно стандарту в ¥20 тыс. на партком, 5 поселков будут иметь фонды ¥100 тыс. (4,5%) для конференций и печати материалов.

4. Финансирование переизбрания деревенских (общинных) «двух комитетов» составляет ¥1,17 млн (53,2%); по каждой деревне (сообществу) стандартно ¥10 тыс.; ¥780 тыс. (35,5%) будут выделены деревням (сообществам) для проведения конференций, рекламно-пропагандистской работы, на офисную технику и канцтовары.

Поступление и освоение средств разбили по годам; в 2020 — 700 тыс. (рис. 4а), в 2021 — полтора миллиона; последние предназначались для: взносов за две конференции: 150 тыс. + 200 тыс. (23,3%); командировочных расходов 235 тыс. (15,7%); прочих транспортных расходов 50 тыс. (3,3%); расходов на официальный прием 165 тыс. (11%); платы за обучение персонала 100 тыс. (6,7%); офисных расходов 600 тыс. (40%).

В срок с сентября по декабрь 2021 года «на остатках средств» были проведены выборы 4 депутатов муниципального собрания с фондами ¥16,0 тыс. Весь проект («Проекты финансового капитала на уровне округа (города); Проект фонда улучшенных трансфертных платежей») и его самооценка (контактное лицо: Хэ Чандун), с красной печатью и идентификационным номером — рис. 4б. Мобилизовав 6208 избирателей (2451+2245 +1412) в 3 округах, при явке 99,98% 21 декабря 2021 г. организаторы с поставленной задачей справились. Цена избрания муниципального депутата составила ¥4,0 тыс., удельные расходы на избирателя — ¥2,6. Исполнение проекта «самооценили» в 100 баллов из 100 — рис. 4б.

Синьпин-И-Дайский авт. уезд (2 уличных комитета, 4 посёлка и 6 волостей, население 260 тыс. чел.) городского округа Юйси, где в горах Айлао выращивают самые лучшие апельсины в Китае (новый элитный сорт чучэн), подробно информирует о подготовке партийных и деревенских выборов 2021 года: на выборы «двух комитетов» в 124 деревнях (коммунах) понадобится ¥1,86 млн из расчета ¥15 тыс. на каждую; для проведения партийных перевыборов нужны ещё ¥2,56 млн, подробная смета которых выложена до «юаня»[42].

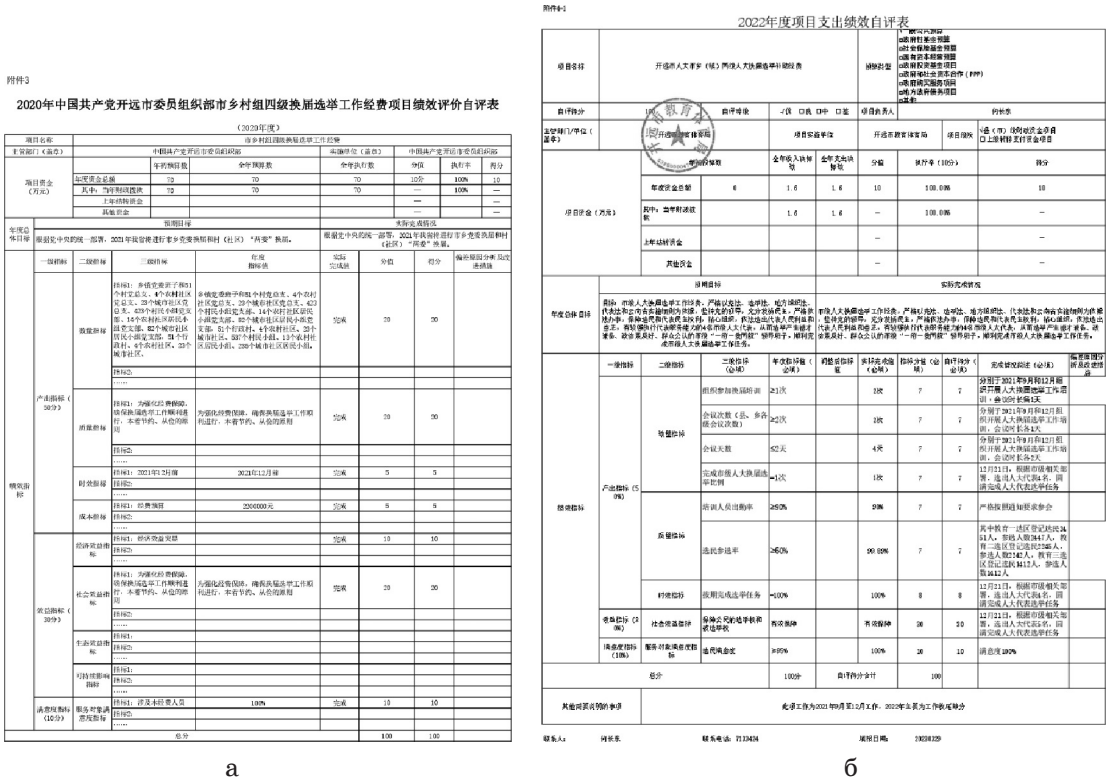
Городской округ Линцан (1 район, 4 уезда, 3 авт. уезда, 87 поселков, 897 сельских комитетов, 26 общин, население 2,258 млн чел.) — самый северный и высокогорный чайный округ провинции Юньнань из главных «пуэрных» регионов, на уездные и поселковые выборы 2021 года собрал ¥4,898 млн; были зарегистрированы более 1,8 млн избирателей для избрания более 6 тыс. депутатов[43]. Удельные расходы составили: на избирателя — ¥2,7; на депутата —

[41] 5-0-11-开远市委员组织部-2021_项目申报书市乡村组四级换届选举工作经费1.

[42] Ключевые направления бюджета Орготдела Синьпинского уездного комитета КПК на 2021 год. — 7 с. — 2021. — 12 января. — http://www.yuxinews.com/2017zt/yxsczyjsxxgk/xpx/bmysxxgk/bmysxxgk/upload/Attach//2021/12/01/20211201094404262.pdf.

[43] *Хуан Гуанмэй.* Всеобщие выборы в собрания народных представителей на уровне уездов и поселков в нашем городе проходят организованно в соответствии с законом / Избирательный рабочий комитет Постоянного комитета

¥816,3. «В соответствии с едиными договорённостями ЦК партии, Госсовета, провинциального парткома и правительства провинции, уездные, поселковые, партийные комитеты и “два комитета” в деревнях округа Линцан будут централизованно заменены в 2021 году». В данной связи департамент финансов города выступил с инициативой выделить ¥4,515 млн, чтобы обеспечить «плавный ход всеобщих выборов». Сельским поселениям было выдано по ¥3 тыс. каждой деревне (общине), в общей сложности для 945 деревень (общин) было выделено ¥2,835 млн, на каждого сельского жителя из 1 423,3 тыс. чел. пришлось по ¥2[44]. Суммарно на все выборы 2021 года в округе Линцан было выделено ¥9,413 млн.



а б

Рис. 4. Самооценка эффективности проекта избирательного фонда четвертого уровня в сельских группах. Горком КПК г. Канъюань. 2020 г. (а).
Самооценка проекта «Народный конгресс города Канъюань, поселковые (городские) и двухуровневые фонды субсидирования всеобщих выборов Народного конгресса 21 декабря 2021 г. (б)

Источник: 3-14：2020 年中国共产党开远市委员组织部市乡村组四级换届选举工作经费项目绩效评价自评表; 附件4：工委办 -开 远市教育体育局 2022年预算项目支出绩效自评表

Итоговые отчеты департамента ПК Народного конгресса уезда Фэнцин[45] в юрисдикции Линцана, знаменитого своим красным (т.е. чёрным) чаем показали провинциальные субсидии на сумму ¥482,3 тыс. и муниципальные, на сумму ¥744тыс. Наряду с вышеназванными расходами, которые значатся под № 6 и 7, проект № 1 предусматривает реализацию попу-

Народного конгресса г. Линцан. — 2021. — 17 сентября — https://www.lcsrd.gov.cn/rdyw/0207 964 4118169855528; Уезд Юндэ Народное правительство города Юнкан годовая отчетность по департаментам за 2022 год. — 2023. — 18 сентября. — https://www.yongde.gov.cn/info/1091/98604.htm.

[44] Ключевые направления бюджета Орготдела Синьпинского уездного комитета КПК на 2021 год. — 7 с. — 2021. — 12 января. — http://www.yuxinews.com/2017zt/yxsczyjsxxgk/xpx/bmysxxgk/bmysxxgk/upload/Attach//2021/12/01/20211201094404262.pdf.

[45] *Хуан Гуанмэй.* Всеобщие выборы в собрания народных представителей на уровне уездов и поселков в нашем городе проходят организованно в соответствии с законом / Избирательный рабочий комитет Постоянного комитета Народного конгресса г. Линцан. — 2021. — 17 сентября — https://www.lcsrd.gov.cn/rdyw/0207 964 4118169855528; Уезд Юндэ Народное правительство города Юнкан годовая отчетность по департаментам за 2022 год. — 2023. — 18 сентября. — https://www.yongde.gov.cn/info/1091/98604.htm.

лярного в Китае высказывания Ли Цяна 2016 г. об умении говорить правду[46]: «1. ¥360 тыс. для представителей народного собрания, чтобы они говорили правду и делали практические дела». Учитывая число избранных представителей 1 129 чел. (234+895), финансы из двух вышестоящих уровней бюджета на выборы одного депутата составили ¥1,086 тыс., на одного жителя пришлось ¥4,3. Небольшой городок Юнкан (61,6 тыс. чел.) в уезде Юндэ данного чайного округа сообщил о финансировании выборов <...> конгресса 2022 г. на ¥105 340, что составляет ¥1,7 на человека.

Хороший информационный цент Юньнани находится в городском округе Баошань (1 район, 1 гор. уезд, 3 уезда, население 2,5 млн чел.), где в условиях «всемирного музея природы» выращивают кофе, чай и др. Годовые отчёты горкома КПК г. Баошань сообщают о выделении ¥847 364,00 для проведения перевыборов уездных и поселковых парткомов и деревенских (общинных) «двух комитетов». В 2021 г. увеличились также «счета “трёх официальных” расходов общего государственного бюджета, поскольку будут переизбраны уезды, поселки и деревни. Увеличились частота использования автотранспорта для работы по переизбранию в округах, плата за его эксплуатацию и техобслуживание, расходы рабочей группы, связанные с переговорами, арендой помещений для семинаров, расходы на официальные приемы»[47].

Муниципальное финбюро городского уезда Тэнчун (11 посёлков и 7 волостей, население 642,5 тыс. чел.) южной точки китайской линии Хэйхэ — Тэнчун[48], сообщило об увеличении расходов «специального фонда на избирательную работу на уровне поселка, уезда (города)» до ¥2099319,58[49]. В том же комплекте отчётов сообщили, что партийное руководство 220 сел (коммун), 17 поселковых парткомов и горкома партии (39 членов горкома, 7 замов и 25 членов дисциплинарной комиссии) и местное самоуправление были переизбраны за ¥209 тыс. (рис. 5).

В округе Лунъян (бывший городской уезд Баошань, 2 ул. комитета, 6 посёлков, 6 волостей и 4 нац. волости, население 900 тыс. чел.) на выборы «двух комитетов» 308 деревень (сообществ) в 2020 году заложили ¥1 млн, из которого потратили только 755,683 тыс.; остаток перенесли на май 2021 года. Причину неосвоения средств объяснили экономией и нестыковками плановой и фактической численности избирателей (на выборы пришло больше избирателей, чем планировали)[50]. Проект финансирования сельских выборов объединили с переписью географических топонимов, регулярно проводящейся в Китае и тесно сопряженной с сельскими выборами в контексте дублирования названий поселений, их административной принадлежности и границ между ними (рис. 6). Выборы, начатые в 2020 г., в 2021 г. успешно завершили избранием 2291 члена «двух комитетов» села (общины), расходы составили ¥902 324,00[51]. *Удельная стоимость избрания члена «двух комитетов» составила ¥394* — это уникальная информация по данному типу выборов.

---

[46] https://www.mof.gov.cn/index.htm.

[47] Итоговые отчеты департамента ПК Народного конгресса округа Фэнцин г. Линьцан за 2021 год / Постоянный комитет Народного конгресса уезда Фэнцин. — 2022. — 19 сентября. — https://www.ynfq.gov.cn/info/1315/21874.htm; уезды (县 сянь) и городские уезды (县级市 сяньцзиши) существенно меньше округов.

[48] *Ли Цян*: «Энергично продвигать поиск истины и прагматичный стиль, говорить правду, делать практические дела и добиваться практических результатов». — 2016. — 9 октября / Ежедневное сообщение Синьхуа. — http://cpc.people.com.cn/n1/2016/1009/c64102-28762469.html.

[49] https://www.baoshan.gov.cn/info/4635/4160624.htm; Приложение [Публичный отчет об итоговых отчетах отделений за 2021 год орготдела Баошаньского горкома КПК 20220921061041550.doc]. — 22 с.; Приложение [Публичный отчет об итоговых отчетах отделений за 2021 год орготдела Баошаньского горкома КПК 20220921061053468.xls].

[50] Итоговые отчеты отдела по гражданским делам района Лунъян г. Баошань за 2020 год (保山市隆阳区民政局2020年度部门决算) / Бюро по гражданским делам района Лунъян. – 2021. – 8 октября. – https://www.long yang.gov.cn/info/2691/8620899.htm; Приложение [Каталог окончательных отчетов отдела по гражданским делам округа Лунъян г. Баошань, Каталог окончательных отчетов за 2020 год.doc]; Приложение [Управление по гражданским вопросам округа Лунъян (этот уровень) Форма раскрытия итоговых отчетов департамента за 2020 год.xls]). Географическая часть проекта была полностью завершена в установленный срок, с освоением всех средств; объёмы и расценки по учету топонимов указаны на рис.6.

[51] Итоговые отчеты за 2021 г. Управления по гражданским делам района Лунъян г. Баошань (краткое изложение) / Финансовое бюро округа Лунъян 22 сентября 2022 г. – https://longyang.gov.cn/info/2667/8596679.htm; Приложение [Таблица раскрытия итоговой отчетности Департамента бюро по гражданским делам округа Лунъян за 2021 год (Таблица раскрытия итоговой отчетности Департамента) 2022092211330 4759.xls]).

2021年度项目支出绩效自评表

公开12表

编制单位：中国共产党腾冲市委员会组织部　　金额单位：元

项目名称	换届工作专项资金项目						
主管部门	中共腾冲市委组织部			实施单位		换届专班	
项目资金		年初预算数	全年预算数	全年执行数	分值	执行率	得分
	年度资金总额	209,000.00	209,000.00	209,000.00	10	100%	10
	其中：当年财政拨款	209,000.00	209,000.00	209,000.00	—	100%	—
	上年结转资金				—		—
	其他资金				—		—

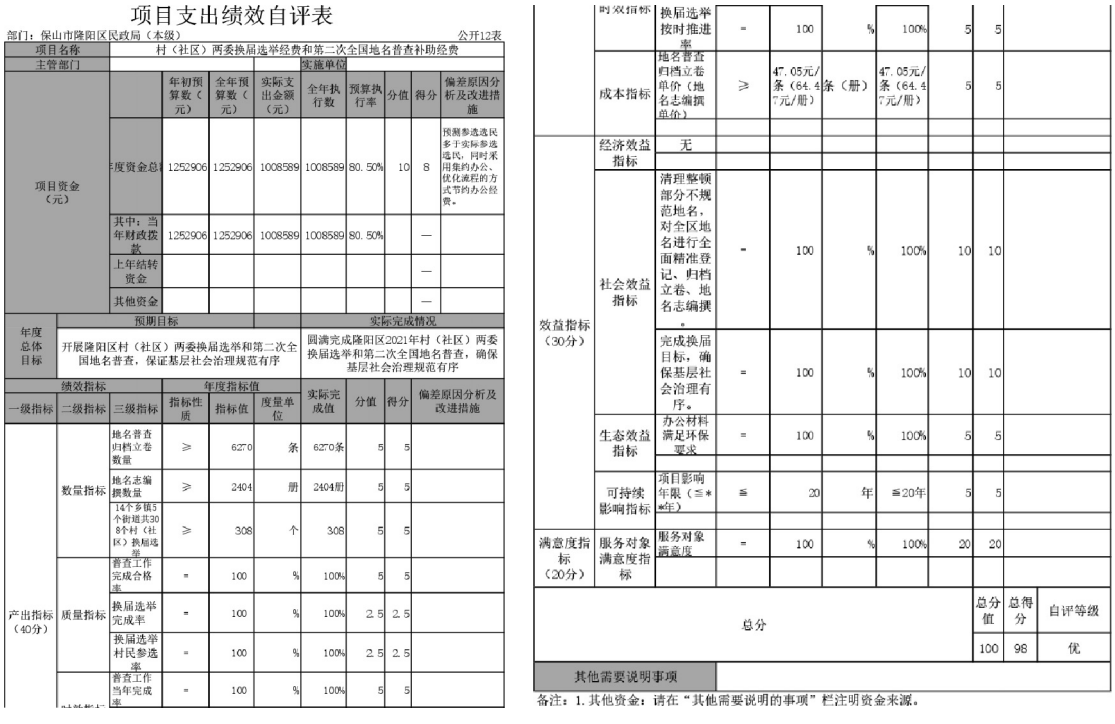
年度总体目标	预期目标	实际完成情况
	紧紧围绕“绘出好蓝图、选出好干部、配出好班子、换出好面貌”的目标，坚持高标准谋划、高质量落实。对220个村（社区）“两委”进行换届，对17个乡镇党委进行换届，并全面完成市委换届工作。	圆满完成了村（社区）“两委”换届工作任务，村（社区）“两委”换届选举实现了“220个村（社区）全面实现书记主任‘一肩挑’，154名‘两委’成员全部驻村开展工作”。圆满完成乡镇党委换届各项任务，共选举产生新一届党委委员153名、纪委委员85名，出席腾冲市第三次党代会代表239名。全面完成市委换届工作。选举产生市委委员39名、候补委员7名，纪委委员25名。

绩效指标			年度指标值			实际完成值	分值	得分	偏差原因分析及改进措施
一级指标	二级指标	三级指标	指标性质	指标值	度量单位				
产出指标	数量指标	换届机构数		220个村（社区）、17个乡镇党委、1个市级党委		全部完成	20	20	
	质量指标	换届质量		高标准、高质量完成换届工作		新一届党委班子结构不断优化，老中青年龄梯次搭配更加合理	8	8	
	时效指标	换届时间		6月30日前完成换届工作任务		6月23日完成了换届选举工作	7	7	
	成本指标	换届经费		换届经费成本控制		换届经费成本得到进一步控制	5	5	
效益指标	经济效益指标	带动经济增长	—	带动经济增长		新一届党委班子结构不断优化，老中青年龄梯次搭配更加合理，对推动各项工作，加快经济社会发展具有积极作用。	10	10	
	社会效益指标	服务对象满意		满意度90%以上	百分比	92%	5	5	
	生态效益指标	动生态效益好		带动生态效益好转		新一届党委班子结构不断优化，老中青年龄梯次搭配更加合理，有效的推动了生态效益好转	10	9	
	可持续影响指标	换届后持续提高新一届党委班子的综合能力		换届后持续提高新一届党委班子的综合能力		新一届党委班子的综合能力进一步提高	5	5	
满意度指标	服务对象满意度指标等	群众满意度		满意度90%以上	百分比	92%	20	20	
其他需要说明事项									
总分							100	99	（自评等级）

备注：1. 涉密部门和涉密信息按保密规定不公开。
2. 一级指标包含产出指标、效益指标、满意度指标。二级指标和三级指标根据项目实际情况设置。

Рис. 5. Отчет о самооценке по выборам «двух комитетов» в Тэнчуне г. Баошань. 2021 г.

Источник: Обнародованы годовые ведомственные отчеты орготдела Тэнчонгского горкома КПК за 2021 год / Муниципальное финансовое бюро Тэнчун. 22 октября 2022г. (https://www.tengchong.gov.cn/info/10241/2344 263.htm; Приложение [Форма раскрытия итоговых отчетов департамента орготдела муниципального комитета КПК в Тэнчонге за 2021 год.xls].



项目支出绩效自评表

部门：保山市隆阳区民政局（本级）　　公开12表

项目名称	村（社区）两委换届选举经费和第二次全国地名普查补助经费								
主管部门					实施单位				
项目资金（元）		年初预算数（元）	全年预算数（元）	实际支出金额（元）	全年执行数	预算执行率	分值	得分	偏差原因分析及改进措施
	年度资金总	1252906	1252906	1008589	1008589	80.50%	10	8	预算参选选民多于实际参选选民，同时采用集约办公、优化流程的方式节约办公经费。
	其中：当年财政拨款	1252906	1252906	1008589	1008589	80.50%		—	
	上年结转资金							—	
	其他资金							—	

年度总体目标	预期目标	实际完成情况
	开展隆阳区村（社区）两委换届选举和第二次全国地名普查，保证基层社会治理规范有序	圆满完成隆阳区2021年村（社区）两委换届选举和第二次全国地名普查，确保基层社会治理规范有序

绩效指标			年度指标值			实际完成值	分值	得分	偏差原因分析及改进措施
一级指标	二级指标	三级指标	指标性质	指标值	度量单位				
产出指标（40分）	数量指标	地名普查归档立卷数量	≥	6270	条	6270条	5	5	
		地名志编撰数量	≥	2404	册	2404册	5	5	
		14个乡镇5个街道共308个村（社区）换届选举	≥	308	个	308	5	5	
	质量指标	普查工作完成合格率	=	100	%	100%	5	5	
		换届选举完成率	=	100	%	100%	2.5	2.5	
		换届选举村民参选率	=	100	%	100%	2.5	2.5	
		普查工作当年完成率	=	100	%	100%	5	5	
	时效指标	换届选举按时推进率	=	100	%	100%	5	5	
	成本指标	地名普查归档立卷单价（地名志编撰单价）	≥	47.05元/条（64.47元/册）	条（册）	47.05元/条（64.47元/册）	5	5	
效益指标（30分）	经济效益指标	无							
	社会效益指标	清理整顿部分不规范地名，对全区地名进行全面精准登记、归档立卷、地名志编撰。	=	100	%	100%	10	10	
		完成换届目标，确保基层社会治理有序。	=	100	%	100%	10	10	
	生态效益指标	办公材料满足环保要求	=	100	%	100%	5	5	
	可持续影响指标	项目影响年限（≥**年）	≥	20	年	≥20年	5	5	
满意度指标（20分）	服务对象满意度指标	服务对象满意度	=	100	%	100%	20	20	

总分	总分值	总得分	自评等级
	100	98	优
其他需要说明事项			

备注：1. 其他资金：请在“其他需要说明的事项”栏注明资金来源。

Рис. 6. Отчет о самооценке проекта финансирования сельских выборов и переписи географических названий в Лунъяне г. Баошань. 2021 г.

Источник: Итоговые отчеты отдела по гражданским делам района Лунъян г. Баошань за 2020 год (保山市隆阳区民政局2020年度部门决算) / Бюро по гражданским делам района Лунъян. — 2021. — 8 октября. — https://www.longyang.gov.cn/info/2691/8620899.htm; Приложение [Управление по гражданским вопросам округа Лунъян (этот уровень) Форма раскрытия итоговых отчетов департамента за 2020 год.xls]).

Текстуально развёрнутые политические декларации по существу момента в уведомлениях финансовых структур о выделении средств на выборы являются их свойством и необходимым признаком официальной бюрократической принадлежности. Но характеристика ситуации в доктринальной стилистике, когда за маленькой автономией эпично видна вся Поднебесная, стоит особняком: «*Ответственность велика, работа, основанная на политике и праве, тяжела и срочна, затрагивает большую территорию, требует много труда и времени, и напрямую связана с общей ситуацией «реформ, развития и стабильности» в Цюбэе*[52] *и развитием экономического строительства*».

Уезд Цюбей (ветроэнергетика и выращивание лекарственных растений) Вэньшань-Чжуан-Мяоского АО провинции Юньнань, в 2021 г. «в целях реализации соответствующего духа центрального правительства», инвестировал 2,852 млн для «обеспечения упорядоченных выборов» на высоком уровне ¥6,3 на каждого жителя и отметил: «Организация и руководство всеобщими выборами в СНП округов/поселков является важной обязанностью, возложенной на СНП законом».

Таблица 2

Фонды финансирования уездных и поселковых выборов и местного самоуправления в отдельных провинциях КНР, в ¥

Наименование административно-территориальной единицы	Суммарные расходы на выборы	Удельные расходы на:	
		избирателя	депутата
Провинция Хунань, провинциальный бюджет, 2016	34,250 млн	0,6	250
Провинция Гуандун, провинциальный бюджет, «два комитета», 2017 / 2021	77,5 млн / 84,6 млн	2,4 /3,0	н.д.
Провинция Юньнань, провинциальный бюджет, 2021	91 млн	2,6	839
АО Хунхэ-Хани-И, 2021 (расчетно, по нормативу)	33 млн	**10**	3,010 тыс.
Уезд Хунхэ			
город Мэнцзы, центр округа	1 011 910,5	3	1431
Уезд Фэнцин	1 226,3 тыс.	4,3	1,086
уезд Юаньян	589,6 тыс.	1,6	505,7
уезд Цзяньшуй	3 576,175 тыс.	10,2	2,859
уезд Шипин	***3,2139 млн***	***11,5***	***3 943,4***
город Канъюань (муниципальные выборы)	16 тыс.	2,6	4,0 тыс.
Пинбянь-Мяоский АУ	1,785 млн	≈10	2 266,6
Цзиньпин-Мяо-Яо-Дайский АУ, 2016	1,754 млн	5,3	1 618
город-уезд Гэцзю, **2016, муниципальные**	3,48 млн	9,0	22,0 тыс.
город-уезд Гэцзю, **2021**	2,47 млн	н.д.	4236,7
город-уезд Гэцзю, **2021, дополнительные выборы**	260 тыс.	н.д.	32,5 тыс.
Городской округ Баошань, 2021			
Городской уезд Тэнчун (Тэнчон) — все выборы	2 099,319 тыс.	3,3	н.д.
округ Лунъян, выборы «двух комитетов»	**902,324 тыс.**	**н.д.**	**394**
Городской округ Линцан, 2021	4,898 млн	2,7	816,3
АО Вэньшань-Чжуан-Мяо, 2021, уезд Цюбей	2,852 млн	6,3	н.д.

[52] Уезд Цюбэй инвестировал 2,852 млн юаней на выборы в уездные и поселковые собрания народных представителей (丘北县投入县乡两级人大换届选举经费285.2万元). — 2021. — 17 декабря. — https://mp.weixin.qq.com/s?biz=MzI1OTAyODM0MQ==&mid=2653910154&idx=7&sn=3a4d7b1821d27ee9ec3645fad376cb2b&chksm=f1a4f090c6d379868b9fcecc8132fc318d8b993e8048d4cf63ad3e2c9fd29daba1bd91be6c08&scene=27; https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%98%E5%8C%97%E5%8E%BF/1204856?fr=geala

В таблице 2 сведена информация для сравнения расходов. Расхождение между провинциями Юньнань и Хунань по одному типу выборов составляет более чем 4 раза. Заявленный в Хунхэ-Х-И АО стандарт 2021 г. ¥10 на избирателя преодолели только Шипин (край сыра тофу и туристических деревень) и Цзяньшуй (пурпурная керамика). Контрасты в стоимости избрания депутата также велики: от ¥500 до нескольких тысяч, и на довыборах — даже десятков тысяч. Цена избрания сельского представителя — четыре сотни юаней. «Национальных» выводов даже на примере образцовой автономии построить нельзя, кроме одного: *при всей вертикально управляемой истории финансирования организации выборов территориальные контрасты очень велики, и фактические расходы в стандарт не укладываются.*

В заключение, *все провинции, города, уезды, национальные автономии и маленькие посёлки, которые публично и без ограничений доступа, наряду со всеми своими многочисленными социально-бытовыми, хозяйственными, экономическими проблемами и тратами, демонстрируют расходы на выборы власти и развёрнуто их комментируют, всемерно заслуживают положительной оценки. Эти примеры особенно ценны ещё и потому, что в огромном Китае таких ответственных администраторов и носителей сравнительно более высокой политической культуры, совсем немного.*

* * *

На основе полученных сведений сделаны выводы о системе финансирования организации важнейших электоральных событий в Поднебесной, которая включает пять источников: государственная казна, бюджеты провинций, уездов и посёлков, а также средства сельских комитетов; расчёты финансирования выборов подразделяют на относительные подушевые стандарты и фактические суммарные расходы. Подушевые нормативы, которые устанавливает на свои средства провинция (АР, город) в соответствие с директивами Минфина, зачастую недостаточны.

Отражение масштабной системности финансирования электоральных событий во всей её гигантской полноте в открытых источниках Китая отсутствует. Призыв Министерства финансов к «открытости как норме» сильно расходится с реальностью в части информации о финансировании выборов в провинциях. Доступно «раскрыты» только отдельные территориальные юрисдикции третьего-четвёртого уровней, на плечи (бюджеты) которых ложится доминирующий объём расходов.

Местное самоуправление является донором политической модернизации, хотя сельским жителям ради повышения «рейтинга и честности» выборов приплачивают деньги «по потере работы». АТЕ первого уровня, за исключением свода по Гуандуну («два комитета», 2017 и 2021), Юньнани (уездные/поселковые) в 2021 году и Хунани (уездные/поселковые) в 2016 г., в открытом информационном пространстве отсутствуют.

В Китае еще в начале нынешнего столетия различные источники отмечали, что экономически более развитые и финансово обеспеченные территории тратят на выборы значительно большие суммы как в абсолютном, так и относительном исчислении. «Уравниловки» нет даже внутри небольших регионов, что подтверждают данные по выборам 1998, 2002, 2016–2017 и 2021–2022 годов, приведённые в статье. Все проекты освоения государственных денег подвергаются процедуре финансовой «самооценки», всегда-положительные результаты которой можно интерпретировать как вертикально-управляемую форму публичного одобрения.

Многократно-многолетние предложения видных китайских политологов и региональных экспертов по реорганизации сроков и частоты выборов дали свой результат в 2021 году: была введена пятилетняя синхронизация всех электоральных событий, основанных на прямых всеобщих выборах. Но парадигмальный слом громоздкой бюрократической машины, обслуживающей организацию выборов, закодированной огромным количеством инструкций, отчётов и финансовых смет, в которых неоднократно отражается каждый китайский избиратель, пришедший голосовать, не произошёл. Именно эта машина будет организовывать и финансировать всеобщие выборы 2026 года.

Артамонова Е.В.
к.т.н. (PhD),
член Международной академии информационных технологий, Минск
admin@itzashita.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕССЕ БЕЗОПАСНОЙ РАЗРАБОТКИ ПО СОГЛАСНО НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЕ РФ

Ключевые слова: искусственный интеллект, безопасная разработка, информационная безопасность, цифровая экономика, нормативное регулирование, DevSecOps, машинное обучение.
Key words: artificial intelligence, secure development, information security, digital economy, regulatory framework, DevSecOps, machine learning.

Цифровая трансформация экономики Российской Федерации ставит перед обществом и государством новые вызовы, связанные с обеспечением безопасности программного обеспечения, которое становится фундаментом функционирования критически важных систем. В условиях растущей сложности программных продуктов и увеличения числа киберугроз традиционные подходы к обеспечению безопасности разработки становятся недостаточно эффективными. Одновременно с этим российские регуляторы формируют все более строгие требования к процессам создания защищенного программного обеспечения, особенно в таких чувствительных областях, как финансовый сектор и критическая информационная инфраструктура.

Искусственный интеллект открывает новые возможности для решения задач обеспечения безопасности программных продуктов, позволяя автоматизировать процессы выявления уязвимостей, анализа угроз и формирования рекомендаций по их устранению. Вместе с тем применение ИИ в столь критичной области порождает целый ряд этических, правовых и социальных вопросов. Как обеспечить прозрачность и объяснимость решений, принимаемых системами ИИ? Каким образом гарантировать соответствие процессов с участием ИИ требованиям российского законодательства? Как защитить сами системы искусственного интеллекта от целенаправленных атак злоумышленников?

Целью настоящей статьи является разработка концептуального подхода к интеграции технологий искусственного интеллекта в процессы безопасной разработки программного обеспечения с учетом специфики российской нормативно-правовой базы и социально-этических требований цифрового общества.

Обзор нормативно-правовой базы по безопасной разработке ПО в Российской Федерации

Эволюция регуляторных требований в условиях цифровизации

Формирование нормативной базы в области безопасной разработки программного обеспечения в России происходит в контексте глобальных процессов цифровой трансформации. Этот процесс одновременно отражает специфику национальных подходов к обеспечению информационной безопасности. Как отмечают исследователи, российская модель регулирования характеризуется комплексным подходом, сочетающим технические требования с организационно-правовыми механизмами контроля.

Ключевым документом, определяющим общие принципы безопасной разработки, является ГОСТ Р 56939-2024 «Защита информации. Разработка безопасного программного обеспечения. Общие требования»[1]. Данный стандарт устанавливает фундаментальные принципы,

[1] ГОСТ Р 56939-2024 «Защита информации. Разработка безопасного программного обеспечения».

включающие учет угроз на всех этапах жизненного цикла, применение защищенных архитектурных решений и регулярное тестирование безопасности. Важно отметить, что стандарт не просто транслирует международный опыт, но и адаптирует его к российским реалиям, учитывая особенности отечественной индустрии разработки ПО.

Для критической информационной инфраструктуры центральное значение имеет Приказ ФСТЭК России от 25 декабря 2017 г. № 239[2], который устанавливает обязательные требования к системам защиты информации. Документ предписывает применение сертифицированных средств защиты, разработку механизмов контроля целостности и обеспечение мониторинга угроз в процессе эксплуатации программного обеспечения. Эти требования формируют жесткую регуляторную рамку, в которой должны функционировать современные системы разработки программного обеспечения.

Финансовый сектор, как один из наиболее чувствительных к вопросам безопасности, регулируется дополнительными требованиями Банка России. Профиль защиты прикладного программного обеспечения для кредитных и некредитных финансовых организаций (раздел 7.4 ПЗ ЦБ РФ)[3] устанавливает специфические требования к процессам разработки, включая обязательное применение инструментов анализа исходного кода и проведение тестирования безопасности с учетом модели нарушителя.

Приказ ФСТЭК России от 2 июня 2020 г. № 76 «Требования по безопасности информации»[4] является одним из ключевых нормативных актов, определяющих меры защиты информации в организациях. В том числе этот нормативный документ задает требования к процессам разработки и эксплуатации ПО, обеспечивающие защиту от угроз и минимизацию уязвимостей.

Приказ ФСТЭК России № 31[5] регламентирует порядок аттестации средств защиты информации и предъявляет требования к процессу разработки, включая контроль исходного кода и верификацию функционала.

С 1 июня 2024 года вступил в силу приказ ФСТЭК России № 240[6]. Данный документ существенно ужесточает требования к организации процессов разработки ПО, требуя от разработчиков внедрения комплексных мер по обеспечению безопасности на всех этапах жизненного цикла программного продукта. Особое значение приобретает тот факт, что сертификация теперь проводится не для отдельных продуктов, а для процессов разработки всей компании в целом, что существенно повышает уровень ответственности и требует системного подхода к организации безопасной разработки.

С точки зрения этических норм, использование ИИ в разработке должно соответствовать принципам, закреплённым в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года (утверждённой Правительством РФ)[7]. В ней подчёркивается приоритет доверия, недопустимость дискриминации алгоритмическими решениями и необходимость обеспечения защиты данных при автоматизированной обработке.

---

[2] Приказ ФСТЭК России от 25 декабря 2017 г. № 239 «Об утверждении требований по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

[3] Методический документ «Профиль защиты прикладного программного обеспечения автоматизированных систем и приложений кредитных организаций и некредитных финансовых организаций» / Банк России. — 2021.

[4] Требования по безопасности информации, устанавливающие уровни доверия к средствам технической защиты информации и средствам обеспечения безопасности информационных технологий (выписка) (утв. приказом ФСТЭК России от 02 июня 2020 г. № 76).

[5] Приказ ФСТЭК от 14 марта 2014 г. N 31 «Об утверждении требований к обеспечению защиты информации в автоматизированных системах управления производственными и технологическими процессами на критически важных объектах, потенциально опасных объектах, а также объектах, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей природной среды».

[6] Приказ ФСТЭК России №240 от 1 декабря 2023 года «Об утверждении Порядка проведения сертификации процессов безопасной разработки программного обеспечения средств защиты информации».

[7] Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.».

Вызовы интеграции искусственного интеллекта в регулируемую среду

Применение технологий искусственного интеллекта в процессах, регулируемых нормативными требованиями, порождает ряд правовых коллизий и методологических проблем. Традиционная парадигма регулирования предполагает детерминированность и воспроизводимость процессов, в то время как системы машинного обучения характеризуются вероятностным характером принятия решений и определенной степенью непрозрачности внутренней логики.

Вопрос объяснимости решений ИИ становится критически важным в контексте требований о документировании процессов безопасной разработки. Регуляторы ожидают, что организация сможет обосновать каждое решение, принятое в рамках обеспечения безопасности, предоставить аудиторскую документацию и продемонстрировать соответствие установленным критериям. Однако современные глубокие нейронные сети часто функционируют как «черные ящики», что создает существенные препятствия для их применения в регулируемых процессах.

Другой важный аспект связан с вопросами ответственности за решения, принятые с участием ИИ. Если интеллектуальная система пропустила критическую уязвимость или, напротив, сгенерировала ложное срабатывание, повлекшее задержку выпуска продукта, кто несет ответственность — разработчик системы ИИ, организация, применяющая эту систему, или конкретный специалист, принявший решение на основе рекомендаций ИИ? Эти вопросы пока не имеют однозначного правового решения в российском законодательстве.

Проблема доверия к системам искусственного интеллекта приобретает особую остроту в контексте обеспечения технологического суверенитета. Использование зарубежных решений на основе ИИ для анализа безопасности критически важного программного обеспечения может создавать риски утечки чувствительной информации и внедрения недекларированных возможностей. В то же время создание отечественных систем требует значительных инвестиций и времени, что создает дилемму между необходимостью быстрого внедрения передовых технологий и требованиями безопасности.

Концептуальная модель интеграции ИИ в процессы безопасной разработки

Философские и методологические основания

Интеграция искусственного интеллекта в процессы безопасной разработки программного обеспечения требует переосмысления базовых методологических подходов к обеспечению качества и безопасности цифровых продуктов. Традиционная парадигма, основанная на детерминированных правилах и формальной верификации, дополняется вероятностными методами, способными работать с неопределенностью и адаптироваться к изменяющемуся ландшафту угроз.

Философский фундамент предлагаемого подхода базируется на концепции «расширенного интеллекта» (augmented intelligence)[8], которая рассматривает ИИ не как замену человеческого эксперта, а как инструмент усиления его когнитивных способностей. Это принципиально важное разграничение позволяет сохранить человека в контуре принятия критических решений, что соответствует как этическим принципам, так и регуляторным требованиям о персональной ответственности за обеспечение безопасности.

Методологически интеграция ИИ строится на принципах многоуровневой архитектуры, где каждый уровень абстракции решает свой класс задач. На нижнем уровне находятся специализированные модели машинного обучения, обученные для решения конкретных задач — выявления определенных типов уязвимостей, анализа аномалий в коде, классификации угроз. Средний уровень представлен системами оркестрации, которые координируют работу

[8] *Kapur A.* Human-Machine Cognitive Coalescence through an Internal Duplex Interface. — Massachusetts Institute of Technology, 2018.

различных моделей и обеспечивают их взаимодействие с традиционными инструментами анализа. Верхний уровень формируют системы принятия решений, которые агрегируют результаты анализа и формируют рекомендации для человека-эксперта.

Основными принципами предлагаемой архитектуры являются:

1) принцип непрерывности — ИИ-системы функционируют на протяжении всего жизненного цикла, обеспечивая накопление знаний и улучшение качества анализа;
2) принцип адаптивности — модели машинного обучения постоянно дообучаются на новых данных, адаптируясь к изменениям в кодовой базе и в угрозах;
3) принцип прозрачности — все решения ИИ-систем должны быть объяснимы и аудируемы;
4) принцип избыточности — критические решения по безопасности принимаются с участием человека.

Архитектура гибридной системы безопасной разработки

Предлагаемая архитектура представляет собой синтез классических методов обеспечения безопасности и интеллектуальных технологий. Ключевым принципом является сохранение всех обязательных элементов, требуемых нормативными документами, при одновременном расширении их возможностей за счет применения ИИ.

На этапе формирования требований безопасности искусственный интеллект выступает в роли аналитического инструмента, способного обрабатывать большие объемы информации об угрозах и уязвимостях. Система анализирует данные о ранее выявленных проблемах безопасности в аналогичных проектах, учитывает специфику технологического стека и бизнес-контекста, формируя расширенный перечень требований безопасности. При этом сохраняется обязательный этап экспертной валидации, где специалист по безопасности оценивает релевантность и полноту сформированных требований.

В процессе разработки кода интеллектуальные системы функционируют как «виртуальные контролеры», анализирующие изменения в режиме реального времени. Важной особенностью является контекстная адаптация — система учитывает не только синтаксические паттерны потенциально опасного кода, но и семантический контекст, архитектурные решения проекта, историю предыдущих изменений. Это позволяет существенно снизить количество ложных срабатываний и повысить релевантность выявляемых проблем.

На этапе тестирования ИИ обеспечивает интеллектуальную генерацию тестовых сценариев, адаптивно изменяя стратегию тестирования на основе результатов предыдущих итераций. Система способна выявлять нетривиальные векторы атак, которые могут быть упущены при традиционном подходе, основанном на предопределенных шаблонах. Архитектурная схема системы представлена на рис. 1.

Этические и социальные аспекты применения ИИ в безопасной разработке

Проблема доверия и транспарентности

Внедрение искусственного интеллекта в критически важные процессы обеспечения безопасности порождает фундаментальную проблему доверия. Общество и регуляторы должны быть уверены, что решения, принимаемые с участием ИИ, являются обоснованными, непредвзятыми и соответствующими установленным критериям безопасности. Эта проблема имеет несколько измерений, каждое из которых требует отдельного рассмотрения[9].

Техническая транспарентность предполагает возможность понимания логики работы интеллектуальной системы. Современные подходы к обеспечению объяснимости ИИ (Explainable

[9] *Милаков А.С.* Технология доступа к информационно-вычислительным ресурсам систем ИКТ с нулевым доверием // Cifra. Информационные технологии и телекоммуникации. — 2024. — № 2 (2). — https://itech.cifra.science/archive/2-2-2024-april/10.18454/itech.2024.2.4. — DOI: 10.18454/itech.2024.2.4.

AI)[10] позволяют частично решить эту задачу через визуализацию процесса принятия решений, выделение ключевых признаков, повлиявших на результат, и генерацию текстовых объяснений. Однако полная транспарентность глубоких нейронных сетей остается недостижимой, что требует разработки компромиссных подходов, балансирующих между эффективностью и объяснимостью.

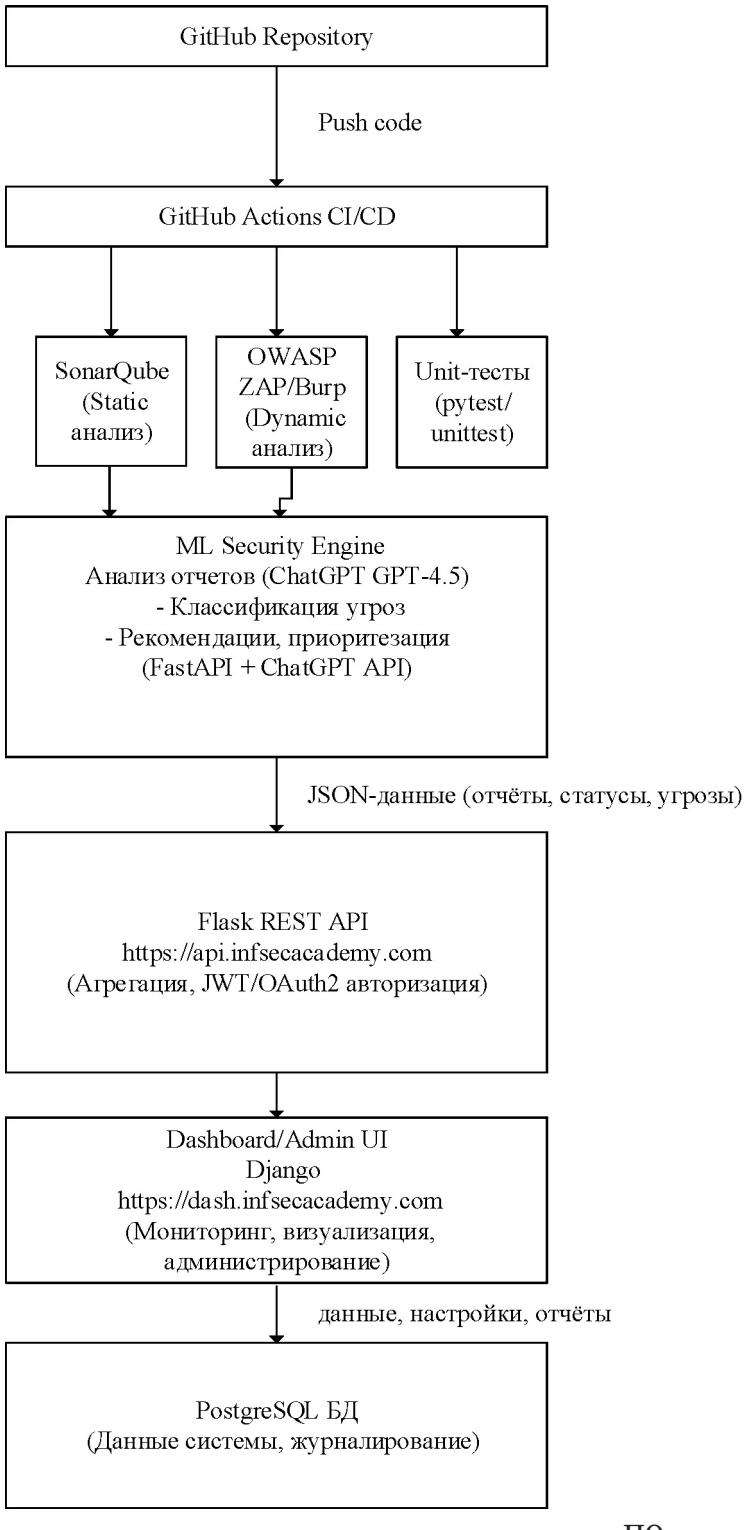


Рис. 1. Архитектурная схема системы автоматизированного анализа ПО на уязвимости

[10] Объяснимые нейросети (XAI): почему ИИ должен быть прозрачным? — https://habr.com/ru/companies/timeweb/articles/930764/?ysclid=mh2213eu7j338969904.

Социальная транспарентность касается понимания обществом роли и границ применения ИИ в процессах, влияющих на безопасность цифровой инфраструктуры. Необходимо формирование общественного консенсуса относительно допустимых областей применения интеллектуальных систем, механизмов контроля их работы и процедур обжалования решений. Это требует широкой просветительской работы и вовлечения различных стейкхолдеров в обсуждение принципов применения ИИ.

Правовая транспарентность связана с необходимостью документирования процессов принятия решений таким образом, чтобы они могли быть проверены регуляторами и аудиторами. Предлагаемое решение заключается в создании многоуровневой системы логирования, где фиксируются не только конечные решения, но и промежуточные этапы анализа, использованные данные и примененные модели.

Социальные последствия автоматизации процессов безопасности

Широкое внедрение ИИ в процессы безопасной разработки несет в себе потенциал существенной трансформации профессионального ландшафта в сфере информационной безопасности. Эти изменения имеют как позитивные, так и проблемные аспекты, требующие внимательного анализа и проактивного управления.

С одной стороны, автоматизация рутинных задач анализа кода и поиска уязвимостей освобождает специалистов для решения более сложных и творческих задач. Эксперты по безопасности получают возможность сосредоточиться на архитектурных вопросах, разработке стратегий защиты, анализе новых типов угроз. Это способствует повышению интеллектуального уровня профессии и создает предпосылки для качественного роста отрасли.

С другой стороны, возникают опасения относительно возможного сокращения рабочих мест для специалистов начального и среднего уровня, чьи функции могут быть автоматизированы. Важно понимать, что речь идет не о простом замещении человека машиной, а о трансформации профессиональных компетенций. Специалисты должны развивать навыки работы с интеллектуальными системами, интерпретации их результатов, настройки и обучения моделей.

Образовательная система должна адаптироваться к новым реалиям, включая в программы подготовки специалистов по информационной безопасности, курсы по машинному обучению, этике ИИ, методам работы с интеллектуальными системами анализа. Одновременно необходимо развивать программы переподготовки для действующих специалистов, обеспечивая плавный переход к новой парадигме работы[11].

Технические аспекты обеспечения безопасности систем ИИ

Уязвимости интеллектуальных систем в контексте безопасной разработки

Парадоксальным образом системы искусственного интеллекта, призванные обеспечивать безопасность программного обеспечения, сами становятся объектом атак и источником новых рисков. Понимание природы этих уязвимостей критически важно для построения надежной системы безопасной разработки.

Одной из наиболее опасных угроз являются бэкдор-атаки на нейронные сети. Злоумышленник может внедрить в модель скрытую функциональность, которая активируется при появлении определенного триггера. В контексте анализа безопасности это может привести к целенаправленному пропуску определенных типов уязвимостей или, напротив, генерации ложных срабатываний для дискредитации системы. Особую опасность представляет сценарий, когда обучение модели происходит на внешних ресурсах или с использованием данных из недоверенных источников[12].

---

[11] *Артамонов В.А., Артамонова Е.В., Милаков А.С.* Когнитивизм как база искусственного интеллекта // Управление наукой: теория и практика. — 2024. — Т. 6. — № 2. — С. 35–45. — DOI: 10.19181/smtp.2024.6.2.3.

[12] *Артамонов В.А., Артамонова Е.В., Милаков А.С.* Проблемы обеспечения безопасности нейросетей глубокого машинного обучения от бэкдор-атак // Защита информации. Инсайд. — 2024. — № 2. — С. 26–32.

Состязательные атаки (adversarial attacks) представляют другой класс угроз, где злоумышленник минимально модифицирует входные данные таким образом, чтобы ввести модель в заблуждение. Для системы анализа кода это может означать специальное форматирование или обфускацию вредоносного кода, которая делает его «невидимым» для ИИ при сохранении функциональности. Исследования показывают, что даже самые совершенные модели уязвимы к таким атакам, что требует разработки специальных защитных механизмов.

Проблема утечки данных через модели машинного обучения приобретает особую остроту при работе с конфиденциальной информацией. Модель, обученная на корпоративных данных, может непреднамеренно «запомнить» и воспроизвести фрагменты проприетарного кода или конфиденциальную информацию. Это создает риски при использовании облачных сервисов ИИ или при передаче моделей третьим лицам.

Методы защиты и обеспечения надежности ИИ-систем

Обеспечение безопасности систем искусственного интеллекта требует комплексного подхода, сочетающего технические, организационные и процессные меры. Ключевым принципом является многоуровневая защита, где каждый уровень обеспечивает определенный класс контрмер.

На уровне данных критически важно обеспечить целостность и достоверность обучающих выборок. Это достигается через криптографическую защиту датасетов, контроль источников данных, регулярный аудит на предмет аномалий и потенциальных «отравлений» данных. Применение методов дифференциальной приватности позволяет минимизировать риски утечки конфиденциальной информации через обученные модели.

На уровне моделей применяются методы робастного обучения[13], направленные на повышение устойчивости к состязательным атакам. Техники типа состязательного обучения (adversarial training) и сертифицированной робастности (certified robustness) позволяют создавать модели, сохраняющие работоспособность даже при целенаправленных попытках их обмана. Важным элементом является также применение ансамблевых методов[14], где решение принимается на основе консенсуса нескольких независимо обученных моделей.

На процессном уровне необходимо внедрение специализированных практик MLOps (Machine Learning Operations), адаптированных под требования безопасности. Это включает версионирование моделей и данных, автоматизированное тестирование на устойчивость к атакам, мониторинг поведения моделей в продуктивной среде, механизмы быстрого отката при обнаружении аномалий.

Практическая реализация и оценка эффективности

Опыт внедрения интеллектуальных систем в процессы разработки

Практическая апробация предложенного подхода была проведена в рамках пилотных проектов в нескольких российских организациях, работающих в сфере разработки критически важного программного обеспечения. Результаты внедрения позволяют сделать выводы как о преимуществах, так и о вызовах, связанных с интеграцией ИИ в регламентированные процессы безопасной разработки.

---

[13] Робастность [англ. robust < *лат.* robuste — прочно, крепко] означает малое изменение выхода замкнутой системы управления при малом изменении параметров объекта управления (или просто устойчивость к помехам). Робастное управление — совокупность методов теории управления, целью которых является синтез такого регулятора, который обеспечивал бы хорошее качество управления (к примеру, запасы устойчивости), если объект управления отличается от расчётного или его математическая модель неизвестна.

[14] Ансамблевое обучение — техника машинного обучения, использующая несколько обученных алгоритмов с целью получения лучшей предсказательной эффективности, чем можно было бы получить от каждого алгоритма по отдельности. В отличие от статистического ансамбля в статистической механики, который обычно бесконечен, ансамбль моделей в машинном обучении состоит из конкретного конечного множества альтернативных моделей, но обычно позволяет существовать гораздо более гибким структурам.

Наиболее значимым результатом стало существенное повышение полноты выявления уязвимостей. Интеллектуальные системы продемонстрировали способность обнаруживать нетривиальные проблемы безопасности, связанные со сложными межкомпонентными взаимодействиями и логическими ошибками, которые часто пропускаются традиционными инструментами статического анализа. В одном из проектов применение ИИ позволило выявить критическую уязвимость в механизме аутентификации, которая оставалась незамеченной на протяжении нескольких циклов разработки.

Важным достижением стало снижение количества ложных срабатываний. Благодаря способности ИИ учитывать контекст проекта и историю предыдущих решений, удалось сократить долю нерелевантных предупреждений с 15–20 до 6–7%. Это существенно повысило доверие разработчиков к системе и снизило временные затраты на анализ результатов.

Далее приведем метрики эффективности обнаружения уязвимостей (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Сравнение эффективности различных подходов

Метод анализа	Precision	Recall	F1-Score	Время анализа, в мин
Традиционный SAST	0,72	0,65	0,68	45
Rule-based (Semgrep)	0,78	0,71	0,74	38
CNN Model	0,83	0,76	0,79	22
LSTM + Attention	0,85	0,78	0,81	28
CodeBERT	0,88	0,82	0,85	35
GNN (потоки данных)	0,86	0,79	0,82	31
Ensemble (все модели)	0,92	0,86	0,89	42

Таблица 2

Эффективность обнаружения различных типов уязвимостей

Тип уязвимости	Традиционный подход	ИИ-подход	Улучшение, в %
SQL Injection	0,75	0,96	+28
XSS	0,68	0,93	+37
Buffer Overflow	0,82	0,91	+11
Path Traversal	0,71	0,89	+25
CSRF	0,65	0,85	+31
XXE	0,73	0,88	+21
Insecure Deserialization	0,58	0,84	+45
Broken Authentication	0,62	0,87	+40

Интересным эффектом стало изменение культуры разработки. Команды начали более осознанно подходить к вопросам безопасности, понимая, что их код будет анализироваться интеллектуальной системой. Возникла практика «диалога с ИИ», когда разработчики используют систему не только для поиска проблем, но и для валидации архитектурных решений и получения рекомендаций по улучшению безопасности.

Метрики эффективности и экономические аспекты

Оценка эффективности внедрения ИИ в процессы безопасной разработки требует комплексного подхода, учитывающего как технические, так и экономические показатели. Разработанная система метрик позволяет количественно оценить влияние интеллектуальных технологий на различные аспекты процесса разработки.

С точки зрения технических метрик, ключевыми показателями являются полнота обнаружения уязвимостей (recall), точность (precision) и время обнаружения (mean time to detect).

Проведенные измерения показали улучшение полноты обнаружения с 75 до 87%, при сохранении высокой точности на уровне 92%. Особенно значимым является сокращение времени обнаружения критических уязвимостей с 48 часов до практически реального времени при интеграции в CI/CD конвейер[15].

Экономический анализ демонстрирует существенную эффективность инвестиций в интеллектуальные системы безопасности. Несмотря на значительные первоначальные затраты на внедрение и обучение персонала, окупаемость достигается в течение 12–18 месяцев за счет сокращения затрат на устранение уязвимостей на поздних стадиях разработки и снижения рисков инцидентов безопасности. По оценкам, стоимость устранения уязвимости, выявленной на этапе разработки, в 10–15 раз ниже, чем исправление той же проблемы после выпуска продукта в эксплуатацию.

Важным аспектом является влияние на скорость разработки. Вопреки опасениям о возможном замедлении процессов из-за дополнительных проверок, интеграция ИИ привела к ускорению цикла разработки на 15–20%. Это достигается за счет автоматизации рутинных проверок, раннего выявления проблем и снижения количества итераций исправления[16].

Рекомендации по внедрению и развитию

Организационная трансформация и управление изменениями

Успешное внедрение искусственного интеллекта в процессы безопасной разработки требует не только технологических инноваций, но и глубокой организационной трансформации. Опыт показывает, что именно человеческий фактор и организационная инерция часто становятся основными препятствиями на пути цифровой трансформации.

Первым шагом должно стать формирование видения и стратегии применения ИИ на уровне высшего руководства организации. Важно, чтобы это видение было не абстрактной декларацией о «цифровизации», а конкретным планом с измеримыми целями, выделенными ресурсами и четкими сроками. Руководство должно демонстрировать приверженность изменениям не только на словах, но и через конкретные действия — инвестиции в технологии, обучение персонала, изменение KPI и систем мотивации.

Критически важным является вопрос формирования компетенций. Необходима комплексная программа обучения, охватывающая различные категории сотрудников. Разработчики должны освоить принципы работы с ИИ-инструментами, понимать их возможности и ограничения. Специалисты по безопасности нуждаются в более глубоком погружении, включая понимание алгоритмов машинного обучения, методов интерпретации результатов и настройки моделей. Руководители проектов должны уметь планировать процессы с учетом особенностей ИИ-систем.

Изменение корпоративной культуры представляет собой наиболее сложную, но критически важную задачу. Необходимо преодолеть естественное сопротивление изменениям, страх потери рабочих мест, недоверие к «черным ящикам» ИИ. Это требует постоянной коммуникации, демонстрации успешных кейсов, вовлечения сотрудников в процесс внедрения. Важно подчеркивать, что ИИ не заменяет человека, а усиливает его возможности, позволяя сосредоточиться на более интересных и творческих задачах[17].

---

[15] CI/CD-конвейер, используемый в программной индустрии, представляет собой автоматизацию, которая позволяет разработчикам надежно переносить инкрементальные изменения кода со своих машин в тестовую среду и производство.

[16] *Милаков А.С.* Экономика кибербезопасности: аналитические модели // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — № 8 (146). — https://research-journal.org/archive/8-146-2024-august/10.60797/IRJ.2024.146.38. — DOI: 10.60797/IRJ.2024.146.38.

[17] *Артамонов В.А., Артамонова Е.В., Милаков А.С.* Безопасность проектирования программного обеспечения. — СПб.: ИД «Афина», 2024.

Взаимодействие с регуляторами и развитие нормативной базы

Применение искусственного интеллекта в регулируемых процессах требует активного диалога с регуляторными органами. Опыт показывает, что проактивная позиция организаций, готовность к открытому обсуждению применяемых подходов и демонстрация соответствия базовым требованиям способствуют формированию конструктивных отношений с регуляторами и создают предпосылки для эволюции нормативной базы.

Ключевым принципом взаимодействия должна стать транспарентность. Организации должны быть готовы предоставить регуляторам детальную информацию о применяемых ИИ-системах, включая архитектуру моделей, источники данных для обучения, методы валидации и контроля качества. При этом важно найти баланс между открытостью и защитой коммерческой тайны, что может потребовать разработки специальных процедур конфиденциального взаимодействия.

Необходимо активное участие индустрии в формировании нормативных требований к применению ИИ. Регуляторы нуждаются в экспертизе практиков для понимания реальных возможностей и ограничений технологий, оценки выполнимости предлагаемых требований, прогнозирования последствий регуляторных решений. Создание отраслевых рабочих групп, проведение пилотных проектов под надзором регуляторов, разработка методических рекомендаций — все это способствует формированию сбалансированной нормативной базы.

Важным направлением является развитие стандартизации в области применения ИИ для обеспечения безопасности. Необходима разработка национальных стандартов, определяющих требования к качеству данных для обучения, методам тестирования моделей, процедурам аудита ИИ-систем. Эти стандарты должны быть гармонизированы с международными подходами, но учитывать специфику российского законодательства и особенности национальной индустрии разработки ПО.

Перспективы развития и будущие исследования

Технологические тренды и их влияние на безопасную разработку

Развитие технологий искусственного интеллекта открывает новые горизонты для совершенствования процессов безопасной разработки. Появление больших языковых моделей (Large Language Models) создает возможности для более глубокого семантического анализа кода, понимания бизнес-логики приложений, генерации контекстно-зависимых рекомендаций по улучшению безопасности.

Федеративное обучение (Federated Learning)[18] может стать решением проблемы конфиденциальности при обучении моделей на корпоративных данных. Эта технология позволяет обучать модели на распределенных данных без их централизации, что критически важно для организаций, работающих с чувствительной информацией. В контексте безопасной разработки это открывает возможность создания отраслевых моделей, обученных на опыте множества организаций без раскрытия их конфиденциальных данных.

Квантовые вычисления, несмотря на их текущую незрелость, в перспективе могут революционизировать область анализа безопасности. Квантовые алгоритмы способны решать определенные классы задач экспоненциально быстрее классических, что может быть применено для глубокого анализа сложных систем, моделирования атак, криптоанализа.

Развитие нейроморфных вычислений[19] открывает путь к созданию энергоэффективных систем ИИ, способных работать в режиме реального времени с минимальными вычислитель-

[18] Federated Learning — это подход к машинному обучению, который позволяет обучать алгоритмы на децентрализованных наборах данных, расположенных на пограничных устройствах или серверах, не обмениваясь самими данными.

[19] Нейроморфные вычисления — направление вычислительной техники, призванное имитировать структуру и функции человеческого мозга и нервной системы для создания аппаратного и программного обеспечения для обработки информации. Нейроморфные компьютерные системы основаны на узлах искусственной нейронной сети, которые обмениваются импульсными (событийными) сигналами.

ными ресурсами. Это особенно важно для встраиваемых систем и IoT-устройств[20], где вопросы безопасности становятся все более критичными.

Социально-экономические последствия и этические вызовы

Массовое внедрение ИИ в процессы разработки программного обеспечения будет иметь далеко идущие последствия для экономики и общества. Повышение качества и безопасности программных продуктов способствует росту доверия к цифровым технологиям, что является необходимым условием для успешной цифровой трансформации экономики.

Вместе с тем возникают новые этические дилеммы. Вопрос о степени автономности ИИ в принятии решений о безопасности становится все более острым. Должна ли система иметь право автоматически блокировать выпуск продукта при обнаружении критических уязвимостей? Как балансировать между безопасностью и необходимостью быстрого вывода продуктов на рынок? Эти вопросы не имеют однозначных ответов и требуют широкого общественного обсуждения.

Проблема цифрового неравенства приобретает новое измерение. Организации, имеющие доступ к передовым ИИ-технологиям, получают существенное конкурентное преимущество в создании безопасных продуктов. Это может привести к усилению разрыва между технологическими лидерами и отстающими, что требует государственной политики по обеспечению доступности базовых ИИ-инструментов для широкого круга разработчиков.

Вопрос подготовки кадров становится критически важным для обеспечения технологического суверенитета. Необходима национальная программа подготовки специалистов, способных не только использовать, но и создавать ИИ-системы для обеспечения безопасности. Это требует существенных инвестиций в образование, науку, создание исследовательских центров и лабораторий.

Заключение

Интеграция искусственного интеллекта в процессы безопасной разработки программного обеспечения представляет собой неизбежный этап эволюции индустрии в условиях цифровой трансформации. Проведенное исследование показывает, что успешное внедрение ИИ-технологий требует комплексного подхода, учитывающего не только технические аспекты, но и нормативно-правовые требования, организационные факторы, этические принципы и социальные последствия.

Ключевым результатом исследования является демонстрация принципиальной возможности и эффективности применения ИИ в рамках жестких регуляторных требований российского законодательства. Предложенная гибридная архитектура, сочетающая традиционные методы обеспечения безопасности с интеллектуальными технологиями, позволяет достичь нового уровня защищенности программных продуктов при сохранении соответствия нормативным требованиям.

Практическая апробация подтвердила значительный потенциал ИИ в повышении полноты выявления уязвимостей, снижении количества ложных срабатываний, ускорении процессов разработки. Экономический анализ показывает окупаемость инвестиций в течение приемлемого срока и долгосрочные выгоды от внедрения интеллектуальных систем.

Вместе с тем исследование выявило ряд вызовов, требующих дальнейшей проработки. Вопросы обеспечения транспарентности и объяснимости решений ИИ, защиты самих интеллектуальных систем от целенаправленных атак, правовой ответственности за решения, принятые с участием ИИ, остаются открытыми и требуют как технологических инноваций, так и эволюции нормативной базы.

Особое внимание должно быть уделено социальным аспектам трансформации. Изменение профессионального ландшафта, необходимость переподготовки кадров, риски цифрового неравенства — все эти факторы требуют проактивного управления и государственной поддержки.

---

[20] Концепция Интернета вещей (IoT) рассматривается как сетка, система или просто группа физических объектов и устройств, подключенных к Интернету или другой сети.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку методов обеспечения доверенного ИИ (Trustworthy AI)[21], создание отечественных решений для критически важных областей, формирование экосистемы взаимодействия индустрии, науки и регуляторов. Только через совместные усилия всех заинтересованных сторон возможно реализовать потенциал искусственного интеллекта для создания безопасной и надежной цифровой инфраструктуры будущего.

В заключение важно подчеркнуть, что применение ИИ в безопасной разработке — это не просто технологическая инновация, а фундаментальный сдвиг в подходе к обеспечению безопасности цифровых систем. Этот сдвиг требует не только новых технологий и методов, но и новой философии, в которой человек и машина работают в синергии, дополняя и усиливая возможности друг друга. Только такой подход позволит создать по-настоящему безопасную цифровую среду, соответствующую вызовам XXI века.

Богдан Н.И.
д.э.н., профессор,
Белорусский государственный экономический университет, Минск

УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИЯМИ И ТЕХНОЛОГИЯМИ В СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Ключевые слова: технологии, искусственный интеллект, индексы, государственная политика, ответственные инновации, управление.
Key words: technology, artificial intelligence, indices, public policy, responsible innovation, governance.

Республика Беларусь и Российская Федерация являются государствами-участниками Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 года. В рамках Союзного государства сложились и успешно развиваются институты сотрудничества, в частности в научно-технической сфере финансируются союзные программы в передовых направлениях современных технологий. Беларусь и Россия активно взаимодействуют в рамках Евразийского межправительственного совета, что позволило разработать и утвердить в сентябре 2025 г. Стратегию научно-технологического развития на 2026–2035 годы. Стратегия определяет цели, основные задачи, принципы и приоритеты сотрудничества государств-участников СНГ в сфере научно-технологического развития, устанавливает формы и механизмы ее реализации. В региональном экономическом сотрудничестве важны ценностные ориентиры, интересы развития и безопасности Союзного государства. В условиях новых геополитических угроз тема обеспечения технологического суверенитета вышла на качественно иной уровень.

Прорывы генеративного ИИ (искусственного интеллекта), крупные разработки в области регулирования ИИ, такие как Закон Европейского Союза об ИИ и значительное увеличение числа встреч на высшем уровне, связанных с ИИ, во всем мире выдвигают эту технологию на передний план. Трансформационный потенциал ИИ бесспорен, и правительства во всем мире признают его влияние. Исследования показывают, что Новейшие Технологии (Emerging Technologies) характеризуются быстрым развитием, новизной и неопределенностью траектории и воздействия. Ключевые примеры таких технологий включают в себя новые инструменты генетического редактирования и синтетическую биологию, нейротехнику, новейшие передовые технологии искусственного интеллекта (ИИ), иммерсионные и квантовые технологии. Вместе с тем, эти многообещающие технологии могут также способствовать социальной де-

[21] Относится к системам искусственного интеллекта, разработанным и развернутым таким образом, чтобы они были прозрачными, надежными и уважали конфиденциальность данных.

зорганизации, экологическому ущербу, потере конфиденциальности и доверия, росту неравенства и создавать угрозы безопасности и правам человека. Новые вызовы и угрозы требуют новых методов управления.

Российская практика разработки стратегических документов по основным направлениям развития новейших технологий показывает, что необходимость регулирования освоения новейших технологий осознана руководством страны. В 2019 г. в России принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года[1], в которой определяются цели и основные задачи развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, а также меры, направленные на его использование в целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов. Для экспертно-аналитического сопровождения внедрения и развития ИИ в отраслях экономики и госсекторе, координации работы органов власти, научных и исследовательских организаций, бизнес-сообщества создан Национальный центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации, реализуется Федеральный проект «Искусственный интеллект». В Беларуси еще не разработан закон в области ИИ. В настоящее время формируется национальная экспертная площадка разработки стандартов в данной области. Соответствующие работы проводит Объединенный институт проблем информатики НАН, который определен «офисом цифровизации» Национальной академии наук. Отсутствие законодательного регулирования развития новейших технологий является фактором, замедляющим развитие ИИ в Беларуси.

Приоритетными направлениями научно-технического развития Беларуси на 2026–2030 гг., определены цифровые технологии и искусственный интеллект (ИИ), инновационные технологии в промышленности, биологические и медицинские технологии, а также инновационные технологии в агропромышленном комплексе и пищевой промышленности. Беларусь опережает Россию по вкладу сектора ИКТ (информационно- коммуникационных технологии) в ВВП страны: в 2023 г. сектор ИКТ Беларуси составлял 5,4% ВВП, у России — 3,5%. Фактором, актуализирующим проблему управления новейшими технологиями в Беларуси, является отставание страны в освоении искусственного интеллекта (ИИ) в предпринимательском секторе. Если в России удельный вес организаций предпринимательского сектора, использующих технологии ИИ, в 2023 г. составил 6,3%, что лишь на 1,7 п.п. ниже среднего значения по странам-членам ЕС (рис. 1), то в Беларуси, по данным Белстат, удельный вес организаций использующих ИИ в 2023г. составляет 5,8%.

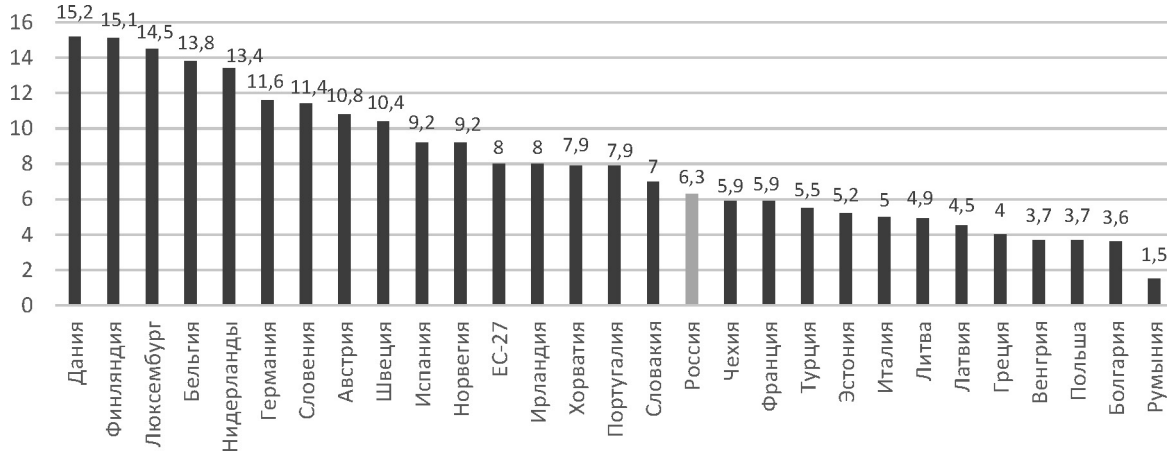


Рис. 1. Использование технологий искусственного интеллекта в предпринимательском секторе: 2023 (в процентах от общего числа организаций предпринимательского сектора)

Источник: данные ИСИЭЗ НИУ ВШЭ (issek.hse.ru).

Следует отметить, что международные организации в настоящее время уделяют значительное внимание темпам развития искусственного интеллекта в международном сопоставле-

[1] Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года утверждена Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490.

нии. *Индекс готовности страны к ИИ* (AI Preparedness Index 2023г.) МВФ включает в себя такие показатели, как развитие цифровой инфраструктуры, инвестиции в человеческий капитал, технологические инновации и правовые рамки для использования ИИ. Оценка готовности стран к внедрению ИИ основывается на данных восьми организаций, включая Международную организацию труда, Всемирный банк, Всемирный экономический форум и другие. Беларусь находится в Индексе готовности к ИИ среди 174 стран на 82 месте, набрав 0,47 балла, Россия на 47 месте (0,56 балла).

Литва и Польша заняли соответственно 26 и 38 место в рейтинге, лидером был Сингапур (0,80), США — на втором месте (0,78).

Другим комплексным индикатором является *Индекс готовности правительств к ИИ* (The Government AI Readiness Index 2023)[2], опубликованный компанией Oxford Insights. Исследование охватывает 193 страны и оценивает их способности внедрять ИИ в сферу государственного управления. Индекс ранжирует страны на основе 39 показателей по 10 измерениям, которые объединяются в три основных направления: правительственный сектор, технологический сектор, сектор данных и инфраструктуры. Россия в этом рейтинге занимает 38 место, Беларусь — 107. Существенное отставание Беларуси обусловлено слабыми институтами государственного управления для развития искусственного интеллекта (правительственный сектор — 30,95; технологический — 32,23; сектор инфраструктуры — 54,38 балла).

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что проблема управления новейшими технологиями является актуальной задачей для стран Союзного государства. Беларусь может использовать опыт России в рамках реализации программ Союзного государства в сфере новейших технологий. Кроме того, страны могут оценить опыт стран ОЭСР в разработке новых методов управления новейшими технологиями.

Исследование показывает, что создание долгосрочного потенциала для более эффективного инновационного развития стран ОЭСР основано на принципах «упреждающего управления технологиями» (anticipatory technology governance). Этот подход в современном управлении новейшими технологиями определен новой Рамочной программой упреждающего управления (Framework for Anticipatory Governance of Emerging Technologies)[3]. Рамочная программа для упреждающего управления новыми технологиями активно продвигает т.н. «ответственные инновации» (responsible innovation) во всех областях политики с акцентом на общие ценности, гибкое управление и международное сотрудничество. При этом под «ответственными инновациями» понимаются инновации и технологические решения, заслуживающие доверия (от установления повестки дня до прикладных исследований и разработок и этапов коммерциализации), основанные на демократических ценностях, чутко реагирующее на социальные потребности и подотчетные перед обществом. *Упреждающее управление* технологиями нацелено на использование новейших технологий в интересах общества; прогнозирование и решение проблем управления в новых будущих технологических контекстах; создание долгосрочного потенциала управления для более эффективного решения возникающих проблем как для стимулирования инноваций, так и для управления рисками.

Коэволюция управления и развития новейших технологий привела к формированию новых механизмов, призванных обеспечить развитие ответственных инноваций. Чтобы гибкое управление могло работать, политики должны принять мышление, больше похожее на технологическое, т.е. более проактивное быстрое движение, открытое для итерации, в то время как новаторы призваны взять на себя ответственность за результаты влияния новейших технологий на общественность. *Гибкое управление* основано на шести принципах, позволяющих осуществлять ответственные инновации:

— итеративные подходы к управлению по мере развития технологий. Сложно разработать идеальное законодательство с самого начала, что может замедлить как инновации, так и регулирование;

---

[2] https://oxfordinsights.com/wp-content/uploads/2023/12/2023-Government-AI-Readiness-Index-1.pdf.

[3] Framework for Anticipatory Governance of Emerging Technologies / OECD Science, Technology and Industry Policy Papers, OECD Publishing. — Paris, 2024. — https://doi.org/10.1787/0248ead5-en.

— использование экспериментов и стратегического мышления для понимания будущих проблем управления;
— создание циклов обратной связи и передачи знаний между политиками, новаторами и гражданским обществом;
— внедрение принципов управления на протяжении всего инновационного цикла, начиная с более гибких подходов на ранних стадиях инноваций и учет более формализованных процессов, таких как «нормативные песочницы»[4], на более поздних стадиях;
— учет отраслевых особенностей, таких как разработка отраслевых кодексов поведения или стандартов для технологий, и поддержка обмена информацией и разработок передовой практики;
— совместное создание норм управления с широким кругом заинтересованных сторон, обеспечивая различные формы взаимодействия, что является важным вкладом в разработку политики.

Применение этих принципов на практике, поможет политикам и новаторам сформировать более адаптивный, инклюзивный ландшафт управления, который, с одной стороны, поддерживает инновации, с другой — остается укорененным в социальных ценностях и общественном доверии. Можно выделить пять элементов в системе государственного управления новейшими технологиями[5]:

Руководящие ценности: технологическое развитие должно основываться на руководящих ценностях как фундаментальных (охватывающих общие этические, политические, экономические и культурные идеалы), так и технологических (адаптированных к решениям политики в области технологий). Эти ценности необходимо обсуждать в конкретных технологических контекстах для того, чтобы управление технологиями согласовывалось с правами человека, демократическими принципами, устойчивостью, равенством, инклюзивностью, безопасностью и общественным благом. Этический, социальный и политический диалог может подпитывать и развивать инновационную культуру.

Стратегическая разведка: признавая непредсказуемый характер возникающих технологий, политика должна стимулировать формы стратегической разведки, включая всесторонний анализ потенциальных направлений технологии, экономические интересы и социальные последствия. Для предвидения будущих проблем и обоснования стратегий управления могут использоваться такие инструменты, как сканирование горизонта, анализ данных, прогнозирование и оценка технологий. Этот упреждающий подход помогает в разработке стратегических видений, планов и дорожных карт для новых технологий.

Привлечение заинтересованных сторон: в рамках политики следует уделять первоочередное внимание активному вовлечению заинтересованных сторон и общества в целом в цикл разработки политики. Вовлечение различных субъектов на ранних этапах цикла разработки технологий обогащает понимание проблем, способствует укреплению доверия и увязывает технологические инновации с социальными потребностями. В то же время необходимо проявлять осторожность, чтобы сбалансировать широкий круг интересов и не допустить того, чтобы волевые интересы доминировали в этом процессе. Для обеспечения широкого участия могут быть использованы такие инструменты для вовлечения общества как коммуникации, консультации и совместное обсуждение, что позволит согласовать достижения научной мысли и разработку технологических стратегий и управления.

Гибкое регулирование: учитывая быстрые темпы и эволюционный характер новых технологий, системы управления должны стремиться к гибкости и упреждаемости путем адаптации инструментов регулирования, содействия межведомственному сотрудничеству, разработки перспективных рамок управления, и обеспечения реагирования на проблемы заинтересован-

[4] «Нормативные песочницы» или регуляторные песочницы (regulatory sandbox) — это специальные правовые режимы, позволяющие компаниям тестировать новые продукты, услуги или технологии в ограниченной, контролируемой среде, без риска нарушения действующего законодательства. Цель таких "песочниц" — дать возможность инноваторам экспериментировать с идеями, которые опережают законодательство, и помочь регуляторам разработать новое, соответствующее правовое регулирование на основе полученного опыта.

[5] Agile mechanisms for responsible technology development / OECD Science, Technology and Industry Policy Papers, No 176, OECD Publishing. — Paris, 2025. https://doi.org/10.1787/2a35358e-en.

ных сторон. Экспериментирование и тестирование под контролем регулятивных органов следует поощрять, чтобы стимулировать инновации, уменьшить неопределенность и обеспечить актуальность и эффективность системы управления.

Международное сотрудничество: признавая трансграничный характер технологий, политика должна способствовать международному сотрудничеству в условиях меняющегося геополитического ландшафта. Скоординированные подходы и диалог в инклюзивных форумах облегчат управление новейшими технологиями, обмен опытом, углубление понимания проблем и создадут основы для коллективной нормотворческой деятельности. Разработка технических стандартов и принципов на основе консенсуса с участием многих заинтересованных сторон обеспечивает эксплуатационную совместимость новых технологий и создание рынков для технологических продуктов и услуг.

Перечисленные элементы и связанные с ними действия должны быть взаимозависимыми и взаимодействующими. Гибкое управление инновациями основано на адаптивности, сотрудничестве и обучении в процессе инновационной деятельности. Этот подход направлен на содействие ответственным инновациям путем снижения неопределенности регулирования, проведение экспериментов и содействие сотрудничеству между политиками и инноваторами. В отличие от традиционных моделей управления технологиями, гибкое управление объединяет различные схемы управления, такие как эксперименты (например, нормативные песочницы), прогнозирование и политику, основанную на результатах. Сосредоточение внимания на предвосхищении и совместных действиях позволяет поддерживать и управлять новейшими технологиями, а не просто реагировать на них.

Заключение. Возникающие научно-технические достижения, новейшие технологии быстро меняются, что создает немало проблем для управления, измерения и мониторинга. Работа в этой области формирует дополнительные подходы к измерению новейших технологий. Примеры источников данных, которые дают представление о различных аспектах развития технологий, включают: научные библиометрические данные, хранилища финансируемых правительством научно-исследовательских проектов, данные о патентах и отчеты компаний. Освещение соответствующих явлений формируется стимулами к раскрытию информации. Страны ОЭСР в управлении используют статистически репрезентативные методы проведения обследований, разработанные с целью подготовки показателей для контроля за вовлечением компаний или других субъектов в разработку и внедрение конкретных новейших технологий. Содействие надежному технологическому развитию требует от государственного управления разработки деловой практики, которая способствуют подотчетности, прозрачности, честности, надежности, отзывчивости и безопасности, определения возможных решений путем диалога между регулирующими органами, частным сектором и общественностью, поддержки новаторских подходов к социальной ответственности путем разработки механизмов подотчетности.

Будням С.
д.т.н., профессор,
академик РАЕН,
член Европейского общества прикладной математики и механики, Американского математического общества,
Монгольский университет поствысшего образования, г. Улан-Батор
budnyamsan@gmail.com
Оюун-Эрдэнэ Б.
докторант Монгольского университета поствысшего образования,
г. Улан-Батор
Oyunerdene@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НАУКОЙ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОЙ РЕФОРМЫ В МОНГОЛИИ

Ключевые слова: научная элита, научное управление, реформа, финансирование науки, базовая наука.
Key words: scientific elite, scientific management, reform, science funding, basic science.

Эпоха глобализации и стремительных технологических изменений требует от государств, включая Монголию, пересмотра подходов к управлению ключевыми стратегическими секторами. В частности, система науки и образования в Монголии на протяжении последних десятилетий демонстрирует невозможность адаптации к современным требованиям, что диктует необходимость принципиальных институциональных и управленческих изменений.

Как показывает исторический опыт, кризис и распад политических систем, основанных на подавлении свободы и интелекта, ведет к тяжелым последствиям (распад СССР, гражданские волнения). Подобный отказ от демократии в науке может привести к схожим деструтивным результатам, чего необходимо избежать. Мы убеждены, что переход к рыночной экономике может быть осуществлен мирным путем только при условии разумного и осторожного применения принципов подлинной демократии. Настоящая демократия — это не власть большинства, а власть в интересах большинства, основанная на законах, которые создаются интелектуальным меньшинством. Наука, как область интелектуальной деятельности, всегда управлялась именно этим интеллектуальным меньшинством, и реформа должна учитывать этот фундаментальный принцип.

Интеллектуальная элита и роль ученого

Проблемы в науке не решаются голосованием. Эта аксиома проистекает из двух общеизвестных фактов:

1) принципиально новые идеи рождаются и живут только в голове их первооткрывателя;
2) наука устанавливает истину не путем голосования.

Следовательно, необходимо создать условия, при которых новаторы смогут реализовать свои идеи. В демократическом обществе это решается путем предоставлени необходимых средств первооткрывателю, который формирует свою научную команду и становится ее полноправным «хозяином». В любом научном сообществе всегда существуют две категории работников — новаторы (работодатели/элита) и исполнители (наемная сила). Именно элитарный слой, захвативший власть, определяет:

— стратегию развития науки и распределение финансирования по различным направлениям,
— оценку конкретных проектов,
— возможность публикаций своих и чужих работ,
— оценку научного потенциала сообщества.

Выживание и развитие науки всегда решалось силой интеллектуального меньшинства. В чем же тогда суть демократии в науке? — В свободе критики. Эта простая истина не заняла должного места в истории развития нашей науки. Задача демократизации сегодня — дать

возможность этому самоуправляющему свойству науки свободно развиваться в деятельности Академии наук. Это позволит быстро отойти от административных методов управления, сосредоточенных в руках узкой группы, и постепенно сформировать здоровое интеллектуальное авторитарное управление.

Четыре ключевых направлений реформирования науки

При реорганизации науки необходимо четко осознавать основные проблемы. Можно выделить четыре ключевых направлений.

Первое. Необходимость осознания науки как фактора, определяющего современное развитие общества. Развитые страны давно это осознали, сделав науку самой престижной сферой с соответствующей высокой оплатой труда. Монголии необходимо прийти к этому пониманию.

Второе. До проведения преобразований необходимо установить минимальный уровень финансирования на одного исследователя. Ниже этого уровня наука перестает существовать. Анализ показывает, что эффективность науки напрямую зависит от финансирования (например, в США в 1990 году эффективность выросла на 7% при увеличении финансирования). Этот минимальный уровень должен быть сопоставим с уровнем развитых стран.

Третье. Необходимость создания единой научной инфраструктуры в масштабе страны. Эта система должна решать вопросы:

— внедрения научных результатов в производство,
— кадрового обеспечения,
— экспертной оценки результатов исследования,
— распределения материальных ресурсов,
— прогнозирования и координации научных направлений.

Четвертое. Фундаментальные исследования должны финансироваться напрямую государством. Дополнительным, но вторичным источником должно стать финансирование со стороны компаний и кооперативов, стимулирование специальной налоговой политикой государства.

Этапы преобразований и их результаты

Первый шаг реформы — определение максимального объема бюджетных средств, который правительство может ежегодно выделить на развитие науки. Далее на основе анализа мирового и отечественного опыта, специальная экспертная комиссия должна установить минимальный уровень финансирования на одного исследователя. Путем деления выделенного бюджета на минимальный уровень финансирования, мы получим максимальный предел возможного числа научных сотрудников в Монголии.

Следующий шаг — создание единой научной инфраструктуры. Необходимо составить список высших учебных заведений, которые по уровню своих исследований могут войти в научную структуру. Основными критериями являются способность готовить кадры для фундаментальных наук, результаты исследований и их соотвествие мировому научному уровню. Вузы, достигшие такого уровня, получают право на бюджетное финансирование, предназначенное для фундаментальных исследований. Самым сложным, но необходимым шагом является аттестация и отбор среди ученых, занятых в фундаментальных исследованиях (институты Академии наук и отобранные вузы). Аттестация, проводимая сейчас, носит формальный характер. Если провести эту аттестацию объективно, произойдет значительное сокращение числа научных работников. Оставшееся число не должно превышать определенный нами ранее максимальный предел.

Ожидаемые результаты:

— институты и вузы, действительно ведущие исследования на должном уровне, останутся практически без изменений;

— ученые, сектора и лаборатории, чьи работы не соответствуют требованиям фундаментальной науки, будут вытеснены, что позволит избавиться от привычки тратить средства впустую.

Современное развитие науки имеет междисциплинарный характер и требует коллективной работы специалистов различных профилей. Устаревшая система управления наукой в Монголии, что ярко проявилось за последние 28 лет, не способна справиться с этими требованиями. Поэтому на государственном уровне необходимо безотлагательно принять меры по принципиальному изменению структуры, системы управления и ресурсного обеспечения научных институтов.

Необходимость сохранения элитарного слоя в науке

Академия наук должна рассматриваться как клуб элитарного слоя, состоящего из ученых, имеющих особые заслуги. Отмена двухступенчатой градации (академик, член-корреспондент) в прошлом стала важным шагом, способствующим эффективности клуба.

В этом клубе должны быть собраны лучшие представители нашей науки. Однако изоляция этого клуба от основной научной общественности может быть ошибочной или привести к высокомерию, вызывая личные обиды и угражая крахом науки. Во избежание этого, Академический клуб должен постоянно выполнять лидирующую роль в науке, выступая в качестве ее «мозгового центра».

Сегодня этот клуб не всегда равномерно выполняет свою основную функцию. Необходимо:

— улучшать его работу,

— обеспечить надежную защиту от проникновения неакадемических людей,

— облегчить доступ талантливых ученых в элитарный слой,

— избавиться от бюрократии.

Обоснованное решение этих вопросов Академией наук станет гарантией того, что сохранение элитарного слоя будет принято обществом, а не вызывать отторжение.

Булуктаев Ю.О.
д.полит.н., доцент,
гл.н.с. Института философии, политологии и религиоведения, г. Алматы

ПАРЛАМЕНТСКАЯ РЕФОРМА В КАЗАХСТАНЕ КАК ПРИОРИТЕТНАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА

Ключевые слова: Республика Казахстан, парламентаризм, мажилис, сенат, политическая модернизация, компаративный анализ, двухпалатный парламент, однопалатный парламент, избирательная система.

Key words: Republic of Kazakhstan, parliamentarism, Mazhilis, Senate, political modernization, comparative analysis, bicameral parliament, unicameral parliament, electoral system.

8 сентября 2025 года в рамках Послания народу Казахстана Глава государства Касым-Жомарт Токаев предложил сделать двухпалатный (Мажилис и Сенат) парламент Казахстана однопалатным и упразднить Сенат[1].

Для разработки предложений по преобразованию законодательной власти, включая возможный переход к однопалатному парламенту, с целью повышения эффективности и демократизации, была создана рабочая группа по парламентской реформе под руководством Госсоветника Ерлана Карина[2].

[1] https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana.

[2] Распоряжение Президента Республики Казахстан от 8 октября 2025 года № 250.. https://adilet.zan.kz/rus/docs/N2500000250/history.

Основные цели и задачи рабочей группы — выработка предложений по реформе Парламента, как части более широких государственных преобразований; обсуждение вопросов, включая возможное упразднение Сената и переход к однопалатной системе; обеспечение широкого обсуждения и вовлечение различных слоев общества. Состав группы включает представителей Мажилиса и Сената; руководителей фракций политических партий; представителей Ассамблеи народа Казахстана; ученых-правоведов, политологов, экспертов; членов Национального Курултая; представителей Администрации Президента и Министерства юстиции.

Президент Касым-Жомарт Токаев, выступая на первом заседании рабочей группы по парламентской реформе, заявил, что изменения затронут около 40 статей Основного закона. Парламент является ключевым элементом политической системы страны. Поэтому, прежде всего, потребуется внести ряд поправок в Конституцию. После этого необходимо привести в соответствие как минимум 10 конституционных законов и более 50 кодексов и законов. Этот процесс, по сути, сравним с принятием новой Конституции. Очевидно, что выполнить весь этот объем работы, по словам президента, одномоментно невозможно. Требуется тщательная подготовка. Так, продолжил глава государства, намеченная реформа Парламента укладывается в логику поэтапной масштабной политической модернизации[3].

Развитие парламентаризма в Казахстане началось после обретения суверенитета в 1991 году, с переходом от однопалатного Верховного Совета к двухпалатному парламенту, состоящему из Сената и Мажилиса. Процесс включал эволюцию полномочий палат, совершенствование законодательной деятельности и укрепление роли парламента в системе государственного управления. Реформы были направлены на повышение эффективности работы парламента, включая создание «Института парламентаризма» для поддержки законодательного процесса и анализа эффективности законов.

Основные этапы и особенности развития

— *Ранний этап* (*1990-е*): переход от однопалатного Верховного Совета к двухпалатному парламенту после объявления суверенитета. Этот период характеризовался становлением новых институтов и поиском баланса власти между исполнительной и законодательной ветвями.
— *Совершенствование законодательной базы*: процесс включал в себя не только принятие новых законов, но и реформы, направленные на улучшение качества законодательства и его соответствие реалиям.
— *Институт парламентаризма*: в 2019 году был создан Институт парламентаризма для повышения качества законов, предоставления депутатам научной и экспертной поддержки, а также проведения анализа эффективности законодательства.
— *Реформа 2022 года*: реформа привела к смещению законодательного центра в Мажилис и сокращению полномочий Сената, что вызвало дискуссии о необходимости дальнейшего укрепления роли парламента.
— *Текущее направление*: акцент делается на усилении общественно-политической значимости парламента, повышении его роли в контроле над исполнительной властью и обеспечении реального представительства интересов народа.

Структура и полномочия

— *Двухпалатный парламент*: состоит из двух палат: Сената (верхняя палата, избирается от областей, городов республиканского значения и столицы) и Мажилиса (нижняя палата, избирается на основе пропорциональной и мажоритарной систем).
— *Законодательные функции*: принятие законов является основной функцией парламента, а также формирование и контроль исполнительной власти.

[3] Токаев о парламентской реформе: Этот процесс, по сути, сравним с принятием новой Конституции. — https://news.mail.ru/politics/68298277/.

— *Экспертная поддержка*: институт парламентаризма призван оказывать научно-техническую и аналитическую поддержку законодательному процессу.

По мнению казахстанского исследователя Нурлана Саулен, само понятие «парламент» закрепилось в основном законе Республики лишь в 1995 году. До этого момента, несмотря на распад СССР, номинально функции парламента выполнял Верховный совет. Определение роли и места парламента в политической системе и его полномочия менялись несколько раз. В целом историю становления парламентаризма в Казахстане до реформ 2022 года можно разделить на пять этапов: I этап (1990–1990) — период «предпарламентаризма»; II этап (1995–2007) — период укрепления президентской власти с незначительным усилением парламента; III этап (2007–2011) — создание однопартийного парламента после реформы; IV этап (2011–2017) — формирование многопартийного парламента с последующей передачей большего контроля за правительством; V этап (2017–2022) — переход от суперпрезидентской формы правления к президентской с последующим увеличением полномочий парламента[4].

Казахстанский парламентаризм неоднократно подвергался реформированию. Так, после реформы 2007 года полномочия парламента были расширены при сохранении президентской системы. Появилась норма, согласно которой парламент мог выражать вотум недоверия правительству. Парламент также мог участвовать в назначении некоторых высших чиновников, например, председателя Национального банка. Парламенту были частично переданы некоторые функции президента — участие в формировании правительства, назначение двух третей состава Конституционного совета, ЦИК и Счетного комитета.

В результате реформы 2017 года были пересмотрены полномочия ветвей власти. Еще больше функций президента перешло к парламенту. Отныне президент мог назначить членов правительства (за исключением глав МИД, МВД и Минобразования) только по предложению премьер-министра после консультаций с Мажилисом. Была также упрощена процедура освобождения членов правительства парламентом. Кроме того, были сильно ограничены законодательные функции президента.

После очередной реформы в 2022 году были внесены корректировки в полномочия президента. Отныне глава государства не может состоять в политических партиях. Согласно экспертным оценкам, это должно было усилить конкуренцию среди политических партий в парламенте. Кроме того, родственники президента не могут стать госслужащими или получать руководящие должности на государственных и квазигосударственных предприятиях. Был ограничен срок полномочий президента с двух пятилетних до одного семилетнего. Была сокращена квота назначаемых президентом сенаторов — с 15 до 10. Парламент Республики в результате реформы 2022 года получил еще больше полномочий. Теперь для назначения на должности председателей Конституционного суда и Высшего судебного совета нужно получить согласие Сената. Раньше президент мог назначать людей на эти должности самостоятельно. Кроме того, в результате реформы был усилен контроль над госбюджетом со стороны Мажилиса.

По экспертному мнению, нынешнюю инициативу К. Токаева по реформе высшей представительной власти следует рассматривать как продолжение этапов политической модернизации. После реформ президентской системы фокус переносится на парламентаризм. Парламент — это орган, избираемый всенародно, и именно он должен консолидировать общество. Партийное представительство обязано отражать интересы всех слоёв населения. Возможный референдум, запланированный на 2027 год, станет инструментом легитимации перемен. Подобный механизм должен превратить реформу в осознанный выбор всего общества.

Ряд исследовательских проектов казахстанских ученых (юристов, экономистов, политологов, социологов) посвящен научному обоснованию парламентской реформы в Казахстане и обобщению международного опыта ее осуществления в процессе политической модернизации. Проекты направлены на проведение сравнительного анализа эволюции парламентаризма в процессе политической модернизации ряда стран. Проблема, требующая научного осмысления, — отсутствие системного сравнительного анализа, который позволил бы обосновать переход в Республике Казахстан от двухпалатного парламента к однопалатному, учитывая международный опыт стран со схожими политико-институциональными параметрами.

[4] Эволюция парламентаризма в Казахстане. — https://e-cis.info/news/566/117382/

Цель и задачи проектов — научно обосновать парламентскую реформу в Казахстане и обобщить международный опыт ее осуществления в процессе политической модернизации. Провести компаративный анализ парламентской реформы в Казахстане с другими странами, находящимися на аналогичном пути политической модернизации. Выявить ключевые факторы, которые влияют на реформы в парламентской сфере. Представить оптимальную модель парламентаризма для Казахстана через компаративный анализ институциональной эволюции парламентских систем ряда стран, а также разработать рекомендации по реформированию структуры парламента в соответствии с принципами эффективности, представительности и политической ответственности.

Ожидаемые результаты проектов соответствуют их цели — научному обоснованию парламентской реформы в Казахстане и обобщению международного опыта ее осуществления в процессе политической модернизации. Ожидается, что в результате проведения сравнения институциональных моделей двухпалатных и однопалатных систем с точки зрения: законодательной эффективности; механизмов представительства; политической ответственности и баланса властей, будут предложены механизмы адаптации международного опыта к казахстанским реалиям и возможные сценарии дальнейшего конструирования казахстанского парламентаризма. Научные результаты проекта окажут влияние на формирование более гибкой и эффективной политической системы, основанной на принципах парламентаризма и демократического контроля.

Выводы

1. Казахстан, находясь на этапе активного реформирования политической системы, демонстрирует готовность к пересмотру институциональной структуры парламента в сторону большей гибкости, транспарентности и представительности.
2. Парламентская реформа в Казахстане может рассматриваться как приоритетная национальная программа.

Вафин А.М.
к.полит.н.,
доцент Российского государственного социального университета,
доцент Финансового университета при Правительстве РФ
arthur.vafin@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: государственное управление, ИКТ, геймификация, взаимодействие населения с органами государственной власти.
Key words: public administration, ICT, gamification, interaction between the population and government bodies.

В данной статье мы рассмотрим, как геймификация влияет на процесс policy communication[1] — коммуникацию органов исполнительной власти с обществом.

В общих чертах геймификация описывается как применение элементов игрового дизайна для увеличения вовлеченности и повышения интереса к рутинным или сложным процессам[2].

[1] Не путать с политической коммуникацией, которая касается конкурентной политической среды, а не области исполнительной власти и административного управления. Подробнее см.: *Грачев Н.М.* К вопросу об определении понятий «Политическая коммуникация» и «Политическая информация» // Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2003. — С. 34–42.

[2] *Buheji M.* Re-Inventing Public Services Using Gamification Approaches // International Journal of Economics and Financial Issues. — 2019. — Vol. 9. — No 6. — P. 48.

В контексте государственной службы геймификация может стать инструментом, способным:

1) упростить процедуру получения госуслуг и повысить ее прозрачность;
2) стимулировать граждан к более активному участию в публичных консультациях и общественных обсуждениях;
3) укрепить доверие к органам власти за счет вовремя предоставляемой обратной связи и более дружелюбного формата взаимодействия.

Помимо сугубо прикладной ценности, геймификация пересекается с фундаментальными вопросами policy communication, то есть с процессами целенаправленного обмена информацией между органами исполнительной власти и общественностью. Важно подчеркнуть, что даже односторонняя коммуникация госорганов, когда граждане не могут напрямую влиять на принимаемые решения, все равно оказывается решающей для формирования общественного мнения. При наличии интерактивных элементов, которые дает геймификация, граждане получают больший простор для обратной связи, что сближает их с государством и может стимулировать дальнейшее развитие демократических процедур.

Теоретические основы геймификации

Р.С. Контрерас-Эспиноза и А. Бланко-М, ссылаясь на работы К.А. Миллера, Э.Л. Дечи и Р.М. Райна, в своей обзорной статье о геймификации, отмечают, что одним из фундаментальных положений геймификации должна являться концепция внутренней и внешней мотивации:

— *внутренняя мотивация* связана с интересом и удовольствием, которое человек получает от самой деятельности;
— *внешняя мотивация* основана на вознаграждениях, санкциях или других стимулах, которые побуждают человека совершить определенные действия[3].

При построении государственной коммуникации (особенно в формате электронных платформ) грамотное использование этих двух типов мотивации способно повысить активность пользователей, вовлечь их в обсуждение и формирование публичной повестки. Геймификация, добавляя соревнование, награждение и элемент игры, усиливает и внутреннюю, и внешнюю мотивацию, что в итоге приводит к более результативному взаимодействию граждан с органами власти.

Не менее важную роль играет самоопределение человека: «Идея геймификации помогает развивать самоопределение, что создает психологические потребности в компетентности, автономии и социальности»[4]. В рамках policy communication удовлетворение базовых психологических потребностей (почувствовать себя компетентным, значимым и причастным) может способствовать более активному участию граждан в жизни государства, региона, города или района. Когда люди осознают, что их голос услышан (механика обратной связи, рейтинги гражданских инициатив, совместные проекты), то они гораздо охотнее идут на контакт с органами исполнительной власти.

Практические аспекты: преодоление рутины, мотивация и обратная связь

Зачастую граждане воспринимают взаимодействие с госорганами как сложные и бюрократизированные. Однако если процесс подачи документов или участия в опросах будет сопровождаться визуальными подсказками и поощрительными механизмами, уровень стресса снижается, а вовлеченность растет. Особенно это важно для молодежи, уже привыкшей к игровым механикам в цифровом пространстве. При этом геймификация может выполнять не только сугубо сервисную функцию, но и быть инструментом социального влияния.

---

[3] См.: *Contreras-Espinosa R.S., Blanco-M A*. A Literature Review of E-government Services with Gamification Elements // International Journal of Public Administration. — 2021. — Vol. 45. — No 2. — P. 3.

[4] *Buheji M*. Re-Inventing Public Services Using Gamification Approaches // International Journal of Economics and Financial Issues. — 2019. — Vol. 9. — No 6. — P. 50.

С помощью игровых заданий, конкурсов и рейтингов государственные органы могут поощрять граждан к экологически ответственному поведению, здоровому образу жизни, участию в общественных движениях. В сочетании с четкой стратегией policy communication подобные подходы позволяют успешно «упаковывать» социально значимые инициативы в более привлекательный формат.

Геймификация ускоряет процесс обратной связи. В госуслугах это может выражаться в уведомлениях, приходящих при смене статуса заявления, в автоматических подсказках, исключающих ошибки при заполнении форм, и т.д. Все это повышает доверие к системе и сокращает количество повторных обращений.

Согласно П. Уилтону, государственная политика играет ключевую роль в распространении инноваций[5]. При этом успех зависит не только от формальных регуляторных или экономических стимулов, но и от эффективности коммуникации, позволяющей связать усилия исследователей, разработчиков и политиков. Недооценка значимости такого взаимодействия нередко приводит к ошибочным выводам при выработке стратегий.

Уилтон также предлагает модель использования информации, в которой выделяются три этапа:

— формирование ожиданий полезности информации;

— выбор содержания информации;

— корректировка суждений.

В рамках геймификации государственной службы данная модель может применяться к процессу информирования граждан о новых цифровых сервисах. Например, если на первоначальном этапе сформировать завышенные ожидания относительно «игровых фишек», пользователь может испытать разочарование при столкновении с реальностью. Следовательно, важно управлять ожиданиями, обращая внимание на релевантность (Relevance), новизну (Novelty) идостоверность (Credibility) информации — ключевые факторы, выделенные Уилтоном.

Следует отметить, что геймификация не должна использоваться как манипулятивный инструмент, отвлекающий граждан от реальных проблем. Другой важный аспект — процесс геймификации должен учитывать традиционные ценности тех обществ, где он реализуется. В геймификации для государственного управления нет места насилию, пропаганде нетрадиционных ценностей, глупости и пошлости.

Геймификация должна рассматриваться не как временная игрушка, а как полноценный элемент стратегии развития государственной службы, диалога власти и общества.

Водомеров Н.К.
д.э.н., профессор

ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ ГОСУДАРСТВА ДЛЯ УСКОРЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Ключевые слова: роль государства в экономике, технологическое развитие, пути и средства ускорения технологического развития, использование прибавочной стоимости, налог на доходы.

Key words: role of the state in the economy, technological development, ways and means of accelerating technological development, utilization of surplus value, income tax.

Для народа России в настоящее время исключительно важно определить путь развития, позволяющий при любой ситуации не только сохранить целостность и суверенитет страны, но и войти в число лидеров технологического развития. Материальной основой достижения

[5] *Wilton P.C.* Technology Diffusion and Effective Public Policy Communication // Innovation: Management, Policy & Practice. — 1998. — Vol. 1. — No 4. — P. 17–24. — https://doi.org/10.5172/impp.1998.1.4.17

успеха в решении этой задачи, очевидно, является существенное ускорение технологического обновления российского производства, выход его на передовые рубежи НТП.

Модернизация производства в целом, если не считать отдельных видов деятельности, идет медленно, что выражается показателями степени износа и обновления производственных фондов. Существенным препятствием технологическому развитию являются запреты со стороны империалистических государств на поставки технологий в Россию. Но наша страна жила под санкциями Запада, начиная с 1918 года. Тем не менее, СССР смог развить передовое машиностроение и добиться технологического суверенитета по многим направлениям, который впоследствии был утрачен.

Проблема технологического обновления обычно сводится к нехватке средств для инвестиций; высокой процентной ставке по кредитам; неблагоприятным условиям кредитования по сравнению с иностранными конкурентами; искусственной дороговизне первичных ресурсов, связанной с платежами за использование природных ресурсов; нехваткой квалифицированных кадров; низкой монетизацией экономики; недостаточным уровнем поддержки отечественных производителей со стороны государства и др.

Предлагаются меры по устранению перечисленных причин, некоторые из которых принимаются правительством к реализации. Так, с 2025 года усилена дифференциация ставок НДФЛ, повышен налог на прибыль, используется инвестиционный вычет по налогу на прибыль, предоставляются льготы и средства из фонда развития промышленности, принят национальный проект по развитию станкоинструментальной промышленности до 2030 года и др.

Высказываются и предложения по внесению серьезных изменений в систему экономических отношений. Ряд авторов [1; 2] считают необходимым шаг за шагом заменять существующие формы присвоения «солидарной собственностью». На наш взгляд, кроме дополнительных расходов предприятий на выплату дивидендов и сокращения инвестиций, это мало что даст. Есть и предложения по использованию некоторых элементов «сталинской модели» экономики [3; 4], которая была создана в СССР в 1930-е гг. и просуществовала до 1954 г. Однако при этом не учитывается тот факт, что тогда ключевую роль в организации экономики играла ВКП (б) (с 1952 года — КПСС), без руководящей роли которой достижения «сталинской экономики» были бы совершенно невозможны. Сейчас такой партии нет.

Представители коммунистического движения выступают за возврат страны на социалистический путь развития, первым шагом которого должно стать установление власти трудящихся под руководством рабочего класса, а затем переход в руки государства стратегических отраслей экономики. В противовес этому высказывается мнение о том, что собственность не будет иметь значения, поскольку в процессе общественного развития она якобы «испаряется» [5].

В настоящее время стратегические отрасли экономики в основном (если не считать металлургии и станкостроения) уже находятся в той или иной мере в руках государства. Уровень его участия в экономике, с точки зрения доли в создании ВВП (48,5%) [6] примерно такой же, что и в КНР. Другое дело, что воздействие государства на экономические процессы в Китае намного сильнее, чем в России, и развивается он быстрее. Достигается это благодаря использованию элементов государственного планирования и организаторской роли Компартии Китая, направляющей коллективы предприятий на поэтапное достижение долгосрочных целей строительства «социализма с китайской спецификой», которые в целом претворяются в жизнь.

Этим китайская «модель» экономики коренным образом отличается от российской. Правящая в России партия «Единая Россия» принимает различные программы и проекты по развитию экономики. Однако заявленные показатели развития, как правило, не достигаются, подавляющая часть указов президента страны не выполняется, большинство проблем экономики не получает эффективного решения.

Наиболее успешно выполняются программы, где роль государства наиболее высока, и имеют место элементы *государственного планирования*. Это прежде всего — оборонно-промышленный комплекс, что исключительно важно в нынешних условиях. Однако в остальном большинство принимаемых программ, как правило, не сбалансировано по срокам и ресурсам, нет личной ответственности и отчетности за их выполнение. Имеют место многочисленные факты коррупции, незаконного использования государственных средств. Положительным является то, что борьба с этими явлениями со стороны правоохранительных органов усиливается [7; 8].

Однако представители либерального направления выступают против возрастания роли государства в экономике, за ее существенное сокращение и ограничение, за повышение роли рыночных регуляторов [9]. Приводятся аргументы, призванные обосновать, что переход от планирования к «рынку», якобы, всегда ускорял развитие экономики, что государственная собственность априори менее эффективна, чем частная. В качестве примеров приводятся Китай, Вьетнам, Индия и др. страны [10]. При этом сторонники «рынка», видимо, не хотят принимать во внимание следующие обстоятельства.

— В упомянутых странах рост ускорился не из-за перехода к «рынку», а благодаря прямым инвестициям иностранного капитала, передаче ряда современных технологий (хотя и не ключевых) в обмен на ослабление или отмену государственного планирования. В Китае, например, прямые инвестиции пошли в обмен на его переход на антисоветские позиции, когда на нашу страну китайцами было совершено два вооруженных нападения, СССР был объявлен руководством Китая «главным гегемоном», с которым нужно бороться совместно с США [11]. Экономика КНР ускорила свое развитие благодаря западным технологиям, но зависимость от США по ключевым технологиям сохранилась. Руководство Китая предпринимает усилия для ослабления этой зависимости, что постепенно достигается *именно с помощью государственного регулирования.* Аналогичная ситуация имеет место и в таких государствах, как Вьетнам, Индия и др.

— В России сложилась совершенно иная ситуация. «Рынок» развалил *основу экономики — станкостроение*. В результате Россия лишилась технологического суверенитета по ряду важнейших направлений. Передовых технологий в области машиностроения и электроники нам не дали. Их передача, как и в годы СССР, остается под запретом. Как и прежде, России предстоит в основном самой (хотя и с некоторой помощью стран ШОС, БРИКС) возрождать некогда передовое станкостроение.

В истории имели место случаи, когда переход к государственному планированию ускорял развитие, а отступление к «рынку» его существенно замедляло. Это касается не только СССР — России, но и таких стран, как, например, Япония или Южная Корея.

Страны, обладающие технологическими преимуществами, требуют от других стран открытия рынка и минимизации государственного регулирования, поскольку это позволяет им сохранять свое преимущество. Они видят в протекционизме и государственном планировании угрозу своему преобладанию на рынке и требуют их отмены взамен на прямые инвестиции (но без передачи ключевых технологий).

Вопрос о роли государства в российской экономике должен решаться *конкретно-исторически*, исходя из сложившихся реалий. А они в данный момент таковы:

а) нет руководящей роли Компартии и власти трудящихся во главе с рабочим классом, поэтому методы управления экономикой, используемые в «сталинской модели», вряд ли будут такими же успешными, как в годы СССР;

б) наиболее передовые технологии империалисты нам не дадут, «рынок» только закрепляет зависимость страны от импорта оборудования и экспорта сырья и продукции начальной степени обработки;

в) нынешняя экономическая система России не позволяет действующим предприятиям *самостоятельно* наладить конкурентоспособное производство *в необходимых масштабах* в таких основообразующих отраслях, как станкостроение, электроника, робототехника, информационные технологии;

г) в экономике страны назрели изменения, суть которых — повышение роли государства в развитии прежде всего *станкостроения* и всего машиностроения в целом, в технологическом обновлении всей экономики.

Упор на развитие «рынка» и сокращение участия государства в экономике не позволит решить следующие задачи, которые в сложившихся условиях «по плечу» только государству:

— концентрация достаточных объемов ресурсов на нужных направлениях НИОКР и производства;

— строительство новых и возрождение уцелевших, но с трудом выживающих предприятий, необходимых для выпуска высокотехнологической продукции;

— подготовка кадров для научных исследований и производства в необходимых масштабах;

— постановка и планомерное достижение общенациональных целей развития, отвечающая интересам большинства народа и способная в какой-то мере сплотить массы трудящихся и возродить их трудовой энтузиазм;
— организация внешнеэкономических отношений, отвечающих общегосударственным интересам. Это касается как структуры торгового и платежного балансов, так и движения капитала и рабочей силы.

В свое время Советский Союз успешно решал перечисленные задачи и достигал впечатляющих успехов в технологическом развитии в условиях послевоенной разрухи, отставания в развитии, враждебного окружения и санкций со стороны империалистических государств. *Государственные* (а не частные) предприятия в СССР сумели наладить высокотехнологическое производство в станкостроении, продукция которого шла в десятки стран мира, в том числе и развитые капиталистические государства [12; 13]. В период же перехода к «рынку» многие предприятия станкостроения были обанкрочены, ликвидированы или сохранились, но резко сократили объем выпуска и работают на изношенной технике. В итоге «зависимость России от импорта станков в ряде отраслей в нулевые годы составляла практически 100%» [14]. По мнению экспертов, «станкостроительная отрасль в стране практически не развита»», в 2023 году отечественное станкостроение обеспечивало лишь 8% от внутреннего спроса [15].

Для сравнения: в СССР доля импорта в потреблении важнейшего вида оборудования — металлорежущих станков составляла 8,9%, кузнечнопрессового оборудования — 4,6%, а доля экспорта в производстве — 7,1% и 4,2% соответственно [16].

И сегодня технологические прорывы совершают главным образом *государственные* предприятия или предприятия, выполняющие *госзаказы*. Прежде всего это касается оборонно-промышленного комплекса, космической отрасли, атомной энергетики.

Кризисное состояние станкостроения обусловило медленное техническое перевооружение производства в отрасли и его технологическое отставание. Так, после 1992 года впервые только в 2016 году *благодаря государственной поддержке* «обновление парка станков достигло 1%», а до этого оно было еще ниже. Многие технологии не обновлялись с 1960-х гг. [17]. Не удивительно, что компании предпочитают иностранные станки, которые оказываются более конкурентоспособными, несмотря на запреты покупать импортное оборудование при наличии отечественного.

Выделяемые до 2030 года 350 млрд руб. согласно Национальному проекту «Средства производства и автоматизации» явно недостаточны не только для создания новых высокотехнологичных предприятий в станкостроении, но и для перевооружения и возрождения существующих.

Как показывает опыт, обновление технической базы дает впечатляющий эффект [18]. По нашим расчетам [19], в 2005–2019 гг. производительность труда на новом оборудовании в среднем была на 67% выше, чем на действующем в отраслях, производящих предметы труда; на 47% — в отраслях, изготавливающих средства труда; на 96% — в производстве предметов потребления и на 97% — в сфере конечных услуг.

Доказано [20], что в России имеются объективные условия для существенного ускорения технического перевооружения экономики. С помощью имитационной модели межотраслевого баланса построены возможные варианты ускоренного обновления основного капитала, обеспечивающие повышение темпов роста валовой добавленной в 2024–2030 гг. до 7,1% при сокращении численности занятых в течение периода на 1,4%.

Чтобы реализовать эти варианты требуется:
— увеличить производство высокотехнологического оборудования на основе обновления технической базы действующих предприятий станкостроения, их расширения и строительства новых предприятий в отрасли, оснащенных передовой техникой;
— для этого в первое время нарастить импорт оборудования, которое пока нецелесообразно или нет возможности производить внутри страны, направив его в первую очередь на обновление и расширение технической базы станкостроения и отраслей, обеспечивающих его работу;
— на основе развития станкостроения и импорта средств труда обновить техническую базу всех предприятий, которые в этом нуждаются, и оснастить вновь строящиеся предприятия; затем переходить к замещению импорта и увеличению экспорта техники.

В стране имеются достаточные ресурсы, которые могут быть использованы в качестве источников средств для решения поставленных задач.

Для увеличения импорта техники могут быть использованы:

— средства счета текущих операций платежного баланса России;

— часть международных резервов России — одноразово.

Счет текущих операций имеет значительную положительную величину и является крупным каналом оттока средств из экономики за рубеж и частично в международные резервы страны. Так, в 2023 году сальдо счета составило 49,4 млрд долл.; в 2024 году — 63,2; в I квартале 2025 года — 17,8 млрд долл. [21]. Россия в течение длительного периода является чистым кредитором остального мира. А ведь на указанные суммы можно было бы закупать нужные стране товары, прежде всего, оборудование, комплектующие, материалы, медикаменты и т.д.

Например, в 2023 году можно было увеличить импорт инвестиционных товаров на 49,4 млрд долл., или на 34% . Вместо этого валютная выручка в основном осталась за рубежом и частично осела в приросте международных резервов страны [22].

Накопленная величина международных резервов в настоящее время обновила исторический максимум и достигла 742,4 млрд долл. [23]. Как показывает практика последних 25 лет, это явно избыточная величина. Она могла быть разово сокращена на 100–150 млрд долл. и больше не увеличиваться, а эти средства могли быть направлены на импорт товаров, нужных для развития страны. Накопление резервов уже обернулось стране заморозкой в западных банках около 300 млрд долл. наших активов. А теперь накопляемые активы Россия сама замораживает вместо использования их ради модернизации экономики.

Ведь экспорт существует не для того, чтобы накапливать валюту и тем более не для того, чтобы оставлять ее за границей. Он нужен прежде всего для приобретения товаров, необходимых для обеспечения воспроизводства в стране.

Целью увеличения импорта техники должно стать развитие собственного станкостроения и отраслей, обеспечивающих его работу. Это позволит нарастить продукцию отрасли и увеличить поток оборудования во все отрасли народного хозяйства. Развитие станкостроения позволит переходить к созданию конкурентоспособной техники для самого станкостроения и других отраслей, и на этой основе — к импортозамещению ввозимого оборудования, а далее — к экспорту техники. То, что это вполне реально, показывает, например, успешный опыт СССР, Китая и Южной Кореи.

Но эту задачу не решить без участия государства, поскольку валюта от экспорта поступает в одни отрасли (прежде всего — в сырьевые, металлургию, химическую промышленность), а обновление и наращивание основных фондов в первую очередь необходимо в станкостроении и отраслях, обеспечивающих его работу. С учетом существующих различий в рентабельности продукции и финансовом состоянии предприятий только государство способно перераспределить валюту для приобретения нужной техники за рубежом, например, при посредстве обязательной продажи валютной выручки, или ее части, государству. Поэтому импорт техники должен осуществляться в определенной части централизованно или под государственным контролем для обеспечения общегосударственных интересов.

Для успешности этой деятельности требуется:

— выявление потребности в видах оборудования для станкостроения и смежных отраслей;

— определение конкретных получателей техники и очередности ее поступления;

— организация импортных поставок;

— предоставление оборудования организациям в лизинг для достижения ими планируемых результатов по развитию производства на основе госзаказов, предполагающих материальную ответственность за их выполнение.

Иначе говоря, развитие станкостроения необходимо построить по аналогии с организацией оборонно-промышленного комплекса, поскольку оно имеет *ключевое значение* для ускорения экономического развития в целом, в том числе для обеспечения обороноспособности страны как создатель материальной базы производства средств защиты страны.

Импорт техники, который здесь имеется в виду, не означает вытеснения с рынка отечественных производителей, продукция которых пока менее конкурентоспособна по сравнению с импортной. Напротив, необходима государственная помощь таким предприятиям в обновле-

нии технической базы, в улучшении условий кредитования, поставках материальных ресурсов и сбыте продукции с тем, чтобы целенаправленно вывести их на новый уровень эффективности производства и качества создаваемых изделий, достаточный для импортозамещения и даже выхода на внешний рынок

Важно также возрождать предприятия, не выстоявшие в годы разрушения станкостроения, но имевшие свою славную историю, кадры которых сохранились; а также строить новые предприятия в отрасли. В решении этих задач участие государства незаменимо. Только государство (в том числе с привлечением частного капитала) может создавать новые предприятия в отраслях с длительным сроком окупаемости капиталовложений, развитие которых необходимо для национальной безопасности страны. Только государство в состоянии организовать подготовку кадров в учебных заведениях для работы на новой технике и их последующее распределение по местам работы. Необходимо существенно повысить роль государства и в увеличении финансирования и организации НИОКР в станкостроении и смежных отраслях.

Для решения перечисленных задач нужны соответствующие финансовые ресурсы. Их основным источников может быть только стоимость, созданная в стране. Внешние займы здесь не рассматриваются.

Как известно, стоимость совокупного общественного продукта, произведенного за определенный период, складывается из трех частей: C + V + M. Перенесенная стоимость (C) — стоимость затраченных средств производства — предназначается для простого воспроизводства этих ресурсов. Стоимость рабочей силы (V) — обеспечивает восстановление и развитие жизнедеятельности работников, создающих стоимость. Прибавочная стоимость (M) расходуется:

— на воспроизводство рабочей силы наемных работников, не создающих стоимость;
— на потребительские расходы собственников капитала как оформленных руководителями предприятий, так и не участвующих в трудовой деятельности;
— на содержание нетрудоспособных;
— на накопление капитала и резервов внутри страны;
— на чистое кредитование остального мира как в виде прироста международных активов, управляемых государством; так и в виде частного вывоза стоимости.

Международные активы, управляемые государством, могут быть непосредственно использованы государственными органами или под их контролем для импортных закупок товаров, необходимых для развития экономики.

Чистое частное кредитование остального мира — это, по сути, потеря стоимости для страны, хотя это и выгодно определенному слою лиц, скапливающих богатство за рубежом, в том числе и для ухода от налогов. Использовать эти средства для импорта необходимых технологий можно лишь путем своего рода «выкупа» соответствующего количества валютной выручки предприятий государством, что предполагает введение определенных валютных ограничений. Они могут быть в разной форме. Например, обязанность экспортеров продавать всю или частично валютную выручку на внутреннем рынке, разрешение перевода валюты за рубеж лишь для совершения определенных видов сделок и т.п.

Источником средств для увеличения государственных закупок валюты может быть только часть прибавочной стоимости, изымаемая посредством дополнительных налогов на доходы тех, кто ее присваивает. Это в основном наиболее богатая часть общества. Увеличение же налогов с наемных работников приведет лишь к дальнейшему нарушению воспроизводства значительной части рабочей силы и последующему обострению проблем бедности, демографии, здоровья трудового народа.

Введение дифференцированной шкалы НДФЛ с 2025 года с максимальной ставкой в 22%, повышение налога на прибыль позволяет изъять часть прибавочной стоимости в пользу государства. Однако одновременно с этим увеличена ставка НДС на 2%, сокращены налоговые льготы для малого предпринимательства и др. Эти меры затрагивают уже положение всех слоев населения, в том числе и наименее обеспеченных, они ухудшат условия воспроизводства рабочей силы.

На основе опубликованных данных о доходах населения и их дифференциации, а также о развитии экономики России в 2025 году [24] и анализа дифференциации доходов населения за 2021–2023 гг. [22], нами было рассчитано наиболее вероятное распределение средне-

душевых и среднедушевых располагаемых доходов населения по 10-процентным группам в 2025 году при прежней плоской и новой дифференцированной шкале НДФЛ.

По нашим оценкам, реформа НДФЛ может дать бюджету страны дополнительный доход примерно в 520–530 млрд руб., а повышение НДС — 290–300 млрд руб., т.е. в сумме 810–830 млрд руб. Эта величина недостаточна даже для покрытия планируемого дефицита федерального бюджета, не говоря уже о решении комплекса задач, связанных с возрождением станкостроения и обновлением технической базы предприятий.

Новая шкала НДФЛ несущественно сократит показатели социального неравенства. Коэффициент фондов. по нашим расчетам, снизится с 15,4 до 15.2, а коэффициент Джини — с 41,1 до 40,9.

На основе расчетов построены графики денежных доходов и располагаемых доходов децильных групп населения при прежней и новой системе НДФЛ (см. рис 1). Как видим, графики располагаемых доходов при прежней и новой системе НДФЛ практически сливаются.

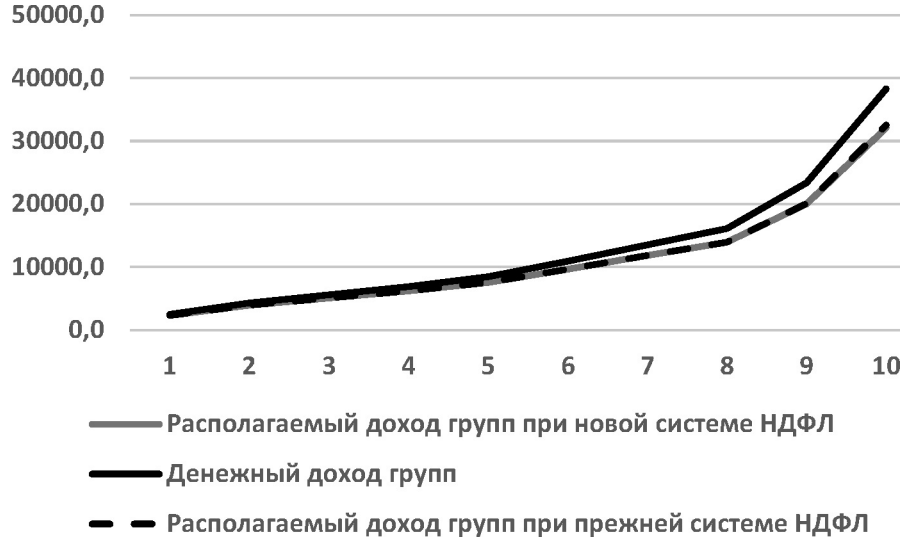


Рис. 1. Величина доходов децильных групп населения, начиная с группы 1, имеющей наименьшие доходы, кончая группой 10 с наибольшими доходами, в 2025 году, в млрд руб.[6]

Графики показывают, что более высокое обложение доходов 9 и в особенности 10 групп могло бы сделать распределение доходов хотя и неравным, но более равномерным, а с точки зрения тех, кто получает свой доход не от собственности, а от продажи рабочей силы, т.е. большинства народа — более справедливым.

Рассмотрим один из возможных вариантов дополнительных налогов. Допустим, что для лиц с годовыми доходами от 2,4 до 5 млн руб. устанавливается ставка не в 15% на превышение дохода сверх 2,4 млн руб. как по новой системе, а в 50%; а для лиц с годовыми доходами выше 5 млн руб. — 75% на превышение дохода сверх 5 млн руб. В этом случае коэффициент фондов по располагаемым доходам снижается до 12, а индекс Джини — до 37,4. Такой уровень показателей неравенства остался бы даже выше, чем у подавляющего числа стран Европы, где коэффициент фондов находится в интервале от 5,5 до 9,4, а также Японии (4,5) и Южной Кореи (7,8). То же относится и к индексу Джини [29]. Причем эти показатели рассчитаны в указанных странах по полученным, а не располагаемым доходам. Поэтому фактическое неравенство в доходах после уплаты налогов в этих странах еще ниже, поскольку там используются дифференцированные шкалы налогообложения доходов.

Рассмотренное повышение налоговых ставок дало бы в бюджет примерно 8 900÷9 000 млрд руб. сверх подоходных налогов, полученных по новой системе НДФЛ. Кроме того, дополнительно можно было бы получить в казну порядка 90 млрд руб. путем введения акцизов на пред-

[6] Рассчитано нами на основе данных из источников 24; 25; 26; 27; 28.

меты роскоши. При этом лица, входящие в 9 децильную группу с годовыми доходами от 2,4 до 5 млн руб. отдали бы государству дополнительно около 900 млрд руб., т.е. всего 4% своего дохода, а общая нагрузка по НДФЛ для всей группы составила бы 17,3% дохода.

Децильная группа 10 в целом отдала бы государству дополнительно около 20,9% своих доходов, а всего 35,1% полученных доходов. Высок ли этот уровень налогообложения? В большинстве промышленно развитых стран для наиболее богатой части населения он на таком же уровне или даже выше [30]. Например, наемные инженеры-айтишники высокой квалификации в Кремниевой Долине (Калифорния, США), которые относятся к 10 децильной группе, в виде подоходного налога выплачивают 43–45% всего дохода, а не от его прироста свыше заданной величины. Такой уровень налогов не препятствует успешности их труда, а благосостояние находится на достаточно высоком уровне.

Таким образом, общая сумма прибавочной стоимости, изъятой государством дополнительно для обновления и расширения основного капитала, составила бы порядка 9 трлн руб. Совместно с частью международных резервов ее было бы достаточно как для резкого увеличения импорта техники, так и для возрождения действующих и строительства новых предприятий в станкостроении и смежных отраслях, а также для значительного увеличения ассигнований на НИОКР, подготовку кадров для работы на новом оборудовании, их перераспределения между видами деятельности.

Кроме того, это позволило бы существенно повысить выпуск средств для вооруженных сил страны и на оплату военнослужащих, на ремонт изношенной инфраструктуры, строительство, ремонт и содержание детских и медицинских учреждений и т.д.

На рисунке 2 показано, каким будет график распределения располагаемых доходов по децильным группам при реализации предложенной меры по повышению ставок НДФЛ. Из графика видно, что неравенство доходов сократилось, но остается еще значительным.

Тем самым часть прибавочной стоимости была бы использована на нужды обороноспособности и развития страны, а не потреблялась бы наиболее богатой частью общества. Существенно повысились бы инвестиции в основной капитал. Доля госрасходов в ВВП повысилась бы с 36,6 до 41,1%, что даже меньше аналогичного показателя большинства стран Европы и зоны евро (49,6%), хотя и несколько выше США (39,7%) и Японии (39,4%). Разумеется, при этом должна быть усилена борьба с коррупцией в госаппарате.

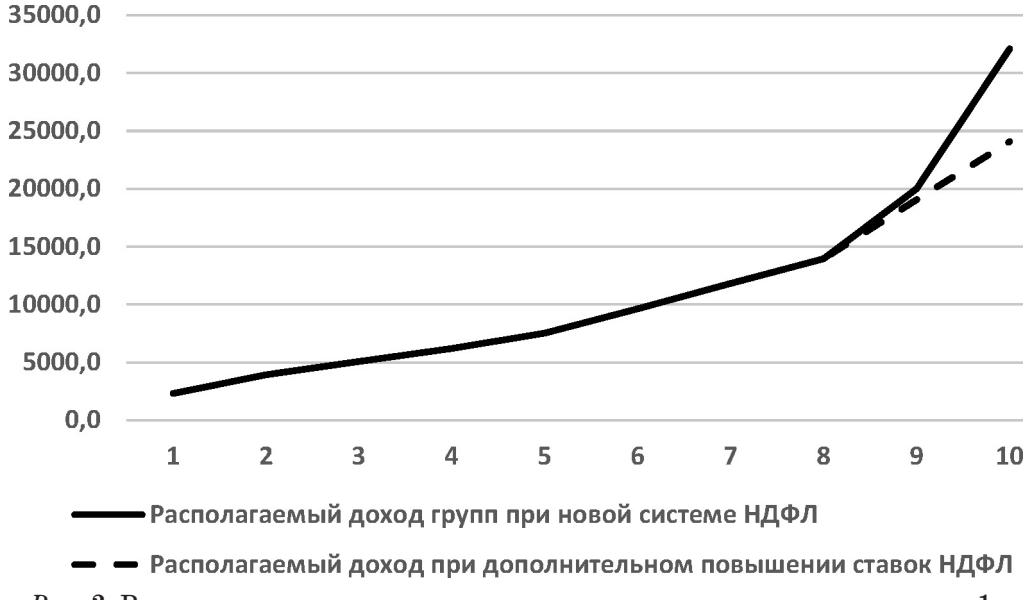


Рис. 2. Величина доходов децильных групп населения, начиная с группы 1, имеющей наименьшие доходы, кончая группой 10 с наибольшими доходами, в 2025 году, в млрд руб. при повышении ставок НДФЛ

Задачи строительства и возрождения экономики, укрепления обороноспособности и безопасности государства решались бы намного более успешно. Потребление товаров и услуг наи-

более богатой частью общества, разумеется, сократилось бы. Но, по расчетам, оно все еще намного превышало бы уровень потребления остальных групп населения.

Иначе говоря, для развития страны и для победы в СВО наиболее богатая часть общества должна пожертвовать частью потребительских расходов в пользу общественного развития, ведь значительная часть их доходов — это не доход от их личной трудовой деятельности, а присвоение прибавочной стоимости благодаря отношениям собственности как в форме дивидендов, так и в виде завышенных зарплат и бонусов. Тем более она должна так поступить в условиях, когда сотни тысяч сограждан, защищая Отечество, воюют на фронте, рискуя потерять свое здоровье и жизнь.

Ясно, что рассмотренный вариант налоговых изменений невыгоден собственникам капитала. Их противодействие, видимо, пойдет по пути вывода доходов в тень и капитала за рубеж. Но в современном мире достаточно средств, чтобы государство эффективно пресекало отток капитала и выявляло теневые доходы. Необходима только политическая воля.

Путь, гарантирующий развитие экономики и повышение обороноспособности страны, независимо от складывающихся внешних условий, заключается в том, чтобы государство так или иначе обеспечило приоритет общенациональных интересов над частно-групповыми интересами, т.е. добилось существенного увеличения использования прибавочной стоимости для технологического обновления производства.

Тогда призыв власти к объединению общества для победы был бы подкреплен практическими делами и вызвал бы у трудового народа несомненное одобрение. Был бы подтвержден и усилен зафиксированный в ст. 7 Конституции РФ «социальный» характер государства. Сохранение же огромного неравенства и нежелание вложить средства в общегосударственное дело, тем более вывод стоимости из страны ради личного обогащения в такое время, когда решается судьба страны, справедливо воспринимается как предательство интересов народа.

Повышение налогов, описанное выше, привело бы к изменению структуры экономики. Спрос на потребительском рынке на некоторый период сократился бы, по расчетам, не более чем на 6,9%. Это привело бы к заметному снижению или даже прекращению инфляции, и, как следствие, к понижению процентных ставок по кредитам. Ведь именно перегрев потребительского рынка трактуется финансовыми властями страны как причина для завышенных ставок, тормозящих развитие экономики. Данная причина была бы устранена. Процентную ставку пришлось бы снизить, что привело бы к повышению доступности и увеличению инвестиций, следовательно, к ускорению роста экономики. Сбережения стали бы превращаться в инвестиции, потребление расти. Рост экономики ускорился бы и охватил бы производство как средств производства, так и потребительских товаров и услуг.

Таким образом, для обеспечения устойчивого развития России необходимо, чтобы российское государство на деле доказало, что оно выражает общенациональные, а не частно-групповые интересы и стремится к возрождению экономики и повышению благосостояния народа. В этом случае будет достигаться подлинная консолидация граждан в деле защиты и развития страны.

Список литературы

1. *Лепехин В.А., Беляков С.А., Лепехин В.В.* «Солидарная экономика» как новый способ производства — М.: Концептуал, 2024. — 336 с.
2. *Савченко Е.С., Щербаков А.В.* Солидарное общество. — https://www.trinitas.ru/rus/doc/0001/005d/00012888.htm.
3. *Катасонов В.Ю.* Экономика Сталина. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 340 с.
4. *Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О.* Кристалл роста к русскому экономическому чуду. — М.: Наше завтра, 2021. — 360 с.
5. *Бодрунов С.Д.* Теория ноономики и новый этап в развитии политической экономии // Вопросы политической экономии. — 2025. — № 2. — С. 128–138. — https://interpolitec.su/page2.
6. В РАНХиГС сообщили о снижении доли государства в экономике // Агентство РБК. — 30.10.2024. — https://www.rbc.ru/economics/30/10/2024/6720d63d9a79478690f58b0b

7. Генпрокуратура раскрыла данные о коррупции в России // Агентство РБК. 16.06.2025. — https://www.rbc.ru/society/16/06/2025/6837ed979a79471aa4b6c83d.
8. Хищение бюджетных средств // Tadviser. Государство. Бизнес. Технологии. — 2025/07/09.
9. *Александрова Е.* Государства в экономике не много, а очень много // Морские вести России. — 2019. — № 2.
10. *Целищев И.С.* Совсем новая экономика. Как умирает глобализация и что приходит ей на замену. — М.: Бомбора, 2025. — 460 с.
11. *Спицын Е.Ю.* Брежневская партия. Советская держава в 1964–1985 годах. — М.: Концептуал, 2024. — 784 с.
12. *Андреев А.* Трехмерные перспективы завода Седина. — https://stanki-expo.ru/novosti/tpost/90r2ed4m31-trehmernie-perspektivi-zavoda-sedina.
13. Ивановский завод тяжелого станкостроения // Энергетика и промышленность России. — https://www.eprussia.ru/com/company/2176.htm.
14. *Пашкин Н.* Станкостроение в России: борьба с импортозависимостью // Главпортал, 17.02.2025. — https://glavportal.com/materials/stankostroenie-v-rossii-borba-s-importozavisimostyu.
15. *Санатина Ю.* Как преодолеть зависимость России от импорта станков // Российская газета. 12.04.2025. — https://rg.ru/2023/04/12/reg-urfo/zapustit-zavod-zavodov.html.
16. Народное хозяйство СССР в 1988 г.: Стат. ежегодник — М.: Финансы и статистика, 1989. — 766 с.
17. *Зубарева И.* Российская промышленность освоит производство станков // Российская газета. 13.10.2014. — https://rg.ru/2014/10/14/stanki.html.
18. *Подцероб М.* Российские компании всерьез озаботились повышением эффективности // Ведомости. — 19.09.2024. — https://www.vedomosti.ru/ideas/personnel/articles/2024/09/19/1063120-rossiiskie-kompanii-vserez-ozabotilis-povisheniem-effektivnosti.
19. *Водомеров Н.К.* Использование 4-секторной модели межотраслевого баланса для оценки нереализованного потенциала экономического роста // Теоретическая экономика. — 2024. — № 6. — С. 12–28. — https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-4-sektornoy-modeli-mezhotraslevogo-balansa-dlya-otsenki-nerealizovannogo-potentsiala-ekonomicheskogo-rosta.
20. *Водомеров Н.К.* Оценка потенциала экономического роста России в 2024–30 гг. // Журнал региональной и международной конкурентоспособности. — 2024. — Т. 5. — № 3. — С. 38–52. — https://chemintech.ru/ru/nauka/article/92639/view.
21. Статистический бюллетень Банка России. — 2025. — № 9 (388). –https://cbr.ru/Collection/Collection/File/58314/Bbs0925.pdf
22. Российский статистический ежегодник. — 2024. — https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994.
23. Золотовалютные резервы: что это и как они влияют на экономику России // Агентство РБК. 01.11.2025. — https://www.rbc.ru/base/01/11/2025/690363079a794716558a8840.
24. *Воропаева В.* Экономист рассказал о резком росте среднедушевых доходов россиян // Финансы. Mail. — 01.10.2025. — https://finance.mail.ru/article/ekonomist-rasskazal-o-rezkom-roste-dohodov-rossiyan-68131987/.
25. Россия и мир: 2025. Экономика и внешняя политика. — М.: ИМЭМО РАН, 2024. — https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2024/Prognoz-2025.pdf.
26. Министерство экономического развития РФ. Экономические обзоры. — https://economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskie_obzory/.
27. «Уже началось»: экономика России резко сбавит темпы роста в 2025 году // Деловой Петербург. — https://www.dp.ru/a/2025/01/16/uzhe-nachalos-jekonomika.
28. Российский статистический ежегодник 2022–2023. — https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994.
29. Портал «Statbase». — https://statbase.ru/datasets/indexes-and-ratings/gini-index/.
30. Подоходный налог в развитых странах // КонсультантПлюс. — https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_486923/d4c4aa2ab44dde5ffc4ec04e0311611b2fdca740/
31. Ставка подоходного налога — список стран // Портал «Tradingeconomics». — https://ru.tradingeconomics.com/country-list/personal-income-tax-rate/

Исоков М.М.
директор Центра педагогического мастерства Сурхандарьинской области
avazov.75@bk.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: гражданское общество, человеческие ресурсы, глобализация, кадровая политика, социальная мобильность, образование, инновации, цифровизация, ННО, устойчивое развитие.
Key words: civil society, human resources, globalization, personnel policy, social mobility, education, innovation, digitalization, NGOs, sustainable development.

В условиях глобализации и стремительного технологического прогресса кадры становятся не только объектом управления, но и важным элементом, активно участвующим в формировании и трансформации гражданского общества. Современные концепции социального развития требуют интеграции человеческих ресурсов в более сложные механизмы социальных и политических изменений. В связи с этим особое внимание уделяется совершенствованию национальной политики в области развития человеческих ресурсов, что должно привести к улучшению институтов гражданского общества и укреплению позиций граждан в социально-политических процессах.

Гражданское общество в традиционном смысле отражает деятельность граждан, направленную на защиту и продвижение своих интересов через официальные и неофициальные организации. В современных условиях граждане становятся не только участниками национальных институтов, но и активными участниками глобальных процессов. В свою очередь, в таких условиях человеческие ресурсы представляют собой не только рабочую силу, но и интеллектуальные, социальные и культурные ресурсы, активно участвующие в создании и внедрении новых технологий, принятии управленческих решений, а также в формировании новых социальных норм и практик [1].

Глобальные изменения в политических, экономических и социальных сферах общества требуют от государства разработки новых, более гибких подходов к управлению человеческими ресурсами. С этой точки зрения развитие человеческих ресурсов должно быть направлено не только на формальное образование и трудовую деятельность, но и на развитие таких навыков, как межотраслевая кооперация, критическое мышление, инновационность и адаптация к быстро меняющемуся миру. Как отметил социолог И.Б. Бекназаров, «в эпоху рефлексивной модернизации личность становится не только объектом, но и источником общественного порядка, а значит — основой гражданского общества» [1].

В этой связи особое внимание следует уделить изменению государственного подхода к поддержке и развитию кадрового потенциала. Современные формы управления кадрами, такие как гибридные структуры, сетевые организации, а также участие граждан в формировании государственной политики, требуют от государства способности к адаптации и быстрой реакции на новые вызовы. Одним из ключевых элементов этого процесса является роль негосударственных некоммерческих организаций (ННО), которые играют важную роль в обеспечении обратной связи между гражданским обществом и органами государственной власти.

Как отметил М.Н. Моховиков, «основная тенденция — это расширение каналов влияния негосударственных субъектов на процессы подготовки и распределения кадров, особенно в социальной и образовательной сферах» [2].

В постиндустриальном обществе центральным элементом становится не только образование, но и интеграция знаний и навыков в более широкий социальный и культурный контекст. Граждане, особенно молодёжь, должны обладать не только профессиональными, но и социальными навыками, гражданской активностью, способностью решать коллективные проблемы. Поэтому важным становится внедрение новой образовательной и социальной политики, включающей элементы инклюзивности и открытости. Программы, направленные на развитие гибких навыков, предпринимательского мышления и критического подхода к

решению проблем, становятся неотъемлемой частью модернизации национальной системы образования.

Развитие социального предпринимательства, поддержка малого и среднего бизнеса, активное участие в общественных инициативах становятся важными показателями успешного сотрудничества между государством и гражданским обществом в повышении качества жизни [3].

Системы образования и занятости должны быть более гибкими, интегрированными и ориентированными на потребности общества. Это требует не только обеспечения формального образования, но и создания платформенных решений, поддерживающих новые формы занятости, такие как удалённая работа и социальное предпринимательство. Государство должно создавать условия, поддерживать их на законодательном уровне и обеспечивать доступ граждан к образовательным и трудовым ресурсам.

Таким образом, трансформация гражданского общества требует новых подходов в национальной политике развития человеческих ресурсов. Сотрудничество между государством и гражданским обществом должно стать основным принципом, включающим не только повышение качества образования и профессиональной подготовки, но и развитие социальных, культурных и политических навыков граждан. В долгосрочной перспективе это должно привести к более высокому уровню участия граждан, инклюзивности и социальной справедливости, что в свою очередь укрепит демократические институты и обеспечит устойчивое развитие общества.

Основной задачей совершенствования национальной политики в области управления человеческими ресурсами является разработка стратегий, обеспечивающих более широкую интеграцию граждан в процессы управления и принятия решений. Современное гражданское общество нуждается в гибкой и динамичной системе управления человеческими ресурсами, учитывающей разнообразие социальных, экономических и культурных факторов. Эта система должна быть направлена не только на повышение профессионального мастерства, но и на активное вовлечение граждан в разработку инновационных решений актуальных социальных проблем. Одним из ключевых факторов успешной трансформации гражданского общества является поддержка социальной мобильности и равных возможностей. В условиях глобализации растёт значение создания равных условий для всех слоёв населения, что обеспечивает устойчивое развитие общества и снижение социальной несправедливости.

Основным аспектом данной задачи является интеграция маргинализированных и социально уязвимых групп в общественные процессы. Для этих групп важно не только создание возможностей профессионального роста, но и обеспечение доступа к качественному образованию, здравоохранению и социальным услугам. Это требует от государства разработки специальной политики, направленной на профессиональную адаптацию инвалидов, молодёжи и национальных меньшинств, позволяющей им активно участвовать в социально-экономическом развитии. Кроме того, необходимо подчеркнуть важность объединения моделей образования и трудовой практики, способствующих развитию не только профессиональных, но и инновационных компетенций. В современном мире, где ключевую роль играют новые технологии и информация, важно развивать у граждан навыки эффективного использования цифровых инструментов и технологий. Включение таких навыков в образовательные программы способствует развитию у молодёжи способности решать нестандартные проблемы и работать в условиях быстро меняющейся реальности. Главное здесь — это подход, обеспечивающий развитие критического мышления и адаптивности граждан в условиях цифровой трансформации и изменений на рынке труда.

Развитие межсекторального сотрудничества между государственными и частными институтами, ННО и гражданским обществом также является важным аспектом. Одним из эффективных способов реализации такого взаимодействия является создание гибридных моделей управления, позволяющих объединить усилия различных социальных субъектов.

Государственные органы должны не только предоставлять ресурсы для реализации инициатив, но и активно поддерживать инновационные проекты граждан и ННО, тем самым способствуя социальной ответственности и участию граждан в государственном управлении. В этом процессе ННО играют важную роль как проводники инноваций, способные предлагать новые

подходы к решению проблем, связанных с человеческими ресурсами. Разработка цифровых платформ, обеспечивающих участие граждан в формировании и реализации социально значимых инициатив, также является важным элементом. Такие платформы должны быть направлены на обеспечение информационного обмена и обратной связи между гражданами и государственными органами. Это повышает участие граждан в социально значимых процессах и предоставляет им возможность влиять на принятие решений, касающихся их жизни. Использование информационных технологий ускоряет образовательный процесс, делает его более удобным и адаптированным к потребностям отдельных групп населения, включая инвалидов.

Важным аспектом эффективного управления человеческими ресурсами является повышение мобильности рабочей силы и интеграция навыков и квалификаций на международном уровне.

В условиях глобализированного рынка труда необходимо развивать у граждан способность к международному сотрудничеству, что способствует не только повышению квалификации, но и расширению возможностей трудовой миграции. Важным шагом является развитие международного сотрудничества в области образования и занятости, предоставляющего гражданам возможность приобретения знаний и опыта в различных странах и интеграции передового опыта в национальную систему образования и экономику.

Список литературы

1. *Бекназаров И.Б.* Социологические аспекты модернизации. — Ташкент: Узбекистон, 2020. — 248 с.
2. *Моховиков М.Н.* Управление человеческими ресурсами в условиях постиндустриального общества. — М.: Наука, 2019. — 312 с.
3. https://www.oecd.org
4. *Шарифхўжаев М.* Ўзбекистонда очиқ фуқаролик жамиятининг шаклланиши. — Тошкент, Шарқ, 2003.
5. Eurozone Economists' Survey 2016: Refugees. How will the mass arrival of refugees affect the eurozone economy? // Financial Times. — 2015. — January 27.

Караткевич А.Г.
д.полит.н., доцент,
профессор Гомельского государственного университета
karatkevich1@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Ключевые слова: трансформация социополитическая, трансформация социокультурная, постсоветские общества, глобализация, интеграция, политическое сознание, политическая культура, политическая идеология, патриотизм, плюралистическая демократия, Евразийская цивилизация.

Key words: socio-political transformation, socio-cultural transformation of post-Soviet societies, globalization, integration, political consciousness, political culture, political ideology, patriotism, pluralistic democracy, Eurasian civilization.

Происходящие на постсоветском пространстве в результате трансформации изменения, их противоречивый характер, обусловливают неоднозначные суждения и оценки. Различные политические силы по-разному оценивают действия властей. Противоречивых точек зрения придерживается и научный мир, предлагая в качестве теоретических схем нередко прямо противоположные объяснительные модели. В политических процессах постсоветских государств происходят изменения, трансформирующие структуры сложившиеся еще в начале 1990-х гг. Многие исследователи подчеркивают, что в условиях утверждения новой ценност-

но-ориентированной модели культурной политики возникает потребность в ее соответствии реальной практике. Остается вопрос, какие конкретно сферы должны стать детерминантами системных преобразований [1]. Данный тезис актуален практически для всех постсоветских обществ.

Согласимся и для примера отметим, что если говорить о внутриполитических процессах, то следует подчеркнуть, что их характеризуют социополитические отношения по поводу воспроизводства индивида как субъекта политической сферы. В соответствии с их структурой мы и будем рассматривать социополитические отношения в контексте трех блоков: 1) материального, 2) идеологического, 3) правового. Активное участие индивида в политическом процессе требует определенных условий: материальных, идеологических и правовых (1) удовлетворение потребностей в необходимых продуктах, бытовых условиях и др.; 2) обладание определенным уровнем политической культуры, идеологической и образовательной подготовки; 3) нормативно-правового обеспечения, т.к. многие политические институты функционируют и формируются и под влиянием правовых норм — представительные, политические партии, общественные организации и др.).

Во всех этих категориях присутствует социальный фактор, что позволяет рассматривать социополитическую трансформацию в контексте трех составляющих: трансформация социоматериальных, социоидеологических и социоправовых отношений. Этот подход мы объясняем тем, что взаимосвязь политической системы и благосостояния общества рассматривается, по крайней мере, в трех аспектах:

1) чем выше благосостояние общества, тем в большой мере оно открыто демократической форме функционирования, т.к. основные социальные слои не принадлежат ни к крайне бедным, ни к сказочно богатым (исчезает резкая имущественная поляризация);
2) уровень экономического благосостояния влияет на идеологические предпочтения и политические убеждения человека (что создает основу для образования «среднего класса» — опоры существующей власти);
3) высокий уровень благосостояния общества служит основой создания компетентной нормативно-правовой базы, т.к. в условиях бедности трудно достигнуть высокого уровня образования и профессионализма (что необходимо для эффективного политического управления в соответствии с законодательством).

Далее, если говорить о культурно-духовных процессах, то их характеризуют социокультурные отношения по поводу воспроизводства индивида как субъекта культурно-духовной сферы. В соответствии с методологией, предложенной А.А. Шулусом [2], они имеют определенную структуру и на определенном этапе трансформации общества преобразуются в социокультурные отношения. В их классификации мы применим политологический подход:

1) если понимать под культурой всю совокупность духовных процессов — социодуховные отношения;
2) проявление нормативных образцов поведения — соционормативные отношения;
3) акцентировать внимание на стиле деятельности, что основано на идеологических предпочтениях и ценностных ориентирах — социоценностные отношения [3].

Все сказанное обусловлено особой значимостью духовных, нормативных и ценностных составляющих в социокультурной трансформации. Эффективность трансформационных изменений зависит именно от человеческого фактора. Каждая из обозначенных сфер общества в результате трансформационных изменений имеет определенную специфику. Однако необходимо отметить, что трансформация (в условиях ее неопределенности и непредсказуемости) несет в себе определенные риски и издержки. Их специфика проявляется в том, что, например, глобализация проникает в социокультурную среду государства и общества, трансформирует социокультурный вектор развития без изменения законодательной базы, конституции или революции. Политика глобализации — это идеология масскультуры, основанная на принципах либеральных доктрин. В ее основе принцип потребительства, что сводит глобализацию только к одному экономико-финансовому измерению и лишь обсуждает другие аспекты глобализации: социокультурный, гуманизационный, цивилизационный и др.

Поэтому следует отметить взаимосвязь между идеологией и культурой. Идеология в рамках культуры может быть обозначена как выполнение функций принуждения и освобожде-

ния от зависимости (эмансипации) [4]. Идеология тесно связана с политическим сознанием (знания, ценности, убеждения как результат осознания политической реальности социальными субъектами), что является субъективной стороной политики. Политическая культура (знания, ценности, убеждения) проявляет себя в политическом поведении индивидов и политических институтов.

Политическое сознание — это форма общественного сознания, в которой в идеальном плане воспроизводится политическая действительность, осуществляется ее оценка и толкование. В свою очередь политическая идеология — это теоретическое осмысление политической действительности с точки зрения целей и интересов той или иной социальной группы, класса, этноса, нации и др.

В конце XX века в политологии сложилось два подхода в пониманию политической культуры — объективистский и субъективистский. В этих подходах культура понимается как система ценностей. Их отличие в трактовке ценностей, которые в анализе выходят на передний план. Объективистский — объективная сторона ценностей, т.е. здесь в фокусе внимания их способность интегрировать политическую сферу (государство, партии, общественные движения и др.). Эти ценности независимы от субъективных намерений индивидов. Субъективистский — ценности внутреннего плана субъекта. Это его убеждения, идеологические, политические предпочтения и др. В этом случае они переведены в индивидуальное сознание и соответственно определяют поведение индивидов.

В структуре политической культуры ценности являются главным элементом. В перечень основополагающих политических ценностей современного мира обычно включают: демократию — политические свободы, справедливость, равенство, права человека, политический плюрализм, политкорректность, толерантность, патриотизм, гражданственность и др. Поэтому политическая культура — это не просто совокупность политических ценностей. Это процесс их усвоения и использования в качестве регуляторов поведения индивидов и политических институтов. Когда определенные политические ценности усваиваются какой-то значимой частью индивидов, то все это обусловливают движущую силу политического поведения людей и становится фактором развития политической культуры. Устойчивые, повторяющиеся механизмы взаимодействия людей в итоге становятся политическими институтами, и их можно рассматривать в качестве компонента политической культуры любого общества.

На основании изложенного в политической культуре мы выделим три составляющие:

1) культуру политического сознания (понимание политической действительности, политические убеждения, ценностные ориентации и оценки, нормы, идеалы и т.д.);
2) культуру политического поведения (традиции, обычаи, виды политического участия, стандарты профессиональной политической деятельности и т.д.);
3) культуру функционирования политических институтов (государственной, избирательной, партийной систем, способов разрешения политических конфликтов, принятия политических решений и т.д.).

Политическая культура — это исторически сложившаяся система политических убеждений, знаний, ценностей, норм, реализующая себя в политическом поведении людей и практике функционирования политических институтов. Например, идеология белорусского государства тесно связана как с политической культурой, так и с политическим сознанием. В широком смысле слова это идеология систематизирующая совокупность ценностей, идей, целей и задач, заложенных в основу организации деятельности белорусского общества и государства.

Главная проблема — усвоение молодежью в систематизированном виде основного содержания идеологии современного белорусского государства, необходимого для осознания своего участия в общественно-политических процессах не только в качестве объектов, но и полноправных субъектов (что важно для нашей Евразийской цивилизации). В связи с этим многие вопросы требуют теоретического осмысления, научной проработки и прогнозирования. Особое значение имеет освоение теоретических положений, объясняющих роль идеологии в жизнедеятельности общества; базовых идей и положений основных идейно-политических доктрин современности; понимания содержания идей, принципов, целей и представлений (для примера), составляющих в совокупности идеологию современного белорусского государства. Глав-

ная задача — формирование у молодежи социальных качеств, необходимых для осознанного участия в общественно-политической жизни; патриотизма как важнейшего компонента духовности, основы жизни и деятельности личности, общества, государства И это не полный перечень проблем и вопросов, которые потребуют специального осмысления и разрешения, и ими нельзя пренебрегать.

Теория плюралистической демократии утверждает, что группа — это движущая сила развития. Однако в современной политической науке и практике отдельная личность (в том числе и простые граждане) все чаще рассматривается как главный субъект политической активности. Главное назначение политической культуры — передача политических норм и ценностей от одного поколения к другому (обеспечение воспроизводства политической жизни на основе преемственности), соответствующих менталитету и культуре зарождающейся Евразийской цивилизации. Только в этом случае Большая Евразия может стать противовесом глобализации.

Список литературы

1. *Волков В.А., Востряков Л.Е.* Идеология и культура в контексте государственной культурной политики // Вестник СПбГИК, — 2022. — № 3 (52). — С. 18–23.
2. *Шулус А.А.* Социоэкономика как межотраслевая наука. — М., 2008.
3. *Соловьев А.И.* Политология: политическая теория, политические технологии. — М., 2001.
4. *Мусихин Г.И.* Идеология и культура // Полис. Политические исследования. — 2012. — № 12. — С. 53–62.

Орлов А.И.
д.э.н., д.т.н., к.ф.-м.н.,
профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана
prof-orlov@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ НАУКОЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ «БИОКОСМОЛОГИЧЕСКОЙ НИЦИАТИВЫ»

Ключевые слова: управление наукой, науковедение, информационный барьер, научный клан, Биокосмологическая инициатива, биполярные структуры, фундаментальная наука, прикладная наука, наукометрия, экспертные оценки.
Key words: management of science, science studies, information barrier, scientific clan, Biocosmological initiative, bipolar structures, fundamental science, applied science, scientometry, expert assessments.

Основная цель статьи — обсуждение проблем управления наукой с точки зрения «Биокосмологической инициативы». Она была выдвинута и принята на 22 Международном симпозиуме по Биокосмологии (в рамках 7 Международной конференции по глобалистике, Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 15–18 июня 2021 г.)[1]. По нашему мнению, она даёт новый импульс исследованиям в науковедении и управлении наукой.

Наука как отрасль народного хозяйства — большая организационная система со сложной внутренней структурой. Для результативного управления этой отраслью необходимо изучать её структуру и функционирование в современных условиях. В данной статье рассмотрим ряд проблем науковедения и наукометрии с точки зрения исследователя. Такой подход позволяет выработать рекомендации по результативному управлению научной деятельностью. Его целесообразно применять при обсуждении места и роли науки в модернизации, инноваци-

[1] Обращение к научному сообществу — выдвижение Биокосмологической Инициативы // Biocosmology — neo-Aristotelism. — 2021. — Vol. 11. — No 3–4. — P. 133–145.

онном и технологическом развитии и сотрудничестве стран ЕАЭС и других стран Большой Евразии. Необходимо формирование новой концепции (парадигмы) в области науковедения и наукометрии — в противовес сложившейся в недавнем (по историческим меркам) прошлом ориентации на преклонение перед западной наукой, прежде всего англосаксонской. Подобное преклонение выгодно Западу и наносит вред странам ЕАЭС и другим странам Большой Евразии. Согласно «Биокосмологической инициативе» назрел переход на другой вектор развития, принципиально отличающийся от англосаксонского.

Начнём с обсуждения структуры современной науки. Затем рассмотрим биполярные структуры, каждая из которых — пара противоположностей, в единстве и борьбе которых происходит развитие науки. «Биокосмологическая инициатива» даёт научный инструментарий для углублённого анализа этой борьбы.

Информационный барьер и клановая структура науки

Выработке адекватных методов управления наукой мешает «информационный барьер». Он вызван ограниченностью возможностей человеческого мозга к восприятию информации. Обсудим упрощённый пример. Примем, что за неделю научный работник может изучить одну серьёзную монографию или статью. Тогда за год он сумеет познакомиться с примерно 50 публикациями. А за 100 лет — с 5 000 (ясно, что это верхняя граница возможного объёма изученных статей и книг). Однако в любой области науки число актуальных публикаций — сотни тысяч и миллионы. Таким образом, каждый конкретный исследователь может познакомиться лишь с весьма малой долей накопленных научных результатов. В Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) на 16.11.2025 зарегистрировано 22 359 математиков и 139 051 экономист, имеющих хотя бы одну научную публикацию. У активных исследователей, как известно, десятки и сотни публикаций (согласно РИНЦ у 368 исследователей — не менее тысячи). В РИНЦ нет информации о работах подавляющего большинства зарубежных исследователей, пишущих на китайском, испанском и многих других языках. Кроме того, число публикаций быстро растёт. Из сказанного ясна необходимость создания методов принятия управленческих решений с учётом непреодолимости информационного барьера.

Чтобы функционировать в условиях «информационного барьера», научное сообщество разбивается на подсистемы, которые мы в данной статье называем кланами. Научный клан состоит из исследователей, которые достаточно хорошо знают работы друг друга, но имеют смутное представление о том, что делается за пределами клана. Величина клана ограничена возможностью поддержания личного или дистанционного общения, Количество лиц, которых может различать человек, не превышает нескольких сотен, остальные сливаются для него в абстрактную массу.

Сформировавшийся клан обладает соответствующей инфраструктурой, в которую входят дружественные научно-исследовательские организации и вузы и/или структурные подразделения НИИ и вузов, научные журналы, конференции, диссертационные советы, Интернет-ресурсы.

Члены клана могут успешно заниматься наукой и строить карьеру внутри клана, не выходя за его пределы. Они практически не интересуются тем, что находится вне клана, а потому не могут объективно оценить полученные вне клана научные результаты. Вполне естественно, что члены клана обычно поддерживают своих и настороженно относятся к чужакам. Клановая структура консервирует устоявшиеся направления и препятствует развитию нового. Поддерживается статика в ущерб динамическому развитию. Клановая структура фиксирует сложившуюся ситуацию. Она является тормозом на пути новых научных направлений. Речь идёт не о преследовании новых идей, а скорее об их игнорировании (замалчивании).

Исходя из сказанного, полезно сказать несколько слов о личном опыте научной и научно-организационной работы. Автор настоящей статьи — самый цитируемый исследователь МГТУ им. Н.Э. Баумана, один из самых цитируемых математиков и экономистов России. На 16.11.2025 в РИНЦ указаны 743 публикации, 20036 цитирований, индекс Хирша 48. За 60 лет научной и научно-организационной работы накопился достаточно большой лич-

ный опыт в области функционирования науки и управления ею[2]. Основные результаты наших науковедческих исследований до выдвижения «Биокосмологической инициативы» (т.е. до 2021 г.) представлены в сборнике «Наукометрия и экспертиза в управлении наукой»[3] и монографии «Современные подходы в наукометрии»[4]. Основные положения этой монографии отражены в рецензии О.В. Москалёвой[5]. Отметим, что в монографии они рассматриваются как адекватные, а в рецензии — как ложные. Мы с О.В. Москалёвой относимся к разным научным кланам. И её рецензия демонстрирует методы межклановой борьбы, которые, очевидно, не ведут к прогрессу науки.

Проблемами науковедения, управления наукой, наукометрии автор настоящей статьи занимается с 1980-х годов. Некоторые итоги подведены в указанной выше совместной монографии 2017 г. В частности, в ней обоснован выбор числа цитирований публикации в качестве основной характеристики результативности фундаментального научного исследования. В дальнейших работах[6] продемонстрирован вред ориентации на зарубежные базы данных SCOPUS и WEB OF SCIENCE и обоснована ориентация на использование российских баз, прежде всего РИНЦ.

Для принятия обоснованных решений в области управления наукой необходимо изучать свойства научного сообщества. Однако наукометрия даёт лишь поверхностное описание процессов динамики научных публикаций, ее цель — изучение развития науки с определённой точки зрения, а именно, как информационного процесса. Она не нацелена на выявление глубинных процессов развития науки.

С целью устранения этого недостатка мы для анализа проблем развития реальной науки и управления ею предложили выделить в науке биполярные структуры, каждая из которых описывается с помощью двух полюсов и взаимодействия между ними. В терминах диалектики речь идёт о единстве и борьбе противоположностей (полюсов). Данная работа продолжает длинную серию публикаций автора, на основные из которых даны ссылки. Поэтому в статье много ссылок на работы автора.

Обсуждать проблемы науковедения в свете биокосмологической инициативы мы начали[7] в 2021 г., сразу же после принятия «Обращения к научному сообществу», в котором была выдвинута Биокосмологическая Инициатива. Продолжим это обсуждение.

Биокосмологическая инициатива — ориентир науковедения

Кратко рассмотрим нужные нам в данной статье положения Биокосмологической Инициативы, используя принятую в ней терминологию.

В соответствии с Биокосмологическим подходом реальную науку рассматриваем как единую, естественную и динамически развивающуюся систему. Весьма важна Биполярность — неизменное существование в реальной жизни (соответственно — науке) двух (и именно двух) противоположных центров (полюсов) целостной жизненной организации,

---

[2] *Орлов А.И.* Шестьдесят лет в мире формул (1964–2023). Комментарии к списку научных и методических трудов. — https://orlovs.pp.ru/forum/viewtopic.php?f=1&t=3711, разд. 5.1 и 5.2.

[3] Наукометрия и экспертиза в управлении наукой / Д.А. Новиков, А.И. Орлов, П.Ю. Чеботарёв (ред.). — М.: Институт проблем управления РАН, 2013. — 568 с.

[4] *Лойко В.И., Луценко Е.В., Орлов А.И.* Современные подходы в наукометрии: монография. — Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2017. — 532 с.

[5] *Москалёва О.В.* Рецензия на книгу: *Лойко В.И., Луценко Е.В., Орлов А.И.* Современные подходы в наукометрии. — Краснодар: КубГАУ, 2017. — 532 с. // Научный редактор и издатель. — 2017. — Т. 2. — № 2–4. — С. 130–132.

[6] *Орлов А.И.* Статистические и экспертные методы наукометрии при управлении научной деятельностью // Biocosmology — neo-Aristotelism. — 2019. — Vol. 9. — No 3–4. — С. 308–329; *Орлов А.И.* Вред ориентации на базы данных SCOPUS и WEB OF SCIENCE // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 16: Материалы XX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения» / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. — М., 2021. — Ч. 1. — С. 835–840; *Орлов А.И.* Статистические и экспертные методы в задачах экономики и управления наукой // Научный журнал КубГАУ. — 2021. — № 166. — С. 1–35.

[7] *Орлов А.И.* Науковедение в свете биокосмологической инициативы // Biocosmology — neo-Aristotelism. — 2021. — Vol. 11. — No 3–4. — P. 188–206.

причём при всестороннем рассмотрении науки целесообразно анализировать ряд пар противоположных полюсов.

Взаимодействие двух полюсов целесообразно рассматривать как единство и борьбу противоположностей. Однако выявление Биполярной структуры — только первый шаг исследования диалектики развития науки.

Следующий принцип — Триадичность. Полюса объединяются в целостную жизненную организацию реальной науки, рассматриваемой как центр, имеющий способности и возможности к взаимодействию одновременно с обоими полюсами. Появляется третий элемент системы — переход от одного полюса к другому. Именно этот переход наиболее важен при анализе динамики развития науки. Полюса — лишь крайние точки.

Для анализа процесса развития науки и управления им важно рассматривать круговоротную Цикличность — динамическое естественное поочерёдное доминирование (полюсов и центра) в организации целостной жизни субъекта. Таким образом, важна Четырехсторонность — существенная (и необходимая) одновременная активность как обоих полюсов; так и под влиянием их доминирующей организации — двух циклов в круговоротной жизненной активности реальной науки (можно сопоставить с циркадными циклами «сна» и «бодрствования»). Говорят о диалектической спирали развития, каждый виток которой можно рассматривать как переход от одного полюса к другому, а затем — снова к первому. Но приходим к исходному полюсу уже на новом витке, т.е. в ситуации уже принципиально новой, полученной в результате развития.

Важна Пятивалентность — неотъемлемое значение центра (т.е. реальной науки) — в существовании полюсов в научном процессе (т.е. пар противоположностей — биполярных структур) и круговоротной реализации всех жизненных циклов в развитии науки. Полезны понятия онтогенетической конечности (жизненного пути науки и её конкретных составляющих), функционалистской гетерогенности и иерархичности. Их надо изучать в существующих системах целостной жизненной организации реальной науки.

Научное знание о науке естественным образом является Биполярным, т.е. научное знание всегда содержит в себе два полярных (и несовместимых друг с другом напрямую) — противоположных научных подхода, которые в равной мере необходимы для Интегрального (целостного Триединого) истинного рационального (научного и философского) знания. В то же время, как становится ясным с позиции Биокосмологии (и что имеет значение краеугольного камня): оба полярных научных подхода (Дуалистский и Органицистский) являются в равной мере необходимыми для целостного успешного развития рационального знания (т.е. науки и философии). Однако последнее становится возможным исключительно на основе применения в науковедении самостоятельного Третьего (но Первого, по значению) Интегралистского Типа научного знания, изучающего предметы в полном (целостном) охвате. Любое научное Интегралистское знание является способным к осуществлению познания и объяснения реальной науки исключительно через необходимое объединение оснований и средств из обоих полярных Типов знания (как, например, осуществление системного знания является невозможным без признания целеполагания составляющих систему элементов-органов).

Суть Биокосмологической Инициативы заключается в призыве к рассмотрению и признанию необходимого возвращения (восстановления, в естественном круговоротном циклическом эволюционном развитии) истинной Триадологической (Трех Типов, но возможных только в Триединстве) сущности действительного научного знания.

В реализации этой грандиозной задачи первоочередное значение имеет признание натуралистской Биполярности и динамической Триадичности научного знания, а в структуре последнего — полюса Органицистского, целедвижимого интегрирующего знания (равного по значению Дуалистскому — англосаксонскому аналитическому знанию, основания которого были утверждены в XVII веке). В этой связи необходим решительный разворот, на основаниях современного (XXI века) Интегрализма — от Трансценденталистского (Южного, Антропоцентризма) Дуалистского полюса — к Северному (АнтропоКосмизма и Ноосферности) полюсу Органицистского Типа рационального (научного и философского) знания; предпочтительно в русле Биокосмологического (Интегралистского — Северо-Восточного) развития (ци-

тируется по основополагающему документу «Обращение к научному сообществу — выдвижение Биокосмологической Инициативы»).

Для принятия обоснованных решений в области управления наукой необходимо изучать свойства научного сообщества. При рассмотрении проблем развития реальной науки и управления ею целесообразно сначала выделить биполярные структуры, описываемые с помощью двух полюсов и взаимодействий между ними, а затем продемонстрировать единство и борьбу противоположностей при развитии этих структур. Каждая из перечисленных ниже биполярных структур заслуживает подробного рассмотрения, но в данной работе мы хотим показать многообразие проблем развития науки.

Биполярные структуры науки

В нашей статье 2021 г. выделены и кратко проанализированы следующие 23 биполярные структуры — пары взаимодействующих полюсов (противоположностей) в развитии науки[8]:

(1) приращение знаний — социальное продвижение научных работников;
(2) фундаментальная наука — прикладная наука;
(3) необходимость знания области своей деятельности — невозможность освоить все имеющиеся литературные источники;
(4) развитие науки (динамика) — научные кланы (статика);
(5) сложившиеся области — возникающее новое; узкая специализация — междисциплинарность;
(6) проведение исследования «с нуля» — предварительный анализ публикаций;
(7) обучение путём решения задач — обучение на основе лекций и изучения литературных источников;
(8) оригинальность (новое) для мира — оригинальность (новое) для читателя;
(9) невозможность сравнения научных работ по значимости — необходимость сравнения результатов деятельности исследователей и организаций;
(10) наукометрия — экспертные оценки;
(11) наука — журналистика;
(12) западные базы данных SCOPUS и WEB OF SCIENCE — отечественные базы данных (РИНЦ);
(13) электронные издания — бумажные журналы;
(14) монографии — учебники;
(15) монографии — статьи;
(16) журналы — сборники;
(17) журналы — монографии;
(18) многообразие научных публикаций — библиометрические базы данных;
(19) широта распространения информации — избирательность;
(20) научная работа — преподавание;
(21) пары полюсов на профессиональном пути исследователя: личная работа — беседы, путешествия; признание заслуг — финансирование; молодость — опыт;
(22) западная (мировая) наука — отечественная (национальная) наука;
(23) публикации за рубежом (на английском языке) — публикации на русском языке.

Приведённый перечень пар полюсов показывает многообразие Биполярных структур. Он может быть преобразован и дополнен. В каждой из пар наблюдаем единство и борьбу противоположностей, приводящих — в идеале — к прогрессу в сфере фундаментальной науки, и опосредованно — к поступательному развитию отечественного (и мирового) народного хозяйства[9]. Каждую из пар целесообразно проанализировать более подробно, при этом рассмотреть проблемы развития науки с точки зрения диалектики.

---

[8] *Орлов А.И.* Наукометрия и экспертиза в управлении наукой: развитие и борьба полюсов // Научный журнал КубГАУ. — 2021. — № 173. — С. 143–166.

[9] *Орлов А.И.* Единство и борьба полюсов в развитии науки // Научный журнал КубГАУ. — 2022. — № 176. — С. 156–180.

Согласно «Биокосмологической инициативе» назрел переход на Северо-Восточный путь развития. Необходимо преодолеть низкопоклонство перед Западом и обеспечить научный суверенитет нашей страны. Это необходимо, в частности, для успешного развития научных революций в экономической теории[10] и в математических методах исследования[11].

Перейдём к обсуждению конкретных Биполярных структур. В данной статье рассмотрены две такие структуры из перечисленных выше:

(2) фундаментальная наука — прикладная наука;

(10) наукометрия (т.е. статистические методы изучения науки) — экспертные методы, прежде всего методы оценки результативности научной деятельности на основе субъективных мнений экспертов.

Фундаментальная наука и прикладная наука

Научные исследования целесообразно классифицировать прежде всего по тому, в чьих интересах они выполнены, для кого предназначаются. Поэтому начнём с выделения таких двух полюсов в развитии науки: прикладная наука и фундаментальная наука.

Один полюс — научные исследования в интересах конкретного заказчика. Например, при разработке конкретного образца космического аппарата или с целью изучения и завоевания рынка товаром определённой фирмы. Оценку результативности подобного исследования даёт заказчик. Открытая публикация результатов исследования не является обязательной. Более того, часто она попросту запрещена ради сохранения государственной или коммерческой тайны. Рассматриваемую сферу деятельности назовём прикладной наукой.

Другой полюс — исследования с целью приращения чистого знания, «фундамента науки». Возможность практического применения зачастую даже не рассматривается. Рассматриваемую сферу деятельности назовём фундаментальной наукой. Можно сказать, что фундаментальные исследования — это те исследования, которые никому не нужны (никакому конкретному заказчику). Итог исследований — научные публикации, которые порождают новые публикации. Естественно изучать развитие (фундаментальной) науки как информационного процесса. В первой в мире монографии по наукометрии[12] так и делается. В ней используются два основных показателя деятельности научного работника (организации): показатель продуктивности — число публикаций и показатель результативности — число цитирований в дальнейших публикациях (раз цитируют — значит, работа оказалась полезной).

Говорят также, что фундаментальная наука — это удовлетворение любопытства исследователя за счёт государства (или других спонсоров). Действительно, те организации и лица, которые финансирует фундаментальную науку, не ожидают решения конкретных прикладных задач. Они вкладывают деньги в расширение знаний, т.е., условно говоря, являются благотворителями. В давние времена в качестве таковых выступали, например, монархи, а сейчас — государство, в том числе через созданные им фонды (например, Российский научный фонд), а также отдельные лица и организации.

Зачем же они вкладывают деньги в фундаментальные исследования? Во-первых, ожидают (зачастую без достаточных обоснований), что дальнейшее развитие науки приведёт к появлению важных прикладных результатов. Во-вторых, в процессе выполнения фундаментальных исследований, помимо получения знаний, развиваются умения и навыки научной работы у лиц, их проводящих, т.е. готовятся кадры (в частности, для прикладной науки).

Из сказанного ясно, что наукометрические показатели (например, данные РИНЦ) позволяют оценить продуктивность и результативность деятелей фундаментальной науки, но абсолютно не допускают применения для работников прикладной науки.

---

[10] *Орлов А.И.* Новая парадигма экономической науки на основе солидарной цифровой экономики: монография. — М.: Русайнс, 2024. — 164 с.

[11] *Орлов А.И.* Революция в математических методах исследования // Заводская лаборатория. Диагностика материалов. — 2024. — Т. 90. — № 7. — С. 5–7; *Орлов А.И.* Научная революция в математических методах исследования и искусственный интеллект // Эргодизайн. — 2025. — № 2(28). — С. 160–170.

[12] *Налимов В.В., Мульченко З.М.* Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса. — М.: Наука, 1969. — 192 с.

В реальности имеются переходные формы между фундаментальной и прикладной наукой. Заказчик может указывать направление исследований, не фиксируя полностью ожидаемые результаты. Это — движение от фундаментальной науки к прикладной.

Есть и движение в обратном направлении — от прикладной науки к фундаментальной. Например, при решении конкретной прикладной задачи разрабатывают новые методы, которые могут оказаться полезными при решении других прикладных задач. Эти методы уже не привязаны к конкретному заказчику, а потому их уже нельзя полностью относить к прикладной науке.

Следующий шаг — изучение самих этих методов, например, на основе соответствующей математической модели. Такое изучение часто проводят в отрыве от исходной прикладной задачи. Результаты такого изучения уже ближе к фундаментальной науке, чем к прикладной. Они относятся к математике, а не к исходной прикладной области.

Делают и дальнейший шаг — получают подобные методы на основе ранее разработанных теоретических схем (например, вероятностно-статистических моделей). Это уже полностью фундаментальная наука.

Такое движение от прикладной науки к фундаментальной можно проследить при анализе развития различных разделов математики, например, геометрии или математической статистики. В качестве примера можно указать метод наименьших квадратов, первоначально разработанном К. Гауссом для решения конкретной астрономической задачи. Затем метод наименьших квадратов был успешно применён для решения прикладных задач в самых разных сферах. В настоящее время его рассматривают в рамках математической статистики как части математики.

История науки показывает, что в определённый момент времени наука (как в целом, так и в отдельных областях) тяготеет к тому или другому полюсу. Развитие науки можно описывать в терминах диалектической философии (тезис — антитезис — синтез).

Например, первоначально экономика рассматривалась как наука об управлении хозяйством (тезис). Отрицанием экономических взглядов основоположника этой науки Аристотеля является рыночная экономика (антитезис). А отрицание отрицания, т.е. отрицание рыночной экономики, — это современная экономика. Она развивается на основе парадигмы солидарной информационной (цифровой) экономики (синтез)[13].

Переход от практики к теории и обратно хорошо виден в развитии двух областей — теории экспертных оценок и статистики нечисловых данных (более широко — статистических методов). Эти взаимные переходы отражены в новой парадигме математических методов исследования: теория экспертных оценок рассматривается как «зеркало» статистики нечисловых данных[14]. В частности, медиана Кемени, используемая для построения коллективного мнения комиссии экспертов, послужила идейной базой для введения эмпирических средних в пространствах общей природы, т.е. для перехода от прикладной науки к фундаментальной. В статистике нечисловых данных был доказан закон больших чисел (получена сходимость эмпирических средних к теоретическим). Он применительно к теории экспертных оценок позволил установить асимптотическое поведение медианы Кемени и ее приближение к «истинному» бинарному отношению при росте числа независимых экспертов[15]. Это — движение от фундаментальной науки к прикладной.

Хорошо известно, что в XX в. ядерная физика вначале относилась к фундаментальной науке (тезис), затем — в ходе разработки ядерного оружия и атомных электростанций — произошло отрицание ее статуса, и эта область науки стала, прежде всего, прикладной (антитезис).

---

[13] *Орлов А.И.* Смена парадигм экономической науки: Аристотель — рыночная экономика — солидарная информационная экономика // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 16: Материалы XX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». Ч. 1 / отв. ред. В.И. Герасимов. — М.: РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества, 2021. — С. 841–845.

[14] *Орлов А.И.* О новой парадигме математических методов исследования // Научный журнал КубГАУ. — 2016. — № 122. — С. 807–832.

[15] *Орлов А.И.* Статистика нечисловых данных за сорок лет (обзор) // Заводская лаборатория. Диагностика материалов. — 2019. — Т. 85. — № 11. — С. 69–84; *Орлов А.И.* Статистика нечисловых данных — центральная часть современной прикладной статистики // Научный журнал КубГАУ. — 2020. — № 156. — С. 111–142.

В дальнейшем наметилось отрицание отрицания (синтез), и физики перешли к фундаментальному изучению свойств элементарных частиц.

Отметим здесь влияние подобных переходов на кадровый состав научных структур. Если для фундаментальных исследователей важны люди мысли, то для прикладных — квалифицированные люди действия, организаторы и управленцы. Отнюдь не все из них могут затем перейти к фундаментальным исследованиям. Смягчить переходы от полюса к полюсу может сращивание научных и учебных организаций. Научно-исследовательские институты должны влиться в систему университетов. Тогда в периоды подобных переходов или временных замедлений развития соответствующих научных областей исследователи смогут заняться преподаванием, сохранить квалификацию и воспитать научную смену.

Наукометрические и экспертные методы оценки результативности в науке

Давно ощущается необходимость в разработке инструментария, позволяющего объективно оценивать вклад в науку конкретных работ, лиц, организаций. Как говорят, проводить сравнение вкладов «по гамбургскому счёту». Для фундаментальных наук такой инструментарий предоставляет наукометрия. Она посвящена изучению развития науки как информационного процесса. Как уже говорилось, вклад работы в науку измеряется вкладом исследования в информационный процесс, т.е. числом ее цитирований в дальнейших публикациях. Раз цитируют — значит, работа нужна.

Наукометрический подход (антитезис) — отрицание традиционного многовекового подхода, основанного на субъективных мнениях, личных и клановых связях, сложившейся репутации, т.е. на экспертных оценках (тезис). Можно кратко сказать, что наукометрия — объективный инструмент измерения вклада в науку. Его широкое применение стало возможным с развитием информационно-коммуникационных технологий, методов анализа больших данных, позволяющих охватить большинство публикаций с целью изучения развития науки как информационного процесса[16].

В последние годы в России наукометрические показатели стали активно использоваться администраторами для управления наукой, прежде всего для оценки научных достижений. При этом некоторые лица, считающиеся признанными научными деятелями и известными профессорами, внезапно обнаружили, что их наукометрические показатели являются довольно скромными по сравнению с показателями других исследователей. Проще говоря, обнаружили, что их работы сравнительно мало цитируют. Естественно, они стали выражать своё недовольство и предпринимать всевозможные действия для сохранения своего привилегированного положения.

Любой инструмент измерения имеет погрешности. Наукометрия — не исключение. Погрешности наукометрических выводов обсуждались, например, в вышедшем под нашей редакцией сборнике статей «Наукометрия и экспертиза в управлении наукой»[17].

Как только наукометрические показатели стали использоваться административными органами для управления наукой, появились методы их фальсификации в интересах тех или иных лиц и организаций. Например, устоявшиеся академические кланы стали вводить градации среди различных видов публикаций. Например, монографии и учебники стали цениться гораздо меньше, чем публикации в журналах. А сами журналы стали делить на категории. Разработаны и различные иные способы «накрутки» наукометрических показателей, например, искусственного завышения индекса Хирша[18].

Весьма важно, какой базой библиометрических данных пользоваться при расчёте наукометрических показателей. Как уже отмечалось, нами продемонстрирован вред ориентации на зарубежные базы данных SCOPUS и Web of Science при решении задач управления наукой, по-

[16] *Налимов В.В., Мульченко З.М.* Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса. — М.: Наука, 1969. — 192 с.

[17] Наукометрия и экспертиза в управлении наукой / Д.А. Новиков, А.И. Орлов, П.Ю. Чеботарёв (ред.). — М.: Институт проблем управления РАН, 2013. — 568 с.

[18] *Луценко Е.В., Орлов А.И.* Количественная оценка степени манипулирования индексом Хирша и его модификация, устойчивая к манипулированию // Научный журнал КубГАУ. — 2016. — № 121. — С. 202–234.

скольку такая ориентация приводит к резкому искажению наукометрических показателей и разнообразным отрицательным последствиям для развития российской науки. По нашему мнению, в первую очередь надо использовать Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Критика бездумного применения наукометрии во многом справедлива. Можно говорить об отрицании наукометрии как панацеи и переходе к совместному использованию наукометрических и экспертных методов на новом витке диалектической спирали развития науки. То есть речь идёт об отрицании отрицания экспертных методов управления наукой и переходе к синтезу рассматриваемых полюсов на очередном этапе развития науки. Совместное использование наукометрических и экспертных методов анализирует, например, Б.Г. Миркин, обсуждая понятие научного вклада и рассматривая реальные процедуры оценки вклада на примере Великобритании[19].

Заключение

Необходимо дальнейшее развитие намеченного в данной статье направления исследований в области науковедения и управления наукой. Так, целесообразно дальнейшее исследования такого феномена, как научный клан. Из 23 выделенных нами биполярных структур пока достаточно глубоко проанализированы только две. Несмотря на большой интерес научной общественности к проблемам наукометрии, полученные в ней собственно научные результаты пока ещё довольно поверхностны. Требуется дальнейшее изучение с помощью специализированных программных продуктов[20].

Очевидно, что необходима бескомпромиссная борьба со всем, что замедляет научный прогресс, а такая борьба должна быть основана на глубоком изучении бытия науки.

Плахотина Н.А.
д.ю.н., профессор,
профессор Кафедры государственно-правовых дисциплин
Луганского государственного университета
snu.jur@gmail.com
Яковенко К.В.
консультант образовательного консультационного центра «Юридическая клиника»
Луганского государственного университета
yakovenko4062006@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ ВЫПЛАТ, НЕ ВЫПЛАЧЕННЫХ РАБОТНИКУ ДО МОМЕНТА ЕГО СМЕРТИ

Ключевые слова: Российская Федерация, социальная ориентированность, трудовые правоотношения, трудовое законодательство, правовые отношения, смерть работника, общий комплекс невыплаченных средств, Модельный Трудовой кодекс.
Key words: Russian Federation, social orientation, labor relations, labor legislation, legal relations, death of an employee, Model Labor Code.

Законодательство стран Большой Евразии в своем большинстве направлено на защиту прав и интересов граждан, обеспечение социальной справедливости и равенства возможностей для всех. В этом проявляется социальная ориентированность действующих норм. Российская Фе-

[19] *Миркин Б.Г.* О понятии научного вклада и его измерителях // Наукометрия и экспертиза в управлении наукой: сборник статей. — М.: Институт проблем управления РАН, 2013. — С. 292–307.

[20] *Луценко Е.В., Орлов А.И., Глухов В.А.* Наукометрическая интеллектуальная измерительная система по данным РИНЦ на основе АСК-анализа и системы «Эйдос» // Научный журнал КубГАУ. — 2016. — № 122. — С. 157–212.

дерация не является исключением. Одним из самых важных сфер жизни человека является трудовые правоотношения, так как они затрагивают граждан на всех этапах их жизни. Это обусловлено современными реалиями, которые почти невозможно представить без реализации трудоспособным населением своей способности к труду. В связи с этим важно проанализировать некоторые направления социальной ориентированности норм трудового законодательства. Одним из таких направлений являются правоотношения, возникающие после смерти работника.

Правоотношения в сфере организации и применения наёмного труда по своей природе включают в себя множество различных правоотношений, которые возникают между работником и работодателем. В юридической литературе можно встретить классификацию правоотношений по их соотношению с трудовыми правоотношениями, где выделяются три группы: правоотношения, предшествующие трудовому правоотношению; правоотношения, сопутствующие трудовому правоотношению; правоотношения, вытекающие из трудового правоотношения[1]. И, по сути, одними из значимых правоотношений, вытекающих из трудовых, являются отношения работодателя и близких умершего работника. Значимость таких правоотношений проявляется в нормах трудового законодательства, которые предоставляют некоторые гарантии работнику не только во время трудовых правоотношений, но и после их прекращения. В действующем Трудовом кодексе РФ, а именно в статье 141 представлена одна из гарантий, относящаяся к комплексу правоотношений, вытекающих из трудовых. Однако при анализе данной нормы подход законодателя видится не вполне понятным, что создает правовую неопределённость. В связи с чем стоит разобраться в данной норме трудового законодательства, с целью определения оптимального способа правового урегулирования данных правоотношений. Также важно проанализировать субъектный состав, который задействован в данных правоотношениях, сроки возникновения и прекращения этих правоотношений.

Сама правовая норма излагается законодателем следующим образом: «Заработная плата, не полученная ко дню смерти работника, выдается членам его семьи или лицу, находившемуся на иждивении умершего на день его смерти. Выдача заработной платы производится не позднее недельного срока со дня подачи работодателю соответствующих документов»[2]. По своей сути норма является с одной стороны коллизионной, а с другой стороны создает некоторую правовую неопределенность. Если анализировать текст данной нормы, то первое что она затрагивает — это заработную плату. В норме упоминается лишь термин «заработная плата», которая в свою очередь имеет сложную структуру, так как в данное понятие входят компенсационные, стимулирующие выплаты, базовый оклад и другое. Кроме того, как правильно отметила прокуратура Ярославской области, вместе с тем существуют и иные суммы, которые могли бы быть выплачены непосредственно работнику. К ним относится, в частности, компенсация за неиспользованные отпуска[3]. Исходя из чего не совсем ясно, что именно будет выплачиваться близким умершего работника. В тексте нормы также ничего не сказано о размере данных выплат, что создает неясность.

Рассматривая данную норму далее, мы видим следующую часть, где говорится «не полученная ко дню смерти работника...». Данная трактовка является недостаточно полной, поскольку согласно действующему законодательству, наряду с биологической смертью аналогичные правовые последствия влечёт за собой «юридическая смерть» физического лица — признание его умершим. Следует заметить, что при закреплении оснований прекращения трудовых правоотношений отечественный законодатель вполне обоснованно учёл этот факт[4]. Считаем целесообразным, чтобы механизм признания умершим был отражен в качестве юридического факта и в статье 141 Трудового кодекса РФ.

Далее же норма говорит о субъектном составе данных правоотношений: «выдается членам его семьи или лицу, находившемуся на иждивении умершего на день его смерти...». Однако

---

[1] *Лазор Л.И., Лазор И.В., Плахотина Н.А., Шамшина И. И.* Трудовое право: учебник в 2 т. — Луганск, 2017. — Т. 1. — С. 89.

[2] Трудовой кодекс Российской Федерации. — М., 2022.

[3] О выплате зарплаты, не полученной ко дню смерти работника // Прокурор разъясняет. Прокуратура Ярославской области. — https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_76/activity/legal-education/explain?item=92440047.

[4] Трудовой кодекс Российской Федерации. — М., 2022. — Ст. 83.

представляется не совсем ясной трактовка законодателем понятия «члены семьи». Членами семьи могут признаваться, согласно гражданскому праву, дети и родители супругов[5]. Однако в статье 141 Трудового кодекса нет никаких пояснений относительно того, кому именно из членов семьи полагаются данные выплаты, в каком порядке и в каком соотношении эти «члены семьи» должны между собой делить полагающиеся выплаты. Кроме того, в статье 141 Трудового кодекса говорится, что право на выплаты имеют иждивенцы, причём в норме сказано, что право имеют либо члены семьи, либо лица, находящиеся на иждивении. Логико-лексическая связка в виде альтернативного союза предполагает обращение только к одной из представленных альтернатив. Это делает субъективный состав ещё более неопределённым, так как если использовать аналогию с наследственным правом, иждивенцы имеют равные права с членами семьи. Исходя из этого, в тексте анализируемой правовой нормы более правильным будет использование логической связки «и», вместо «или».

В заключительном предложении статьи 141 Трудового кодекса говорится: «Выдача заработной платы производится не позднее недельного срока со дня подачи работодателю соответствующих документов». Данная формулировка также создает неясность для тех лиц, которым будут полагаться данные выплаты. Не совсем понятно, в течение какого срока заинтересованные лица могут заявить о своём праве на получение денежных выплат. Возможно, законодатель предполагает, аналогично гражданскому законодательству, что данный срок составляет 6 месяцев[6]. Однако если это действительно так, то в тексте нормы должна присутствовать ссылка на гражданское законодательство, либо же чёткое указание данного срока. Кроме того, не совсем понятно, какие необходимы документы, подтверждающие право на получение данных выплат. «Соответствующими документами» может быть свидетельство о смерти работника, либо же решение суда о признании работника умершим, либо же документы, подтверждающие родство и др. Также не вполне понятно, необходимо ли в этом случае заявление заинтересованных лиц. Наличие множества нечёткостей, заложенных в анализируемой норме трудового законодательства, создаёт неясность в отношении многих важных аспектов, необходимых для реализации этой нормы.

Поэтому целесообразной представляется качественная переработка содержания статьи 141 Трудового кодекса. Если законодатель предполагал согласованность данной нормы с действующим гражданским законодательством, целесообразно сделать ссылку на его нормы. Либо же можно конкретизировать основополагающие аспекты, раскрыть субъектный состав, срок реализации права на выплаты и указать всё прямо в тексте этой нормы.

Предлагаем следующий подход изложения данной нормы Трудового законодательства, который бы устранил несоответствия и внёс ясность. К выплатам, которые полагаются после смерти работника, логично было бы отнести общий комплекс невыплаченных средств, которые в соответствии с трудовым законодательством полагался работнику до момента его смерти. На наш взгляд, закрепление исчерпывающего перечня данных выплат усложнит восприятие данной нормы для граждан. Поэтому было бы целесообразно использовать в законодательстве такое понятие как «общий комплекс невыплаченных средств». Для обнародования информации о смерти работника следует предоставить право любому из родственников и иждивенцев написать заявление, адресованное работодателю, в котором бы сообщалось о факте смерти работника, либо же признании его погибшим, в соответствии с судебным решением, с приложением документов подтверждающих данный факт (свидетельство о смерти). Данное заявление должно быть основанием для открытия работодателем счёта в банке, на который он перечислил бы все денежные средства, которые полагались работнику. В дальнейшем, по окончании процесса наследования, целесообразно, чтоб эти средства распределялись в равных долях между наследниками умершего работника. С учётом органичной связи права на получение выплат, причитающихся умершему работнику, с институтом наследования, считаем, что сроком для подачи заявления работодателю, которое бы устанавливало факт смерти работника, должен быть период в шесть месяцев. Именно такой срок устанавливается Гражданским кодексом РФ, а именно статьей 1154 ГК РФ, для вступления в наследство всех заинтересованных

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации. — https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

[6] Там же.

лиц. Срок предоставления денежных выплат работодателем, на наш взгляд, следует оставить таким же, какой заложил изначально законодатель, однако добавив важное уточнение — в течение семи календарных дней.

С учётом представленных обоснований предлагаем следующую редакцию статьи 141 Трудового кодекса РФ: «Работодатель обязан перечислить общий комплекс денежных средств, полагающийся работнику, на отдельный банковский счёт в течение семи календарных дней с момента уведомления одним из наследников о факте смерти работника. Данную денежную сумму все наследники имущества умершего работника получают в равных долях по окончанию процесса наследования. Для обнародования смерти работника необходимо заявление одного из наследников, а также документ, подтверждающий факт смерти работника, именуемый свидетельством о смерти. Срок обнародования факта смерти работника составляет шесть месяцев».

Такой подход к изложению содержания этой нормы представляется более целесообразным, полным и чётким. Такое изложение поможет в будущем избежать неясности и урегулирует данные правоотношения в полной мере, сделав более понятным механизм реализации и субъективный состав регулируемых правоотношений. Так же такой подход будет способствовать общей системности и согласованности законодательства Российской Федерации. Для содействия общей социальной направленности трудового законодательства стран Большой Евразии целесообразно внести предложенную правовую норму в Модельный Трудовой кодекс для государств — участников СНГ.

Плющ А.Н.
д.психол.н., с.н.с., Киев
plyushch11@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОГНИТИВНОЙ СЛОЖНОСТИ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ КОММУНИКАЦИЕЙ

Ключевые слова: коммуникация, текст, когнитивная сложность, нарратив, дискурс, метадискурс, редукция сложности, метакогнитивные навыки.
Key words: communication, text, cognitive complexity, narrative, discourse, metadiscourse, complexity reduction, metacognitive skills.

В информационную эпоху открытое противостояние государств смещается в сторону гибридных войн, протекающих в информационном пространстве. В деле обороноспособности страны возрастает роль системы образования (вспомним пресловутую фразу, что «войну выигрывает школьный учитель»), которая снабжает массивом знаний об историческом пути государства, формирует когнитивные умения работы с информацией и прививает метакогнитивные навыки продвижения своего дискурса в коммуникации.

В основе концепции «мир как текст»[1] лежит идея о том, что реальность (культурная, социальная, историческая) структурирована подобно языку и может быть «прочитана» и интерпретирована с помощью методов, разработанных для анализа текстов. Предполагается, что мир наполнен знаками, которые что-то обозначают. Их понимание осуществляется в диалоге и интерпретации, при этом нет единственно верного прочтения, есть процесс понимания в культурном и историческом контекстах. Любой текст (и явление) содержит множественность смыслов, понимание которых обусловлено социальной зрелостью читателя и сложностью его

[1] *Барт Р.* Удовольствие от текста. — М.: Ad Marginem, 2025; *Деррида Ж.* О грамматологии. — М.: Ad Marginem, 2000; *Плющ А.Н.* Познание в контексте методологии саморазвития // Философия науки и техники. — 2025. — Т. 30. — № 1. — С. 82–96; *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. — М.: Академический Проект, 2008.

когнитивного инструмента. Текст скрывает пространство игры смыслов и возможных интерпретаций, требующих активной работы мыслителя-читателя. Использование этого подхода для анализа информационного влияния позволяет перейти от вопроса о влиянии содержания информационного текста к вопросу о коммуникативной компетентности его читателя, способного различать «скрытые» неочевидные смыслы и приемы управления коммуникацией.

В соответствии с предлагаемой концепцией будем рассматривать коммуникацию как социальный текст, воспроизводящий логику организации текста: текст, автор, замысел (табл. 1). Содержание этого текста составляют информационные тексты авторов, обменивающихся информацией. Автором коммуникации является коллективный автор, состоящий из участников коммуникации. Замыслом коммуникации являются представления о совместном будущем его участников. Тернарная организация текста позволяет выделить следующие функции использования информации: передача смысла, влияние на читателя, управление построением совместного будущего. Эти функции предполагают контекст взаимодействия читателя с информацией: со знаковым текстом взаимодействует единичный автономный субъект, коммуникация с автором происходит в составе коллективного субъекта, построение совместного будущего предусматривает его будущего коллективного автора, который функционирует в обществе, в котором присутствуют другие коллективные субъекты.

Сложность информационных текстов

Выделим три типа сложности информационных текстов: нарратив, дискурс, метадискурс, каждому из которых соответствует автор нарастающей сложности организации, отличающийся глубиной контекста предполагаемого взаимодействия: единичный автор (автономный), коллективный автор (контекст), будущий коллективный автор как часть общества (двойной контекст) (табл. 1). Нарратив — это конкретное повествование (история) с сюжетом, которое структурирует опыт и передает индивидуальную точку зрения, обладая для автора субъективно значимым смыслом. Это монологичный текст, который для его автора является фрагментом («кирпичиком») непосредственного жизненного опыта, преобразованного в информационный текст, объективирующий субъективную значимость этого текста.

Многозначный текст, имеющий общий для некоторой группы смысл, рассмотрим как дискурс, обозначающий для этой группы «знание», «норму», «истину». Многозначность содержится не столько в тексте, сколько в умении читателя «разглядеть» множество возможных смыслов. Возможность разнообразного прочтения текста содержит потенциал коммуникации его авторов, способных выйти в метакультурную позицию[2], что предполагает способность субъекта переходить рубежи своего культурного контекста для рефлексии над собственными культурными установками. Дискурс является результатом процесса интеграции группы, проходящей этапы развития от суммы авторов к единому коллективному субъекту, от многозначности к единому пониманию.

Выявление дискурса предполагает социальную компетентность коммуникатора, включенного в социальные практики и имеющего опыт взаимодействия в команде. В коммуникации индивидуальные субъекты выступают в роли представителей групп, участников «соревнующихся команд», а дискурс служит инструментом достижения целей «команды», опираясь на «нормы», присущие этим группам. Дискурс, который декларируется в содержании информации, может выполнять различные функции в коммуникации: он может как раскрывать, так и скрывать замыслы их автора. Дискурсивное прочтение текста предполагает двойной анализ содержания текста, вначале реконструируется содержание информации и ее коллективный автор, потом замысел этого автора в коммуникации. Вспомним классиков, которые предупреждали о необходимости за любыми социальными заявлениями видеть интересы тех или иных классов.

Доминирующий в социальном пространстве дискурс, как социально и институционально обусловленная система высказываний, будет обусловливать «нормативное знание» и для представителей других групп, таким образом, символическая власть дискурса будет трансформи-

[2] *Ячин С.Е.* Состояние метакультуры. — Владивосток: Дальнаука, 2010.

роваться в социальный контроль[3], осуществляемый группой как коллективным автором этого дискурса. При этом дискурс выступает не только в роли инструмента информационного влияния, но и инструмента построения совместного будущего, обусловливая предпочитаемый дискурс его будущего коллективного автора, который обозначаем как метадискурс.

Тип парадигмы коммуникации[4], лежащий в основе самоорганизации будущего автора и обусловливающий сложность его организации, является аттрактором пространства его культуры, характеризующим метадискурс. Использование субъект-объектной парадигмы коммуникации предполагает единичного автора совместного будущего. В рамках субъект-субъектной парадигмы предусматривается коллективный автор совместного будущего. В парадигме метасубъекта речь идет о всесубъектном будущем авторе, который интегрирует в своем составе не только существующих авторов будущего, но и возможных коллективных авторов, появляющихся в будущем.

Метадискурс — это проективная сила дискурса, которая еще не реализована в полной мере, но функционирует как аттрактор культурного развития. Метадискурс представляет собой не абстрактный проект «желаемого будущего», а процесс конструирования коллективного автора, способного это будущее реализовать. Это незавершенный процесс, он продолжается и его аттрактор дрейфует при столкновениях носителей различных дискурсов, тем самым «отыскивая» аттрактор дискурса будущего коллективного автора. Если дискурс программирует онтологию настоящего, то заложенный в нем метадискурс — онтологию будущего, он дискурс, который ещё не стал дискурсом, но уже работает как условие возможности нового дискурса.

Таблица 1

Взаимообусловленность сложности информации и когнитивных навыков ее интерпретации

	Различение сложности информации и когнитивных навыков ее интерпретации		
Текст	**Знаковый текст**	**Автор**	**Замысел**
Функция в коммуникации	Передача смысла	Влияние на коммуникатора	Управление построением совместного будущего
Коммуникация (социальный текст)	Информационные тексты участников	Взаимодействующие субъекты	Совместное будущее
Сложность контекста взаимодействия	Единичный субъект (автономность)	Коллективный субъект (контекст)	Будущий коллективный автор как часть общества (двойной контекст)
Информационный текст	Нарратив	Дискурс	Метадискурс
Навыки реконструкции социального текста	Когнитивные навыки реконструкции содержания текста	+ Социальная компетентность, реконструкция позиции автора и его дискурса	+ Метакогнитивные навыки реконструкции метадискурса коллективного автора совместного будущего

Ментальный инструмент коммуникатора

Особенностью познания является то, что объективность всегда контекстуальна, любой текст содержит множественность перспектив, слоев, которые можно прочитать через различные концептуальные рамки (эпистемологические, онтологические, этические), обладая инструментом различной сложности (чувствительности). Возможность информационного влияния обусловлена возможностью коммуникатора распознать сложность информационных текстов, используемых в качестве инструмента продвижения необходимого дискурса. Ког-

[3] *Дейк Т.А. ван.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

[4] *Лепский В.Е.* Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). — М.: Когито-Центр, 2015.

нитивная сложность информационного текста не является его фиксированной характеристикой, а представляет собой реляционный параметр, возникающий в процессе взаимодействия текста и читателя. В одном и том же текст коммуникатор может выделить нарратив, дискурс, метадискурс, если он способен различать мнение человека, его социальную позицию и соответствующий ей дискурс, метадискурс как потенциальный проект коллективного автора совместного будущего.

Нарастающая сложность организации информационного текста предусматривает нарастающую сложность инструментов его интерпретации (табл. 1). Интерпретация информационного текста предполагает реконструкцию (1) содержания текста, (2) позиции автора в социальной структуре и его дискурса, (3) метадискурса коллективного автора совместного будущего. Понимание содержания нарратива предполагает когнитивные навыки работы с информацией, позволяющие реконструировать содержание текста и заложенные автором смыслы. Интерпретация дискурса помимо когнитивных навыков работы со знаковыми текстами, предполагает возможность выхода в метакультурную позицию и реконструкцию позиции автора текста в социальном пространстве и его дискурсе, что подразумевает социальную компетентность коммуникатора. Реконструкция метадискурса дополнительно предусматривает сформированность метакогнитивных навыков работы с информацией, позволяющих воспроизвести метадискурс предполагаемого будущего коллективного автора и собственную роль коммуникатора в составе этого автора.

Метакогнитивные навыки работы с информацией формируются в ходе социальных практик в роли участника построения совместного будущего в составе коллективных субъектов, опирающихся на различные типы дискурсов. В условиях информационного общества развитие метакогнитивных навыков работы с информацией становится ключевым фактором, в связи с тем, что оно расширяет потенциал субъекта для работы со множественностью смыслов и построением совместного будущего в условиях разнообразия дискурсов.

Информационное влияние

Информационное влияние — это не просто распространение знаковых текстов, содержащих привлекательный дискурс, оно включает в себя и формирование социальной идентичности, в основе которой стремление к принадлежности к сторонникам «побеждающего» дискурса, и демонстрацию воплощённого дискурса, подтверждающего действенность проекта «прекрасного» совместного будущего. Индивидуальные субъекты могут участвовать в продвижении дискурса и как пассивные его носители, и как со-конструкторы сообщества будущего в составе группы сторонников этого дискурса, если соавторство предусмотрено в рамках метадискурса.

Построение совместного дискурса в коммуникации предполагает два взаимодополняющих механизма развития дискурсов его участников: редукция и умножение когнитивной сложности дискурсов. Перевод дискурса другого коммуникатора в формат своего дискурса предполагает редукцию сложности, интеграция дискурсов в совместный целостный конструкт подразумевает саморазвитие авторов и умножение сложности имеющихся у них дискурсов. Редукция когнитивной сложности — это целенаправленное упрощение структуры, содержания и процесса обработки информации с целью облегчения её восприятия, понимания, запоминания и использования человеком, учитывая ограничения человеческого мышления, которое склонно к когнитивной экономии. В условиях неопределённости и/или информационной перегрузки люди предпочитают простые и доступные объяснения. Редукция сложности позволяет выделить ключевые параметры, снизить количество отвлекающих факторов, ускорить когнитивную обработку, и в то же время программирует инструмент анализа, способного оперировать только простыми моделями — самообучения и умения работать в условиях неопределенности со сложными текстами не происходит.

Механизмы редукции и умножения сложности информационных текстов могут использоваться для реализации собственных целей в коммуникации. С одной стороны, как инструмент влияния сложность организации текста нейтральна, она подразумевает форму авторства, а не задает ценность содержания этого текста. С другой стороны, опираясь на сложность орга-

низации текста, используемого в коммуникации, можно имплицитно задавать сложность организации его автора, которая будет обусловливать его роль в конструировании совместного дискурса. Выделяют манипулятивную редукцию — стратегическое упрощение с целью блокировки метакогнитивных навыков и фиксации субъекта в роли объекта управления, и эвристическую редукцию — тактическое упрощение как ступень для последующего усложнения мышления и перехода к более сложным моделям кооперации.

Понимание управления коммуникацией вышло на фундаментальный уровень. Важно не только *что* мыслить (содержание текста), но и *как* мыслить (форматируя сложность текста, предполагая потенциальную многозначность его интерпретации). Дизайн коммуникации — это не только содержание текста, но и задание сложности текста, предполагающей (программирующей) определённое его прочтение путем форматирования идентичности коммуникатора, функционирующего в контексте различной сложности (автономный субъект, представитель группы, участник совместного будущего в составе одной из групп). Рассмотрим примеры использования текстов различной сложности в роли инструмента информационного влияния и продвижения собственного дискурса.

Примеры продвижения собственного дискурса

Задавая сложность организации информационных текстов, можно предопределять масштаб коммуникации, роли ее участников и возможность саморазвития их инструментов мышления. Когнитивное упрощение позволяет управлять коммуникацией, предлагая «простые и очевидные» решения для индивидуальных субъектов одной группы, в которых могут игнорироваться отдаленные последствия этих действий для представителей других социальных групп и сообщества в целом.

1. Возьмем такие понятия как «свобода и права человека», широко использующиеся либеральными идеологами и противопоставляющиеся коммунистической идее социальной справедливости. Сравним их трактовки, которые отличаются когнитивной сложностью инструмента их анализа, то есть изначально заданным контекстом рассмотрения: свобода человека, свобода человека в обществе, свобода человека в будущем изменяющемся обществе. Соответственно, рассматриваются — автономный субъект, субъект в контексте, субъект в двойном контексте.

У автономного субъекта сформированные им нормы служат единственным регулятором его поведения, он действует в соответствии со своими побуждениями, у которых нет естественных ограничителей. Контекст функционирования не задается, и то, что человек изначально является социальным существом, не учитывается в подобной логике. Предлагается позиция этического неприятия любых выходов за пределы индивидуального гуманизма, нежелание видеть какие-то общесистемные сущности тех или иных явлений — что, собственно, противоположно мышлению социально зрелых субъектов, которые как раз готовы к социальным взаимодействиям, компромиссам и ответственности за принятые решения (если научены этому).

Субъект в группе одновременно со своими интенциями руководствуется нормами поведения, принятыми в этой группе. Предполагается знание субъектом социальных норм, которые реконструируются им в конкретной ситуации. Добавляется социальный регулятор поведения, и субъект комбинирует сочетания двух регуляторов, выбирая важнейший. Значимость социальной роли приводит к тому, что побуждения субъекта (его свобода) подчинены «свободному» выбору приоритета следования нормам социума как «осознанной необходимости».

Саморазвивающийся в будущем субъект расширяет пространство доступных ему групп, предлагающих разнообразные формы поведения. Появление новых групп в изменяющемся обществе предполагает гибкость социальных стандартов и возникновение метарегулятора, позволяющего управлять поведением в условиях неопределенности, когда эти нормы надо доопределить и выбрать, какими регуляторами руководствоваться в свой жизнедеятельности. Свобода возникает уже как понятие социальной справедливости и возможности придерживаться норм своей культуры, стандартов общества, но уже не только для отдельных лиц и групп, а для представителей всех типов культур, которые намерены совместно жить в сообществе и соблюдать свободу других.

Варьируя сложностью инструмента анализа, переходим к пониманию возрастания сложности регуляции поведения субъектов в зависимости от сложности различаемого контекста их жизнедеятельности. От субъективности трактовок свободы автономных субъектов переходим к согласованному пониманию свободы у субъектов в группе, и к свободе выбора определений свободы у групповых субъектов, конструирующих пространство совместного саморазвития в будущем. Сведение понимания свободы к трактовке учета интересов только индивидуальных субъектов приводит к игнорированию возможностей построения совместного будущего с представителями других типов дискурса, снижая потенциал социальных преобразований.

2. Редукция сложности может использоваться в неявном виде, предлагая схему анализа как в предыдущем примере, но может использоваться и в более явном виде, задавая рамки обсуждения, особенно заметно это проявляется при освещении политических событий. Достаточно часто, отношения между политическими силами сводят к межличностным отношениям их лидеров. Редукция к личности политика, приводящая к рассмотрению поступков автономного субъекта, делает политику более «человечной и понятной», сводя к межличностным отношениям, а не к взаимодействиям политических сил, представленных своими лидерами. Большинство граждан во всех странах не принимают участие в деятельности политических организаций, и объяснение происходящих событий мотивами действующих лиц соответствует их пониманию, что позволяет скрывать противостояние групповых субъектов, предполагающее более широкий контекст анализа.

Примером редукции сложности в историческом дискурсе может служить подмена официального названия документа «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом» на эмоционально окрашенный термин «пакт Молотова-Риббентропа». В результате дискуссия смещается с анализа международно-правового контекста 1939 года на моральную оценку личностей, что упрощает понимание, но снижает историческую точность. Навязанный контекст рассмотрения задает логику анализа: вместо официального международного договора стран, что предполагает его легитимность (у Германии договоры о ненападении были заключены с 11 европейскими странами), обсуждается «никчемная» тайная договоренность «одиозных» личностей. Аналогично, редукция сложности политики этих государств, сводимая к личностям возглавляющих их политиков, не позволяет рассмотреть отличия в дискурсе этих обществ, которые проявляются в их метадискурсах: в одном случае — расизм и уничтожение «неправильных» наций, в другом — интернационализм как будущее содружество наций.

Отношения между странами также можно рассматривать как межсубъектное взаимодействие, а можно в более широком контексте, как представителей цивилизаций, что предполагает более сложную детерминацию происходящих между ними событий. Если учесть, что столкновение цивилизаций происходит на границах между ними[5], и, учитывая контекст 1990-х годов, когда Хантингтон рассматривал Украину как «расколотое» государство, являющееся частью православного мира, анализ взаимоотношений между Россией и Украиной будет обусловлен сложностью инструмента анализа, которой можно варьировать в интересах заказчика.

3. Варьируя типом дискурса, можно задавать устроение коллективного автора будущего с присущей ему парадигмой коммуникации, обусловливающей организацию системы управления. Вертикаль власти (иерархия) существует в любой сложноорганизованной системе как результат ее функциональной сложности, предполагающей разделение функций в рамках целостности. Демократия, под которой достаточно часто понимают результат субъект-субъектных коммуникаций, по своей природе также может быть тоталитарным способом управления, если не предполагает представительства в будущем сторонников других дискурсов. Бинарная логика анализа, в которой используются только два термина для обозначения системы управления: или тоталитаризм или демократия, нужна для дискредитации системы управления противника и позитивной коннотации устройства власти своего общества, скрывая

[5] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования. — 1994. — № 1. — С. 33–49.

иерархическую природу любой власти в сложной саморазвивающейся социальной системе. В конкретных исторических условиях может быть востребована любая система управления — централизованная, коллективная, распределенная.

Типичным примером бинарной парадигмы мышления является колониальный дискурс, рассматривающий позиционирование стран в пространстве, структурированном на центр и периферию (метрополия — колонии). Использование этого дискурса приводит к стремлению неофитов занять место повыше в иерархии, поближе к центру, который возвышается над всеми (типичный расизм «избранных»). В рамках синергетического дискурса, присущего русской культуре[6], участники рассматриваются как соавторы совместного будущего, что предполагает их совместную коэволюцию. Запад с присущим ему бинарным мышлением видит мир как проект управления. Россия — как пространство совместного саморазвития, в котором нет универсального способа развития и исключительного права «сильного» (включая «мягкую и умную» силу), а есть многообразие способов коэволюции, пригодных в конкретных ситуациях.

Основная проблема всех постсоветских стран (которая встает и перед Россией) в том, что в системе обучения и науки, не говоря уже про информационное пространство, превалирует колониальный дискурс. Для этих стран изначально задаются рамки исторического анализа в бинарной логике «или — или», приводящей у тому, что Россия оценивается как колонизатор, а они как угнетенные нации, вместо метасубъектной парадигмы всесубъектности[7], в контексте которой они были соавторами советского проекта и соавторами проекта совместного будущего, а Россия была «первая среди равных». В рамках колониального дискурса цивилизационная роль России и других стран как соавторов этого дискурса, не прослеживается, потому что целью их развития становится занятие места в существующей мировой иерархии рангов. Их «постколониальное» развитие предполагает ориентацию на сегодняшнего мирового гегемона (лидера), неявно воспроизводя тот же колониальный дискурс в новой упаковке «догоняющей модернизации». Через стандарты мышления внедряются зависимости, которые ведут к исчезновению политической субъектности как соавторов проекта совместного будущего.

В политическом плане Россия начинает отстаивать свои цивилизационные интересы, но в информационном пространстве это еще предстоит сделать. Информационные тексты не нейтральны — они обладают каузальной мощью, не просто предлагают смыслы, а воздействуя на способы мышления строителей будущего мира, задают сложность их инструментов проектирования будущего. Управление когнитивной сложностью текста (редукция/умножение) определяет доступный для участника коммуникации когнитивный инструментарий, что задаёт рамки его способности к реконструкции метадискурса, и, как следствие, его роль (объект управления, соавтор) в построении совместного будущего.

Социальные технологии продвижения дискурса

Система образования (школы, вузы, наука) не только снабжает знаниями о мире, но и программирует дискурс индивидуальных субъектов как инструмент проектирования совместного будущего. В зрелом возрасте помимо личностного жизненного опыта дополнительные знания субъекты получают, погружаясь в информационное пространство, что приводит к трансформации дискурса. Господствующий дискурс в привычных источниках информации (СМИ, включающие в себя социальные сети, Интернет-сообщества, онлайн-платформы), может становиться привлекательным для отдельных потребителей информации, формируя социальную идентичность, которая может не совпадать с нормативной для этого общества. Появляется альтернативный контур управления вместо официального государственного. Если государство не управляет информационным пространством и в нем существуют неконтролируемые области, то ими управляют другие субъекты, не всегда заинтересованные в существовании этого государства.

---

[6] *Плющ А.Н.* Эволюция цивилизаций // Психологический журнал. — 2025. — № 4. — С. 60–69.

[7] Там же.

Социальные технологии продвижения дискурса, с образованием неправительственных и некоммерческих организаций, финансируемых из-за рубежа, могут нести в себе угрозу не только для метадискурса культуры общества, но и для государства. Под внешне «нейтральным, социально полезным» дискурсом формируются сети влияния их содержателей и готовятся группы «приручённых» субъектов, чье сознание отформатировано на абсолютизацию своих взглядов, к которым они «самостоятельно» пришли (хотя прошли грантовый отбор, где у организаторов была возможность выбирать наиболее активных и эгоцентричных индивидов). Они с уверенностью в правоте своей позиции борются за «всеобщие, универсальные» ценности, но которые находятся в повестке зарубежных политических субъектов, не предусматривающих возможности альтернативных подходов. При этом выступают против социального каркаса общества — государства и его структур, продвигающих дискурс культуры своего общества.

Заключение

В информационном обществе цивилизационные взаимодействия предполагают участие в них не только специальных подразделений, но и широких слоёв общества. Виртуальные сетевые сообщества, будучи рассредоточенными и децентрализованными, являются скрытыми агентами продвижения внешне привлекательных, «простых и понятных» дискурсов. Легкость создания новых сообществ затрудняет контроль над сетевыми структурами. Во-первых, это требует значительных ресурсов как финансовых, так и организационных, во-вторых, формируется ответная реакция на действия другой стороны в духе бихевиоризма (стимул — реакция), а не делается упор на саморазвитие на собственной базе. Изоляция от коммуникации с носителями других дискурсов — тоже не выход, поскольку ограничивается потенциал саморазвития. В условиях гибридных войн, в которых мишенью становится способность общества к проектированию своего будущего, развитие метакогнитивных навыков, позволяющих распознавать и реконструировать чужие метадискурсы, несущие угрозу собственной культуре, превращается из образовательной задачи в вопрос цивилизационной безопасности и сохранения субъектности страны как соавтора глобализации.

Любая информация развивает способность мыслить в иной системе координат, если у реципиентов сформировано умение выходить в метакультурную позицию за пределы имеющегося у них дискурса, что способствует их саморазвитию. В век информации совершенствование когнитивных навыков работы с информацией, включая социальную компетентность и метакогнитивные навыки, наряду с управлением информационным пространством и подтверждением качества дискурса, становится основным ресурсом продвижения собственного дискурса. Утверждение суверенитета предполагает восстановление самоидентификации российской цивилизации, что предусматривает рефлексию своей роли в качестве полноправного соавтора проекта совместного будущего всего человечества, который опирается на метадискурс своей культуры.

Рожковская Е.А.
к.э.н., доцент,
доцент Белорусского государственного экономического университета
E.Rozhkovskaya@mail.ru

СМЕНА ПАРАДИГМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И ВЫЗОВЫ

Ключевые слова: государственное регулирование, структурная трансформация экономики, структурно-технологическая политика, государственные интервенции.
Key words: state regulation, structural transformation of the economy, structural and technological policy, government interventions.

Современный этап глобального экономического развития характеризуется чрезвычайной неопределенностью и неустойчивостью динамики: мировая экономика в настоящее время функционирует в условиях нарушения равновесия, порождающего лавинообразный рост системных рисков и шоков катастроф (disaster shocks), дестабилизирующих развитие национальных экономик [1; 2]. Эволюционная теория объясняет возросшую турбулентность экономической динамики посредством закономерных для сложных адаптивных систем «скачков развития» — с течением времени, по мере возрастания сложности нелинейных систем переход на качественно новый уровень их функционирования осуществляется через возрастание энтропии. Альтернативные объяснения дают теории циклического экономического развития, например, концепция системных циклов накопления капитала [3], которая описывает развитие мировой экономики через регулярную смену международных центров силы (Генуэзская и Венецианская республики в XII–XV вв., Голландия в XVI-XVII вв., Англия в XVIII–XIX вв., США в XX веке), притягивающих глобальный капитал и оказывающих доминирующее влияние на процессы мирового развития. В рамках этой теории растущая турбулентность развития объясняется упадком старых и возвышением новых центров силы, изменением объемов и направлений международного движения капитала. С этих позиций неизбежным следствием усиливающейся борьбы и роста противоречий между США и Китаем как формирующимся новым центром силы является «системный хаос» в мировой экономике [4], сопровождающийся усилением процессов деглобализации и регионализации международной торговли, фрагментацией глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС), формированием противоборствующих экономических блоков — Глобального Востока и Запада.

В течение длительного периода времени глобализация положительно влияла на экономическую динамику за счет динамических эффектов, стимулирующих структурную экономическую трансформацию, облегчая доступ к внешним рынкам, иностранным технологиям и институтам, поддерживающим развитие. Снижение скорости этих процессов, общая нестабильность и системные потрясения в мировой экономике вызывают рост глобальных вызовов и угроз, среди которых замедление долгосрочных темпов роста, снижение потенциала инновационно-технологического развития вследствие разрывов международных производственно-технологических связей, финансовая неустойчивость, угасание мировой инвестиционной и деловой активности ввиду рисков торговых войн и геополитических противоречий в мире [5].

Радикальное изменение условий развития всегда сопровождается корректировкой подходов и принципов реализации экономической политики. Однако глобальное переустройство мирового порядка и кардинальная перестройка архитектуры международных экономических отношений обусловливают еще более серьезные изменения, вызывая смену парадигмы государственного регулирования экономики, особенно в сфере структурно-технологических преобразований, являющихся ключевым источником адаптации экономических систем к вызовам и повышения потенциала их развития.

Среди ключевых трендов, возвещающих смену парадигмы государственного регулирования структурно-технологического развития экономики, в первую очередь, следует отметить рост государственного интервенционизма и усиление роли государства в экономике. В настоящее время во всем мире активно происходит трансформация взглядов на структурную политику — от превалирующего в середине 2000-х гг. подхода, опирающегося на необходимость восполнения провалов рынка и сбоев координации, предусматривающего горизонтальные механизмы поддержки бизнеса и деловой среды в целом, косвенное стимулирование НИОКР, до признания определяющей роли государства в реализации структурно-технологических преобразований.

Во всем мире в последнее время отмечается рост государственной квоты, свидетельствующий об увеличении масштабов участия государства в экономике. Исторические данные показывают, что в начале прошлого века государственные расходы к ВВП составляли в среднем по миру около 10 %, в середине века — около 17%, в 2000 г. — 28%, 2020 г. — 35%. В целом за период 2010–2019 гг. размер государственной квоты в среднем по миру составил 27% ВВП, в 2020–2024 гг. — 32%. Вместе с ростом государственных расходов происходит увеличение государственных интервенций — за период 2010–2025 гг. общее число государственных вмешательств в экономику составило свыше 70 тыс., а число ежегодно принимаемых мер структурно-технологической политики возросло десятикратно — с 300 до 3,4 тыс. При этом если в 2010 г. количество эпизодов структурной политики составляло лишь пятую часть всех государственных интервенций в мире, то в настоящее время — уже около половины [5].

Повышение нестабильности и волатильности экономической динамики наряду с рисками разрыва международных производственно-технологических связей инициирует переориентацию целей развития государства и замещение приоритетов эффективности экономики требованиями безопасности. Одновременно отмечается усиление институтов защиты национальных интересов, стратегического планирования и системы целеполагания, которые призваны выстраивать перспективную экономическую политику с учетом необходимости обеспечения национальной и экономической безопасности. В течение нескольких последних лет в ведущих экономиках мира принят ряд масштабных стратегических инициатив, направленных на реиндустриализацию и повышение технологического суверенитета экономик (например, принятый в 2025 г. Новый план устойчивого процветания и конкурентоспособности Европы (финансирование до 800 млрд евро ежегодно до 2029 г.), «Закон о снижении инфляции» в США (370 млрд долл. США), Японский базовый план зеленой трансформации (1 трлн долл. США), План развития нового поколения искусственного интеллекта в Китае (1,65 трлн долл. США) и др.) и являющихся ключевым фактором обеспечения устойчивости экономик к системным шокам. Большинство разработанных модернизационных программ предусматривают укрепление технологического лидерства в секторах, критически значимых с позиций будущей конкурентоспособности и защиты стратегических интересов государства — производство полупроводников, микроэлектроника, новые материалы, зеленые технологии, энергетика, АПК, медицина и фармацевтика [6]. Анализ показывает, что в Китае, например, приоритетную поддержку государства получают стратегические отрасли промышленности (электрооборудование, робототехника, компьютерная техника, фармацевтика), высокотехнологичный сектор и сфера R&D, развитие зеленых технологий — на их долю приходится свыше половины всех мер структурной политики.

Рост государственного интервенционизма в значительной мере связан с трансформацией форм поддержки экономики — сворачиванием косвенных методов, усилением директивных подходов и протекционистской направленности реализуемых мер регулирования. Так, например, в период пандемии Covid-19 объем бюджетных расходов на антикризисные цели и поддержку экономики составил в группе развитых стран в среднем 21% ВВП, в том числе в США — 28, Великобритании — 36, Японии и Италии — 45% ВВП; в экономиках с формирующимся рынком — около 10%, в том числе в Бразилии — 15, Турции — 13, Китае — 6% ВВП [7]. В России суммы государственной поддержки экономики также существенны: например, совокупный фискальный импульс в 2022–2024 гг. составил около 10% ВВП. Об усилении протекционистского характера экономической политики свидетельствует анализ инструментов структурной политики, который демонстрирует, во-первых, опережающий рост

дискриминационных мер, ухудшающих позиции иностранных производителей на внутреннем рынке (их доля составляет около 75% от общего числа мер); а во-вторых, значительное увеличение объемов субсидирования экономики — в среднем за 2020–2024 гг. по отношению в 2010–2019 гг. рост мер, отождествляемых с субсидиями, составил в абсолютном выражении 1,2 раза, а их удельный вес достиг 53% от общего количества интервенций [5].

В Китае объем прямых государственных субсидий за 2015–2022 гг. возрос с 125,5 до 250 млрд юаней, а доля компаний, акции которых котируются на рынке, и получающих субсидии, увеличилась с 70 до 99% [8]. По некоторым оценкам, в структуре документов экономической политики КНР свыше 40% предусматривают меры прямого субсидирования экономики, однако с учетом мер государственной поддержки НИОКР (24%) и налоговых льгот производителям (20%) масштаб косвенного субсидирования значительно выше и составляет более 80% всех мер поддержки.

В странах Европы объем прямой помощи реальному сектору экономики также демонстрирует тенденцию к увеличению: за 2019–2023 гг. ее отношение к ВВП во Франции возросло с 0,98 до 1,29%, в Италии — с 0,45 до 1,02%, в Польше — с 1,1 до 1,5%, по ЕС в целом — с 0,92 до 1,1% ВВП Евросоюза [9].

Наряду с усилением протекционистского характера экономической политики отмечается значительное увеличение расходов государства на структурно-технологическую политику. В настоящее время отсутствует единый методологический подход к оценке расходов на стимулирование структурных преобразований. Однако существует ряд работ, позволяющих выявить общую тенденцию увеличения стоимости для государства структурно-технологической политики. Так, размер средств, направляемых ежегодно на стимулирование структурно-технологических преобразований без учета государственных инвестиций, возрос в странах ОЭСР в среднем с 3,15% ВВП в 2019 г. до 3,89% ВВП в 2022 г. При этом ускоренными темпами увеличивались расходы на структурную политику в Германии, Италии, Нидерландах, Франции, являющихся безусловными лидерами по числу ее мер среди европейских стран (рис. 1).

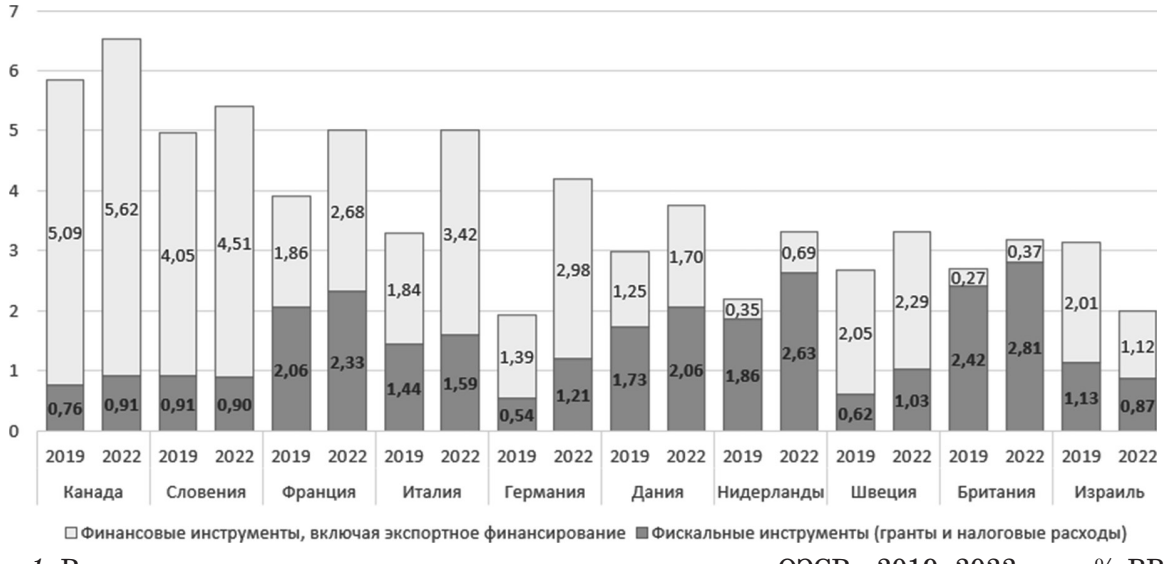


Рис. 1. Расходы на структурную политику в странах — членах ОЭСР в 2019–2022 гг., в % ВВП[1]

Один из глобальных трендов, сопровождающих сдвиги в парадигме государственного регулирования структурно-технологических преобразований, — усиление значимости финансовых и фискальных инструментов поддержки экономики. На их долю (бюджетные субсидии, прямая поддержка НИОКР, кредиты на нерыночной основе, государственные инвестфонды) приходится от 40 % (США, Франция) до 80% (Япония, Германия) всех расходов на структурную политику.

Вместе с тем, рост государственного интервенционизма наряду с расширением прямых форм поддержки экономики и повышением роли фискального пространства в реализации мер

[1] *Источник*: [5].

структурной политики формирует ряд вызовов для устойчивого роста экономики в средне- и долгосрочной перспективе, которые сигнализируют о противоречивости и ограниченной эффективности реализуемых мер государственного регулирования структурно-технологической трансформации экономики.

Прежде всего, рост расходов на структурную политику оказывает существенное давление на государственный бюджет: масштабные меры модернизации экономики и защиты национальных интересов требуют значительных объемов финансирования, сопоставимых или даже превышающих объемы ВВП отдельных стран. Как следствие — одна из ключевых тенденций последнего времени — увеличение налогового бремени в целях мобилизации дополнительных финансовых средств для повышения производственно-технологического потенциала национальных экономик и решения проблем безопасности. Данные [11] свидетельствуют об увеличении в большинстве стран мира налоговых изъятий в абсолютном и в относительном выражении, особенно в государствах с высоким уровнем благосостояния, реализующих проактивную структурно-технологическую политику. Так, в США доля налоговых доходов возросла с 18,9% ВВП в докризисном 2019 году до 19,1% в 2023 г., в странах-членах ОЭСР — с 24,5 до 25,3% ВВП, в том числе в Великобритании — с 26,1 до 28,6%, в Канаде — с 28,4 до 29,6%, Азиатском регионе — с 17,6 до 17,8% ВВП. Рост налоговых поступлений обусловлен увеличением в отдельных странах НДС, подоходного налога либо точечным налогообложением сверхприбыли в некоторых секторах экономики. Российская Федерация в этом плане не является исключением — в 2025 г. ставка налога на прибыль увеличена с 20 до 25%, введена прогрессивная шкала на доходы физлиц; в 2026 г. запланировано повышение ставки НДС с 20 до 22%. В Республике Беларусь также отмечается увеличение налогового давления на экономику: по оценкам МВФ, удельный вес налоговых доходов консолидированного бюджета с 23,8 в 2019 г. возрос до 24,5% ВВП в 2023 г., и в 2025 г. до данным Минфина увеличится до 24,8% ВВП [12].

Однако рост налоговых изъятий на фоне ожидаемого увеличения госдолга в большинстве развитых стран провоцирует усиление рисков финансовой неустойчивости, повышение инфляционного фона и снижение инвестиционных возможностей бизнеса. Повышение бюджетной и финансовой нестабильности в совокупности с масштабным расширением прямых форм поддержки экономики, государственного субсидирования стратегически значимых отраслей могут вызвать вытеснение частных инвестиций, сокращение доли частного сектора, снижение эффективности экономики и замедление скорости экономического роста. В этих условиях перспективы экономического развития государства в существенной мере будут определяться зрелостью рыночных механизмов и институтов, обеспечивающих необходимую гибкость и адаптивность экономики к изменению внешней среды, а также степенью развития финансового сектора, формирующего производственную мощь страны и ее способность мобилизовать инвестиции на цели инновационно-технологического развития государства. В этой связи перспективные меры государственного регулирования экономики для нивелирования возможной неэффективности новой структурной политики должны предусматривать формирование механизмов, обеспечивающих благоприятные условия для развития бизнеса и инноваций, расширения участия предпринимательского сектора в сфере исследований и разработок, опережающего развития финансового сектора, который способен привлечь в экономику значительные объемы частного капитала и предоставить долгосрочные инвестиционные ресурсы на цели структурно-технологической модернизации экономики.

Список литературы

1. *Миркин Я.М.* Трансформация экономической и финансовой структур мира: воздействие растущих шоков катастроф // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2020. — Т. 13. — № 4. — С. 97–116.
2. *Рожковская Е.А.* «Шоки катастроф», резильентность и структурная трансформация белорусской экономики в условиях санкций // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сб. науч. статей / ред. кол.: Д.В. Муха [и др.] — Минск: Право и экономика, 2022. — С. 114–118.

3. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. — М.: Изд. дом «Территория будущего», 2012. — 472 с.
4. *Балацкий Е.В.* Концепция циклов накопления капитала Дж. Арриги и ее приложения // Terra Economicus. — 2018. — Т. 16. — № 1. — С. 37–55.
5. *Рожковская Е.А.* Глобальные вызовы: новые контуры структурно-технологической политики // Банковский вестник. — 2025. — № 8. — С. 37–54.
6. *Рожковская, Е.А.* Проблемы и приоритеты научно-технологической политики в условиях структурной трансформации экономики / Е.А. Рожковская, В.А. Триллер // Наука и инновации. — 2023. — № 11. — С. 40–47.
7. World Development Report. 2022. — https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/e1e22749-80c3-50ea-b7e1-8bc332d0c2ff/content.
8. *Garcia-Herrero A., Schindowski R.* Unpacking China's industrial policy and its implications for Europe. — 2024. — https://www.bruegel.org/working-paper/unpacking-chinas-industrial-policy-and-its-implications-europe.
9. Scoreboard State Aid data (2000–2023). — https://competition-policy.ec.europa.eu/state-aid/scoreboard/scoreboard-stateaid-data_en.
10. Quantifying industrial strategies. — https://www.oecd.org/en/topics/quantifying-industrial-strategies.html.
11. Tax Policy Reforms. 2025. — https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/09/tax-policy-reforms-2025_0e3a30a3/de648d27-en.pdf.
12. Бюджет Республики Беларусь для граждан. — 2025. — https://www.minfin.gov.by/upload/bp/budjet/budjet_2025.pdf.

Трофимова И.Н.
д.полит.н.,
в.н.с. Института социологии ФНИСЦ РАН
itnmv@mail.ru

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ: ОПЫТ КИТАЯ

Ключевые слова: технологическая политика, «тройная спираль», КНР.
Key words: technological policy, "triple helix," PRC.

Глобальная технологическая конкуренция и сама природа инновационной деятельности, в которой результаты не гарантированы и не предопределены, укрепили мнение о необходимости комбинации централизованных и децентрализованных подходов. Функциональную сторону этого подхода описывает концепция «тройной спирали», которая обосновывает преимущество взаимодействия трех институциональных сфер — государства/правительства, бизнеса/компаний и образования/науки[1]. Взаимодействие в данной модели основано на механизме совмещения ролей и интересов — университеты создают знания и «размещают» их на рынке; компании проводят исследования, производят более качественную продукцию и повышают свой технологический уровень; государство в дополнение к традиционной регулирующей роли действует как венчурный предприниматель, поддерживающий наиболее перспективные отрасли.

Актуальность «тройной спирали» становится заметна также в сопряжении с моделями экономики[2]. В командной экономике реальные партнерские взаимодействия отсутствуют: бизнес

[1] *Ицкович Г.* Модель тройной спирали // Инновации. — 2011. — № 4 (150). — С. 5–10.

[2] *Смородинская Н.* Тройная спираль как новая матрица экономических систем // Инновации. — 2011. — № 4 (150). — С. 66–78.

и наука находятся под полным контролем государства. В индустриальной рыночной системе преобладают двусторонние взаимодействия «государство и бизнес», «наука и бизнес», «государство и наука». В постиндустриальной экономике для принятия оптимальных управленческих решений требуется взаимодействие по модели «тройной спирали» в сетевом режиме. Авторы подчеркивают превосходство многостороннего сетевого партнерства над иерархическими и чисто рыночными стратегиями в силу возможности достичь более точного и тонкого понимания рассматриваемой проблемы, генерировать более перспективные идеи, улучшать социальные и институциональные пространства[3]. Предложения n-спиральных моделей с большим числом участников отражают усложняющуюся природу взаимосвязи общества и инноваций[4].

Стратегическое значение инноваций и глобальная технологическая конкуренция вынуждает правительства использовать все имеющиеся ресурсы, поэтому инновационная политика может содержать разные элементы указанных моделей. Сетевое управление больше способствует поиску новых идей, рынок дает понимание их перспективности и толчок для воплощения в жизнь, государство создает стратегические условия для этого. Сосуществование этих моделей сегодня делает их, с одной стороны, конкурирующими, а с другой — взаимодополняющими парадигмами. Примером тому может быть государственная политика Китая в области искусственного интеллекта (ИИ). В Китае академические исследования в области ИИ начались относительно поздно и прошли путь от неприятия в 1950–1970-х гг. до поддержки первых инициатив в 1980-х и выхода на паритетные с США позиции в 2000-е гг. В наши дни самые влиятельные американские техно-гиганты, включая Google, IBM, Microsoft, OpenAI, Anthropic, вынуждены соперничать с китайскими компаниями Tencent, Baidu и Alibaba. По некоторым разработкам разрыв между конкурентами оценивается в нескольких недель.

Успехи Китая подтверждает статистика. В 2010 г. на долю США приходилось 54,1% всех выданных в мире патентов в сфере ИИ, а на долю Китая — 18%, то есть в 3 раза меньше; в 2022 г. ситуация изменилась ровно на противоположную: на долю Китая стало приходиться 61%, а на долю США — 21%[5]. Еще больший разрыв наблюдается в области генеративного ИИ: за последние 10 лет в Китае было зарегистрировано 38 000 патентов, что превышает совокупные результаты всех других стран; США за тот же период подали чуть более 6 000 патентов, что является вторым показателем в мире[6].

Объяснение быстрого преодоления Китаем технологического отставания и выхода на лидерские позиции отталкивается от признания исключительной роли государства как в части целеполагания, так и в части способов достижения намеченных целей. В середине 2010-х гг. китайское правительство впервые определило развитие ИИ как одну из важнейших инициатив при развертывании национальных стратегических проектов НИОКР. Принятый в 2016 г. трехлетний план действий и внедрений искусственного интеллекта «Internet+» (“Internet+” Artificial Intelligence Three-Year Action and Implementation Plan) демонстрировал сосредоточенность государства на строительстве новой отрасли ИИ, включая создание платформ и несколько предприятий мирового уровня. Принятый годом позже «План развития искусственного интеллекта нового поколения» (China’s New Generation Artificial Intelligence Development Plan) уже декларировал намерение Китая перехватить инициативу на новом этапе международной конкуренции в области ИИ.

Подведение итогов и своего рода определение текущего момента в развитии ИИ нашли отражение на сессии Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) по изучению искусственного интеллекта 25 апреля 2025 г., на которой был отмечен «всеобъемлющий и систематический скачок» в комплексном потенциале ИИ Китая, а так-

---

[3] *Torfing J., Cristofoli D., Gloor P.A., Meijer A.J., Trivellato B.* Taming the snake in paradise: combining institutional design and leadership to enhance collaborative innovation // Policy and Society. — 2020. — Vol. 39. — No 4. — P. 592–616.

[4] *Cai Y.* Neo-Triple Helix model of innovation ecosystems: Integrating triple, quadruple and quintuple helix models // Triple Helix. — 2022. — Vol. 9. — No 1. — P. 76–106.

[5] Artificial Intelligence Index Report 2024 / Stanford University. — 2024. — https://aiindex.stanford.edu/wp-content/uploads/2024/05/HAI_AI-Index-Report-2024.pdf.

[6] Generative Artificial Intelligence. Patent Landscape Report / WIPO. — 2024. — https://www.wipo.int/web-publications/patent-landscape-report-generative-artificial-intelligence-genai/assets/62504/Generative%20AI%20-%20PLR%20EN_WEB2.pdf.

же подчеркнута необходимость воспользоваться текущим критическим моментом и добиться превосходства в области ИИ[7]. Хотя существуют разные оценки такой коммуникации — от несомненной пользы до обмена не самой передовой информацией, — очевидно, что подобные «учебные» сессии Политбюро позволяют экспертам информировать руководство страны и получать от него сигналы о дальнейших действиях.

Опыт Китая важен как опыт постепенного внедрения рыночных и сетевых элементов управления инновационными отраслями. Приступая к плану развития ИИ, правительство Китая еще не акцентировало внимание на отдельных субъектах, не указывая, кто непосредственно отвечает за его реализацию, упоминая лишь структуры Китайской академии наук (КАН). Расширение круга субъектов и более четкое распределение ролей происходило постепенно. Принятая в 2021 г. «Белая книга о надежном ИИ» (Trustworthy AI White Paper), группирует их по уровням: «предприятия» (разрабатывают технологии, продукты и услуги ИИ), «отрасли» (управляют системой стандартов, оценки и проверки ИИ), «государство» (разрабатывает законы и осуществляет регулирование в соответствии с новыми трендами и проблемами в области ИИ), «исследования» (ориентируется на передовые разработки). «Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта» (Interim Measures for the Management of Generative AI Services) более четко распределяют обязанности конкретных субъектов на уровне департаментов правительства. «Закон об искусственном интеллекте КНР» (Artificial Intelligence Law of the People's Republic of China) подчеркивает значение глубокой интеграции промышленности, академии и научно-исследовательских институтов и обязывает органы управления всех уровней поддерживать исследования, разработки и технологические инновации в области ИИ.

Хотя законодательство КНР движется в сторону большей конкретики и системности, оно сохраняет некоторую двусмысленность, происходящую, прежде всего, из доминирования государственной идеологии. Государство учитывает преимущества широкого участия и сетевого взаимодействия, но при этом сохраняет контроль в части управления, планирования и координации ИИ в стране. Именно государство, а не рынок, определило 15 ведущих компаний — «национальных команд ИИ», — деятельность каждой из которых нацелена на разработку определенного сектора ИИ. Именно государственная академия наук играет ключевую роль в китайской научно-технологической экосистеме, способствуя передаче технологий от исследовательских организаций в промышленность посредством различных механизмов коммерциализации, а также через лицензирование собственных исследований и предложение услуг в рамках контрактов.

В целом, для технологической политики Китая характерны единство приоритетов, долгосрочное целеполагание и централизованное регулирование как результат постоянного мониторинга и анализа ситуации со стороны государства. Такой подход позволяет концентрировать усилия и ресурсы на конкретных целях, комбинировать различные практики с учетом зарубежного опыта и национальных приоритетов, что обеспечивает беспрецедентно быстрое развитие ИИ-отрасли.

Опыт Китая может представлять большой интерес в контексте продвижения идеи «Большого евразийского партнерства». С одной стороны, «Большая Евразия» включает страны с разным общественно-политическим устройством, идеологией, традициями и ценностями, входящие в разные интеграционные объединения. С другой стороны, развитие инновационных технологий не может обойтись без взаимодействия между государственными структурами, производственными компаниями, исследовательскими институтами и образовательными учреждениями — той самой «тройной спирали», которая воплощает идею взаимного обмена опытом, знаниями, практическим навыками. Разделяемые подходы в сфере инноваций, включая правовые, политические, социальные, этические вопросы, могут составлять одну из основ «Большого евразийского партнерства».

[7] Forum: Xi's Message to the Politburo on AI // DigiChina. — 30.04.2025. — https://digichina.stanford.edu/work/forum-xis-message-to-the-politburo-on-ai/.

Умарова Д.Т.
к.э.н.,
Высшая аудиторская палата Республики Казахстан
dinara.udt@outlook.com

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА НА СРЕДНЕСРОЧНУЮ ПЕРСПЕКТИВУ

Ключевые слова: развитие, благосостояние, бюджет, экономика, планирование.
Key words: development, welfare, budget, economy, planning.

В условиях глобальной неопределенности относительно экономической политики Международный валютный фонд рекомендует бюджетные корректировки, соблюдение более строгих правил в отношении расходов и реформирование ключевых программ расходов, которые составляют значительную часть национальных бюджетов[1]. В частности, развивающимся странам рекомендуется мобилизация доходов за счет реформирования налоговых систем, постепенная отмена энергетических субсидий и рационализация государственных расходов.

Проект бюджета Республики Казахстан на 2026–2028 годы разработан с учетом Прогноза социально-экономического развития *(далее по тексту — ПСЭР)*, представляющего три сценария развития национальной экономики *(базовый, оптимистический и пессимистический)*. Основные параметры ПСЭР основаны на цене на нефть, курсе доллара США, внешних и внутренних экономических факторах. При этом в прогнозах Правительства имеются расхождения с оценками международных институтов, что свидетельствует о возможной переоценке потенциала национальной экономики. Так, ПСЭР на 2026–2028 годы основан на базовом сценарии развития, где цена на нефть составляет 60 долларов США за баррель при обменном курсе 540 тенге за доллар США. Однако курс доллара уже сегодня находится на уровне 540 тенге, и до конца текущего года ожидается его увеличение до 550–560 тенге[2].

На период 2026–2028 годы с учетом поправок, внесенных в налоговое законодательство, предполагается увеличение доходов бюджета до уровня, способствующего отказу от изъятий целевых трансфертов из Национального фонда. Национальный фонд Республики Казахстан был создан в 2000 году. В период 2000–2025 годы средний темп прироста валютных активов фонда составлял 1,6%, средний темп роста валютных активов фонда — 2%. Максимальное значение активов фонда было отмечено в августе 2014 года — 77,2 млрд долларов США[3]. На июль 2025 года активы фонда составили 60,5 млрд долларов США[4], что меньше отмеченного максимального значения на 21,7%. Таким образом, постоянные изъятия из Национального фонда не способствуют увеличению его активов и снижают возможность поддержания национального развития в случае наступления неблагоприятных экономических условий в будущем.

В мировой практике[5] фонды благосостояния *(Sovereign Wealth Funds)* являются движущей силой для инвестиций и инноваций, учитывая их участие в крупных инфраструктурных проектах и развитии производственных объектов с современными технологиями. Развитие фондов благосостояния имеет следующую тенденцию: количество фондов увеличивается в странах, где экономика не зависит от природных ресурсов; все больше фондов формируется из несырьевых товаров; Азия, где большие запасы золота, продолжит быть основным реги-

[1] На пути к росту в эпоху неопределенности. Годовой отчет / МВФ. — 2025. — https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2025/download/russian/.

[2] *Источник*: Halyk Finance.

[3] *Источник*: Национальный Банк РК. Международные резервы и валютные активы Национального фонда РК. — www.nationalbank.kz.

[4] Там же.

[5] *Jumaniyazov I.T.* The progressive foreign experiments in the activity of sovereign wealth funds // Psychology and education. — 2021. — Vol. 58. — No 1. — P. 4928–4935.

оном создания новых фондов в будущем; инвестиционный портфель фондов благосостояния сдвигается к наиболее рисковым активам, с лучшим соотношением риска и доходности.

В связи с увеличением ставки по налогу на добавленную стоимость (НДС) до 16% нельзя исключать экспертные прогнозы о снижении налоговых поступлений от НДС в долгосрочной перспективе. В 2023 году доля налогов в ВВП Казахстана составила 19,4%, что ниже по сравнению с 2022 годом (19,7%) и среднего значения по странам ОЭСР (33.9%)[6]. Более того, за период 2007–2023 годы доля налогов в ВВП Казахстана уменьшилась в 6,6 раз с 26 до 19,4%.

Прогнозируемый реальный рост ВВП к 2026 году — 5,4%. Однако по прогнозу МВФ реальный рост ВВП Казахстана в 2026 году составит 4,3%[7]. Прогноз ВВП страны представлен в текущих ценах (номинальный ВВП), и его ежегодный рост будет обусловлен ростом инфляции. В частности, рост в ключевых отраслях экономики в значительной степени обусловлен ростом цен. Так, факторный анализ влияния цены и объема строительных работ показывает, что в 2024 году рост стоимости строительных работ на 62% был обусловлен ростом цен. В этой связи прогнозная оценка роста экономики может быть завышенной, что в свою очередь приводит к формированию завышенных бюджетных обязательств.

Ненефтяной дефицит бюджета имеет положительную динамику. Так, если ненефтяной дефицит бюджета в 2023 году составил 7,4% к ВВП[8], то в 2024 году уже 7,9% к ВВП. И это выше целевого значения согласно Концепции управления государственными финансами до 2030 года, где планировалось снижение ненефтяного дефицита до 6% к ВВП уже к 2025 году и до 5% к ВВП в 2030 году[9]. Более того, по прогнозу МВФ в 2025 году этот показатель может составить 8% к ВВП. Поэтому вызывает сомнение снижение данного показателя к 2028 году до 2,7%.

В целом оценка проекта республиканского бюджета на 2026–2028 годы позволила выявить следующие системные недостатки бюджетного планирования:

— практика пересмотра бюджетных параметров при переходе к новому трехлетнему периоду, что указывает на недостаточную точность и качество долгосрочного бюджетного планирования;
— плановые объемы государственных займов превышают размеры дефицита, что свидетельствует о сохранении практики покрытия платежей по имеющимся обязательствам за счет привлечения новых.

Уже традиционно основная доля расходов республиканского бюджета планируется на социальную помощь и социальное обеспечение населения — 25% (2026 год), что связано с выполнением государственных социальных обязательств. В период 2020–2024 годы расходы республиканского бюджета на социальную помощь и социальное обеспечение увеличились на 54,5%, составив 3,9% к ВВП.

В структуре расходов на социальную помощь и социальное обеспечение значительную долю занимают расходы на социальное обеспечение отдельных категорий граждан, из них пенсии и пособия в 2024 году составили 98,9%. Расходы на пенсии увеличиваются в связи с увеличением установленного минимального размера пенсий. При расчете пособий учитываются размеры минимального расчетного показателя и прожиточного минимума, значения которых в 2024 году по сравнению с 2023 годом увеличились на 8,5% и 6,5%, соответственно.

В настоящее время из государственного бюджета выплачивается 16 видов пособий, из них специальные государственные пособия включают 18 подвидов пособий и выплат. Основой государственной семейной политики Казахстана является поддержка семей с детьми и многодетных семей[10]. Однако в 2020–2024 годы в структуре выплат на пособия доля государственных пособий многодетным семьям занимала только 32%.

---

[6] Revenue Statistics in Asia and the Pacific 2025: Kazakhstan / OECD. — 2025.

[7] Перспективы развития мировой экономики. Критический момент на фоне изменений политики / МВФ. — 2025. — Апрель. — www.imf.org.

[8] Отчет о финансовой стабильности Казахстана / Национальный банк РК. — 2023. — www.nationalbank.kz.

[9] Об утверждении Концепции управления государственными финансами Республики Казахстан до 2030 года. Указ Президента Республики Казахстан от 10 сентября 2022 года № 1005.

[10] О проекте Указа Президента Республики Казахстан «О внесении изменения в Указ Президента Республики Казахстан от 6 декабря 2016 года № 384 «Об утверждении Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года». Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 марта 2022 года № 151.

Концепция развития системы социальной защиты направлена на снижение государственного участия и развитие социального страхования[11]. Однако фактически социальные расходы республиканского бюджета не снижаются, а, наоборот, увеличиваются. Так, в 2026–2028 гг. расходы государства на социальную помощь и социальное обеспечение продолжат увеличиваться и по прогнозу к 2028 году составят 3,5% к ВВП. Наряду с этим, прогнозируется ежегодное увеличение социальных выплат из Государственного фонда социального страхования, и к 2028 году они составят 0,5% к ВВП.

По данным Правительства РК, уровень безработицы прогнозируется сохранить на уровне 4,7% ежегодно. Вместе с тем, динамика числа получателей социальных выплат по потере работы ежегодно увеличивается[12]. Так, количество новых назначений пособий по потере работы в 2024 году по сравнению с 2020 годом увеличилось в 2,8 раза. При этом 80% получателей в возрасте 20–49 лет, на долю которых приходится 67% пенсионных накоплений по обязательным пенсионным взносам[13]. Таким образом, прогнозный уровень безработицы представляется не достижимым.

В целом оценка расходов республиканского бюджета выявила следующие системные проблемы.

Первое, **28% государственных расходов на социальную помощь** и социальное обеспечение населения формируется без утвержденной методики расчета прогнозной численности получателей и, соответственно, прогнозной потребности в государственных пособиях. Существуют различные способы прогнозирования, но при отсутствии утвержденной методики затрудняется оценка достоверности расчетов и, соответственно, планирование расходов бюджета является не прозрачным. В бюджетную программу уполномоченного органа на 2024–2026 годы в 2024 году семь раз вносились изменения, где корректировались количество получателей государственных пособий на 2024 год. Аналогичная ситуация и при планировании на 2023–2025 годы — шесть раз вносились изменения в количество получателей государственных пособий на 2023 год.

Второе, **отсутствие официальной статистики по отдельным категориям граждан.** В частности, отсутствуют сведения по многодетным семьям с указанием количества детей, обучающихся в сузах и вузах и по семьям, воспитывающим детей с инвалидностью.

Третье, **размеры государственных пособий по видам не способствуют повышению благосостояния** их получателей. К примеру, размер государственных пособий многодетным семьям увеличивается ежегодно. Тем не менее, средний размер пособия многодетным семьям на 2026 год планируется в размере 80 046 тенге, что в 3,6 раза меньше размера медианной заработной платы в 2024 году (285 677 тенге).

Четвертое, **риск двойного учета количества получателей пособий**. При расчете прогнозной потребности в государственных пособиях фактическая численность соответствующей категории граждан увеличивается на 5–6%, и при расчете дополнительных расходов, предназначенных для непредвиденных случаев, фактическая численность еще раз увеличивается на фактическую долю таких непредвиденных случаев.

Пятое, **ежегодная корректировка сумм утвержденного бюджета** на государственные пособия и ежегодные не освоения по суммам, выделенным на государственные пособия, еще раз подтверждает некорректность прогнозных расчетов по численности получателей с учетом цикличного характера демографических процессов.

Шестое, арифметические (технические) **ошибки при расчете** среднего размера пособий и, соответственно, полной потребности расходов на пособия также стали причиной завышения прогнозной потребности в бюджетных средствах на выплату государственных пособий.

Седьмое, **некачественное планирование** приводит к неосвоению ранее выделенных бюджетных средств, превышению объемов финансирования над сметной стоимостью инвестиционных проектов.

---

[11] Об одобрении Концепции социальной защиты населения Республики Казахстан Постановление Правительства Республики Казахстан от 27 июня 2001 года № 886.

[12] Государственный фонд социального страхования. Годовой отчет 2022 год. — www.gfss.kz.

[13] Национальный Банк РК. Статистика. Показатели финансового сектора, на 1 августа 2025 года. — www.nationalbank.kz.

Восьмое, **неэффективное расходование** прослеживается в наличии информационных систем государственных органов, разработанных за счет государственных средств, и не введенных в промышленную эксплуатацию.

Девятое, **об отсутствии бюджетной дисциплины свидетельствуют** случаи планирования расходов без соблюдения бюджетных процедур.

Десятое, **перераспределение средств** между бюджетными программами для реализации отдельных мероприятий, что в свою очередь приводит к срыву плановых сроков ввода в эксплуатацию и риску удорожания стоимости работ. В большинстве стран ОЭСР[14] министерствам с некоторыми ограничениями позволено перераспределять средства в рамках своей ответственности. Ограничения в перераспределениях сумм применяются к отдельным видам расходов. К примеру, в Словении, министерства в рамках компетенции могут перераспределить между разными программами до 10% выделенного бюджета.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о необходимости повысить качество бюджетного планирования, пересмотреть виды и размеры государственных пособий, в целях оптимизации их количества и повышения благосостояния их получателей.

Уматов А.К.
стажёр-преподаватель Кафедры национальной идеи, основ духовности и правового образования,
Нукусский государственный педагогический институт

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОГО УЗБЕКИСТАНА

Ключевые слова: Новый Узбекистан, эффективное государственное управление, политическая система, государство, модернизация, духовность, стратегия.
Key words: New Uzbekistan, effective public administration, political system, state, modernization, spirituality, strategy.

Президент Шавкат Мирзиёев определил политико-философскую суть концепции «Новый Узбекистан», которая символизирует новый этап развития страны и отражает общую стратегическую направленность достигнутых за последние годы социальных, экономических и политических успехов. Одним из ключевых опорных пунктов данной концепции является глубокая реформа системы государственного управления и повышение её эффективности.

Процессы трансформации в государственном управлении направлены, прежде всего, на гармонизацию целей и задач управления с интересами народа. Принцип «государственные органы должны служить народу» на практике изменил парадигму взаимоотношений между субъектами власти и гражданами.

Прямой диалог с народом, оперативное решение проблем и удовлетворение потребностей граждан были институционализированы через такие инновационные коммуникационные платформы, как Виртуальная и Народная приёмные, а также портал «Моё мнение». Это способствует снижению социального недовольства, повышению доверия к власти и укреплению её социальной легитимности.

В политической системе внедряются реальные механизмы принципа сдержек и противовесов, что направлено на обеспечение баланса полномочий между ветвями государственной власти. Такие меры, как согласование состава правительства с парламентом, отчётность кандидатов перед депутатами по программам своей деятельности, внедрение института «Час правительства», а также оценка деятельности местных хокимов (губернаторов) со стороны Советов народных депутатов, усилили систему демократического контроля и ответственности.

[14] Budgeting Practices and Procedures in OECD Countries / OECD. — 2014.

Кроме того, у парламента значительно расширились возможности эффективного контроля над государственным бюджетом с использованием независимых экспертных и аналитических служб.

В рамках политики децентрализации существенно расширены полномочия местной системы управления. Система деления территорий на четыре сектора, усиление участия местных хокимиятов в процессе принятия решений, практика закрепления сенаторов за региональными Советами ещё больше интегрировали и скоординировали отношения между центром и регионами. Это создало условия для эффективного использования ресурсов за счёт решения проблем на местах.

Инновационные подходы в системе предоставления государственных услуг — такие как принцип «единого окна», расширение сети Центров государственных услуг, увеличение доли электронных услуг — сыграли важную роль в устранении бюрократических барьеров и снижении рисков коррупции.

Резкий рост количества и охвата предоставляемых услуг из года в год усилил цифровую трансформацию государства и обеспечил качественные изменения во взаимодействии граждан с государством. В целом, реформы по эффективной организации государственного управления в Новом Узбекистане представляют собой комплексный процесс трансформации, направленный на повышение открытости, подотчетности политико-правовой системы и её ориентации на интересы человека.

Эти реформы повышают институциональный потенциал государства и способствуют устойчивости процессов экономической модернизации и социального развития. Таким образом, указанные стратегические направления признаются одним из ключевых факторов в формировании фундамента Третьего Ренессанса Нового Узбекистана.

Особенности развития эффективного государственного управления в Новом Узбекистане

Развитие эффективного государственного управления в Новом Узбекистане отличается тем, что представляет собой сочетание политической институционализации, нормативно-правовых механизмов и цифровой трансформации, образующих сложные политико-социальные процессы.

Эти процессы в основном реализуются через:

— повышение стратегического потенциала государства в планировании;

— активное политическое участие граждан;

— интеграцию современных управленческих технологий.

Модель управления в эпоху Нового Узбекистана переходит от простой иерархической структуры к многоуровневым, интерактивным и открытым институтам.

По мнению А. Мамаджанова, «эффективное государственное управление в политическом контексте Нового Узбекистана — это такая система управления, которая адаптируется к социальным и технологическим изменениям, и укрепляет гражданское доверие через институциональные реформы» [1, с. 78]. Данный подход указывает на необходимость оценивать эффективность управления не только с точки зрения технически-практических критериев, но и на основе доверия и институциональной легитимности.

То есть, обеспечение интерактивности с помощью цифровых инструментов и формирование институтов, чувствительных к социальным потребностям, становятся основными признаками эффективности.

Об этом И. Султонов говорит следующее: «В модели управления Нового Узбекистана активная гражданская позиция выступает основным элементом государственной политики, и эффективность определяется не только качеством управленческого аппарата, но и масштабом участия общества» [2, с. 103]. В основе этой идеи лежит взаимосвязь между эффективностью управления и гражданской активностью. Именно в Новом Узбекистане усиливается способность населения формировать «социальный заказ», то есть граждане начинают напрямую выдвигать свои потребности и требования к государственным институтам. Это свидетельствует о возрастании субъективной роли общества в политических процессах.

Французский политолог Ж. Кюбель, анализируя технологические компоненты эффективного управления, пишет следующее: «Модель управления, основанная на технологиях — это цифровая инфраструктурная система, обеспечивающая оперативное принятие политических решений, их мониторинг и прямое участие граждан» [3, с. 56]. Этот подход особенно ярко выражается через платформы, внедряемые в Узбекистане, такие как «Электронное правительство» (E-hukumat), «Моё мнение» (“Mening fikrim”), Агентство государственных услуг (“Davlat xizmatlari agentligi”).

С их помощью процессы управления адаптируются к социальным системам с использованием искусственного интеллекта, алгоритмического прогнозирования и анализа больших данных (big data). Ещё один важный момент, на который обращает внимание Д. Маматкулов, — «В рамках политической модернизации Нового Узбекистана эффективность измеряется через прозрачность и подотчётность политических институтов» [4, с. 91]. Автор обосновывает органическую взаимосвязь между политической модернизацией и эффективностью управления. То есть, чем более открыта деятельность государственных учреждений, тем выше общественное доверие к ним, что, в свою очередь, способствует повышению эффективности институтов.

Развитие эффективного государственного управления в Новом Узбекистане — это не просто совокупность административных реформ, а глубокий системный процесс, направленный на редизайн политических институтов, открытость управленческих процессов для гражданского участия и достижение стратегической эффективности на технологической основе. В такой модели политическая легитимность, институциональная подотчётность и цифровые технологии объединяются в целостный управленческий контекст. В условиях Нового Узбекистана государственное управление стремится к эффективности не только через вертикальную координацию, но и за счёт горизонтального сотрудничества, инклюзивности и цифровой интеграции.

Как отмечает исследователь политической модернизации Узбекистана Г. Эшниёзова, «основными критериями повышения эффективности государственного управления в Новом Узбекистане являются институциональная стабильность, функциональная адаптивность и стратегии управления, основанные на социальных потребностях» [5, с. 117]. Автор указывает на способность системы управления адаптироваться к меняющимся социальным условиям как на основной критерий эффективности. Действительно, в модели Нового Узбекистана институты управления выходят за рамки традиционных административных позиций и стремятся обеспечить новый тип социальной взаимосвязанности через цифровые технологии, социальные сети и открытые площадки для диалога, соответствующие требованиям современности.

Исследователь М. Тахиров, анализируя эффективность процессов в государственном управлении, утверждает, «оптимизация процессов — это алгоритмические основы, минимизирующие субъективность в принятии решений, функциональные реформы и межсекторальная интеграция» [6, с. 83]. Данный подход, особенно в современных процессах государственного управления, предполагает ограничение субъективного политического влияния за счёт использования искусственного интеллекта и анализа больших данных. Это способствует снижению бюрократической волокиты на всех уровнях власти и повышает результативность управления на основе политических технологий. Немецкий теоретик государственного управления М. Кротт признает открытость государственных институтов к реформам ключевым критерием эффективности, отмечая, что «уровень готовности к институциональной трансформации — это важнейший показатель эффективности управления, поскольку только гибкие институты способны быстро реагировать на социальные потребности» [7, с. 74].

Подход Кротта позволяет контекстуально оценить реформы в Узбекистане, в частности институциональные обновления, реализуемые в рамках «Стратегии-2030» и «Единой национальной программы». В этих реформах центральное место занимают подотчётность и прозрачность государственных институтов, основанные на общественном доверии.

Х. Худойбердиев, делая акцент на технологических компонентах, отмечает, что «в условиях Нового Узбекистана эффективность управленческих технологий проявляется не только в их техническом совершенстве, но и в способности быть социально осмысленными, принятыми обществом и способствующими повышению качества принимаемых решений» [8, с. 138].

Данный подход позволяет рассматривать технологии не просто как инструмент, а как неотъемлемый элемент процесса политической социализации. В этом контексте управленческие

технологии — такие как «электронное правительство» (e-hukumat), «онлайн-голосование» и «гражданский мониторинг» — становятся реальными демократическими механизмами, расширяющими политическую субъектность граждан.

Особенности развития эффективного государственного управления в Новом Узбекистане проявляются прежде всего через:

— демократическое совершенствование институтов государственной власти;

— интеграцию управленческих процессов с цифровыми технологиями;

— укрепление взаимосвязей с институтами гражданского общества.

Такая система, основанная на политической воле, способствует достижению эффективности через инновационные управленческие технологии, институциональную базу социальных реформ и культуру политического участия. В этом случае политические институты должны стать не просто выражением государственной власти, а надёжной платформой для диалога с гражданами.

Эти особенности не только адаптируют Узбекистан к глобальным тенденциям управления, но и способствуют уникальной модернизации национальной политической модели.

Список литературы

1. *Mamajonov A.* Davlat boshqaruvi va siyosiy innovatsiyalar. — Toshkent: Akademnashr, 2022. — 136 b.
2. *Sultonov I.* Fuqarolik jamiyati va davlat: integratsion model. — Toshkent: Ma'naviyat, 2021. — 160 b.
3. *Cubel J.* Le Gouvernement Algorithmique. — Paris: PUF, 2018. — 204 p.
4. *Mamatqulov D.* O'zbekistonning siyosiy islohotlari: barqarorlik va dinamik o'zgarishlar. — Toshkent: Ijtimoiy Fikr, 2020. — 188 b.
5. *Eshniyozova G.* Siyosiy boshqaruvda innovatsion yondashuvlar. — Toshkent: Iqtisodiyot, 2021. — 144 b.
6. *Toxirov M.* Davlat boshqaruvi jarayonlarining institutsional tahlili. — Toshkent: Adolat, 2022. — 128 b.
7. *Krott M.* Public Administration Reform and Political Learning. — Berlin: Springer, 2019. — 208 p.
8. *Xudoyberdiyev X.* Raqamli boshqaruv va siyosiy ong transformatsiyasi. — Toshkent: Tafakkur, 2022. — 164 b.

Федорова М.Н.
д.э.н., в.н.с. Института экономики РАН
maria-fedorova.n@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ РАЗРАБОТКИ СОЦИАЛЬНО- И ЧЕЛОВЕКО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: человеческий потенциал; уровень, качество и образ жизни; социально-экономическая система, социально-трудовые отношения, доходы населения.

Key words: socio-economic system, human potential, standard of living, quality of life, means of life, social-labor relations, income of population.

При разработке социально- и человеко-ориентированных стратегий развития необходимо исходить из того, что они должны создавать условия для развития и реализации человеческого потенциала. В ст. 25 Стратегии национальной безопасности РФ обращается внимание на «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан»[1] как на стратегический национальный приоритет. В Указе

[1] См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности РФ».

Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» № 309 от 07.05.2024 отмечается необходимость повышения уровня жизни и благосостояния населения. В связи с этим важно рассмотреть теоретические основы разработки таких стратегий сквозь призму системного подхода к рассмотрению человеческого потенциала.

Системный подход к рассмотрению человеческого потенциала

В экономической литературе человеческий потенциал рассматривается как сложное, многогранное понятие. Оно объединяет разнообразные качества человека — способности, знания, навыки, умения, состояние здоровья, нравственно-духовные основы и т.п. Человек использует эти свои качества в трудовой, предпринимательской и социальной деятельности. Они оказывают прямое или косвенное воздействие на экономические результаты на уровне индивидов, хозяйствующих субъектов, регионов и национальной экономики в целом. Но, кроме наличия тех или иных способностей у человека, важно, чтобы у него были потребности, готовность и возможности осуществить отмеченную выше деятельность[2].

Следует учитывать также, что человеческий потенциал — воспроизводственное понятие. Его формирование, развитие и реализация осуществляются в процессе производства, распределения, обмена и потребления. Для развития человеческого потенциала необходимо, чтобы в экономике и обществе существовал спрос на такое развитие. Поэтому в стратегиях развития требуется согласовывать задачи, относящиеся ко всем фазам воспроизводства, например, задачи в области научно-технического развития с задачами в сферах подготовки кадров и доходов населения.

Следовательно, для анализа социально-экономических условий, состояния и тенденций развития человеческого потенциала необходим теоретико-методологический подход, предполагающий систему количественных и качественных показателей[3]. В связи с этим в экономической литературе отмечается необходимость взаимосвязанного рассмотрения уровня и качества жизни населения и их синтеза. Как отмечает В.Н. Бобков, «уровень жизни является не только важной характеристикой ее качества, но и непосредственно влияет на качество жизни со стороны ее экономической определенности»[4].

Для характеристики уровня жизни следует рассматривать, прежде всего, показатели динамики доходов населения, их дифференциации, степени удовлетворения потребностей в различных товарах, обеспеченности жильем, коммунальными и социальными услугами, услугами образования и здравоохранения, информационно-коммуникационными технологиями, транспортом. Качество жизни характеризуется состоянием защиты личности и имущества, динамикой социальных расходов государства по различным направлениям, уровнем занятости, производственного травматизма, общей и профессиональной заболеваемости, состоянием экологии и т.п. О качестве жизни можно также судить по некоторым косвенным показателям, например, удовлетворенности населения различными сторонами жизни, степени доверия населения к органам государственной власти. Синтез уровня и качества жизни отражен в ин-

---

[2] См.: *Соболева И.В.* Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. — М.: Наука, 2007. — С. 12–13; Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / под ред. З.Х. Сарали-евой. — Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. — Т. I. —С. 140.

[3] Как известно, часть человеческого потенциала поддается количественной оценке и сопоставлению инвестиций с приростом доходов. Это человеческий капитал. В экономической науке существуют два метода его оценки — метод накопленных затрат на воспитание детей, образование, профессиональную подготовку и переподготовку и поддержание здоровья (метод Дж. Кендрика) и метод капитализации дохода как дисконтированной величины заработков (существующих и ожидаемых в будущем с учетом вероятности дожития до определенного возраста) за весь период жизни человека (метод Д. Джоргенсона и Б. Фраумени). При подходе с точки зрения человеческого капитала человек рассматривается как субъект, инвестирующий в развитие тех сторон его личности, которые, по его мнению, способны принести ему рост доходов (См.: Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития России. — СПб.: Нестор-История, 2016. — С. 25–31).

[4] См.: Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития / под ред. Р.С. Гринберга, П.В. Савченко. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2021. — С. 501.

тегральных показателях, например, в индексе человеческого развития, индексе социального прогресса, индексе процветания, индексе счастья.

Как уже отмечалось, в человеческом потенциале соединяются наличие тех или иных способностей человека с готовностью их использовать и развивать, то есть с отношением к труду, к общественным нормам поведения, к себе, к другим людям. Это означает, что уровень и качество жизни надо рассматривать в связи с образом жизни. Поэтому представляет интерес комплексный подход, осуществленный в исследованиях Е.И. Капустина, — взаимосвязанное рассмотрение категорий уровня жизни, качества жизни и образа жизни, характеризующих их количественные и качественные показатели. Е.И. Капустин исходил из того, что «характеристика благосостояния может быть полной только в сочетании оценки уровня и качества жизни с оценкой образа жизни населения»[5], а «образ жизни населения складывается из типичных черт жизнедеятельности людей во всех сферах их существования»[6]. Свои деньги и свободное время человек может использовать по-разному, в результате качество человеческого потенциала может быть различным.

Среди показателей, характеризующих образ жизни, особое значение имеют уровень занятости и безработицы, доля расходов на образование, здравоохранение, культуру и спорт в доходах населения, посещаемость театров и музеев, браки и разводы, количество детей и подростков без попечения родителей, уровень преступности, количество лиц, состоящих на учете с диагнозом алкоголизм, наркомания и токсикомания.

При разработке социально- и человеко-ориентированных стратегий развития комплексный подход необходимо осуществлять в рамках более широкого системного подхода.

Все составляющие человеческого потенциала развиваются во взаимосвязи и воздействуют на социально-экономическое развитие в различных формах и в различных сферах — как рабочая сила, как потребительский спрос населения, как обеспечение населения социальными благами и т.п. Структура человеческого потенциала имеет разные аспекты, которые могут рассматриваться как соотношение целого и его частей (демографический потенциал, трудовой потенциал, потребительский потенциал и т.д.), по уровням (национальный, региональный, корпоративный, индивидуальный) и т.д. Все это свидетельствует, что человеческий потенциал — системное понятие, и его необходимо исследовать в социально-экономической системе[7]. Человек — субъект экономики и общества, главная производительная сила и субъект социально-экономических отношений, личность и член общества выступает как ядро социально-экономической системы и всех ее подсистем — экономической, социальной, политической, нравственно-духовной и семейно-бытовой — на макро-, мезо- и микроуровне.

Важнейшую роль в развитии и реализации человеческого потенциала играют социально-трудовые отношения, которые охватывают широкий круг отношений между государством, коммерческими и некоммерческими организациями и индивидами по поводу занятости, условий и оплаты труда, социальной защиты и социальных инвестиций. На эти отношения воздействуют процессы, происходящие во всех отмеченных подсистемах. При этом особую роль играют противоречия в технологических, социально-экономических и духовных основах социально-трудовой сферы.

Противоречия в технологических, социально-экономических и духовных основах социально-трудовой сферы

Системный подход к исследованию человеческого потенциала дает возможность выявить основные проблемы его развития и реализации, обусловленные противоречиями в технологических, социально-экономических и духовных основах социально-трудовой сферы. Это, прежде всего, противоречия между интеллектуализацией и архаизацией труда, между соци-

[5] См.: *Капустин Е.И.* Уровень, качество и образ жизни населения России. — М.: Наука, 2006. — С. 9.

[6] Там же. — С. 40.

[7] Социально-экономическая система объединяет совокупность вертикальных и горизонтальных, формальных и неформальных, личных и корпоративных, экономических, административных, социальных, культурных и т.п. связей между людьми, социальными группами и организациями (*Савченко П.В., Федорова М.Н.* Система: тенденции ее развития. — М.: ИЭ РАН, 2011 — С. 6–7).

альными функциями государства и прекаризацией занятости, между формированием гармоничного человека и «новым варварством» — моральной деградацией части населения[8].

Названные противоречия в той или иной мере существуют в России и в других странах, они имеют долгосрочный характер. Социально- и человеко-ориентированные стратегии развития должны быть направлены на разрешение этих противоречий.

Противоречие между интеллектуализацией труда и архаизацией труда проявляется в том, что, с одной стороны, растет знаниеемкость производства[9], потребность в квалифицированных кадрах, а с другой стороны, растет спрос на неквалифицированный труд, и его оплата может быть не ниже, а то и выше квалифицированного.

Таблица 1

Показатели роста образования населения в России в 2000–2023 гг.*

	2000	2010	2020	2023	2023 в % к 2000
Доля занятых, имеющих:					
— высшее образование, в %	24,7	29,1	35,4	35,4	—
— среднее профессиональное образование:					
— по программе подготовки специалистов среднего звена, в %	30,9	27,1	25,6	26,8	—
— по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих), в %	10,1	19,6	19,2	18,7	—
Коэффициент охвата образовательными программами среднего и высшего профессионального образования (возрастная группа 15–34 лет), в %	20,5	23,8	21,3	24,7	—
Выпуск бакалавров, специалистов и магистров на 10 000 занятых, чел.	99	217	120	111	112,1

* *Составлена по*: Российский статистический ежегодник. 2023. — М.: Росстат, 2023. — С. 127, 195; Российский статистический ежегодник. 2024. — М.: Росстат, 2024. — С. 118, 185.

О росте знаниеемкости производства и интеллектуализации труда в России свидетельствует рост доли занятых, имеющих высшее и среднее профессиональное образование, и коэффициента охвата образовательными программами высшего и среднего профессионального образования (см. табл. 1). Вместе с тем, начиная с 2010 г., снизился выпуск бакалавров, специалистов и магистров. В этот период сократилась среднегодовая численность занятых в обрабатывающих производствах, в научных исследованиях и разработках, образовании, здравоохранении и предоставлении социальных услуг; сократилась доля занятых в этих видах деятельности в структуре занятых; соотношение заработной платы занятых в научной и технической деятельности со средней по экономике уменьшилось. В обрабатывающих производствах, образовании и здравоохранении заработная плата ниже средней по экономике (см. табл. 2).

Рост спроса на неквалифицированный труд вызван разными причинами, связанными с развитием торговли on-line и заинтересованностью бизнеса в найме мигрантов на неквалифицированную работу.

Для разрешения названного выше противоречия требуется комплекс мер, направленных на усиление заинтересованности человека в образовании, повышении квалификации и работе по специальности в компаниях, производящих высокотехнологичную продукцию. Необходимы льготы по налогам и кредитам в сфере НИОКР для всех субъектов бизнеса, а также компаний, финансирующих обучение, повышение квалификации и переподготовку своего

[8] См.: *Федорова М.Н.* Противоречия в социально-трудовой сфере и их влияние на развитие человеческого потенциала России // Общество и экономика. –2024. — № 3. — С. 56–68.

[9] См.: *Бодрунов С.Д.* Ароморфоз категории «труд» в рамках глобальной трансформации общества: знание, творчество, ноономика // Экономическое возрождение России. — 2025. — № 2. — С. 8.

персонала, участвующих в разработке профессиональных стандартов обучения и оценки квалификации работников, развитие фондов целевого капитала в сфере образования и поощрение благотворителей.

Таблица 2

Соотношение среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций в ряде видов экономической деятельности со средней по экономике в России в 2010–2024 гг.[*]

Виды деятельности	2010	2020	2023	2024
Добыча сырой нефти природного газа	2,89	2,77	2,42	2,50
Обрабатывающие производства	0,90	0,91	0,96	0,99
Из них:				
— производство компьютеров, электронных и оптических изделий	0,96	1,10	1,23	1,28
— производство электрического оборудования	0,86	0,89	0,99	1,01
— производство машин и оборудования, не включенных и другие группировки	0,90	0,93	1,01	1,03
Деятельность финансовая и страховая	2,39	2,20	2,26	2,30
Деятельность профессиональная научная и техническая	1,58	1,56	1,44	1,43
Образование	0,67	0,77	0,73	0,72
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	0,73	0,96	0,82	0,81

[*] *Рассчитано по*: Российский статистический ежегодник. 2023. — М.: Росстат, 2023. — С. 161; Российский статистический ежегодник. 2024. — М.: Росстат, 2024. — С. 151; Социально-экономическое положение России. Январь 2025. — М.: Росстат, 2025. — С. 151–154.

Примечание. Данные Росстата за более ранний период сгруппированы по-другому, поэтому не могут сравниваться с данными в табл. 1.

Противоречие между социальными функциями государства и прекаризацией занятости проявляется в том, что, с одной стороны, растут социальные расходы государства (см. табл.3), а с другой стороны, растет неустойчивая, часто неофициальная занятость, при которой работники социально не защищены[10].

Следует обратить внимание на то, что в России самозанятые не делают обязательных отчислений в социальные фонды. В случае платформенной занятости Интернет-платформа — посредник между работником и клиентом — по закону ни за что не отвечает[11]. Отсутствие официальной, стабильной занятости и социальной защиты может подталкивать людей к разным видам криминальной деятельности, в том числе к мошенничеству с использованием ИКТ, доля которого среди преступлений в последние годы быстро растет (см. табл. 4).

При разработке направлений развития социальных функций государства важно соблюдать разумную меру, чтобы не разрушать мотивацию к труду и ответственность человека за свое благополучие. Необходимо учитывать зарубежный опыт, который свидетельствует, что избыток социальных пособий, «вертолетные деньги» и т.п. приводят к нежеланию официаль-

[10] Признаками прекаризации занятости являются отсутствие трудового договора (работник не оформлен по трудовой книжке, трудовому соглашению или контракту), неполная или временная занятость, ненормированная или неопределенная длительность рабочего времени, нестабильные и неофициальные формы оплаты труда, полное или частичное отсутствие социальных гарантий. Кроме того, неустойчивая занятость часто сочетается с недостаточной материальной обеспеченностью домохозяйств. По расчетам специалистов в 2023 г. доля работников с несколькими индикаторами неустойчивой занятости составляла 33,5% наемных работников организаций (см.: Мониторинг доходов и уровня жизни населения России. 2024 год / отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. — М.: ИЭ РАН, 2025. — С. 29).

[11] В статье 1 Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации» № 565-ФЗ от 12.12.2023 нет определения понятия «работодатель», а в ст. 3 среди занятых нет участников платформенной занятости.

но работать или заниматься бизнесом и привлекают неблагополучный контингент из других стран. Необходимо также осторожно и ответственно относиться к предложениям о выплате всем гражданам безусловного базового дохода (ББД). Вероятно, можно было бы в качестве эксперимента в каком-либо городе или районе заменить льготы пенсионерам и инвалидам на выплату ББД при сохранении их основной пенсии.

Таблица 3

Социальные расходы государства в России в 2000–2023 гг., в млрд руб.*

	2000	2010	2020	2021	2023	2021 в % к 2000
Расходы консолидированного бюджета РФ на социально-культурные мероприятия — всего	536,4	10 133,8	25 569,5	27 121,0	...	4 766,8
Из них:						
— на образование	214,7	1 893,9	4 324,0	4 690,7	...	2 184,7
— на здравоохранение и физическую культуру	153,4	1 708,8	4 939,3	5 167,3	...	3 368,5
Расходы консолидированного бюджета и государственных внебюджетных фондов на выплату пособий и социальную помощь	77, 7	1 522,7	4 196,9	4294,5	5 290,1	5 526,6 6 808,4**

* *Рассчитано по*: Российский статистический ежегодник. 2023. — М.: Росстат, 2023. — С. 164, 534; Российский статистический ежегодник. 2024. — М.: Росстат, 2024. — С. 154.

** 2023 г. к 2000 г.

Таблица 4

Правонарушения в России в 2020–2024 гг.*

	2020	2023	2024	2024 в % к 2020
Всего зарегистрированных преступлений	2 044 221	1 947 161	1 911 258	93,5
Из них:				
— тяжких и особо тяжких	563 204	589 079	617 301	109,6
— экономической направленности	105 480	105 257	105 434	99,9
— совершенных с использованием ИКТ	510 396	676 951	765 365	149,9
— коррупционной направленности	30 813	36 407	38 503	124,9
— мошенничества	335 631	433 708	445 690	132,8

* *Составлена по*: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 г. — М.: МВД РФ, 2020. — С. 7; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 г. — М.: МВД РФ, 2023. — С. 6; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 г. — М.: МВД РФ, 2024. — С. 6.

Для снижения рисков негативных последствий прекаризации занятости необходимо расширить сферу самостоятельных отчислений в социальные фонды, сделать их обязательными для самозанятых, с помощью социальной рекламы разъяснять их необходимость для работающих неофициально, создавать новые формы профсоюзов — для самозанятых, занятых не по трудовым договорам, платформенных занятых и т.д.

При разработке мер по разрешению данного противоречия необходимо обратить внимание на динамику доходов населения и их дифференциацию (см. табл. 5). Следует учитывать, что социальные последствия дифференциации доходов для развития и реализации человеческого потенциала не однозначны. Низкий уровень неравенства в доходах может снизить

трудовую мотивацию. Но чрезмерное неравенство в доходах приводит к неравенству в доступе к услугам образования, здравоохранения и культуры, может вызвать социальную нестабильность[12].

Таблица 5

Доходы населения и их дифференциация в России в 2000–2023 гг.*

	2010	2020	2021	2022	2023	2023 в % к 2010
Среднедушевые денежные доходы населения, в руб. в месяц	18 958	36 240	39 934	47 386	53 579	282,6
Медианный среднедушевой денежный доход, в руб. в месяц	14 000	27 036	29 976	36 185	40 121	286,6
Модальный среднедушевой денежный доход, в руб. в месяц	7 590	15 313	16 890	21 101	23 060	303,8
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума	12,5	12,1	11,1	9,0	8,3	
Коэффициент Джини	0,421	0,406	0,409	0,398	0,405	
Коэффициент фондов, в разах	16,6	14,9	15,2	14,0	14,8	

* *Составлена по*: Российский статистический ежегодник. 2023. — М.: Росстат, 2023. — С. 155, 156, 168; Российский статистический ежегодник. 2024. — М.: Росстат, 2024. — С. 145, 146, 158.

Динамика доходов населения и их дифференциации в России в 2010–2023 гг. свидетельствует о противоречивых тенденциях. С одной стороны, наметились позитивные изменения. Медианный и модальный среднедушевые денежные доходы населения росли быстрее, чем среднедушевые денежные доходы в целом. Доля населения с низкими доходами снижалась. С другой стороны, существует долговременная негативная тенденция к сохранению невысокого уровня доходов значительной части населения. Необходимо также учитывать, что по данным Росстата рост индекса потребительских цен опережает рост реальных располагаемых доходов населения[13]. После 2020 г. стали расти показатели дифференциации доходов населения — коэффициент Джини и коэффициент фондов, которые достигли в 2024 г. соответственно 0,408 и 15,1[14]. Поставленные в Указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» № 309 от 07.05.2024 задачи обеспечения устойчивого роста денежных доходов населения не ниже уровня инфляции и снижение коэффициента Джини пока не решаются. Для повышения социальной эффективности социально-трудовых отношений целесообразно разработать специальный национальный проект, посвященный доходам населения и снижению неравенства в доходах.

Противоречие между формированием гармоничного человека и «новым варварством» проявляется в том, что, с одной стороны, у людей развиваются духовные и культурные потребности, умение сочетать соблюдение своих интересов и уважение к окружающим, а с другой стороны, часть людей соблазняется зарабатывать не общественно-полезным трудом, а участием в различных противоправных деструктивных действиях, в том числе в беспорядках и погромах, а иной раз в терактах, которые организуются и проплачиваются экономическими и политическими конкурентами тех, против кого они направлены. Следует отметить, что название

[12] См.: *Федорова М.Н.* Доходы населения и их дифференциация как показатели социальной эффективности социально-трудовых отношений в России в современных условиях // Экономическая безопасность. — 2025. — Т. 8. — № 9. — С. 2839–2854.

[13] См.: Российский статистический ежегодник. 2023. — М.: Росстат, 2023. — С. 50, 155; Российский статистический ежегодник. 2024. — М.: Росстат, 2024. — С. 47, 145; Социально-экономическое положение России. Январь-декабрь 2024. — М.: Росстат, 2024. — С. 135, 193.

[14] Социально-экономическое положение России. Январь 2025 г. — М.: Росстат, 2025. — С. 160.

«варварство», используемое в литературе[15], не совсем удачно, так как имеет националистический подтекст, поскольку жители Древней Греции и Рима считали себя самыми культурными и цивилизованными людьми, а представителей других национальностей — варварами. Поэтому данную негативную тенденцию было бы лучше назвать криминализацией и моральной деградацией части населения, (мигрантов и местных жителей), которая считает допустимыми такого рода «заработки». Для профилактики распространения этого явления необходимо усилить контроль за миграционными процессами с целью противодействия нелегальной миграции и проникновению в страну криминальных элементов, строже наказывать за организацию беспорядков и погромов.

Следует также принимать меры, заинтересовывающие в легальной экономической деятельности (например, для самозанятых, малого и среднего бизнеса), меры по усилению борьбы с коррупцией, мошенничеством, легализацией доходов, полученных преступным путем, и разъяснять людям, чтобы они не нанимались на всякую сомнительную «работу» к неизвестным «работодателям»[16].

Выводы

1. При разработке социально- и человеко-ориентированных стратегий развития необходимо:
   — исходить из того, что человеческий потенциал многогранен, он объединяет разнообразные качества человека, которые используются в трудовой, предпринимательской и социальной деятельности;
   — использовать систему показателей, характеризующих уровень, качество и образ жизни людей;
   — рассматривать человека как ядро социально-экономической системы и всех ее подсистем — экономической, социальной, политической, нравственно-духовной и семейно-бытовой;
   — выявлять основные проблемы развития и реализации человеческого потенциала, обусловленные противоречиями в технологических, социально-экономических и духовных основах социально-трудовой сферы, и искать пути их решения.
2. Системный подход к разработке социально- и человеко-ориентированных стратегий развития предполагает взаимосвязанность мер по их реализации, в основе которой — взаимодействие государственного и рыночного регулирования, партнерство государства и бизнеса на всех уровнях.

В сфере социально-трудовых отношений целесообразно разработать специальный национальный проект, посвященный доходам населения, и новую Концепцию содействия развитию благотворительной деятельности. Необходимы льготы по налогам и кредитам для компаний, финансирующих обучение, повышение квалификации и переподготовку персонала, вносящих средства в фонды целевого капитала и на благотворительные цели. Следует также принимать меры, заинтересовывающие в легальной экономической деятельности (например, для самозанятых, малого и среднего бизнеса), сделать обязательными отчисления в социальные фонды для самозанятых и страховые взносы для платформ, способствовать созданию новых форм профсоюзов — для самозанятых, занятых не по трудовым договорам, платформенных занятых и индивидуальных предпринимателей, не использующих наемный труд.

[15] См., например: *Зарубина Н.Н., Кравченко С.А.* «Новое варварство» в цивилизационной перспективе: воздействие на человеческий капитал // Полис. — 2022. — № 1. — С. 31–44.

[16] Иногда таким образом они становятся сообщниками диверсантов, террористов, наркоторговцев и мошенников, что приводит к уголовной ответственности.

Хараберюш И.Ф.
д.ю.н., профессор, в.н.с.,
профессор Кафедры государственного управления и права Института экономических исследований,
Мариупольский государственный университет
hif52@mail.ru

О КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ И ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Ключевые слова: государственное имущество, земельные ресурсы, стратегия, отчуждение собственности, цифровизация, Донецкая Народная Республика.
Key words: state property, land resources, strategy, alienation of property, digitalization, Donetsk People's Republic.

В связи с принятием Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации и с целью формирования системы и структуры исполнительных органов ДНР, соответствующих требованиям Российского законодательства, Указом Главы Донецкой Народной Республики от 13 декабря 2024 г. № 695 «Об образовании (о создании) Министерства имущественных и земельных отношений Донецкой Народной Республики» было образовано Министерство имущественных и земельных отношений Донецкой Народной Республики (далее — Министерство). Находясь в стадии формирования, Министерство нуждается в стратегическом планировании своей деятельности, базой для разработки которого может стать концепция управления государственным имуществом и земельными ресурсами ДНР (далее — Концепция).

Концепция разрабатывается в целях обозначения приоритетных направлений деятельности, задач, путей решения имеющихся проблем, прогнозирования ожидаемых результатов управления и распоряжения имуществом на территории Донецкой Народной Республики. При разработке Концепции необходимо учитывать положения Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Постановления Правительства РФ от 22 декабря 2023 г. № 2255 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Восстановление и социально-экономическое развитие Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области», Закона Донецкой Народной Республики от 27 января 2023 г. № 431-IIНС «О стратегическом планировании в Донецкой Народной Республике», Постановления Правительства Донецкой Народной Республики от 7 сентября 2023 г. № 73-6 «Об утверждении Порядка разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации Стратегии социально-экономического развития Донецкой Народной Республики и Плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Донецкой Народной Республики», Распоряжения Правительства Донецкой Народной Республики от 17 октября 2024 г. № 106 — Р6 «О разработке Стратегии социально-экономического развития Донецкой Народной Республики на период до 2040 года».

Концепция должна отражать текущее состояние в сфере управления государственным имуществом и земельными ресурсами на территории ДНР, определять ключевые цели, задачи, проблемы и основные направления деятельности в этой сферы. В ней должно быть проанализировано нормативное и ресурсное обеспечение, обозначены ожидаемые результаты и сроки внедрения, а также возможные риски и мероприятия по снижению негативного воздействия в сфере управления государственным имуществом и земельными ресурсами. Концепцию необходимо построить как комплексную систему мероприятий, призванных повысить эффективность использование государственного и городского имущества, земельных ресурсов для увеличения доходной части бюджета ДНР от их перераспределения и эксплуатации.

Необходимым условием в формировании Концепции, как важного стратегического документа, можно считать скоординированность его с важнейшими ранее принятыми стратегиями. Так, следует учитывать положения Энергетической стратегии РФ [1], влияющей на обеспечение энергетической безопасности, повышение устойчивости и надежности энергос-

набжения, обеспечение энерго-, газо-, электроснабжением объектов государственного имущества. Важным, особенно для перспективного развития землепользования, является Стратегия экологической безопасности РФ [2]. Принципы и критерии экологической безопасности должны составлять основу Концепции.

Для эффективного управления и распределения земельных ресурсов ДНР с учетом различных видов хозяйственной деятельности наибольшую значимость могут представлять следующие виды минерально-сырьевых ресурсов Донбасса:

— месторождения каменных углей. В настоящее время суммарные запасы угля до глубины 1 800 м составляют 140,8 млрд тонн, из них отвечающих требованиям по мощности пластов и зольности — 108,5 млрд тонн. Разведанные и разрабатываемые запасы угля составляют 57,5 млрд тонн, в перспективе заложено освоить еще 18,3 млрд тонн;
— месторождения металлургических доломитов. Еленовское месторождение флюсовых известняков и доломитов имеет объем запасов флюсовых известняков и доломитов около 108,9 млн тонн. Промышленные запасы в горном отводе Новотроицкого месторождения металлургических известняков и доломитов порядка 200 млн тонн. Никитовское и Ямское месторождения флюсового известняка имеет запасы доломитов порядка 145 млн тонн, а доломитизированных известняков — 305 млн тонн;
— месторождения огнеупорных глин. Крупнейшим из них является Часово-Ярское месторождение огнеупорных глин. Оно уникально по запасам высококачественных глин — 35,5 млн тонн;
— месторождение ртути. Наиболее крупным из них является Никитовское сурьмяно-ртутное месторождение с объемом запасов руд порядка 100 тыс. тонн;
— месторождения каменной соли. Славянско-Артемовские бассейны находятся в Донецкой области и составляют лишь небольшую часть крупного соляного бассейна. Запасы каменной соли составляют миллиарды тонн. Подземным способом разрабатываются Артемовское и Новокарфагенское месторождения;
— месторождения мела и мергеля. Крупные месторождения цементного сырья — Амвросиевское и Краматорское. Амвросиевские запасы мергеля — одни из крупнейших в мире. На местном сырье в области работают шесть цементных заводов общей мощностью 3,8 млн тонн в год. Запасы цементного сырья составляют около 556 млн тонн;
— месторождения глин для производства известняковых, гипсовых и местных вяжущих материалов, которые являются сырьем для славянских, артёмовских и горловских предприятий;
— месторождения песка для стекольной промышленности. Сырьем для стекольных заводов являются высококачественные белые кварцевые пески, которые добываются на крупнейшем в нашей стране Авдеевском (песок вывозится и за пределы Донбасса) месторождении. Объем запасов кварцевого песка для стекольной промышленности в Донецкой области составляет 28,5 млн тонн [3];
— месторождения руд и песков драгоценных металлов и руд редких металлов (золото, литий, тантал, ниобий, цирконий и др.). Наиболее перспективными для разработки являются залежи литиевых руд в районе с. Шевченко (Волновахский район Донецкой области), Азовское месторождение (бритолит, ортит, бастнезит, цирконий), Мазуровское месторождение (тантал, ниобий, цирконий) [4].

Объемы добычи приведенных выше месторождений позволяют обеспечить потребности производства и рынка на длительное время. При этом наиболее эффективным вложением средств на восстановление (развитие) предприятий минерально-сырьевого комплекса Донбасса являются предприятия по добыче мергеля. На втором месте по критерию эффективности вложения средств находятся угольные шахты. На третьем — предприятия по добыче каменной соли [3, с. 98].

Эффективному оперативному управлению [5, п. 1.7] использования земельных ресурсов может способствовать механизм ресурсно-инновационного развития ДНР — система взаимосвязанных элементов, нацеленных на эффективное и комплексное освоение ресурсного потенциала региона на инновационной основе, структурную модернизацию промышленности региона за счет развития инновационных и высокотехнологичных отраслей и преобразование экономиче-

ского потенциала невозобновляемых природных ресурсов в воспроизводимый потенциал на основе знаний и новых технологий. Особенность механизма инновационного развития сырьевого сектора — гибкое сочетание мер стимулирования и принуждения. И значительная роль здесь должна отводиться порядку предоставления недр в пользование. Инструментом прямого воздействия является лицензия на право пользования недрами, в которой могут быть закреплены объемы добычи, сроки и технические условия освоения месторождений, принуждающие пользователей применять инновационные технологии. Способствовать принудительному применению новых технологий может введение эффективного технического регулирования [6].

Одним из ключевых вопросов обеспечения экономической безопасности Донецкой Народной Республики и особенностью развития ее экономики является вопрос отчуждения собственности юридических и физических лиц [7]. Сложившаяся в связи с проведением СВО ситуация требует системного подхода к вопросам прекращения права собственности и других вещных прав физических и юридических лиц, создающих реальные и (или) потенциальные угрозы государству и интересам Донецкой Народной Республики.

Перспективным также является подключение к единой цифровой платформе «Национальная система пространственных данных» [8] в целях обеспечения дальнейшего совершенствования и развития системы государственного кадастрового учета недвижимого имущества и государственной регистрации прав на недвижимое имущество, а также инфраструктуры пространственных данных. Одним из ключевых направлений развития системы является обеспечение достоверности и полноты данных в Едином государственном реестре недвижимости, содержащем сведения о характеристиках земельных участков и объектов недвижимости, а также сведения об их правообладателях.

Системное и планомерное осуществление намеченных положений Концепции — важное условие для поддержания экономического и социального развития ДНР, реализации национальных инициатив, региональных планов и государственных программ во всех сферах и отраслях республики. Это необходимо для выполнения стратегических задач в сфере землепользования и управления собственностью к 2030 году — полного перехода к цифровым технологиям при регулировании и использовании государственной (муниципальной) собственности на всей территории ДНР.

Список литературы

1. Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года: распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р.
2. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176.
3. *Попов С.М., Попова Э.А., Тумоян И.Г.* Экономическая оценка минерально-сырьевой базы Донбасса: состояние и перспективы // Proceedings of Higher Educational Establishments: Geology and Exploration. — 2022. — № 5. — С. 94–100. — https://doi.org/10.32454/0016-7762-2022-64-5-94-100.
4. *Черникова Л.*В. Ресурсный потенциал Донецкого региона: проблемы и конкурентные преимущества // Вестник института экономических исследований. — 2023. — № 1(29). — С. 45–52.
5. Об образовании (о создании) Министерства имущественных и земельных отношений Донецкой Народной Республики: Указ Главы Донецкой Народной Республики от 13 декабря 2024 г. № 695.
6. *Нагаева О.С.* Основные положения механизма ресурсно-инновационного развития региона // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. — 2019. — № 3(59). — https://eee-region.ru/article/5924/.
7. *Шелухин Н.Л., Хараберюш И.Ф.* Опыт национализации и внешнего управления активами в системе мер по обеспечению экономической безопасности государства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2024. — Т. 26. — № 2. — С. 13–27.
8. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Национальная система пространственных данных»: постановление Правительство Российской Федерации от 1 декабря 2021 г. № 2148.

Шелухин Н.Л.
д.ю.н., профессор,
зав. Отделом исследования проблем экономической безопасности,
Институт экономических исследований, г. Донецк
shelukhin2004@inbox.ru

ОБ ИЕРАРХИИ ДОКУМЕНТОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Ключевые слова: стратегическое планирование, иерархия документов, доктрина, основы государственной политики, концепция, структура, стратегия, государственная программа.
Key words: strategic planning, document hierarchy, doctrine, principles of public policy, concept, structure, strategy, state program.

Общемировой характер глобализации негативно воздействует на национальную идентичность и экономику государств. В условиях мирового противостояния экономических интересов используются различного рода санкции, ограничения, повышение таможенных пошлин и др. Эти действия на международном уровне провоцируют эскалацию вооруженных конфликтов и экономическую конфронтацию.

В этой ситуации Российская Федерация предпринимает меры к защите своего внутреннего рынка от товарной экспансии со стороны недружественных стран, прежде всего, путем повышения технологической независимости, развития новых производств, цифровизации. Процесс разработки долгосрочных планов действий для достижения национальных интересов является сутью стратегического планирования, которое выступает реальным инструментом государственного управления на федеральном, региональном и муниципальном уровне.

Так как источники права определяются этапом развития общества и развиваются вместе с ним, то документы стратегического планирования, на основании которых принимаются как федеральные, так и региональные нормативно-правовые акты, включены в систему источников права.

В документах стратегического планирования всегда отражается правовая политика, являющаяся легитимной основой для политического, экономического, социального и культурного развития государства.

Федеральный Закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ устанавливает правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации и дает понятие документов стратегического планирования как документированной информации, разрабатываемой, рассматриваемой и принимаемой органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и иными участниками стратегического планирования. Виды этих документов в законе не перечисляются, однако в тексте закона речь идет о прогнозах, стратегиях, планах, схемах, национальных проектах, государственных программах.

Согласно действующему Указу Президента РФ «Об основах стратегического планирования в Российской Федерации» от 12.05.2009 № 537 стратегическое планирование осуществляется путем разработки концепций, доктрин, стратегий, программ, проектов (планов) устойчивого развития Российской Федерации с учетом задач обеспечения национальной безопасности. В рамках стратегического планирования формируются прогнозные, концептуальные документы (концепции, доктрины, стратегии, основы), программные, планирующие и распорядительные документы, нормативные правовые акты, а также вспомогательные (аналитические, информационные, справочные) и другие материалы[1].

Процессы, связанные со стратегическим планированием в России, стали предметом разностороннего изучения ученых и практиков — экономистов, юристов, социологов, специалистов в области государственного управления.

[1] Об основах стратегического планирования в Российской Федерации. Указ Президента РФ от 12.05.2009 г. № 536.

Целью данной работы является исследование и анализ содержания наиболее распространённых документов стратегического планирования для определения иерархии этих документов и их целеполагания.

Представители экономического сообщества видят иерархию актов стратегического планирования под углом функциональных требований в отношении структуры и содержания документов в зависимости от их целевого назначения, а также задач государственного управления. Они выделяют документы прогнозирования, документы целеполагания и документы планирования [15; 16].

Для юристов же, с точки зрения исполнения норм права, иерархия документов определяет превалирование норм вышестоящих документов над нижестоящими.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 11.05.2024 г. № 326, документы стратегического планирования вводятся в действие (в зависимости от того, в чьем ведении находится данное направление) Указами Президента РФ или Решениями Правительства РФ. Они также могут вводиться приказами федеральных министерств по отраслям их управления[2].

Документы стратегического планирования являются федеральными подзаконными нормативно-правовыми актами. Согласно иерархии нормативно-правовых актов в зависимости от их юридической силы, документы стратегического планирования, утверждаемые указами и распоряжениями Президента РФ, имеют более высокий ранг по сравнению с аналогичными документами, оформляемыми постановлениями и распоряжениями Правительства РФ. Это имеет принципиальное значение при коллизии норм, содержащихся в различных документах, применяется нормы, предписываемые актом более высокого ранга.

Согласно логике целеполагания документы стратегического планирования по дедуктивному принципу «от общего к частному» следует выстраивать в определенном порядке. Доктрина (основы государственной политики) представляет собой наивысший уровень. Затем следует концепция, за ней стратегия. Низший уровень — программа.

Этот вывод совпадает с мнением М.А. Мушинского, который построил иерархию документов стратегического планирования следующим образом: доктрина — концепция — стратегия. М.А. Мушинский пишет, что «на основании доктрины может быть выработана концепция, которая, в свою очередь, должна быть реализована в стратегии» [17, с. 499]. В развитие положений М.А. Мушинского, Д.С. Хижняк дополняет, что концепция — это общий «взгляд» на проблему, а стратегия — долгосрочный план реализации определенных мер, соответствующий общей идее, заложенной в концепции [18, с. 34].

Изучая архитектуру документов стратегического планирования, коллектив исследователей из Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития и Института экономики РАН делает верный вывод о том, что на современном этапе развития системы стратегического планирования в ней существуют определенные методологические пробелы, которые не позволяют реализовать в полной мере все принципы, предписанные Федеральным законом 172-ФЗ. К ним относятся, прежде всего, принципы преемственности и непрерывности. По этой причине в системе планирования зачастую нарушается принцип декомпозиции целей и задач, искажается необходимая вертикаль целеполагания, наблюдается отсутствие сбалансированности по срокам действия программных и стратегических документов. Отсутствие важных связей между элементами системы стратегического планирования негативно влияет на ее способность решать поставленные перед ней управленческие задачи [19].

Рассмотрим более подробно ряд наиболее распространённых действующих нормативно-правовых актов, составляющих основу стратегического планирования — доктрины, основы государственной политики, концепции, стратегии, государственные программы.

1. **Доктрина**. В настоящее время в России утверждены и действуют пять документов-доктрин. Во всех доктринах в статье 1 определено, что доктрина — это:
   — система официально принятых в государстве взглядов. См.: «Военная доктрина Российской Федерации». Утверждена Президентом РФ 29.12. 2014 г.;

[2] О структуре федеральных органов исполнительной власти. Указ Президента Российской Федерации от 11.05.2024 г. № 326. — http://www.kremlin.ru/acts/bank/50541.

— система официальных взглядов. См.: «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации». Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646;
— официальные взгляды на цели, задачи и основные направления государственной социально-экономической политики... См.: «Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации». Утверждена Указом Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20;
— совокупность официальных взглядов. См.: «Морская доктрина Российской Федерации». Утверждена Указом Президента РФ от 31.07.2022 г. № 512;
— система взглядов на цели, основные принципы, задачи и механизмы реализации единой государственной политики... См.: «Климатическая доктрина Российской Федерации». Утверждена Указом Президента РФ от 26.10.2023 г. № 812.

Таким образом в доктринах находит свое отражение система официальных взглядов государства на декларируемые отношения, отнесенные к ведению Президента РФ.

2. **Основы государственной политики.** С 2011 года перечень документов стратегического планирования дополнился «Основами государственной политики»[3] которые утверждаются Президентом Российской Федерации. Смысл и содержание этого документа заключены в его названии. Например:
— Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации. Утверждены Указом Президента Российской Федерации 08.11.2021 г. № 633. Статья 2 Основ определяет цели, задачи и основные направления государственной политики в сфере стратегического планирования, а также механизмы реализации этой политики и обеспечения стратегического планирования с учетом взаимосвязи социально-экономического развития страны и ее национальной безопасности;
— Основы государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 11.03.2019 г. № 97. Статья 1 Основ определяет принципы, цель, основные задачи и приоритетные направления государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности. Основы предусматривают также и механизмы ее реализации;
— Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. Основы являются, в соответствии со статьей 1, документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, который определяет систему целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета. Им является защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей,

Аналогичное изложение первых статей и в:
— Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждены Президентом Российской Федерации 30.04.2012 г.;
— Основах государственной языковой политики Российской Федерации. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 11.07.2025 № 474,
— Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 19.10.2024 № 991,
— Основах государственной политики РФ в области исторического просвещения. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314.

Исходя из вышесказанного, основы государственной политики можно определить как политико-правовой документ стратегического планирования, в котором излагается государственная политика в определенной области (сфере).

[3] Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 4 мая 2011 г.). –https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071558/.

3. **Концепция.** Рассмотрим более подробно наиболее важные концепции Российской Федерации с точки зрения их сущности и целеполагания, которые:

а) утверждены актом Президента РФ:

— Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г. Утверждена Указом Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 — определяет принципы, цели, задачи, а также основные направления политики Российской Федерации в области демографии и народонаселения;

— Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 05.10.2009 г. — определяет основные принципы, цель и задачи государственной политики в области противодействия терроризму, а также направления дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму;

— Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 — определяет основные принципы, стратегические цели, основные задачи и приоритетные направления развития сферы внешней политики,

б) утверждены актом Правительства РФ:

— Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.11.2010 г. № 2136-р — определяет базовые цели государственной аграрной политики, а также развития рыбохозяйственного комплекса;

— Концепция государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г., Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р — определяет принципы, задачи и приоритетные меры в указанной сфере;

— Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 г. № 2129-р — определяет базовые подходы к трансформации системы нормативного регулирования и формированию основ правового регулирования общественных отношений, развивающихся в связи с разработкой и применением робототехники и технологий искусственного интеллекта;

— Концепция развития детско-юношеского спорта в Российской Федерации до 2030 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2021 г. № 3894-р — определяет систему взглядов, ориентированных на достижение национальных целей развития РФ. В содержании концепции раскрыты цели, задачи, принципы и основные направления действий;

— Концепция развития дополнительного образования детей до 2030 года. Утверждена Распоряжение Правительства РФ от 31.03. 2022 г. № 678-р — определяет приоритетные цели, задачи, направления и механизмы развития;

— Концепция технологического развития на период до 2030 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 г. № 1315-р — определяет принципы и цели технологического развития, и кроме того, сопутствующие ему вызовы;

— Концепция развития наставничества в Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 21.05.2025 г. № 1264-р. — определяет цели, задачи и приоритетные направления развития наставничества.

Во всех вышерассмотренных концепциях отражаются цели, задачи, принципы и приоритетные направления деятельности.

Федеральным законом от 20.07.1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» концепция определена как система представлений о стратегических целях и приоритетах, важнейших направлениях и средствах реализации указанных целей[4].

[4] О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации. Федеральный закон от 20.07.1995 № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 24.07.1995. — № 30. — Ст. 2871 (Документ утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ).

В итоге концепцию можно рассматривать как документ стратегического планирования, в котором излагается цели, задачи, принципы и приоритетные направления деятельности.

Вместе с тем концепции, также как доктрины и основы, носят достаточно общий характер и не содержат конкретных механизмов по их исполнению.

Как подчеркивает И.И. Пляхимович, концепция как основополагающий, наиболее общий политико-программный документ в области права не должна закреплять конкретный механизм своей реализации [20].

4. **Стратегия.** Стратегии являются базовыми документами стратегического планирования и по своему характеру подразделяются на федеральные, региональные и отраслевые. Рассмотрим целеполагание наиболее важных федеральных Стратегий Российской Федерации, утвержденных Указом Президента РФ:

а)

— Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ 28.02.2024 г. № 145, в которой определяются цель, основные задачи и приоритеты научно-технологического развития Российской Федерации, устанавливаются принципы, основные направления государственной политики в этой области и меры по ее реализации, а также ожидаемые результаты реализации настоящей Стратегии, обеспечивающие устойчивое, динамичное и сбалансированное развитие Российской Федерации на долгосрочный период;

— Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030. Утверждена Указом Президента РФ 13.05.2017 г. № 208, которая является документом стратегического планирования, разработанным для реализации стратегических национальных приоритетов РФ. В Стратегии определяются вызовы и угрозы экономической безопасности Российской Федерации, а также цели, основные направления и задачи государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности. Данный документ является основой для формирования и реализации государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности на федеральном, региональном, муниципальном и отраслевом уровнях;

— Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 — базовый документ стратегического планирования, определяющий национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели и задачи государственной политики в области национальной безопасности,

б) утвержденные Распоряжением Правительства РФ:

— Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207. Документ стратегического планирования, разрабатываемый в рамках целеполагания по территориальному принципу, который раскрывает основные проблемы пространственного развития Российской Федерации, цель, задачи, приоритеты, принципы, основные направления, этапы и сценарии пространственного развития, а также механизмы реализации Стратегии;

— Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 г. № 4146-р. — документ стратегического планирования, разрабатываемый в рамках целеполагания по территориальному принципу. Роль Стратегии в системе документов стратегического планирования определяется необходимостью достижения национальных целей в условиях сложившихся тенденций, новых вызовов и возможностей пространственного развития РФ, а также бюджетных ограничений и роста издержек в экономике.

К отраслевым документам стратегического планирования относятся, например:

— Стратегия развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года;

— Стратегия развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года;

— Стратегия развития металлургической промышленности Российской Федерации на период до 2030 года;

— Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года;

— Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года и др.

Мы считаем наиболее полным доктринальное понятие стратегии, данное Ю.В. Говорухиной в своей диссертационной работе. Стратегия — это документ политико-правового характера, принимаемый уполномоченным субъектом управления в целях перспективного планирования деятельности, содержащий в себе дескриптивные (описывающие) и прескриптивные (предписывающие) суждения, выражающий комплексное видение публичной политики в определенной сфере, области, отрасли деятельности, позволяющий осуществить конкретизацию задач и выбор адекватных средств реализации при условии надлежащего ресурсного обеспечения [23].

Проанализировав федеральные Стратегии различной направленности, приходим к выводу, что они являются базовыми документами стратегического планирования, содержащими и определяющими национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели и задачи государственной политики в регулируемых ими отраслях и сферах.

5. **Государственная программа**. Федеральным законом от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» государственная программа определяется как документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий. Он должен быть взаимоувязан по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, и включать инструменты, обеспечивающие достижение приоритетов и целей государственной политики.

Государственные программы (отраслевые программы, программы развития территорий, целевые региональные программы и др.) разрабатываются на базе основ, доктрин, концепций и стратегий, носят конкретный характер и являются реальным инструментом в достижении поставленных целей.

Именно государственные программы, по сути, выступают в качестве механизма реализации национальных целей и стратегических задач развития Российской Федерации и ее субъектов.

По данным Министерства экономического развития в Российской Федерации (АИС ГП — автоматизированная информационная система «Государственный план») по итогам 2024 года 99,88% федерального бюджета было направлено на финансирование 51 государственной программы по 8 направлениям[5]:

— охрана труда, здоровье и благополучие людей;
— возможности для самореализации и развития талантов;
— комфортная и безопасная среда для жизни;
— достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство;
— развитие науки, промышленности и технологий;
— цифровая трансформация;
— сбалансированное региональное развитие;
— - обеспечение национальной безопасности и международного сотрудничества.

Государственные программы являются реальным инструментом управления региональным развитием.

Выводы

1. Предлагается построение иерархии документов стратегического планирования согласно целеполаганию: доктрина (основы государственной политики) — концепция — стратегия — государственная программа, где

доктрина — документ стратегического планирования, в котором излагается система официальных взглядов государства на декларируемые отношения, отнесенные к ведению Президента РФ;

основы государственной политики — политико-правовой документ стратегического планирования, в котором излагается государственная политика в определенной области (сфере).

[5] Госпрограммы РФ. — https://programs.economy.gov.ru/.

концепция — документ стратегического планирования, в котором излагаются цели, задачи, принципы и приоритетные направления деятельности;

стратегия — базовый документ стратегического планирования, содержащий и определяющий национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели и задачи государственной политики в регулируемой отрасли в условиях сложившихся тенденций, новых вызовов и возможностей;

государственная программа — документ стратегического планирования, в котором излагается комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, и инструментов государственной политики. Государственные программы носят конкретный характер и разрабатываются на базе доктрин, основ, концепций и стратегий.

Список литературы

1. *Душакова Л.А.* Правовое обеспечение стратегического государственного управления (теоретико-методологические аспекты): дисс. … д-ра юрид. наук 12.00.01. — М., 2020. — 451 с.
2. *Евстафьева Ю.В.* Инструменты реализации стратегического планирования в Российской Федерации: дисс. … канд. экон. наук: 08.00.05. — М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021. — 231 с.
3. *Мамяшева Д.Р.* Акты стратегического планирования: теоретико-правовое исследование: дисс. … канд. юрид. наук: 5.1.4. — М., 2023. — 207 с.
4. *Мельников В.В.* Стратегическое планирование социально-экономического развития макрорегиона на основе сбалансированных показателей (на примере Северо-Кавказского федерального округа): дисс. … канд. экон. наук: 08.00.05. — СПб.:, 2022. — 173 с.
5. *Мусацкая Я.С.* Стратегическое планирование деятельности предприятий сервиса и торговли в условиях кризисной ситуации: дисс. … канд. экон. наук: 08.00.05. — Донецк, 2022. — 272 с.
6. *Палаш С.В.* Стратегические ориентиры и эффективность реализации структурной промышленной политики: дисс. … д-ра экон. наук: 08.00.05. — М., 2022. — 502 с.
7. Стратегическое планирование на местном уровне / Р.А. Попов, канд. геогр. наук, А.С. Пузанов, канд. геогр. наук. — Москва: Фонд «Институт экономики города», 2023, — 144 с.
8. *Смирнова О.О.* Основы стратегического планирования Российской Федерации : монография. — М.: Наука, 2013. — 302 с.
9. *Антипин И.А.* Региональное стратегическое планирование и управление: теоретические и методологические основы: монография / под науч. ред. Н.Ю. Власовой; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2021. — 237 с.
10. Стратегическое планирование в государственном секторе экономики: монография / С.Н. Сильвестров, В.Г. Старовойтов, В.П. Бауэр / ИНФРА-М. — 2023. — 344 с.
11. *Рогова Т.Н.* Стратегическое планирование экономической безопасности региона: монография / Т.Н. Рогова, И.О. Гусев. — Ульяновск: УлГТУ, 2023. — 80 с.
12. *Миронков М.А., Селиванова Л.А., Бутко Е.Я.* Стратегическое планирование развития территорий муниципальных образований: закон — теория — практика: монография. — Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2018. — 137 с.
13. Развитие теоретических и методологических основ стратегического планирования: монография / под общ. ред. Т.А. Алексеевой. — М.: Кнорус, 2022. — 332 с.
14. Стратегическое планирование и национальная безопасность: теория, методология, практика: монография / под общ. ред. В.В. Иванова, Д.А. Афиногенова. — М.: КРАСАНД, 2024. — 208 с.
15. *Федорищев В.А., Воронин В.В., Гайнулин Д.Г.* Структура системы документов стратегического планирования Российской Федерации // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2016. — Т. 197. — С. 37–53.
16. *Афиногенов Д.А., Воронин В.В.* Методологические вопросы развития системы документов стратегического планирования в Российской Федерации // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций, — 2013. — № 6. — С. 21–28.
17. *Мушинский М.А.* Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом // Юридическая техника. — 2015. — № 9. — С. 488–499.

18. *Хижняк Д.С.* Соотношение законодательных актов, государственных концепций и стратегий в осуществлении правовой политики: российский и зарубежный опыт // Правовая политика и правовая жизнь. — 2019. — № 2. — С. 30–34.
19. *Смирнова О.О., Бочарова Л.К., Беляевская-Плотник Л.А., Богданова Ю.Н.* Концептуальные подходы к формированию архитектуры документов стратегического планирования в России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). — 2019. — Т. 10. — № 4. — С. 440–456.
20. *Пляхимович И.И.* Юридическая природа концепций совершенствования законодательства и иных политико-программных документов // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. — 2007. — № 2. — С. 71–81. — https://law.bsu.by/pub/26/pliakhimovich_19.pdf.
21. *Родимцев С.А., Гуляева Т.И.* Понятие о Концепции, как документе стратегического планирования, и ее структура в применение к развитию экспериментального цифрового опытного хозяйства аграрного вуза // Вестник аграрной науки. — 2019. — № 4(79). — С. 79–88.
22. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. — 2000. — 1536 с.
23. *Говорухина Ю.В.* Стратегия как правовой документ: дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.01. — Н. Новгород, 2021. — 226 с.

Шемякина Н.В.
к.э.н., доцент,
заместитель директора по научной работе Института экономических исследований, г. Донецк
Пономаренко А.А.
к.э.н.,
с.н.с. Отдела финансово-экономических исследований Института экономических исследований, г. Донецк

УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИЕЙ РЕГИОНАЛЬНОГО НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Ключевые слова: управление, промышленность, научно-технологическое развитие, регион, инновации.
Key words: management, industry, scientific and technological development, region, innovation.

Научные принципы технологической трансформации экономических систем определяют глобальные тренды социально-экономического развития современных стран. Под воздействием этих трендов меняются подходы к научно-технологическому прогрессу и его реализации. Адаптация новых территорий Российской Федерации к требованиям трансформации регионального промышленного производства, основывающегося на научно-технологическом прогрессе в контексте государственной промышленной политики и курса на технологический суверенитет, подчеркивает актуальность данного вопроса.

В условиях санкционного давления, которое затрагивает различные отрасли и сектора российской промышленности, а также в рамках продолжающегося «гибридного противостояния» между государствами, достижение суверенитета в ключевых отраслях национальной экономики становится приоритетной задачей, играющей критическую роль в обеспечении устойчивости и безопасности экономической системы. В России, принимая во внимание мировую технологическую повестку и современные требования к научно-технологическим и инновационным основам трансформации экономики, вырабатываются приоритеты в сфере промышленности, что находит выражение в Указах и Посланиях Президента[1].

[1] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.02.2023 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Консультант Плюс. – https://cbs-ussuri.ru/sites/default/files/poslanie_prezidenta_rf_federalnomu_sobraniyu_ot_21.02.2023.pdf; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 «Послание Президента

На сегодняшний день определены ключевые элементы технологической инфраструктуры, которые будут способствовать формированию конкурентных преимуществ в различных направлениях промышленного производства. Значимость развития высокотехнологичных секторов российской экономики актуализирует проблемы вкладов науки и технологий в экономический рост и промышленное производство. Поэтому формирование перспективных направлений научно-технического и промышленного развития для новых регионов России должно опираться на стратегические императивы и потенциальный вклад интегрирующихся промышленных регионов в достижение технологического прорыва в российской промышленности.

Вследствие многогранности и усложнения системы экономических отношений, детерминируемых научно-технологическим прогрессом, возникает потребность в углублении сотрудничества государства и бизнеса для решения целого комплекса задач, охватывающих широкий круг проблем по различными направлениями обеспечения научно-технологического развития, что является основанием использования междисциплинарного подхода для расширения сферы исследования и интеграции разных направлений экономических знаний в целях совершенствования методологической базы.

Инновационные разработки и новые технологии, возникающие в процессе научно-технического прогресса, играют ключевую роль в изменении уровня развития производительных сил общества. В рамках концепции технологических укладов С.Ю. Глазьева и Д.С. Львова, формирование воспроизводственного контура современных индустриальных систем на предстоящей длинной волне цикла Кондратьева (2018–2050 гг.) происходит под влиянием шестого технологического уклада, основанного на революционных NBIC-технологиях (нано-, био-, информационных и когнитивных технологиях). В настоящее время выделяют пять приоритетных направлений «острой» конкуренции в глобальном технологическом пространстве — облачные вычисления, искусственный интеллект, беспроводная сотовая технология 5G и мобильное оборудование, полупроводники и квантовые технологии.

Инновации, возникающие в результате внедрения прорывных технологий, а также цифровизация с переходом на сокращённые цифровые жизненные циклы выпускаемой продукции, существенно меняют цепочки создания стоимости, отрасли производства и облик промышленности в целом. Научно-технологический прогресс, обусловленный высокой скоростью внедрения новых технологий на рынок, способствует трансформации структуры экономики в сторону увеличения доли компаний и предприятий, активно занимающихся инновационной деятельностью. Бизнес-модели строятся на принципе достижения устойчивой конкурентоспособности через комплексное использование двух основных типов инноваций — продуктовых и процессных. В отличие от прошлого, когда специализация была сосредоточена на одном типе инноваций, современные подходы предполагают их сочетание.

Подход к развитию промышленности в Российской Федерации меняется под влиянием современных требований к научно-технологической и инновационной базе, что отражено в стратегических посланиях Президента Российской Федерации. В качестве ключевого элемента технологической базы развития страны выделяется отечественная научная инфраструктура, формирующая конкурентные преимущества в таких сферах, как фармацевтика, биология, медицина, микроэлектроника, химическая промышленность и производство новых материалов.

В более широком контексте к основным аспектам научно-технологического и промышленного прогресса российской экономики в условиях реализации концепции технологического суверенитета можно отнести следующие элементы:

— реиндустриализация или новая индустриализация, основанная на инновационном обновлении производственного процесса и создании новых высокотехнологичных отраслей;
— повышение технологического уровня и эффективности использования природных ресурсов, поскольку глубина переработки сырья является важным критерием технологического прогресса;

Федеральному Собранию» // Консультант Плюс. – http://www.coal.sbras.ru/wp-content/uploads/2024/03/Послание-Президента-РФ-Федеральному-Собранию.pdf.

— технико-технологическое оборудование промышленных предприятий, включая регулярное и качественное обновление материально-технической базы;
— кадровые возможности и уровень человеческого капитала, акцентируя внимание на развитии инновационных компетенций.

Согласно Федеральному конституционному закону № 5 от 04.10.2022[2], на территории Донецкой Народной Республики до 01.01.2026 действует переходный период. В это время новый индустриальный регион России будет интегрироваться в единое экономическое пространство страны, приспосабливаясь к новым условиям ведения бизнеса и требованиям, касающимся социально-экономического и промышленного развития, включая инновационные аспекты.

Современные взгляды на региональное научно-технологическое развитие сосредоточены на проблемах, связанных с потребностью в инновациях и неравномерностью их распространения среди субъектов РФ. Эти различия определяются такими факторами, как отраслевое распределение, специализация, ресурсы и другие условия, которые влияют на темпы адаптации территорий к технологическим изменениям в промышленности. Актуальные аспекты, формирующиеся в рамках государственной промышленной политики и стремления к научно-технологическому суверенитету, подробно рассмотрены в работах А.В. Половяна[3], В.В. Трубчанина[4], Л.Н. Лепы[5] и Л.Н. Бражниковой[6].

В этом контексте, ключевыми факторами для регионального инновационного развития промышленности ДНР и создания предпосылок для организации региональной инновационной деятельности, направленной на достижение технологической независимости российской экономики, можно считать следующие:

— формирование организационно-правовых условий для инновационной деятельности в Республике путем разработки стратегии модернизации социально-экономического развития, определения приоритетов инновационной политики региона и создания программных документов, которые будут описывать стратегические направления изменения отраслевой структуры производств;
— восстановление промышленного комплекса нового региона через увеличение производственной и воспроизводственной активности;
— адаптивность отраслей производственного сектора, формирующих промышленную структуру региона, к достижениям науки и технологий, что будет способствовать инновационному развитию;
— развитие кластеров в экономике и их соответствие инновационным приоритетам регионального промышленного развития;
— улучшение государственного управления инновационной деятельностью с акцентом на создание регуляторных, стимулирующих и контрольных механизмов, а также внедрение системы оценки эффективности инновационных процессов;
— переход от фрагментарного внедрения инноваций к системному подходу с целью создания региональной инновационной системы с учетом специфики и возможностей развития региона;

---

[2] Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Донецкой Народной Республики». Статья 36. Переходный период // Консультант Плюс. – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428188/8a95fcbb7950ef6955d2b66e78c2be4f807173b5/.

[3] *Polovyan A.V.* Industrial Sovereignty and Development of New Regions in Russia / A.V. Polovyan, R.N. Lepa, S.N. Grinevskaya // Studies on Russian Economic Development. — 2024. — Vol. 35. — No 2. — P. 199–207. — DOI: 10.1134/S1075700724020138.

[4] *Трубчанин В.В.* Перспективы государственно-частного партнерства в обеспечении промышленного развития Донецкой Народной Республики / В.В. Трубчанин, Н.В. Шемякина, А.А. Пономаренко // Управленческий учет. — 2023. — № 5. — С. 72–86.

[5] *Половян А.В.* Экономика промышленности: новые ориентиры развития / А.В. Половян, Р.Н. Лепа, Н.В. Шемякина, С.Н. Гриневская // Вестник Института экономических исследований. — 2022. — № 4 (28). — С. 5–15.

[6] *Половян А.В.* Региональная промышленная политика как ключевой элемент стратегии социально-экономического развития Донецкой Народной Республики / А.В. Половян, Л.Н. Бражникова, М.А. Мызникова // Вестник Института экономических исследований. — 2024. — № 1 (33). — С. 22–40.

— интеграция структурно-функционального и процессного подходов при формировании региональной инновационной системы;
— активная инновационная политика органов власти, направленная на создание и развитие элементов инновационной инфраструктуры (таких как технопарки, бизнес-инкубаторы, инновационно-технологические центры и консультационные организации), что будет способствовать интеграции участников производственной деятельности в инновационные процессы и созданию благоприятного климата для повышения инвестиционной привлекательности;
— формирование инфраструктуры для поддержки инновационной деятельности (включая бюджетные, инвестиционные, венчурные фонды, страховые и лизинговые компании) и создание образовательно-производственных кластеров для кадрового обеспечения на всех стадиях инновационного процесса;
— государственная поддержка сотрудничества между научными, опытно-конструкторскими и внедренческими организациями и промышленным сектором;
— создание технологических платформ для содействия научно-технологическим инновациям как инструмента государственного управления, использующего возможности цифрового взаимодействия для консолидации усилий по выявлению и реализации приоритетных направлений технологического развития, а также как средства государственно-частного партнерства в этой сфере, вовлекая бизнес-структуры, научные и проектные организации, инжиниринговые компании, образовательные учреждения и институты развития.

Таким образом, в настоящее время основными задачами для Донецкой Народной Республики, как вновь присоединенного региона Российской Федерации, являются восстановление экономики, учитывающее промышленную специализацию, а также развитие современной инфраструктуры, являющейся катализатором экономического роста. Перспективы и ключевые направления развития ДНР формируются в соответствии с государственной программой Российской Федерации[7].

Меры государственной поддержки в первую очередь нацелены на «активацию» промышленного производства, создание благоприятного инвестиционного климата и стимулирование инвестиционной активности. Этому способствуют организация и функционирование свободной экономической зоны (СЭЗ) в регионе, предлагающей наиболее выгодные условия для производственной деятельности по сравнению с аналогичными преференциальными режимами в других субъектах Российской Федерации. Промышленное производство в Республике движется к полной загрузке производственных мощностей и восстановлению утраченного потенциала.

Внедрение инноваций различных типов в промышленное производство и наращивание инновационного потенциала ДНР станет возможным благодаря развитию региональной инновационной системы, что, в свою очередь, является перспективным стратегическим направлением для социально-экономического развития нового региона.

Таким образом, в условиях нового индустриального мира развитие российской экономики осуществляется на принципах технологического суверенитета. Создание внутренних производств конечных продуктов на основе механизмов локализации и собственных технологических линий стало актуальным в свете необходимости импортозамещения значительного спектра товаров и комплектующих. В этой сфере особую роль играет сотрудничество между государством и бизнесом на контрактной основе для реализации стратегических целей.

[7] Государственная программа Российской Федерации «Восстановление и социально-экономическое развитие Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» // Правительство России. – http://government.ru/docs/all/151710/.

Патриотическая идея
в современной России
и других странах Большой Евразии

Аверков А.Н.
директор общеобразовательной школы № 42, г Могилев
Егоренко Е.Е.
соискатель ,
Кафедра психологии, содержания и методов воспитания,
Академия образования, г. Минск
Соколова С.Н.
д.филос.н., доцент,
профессор, Кафедра психологии, содержания и методов воспитания,
Академия образования, г. Минск

ПАТРИОТИЗМ КАК СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ ЭКЗИСТЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

Ключевые слова: патриотизм, государственная идеология, патриотическое воспитание, традиционные ценности, духовность.
Key words: patriotism, state ideology, patriotic education, traditional values, spirituality.

Особое внимание к патриотизму как основополагающему компоненту духовной экзистенции современной личности сегодня не случайно, так как он тесно связан с государственной идеологией, системой воспитания гражданина, ответственного труженика и примерного семьянина, ориентированного на традиционные ценности[1].

Патриотическое воспитание имеет прямое отношение к национальному самосознанию и общепринятым моральным нормам. Патриотизм — качество личности, которое проявляется в любви к малой родине, в воинской доблести, героических страницах истории Беларуси, в преданности национальным интересам, готовности защищать свою Родину, в эмоциональном осознании своей принадлежности к родной стране, гражданству, в гордости за достижения национальной науки, культуры и в желании сохранять свою самобытность. Патриотическое воспитание осуществляется различными формами, методами, где самое важное место занимает работа педагогического коллектива по изучению государственных символов (герб, флаг, гимн), ознакомление с деятельностью выдающихся земляков — рабочих, инженеров, агрономов, военнослужащих, экономистов, строителей, педагогов, врачей, ученых, архитекторов, спасателей-пожарных, милиционеров, спортсменов, художников, музыкантов, поэтов, писателей. Именно в процессе патриотического воспитания у личности формируется бережное отношение к истории родного края, традициям и ценностям, к установлению дружественных отношений с другими народами. И никто не сомневается в том, что духовность как основа патриотического воспитания личности способна сплотить общество, раскрыть для многих соотечественников смысл их труда и собственной жизни, приблизить молодое поколение к пониманию того, что долг перед своей Родиной — самое важное, и надо консолидироваться, выходя за рамки корпоративности, социально-классовых, религиозных, национально-этнических различий в условиях современных вызовов[2].

Становление патриота надо рассматривать как многосложный процесс передачи молодому поколению культурного кода и комплексную реализацию социокультурной цели общественно значимого личностного развития, ориентированного на сохранение исторической

---

[1] *Соколова С.Н.* Идеологические контуры духовной безопасности личности в информационном обществе // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. — 2024. — № 2. — С. 108.

[2] *Воронюк Д.С., Соколова С.Н.* Духовно-нравственный потенциал личности в условиях современных вызовов // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности перспективы: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 9–10 ноября 2023 г. / ред. кол.: Н.Л. Мысливец (гл. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. — Минск: Донарит, 2023. — С. 157.

памяти, национального самосознания и традиционных ценностей[3]. Закономерно, что в ситуации общемировой военно-политической турбулентности первоочередной задачей славянских государств является воспитание молодого поколения с акцентом на духовность и нравственность.

Акцентируя внимание на патриотизме как смыслообразующем компоненте экзистенции личности, уточним, что многое зависит от того, какое значение будут иметь в современном учреждении образования обществоведческо-правовой ресурс, необходимый для минимизации конфликтогенного потенциала в социуме[4]. Нацеленность государственного стандарта на реализацию адаптированной междисциплинарной модели фокусирует внимание на аксиологическом потенциале субъектов образовательных отношений, что непосредственно касается духовности как основы патриотического воспитания высокомотивированной личности. И в этом случае не менее актуальна политическая составляющая информационно-образовательного пространства, которая нацелена на изучение политической и военной истории, философии, политической социологии, истории политических учений, политической географии, психологии, политологии, конфликтологии, необходимых для осмысления общественного развития, выработки механизмов интеграции и обеспечения более эффективной реализации национальных интересов на основе созидательного труда и участия субъектов образовательных отношений в жизни своей страны. Политическая составляющая, в результате, позволяет субъектам образовательных отношений не снижать уровень политической культуры, своевременно выявляя доминирующие интересы личности, существующих партий, социальных групп.

Сохранение исторической памяти, семейных традиций, уважение к национальной культуре, ориентация молодого поколения на национальное самосознание, традиционные ценности имеет первостепенное значение для общества. Интенсивное использование молодым поколением информационных технологий приводит к тому, что возрастает потребность реализации более гибкой и адаптированной междисциплинарной модели в учреждениях образования с акцентом на неразрывную связь духовного и нравственного в воспитании детей и молодежи[5].

Резюмируя, следует подчеркнуть, что в настоящее время в учреждении общего среднего образования особое внимание следует уделять государственной идеологии[6], сформированному в семье эмоционально привлекательному образу родного дома, гордости за свою страну, осознанию общности со своим народом, а также пониманию ценности родного языка, самобытности славянской культуры и перспективам жизненного пути личности в единстве со своей Родиной.

---

[3] *Соколова С.Н.* Воспитание и духовная палитра человека в информационном обществе // Зборнік навуковых прац Акадэміі адукацыі. Вып. 22 / рэдкал.: І.А. Старавойтава (гал. рэд.) [і інш.]; Акадэмія адукацыі. — Мінск: Акадэмія адукацыі, 2025. — С. 279.

[4] *Егоренко Е.Е., Соколова С.Н.* Традиционные ценности белорусского народа как фундамент консолидации общества // Сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума «Научный диалог: теория и практика» (г. Москва, 27 февраля 2025 г.) / отв. ред. Д.Р. Хисматуллин. — М.: Инфинити, 2025. — С. 28.

[5] *Мухин М.И.* Неразрывная связь духовного и нравственного начал в воспитании детей и молодежи // Педагогика. — 2024. — № 1. — С. 62.

[6] *Аверков А.Н., Егоренко Е.Е.* Государственная идеология как фактор патриотического воспитания современной личности // Материалы II Международной научно-методической конференции: «Обеспечение качества образования: состояние, проблемы и перспективы». — 2024. — С. 124.

Бобков В.А.
д.и.н., профессор,
Заслуженный деятель науки Республики Беларусь,
председатель Белорусской ассоциации политических наук,
член-корреспондент НАН Беларуси, Белорусский национальный технический университет, г. Минск
375kpss@gmail.com

ЮБИЛЕЙ ПОБЕДЫ: ОСМЫСЛИВАЕМ ПРОШЛОЕ В НАЗИДАНИЕ БУДУЩЕМУ

Ключевые слова: *8*0-летний юбилей Победы, фашизм, нацизм, Евросоюз, манкуртизм, реваншизм, политическое лидерство, историческая память, генетическая память, многополярность.

Key words: 80th anniversary of Victory, fascism, Nazism, the European Union, mankurtism, revanchism, political leadership, historical memory, genetic memory, multipolarity.

На пути к юбилею: ледяной ветер с Запада

Еще на пути к юбилею в международном масштабе развернулась идеологическая борьба сторонников и противников юбилейного мероприятия. На поверхность вылезли все противники — и открытые, и скрытые до этого. Человеку в здравом уме кажется странным: что же плохого в праздновании 80-летия Победы? Именно советский солдат своей жизнью спасал не только советский народ, но и другие европейские народы и страны от порабощения гитлеровской Германией. Скажите хотя бы спасибо, если не хотите праздновать. Главными бойкотерами выступили правящие политические элиты Евросоюза и ряда составляющих его стран. Фактически это те государства, которые в числе первых пострадали от гитлеровской оккупации.

Накануне 9 мая 2025 года в Люксембурге высокопоставленными чиновниками Евросоюза принимается решение о запрете странам Евросоюза, а также кандидатам на вступление в ЕС, участвовать а параде на Красной площади и посещать Россию. По выражению министра иностранных дел Латвии Байбы Браже, «предстоящие торжества в Москве не соответствуют ценностям Европейского Союза» [1, с. 5]. Если расшифровать эти ценности, то, видимо, фашизм и нацизм — это ныне в Евросоюзе не зло, с которым надо всеми способами бороться, а благо, которое нужно всячески поощрять. Поэтому современные неонацисты и тянулись к Зеленскому, ставшему предателем идей собственного деда, боровшегося в рядах Красной армии в годы Великой Отечественной войны.

У нормального человека вызывает удивление и тот факт, что в Евросоюзе вообще нет праздника Победы над фашизмом. Правда, есть день памяти и примирения, который явно не соотносится с памятью о жертвах войны, с благодарностью советскому солдату-освободителю.

Ультиматум странам-членам Европейского союза и кандидатам на вступление публично озвучила глава Евродипломатии эстонка Кая Каллас. Этот ультиматум вызвал недоумение среди части граждан европейских стран, а в некоторых — и в среде политических элит. Более того, премьер-министр Словакии Роберт Фицо и президент Сербии Александр Вучич отказались подчиняться Брюсселю. Фицо удивленно заявил: как какая-то Каллас может запрещать лидеру суверенного государства ехать на празднование 80-летия Победы над фашизмом?

Незадолго до этого на Фицо было совершено покушение. Его ранили четырьмя выстрелами: в живот, грудь и голову. Чудом выжил. Перед поездкой в Москву дал несколько дельных советов президенту Франции Эммануэлю Макрону, который сильно активизировался в поддержке позиции Брюсселя по бойкоту юбилея и выступил организатором усиления военной и финансовой помощи режиму Зеленского на Украине. Фицо дал такие развернутые советы «забывчивому» французу: «Макрону следовало бы помнить, что стране, в которой он получил власть, место за столом переговоров победителей фашизма, где обсуждалось формирование послевоенного устройства мира, это место даровал Сталин. Он также даровал Франции и место члена в ООН».

Фицо имел в виду то, что именно Иосиф Виссарионович Сталин настоял перед американским президентом Теодором Рузвельтом и английским премьер-министром Уинстоном Черчиллем, чтобы Франция, которая не оказала серьезного сопротивления фашистской Германии, все же была приглашена за стол переговоров победителей. Благодаря Сталину Франция получила и место члена Совета Безопасности в ООН.

Позже, на встрече с Владимиром Путиным в Пекине, Роберт Фицо сравнил руководство Евросоюза с «жабой в колодце», которая не видит того, что происходит на поверхности. Несмотря на то, что Балтийские страны закрыли пролет самолетов для Роберта Фицо и Александра Вучича на торжественное празднование юбилея Победы, оба добрались в Москву окольными путями: Фицо через Грузию, а Вучич через Азербайджан.

Накануне 80-летия Победы европейские противники праздника, как им представлялось, серьезно «насолили» организаторам юбилея и в других местах, в других направлениях бойкота, доходя до поистине кощунственных деяний. Польша проводила мероприятия, приуроченные к освобождению Красной армией узников фашистского концлагеря Освенцим. Провела их впервые без приглашения российской и белорусской делегаций. А в немецких средствах информации сообщили, что этот концлагерь освободила не Красная армия, а американские войска [2, с. 3].

В прибалтийских странах и на Украине в это время молодые люди с гордостью размахивали знаменами дивизии СС, сносили памятники советским воинам, павшим в боях за освобождение от нацизма их стран и ставили памятники фашистским палачам. Небольшая Молдавия в годы Великой Отечественной войны потеряла 70 тысяч человек. Как и в других постсоветских республиках здесь праздник Победы и жданный, и желанный. Но президент страны Майя Санду запретила молдаванам отмечать этот праздник, предложив отметить вместо него 8 мая как день Европы. Однако люди праздновали, не везде публично и свободно. А публично день Европы отмечался на центральной площади в Кишиневе, где основными участниками стали работники иностранных посольств.

Непосредственно общаясь с руководителями европейских государств, хорошо зная их поведение, менталитет и наблюдая за их психологией действий, президент Соединенных Штатов Америки Дональд Трамп неоднократно характеризовал их как «каких-то больных», имея в виду и разум, и действия. Возразить такой оценке трудно. Причем и вице-президент Джей Ди Вэнс, глядя в глаза политической элите Европы, присутствующей на Мюнхенской конференции по безопасности 2025 года, жестко критиковал ее за глубину падения мысли, нравов и поступков, извращения фундаментальных ценностей демократии, о которой они без устали говорят на публику. «Угроза, которая меня больше всего беспокоит в отношении Европы, — отмечал Вэнс, — это не Россия, не Китай, и ни какой-либо другой внешний фактор. Это угроза изнутри, отступление Европы от некоторых ее самых фундаментальных ценностей, ценностей, разделяемых в Соединенных Штатах Америки» [3, с. III].

Одним из убедительных подтверждений в расхождении таких ценностей явился саммит Путина и Трампа 15 августа 2025 года на Аляске. В то время, когда в Европе активно сносят памятники советским воинам-освободителям от фашистской оккупации, Владимир Путин возложил цветы и поблагодарил американского президента за бережный уход властей штата Аляски за памятником советским и американским летчикам, а также за могилами погибших воинов при перегоне американских самолетов в СССР в годы Второй мировой войны. Несмотря на политические раздоры последних лет, американцы достойно сохранили в этом отношении человеческий облик, а Европа вместе с Украиной потеряли его.

Ледяной ветер беспамятства, неправды и злобы, усиленно завывавший с Запада в сторону предстоящего юбилея Победы, не стал для него серьезной преградой. А у нас появились еще более серьезные основания перестать влюбленными глазами смотреть на Европу.

Духовное притяжение

На юбилей в Москву приехали лидеры 27 государств, правительственные и парламентские делегации, ряд депутатов Европарламента, национальных парламентов стран Европы — из ФРГ, Чехии, Сербии, Словакии, Кипра, ветераны со всего мира, парадные расчеты

13 стран. Торжественное празднование юбилея Победы с военными парадами и предварявшей их масштабной просветительской работой состоялось в Беларуси и ряде других бывших республик Советского Союза. К преемнице СССР — России потянулся весь прогрессивный мир.

— Мы должны были приехать в Россию, чтобы быть 9 мая, –- заявил депутат Европарламента от Словакии Любош Блага. — Мы прибыли, чтобы показать, что в Европейском союзе и Европарламенте еще есть люди, которые выступают за отношения с Россией и их развитие. Мы понимаем, насколько это рискованный шаг. Нас могут ждать последствия, когда мы вернемся. Нас будет ждать расследование, возможно в Брюсселе и Страсбурге, но мы не могли поступить иначе [4, с. 4–5].

В юбилейных торжествах участвовал потомок первого канцлера Германской империи, общественный деятель из ФРГ Александр фон Бисмарк, который выразился так: «Россия вовсе не изолирована. Здесь представители многих стран, чтобы вместе с Россией отметить значимую дату. Это важный сигнал для всего мира. Немецкие власти пытаются всех убедить, что Россия не готова к диалогу (по Украине — автор) и не хочет его. Я нахожусь здесь, чтобы своим примером показать, что Россия действительно открыта и готова к диалогу, что она ведет его».

В целом предпраздничные дни, несмотря на требования Европейского союза отказаться от контактов с Россией, продемонстрировали свойства магнитного притяжения. С одной стороны, это показатель роста авторитета, статуса и влияния России и ее союзников в мире, а с другой, зеркало духовной близости, искреннее, личное преклонение перед подвигом поколения, которое сокрушило нацизм.

Манкуртизм и реваншизм: причины

Что касается поведения недругов праздника, на нездоровье в их головах, как отмечалось выше, обратили внимание даже их заокеанские союзники — Дональд Трамп и Джей Ди Вэнс. И действительно, официальный бойкот праздника Победы, попытки помешать его проведению, публичное забвение исторического факта о главном победителе, гнилой националистический дух, все более окутывающий Европу, представляет эту «элиту» в образе манкуртов и реваншистов.

Вместе с тем соседей европейцев, и не только их, не оставляет в покое вопрос: так что же является питательной средой к беспамятству современных европейских лидеров? Иначе говоря, в чем причины массового беспамятства, которого раньше не было в таких масштабах — только генетическая память?

Во-первых, на наш взгляд, одной из причин недружелюбного поведения к России и Беларуси западных политических элит уже многие годы являются **идеологические разногласия.** Удивительно, что ряд образованных людей на Западе считают Россию и ее союзников, составлявших ранее СССР, своими идейно-политическими противниками по той причине, что «большевики ставили главной своей задачей мировую пролетарскую революцию и установление повсеместно коммунистических режимов». Эту причину, неожиданно для меня, открыли в откровенной беседе мэры двух небольших европейских городков, приехавшие для участия в международной научной конференции, которую несколько лет назад проводили Белорусская ассоциация политических наук и Минский горисполком.

Давно нет такого субъекта политики, как СССР, нет такой цели в программах ни одной коммунистической партии мира, а вот в сознании западников, оказывается, такое мнение существует. Значит, оно поддерживается современной пропагандой. Мои собеседники были искренне удивлены, узнав, что еще В.И. Ленин отказался от этой первоначальной цели. Но образ большой и агрессивной России с ее союзниками, созданный западными идеологами почти 100 лет назад и подпитываемый современной пропагандой, продолжает воздействовать на умы отдельных категорий нынешних политиков и простых граждан.

Пусть немногие из них, но по инерции верят в дурман, распространяемый западной пропагандой, гуманитарной наукой и СМИ. А чтобы этот дурман подкрепить, придать ему правдоподобие, преподносится как «оборонительный» военно-политический блок НАТО. На самом же деле НАТО — агрессивный и наглый полицейский Запада с большой дубиной для решения всех вопросов мировой жизнедеятельности в пользу Запада и наказания непокорных. По-

этому премьер-министр Венгрии Виктор Орбан, хорошо знающий Запад, Евросоюз и НАТО, в последнее время постоянно призывает европейских коллег «забыть миф о российской угрозе и перестать самим угрожать России».

Во-вторых, в поиске причин бойкота со стороны Запада праздника Победы нельзя не согласиться с мнением такого опытного политика, как В.В. Путин, который, анализируя свое международное общение и сложившуюся практику, пришел к следующему выводу: «Для меня стало очевидно, что идеология имела, наверное, какое-то значение, но все-таки в основе всех этих противоречий лежат геополитические интересы… Там решили — раз СССР нет, что нам соблюдать правила в отношении России, которая не обладает такой потенциальной мощью, какой обладал СССР. Сейчас мы будем — чик-чик — там для себя чего-то выкраивать так, как нам хочется»[5, с. 3].

Вот эта надежда на «чик-чик для себя « от большой России и подталкивает деятелей вроде Мерца, Макрона, Стармера, Писториуса и им подобных к стремлению достичь каких-то политических преимуществ. Но подпитывает такое стремление, естественно, **идеология, образование и воспитание.** В практической деятельности такие политики оправдывают свою правоту собственным величием. Присмотритесь к Макрону — он представляет себя «тузом» в колоде карт современных государственных деятелей первой величины. Мерц — не меньше того, и ультиматумом Путину явно копирует Вашингтонского патрона. Ну, а Вашингтонский патрон вообще не знает никаких границ поведения, постоянно объявляя себя царем всего мира и величайшим миротворцем. Оголтелая разнузданность и невоспитанность открывают дорогу к русофобии.

В-третьих, очень важная причина — генетическая память, вывод, сделанный выше. Нам противостоят потомки проигравших сторонников Третьего рейха. И это многих из них, особенно добравшихся до руководящих кресел, по меньшей мере, раздражает. Ненависть к победителям заложена в их генетическую память: кому-то сильнее, кому-то слабее. Но гены, как доказано всем ходом мировой истории, обмануть сложно.

Четвертая причина. Отсутствие исторической памяти и негативное отношение к подлинному победителю в Великой Отечественной войне — это **результат дремучего невежества, необразованности, а также непосредственной принадлежности к ЛГБТ-сообществу или его почитания.**

Последние годы предоставили на обозрение всему миру европейскую политическую элиту, в том числе лидеров государств, которые уровнем своей образованности, политической грамотности и культуры повергают нормального человека в шоковое состояние. Оторопь берет, например, от познаний представленной выше Каи Каллас — Верховного комиссара Евросоюза по иностранным делам. Этой даме 48 лет, она окончила советскую школу в Эстонии. Она искренне и публично удивляется тому, что Россия и Китай победили во Второй мировой войне: Россия (имеется в виду Советский Союз) — фашистскую Германию, а Китай — милитаристскую Японию. «Это что-то новенькое», — ехидно смеется Каллас. Имея пещерные исторические познания, она вполне серьезно считает, что такого не было в истории и насмехается над юбилейными праздниками.

Не лучше, чем у Каллас, исторические познания у президента Финляндии Александра Стубба и многих других политиков, бойкотировавших 80-летие Великой Победы. Невежды вообще не понимают и не воспринимают миссию ответственности политической элиты перед народом своей страны и мировым сообществом. Для них политическое поведение равноценно шоу.

Что касается приверженцев ЛГБТ-сообщества, то у этих представителей рода человеческого явный непорядок не только в голове, но, очевидно, и во всем теле. С психологической точки зрения это ведет к общему непорядку во всей их жизнедеятельности, к романтизации мерзости, в том числе и в политике.

Мы удивляемся, почему современная Европа, как и Германия, не краснеет от стыда за беспамятство к советскому солдату-освободителю. Давайте вспомним предшественников нынешних европейских политических лидеров. Например, Ангелу Меркель, Франсуа Олланда. Они не постеснялись признаться, что изначально не собирались выполнять Минские соглашения по Украине, будучи их гарантами. Это значит: ложь, обман и двуличие в их понимании явля-

ются особой доблестью. Причем это политики старших поколений европейцев, которых слабее коснулась девальвация социальных, культурных, политических ценностей, нежели нынешних политиков Запада.

Пятая причина. Определенная доля вины за ситуацию беспамятства и реваншизма в Европе лежит на нас самих. После развала СССР оказалось заброшенным то направление приложения научных сил, которое в советское время называлось **«контрпропагандой»**. Это направление позволяло в доступной форме для широкого круга читателей разоблачать взгляды и вымыслы наших противников. После распада Советского Союза и суверенизации республик политические элиты коллективного Запада на свои взгляды и воззрения, разного рода фальсификации исторической правды во многом перестали получать научно обоснованную критическую оценку из постсоветских государств. А их личное невежество и малообразованность добавляют им смелости и безнаказанности. Восстановление в современной российской и белорусской науке полноценного контрпропагандистского направления представляется делом весьма актуальным и необходимым. Оно должно быть междисциплинарным, сильным, грамотным, объективным и поддерживаемым государством.

Ослабление научной разработки контрпропаганды в рамках Союзного государства Беларуси и России неразрывно связано с внедрением в вузы небезызвестного Болонского процесса, который принес много вреда в обучение и воспитание будущих специалистов. Да и после отмены Болонского процесса в Беларуси остались за бортом государственного компонента такие учебные дисциплины, как политология, социология, идеология, история Беларуси, которые призваны готовить специалистов, способных бороться на идейно-политическом и морально-нравственном фронтах за сохранение исторической правды, в том числе и правды о Великой Победе.

Воспитательная работа с манкуртами и реваншистами

Анализ средств массовой информации показывает, что подготовка и празднование юбилея Победы в бывших республиках Советского Союза, входящих ныне в СНГ, вызвали воодушевление, прилив творческой энергии, гордость за подвиг советского народа, за нашу общую несокрушимую силу. В то же время лучше высветились старые и новые манкурты, не помнящие или не знающие подлинной исторической правды, или умышленно искажающие ее, а также открылись лица новых реваншистов. Выше мы называли главу Евродипломатии эстонку Каю Каллас, которая озвучивала от имени Евросоюза запрет на участие в юбилее Победы. Воспитательную работу с Эммануэлем Макроном и Каей Каллас начал в предпраздничные дни премьер-министр Словакии Роберт Фицо. Есть необходимость продолжить и углубить ее не только с Каллас, но и с канцлером Германии Фридрихом Мерцем.

Как оказалось в ходе исследования, «корневая система» Каллас питается гитлеровским фашизмом. Дедушка Каи верно служил Гитлеру и исповедовал национал-социалистскую идеологию. К тому же, по убеждению Гитлера, он был «оплотом профашистских настроений в Эстонии» [6, с. 4].

На запрет посещать юбилейные торжества Победы Каллас могли бы ответить 27 миллионов бывших жителей СССР, каждый третий из Беларуси, а также более 800 тысяч граждан США и Англии (стран антигитлеровской коалиции, боровшихся с фашизмом). Но они погибли в боях, немецких концлагерях и лежат в сырой земле, в могилах. Не с профашистскими настроениями, что нравилось Гитлеру и деду Каллас, а с антифашистскими. Так как они не могут ответить манкуртке Каллас, мы отвечаем солидарно с председателем Российской Госдумы Вячеславом Володиным, который считает: «Нужно отстранить Каю Каллас от должности и отдать под международный трибунал ООН: за осквернение памяти тех, кто героически пожертвовал собой, спасая мир от фашизма, за реабилитацию нацизма. Причем Каллас и подобные ей должны усвоить: без героического подвига советских солдат и офицеров на фронте, без мощного партизанского движения на оккупированной гитлеровцами территории, без героического подвига советских женщин, детей и стариков в тылу не было бы сегодня на географической карте и европейских государств, которые падали к ногам Гитлера, как карточные домики. Но еще более преступно и уродливо осквернять память людей, погибших в борьбе с «коричневой чумой» [6, с. 4].

Для общего просвещения Каллас полезно бы также ознакомиться с планами своего земляка Альфреда Розенберга, которому Адольф Гитлер доверил устройство покоренных в начале войны территорий. Европа, Кая Каллас, в случае Победы фашистов узнавалась бы не по историческим названиям составляющих ее государств, а значительно проще — именовалась бы Великой Германией. То есть, на политической карте послевоенного мира вполне бы могли отсутствовать такие ныне суверенные государства, как Эстония, Литва, Латвия, Голландия, Дания и другие. Их сохранил как страны именно советский солдат, а затем вручил полный суверенитет и отпустил в свободное плавание Советский Союз. Разве этого мало для того, чтобы не плевать в колодец, из которого пило воду не одно поколение эстонцев?

Ну, и наконец, канцлер Германии Фридрих Мерц, сменивший на этом посту Олафа Шольца. Еще не вступив в должность канцлера, Мерц начал с прямых угроз в сторону России, с призвания немцев к продолжению войны на Украине, с поставки киевскому режиму дальнобойных ракет, оказания финансовой помощи и грозных ультиматумов Путину. В его выступлениях чувствуется не просто русофобия, а затаенная, неудовлетворенная реваншистская злость. Если многие на Западе просто призывали к бойкоту 80-летия Великой Победы как международного праздника в Москве, то, слушая Мерца, создается впечатление, что этот немец формирует четвертый нацистский рейх. Как и Гитлер, Мерц начал с зачистки политического поля — преследования самой популярной на сегодня оппозиционной политической партии «Альтернатива для Германии», приклеив ей ярлык экстремистской организации. А это дает основание запретить деятельность партии.

Однако истинные причины нормальные немцы поняли правильно: борьба партии за прекращение немецкой помощи Украине, установление там мира и восстановление добрососедских отношений с Россией. Попытку Мерца признать партию «Альтернатива для Германии» экстремистской организацией осудили и назвали «замаскированной тиранией» Дональд Трамп, Джей Ди Вэнс и Марко Рубио.

Свой идейно-политический, морально-нравственный багаж и историческую память Мерц всесторонне раскрыл во время визита в Вашингтон в беседе с президентом Трампом. На приеме у американского президента он подобострастно назвал Соединенные Штаты «победителем в борьбе с гитлеровской Германией». Диалог Мерца с Трампом заслуживает того, чтобы его знала широкая читательская аудитория. Поэтому приводим его дословно из средств массовой информации.

«Завтра, 6 июня, годовщина высадки американцев в Нормандии, когда американцы закончили войну в Европе», — заявил Мерц американскому президенту.

Трампу, пожалуй, и нравилась такая подданническая лесть, но его уже до того в телефонном разговоре просветил Владимир Путин: об истинных потерях СССР и союзников по антигитлеровской коалиции, о Сталинграде и Курской битве. Поэтому Трамп только ухмыльнулся и подчеркнул:

— Это был не самый приятный для вас день.

— Это был день освобождения нашей нации, — лукаво ответил Мерц» [7, с. 3].

Характеристика этого политического деятеля будет более полной и понятной, если учесть идейную близость Фридриха Мерца с Каей Каллас. Оказывается, у него такой же дед, национал-социалист, также верно служивший Гитлеру [7, с. 3]. Мерц, несомненно, в курсе того, кто освободил Европу 80 лет назад. Однако в ходе своего визита в Америку и беседы с Трампом он угодливо и лукаво передал советскую Победу американцам.

Европейские политики, в первую очередь гаранты известных Минских соглашений, годами водили Россию за нос и тайно накачивали Украину оружием и деньгами, надеясь жизнями одураченных идейно украинцев взять реванш за нашу победу в 1945 году, отхватить себе жирные куски и в России, и на Украине, т.е. сделать чужими руками то, что не получилось у Гитлера.

После циничного заявления Фридриха Мерца в Вашингтоне председатель российской Госдумы Вячеслав Володин направил официальное обращение президенту Бундестага ФРГ Юлии Клекнер и лидерам пяти политических фракций немецкого парламента. Володин посоветовал пригласить канцлера ФРГ в Бундестаг с целью помочь «восполнить пробелы в памяти и ознакомиться с надписями на стенах Рейхстага. Собственными глазами увидеть, на каком языке

и кем они написаны» [7, с. 4]. В компанию с канцлером мы бы посоветовали пригласить и министра обороны ФРГ Бориса Писториуса, который все более смелеет в своих заявлениях о войне с Россией. Пусть покажут немцам, как они оба приближают Третью мировую войну.

Понятно, что война — одна из худших немецких традиций. Но до настоящего времени ее возможность и желательность вслух не озвучивались представителями немецкого правительства. Ныне все заметнее, что германские политики прилагают больше усилий не к дипломатическому поиску путей урегулирования украинского кризиса, а к поиску путей для реванша. Эта немецкая традиция уже хорошо запечатлелась в мировом сознании. Запечатлелась как неудовлетворенная жажда мести, которую канцлер в компании с Макроном, Стармером, Каллас и другими манкуртами и реваншистами пытается удовлетворить, используя в этих целях одураченную Украину.

Германия от стыда не краснеет

Вообще состав руководящей верхушки современной Германии вызывает целый ряд недоуменных вопросов. И главный среди них: как это получается, что в политической элите страны сплошь и рядом потомки довольно известных фашистов, а не дети и внуки тех, кто боролся с фашизмом? Для наглядности приведем несколько имен.

Экс-канцлер ФРГ Олаф Шольц — дед национал-социалист, верно служивший Гитлеру.

Экс-министр иностранных дел ФРГ Анналена Бербок — дед нацист, занимавший военный пост в гитлеровской армии.

Канцлер ФРГ Фридрих Мерц — дед национал-социалист, верно служивший Гитлеру [7, с. 3].

А вот и некоторые сведения о родном деде Мерца: Йозеф Поль Совиньи. В 1933 году вступил в штурмовые отряды SA. Это были погромщики и чернорубашечники, из которых позже формировалось гестапо. Дед всячески расхваливает Гитлера и входит во власть — становится мэром Брилона. На этом посту дед Мерца прославился тем, что сдавал в концлагеря коммунистов, социал-демократов и евреев. Кроме того, мэр отдает команду переименовать две улицы. Одну — в «Адольф Гитлер-штрассе», а другую — в «Герман Геринг-штрассе. После войны выкрутился от возмездия, дожил до 92 лет. И, чувствуется, сумел посеять нацистские идеи на благодатную почву в душе внука [8].

Все это выясняется при поверхностном изучении политической элиты ФРГ. Если же провести специальное исследование, то есть основания предположить кратное выявление потомков нацистов на высоких государственных должностях и в политике. После войны их родители нашли теплый приют, а затем и возможности для карьерного роста в западной части Германии. А при воссоединении Германии вся политическая элита ГДР (дружественная СССР) оказалась гонимой и потеряла работу. В то же время потомки нацистов при поддержке государства занимали руководящие должности и делали карьеру. Потому и проявления реваншистской агрессии — не случайное явление. Это уже не пробелы в памяти, а формируемая позиция для нового реванша.

В юбилейные дни мировое сообщество четко увидело, что уроки истории забыты новыми поколениями европейцев и не в последнюю очередь немцами. Германия — страна, развязавшая Вторую мировую войну. Германия — страна, получившая в наказание разгром и капитуляцию. Германия — страна, получившая от победителя акт величайшего миролюбия и гуманизма, даровавшего объединение немецкому народу. Только эти исторические факты должны бы заставить современное немецкое руководство покраснеть от стыда перед советскими солдатами — и живыми, и мертвыми. Однако похоже, что Германия все это время держала за пазухой камень.

Некоторые выводы: Гром Победы сильнее ледяного ветра из Европы

Подготовка и само празднование 80-летия Великой Победы выявили, что это не просто важная историческая дата для всего советского народа-победителя фашизма. Юбилей всколыхнул всю нашу планету, весь современный мир, стал событием поистине планетарного масштаба. Он собрал под свое знамя здоровые, прогрессивные силы в Азии, Африке, Латинской

Америке, Европе, Соединенных Штатах Америки. Торжества в Москве в честь 80-летия Победы и международные встречи продолжались 4 дня, с 7 по 10 мая.

Юбилей можно сравнить с мощным колоколом, звон которого напомнил о важности для всего человечества памяти тех, кто добыл Великую Победу; о необходимости ее свято беречь. В то же время он явился предупреждением всем, кто хотел бы переформатировать человеческое сознание, перечеркнуть подвиг советского народа — торжество справедливости над злом поработителей. Все это важно было представить мировому сообществу для глубокого осознания, особенно молодым людям, на долю которых выпало быть строителями нового, многополярного мира.

В бурлящем современном мире, полном политических и военных конфликтов, праздник позволил четче определить сторонников и недругов Великой Победы, важнейшие болевые точки в нынешней международной атмосфере: мир увидел, что Западом, к сожалению, не сделаны серьезные выводы из краха прежних реваншистских устремлений. Германия с молчаливого согласия западных государств заявляет о создании самой сильной армии в Европе, примеряя на себя роль регионального военного лидера. Юбилей напомнил реваншистам: не забывать, чем закончился поход Гитлера на восток.

Юбилейные мероприятия весьма ценны и тем, что они привлекли внимание международного сообщества к такому страшному явлению в человеческой жизни, как **фашизм, нацизм.** Идейно-теоретическая основа этого зла базируется на неоправданном возвеличивании одного народа и геноциде другого, а также обелении нацистских преступников и их пособников. Вначе дни мы это видим и на Украине (Донбассе), и в секторе Газа на Ближнем Востоке.

Вызывает одновременно удивление и возмущение то, что геноцид палестинцев осуществляет народ Израиля, который в годы Второй мировой войны пострадал от такой целенаправленной политики Третьего рейха. Это одна из проблем для комплексного осмысления в научном плане. Как такое возможно? Слабое противодействие прогрессивных мировых сил привело даже к тому, что некоторыми политиками стали выдвигаться кощунственные предложения: об изгнании людей, оставшихся в живых после варварских бомбежек с их исторической территории, о переселении на какие-то неопределенно другие территории; о строительстве на разбомбленных территориях, то есть по существу на человеческих костях, парков, отелей и других комфортных зон проживания победителей, чтобы получать здесь выгодные коммерческие доходы. Юбилейные мероприятия в разных странах мира квалифицировали это как явные попытки возрождения нацистского зла и осудили их.

Юбилей Победы основательно потрепал миф о российской военной угрозе, сплотив и консолидировав народы мира. Сложившаяся западная практика выявляет такой сценарий пропагандистской лжи: наврать, затем вранье узаконить, а потом активно приучать общество к восприятию этой лжи. Сегодня западным лидерам и пропагандистам вопли о российской военной угрозе нужны главным образом для оправдания своей антинародной политики и существования военно-политического блока НАТО. Если же рухнет такая надуманная угроза, то это, считай, смертный приговор блоку НАТО.

Юбилеем Победы Россия убедительно подтвердила мировому сообществу, что она со своими союзниками является маяком на дороге многополярности, миролюбия, справедливости, равноправия всех больших и малых народов нашей планеты. В то же время, учитывая сложившиеся реалии, важно иметь в виду, что память об исторических событиях 1941–1945 годов, память народов мира о главном победителе в этой войне будет постепенно ослабевать. А чтобы ее поддерживать, необходима постоянная забота о научной разработке соответствующей проблематики, умелой популяризации идей, объективной контрпропаганде и в науке, и в средствах массовой информации. Представляется необходимым привлекать для такой работы не только местных, но и зарубежных авторов, издателей в различных странах, особенно тех, где историческая правда замалчивается или искажается.

Вместе с тем международному сообществу следует обратить внимание на то, что появилось немало ученых, готовых отойти от исторической объективности в трактовке военно-политических событий Второй мировой войны, подстроиться под лукавые запросы политиков, что дает возможность перелицовывания и искажения исторической правды. Это особенно заметно в Европе, Америке, на Украине.

Список литературы

1. *Шамко Д.* Безграничный цинизм // Народная газета. — 2025. — 8 мая. — № 19, — С. 5.
2. *Лукашенко А.Г.* Ложь про Освенцим // Союзное вече. — 2025. — 8 мая. — № 20. — С. 3.
3. *Шестатов Е., Попов А.* Контракты первой степени // Союз Беларусь-Россия. — 2025. — 21 февраля. — № 7. — С. III.
4. Красная армия всех сильней. В Европе вся политика строится на русофобии // Союзное вече. — 2025. — 16 мая. — № 21. — С. 4–5.
5. *Родионов П.* Россию хотят чик-чик, и все // Союзное вече. — 2025. — 18 июля. — № 33. — С. 3.
6. *Володин В.* Моральные уроды // Союзное вече. — 2025. — 25 апреля. — № 17. — С. 4.
7. *Камека С.* У канцлера ФРГ пробелы в памяти // Союзное вече. — 2025. — 8 мая. — № 20. — С. 3.
8. *Елфимов В.* Мерц спустя 80 лет мстит за своего деда, который служил Гитлеру // Мінская праўда. — 2024. — 30 мая.

Гуляев А.А.
к.филос.н., доцент,
Университет «Синергия»
andrey.gulyaev1966@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Ключевые слова: историческая память, фальсификация, Великая Отечественная война, снос памятников, неонацизм.
Key words: historical memory, falsification, the Great Patriotic War, demolition of monuments, neo-Nazism.

Историческая память — важный фактор в сохранении и развитии общества. Фальсификация истории разрушает основы общества и ведет к его деградации. Историческая память о Великой Отечественной войне определяет основной вектор в сохранении и развития патриотизма в современной России, особенно в молодежном сегменте населения. Попытки фальсификации истории Великой Отечественной войны в западном обществе имеют цель переформатировать мировоззрение молодых россиян и в дальнейшем осуществить «цветную революцию», использовать в своих геополитических интересах ее природные и человеческие ресурсы.

Искажение исторической правды о Великой Отечественной войне имеет два основных направления фальсификации — миф о первоначальном сговоре двух тоталитарных режимов, умалчивание о величайших сражениях Великой Отечественной войны, массовом героизме советских воинов, а также преувеличение вклада западных союзников СССР в победу над гитлеровской Германией. Причиной этих исторических фальсификаций является, прежде всего, русофобия, пришедшая на смену антисоветизму времен холодной войны [Стрелецкий, Опошнянский 2020, с. 17]. Россия — цивилизация, являющаяся одним из полюсов современного большого мира [Долгих и др. 2024, с. 85]. Россия независима, не подчиняется западному диктату. Она практически ни в чем не нуждается — провал многочисленных западных санкций это показал. Поэтому в Западном мире русофобия процветает. Целями искажения исторической правды о Великой Отечественной войне в западном обществе являются следующие: убедить жителей западных государств в том, что в победу над гитлеровской Германией главный вклад внесли западные союзники, внести разобщенность в российское общество, способствовать непринятию российской молодежью патриотизма как стержня российского общества, посеять в России семена «цветных революций».

Пакт Молотова — Риббентропа был подписан СССР с Германией после многолетних безуспешных попыток советской дипломатии заключить договор с Великобританией и Францией для совместных выступлений против агрессивных планов гитлеровской Германии. Вместо

этого Великобритания и Франция заключают с Германией так называемый «Мюнхенский сговор», дают ей возможность нарушить Версальский договор — сформировать авиацию и флот. Численность германских вооруженных сил намного превзошла допустимую максимальную численность по Версальскому договору — 100 тыс. военнослужащих [Фоменко, Мармазова 2021, с. 97]. В этих условиях СССР принял решение заключить Пакт о ненападении с Германией, который Гитлер спустя два года вероломно нарушил. Цель Великобритании и Франции — столкнуть Германию и СССР была достигнута. После нападения Германии на Польшу и объявления войны Германии Франция и Великобритания практически с ней не воевали. Когда Германия очень быстро завоевала Францию, Великобритания поняла, насколько силен противник, и встала на сторону СССР.

Результаты опроса жителей европейских стран о результатах Мюнхенского сговора, причинах подписания пакта о ненападении Молотова — Риббентропа, о победах Красной Армии над войсками гитлеровской Германии, о роли СССР как освободителя европейских стран от фашистской угрозы изумляет. Оказывается, Мюнхенский сговор был направлен на защиту немцев, живших в Судетской области Чехословакии. Пакт о ненападении Молотова — Риббентропа — свидетельство дружбы двух тиранических государств. Победы Красной Армии над гитлеровскими войсками были скромными и достигались за счет потерь Красной Армии, в два-три раза превышающих потери гитлеровских войск. Освободили Европу в основном союзники СССР по антигитлеровской коалиции. В Польше вообще провозгласили, что советские освободители приравниваются к германским захватчикам Польши, несмотря на то, что в Польше погибли 600 тысяч солдат в борьбе с фашистскими захватчиками, и что большая часть восточной Германии была отдана Польше Советским Союзом [Пономарева 2020, с. 314].

Фальсификация истории Великой Отечественной войны в западных странах в последние десятилетия имеет прямую цель — принизить роль СССР и РСФСР, как республики СССР, в победе над немецким фашизмом. В «холодной войне» № 1 (1946–1991 гг.) ставилась также цель недопущения влияния коммунистической идеологии на жителей европейских стран. С 2014 г. Запад ведет «холодную войну» № 2, которую в немалой мере инициировали восточноевропейские страны вслед за государственным переворотом на Украине и установлением националистического режима, перешедшего к неонацистскому после начала геноцида жителей Донбасса.

Эта «холодная война» горячее предыдущей. На территории проводимой СВО действуют западные наемники, территорию России обстреливают ракетные системы западных странах. Чем СВО закончится? Все зависит от решения лидеров США и России. США могут воздействовать на Украину и европейские страны в поиске мирного урегулирования конфликта.

Попытки фальсификации истории Великой Отечественной войны недружественными странами имеют своей целью принизить значение России на мировой арене. Одна из целевых российских аудиторий, на которую направлена фальсификация, — российские учащиеся. «Хочешь победить врага — воспитай его детей». Вот почему требуется действенный контроль государства, всех неравнодушных россиян за учебниками по Истории, за Интернет-пространством. Проникновение фальсификаций истории Великой Отечественной войны в сознание российских учащихся должно быть полностью остановлено. Это особенно касается молодых жителей новых регионов России. В украинских учебниках истории много фальсификаций Великой Отечественной войны, в частности о коллаборационистах, боровшихся с Германией против СССР, сказано, что это «сознательно-патриотическая молодежь», выступавшая за свободу Украины [Бредихин и др. 2022, с. 74].

Патриотизм крайне важен для формирования российской идентичности. Его сложно сформировать без знания настоящей Истории. Единство российского общества, его упорство, несгибаемость, альтруизм основываются на патриотизме. Российские учащиеся активно участвуют в ежегодной акции «Бессмертный полк», которая наглядно отражает вклад их дедов и прадедов, миллионов советских людей в победу над фашизмом. Будущее страны зависит от нашего вклада в сохранение исторической правды о Великий Отечественной войне, от воспитания патриотизма у молодого поколения, от успеха в борьбе с поднявшим голову неонацизмом, который искусно использует фальсификацию истории Великой Отечественной войны, оправдывая фашизм и нацизм. Наше дело правое — мы победим, сохранив историческую правду о Великой Отечественной войне.

Выводы

Задачей России является противостояние попыткам Запада переписать историю Великой Отечественной войны, необходимо заботливо сохранять историческую память о Великой Отечественной войне, передавать ее будущим поколениям. Как говорил Ф.М. Достоевский «Высшая и самая характерная черта нашего народа — это стремление к справедливости и жажда ее». Отечественная история, и особенно период Великой Отечественной войны, показывает нам могучий дух народа, его единство в условиях многонациональности и многоконфессиональности, мужество и героизм наших предков. Наша задача — сберечь историю Великой Отечественной войны, передавать лучшие качества россиян, особенно патриотизм, будущим поколениям. Это особая задача государства, всего российского общества. И самая большая ответственность за сохранение исторической правды о Великой Отечественной войне лежит на Учителе и Преподавателе Истории.

Список литературы

1. *Бредихин А.Л., Викторов А.В., Симончук Е.Р.* Сохранение исторической правды о Великой Отечественной войне как задача государства // Экономика. Социология. Право. — 2022. — Т. 26. — № 2. — С. 70–79.
2. *Долгих Ф.И., Ишутин А.А., Мажников В.И.* [и др.] Обществознание: учебник / под ред. Ф.И. Долгих. — М.: Университет «Синергия», 2024. — 556 с.
3. *Пономарева Е.Г.* Вторая мировая война и проблема фальсификации ее истории в представлениях российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2020. — Т. 20. — № 2. — С. 307–322.
4. *Стрелецкий Я.И., Опошнянский А.В.* Историческая правда против лжи и фальсификаций (к 75-летию Великой Победы) // Общество: политика, экономика, право. — 2020. — № 2. — С. 16–23.
5. *Фоменко М.В. Мармазова Т.И.* Попытки фальсификации истории в борьбе против России: переоценка итогов Второй мировой войны // Современная научная мысль. — 2021. — № 2. — С. 95–100.

Залывский Н.Л.
д.э.н., профессор,
Заслуженный экономист РФ,
почётный член Ломоносовского межрегионального фонда

БОЕВАЯ БИОГРАФИЯ УЧАСТНИКА ПАРАДА ПОБЕДЫ 24 ИЮНЯ 1945 ГОДА В МОСКВЕ — СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР ПАТРИОТИЗМА СОВРЕМЕННЫХ ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА

Ключевые слова: уроженцы Архангельской области, Ленинградский фронт, 224 стрелковая дивизия, разведзадания в тылу немецкой армии, ордена Зубова, посол США в СССР Гарриман, солдаты особого батальона, в т.ч. Хилков Ю.А., преемственность исторической памяти, Специальная военная операция.

Key words: natives of the Arkhangelsk Region, the Leningrad Front, the 224th Rifle Division, reconnaissance missions behind the lines of the German army, the Zubov Orders, the US Ambassador to the USSR, Harriman, soldiers of the special battalion, including Yu.A. Khilkov, continuity of historical memory, Special Military Operation.

Актуальность исследования подтверждается прежде всего необходимостью инкорпорации в сознание молодых россиян аксиомы «никто не забыт и ничто не забыто как императива памяти о героических предках, обеспечивших победу в Великой отечественной войне с фашистской Германией (1941–1945). Во-вторых, значимостью личной причастности к доказательству

идеи, что мировоззренческий патриотизм народов и всех граждан РФ — базовая цивилизационная предпосылка для самоидентификации россиян в многополярном мире.

Этот тезис закономерно очевиден в позиции В.В. Путина — патриотизм и чувство ответственности за судьбу Родины исходят из знания её истории.[1] Внимание к упрочнению такого чувства особо актуально в год 80-летия исторического Парада Победы в Москве 24 июня 1945 года. Именно его участники — авторы финальной точки Великой победы советского народа и эпохального события — низложения штандартов поверженной немецкой армии к стенам Кремля. Автор статьи полвека назад задокументировал содержание встреч с несколькими защитниками суверенитета и независимости СССР, посчитав психологически и гносеологически своевременным возвращение к архиву их впечатлений о мере личной фронтовой причастности к водружению Знамени Победы над Рейхстагом. *Знание о мужестве и жертвенности наших отцов, дедов ныне важно донести до воинов армии РФ, освобождающих русские земли от украинского неонацизма на фронтах СВО*. Очевидна и краеведческая ценность исследования, т.к. затрагиваются истории двух бойцов Красной армии — уроженцев Архангельской области: старшего сержанта 248 стрелковой дивизии Хилкове Ю.А. — солдата особого батальона, швырнувшего фашистский штандарт к стенам Кремля; старшины и опытного военного разведчика 224 стрелковой дивизии 55 армии Ленинградского фронта Зубова Л.М. (1918–1985).

Об особенностях характера фронтовика, своеобразии встречи с ним, предпосылках способности к военной разведке будущего участника Парада

Коллизиям боевого пути Леонида Михайловича Зубова предшествовало 24-летнее крестьянско-рабочее бытие на территории Няндомского и Каргопольского районов Архангельской области. Озорной, сметливый характер будущего разведчика до призыва на срочную службу в 1938 году вызревал в родной деревне Лимчина (Каргопольский уезд), колхозе «Путь Ильича», в работе — путевым рабочим в Лельме и слесарем — в депо Няндомы. Не удивительно, что местом довоенной солдатской службы оказался 5 полк железнодорожных военных сообщений, располагавшийся в Белоруссии.

Эти и другие подробности земной жизни Л.М. Зубова узнал при личной встрече в 1974 году, они были мной частично опубликованы в архангельской молодёжной газете под псевдонимом[2]. Знакомство с ним свежо в памяти автора, некогда являвшегося председателем комсомольского штаба поиска уроженцев Архангельской области — участников знаменитого Парада Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 года. Также не поддаётся коррозии беспамятства то, что этот Парад — не тускнеющий символ победы Советского Союза (была такая великая страна!) над фашисткой Германией. Как и признание, что известное всему человечеству бросание штандартов её разбитых армий к Кремлю — это апофеоз торжества и скорби советского народа-победителя, потерявшего около 27 млн своих граждан. В год 80-летия Победы важно напомнить об этом акте символического возмездия недружественным европейским государствам, некогда освобожденным СССР от фашизма и грезящим о стратегическом поражении России. Оно подтверждает правило, актуальное и для будущего: кто придёт к нам с мечом, от суверенного меча россиян и погибнет.

В 1974–1975 гг. нами выявлено около 30 участников Парада — уроженцев Архангельской области, находившихся в сводных колоннах фронтов. Со многими из них встречался сам, в т.ч. с Л.М. Зубовым. Его запомнил хорошо по двум причинам. Меня, замерзшего во время долгого переезда на лесовозе в 30 градусный мороз из Онеги, быстро отогрели в его доме в п. Шалакуша Няндомского района. Тогда поразился его неформальному рассказу о боевой биографии, начавшейся после мобилизации летом 1942 года (по сведениям пересыльного пункта примерно 14 августа) и зачисления во 2 роту 2 батальона 223 армейского запасного стрелкового полка 55 армии. Позднее Леонида Зубова перевели в 224 стрелковую дивизию Ленфронта. Здесь

---

[1] Путин назвал важным воспитание патриотизма с учетом интересов народа России. — https://iz.ru/1985238/2025-11-05/putin-nazval-vazhnym-vospitanie-patriotizma-s-uchetom-interesov-naroda-rossii.

[2] *Залесский Н.* Знаменосец // Северный комсомолец. — 1975. — 22 июня.

он стал командиром отделения, позднее — старшиной 96 разведывательной роты при штабе дивизии. В этой дивизии он состоялся в качестве разведчика со способностью выполнения самых сложных боевых поручений командования. Что содействовало этому? Леонид Зубов вырос в лесной глухомани Каргополья и Няндомы. Приобретённые привычки к сельско-лесному пространству пригодились на фронте, но в детстве архангельская тайга для него добрая и сказочная. Полная противоположность — фронтовой лес!

Рис. 1. Зубов Леонид Михайлович (23 марта 1918–1 июня 1985) — участник Парада Победы 24 июня 1945 года (фото справа) и в период 1970–1975 годы (фото слева)

В 1943–1944 почти неслышно пробираясь по лесным тропинкам через болота Ленинградской и Новгородской областей, он остро ощущал физическую тревогу от возможной внезапной атаки затаившегося врага. Разведка по его тылам — всегда опасное дело. На каждом шагу могла быть засада, каждая мелкая оплошность грозила гибелью боевых товарищей. О некоторых фактах узнал в ходе нашего диалога, позднее — по различным документам оцифрованного архива Минобороны СССР, подтверждавшими достоверность других боевых эпизодов. Некоторые документы давно пополнили мой личный архив. Теперь могу точно утверждать о справедливости определения его лучшим разведчиком дивизии, минимум по двум фактам. Во-первых, в декабре 1974 г. Л.М. Зубов показал номер газеты его дивизии с очерком о нём, где его величали лучшим разведчиком фронта. Во-вторых, на официальном сайте обнаружил документ с записью о награждении знаком «Отличный разведчик» [3]. Не претендую на пионерство указанной газетной публикации о нём, т.к. первый материал об его фронтовой биографии появился в местной газете «Авангард» ещё 22 февраля 1968 года. Запамятовал её содержание. Только спустя полвека вспомнил факт, что он был ещё парторгом разведроты и знаменосцем дивизии. Не рисковал ранее к печатному подтверждению этих биографических моментов его фронтовой жизни, пока они не подтвердились магнитофонной записью встречи полувековой давности, недавно восстановленной мною. Нотки фривольно-небрежного самовосхваления им фронтового прошлого, ощущаемого и в аудиозаписи, тогда смутили меня. В свои 23 года ещё сам не обладал опытом адекватного восприятия эмоционального сканирования фронтовиками пережитой трагедии войны. Да и двухгодичная военная служба в гарнизонах Ленинградского военного округа (1970–1972) приучила к скромной презентации озвученных фрагментов её истории, поэтому явленная им тональность понудила засомневаться в отдельных эпизодах его жизни. Однако обнаруженное недавно документальное свидетельство о вручении армейского знака «Отличный разведчик» нивелировало коллизию уже моего сомнения в подлинности события, дав право на более смелое и подробное обнажение деталей боевых действий Леонида Зубова в тылу врага. Более того, присущий ему лиризм присутствует в воссоздания истории дорог как к указанному признанию, так и к предпосылкам его включения в Сводный полк Ленинградского фронта Парада Победы в Москве 24 июня 1945 года.

...Ниже затрону другие эпизоды ратной службы Л.М. Зубова, памятуя о феномене воспоминаний живого фронтовика о Великой Отечественной войне советского народа с фашистской Германией 1941–1945 годов. Встречи с её участниками уже редкость. Источником преемственности памяти об их вкладе в нашу Победу, жестокости войны для новых поколений россиян всё чаще будут хроникёры записи содержания встреч с ветеранами. В данном случае таковым является автор статьи. Она, будучи частью сборника материалов конференции, поможет современным читателям открыть «старый шкаф истории» и полистать её пожелтевшие страницы, «чтобы найти ответы на свои вопросы» [10, с. 122–123] об истоках мужества исполнения воинского долга разведчиком Зубовым. Для автора он, как и Ю.А. Хилков, яркие представители миллионов прародителей Победы советского народа в мае 1945 года, наследуемой нами.

Здесь важно напомнить современникам детали организации Парада Победы для конкретизации достоверности исторического знания о нём [см. также: 1, с. 416–419]. Главной единицей военного подразделения Парада Победы были сводные полки фронтов каждый численностью в 1059 воинов и 10 запасных. За их формирование отвечали командующие фронтами, учитывающих исходные требования для отбора фронтовиков в их состав. Существовали такие критерии: рост не менее 176 см, возраст — не более 30 лет (Белорусский фронт), как минимум, две госнаграды на груди. Старшина Зубов Л.М. идеально подходил для этого. Сводные полки проходили по Красной площади в порядке размещения на линии фронта от Баренцева до Чёрного моря. Ещё была особая рота (батальон) из 200 солдат, которым выпала почётная миссия поставить финальную точку победоносному завершению войны: бросить знамёна разгромленных частей вермахта к стенам седого Кремля. *В её составе находился единственный представитель Архангельской области старший сержант Хилков Ю.А.* Краеведческая уникальность этого факта — предмет нескольких моих предшествующих научных и газетных публикаций[3]. Они тоже итог личной встречи с ним в г. Риге в 1974 году, которые затронуты последующими страницами статьи.

Боевые ордена командиру разведгруппы Леониду Зубову за успешное выполнение разведзаданий командования в тылу врага

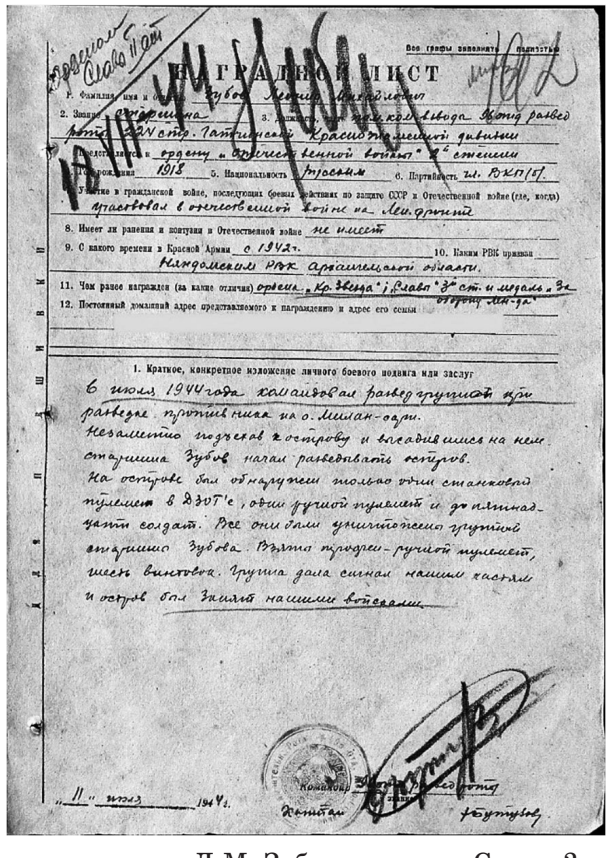
Одной из задач периода боев за Пулковские высоты была необходимость выявить расположение пунктов мощной огневой системы возле деревни, ожесточенно защищаемой фашистами. Командиром разведгруппы назначили разведчика 96 разведывательной роты Л.М. Зубова, признанного мастером разведки ещё в дни обороны Ленинграда. Зайдя далеко в тыл немцам, он выбрал удобное место для решения этой задачи. Засекал артиллерийские орудия по вспышкам выстрелов, расположение дзотов, землянок и траншей — по пулемётным очередям, по множеству иных бытовых примет. Собранные разведданные радист под диктовку старшины Зубова передал командованию дивизии, что снизило жертвенность освобождения деревни от немцев. За успех вылазки в тыл врага его отметили орденом Красной Звезды (20.02.1944).

Весной 1944 года командир роты приказал захватить хорошо осведомлённого «языка» в глубоком тылу немецких войск. Он сразу предупредил о срочной надобности и важности задания, вероятно, спросив Леонида Зубова о возможности его выполнения. Он хорошо знал передний край и прифронтовую зону. Польщённый доверием командира, Зубов самоиронично подтрунивал критичной фразой «может не подхожу для этого»!? Мгновение сарказма к своим боевым возможностям — элемент такой же смелой бравады, которую почувствовал на старте беседы с ним. Впрочем, она — уместная вольность поведения в такой ситуации. Почему? Нужда в самолюбовании, будучи интуитивным компенсатором остроты предбоевого чувства, одновременно была чертой характера воина, умеющего воевать с врагом невзирая на смертельную опасность. Такое поведение, на наш взгляд, — форма функционального психологического подавление стресса неожиданностей будущего выхода за линию фронта. На этот раз чуйка (под-

[3] *Залывский Н.* Солдат особого батальона // Голос строителя. — 1975. — 20 марта; Залывский Н. Солдат особого батальона // Северный комсомолец. — 1985. — 22 июня.

сознание) подавала опытному разведчику знаки о неотвратимости гибели. Он боялся пропасть в лесу без вести пропавшим. И перед выходом разведгруппы в глубокий тыл фашистов передал замполиту роты заявление о вступление в члены ВКП(б): если не вернусь, то считайте меня коммунистом! Через некоторое время бойцы обнаружили провода немецкой линии связи.

Старшина Зубов ножом перерезал их, рассредоточил товарищей в засаде в ожидании тех, кто придёт её восстанавливать. Вскоре действительно появилась группа фашистов. Автоматной очередью он срезал шестерых, а двух других скрутили разведчики группы. Несмотря на преследование группа вернулась в расположение роты. Вскоре на их груди засверкали новые боевые награды за успешно выполненное боевое поручение. Пожалуй, подобные выходы в тылы врага — неизбежная часть судьбы фронтовых разведчиков. Каждый из них со смертельным риском, с безвозвратными утратами однополчан. Вдохновляло то, что успех каждой разведоперации усиливал ощущение приближения победы над ненавистным врагом. С таким настроением старшина Л.М. Зубов вернулся в часть ещё с одной операции. Её содержание навечно задокументировано сохранившимся Наградным листом (рис. 2).



Все графы заполнять печатными

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Зубов Леонид Матвеевич
2. Звание старшина
3. Должность командир взвода Жтр разведр
4. Представляется к ордену Отечественной войны II ст. отмечен
5. Год рождения 1918 5. Национальность русский 6. Партийность чл. ВКП(б)
7. Участие в гражданской войне, последующих (время действия) по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) участвовал в отечественной войне на Ленинградск
8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне не имеет
9. С какого времени в Красной Армии с 1942 г. 10. Каким РВК призван Нарвомским РВК Архангельской области
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) орден „Кр. Звезда" и „Славы" 3-й ст. и медаль „За оборону Ленинграда"
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

6 июля 1944 года командовал разведгруппой при разведке противника на о. Милан-сари. Незаметно подъехав к острову и высадившись на нем старшина Зубов начал разведывать остров. На острове был обнаружен только один станковый пулемет в ДЗОТ'е, один ручной пулемет и до пятнадцати солдат. Все они были уничтожены группой старшины Зубова. Взято трофеи - ручной пулемет, шесть винтовок. Группа дала сигнал нашим частям и остров был занят нашими войсками.

"11" июля 1944 г.

Командир

Капитан

Утвержден

Слева: Слава II ст.

Рис. 2. Наградное представление Л.М. Зубова к ордену Славы 2 степени. Июнь 1944

На этот раз разведгруппа высадилась на остров Милан-Сари. Этот лист интересен полнотой биографических сведений о нём. В нём впервые подтверждается его членство в ВКП(б), о котором сказал в предыдущем абзаце. Здесь упоминается о его первой медали «За оборону Ленинграда» в той или иной степени, отметившей меру его участие в прорыве блокады города в 1943. Медаль вручена 3 июля 1943 года, когда он находился в звании старшего сержанта. За отвагу и личное мужество при защите Родины Л.М. Зубов также награжден Орденом Славы III степени (28.01.1944), Орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (9.05. 1945).

Наиболее «урожайным» на государственные ордена стал 1944 год — три ордена. В моём личном архиве есть два эксклюзивных документа. Один из них интересен современникам историческим контентом о военном союзничестве с США в годы 2 мировой войны. Это грамота Президента США о награждении Зубова Л.М. Серебряным орденом США (рис. 3). Эксклюзивен, т.е. необычен для нас, и элемент статута этого ордена.

Удивительно то, что сам Л.М. Зубов констатирует наличие четырёх орденов за войну, прибавляя к трём советским орденам, названным мною выше, и американский. Для него он был чаще шутливым поводом для бытового хвастовства в силу экзотики ордена и совпадения душевного желания быть уважительно замеченным земляками (гостями дома) как велит статус этого ордена. Предположу, что вручение ему этого ордена послом США Гарриманом накануне Парада Победы не досадная ошибка памяти разведчика, а следствие долгого бюрократического поиска (почти год с обозначения даты оформления) момента его передачи награждённому.

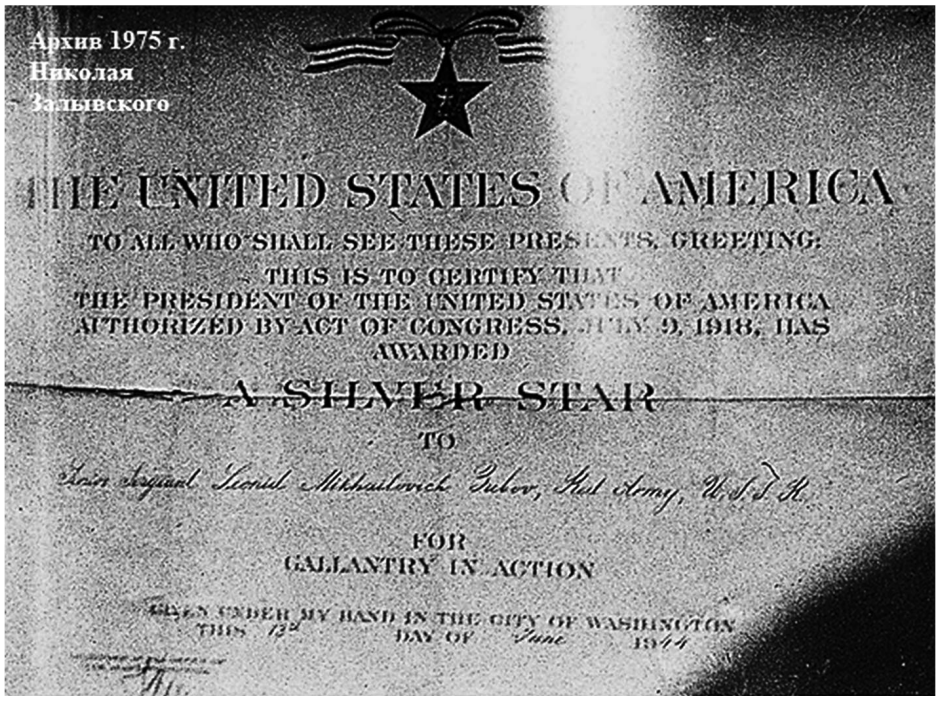


Рис. 3. Чудом сохранённая фотокопия Грамоты
о награждении Л.М. Зубова орденом США «Серебряная Звезда.» Июнь 1944 [7]

Ещё одно добавление, коррелирующее с психологическим своеобразием поведения Л.М. Зубова. Ему был дорог личный авторитет как отличного разведчика-фронтовика. Нарушение гармонии такого ощущения (а он действительно заслуживал почтения к себе!) разочаровывало его, поэтому меня не шокировал неожиданно открывшийся факт его службы в 157-й отдельной штрафной роте [8] с задокументированным понижением воинского звания со старшины до старшего сержанта. Вероятно, это последствие спонтанного скандала с кем-то из сослуживцев, игнорировавших особенность его представлений об эмоциональной корректности служебных отношений. *Убеждён, почтительное отношение к ветеранам боевых действий всех времён было, есть и надо признавать индикатором живого патриотизма граждан, защищающих Отечество.*

Такого внимания заслуживал Л.М. Зубов — участник ещё одного памятного события — торжественного приёма участников Парада Победы в Кремлёвском дворце Верховным Главнокомандующим И.В. Сталиным. Леонид Михайлович с восторгом вспоминал огромные залы Дворца, многократные тосты в честь одержанной великой победы над врагом, незабываемое многие годы общение с известными военачальниками и приглашенными фронтовиками. Удалось сохранить уникальное свидетельство присутствия Зубова Л.М. в залах победителей (рис. 4), хотя уже почти с истлевшими строками. Его историческую идентичность подтверждаю размещением официального оригинала этого документа.

Для меня старшина Зубов Л.М., как и многие уроженцы Архангельской области, представленные в сводных полках Парада Победы 24 июня 1945 года, — архитекторы Победы над фашистской Германией. Неоспоримость этого факта — предтеча патриотического мировоззрения каждого гражданина РФ. Этот нравственный императив начал укрепляться в моём сердце 50 лет назад.

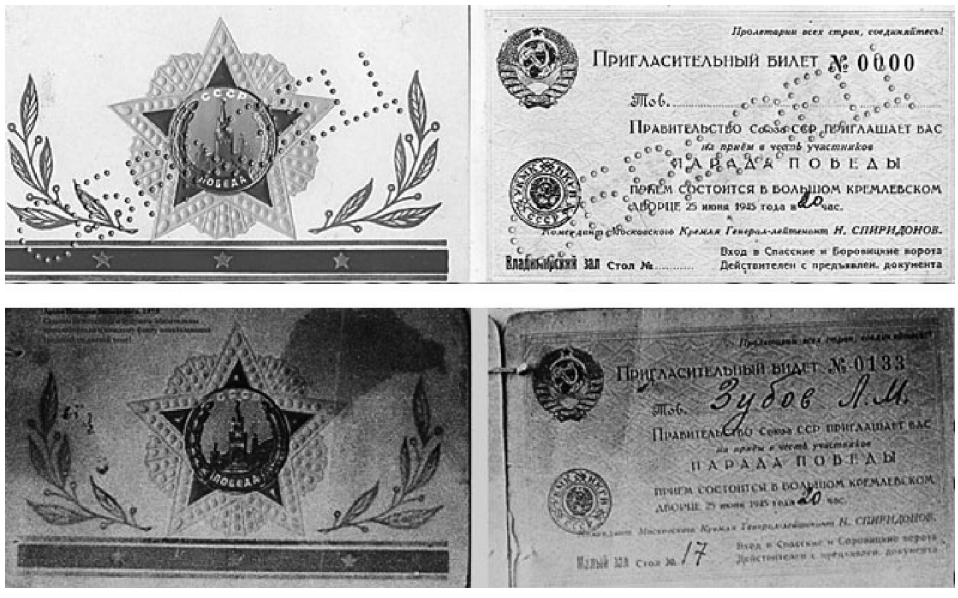


Рис. 4. Свидетельство присутствия Л.М. Зубова в Кремлёвском дворце на торжественном приёме участников Парада Победы 24 июня 1945 года с указанием номера стола [7]

Опыт организации поиска участников Парада Победы 24 июня 1945 года остаётся светлой страницей моей личной творческой судьбы. Впечатления участников Парада Победы полувековой отдаленности ассоциирую, начиная с юношества, своеобразным институтом фундаментального исторического образования. Кратко говоря, *моё прошлое, наше настоящее, будущее внуков и правнуков объединено ритмом строя Бессмертного полка, нотами одной и той же героической симфонии патриотизма*.

Востребованность такого нравственно-исторического капитала резко возросла в современной России, ведущей тяжёлую СВО на Украине за освобождение исконных русских земель, демилитаризацию бандеровских сил и денацонализацию настроения украинского населения. К сожалению, на фронтах СВО погибли мужчины из моего фамильного рода, включая морского пехотинца Северного флота Сергея Залывского, посмертно награждённого орденом Мужества, ныне глядящего взором честно исполненного воинского долга перед Родиной на нас, современников.

Подытоживая опыт встреч с участниками Парада Победы, сделал вывод, что *российский (советский) солдат потому и победил врага в 1945, будет побеждать на Украине, что любит жизнь и Отечество.* Вопреки античеловечной природы войны, наперекор всем смертям он побеждает на жестоких маршрутах войны в силу моральной способности оставаться Человеком. При передаче поисковых результатов в личный фонд государственного архива (2014) исследовательское внимание вновь соприкоснулось с пожелтевшими от времени рукописными блокнотами. Некоторые строки не исчезают из памяти с 1974 года. Где корни подобного феномена? В них увидел волшебный источник духовной силы нашей армии, одолевшей жестокого врага: «живыми на войне оставались более жизнерадостные. Тот, кто падает в панику, уныние, того сразу убивают и главное ни за что».

Пожалуй, подобные элементы боевого настроения присущи и участникам СВО, особенно бойцам штурмовых отрядов армии России, вытесняющих с территории Новороссии украинско-натовских «реставраторов» европейского нацизма. Присущ вектор победы в СВО и гражданскому обществу России. Перспективу её вскрывает настроение В.Ф. Толкачева [10, с. 464] — известного журналиста и краеведа Севера РФ из поколения детей войны с фашизмом. Он, как и автор статьи, находится на публичном поле противодействия неонацизму с убеждением «Победа будет за нами!». Знать и взаимодействовать с такими современниками — моральное благо не только для меня, но и для россиян, желающими быть уверенными и спокойными за нашу Родину. Когда морально-нравственное побуждение «Победа будет за нами!» сильно и зримо у бойцов СВО, а в обществе доминирует обязательство «Всё для фронта, для Победы!», вера

в разгром украинско-натовского неофашизма и национализма, наряду с военно-технологическим обеспечением СВО, действенный фактор стратегического военно-политического успеха на поле боя, снижения жертвенной цены победы России. При более эффективной стратегической и оперативной организации СВО, тем более, флаг Победы будет поднят скорее, а наша страна заживёт мирными буднями без плача матерей и жён по утрате новых сынов Отечества.

Новым поколениям граждан России сложнее быть социокультурными наследниками тех, кто 80 лет на Красной площади представлял советский народ — наших героических дедов и отцов. Фундамент нравственной памяти о миллионах гражданах СССР, погибших и сгинувших на войне в 1941–1945 годы, а также в последующих боях за честь и независимость Отечества, не должен поддаваться коррозии. «Нам нельзя забывать об этом сильном Параде, говорил В.В. Путин, — Мы должны перенять у героического поколения фронтовиков главное — привычку побеждать. Она поможет нынешнему поколению выстроить сильную, стабильную и процветающую Россию. Уверен, что дух Великой Победы будет хранить нашу Родину и впредь в новом, XXI веке»[4]. Таковой должна быть философия общественного бытия в России.

И, наконец, память о войне — не механическое, не дежурное занятие историей войны. *Она часть любви сердца к Отечеству,* требующая искреннего ответа от каждого «кто я в этой жизни?» как формулы непубличного признания себя патриотичным гражданином России. Забвение героев прошлого антигуманно. Автор статьи — рядовой института наследования памяти о защитниках Отечества, инициировавший 60 лет назад личную дипломную работу о фронтовых дорогах уроженцев Архангельской области к водружению Знамени Победы над Рейхстагом, обобщивший результаты поиска в первом научном исследовании [5]. Эксклюзивная публикация документов, сопровождающих данную статью, как и возможность рассказать современникам ещё об одном уроженце Архангельской области, представленном на Параде Победы 24 июня 1945 года на Красной площади материализуют ещё одну функционально-нравственную задачу патриотического просвещения и воспитания. Абрис её смысла очерчен русским ученым В.И. Далем, когда-то оставившим формулу познания мира вокруг нас. «Как из копеек составляются рубли, так из крупинок прочитанного составляется знание» [2, с. 172], в контексте темы статьи — исторического. Знать окопный опыт, мотивы мужества и жертвенности участников Великой Отечественной войны, включая представленных здесь, ответственная задача новых поколений россиян. *Таков и смысл поручения солдата особого батальона Юрия Хилкова*, повторюсь, — *единственного представителя Архангельской области в составе особого батальона,* низложившего к Мавзолею В.И. Ленина поверженные штандарты фашисткой армии. Достойно и уместно разместить его портрет в парке героев Отечества, закладываемым САФУ им. М.В. Ломоносова возле будущего кампуса мирового уровня, как знака преемственности судьбы героев СВО со славой героев войны 1941–1945 годов. Новым поколениям граждан России важно не забывать свою историю.

Подытоживая изложенное выше, подчеркнём два вывода. *Память — это институт человечности отношения к предшественникам современной истории Родины и существенная предпосылка побед России в обеспечении национального суверенитета, геополитической независимости в исторической перспективе*. Пока память жива в наших сердцах, до той поры технологически и нравственно Россия не по зубам любой коалиции недружественных государств. И никто кроме нас, не может быть транслятором исторической преемственности Победы наших отцов, дедов и прадедов.

Это ментальная и духовная предпосылка цивилизационной устойчивости России в обозримом будущем как эффективного и авторитетного организатора многополярного глобального мира. Благоприятствует этой миссии тенденция лево консервативного доминирования в общественном мировоззрении семейных ценностей как «социальная справедливость, патриотизм, безопасность, свобода и права человека» и потребности российского народа иметь «сильное светское социальное государство, в котором присутствует крепкая взаимосвязь между обществом и государством» [11, с. 169].

[4] 75 лет со дня проведения Парада Победы. — https://cbs-angarsk.ru/chitatelyam/knigodar/75-let-so-dnya-provedeniya-parada-pobedy/?ysclid=mhvozbgozw94763088.

Список литературы

1. Великая Отечественная война. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014.
2. Великий и могучий русский язык. Афоризмы / ред.-сост. С.З. Кодзова. — М.: Абрис, 2017.
3. Дороги памяти. Зубов Леонид Михайлович. — https://1418museum.ru/heroes/70928329/?ysclid=m8681fm2.
4. *Залесский Н*. Знаменосец // Северный комсомолец. — 1975. — 22 июня.
5. *Залывский Н.П*. Поиск участников Парада Победы 24 июня 1945 года. — уроженцев Архангельской области // Материалы межрегиональной науч.-практич. конференции, посвященной 100-летию ВЛКСМ. — Архангельск, 2019. — С. 103–115.
6. Книга Памяти. Покшеньга. — Архангельск: Лоция, 2023. — 336 с.
7. Личный архив документов поиска участников Парада Победы и по их судьбе. 1974–2020 гг.
8. Память народа. Зубов Леонид Михайлович. — https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_vpp1995725459/?static_hash=3918228f55bd3c3.
9. Парад Победы. Репортаж о Параде на Красной площади в Москве 24 июня 1945 года. — М.: Планета, 1985. — 239 с.
10. Эта пуля не в меня влетела. 80-летию Победы посвящается: сб. произведений современных северных писателей / редактор-составитель И.Д. Гуревич. — Архангельск: АРО СП России, 2025. — 512 с.
11. *Харченко В.С.* Идеологические и ценностные ориентиры россиян // Россия и мир: развитие цивилизаций. Уроки Великой Победы и новое мироустройство: материалы XV международной научно-практической конференции (2–3 апреля 2025 г.): в 2-х ч. — М.: Издат. дом УМЦ, 2025. — С. 167–172.

Зацаринный А.А.
д.т.н.,
Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН

МЫ ПАМЯТИ ВЕРНЫ! О ВКЛАДЕ УЧЕНЫХ И НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОЗДАНИЕ СИСТЕМ И СРЕДСТВ СВЯЗИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.

Ключевые слова: средства военной связи, советские ученые, научные организации, войска связи.
Key words: communications facilities, Soviet scientists, scientific organizations, communications troops.

Обеспечение надежной и своевременной связи для управления страной и боевыми действиями Красной армии на фронтах и флотах явилось одной из важнейших задач в ходе Великой Отечественной войны [1–3]. Задача осложнялась тем, что обеспеченность войск средствами связи к началу войны не превышала 58,5% (радиосредствами — 46,5% , средствами проводной связи — 70%) [1; 3]. При этом большая часть техники была устаревшей. Уже в первые месяцы войны положение с комплектованием войск средствами связи резко ухудшилось вследствие значительных потерь в ходе боевых действий, а также сокращения или прекращения поставок средств связи промышленностью. В этих условиях Наркоматы связи, обороны и электротехнической промышленности СССР, а также Российская академия наук предприняли огромные усилия по концентрации возможностей научных и промышленных организаций [3; 4]. Особо следует отметить вклад в создание и внедрение военных средств связи научных организаций страны. Среди них Центральный научно-исследовательский институт связи (ЦНИИС) Наркомата связи (НКС) СССР, Научно-испытательный институт связи Красной армии (НИИС КА),

Военная электротехническая академия связи (ВЭТАС) им. С.М. Буденного, Научно-исследовательский морской институт связи и телемеханики Рабоче-крестьянского Красного флота (НИМИСТ РККФ — НИИ-24), Государственный союзный производственно-экспериментальный институт № 56 (ГСПЭИ–56), Всесоюзный научно-исследовательский институт радиолокации (НИИ-108), Научно-исследовательский институт электронных приборов локационной техники с опытным заводом (НИИ–160), Всероссийский научно-исследовательский институт радиотехники (НИИ-20), Всесоюзный электротехнический институт (ВЭИ) Наркомата электропромышленности, Всесоюзный государственный институт телемеханики и связи (ВГИТИС, НИИ–10) [5, 6].

В статье представлены основные результаты, характеризующие вклад ученых и инженеров в области связи в разработку и внедрение в войска современных средств военной связи.

О роли Пересыпкина И.Т.

Огромную роль в обеспечении нашей страны связью во время Великой Отечественной войны сыграл маршал войск связи И.Т. Пересыпкин. Нарком связи с 1939 года, Иван Терентьевич в июле 1941 г. был назначен одновременно заместителем наркома обороны СССР (выполнял обязанности по 20 май 1943 г.) по связи, а также начальником Главного управления связи Красной армии (ГУСКА) (по март 1946 г.).

Маршал войск связи Пересыпкин И.Т.

Заметим, что подобное сосредоточение ответственности у одного должностного лица на таком стратегически важном направлении как связь является уникальным в отечественной истории. И.Т. Пересыпкин выполнял руководство и общую координацию работ, выполняемых всеми научными, промышленными и производственными организациями страны по разработке, серийному производству и поставке в войска военных средств связи, а также по обеспечению надежной связи на территории страны. И он в полной мере оправдал оказанное ему высокое доверие. Обстоятельный анализ деятельности И.Т. Пересыпкина представлен в [7].

3. О вкладе Академии наук

Значительный вклад в достижение Великой Победы внесли ученые крупнейшего научного центра страны — Академии наук СССР. На расширенном заседании Президиума АН СССР 23 июня 1941 г. была принята резолюция, которая предусматривала оперативную перестройку работы академических институтов на военные рельсы и содержала требования к научным учреждениям академии по пересмотру тематики исследований в направлении выполнения задач по оборонной тематике [4; 8; 9]. 28 июня 1941 г. Академия наук обратилась к ученым всех стран с призывом сплотить свои силы для защиты цивилизации от фашизма [9].

В августе-сентябре 1941 г. руководство академии при участии Государственного комитета обороны (ГКО) разработало комплексный план работы академии в условиях войны, который включал в себя 245 приоритетных тем, связанных с разработками и исследованиями по созданию новых видов вооружения для армии, авиации, флота. Большинство академических институтов и членов Академии наук были эвакуированы в восточные регионы страны. Тем не менее, в Москве продолжали работать 227 сотрудников, в том числе 6 академиков и 17 членов-корреспондентов [4].

И многие ученые сделали свой весомый вклад в Победу, в том числе в области связи, радиолокации, радиотехники и других технических направлений. Это, прежде всего, будущие академики Академии наук СССР и Герои Социалистического труда В.А. Котельников, А.Л. Минц, А.Ф. Иоффе, А.А. Расплетин, А.Б. Кобзарев.

Так, под руководством В.А. Котельникова была создана и внедрена самая стойкая в то время система засекречивания телефонных линий, вскрыть которую не удавалось вплоть до 1946 года. Она широко использовалась в период войны для закрытой связи от Ставки ВГК

с фронтами и армиями, а в мае 1945 г. успешно применялась для связи нашей делегации с Москвой во время принятия капитуляции Германии. За создание и внедрение этой аппаратуры В.А. Котельников и группа разработчиков в 1943 и 1946 гг. удостоились Сталинской премии 1 степени [6; 10–12].

Редкостные организаторские способности в период Великой Отечественной войны проявил академик А.Ф. Иоффе: в июле 1941 г. его назначили председателем Комиссии по военной технике, а в 1942 г. — председателем военной и военно-инженерной комиссий при Ленинградском горкоме партии. С 1942 по 1945 г. А.Ф. Иоффе — вице-президент АН СССР. Во время войны он осуществлял научное руководство разработкой специально для партизанских отрядов термоэлектрогенератора, служившего источником питания для радиоприемников и передатчиков [13].

Выдающийся советский ученый и конструктор А.А. Расплетин являлся одним из основных создателей радиотехнических систем управления [14]. Он на предприятиях блокадного Ленинграда обеспечил разработку и выпуск малогабаритных радиостанций «Север», организовал разработку системы телевизионной передачи воздушной обстановки в штабе 2 корпуса ПВО Ленинградского фронта, выполнил работы по созданию комплексной установки по наведению истребителей на цель (она успешно применялась при воздушной блокаде окружённой немецкой группировки под Бреслау), самолетной радиолокационной станции для бомбардировщиков (эта станция спасла жизни многих летчиков, предупреждая экипаж бомбардировщика о приближении самолетов противника.

Одним из основоположников радиолокации в СССР являлся Ю.Б. Кобзарев, лауреат Сталинской премии второй степени (1941) за создание первого в СССР импульсного радиолокатора. В годы войны он разработал теорию построения радиолокационных станций (РЛС), способных обнаруживать объекты на большой дальности за линией горизонта [15].

НИИ связи Красной Армии

15 апреля 1923 г. был образован один из первых военных институтов страны — Научно-испытательный институт связи Красной армии (с 2002 г. — 16 Центральный научно-исследовательский испытательный институт связи им. маршала войск связи А.И. Белова) [12; 17]. Научные и производственные коллективы института внесли достойный вклад в Великую Победу.

В октябре 1941 г. большая часть института эвакуировалась в Бухару, где продолжала активно трудиться (исследования, испытания, ремонт техники связи [12]). На основе накопленного в довоенные годы задела институт выполнял исследования (прежде всего, в области электромагнитных колебаний, распространения радиоволн в КВ и УКВ диапазонах, проектирования приемных и передающих радиоустройств, антенно-фидерных устройств, средств телефонной и телеграфной техники), результаты которых были нацелены на более эффективное боевое применение средств связи в войсках.

Академик
АН СССР
В.А. Котельников

Академик
АН СССР
А.Ф. Иоффе

Академик
АН СССР
А.А. Расплетин

Академик
АН СССР
Ю.Б. Кобзарев

Инженер-
полковник
Г.Т. Шитиков

В 1943 г. за разработку переносной полудуплексной УКВ ЧМ радиостанции А-7 ведущий сотрудник института Г.Т. Шитиков удостоился звания лауреата Сталинской премии. Опытные образцы этой радиостанции А-7 группа Г.Т. Шитикова изготовила на заводе в течение трех месяцев, что позволило оперативно организовать ее серийное производство. Радиостанция А-7 и ее модификации А-7А, А-7Б широко использовались для связи в стрелковых полках и батальонах, в артиллерийских дивизионах и батареях. Лауреатами Сталинской премии также стали сотрудники института А.А. Дудкин — за создание специальной телеграфной аппаратуры Г.Г. Морозов и Н.С. Криволуцкая — за создание холодостойких источников питания [12; 16; 17].

Сотрудниками института в годы войны были разработаны новые телефонные аппараты ТАИ-43, модернизированный аппарат Бодо 2БДА-43, дуплексные телеграфные трансляции ДТА-45, усовершенствованные полевые аппараты Морзе (М-44), линейные коммутаторы ЛБК-19, легкий полевой кабель с полихлорвиниловой изоляцией [12; 16; 25; 26].

Институт разработал для подразделений радиоразведки рамочные пеленгаторы для сбора десанта (на расстоянии до 20 км) и поиска сбрасываемых грузов (до 6 км). Они нашли широкое применение в артиллерии, в воздушно-десантных войсках, а также в партизанских отрядах [12].

18 апреля 1943 г. институт по представлению маршала Пересыпкина «за выдающиеся заслуги в деле оснащения Красной армии современными средствами связи и в связи с 20-летней годовщиной» институт был награжден орденом Красной Звезды, а 39 его сотрудников — орденами и медалями [12].

К концу 1943 г. институт почти полностью был возвращен в Мытищи. По решению начальника ГУСКА с фронта стали отзывать научных сотрудников и опытных инженеров института для выполнения напряженного плана научно-исследовательской работы. Для обеспечения подготовки дипломированных научных кадров в 1944 г. при институте образовали адъюнктуру [12].

В начале 1945 года по указанию И.Т. Пересыпкина институт разработал проект новой системы радиовооружения Красной армии, в котором были учтены результаты анализа опыта боевого применения отечественной и трофейной техники связи.

Военная электротехническая академия связи им. С.М. Буденного

Значительный вклад в развитие научных исследований в области связи в период Великой Отечественной войны внес коллектив ученых Военной электротехнической академии связи (в настоящее время — Военная орденов Жукова и Ленина Краснознаменная академия связи им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного [16].

Основные заслуги академии в годы войны связаны, конечно же, с подготовкой высококвалифицированных кадров военных связистов на всех уровнях применительно к конкретным потребностям действующей армии: от младшего командного и инженерного состава до начальников связи армий, фронтов.

Вместе с тем, с первых же дней войны наряду со своей основной задачей академия активизировала и научно-исследовательскую работу в области средств связи и электротехники. Так, приказом по ВЭТАС была создана группа технической помощи фронту (Н.С. Бесчастнов — руководитель группы, Н.М. Изюмов — руководитель радиотехнической бригады, В.А. Крейчман — руководитель бригады проводных средств связи, Н.А. Лившиц — руководитель бригады спецтехники, Н.Н. Луценко — руководитель энергетической бригады), работа направлялась на совершенствование существующих и разработку новых средств военной связи с учетом боевого опыта [18].

В годы войны академия выполнила более 200 научно-исследовательских работ в интересах фронта. Наиболее существенными явились результаты исследований в области радиосвязи (многоканальные радиостанции, устройства для помехоустойчивости телеграфного приема, новые типы радиопередатчиков и радиоприемников и др.).

Академия поддерживала связь с действующей армией. Так, в 1943 г. выполнен комплекс НИР по исследованию конкретных проблем, сформулированных начальником Управления

связи Западного фронта генерал-лейтенантом Н.Д. Псурцевым [18].

В период 1943–1944 гг. академия провела три научно-технические конференции с участием научных работники военных и гражданских учебных заведений, инженеров предприятий связи. а также связистов из войск.

7 ноября 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР в ознаменование 25-й годовщины создания за выдающиеся успехи в подготовке кадров для войск связи и боевые заслуги академия была награждена орденом Красного Знамени. Награду вручал маршал войск связи И.Т. Пересыпкин [18].

Научно-исследовательский морской институт связи (НИМИС)

Большое внимание перед началом войны руководство страны уделяло обеспечению надежной связи с флотами и морскими объектами (надводными кораблями и подводными лодками). В конце 1920-х годов постановлением Научно-технического комитета Морских Сил (НТК МС) была задана разработка первой в стране комплексной системы радиовооружения флота («Блокада-1»), общий замысел которой представил председатель секции связи НТК МС в мае 1927 года профессор И.Г. Фрейман [19, 20].

И.Г. Фрейман

Начальником института был назначен выпускник Военно-Морской академии опытный морской офицер ученик И.Г. Фреймана А.И. Берг. Коллектив этого института осуществлял руководство работами по созданию системы «Блокада-1». Отметим, что НИМИС явился стартовой позицией в карьере выдающегося советского военачальника и ученого Акселя Ивановича Берга, академика АН СССР, заместителя Министра обороны СССР по вооружению, адмирала, известного учёного в области радиотехники и кибернетики, Героя Социалистического труда [21].

Академик
АН СССР
А.И. Берг

В 1932 году на базе секции связи Морского научно-технического комитета и Научно-испытательного полигона связи по инициативе И.Г. Фреймана был создан Научно-исследовательский морской институт связи (НИМИС).

В июле 1938 г. институт возглавил Я.Г. Вараксин. К началу войны флоты имели на вооружении радиоаппаратуру систем «Блокада-1» и «Блокада-2», обеспечивавших эффективное управление силами флота на всех морских театрах страны. Благодаря этому ВМФ перед войной оказался оснащен средствами радиосвязи существенно лучше, чем ВВС и Сухопутные войска.

Отметим, что в 1941 году за разработку гидроакустической станции наблюдения «Тамир-1» группа сотрудников НИМИС и промышленности была удостоена Сталинской премии. Много внимания уделялось решению проблемы связи с погруженными подводными лодками, включая построение антенно-фидерных устройств [22, 23]. Эти вопросы с марта 1943 г. находилось на личном контроле Наркома ВМФ адмирала флота Н.Г. Кузнецова.

В 1943 году разработана выдвижная КВ антенна для подводной лодки, позволившая осуществлять двухстороннюю радиосвязь на расстоянии до 200 км при нахождении подводной лодки в перископном положении. В июне 1943 г. на подводной лодке С-59 успешно прошли испытания перископно-штыревой выдвижной антенны, получившей название ВАН. Эта антенна позволяла осуществлять связь без всплытия лодки, в позиционном положении. К концу 1944 года антеннами было оснащено 16 подлодок. Благодаря антеннам ВАН подводные лодки, находясь на перископной глубине, обеспечивающей их скрытность, принимали информацию с берега на удалениях 800…1600 км, с надводных кораблей — до 800 км, с самолетов — до 240…360 км.

Вся радиоаппаратура, разработанная по программам «Блокада», вошла в историю как «техника Великой Отечественной войны» [24]. Боевые действия советских кораблей в ходе войны подтвердили высокие технические показатели военно-морской аппаратуры связи.

В феврале 1944 г. начальник НИМИС Я.Г. Вараксин на сборах связистов ВМФ представил новую перспективную систему радиовооружения флота («Победа»), разработанную с учетом

опыта войны и последних достижений отечественной и зарубежной радиотехники. Система позволяла значительно повысить надежность и устойчивость управления разнородными силами флота, а также облегчала задачи серийных поставок за счет сокращения типов станций, унификации и стандартизации комплектующих. Система «Победа» была сдана в эксплуатацию после окончания войны.

Приведенные выше исторические факты убедительно свидетельствуют о значительном вкладе НИМИС в Великую Победу.

Центральный научно-исследовательский институт связи Наркомата связи СССР

11 ноября 1918 г. постановлением Коллегии при Народном комиссаре почт и телеграфов были учреждены две Научно-испытательные телефонно-телеграфные станции — в Москве и в Петрограде. Эти две станции в последующем после многочисленных преобразований стали основой Научно-исследовательского института связи, созданного 1 января 1932 г. был (с 5 марта 1940 г. — Центральный) [27].

Войну ЦНИИС встретил, будучи ведущим высококвалифицированным научным коллективом в области связи. Научно-практические заделы, полученные в довоенный период, позволили институту в военное время успешно решать многие важные задачи по обеспечению связи на территории страны, а также в интересах Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК).

Для увеличения пропускной способности каналов радиосвязи на радиолиниях, связывающих Москву с Куйбышевом, Ростовом-на-Дону, Баку и Хабаровском силами ЦНИИС была внедрена система тонального телеграфирования на мощных девятикратных аппаратах Бодо.

Сотрудники ЦНИИС приняли активное участие в проектировании и создании обходной линии связи в осажденный Ленинград через Вологду, а в последующем обходных линий связи вдоль Волги и в обход Каспийского моря с Кавказом [27].

ЦНИИС в самом начале войны принял участие в организации высоконадежных многоканальных каналов связи в интересах связи между Ставки ВГК со штабами фронтов, а также с эвакуированными предприятиями. При этом качество каналов позволяло применять аппаратуру засекречивания. Применялась как 12-канальная аппаратура, разработанная ЦНИИС, так и полученная по ленд-лизу из США.

М.У. Поляк

Работу по выбору аппаратуры в США и организации ее отправки в СССР через северные морские порты и через Иран выполнял сотрудник института М.У. Поляк. Установка, отладка и эксплуатация оборудования осуществлялась ротой связи, которой командовал Г.Б. Давыдов, работавший до войны в ЦНИИС, впоследствии — известный ученый в области систем передачи информации и сетей электросвязи.

В 1942 г. ЦНИИС при активном участии ГУСКА успешно решил задачу по организации связи Ставки ВГК с Закавказским фронтом. Связь спроектировали и «протянули» от Куйбышева по левому берегу Волги до Астрахани, на Гурьев, далее –по территории Ирана и, обогнув Каспийское море, вышли на Баку [27].

В период 1943–1945 гг. сотрудники института приняли активное участие в анализе трофейных образцов техники связи и их комплектующих. По результатам анализа вырабатывались рекомендации по внедрению этой аппаратуры и последующей ее эксплуатации. Кроме того, они выполняли сложнейшие работы по настройке аппаратуры связи, получаемой из Англии и США [27].

Мы памяти верны!

В год 80-летия Великой Победы проведен комплекс мероприятий, а также подготовлен ряд публикаций и докладов, в которых убедительно показана роль ученых, конструкторов в создание и развитие средств военной связи в предвоенный и в период Великой Отечественной войны [28–33].

Отметим наиболее значимые мероприятия и публикации, которые способствуют сохранению и поддержанию исторической памяти о нашем славном прошлом, связанном с Великой Победой в 1941–1945 гг.

Выпускниками Киевского высшего военного инженерного дважды Краснознаменного училища связи им. М.И. Калинина (КВВИДКУС) подготовлена монография, посвященная жизни и деятельности генерал-лейтенанта М.К. Пилипенко, который 19-летним сержантом-радистом в 1943 году совершил подвиг при формировании Днепра и был удостоен высокого звания Героя Советского Союза [28]. Михаил Корнеевич 15 лет руководил училищем, воспитал тысячи военных инженеров-связистов [29].

В АО «Военителеком» в марте 2025 года проведена тематическая конференция выпускников КВВИДКУС разных лет. За годы войны училище подготовило для фронта более 7000 офицеров-связистов. За участие в боевых действиях, проявленные храбрость и героизм на фронтах тысячи выпускников училища награждены орденами и медалями, 4 выпускника удостоены звания Герой Советского Союза, двое — Герой Социалистического Труда. Об этом событии снят фильм «О вкладе выпускников КВВИДКУС им. М.И. Калинина в Великую Победу в Отечественной войне 1941–1945 гг.» [30].

Вкладу ученых-связистов в победу советского народа в Великой Отечественной войне посвящены пленарные доклады на XXXI Международной научно-технической конференции «Радиолокация, навигация, связь» (RLNC*2025) (Воронеж), на Международной научно-технической конференции «Технологии информационного общества» (МТУСИ), на Конференции к 100-летию образования Военно-научного общества при Центральном Доме Российской Армии им. М.В. Фрунзе.

В докладе на торжественном собрании к 80-летию Победы в 16 ЦНИИИ МО (г. Мытищи) 6 мая 2025 представлен вклад в Победу сотрудников Института. Среди них — ветераны института — участники Великой Отечественной: Н.Т. Нечаев, Б.Я. Дудник, Ю.А. Альтер, Б.А. Супрун, А.В. Переверзев и др.

О вкладе ученых Академии наук СССР в Великую Победу рассказано в докладах на ученых Советах ФИЦ ИУ РАН и ЦЭМИ РАН, посвященных 80-летию Победы.

Ряд докладов и публикаций подготовлен в изданиях, посвященных 100-летию образования Военно-научного общества при Центральном Доме Российской Армии им. М.В. Фрунзе [31–33].

Вкладу ученых и сотрудников Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН (Вычислительного центра РАН им. А.А. Дородницына, Института проблем информатики РАН и Института системного анализа РАН) в Великую Победу посвящен доклад на научно-практической конференции «Академическая наука в годы Великой Отечественной войны» [35].

Заключение

Более 80 лет минуло после окончания Великой Отечественной войны. К сожалению, уроки истории часто забываются. Несмотря на огромный скачок в технологическом развитии связи, в том числе и военной, опыт тех лет во многом остается весьма полезным и поучительным. Прежде всего это опыт организации и координации органами государственного управления, прежде всего Наркомата связи, эффективной совместной работы ученых, научных организаций и предприятий промышленности в годы Великой Отечественной войны.

Руководство страны сумело оперативно перестроить промышленность в интересах возрастающих потребностей фронтов в технике связи и принять ряд важнейших организационных решений в сфере военной связи. Среди них: создание в ноябре 1918 г. Научно-испытательных станций в Москве и в Петрограде (они стали основой НИИ связи Минсвязи СССР, Московских инженерных курсов (март 1919), которые стали основой Киевского военного училища связи им. М.И. Калинина, Управления связи РККА (октябрь 1919 г.), Военной академии связи (ноябрь 1919 г.), Научно-исследовательского института РККА (апрель 2023), Научно-исследовательского морского института связи (1932) и ряд других.

Представленный в статье анализ может быть полезен и сегодня, когда наша страна в сложнейших военно-политических и экономических условиях противостояния с коллективным Западом проводит Специальную военную операцию на Украине.

Список литературы

1. *Хохлов В.С., Айрапетян Б.В.* и др. Главное управление связи Вооруженных Сил Российской Федерации: история создания и развития (1919–2019 гг.). — М.: Авиация и спорт, 2019.
2. *Хохлов В.С.* Наука — фронту // Связующее звено Победы. — М.: МГИУ, 2015.
3. *Жарский А.П.* Связь в высших звеньях управления Красной Армии в Великой Отечественной войне1941–1945 / НИИ военной истории ВАГШ ВС РФ, РАРАН. — СПб.: Европейский дом, 2011. — 312 с.
4. *Левшин Б.В.* Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): монография / Академия наук [АН] СССР. Архив. — М.: Наука, 1966. — 188 с.
5. *Зацаринный А.А., Хохлов В.С.* О вкладе ученых в создание средств связи в годы Великой Отечественной войны // Память ушедшего века / под общ. ред. генерала армии В.Н. Лобова. — Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых, 2025. — С. 152–169.
6. *Зацаринный А.А.* О вкладе ученых-связистов в Победу советского народа в Великой Отечественной войне // Сборник трудов XXXI Международной научно-технической конференции «Радиолокация, навигация, связь» (RLNC*2025), посвященной 130-летию изобретения радио (в печати).
7. *Хохлов В.С.* От шахтера до маршала. — М.: ООО РИА «ВивидАрт», 2010. — 1072 с.
8. Наука в годы Великой Отечественной войны (ч. 1). 9 мая 2021. — https://dzen.ru/a/YJgkkaX4cCax4Vgn.
9. К 300-летию РАН: Академия наук — фронту в Великую Отечественную. — https://indicator.ru/humanitarian-science/k-300-letiyu-ran-akademiya-nauk-frontu-v-velikuyu-otechestvennuyu.htm?ysclid=lvnhkpb6uw579804210.
10. *Котельников В.А.* Судьба, охватившая век: в 2 т. Т. 1. Воспоминания коллег. — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2011. — 312 с.
11. Правительственная электросвязь в истории России. Ч. 1. — М.: Наука, 2001.
12. 16 Центральный научно-исследовательский испытательный ордена Красной Звезды институт им. маршала войск связи А.И. Белова Министерства обороны Российской Федерации: 100 лет исследований, труда и побед (1923–2023). — СПб.: ПМБ, 2023.
13. Иоффе Абрам Фёдорович // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А.М. Прохоров. — 3-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.
14. *Ашурбейли И.Р., Сухарев Е.М.* Александр Андреевич Расплетин и его ближайшее окружение. — М.: Изд. Дом «Кодекс», 2013 г. — 448 с.
15. Кобзарев Юрий Борисович // Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 4. — М.: Воениздат, 1999.
16. Институт военной связи. Годы Великой Отечественной войны. — Мытищи. 2005.
17. *Зацаринный А.А.* Военный институт связи на службе Родине. К 100-летию создания. — М.: Торус Пресс, 2023.
18. Военная ордена Ленина Краснознаменная академия связи. Исторический очерк. — СПб.: Военный университет связи, 1999.
19. *Фрейман И.Г.* Избранные труды / Л.И. Золотинкина; сост., под ред. проф. В.Н. Ушакова. — СПб.: Пропаганда, 2015. — 340с.
20. 100 лет Службе связи Военно-Морского Флота. — М.: ИРИАС, 2009.
21. *Ерофеев Ю.Н.* Аксель Берг. — М.: Молодая гвардия, 2012. — 222, с. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып.1401).
22. *Зацаринный А.А., Кононов Ю.М., Щорс Ю.Г.* Фундаментальные научные проблемы исследования морей и океанов. // История отечественной морской радиоэлектронной техники. — М.: ООО «Издат. дом Столичная Энциклопедия». 2018. — С. 255–260.
23. Стратегическая стабильность России на море: к 40-летию Научного Совета РАН. — М.: ТОРУС ПРЕСС, 2020. — 296 с.
24. *Кукк К.И.* Техника связи Великой Отечественной войны. — М.: Горячая линия — Телеком, 2020.

25. *Зацаринный А.А., Кукк К.И.* Отечественная техника связи для Сухопутных войск // История отечественной радиоэлектронной техники для Сухопутных войск. — М.: Столичная энциклопедия, 2018. — С. 213–221.
26. *Зацаринный А.А., Кукк К.И.* Отечественная промышленность для войск связи. К 100-летию образования войск связи // Электросвязь. — 2019. — № 10.
27. 90 лет в мире связи. — М.: ФГУП ЦНИИС, 2008.
28. *Зацаринный А.А., Беляев В.В., Духан В.И.* Герой Советского Союза генерал-лейтенант Михаил Корнеевич Пилипенко / под общ. ред. д.т.н., проф. А.А. Зацаринного. — М.: ТОРУС ПРЕСС, 2025. — 224 с.
29. *Зацаринный А.А.* Воспоминания о Михаиле Корнеевиче Пилипенко. К 100-летию со дня рождения // Вопросы радиоэлектроники. Серия Техника телевидения. — 2024. — Вып. 4. — С. 107–109.
30. Фильм «О вкладе выпускников КВВИДКУС им. М.И. Калинина в Великую Победу в Отечественной войне 1941–1945 гг.» 09.06.2025GW. — https://kwwidkus.wordpress.com/2025/06/09/фильм-о-вкладе-выпускников-кввидкус/.
31. *Зацаринный А.А., Хохлов В.С.* С катушкой на поясе и рацией на спине. О вкладе военных связистов в Великую Победу // Память ушедшего века / под общ. ред. генерала армии В.Н. Лобова. — Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых, 2025. — С. 140–151.
32. *Зацаринный А.А., Хохлов В.С.* Войска связи в годы Великой Отечественной войны // Путь к Великой Победе / под общ. ред. генерала армии В.Н. Лобова. — М.: Галлея-Принт, 2025. — С. 134–145.
33. *Зацаринный А.А., Хохлов В.С.* Секция связи: связь времен — связь поколений // Военно-научному обществу 100 лет / под общ. ред. генерала армии В.Н. Лобова. — Нальчик: Изд. М.и В. Котляровых, 2025. — С. 32–46.
34. *Зацаринный А.А., Хохлов В.С.* Наука для войск связи в годы Великой Отечественной войны // Известия РАРАН. — 2025. — № 1.
35. *Костюк Ф.В.* Вклад ученых ФИЦ ИУ РАН в великую Победу // Труды научно-практической конференции «Академическая наука в годы Великой Отечественной войны» (г. Москва, 25–26 ноября 2025 г.) / под общ. ред. О.О. Махно. — М.: БЕН РАН, 2025 (в печати).

Леонтьев Я.Ю.
магистр,
директор Координационного центра Калужского государственного университета
Лутовинов В.И.
д.филос.н.,
профессор РАНХиГС при Президенте РФ

ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВЫ ПАТРИОТИЗМА И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ КАК СТЕРЖНЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: духовность, Бог, любовь, Отечество, Россия, государство, народ, история, религия, церковь, служение, воспитание, долг, борьба, защита, воинство, добродетели, традиции, победа.
Key words: spirituality, God, love, Motherland, Russia, state, people, history, religion, church, service activities, upbringing, debt, fighting, protection, army, The virtues, traditions, victory.

Понятие «патриотизм» родилось в Древней Греции, и изначально не имело общегреческого характера. «Филополис» — любовь к своему городу-полису лишь со временем выросла до собственно «патриотизма» — «филопатрии», любви к Отечеству. В процессе распада полисных ценностей и становления Эллады как государства, патриотизм обретает новый, общегреческий статус, одновременно приобретая нравственный, этический аспект.

«Духовным» базисом греческого патриотизма было языческое многобожие, определявшее его устремленность к материальному миру, к земному благополучию. Но в то же время древнегреческие философы стали предтечей нового исторического периода человечества. Их труды, уже наполненные духовным содержанием, идеальным восприятием многих явлений, способствовали прогрессивному развитию религиозного сознания.

Другим типом патриотизма, возникшим в тот же период человеческой истории, был патриотизм иудеев. Истинный патриот в иудаизме духовен, соединен с праотцами и их духовным наследием. Это наследие воплотилось не только в вере предков, но и в соединенном с этой верой слове «отец». Отсюда и «Отечество» — единство народа Божия, сплоченного единой религией, племенной и языковой общностью, территориальной принадлежностью — землей Израильской и ее столицей — Иерусалимом, ставшим главным духовным и политическим центром богоизбранного народа. Но языческое тяготение к благам материального мира все же возобладало над духовностью в основной массе иудеев, отвергших и распявших обетованного Мессию, утверждавшего приоритет «Царства не от мира сего».

Истинное духовное наполнение понятие «патриотизм» обретает в христианстве. Русский религиозный философ Ильин И.А. (†1954) в своей работе «Путь духовного обновления» так характеризовал христианский патриотизм:

«Нечто, взятое само по себе, в отрыве от духа, — ни территория, ни климат, ни географическая обстановка, ни пространственное рядомжительство людей, ни расовое происхождение, ни привычный быт, ни хозяйственный уклад, ни язык, ни формальное подданство — ничто не составляет Родину, не заменяет ее и не любится патриотической любовью <...> ибо родина есть нечто от духа и для духа»[1]...

«Патриотизм живет лишь в той душе, для которой есть на земле нечто священное, и прежде всего святыни своего народа. Именно национальная духовная жизнь есть то, за что и ради чего можно и должно любить свой народ, бороться и погибнуть за него. В ней сущность Родины, та сущность, которую стоит любить больше себя»[2].

Кратко и ёмко определил сущность любви к Отечеству в «Слове II» 25 февраля 1907 г. св. праведный Иоанн Кронштадтский (†1908):

«Помните, что Отечество земное с его Церковью есть преддверие Отечества небесного, потому любите его горячо и будьте готовы душу свою за него положить, чтобы наследовать жизнь вечную там»[3].

У православных, таким образом, два Отечества: Небесное, духовными гражданами которого они являются, и земное, в котором физически они живут. Главная цель — Отечество Небесное, но это ни в коей мере не означает пренебрежения обязанностями жизни земной. Более того, наша жизнь в этом мире является определяющей для нашей последующей вечной жизни и должна строиться по нравственным нормам, соответствующим Учению Христа. Подробно эта тема рассматривается в работе свт. Феофана Затворника (†1894) «Начертание христианского нравоучения»[4]. Святитель отводит этой теме целый раздел «Заповеди и правила жизни, обязательные для христианина по тем положениям и отношениям, в каких приходится ему бывать в настоящей жизни». Он рассматривает исполнение обязанностей повседневной жизни как часть аскетической практики христианина:

«Сюда относятся обязанности христианина, рассматриваемого в семействе, в Церкви, в обществе. Можно видеть, что они состоят в соответствии с обязанностями, доселе исчисленными, и составляют как бы поприща для упражнения и осуществления их»[5].

Свт. Феофан прямо говорит, что христианин не только не может и не должен пренебрегать участием в общественной жизни, но и обязан исполнять свое общественное служение в соответствии с христианским учением, тем самым освящая свое служение: «Христианин, делаясь

---

[1] *Ильин И.А.* Путь духовного обновления. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — С. 165.

[2] Там же. — С. 10.

[3] *Св. прав. Иоанн Кронштадтский.* Новые грозные слова о Страшном поистине Суде Божием грядущем и приближающемся. // Азбука веры. — https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Kronshtadtskij/novye-groznye-slova-o-strashnom-poistine-sude-bozhiem-grjadushem-i-priblizhayushemsja/

[4] *Свт. Феофан Затворник.* Начертание христианского нравоучения. — М.: Правило веры, 2010.

[5] Там же — С. 644.

членом Церкви, не престает быть и членом общества и не должен. Он должен только, приняв-ши христианство, освятить им свое служение обществу»[6].

Само государственное устройство свт. Феофан уподобляет устроению Церкви Христовой: члены Церкви — Тело Христово, а Христос — Глава: «Общество — тело под главою — Государем. Каждый член его должен иметь отношение и к лицу Государя — главы, и к целому обществу — телу»[7].

Свт. Феофан также уподобляет государство семье, отцом в которой является Государь, который обязан «любить народ, как свое тело, или как отец свое семейство»[8]. Исходя из этого, Святитель считает, что обязанности перед государством возникают у человека с момента рождения и длятся пожизненно, как в семье.

Каковы же обязанности христианина по отношению к государству, по мнению свт. Феофана? Святитель указывает:

«...любить, дорожить им и быть ему преданным, <...>; не только не замышлять и не делать ничего ему во вред или унижение, но, напротив, всем, чем кто может, содействовать его благоденствию, <...>; злое же всячески предотвращать и все узнанное открывать, всем возвещая подозреваемую и прозреваемую опасность; знать и хранить законы его, охотно им повинуясь и усердно неся все повинности, <...>; блюсти характер своего народа, чтить его, возвышаться до него, защищать его и все добрые отечественные обычаи беспрекословно хранить, а недобрые, тем более нехристианские, стараться искоренять...»[9].

Обогащенный христианской духовной составляющей патриотизм перестал нести в себе утилитарную функцию защиты родоплеменных и общественно-гражданских привилегий, обретя статус жертвенного служения Богу, ближним и обществу в целом, стал частью нравственного учения Православной Церкви.

Патриотизм в христианском понимании — это именно деятельная любовь к Отечеству. Вот как описывает обязанности христианина, вытекающие из христианского патриотизма, профессор Олесницкий М.А. в своем труде «Нравственное богословие»:

«... обязанности подданных по отношению к правительству (и к Высочайшей Власти) есть общие обязанности — соблюдать гражданские добродетели, вытекающие из любви к отечеству, или патриотизма. Любовь к отечеству есть любовь к стране, в которой мы родились и живем, к своему народу, его религии, его обычаям, и, наконец, к государству и его главе. Любовь к отечеству выражается в добросовестном исполнении обязанностей своего звания, в содействии общему благосостоянию страны, помощи нуждающимся, а также в почитании высшей Власти (Бога бойтесь, царя чтите — 1 Пет. 2:17) и в повиновении ее указаниям (будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли или верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым; или: всяка душа властям предержащим да повинуется (1 Пет. 2:13), в готовности защищать отечество даже ценой жизни, и платить следуемые налоги в пользу государства...наконец — в молитве за царя, и за всех начальствующих (1 Тим. 2:1–2)»[10].

Обобщая сказанное, можно выделить особенности нравственного учения христианства, способствующие пониманию проявления истинного патриотизма: самопожертвование и самоограничение, борьба со страстями, которыми определяется земное бытие людей и в конечном итоге общества, исполнение Евангельских заповедей через жертвенное служение Богу, ближнему и обществу, созидание земного бытия в соответствии с волей Божьей.

Формирование и развитие патриотизма в нашем Отечестве имеет многовековую историю, основанную на духовных началах, складывавшихся под влиянием Византии. Начало формирования российской государственности в IX-X вв. совпало с процессом духовного становления Руси, инициированного частичным крещением в 860–861 гг. при князьях Аскольде (†882) и Дире (†882) и набравшего силу в годы правления св. равноапостольного князя Владимира (†1015). Владимир ясно понимал, что без прочного духовно-нравственного фундамента

---

[6] *Свт. Феофан Затворник.* Начертание христианского нравоучения. — М.: Правило веры, 2010. — С. 680.

[7] Там же. — С. 681.

[8] Там же.

[9] Там же. — С. 682–683.

[10] *Олесницкий М.А.* Нравственное богословие. // Азбука веры. — https://azbyka.ru/otechnik/Germogen_Shimanskij/konspekt-po-nravstvennomu-bogosloviyu/12_2.

невозможно создание действительно могущественного государства, пример которого являли собой Римская и, впоследствии, Византийская империи. Языческие культы такую основу дать не могли в силу своего внутреннего противоречия единству. Только монотеистическое христианство с его наднациональными идеалами и Богоданным нравственным законом могло стать основой, позволяющей гармонично сочетать унитарность государства и уникальность личности[11], предполагало необходимые просветительские усилия для формирования единой нации.

Необходимость патриотического мировоззрения в начальный период исторической Руси, начиная с IX века, диктовалась двумя угрозами государственности: внутренней (феодальная раздробленность) и внешней (вторжения соседствующих государств и племен). Однако было бы неправильным считать, что лишь неотвратимость угроз была мотивирующим фактором патриотизма. Помимо инстинктивного чувства самосохранения, охраны собственной территории, существовала убежденность в том, что патриотизм есть важная нравственная характеристика власть предержащего. Князь был воплощением любви к Родине, готовым служить ей до самопожертвования, олицетворял собой все могущество и доблесть державы. Таковы образы князей, дошедшие до нас в литературных источниках XI–XIII веков[12]. В них князья наделяются чертами, свойственными не только патриотизму естественному, феодальному, но и патриотизму народному[13], то есть могущему быть предметом воспитания. Патриотизм из личностного качества постепенно становился общенациональной идеей.

Основой воспитательной практики исторической Руси после принятия Православия было Священное Писание и святоотеческая литература. В одном из первых дошедших до нас письменных памятников, «Поучении Владимира Мономаха», великий князь Владимир Мономах (†1125), основываясь на псалмах Псалтири, Исайе, Второзаконии, Притчах, 1 Послании к Коринфянам и «Беседах» Василия Великого, дает наставление своим сыновьям как жить в соответствии с Библейскими принципами, в том числе и касательно ратного дела и обязанностей князя[14]. Заключает свое поучение великий князь напоминанием, что основой нравственной жизни является страх Божий[15]. Та легкость, с которой великий князь цитирует Священное Писание и Предание, выстраивая разрозненные мысли в единой логической последовательности дает основания полагать, что к моменту написания «Поучения» духовно-нравственное учение Православия органично вошло в повседневный уклад жизни Руси.

Глубоким знанием и пониманием применительно к повседневной жизни христианского учения отличалось большинство прославленных русских князей. Св. благоверный князь Александр Невский (†1263) начал свой поход против ливонских рыцарей с молитвы в храме Святой Софии, затем благословился у архиепископа и обратился к дружине со словами: «Не в силах Бог, но в правде! Вспомним слова псалмопевца Давида: сии на колесницах, и сии на конех: мы же во имя Господа Бога нашего призовем. Тии спяти быша и падоша» (Пс. 19:8,9)[16]. Битву на Чудском озере, известную как «Ледовое побоище» князь предварил обращением к Богу: «Суди, Боже, и рассуди спор с этим высокомерным народом! Помоги мне, Господи, как некогда Моисею против Амалика и прадеду моему великому князю Ярославу против Святополка окаянного!»[17] По свидетельству очевидцев, во время битвы было воздушное явление воинства Божия, водимого св. Софией и св. мучениками Борисом и Глебом.

---

[11] *Прот. Димитрий Полохов.* Взгляд Православной Церкви на патриотизм и патриотическое воспитание // Труды Саратовской Православной Духовной семинарии: Сборник. Вып. 2. — Саратов: Изд-во Саратовской епархии, 2008. — С. 192.

[12] *Лихачёв Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. — http://likhachev.lfond.spb.ru/Articles/ch3.htm.

[13] Там же.

[14] «На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте и ночью, разставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает»; *Карпов А.Ю.*. Великий князь Владимир Мономах. — М.: Молодая гвардия, 2014. — С. 234–235.

[15] Там же. — С. 235.

[16] *Прот. Михаил Хитров.* Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский // Азбука веры. — https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Hitrov/svjatoj-blagovernyj-velikij-knjaz-aleksandr-jaroslavich-nevskij/24.

[17] Там же.

Приведённые примеры свидетельствуют, что инициатива привлечения Церкви к процессу патриотического воспитания исходила от князей, наиболее дальновидные из которых стремились к объединению разрозненных княжеств в единое государство, способное противостоять внешним угрозам, которым, как показало монголо-татарское нашествие, порознь противостоять было невозможно. Образцом для построения такого государства естественным образом стала Церковь Христова. Неоспоримую роль в возрождении российской государственности в период ослабления монголо-татарского ига в XIV веке сыграли великие святые — свт. Алексий, митрополит Московский и всея России (†1378), свт. Стефан Пермский (†1396) и прп. Сергий Радонежский (†1392), прозванный игуменом всея Руси и собирателем земель Русских[18]. Их деятельность не была скоординирована в соответствии с каким-либо единым планом, но направлялась самим Провидением.

Преподобному Сергию выпала самая тяжелая задача — духовное возрождение российского народа, вывод его из состояния обреченности, уныния и рабской приниженности векового ига. Практически все население Руси никакого другого состояния не помнило, целые поколения выросли в материальном и нравственном разорении. Тем не менее, духовное оскудение стимулировало стремление народа к духовному возрождению, подобно тому, как ветхозаветные иудеи, оказавшись в Вавилонском плену, вновь обратились к вере как к единственному источнику возможного возрождения и выхода из плена. Невелик был круг учеников преподобного Сергия, но глубока и искренна была их вера, и подобно закваске, попавшей в благоприятную среду, их духовный подвиг коренным образом воздействовал на весь народ русский. Под руководством князей и с благословением преподобного Сергия он наконец восстал на захватчиков и одержал победу. И победа эта была не просто освободительной войной, но великим сакральным событием, победой войска Христова над безбожными варварами, наглядным свидетельством того, что истинный и неисчерпаемый источник патриотизма — сам Господь и Его Промысл о судьбах боголюбивого народа.

Кроме этого, стало очевидно — государству необходима регулярная, обученная армия с четко выверенной стратегией, а, главное, идеологически мотивированная. Первое регулярное войско было сформировано Иваном III (†1505), поместные дворяне обязывались иметь свой отряд ратников, которому надлежало постоянно являться на службу. Войско было малочисленным и не нуждалось в прикрепленных священниках, их окормлением занималось придворное духовенство[19]. Дальнейшее развитие русского воинства было неразрывно связано с церковным окормлением. По мнению В.М. Коткова, назначение первых полковых священников следует отнести к правлению Алексея Михайловича, поскольку в первом печатном издании, определяющем особенности воинской службы «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», изданном в 1647 году, определялось штатное жалование полковому священнику[20]. Однако, можно предположить, что штатные священники появились ранее, ещё в начале XVII в.

В ходе развития государственно-церковных отношений в эпоху Петра I стал меняться их характер. На смену теократическому строю с его византийской «симфонией» пришло государство «естественного права», цели которого из небесных стали сугубо земными — «общее благо» граждан, позитивная земная культура[21]. Если на начальном этапе Церковь была соработницей и даже наставницей власти, то с течением времени она была интегрирована в структуру государства с функцией сакрализации власти монарха[22], в результате чего нарушалась ее живая связь с народом[23]. Общество постепенно секуляризировалось. Патриотизм, до сего

---

[18] *Ключевский В.О.* Благодатный воспитатель народного духа. — М.: Типографія И. Ефимова на Большой Якнманкѣ, 1892.

[19] *Котков В.М.* Военное духовенство России. Страницы истории // Книга Якова Кротова. — http://krotov.info/history/18/bednov/kotkov_3.htm.

[20] Там же.

[21] *Карташев А.В.* Русская церковь периода империи // Церковь. История. Россия. Статьи и выступления. — М.: Пробел, 1996. — С. 169–170.

[22] *Золотарев О.В.* Стратегия духа армии: армия и Церковь в рус. истории 988–2005 гг.: антология: [в 2-х кн.]. — Челябинск: Социум, 2006. — Кн. 1. — С. 177.

[23] «Россия с Петра перестала быть понятной русскому народу. Он не представлял себе ни ее границ, ни ее задач, ни ее внешних врагов, которые были ясны и конкретны для него в Московском царстве. Выветривание го-

времени вдохновляемый свободным харизматическим порывом, менял свой сакральный характер, приобретая черты национально-государственной идеологии, переставая быть одним из способов служения Богу. Соответственно менялся и нравственно-педагогический идеал, воспитание должно было формировать гражданина-патриота, бескорыстно служащего на благо Отечества. Патриотизм на государственном уровне был объявлен высочайшей гражданской добродетелью, что было зафиксировано в нормативных документах, таких, как «Табель о рангах», регламентировавшем зависимость получения чинов и званий от личных достижений в деле служения Отечеству[24].

Но при всем своем стремлении к реформации и европеизации государственного устройства, Петр I все же был искренне верующим Государем, его деятельность в значительной степени была мотивирована его религиозным мировоззрением[25], которое проявлялось, в том числе и в процессе становления единой системы обучения и воспитания войск. При разработке наставлений, инструкций, уставов, в них в обязательном порядке закладывалась не только идея службы царю, но и вере, государству, Отечеству. В подписанном самим Петром Воинском Уставе 1716 года «Артикул воинский с кратким толкованием»[26] предписано принятие Присяги на Евангелии, заключительная фраза текста Присяги — «...да поможет мне Господь Бог всемогущий». Первая глава Устава носит название «О страхе Божьем» и содержит правила благочестивого христианского поведения, вторая же глава «О службе Божией и о священниках» регламентирует общее полковое богослужение и отношение к полковому священству. Это свидетельствует, что несмотря на определенную секуляризацию и формализацию военной службы определяющим все же являлось воспитание войска на основе духовно-нравственных принципов Православия.

Ярким проявлением преемственности православного духа русской армии в данный период является воинское служение великого русского полководца А.В. Суворова (†1800), уделявшего в деле воспитания солдат основное внимание духовно-нравственному воспитанию. Суворов утверждал, что именно бессмертная душа, имеющая правильное нравственное устроение, а не тренированное тело, способна одерживать победу[27]. С того момента, как он получил в командование отдельную часть, он, наряду с воинским обучением, занялся и духовно-нравственным, религиозным. Суворов начал с составления молитвослова и краткого катехизиса[28]. Кроме этого, он установил регулярные богослужения, Всенощные и Литургии, в которых всегда участвовал сам со штабом и рядовыми чинами, поскольку понимал, что истинное религиозное просвещение невозможно без действия благодати Святаго Духа, происходящего в Таинствах Церкви.

При возможности Суворов в месте постоянной дислокации часть воздвигал храм[29]. Перед битвой служились специальные молебны, произносились проповеди, укрепляющие дух солдат. Особо торжественные службы с благодарственными молитвами проводились после одержания побед, вручаемые награды предварительно освящались в алтаре. По погибшим обязательно служились отпевания и панихиды. Обязательным было общее утреннее и вечернее правило, в чтении которого Суворов всегда принимал участие. При напутствии солдат перед битвой Суворов всегда призывал солдат избегать напрасных жертв среди противника, и осо-

---

сударственного сознания продолжалось беспрерывно в народных массах за два века Империи» (см.: *Федоров Г.П.* Революция идет // Судьба и грехи России. — СПб., 1991. — Т. 1. — С. 129).

[24] «Буде же кто будут просить за явныя службы о наддании, то о службах того справливатца. И буде из таковых явятца подлинно заслуженые, и о том доносить Сенату ж, а Сенату представлять нам же. А которые дослужились до обер офицерства, русский или иноземец, как из дворянства, так и не из дворянства, тем давать гербы смотря по заслугам». Табель о рангах // Сайт Конституции Российской Федерации: — https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2009/.

[25] *Золотарев О.В.* Стратегия духа армии: армия и Церковь в рус. истории 988–2005 гг.: антология: [в 2-х кн.]. — Челябинск: Социум, 2006. — Кн. 1. — С. 200.

[26] Артикул воинский с кратким толкованием // Адъютант. — http://www.adjudant.ru/regulations/1716-02.htm

[27] *Боголюбов Ф.* Взгляды генералиссимуса А.В. Суворова на религию в деле воспитания солдата // Вестник военного духовенства. — СПб., 1894. — № 4. — С. 111.

[28] Там же. — С. 111.

[29] Там же. — С. 112.

бенно мирного населения, напоминал им, что бьются они не только за Отечество, которое именовал Домом Богородицы, но и во славу Божью, поскольку был уверен, что победа даруется Самим Богом[30], а погибшие наследуют Царствие Небесное, о чем говорил прп. Максим Грек, считавший, что «положив душу за други своя» воины достойны прославления в чине святых праведных.

Победы, одержанные Суворовым, без сомнения, можно причислить к таким великим сражениям нашей истории, как «Ледовое побоище» князя Александра Невского или «Куликовская битва» князя Димитрия Донского, в которых неоспоримо проявлялось действие Божественного Промысла, позволявшее немногочисленному, но вдохновленному Богом войску одержать победу над многократно превосходящими силами противника. Таковой битвой стало взятие считавшейся неприступной турецкой крепости Измаил, сама мысль о штурме которой считалась безумием. Суворов с войсками шел на нее в предшествии священника с крестом, подобно императору Константину Великому. Турки, оборонявшие крепость, впали в неописанный ужас и оцепенение. Сами участники штурма по одержании победы, увидев то, что им удалось взять штурмом ночью, при дневном свете не могли поверить в реальность произошедшего[31].

В процессе становления и развития русской армии духовно-нравственное воспитание войск находило все большее отражение как в трудах отцов Церкви, так и в нормативных документах, регламентирующих воинскую службу. Важным источником того времени, содержащим духовно-нравственное учение для воинов, является «Катехизис для воинов приснопамятного святителя Филарета, митрополита Московского»[32], в котором он определяет основные евангельские нравственные правила для воинов.

В «Своде воинских постановлений» 1838 года глава вторая «О сохранении в войсках нравственности, здравия, порядка и дисциплины» начиналась с раздела «О исполнении войсками христианских обязанностей»[33]. В нем оговаривались особенности совершения Богослужения, Таинств, соблюдения постов и праздников для военнослужащих. В силу того, что на тот период времени к воинскому служению привлекались не только православные, но и иудеи с мусульманами, отдельно оговаривались их права по исполнению обрядов их веры, причем запрещалось чинить им какие-либо препятствия, принуждать к принятию Православия, дозволялось не работать в дни, предписываемые им их религией и отмечать праздники. Если в части было более 300 иудеев, для них назначался полковой раввин с жалованием от казны.

Решение вопросов духовного окормления воинов неправославных исповеданий было передано в ведение Главного управления духовных дел иностранных исповеданий, впоследствии преобразованного в Департамент духовных дел иностранных исповеданий при Министерстве внутренних дел. Департамент был разделен на четыре отделения: греко-российского исповедания, римско-католического, греко-униатского и «армянского» исповеданий и других нехристианских исповеданий. Большинству из них предоставлялись штатные священники и проповедники, был введен особый порядок Присяги. В частности, мусульмане приносили клятву на Коране. В целом дух российской армии был православным, что не являлось для иноверцев препятствием к добросовестному служению России.

Военно-патриотическое воспитание как системный образовательный процесс зарождается в России в конце XVII — начале XVIII веков. В Москве в 1698 году была создана военно-инженерная школа, в 1701 — школа математических и навигационных наук, навигационное отделение которой впоследствии преобразовано в Морскую академию.

Дальнейшее развитие патриотического воспитания связано с появлением кадетских корпусов, первый из которых был создан в 1732 году. Их прозвали «рассадниками патриотизма», поскольку основное внимание в них уделялось нравственному и религиозному воспитанию ис-

---

[30] *Боголюбов Ф.* Взгляды генералиссимуса А.В. Суворова на религию в деле воспитания солдата // Вестник военного духовенства. — СПб., 1894. — № 4. — С. 113.

[31] Там же. — С. 118.

[32] Катехизис для воинов приснопамятного святителя Филарета, митрополита Московского // Синодальный отдел Московского Патриархата по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами: [web-сайт] http://pobeda.ru/katehizis-dlya-voinov-mitropolita-filareta.html (дата обращения: 27.08.2021).

[33] Свод военных постановлений. Часть третья. Наказ войскам. — СПб., 1839,с.86–91.

тинного патриота — «воспитанию сердца». Кадеты набирались, как правило, из числа детей офицеров и солдат, погибших при исполнении воинского долга, что само по себе являлось убедительной демонстрацией государством особого пиетета по отношению к патриотизму и воинскому служению. Своего расцвета кадетская система патриотического воспитания достигла в 60-х годах XIX века стараниями последователя А.В. Суворова генерала М.И. Драгомирова и генерала М.Д. Скобелева. На базе кадетских корпусов создавались военные гимназии и прогимназии, которых к 1880 году насчитывалось около 30, воспитательный процесс в которых неизменно был основан на духовно-нравственных ценностях Православия — любви к Родине и готовности к самопожертвованию во благо Отечества, смелости, порядочности, милосердию, истинной дружбе.

Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на многонациональность и многоконфессиональность Российской империи, в дореволюционный период основой патриотического воспитания являлось духовно-нравственное учение Православия. Именно это учение явилось основой формирования Российской государственности, возведения патриотизма в статус сакральной добродетели, осознания воинского служения как одного из путей служения Богу, воспитания народа в духе преданности Государю и Отечеству, что позволило России выстоять в многочисленных войнах первого тысячелетия ее существования как государства.

Лойко Л.Е.
к.филос.н., доцент,
Кафедра философии и идеологической работы Академии МВД Республики Беларусь
larissa.loiko@yandex.ru

ОБЩАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ РФ И КНР О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Ключевые слова: историческая память, вторая мировая война, РФ, КНР, сотрудничество.
Key words: historical memory, World War II, Russian Federation, PRC, cooperation.

Общая историческая память РФ и КНР о Второй мировой войне берёт начало за восемь лет до принятого отсчёта в этой войне. Точкой отсчёта для Китая, представленного тогда Китайской Республикой, стал Мукденский инцидент. Япония его использовала для ввода войск в Маньчжурию. В итоге введение японских войск закончилось провозглашением государства Маньчжоу-Го 1 марта 1932 г.

Военные инциденты между войсками Китайской Республики и Японии привели 7 июля 1937 г. к полноценной войне. Она длилась до 2 сентября 1945 г. В КНР эта война называется как «Война сопротивления Японии» (中国抗日战争) и как «Восьмилетняя война сопротивления» (八年抗战)). В КНР считают, что война с Японией является одним из театров военных действий Второй мировой войны. Боевые действия привели к гибели 35 миллионов граждан Китая. Боевые действия китайской армии против японской армии, выступавшей в роли агрессора, в период с 1931 г. по 1945 г. в КНР обозначаются как «Четырнадцатилетняя война сопротивления» (十四抗战). Ежегодно 3 сентября в КНР отмечается как День победы китайского народа в войне сопротивления Японии (中国人民抗日战争胜利纪念日).

Когда стало очевидным, что японская армия не остановится на оккупации Маньчжурии, в СССР стали пристально следить за развитием событий на территории Китайской Республики[1]. В июле 1937 г. японские войска начали наступление вглубь Китайской Республики. Внутренняя ситуация в государстве не была консолидированной, поскольку на грани противостояния находилось гоминдановцы и коммунисты.

[1] *Мичу*рин *А.Н.* Советско-китайские отношения накануне Второй мировой войны // Россия в глобальном мире. — 2016. — № 8. — С. 92–103.

СССР 21 августа 1937 г. подписал с Китайской Республикой «Китайско-советский договор о взаимном ненападении»[2]. Стороны обязались не оказывать поддержки государствам, совершившим нападение на одну из них. После подписания китайская военная делегация прибыла в Москву для переговоров о предоставлении кредитов. СССР предоставил Китайской Республике кредиты на 250 миллионов долларов США.

СССР настоял на том, чтобы китайские коммунисты объединились с армией Китайской Республики, что ими и было сделано. СССР открыл в Урумчи предприятие для обслуживания советских самолётов. Япония стала рассматривать перспективу военного конфликта с СССР как реальность. Это показали события на озере Хасан. В 1939 г. боевые действия между армиями СССР и Японии начались на пограничье между Маньчжоу-го и Монголией[3]. Японская армия проиграла это сражение, что сыграло важную роль для СССР в последующем, когда государство было сосредоточено на отражении агрессии фашистской Германии.

Для того, чтобы сковать на территории Китайской Республики основные силы японской армии, СССР осуществлял поставки вооружений китайской армии. В китайской армии реализовывалась практика использования советских лётчиков и танкистов на добровольной основе. В повышении уровня подготовки штабных китайских офицеров участвовали советские офицеры.

Через территорию МНР в Китайскую Республику СССР поставил 14 тыс. пулеметов, 985 самолетов и около 40 миллионов патронов. Поставки шли в рамках «операции Z». 25 ноября 1937 г. Чан Кайши отправил И.В. Сталину письмо с благодарностью за поддержку в войне с Японией[4]. Затем от него последовала телеграмма с просьбой направить в Китайскую Республику советские войска.

Для приемки советского вооружения в Китайской Республике была создана комиссия во главе с генералом Ян Цзэ. Она называлась «Комиссия министерства промышленности для ознакомления с индустрией СССР».

Чан Кайши хотел подписать с СССР секретный договор о взаимной помощи. 17 января 1938 г. в Москву прибыла делегация во главе с председателем Законодательного юаня Китайской Республики, сыном Сунь Ятсена Сунь Фо. Делегация находилась в Москве полтора месяца. Она присутствовала на заседании Верховного Совета, на торжествах, посвященных XX годовщине образования Красной Армии. Сунь Фо встречался с И.В. Сталиным.

С середины февраля 1939 г. в Китайской Республике находилось 3665 советских специалистов и советников, более двухсот из них погибло в боях[5]. В числе главных военных советников и военных атташе были П.Ф. Батицкий, М.И. Дратвин, П.Ф. Жигарев, К.М. Качанов, П.С. Рыбалко, А.И. Черепанов и В.И. Чуйков[6]. В период с июня 1937 по июль 1944 г. в китайской армии находились до пятисот советников и свыше двухсот технических специалистов[7].

Советские летчики защищали воздушное пространство над городом Ухань. Они бомбили японский флот близ Тайваня. Четырнадцать советских летчиков были удостоены звания Героя Советского Союза[8]. Многие советские военные советники были награждены китайским орденом «За заслуги в строительстве и боевых действиях сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил Китая».

В 1939 г. Советское правительство наградило за мужество и отвагу, проявленную при оказании военно-технической помощи Китаю, 422 советских военных и технических специалистов, из них 49 специалистов были награждены посмертно.

---

[2] *Сидоров А.Ю.* Проблема заключения пакта о ненападении в советско-китайских отношениях (1932–1937 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. — 2009. — № 1. — С. 122–139.

[3] *Дацышен В.Г.* Бои на Халхин-Голе до начала Халхин-Гольского военного конфликта // Забайкалье в отечественной истории / Институт востоковедения РАН. — Красноярск, 2022. — С. 17–26.

[4] *Фенби Дж.* Генералиссимус Чан Кайши и Китай, который он потерял. — М.: АСТ-Хранитель, 2006.

[5] По дорогам Китая, 1937–1945: Воспоминания советских военных советников и специалистов / сост., отв. ред., авт. предисл. и примеч. Ю.В. Чудодеев. — М.: Наука, 1989. — 366 с.

[6] *Чуйков В.И.* Миссия в Китае. — М.: Воениздат, 1983. — 252 с.

[7] *Саркисов К.О.* Японо-китайская война и Советский Союз. От моста Марко Поло к Перл-Харбору. 1937–1941. Ч. 1. От Пекина к Ханою / под ред. А.С. Панова. — М.: ИВ РАН, 2023. — 832 с.

[8] В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев / сост., отв. ред., авт. вступит. статьи и примеч. Ю.В. Чудодеев. — 2-е изд. — М.: Наука, 1986. — 383 с.

В 1937–1941 гг. СССР поставил Китайской Республике более 1200 военных самолетов, 1600 орудий, 14 тысяч пулеметов и 50 тысяч винтовок.

15 апреля 1939 г. было актуализировано указание народных комиссаров обороны и внутренних дел СССР «Об оказании помощи китайскому партизанскому движению в Маньчжурии». Согласно этому документу военным советам дальневосточных армий СССР разрешалось оказывать китайским партизанам помощь. Важную роль сыграла организация двух специальных лагерей для антияпонских партизан в поселке Океанская недалеко от Владивостока и в районе Уссурийска.

На территории СССР в интернациональных детских домах находились дети китайских коммунистов. Среди них был и сын руководителя китайских коммунистов Мао Цзэдуна. Во взрослом возрасте он проходил по документам как советский офицер, капитан Красной Армии — Сергей Маев, сын Мао Цзэдуна, (Мао Аньин)[9]. После гибели матери, второй жены Мао Цзэдуна, казненной гоминдановцами 14 ноября 1930 г., Аньин с младшими братьями бежали в Шанхай, где бродяжничали до 1936 г. В ноябре 1936 г. Аньин с братьями был зачислен в число воспитанников Ивановского Интердома им. Е.Д. Стасовой.

После Второй мировой войны Аньин вернулся по указанию отца в КНР и геройски погиб в пятидесятые годы на территории Кореи. Добровольцы из КНР оказывали помощь корейскому народу в отражении агрессии США.

Прямой военно-политической поддержкой китайского народа в борьбе против японских захватчиков стал и стратегически важный военный отпор, оказанный советскими войсками вооруженным японским провокациям у озера Хасан (1938) и на реке Халхин-Гол (1939). В результате фактического поражения Япония была вынуждена считаться с военным присутствием и интересами СССР в этом регионе. Девяносто тысяч военнослужащих Китайской Республики прошли переподготовку под руководством советских специалистов, что повысило боеготовность китайской армии.

В 2009 г. по инициативе жителей г. Суйфэньхэ на российско-китайской границе был открыт памятник «Посланник дружбы и мира», посвящённый семнадцатилетней Галине Дубеевой (Гали Чжан). Она погибла в годы Второй мировой войны ради спасения жизней мирных жителей. Её отец был этническим китайцем, а мать была русской. Девушка разговаривала на русском, китайском и японских языках. Она служила переводчицей в Красной Армии. Она погибла 12 августа 1945 года во время переговоров о сдаче японских военных в плен. В память советским воинам, погибшим на территории Китая, созданы 74 военно-мемориальных кладбища в городах Люйшунь (Порт-Артур), Ухань, Харбин, Шэньян и Чандэ.

Китайская Республика также оказывала помощь СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 1943 г. СССР были переданы три партии электроэнергетического оборудования из США, предназначенного Китайской Республике по ленд-лизу. СССР получил из Китая продукты и минеральное сырьё на сумму в 450 миллионов долларов США. Армия Китайской Республики вооруженной борьбой с японским агрессором, помешала миллионной армии Японии начать вторжение на территорию СССР, что помогло Советскому Союзу в противостоянии с фашистской Германией. Армия Китайской Республики вывела из строя миллион семьсот тысяч солдат Японии. Китайская Республика стала официальным членом антигитлеровской коалиции 1 января 1942 г. 8 августа 1945 года, после разгрома фашистской Германии, СССР объявил Японии войну[10]. Ночью с 18 на 19 августа десантники СССР высадились на аэродроме в Шэньяне, где взяли в плен монарха Маньчжоу-Го — императора Пу И. Он был передан китайским коммунистам. Благодаря Советской Армии Китай был освобождён от японских агрессоров. Это позволило китайским коммунистам приступить к созданию КНР.

Важным стало участие президента РФ в конце августа — начале сентября 2025 г. в заседании ШОС и военном параде в Пекине. Лидерами КНР и РФ названы приоритеты сохранения

[9] Личное дело Мао Аньина (Юн Фу). Л. 27–28; Личное дело Юн Шу. Л. 23; Мао Цзэдун шусинь сюаньцзи (Избранные письма Мао Цзэдуна). — Пекин, 1983. — С. 166–167.

[10] *Волков Е.Л.* Евразия ближняя и дальняя во фронтовых и послевоенных воспоминаниях уроженца Беларуси // Общая история единения народов. Роль лидеров Казахстана и Беларуси в становлении и развитии независимых государств: материалы Международной научной конференции, 25 марта 2015 года, г. Минск / отв. ред. А.И. Лойко. — Минск: БНТУ, 2015. — С. 168–172.

исторической правды о Второй мировой войне и противодействии попыткам фальсификации итогов второй мировой войны[11]. Президент Российской Федерации В.В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин призвали историков к дальнейшим исследованиям с целью раскрытия роли российского и китайского народов в противостоянии агрессорам во Второй мировой войне.

Лукшин Р.С.
руководитель образовательных проектов Комплекса градостроительной политики и строительства города Москвы,
соискатель Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС

НАСЛЕДИЕ ПОД ДАВЛЕНИЕМ ВРЕМЕНИ: ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: историческая память, Большая Евразия, культурная идентичность, цивилизационный подход, коллективная память, культурное наследие, историческая политика, фальсификация истории.
Key words: historical memory, Greater Eurasia, cultural identity, civilizational approach, collective memory, cultural heritage, historical policy, falsification of history.

Современная эпоха характеризуется беспрецедентным давлением на историческую память народов, особенно в тех регионах мира, которые представляют собой самостоятельные цивилизационные образования. Большая Евразия как геополитическая и культурно-историческая реальность оказывается в центре интенсивной борьбы за прошлое, где ставкой является не просто интерпретация исторических событий, но сама возможность сохранения цивилизационной идентичности и суверенитета.

В условиях информационной войны, нацеленной на пересмотр итогов Второй мировой войны, переоценку роли Советского Союза в мировой истории и делегитимацию исторических основ российской государственности, вопрос о философских основаниях сохранения исторической памяти приобретает особую актуальность. Как отмечает Президент Российской Федерации В.В. Путин, «для России как преемницы СССР недопустимо мириться с попытками фальсификации истории, особенно когда речь идет о событиях Великой Отечественной войны» [1]. Эта позиция отражает не только политическую необходимость защиты исторической правды, но и глубокую философскую проблему отношения между прошлым, настоящим и будущим в пространстве коллективной идентичности.

Философское осмысление проблемы исторической памяти требует обращения к фундаментальным вопросам — что такое историческая память как форма коллективного сознания? Каковы механизмы ее формирования и трансляции? В чем специфика евразийской цивилизационной памяти? Какова роль государства и гражданского общества в сохранении исторического наследия? Настоящая статья представляет собой попытку философской рефлексии над этими вопросами в контексте современных вызовов, стоящих перед народами Большой Евразии.

Философские основания концепции исторической памяти

Историческая память как предмет философского анализа привлекает внимание исследователей с начала XX века. Французский социолог Морис Хальбвакс в своей работе «Коллективная память» заложил основы понимания памяти не как индивидуального психологического феномена, но как социального конструкта. Согласно Хальбваксу, «индивидуальная память

[11] *Уянаев С.В.* Сотрудничество в защите итогов Второй мировой войны как важное направление российско-китайского взаимодействия в сфере обеспечения мира и безопасности // Китай в мировой и региональной политике, история и современность. — М., 2015. — С. 57–68.

существует только как часть коллективной памяти, поскольку все наши воспоминания конституируются внутри той или иной социальной группы» [2]. Это принципиальное положение позволяет рассматривать историческую память как форму социальной связи, объединяющую поколения и создающую основу для коллективной идентичности.

Развитие этой идеи мы находим в концепции культурной памяти немецкого египтолога и теоретика культуры Яна Ассмана. В отличие от коммуникативной памяти, ограниченной временем жизни трех-четырех поколений, культурная память «охватывает тысячелетия и опирается на символические фигуры, которым придается статус сакрального прошлого» [3]. Ассман показывает, что культурная память институционализируется через ритуалы, тексты, монументы и другие мнемонические практики, которые обеспечивают преемственность культурной традиции. Для евразийского пространства, где сосуществуют и взаимодействуют различные культурные и религиозные традиции, понимание механизмов культурной памяти имеет особое значение.

Французский историк Пьер Нора ввел в научный оборот концепцию «мест памяти» (lieux de mémoire), под которыми понимаются «материальные и нематериальные объекты, в которых кристаллизуется национальная память» [4]. Места памяти — это не только памятники и музеи, но и символы, праздники, тексты, исторические личности, события, которые становятся опорными точками коллективной идентичности. Нора подчеркивает, что места памяти возникают именно тогда, когда живая память исчезает, когда разрывается естественная связь с прошлым. В этом смысле современная эпоха характеризуется ускоренной «мемориализацией» культуры, стремлением зафиксировать и сохранить уходящее прошлое.

Философскую глубину в осмысление проблемы памяти вносит Поль Рикёр в своем фундаментальном труде «Память, история, забвение». Рикёр рассматривает память как «присутствие отсутствующего», как способность человека и сообщества присваивать прошлое, делать его частью настоящего [5]. Важнейшим вкладом Рикёра является анализ «злоупотреблений памятью» — манипуляций с прошлым, которые могут принимать форму как навязанной памяти, так и организованного забвения. Для современной ситуации в Евразии, где мы наблюдаем систематические попытки ревизии истории, философское различение между «правильной» и «злоупотребляющей» памятью оказывается критически важным.

Анализ теоретико-методологических оснований западных концепций социальной памяти приводит современных исследователей к выводам о том, что они выталкивают представления о коллективной памяти «в поле «конструктов» и политических манипуляций, возведённых в ранг социальной нормы», лишают этот социальный феномен социально-онтологических оснований. Для последующей работы с этими концептами требуется восстановление представлений «о связи природы коллективной социально-исторической памяти с философской онтологической традицией» [6].

Евразийская цивилизационная идентичность и историческая память

Большая Евразия представляет собой уникальное цивилизационное пространство, характеризующееся культурным многообразием, взаимопроникновением традиций и исторической общностью судеб населяющих его народов. Русский мыслитель Николай Данилевский в своей работе «Россия и Европа» обосновал концепцию культурно-исторических типов, согласно которой «славянский мир представляет собой особый культурно-исторический тип, отличный от романо-германской Европы и обладающий собственной исторической миссией» [7]. Хотя концепция Данилевского была создана в XIX веке, она сохраняет свою эвристическую ценность для понимания цивилизационного своеобразия евразийского пространства.

Британский историк Арнольд Тойнби в своем монументальном труде «Постижение истории» рассматривал Россию как особую православную цивилизацию, возникшую на руинах византийского мира и развивающуюся по собственной исторической траектории [8]. Тойнби подчеркивал способность русской цивилизации к творческому ответу на исторические вызовы, к синтезу различных культурных влияний при сохранении собственной идентичности. Эта способность к синтезу, к созданию единства в многообразии, остается характерной чертой евразийского цивилизационного кода.

Отечественный филолог и культуролог Юрий Лотман рассматривал русскую культуру как «семиосферу», характеризующуюся бинарностью, способностью к резким переходам и одновременно к сохранению глубинных культурных кодов [9]. Лотман показал, что российская культура обладает особой «памятью культуры», которая сохраняется даже при радикальных социальных трансформациях. Эта концепция помогает понять, каким образом евразийские народы сохраняли свою идентичность в различные исторические периоды, включая периоды иноземных завоеваний, революционных потрясений и модернизационных сдвигов.

Выдающийся российский ученый и общественный деятель Дмитрий Лихачев посвятил значительную часть своего творчества проблеме сохранения культурного наследия. Он подчеркивал, что «памятники культуры — это не просто красивые и почтенные предметы старины, но живая связь с прошлым, без которой невозможно полноценное развитие национальной культуры» [10]. Лихачев настаивал на том, что разрушение исторической памяти ведет к духовному обнищанию общества, к утрате нравственных ориентиров. Его идеи особенно актуальны в современную эпоху, когда мы наблюдаем целенаправленное разрушение памятников в ряде стран, стремящихся порвать с собственным прошлым.

Историческая память в контексте современных вызовов

Современная эпоха характеризуется беспрецедентными вызовами для исторической памяти. Глобализация, с одной стороны, создает возможности для диалога культур и взаимного обогащения, с другой — несет угрозу унификации, стирания культурного разнообразия и навязывания универсалистских нарративов, игнорирующих специфику различных цивилизаций. Информационная революция радикально изменила способы хранения и трансляции исторической памяти: традиционные формы передачи знания от поколения к поколению вытесняются цифровыми технологиями, что создает как новые возможности, так и новые риски.

Особую опасность представляет фальсификация истории, которая в XXI веке приобрела характер систематической информационной войны. Президент России В.В. Путин неоднократно обращал внимание на эту проблему: «Мы видим, как пытаются переписать историю, очернить роль Советского Союза в победе над нацизмом, реабилитировать пособников фашистов, героизировать предателей» [1]. Эти процессы затрагивают основы исторической идентичности народов Евразии и требуют выработки эффективной стратегии защиты исторической правды.

Британский историк Эрик Хобсбаум в своей работе «Изобретение традиций» показал, что многие традиции, воспринимаемые как древние, на самом деле являются относительно недавними конструктами, созданными для легитимации определенного социального или политического порядка [11]. Однако из этого не следует, что все исторические нарративы равноценны или что история — это только поле для произвольных манипуляций. Существует различие между естественной эволюцией исторической памяти, отражающей действительные потребности сообщества в самопонимании, и циничной фабрикацией псевдоистории в политических целях.

Особенностью евразийского исторического опыта является наличие событий-скреп, которые объединяют память различных народов и создают основу для общей идентичности. Победа в Великой Отечественной войне представляет собой центральное событие такого рода. Эта победа была достигнута совместными усилиями всех народов Советского Союза и имеет непреходящее значение не только для России, но и для всего человечества. Попытки пересмотра итогов Второй мировой войны, уравнивания нацизма и коммунизма, героизации коллаборационистов направлены на разрушение этой общей памяти и, следовательно, на подрыв основ евразийского единства.

Государство и гражданское общество в сохранении исторической памяти

Вопрос о роли государства в формировании и сохранении исторической памяти является одним из наиболее дискуссионных в современной философии и политологии. С одной стороны, существует опасность злоупотребления государственной властью, навязывания официальной версии истории, подавления альтернативных точек зрения. С другой стороны, в условиях информационной войны именно государство обладает ресурсами для защиты исторической

правды, для противодействия фальсификациям, для обеспечения сохранности архивов и памятников культуры.

Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркивает необходимость активной государственной политики в сфере исторической памяти: «Мы должны защищать правду о войне, передавать ее нашим детям и внукам. Память о войне, о жертвах войны священна для нас» [1]. Эта позиция отражает понимание того, что в современных условиях нейтралитет в вопросах истории невозможен: либо общество активно защищает свою историческую память, либо эта память будет деформирована внешними силами, заинтересованными в ослаблении цивилизационных оснований евразийского единства.

Вместе с тем, государственная историческая политика должна основываться на принципах научности, плюрализма мнений в рамках общего признания фактов, диалога с гражданским обществом. Монополизация права на историческую истину, запрет на обсуждение сложных и болезненных страниц прошлого могут привести к обратному результату — к дискредитации самой идеи исторической правды, к росту недоверия к официальным нарративам. Поль Рикёр предупреждал об опасности «обязывающей памяти», навязанной сверху и не пережитой обществом как собственный опыт [5].

Важнейшую роль в сохранении исторической памяти играет система образования. Именно в школах и университетах формируется историческое сознание молодого поколения, передаются ценности и смыслы, связывающие прошлое с настоящим. Дмитрий Лихачев настаивал на том, что «преподавание истории должно быть не просто изложением фактов, но воспитанием исторического чувства, способности сопереживать прошлому, понимать его изнутри» [10]. Это требует высокой квалификации преподавателей, качественных учебников, создания условий для критического мышления при одновременном формировании патриотических чувств и гражданской идентичности.

Гражданское общество вносит незаменимый вклад в сохранение исторической памяти через деятельность музеев, архивов, общественных организаций, поисковых движений, через создание мемориалов и проведение памятных мероприятий. Пьер Нора подчеркивал значение «памятной деятельности» снизу, осуществляемой энтузиастами и общественными группами [4]. Такая деятельность обеспечивает «заземление» исторической памяти, ее укоренение в повседневной жизни сообществ, превращение абстрактного знания о прошлом в живой опыт сопричастности.

Диалог культур и общеевразийская историческая память

Большая Евразия характеризуется беспрецедентным культурным, этническим и конфессиональным разнообразием. На этом пространстве сосуществуют православие, ислам, буддизм, иудаизм и другие религиозные традиции; славянские, тюркские, угро-финские, кавказские народы; множество локальных культур с собственной исторической памятью и идентичностью. Формирование общеевразийской исторической памяти не означает стирания этого разнообразия, но предполагает поиск общих оснований, точек соприкосновения, взаимного признания и уважения.

Ян Ассман отмечает, что культурная память всегда селективна: она сохраняет одни элементы прошлого и забывает другие в соответствии с потребностями настоящего [3]. Для многонационального сообщества это означает необходимость сознательного конструирования «общей памяти», которая включала бы опыт различных народов, признавала бы их вклад в общую историю, учитывала бы их чувствительности и травмы. Такая память не может быть механической суммой локальных нарративов, но должна представлять собой новый синтез, выявляющий общие ценности и смыслы.

Историческая память евразийских народов имеет ряд общих тем и сюжетов: опыт совместной жизни в рамках различных государственных образований, совместная защита от внешних угроз, экономическое и культурное взаимодействие, смешанные браки, общие культурные герои и события. Арнольд Тойнби показал, что цивилизации формируются через ответ на общие вызовы [8]. Для народов Евразии таким общим вызовом была необходимость выживания и развития на огромной территории с суровым климатом, периодическими нашествиями кочевников, позднее — угроза колониального порабощения и необходимость модернизации.

Особое значение имеет память о Великой Отечественной войне, которая объединяет народы постсоветского пространства. Эта война была подлинно отечественной для всех народов СССР, все понесли огромные жертвы, все внесли вклад в победу. Юрий Лотман подчеркивал, что великие исторические события создают особый тип культурной памяти, которая становится ядром идентичности [9]. Память о войне выполняет именно такую функцию для евразийского сообщества, и потому ее защита от фальсификаций имеет не только историческое, но и актуальное политическое и нравственное значение.

Диалог культур в рамках евразийского пространства предполагает не только взаимное признание, но и критическую рефлексию над собственной историей. Поль Рикёр писал о необходимости «работы памяти», которая включает признание вины, примирение с прошлым, прощение [5]. Для народов Евразии это означает необходимость честного разговора о сложных страницах общей истории, о репрессиях, депортациях, межэтнических конфликтах, при этом не впадая в крайности ни героизации, ни демонизации прошлого.

Технологии памяти в цифровую эпоху

Цифровая революция радикально трансформирует способы хранения, передачи и использования исторической памяти. С одной стороны, новые технологии создают беспрецедентные возможности для сохранения культурного наследия: оцифровка архивов делает их доступными широкой публике, виртуальные музеи позволяют «посетить» памятники культуры, не выходя из дома, социальные сети создают новые формы коммеморативных практик. С другой стороны, цифровая среда порождает новые риски: информационная перегрузка, фрагментация знания, «пузыри фильтров», дезинформация и фейки.

Морис Хальбвакс писал о том, что коллективная память опирается на социальные рамки — группы, институты, пространства, которые обеспечивают ее стабильность [2]. В цифровую эпоху эти рамки становятся более подвижными и неустойчивыми. Интернет создает виртуальные сообщества памяти, которые могут объединять людей из разных стран и культур, но могут и способствовать атомизации, разрушению традиционных форм солидарности. Вопрос о том, как обеспечить преемственность исторической памяти в условиях цифровой трансформации, остается открытым.

Пьер Нора отмечал, что современная эпоха характеризуется «ускорением истории», когда прошлое стремительно удаляется, а настоящее не успевает стать прошлым [4]. Цифровые технологии многократно усиливают это ускорение: информация устаревает почти мгновенно, события сменяют друг друга с калейдоскопической быстротой. В этих условиях сохранение долгой исторической памяти, способности помнить события столетней и тысячелетней давности, становится особым культурным достижением, требующим сознательных усилий.

Важнейшей задачей становится создание устойчивых цифровых архивов исторической памяти, которые были бы защищены от манипуляций и доступны будущим поколениям. Это требует не только технических решений, но и правовых, этических, институциональных механизмов. Дмитрий Лихачев предупреждал о том, что техническое развитие само по себе не гарантирует сохранения культуры, более того, может способствовать ее разрушению, если не сопровождается ростом нравственного сознания [10].

Философские стратегии сохранения исторической памяти

На основании проведенного анализа можно сформулировать ряд философских стратегий сохранения исторической памяти в пространстве Большой Евразии.

Первая стратегия — это утверждение онтологического статуса исторической памяти. Необходимо преодолеть редукционистские подходы, рассматривающие память лишь как инструмент политики или эпифеномен социальных процессов. Историческая память — это способ бытия человека и сообщества во времени, форма присутствия прошлого в настоящем, условие возможности проектирования будущего. Как подчеркивал Поль Рикёр, память конституирует саму идентичность субъекта [5]. Без памяти нет ни личности, ни народа, ни цивилизации.

Вторая стратегия — признание плюрализма памятей при сохранении общих фактических оснований. Различные сообщества внутри евразийского пространства могут поразному интерпретировать одни и те же события, расставлять разные акценты, выбирать разных героев. Это нормально и даже продуктивно, поскольку способствует более полному пониманию сложности исторического процесса. Однако плюрализм интерпретаций не означает отказа от объективной истины. Факты остаются фактами: нельзя отрицать Холокост, нельзя переписывать итоги Второй мировой войны, нельзя героизировать военных преступников. Как отмечает В.В. Путин, «у каждого может быть свое мнение, но не может быть своих фактов» [1].

Третья стратегия — сочетание государственной политики памяти с гражданской инициативой. Государство должно обеспечивать правовую защиту исторической памяти, финансировать архивы и музеи, поддерживать исследования и образование, противодействовать фальсификации истории. Однако государство не должно монополизировать память, навязывать единственно правильную версию прошлого, подавлять публичную дискуссию. Гражданское общество, профессиональное сообщество историков, культурные институции должны иметь пространство для самостоятельной работы с прошлым.

Четвертая стратегия — развитие диалога памятей различных народов Евразии. Ян Ассман показал, что культурная память может быть как объединяющей, так и разделяющей [3]. Задача состоит в том, чтобы выявлять и укреплять объединяющие элементы, находить общий язык, создавать пространства совместной коммеморации. Это не означает замалчивания конфликтов и противоречий, но предполагает их проработку в духе взаимного уважения и стремления к примирению.

Пятая стратегия — критическая работа с собственной историей. Юрий Лотман говорил о необходимости самопознания культуры [9]. Это означает способность общества честно смотреть на свое прошлое, признавать ошибки и преступления, извлекать уроки. Патриотизм не означает некритического восхваления всего, что было в истории. Напротив, зрелый патриотизм предполагает способность любить свою страну, зная и о ее достижениях, и о ее трагедиях.

Заключение

Историческая память представляет собой фундаментальное основание коллективной идентичности, без которого невозможно существование народа как субъекта истории. В условиях современных вызовов — глобализации, информационной войны, попыток фальсификации истории — вопрос о сохранении исторической памяти приобретает экзистенциальное значение для народов Большой Евразии.

Философский анализ показывает, что историческая память не является статичным хранилищем фактов о прошлом, но представляет собой живой процесс постоянного переосмысления и актуализации прошлого в контексте настоящего. Вместе с тем, этот процесс не может быть произвольным: он должен опираться на объективные факты, на уважение к исторической правде, на ответственность перед прошлыми и будущими поколениями.

Евразийское цивилизационное пространство характеризуется культурным многообразием, которое является не препятствием, а ресурсом для формирования богатой и многомерной исторической памяти. Опыт совместной жизни, совместного ответа на исторические вызовы, особенно опыт Великой Победы, создает прочные основания для общеевразийской идентичности.

Сохранение исторической памяти требует сочетания государственной политики и гражданской инициативы, научного профессионализма и массового участия, защиты от фальсификаций и открытости к критической рефлексии. Только на таком пути возможно сохранение духовно-нравственных оснований евразийской цивилизации и передача исторического наследия будущим поколениям.

В заключение следует еще раз подчеркнуть слова Президента России В.В. Путина: «Мы обязаны защищать правду о Победе, иначе что скажем нашим детям, если ложь, как зараза, будет распространяться по всему миру? Наглому вранью и попыткам переиначить историю мы должны противопоставлять факты» [1]. Эти слова выражают не только политическую позицию, но и глубокую философскую установку: отношение к прошлому определяет возмож-

ность будущего, защита исторической памяти есть защита самой возможности сохранения цивилизационной идентичности в условиях возрастающего давления времени.

Список литературы

1. *Путин В.В.* 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Российская газета. — 2020. — 19 июня.
2. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2–3(40–41). — С. 8–27.
3. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
4. *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / пер. с фр. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. — С. 17–50.
5. *Рикёр П.* Память, история, забвение / пер. с фр. И.И. Блауберг и др. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. — 728 с.
6. *Дахин А.В.* Коллективная социально-историческая память: предпосылки становления целостной философской теории // Уровень жизни населения регионов России. — 2024. — Т. 20. — № 1. — С. 105–118.
7. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. — М.: Книга, 1991. — 574 с.
8. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. — М.: Прогресс, 1991. — 736 с.
9. *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Избранные статьи: в 3 т. — Таллин: Александра, 1992. — Т. 1. — С. 200–202.
10. *Лихачев Д.С.* Русская культура. — М.: Искусство, 2000. — 440 с.
11. *Хобсбаум Э., Рейнджер Т.* Изобретение традиции / пер. с англ. — М.: КАНОН-пресс-Ц, 2015. — 352 с.

Мусина Р.И.
к.п.н.,
доцент Кафедры политологии Института истории и политики МПГУ
mrezeda@mail.ru

УНИЧТОЖЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК СПОСОБ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Ключевые слова: историческая память, материальные памятники культуры, культурное наследие, исключительность, конспирологические теории.

Key words: historical memory, monuments of the material culture, cultural heritage, exclusivity, conspiracy theories.

Два чувства дивно бли́зки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога Самого́,
Самостоянье человека,
Залог величия его.

А.С. Пушкин

В настоящее время для того, чтобы охарактеризовать национальное самосознание и национальную идентичность, говорят об исторической памяти как коллективной, сформировавшейся на основе исторического наследия — материального и духовного. Без сохранения этого

наследия, без ценностей и идеалов, памятников материального и нематериального культурного наследия нация утрачивает устойчивость и достоинство, способность к развитию, т.е. к полноценному существованию.

Наш гениальный поэт как всегда ярко и образно определил значение того, что сегодня принято называть исторической памятью — «любовь к отеческим гробам» — формирование самосознания граждан и осознание единства, национальной гордости, вклада своей страны в общечеловеческую, всеобщую историю.

Разрушение или переформатирование исторической памяти позволяет стирать чувство национальной гордости и национальную идентичность. Достаточно вспомнить, как в 90-е гг. при активном участии Дж. Сороса переписывались учебники истории (автор был непосредственным свидетелем процесса, начав в 1992 г. свою профессиональную педагогическую деятельность), как навязывалось чувство вины и представление о том, что России нечем гордиться. Именно в 90-е в России начинают сносить памятники. Уничтожение памятников позднее затронуло и «цивилизованный западный мир» в контексте агрессивного развития БЛМ. Но, говоря об уничтожении памятников, хотелось бы проанализировать эту проблему шире и глубже, чем просто уничтожение, как их называли в 1918–1920 гг., средств «монументальной пропаганды». Уничтожение материальных исторических и культурных памятников может стать средством глобального переписывания истории уже не отдельных государств, но человечества в целом, хотя такое предположение и может вызвать обвинение в приверженности конспирологическим теориям.

В сентябре 2025 г. в Санкт-Петербурге, признанной культурной столице России, состоялся XI Санкт-Петербургский международный форум объединенных культур. В контексте данной проблемы представляет интерес секция «Музеи», где состоялась экспертная дискуссия «Острые углы музейного пространства». Говоря об особой значимости сохранения всемирного культурного и исторического наследия как о наиболее острой проблеме, спикеры констатировали именно намеренное уничтожение памятников, что может рассматриваться как часть реализации плана по уничтожению общечеловеческой памяти.

Автор хотел бы отметить, что речь идет не только о памятниках архитектуры или монументального искусства. Несомненно, важно рассматривать памятники материальной культуры максимально широко, учитывая и археологические памятники, артефакты, позволяющие сохранять объективную историю, служащие подтверждению или опровергающие исторические концепции и теории.

В предшествующие периоды истории уничтожение культовых и культурных сооружений оправдывалось «варварством» завоевателей как, например, при разрушении Римской империи германскими племенами или Византии турками-османами, когда отсутствие «цивилизованности» завоевателей служило оправданием, а разграбление ценностей, культурных и исторических, объяснялось законами войны — «победитель получает все».

Использовались подобные методы и для улучшения имиджа государств. В связи с этим интересна судьба картины великого русского художника-баталиста Василия Верещагина «Подавление индийского восстания англичанами», выкупленной на аукционе неизвестным лицом и таинственным образом исчезнувшая, как считают специалисты, возможно, уничтоженная англичанами для сокрытия следов жестокости при подавлении сопротивления в индийских колониях.

Уничтожению материальных памятников, в том числе и письменных, могло быть и идеологическое объяснение — «назначение» Вселенскими соборами некоторых текстов каноническими, осуждение апокрифических и уничтожение еретических. Сюда же можно отнести действия «цивилизаторов» в отношении памятников доколумбовой Америки и тот же «План монументальной пропаганды» Советской России 1918–1920 гг., в контексте изменения акцентов и оценок исторических событий в соответствии с марксистско-ленинской идеологией.

Радикальные или имперские идеологии предполагали формирование «нового человека» как в СССР, или идеального представителя «великой расы» как в Британской империи или Третьем рейхе. Для этого необходима была «правильная» история, где допускалось искажение или умолчание фактов. Не случайно в нацистской Германии возникает такая структура, как Аненербе.

Вторая мировая война была самой жестокой не только по масштабам человеческих жертв, но и по масштабу разрушений, и если в оккупированной части Западной Европы чаще все ограничивалось «эвакуацией ценностей» в страну-победительницу, пополняя коллекции германских музеев и личные коллекции главарей Рейха, то в Восточной и на территории СССР активно разрушались архитектурные памятники, многие из которых были утрачены полностью. Но не стоит забывать и о варварских бомбардировках англо-саксонскими союзниками исторического центра Дрездена, когда было разрушено или погибло в сопутствующих пожарах значительное число исторических зданий, в том числе, и Цвингер. Не случайно в рамках ООН была создана особая структура, занимающаяся сохранением культурных и исторических ценностей — ЮНЕСКО. Правда, в 2018 году США покинули эту организацию... В XXI веке угрозе уничтожения подвергается память о роли СССР в Победе над нацизмом и японским милитаризмом с санкции бюрократии Евросоюза, когда оправдывается запрет символов и уничтожение памятников, связанных с Красной Армией.

Видимо, ожидая действий со стороны России по аналогии с ведением боевых действий армиями западной коалиции, вскоре после начала СВО ресурс «Голос Америки» (признан «иностранным агентом» в 2017 г.) опубликовал материал Константина Акинши с обозначением угрозы памятникам Украины со стороны ВС РФ[1]. В то же время мы видим, как в запале «дерусификации» и «десоветизации» власти Украины сами уничтожают и разбазаривают собственное культурное наследие, передавая известным музеям артефакты под предлогом их сохранения. Но ведь известно становится не обо всех таких акциях. Видимо, идентичность украинского народа не состыковывается с неонацистской идентичностью власть предержащих.

Можно выделить общую тенденцию в таких попытках переписать историю, написать «правильную» ее версию: эти процессы затрагивали отдельные народы или государства.

На рубеже XX–XXI века аналогичные действия получают новую окраску, и возможные объяснения находятся на грани конспирологии. Но факты говорят сами за себя.

Известно, что в учебных заведениях США очень тщательно, до мельчайших подробностей изучается история своей страны, но даже в высших учебных заведениях, за исключением специалистов-историков, не знакомят с всеобщей историей. У нас, советских школьников, вызывало улыбку и недоумение утверждение граждан США, что именно они одержали победу во Второй мировой войне. И вот уже на государственном уровне такое заявление делает президент Трамп. Чем можно объяснить такое пренебрежение к всемирной истории? Возможно, необходимостью поддержания статуса гегемона государством, история которого насчитывает всего около трех столетий? Как должно соотноситься представление о собственной исключительности с национальной гордостью народов, насчитывающих тысячелетнюю, как Россия, или многотысячелетнюю, как Индия или Китай, историю?

10 сентября 2013 года 44 президент США Барак Обама в своем обращении к нации заявил об исключительности американской нации. По его словам, «мы должны принять все для обеспечения безопасности нашей страны, давайте не будем забывать о том, что делает нас исключительными. Давайте не будем забывать, что свобода сильнее страха, что любые вызовы, будь то война, депрессия, стихийное бедствие или террористическая атака, мы всегда встречали сплоченными вокруг наших общих идеалов — как единая нация, как единый народ. Я не сомневаюсь: пока мы верны этой традиции, Америка всегда будет одерживать верх»[2].

25 сентября того же года на 69 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в своем выступлении Обама повторил свою мысль, назвав свою страну исключительной, заявив: «Некоторые могут не соглашаться, но я верю в то, что Америка исключительна, отчасти в свете того, что мы продемонстрировали готовность, не щадя свою кровь и свои богатства, отстаивать не только свои собственные интересы, но и интересы всего мирового сообщества. <...> Вот что отличает

[1] *Акинша К.* Разрушение памятников и разграбление музеев — это военное преступление. — https://www.golosameriki.com/a/cultural-genocide-or-collateral-damage/6654105.html.

[2] *Обама Б.* Полный текст обращения к нации 10 сентября 2013 года, сделанное в Овальном кабинете Белого дома. — https://www.inosmi.ru/politic/20151207/234708358.html.

Америку от других. Вот что делает нас исключительными. <...> Америка, беря на себя бремя лидерства, заполняет пустоту, которую ни одно другое государство не может заполнить»[3].

Как эти заявления могут быть связаны с уничтожением материальных памятников и культурных ценностей? Обратимся к сухой статистике.

Старейшее периодическое издание Египта «Аль Ахрам» проанализировало последствия «арабской весны» для исторического наследия региона и составило примерный реестр уничтоженных или пропавших, скорее всего, украденных для черного рынка антиквариата ценностей[4].

Каков же ущерб, понесенный нашей цивилизацией в ходе ближневосточных конфликтов и, так называемой, «арабской весны»?

Первый удар был нанесен в Афганистане в 2001 г., где пришедшие к власти талибы расстреляли, а затем взорвали выбитые в скалах в VI веке статуи афганских Бамианских Будд (высотой 55 и 37 метров).

Беспрецедентными становятся потери, нанесенные боевыми действиями и оккупацией США Ирака. Накануне вторжения глава иракской Национальной комиссии по культурному наследию д-р Донни Джордж предупреждал, что американцы хотят захватить «не только нашу нефть, но и нашу историю»[5]. Все, что невозможно было вынести, было безжалостно разгромлено при попустительстве либо участии оккупационных войск, при этом уничтожались инвентарные книги — несколько томов в кожаных переплетах с медными застежками, существовавшими в единственном экземпляре каждый, документы и описи. Разграблялись и уничтожались, сгорали в пожарах уникальные библиотеки. Практически был уничтожен Вавилон, как археологический памятник, на территории которого располагалась американская воинская часть. По мнению специалистов, возможность восстановления памятника сомнительна. По свидетельствам очевидцев, проводились ковровые бомбардировки глубинными бомбами районов археологических раскопок и предполагаемых мест нахождения следов древних цивилизаций.

Был также разграблен Национальный музей Ирака в районе Аляуи Аль-Хелла в Багдаде, созданный в 1923 г. Гертрудой Белл, которая надеялась, что собранные коллекции помогут иракцам узнать богатство своей истории и осознать свою идентичность. По сообщению директора Иракского Государственного департамента исторических памятников и наследия Дони Джорджа, которое приводит Павел Давыдов, в музее были уничтожены результаты почти вековой научной работы: «В результате, мы потеряли то, что составляет достояние всего человечества — бесценные шедевры искусства, уходящие в глубину веков на 5 тысяч лет»[6].

Особая ценность Иракского Национального музея для всемирного культурного наследия заключается как раз в том, что, в отличие от зарубежных музеев, где представлены отдельные предметы, связанные с историей Месопотамии, он был единственным в мире музеем, хранящим артефакты, позволяющие проследить непрерывную историю региона на протяжении многих десятков тысячелетий как колыбели цивилизации — от доисторического до исламского периодов и современности.

Вторая волна варварских разрушений и грабежей в Ираке была отмечена в период распространения в регионе Исламского государства, запрещенной террористической группировки, в 2015 г. Тотальным разрушениям подверглись памятники, представляющие собой, по сути, историю колыбели цивилизации. Это и Мосул, практически уничтоженный полностью, и Нимруд — последняя столица Ассирии, и Пальмира, Хорсабад, Хатра, Басра, старый город Алеппо и Ракка, Шама в Сирии, Национальный музей Йемена, основанный в 1912 году и музей оружия там же, исторические постройки в городах Йемена были подвергнуты авиацион-

---

[3] *Обама Б.* Полный текст выступления на 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 2013 года. — https://www.voltairenet.org/article180370.html.

[4] *Габа Адиль.* «Разрушение, грабежи и мародерство...» Старейшее периодическое издание Египта. «Аль Ахрам» о гибели культурных ценностей в ходе «арабской весны». — https://roerich.kz/publication/gibel-kulturnyh-cennostej.htm.

[5] Украденная история. Оккупанты разграбили «колыбель человечества» // Аргументы и факты. — https://aif.ru/society/history/ukradennaya_istoriya_okkupanty_razgrabili_kolybel_chelovechestva.

[6] *Давыдов П.* Багдадский музей разграблен «знатоками». — 05.06.2008. — https://ria.ru/20030416/367706.html.

ным бомбардировкам. Пан Ги Мун, бывший в тот период генеральным секретарем ООН, назвал эти действия «военным преступлением и ударом по всему человечеству», поскольку урон был нанесен мировой культуре в целом, а не только культурному наследию Ирака и Сирии.

В период «арабской весны» подобному разграблению и уничтожению подвергаются музеи, библиотеки и археологические памятники Египта и Ливии, в том числе, знаменитый Каирский музей, начало коллекции которого было положено еще Наполеоном (тоже факт мировой истории).

Это очень скромный перечень ущерба, понесенного человечеством в результате насаждения «демократии» западной коалицией в древнейшем регионе цивилизации.

Если действия талибов еще можно как-то оправдать их религиозным фанатизмом, а запрещенного Исламского государства — страстью к наживе и потребностью в финансах для покупки вооружения, то как оценивать действия армии «исключительной нации» в Афганистане, и особенно в Ираке и Сирии, колыбели цивилизации человечества в целом? У мирового сообщества эти факты вызвали громкий резонанс, особенно глубокую озабоченность выражали историки, археологи, искусствоведы. Однако вызывает интерес тот факт, что в периодической печати и СМИ эта проблема широко обсуждалась, но глубокого анализа угроз для человечества в связи с уничтожением общечеловеческого наследия, не последовало. Незадолго до начала вторжения в Ирак англо-саксонской коалиции ученые, в том числе и американские, обращались к Пентагону, требуя обеспечить безопасность и сохранность памятников Месопотамии, но тщетно.

Последствия присутствия американских военных эксперт лондонского Британского музея Джон Кертис зафиксировал в специальном докладе, где отметил невосполнимый ущерб, вину за который возложил на военнослужащих не только США, но и Польши. Причем, по мнению Кертиса, большинство повреждений были нанесены умышленно и целенаправленно, то есть современные вандалы были осведомлены о ценности памятников.

По оценкам Абдул Джафара, иракского археолога, возглавлявшего работы по исследованию и восстановлению археологического памятников Вавилона в 90-е гг. XX в., в ходе этого военного конфликта американцы решали поставленную задачу по уничтожению наследия цивилизации Месопотамии.

Коллектив авторов[7] приводит слова Джастина Мароцци, автора книги «Исламские империи: 15 городов, определивших цивилизацию»: «такие объекты, как Пальмира, <...> являются частью нашей глобальной цивилизации, они представляют собой вехи в истории человечества. Любой ущерб, нанесенный им, представляет собой травму для всего человечества»[8].

Авторы, исследовавшие в своей статье результаты уничтожения и разграбления региона и реакцию на происходящее в мировом сообществе, констатируют следующее: «Анализируя действия американских военных и исламских джихадистов, приходишь к выводу, что интересы тех и других совпали. Они хотели стереть память о древних цивилизациях Междуречья. На самом деле осуществленный грабеж является формой культурного геноцида, за которым стоит стремление лишить народы, здесь проживающие, права на признание их исторического вклада в формирование современного мира»[9].

В соответствии с материалами, подготовленными Стрингерским бюро международных расследований, «массовое разграбление иракских исторических музеев было заранее спланировано американцами. <...> Преступление не ограничивается только разграблением Вавилона или Иракского национального музея в Багдаде, — говорит Абдул Джабар, в 90-е годы руководивший работами по восстановлению Вавилона. — По сути, задачей оккупантов было разрушение наследия цивилизаций Междуречья в целом — 15 тыс. древних исторических мест подверглись вторжению и разграблению. Эти организованные грабежи продолжались более 6 месяцев»[10].

---

[7] *Бибикова О.П., Жилина И.Ю.* Разорение культурного наследия Ирака и Сирии как средство лишения народов национальной идентичности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2022. — Т. 15. — № 2. — С. 222–239.

[8] Там же. — С. 228.

[9] Там же. — С. 236.

[10] Украденная история. Оккупанты разграбили «колыбель человечества» // Аргументы и факты. — 18.09.2013. — https://aif.ru/society/history/ukradennaya_istoriya_okkupanty_razgrabili_kolybel_chelovechestva.

По словам эксперта ЮНЕСКО в области чрезвычайных ситуаций Джованни Боккарди, проблема уничтожения культурно-исторического наследия выходит за рамки культуры: «Это удар по самосознанию и устойчивому развитию той или иной народности. Боевики лишают людей их прав, включая право на культуру. Утрата этнического и культурного разнообразия, особенно в Сирии, Ираке и других частях Ближнего Востока, значительно усложнит не только достижение мира и согласия, но и возвращение беженцев в будущем. Таким образом, это скорее гуманитарная проблема и проблема безопасности, а не только культурная»[11].

Валерий Нечипоренко в статье «Миссия в Багдаде» приводит реакцию ряда авторитетных ученых, и не только из Ирака, на бездействие оккупационных властей, которое выглядело странным на фоне массированных разрушений и ограбления музеев: «Директор Национального музея Донни Джордж назвал невмешательство американцев «преступлением века».

Археолог Пол Заманski из Бостонского университета охарактеризовал случившееся как «культурную катастрофу огромного масштаба». Китайский ученый Су Дунхай заявил о «небывалом бедствии для мировой цивилизации». Профессор Гордон Ньюби с горечью констатировал: «Это — одна из самых больших потерь для нашей способности понимать прошлое <...> Научное сообщество заговорило о том, что столь масштабного преступления против культурных ценностей не совершалось со времен Второй мировой войны»[12].

От констатации фактов и реакции на происходящее перейдем к оценкам и выводам.

В материале «Оккультный смысл уничтожения древних артефактов. Демократизация и взлёт рынка «чёрной археологии» указывается: «Если внимательнее присмотреться к тем действиям, что совершаются на охваченных войнами и революциями территориях Ближнего Востока, то появляется уверенность — здесь ставка больше, чем стремление обогатиться: идёт планомерное уничтожение самых древних «следов» истории человечества с целью установления контроля над будущим. Ведь, как образно выразился в романе «1984» Джордж Оруэлл, «тот, кто контролирует прошлое, контролирует будущее. Тот, кто контролирует настоящее, контролирует прошлое». Поэтому хорошо известны неоднократные попытки изменить будущее какого-либо общества через изменение его истории»[13]. Авторы приводят мнение Андрея Фурсова, оценивающего дискредитацию или уничтожение истории, как «психоисторическую войну», преследующую цель разрушения систем управления в целом, и приводят, как аргумент, тезис: «С учётом того, что уже более ста лет непрерывно ставятся эксперименты по «переработке» исторической памяти народов, то не такими уж нереальными теперь видятся планы по изменению истории всего человечества — достаточно уничтожить свидетельства о «корнях цивилизации», хранящиеся в храмах, музеях и библиотеках, чтобы создать «новую историю» в угоду чьим-то интересам»[14].

Выглядит как конспирологическая теория, но, вспоминая Оруэлла и сценарий З. Бжезинского, изложенный в книге «Технотронная эра», вынужденно приходится задуматься.

Николай Малишевский выдвигает предположение о том, что за ширмой борьбы с режимами целенаправленно демонизируемых правителей и преступлениями «чёрной археологии» скрываются действия, имеющие оккультно-мистический смысл: территория современного Ближнего Востока подвергнута не насильственной демократизации, а идёт вторжение в Древнюю Месопотамию с целью переписывания истории человечества в целом: «если потерявший память так и не сможет вспомнить, кто же он на самом деле, ему в итоге придётся руководствоваться в дальнейшей жизни навязанной ему историей. Точно так же можно поступить с целым народом: отбить у него память, уничтожив, например, все хранилища древних знаний (музеи, библиотеки) или переделав в своих интересах их содержимое.

---

[11] *Кацова Р.* Уничтожение культурного наследия народов — угроза миру и безопасности на Земле. — 24.08.2015. — https://news.un.org/ru/audio/2015/08/1029501.

[12] *Нечипоренко В.* Миссия в Багдаде // Секретные материалы 20 века. –2011. — № 11 (319). — https://www.xfile.ru/x-files/secrets_of_special_services/missiya_v_bagdade/.

[13] Оккультный смысл уничтожения древних артефактов. Демократизация и взлёт рынка «чёрной археологии». 16.07.2017. — https://konsul-777-999.livejournal.com/8877031.html.

[14] Там же.

Сегодня нечто подобное предпринимается в глобальном масштабе. Идёт подготовка к переписыванию истории всего человечества. Начался этот процесс после американского вторжения в Ирак. Артефакты похищают, чтобы через некоторое время в новом, скомпилированном под нужды жрецов глобализма виде представить их как «материальное» подтверждение тезисов, открыто изложенных несколько десятилетий назад З. Бжезинским в книге “Технотронная эра”»[15].

Уничтожаются не только памятники. Жертвами становятся и авторитетные ученые. В марте 2011 г. в аэропорту Торонто «от внезапного сердечного приступа» скончался блестящий иракский ученый, ассириец по происхождению, директор Национального музея в Багдаде доктор Дони Джордж, прибывший в Канаду, чтобы выступить с циклом лекций о поиске артефактов, похищенных из музеев и мест археологических раскопок Ирака. Загадочной выглядела как сама смерть ученого, так и загадочная пропажа электронного носителя со всеми материалами к лекциям и данными, полученными в ходе поисков. За исключением некролога, других сведений в СМИ не появлялось, что также заставляет задуматься о смысле происходящего.

В свете приведенных фактов и версий можно высказать несколько предположений.

Участие американцев и боевиков ИГИЛ в разрушении культурного наследия стран Ближнего Востока можно рассматривать как намеренное уничтожение следов древней истории народов этого региона с целью изменить их самосознание, снизить их самооценку, чтобы в будущем установить в этом районе свою гегемонию. Мы знаем массу примеров того, как ставятся эксперименты по «переработке» исторической памяти народа. Это и стремление лишить Россию Победы во Второй мировой войне, и сочинить историю украинского народа, который якобы «вырыл Чёрное море» и т.п.

Данные действия могут рассматриваться как попытка переформатирования исторической памяти «Глобального Юга», где и находится в соответствии с материальными культурно-историческими артефактами колыбель цивилизации в пользу поддержки евроцентризма, укрепления позиций Западной цивилизации в духе Жозепа Боррреля в борьбе за гегемонию. Однако столь глубокая задействованность США позволяет говорить о поддержании через новый формат исторической памяти статуса гегемона, теряющего позиции, занимаемые после развала биполярного мира.

Это — «тайная» война, цель которой — уничтожить свидетельства о «корнях цивилизации». Разрушаются памятники и уничтожаются тексты для того, чтобы создать «новую историю» в соответствии с интересами авторов этого проекта.

А украинские власти продолжают сносить памятники, связывающие страну с Великой Историей, стирая историческую память и уничтожая собственную идентичность.

[15] *Малишевский Н.* Вавилонская башня нового мирового порядка. Два аспекта — археологический и музейный // Фонд стратегической культуры. — 02.09.2013. — https://www.fondsk.ru/news/2013/09/02/vavilonskaja-bashnja-novogo-mirovogo-porjadka.html.

Никулина И.Н.[1]
д.и.н., доцент, в.н.с.,
Алтайский государственный университет, г. Барнаул
innikulina@mail.ru

О СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: историческая память, история России, патриотическое воспитание, музеи, архивы, библиотеки, издательская деятельность, молодежь.
Key words: historical memory, history of Russia, patriotic education, museums, archives, libraries, publishing activities, youth.

Как известно, одной из первоочередных задач в процессе воспитания молодежи является сохранение исторической памяти, уважения к героическому прошлому своей страны. Всестороннее осмысление истории России, знакомство с традициями возможно лишь при условии изучения исторического прошлого всей страны и ее отдельных регионов. Именно для глубокого осмысления российской истории и сохранения исторической памяти необходимо подробное и тщательное изучение региональной истории, позволяющее проследить общие закономерности и особенности развития страны, воссоздать широкую панораму исторического процесса, в результате которого был сформирован современный технико-экономический и демографический потенциал государства. Большую роль в этом призваны играть библиотеки, архивы, музеи, выполняющие важные образовательно-воспитательные функции в обществе, являющиеся хранителями памяти и доносящими ее до людей[2].

Данная статья посвящена рассмотрению проблемы сохранения исторической памяти, освещению ее некоторых аспектов на конкретных примерах практической деятельности, о которых пойдет речь в дальнейшем.

Героическое прошлое народов нашей страны, их ратные и трудовые подвиги, беззаветное служение своему Отечеству навсегда останутся в памяти поколений. 2025 г. является важнейшим юбилейным годом 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Праздник Великой Победы 9 мая 1945 г. — самый торжественный и священный в нашей стране. Думается, что нет семьи, которой не коснулась бы Великая Отечественная война, ставшая самым суровым и жестоким испытанием для нашей страны. Значительное количество людей продолжают и сейчас поиски своих родных и близких, погибших на фронтах войны.

История Великой Отечественной войны была и остается одной из значимых и актуальных тем. Тема войны широко представлена в научных исследованиях, публицистических изданиях, средствах массовой информации[3]. В некоторых изданиях показано участие жителей

---

[1] Профессиональные интересы: история политической ссылки XIX в. в Западной Сибири (на Алтае), проблемы науки и культуры. Приоритетные тематические направления Алтайского государственного университета: социально-культурные взаимодействия регионов Большого Алтая (исторический, философский и другие аспекты), Алтай в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII — начала XXI вв.

[2] *Никулина И.Н.* Университеты и архивы: некоторые аспекты взаимодействия в учебном процессе (на примере региональной истории) // Историческое прошлое в гуманитарных исследованиях и образовательной практике: сборник материалов междунар. интерконф. 22–25 марта 2023 г., Новосибирск / под ред. В.А. Зверева. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2023. — С. 115–119; *Никулина И.Н.* Роль музеев в патриотическом воспитании молодежи: некоторые аспекты // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник: материалы Шестой междунар. научн.-практ. конф. «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества» 23–24 ноября 2023 г., Москва / отв. ред. М.А. Булавина, В.И. Герасимов. — М., 2024. — Вып. 7, ч. 1. — С. 802–804.

[3] История Алтая: в 3-х т. Т. 3: Алтай в новейшую эпоху (XX — начало XXI века) / под ред. Е.В. Демчик. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. — 484 с.; *Гончаров В.Д.* Вклад Алтайского края в победу над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. — Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2015; *Ростов Н.Д.* Идем мы в решительный бой… Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны. — Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2007 и др.

конкретных сел в Великой Отечественной войне[4]. Большое значение имеют воспоминания, рассказы участников военных событий, детей войны, испытавших все тяготы и лишения военного времени, но при этом помогавших фронту и трудившихся по мере своих сил на благо Родины. Очень важно, чтобы память о тех героических и трагических годах, о немеркнущих и бессмертных подвигах людей, отдавших жизнь за Родину и честно выполнивших свой долг, об их беззаветном труде была сохранена для последующих поколений. Необходимо отметить, что молодые люди, прежде всего, студенты, проявляют большой интерес к исследованию малоизученных и неизвестных страниц Великой Отечественной войны. Это находит отражение в международных научных студенческих конференциях и «круглых столах», в выступлениях с докладами по малоизученным темам[5].

История отдельных регионов составляет весомую часть истории России. Поэтому одним из путей сохранения исторической памяти является практика проведения всероссийских заочных научных конференций на основе использования обширных пластов по различным проблемам истории ранее неизвестных материалов региональных архивов, являющихся бесценными как для специалистов, так и для представителей широкой общественности [6].

Сохранение и изучение исторического наследия Алтая, деятельности выдающихся личностей, проживавших здесь, является одной из важнейших тем, имеющих не только региональное, но и общероссийское значение. На протяжении длительного времени не иссякает интерес к изучению наследия талантливых изобретателей И.И. Ползунова, К.Д. Фролова и других, что чрезвычайно важно для воспитания у подрастающего поколения патриотизма, творческого отношения к делу, стремления приносить пользу своему народу, своей стране. Подтверждением этого является проведение на протяжении многих лет, начиная с 1986 г., научно-практической конференции «Ползуновские чтения», вызывающей большой интерес у молодежи и являющейся своеобразной формой пропаганды наследия известного изобретателя[7]. Несомненно, имя И.И. Ползунова, выдающегося создателя первого в мире пароатмосферного двигателя, стоявшего у начал создания работающей паровой машины, олицетворяет великое прошлое России и принадлежит всей стране.

Большое значение имеет активная издательская деятельность, направленная на воссоздание истории страны, раскрывающая историческое прошлое центра и регионов как единое целое, складывающееся в процессе развития государственное образование. Ярким примером может служить коллективная монография, являющаяся попыткой комплексного исследования роли и места города на Неве в истории Алтая, показанного через призму биографий отдельных людей, судьбы которых связали северную столицу и далекую окраину, начиная с XVIII в. до настоящего времени[8]. Данное издание, несомненно, дополняет как общероссийскую историю, так и региональную. В книге раскрываются сложившиеся с течением времени исторические и культурные связи между Санкт-Петербургом (Ленинградом) и Алтаем посредством рассмотрения отдельных человеческих судеб, тем самым отражая участие города на Неве в истории региона. Примеры конкретных личностей, рассмотренные в книге, их жизнь, активная сопричастность судьбе своей страны, обладают огромной нравственной и воспитательной силой, способствуя сохранению исторической памяти, в которой город-герой Ленинград занимает особое место.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что сохранение исторической памяти способствует формированию интереса к общественно-политическим событиям прошлого,

---

[4] *Дунец А.Н., Дунец Н.И.* Быстрый Исток: история села и его роль в освоении Верхнего Приобья. — Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2015. — С. 140–154.

[5] Великая Отечественная война: люди и судьбы: сборник материалов междунар. студенч. «круглого стола», посвященного 70-летию Великой Победы. 29 апреля 2015 г. / отв. ред. О.А. Литвинова. — Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2015. — 59 с.

[6] Местные архивы об истории регионов России: материалы Всерос. заочн. научн. конф. / научн. ред. С.Н. Полторак. — СПб.: Нестор, 1997. — 191 с. и др.

[7] Ползуновские чтения 1991 года: тезисы к научн.-практ. конф. / ред.- сост. А.Д. Сергеев. — Барнаул: Павловский филиал п.о. «Полиграфист», 1991. — 89 с. и др.

[8] Город на Неве в истории Алтая: люди и судьбы: монография / отв. ред. И.Н. Никулина. — Барнаул: ОАО «Алтайский дом печати», 2020. — 350 с.

глубокого уважения к традициям, историческому наследию России, воспитывая чувство гордости и уважения, патриотизма и любви к своему Отечеству, заставляя думать и оценивать происходящее. И мы должны стараться делать все возможное, чтобы не было забыто историческое прошлое нашей страны, его героические и трагические страницы, бесценный опыт, накопленный поколениями, достижения и подвиги людей, многие имена которых вошли в историю, а некоторые остаются до сих пор неизвестными.

В связи с этим предлагается осуществление следующих мероприятий, направленных на сохранение исторической памяти как основы общественного сознания.

1. Расширение предоставления возможностей ознакомления молодежи и всех заинтересованных лиц с уникальными коллекциями ведущих российских архивов, музеев, библиотек в регионах страны благодаря активной поддержке центральной и местной администрации.
2. Систематическое проведение выставок литературы, документальных материалов, фотографий из семейных архивов, посвященных наиболее знаменательным событиям общероссийской и региональной истории, выдающимся личностям, внесшим неоценимый вклад в защиту и развитие своей Родины.
3. Организация широкой рекламы проводимых мероприятий и создание условий их посещения на льготных условиях для молодежи.
4. Активизация издательской деятельности. Издание тематических сборников статей, документов, монографий, воспоминаний, эпистолярного наследия, каталогов музейных коллекций. Размещение данных материалов в сетевых изданиях, на Интернет-сайтах с целью более широкого ознакомления с ними молодых людей и всех интересующихся вопросами изучения исторического прошлого России.
5. Организация и проведение научных конференций, «круглых столов» по актуальным проблемам истории на базе высших учебных заведений с привлечением соответствующих материалов архивов и музеев.
6. Разработка туристических маршрутов по местам жизни и деятельности выдающегося русского изобретателя И.И. Ползунова и других известных людей с целью популяризации знаний среди широких слоев населения.

Все это будет способствовать сохранению исторической памяти, глубокому осмыслению и популяризации исторического наследия среди молодежи, воспитанию любви и уважения к истории своей Родины. Сохранение исторической памяти является одной из важнейших задач сегодня.

Терновая Л.О.
д.и.н., профессор,
профессор Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета
89166272569@mail.ru

ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ИСТОРИИ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ ПОДХОД К ОПЫТУ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ КРЕПОСТЕЙ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: крепости, фортификация, военная история, геополитика, стратегия, военно-исторический опыт, Севастополь, Порт-Артур, героизм.
Key words: fortresses, fortification, military history, geopolitics, strategy, military-historical experience, Sevastopol, Port Arthur, heroism.

Фундаментальную роль в понимании закономерностей развития общества играют компаративистские исследования (*лат. comparativus* — сравнительный)[1]. Они применимы практически ко всем аспектам общественной жизни и особенно продуктивны, когда помимо сравниваемой теоретической базы исследователь обладает не только визуальным материалом, но и фактами с высокой эмоциональной заряженностью. К такому роду можно отнести сравнительный анализ геополитических стратегий, военных действий и военной архитектуры, позволяющий выявлять универсальные принципы организации обороны, применявшиеся различными цивилизациями независимо от географических и культурных различий[2].

Методология сравнительных исследований особенно эффективна при анализе фортификационных систем. С ее помощью преодолеваются ограничения национальных историографий, выделяются транснациональные тенденции в развитии оборонительной архитектуры, определяется роль крепостей как в военной, так и в мирной жизни, обнаруживаются связи крепостных сооружений с особенностями менталитета их строителей. Продуктивен такой подход применительно к объектам, находящимся, с одной стороны, в общем геополитическом пространстве, с другой стороны, имеющим отличительные характеристики из-за географических особенностей местности и цивилизационно-исторической специфики той социальной общности, интересы которой они должны были защищать.

К таким пространствам относится Большая Евразия, простирающаяся от атлантического побережья Европы до тихоокеанских берегов Азии. Этот макрорегион на протяжении тысячелетий представлял собой арену взаимодействия оседлых и кочевых цивилизаций. Оборонительные крепости были ключевым элементом в защите территорий, торговых путей и культурных центров. Эти сооружения отразили военно-инженерную мысль своих эпох и были участниками и свидетелями драматических исторических событий.

Мощь, являвшаяся целью и смыслом таких фортификаций, демонстрирующая их способность защитить своих и одним несокрушимым видом предостеречь от нападения чужих, позволила предать их силу потомкам, даже когда времена и испытания их серьезно повредили. Специфика крепостей обнаруживается и лексически. В русском языке понятие «крепость» не требует расшифровки. В романо-германском мире его аналогом выступает термин «fort», ведущий происхождение от латинского «fortis», означающего «твердый, крепкий, мощный», возможно, восходящего к праиндоевропейскому «**bheregh*» — «высокий, возвышенный» (*санскр. brmhati* — укрепляет).

В отличие от крепостей замки (*англ. castle*; фр. *château*) были в первую очередь не военны-

[1] *Колесников А.С.* Философская компаративистика: Восток-Запад. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004; *Эсалнек А.Я.* Теоретические аспекты современной компартивистики // Русистика и компаративистика. Сб. науч. ст.: в 2-х кн. Вып. 7, кн. 2 / отв. ред. М.Б. Лоскутникова. — М.: МПГУ, 2012. — С. 9–17.

[2] *Беловинский Л.В.* От острога до укрепрайона: история фортификации с древности до середины XX века. — М.: Директ-Медиа, 2020.

ми оборонительными сооружениями, предназначенными для защиты стратегически важных городов, переправ, горных проходов и других коммуникаций, а частными укрепленными жилищами феодала. Замок был прежде всего домом, умевшим защищаться. Крепость являлась щитом, хотя и давала укрытие в трудные времена всем жителям близлежащих мест, а в обычное время в ней размещался лишь военный гарнизон. Несмотря на то, что в разговорной речи эти слова «крепость» и «замок» часто используют как синонимы, между самими объектами имеются фундаментальные различия, основанные на их назначении, архитектуре и функциях, включая символическую. Замок — символ феодализма, олицетворяющий власть местного лорда над окружающими землями и крестьянами; его строительство было правом и привилегией знати. Крепость — символ государственной или коллективной обороны. Ее возведение инициировалось и финансировалось центральной властью в лице монарха или городского совета для защиты общих интересов. Наиболее контрастно эти символические различия представляют замок Нойшванштайн (*нем. Schloss Neuschwanstein*) в Баварии, построенный по приказу короля Людвига II как его личная резиденция. Примеры крепостей «Орешка» (Россия) или Брестской крепости (Беларусь) указывают, что они изначально были построены как мощные оборонительные узлы для контроля водных путей и защиты западных рубежей.

Существуют гибридные формы замка и крепости. Крупные укрепленные резиденции монархов часто называют цитаделями (*итал. cittadella* — небольшой городок). Они представляли собой упроченную центральную часть города или крепости, приспособленную к самостоятельной обороне. Классической цитаделью является Московский Кремль, интегрирующий в себе крепость в виде мощных стен и башен, защищавших город, и замок с резиденцией Великих князей и царей, а также соборы.

Различия замков и крепостей являются визуально проявляемым геополитическим символом. Так, на обширном Евразийском пространстве замки смещены в его западную часть, а крепости — в восточную. Объяснение этому лежит в особенностях феодализма как исторического периода, когда преимущественно возводились подобные укрепленные объекты. Столь же важную роль в выборе формы защитных сооружений играли цивилизационные факторы. Несмотря на то, что внутри как европейской, так и азиатской цивилизационных моделей обнаруживается значительное разнообразие проявлений, обнаруживаются общие системообразующие черты, сформированные историей, религией, философией и географией.

Западная цивилизация развивалась на основе античного наследия, к которому добавляла ценности христианства, достижения мысли эпох Ренессанса и Просвещения, а затем научно-технических революций. На этой почве возникло мировоззрение индивидуализма с приоритетом прав и свобод отдельной личности над интересами коллектива. Утвердились вера в прогресс и верховенство закона. В социальной организации возобладали горизонтальные связи, когда общество структурировано вокруг договорных отношений и ассоциаций. В культурном коде закрепилась установка на изменение внешнего мира под свои нужды. Хотя описанная картинка отражает идеал, представление о «чистой» европейской цивилизации, далекой от реальности, именно в такую конфигурацию вписывается образ замка, часто имеющего величественный вид, который может быть мрачным или романтическим, но всегда индивидуализированным.

Мировоззрение и ценности азиатских цивилизаций отражают представления о гармонии и иерархии, где общество понимается как строго организованная структура, а у каждого человека есть свое место. Согласно наставлению Конфуция, «государь должен быть государем, сановник — сановником, отец — отцом, сын — сыном». Мир зиждется на уважении к традициям и предкам, отражает сильнейшую связь с прошлым, почитание старших и предков, воспринимающихся как источник мудрости. Общество организовано по сетевой модели, фиксирующей сильные неформальные связи и взаимные обязательства, как гуаньси в Китае. В культурном коде выражены культ упорного труда и образования, как путей к успеху и социальному продвижению. Визуально воплощением этого цивилизационного смысла стали системы укреплений, оборонительные валы, крепостные комплексы, например, Великая Китайская стена (пиньинь C*h ngch ng* — Длинная стена) длиной почти в десять тыс. км. Таковым ее можно считать по двум важнейшим параметрам цивилизационного самоопределения. Пер-

вый — восприятие природы, характеризующееся стремлением жить в гармонии с природой, а не покорять ее (даосизм, синтоизм). Второй — адаптивность и долгосрочное планирование, заключающееся в умении гибко приспосабливаться к изменениям, сохраняя «ядро», мыслить долгими горизонтами[3]. Оборонительный комплекс военных ландшафтов маратхов в Индии, относящиеся к концу XVII — началу XIX в., состоит из двенадцати крупных фортификационных сооружений, создающих сложную систему обороны, позволившую поддерживать военное превосходство, защищать торговлю и контролировать территории.

Российская цивилизация является цивилизацией-гибридом, сформировавшимся на стыке Европы и Азии. Ее идентичность постоянно колеблется между западничеством и самобытностью, что определяет ее дуализм и амбивалентность. В мировоззрении преобладают ценности коллективизма, выражаемые в приоритете общих интересов (общины, государства, народа) над личными. Такой тип менталитета можно назвать «Крепостью». Он точно передает многовековое ощущение себя в качестве осажденной крепости, окруженной врагами, что порождает одновременно и консолидацию социума, и умение жить в изоляции. С крепостью эту цивилизацию роднит характер социальной организации, где выделяется не только вертикаль власти, но и вертикальные связи, когда социум структурируется вокруг знаковой персоны на основе личной преданности, а не формальных правил. В культурном коде обнаруживаются элементы, помогающие выживать в условиях осажденной крепости: максимализм, широта души, долготерпение, иррационализм, обеспечивающие способность выдерживать огромные трудности и лишения, сочетающиеся с эмоциональной щедростью.

Хотя в современном взаимосвязанном и взаимозависимом мире эти черты активно смешиваются и трансформируются, они сохраняются в исторической памяти и поведенческих паттернах. Именно эти цивилизационные маркеры фиксируются визуально в виде крепостей. Такое сооружение выступает в роли не просто своеобразного гения места, представленного в броне и с оружием, но и в подлинном понимании этого образа как выразителя духа пространства[4]. Различия этих территорий зафиксированы в расположенных на них оборонительных объектах.

Первый тип относится к пространству Восточной Европы и западной части России. Здесь находятся древнейшие кремли (детинцы) Русской земли — Новгородский, Псковский, Владимирский, Московский, Ростовский, Ладожская крепость и др. Это — ядра, вокруг которых формировались древнерусские города, символы их могущества и независимости. При том, что характеристика кремлей строится на общих чертах, каждый уникален. Общей является оборонная функция. Ее выполнению способствовало расположение на высоких холмах у слияния рек, мощные стены, башни, сложная система укреплений, включающая рвы, земляные валы, захабы. Административно-политическая функция состояла в том, что кремли были центрами светской и духовной власти, где находились княжеская резиденция, а в республиканских городах — вечевая площадь, собор, дворы знати. Собор одновременно с религиозной ролью, олицетворял духовную функцию, являясь символом богатства и статуса города. Все они являются бесценным наследием и красноречивыми свидетелями русской истории: Новгородский — древнейший и республиканский; Псковский — неприступный воин; Московский — парадная резиденция объединившей страну власти.

Второй тип отражает специфику оборонительного строительства Беларуси и Прибалтики, сочетающую замковые и крепостные сооружения. Ярким примером последних служит Брестская крепость (Беларусь), построенная в 1833–1842 гг. и приобретшая бессмертную славу во время Великой Отечественной войны. В этом же субрегионе Евразии есть примеры замковых построек с оборонительными целями: Лидский замок (Беларусь, 1320) защищал земли от крестоносцев; Мирский замок (Беларусь, около 1522) изначально имел черты престижного объекта, но был задействовал в военных действиях XVII–XIX вв.; замок Тевтонского ордена Кёнигсберг (*нем. Königsberg Schloß*) в Калининграде (Россия, 1255). Такая двойственность

[3] *Золотухин И.Н.* Геополитические интересы Китая в Евразии. Новые партии на пространстве Великой шахматной доски // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2022. — № 1. — С. 161–166; *Markey D.S.* China's Western Horizon. Beijing and the New Geopolitics of Eurasia. — New York: Oxford University Press, 2020.

[4] *Терновая Л.О.* Гений места Крыма: единство геопоэтики и геополитики. — М.: Город XXI век, 2018.

территории, как в зеркалах, отразилась в Нарвском замке (Эстония) и Ивангородской крепости (Россия), символизирующих противостояние Запада и России.

Третий тип представлен крепостями Поволжья и Урала. Выделяются Казанский кремль (Россия), существовавший с XII в. и перестроенный после взятия Казани Иваном Грозным в 1552 г.; гигантская система валов Великий Древнерусский исторический вал, созданная около пяти тысяч лет назад и протянувшаяся от Тихого до Атлантического океана с целью создания преграды на пути кочевников, разоряющих земледельческие хозяйства[5].

Четвертый тип — крепости Кавказа и Закавказья. Речь, прежде всего, идет о функции защиты от кочевников, требовавшей соединения гор с Каспийским морем системой укреплений, которые назывались Кавказскими воротами и со временем оформившимися в Дербентскую крепость. Крепость Нарикала в Грузии построили в IV в. персы и назвали «Шурис Цихе», что переводится как «Завидная крепость». Она была самым неприступным сооружением на Великом шелковом пути. В VII в. крепость значительно расширили арабы, а в 1089–1125 гг. ее перестроил грузинский царь Давид Строитель. Во время монгольского правления название сооружения вновь изменилось: «Нарин Кала» означает «Малая Крепость». К этому типу относятся крепости Армении (Амберд, Эребуни, Ахтала) и Азербайджана (Шушинская, Девичья башня в Баку, Галидзор).

Пятый тип представлен крепостями Центральной Азии и Великой Степи. Несмотря на то, что кочевые народы региона (скифы, сарматы, гунны, тюрки) редко возводили крепости, они создавали укрепленные лагеря и города. Крепость Саркел была построена хазарами с помощью Византии на Дону для защиты от русов. Крепости Хорезма защищали оазисы Средней Азии от кочевников, но были разрушены монголами в XIII в. Завоевание Средней Азии в 1219–1223 гг. показало уязвимость даже мощных крепостей перед осадными технологиями монголов, которые предпочитали осаждать чужие крепости, а не строить свои. Но они использовали укрепленные города как базы, например, Сарай-Бату.

Крепости Большой Евразии выполняли разнообразные функции: военной защиты, политического центра, торгового узла, культурного символа. Оборонительные крепости региона формировали историю народов региона. Их сравнительный анализ позволяет понять не только эволюцию военной архитектуры, но и динамику взаимодействия между оседлыми и кочевыми цивилизациями на протяжении тысяч лет.

Инструментарий компаративистики особенно полезен для изучения крепостей, расположенных на полуостровах и островах, где географические условия диктовали схожие архитектурные решения и организацию их обороны[6]. Сравнительное исследование позволяет выявить: универсальные принципы обороны полуостровных и островных крепостей; закономерности стратегического использования географических преимуществ; общие контуры исторической памяти этих пространств во многом имеющих специфику проявления «мест памяти» (фр. *lieu de m moire*)[7].

Благодаря сравнительному анализу крепостей, расположенных на полуостровах и островах, видны поразительные совпадения принципов их организации. Так, Петропавловская крепость в Санкт-Петербурге, основанная в 1703 г. на Заячьем острове в дельте Невы, демонстрирует классические принципы островной фортификации. Она имеет шестиугольную планировку, повторяющую форму острова, с шестью массивными бастионами, соединенными куртинами высотой 10–12 м и толщиной около 20 м. Аналогичные принципы наблюдаются в замке Кронборг (*дат. Kronborg Slot*) в Дании, построенном на стратегически важном полуострове в самой узкой части пролива Эресунн и ставшим известным как «Эльсинор» в пьесе Шекспира «Гамлет».

Еще одно сравнение таких объектов позволяет утверждать, что повсеместно при их возведении учитывался рельеф местности. Например, Королевская цитадель в Плимуте (*англ. Royal*

[5] *Тихонов В.А.* Великий древнерусский исторический вал // История и археология. — 2014. — № 3. — https://history.snauka.ru/2014/03/915.

[6] *Терновая Л.О.* Геополитика островов // Этносоциум и межнациональная культура. — 2016. — № 9 (99). — С. 125–134.

[7] *Дмитриева О.О., Туманова М.М., Широков О.Н.* «Место памяти / lieux de mémoire» как механизм сохранения исторической памяти общества // Исторический поиск / Historical Search. — 2023. — Т. 4. — № 2. — С. 73–81.

Citadel in Plymouth, 1660) в Девоншире указывает на мастерское использование естественного рельефа. Цитадель имеет неправильную планировку с шестью бастионами и двумя полубастионами, форма которых определялась топографией местности и необходимостью контроля над входом в гавань. Сейчас именно в Плимуте находятся военные судоверфи и крупнейшая в Западной Европе военно-морская база. Близкие принципы адаптации к рельефу наблюдаются в фортификациях Мальты. Там также система обороны развивалась на протяжении веков, приспосабливаясь к особенностям островной топографии. Форт Святого Эльма (*англ. Fort Saint Elmo*), построенный в XIV в. для охраны подступов к гавани Марсамшетт и Великой Гавани на оконечности полуострова Шиберрас, контролировал входы в эти две естественные гавани. В настоящее время в форте располагаются Национальный военный музей Мальты и полицейская академия, а также регулярно организуются костюмированные представления, воссоздающие рыцарскую эпоху. Что тоже указывает на возможность таких фортификационных объектов поддерживать живую память, в том числе с помощью инструментов исторической реконструкции, являющейся компонентой патриотического воспитания[8].

Можно найти совпадения и в системах бастионного укрепления. В XVI столетии развитие бастионной системы фортификации привело к созданию универсальных принципов обороны, которые применялись по всему миру. Такая система характеризовалась низкими толстыми стенами с выступающими бастионами, обеспечивающими перекрестный огонь по подступам к крепости. Полуостров Гибралтар занимает стратегически важное положение у Гибралтарского пролива, где Средиземное море встречается с Атлантическим океаном. Крепости там демонстрируют эволюцию оборонительных систем на протяжении веков. На пике своего развития в 1865 г. фортификации Гибралтара включали 681 орудия, размещенных в 110 батареях и позициях.

Примеры совпадений в организационных принципах обороны наблюдаются в контроле морских коммуникаций. Сравнительный анализ показывает, что островные и полуостровные крепости неизменно использовались для контроля важных морских путей. Как и крепости Гибралтара, Владивостокская крепость, построенная в начале XX столетия, представляла собой инновационный проект морской крепости, контролировавшей подступы к Тихому океану. Система включала 11 бетонных фортов, 9 оборонительных пунктов и около 50 артиллерийских батарей. Аналогичные функции выполняли генуэзские торговые посты и крепости в Средиземном и Черном морях, в том числе на Крымском полуострове (Судак, Феодосия, Гурзуф, Балаклава), формируя единую систему контроля морских торговых путей. Эти укрепления демонстрируют адаптацию к местным условиям при сохранении общих принципов оборонительной архитектуры.

Крепости на полуостровах и островах развивали многоуровневые системы обороны. Так, цитадель Блай (*фр. Citadelle de Blaye*) во Франции, построенная военным инженером, маршалом и писателем Себастьеном де Вобаном в XVII в., использовала естественные изгибы реки Жиронда для создания эшелонированной обороны. Большинство стен следовали изрезанной береговой линии, позволяя орудиям вести огонь прямо по реке. Полуостровные крепости демонстрируют органичную интеграцию не только с рельефом местности, но и с городской средой. На Мальте Валлетта являет собой уникальный пример города-крепости, где оборонительные сооружения определили структуру городской застройки.

Крепости были своеобразным полигоном для испытаний технологических инноваций. Сравнительный анализ показывает синхронное развитие строительных технологий в различных регионах. Например, в конце XIX — начале XX столетия в крепостях по всему миру наблюдался переход от кирпично-каменных укреплений к железобетонным системам. Для укрепления оборонительных сооружений во Владивостоке было использовано около 500 тысяч кубических метров бетона[9]. Существенное воздействие на развитие крепостного строительства оказало развитие артиллерии, потребовавшее унификации оборонительных ре-

[8] *Вознесенский И.С.* По местам исторических средневековых боев // Форум политических и деловых коммуникаций. Альманах. Вып. 3. — М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2014. — С. 119–124; *Вознесенский И.С.* Экономика исторической реконструкции // Альманах «Крым». — 2017. — № 10. — С. 71–77.

[9] *Аюшин Н.Б.* Дальневосточный форпост России. Об истории строительства Владивостокской крепости // Военно-исторический журнал. — 1996. — № 4. — С. 51–53.

шений независимо от географического положения крепостей. Это хорошо демонстрируют Умбертинские форты (*итал. Forti Umbertini*) в Мессинском проливе, построенные между 1884 и 1914 гг., представлявшие «тактическую секретную систему», обладающую оборонительной траншейной линией протяженностью около 40 км.

Компаративистские исследования крепостей на полуостровах и островах выявляют универсальные закономерности в развитии оборонительной архитектуры, которые свидетельствуют о глубинных геополитических принципах. Эти совпадения объясняются не только схожестью географических условий, но и логикой военной необходимости, диктующей оптимальные решения для обороны стратегически важных морских позиций. Сравнительный подход позволяет понять, как технологические инновации, тактические доктрины и архитектурные решения распространялись между различными культурами и регионами, создавая общие принципы фортификационного искусства. Это делает компаративистский анализ незаменимым инструментом для понимания взаимосвязи между географией, технологией и геополитической стратегией.

История военных конфликтов часто хранит удивительные параллели между событиями, происходившими в разных уголках мира. Одним из таких примеров являются судьбоносные пересечения историй Крыма[10] (в частности, Севастополя) и Порт-Артура (ныне Люйшунь) на Ляодунском полуострове Китая. Эти две крепости, разделенные тысячами километров, стали символами русской воинской доблести, трагических поражений и невыученных уроков истории. Следует обратить внимание на совпадение стратегического значения и исторического контекста этих твердынь. Обе они стали важнейшими военно-морскими базами, обеспечивавшими присутствие России в ключевых регионах: Севастополь — главной базой Черноморского флота после присоединения Крыма к России в 1783 г.; Порт-Артур был арендован Россией у Китая в 1898 г. для создания незамерзающей базы Тихоокеанского флота и усиления влияния на Дальнем Востоке. Эти регионы оказались в центре геополитических интересов великих держав: Крым — в Крымской войне (1853–1856), Порт-Артур — Русско-японской войне (1904–1905).

Оборона крепостей стала ярким примером героизма и трагедии. Осада Севастополя длилась 349 дней и считается центральным событием Крымской войны. Оборона Порт-Артура продолжалась 11 месяцев и была ключевым эпизодом Русско-японской войны. Гарнизон крепости, укомплектованный из сибирских стрелков, моряков и добровольцев, отразил четыре штурма японской армии генерала Марэсукэ Ноги, при которых потери японцев составили до 110 тыс. человек[11].

Еще одно важное сравнение указывает на то, что оборона обеих крепостей подчеркивает роль личности в истории. В Севастополе командование осуществляли адмиралы Павел Нахимов и Владимир Корнилов, генерал-лейтенант Степан Хрулёв, ставшие символами мужества. В Порт-Артуре ключевой фигурой явился военный инженер, генерал-лейтенант Роман Кондратенко, погибший при обороне крепости, чья смерть во многом предопределила падение Порт-Артура. Тогда как сдавший Порт-Артур генерал Анатолий Стессель был осужден за предательство и трусость.

Исторические параллели и уроки обороны Севастополя и Порт-Артура указывают на схожесть судеб этих важных геостратегических точек и способов их защиты. Оба города-крепости явились символами русской воинской славы, несмотря на поражения в войнах дали толчок военным реформам в России: после Крымской войны в стране было отменено крепостное право и модернизирована армии, после Русско-японской войны произошло восстановление флота и его перевооружение. Но не все уроки этих испытаний были усвоены. Во-первых, пагубность пренебрежения подготовкой, в частности, к началу Русско-японской войны проявилась в том, что укрепления Порт-Артура не были завершены, гарнизон испытывал недостаток в орудиях и боеприпасах. Во-вторых, опасность недооценки противника сказывается на го-

[10] *Вознесенский И.С.* Крым: геоэкономика vs геополитика // Этносоциум и межнациональная культура. — 2018. — № 6 (120). — С. 137–142; Терновая Л.О. Историческое краеведение Крыма. — М.: ИНФРА-М, 2025.

[11] *Журавлев П.* Оборона Порт-Артура: героизм и предательство // Международная жизнь. — 2025. — 2 января. — https://interaffairs.ru/news/show/49617.

товности к боевым действиям. В-третьих, серьезность ошибок командования основана на его нерешительности и некомпетентности.

Наблюдаются параллели в культурно-историческом наследии этих двух героических оборон, которые остались в культурной памяти России как примеры доблести и трагедии. Порт-Артур часто называют «дальневосточным Севастополем». В Севастополе и Порт-Артуре установлены памятники и мемориалы, посвященные героям обороны. В Порт-Артуре сохранилось русское кладбище, где покоятся защитники крепости. Это — крупнейшее русское воинское захоронение за рубежом.

Исторические судьбы Севастополя и Порт-Артура тесно переплетены. Оба города стали символами мужества простых солдат и матросов, но также и примером бездарности командования и пренебрежения подготовкой. Эти параллели напоминают, что история часто повторяется, а уроки прошлого должны служить предостережением не только для будущего, но и руководством в настоящем. Обращение к истории, в которой наблюдаются сходства и закономерности действий независимо от локальной специфики, акцентирует внимание на значимости формирования темпорального интеллекта, важнейшей особенностью которого является чувство исторического времени[12].

Истории крепостей Евразийского пространства, несмотря на то, что они всегда соответствовали характеру местности, и значительные расстояние между ними, демонстрируют глубокие параллели в стратегическом значении, героизме защитников этих сооружений и трагических уроках, которые не были должным образом усвоены. Все они выступают как символы воинской доблести, наглядно показывая важность крепостей в геополитике Евразийского пространства. Анализ исторических событий, в центре которых в разные периоды истории находилась оборона крепостей, выявляет универсальные закономерности фортификационного искусства, обусловленные географией, культурой и техническим развитием, а также подчеркивает влияние человеческого фактора на исход сражений. Также эти материальные памятники служат напоминанием о значимости внимания к ключевым личностям, чьи решения и действия значительно повлияли на ход обороны — от адмиралов и генералов до простых солдат. При этом общие нерешенные проблемы, такие как недостаточная подготовка, недооценка противника и ошибки в командовании, повторялись в различных оборонах, что подчеркивает необходимость комплексного подхода к военной стратегии и реформам.

[12] *Вознесенский И.С.* Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению // Миссия конфессий. — 2022. — Т. 11, ч. 3 (№ 60). — С. 90–97; *Терновая Л.О.* Координаты развилки истории — 1475 год: Крым // Альманах «Крым». — 2022. — № 30. — С. 29–37.

Тонких В.А.
д.и.н., профессор,
профессор Кафедры международных отношений и мировой политики,
Воронежский государственный университет
vladiton@bk.ru
Перепелицын А.В.
д.и.н., профессор,
профессор Кафедры истории России
Воронежский государственный университет
avp64@mail.ru

МИР МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДОВ

Ключевые слова: международные отношения, межвоенный период, причины Второй мировой войны, курс фашистской Германии на мировую войну, политика западных держав по умиротворению агрессора.
Key words: international relations, interwar period, causes of World War II, Nazi Germany's course towards world war, Western powers' policy of appeasing the aggressor.

В мае 2025 года народы России торжественно отметили знаменательную дату — 80-летие Победы в Великой Отечественной войне. Для российского народа эта дата священна, равно как и историческая память о героическом подвиге воинов Красной армии, в кровопролитной борьбе одержавших победу над сильным и коварным врагом.

Иначе относятся к этой дате наши противники на Западе, продолжая пускать в ход набившие оскомину измышления. Главным из них остается утверждение о том, что победу над гитлеровской Германией одержали, в первую очередь, западные страны, а СССР играл в этой войне вспомогательную роль. Президент США Д. Трамп недавно заявил, что Советский Союз помог Соединенным Штатам разгромить гитлеровскую Германию.

Приведем в этой связи один широко известный факт. На советско-германском фронте в разные периоды войны действовало от 190 до 266 наиболее боеспособных дивизий вермахта. В то же время в Северной Африке против англо-американских войск в 1941–1943 годах сражалось от 9 до 20 дивизий, в Италии в 1943–1945 годах — от 7 до 26, в Западной Европе после открытия Второго фронта в июне 1944 года — от 56 до 75 дивизий. На советско-германском фронте были уничтожены и пленены 607 дивизий — основные силы фашистского блока. Союзники во время войны разгромили и пленили 176 дивизий. Урон немецко-фашистских войск на советско-германском фронте был в четыре раза больше, чем на Западноевропейском и Средиземноморском театрах военных действий вместе взятых[1]. Цифры говорят сами за себя.

Между Первой и Второй мировыми войнами произошли события, которые вели к мировой катастрофе всемирного масштаба. Первым шагом на пути к трагедии 1 сентября 1939 года стал Версальский мирный договор от 28 июня 1919 года, ознаменовавший окончание Первой мировой войны. В Версале страны-победительницы (Великобритания, Франция, США, Италия, Япония, Бельгия и их союзники) отторгли у побежденной Германии значительные территории. 11 января 1923 года франко-бельгийская армия оккупировала Рур, что вызвало финансово-экономический кризис в Германии — из производственного процесса выключалась наиболее развитая часть Германии. Курс германской марки пошел вниз, инфляция достигла невиданных значений. Германии запрещалось иметь постоянную армию свыше 100 тысяч человек и только на добровольной основе. Отменялась воинская повинность, запрещался генеральный штаб. Запрещалось также иметь авиацию, тяжелое вооружение, танки. Численность военно-морского флота устанавливалась в количестве 36 судов.

Однако на протяжении 1920-х годов Германия нелегально вела наращивание вооруженных сил, готовила военные кадры, перевооружала армию и флот, военно-воздушные силы. Страны-победительницы закрывали глаза на происходящее, более того, напрямую поощря-

[1] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. — М., 1985. — С. 23–24.

ли германскую военщину. Примером может служить предложенный в 1924 году англо-американский «план Дауэса»[2], предоставивший Германии займ в размере 200 млн долларов или 800 млн золотых марок. «План Дауэса» вступил в силу 1 сентября 1924 года.

Версальский мирный договор стал унижением германской нации, на чем впоследствии сыграл Адольф Гитлер и его сторонники по НСДАП.

Вторым шагом к трагедии 1939 года стало формирование итальянского фашизма — первого фашистского государства в Европе. С конца 1920 года итальянское рабочее движение потерпело поражение, что открывало дорогу радикальным политическим силам. В ноябре 1921 года в Риме на съезде фашистских союзов была образована «Национальная фашистская партия», начавшая борьбу за власть.

27 октября 1922 года лидер итальянских фашистов Бенито Муссолини во главе 25 тысяч чернорубашечников (форма итальянских фашистов) организовал «поход на Рим». Муссолини заручился поддержкой крупных промышленников, королевской семьи, главы Римской католической церкви папы Пия XI. 30 октября вооруженные отряды фашистов, не встретив сопротивления, вошли в Рим. Король Виктор Эммануил III предложил Муссолини пост главы правительства. Это означало бескровный государственный переворот и приход к власти в Италии фашистов.

Ведущей идеей фашистской идеологии стала националистическая идея, получившая в германском национал-социализме крайне выраженную расистскую форму. Национал-социализм стремился доказать превосходство арийской расы над всеми другими народами и соединить концепцию «народного государства» с этой идеей, создав на этой основе национал-социализм как разновидность идеологии фашизма. Идеи национал-социализма были изложены А. Гитлером в его книге «Майн Кампф» (1922–1926) задолго до его прихода к власти. Будущий фюрер выдвигал право немцев на обширное «жизненное пространство», которое должно быть завоевано. В изображении нацистского вождя война представляла собой естественное состояние для фундаментального развития народа.

Третьим шагом к трагедии Второй мировой войны стал приход к власти Адольфа Гитлера и НСДАП. Мировой экономический кризис 1929–1933 годов имел тяжелые последствия для Германии. Резко ухудшилось социально-экономическое положение населения, что вывело на ведущие позиции в обществе радикальные политические партии, предлагавшие простые решения сложных проблем. Этими обстоятельствами умело воспользовалась НСДАП. Если на выборах 14 сентября 1930 года эта партия получила 18,3% голосов, то 5 марта 1933 года — 43,9%[3].

К началу 1930-х годов НСДАП превратилась в ведущую политическую силу страны. Оформилась идеология национал-социализма, произошло организационное оформление структур партии — были созданы штурмовые отряды СА, личная гвардия фюрера СС, партийный суд, политические отделы подчиненных НСДАП общественных организаций (женских, молодежных, спортивных и др.), система партийной пропаганды, основанная на демагогии и лжи. В своей борьбе за влияние на общество НСДАП использовала все возможные средства — нарушение единства слова и дела, абсолютизация насилия, агрессия, пропаганда войны.

К 1936 году Гитлер посчитал нацистский режим достаточно окрепшим и начал формировать военно-политические блоки для развязывания масштабной войны в Европе. 25 ноября 1936 года Германия и Япония заключили «антикоминтерновский пакт», направленный против Коминтерна и мирового коммунистического движения. В ноябре 1937 года к пакту присоединилась Италия. Союз фашистских государств оформился окончательно.

1938 год и восемь месяцев 1939 года (до 1 сентября) стали периодом наибольшего напряжения накануне Второй мировой войны. Четвертым трагическим шагом к развязыванию мировой бойни стал аншлюс нацистской Германией Австрии (аншлюс — от немецкого Anschlus —

---

[2] Американский эксперт Чарльз Дауэс — банкир из Чикаго, представитель интересов финансовой группы Морганов.

[3] История новейшего времени стран Европы и Америки. 1918–1945 гг. / под ред. Е.Ф. Языкова. — М., 1989. — С. 218, 253.

присоединение). С 1933 года Германия постоянно усиливала давление на Австрию, стремясь укрепить в стране национал-социалистическое движение. В июле 1934 года гитлеровцы предприняли попытку государственного переворота в Вене, в ходе которого был убит канцлер Австрии Дольфус. Путч был подавлен.

11 июля 1936 года между Германией и Австрией был подписан договор, в котором Австрия именовалась как «второе немецкое государство». Постепенно готовился аншлюс Австрии: к концу 1937 года страна превратилась фактически в марионеточное государство с формальными признаками независимости. 11 марта 1938 года австрийский канцлер Шушниг объявил о своей отставке. Обязанности канцлера стал выполнять лидер австрийских нацистов Зейсс-Инкварт. Утром 12 марта части 8 германской армии под командованием генерала фон Бока вторглись в пределы Австрии. После оккупации Австрии гитлеровцы объявили об утрате действия статей Версальского и Сен-Жерменского договоров, запрещавших аншлюс. На территории Австрии вводились германские законы.

Аншлюс Австрии значительно укрепил международные позиции Германского государства. Гитлер вновь убедился в собственной безнаказанности. Был сделан первый шаг на пути захвата европейских государств. Аншлюс Австрии подготовил почву для агрессии против Чехословакии.

С весны 1938 года во внешней политике Германии главным вопросом стал вопрос об агрессии против Чехословакии. Решение о нападении на Чехословакию было намного сложнее, чем аншлюс Австрии. Во-первых, Чехословакия входила в систему коллективной безопасности и имела соответствующие договоры с Францией и Советским Союзом. Во-вторых, Чехословакия имела сильную армию и мощный военно-промышленных комплекс. В 1938 году Чехословакия могла мобилизовать 45 дивизий, или около двух миллионов человек, обладала одной из лучших армий Европы. Армия страны располагала 1500 боевыми самолетами, имела от 470 до 740 танков, от 4200 до 5700 артиллерийских орудий, около 60 тысяч тяжелых и легких пулеметов. Высоким был моральный дух чехословацкой армии[4]. В-третьих, в отличие от Австрии, населенной этнически близким немцам народом, основное население Чехословакии — чехи и словаки, были славянами.

Сразу после аншлюса Австрии Гитлер приступил к подготовке планов по захвату Чехословакии. Начальным пунктом плана стало отделение Судетской области от Чехословакии. В Чехословакии активизировались немецкие фашистские движения, имевшие тесные контакты с Германией. Великие державы и в этом случае продолжали политику умиротворения агрессора.

В конце сентября 1938 года лидеры Англии и Франции вели переговоры с Гитлером о Судетской области Чехословакии, одновременно усиливая давление на правительство страны с целью принять предложение Германии. 29 сентября в Мюнхене открылась конференция с участием Гитлера, Муссолини, Даладье и Чемберлена по вопросу о Судетской области. Делегация Чехословакии не была приглашена на конференцию. 30 сентября Мюнхенское соглашение, подготовленное германскими дипломатами, было подписано. Судетская область была оккупирована немецкими войсками. Расчленение Чехословакии стало большой политической победой Гитлера и вплотную приблизило Европу к новой мировой войне. Версальская система международных отношений окончательно перестала существовать.

Мюнхен стал высшей точкой в политике умиротворения Германии со стороны Англии и Франции, еще раз продемонстрировав реальную сущность лидеров западных стран. Мюнхен заложил новую систему европейской политики, направленную на развязывание новых военных конфликтов без оглядки на третьи страны. Вся политика Германии опиралась теперь только на волю фюрера. Мюнхенская сделка западных стран со странами-агрессорами позволяет сделать вывод о том, что правительства Англии и Франции косвенно несут ответственность за развязывание Второй мировой войны, прямо подталкивая Гитлера к войне.

Пятым шагом на пути к мировой трагедии 1 сентября 1939 года стала агрессия Германии против Чехословакии. С октября 1938 года Германия приступила к подготовке захвата Чехословакии. Для оккупации Германия подготовила на чехословацкой границе 14 дивизий

[4] *Фомин В.Т.* Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933–1939. — М., 1963. — С. 389.

численностью до 200 тысяч человек[5]. Вечером 14 марта 1939 года германские войска начали оккупацию Чехословакии. 15 марта немецкие танки вошли в Прагу. Утром 15 марта президент Чехословакии Гаха подписал в Берлине капитуляцию. Независимое государство Чехословакия перестало существовать. На его месте был создан протекторат Богемии и Моравии, включенный в состав Германской империи.

После захвата Чехословакии Гитлер еще более утвердился в своей безнаказанности и продолжил территориальные захваты в Европе. 22 марта 1939 года Клайпедская область (Мемель), входившая в состав Литвы, статус которой гарантировался Англией и Францией, была передана Германии. Клайпеда стала германской военно-морской базой на Балтике. Стремясь закрепить свои успехи на восточно-европейском направлении, Гитлер потребовал передать Германии свободный (вольный) город Данциг (Гданьск), а также железную и шоссейную дорогу для прохода на территорию Восточной Пруссии. Польское правительство ответило вежливым, но решительным отказом. Германия развернула оголтелую антипольскую кампанию, продолжавшуюся до самого начала мировой войны. В секретной директиве от 3 апреля 1939 года Гитлер определил дату нападения на Польщу — 1 сентября 1939 года. Окончательное решение нападения на Польшу фюрер принял 14 августа 1939 года на военном совещании[6]. Германия начала активную подготовку к войне на востоке.

События весны-лета 1939 года заставили правительства Англии и Франции отказаться от курса на умиротворение агрессора. 31 марта 1939 года Англия заявила о предоставлении Польше гарантий в случае нападения на нее Германии. Франция имела договоренность с Польшей о присоединении к английским гарантиям. Понимание реальной ситуации пришло к лидерам этих стран слишком поздно, когда уже невозможно было остановить разбушевавшегося нацистского фанатика. С 18 марта до 23 августа 1939 года проходили консультации СССР, Англии и Франции. В ходе переговоров стороны не пришли к реальным результатам, обвиняя друг друга в неискренности, двойных стандартах. Руководители английской и французской делегаций на переговорах не имели соответствующих полномочий для подписания соглашений, возглавлялись второстепенными лицами.

В новой обстановке в Европе Советское правительство искало возможные варианты укрепления национальной безопасности перед нараставшей военной угрозой. 10 марта 1939 года Сталин дал анализ международной ситуации в связи с тенденциями начала новой империалистической войны, к которой стремился блок фашистских государств (Германия, Италия, Япония), и политики уступок агрессорам со стороны Англии и Франции. Среди внешнеполитических задач было выдвинуто решение и впредь проводить политику мира и укрепления связей со всеми странами, включая Германию. Германия также проявляла интерес к сотрудничеству с Советским Союзом. Причина заключалась в планах вермахта начать подготовку к войне на западе. 19 декабря 1938 года Берлин продлил на год советско-германский торговый договор. 22 декабря Германия предложила СССР возобновить переговоры о предоставлении кредита в 200 млн марок. 11 января 1939 года СССР согласился начать экономические переговоры с Германией.

3 мая 1939 года на пост наркома иностранных дел вместо М.М. Литвинова был назначен В.М. Молотов. Этим назначением руководство СССР демонстрировало изменение внешнеполитической ориентации. Вместо затянувшихся переговоров с англо-французской делегацией Москва четко дала понять о возможности более тесных политических контактов с Берлином.

11 августа 1939 года в Москву прибыла англо-французская делегация для ведения переговоров, не имея должных полномочий. Главным разногласием на переговорах стал вопрос о помощи Красной армией Польше в случае нападения на нее Германии. Возникла тупиковая ситуация, так как польское правительство опасалось советской агрессии не меньше, а, может быть, более, чем германской. Конкретного политического решения в ходе переговоров не принималось. 21 августа состоялось последнее заседание в рамках англо-франко-советских переговоров, после чего они больше не возобновлялись.

---

[5] *Фомин В.Т.* Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933–1939. — М., 1963. — С. 424.

[6] *Гальдер Ф.* От Бреста до Сталинграда: Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1941–1942 гг. Т. 1 / пер. с нем. — М., 1968. — С. 37.

15 августа 1939 года В.М. Молотов имел встречу с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом. На встрече было высказано мнение о возможности заключения советско-германского пакта о ненападении[7]. 17 августа послу Шуленбургу была вручена памятная записка Молотова о согласии советского правительства заключить пакт о ненападении или подтвердить пакт о нейтралитете от 1926 года. 19 августа Молотов передал Шуленбургу текст проекта советско-германского пакта. В этой редакции документ был подписан 23 августа. В тот же день было подписано советско-германское экономическое соглашение. Во второй половине дня 23 августа в Москву прибыл министр иностранных дел Германии Риббентроп. Поздно вечером был подписан договор о ненападении между Советским Союзом и Германией, получивший название «пакт Молотова — Риббентропа». Был также подписан секретный дополнительный протокол, разделявший сферы влияния в Восточной Европе[8].

При всем обилии политических оценок данного документа мы склонны полагать, что Москва оказалась в тех условиях в безвыходном положении. Переговоры с Англией и Францией зашли в тупик. Война приближалась к границам СССР. Советское руководство прекрасно понимало неизбежность войны с Германией, но стремилось отодвинуть ее сроки, чтобы в большей мере укрепить обороноспособность страны.

Подписанный 23 августа 1939 года документ получил название «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом», он содержал преамбулу и семь статей. Документ оговаривал срок действия договора в 10 лет и вступал в силу немедленно после его подписания. Под договором стояли подписи Молотова и Риббентропа. Договор был ратифицирован 31 августа одновременно Верховным Советом СССР и рейхстагом Германии. Обмен ратификационными грамотами состоялся в Берлине 24 сентября 1939 года. Вместе с тем договор от 23 августа развязывал руки германскому военно-политическому руководству — помехи со стороны Москвы в развязывании агрессии против Польши были сняты. Германия могла не беспокоиться о ведении войны на два фронта. Ничто более не мешало Гитлеру начать Вторую мировую войну.

Подписание советско-германского договора о ненападении мало значило для Гитлера, не придававшего особого значения различного рода бумажным документам. Для него гораздо более важными были фундаментальные принципы национал-социализма, которые он последовательно стремился претворять в жизнь. Сталин этим договором решал важный вопрос — выиграть время для подготовки к большой войне с Германией. Секретный протокол включал в сферу влияния Советского Союза Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, часть Польши. Границы СССР отодвигались на запад. Москва прорвала дипломатическую изоляцию, в которой оказалась после Мюнхена. Используя англо-германские противоречия, Советский Союз существенно усилил свое политическое влияние в Европе.

Сохранение исторической памяти народов требует объективного подхода и оценки событий, предшествовавших Второй мировой войне. Тем более это важно для молодого поколения, для которого история Второй мировой войны предстает уже далеким прошлым. Об этих событиях нельзя забывать, равно как и о роли советского народа в разгроме агрессоров, посягнувших на свободу и независимость нашей Родины.

[7] Документы внешней политики СССР 1939. Т. XXII. Кн. 1. Январь-август. — М., 1992.– С. 606–607.

[8] Там же. — С. 632.

Цимбаева Е.Н.
д.ист.н.,
доцент Исторического факультета МГУ

НЕОНАЦИЗМ В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ БАЛТИИ: УГРОЗА ГУМАНИТАРНЫМ ЦЕННОСТЯМ И ПУТИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Ключевые слова: Латвия, Литва, Эстония, геноцид, Холокост, русофобия.
Key words: Latvia, Lithuania, Estonia, genocide, Holocaust, Russophobia.

Неонацизм — комплексная идеология, направленная на возвеличивание «своего народа», «своей расы», в ультранационалистических экстремистских течениях с применением насилия по отношению к иным народам. Наиболее общим ее свойством является юдофобия, однако она проявляется по отношению к самым разным народам. В постсоветский период нередко ее объектом становилась русская диаспора в разных странах.

В данном докладе речь пойдет об особенностях его проявления в государствах Балтии постсоветского периода. В российских и мировых СМИ многие десятилетия резко и справедливо оцениваются факты и явления общественной и политической жизни Латвии, Литвы и Эстонии, явно воскрешающие нацистские доктрины. Но самые яркие и очевидные из них, такие, например, как шествия легионеров СС в Латвии, оказываются не самыми значимыми с точки зрения их угрозы гуманитарным цивилизационным ценностям.

После развала СССР в образовавшихся независимых странах новая историческая ситуация привела к желанию пересмотра истории недавнего прошлого, в том числе истории Второй мировой войны. Формы и способы решения данных задач были весьма различны в государствах Балтии и не сводимы к общему знаменателю.

Вопрос о героях войны в Эстонии был увязан с поиском новых *национальных* героев. Понятно, что их искали именно среди коренных эстонцев и, кроме этнической их принадлежности, на прочее не считали нужным обращать внимание. Этот поиск новых героев стал катализатором раскола общества в Эстонии по национальному признаку. 26 июня 1999 г. на престижном таллинском кладбище Метсакальмисту был в торжественной обстановке перезахоронен прах Альфонса Ребане, оберштурмбанфюрера СС, некоторое время исполнявшего обязанности командира 20 гренадерской дивизии СС в марте 1945 г. Перезахоронение было организовано правительством Эстонии. Акция вызвала протесты ветеранов Советской Армии и русскоязычного населения, при этом подобная фактически положительная оценка фашизма была оставлена без внимания европейским сообществом.

Наиболее острым стал конфликт в 2007 г. 26–28 апреля 2007 г. произошли массовые акции гражданского неповиновения в Таллине и городах уезда Ида-Вирумаа, спровоцированные действиями правительства Эстонии по переносу памятника «Воину-освободителю» («Бронзовый солдат») и «археологическими раскопками» с переносом на кладбище воинского захоронения. В ночь с 26 на 27 апреля 2007 г. был разрушен стоявший на площади Тынисмяги «Монумент павшим во Второй мировой войне», центральная фигура которого получила расхожее название «Бронзовый солдат», а 28 апреля начаты раскопки находившегося на той же площади захоронения советских солдат, погибших во Второй мировой войне. Акция вызвала массовые беспорядки, в которых наиболее активное участие приняла русскоязычная молодежь. Русскоязычные СМИ выступили в поддержку памяти советских солдат, началась настоящая информационная война в СМИ. В результате этой «войны» был достигнут некий компромисс. В период с 30 апреля по конец июня монумент был восстановлен в измененном виде на Военном кладбище Таллина. 3 июля там же были перезахоронены останки восьмерых из двенадцати обнаруженных на Тынисмяги солдат. 8 мая 2007 г. премьер-министр Эстонии Андрус Ансип, впервые в истории современной Эстонии, возложил к ногам «Бронзового солдата» венок. Однако вплоть до сегодняшнего дня «Бронзовый солдат» остается символом антифашистского прошлого и, как следствие, объектом надругательств эстонских неофашистов. Последний акт вандализма «неизвестных лиц» произошел 10 мая 2025 г.

Тем не менее, объединенные силы русскоязычного населения Эстонии (при поддержке и части эстонцев, к их чести) отстояли памятник. Монумент стоит и после 2022 г., пережив волну русофобии последних лет, что нельзя сказать о Памятнике воинам Советской Армии — освободителям Советской Латвии и Риги от немецко-фашистских захватчиков. Еще в апреле 1996 г. IX съезд Движения за национальную независимость Латвии выдвинул предложение о сносе этого памятника, в 1997 г. он был взорван, но восстановлен на средства Рижской думы. В 2012 г. президент Андрис Берзиньш выступил против сноса, и вопрос был закрыт надолго. Памятник был снесен 22–25 августа 2022 г., что по понятным причинам имело уже не характер протеста против советского прошлого, а определялось конкретно-исторической ситуацией. Комитет по правам человека ООН выразил протест против сноса только через три дня, когда стало уже поздно. Хотя русскоязычное население Латвии в процентном отношении больше, чем в Эстонии, оно не смогло отстоять Памятник.

Наиболее ярким по видимости воплощением неофашизма десятилетиями считаются марши легионеров СС. Их пытались организовать еще в 1989 г. С 1990 г. неофициально (только в 1999 г. официально) 16 марта отмечают День памяти латышских легионеров (бойцов Латышского легиона СС). Накануне вступления Латвии в ЕС проведение шествий было временно запрещено, поскольку реакция западных стран на публичную героизацию фашизма всегда была негативной, хотя выражалась только словами. 16 марта 2009 г., в День памяти Латышского легиона, шествие ветеранов Латышского легиона СС с возложением цветов у Памятника Свободы состоялось вопреки запрету Рижской Думы. Однако уже в 2010 г. принятый Рижской думой запрет на шествие был объявлен Верховным Судом ЛР незаконным. В 2011 г. Европейская комиссия по борьбе с расизмом и национализмом выразила «озабоченность» этим решением и год за годом повторяла ее в разных видах без видимых последствий. Зато реакция ветеранов ВОВ и русскоязычного населения всегда была резкой и болезненной.

Однако следует иметь в виду, что эти легионеры весь послевоенный период жили в СССР как обычные граждане, следовательно, их участие в преступлениях против человечности доказано не было. По данным неофициальных соцопросов, проводившихся в начале 2000 годов, когда их еще можно было опросить, субъективно они считали 16 марта днем боевого братства и не выражали собственно нацистских убеждений. Число самих легионеров, понятно, сокращалось с течением лет, а общая численность участников шествий не превышала 150–200 человек, в пиковые годы конца 1990-х — 2–3 тысяч. (Для сравнения акции в честь 9 мая и других памятных дат собирают сотни тысяч человек). Этот факт служит некоторым указанием на отсутствие серьезной базы для нацистской идеологии в латвийском обществе. Только политики-националисты принимают в них участие, имеются примеры увольнения министров, поддержавших шествие. Немаловажной причиной служит официальное осуждение героизации фашистского прошлого со стороны политических и широких общественных кругов стран ЕС. Желание «прилично» выглядеть перед лицом Европы служит важным сдерживающим фактором.

Фактически во всех перечисленных примерах проявляется стремление неадекватными, часто грязными и неприемлемыми средствами выразить прежде всего протест против советского прошлого, которое рассматривается как унижение или подавление национальной государственности межвоенного времени. Образы врагов Советской власти тем самым приобретают героическую окраску. Одновременно здесь отражается в определенные моменты истории одна из разновидностей неонацизма — русофобия.

Литва меньше привлекала внимание СМИ. Русофобия здесь была малозаметна благодаря характерному билингвизму населения и очень большому проценту межэтнических браков. А между тем именно применительно к Литве можно говорить даже не о неонацизме, а о подлинном нацизме, протянувшемся через советский период до настоящего времени.

Она касается в первую очередь темы Холокоста. Под влиянием европейских структур Литва обязалась проводить в школах программу по воспитанию толерантности, центральная тема которой — геноцид евреев. К истории страны Холокост имеет самое прямое отношение (Латвии и Эстонии он почти не коснулся). С XIX века до Второй Мировой Войны Вильнюс носил название Северного Иерусалима, будучи населен, как и многие другие города, особенно Тракай, почти целиком еврейским населением. Оно могло рассматриваться как коренное, т.к. евреи и караимы появились здесь в результате переселения из Крыма во время походов великого

князя литовского Витовта (Витаутаса) в конце XIV века. Направление иудаизма, практиковавшееся в Литве этнической группой евреев-литваков, является наиболее ортодоксальным. Таким образом, евреи довоенной Литвы — группа коренного населения, проживавшая здесь более полутысячелетия и оказавшая огромное влияние на формирование городской культуры, издательское дело и многие стороны жизни страны.

В годы фашистской оккупации в Литве было уничтожено до 96% еврейского населения, Вильнюс и другие города буквально обезлюдели. Однако сельское литовскоязычное население, как и исстари проживавшие здесь отдельными деревнями старообрядцы, данный факт практически не заметили! Городская среда оставалась им настолько чуждой, что не привлекло внимание даже полное ее уничтожение. Миграция после войны из деревни в опустевшие города создала новую — уже советскую по сути — многонациональную культурную среду, прежний еврейский культурный колорит оказался забыт. С учетом того, что сейчас еврейское нацменьшинство составляет доли процентов, можно говорить, что воспоминания о Холокосте не имеют основы в коллективной памяти литовского общества.

В советские времена тема Холокоста в Литве практически не поднималась. В 1945 г. был установлен мемориал на месте расстрела не менее 100 тысяч человек, в большинстве евреев, но и советских военнопленных у поселка Понары (Панеряй) близ Вильнюса, но в 1952 г. его снесли и позднее заменили памятником «Жертвам фашизма», где отсутствовали надписи на идише и говорилось просто о гибели 100 тысяч советских граждан. В самые глухие советские годы, особенно в западной Литве, бывшем Ммельланде (Мемель — историческое название Клайпеды), веками связанной с Германией, сохранялся культ Гитлера, что находило отражение в рисунках детей, изображавших его в виде богатыря без малейшего сходства с оригиналом. В этом проявлялся, как и у соседей, скорее антисоветизм, чем нацизм. Вместе с тем равнодушие к трагедии геноцида было близким к нацистскому.

Только с 1991 года, уже в независимой Литве, начинается возведение многочисленных памятных стел и обелисков на этом месте, составивших целый комплекс. С одной стороны, данный факт можно рассматривать как дань памяти жертвам Холокоста. Но развитие мемориала, как и всех других памятников жертвам Холокоста в Литве, происходит по инициативе польских или еврейских групп: Польского института национальной памяти, Литовского центра исследований геноцида и сопротивления и других.

Яснее всего отношение собственно литовского общества к Холокосту проявляется во время памятных дней. У всех литовских праздников и дней памяти есть одна общая особенность, касающаяся атрибутики празднования, — литовской флаг. Цвета триколора не только сопровождают празднество в виде декоративных элементов (шары, флаги и пр.), все домовладельцы обязаны их вывешивать на окна, супермаркеты торгуют соответствующей символикой, в официальных мероприятиях к памятникам и на могилы кладут букеты соответствующих цветов, рестораны предлагают трехцветные блюда в наиболее значимые праздники со словами «почувствуйте вкус свободы», а среди материалов газет к праздничным дням можно найти советы, как сделать макияж с использованием цветов триколора.

Таков и День скорби и надежды и Оккупации и геноцида (последняя часть обычно опускается), который отмечается 14 июня. В Латвии он называется Днем памяти жертв коммунистического террора, в Эстонии Днем траура. Этот день отмечается в память о сталинских депортациях народов, касавшихся и прибалтов. Репрессивные меры, которые предпринимала советская власть к несогласным с вхождением Прибалтики в СССР и к инакомыслящим, в современной Литве рассматриваются как геноцид литовского народа. 14 июня поднимают литовский флаг, а в Сейме проходит торжественное заседание. Обязательная церемония — возложение цветов у памятника политзаключенным и депортированным в Вильнюсе.

Но этот геноцид рассматривается только как действия советских властей. А фашистских оккупантов? О них формально все-таки не забывают. Большое значение с точки зрения нашей темы имела деятельность Международной комиссии по оценке преступлений нацистского и советского режимов, которая была учреждена в 1998 г. по приказу президента В. Адамкуса. Изначально главной целью Комиссии было заполнение пробелов в истории Литвы, которые возникли из-за фальсификаций во время советского периода, и просвещение общественности на предмет идеологии нацизма и советского коммунизма, совершенных этими режимами преступлений и

их последствий для литовского общества. Комиссия включает в себя две подструктуры, которые проводят отдельно исследования преступлений нацистского режима и советского. В свою очередь эти две подкомиссии делят свою исследовательскую работу на несколько направлений.

В отношении нацистской оккупации можно выделить следующие общие темы, в рамках которых проводят исследования: преследование и уничтожение евреев, уничтожение еврейского культурного наследия, конфискация имущества евреев, преследование нееврейских граждан. Исследование советского режима охватывает намного более широкий круг тем, формулировка которых подразумевает негативное влияние советской власти на все стороны литовского общества.

Тем не менее, работа подкомиссии по изучению нацистских преступлений достаточно обширна. Часть мероприятий, которые проходят при содействии Комиссии, посвящена истории и культуре литваков и евреев вообще. Среди материалов, разработанных именно литовской Комиссией, можно найти образовательную программу «Еврейский Вильнюс», планы урока о том, как вести занятия о Холокосте, рекомендации для учителей о том, что следует сообщать о преступлениях советского оккупационного режима (1940–1953 sic! Фашистская оккупация даже не упоминается), документальный фильм «Красный год» о первом периоде советской оккупации и фильм «Что такое толерантность»[1].

С 2003 г. Комиссия организует семинары и конференции для педагогов. В программу почти всех семинаров входят лекции об истории геноцида евреев. Одновременно учителям рассказывают о преступлениях тоталитарных режимов. В 2011 г. в рамках проекта «Красный год» прошел цикл мероприятий (в том числе семинаров), посвященных исключительно советскому периоду. Учителя, принявшие участие, ознакомились с источниками и исследованиями Комиссии о репрессиях советского режима, его влиянии на страны Прибалтики, народном сопротивлении режиму.

При таком подходе к обучению хотя бы педагогов неудивительно, что преступления фашистского режима остаются почти не известными новому литовскому обществу.

Важно сравнить организацию Дня скорби и надежды и два дня, которые становятся поводом для памятных мероприятий именно жертв нацистского режима: День памяти жертв Холокоста евреев Литвы (23 сентября, проводится с 1994 г.) и Международный день памяти жертв Холокоста (27 января).

Памятная дата дня геноцида евреев Литвы отмечается 23 сентября. В этот день в 1943 г. было ликвидировано Вильнюсское гетто. Литва была занята немцами в течение нескольких дней, начиная с 22 июня 1941 г. К этому моменту страна уже находилась в составе Советского Союза. Часть населения, недовольная насильственной советизацией, восприняла наступление германских войск как шанс вновь обрести независимость, поэтому была готова на сотрудничество с оккупационными властями. На момент нападения Германии на территории Литвы проживало около 160 тысяч евреев, их численность составляла примерно 10% от всего населения страны. Почти сразу после оккупации страны немцами начались аресты и массовые расстрелы еврейского населения, в крупных населенных пунктах были созданы гетто. В итоге было уничтожено более 95% евреев.

В наши дни тема геноцида вызывает столкновения в литовском обществе по вопросу участия литовцев в Холокосте. Особенно она обостряется при попытках героизации литовцев, которые предположительно были непосредственными участниками уничтожения евреев. Яркий пример — фигура Йонаса Норейки. Он был участником «Литовского фронта активистов» и участвовал в антисоветском сопротивлении. Это делает его личность необычайно актуальной для современной Литвы, в которой всячески подчеркивается роль антисоветского сопротивления. Однако о Норейке был опубликован ряд исследований[2], где он был представлен как коллаборационист и участник литовского Холокоста. Официально этот факт не признается, во всяком случае 2015 г. Центр исследования геноцида опубликовал справку, в которой был

---

[1] Методический материал // Сайт Международной комиссии по оценке преступлений нацистского и советского режимов. — https://www.komisija.lt/svietimas/metodine-medziaga/.

[2] *Куклянски Ф.* По поводу деятельности офицера Литовской армии Йонаса Норейки в годы Второй мировой войны // Сайт Еврейской общины Литвы. — https://www.lzb.lt/ru/2015/11/08/.

сделан вывод, что на сегодняшний день нет документов, доказывающих участие Й. Норейка в организации убийств евреев. Но факт участия многих литовцев в репрессиях против евреев невозможно отменить.

В этот день в Вильнюсской синагоге зачитываются имена евреев, погибших во время холокоста, а Община литваков совместно с Министерствами культуры, обороны, иностранных дел Литвы и Вильнюсским городским самоуправлением организует шествие «Дорога памяти» от станции Панеряй на окраине Вильнюса. Участвующие в шествии повторяют путь узников Вильнюсского гетто, который закончился их смертью.

В шествии участвуют литваки, члены парламента и правительства, мэр Вильнюса, представители дипломатических миссий других стран, в том числе Израиля, учащиеся школ[3]. Однако надо подчеркнуть важный момент: в мероприятиях, которые посвящены жертвам геноцида евреев, **государственный флаг не поднимается**. Поднимается только флаг ЕС, подчеркивая как бы вынужденный международным давлением характер акций.

Еще одно официальное мероприятие — награждение литовцев, помогавших евреям спастись во время Второй Мировой Войны[4]. Большинство из них награждено посмертно, поэтому награды принимают их потомки. Какое-то время назад собирались даже поставить памятник спасителям евреев (эту инициативу активно поддерживала Община евреев Литвы), но до сих пор этот проект не был осуществлен[5]. Однако были открыты несколько мемориальных досок, увековечивающих память этих спасителей как Праведников народов мира (звание, присваиваемое Институтом Катастрофы и героизма «Яд ва-Шем» Израиля). На данный момент в Литве такими праведниками признаны почти 1 000 человек, но среди них много не-литовцев. В 2018 г. Папа Римский Франциск посетил Вильнюс, чтобы почтить память жертв Холокоста в связи с 75-летием ликвидации Вильнюсского гетто. Такие события могут иллюстрировать память о Холокосте как память, разделяемую всем европейским обществом и большею частью мирового сообщества. И Литве, вне зависимости от того, есть ли предпосылки «помнить» об уничтожении литваков или нет, необходимо быть в общем русле.

23 сентября школы привлекаются к участию в упомянутой в первой главе акции «Дорога памяти». Перед тем, как посетить Панеряйский мемориал, учащиеся школ собираются на том месте, где когда-то располагалось Вильнюсское гетто. После речей членов правительства, представителей других стран и членов Еврейской общины Литвы, школьные коллективы выступают с песнями на иврите и художественными. В последний раз к акции «Дорога памяти» присоединились представители Марша живых. Этот проект был организован Министерством образования Израиля впервые в 1988 г. и существует до сих пор. Его смысл в организации ежегодного памятного шествия к Освенциму. Кстати, литовские учителя в 2019 г. приезжали в Польшу принять участие в акции[6].

У Пенеряйского мемориала учащиеся после речей членов правительства и представителей дипмиссий (в некоторые годы речь также произносили пережившие Холокост в Литве, например, Фаня Брацовская) поют гимн заключенных Вильнюсского гетто и оставляют небольшие гладкие камни, на которых нарисована звезда Давида или написаны еврейские имена. Их оформляют заранее в классе во внеурочное время. Имена, которые пишутся на камнях, выбраны не случайно, выбираются такие, которые принадлежали евреям, жившим в том же регионе, где находится школа (посмотреть их можно на специальном сайте[7]). Этот процесс сопровождается рассказом учителя о Холокосте, о культуре евреев в целом и культуре евреев конкретного региона, в котором находится школа, просмотром докумен-

---

[3] День памяти жертв геноцида евреев Литвы у Панеряйского мемориала // Сайт Еврейской общины Литвы. — https://www.lzb.lt/ru/2019/09/26/день-памяти-жертв-геноцида-евреев-лит/.

[4] Президент страны вручила награды спасителям евреев // Сайт Еврейской общины Литвы. — https://www.lzb.lt/ru/2015/09/24/.

[5] *Куклянски Ф.* Рассуждения о Памятнике Спасителям евреев Литвы // Сайт Еврейской общины Литвы. — https://www.lzb.lt/ru/2016/09/26/.

[6] Литовские учителя приняли участие в международном мероприятии Марш живых в Польше // Сайт Международной комиссии по оценке преступлений нацистского и советского режимов. — https://www.komisija.lt/lietuvos-mokytojai-dalyvavo-tarptautiniame-gyvuju-marso-renginyje-lenkijoje/.

[7] Интернет-база жертв Холокоста в Литве. — http://www.holocaustnames.lt/.

тальных фильмов. Учащиеся школ, которые находятся в других городах, посещают ближайшие к ним мемориалы (в Литве известно около 200 мест массового убийства евреев). В школах также устраивают выставки с рисунками или композициями из вещей, которые символизируют проблему геноцида евреев. В подобных инициативах участвуют далеко не все школы (примерно 150–160)[8]. Однако важно подчеркнуть, что в основном в акции участвуют **нелитовскоязычные** группы школьников, преимущественно русскоязычные, хотя разного этнического происхождения.

Еще один памятный день, празднование которого поддерживается Комиссией, — Международный день памяти о жертвах Холокоста, отмечаемый 27 января. В этот день проходит глобальная акция, инициированная Всемирным еврейским конгрессом, в которой участвуют и литовские школы. Акция получила название «weremember». Желающим участвовать в кампании необходимо сделать фотографию с надписью #weremember и поделиться ею в социальных сетях. Перевод на литовской слов «мы помним» звучит как «mesprisimename». Но подобных фотографий значительно меньше, чем с исходным вариантом на английском языке. Это наталкивает на мысль, что в восприятии учеников гибель литовских евреев осмысливается либо как часть общемировой трагедии, а не национальной, либо опять-таки подчеркивается вынужденный международным давлением характер акции. Она не выходит за рамки школ и государственных учреждений, то есть трагедия Холокоста и по сей день никого не интересует в литовском обществе.

Причина нежелательности углубления в тему геноцида для литовского общества существенна: оно встало бы перед проблемой принятия того бесспорного факта, что местное население участвовало в убийстве евреев. Вследствие этого, несмотря на европейское влияние, проблема Холокоста воспринимается как нечто внешнее, а не как часть национальной истории. Одновременно предпринимается попытка приравнять «геноцид» литовского населения в советские годы к уничтожению евреев, что можно рассматривать как оправдание собственного участия в убийствах. Несмотря на то, что тема Холокоста систематически внедряется в воспитательную программу школ, в праздновании дней, посвященных памяти жертв еврейского населения, участвует в 10 раз меньше школ, нежели в акции, посвященной жертвам «геноцида» литовского народа советского времени.

Одновременно с игнорированием общественностью темы Холокоста, в постсоветский период заметны всплески неофашизма. Так, восстановление независимости Литвы празднуется 11 марта. Кроме официального парада проходит так называемый «патриотический марш». Инициаторами шествия выступают руководители различных организаций националистического толка (Союз националистов и Литовский национальный союз молодежи). Впервые что-то наподобие патриотического марша было организовано в 2001 г., когда около 40 человек вышло на проспект Гедиминаса 11 марта. В шествиях последних лет участвует от одной до полутора тысячи человек, судя по фотографиям среди них по-прежнему немало молодых людей[9]. Демонстранты несут плакаты как с нейтральными лозунгами, вроде «11 марта — для государства», так и с более противоречивыми, например, «Литва — литовцам», а одежда некоторых участников украшена нацистскими знаками. Интересна реакция властей на подобные марши. Так, в 2015 г. вильнюсская мэрия не спешила выдавать разрешение на проведение шествия, и думала о перемещении его с центральной улицы столицы в менее значимое место. Однако есть и такие политики, которые не видят ничего предосудительного в патриотическом марше. Вот как комментирует самый неоднозначный лозунг шествия член парламента Наглис Путейкис: «Я не вижу проблем. Литва для литовцев <...> мы все понимаем, что этот девиз для тех, кто живет в Литве. Здесь нет национальности, нет националистических лозунгов»[10]. Среди противников марша Еврейская община Литвы, которая неоднократно подавала прошения в вильнюсскую мэрию следующего содержания: «Правительству и местным органам власти следует

[8] День жертв геноцида евреев Литвы отмечается 23 сентября гражданской инициативой «Дорога памяти» // Сайт Международной комиссии по оценке преступлений нацистского и советского режимов. — https://www.komisija.lt/rugsejo-23-iaja-lietuvoje-pilietine-iniciatyva-atminties-kelias-pamineta-lietuvos-zydu-genocido-auku-atminimo-diena/.

[9] Лозунги «Литва для литовцев» в шествии националистов [видео] // Delfi. — 13.07.2018. — https://www.delfi.lt/video/aktualijos/tautininku-eisenoje-sukiai-lietuva-lietuviams.d?id=64245372.

[10] *Бруналас Б., Скерите Ю.* Спорные марши националистов прошли в Вильнюсе // LRT. — 16.02.2020. — https://www.lrt.lt/naujienos/lietuvoje/2/1150539/vilniuje-surengtos-kontroversiskos-tautininku-eitynes.

продолжать свои усилия по обеспечению того, чтобы неонацистские идеи не допускались в литовском обществе и, в частности, чтобы они не распространялись под видом государственных праздников и манипулировали концепцией патриотизма»[11].

Довольно часты случаи вандализма, приводящие к повреждению памятников жертвам Холокоста по всей Литве. Власти не обращают на них должного внимания. Вместе с тем Паневяйский мемориал, как один из крупнейших в Европе, позиционируется властями именно как вклад страны в дело сохранения памяти великой трагедии. Правда, эта позиция озвучивается преимущественно на международной арене, а не внутри Литвы.

Но подобные всплески наблюдаются во многих странах, и было бы неправильно судить по ним всю страну и приписывать всему литовскому обществу неофашистские тенденции. Напротив. Равнодушие к теме Холокоста объясняется тем, что он не имеет корней в культурно-исторической памяти большинства населения Литвы (литовцев, старообрядцев, татар и др.). Вместе с тем не имеет корней в их культурно-исторической памяти и фашистская идеология, по определению чуждая сельскому населению. Коллаборационизм литовцев связан не с одобрением идеологии гитлеровцев, а с демонстрацией оппозиции советскому строю. Находясь между двумя тоталитарными режимами накануне войны, литовцы сделали выбор в пользу Германии и, как им думалось, будущей независимости. Выбор, бесспорно, не оправданный историей. В современный период их потомки ограничились тем, что предпочли данную тему забыть, даже участие в расстрелах.

Главной силой, противостоящей реальному укреплению неонацизма в Балтии (помимо слабо проявляющегося осуждения со стороны западных стран) весь постсоветский период было русскоязычное население этих государств. И сохранение консолидации русского мира было и остается важнейшей задачей в борьбе за гуманитарные ценности, против фашизма, с которым героически и победоносно боролся некогда советский народ.

Шамаров П.В.
д.полит.н., к.в.н., доцент,
профессор Академии военных наук Российской Федерации
pvs291189@gmail.com

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ

Ключевые слова: патриотизм, суверенная государственность, национальные интересы, национальная безопасность, Специальная военная операция, традиционные ценности.
Key words: patriotism, sovereign statehood, national interests, national security, Special military operation, traditional values.

В соответствии с Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[1], патриотизм — одна из консолидирующих основ нашего народа. Вместе с тем Указ не раскрывает данный термин, под которым в России, как правило, понимается «любовь к родине»[2].

---

[11] *Вайшкунас Й.* Национальная молодежь вновь приглашает на 11 марта патриотический марш для «Родины» // Сайт "Alkas.lt". — http://alkas.lt/2016/03/09/tautinis-jaunimas-vel-kviecia-i-kovo-11-osios-patriotines-eitynes-tevynei-nuotraukos-video/.

[1] Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 года № 809, п. 5. — publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202211090019.

[2] Что такое патриотизм и кто такой патриот: признаки и качества. — https://пролетарский.61.мвд.рф/news/item/29318309.

Между тем любовь к родине или отчизнолюбие не может исчерпываться индивидуальной привязанностью исключительно к физико-географическим характеристикам, в том числе неодушевленным территориальным и природным особенностям определённой местности (например, рекам, озерам, полям, лесам, березкам и др.). Отчизнолюбие в несоизмеримо большей степени основано на ощущении принадлежности человека к населяющему данную территорию народу, его истории, культуре и традициям, к своим родовым корням и предкам, генетическая связь с которыми и объективирует ценность родных просторов и весей[3]. При этом полагаю, что патриотизм имеет непосредственное отношение к защите и продвижению национальных интересов своей страны, а не пресловутых «общечеловеческих смыслов», которые были, к сожалению, характерны постсоветской отечественной элите на первом этапе демократического становления нашего государства.

При проецировании данного постулата на новейшую Россию объективно идентифицируется государственная потребность в истинном патриотизме; наличии в нашей стране и ее управленческой вертикали новаторского и инновационного большинства, состоящего из неравнодушных, мужественных, достойных и порядочных личностей, нацеленных на бескорыстное служение своему Отечеству и своему народу; на фактическую, а не декларативную ответственность за его судьбу, реализацию высоких нравственных идеалов, созидательный труд, коллективизм, взаимовыручку и взаимопомощь[4].

С учетом вышесказанного под ***патриотизмом*** предлагаю понимать этическое убеждение, мировоззренческую категорию и эмоциональное переживание, выражающие как безусловные общественно-полезное (вплоть до самопожертвования) служение и любовь к Родине, ее традициям, истории и культурным ценностям, желание при любых обстоятельствах оставаться гражданином своей страны и носителем ее языка, так и неразрывную связь индивидуальных запросов человека-личности-гражданина с национальными интересами своего государства[5]. При этом особо подчеркну, что массовое патриотическое сознание средневековая Русь выработала, как минимум, на два с половиной столетия раньше, чем европейские государства в середине XIV века[6].

В том числе и по данной причине актуализация темы патриотизма после начала Специальной военной операции (далее по тексту — СВО) на Украине была с энтузиазмом воспринята российским народом, абсолютное большинство которого, как и наш Президент, не изъявляет желания «чтобы Россия вернулась на путь, по которому она шла до 2022 года»[7].

Именно поэтому СВО правомочно оценить в качестве необходимого момента истины, который эволюционным путем объективировал во внутригосударственной жизни России императивность позитивистско-конструктивного сценария ее прогрессивного национального развития. Убежден, что основу последнего составляет дальнейшее упрочение отечественной суверенной государственности[8], предполагающей построение в России не только «социального государства»[9], но сохранение и укрепление ее традиционных духовно-нравственных

---

[3] *Бойков И.* Патриотизм без национализма — форма без содержания // KM.RU. — 2025. — 5 мая. — https://www.km.ru/v-rossii/916648-patriotizm-bez-natsionalizma-forma-bez-soderzhaniya.

[4] *Шамаров П.В.* Патриотизм как политико-правовое условие суверенной государственности России // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата им. Г.Б. Мерзоева. — 2025. — № 1 (76). — С. 10.

[5] *Шамаров П.В.* Суверенная государственность России как стратегический императив ее национального развития // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. — 2024. — № 1–2 (208–209). — С. 21.

[6] *Чивилихин В.А.* Память. — Ленинград: Современник, 1982. — С. 238.

[7] *Путин В.В.* Выступление на ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 7 ноября 2024 г. // Президент России. Офиц. сайт. — www.kremlin.ru/events/president/news/75521.

[8] Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 1 // Российская газета. — 2021. — 3 июля; *Шамаров В.М., Шамаров П.В.* О функции обороны страны и ее новейшей трансформации в функцию суверенной государственности // Военное право. — 2022. — № 5 (75). — С. 95–97; *Шамаров В.М., Шамаров П.В.* Суверенная государственность как особый вид государственности в условиях Специальной военной операции России на Украине // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 68–69.

[9] *Путин В.В.* Выступление на Пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 21 октября 2021 года // Президент России. Офиц. сайт. — www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/66975.

ценностей, к числу которых в первую очередь отношу подлинный (а не показной, фальшивый или корыстный) патриотизм.

Вместе с тем идентифицирую ряд проблем, разрешение которых благотворно скажется, по моему мнению, на уровне отечественного патриотизма.

Использование словосочетания «коллективный Запад»

В нашей стране с некоторых пор наличествует практика публичного использования такого словосочетания как «коллективный Запад». Широко тиражируя его в массы, никто не задумывается о том, что таким образом трансатлантистам оказывается существенная политическая услуга. Об этом свидетельствует следующее.

Во-первых, словарная конструкция «коллективный Запад» является прямым и, к сожалению, не критически осмысленным переводом с английского глобалистской фразы «Collective West» (коллективный Запад), официально применяемой руководством США, Великобритании и других стран НАТО в своих политических документах[10].

Во-вторых, инкорпорирование этой западной словарной композиции в практику политической жизни России оказывает не только крайне деструктивное воздействие, но и весьма возможно является результирующим эффектом успешного когнитивного воздействия НАТО на нашу управленческую элиту[11], способствуя при этом пропаганде среди стран мирового суверенного большинства данного ложного политического клише Запада в форме «абсолютной международной истины».

В-третьих, использование выражения «коллективный Запад» в официальных документах Российской Федерации и публичной риторике ее руководства вольно или невольно наделяет трансатлантистов положительными международными ассоциациями и позитивной общественной коннотацией. Однако указанные черты эгоцентричному, меркантильному, вероломному и агрессивному западному сообществу вовсе не свойственны, в том числе и с учетом его критического позиционирования в тексте действующей Концепции внешней политики Российской Федерации[12], других важнейших отечественных документах и директивных выступлениях нашего Президента[13].

В-четвертых, именно российская политическая, управленческая и народная традиция не считает понятия «коллектив» и «коллективный» дежурной фигурой речи. Они официально закреплены в качестве традиционных духовно-нравственных ценностей России и на протяжении всего ее исторического развития имели во власти и в народе самое позитивное официальное и неформальное толкование. Это обусловлено не только ***коллективным*** созидательным трудом на общее благо и процветание Родины, но и ***коллективной*** беспримерной победой советского народа над немецко-фашистскими захватчиками и их европейскими союзниками в годы Великой Отечественной войны. При этом даже на этапе демократического развития России ***коллективизм*** идентифицируется нашим Президентом как главная черта волонтеров и патриотического добровольческого движения, развернувшегося в стране после начала СВО в целях именно ***коллективной*** поддержки гражданским обществом действий российских войск[14].

---

[10] *Шамаров П.В.* О неправомерности понятия «коллективный Запад» в политическом лексиконе России // Вопросы права, экономики и технологий. — 2024. — № 1. — С. 6–8.

[11] *Шамаров П.В.* Концепция когнитивной войны НАТО: ее цели, задачи, сущность, угрозы для суверенной государственности и национальной безопасности России // Военно-юридический журнал. — 2023. — № 4. — С. 14–21; *Шамаров П.В.* Когнитивное воздействие и проект НАТО «NBIC» как угроза суверенной государственности и национальной безопасности России // Дипломатический вестник. Право, экономика, политика. — 2024. — № 1(24). — С. 46–55.

[12] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ № 229 от 31марта 2023 г.), п. 8, 14, 59–64 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Офиц. сайт. — www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/.

[13] *Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г. // Президент России. Офиц. сайт. — www.kremlin.ru/events/president/news/7056; *Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента России. 2024. — 29 февраля. — www.kremlin.ru/events/president/news/73585.

[14] *Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г.

Из этого следует, что наделять западных акторов (демонстрирующих даже внутри НАТО и ЕС диаметрально противоположные государственные подходы) положительными свойствами сплоченного и созидательного международного коллектива, как минимум, ошибочно, если не опасно.

Именно поэтому, с одной стороны, ложную лексическую конструкцию «коллективный Запад» можно оценить в качестве неосознанной внутриполитической самодиверсии по популяризации в России и мире пресловутых «геополитических преимуществ и международной сплоченности» западных акторов. А, с другой, такое вредное политическое позиционирование, в соответствии с нормами российского законодательства, может представлять угрозу традиционным ценностям России и трактоваться как неумышленная пропаганда деструктивной идеологии[15] Запада.

Отсюда полагаю, что разнородность, расхождение и противоречивость национальных интересов западных стран, отсутствие понимания их элитами истинного значения слов «коллектив» и «коллективный», дефицита практической реализации последних во внешнеполитической и внутригосударственной трансатлантической практике позволяет обозначать совокупность таких субъектов авторским термином ***«совокупный Запад»***.

Последним и предлагаю заменить ложный, вредоносный и неправомерный пропагандистский конструкт глобалистов — «коллективный Запад», беспечно и широко тиражируемый в России на различных уровнях.

Иррациональность псевдодемократического обращения «коллега»

Дефицит рационализма в прагматическом распоряжении наследием СССР, неконструктивная критика и забвение его мирового статуса и значения[16] привели к выводу из официального и служебного обихода (кроме силовых структур) такого всемирно известного обращения как «товарищ», ставшего в XX веке визитной карточкой нашей страны.

Вместе с тем в сравнении с данным словом (традиционным для классической демократии и сопоставимым, по моей оценке, с древнегреческим или древнеримским словом «гражданин») достаточно искусственно, избирательно и легкомысленно выглядит публичное обращение на основе использования якобы демократичной лексемы «коллега». Представляется, что практика его употребления выявляет противоречивую, если не парадоксальную социально-гражданскую аномалию. Так, если высокопоставленное должностное лицо может себе позволить повсеместно использовать в адрес подчиненных и иных нижестоящих демократичное слово «коллега», то аналогичное (т.е. также являющееся бесспорно демократичным) обращение в ответ не только выглядит не уместным, но даже вызывающим и панибратским, если не оскорбительным.

Отсюда, с одной стороны, вряд ли подобные «коллегиальные» прецеденты имели место в служебном регламенте управленческой вертикали России; а, с другой, подобное ниспадающее (только сверху вниз) публичное использование (официальное или приватное) обращения «коллега» наблюдается в ходе общения многих начальствующих (вышестоящих) лиц с нижестоящими (подчиненными) россиянами. Все это свидетельствует не только об очевидной дисфункциональности и однобокости сложившегося служебно-личностного коммуникационного алгоритма, но и объективно атрибутирует слову «коллега» скрытую начальственную, снисходительно-покровительственную (т.е. отнюдь не демократическую, а возможно барски-авторитарную или пренебрежительную) коннотацию.

Таким образом, слово «коллега» де-факто является псевдодемократическим и односторонним обращением начальника к подчиненным или старшего (по должности, статусу и т.д.) к младшим со скрытым высокомерным или авторитарным подтекстом.

---

[15] Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 года № 809, п. 13, 17.

[16] *Шамаров П.В.* Традиционные духовно-нравственные ценности России и конструктивный опыт СССР с позиции национальной преемственности и отечественной гражданской идентичности // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. — 2023. — № 1 (20). — С. 5–24; *Шамаров П.В.* Об иррациональности игнорирования всемирного наследия СССР // Вопросы права, экономики и технологий. — 2025. — № 2. — С. 33–52.

Всех этих недостатков лишено легендарное слово «товарищ», что обусловлено следующими причинами.

Первое, слово «товарищ» — универсальное обращение, правомерно применимое на всей территории Российской Федерации к любому ее гражданину, включая нашего Президента в ипостаси Верховного Главнокомандующего национальными Вооружёнными Силами (далее по тексту — ВС)[17] и национального лидера России в ходе его официального общения с главами ряда союзных нам государств, например, Северной Кореи[18].

Второе, указанное обращение — всемирно известный, международный и отечественный бренд, не только прекрасно знакомый всему мировому сообществу, но и до сих пор официально используемый нашими истинными союзниками — Белоруссией, КНР, КНДР, Кубой и Вьетнамом.

Третье, с учетом верховного политико-правового императива в отношении того, что «Российская Федерация — это социальное государство»[19], а не, к примеру, империалистическое, капиталистическое или олигархическое, официальное использование на всей ее территории универсального слова «товарищ» гораздо предпочтительнее, чем начальственно-снисходительное, односторонне-покровительственное и псевдодемократическое обращение «коллега». В указанном смысле последнее можно оценить в качестве переходной и закамуфлированной политической формы социально чуждого и все еще токсичного в нашем обществе обращения «господин».

В целом нынешняя российская лексема «коллега» не способна адекватно заменить советского обращения «товарищ» вследствие своей ограниченной сущности — скрытого начальственного, снисходительно-покровительственного и возможно барски-пренебрежительного подтекста. Все это обусловливает политическую целесообразность возвращения на официальный уровень универсального слова «товарищ».

Алогичная драпировка Мавзолея Ленина

Мировым брендом нашей страны является имя «Ленин», которое до сих пор остается символом борьбы с милитаризмом, колониализмом и империализмом. На территории многих стран сохраняются памятники основателю советского государства и расположены улицы, площади и скверы его имени.

Вместе с тем ставшая с 2005 года «неформальной отечественной традицией» предпарадная драпировка на Красной Площади общемирового и национального символа борьбы с европейским фашизмом — Мавзолея Ленина, к подножию которого победоносная Красная Армия бросала знамена и штандарты поверженного врага в ходе исторического Парада Победы в 1945 году, не прибавляет Российской Федерации авторитета в мире и не способствует приращению ее международного влияния. Это объективировано тем, что такой стыдливый «камуфляж»:

— соответствует геополитическим интересам совокупного Запада;
— приветствуется неонацистами враждебной Украины;
— критически оценивается не только российскими патриотами[20], но и многими странами мирового суверенного большинства.

Думается, что драпировка Мавзолея весьма возможно является результатом успешного когнитивного воздействия НАТО в период до начала СВО на Украине на управленческую вертикаль России[21], определенная часть которой, по-видимому, до сих испытывает симпатию к западным ценностям и «смыслам». И этому есть объяснение — в ходе своего тридцатилет-

[17] Верховный Главнокомандующий Вооружёнными Силами // Президент России. Офиц. сайт. — www.kremlin.ru/structure/president/authority/commander.

[18] В Пхеньяне завершились переговоры Путина и Ким Чен Ына в широком составе // РИА Новости. — 2024. — 19 июня.

[19] Конституция Российской Федерации, ст. 7 // Российская газета. — 2020. — 4 июля.

[20] *Матвеев М.* Драпировка Мавзолея как символ слабости // Накануне.Ру. — 2025. — 18 мая.

[21] *Шамаров П.В.* Концепция когнитивной войны НАТО: ее цели, задачи, сущность, угрозы для суверенной государственности и национальной безопасности России // Военно-юридический журнал. — 2023. — № 4. — С. 14–21.

него геополитического рандеву с Западом мы заплатили весьма дорогую цену — кардинально изменили свой социум и иерархию его духовно-нравственных ценностей, создали целое множество западно ориентированных структур и новую национальную элиту в интересах либерального, ресурсного и коммерческого вхождения в западное сообщество и его институты (ВТО, ВОЗ, МВФ и др.)[22].

Думается, что именно по этой причине исключением не стала и драпировка Мавзолея 9 мая 2025 года, когда в столицу на военный парад в честь 80-летнего юбилея нашей Великой Победы в 1945 году прибыли почти 30 лидеров иностранных государств. При этом такая «камуфляжная» практика не приносит России абсолютно никаких геополитических дивидендов, что обусловлено следующим.

Во-первых, с одной стороны, ежегодно проводить парады 9 мая на Красной площади, приглашать на них высоких иностранных гостей и выносить Красное Знамя Победы — это традиция СССР и его Вооруженных Сил, а, с другой, стыдливо закрывать с 2005 года Мавзолей фанерными щитами под предлогом осуществления «мероприятий по украшению площади к проведению парада»[23] — новейший российский ритуал. Последний противоречит не только моральному императиву «преклонения перед поколением, которое сокрушило нацизм»[24], но и отечественным традиционным духовно-нравственным ценностям — «нравственным ориентирам, формирующим мировоззрение наших граждан, ... лежащим в основе общероссийской гражданской идентичности ..., укрепляющим гражданское единство»[25].

Во-вторых, драпировка Мавзолея подвергает идеологической обструкции и провозглашенный Президентом духовно-нравственный принцип «сохранения исторической памяти[26], поскольку, по его мнению, «забвение уроков истории неизбежно оборачивается тяжёлой расплатой»[27]. Особо подчеркну, что исторический парад 7 ноября 1941 года в канун наступления Красной Армии под Москвой также неразрывно связан с ленинским Мавзолеем.

В-третьих, все 26,6 млн погибших в СССР во время Великой Отечественной войны[28] были советскими гражданами, для которых слова «Ленин, Мавзолей и товарищ» не являлись пустым звуком, а составляли краеугольный камень их «нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение» и «основу гражданской идентичности»[29] нашего государства того исторического периода. Из этого следует, что драпировка Мавзолея противоречит императиву «высоких нравственных идеалов и преемственности поколений», а также исторической и духовно-нравственной справедливости.

В-четвертых, «маскировка» Мавзолея не встречает понимания у российских патриотов, поскольку России более пристало гордиться советскими мировыми достижениями и брендами, а не скрывать, стыдиться или опасаться их.

В-пятых, драпировка Мавзолея серьезно видоизменяет (если не уродует) исторический облик Красной площади, большинство всемирно известных видовых фото и художественных картин которой (в том числе иностранных) включают именно это уникальное сооружение.

В целом камуфляжная практика Мавзолея не только иррационально-алогична, но и не способствует повышению уровня отечественного патриотизма и международного авторитета России.

---

[22] *Кургинян С.* Элита России по-прежнему ориентирована на Запад // Красная Весна. — 2023. — 3 января.

[23] *Матвеев М.* Драпировка Мавзолея как символ слабости. — www.nakanune.ru/articles/123443/.

[24] *Путин В.В.* Выступление Президента России на военном параде // Президент России. Офиц. сайт. — www.kremlin.ru/events/president/news/76879.

[25] Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 года № 809, п. 4.

[26] Указ Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» от 16.01.2025 г. № 28, преамбула // Президент России. 0фиц. сайт. — www.kremlin.ru/acts/bank/51589.

[27] *Путин В.В.* 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Российская газета. — 2020. — 19 июня.

[28] Великая Отечественная война в цифрах // Известия. — 2021. — 9 мая.

[29] Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 года № 809, п. 4.

Затягивание возвращения в число городов России героического «Сталинграда»

Отечественным патриотам и зарубежным сторонникам нашего государства трудно осмыслить «необъяснимый» парадокс беспроблемного существования даже в топонимике враждебной Европы русского слова «Сталинград» на фоне его продолжающегося отсутствия на карте современной России. Ведь только в одном Париже такое название носят площадь, бульвар и станция метро, а в Великобритании, Бельгии, Италии, Люксембурге, Чехии и других странах насчитываются сотни, если не тысячи различных примеров увековечивания слова «Сталинград»[30]. В их перечень входят проспекты, набережные, улицы, районы, площади, бульвары, аллеи, парки и отели, в том числе и одноименный проспект в Брюсселе. Напомню, что именно в этом городе размещены штаб-квартиры стратегических противников России — НАТО и ЕС, которые, тем не менее, не предпринимают никаких шагов по переименованию этого популярного в столице Бельгии общественного места.

Между тем в России ситуация по-прежнему остается парадоксально-амбивалентной, если не тупиковой. Не взирая на высочайший статус Дня Победы как нашего «самого главного праздника»[31], физического места городу с таким прославленным названием на российской территории так и не находится. А ведь именно беспримерная Сталинградская битва в 1942–1943 годах не только стала предтечей нашей Великой Победы в 1945 году, но и остаётся национальным объединительным фактором всего патриотического большинства современной России, в том числе и на полях сражений на Украине.

Более того, даже план Н.С. Хрущёва по переименованию в ноябре 1961 года Сталинграда под надуманным предлогом якобы «многочисленных просьб коллективов промышленных предприятий, строек, совхозов, колхозов и учреждений, а также ходатайств общественных организаций Сталинградской области» столкнулся с мужественным нежеланием его жителей пойти на этот антипатриотический шаг.

Мало кто знает, что в ходе голосования в Сталинграде по данному вопросу на совместном заседании городского Совета и горкома партии 1 ноября 1961 года 77% делегатов были категорически против, 10% — воздержались и только 13% под давлением — проголосовали «за». В этой ситуации первый секретарь обкома взял на себя гражданскую смелость (крайне нетипичный случай для любых «консолидированных» отечественных управленцев) честно доложить в Президиум Верховного Совета СССР, что «жители не рассматривают имя города как память о Сталине, а видят в нём символ победы, символ мощи нашего государства»[32]. Однако даже этот мужественный поступок не отсрочил переименование Сталинграда.

В этой связи приходится констатировать, что идея возвращения этому доблестному городу его всемирно известного, но волюнтаристски похищенного вопреки воле его жителей славного названия героической военной поры активно обсуждается в нашем обществе со времен развала СССР. Вместе с тем, несмотря на публичное обещание федеральных властей еще в июне 2014 года «заняться вопросом переименования» Волгограда[33] и нынешнюю поддержку такой инициативы более 50 процентами его жителей[34], значимый прогресс в организации необходимого референдума так и не просматривается[35].

А между тем Сталинград — это знаменитый на весь мир город воинской славы и доблести нашего народа, а современный его «ребрендинг» по имени «Волгоград» — один из обычных

---

[30] *Путин В.В.* Встреча с участниками просветительского марафона «Знание. Первые» // Президент России. Офиц. сайт. — www.kremlin.ru/events/president/news/76832.

[31] *Путин В.В.* 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Российская газета. — 2020. — 19 июня.

[32] *Новицкий С.* Переименовывали со скандалом. Как Сталинград стал Волгоградом // Аргументы и факты. — 2021. — 24 ноября. — № 47.

[33] Путин выступил за референдум о переименовании Волгограда в Сталинград // КМ.РУ. — 2014. — 6 июня.

[34] Число поддерживавших переименование Волгограда в Сталинград впервые превысило противников // Блокнот-Волгоград. — 2025. — 19 мая.

[35] *Путин В.В.* Логика в переименовании Волгограда в Сталинград есть, но окончательное решение должно быть принято большинством жителей города // РИА Новости. — 2025. — 30 апреля.

областных центров, похвастаться которому в период после 1961 года особенно то и нечем[36].

Тем не менее, активная поддержка жителями Волгограда[37] решения Президента России о присвоении в апреле 2025 года одноименному международному аэропорту наименования «Сталинград» свидетельствует, по моей оценке, о необходимости скорейшего исправления не только этой застарелой политической ошибки, но и управленческой и моральной несправедливости.

Представляется, что в эпоху СВО на Украине возвращение в список «славных городов российских» всемирно известного Сталинграда станет на практике служить целям реализации Указа Президента России «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» в отношении «сохранения исторической памяти» о победе советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов[38], подчеркивая преемственность поколений в оценке ее всемирно-исторического значения как для многонационального народа России, так и всей мировой цивилизации. При этом восстановление исторической справедливости будет соответствовать справедливейшему посылу нашего Президента в отношении того, что «мы гордимся мужеством и стойкостью героев Красной армии и тружеников тыла, которые не только отстояли независимость и достоинство Родины, но и спасли от порабощения Европу и мир»[39].

Коммерциализация отечественного спорта

Еще сорок лет тому назад в нашем обществе главенствовал подход, согласно которому «спорт и патриотизм неразделимы», поскольку победитель в спортивной форме с советским гербом занимал на пьедестале почета свое место рядом с государственным флагом СССР, а в его честь звучал его государственный гимн.

Именно поэтому советским национальным брендом традиционно считались блистательные и без преувеличения легендарные спортивные достижения наших выдающихся атлетов, которые из чувства патриотизма (во славу своей советской Родины) и практически бескорыстно (в сравнении с теперешними российскими спортсменами) чрезвычайно успешно боролись за призовые места на престижных международных соревнованиях.

В настоящее время наблюдается совсем иная картина, обусловленная стремлением российских атлетов во чтобы то не стало попасть на престижные международные соревнования. При этом они готовы участвовать в таких состязаниях (в том числе на Олимпийских играх[40]) без публичной ассоциации с Родиной, ее народом и официальными государственными символами вкупе с административной поддержкой такой де-факто апатриотичной позиции рядом отечественных спортивных функционеров. Политическим результатом зарубежных выступлений таких «команд спортивных иноагентов»[41] можно считать не только серьезный международный репутационный ущерб Российской Федерации, но и мощный внутригосударственный удар по патриотическому воспитанию нашей молодежи в частности, и общероссийскому патриотизму, в целом.

Данная ситуация возникла не сегодня, но стала возможной вследствие ряда ключевых причин.

Во-первых, постсоветская коммерциализация спорта по западным лекалам и подобию, культивирование в отечественной спортивной среде потребительских предпочтений и рыночных подходов трансформировали естественно-здоровое отношение к спорту (как способу

---

[36] *Камушенко Д.* Волгоград — нищий миллионник. Как же так вышло? // Рекономика.Ру. — 2020. — 9 февраля.

[37] Бочаров: решение о переименовании Волгограда могут принять только его жители // ТАСС. Офиц. сайт. — 2025. — 20 мая.

[38] Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2025 года № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» // Президент России. 0фиц. сайт. — www.kremlin.ru/acts/bank/51589.

[39] *Путин В.В.* Быть открытыми, несмотря на прошлое // Президент России. Офиц. сайт. — www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65899.

[40] Почему российские спортсмены выступают на Олимпиаде без флага и гимна страны? // Постньюс. — 2022. — 21 января.

[41] *Фукс С.* Винер: россияне без символики на ОИ-2024 не должны иметь гражданство страны // РИА Новости спорт. –2024. — 5 апреля.

гармоничного развития личности, духа и физической силы, демонстрации своего честного спортивного превосходства и мастерства) в открытое зарабатывание больших денег и легальную возможность быстрой смены российского гражданства на иностранное. Другими словами, спорт стал легальным способом оперативной зарубежной миграции, прежде всего на Запад.

Во-вторых, отечественной спортивной деградации всемерно содействовала и возможность организации на различных уровнях договорных матчей и соревнований, а также негласный, но крайне вредный принцип отбора в детско-юношеские школы и молодежные команды не самых одаренных, талантливых и перспективных, а отпрысков состоятельных и влиятельных родителей, готовых к оплате любых спортивных издержек[42].

В-третьих, погоня за большими деньгами и агрегированное двойное (тройное и т.д.) гражданство привели к масштабированию индивидуалистических, эгоистичных и меркантильных запросов и черт характера, сформировавших парадигму восприятия атлетом своей личности в качестве пресловутого «гражданина мира», имеющего якобы международный, а не российский статус.

Все это и спровоцировало не только апатриотично-аморальное дистанцирование многих российских спортсменов от своей Родины, но и значительное ухудшение наших национальных показателей по ряду спортивных дисциплин, а значит, нанесло ущерб отечественному патриотическому воспитанию.

В связи с этим считаю целесообразным возвращение в отечественный спорт славных традиций советского периода, которые могут быть положены в основу выработки новой и действенной российской спортивной культуры.

Обучение российской молодежи в Британии

Не секрет, что антироссийская политика Великобритании материализована в крылатой фразе «англичанка гадит». Ее зачастую приписывают нашему выдающемуся полководцу — генералиссимусу А.В. Суворову, однако документальных подтверждений этого пока не найдено.

Именно поэтому затягивание СВО на Украине во многом спровоцировано, по моей оценке, антироссийской деятельностью британского политического истеблишмента — вековым геополитическим противником нашей страны, не только аккумулирующим на своей территории всевозможных отщепенцев и перебежчиков, но и использующим любые средства для нанесения России максимального ущерба и «стратегического поражения», критического ослабления и разрушения самих основ ее федерального устройства и суверенного бытия[43].

Вместе с тем в период после развала СССР многие «обеспеченные и высокопоставленные московские жители Рублево-Успенского шоссе»[44] пытались иррационально подражать трансатлантическим элитам. В частности, статус неформальной традиции у них приобрела отправка в британские школы-пансионы, колледжи и университеты своих юных отпрысков с целью, как представляется, обретения ими не только западного образования, но прежде всего собственности и гражданства для обустройства своей жизни за рубежом[45]. Так, если в 2019 году в Альбионе было официально зарегистрировано около 170 тыс. российских граждан[46], то в настоящее время их уже насчитывается не менее 300 тыс. чел.[47].

Одновременно подчеркну, что еще несколько лет тому назад число российских учеников в Великобритании достигало трех тыс. чел. при ежегодной стоимости одного места обучения в школе-пансионе около 40 тыс. долл. США. При этом в числе клиентов отечественных ком-

---

42 *Чистяков М.* Почему без возрождения культуры Россия не сможет победить // KM.RU. — 2024. — 2 марта.

43 *Аверьянов А.В., Шамаров П.В.* Британская элитарная стагнация как следствие антироссийского и диаспоральных факторов // Дипломатический вестник. Право. Экономика. Политика. — 2025. — № 3 (30). — С. 8–10.

44 *Медынский В.Р.* Скелеты из шкафа русской истории. — М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2010. — С. 391.

45 *Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г.

46 Сколько россиян живут в Великобритании. — https://fotopostcard.ru/skolko-rossijan-zhivut-v-velikobritanii.

47 *Аверьянов А.В., Шамаров П.В.* Британская элитарная стагнация как следствие антироссийского и диаспоральных факторов // Дипломатический вестник. Право. Экономика. Политика. — 2025. — № 3 (30). —С. 12.

паний, предоставлявших до начала СВО индивидуальные услуги по организации за рубежом обучения российской молодежи, традиционно числились «вся верхушка правительственного аппарата и звезды шоу-бизнеса», а также многие известные банкиры, предприниматели и менеджеры[48].

Представляется, что все это вовсе не способствовало национальным интересам России и обеспечению ее национальной безопасности[49], поскольку за рубежом на враждебной идеологической основе (в том числе «навязывание деструктивных неолиберальных идеологических установок, противоречащих традиционным духовно-нравственным ценностям» России[50]) взращивались не проактивные ее граждане и патриоты[51], а прозападные сторонники и последователи англосаксонского мировоззрения и западного образа жизни.

Более того, длительная социализация таких россиян в Королевстве на всех этапах воспитательно-образовательного процесса (школа-колледж-университет) способствовала не только отчуждению последних от России, ментальному копированию ими западных стандартов и неолиберальных клише, но и финансированию их родителями враждебного государства, косвенной или опосредованной зависимости указанных граждан от британских властей.

В целом многие выпускники школ-пансионов, колледжей и университетов Альбиона являются если не открытыми проводниками его внешней политики, то без сомнения сторонниками привитых им в ходе учебно-воспитательного процесса англосаксонских взглядов и ценностей. При этом для многих выходцев с постсоветского пространства следование такому чужеродному мировоззрению становится основным способом доказать англосаксам свою персональную полезность (функциональную пригодность[52]) и в конечном счете после завершения образования в Королевстве быть им в перспективе «абсорбированным», получив вожделенное британское гражданство.

Из этого становится очевидным, что идеологическое и психологическое воздействие на российскую молодежь в ходе британского учебного процесса служит целям насаждения чуждой и разрушительной для нашего народа системы идей и ценностей, которые официально интегрированы нашим Президентом в понятие «деструктивная идеология»[53].

Более того, в эпоху ожесточенного противоборства России с неонацистской Украиной и русоненавистническим Западом коммерческая учеба на территории враждебной Британии не только де-юре не отвечает задачам укрепления национального единства и гражданской позиции большинства нашего народа, но де-факто не является актом патриотизма, гражданственности и служения своему Отечеству.

В целом полагаю, что «особое положение России как самобытного государства-цивилизации» и «одного из суверенных центров мирового развития»[54] императивно требует формирования ее собственных передовых национальной идеи и государственной идеологии[55], нацеленных на укрепление суверенной государственности и построение реального социального государства в интересах абсолютного национального большинства России. При этом закрепленное в нашей Конституции «идеологическое многообразие» объективирует федеральные возможности по нивелированию деструктивно-ложных предрассудков и фобий

[48] *Васильева А.* Британская школа выживания // Коммерсантъ Деньги. — 2011. — № 36, 12 сентября.

[49] Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 5; *Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г.; *Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г.

[50] Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», п. 4–8; Концепция внешней политики Российской Федерации, п. 8.

[51] *Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г.

[52] *Правосудов С.* Недостаточно называть себя «элитой», ею нужно быть. Интервью выпускника Даремского университета (Великобритания) и МГИМО МИД России, аспиранта МГИМО О. Яновского // Завтра.Ру. — 2018. — 8 декабря.

[53] Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», п. 14.

[54] Концепция внешней политики Российской Федерации, п. 4–5.

[55] *Шамаров П.В.* О перспективной Концепции суверенной государственности России (ч. 1) // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. — 2023. — № 3 (22). — С. 33–37.

в отношении всемирного советского наследия, важность которого до сих пор признается даже на Западе[56].

Таким образом, считаю целесообразным вернуть из небытия иррационально забытые и недальновидно выведенные из обращения советские бренды, названия и имена, поскольку любые попытки умолчания и забвения нашей истории в настоящем чреваты обратным эффектом в будущем.

[56] *Родин И.* Президент Португалии назвал Трампа советским активом // Рамблер. — 2025. — 28 августа.

Регионы

и города

Большой Евразии

Антонова Н.Е.
д.э.н., доцент,
гл.н.с. Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск

ВЛИЯНИЕ ПРОГРАММ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НА СТРУКТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ЛЕСНОМ КОМПЛЕКСЕ

Ключевые слова: лесной комплекс, программные документы регионального развития, Российский Дальний Восток.
Key words: forest complex, regional development program documents, Russian Far East.

Дальневосточный регион уже более пятидесяти лет является объектом программного управления со стороны государства. Природно-ресурсным отраслям, относящимся к отраслям экономической специализации макрорегиона, уделялось в программных документах первостепенное значение: еще в 1967 г. была принята Программа развития производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области[1], в которой намечалось ускоренное развитие цветной металлургии, рыбной, лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности. В Долговременной государственной программе комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года[2], принятой в 1987 г., отрасли специализации, и в первую очередь, лесной комплекс, рассматривались как драйверы встраивания региональной экономики во внешние рынки, как источники получения валютных доходов. Однако инвестиции направлялись в основном в освоение сырьевой базы и по остаточному принципу — в переработку.

В годы функционирования экономики в рыночной среде программные документы по развитию Дальнего Востока также сохраняли в своих приоритетах поддержку отраслей специализации, включая лесной комплекс. Однако инструменты поддержки, учитывая рыночный характер экономики, существенно изменились, что не могло не отразиться на качестве ожидаемых результатов.

Цель статьи — исследование влияния стратегических и программных документов развития Дальнего Востока на структурно-экономические изменения в лесном комплексе на протяжении реформенного и постреформенного периодов.

Основные государственные документы, имеющие отношение непосредственно к развитию Дальнему Востоку в этот период, представлены в табл. 1. В основном они представляют собой программы, и лишь один документ относится к стратегии.

Прежде чем перейти к исследованию влияния программ регионального развития кратко охарактеризуем дальневосточный лесной комплекс начала 1990-х годов. Максимальные производственно-экономические показатели в лесном комплексе были пройдены еще в 1986 году. С началом реформ из-за падения объемов производства, роста транспортных и энергетических расходов в издержках, снижения конкурентоспособности продукции лесной комплекс вошел в глубокий кризис: объем вывозки древесины за 1990–1998 гг. сократился в 3,5 раза, выпуск пиломатериалов в 11 раз, ликвидировано производство фанеры, целлюлозы[3].

Не только лесной комплекс переживал подобное потрясение — вся социально-экономическая система Дальневосточного макрорегиона находилась в кризисе, поэтому в 1996 г. возникла необходимость государственного вмешательства в виде федеральной целевой программы[4]. Однако, что касается финансирования, то согласно ФЦП-1996 лесной комплекс мог рассчиты-

---

[1] Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 08.07.1967 г. № 638.

[2] Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 19.08.1987 № 958.

[3] *Антонова Н.Е., Ломакина Н.В., Файман А.Д.* Природно-ресурсный сектор Дальнего Востока России: «проклятие» или локомотив развития? — Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2022. — 336 с.

[4] *Минакир П.А.* Исследования экономики Дальнего Востока. 1975–2000. — Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. — 912 с.

вать лишь на 10% инвестиций за счет государственного бюджета, а остальные 90% — за счет привлечения частных инвестиций. Однако инвестиционно привлекательным комплекс не выглядел. В результате в 2002 г. в лесном комплексе общее недофинансирование составило 100%, то есть программа не была выполнена[5].

Таблица 1

Программно-стратегические документы социально-экономического развития Дальнего Востока

Название программного документа	Утверждающий нормативно-правовой акт	Роль лесного комплекса, намеченная в программных документах
Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья (ФЦП-1996)	Постановление Правительства РФ от 15.04.1996 г. № 480	Модернизация отраслей специализации, включая лесную и деревообрабатывающую промышленности
Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. (Стратегия-2009)	Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р	Увеличение масштабов использования доступных лесных ресурсов в южной части Дальнего Востока и Байкальского региона, более глубокая переработка древесины
Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года» (Госпрограма-2013)	Распоряжение Правительства РФ от 29 марта 2013 г. № 466-р	Подпрограмма «Развитие лесопромышленного комплекса Дальнего Востока и Байкальского региона» по созданию высокотехнологичных производств
Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» (Госпрограма-2014)	Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 308	Отдельно лесной комплекс, как и другие отрасли промышленности, не рассматривался
Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года (Нацпрограмма-2020)	Распоряжение Правительства РФ от 24.09.2020 г. № 2464-р	Увеличение доли лесного комплекса к 2035 г. в экономике Дальнего Востока с 1,5 до 5%, доля продукции глубокой переработки в экспорте лесной продукции не менее 75%

Источник: составлено автором.

В принятой в 2009 г. Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. действовавшая ФЦП-1996 объявлена одним из важнейших инструментов ее реализации. В Стратегии-2009 предполагалось использование конкурентных преимуществ макрорегиона за счет его природно-ресурсного и транзитного потенциала, устойчивого наращивания экспорта конкурентных видов продукции и модернизацию транспортной инфраструктуры. Что касается лесного комплекса, то никаких финансовых источников для его развития не было предусмотрено. Зато был прописан ряд институциональных инструментов — введение механизма гибкого регулирования ставок арендной платы в зависимости от степени переработки древесины; гибкое регулирование экспортных пошлин на древесину и продукты ее переработки; субсидирование ставок по кредитам для создания новых и модернизации действующих производств; получение в лизинг оборудования для производства пеллет; государственное стимулирование деревянного домостроения и т.д. Отметим, что эти меры уже были ранее предусмотрены в отраслевых документах по развитию национального лесного комплекса, Стратегия-2009 их лишь повторила. По факту, относительно «работающими» в 2009 г. инструментами явились лишь ставки экспортных пошлин,

[5] Региональный программный мониторинг: Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 199–2005 гг. и до 2010 года». — Владивосток: ДВО РАН, 2004. — 160 с.

имевшие общенациональный отраслевой характер, а не локализованный для Дальнего Востока. Хотелось бы обратить внимание на два последних инструмента, касающихся развития производства пеллет и деревянного домостроения, которые в 2009 г. оказались «неработающими» инструментами, а через 13 лет, в 2022 г., после введения санкций были снова «подняты на щит» как основные пути поднятия внутреннего спроса на лесопромышленную продукцию в России.

С 2010 г. стратегические документы стали иметь форму государственных программ как инструмента распределения бюджетных средств для реализации целей социально-экономического развития[6]. В них включались уже действующие ФЦП. Так, в 2013 г. была принята государственная программа «Социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года». В ней для развития лесного комплекса была предусмотрена отдельная подпрограмма с планируемым объемом финансирования 190 млрд руб., правда на 90% за счет внебюджетных источников, то есть за счет потенциальных частных инвесторов, заинтересованных в таких вложениях. Программа оказалась непроработанным документом по намеченным инвестиционным проектам и по инструментам государственного регулирования лесного комплекса, она просуществовала один год, по сути, так и не начавшись.

С 2014 г. в рамках политики «поворота на Восток» была принята новая государственная программа, с таким же названием, что и программа 2013 года (заменившая ее), она была рассчитана на 2014–2025 гг. Общая установка программы, включая ее последующие версии, состояла в создании условий для привлечения инвестиций в экономику Дальнего Востока. Наиболее активно декларируемыми инструментами программы явились территории опережающего социально-экономического развития (ТОР) и свободный порт Владивосток (СПВ), пользователями которых могли стать все экономические агенты как потенциальные инвесторы вне зависимости от отраслевой принадлежности. Каких-либо специфических инструментов господдержки для отдельных отраслей, в том числе лесного комплекса, предусмотрено не было.

Для лесного комплекса использование механизмов ТОР и СПВ явилось достаточно ограниченным — их резидентами стали менее 5% лесопользователей, работавших в ДФО, главным образом в его наиболее развитой южной части. Основной вид деятельности таких резидентов — деревообработка с производством продукции невысокого передела.

В 2020 г. была принята Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года. В ней внимание снова было повернуто к отраслям, которые должны обеспечить приток инвестиций, и, как следствие, экономический рост в ДФО. Среди этих отраслей выделена в т.ч. лесоперерабатывающая промышленность, для повышения инвестиционной привлекательности которой намечены следующие инструменты: увеличение до 80% таможенной пошлины на вывоз необработанной древесины, создание цифрового сервиса «Лесвосток», введение механизма стимулирования частных инвестиций в строительство лесных дорог. По сути, ни один из этих инструментов так и не заработал в намеченном формате: вместо повышения пошлин был введен на общенациональном уровне полный запрет экспорта необработанной древесины, сервис «Востоклес» так и остался в демонстрационной версии, стимулирование инвестиций в строительство дорог продолжает находиться лишь в стадии обсуждения.

На наш взгляд, за прошедшие 30 лет влияние программных документов по развитию Дальнего Востока на параметры лесного комплекса оказалось не столь существенным, как на это рассчитывали их разработчики. Большее влияние на экспортно-ориентированный комплекс оказал фактор внешнего спроса. Лесной комплекс после резкого падения параметров на протяжении 1990-х гг. перешел к неустойчивому подъему до 2007 г. вследствие улучшения внешнеэкономической конъюнктуры, после которого начался спад, спровоцированный мировым кризисом 2008–2009 гг. и продолжающийся до настоящего времени под влиянием пандемии, внешнеэкономических санкций.

Что касается институционального фактора, то действие региональных инструментов скорее можно назвать вторичным по сравнению с действием отраслевых механизмов, таких как

[6] *Минакир П.А., Прокапало О.М.* Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» // Пространственная экономика. — 2013. — № 1. — С. 103–122.

повышение экспортных пошлин, а в дальнейшем полный запрет на экспорт необработанной древесины, внедрение механизма приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов, прямые субсидии на реализацию таких проектов и т.д. Среди региональных механизмов набольшее влияние оказали, на наш взгляд, ТОР и СПВ. Причем основными бенефициарами как от действия отраслевых, так и региональных инструментов оказались крупные компании. Малый бизнес больше пострадал от институциональных новаций (прежде всего от повышения экспортных пошлин на древесину и запрета ее экспорта).

Отметим, что сложившаяся до начала реформ продуктовая и технологическая структура лесного комплекса Дальнего Востока явилась в целом устойчивым образованием, достаточно долго инвариантным к институциональным изменениям[7]. К изменению продуктовой структуры привел такой радикальный отраслевой инструмент как запрет в 2022 г. экспорта необработанной древесины: заготовка древесины перестала быть доминирующей в ней, на первое место вышло лесопиление, при этом все объемные показатели лесного комплекса критически снизились. Внешнеэкономические санкции привели к падению спроса на основные виды дальневосточной лесопромышленной продукции (пиломатериалы, лущеный шпон пеллеты), что вызвало дальнейшее сокращение объемов производства.

В настоящее время активно обсуждается разработка новой Стратегии развития Дальневосточного федерального округа на период до 2036 года[8]. Стратегия будет направлена в том числе на более эффективное использование ресурсного, производственного потенциала дальневосточных регионов. Будет ли в ней уделено внимание лесному комплексу пока неизвестно, он теперь не относится к локомотивам роста экономики ДФО. Тем не менее, учитывая возрастающее внимание в России к вопросам климатической повестки и намерений по созданию нового, инвестиционно привлекательного лесоклиматического сектора как составной части национального лесного комплекса[9], не исключено, что в новой Стратегии найдет свое отражение развитие лесоклиматических проектов на Дальнем Востоке, практика реализации которых в макрорегионе уже началась. Это может дать импульс нового направления развития лесопользования как вида экономической деятельности на Дальнем Востоке.

Ахмедова Ф.Дж.
старший преподаватель кафедры «Цифровая экономика и финансы»,
Ташкентский филиал Российского экономического университета

ВЛИЯНИЕ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ НА РАЗВИТИЕ МЕСТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Ключевые слова: инициативное бюджетирование, партисипаторное бюджетирование, гражданское участие, инфраструктура, Узбекистан.
Key words: participatory budgeting, civic engagement, infrastructure, Uzbekistan.

В последние годы Узбекистан активно проводит реформы, направленные на повышение эффективности государственного управления и вовлечение граждан в процесс принятия решений. Одним из ключевых инструментов, способствующих достижению этих целей, являет-

[7] *Антонова Н.Е.* Трансформация лесного комплекса за годы российских реформ: дальневосточный срез // Пространственная экономика. — 2017. — № 3. — С. 83–106.

[8] Перечень поручений по итогам Восточного экономического форума // http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/78375.

[9] *Пыжев А.И.* Лесная промышленность регионов Сибири и Дальнего Востока: перспективы развития лесоклиматического сектора // Проблемы прогнозирования. — 2022. — № 4 (193). — С. 68–77.

ся инициативное бюджетирование или «Открытый бюджет»[1]. Инициативное бюджетирование является современной формой непосредственного участия населения путём выдвижения инициатив по расходованию определённой части бюджетных средств. В международной практике данный метод называется «партисипаторное бюджетирование» (participatory budgeting) и считается важным элементом развития демократического процесса.

Опыт осуществления инициативного бюджетирования в мире показывает, что привлечение широкой общественности к планированию расходов местного бюджета меняет восприятие общественностью деятельности городского управления в сторону признания его более честным и справедливым, повышает прозрачность и достоверность публичной отчётности городского управления, а также является эффективной массовой школой низового администрирования и участия в принятии значимых общественных решений[2].

Методы инициативного бюджетирования, зародившись в 1989 году в Бразилии, с тех пор распространились по всему миру. В процессе адаптации в каждой внедрявшей эти практики стране методы были видоизменены в соответствии с региональными особенностями[3]. Различия прежде всего были в масштабе планирования, в зависимости от страны это могли быть муниципальный, областной или региональный уровень. В некоторых странах процедуры были кодифицированы в виде законодательной нормы, в других разработчики процедур воспользовались уже имеющимися в местном законодательстве средствами[4].

В Узбекистане механизм инициативного бюджетирования начал внедряться с 2018 г. после принятия Постановления Президента Узбекистана №ПП-3917 от 22.08.2018 года[5]. Данный документ предоставил правовую основу для происходящих на тот момент преобразований, предусматривающих повышение прозрачности бюджета и вовлечение граждан в распределение бюджетных средств на местах[6].

На рисунке 1 отражена ежегодная динамика как количества инициатив, выдвигаемых гражданами, так и объёмов бюджетных средств, выделяемых на их реализацию в период с 2021 по 2024 год[7]. Данная визуализация позволяет проследить тенденции изменения активности населения и масштабов финансирования инициативного бюджетирования, а также выявить возможные взаимосвязи между уровнем гражданского участия и ростом бюджетных ассигнований.

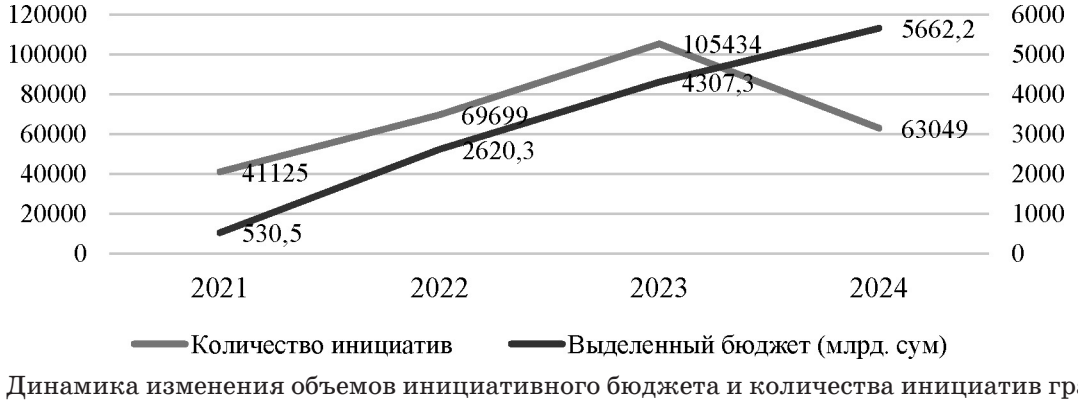


Рис. 1. Динамика изменения объемов инициативного бюджета и количества инициатив граждан (по данным Министерства экономики и финансов Республики Узбекистан)

[1] Министерство экономики и финансов Республики Узбекистан. Портал «Открытый бюджет». — https://openbudget.uz.

[2] *Абдуллаева Ш.Р., Ахмедова Ф.Д.* Международный опыт формирования механизма инициативного бюджетирования // Рынок, деньги, кредит. — 2025. — № 2.

[3] *Аллегретти Дж., Синтомер И.* Партисипаторное бюджетирование: мировая практика и перспективы // Городское управление. — 2019. — № 1. — С. 45–60.

[4] Обзор практик инициативного бюджетирования в Узбекистане / ПРООН. — 2024.

[5] Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-3917 от 22.08.2018 г. «О мерах по дальнейшему повышению открытости бюджетных данных и активизации участия граждан в бюджетном процессе». — Ташкент, 2018.

[6] *Ахмедова Ф.Д.* Инициативное бюджетирование в Узбекистане // Экономическое обозрение. — 2024. — № 8.

[7] Министерство экономики и финансов Республики Узбекистан. Портал «Открытый бюджет». — https://openbudget.uz.

Первое голосование по инициативному бюджетированию прошло в 2021 году, при этом объем выделенного бюджета составил 530,5 млрд сумов, в 2024 году объем выделенных средств уже увеличился в 10 раз и составил 5662,2 млрд сумов[8]. В «Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы» была определена задача ежегодного направления не менее 5% бюджета каждого района на решение наиболее актуальных проблем, выявленных на основе предложений населения в рамках программы «Бюджет граждан»[9]. В подтверждение долгосрочности развития и дальнейшего увеличения объемов инициативного бюджетирования в Стратегии «Узбекистан-030» предусматривается увеличение размера средств, выделяемых на решение проблем в махаллях, согласно голосованию жителей, не менее чем в 3 раза, и «доведение объема средств, выделяемых на улучшение инфраструктуры по инициативе населения, до 24 триллионов сумов»[10].

Как видно из табл. 1, важным индикатором хода инициативного бюджетирования является структура приоритетов, сформированная населением по итогам голосования[11]. Данные показывают, что во всех регионах наибольшую поддержку получают проекты, связанные с ремонтом общеобразовательных школ, внутренних дорог, а также с ремонтом и оснащением медицинских учреждений.

Таблица 1

Проекты-победители по направлениям инициативного бюджетирования в Республике Узбекистан

№	Направления	Количество проектов-победителей				
		Всего	2021 г	2022 г	2023 г	2024 г
	ВСЕГО	9913	1594	4136	4183	4774
1	Ремонт общеобразовательных школ	3380	367	1408	1605	1447
2	Ремонт внутренних дорог	2512	408	1028	1076	1686
3	Улучшение системы питьевой воды и канализации	363	131	169	63	52
4	Установление или ремонт уличного освещения	354	115	114	125	118
5	Ремонт и оснащение медицинских учреждений	1021	64	362	595	621
6	Ремонт и оснащение дошкольных образовательных организаций	544	35	325	184	112
7	Другие мероприятия	1739	474	730	535	738

Источник: составлен автором на основе материалов Министерства экономики и финансов Республики Узбекистан.

За период 2021–2024 годов в рамках программы было реализовано 9 913 проектов-победителей, причём общая динамика свидетельствует о постепенном и уверенном расширении активности. Если в 2021 году было отмечено всего 1 594 проекта, то уже в 2022 году их количество выросло в 2,6 раза и достигло 4 136. В 2023 году произошло незначительное увеличение до 4 183 проектов, а в 2024 году наблюдается новый устойчивый рост до 4 774. Эти данные подтверждают системное расширение программы, а также её устойчивость и востребованность.

Структура распределения проектов по направлениям показывает, что наиболее приоритетными сферами остаются социальная инфраструктура и транспорт. На первом месте — ремонт общеобразовательных школ, который за весь период охватил 3 380 проектов, что составля-

[8] *Абдуллаева Ш.Р., Ахмедова Ф.Д.* Повышение роли вовлеченности граждан в процесс формирования государственного бюджета // Материалы IV Республиканской научно-практической конференции «Приоритетные направления развития финансового рынка…». — Ташкент: НИЦ ТГЭУ, 2025.

[9] Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы. — Ташкент, 2022.

[10] Стратегия «Узбекистан — 2030». — Ташкент, 2023.

[11] Министерство экономики и финансов Республики Узбекистан. Портал «Открытый бюджет». — https://openbudget.uz.

ет примерно треть от общего объёма. Это отражает последовательную работу по укреплению и обновлению образовательной среды. Вторым по значимости направлением является ремонт внутренних дорог — 2 512 проектов, или около четверти всех побед. Таким образом, почти 60% всех проектов связаны с базовой социальной и транспортной инфраструктурой, что подчёркивает их ключевую роль для устойчивого развития территорий[12].

В то же время направления демонстрируют различную динамику. Наиболее заметный рост наблюдается в сфере ремонта и оснащения медицинских учреждений. Если в 2021 году поддержано лишь 64 проекта, то в 2024 году — уже 621, что указывает на существенное усиление внимания к здравоохранению. Аналогично направление по ремонту дорог демонстрирует выраженный рост от 408 проектов в 2021 году до 1 686 в 2024 году, что может свидетельствовать о системном решении накопившихся инфраструктурных проблем.

В противоположность этим тенденциям направление «Улучшение системы питьевой воды и канализации» показывает устойчивое сокращение. С 131 проекта в 2021 году количество снизилось до 52 в 2024 году[12]. Это может означать как устранение наиболее острых потребностей в ранние годы реализации, так и снижение приоритетности данного направления по сравнению с другими. Сфера уличного освещения, напротив, остаётся относительно стабильной: ежегодно поддерживается порядка 110–125 проектов, что отражает поддержание системного, но умеренного уровня внимания.

Наблюдается волнообразная динамика в направлении, связанном с дошкольными образовательными организациями: пик пришёлся на 2022 год, после чего количество проектов постепенно уменьшалось. Вероятнее всего, значительная часть наиболее проблемных объектов была модернизирована в начале периода. Категория «Другие мероприятия» также демонстрирует колебания, что естественно с учётом её разнопланового содержания.

В целом анализ показывает, что программа развивается в сторону укрепления ключевых элементов социальной и транспортной инфраструктуры, при этом гибко реагируя на меняющиеся потребности. Рост числа проектов в здравоохранении и дорожной сфере говорит о перераспределении приоритетов в пользу критически важных направлений, тогда как сокращение отдельных категорий может указывать на завершённость или снижение актуальности задач в этих сферах. Общая положительная динамика и устойчивый рост количества проектов подтверждают высокую эффективность и востребованность программы.

Инициативное бюджетирование в Узбекистане является относительно новым инструментом вовлечения граждан в процесс распределения бюджетных средств на местном уровне. Несмотря на значительные успехи и позитивное влияние на развитие инфраструктуры, практика ИБ сталкивается с рядом ограничений, которые необходимо учитывать при оценке его эффективности.

1. *Недостаточная проектная подготовка*. Многие инициативы, выдвигаемые гражданами, имеют недостаточную техническую и экономическую обоснованность. Часто отсутствует полноценная проектная документация, а сами инициативы не проходят детальную экспертизу, что может приводить к нереалистичным срокам выполнения, завышенным затратам и низкому качеству реализации. Местные органы власти не всегда обладают необходимыми ресурсами и компетенциями для проверки всех поступающих инициатив, особенно в удалённых и сельских районах.
2. *Ограниченный общественный контроль*. Эффективность ИБ напрямую зависит от активности гражданского общества и участия населения в мониторинге реализации проектов. На практике общественный контроль осуществляется неравномерно: в некоторых районах отсутствуют компетентные наблюдатели, а системы отчётности и мониторинга недостаточно прозрачны. Без постоянного контроля возможны нарушения сроков исполнения, снижение качества работ и неправильное распределение бюджетных средств.
3. *Неравномерность участия населения*. Участие граждан в инициативном бюджетировании существенно различается в зависимости от региона и социального слоя. В город-

[12] Министерство экономики и финансов Республики Узбекистан. Портал «Открытый бюджет». — https://openbudget.uz.

ских районах и более активных махаллях наблюдается высокий уровень участия, в то время как в сельских и отдалённых территориях многие жители не знают о механизмах ИБ или испытывают сложности с использованием цифровых платформ. Цифровой разрыв и недостаток информированности ограничивают равный доступ к участию, что может приводить к концентрации ресурсов в более активных сообществах.

4. *Проблемы реализации инфраструктурных объектов*. Хотя большинство проектов реализуется успешно, встречаются задержки, низкое качество подрядных работ и проблемы с эксплуатацией объектов после завершения строительства. Например, дороги, водопроводные сети или благоустроенные территории требуют постоянного технического обслуживания, которое не всегда предусмотрено в бюджете. Это создаёт риск того, что инфраструктурные объекты, построенные за счёт ИБ, быстро теряют свою эффективность и нуждаются в дополнительном финансировании.
5. *Финансовая устойчивость и софинансирование*. Система ИБ предполагает возможность софинансирования со стороны населения. Однако не все жители имеют финансовую возможность участвовать в таких проектах. Это ограничивает равноправие и может исключать малообеспеченные группы населения из участия в формировании инфраструктурных приоритетов. Кроме того, долгосрочные расходы на эксплуатацию и содержание объектов часто не учитываются при планировании бюджета, что создаёт дополнительную нагрузку на местные органы власти.
6. *Организационные и бюрократические барьеры*. Механизм подачи инициатив и их согласования часто сопровождается сложными административными процедурами, которые могут быть непонятны обычным гражданам. Недостаточная координация между различными органами местного самоуправления и отсутствие стандартизированных процедур увеличивает вероятность ошибок и задержек в реализации проектов.

На основе анализа международной практики инициативного бюджетирования, а также оценки текущего состояния внедрения данного механизма в Республике Узбекистан, представляется целесообразным предложить комплекс рекомендаций, направленных на повышение его эффективности и устойчивости.

Во-первых, требуется дальнейшее укрепление прозрачности и открытости процедур инициативного бюджетирования. Международный опыт Португалии, Бразилии и Южной Кореи показывает, что наличие единой цифровой платформы, обеспечивающей доступ граждан к информации о бюджетных лимитах, этапах реализации проектов и результатах голосования, позволяет повысить уровень доверия и вовлеченности населения. В этой связи рекомендуется расширить функциональные возможности существующих цифровых инструментов, обеспечить удобство пользовательского интерфейса и регулярное обновление данных.

Во-вторых, важным является повышение качества гражданского участия. Опыт Канады и Германии свидетельствует, что вовлеченность населения возрастает при условии системной образовательной поддержки. Рекомендуется проводить тренинги, семинары и просветительские программы для жителей махаллей по вопросам подготовки инициатив, проектного планирования и оценки социального эффекта. Особое внимание следует уделять включению в процессы обсуждения молодёжи, женщин и социально уязвимых групп.

В-третьих, необходимо совершенствовать механизмы распределения средств инициативного бюджетирования, обеспечивая справедливость и адресность. Практика Польши демонстрирует эффективность применения формульного распределения бюджетных средств на основе численности населения, инфраструктурной обеспеченности и социально-экономических характеристик территорий. Введение аналогичных подходов в Узбекистане позволит минимизировать дисбаланс между регионами и повысить эффективность расходования средств.

В-четвёртых, требуется развитие института модераторов и фасилитаторов общественных обсуждений, широко применяемого в Бразилии и Испании. Обученные специалисты способны обеспечить корректное формулирование проектов, организовать конструк-

тивный диалог между органами власти и населением, а также способствовать качественной подготовке инициатив.

В-пятых, важно внедрять стандартизированные критерии оценки проектов. Мировая практика показывает целесообразность использования системы показателей эффективности (KPI), включающей оценки социального воздействия, устойчивости, экономической целесообразности и экологических последствий. Формализация таких критериев позволит повысить качество отбираемых проектов и обеспечить их соответствие стратегическим приоритетам развития территорий.

В-шестых, особое значение имеет совершенствование системы мониторинга и постконтроля. Рекомендуется развивать механизмы общественного контроля, включая формирование добровольных мониторинговых групп, публикацию регулярных отчётов о ходе реализации инициатив и использование цифровых средств фиксации прогресса. Эти меры способствуют укреплению доверия и повышению ответственности исполнительных органов.

В-седьмых, учитывая современные тенденции, следует стимулировать инновационные проекты, направленные на внедрение цифровых и экологически ориентированных решений. Международная практика Южной Кореи показывает, что внедрение «умных» технологий в рамках ИБ способствует повышению качества городской среды и оптимизации расходов на обслуживание инфраструктуры.

Наконец, необходима усиленная межведомственная координация, обеспечивающая согласованность проектов инициативного бюджетирования с долгосрочными стратегиями развития территорий. Интеграция инициатив граждан в региональные программы, генеральные планы и отраслевые стратегии позволит повысить их устойчивость и предотвратить дублирование функций.

В совокупности представленные рекомендации ориентированы на формирование институционально устойчивой модели инициативного бюджетирования, способной обеспечить повышение качества инфраструктуры, усиление гражданской активности и укрепление доверия между населением и органами государственной власти.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать вывод, что инициативное бюджетирование в Узбекистане уже показало значительный потенциал для трансформации местной инфраструктуры и повышения участия граждан в бюджетном процессе. Благодаря ИБ были реализованы сотни проектов — от ремонта дорог до улучшения водоснабжения и обустройства общественных пространств. Эти инициативы способствуют не только материальному улучшению условий проживания, но и укреплению гражданского доверия, социальной вовлеченности и ответственности.

Однако для устойчивого развития этой практики необходимо решить ряд проблем: улучшить проектную подготовку, усилить контроль и мониторинг, обеспечить равный доступ к финансированию и участие, а также предусмотреть долгосрочные эксплуатационные расходы. С принятием новых мер (включая механизм софинансирования с 2026 г.) и дальнейшим развитием цифровых инструментов Узбекистан может вывести инициативное бюджетирование на новый уровень, делая его мощным инструментом локального развития и демократизации.

Белокрылова О.С.
д.э.н.,
Заслуженный деятель науки РФ, профессор,
профессор Кафедры экономической теории Экономического факультета,
Южный федеральный университет
belokrylova@mail.ru
Висицкий Н.Н.
аспирант,
Южный федеральный университет

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ БЛАГА В СТРАТЕГИЯХ РАЗВИТИЯ «УМНЫХ ГОРОДОВ»: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В ЖКХ

Ключевые слова: коллективные блага, цифровизация, умный город, жилищно-коммунальное хозяйство.
Key words: collective benefits, digitalization, smart city, housing and communal services.

Анализ проблем цифровизации коллективных благ в стратегиях развития «умных городов» требует понимания природы общественных и муниципальных услуг. В классических работах М. Олсона подчеркивалось, что коллективные блага функционируют только при наличии механизмов координации и стимулов, устраняющих проблему безбилетника[1] (в городском управлении эта проблема проявляется достаточно остро, поскольку муниципальные услуги по определению обладают чертами неделимости). В более поздних исследованиях, посвященных городской экономике, отмечается, что качество коллективных благ становится ключевой детерминантой конкурентоспособности городской среды (ср. работы Р. Масса, П. Холла и др.)[2]. Это позволяет рассматривать городской комплекс как динамичную систему, в которой эффективность предоставления благ определяет устойчивость социально-экономического развития.

Модели «умных городов» представляют собой многоуровневые концепции организации городской среды, основанные на интеграции цифровых технологий, больших данных, инфраструктуры и человеческого капитала. Концепция «умного города» предполагает сочетание технологической платформы, институциональной архитектуры и социальной составляющей, что позволяет рассматривать «умный город» как результат трансформации норм и взаимодействий между участниками городской экономики[3]. В международной практике сформировались модели, ориентированные на цифровизацию инфраструктуры, использование сенсорных сетей, больших данных и автоматизированных систем управления, характерные для Сингапура, Сеула и Барселоны. «Умные города» формируются через интегрированные экосистемы, объединяющие технологические, институциональные и социальные элементы[4]. В российских условиях это означает необходимость глубокой цифровой интеграции городской инфраструктуры, повышения институциональной гибкости и формирования устойчивых механизмов сотрудничества между государством, бизнесом и гражданами.

Развитие концепций «умного города» трансформировало трактовку коллективных благ, сместив акцент с исключительно материальной и инфраструктурной природы к гибридной, включающей цифровую компоненту как самостоятельный и системообразующий элемент.

---

[1] *Олсон М.* Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп. — М.: Фонд экономической инициативы, 1995. — С. 23–24.

[2] *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые создают будущее / пер. с англ. Н. Яцюк. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016; *Hall P.* Cities in Civilization: Culture, Innovation and Urban Order. — L.: Weidenfeld & Nicolson, 1998 и др.

[3] *Таунсенд Э.М.* Умные города: большие данные, гражданские хакеры и поиски новой утопии / пер. с англ. А. Шоломицкой. — М., 2019. — С. 32.

[4] *Холландс Р.Г.* Настоящий «умный город», пожалуйста, встаньте? Интеллектуальный, прогрессивный или предпринимательский? // City. — 2008. — Т. 12. — № 3. — С. 303–320.

В рамках «умного города» коллективные блага все в большей степени формируются и предоставляются не только через традиционные объекты коммунальной, транспортной или социальной инфраструктуры, но и через цифровые платформы и сетевые эффекты. Цифровая среда становится пространством производства общественной полезности, где доступ к информации, сервисам и данным приобретает характеристики неконкурентности и ограниченной исключаемости, присущие классическим общественным и квазиобщественным благам. Специфика «умного города» как институциональной категории заключается в изменении механизмов координации и распределения коллективных благ. Если в традиционной модели ключевая роль принадлежала иерархическим структурам публичного управления и бюджетному финансированию, то в «умном городе» возрастает значение смешанных институциональных режимов, основанных на партнерстве государства, бизнеса и граждан. Платформенные решения, модели ГЧП, краудсорсинг и совместное производство услуг расширяют инструментарий предоставления коллективных благ, снижая трансакционные издержки и повышая адаптивность публичных услуг к реальным потребностям населения.

Таким образом, «умный город» формирует новые институциональные конфигурации, в которых границы между производителями и потребителями общественных благ становятся менее жесткими. Дополнительно концепция «умного города» переосмысливает пространственно-временные характеристики коллективных благ. Цифровизация городской экономики позволяет переходить от стандартизированного предоставления благ к проактивным и персонализированным форматам. Это, в свою очередь, ведет к институциональному сдвигу от универсалистской логики публичного сектора к логике дифференцированного доступа при сохранении принципов общественной полезности и социальной значимости. В результате коллективные блага в «умном городе» приобретают динамический характер, а их качество и ценность определяются не только объемом ресурсов, но и эффективностью цифровых институтов, уровнем доверия, прозрачности и включенности горожан в процессы управления.

В мировой практике «умные города» демонстрируют разнообразие моделей интеграции цифровых технологий в систему предоставления коллективных благ. Так, в Сингапуре концепция Smart Nation реализуется как централизованный государственный проект, в рамках которого цифровые платформы управления транспортом, здравоохранением и городской средой являются инфраструктурой общественного блага, обеспечивающей снижение трансакционных издержек и высокую предсказуемость публичных услуг. В Барселоне и Амстердаме акцент смещен в сторону децентрализованных и партисипаторных моделей: открытые данные, городские цифровые лаборатории и платформы гражданского участия используются для совместного производства коллективных благ, включая управление городской мобильностью, энергопотреблением и общественными пространствами. В этих случаях «умный город» является не только технологической, но и институциональной инновацией, изменяющей баланс между публичным интересом, рыночными стимулами и гражданской вовлеченностью. Один из наиболее авторитетных рейтингов «умных городов» — IMD Smart City Index, основанный на восприятии жителей (опросы около 120 чел. на город) по инфраструктуре, технологиям, качеству жизни и устойчивости[5]. В 2025 г. оценивалось 146 городов. Топ городов составили Цюрих, Осло, Женева, Дубаи, Абу Даби, Копенгаген, Хельсинки, Канберра, Сингапур, Лозанна. Российские города не входят в верхние позиции (Москва обычно ниже 50–60 места в предыдущих годах).

В России развитие «умных городов» имеет выраженную государственно-центричную специфику и тесно связано с реализацией национальных проектов и федеральных программ цифровизации. Наиболее показательные примеры представлены Москвой, Казанью, Санкт-Петербургом и рядом городов-миллионников, где цифровые платформы управления транспортом, ЖКХ, безопасностью и городскими сервисами институционализированы как элементы публичной инфраструктуры. Московские системы «Активный гражданин», «Наш город», интеллектуальные транспортные и медицинские платформы формируют новые каналы предоставления коллективных благ, основанные на данных и обратной связи от населения. Вместе с тем для российских «умных городов» характерна асимметрия развития: цифровые

[5] IMD World Competitiveness Center. — www.imd.org/smart-city-observatory.

коллективные блага зачастую опережают институциональное закрепление механизмов ответственности, защиты данных и участия граждан в принятии решений. Это обусловливает смешанный характер модели, в которой технологическое обновление публичных услуг сочетается с сохранением иерархических форм управления, определяя особую траекторию институциональной эволюции «умного города» в российских условиях. Для оценки развития в России используется Индекс «IQ городов» (от Минстроя РФ, в рамках проекта «Умный город», оценивающий цифровизацию по 47–29 показателям (ЖКХ, транспорт, безопасность и т.д.). Топ индекса «IQ Городов» среди крупнейших городов представлен в табл. 1.

Таблица 1

Топ индекса «IQ Городов» среди крупнейших городов за 2024 г.[6]

Место	Муниципалитет	Регион	Рейтинг
1	Москва	Город Москва	260,0
2	Санкт-Петербург	Город Санкт-Петербург	227,0
3	Казань	Республика Татарстан	225,8
4	Пермь	Пермский край	220,5
5	Челябинск	Челябинская область	219,6
6	Екатеринбург	Свердловская область	210,4
7	Нижний Новгород	Нижегородская область	206,7
8	Новосибирск	Новосибирская область	204,0
9	Красноярск	Красноярский край	203,7
10	Воронеж	Воронежская область	201,3
11	Ростов-на-Дону	Ростовская область	200,5
12	Волгоград	Волгоградская область	171,5
13	Уфа	Республика Башкортостан	143,7
14	Краснодар	Краснодарский край	142,8
15	Самара	Самарская область	80,0
16	Омск	Омская область	67,5

Цифровизация превращает традиционные коммунальные услуги в «информационно насыщенные блага», где данные становятся ключевым производственным фактором (М. Кастельс[7]). Это требует не только технологической модернизации, но и институциональной перестройки, поскольку цифровые сервисы формируют новые схемы взаимодействия акторов, включая муниципалитеты, сервисные компании, платформенные операторы и жителей. Цифровизация коллективных благ способна устранить структурные разрывы в функционировании ЖКХ, а цифровые инновации в этой сфере сталкиваются с ограничениями, обусловленными спецификой жилищно-коммунальной отрасли, ее институциональной архитектурой и низким уровнем рыночной конкуренции. Соответственно, эволюция теории коллективных благ в контексте «умных городов» демонстрирует переход от представления о коммунальных услугах как о статичных публичных благах к пониманию их как изменяемых цифровыми технологиями динамичных систем, управление которыми требует новых моделей координации и сопоставления интересов всех участников городской среды.

Процессы цифровизации являются системным фактором трансформации механизмов предоставления муниципальных услуг, изменяя основы функционирования городской инфраструктуры. Цифровые технологии формируют «новую архитектуру городской публичности», в которой сервисы переходят от офлайн-модели к гибким, ориентированным на пользователя

[6] Умный город онлайн. — https://russiasmartcity.ru/wp-content/uploads/2024/08/Rezultaty_rascheta_Indeksa_IQ_gorodov_za_2023_god.pdf.

[7] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000.

цифровым форматам[8]. Этот процесс затрагивает все ключевые компоненты муниципального управления — от сбора данных и управления коммунальными ресурсами до обеспечения безопасности, планирования городской среды и предоставления сервисов населению. Цифровизация позволяет преодолеть традиционные системные ограничения муниципального управления, в т.ч. высокий уровень трансакционных издержек, длительность принятия решений, информационную асимметрию между органами власти и горожанами. На практике это выражается в переходе к автоматизированным системам диспетчеризации в ЖКХ, применению датчиков и интеллектуальных систем учета, внедрению «цифровых двойников» муниципальной инфраструктуры, развитию мультисервисных платформ. Цифровые технологии «переопределяют границы муниципальной услуги и расширяют возможности для взаимодействия акторов» (А. Мотт, Дж. Харрисон). Это означает, что услуга перестает быть лишь результатом деятельности муниципального органа и превращается в комплексный продукт, создаваемый множеством участников. Использование единого цифрового окна для обращения граждан, автоматизация процессов регистрации заявок, мониторинг состояния коммунальной инфраструктуры в реальном времени и переход на предиктивное обслуживание создают качественно иной уровень предоставления услуг. Цифровые технологии в «умных городах» позволяют переходить от реактивного управления к проактивному, создавая условия для предвидения и предотвращения сбоев.

Таким образом, цифровизация становится не просто инструментом модернизации муниципального управления в «умном городе», но и фактором институциональных изменений, влияющим на предоставление муниципальных услуг, усиливающим ориентацию на потребителя, расширяющим возможности для координации и создающим предпосылки для формирования более эффективной городской среды. Для российской практики цифровизация становится инструментом повышения прозрачности и подотчетности муниципальных органов. Электронные сервисы (платформы обратной связи, системы мониторинга качества ЖКУ и пр.), обеспечивают повышение открытости информации, ослабляют информационную монополию коммунальных операторов и позволяют включать жителей в процессы контроля. Цифровизация муниципальных услуг не устраняет ключевые институциональные ограничения — разрозненность ведомств, несогласованность цифровых стандартов, неоднородность цифровой готовности регионов. Однако сама логика цифровой трансформации стимулирует поиск новых механизмов координации, согласование интересов различных участников и переход к модели управления, основанной на данных.

М. Батти подчёркивает, что успешные модели «умных городов строятся на взаимосвязи технологических и социальных инноваций[9]. Российская модель «умного города» развивается в условиях институциональных ограничений сферы ЖКХ, неоднородной цифровой зрелости регионов и высокого уровня износа инфраструктуры. В этой системе ключевой акцент приходится на цифровизацию ЖКХ, внедрение интеллектуальных систем учета, городских цифровых платформ (ГИС ЖКХ, сервисы обратной связи и пр.), а также автоматизацию инженерных систем. Однако различные нормативные и технологическая барьеры ограничивают скорость внедрения инноваций. Институциональные предпосылки цифровизации городских систем включают формирование устойчивой нормативно-правовой базы, стандартизацию данных, внедрение платформенных моделей и развитые механизмы координации между муниципальными структурами, бизнесом и жителями. Важно обеспечивать институциональную устойчивость и стандартизацию регуляторной среды как условие тиражируемости решений «умных городов».

Нормативно-правовая среда управления ЖКХ формировалась вне цифровых принципов — это приводит к несогласованности норм и требований на федеральном и региональном уровнях, что создает институциональную инерцию, препятствующую внедрению цифровых технологий. Технологические стандарты, используемые в ЖКХ, также нередко несовместимы между собой, а цифровые и аналоговые регуляторные режимы сосуществуют параллельно, что затрудняет применение систем предиктивного мониторинга, цифровых двойников ин-

[8] Future Forms and Design for Sustainable Cities. — Oxford, 2005. — P. 71.

[9] *Batty M.* The New Science of Cities. — Cambridge: MIT Press, 2013. — P. 59.

фраструктуры и сквозных платформенных решений. Д. Норт указывает, что несоответствие между формальными и неформальными институтами повышает трансакционные издержки[10]. Технологические инновации неэффективны без поддержки институциональной модернизации, что непосредственно отражается и на цифровизации ЖКХ[11].

ЖКХ отличается высокой степенью институциональной и технологической фрагментации. Муниципальные органы, управляющие организации, ресурсоснабжающие предприятия, подрядчики и жители функционируют в рамках различных цифровых решений, зачастую несовместимых друг с другом. Это препятствует консолидации данных и формирует устойчивые цифровые разрывы. А. Гринфилд подчеркивает, что фрагментация цифровой среды снижает доверие потребителей и препятствует формированию единой городской технологической инфраструктуры[12]. Организационный дизайн управления ЖКХ сохраняет вертикальный характер, не соответствующий сетевой архитектуре цифровых платформ и концепции «умного города», основанной на горизонтальной координации и циркуляции данных. Цифровые решения внедряются изолированными блоками, что ограничивает их масштабируемость. Э. Остром показывает, что устойчивость коллективных систем зависит от способности институтов обеспечивать кооперацию и гибкость; эти требования в российской коммунальной сфере пока реализованы частично[13]. Технологическая модернизация ЖКХ базируется на внедрении цифровых платформ и автоматизированных инструментов управления. С. Харрисон подчёркивают значение цифровых платформ как интеграционного ядра городской инфраструктуры[14]. Механизмы вовлечения жителей, включая платформы обратной связи и цифровые сервисы мониторинга качества коммунальных услуг, формируют основы соучастия граждан в управлении инфраструктурой. Социальные сети и вовлеченность повышают легитимность решений и укрепляют коллективные механизмы[15]. Цифровизация требует развития компетенций и формирования цифровой зрелости организаций ЖКХ. Новая технологическая парадигма базируется на навыках анализа данных, управления цифровыми системами и адаптивного управления[16]. Однако кадровые ограничения и организационная инерция замедляют внедрение цифровых технологий. Институциональные условия развития платформенных решений предполагают наличие единых стандартов данных, механизмов распределенной ответственности и инструментов поддержки интеграционных проектов. В целом платформенные системы эффективны лишь при наличии устойчивых институтов и предсказуемых правил взаимодействия участников.

Таким образом, цифровизация коллективных благ в стратегиях развития «умных городов», особенно в сфере ЖКХ, представляет собой системный процесс трансформации городской инфраструктуры, где данные и цифровые платформы являются ключевыми факторами производства и координации. Эффективность предоставления муниципальных услуг зависит от гармонии институтов, механизмов кооперации и минимизации трансакционных издержек. В российской практике, несмотря на высокие позиции лидеров в национальном Индексе IQ городов (Москва, Санкт-Петербург, Казань и др.), сохраняются значительные барьеры: фрагментация цифровой среды, несоответствие вертикальных структур управления сетевой архитектуре платформ, низкая интеграция данных между акторами ЖКХ и ограниченная кооперация. Эти факторы препятствуют реализации предиктивной аналитики, персонализи-

---

[10] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — С. 61.

[11] *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые создают будущее / пер. с англ. Н. Яцюк. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. — С. 221.

[12] *Greenfield* A. Against the Smart City. — N.Y., 2013. — P. 79.

[13] *Остром Э.* Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / пер. с англ. — М., 2019. — С. 180.

[14] *Harrison C., Eckman B., Hamilton R.* et al. Foundations for Smarter Cities // IBM Journal of Research and Development. — 2010. — Vol. 54. — No 4. — P. 1–16. DOI:10.1147/JRD.2010.5560001.

[15] *Грановеттер М.* Экономическое действие и социальная структура: проблема укоренённости // Экономическая социология. — 2004. — Т. 5. — № 3. — С. 44–58.

[16] *Бриньолфссон Э., Макафи Э.* Вторая эра машин: работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий / пер. с англ. П. Миронова. — М.: АСТ, 2017. — С. 171–172.

рованных сервисов и гражданского участия, усиливая цифровые разрывы и снижая доверие жителей. Перспективы развития лежат в преодолении барьеров через создание единых цифровых платформ, усиление горизонтальной координации, вовлечения граждан и адаптивного регулирования. Такой подход позволит повысить устойчивость и конкурентоспособность городской среды, обеспечивая переход к инклюзивным и эффективным «умным городам». В итоге цифровизация не только модернизирует ЖКХ, но и формирует основу для устойчивого социально-экономического развития территорий.

Белоусова А.В.
к.э.н.,
с.н.с. Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск
belousova@ecrin.ru

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА ЗАНЯТОСТЬ РЕГИОНА: СЦЕНАРНЫЙ ПОДХОД

Ключевые слова: внешний спрос, спрос на труд, базовый сектор экономики, модель межотраслевого баланса, мультипликатор занятости, субъект РФ.
Key words: external demand, demand for labor, basic sector of the economy, input-output model, employment multiplier, subject of the Russian Federation.

Сложившаяся геополитическая обстановка в современном мире, обусловливающая необходимость обеспечения национальной безопасности, в т.ч. в экономической проекции, актуализирует задачу обеспечения устойчивой региональной динамики при изменении параметров внешней среды. Успешность решения данной задачи определяется главным образом способностью экономики адаптироваться к соответствующим вывозам. Данное обстоятельство, в свою очередь, зависит от эндогенных параметров региональной системы. Так, локальные трудовые ресурсы, являясь ключевым фактором экономического роста, представляют собой параметр, который при определенных условиях может быть катализатором/ингибитором для вышеуказанной адаптации. Повышение внешнего спроса на региональную продукцию при неизменности используемой технологии производства увеличивает потребности экономики в работниках. Сокращение спроса, напротив, высвобождает трудовые ресурсы, что в ситуации дефицита вакансий на рынке труда приведет к росту безработицы в регионе. Знание последствий от изменений параметров внешнеторговых взаимодействий для экономики, в т.ч. в количественном представлении, позволит уменьшить/нивелировать их негативное влияние.

Количественный анализ потребностей региональной экономики в трудовых ресурсах при изменении параметров внешнеторговых взаимодействий предполагает учет межотраслевых взаимодействий. Так, изменение конечного спроса обусловливает изменение занятости не только в отраслях, производящих соответствующую продукцию (прямой эффект). Межотраслевые связи в экономике определяют передачу импульсов для изменения занятости и в смежные виды деятельности (продукция которых является промежуточной для производства основной продукции) (косвенный (межотраслевой) эффект). В результате оценка общего изменения занятости в экономике требует идентификации всей системы межотраслевых связей и количественного определения суммы прямых и косвенных (мультипликативных) эффектов[1].

Модельным средством, в рамках которого возможно получение оценок межотраслевых эффектов с вычленением прямой и косвенной компонент, является модель межотраслевого

[1] *Белоусова А.В.* Оценка отраслевых мультипликативных эффектов занятости в экономике региона // Пространственная экономика. — 2025. — Т. 21. — № 4. — С. 120–137. — https://dx.doi.org/10.14530/se.2025.4.120-137.

баланса. Расчет последних осуществляется посредством значений мультипликаторов занятости (1).

$$L = T(E - A)^{-1}X, \quad (1)$$

где L — вектор отраслевой занятости;

T — диагональная матрица отраслевых трудоемкостей,

E — единичная матрица;

A — матрица коэффициентов прямых (внутрирегиональных) затрат;

X — вектор конечного (внешнего) спроса по видам экономической деятельности.

Матрица $B = T(I - F)^{-1}$ является матрицей отраслевых мультипликаторов труда (занятости). Каждый элемент матрицы показывает затраты труда (в абсолютном выражении) в i-й отрасли, обеспечиваемые единичным изменением (в стоимостном выражении) конечного спроса на продукцию j-го вида экономической деятельности с учётом потребностей в труде других видов деятельности, продукция которых используется в производстве i-й продукции.

Ограничения, связанные с использованием модели межотраслевого баланса применительно к экономике региона, заключаются в отсутствии для последнего информационной статистической базы — региональных таблиц «затраты-выпуск». Последние не разрабатываются Федеральной службой государственной статистики. Одним из вариантов выхода из данной ситуации является регионализация национальных таблиц (а точнее национальных коэффициентов прямых затрат). Наиболее часто используемые методы последней основываются на корректировке страновых показателей с применением отраслевых коэффициентов локализации, рассчитанных для соответствующих единиц административно-территориального деления РФ.

Ввиду наличия ряда недостатков указанных методов регионализации[2], предпочтение отдается гибридным методам. Последние, как правило, представляют собой совокупность методов, последовательно уточняющих получаемые оценки. При этом трудоемкость, времязатратность и требование наличия специализированного программного обеспечения определяют необходимость модификации соответствующих методов, направленной на сокращение/нивелирование указанных недостатков. Автором предлагается к использованию модифицированный метод коэффициентов локализации У. Флегга (*modified FLQ+*, M*FLQ+*), предложенный в 2021 г. Суть модификации заключается в замене метода перекрестной энтропии, представляющего собой начальный этап реализации гибридного метода и отличающегося большим количеством расчетных операций, которые не могут быть проведены без использования специальных инструментальных средств, методом товарных балансов с учетом встречных перевозок Т. Кроненберга[3].

Статистической базой регионализации являются национальные таблицы использования продукции в основных ценах. Данные таблицы представлены на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики вплоть до 2021 г.

Детализированное исследование воздействий внешней среды на экономику региона предполагает, как минимум, двухсекторное представление последней. Выделение первого (базового) сектора (M) связывается с идентификацией видов экономической деятельности, которые непосредственно участвуют во внешнеторговой деятельности (продукция которых реализуется за пределами региона). В качестве инструментального средства для выделения базовых (специализированных) производств используются отраслевые коэффициенты локализации. Превышение единичного порога их значениями является критерием для включения производства в базовый сектор (регион считается самодостаточным в плане самообеспечения продукцией отрасли, и ее излишки вывозятся для продажи за границы региона). Второй сектор (N) представляет собой остальную часть экономики.

---

[2] *Белоусова А.В., Исаев А.Г.* Оценка мультипликативных эффектов в экономике Дальневосточного федерального округа: межотраслевое моделирование // Регионалистика. — 2023. — Т. 10. — № 6. — С. 9–20. http://dx.doi.org/10.14530/reg.2023.6.9.

[3] *Kronenberg T.* Construction of Regional Input-Output Tables Using Nonsurvey Methods: The Role of Cross-Hauling // International Regional Science Review. — 2009. — Vol. 32. — No 1. — P. 40–64. — http://dx.doi.org/10.1177/0160017608322555

Очевидно, что первоочередной импульс и основная доля внешнего воздействия будет приходиться на базовый сектор, а далее распространятся посредством системы межотраслевых связей на остальную часть экономики. Технически сказанное выражается в преобразовании

$$\begin{pmatrix} L_M \\ L_N \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} B_{MM} & B_{MN} \\ B_{NM} & D_{NN} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} X_M \\ 0 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} B_{MM} X_M \\ B_{NM} X_M \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} L_{MM} \\ L_{NM} \end{pmatrix}, \quad (2)$$

где MM, NM — траектории передачи импульсов.

Таким образом, L_{MM} — «самопроизведенные» показатели занятости базового сектора экономики, являющиеся результатами изменения внешнего спроса, генерирующего эффекты посредством мультипликаторов B_{MM}; L_{NM} — «несамопроизведенные» (индуцированные) показатели занятости небазового сектора экономики, являющиеся результатами изменения внешнего спроса, генерирующего эффекты посредством мультипликаторов B_{NM}[4].

При секторальном представлении экономики формула (2) определяет декомпозицию общего мультипликативного эффекта изменения конечного спроса на продукцию базового сектора: изменения показателей базового сектора, определяемые мультипликаторами B_{MM}, определяют прямой мультипликативный эффект; изменения показателей небазового сектора, определяемые мультипликаторами B_{NM} — косвенный мультипликативный эффект.

В качестве объектов исследований, связанных с выявлением и оценкой эффектов изменения условий внешнеторговых взаимодействий для занятости региона (динамики спроса на труд), более предпочтительным является выбор единиц административно-территориального деления страны. Для них статистическая информация, предоставляемая службой государственной статистики для официального доступа, характеризуется большим объемом, что, в свою очередь, позволяет осуществить процесс регионализации национальных коэффициентов затрат на более качественном уровне.

Многовариантность возможных изменений параметров внешней среды определяет моделирование их воздействия на экономику региона в рамках сценарного подхода. В число оснований для формирования сценариев динамики потребностей экономики региона в трудовых ресурсах при изменении внешнего спроса могут войти параметры, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Сценарные параметры динамики спроса на труд в регионе при изменениях внешнего спроса

Экзогенные параметры	Эндогенные параметры
Изменение внешнего спроса на 1/10/100 млн руб. и т.д.	Неизменны
	Диверсификация / усиление специализации базового сектора
	Изменение технологии производства: изменение трудоемкости производства
	Изменение технологии производства: изменение межотраслевых производственных связей (затрат продукции)
	и т.д.

Источник: составлено автором

Технически реализация сценарного подхода выражается в оценке результативных признаков в формулах (1) и (2) при вариативности изменения факторных признаков. Как показано в таблице, возможными основаниями (параметрами) для формирования сценариев оценки последствий для экономики региона в проекции занятости влияния внешней среды являются: изменение объемов внешнего спроса; изменение трудоемкости производств; изменение коэффициентов внутрирегиональных затрат (коэффициентов прямых затрат); изменение состава базового сектора и т.д. Если в первом случае соответствующие изменения являются экзогенными параметрами, то в последующих случаях — эндогенными. Выбор отдельных параметров

[4] *Guo J., Sonis M., Hewings G.J.D.* An Analysis of Internal and External Linkages of Manufacturing and Non-Manufacturing Industries: Application to Chinese Metropolitan Economies // Understanding and interpreting economic structure. — Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 1999. — P. 317–346. — http://dx.doi.org/10.1007/978-3-662-03947-2

или их комбинаций и определение сценариев экономической динамики региона с точки зрения формируемых потребностей в трудовых ресурсах определяется региональной спецификой.

Проведенные эмпирические исследования[5] показывают, что включение в анализ межотраслевых связей при количественной идентификации динамики спроса на труд в экономике региона значительно повышает достоверность получаемых результатов, поскольку объем спроса на труд в смежных производствах (косвенный эффект) может превосходить объем спроса на труд в производствах, выпускающих основную продукцию (прямой эффект).

Бравок П.С.
м.н.с.,
Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, г. Хабаровск
bravok@ecrin.ru
Найден С.Н.
д.э.н., профессор РАН,
заместитель директора по науке,
Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, г. Хабаровск
nayden@ecrin.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ОПОРНЫХ ЦЕНТРОВ РАССЕЛЕНИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ПРИМЕР ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Ключевые слова: опорные центры расселения, города, система расселения, Дальний Восток, Хабаровский край.
Key words: settlement support centers, cities, settlement system, Far East, Khabarovsk Krai.

Активное развитие крупных городов и агломераций порождает чрезмерную концентрацию населения в более развитых населенных пунктах, в связи с чем малые города и сельские поселения сталкиваются со значительным оттоком населения[1]. С принятием новой редакции Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года (далее — Стратегия) фокус внимания смещен с развития преимущественно городских агломераций на развитие малых форм поселений[2]. Пространственный приоритет отдается в том числе «системам опорных населенных пунктов, которые формируют системы расселения, инфраструктуры и экономики Российской Федерации и обеспечивают развитие прилегающих к ним территорий»[3]. Обеспечение их приоритетного развития призвано снизить концентрацию экономического роста на ограниченном числе территорий и сгладить межрегиональную диспропорцию социально-экономического развития. Теоретической основой формирования опорных центров служат концепции центральных мест (В. Кристаллер, А. Лёш), полюсов роста (Ф. Перру), а также теории пространственной диффузии нововведений[4], которые ис-

[5] *Белоусова А.В.* Оценка отраслевых мультипликативных эффектов занятости в экономике региона // Пространственная экономика. — 2025. — Т. 21. — № 4. — С. 120–137. — https://dx.doi.org/10.14530/se.2025.4.120-137; *Белоусова А.В., Исаев А.Г.* Базовый сектор экономики как продуцент регионального роста в условиях ограничений по трудовым ресурсам // Власть и управление на Востоке России. — 2025. — № 4. — С. 69–79.

[1] *Коломак Е.А.* Городская система современной России. — Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2018. — 144 с.

[2] *Секушина И.А.* Возможности практического применения методических рекомендаций по определению опорных населенных пунктов (на примере европейского севера России) // Север и рынок: формирование экономического порядка. — 2023. — Т. 26. — № 2 (80). — С. 160–174.

[3] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. — https://docs.cntd.ru/document/1310767692.

[4] Очерки по пространственной экономике / П.А. Минакир, А.Н. Демьяненко; отв. ред. В.М. Полтерович ; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. — Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. — 272 с.

пользовались и используются, в том числе, для обоснования и выделения агломераций. В общем и целом, и опорные населенные пункты, и агломерации являются важной составной частью опорных каркасов расселения, концепция которых строилась и развивалась в работах Н.Н. Баранского[5], Г.М. Лаппо[6], Б.С. Хорева[7], В.А. Шупера[8], П.М. Поляна[9], А.Э. Гутнова[10], Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвиша[11] и других. По мнению Г.М. Лаппо, опорный каркас служит механизмом территориально-хозяйственной интеграции, способствует созданию и укреплению единого народнохозяйственного комплекса страны, обеспечивает его развитие и функционирование. Опорный каркас территории, состоящий из крупных городов и агломераций, соединенных соответствующей транспортной инфраструктурой, дает технические, экономические и социальные преимущества концентрированных форм расселения и территориальной организации хозяйства, которые не лишены определенных недостатков, поскольку требуют для своего функционирования огромных средств, повышенных удельных затрат, но в то же время обладают высокой эффективностью, отдавая значительно больше, чем получают. В качестве самого важного, ученый выделял не столько экономические преимущества высокоурбанизированных территорий, сколько их потенциал быть двигателем научно-технического прогресса. На современном языке это означает, что создание опорных каркасов расселения является необходимым условием научно-технологического развития страны и её регионов.

В новом национальном проекте «Инфраструктура для жизни» предполагается, что уже «к 2030 году качество жизненной среды, включая обновление жилищного фонда, благоустройство, водоснабжение, доступность транспорта, в опорных населенных пунктах должно вырасти на 30% по сравнению с 2019 годом, к 2036 — на 60%. На сегодня из общего количества населенных пунктов в стране (155 тыс.) под критерии опорных подходит 2,3 тыс.»[12].

В опорном каркасе расселения выделяют крупные и крупнейшие городские агломерации; крупные города (с численностью населения свыше 50 тысяч человек) и опорные населённые пункты[13]. Согласно Стратегии, под опорным населенным пунктом понимается «населенный пункт, приоритетное развитие которого способствует достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности, в том числе за счет обеспечения доступности образования, медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализации иных потребностей для жителей прилегающей территории»[14].

Одним из критериев его определения является численность постоянного населения более 50 тыс. человек или расположение на расстоянии более 50 км по автодорогам до населенного пункта с численностью населения более 50 тыс. человек[15]. Формирование опорных

---

[5] *Баранский Н.Н.* Об экономико-географическом изучении городов // Вопросы географии. Сб. 2. — М.: Московский государственный университет, 1946. — С. 19–62.

[6] *Лаппо Г.М.* Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Серия географическая. — 1983. — № 5. — С. 16–28.

[7] *Хорев Б.С.* Территориальная организация общества: (актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР). — М.: Мысль, 1981. — 320 с.

[8] *Шупер В.А.* Философия науки как фактор развития социально-экономической географии // Социально-экономическая география: теория и практика. — Калининград: Балтийский федеральный университет, 2011. — С. 58–61.

[9] *Полян П.М.* Территориальные структуры — урбанизация — расселение: теоретические подходы и методы изучения. — М.: Новый хронограф, 2014. — 785 с.

[10] *Гутнов А.Э.* Эволюция градостроительства. — М.: Стройиздат, 1984. — 256 с.

[11] *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков. — Смоленск: Ойкумена, 2002. — С. 71–86.

[12] Какие населенные пункты станут драйверами для развития территорий // РБК Отрасли. — 9 сентября 2024. — https://www.rbc.ru/industries/news/66dac2d59a7947bf923a0615.

[13] *Козлова О.А., Ситковский А.М.* Социально-демографические аспекты определения опорного каркаса расселения // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. — 2023. — Т. 16. — № 4. — С. 118–133. — http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-4-118-133.

[14] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. — https://docs.cntd.ru/document/1310767692.

[15] Об утверждении методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2022 года № 4132-р (с изменениями на 27 августа 2025 года).

населенных пунктов детерминируется комплексом взаимосвязанных факторов. Ключевыми аспектами данного процесса являются инвестиционная привлекательность территории, состояние ее индустриальной базы, а также нагрузка на социальную сферу, уровень развития жилищно-коммунальной и транспортной инфраструктуры[16]. Решающим условием при этом является формирование устойчивой экономической базы, гарантирующей долгосрочное социально-экономическое развитие данной территории. Также в системе расселения выделяют города второго ранга или «вторые» города, которые по своему социально-экономическому развитию отстают от административных центров, но и не являются самыми проблемными[17].

Дискуссионным остается вопрос формирования опорных центров расселения на Дальнем Востоке. Помимо явного доминирования региональных столиц, сами города значительно дифференцированы между собой[18]. На территории Дальневосточного федерального округа расположены 82 города, из которых только в 17 численность жителей превышает 50 тыс. чел[19]. Для Дальнего Востока характерна очаговая система расселения[20], также классифицируемая как периферийная, имеющая изолированный характер размещения[21], наиболее развитые города и населенные пункты которой расположены преимущественно на юге федерального округа. В то же время отмечается, что «отличительная черта Южной зоны — достаточно зрелая система городских центров, которые объединены полимагистральным инфраструктурным коридором Владивосток — Хабаровск — Благовещенск с выходами на рынки сопредельных стран. Несомненно, этот коридор, в пределах которого находятся практически все большие и крупные городские поселения Южной зоны (исключение Южно-Сахалинск), можно рассматривать как системообразующий элемент территориальной организации экономики всего Дальнего Востока. Вслед за П.А. Минакиром[22] будем называть этот элемент территориальной организации экономики промышленно-сервисной дугой, отметив к тому же, что эта структура вполне рабочая: она действительно опирается на мощные (во всяком случае, по меркам Дальнего Востока) промышленно-логистические и сервисные узлы Благовещенска, Хабаровска и агломерацию южного Приморья»[23].

Ядром дальневосточной системы расселения являются города Благовещенск, Владивосток, Хабаровск и примыкающие к ним территории, среди которых ключевая роль отводится г. Хабаровску — как переломному пункту на транссибирской магистрали, связывающей Дальний Восток с центральной частью России[24]. Именно поэтому сконцентрируем внимание на столице и населенных пунктах Хабаровского края как базового ареала форм ирования опорного каркаса всей южной зоны Дальнего Востока страны.

---

[16] *Михайлова А.В., Федоров Ю.Ю.* Экономические факторы развития опорных населенных пунктов (на примере Республики Саха (Якутия)) // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2025. — № 3 (173). — С. 96–103. — DOI: 10.26726/rppe2025v3efotd.

[17] *Кузнецова О.В.* «Вторые» города в государственном регулировании пространственного развития // Terra Economicus. — 2022. — № 20 (4). — С. 129–140. — DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-4-129-140.

[18] *Лексин В.Н.* Города власти: административные центры России // Мир России. Социология. Этнология. — 2009. — Т. 18. — № 1. — С. 3–33.

[19] Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. — https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282.

[20] *Украинский В.Н.* Многомерное картографирование и нерешенные методологические вопросы отечественной урбанистики (в приложении к системам расселения Юга Дальнего Востока) // Пространственная экономика. — 2025. — Т. 21. — № 1. — С. 84–111. — https://dx.doi.org/10.14530/se.2025.1.084-111.

[21] *Мазаев А.Г.* Относительная величина города как характеристика его ранга в системе расселения (на примере Дальнего Востока) // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. — 2023. — № 2 (57). — С. 15–20. — DOI: 10.25628/UNIIP.2023.57.2.003.

[22] *Минакир П.А.* Экономика регионов. Дальний Восток / отв. ред. А.Г. Гранберг; Институт экономических исследований. — М.: Экономика, 2006. — 848 с.

[23] *Вишневский Д.С., Демьяненко А.Н.* Макроэкономическое зонирование как метод стратегического анализа: Дальний Восток России // Пространственная экономика. — 2010. — № 4. — С. 6–31. — https://doi.org/10.14530/se.2010.4.006-031.

[24] *Украинский В.Н.* Многомерное картографирование и нерешенные методологические вопросы отечественной урбанистики (в приложении к системам расселения Юга Дальнего Востока) // Пространственная экономика. — 2025. — Т. 21. — № 1. — С. 84–111. — https://dx.doi.org/10.14530/se.2025.1.084-111.

Среди дальневосточных регионов Хабаровский край характеризуется как ключевой логистический и промышленный узел[25], рынок труда которого характеризуется высокой концентрацией занятости в сфере торговли, транспортировки и обрабатывающих производствах, однако его развитие сдерживается неравномерным расселением и удаленностью от центральных рынков[26]. В Хабаровском крае на начало 2025 г. насчитывается 159 сельских и 7 городских поселений с численностью населения до 3,0 тыс. человек (табл. 1). Из них в 77 сельских поселениях численность населения менее 500 человек. При этом 75,0% населения края приходится на 7 городов. Еще 8,5% населения сосредоточено в поселках городского типа, на сельской местности проживает всего 9,5% населения края. В Хабаровском крае, по критериям Минэкономразвития России, определено 22 опорных населенных пункта: «городские агломерации — г. Хабаровск; новые точки роста — с. Троицкое, г. Амурск, рп. Ванино, рп. Чегдомын, г. Советская Гавань; стратегические населенные пункты — г. Комсомольск-на-Амуре, г. Бикин, г. Вяземский, пос. Де-Кастри, с. Селихино, с. Гайтер, рп. Корфовский; крупные населенные пункты, выполняющие функции опорных, — с. Аян, рп. Переяславка, г. Николаевск-на-Амуре, рп. Охотск, с. имени Полины Осипенко, с. Чумикан, с. Богородское, рп. Эльбан и рп. Солнечный»[27].

Крупные города (Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре) являются центрами притяжения населения и трудовых ресурсов, что подтверждается высокой занятостью относительно близлежащих поселений. Бесспорным лидером является административный центр — г. Хабаровск. В городе сосредоточено 48,3% населения края и 54,9% от общего оборота крупных и средних организаций[28]. Хабаровск является частью опорного каркаса расселения южной зоны Дальнего Востока[29] и одним из немногих дальневосточных городов, которые обладают необходимыми условиями для воспроизводства и наращивания демографического потенциала[30]. Противовесом административному центру или альтернативным центром роста является второй по численности населения город края — г. Комсомольск-на-Амуре, где расположены ведущие промышленные объекты[31]. На Комсомольск-на-Амуре приходится 18,4% населения края и 15,0% оборота крупных и средних организаций[32]. Так называемые города второго ранга (Советская Гавань, Бикин, Вяземский, Николаевск-на-Амуре), обладают потенциалом к росту и стабилизации населения для обслуживания обширных периферийных зон.

В целом в муниципальных районах и округах Хабаровского края численность населения в период 2015–2025 гг. сокращается (табл. 2). В 88% сельских и 90% городских поселений наблюдается сокращение численности населения. Только в 24 населенных пунктах[33] динамика

---

[25] Точка роста на Востоке: большие проекты делают Хабаровский край логистическим центром. — https://vostokmedia.com/news/2025-04-22/tochka-rosta-na-vostoke-bolshie-proekty-delayut-habarovskiy-kray-logisticheskim-tsentrom-5374678.

[26] *Козлова О.А., Терентьева Т.В., Макарова М.Н., Лан Д.Х.* Территориальные факторы стратегического развития Дальневосточных регионов // Экономика региона. — 2016. — Т. 12. — № 3. — С. 765–775. — DOI: 10.17059/2016-3-13.

[27] Опорные населенные пункты получат дополнительные преференции // Министерство экономического развития Хабаровского края. 15.04.2025. — https://minec.khabkrai.ru/events/Novosti/9131.

[28] Основные макроэкономические показатели г. Хабаровска за январь-декабрь 2024 г. — https://khv27.ru/administration/structural-units/upravlenie-ekonomicheskogo-razvitiya/ekonomika/.

[29] *Украинский В.Н.* Города в системе расселения Юга Дальнего Востока: выбор исследовательского инструментария // Пространственная экономика. — 2024. — Т. 20. — № 2. — С. 93–121. — https://dx.doi.org/10.14530/se.2024.2.093-121.

[30] *Найден С.Н., Колбина Е.О.* Города Дальнего Востока: социально-экономический потенциал и перспективы развития опорных центров расселения // Регионалистика. — 2014. — Т. 1. — № 4. — С. 23–35.

[31] *Лексин В.Н.* Города власти: административные центры России // Мир России. Социология. Этнология. — 2009. — Т. 18. — № 1. — С. 3–33.

[32] Основные показатели социально-экономического развития города. — https://www.kmscity.ru/activity/city/development/indicators/.

[33] К ним относятся сельские поселения: с. Петропавловка, с. Гвасюги, с. Джуен, с. Ачан, с. Ильинка, с. Большая Картель, с. Некрасовка, с. Новоильиновка, с. Сикачи-Алян, с. Чумикан, Поселок Алонка, Мирненское, Нижнехалбинское, Верхненергенское, Мичуринское, Корсаковское, Даттинское, Бельговское, Джигдинское, Селихинское, Ракитненское; городские поселения: Новоургальское и Рабочий поселок Ванино; г. Хабаровск.

населения положительная, из них 9 входят в потенциально формирующуюся Хабаровскую городскую агломерацию[34]. Остальные поселения расположены в северной части края. Среди опорных населенных пунктов только в трех наблюдался прирост численности населения (г. Хабаровск, р.п. Ванино и с. Чумикан). Таким образом, прослеживается сжатие демографического потенциала. Статус «опорности» для городов Хабаровского края все больше определяется не степенью притяжения населения и внутренними межмуниципальными связями, а их позицией в международных транспортно-логистических и производственных цепочках.

Таблица 1

Группировка муниципальных образований Хабаровского края на 1 января 2025 г.

Тип административной единицы	Кол-во административных единиц									Всего	Численность населения, в тыс. чел.	Доля от общего населения края, в %
	до 3,0	3,0–4,9	5,0–9,9	10,0–19,9	20,0–49,9	50,0–99,9	100,0–249,9	250,0–499,9	500,0–999,9			
Городской округ	—	—	—	—	—	—	1	—	1	2	849,3	66,7
Муниципальный округ	—	1	—	1	—	—	—	—	—	2	18,6	1,5
Муниципальный район	2	1	—	3	7	2	—	—	—	15	397,1	31,2
Городское поселение	7	—	5	7	2	—	—	—		20	201,1	15,8
Сельское поселение	159	11	6	—	—	—	—	—	—	176	196,0	15,4
Город	—		—	3	2	—	1	—	1	7	955,4	75,0
Поселок городского типа	6	2	6	3	—	—	—	—	—	17	108,3	8,5

Источник: рассчитано авторами по: Оценка численности населения Хабаровского края по городским и сельским поселениям на 1 января 2025 года. — https://27.rosstat.gov.ru/folder/20717.

Таблица 2

Группировка населённых пунктов Хабаровского края по критерию динамики численности населения 2025 г. к 2015 г.

Тип административной единицы	Количество населенных пунктов по группам			
	Растущие (≤ 10%)	Тенденция к росту (0% < 10%)	Тенденция к сжатию (−10% < 0%)	Сжимающиеся (≥ −10%)
Городской округ	0	1	1	0
Муниципальный округ	0	0	1	1
Муниципальный район	0	0	4	11
Городское поселение	1	1	9	9
Сельское поселение	10	11	30	125
Город	0	1	5	1
Поселок городского типа	1	1	5	10

Источник: рассчитано авторами по: Оценка численности населения Хабаровского края по городским и сельским поселениям на 1 января 2025 года. — https://27.rosstat.gov.ru/folder/20717.

Таким образом, сложившуюся к настоящему времени систему расселения Хабаровского края можно охарактеризовать как пример экстремальной пространственной поляризации и демографического сжатия. Выявленная структура, где 75% населения концентрируется в 7 городах, а 88–90% поселений постепенно теряют население, демонстрирует действие цен-

[34] *Найден С.Н., Бравок П.С.* Масштабы рынка труда г. Хабаровска // Регионалистика. — 2024. — Т. 11. — № 5. — С. 96–114. — http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.5.96.

тростремительных сил. Опорные населенные пункты пока не в полной мере выполняют свою функцию центра, стабилизирующего и обслуживающего прилегающие территории. В условиях Хабаровского края большинство из обозначенных «опорных пунктов» скорее выступают в качестве точек последнего рубежа в депопуляционном пространстве, а не полноценных полюсов развития своего окружения. Города Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре, занимающие доминирующие положения в системе опорных центров расселения края, тоже пока не формируют сбалансированную полицентрическую систему. Однако именно в отношении их есть определенные перспективы, согласно которым авторы мастер-планов видят г. Хабаровск к 2030 году как «успешный, удобный для жизни и отдыха, узнаваемый и гостеприимный город, <...> логистическое и транспортное сердце большого региона, <...> столица высокотехнологичной медицины на востоке России и лидер в креативных и информационных технологиях»[35], а г. Комсомольск-на-Амуре — как высокопроизводительный промышленный центр национального значения на Дальнем Востоке страны[36], миссия которого — «преобразование в крупнейший на Дальнем Востоке динамично развивающийся высокотехнологичный индустриальный и инженерный центр, геополитически значимый для страны и комфортный для жизни людей»[37].

Грдзелишвили Н.Ш.
PhD,
гл.н.с. Центра изучения производительных сил и природных ресурсов Грузии
Грузинского технического университета
regioni.ge@yahoo.com

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ГОРНЫХ РЕГИОНАХ ЕВРАЗИИ

Ключевые слова: региональная экономика, экотуризм, экономика и интеграция, трансграничное сотрудничество.
Key words: ecotourism, regional integration, economic cooperation, cross-border cooperation.

Гармонизация природы и человека, бережное отношение к окружающей среде, одновременное лечение и оздоровление — это основные потребности современного человека.

Грузия — одна из редких стран, обладающая практически всеми видами природных курортно-рекреационных ресурсов. На небольшой территории страны выделяется 11 климатических поясов, что в совокупности с географическими условиями формирует резко различные типы ландшафтов. В Грузии ведущая роль в развитии туризма всегда отводилась уникальным природно-рекреационным ресурсам. Туристические путешествия в Грузии в основном базировались на отдыхе и оздоровлении на курортах — на восстановлении физических, духовных и душевных сил. Курортно-туристическая и рекреационная специализация Грузии — один из важных путей выхода на мировой рынок [1].

Туристско-рекреационные ресурсы продолжают играть важную роль в превращении туризма в один из ведущих секторов экономики страны. Об этом также свидетельствуют данные Геостата и Национальной администрации туризма: в 2024 году число международных визитов составило 6 456 064. Большинство международных визитов (51,9%) были осуществлены

[35] Хабаровск-2030: взгляд в будущее // Информагентство ХКС. — 2024. — 9 августа. — https://todaykhv.ru/news/in-areas-of-the-province/76624/.

[36] Мастер-план города Комсомольска-на-Амуре 2030 // Востокгосплан. — https://vef.vostokgosplan.ru/mp-komsomoslk/.

[37] Стратегия социально-экономического развития города Комсомольска-на-Амуре до 2032 года (решение Комсомольской-на-Амуре городской Думы от 28 декабря 2016 года № 116, с изм. от 24 марта 2021 года № 32).

с целью оздоровления, развлечений и отдыха. Общие расходы иностранных туристов достигли 14,3 млрд лари. Средние расходы на оздоровление, развлечения и отдых за один визит составили 2606 лари [2].

Отметим, что Россия лидирует по числу визитов своих граждан в Грузию, в 2023 году Грузию посетили 1,4 млн граждан России, что на 30,5% больше чем в 2022 году. Согласно статистике, во втором квартале 2024 года россияне оказались самыми платежеспособными туристами в Грузии, потратив около 209 млн долларов. Каждый пятый иностранный турист в этот период был из России. В среднем россияне тратили на поездку 670 долларов. Впервые в истории доля Грузии в общем объеме зарубежных поездок российских туристов достигла 4% , что вдвое больше традиционных показателей предыдущих лет. Этот рост позволил Грузии войти в десятку самых посещаемых россиянами зарубежных стран, уступая в постсоветском пространстве только Казахстану [3; 4].

Экотуризм — это единственное направление в индустрии туризма, кровно заинтересованное в сохранении главного ресурса — естественной природной среды или её отдельных компонентов (памятников природы, определённых видов животных или растений и т.д.).

В настоящее время все большую популярность приобретает экологический туризм, который, по различным оценкам, составляет 10–20% всего рынка мирового туризма и является наиболее динамично развивающейся отраслью.

Благодаря особой форме достижения баланса в охране природы и рекреации, разные особо охраняемые природные территории являются одной из наиболее рациональных и перспективных форм освоения и управления природными территориями в различных странах мира.

Горные охраняемые территории вносят исключительно важный вклад в сохранение мирового биоразнообразия (видов, экосистем и широкого спектра внутривидовой изменчивости), а также различных геологических и физико-географических особенностей. Горные районы — это важные резерваты биоразнообразия, включающие богатство видов (и их генофондов) и экосистем [5].

Особой чертой экотуризма является то, что часто места привлекательные для туристов находятся в границах более чем одного государство. Поэтому необходимо сотрудничество властей соседних государств.

Трансграничный туризм — разновидность туризма, в основе которого лежит развитие приграничных территорий. Ключевым мотивом подобного сотрудничества является их социально-экономическое развитие, сохранение и спасение общего естественного и культурного наследия. Этот вид экономической деятельности представляет собой весьма перспективный механизм для полноценного развития и сотрудничества и может быть использован не только Россией и Грузией, но и другими сопредельными государствами Евразии [6].

Следует отметить, что трансграничное сотрудничество Армении и Грузии охватывает регионы, расположенные вдоль армяно-грузинской границы протяжённостью 225 километров. В Грузии эти регионы представлены районами Квемо Картли и Самцхе-Джавахети, а в Армении — районами Лоре, Ширак и Тавуш. Азербайджан и Грузия активно сотрудничают в области трансграничных охраняемых территорий, защиты и сохранения биоразнообразия, а также развития национальных парков. Между Грузией и Турцией также осуществляется трансграничное сотрудничество в различных направлениях. Следует отметить, что основным приоритетом сотрудничества со всеми этими странами является туризм [7–12].

С географической точки зрения трансграничные территории обладают определенной спецификой, составной частью которой является единство, неразрывность географической среды, а также единство звеньев хозяйственной инфраструктуры. В природе не существует чётких границ между различными экосистемами, всегда существуют плавные переходы от одной экосистемы к другой. Экологические системы имеют неопределенные размеры. Поскольку границы не являются строго установленными, экосистемы, как правило, сливаются друг с другом. С точки зрения природного, в первую очередь, физико-географического (отраслевого и комплексного) районирования Северный Кавказ относится к северному склону Большого Кавказа (горная часть) и Предкавказью. Поэтому в литературе прочно укоренилось представление о том, что к Северному Кавказу относятся две области — Предкавказье и северный склон Большого Кавказа. Крайне узкой полосой Северный Кавказ заходит и на территорию Колхиды — Грузии [13].

В последние годы приграничность приобретает все большее значение и выступает в качестве нового фактора территориального социально-экономического развития. Очевидно, что для развития туристско-рекреационного комплекса приграничные регионы могут успешно использовать имеющийся у них потенциал — благоприятную экологическую ситуацию, разнообразные туристско-рекреационные ресурсы, само приграничное положение [14].

Правительства многих стран рассматривают туризм как существенный фактор экономического развития. Принося экономическую пользу и увеличивая занятость, туризм является и значимым фактором человеческих взаимоотношений. Благодаря активизации этой деятельности усиливаются коммуникационные связи, расширяется культурное пространство, повышается культура граждан, обогащается духовный потенциал личности и общества.

По мнению многих экспертов и экономистов, интегрирование Грузии в мировую экономику и дальнейшее развитие страны в немалой степени зависят от полноценной и высокоразвитой туристической индустрии.

Мы разделяем мнение о том, что Грузия, имевшая в свое время статус всесоюзной здравницы, не использует сейчас в полной мере свой культурный потенциал, природные условия и рекреационные возможности. И хотя в последние годы туристический рынок несколько возрос, что подтверждают отчеты Всемирной туристической организации, его объемы не отвечают значительному туристическому потенциалу страны. Не задействован полностью даже такой мощный ресурс, как религиозный и православный паломнический туризм. А ведь на территории Грузии расположено множество церквей и монастырей, представляющих интереснейшие исторические образцы архитектурного зодчества [15].

На наш взгляд, развитие туристических взаимоотношений должно стать одним из государственных приоритетов.

Как уже было отмечено, сегодня между Россией и Грузией наблюдается определенный период потепления. Чтобы этот процесс принял устойчивый характер, необходимо форсировать экономическое сближение двух стран. По нашему мнению, зона биорезерватов на всем периметре Кавказа может и должна развиваться совместными усилиями. В глобальной популярности туристических дестинаций горы занимают второе место после прибрежных регионов. В последние десятилетия в горных районах многих стран происходят значительные социально-экономические изменения, что положительно отражается на уровне жизни местного населения. Для Грузии развитие горных регионов имеет жизненно важное значение, поскольку уже достаточно долго происходит их депопуляция [16].

Продекларированное российскими представителями на форуме в Давосе в 2011 году создание мощного туристического кластера на Северном Кавказе может стать той сферой, где естественным было бы объединение усилий России и Грузии, в том числе в обеспечении безопасности региона. Не секрет, что Северный Кавказ по-прежнему заносят в список регионов, не рекомендованных для посещения туристами [6].

К 2030 году Грузия должна стать ведущей экотуристической страной в регионе. Это предусматривает десятилетняя стратегия правительства Грузии [17].

Феномен туризма проявляется в том, что он начинает занимать все более важные позиции в мирохозяйственном комплексе. В современном мире туризм выступает как сложное, многогранное социальное явление, поскольку ни одна из существующих наук не может полностью и исчерпывающе охарактеризовать его как объект собственных исследований и ни один из существующих социально-экономических институтов не в состоянии самостоятельно решить комплекс его проблем.

Развитию исследований в сфере туризма способствуют специализированные научные институты и организации, интенсивно развивающиеся в последнее время. На международном уровне такие исследования проводит Всемирная туристская организация (ЮНВТО), а также Европейская комиссия по туризму, Азиатско-Тихоокеанская ассоциация по туризму, Карибская организация по туризму, которые осуществляют свою деятельность на региональном уровне; Международная академия туристских исследований, деятельность которой полностью посвящена междисциплинарному исследованию туризма и др. Эти организации проводят научные конгрессы по проблемам туризма. На наш взгляд, более глубоко и научно обоснованно теория туризма может развиваться в рамках туризмологии — науки о туризме.

Туризмология — это наука, которая синтезирует данные различных научных дисциплин, изучающих туризм, и занимается формированием и развитием целостной концепции туризма [18]. По нашему мнению, необходимо создать единый Международный научный центр исследований в области туризма, который объединил бы не только ученых стран Кавказа, но и ведущих, а также молодых ученых из стран Евразии.

Для совместного развития трансграничного сотрудничества в сфере туризма важно найти точки соприкосновения. В отношении приграничных территорий общими «зонами интересов» могут быть единое историко-культурное прошлое, схожие природно-ландшафтные объекты, экономическое и социальное развитие. На пути развития трансграничного туризма могут возникнуть препятствия, решение которых требуют объединения всех субъектов трансграничного сотрудничества различных интеграционных образований [19].

Список литературы и источников

1. *Грдзелишвили Н., Кварацхелия Л.* Туристические и рекреационные ресурсы. Ч. 1. — Тбилиси: Мцигнобари, 2022 (на грузинском языке).
2. https://www.geostat.ge/ka/modules/categories/102/utskhoel-vizitorta-statistika.
3. https://www.tourdom.ru/news/rossiyane-okazalis-samymi-platezhesposobnymi-sredi-turistov-v-gruzii.html?__pf__=detail&__pf__=detail.
4. https://rusamara.com/13996-turisty-iz-rossii-otmechajut-uluchshenie-otnoshenija-k-russkim-v-gruzii.html.
5. https://bio.1sept.ru/article.php?ID=200401001.
6. *Грдзелишвили Н.* Туризм как фактор ускорения интеграционных процессов на евразийском пространстве // Евразийская экономическая интеграция. — 2014. — № 1(22).
7. https://www.old.nala.ge/transborder.
8. https://www.osce.org/files/f/documents/7/c/585244.pdf.
9. https://eu4georgia.eu/ka/%E1%83%9E%E1%83%A0%E1%83%9D%E1%83%94%E1%83%A5%E1%83%A2%E1%83%94%E1%83%91%E1%83%98/eu-project-page/?id=242.
10. https://sknews.ge/ka/old/14880.
11. https://pubs.naruc.org/pub.cfm?id=538DBA2D-2354-D714-5134-4DB24FBCE745.
12. https://www.ghn.ge/news/22289-sakartveloshi-vizitit-turketis-garemos-datsvisa-da-satqeo-saministros-delegatsia-imqofeba.
13. *Крохмаль А.Г.* Экологические основы сохранения экосистем Северного Кавказа. — 2007.
14. *Федюкова Н.В.* Экономическая эффективность туристского комплекса приграничного региона (на примере Псковской области): автореф. дисс. ... канд. экон. наук. — СПб., 2011.
15. *Грдзелишвили Н.* Религиозный туризм: монография в 3 ч. / Национальная академия наук Грузии; Грузинский технический университет. — 2023.
16. *Грдзелишвили Н.* Влияние интегральных ресурсов горных поселений Грузии на развитие регионов // Социум и христианство. Сборник научных статей участников IX Международной научно-практической конференции 25–27 января 2025 г., г. Минск. — 2025. — С. 99–101.
17. https://www.gov.ge/files/428_85680_321942_khedva-2030-saqarthvelos-ganvitharebis-strategia-1.pdf.
18. *Федорченко В.К.* Туризмология как наука. Основные парадигмы теории туризма // Вестник РМАТ. — 2013. — № 2. — С. 3–10.
19. *Пумбуриди М.Г.* Трансграничный туризм как инструмент эффективного использования природно-культурных ресурсов // 77-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: материалы конф. В 3 ч. Минск, 11–22 мая 2020 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В.Г. Сафонов (гл. ред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2021. — Ч. 3. — С. 587–591.

Дорошенко С.В.
д.э.н.,
зав. Сектором исследований адаптации региональных систем,
Институт экономики УрО РАН
Кислая Т.Н.
к.э.н.,
доцент Кафедры менеджмента и экономической безопасности,
Луганский государственный университет

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ АКТИВНОСТЬ В ЮГО-ЗАПАДНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ: ОТ АДАПТАЦИИ К РАЗВИТИЮ[1]

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, вновь созданные субъекты МСП, инструменты поддержки, Луганская Народная Республика, Донецкая Народная Республика, Херсонская область, Запорожская область.
Key words: small business, newly created SME entities, support tools, Luhansk People's Republic, Donetsk People's Republic, Kherson region, Zaporizhia region.

Договоры о вхождении в состав Российской Федерации четырех регионов — Луганской и Донецкой Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей — были подписаны 30 сентября 2022 года, что для этих регионов стало началом новой политической жизни, а также интеграции в российское социально-экономическое пространство[2].

Одним из важнейших драйверов интеграции является предпринимательское сообщество, которое, как и все элементы региональной системы, проходит в настоящее время путь от адаптации[3] к изменениям к развитию[4], в том числе в рамках достижения национальных целей[5], а также индикативных показателей национальных и федеральных проектов[6].

Целью данного исследования является количественный анализ развития малого и среднего предпринимательства, а также обзор инструментов его поддержки в воссоединенных регионах, расположенных на юго-западе страны. Сравнение общероссийской динамики и изменений в юго-западных регионах числа субъектов МСП за период с ноября 2022 г. по ноябрь 2025 г. представлено в табл. 1.

Данные табл. 1 свидетельствуют об увеличении числа субъектов МСП за три года в целом по Российской Федерации на 13,3%, при этом число юридических лиц уменьшилось почти на 4,5%, а индивидуальных предпринимателей возросло на 24,4%. В юго-западных регионах наблюдался только рост числа субъектов МСП, что обеспечило 14,8% увеличения общего числа субъектов МСП и 11,6% роста ИП по всей стране. Так, в целом по четырем регионам общее число МСП увеличилось в 43,3 раза, из них юридических лиц — в 7,5 раз, а индивидуальных предпринимателей — в 164,4 раза. При этом лидером общего роста, а также по юридическим

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-01367).

[2] *Васильева Р.И., Дорошенко С.В.* Анализ перспектив интеграции новых регионов России в национальное экономическое пространство // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. — М., 2023. — С. 56–65.

[3] *Дорошенко С.В., Кислая Т.Н.* Адаптация луганской промышленности к вызовам внешней среды разных периодов // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Материалы VII международной научно-практической конференции. В 4 ч. — М., 2025. — Ч. 4. — С. 237–246.

[4] *Половян А.В., Лепа Р.Н., Гриневская С.Н.* Экономика Донбасса: состояние, тренды развития, прогнозы // Проблемы прогнозирования. — 2022. — № 2 (191). — С. 58–68; *Дорошенко С.В., Кислая Т.Н.* Институты развития и промышленный потенциал Луганской Народной Республики // Развитие территорий. — 2024. — № 4 (38). — С. 58–67; *Половян А.В., Лепа Р.Н., Гриневская С.Н*. Промышленный суверенитет и развитие новых регионов России // Проблемы прогнозирования. — 2024. — № 2 (203). — С. 61–72.

[5] Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» Ф от 07.05.2024 № 309. — http://www.kremlin.ru/acts/news/73986?erid=2SDnjc45hpG.

[6] Национальный проект «Эффективная и конкурентная экономика». — http://government.ru/rugovclassifier/921/about/.

лицам стала Херсонская область, где число субъектов МСП увеличилось в 151,4 раза, из них юридических лиц — в 82,4 раза. Наибольший рост ИП, в 446 раз, наблюдался в ДНР. Наименьший рост общего числа и юридических лиц был в ЛНР — в 24,6 раза и в 3,4 раза соответственно, а ИП — в Запорожской области — в 81,2 раза.

Также сменился регион-лидер по количеству субъектов МСП. Так, в 2022 г. по всем позициям первое место занимала ЛНР, однако к 2025 г. лидерство перешло к ДНР, на которую сегодня приходится 46,3% числа субъектов МСП всех юго-западных регионов. Замыкает четверку Херсонская область.

Сегодня рассмотрение предпринимательской активности невозможно без анализа самозанятых граждан, динамика которых с 2023 г. представлена в табл. 2.

Таблица 1

Динамика числа субъектов малого и среднего предпринимательства в юго-западных регионах России, в ед.

Регион	Число субъектов МСП	В том числе:		Число субъектов МСП	В том числе:	
		Юрид. лица	ИП		Юрид. лица	ИП
	На 30.11.2022			На 30.11.2025		
Российская Федерация	5 969 046	2 288 739	3 679 842	6 763 994	2 187 050	4 576 525
Юго-Западные субъекты	2 804	2 166	638	121 206	16 292	104 914
Запорожская область	246	65	181	17 002	2 292	14 710
Донецкая Народная Республика	931	822	109	56 929	8 310	48 619
Луганская Народная Республика	1570	1 262	308	38 646	4 290	34 356
Херсонская область	57	17	40	8 629	1 400	7 229

Источник: составлено авторами на основе данных ФНС РФ «Сведения о юридических лицах и индивидуальных предпринимателях, сведения о которых внесены в Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства 10 числа месяца, следующего за отчетным периодом». Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. — https://ofd.nalog.ru/statistics2.html?t=1738656115399.

Таблица 2

Количество самозанятых граждан, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» в юго-западных регионах России, человек

Регион	Всего (человек)	В том числе:		Всего (человек)	В том числе:	
		физические лица	ИП		физические лица	ИП
	На 31.01.2023			На 30.11.2025		
Российская Федерация	6 781 028	6 427 447	353 581	15166326	14 435 506	730 820
Юго-Западные субъекты	742	715	27	71 704	69 069	2 635
Запорожская область	40	37	3	6 455	6194	261
Донецкая Народная Республика	431	416	15	40 592	39 331	1 261
Луганская Народная Республика	255	246	9	21 706	20 679	1 027
Херсонская область	16	16	0	2951	2865	86

Источник: составлено авторами на основе данных ФНС РФ «Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход»«. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. — https://ofd.nalog.ru/statistics2.html?t=1738656115399.

Эксперимент по введению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»[7], рассчитанный на 10 лет, был запущен в Российской Федерации в январе 2019 г. сначала в четырех регионах, затем с января 2020 г. еще в 19 субъектах, а с июля 2020 г. в остальных регионах. Юго-западные регионы присоединились к эксперименту с января 2023 г. Эксперимент признан успешным и не только в связи с ростом налоговых отчислений. Также, например, его внедрение повлияло на структуру доходов населения, где постепенно, после длительного падения, с 2021 г. стал увеличиваться удельный вес предпринимательских доходов[8].

Почти за трехлетний период, приходящийся на середину экспериментального периода и отраженный в табл. 2, в России число граждан, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», возросло в 2,4 раза, в том числе физических лиц — в 2,3 раза, индивидуальных предпринимателей — в 2,1 раза. При этом число самозанятых граждан в юго-западных регионах, где эксперимент только начался в 2023 г., возросло в 96–97 раз. Наибольший рост общего числа самозанятых, а также физических лиц, наблюдался в Херсонской области — в 184,4 раза и в 179 раз соответственно, но индивидуальных предпринимателей в ЛНР — в 114 раз. Одновременно в этой республике в сравнении с другими регионами наименьшие показатели увеличения общего числа самозанятых и физических лиц — в 85,1 раза и в 84 раза соответственно. Порядок расположения регионов по количеству самозанятых граждан за прошедший период не изменился, по-прежнему первое место принадлежит ДНР, замыкает список Херсонская область.

Граждан, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», совершенно справедливо после некоторых дискуссий подавляющее большинство экспертов относят к предпринимательскому сообществу. Однако эти граждане не имеют права использовать наемный труд, при этом численность работающих на малых, средних и микропредприятиях является одним из важнейших индикаторов его развития. Изменение среднесписочной численности работников, занятых у субъектов МСП, за период с декабря 2022 г. по ноябрь 2025 г. в юго-западных регионах России представлено в табл. 3.

Данные табл. 3 свидетельствуют о незначительном снижении в пределах 1% за указанный период среднесписочной численности работников у юридических лиц МСП, и примерно о таком же однопроцентном росте численности занятых у индивидуальных предпринимателей в России. Относительно юго-западных субъектов данные свидетельствуют об отсутствии информации о работниках на конец 2022 г. у юридических лиц и незначительной занятости у индивидуальных предпринимателей Донецкой и Луганской Народных Республик. Допускаем, что в это время занятость в субъектах МСП в основном могла носить неформальный характер, без официального трудоустройства. Однако следует отметить, что в табл. 3 аккумулированы сведения только о количестве физических лиц, с выплат и иных вознаграждений которым исчислены страховые взносы в соответствии с применяемым тарифом страховых взносов субъектами малого и среднего предпринимательства (юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями). Считаем, что по причине активной работы государства по снижению неофициального трудоустройства, теневой занятости, а также большей заинтересованности работников в «белой» занятости ситуация в юго-западных регионах за почти трехлетний период существенно изменилась, и мы видим многократный рост среднесписочной численности работников во всех субъектах. Лидером по абсолютному количеству занятых является ДНР, замыкает четверку Херсонская область.

Используя данные табл. 1 и табл. 3, рассчитаны относительные показатели занятости на 30 ноября 2025 г. — численность работников на 10 субъектов МСП и 10 ИП. Так, общероссийские значения составляют 56 занятых на десять юридических лиц и 6 человек на десять ИП. Аналогичные числовые значения получены и по совокупности юго-западных регионов, но между регионами наблюдается некоторая разница. Так, на 10 юридических лиц приходит-

[7] О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: Федер. закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ. — https://base.garant.ru/72113648/.

[8] *Дорошенко С.В.* Государственная политика и структура доходов населения: эксперимент с самозанятостью // Ars Administrandi (Искусство управления). — 2023. — Т. 15. — № 2. — С. 338–352. — https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-338-352.

ся в ДНР 52 человека, ЛНР — 72, Запорожской и Херсонской областях — 55 и 38 занятых соответственно. Таким образом, в трех субъектах показатели ниже среднероссийских значений, особенно в Херсонской области. Значения в ЛНР выше российских в 1,29 раза. Занятость у индивидуальных предпринимателей составляет в ДНР 6 человек на 10 ИП, ЛНР — 7, Запорожской и Херсонской областях — 4 и 3 человека соответственно. Здесь у двух регионов значения ниже российских, а в ЛНР несколько выше, чем по стране. Исходя из расчетов, можно сделать вывод, что небольшая занятость у ИП в юго-западных регионах, скорее всего, свидетельствует о большем тяготении этой формы к самозанятости. Юридические лица также представляют собой очень небольшие предприятия, в основном, вероятно, это микропредприятия. И в связи с этим интересно проанализировать еще один показатель — «вновь созданный субъект МСП», общая помесячная динамика которого по юго-западным субъектам, начиная с конца ноября 2022 г. по конец ноября 2025 г., приведена на рис. 1 и 2.

Таблица 3

Динамика среднесписочной численности работников, занятых у субъектов МСП, в юго-западных регионах России, в ед.

Регион	Среднесписочная численность работников юрид. лиц	Среднесписочная численность работников ИП	Среднесписочная численность работников юрид. лиц	Среднесписочная численность работников ИП
	На 31.12.2022		На 30.11 2025	
Российская Федерация	12 490 408	2 701 135	12 356 014	2 809 078
Юго-Западные субъекты	0	27	91 792	61 161
Запорожская область	0	0	12 516	6 513
Донецкая Народная Республика	0	26	43 237	29 850
Луганская Народная Республика	0	1	30 771	22 457
Херсонская область	0	0	5 268	2 341

Источник: составлено авторами на основе данных ФНС РФ «Сведения о среднесписочной численности работников, занятых у субъектов малого и среднего предпринимательства (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, привлекавших в году, предшествующем году формирования Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, наемных работников), за исключением упомянутых в части 3 статьи 4 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» вновь созданных юридических лиц (вновь зарегистрированных индивидуальных предпринимателей)». Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. — https://ofd.nalog.ru/statistics2.html?t=1738656115399.

Однако анализ этого показателя требует учета особенностей российского законодательства. Так, до июня 2025 г. сведения в единый реестр субъектов МСП при создании нового бизнеса подавались без учета сведений о среднесписочной численности, прошлого дохода, структуры собственности, на основании чего все субъекты автоматически становились микропредприятиями, получая возможность пользоваться в течение года государственной поддержкой даже для крупного бизнеса, преобразованного именно для этой цели[9]. Правовые изменения в 2025 г.[10] ограничили эту лазейку, поскольку уточнили статус «вновь созданный» субъект МСП, и к такому теперь не будут относить преобразованные из других организационно-право-

[9] Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 209-ФЗ. — https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144.

[10] Федеральный закон от 23.05.2025 N 117-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» и статью 3 Федерального закона «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 209-ФЗ. — https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505826/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100009.

ых форм. Также изменилось время присутствия в реестре субъекта МСП со статусом «вновь созданный». Если до июня 2025 г. субъект терял этот статус через год, т.е. с 1 июля следующего года после включения, то с 2026 г. такие субъекты будут удаляться через 18 месяцев[11]. Именно этот момент влияет на особенности графиков на рис. 1 и 2.

Весь временной интервал изменений числа субъектов МСП со статусом «вновь созданный» нами разбит на две части. Это связано с тем, что в юго-западных регионах первое удаление вновь созданных субъектов из реестра состоялось не через год как по остальным субъектам РФ, а через полтора года — в июне 2024 г. Именно поэтому на рис. 1 мы наблюдаем существенный рост вновь созданных микропредприятий с ноября 2022 г. до 31.05.2024 г., но после произошло резкое сокращение числа вновь созданных субъектов, что видно из начала графика на рис. 2.

Позднее режим исключения из реестра для юго-западных регионов стал таким же, как и для остальных регионов России. Поэтому на рис. 2 мы наблюдаем увеличение числа вновь созданных субъектов МСП с июня 2024 г. по май 2025 г., затем резкое снижение в июне 2025 г. и последующий постепенный рост по 30 ноября 2025 г.

Динамика по вновь созданным микропредприятиям в регионах различна. Первые три месяца (до февраля 2023 г.) лидерство по числу таких субъектов принадлежало ЛНР, однако затем на первое место вышла ДНР, что сохраняется и по настоящее время. Херсонская область занимает последнее место. Темпы регистрации вновь созданных предприятий в период, отраженные на рис. 1, в регионах были заметно выше, чем за схожие периоды, представленные на рис. 2, что в текущих условиях объяснимо и определенным насыщением рынка, заполнением его свободных ниш, а также неопределенностью ситуации и высокими рисками. Тем не менее, интерес к предпринимательству у населения юго-западных регионов сохраняется на достаточном уровне, что поддерживается и различными государственными и муниципальными инструментами. Приведем лишь некоторые примеры.

Одним из первых федеральных инструментов поддержки предпринимательства стало создание свободной экономической зоны на всех территориях юго-западных регионов, а также в прилегающих к ним внутренних морских водах и территориальном море. Срок функционирования СЭЗ составляет 27 лет. В ее рамках предусмотрен особый режим осуществления предпринимательской деятельности. Кроме того, в июне 2023 г. начала действовать программа льготного кредитования предпринимателей, по условиям которой субъекты МСП юго-западных регионов смогут получить средства на любые цели предпринимательской деятельности по ставке до 10% годовых сроком до трех лет. Максимальный размер займа — 50 млн рублей. Кредиты выдаются под поручительство «Корпорации МСП».

Сформирована нормативная база, регулирующая развитие МСП. Так, в январе 2023 г. был принят закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Донецкой Народной Республике», в ноябре того же года аналогичный закон был принят в Луганской Народной Республике. Несколько ранее, в августе 2023 г., в ЛНР была утверждена государственная программа «Развитие малого и среднего предпринимательства в Луганской Народной Республике на 2023–2025 годы», финансирование которой на весь период предусмотрено в размере 470 000 тыс. руб. Результатами реализации государственной программы являются в том числе увеличение количества субъектов МСП; самозанятых, а также среднесписочной численности работников. В ДНР в мае 2024 г. были утверждены «Требования к организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства Донецкой Народной Республики при реализации государственных программ (подпрограмм) Донецкой Народной Республики».

Корпорация МСП и правительство Херсонской области в июне 2023 г. подписали соглашение о развитии малого и среднего бизнеса. Интересным фактом является утверждение в декабре 2024 г. в Херсонской области муниципальной программы «Развитие малого и среднего предпринимательства на территории Горностаевского муниципального округа Херсонской области в 2025–2027 годах», финансирование которой предусматривается из средств местно-

[11] Принят закон, уточняющий статус «вновь созданные» субъектов МСП. — https://www.aoreestr.ru/press/news/prinyat-zakon-utochnyayushchiy-status-vnov-sozdannye-subektov-msp/.

го бюджета в размере 1500 тыс. руб. Примечательно, что даже в зоне проведения СВО, куда попадал Горностаевский округ, внимание к развитию МСП со стороны властей достаточно высокое. Также в регионе создаются условия для реализации самозанятыми и предпринимателями своей продукции, для чего на Левобережье области организовано 36 постоянных ярмарочных площадок, где за первую половину 2025 г. было проведено более 700 мероприятий.

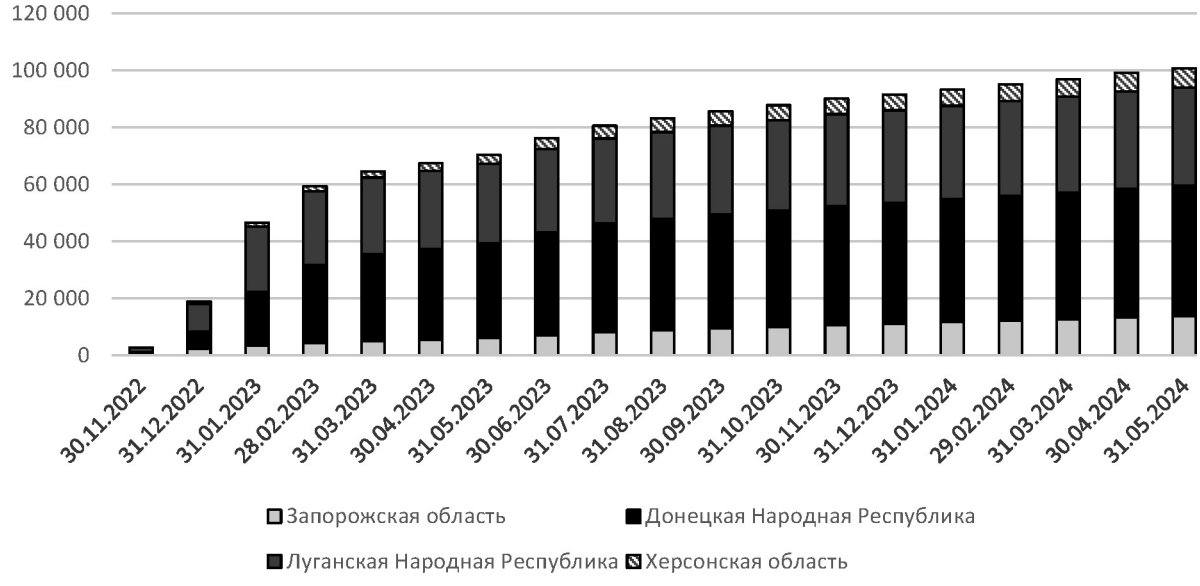


Рис. 1. Динамика регистрации вновь созданных субъектов МСП в юго-западных регионах России в период 30.11.2022–31.05.2024 гг., единиц

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной налоговой службы РФ «Сведения о вновь созданных юридических лицах и индивидуальных предпринимателях, сведения о которых внесены в Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства». Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. — https://ofd.nalog.ru/statistics2.html?t=1738656115399.

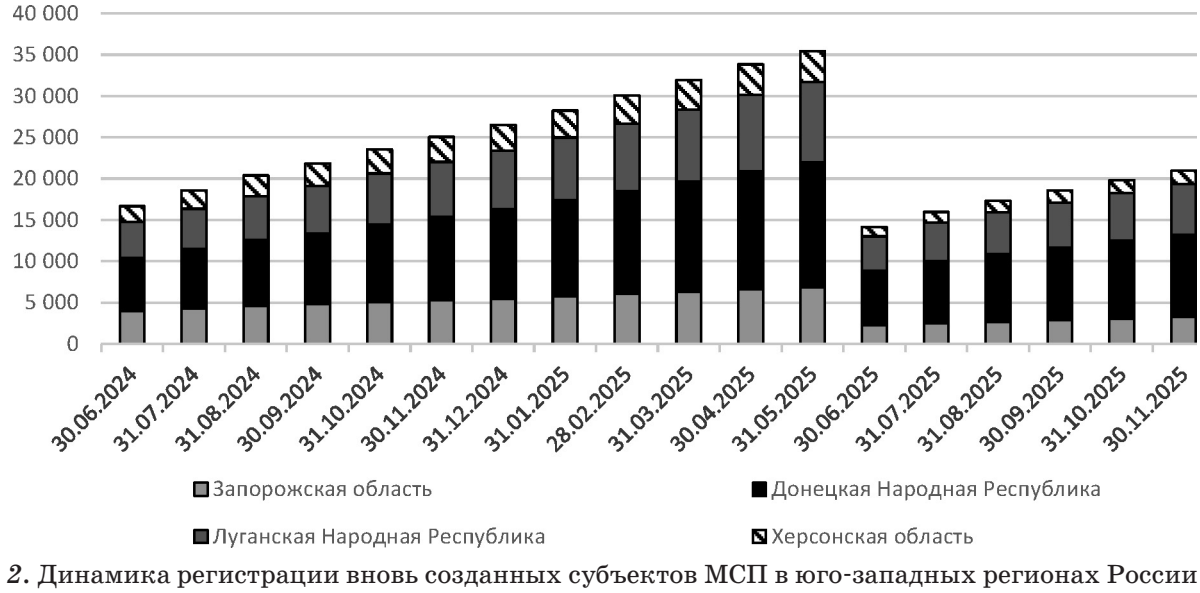


Рис. 2. Динамика регистрации вновь созданных субъектов МСП в юго-западных регионах России в период 30.06.2024–30.11.2025 гг., единиц

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной налоговой службы РФ «Сведения о вновь созданных юридических лицах и индивидуальных предпринимателях, сведения о которых внесены в Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства». Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. — https://ofd.nalog.ru/statistics2.html?t=1738656115399.

Активно развивается инфраструктура поддержки МСП в Запорожской области, где, в том числе через АНО «Микрокредитная компания «Микрофинансирование предпринимательства Запорожской области предоставляются льготные микрозаймы, а АНО «Центр поддержки предпринимательства Запорожской области «Мой бизнес» проводит консультирование и обучение предпринимателей.

Таким образом, и сформированное институциональное поле, и статистические данные свидетельствуют о переходе предпринимательства во всех юго-западных регионах от адаптации к развитию даже в условиях сохраняющихся неопределенности и рисков, а способствуют этому и готовность населения к этому виду деятельности, и фактор государственной поддержки.

Дочкина А.А.
к.э.н., доцент,
декан Факультета среднего профессионального образования,
Северо-Западный институт управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург

НОВАЯ АРХИТЕКТУРА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ключевые слова: муниципальная реформа, местное самоуправление, муниципальное образование, муниципальный район, муниципальный округ, одноуровневая система муниципального управления, укрупнение муниципальных образований, централизация управления.

Key words: municipal reform, local self-government, municipal entity, municipal district, municipal district, single-level system of municipal government, consolidation of municipalities, centralization of management.

Система муниципального управления в Российской Федерации строится исходя из административно-территориального деления — в начале 2024 г. в этой системе было выделено 17 747 муниципальных образований, в том числе муниципальных районов — 1346 ед., муниципальных округов — 399 ед., городских округов — 579 ед., городские округа с внутригородским делением — 3 ед., 19 внутригородских районов, городских поселений — 1142 ед., сельских поселений — 13 992 ед.[1]. Наибольшие сложности вызывает организация управления в сельских населенных пунктах. На федеральном электронном ресурсе по поиску работы «Работа России» 27.12.2025 г. было заявлено 799 вакансий по запросу «сельская администрация», в том числе 26 вакансий на должность руководителя сельской администрации. В этом перечне значатся 15 должностей глав муниципальных образований и 11 должностей заместителей глав сельских администраций. Наиболее сложная ситуация с укомплектованием кадрами органов местного самоуправления, судя по этому банку вакансий, в Забайкальском крае — требуются 8 глав сельских администраций и 4 заместителя глав сельских муниципальных образований (всего в Забайкальском крае 240 сельских поселений). Предлагаются также должности глав в 2 сельских администрациях Ульяновской и Брянской областей и ряде других регионов[2].

Но даже если штат сельских администраций укомплектован, их кадровый состав не всегда соответствует требованиям рабочих мест, содержанию тех сложнейших функций, которые выполняют представители органов местного самоуправления. По некоторым данным, кадровый состав сельских администраций не соответствует тем функциям, которые они должны выполнять — высшее образование имеют не более 36% муниципальных служащих и поселковых администраций Нижегородской области[3].

---

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. — М., 2024. — С. 42.

[2] Работа России. — https://trudvsem.ru/.

[3] *Адукова А.Н., Захаров Р.В., Коленченко И.А.* Кадровая территория органов местного самоуправления на селе: состояние и пути развития // Вестник НГИЭИ. — 2013. — № 11. — https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovaya-baza-organov-mestnogo-samoupravleniya-na-sele-sostoyanie-i-puti-razvitiya.

А набор функций у руководителей в селах очень широкий. По признанию экс-главы одного из сельских поселений Ярославской области, добровольно покинувшего свой пост после 5 лет работы в должности главы сельской администрации, официальных полномочий около 30, но постоянно возникает масса проблем, которые необходимо решать (дороги, экология, спорт, жилой фонд и т.п.)[4]. При этом наибольшая заработная плата, по данным сайта «Работа России», для людей, которые будут выполнять все эти функции, предлагается в сельском поселении Забайкальского края (рудник «Абагайтуй») — 70–75 тыс. руб.

В европейской части России заработная плата глав сельских администраций 30–42 тыс. руб.[5]. Очевидно, что такой уровень оплаты труда не соответствует той степени ответственности, которую на себя берут люди, готовые заняться всеми проблемами жителей села. С низким уровнем оплаты труда связаны и дефицит кадров в сфере муниципального управления, и их текучесть.

Другая проблема местного самоуправления — очень низкий уровень доходов. Так, в Удмуртии в 2019 г. средняя величина годового бюджета сельского поселения составляла 2,5 млн руб., и около 60% этой суммы расходовалось на содержание аппарата управления. Значительная часть сельских поселений живет за счет вышестоящих бюджетов[6].

Большую проблему составляет текучесть депутатского корпуса сельских советов, в связи с чем приходится проводить дополнительные выборы — а это немалые затраты. Не всегда это получается сделать с первой попытки. Граждане не хотят идти в депутаты, понимая, что для решения стоящих задач нужны значительные ресурсы, которых у сельских поселений, как правило, нет.

Еще одной причиной, которая потребовала пересмотра подходов к муниципальному управлению — сокращение численности сельских жителей, увеличение числа малолюдных сел и деревень. В таких условиях обеспечить эффективность управления силами сельских администраций крайне сложно. Об этом говорят ученые, занятые исследованием различных вопросов организации местного самоуправления, подчеркивая недостаточность средств для решения проблем села (фонд оплаты труда сотрудников местной администрации суммарно со страховыми взносами нередко превышает 80% общей величины налоговых и неналоговых доходов муниципального образования). Вследствие этого проблемы накапливаются, и люди вынуждены покидать сельскую местность и переезжать в города. Не редки случаи и неэффективного использования бюджетных ресурсов[7].

М.В. Демидов, раскрывая роль органов местного самоуправления в функционировании системы публичной власти в России, пришел к выводу о том, что двухуровневая система не оправдала себя, оказалась недостаточно эффективной, вследствие чего на этом уровне управления, где решаются вопросы местных жителей, накопилось большое число проблем[8].

В решении этих вопросов многие субъекты РФ пошли по пути укрупнения муниципальных образований, их объединения в единый муниципальный округ, что позволяет концентрировать финансовые и управленческие ресурсы. При объединении существующая двухуровневая система управления становится одноуровневой, то есть действовавшие ранее местные советы депутатов и администрации упраздняются, совет и администрация остаются лишь на уровне округа.

---

[4] Почему никто не хочет идти работать главами сельских поселений // Аргументы и факты. — 06.02.2020. — – https://aif.ru/money/economy/pochemu_nikto_ne_hochet_idti_rabotat_glavami_selskih_poseleniy.

[5] Работа России. — https://trudvsem.ru/.

[6] В округ да около // Коммерсантъ. — 02.07.201 — https://www.kommersant.ru/doc/4018735.

[7] *Девятова Н.С.* Трансформация территориальной организации местного самоуправления в Иркутской области: по материалам круглого стола в рамках II Международного Байкальского форума // Baikal Research Journal. — 2022. — Vol. 13. — No 3. — https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiyaterritorialnoy-organizatsii-mestnogo-samoupravleniyav-irkutskoy-oblasti-po-materialam-kruglogo-stola-vramkah-ii/viewer; *Колодина Е.А.* Исследование тенденций развития местного самоуправления в современной России // Изв. Байкальского гос. ун-та. — 2017. — Т. 27. — № 2. — С. 162–170.

[8] *Демидов М.В.* Органы местного самоуправления как составная часть единой системы региональной публичной власти // Конституционное и муниципальное право. — 2024. — № 3. — С. 49–51. — DOI: 10.18572/1812-3767-2024-3-49-51. — EDN PTQVMD.

Специалисты считают, что упразднение низового звена территориального управления не только обеспечит прямую экономию на затратах, связанных с обеспечением функционирования большого числа местных администраций, включая оплату труда их аппарата, транспортные расходы, аренду, оплату жилищно-коммунальных услуг и другие виды затрат, но и позволит повысить эффективность бюджетных расходов за счет их концентрации на приоритетных направлениях, а также обеспечит необходимую скоординированность действий органов управления разных уровней[9].

Специалисты связывают свои надежды с тем, что укрупнение территорий, централизация местных бюджетов, оптимизация административных процессов, повышение качества бюджетного управления позволят поэтапно решать такие сложные проблемы, как развитие социальной и транспортной инфраструктуры, защита окружающей среды, утилизация отходов и т.п. Ведь мероприятия, направленные на их решение, требуют привлечения большого объема ресурсов, а в отдельности каждый муниципалитет решить такие вопросы, как правило, не способен[10].

Острота кадровой проблемы тоже снизится — если в сельских администрациях высшее образование имеет только каждый третий сотрудник, то в администрации муниципальных районов доля работников высокой квалификации значительно выше — около 90% (такие данные приведены в статье, посвященной качеству муниципального управления в Нижегородской области)[11].

Создание муниципальных округов даст ряд положительных результатов, таких как сокращение затрат на содержание местных органов управления. уменьшение затрат на проведение выборов, укрепление иерархии власти на местном уровне и расширение шансов на участие в проектах и грантовых программах от федерального правительства и др.

Итоги перехода на одноуровневую модель муниципального управления в ряде регионов показали, что в числе основных преимуществ этой системы — экономия бюджетных ресурсов. По оценкам специалистов, только в Московской области это позволит экономить по 3,5 млрд ежегодно[12]. В Калининградской области, где муниципальная реформа завершилась в 2018 г., экономический эффект от объединения в муниципальные округа 3 районов составил от 30 до 70 млн рублей в каждом муниципалитете[13].

Опасения, связанные с муниципальной реформой, со стороны ученых, муниципальных служащих и населения вызваны, главным образом, определенным отдалением центра управления от населенных пунктов. Переход на одноуровневую систему управления может привести к изоляции жителей удаленных сел и деревень, и даже ухудшить условия их жизни. На решение насущных вопросов людей потребуется больше времени, поскольку властные структуры будут территориально более удалены от места проживания граждан — о такой проблеме, в частности, говорят в своей статье И.С. Назарова, Н.Ю. Немова, М.А. Сапожникова[14].

Сложность представляет и такой вопрос как сокращение сотрудников муниципальных органов управления. В начале 2022 г. численность муниципальных служащих и работников

[9] *Назарова И.С., Немова Н.Ю., Сапожникова М.А.* Об упразднении муниципалитетов первого уровня (городских и сельских поселений) и переходе на одноуровневую систему местного самоуправления с городскими и муниципальными округами // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 12 (240). — С. 131–136. — DOI: 10.47643/1815-1337_2024_12_131. — EDN QQBZMG.

[10] *Воронцова Н.А.* Совершенствование методики оценки целесообразности укрупнения муниципальных образований // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2024. — № 2 (56). — С. 33–41. — DOI: 10.18324/2224-1833-2024-2-33-41. — EDN QQJCBM.

[11] *Адукова А.Н., Захаров Р.В., Коленченко И.А.* Кадровая территория органов местного самоуправления на селе: состояние и пути развития.

[12] *Назарова И.С., Немова Н.Ю., Сапожникова М.А.* Об упразднении муниципалитетов первого уровня (городских и сельских поселений) и переходе на одноуровневую систему местного самоуправления с городскими и муниципальными округами // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 12 (240). — С. 131–136. — DOI: 10.47643/1815-1337_2024_12_131. — EDN QQBZMG.

[13] Самоуправление окружено: как изменится жизнь в регионах после муниципальной реформы // Федерал Пресс. — 04.03.2025. — https://fedpress.ru/article/3366741.

[14] *Назарова И.С., Немова Н.Ю., Сапожникова М.А.* Об упразднении муниципалитетов первого уровня (городских и сельских поселений) и переходе на одноуровневую систему местного самоуправления с городскими и муниципальными округами // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 12 (240). — С. 131–136. — DOI: 10.47643/1815-1337_2024_12_131. — EDN QQBZMG.

органов местного самоуправления в стране составляла около 290 тыс. человек[15]. Необходимо оказать содействие в трудоустройстве людям, потерявшим работу вследствие реализации муниципальной реформы.

Подорвать доверие граждан могут и неудачи в проведении реформ. Поэтому все шаги должны быть точно просчитаны и выверены. Неудачи, пусть даже временного характера, способны посеять недоверие местного населения к органам государственного и муниципального управления и поставить под вопрос эффективность всей реформы[16]. Соглашается с этим мнением и Н.В. Малявкина, утверждающая, что успешность таких преобразований во многом определяется содержанием подготовительного этапа, включая разъяснительную работу с населением[17].

Таким образом, о том, что муниципальная реформа в России назрела, говорят проблемы, накопившиеся на уровне муниципального управления, связанные в основном с отсутствием необходимых финансовых средств для их решения и недостаточной эффективностью использования имеющихся ресурсов. Переход на одноуровневую систему муниципального управления, как правило, приводит к экономии финансовых ресурсов и повышению эффективности их использования за счет централизации и более грамотного менеджмента. Однако возможны и негативные последствия вследствие отдаления руководства территории от населения, неправильной расстановки приоритетов, недостаточной квалификации сотрудников вновь образованных органов управления, наделенных большими полномочиями. Для обеспечения более успешного перехода на одноуровневую модель управления необходимо совершенствовать законодательство, провести обучение муниципальных служащих. Не менее важна и систематическая разъяснительная работа с населением, цель которой — рассказать людям о необходимости таких перемен, о предпринимаемых мерах, о тех возможностях, которые открываются в решении проблем их жизнедеятельности, и которые ранее невозможно было решить из-за нехватки бюджетных ресурсов муниципалитетов.

Иванова Т.Л.
д.э.н., профессор,
профессор Кафедры экономики предприятия,
Донецкий институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ
ivanova.tatyana.l@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Ключевые слова: системная парадигма, системная трансформация, системная экономика, мета-, мега-, макро-, мезо-, микроэкономика, региональная экономическая система, стратегическое планирование и управление, парадигма устойчивого развития.

Key words: systemic paradigm, systemic transformation, systemic economics, meta-, mega-, macro-, meso-, microeconomics, regional economic system, strategic planning and management, sustainable development paradigm.

Отличительной особенностью современной экономики являются структурные сдвиги, которые охватывают все направления ее развития, однако не могут быть объяснены с позиций традиционной экономической науки и требуют кардинальной трансформации ее методологи-

[15] Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. — М., 2024. — С. 188.

[16] *Воронцова Н.А.* Совершенствование методики оценки целесообразности укрупнения муниципальных образований // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2024. — № 2(56). — С. 33–41. — DOI: 10.18324/2224-1833-2024-2-33-41. — EDN QQJCBM.

[17] *Малявкина Н.В.* Переход к одноуровневой системе местного самоуправления: организационно-правовые аспекты и особенности преобразования // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. — 2025. — № 1. — С. 22–25. — DOI: 10.18572/2500-0349-2025-1-22-25. — EDN ZZEKMY.

ческих основ. Структурные сдвиги в экономике характеризуются высокой динамичностью происходящих процессов, производят кумулятивное воздействие на экономику и обеспечивают эффект синергии. Они могут проявляться как спонтанные изменения, которые при этом затрагивают глубинные основы экономики и законы ее развития, радикально меняют сложившиеся мировоззренческие стереотипы, долгое время господствовавшие в методологии науки и научных парадигмах, требуют коренной ломки устоявшихся взглядов на дальнейший ход событий как на страновом, так и на цивилизационном уровнях. Как следствие, масштабируются и обретают мощный резонанс научно-технические революции, которые производят революционный переворот в сознании, кардинально меняют базис экономической науки и практической деятельности.

Одновременно сложные прогрессивные процессы, в частности, процессов цифровизации и цифровой трансформации на последовательных этапах Индустрии 4.0 и Индустрии 5.0, ставят перед Человеком-Творцом сложные задачи всестороннего осмысления их последствий. Тезаурус экономической науки пополняется арсеналом новых устойчивых фразеологических единиц, таких как системная парадигма, системная трансформация, системная экономика, в основе которых лежит системный подход, широко применяемый в науке с середины XX в. и обладающий значительным исследовательским и объясняющим потенциалом. Являясь продуктивным методологическим инструментом, системный подход позволяет вычленить общефилософский, общенаучный и частно-специализированный смысл новых научных направлений, находящихся в стадии становления и развития, исследовать их в ключе единого инновационного методологического аппарата, заполнить пробелы между различными ветвями знаний и эффективно применять новые подходы на практике. Настойчиво прорываются в жизнь новые парадигмы, диктующие собственные законы развития общественных процессов воспроизводства и управления ими, уверенно вступающие в конкуренцию с утвердившими себя в науке моделями и методами.

Видоизменяются структуры и архитектоника составных частей и подсистем социально-экономических систем (СЭС), содержание и смыслы взаимодействия между ними на различных управленческих уровнях. Происходит осознание значимости экзогенно действующих неконтролируемых факторов внешней среды, окружающей СЭС, и эндогенных факторов, которые подвластны регулированию и управлению ими, однако требуют систематизации и обоснованной оценки их влияния на системы. Кумулятивный качественный скачок в производительных силах формирует новую структуру общественного производства, в которой по-прежнему важнейшей остается парадигма устойчивого развития (УР). Парадигма УР прокладывает себе путь в практику в условиях сложных экономических трансформаций, однако ее достоинством является ориентация одновременно на рост капитализируемой стоимости производства, не наносящий вред окружающей среде, реализацию целей «человека экономического» (рационального), или Homo economicus, с его ярко выраженным ЭГО, и постепенное утверждение феномена человеческого фактора как наивысшей ценности производства и общества. Однако прогрессивные структурные сдвиги, характеризующие современное состояние мировой экономической системы, носят дуалистический характер, поскольку происходят на фоне глубоко противоречивых глобализационных процессов, обострения геополитической обстановки, спонтанно вспыхивающих внутри стран и на межстрановом уровне вооруженных конфликтов, значительно повышающих турбулентность и неопределенность экономической среды.

Обзор литературы и методология

Наука отвечает на сложные вызовы современности поиском новых методологических подходов и стремлением к совершенствованию существующих. В едином контексте постулатов онтологии и эпистемологии происходит интеграция положений ортодоксальных классических, неклассических и постнеклассических экономических теорий, на основе которой формируется *системная экономика*, рассматривающая экономику как совокупность взаимодействующих автономных систем. Единство системной парадигмы и системной трансформации предполагает их системный синтез и системное интегративное управление. На его роль, как

обоснованно утверждает известный ученый в области данного направления научных исследований Г.Б. Клейнер, претендует стратегическое планирование и управление, представляющее отдельный научный интерес. Вместе с тем каждое из обозначенных направлений в науке имеет собственные цели, а их сближение и соединение в единую органичную теорию системной экономики представляет особую научную проблему, требующую всестороннего обоснования и углубленного исследования.

Основополагающим понятием системной экономики на всех уровнях ее реализации является «система», содержание которой по-разному трактуется авторами в различных предметных областях, например, в методологии научных исследований и общей теории систем. В целом *система* представляет собой комплекс объектов, отношений, взаимосвязей между ее элементами, включающий информацию о всех ее составных частях, и является учением о сущности, архитектонике, иерархической и сетевой структурах различных типов систем, а также закономерностей их возникновения, функционирования и развития. Понятие системы связывают с именами одного из основоположников общей теории систем Л. фон Берталанфи (1930), а также известного российского ученого, создателя научной дисциплины «тектологии», или «всеобщей организационной науки» (1920), А.А. Богданова. Принципы современной системной парадигмы базируются на постулатах системного подхода, применяемого в рамках различных монодисциплин, которые тяготеют друг к другу. Г.Б. Клейнер[1] делает акцент на том, что три самостоятельных научных вектора, которыми являются системная парадигма, системная трансформация и стратегическое управление в экономике, неразрывно связаны между собой, хотя и не относятся к одной научной дисциплине.

Обращение к разным дисциплинам, в которых отражены компоненты системной экономики, обогащает методологию научных исследований и способствует формированию единого мировоззренческого подхода как надежного основания системной трансформации экономики. Г.Б. Клейнер подчеркивает, что «комплексные исследования объединенных элементов основываются на методах не отдельной дисциплины, а на методологии и методах комплекса монодисциплинарных моделей, интегрированных в единую модель объекта или системы», в которых «фокус внимания обращен на постоянно действующие институты и институции, а не на отдельные, разрозненные события, явления, процессы»[2]. И.Т. Корогодин[3] ссылается на мысль известного венгерского экономиста и иностранного члена РАН Я. Корнаи, который одним из первых представил концепцию системной парадигмы в экономике, о том, что необходимо заниматься «изучением системы в целом и взаимодействием между этим целым и его частями»[4]. Среди зарубежных ученых, которые проводили в жизнь идеи системной парадигмы, в частности, через концепцию инновационного развития и экономической динамики, следует назвать М. Кастельса[5], соединившего новую технологическую парадигму с идеями формированием сетевых информационных потоков, сетевых структур и сетевых взаимодействий[6].

Результаты

Единицами исследования в *системной парадигме* как модели экономической теории и практики, которая предполагает рассмотрение системы в целом, являются автономно функционирующие СЭС, совокупность взаимосвязей между системами и их элементами, свойства которых в общем случае не совпадают со свойствами систем. Имплементация системной парадигмы в практику хозяйственных субъектов преследует цели повышения конкурентоустой-

---

[1] *Клейнер, Г.Б.* Системная парадигма как теоретическая основа стратегического управления экономикой в современных условиях // Управленческие науки. — 2023. — № 1. — С. 6–19. — DOI: 10.26794/2304-022X-2023-13-1-6-19.

[2] Там же.

[3] *Корогодин, И.Т.* Методология системной парадигмы исследования современной производительности труда // Экономика труда. — 2023. — Т. 10. — № 1. — С. 159. — DOI: 10.18334/et.10.1.116973.

[4] *Корнаи, Я.* Системная парадигма // Вопросы экономики. — 2002. — № 4. — С. 10.

[5] *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: Изд. дом ВШЭ, 2000. — 608 с.

[6] *Смородинская, Н.В.* Смена парадигмы мирового развития и становление сетевой экономики // Экономическая социология. — 2012. — Т. 13. — № 4. — С. 96. — https://cyberleninka.ru/article/n/smena-paradigmy-mirovogo-razvitiya-i-stanovlenie-setevoy-ekonomiki.

чивости систем, оцениваемой совокупностью локальных и интегральных индикаторов. *Системная трансформация* в экономике также лежит в русле изучения СЭС как единого целого, однако с позиций изменения и адаптации их структуры, свойств, функций, взаимосвязей подсистем к изменениям окружающей среды. Социально-экономические системы встроены в глобальную экономику и ее пять уровней — мета-, макро-, мезо-, микро- и наноэкономический, среди которых особое место занимает мезоэкономика. Она является связующим звеном между двумя разномасштабными, структурно и содержательно дифференцированными уровнями — макро- и микроэкономикой, представляющими с позиций национальной экономики единое целое (рис. 1).

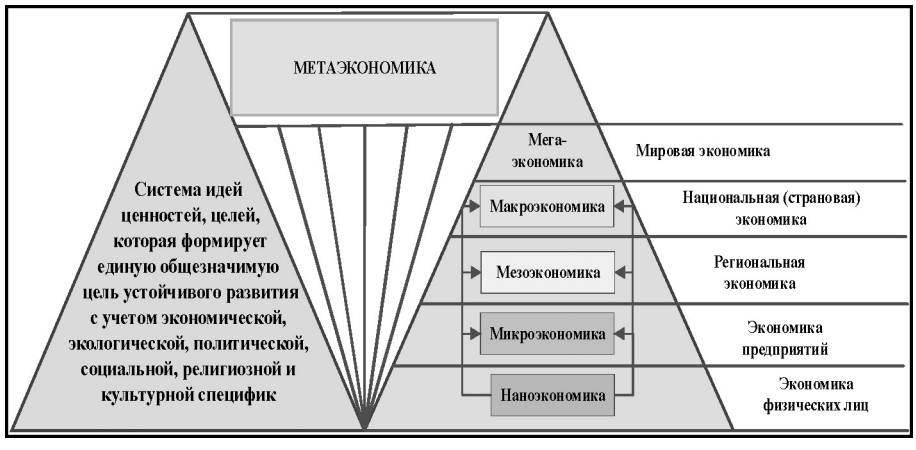


Рис. 1. Иерархическая структурная модель системной экономики, восходящая к метаэкономике

Особый статус в иерархической структуре модели отводится метаэкономике (*греч.* meta — за пределами, возле, после), рассматриваемой под разными углами зрения, одним из которых является ее понимание как методологии высшего уровня системного исследования, метатеории экономических наук, формирующей критерии и оценки теоретико-методологических исследований, а также процессы метаморфозы структуры и содержания экономических наук, ориентированных на метасистемность.

Особенностью метаэкономики как одной из ветвей экономической теории является формирование междисциплинарного знания об экономических процессах, которое возникает как симбиоз экономической науки и социологии, психологии, политологии, права, этики, религии, культуры и других общественных наук. В фокусе исследований в целом находятся проблемы взаимосвязи между экономикой, природой и обществом для достижения совместной социо-эколого-экономической устойчивости. Идею метасистемности Ф. Хайек, лауреат Нобелевской премии, сформулировал следующим образом: «Экономическую науку можно определить как метатеорию — теорию о теориях, создаваемых людьми для уяснения того, как наиболее эффективно обнаруживаются и используются различные средства для достижения всевозможных целей»[7]. Метаэкономический подход раскрывает смыслы и понятия в контексте пространственно-временного континуума. Смысл метаэкономики метко охарактеризовал Б.Л. Кузнецов, обратившись к гениальной мысли С. Есенина о том, что «большое видится на расстоянии»[8]. Другими словами, метаэкономика — это взгляд на национальное хозяйство «с высоты птичьего полета». Таким образом, метауровень экономики характеризует усиление взаимодействия, взаимозависимости и взаимовлияния различных сфер, процессов и рынков на уровне мировой экономики и актуален, как показано на рис. 1, для выбора способов достижения совместной цивилизационной социо-экономико-экологической устойчивости систем на мировом уровне. Однако методологический арсенал метаэкономического подхода ограничен в силу того, что метаэкономика еще не имеет строго очерченного предмета исследований, предусматривает интеграцию множества разнонаправленных ветвей экономических иссле-

[7] *Хайек, Ф.А. фон.* Познание, конкуренция и свобода: антология сочинений. — СПб.: Пневма, 1999. — 287 с.

[8] *Кузнецов Б.Л.* Метаэкономика: проблемы экономического будущего человечества // Известия УрГЭУ. — 2012. — № 4 (42). — С. 4–10.

дований, изучающих различные производственные и общественные отношения. Отсутствует преемственность в научной терминологии, не развиты общность подходов к определениям для раскрытия их содержания в формате единой теоретической дисциплины. Кроме того, как указывает Г.Д. Линн, метаэкономика восходит к достаточно сложным и спорным с экономической точки зрения понятиям этики и эмпатии как категорий поведенческой экономики, которые в его толковании до некоторой степени являются апологетикой «хорошего капитализма», вызывающей на сегодня острые дискуссии[9].

Возникает искушение поставить знак тождества между мета- и мегаэкономикой, однако под мегаэкономикой понимают экономику мировой системы, связанную с отдельными международными рынками и виртуальным мировым рынком, в которой взаимодействует совокупность всех национальных экономик для проведения сделок в цифровой онлайн-среде, подчиненных в свою очередь законам международного разделения труда, взаимовыгодного сотрудничества и развития межгосударственных хозяйственных связей.

Объектом мезоэкономики, или региональной науки, вызывающей живой интерес у представителей современной экономической теории и практики, является сложная экономическая система региона в целом или региональная экономическая система (РЭС), которая либо вписывается в его границы, либо представляет самостоятельное экономическое образование в рамках региона и межрегиональных взаимодействий. Заданный уровень исследований предполагает рассмотрение РЭС как открытой, динамической, диссипативной, саморегулируемой и самоорганизуемой системы, восходящей по своим характеристикам к объектам исследования в синергетике. РЭС присущи целенаправленные и незапланированные, локальные и всеобъемлющие системные изменения, актуальные в контексте теорий системной парадигмы и системной трансформации, которые, как вытекает из исследования, базируются на целом ряде дисциплин, принадлежащим разным наукам[10]. Модель системной трансформации экономики региона встроена в универсальную парадигму устойчивого развития национальной экономики и реализует принцип их единства. Очевидна тесная корреляция между названными самостоятельными экономическими моделями и векторами исследований, однако способы их экспликации, в результате которой открывается возможность их совместного рассмотрения, независимо от разнообразия входящих в них элементов и их целевых установок, являются чрезвычайно сложными задачами в контексте создания системной экономики как самостоятельной науки. Мезоэкономика, по образному выражению Г.Б. Клейнера, находится «между Сциллой и Харибдой»[11], поскольку на нее возлагается уникальная миссия — сложить единый гармоничный пазл из множественных структурных элементов нижележащего, однако играющего роль системообразующего — микроэкономического — уровня, и возвышающегося над ним общенационального макроэкономического, каждый из которых, согласно постулатам системной парадигмы, ориентирован на собственную целевую функцию. Объект, которым в данном случае является регион или РЭС, в формате системной трансформации должен представлять собой целостность, несмотря на то, что совокупность его элементов как субстанций микро- и макроэкономического уровней имеют собственные, отличающие каждый отдельный элемент цели. Важным условием является учет того факта, что структурные сдвиги как системный динамический процесс в большей или меньшей степени охватывают все структурные составляющие РЭС, которые, как отмечается в статье[12], имеют множественную классификацию. Авторы Е.Г. Русскова, В.В. Прибыльский выделяют в РЭС совокупность подсистем

---

[9] *Lynne G.D.* Metaeconomics. Tempering Excessive Greed. — N.Y., 2020.

[10] *Иванова, Т.Л., Кретова, А.В., Игуменцева, А.В.* Регион и региональная экономическая система: системно-интегративный подход // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. — 2023. — № 3 (75). — https://eee-region.ru/article/7504/.

[11] *Клейнер, Г.Б.* Мезоэкономическая одиссея: между Сциллой макроэкономики и Харибдой микроэкономики // Вопросы экономики. — 2020. — № 10. — С. 144–153. — https://kleiner.ru/pubs/mezoekonomicheskaya-odisseya-mezhdu-sczilloj-makroekonomiki-i-haribdoj-mikroekonomiki/.

[12] *Русскова Е.Г., Прибыльский В.В.* Инновационный фактор структурных сдвигов в региональной экономике // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2008. — Т. 6. — № 1, ч. 2. — С. 274. — https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyy-faktor-strukturnyh-sdvigov-v-regionalnoy-ekonomike.

на основе ряда различных критериев. Пространственная подсистема РЭС географически очерчена в пределах региона и оказывает существенное влияние на эффективное использование его экономического потенциала. Воспроизводственная подсистема включает производственную, сбытовую, инвестиционную, инновационную и др., которые сгруппированы по критерию видов экономической деятельности. Уровневая, или иерархическая подсистема, охватывает муниципальные округа и образования на разных уровнях РЭС и взаимодействие между ними. Отраслевая подсистема может быть представлена как секторная, сегментная, товарная. Условием эффективного воспроизводства в рамках РЭС является наличие сбалансированной факторной, или ресурсной, подсистемы, разновидностями которой являются технологическая, кадровая, сырьевая, транспортная и др. Их дополняет внешнеторговая подсистема, а регулирующую роль со стороны государства осуществляет формальная и неформальная институциональная структура. Значение организационно-информационной подсистемы существенно возрастает в условиях цифровизации экономики[13]. В целом авторы статьи стоят на позициях шумпетерианской теории «созидательного разрушения», рассматривая его как кумулятивную ответную реакцию на диффузию системных инноваций, в большой степени влияющих на выбор альтернативных путей стратегического развития региональной системы. Кроме Г.Б. Клейнера, последовательно развивающего «системную экономику» как мейнстрим современной экономической теории, проблемами системной парадигмы занимаются такие ученые, как Л.С. Шеховцева, которая рассматривает их, в частности, в работе «Системное развитие и устойчивость региона как основа модернизации экономики» (2020)[14]; С.Г. Кирдина-Чэндлер, которая в статье «Системная парадигма и перспективы «институционального синтеза» в экономике» (2021)[15] исследует особенности становления системной парадигмы и перспективы дальнейшего развития «институционального синтеза» в экономике.

Парадигма системной экономики как составляющая экономической теории базируется на понимании экономики в контексте синтеза процессов создания, функционирования, взаимодействия и трансформации экономических систем. Ее стержневой основой является идея, глубоко проработанная и обоснованная в трудах Г.Б. Клейнера о том, что социально-экономическое пространство национальной или региональной экономики представляет собой единую систему, состоящую из множества отдельных самостоятельных подсистем как ее элементарных кирпичиков, между актуальными событиями и явлениями которых устанавливаются логические причинно-следственные связи и зависимости, требующие углубленного исследования для моделирования происходящих в них процессов. Корни появления системной парадигмы и ее современного развития лежат в основе кризиса ортодоксальной экономической теории, о чем говорил В.М. Полтерович в 1998 году. Ученый представил эволюцию общества через взаимообусловленный процесс изменения четырех факторов, к которым относятся институты, культура, технологии, благосостояние[16], взаимодействующие в рамках трех механизмов: власти, конкуренции, сотрудничества[17]. Г.Б. Клейнер в качестве одной из причин теоретического кризиса назвал разрыв между макро- и микроэкономикой, который в настоящее время может быть преодолен благодаря развитию региональной, или мезоэкономики, — «относительно нового направления, с которым многие связывают надеж-

---

[13] *Русскова Е.Г., Прибыльский В.В.* Инновационный фактор структурных сдвигов в региональной экономике // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2008. — Т. 6. — № 1, ч. 2. — С. 274. — https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyy-faktor-strukturnyh-sdvigov-v-regionalnoy-ekonomike.

[14] *Шеховцева, Л.С.* Системное развитие и устойчивость региона как основа модернизации экономики // Креативная экономика. — 2020. — Т. 14. — № 10. — С. 2309–2330. — DOI: 10.18334/ce.14.10.110909.

[15] *Кирдина-Чэндлер, С.Г.* Системная парадигма и перспективы «институционального синтеза» в экономике // Экономическая наука современной России. — 2021. — № 3. — С. 17–32. — https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-3(94)-17-32.

[16] *Екимова, Н.А.* Поиск факторов социального развития: от монокаузальных концепций к поликаузальным // Актуальные вопросы хозяйственной практики. — 2019. — Т. 10. — № 4. — С. 6–21. — DOI: 10.17835/2078-5429.2019.10.4.006-021.

[17] *Полтерович, В.М.* К общей теории социально-экономического развития. Ч. 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. — 2018. — № 11. — С. 77–102.

ды на необходимое расширение предметной области, методологии и инструментария экономической науки»[18].

Поскольку регион в контексте системной трансформации экономики является не только ключевым звеном в единой цепочке связей пяти уровней существования экономики, но также системой, в которой сконцентрированы социальные, экономические, экологические, управленческие, институциональные, инфраструктурные подсистемы, проблемы и возможности, он представляет собой экономический уровень, способный соединить процессы, протекающие в регионе и его РЭС, с аналогичными на макроуровне экономики. С.Г. Кирдина-Чэндлер[19] задает вопрос, «почему эта парадигма слабо представлена в неоклассической ортодоксии» и, рассматривая его в контексте теории институционализма, приходит к выводу о том, что институциональный подход является междисциплинарным, а «основным предметом исследования в его рамках являются институты, или, более широко — мезоуровневые структуры, обеспечивающие целостность, воспроизводство и развитие социально-экономических систем», для которых необходима системная парадигма и опора на холистический подход[20]. Поскольку система рассматривается не как сумма составляющих ее подсистем, а как органичное целое, имеющее общую цель (целевую функцию), определенную наблюдателем, то необходимо формирование особой методологии ее парадигмы. В основе методологии лежат, по мнению С.Г. Кирдиной-Чэндлер, постулаты не естественнонаучных подходов, а в большой степени социальных и гуманитарных наук, определяемые мировоззренческими установками и поведением действующего в обществе экономического субъекта. Холистический подход, актуальный с точки зрения обеспечения целостности и интегративности системы, восходит к принципам системной парадигмы и пониманию, по сути, математического условия, согласно которому структурные связи и свойства исследуемой системы в системной парадигме не сводятся к характеристикам входящих в нее элементов и не выводятся из них, однако предполагают исследование методов и механизмов, способных обеспечить целостность системы и ее целевую функцию. Автор справедливо утверждает, что в современной эволюционной системной парадигме, объединяющей теоретические основы синергетики и неравновесной динамики, «порядок, равновесие и устойчивость систем достигаются постоянными динамическими неравновесными процессами»[21], однако этот факт не учитывается в современной экономической теории. В данной научной работе С.Г. Кирдина-Чэндлер обращается к исследованиям Я. Корнаи (2002), трем работам Г.Б. Клейнера (2004; 2013; 2021), В.И. Маевского (2007), Р.Н. Евстигнеева и Л.П. Евстигнеевой (2007), В.М. Полтеровича (2011), А.А. Никифорова (2014), А.М. Орехова (2018) и ряду других, на основании которых заключает, что в базисе системной трансформации экономики лежит гетеродоксальная концепция, исходящая из исторической, социокультурной, географической обусловленности развития экономики.

Подходы к формированию системной парадигмы РЭС представлены на рис. 2 сквозь призму моделирования и оценки ее стратегической системной устойчивости (ССУ) и механизма стратегического планирования и управления ею. Стратегическая системная устойчивость является стержнем УР региона и фундаментальной основой системной макротрансформации.

Взаимосвязь между микро-, мезо- и макроэкономическими трансформациями в национальной экономике порождает синергетический эффект, проявляющийся в прогрессивных структурных сдвигах на всех иерархических уровнях экономики. Институциональная составляющая как одна из наиболее важных в системной парадигме региона оказывает значительное влияние на качество стратегического планирования и управления системной трансформацией РЭС, а также на системность в процессе реализации механизмов устойчивого развития региона как платформы общенационального экономического роста. Систематизация и унификация нормативного и правового, информационного и цифрового обеспечения процессов

[18] *Клейнер, Г.Б.* Системная экономика: шаги развития: монография / предисловие академика В.Л. Макарова. — 2021. — 746 с.

[19] *Кирдина-Чэндлер, С.Г.* Системная парадигма и перспективы «институционального синтеза» в экономике // Экономическая наука современной России. — 2021. — № 3. — С. 17–18. — https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-3(94)-17-32.

[20] Там же.

[21] Там же.

системной трансформации позволяют повысить уровень принятия стратегических решений, осуществить выполнение стратегических программ развития экономики и обеспечить выполнение их стратегических установок.

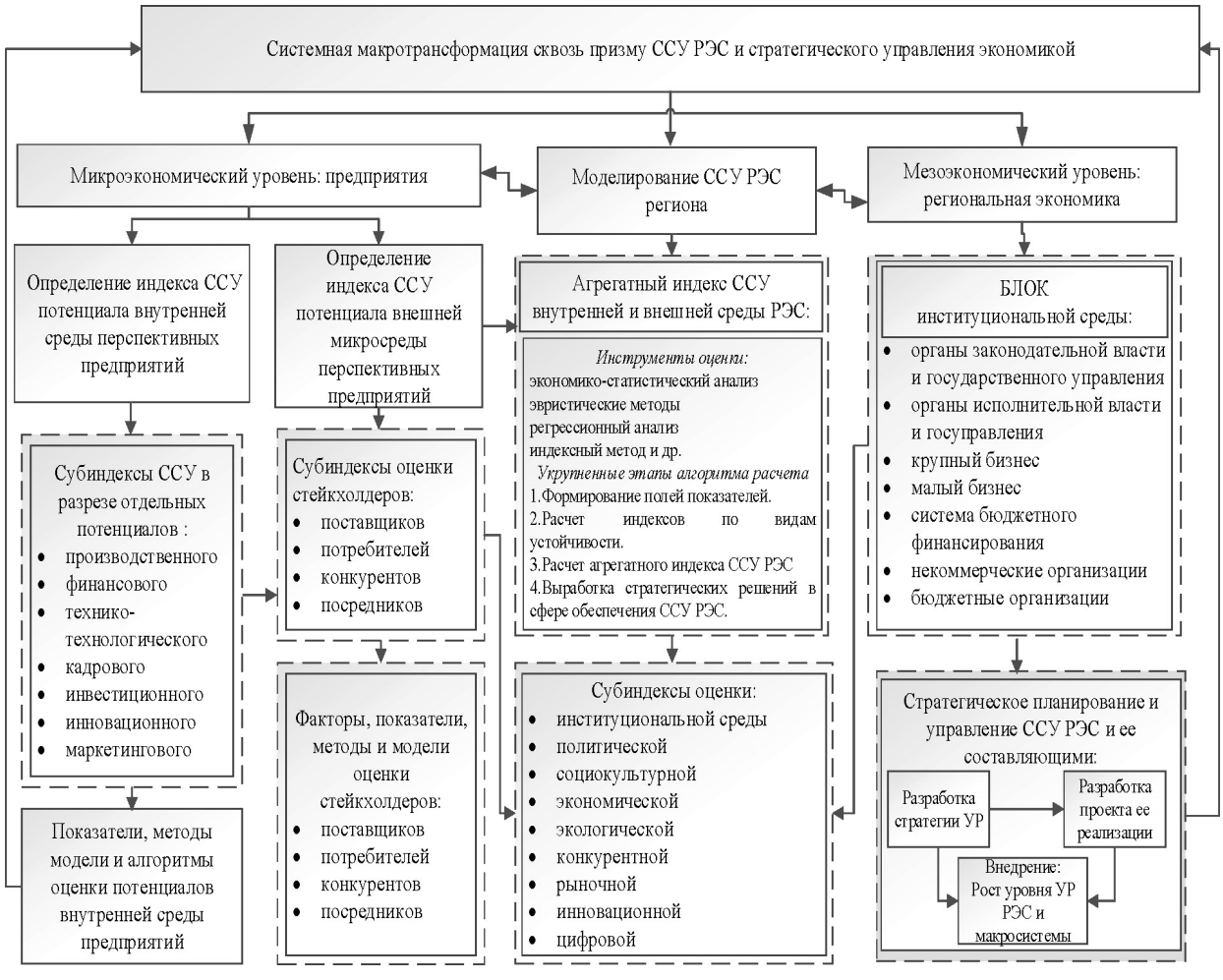


Рис. 2. Системная парадигма РЭС
как основа системной макротрансформации и стратегического управления УР экономики

Разработка и расчет системных измерителей, индексов и индикаторов оценки состояния микро-, мезо- и макросреды региональной экономической системы или региона в целом необходимы для составления прогнозов, моделирования и определения воспроизводственных, общественных, системных, интеграционных эффектов, а также экономической эффективности функционирования и развития национальной экономики в целом.

Выводы

Системность развития РЭС как условие макроэкономического роста проявляется в многомерности и оптимальности управленческих решений, учитывающих особенности и цели их разных элементов и подсистем, упорядочении этапов и логики принятия решений, от которых зависит системная стратегическая устойчивость экономических структур на всех их иерархических уровнях. Принятие стратегических решений в рамках системной парадигмы является отправной точкой достижения текущих и долгосрочных целей, удовлетворения разносторонних запросов населения и стейкхолдеров как активных участников процессов региональных системных трансформаций. Интегративное осуществление функций основных подсистем региона, к которым относятся социальная, экономическая, экологическая, экономическая, управленческая, институциональная, инфраструктурная, инновационно-инвестиционная, создает благоприятные предпосылки для глобальной выживаемости национальной экономики.

Системная трансформация на уровне региональной и национальной экономики, осуществляемая в рамках системной парадигмы, представляет собой инновационно развивающееся направление, способное противодействовать негативным глобальным и локальным структурным сдвигам, происходящим в экономике и обществе, противостоять разрушительным геополитическим катаклизмам, несущим угрозы экономической и национальной безопасности страны. Использование системной парадигмы в конечном счете направлено на обеспечение устойчивого и конкурентоспособного положения как отдельных РЭС, так и макросистемы в целом. Однако для того чтобы системная экономика, включающая системную парадигму и системную трансформацию, оформилась в законченное научное направление, необходима глубокая проработка ее методологических основ в контексте междисциплинарного синтеза. Необходимо воплощение в нем теорий, методов, моделей тех наук, применение инструментального аппарата которых способно обеспечить получение нового знания и его высокопродуктивное использование на практике.

Ким О.Л.[1]
д.э.н., профессор,
зав. Кафедрой государственного и муниципального управления Экономического факультета,
Ленинградский государственный университет, г. Пушкин
o.kim@lengu.ru
Евлампиева Е.В.
к.полит.н., доцент,
доцент Кафедры государственного и муниципального управления Экономического факультета,
Ленинградский государственный университет, г. Пушкин
katrinns@yandex.ru

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Ключевые слова: устойчивое развитие, ESG-рейтинг, оценка устойчивого развития, рейтинг ЭКГ-регион, критерии оценки устойчивого развития, регион.
Key words: sustainable development, ESG rating, sustainable development assessment, ECG-region rating, sustainable development assessment criteria, region.

Геополитическое взаимодействие современных государств определяет возрастающую роль технологического развития как в мировой экономике, так и в обеспечении экономической безопасности на национальном уровне. Новый технологический уклад выдвигает на передний план отрасли, в которых решающую роль играют наукоемкие и междисциплинарные технологии. Особую актуальность для России в данном контексте приобретает технологический суверенитет, который становится важнейшим условием экономической и политической независимости государства.

Концепция технологического суверенитета включает в себя обеспечение национальной безопасности, экономической независимости и конкурентоспособности страны на международном уровне[2]. Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении на Петербургском международном экономическом форуме в 2023 г. связал достижение настоящего технологического суверенитета с созданием целостной системы экономического развития,

[1] Профессиональные интересы и тематические направления: государственное и муниципальное управление, устойчивое развитие, опорные населенные пункты, стратегическое развитие, региональное развитие и цифровая экономика.

[2] *Петров М.Н., Филиппов Я.С.* Технологический суверенитет: основные принципы концепции национальной научно-технологической безопасности // Вопросы инновационной экономики. — 2023. — Т. 13. — № 3. — С. 1187.

которая по критически важным составляющим не зависит от иностранных институтов. «Нам важно не только отстаивать свой политический суверенитет, национальную идентичность, но и укреплять всё то, что определяет экономическую самостоятельность страны, её финансовую, кадровую, технологическую самостоятельность и независимость...сквозной принцип развития России — достижение технологического суверенитета, независимо от иностранных институтов»[3]. В декабре 2024 г. принят Федеральный закон о «О технологической политике в Российской Федерации»[4], разработанный по поручению Президента РФ, который становится ориентиром обеспечения технологического суверенитета страны, создания условия для ускоренной разработки и внедрения технологических инноваций для решения социально-экономических задач и перехода к технологическому обеспечению устойчивого развития. В Российской Федерации для обеспечения устойчивого экономического и социального развития государства приняты национальные цели развития на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.[5], ставшие ориентиром для функционирования всех структурных элементов российского государства, в том числе в условиях технологического суверенитета. Термин «устойчивое развитие» означает систему изменений в окружающей среде в условиях эксплуатации природных ресурсов, научно-технического прогресса, направленных на укрепление экологического равновесия в рамках деятельности человека[6]. Разработана система измерения по трем векторам развития: влияние на окружающую среду, действия для решения социальных задач и эффективное управление самой организацией (ESG-критерии, от англ. Environmental, Social, Governance). Развитие ESG-подхода, предложенного ООН, представляет собой попытку трансформации философии устойчивого развития в практические инструменты корпоративного управления и инвестиционного анализа[7]. Необходимо отметить, что развитие инфраструктуры российского ESG-оценивания стало естественным процессом развития исследований в области устойчивости, ставшим ответом на утверждение национальных целей развития. В 2023 г. Банк России выпустил Модельную методологию ESG рейтингов[8]. Многие российские рейтинговые агентства (АКРА, НРА, «Эксперт РА») разрабатывают новые методологии, вносят изменения в свои исследования с учетом практики и изменений в сфере устойчивого развития[9].

В 2025 г. агентство RAEX[10] на Петербургском международном экономическом форуме[11] представило новый проект рейтинга ЭКГ-регион (рис. 1), оценивающего достижение субъектами РФ национальных целей устойчивого развития. Всего выделено 17 объективных показателей (метрик), которые сгруппированы в три блока: Э, К и Г («Экология», «Кадры», «Государство»).

---

[3] Президент России. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума, 2023. — http:// www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/71445

[4] Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». — http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280025

[5] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». — http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015.

[6] *Бабкин А.В., Мерзликина Г.С.* Устойчивое развитие экономических систем: эссенциальное содержание и критерии оценки // Экономика и управление. — 2025. — Т. 31. — № 7. — С. 834–853. — DOI.org/10.35854/1998-1627-2025-7-834-853.

[7] *Хамукова Ж.П., Мержо М.Ш.* ESG как методология устойчивого развития регионов: структура, стандарты и институциональная интеграция // Региональная и отраслевая экономика. — 2025. — № 5. — С. 63–69. — DOI: 10.47576/2949-1916.2025.5.5.007.

[8] Модельная методология ESG рейтингов. Доклад для общественных консультаций. — М., 2023. — http:// www.cbr.ru/Content/Document/File/144085/Consultation_Paper_17012023.df.

[9] Официальный сайт рейтингового агентства «Эксперт-РВ». — https://raexpert.ru/; Официальный сайт Национального рейтингового агентства. — https://www.ra-national.ru/; Официальный сайт Рейтингового агентства АКРА. — https://www.acra-ratings.ru/.

[10] Официальный сайт рейтингового агентства «RAEX». — https://raex-rr.com/.

[11] RAEX опубликовало рейтинг ЭКГ-регион. — https://raex-rr.com/news/press-reliz/EKG-region_2025/.

Рис. 1. Модель рейтинга ЭКГ-регион
Составлено авторами на основе источника https://raex-rr.com/news/press-reliz/EKG-region_2025/.

Удельный вес в интегральной оценке блоков Э, К и Г составляет соответственно 20%, 40% и 40%. ЭКГ-рейтинг становится новой основой для адаптации ESG-подхода к новым реалиям и потребностям российского государства. Проведен рейтинг ЭКГ-регион по всем Федеральным округам, в том числе Северо-Западного федерального округа. По данным анализа, регионом-лидером по устойчивому развитию стала в Северо-западном федеральном округе Ленинградская область. Ленинградская область заняла шестое место в России и первое — на Северо-Западе по направлению реализации национальных целей развития страны[12]. В рамках рейтинга ЭКГ-регион проведена оценка соответствия регионов целям устойчивого развития в области охраны окружающей среды, роста качества жизни и доходов населения, государственного управления, кадрового обеспечения, бюджетной эффективности и функционирования инвестиционного климата. Несомненно, Ленинградская область занимает одно из ведущих мест среди субъектов Российской Федерации по уровню промышленного производства, инвестиционной активности, инфраструктурному развитию. Вместе с тем, регион сталкивается с рядом вызовов, включая неравномерность развития территорий, дефицит трудовых ресурсов, экологические проблемы и необходимость модернизации социальной сферы. Эти обстоятельства обусловливают необходимость комплексного анализа и поиска путей совершенствования государственного управления социально-экономическим развитием региона.

Представляется актуальным введение нового дополнительного критерия в систему рейтинг ЭКГ-регион — «Технологии» (Technologies), включающий в себя цифровизацию и новые технологии, электронные возможности предоставления государственных услуг и документооборота, внедрение интеллектуальных систем ЖКХ, телемедицины (рис. 2).

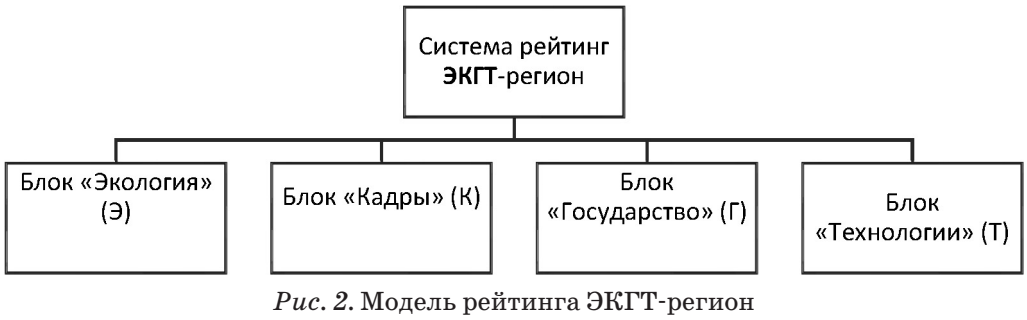


Рис. 2. Модель рейтинга ЭКГТ-регион
Составлено авторами на основе источника https://raex-rr.com/news/press-reliz/EKG-region_2025/.

Система рейтинга ЭКГТ-регион подхода может стать современным эффективным показателем устойчивого развития экономических региональных систем. В условиях стремительной цифровизации и повышения конкуренции между регионами за инвестиции, внедрение современных технологий должно стать одним из стратегических приоритетов регионального управления в условиях формирования нового технологического уклада на национальном и глобальном уровне.

[12] Топ-10 лидеров рейтинга ЭКГ-регион на федеральном уровне (2025 г.). — https://raex-rr.com/ESG/regions/EKG-region/2025/.

Выводы

В системе государственного и регионального экономического взаимодействия формирование технологического суверенитета предполагает кардинальные изменения, выдвигая на первый план ускорение технологической модернизации для экономик различных уровней. Влияние новых технологий на функционирование региональных экономических систем является первостепенным для формирования долгосрочной стратегии устойчивого развития страны. В современных условиях динамичного технологического развития возникает необходимость модернизации российской экономики, ее внутренней и внешней политики, определения новых точек роста и путей развития.

Кривелевич М.Е.
к.э.н.,
руководитель Приморской лаборатории Института экономических исследований ДВО РАН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ «ПОВОРОТА НА ВОСТОК» И ПОВЫШЕНИЕ ОТДАЧИ ОТ ИНВЕСТИЦИЙ В РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Ключевые слова: ДФО, экономическое развитие, Поворот на Восток, стратегические цели.
Key words: Russian Far East, economic development, Turn East policy, strategic development goals.

Поворот на Восток, стратегически необходимый российской экономике, тем не менее не начался по-настоящему, пока его не вызвали к жизни европейские санкции. Так в 2022 году перевозки грузов всеми видами транспорта на европейском направлении снизились на 62%[1]. В Дальневосточном федеральном округе (ДФО), напротив, активизировались как существующие трансграничные перевозки, так и инвестиционная активность в области транспорта, сегодня только в формате государственно-частного партнерства реализуется уже 16 проектов с совокупным объемом инвестиций 223,0 млрд рублей[2]. Чрезмерная в текущей политической ситуации зависимость от движения товаров и капитала в западном направлении вдруг стала очевидной, как стали очевидными и «ножницы» российского взаимодействия с азиатскими партнерами, когда стабильный рост и высокий достигнутый уровень политического сотрудничества соседствовал с развитием экономического и, прежде всего, инвестиционного сотрудничества по остаточному принципу.

При этом экспертами отмечалось, что не создана полнофункциональная организационно-управленческая база для реализации восточного вектора российской политики[3], так что несмотря на отдельные успехи взаимодействия в рамках Территорий опережающего развития (далее ТОР) и Свободного порта Владивосток (СПВ), наша страна и государства Азиатско-тихоокеанского региона (АТР) и Юго-Восточной Азии (ЮВА) все еще представляли свое экономическое взаимодействие в основном в рамках развития внешней торговли.

---

[1] *Тураева, М.О.* Грузовой транспорт России: некоторые итоги 2022 года // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2023. — № 3. — С. 45–63. — DOI: 10.52180/2073-6487_2023_3_45_63.

[2] *Бардаль, А.Б.* Государственная поддержка развития транспорта на современном этапе: влияние на транспортный комплекс Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. — 2024. — № 2 (107). — С. 26–35. — DOI 10.22394/1818-4049-2024-107-2-26-35.

[3] *Торкунов, А.В.* Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски / А.В. Торкунов, Д.В. Стрельцов // Мировая экономика и международные отношения. — 2023. — Т. 67. — № 4. — С. 5–16. — DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16.

Едва ли следует ожидать, что экономическое сотрудничество с дружественными странами АТР и СВА будет развиваться самостоятельно без целенаправленной государственной поддержки, так как будто санкционных рисков не существует. Даже Вьетнам — наиболее лояльное к нам государство региона — вынужден взвешивать соответствующие риски[4]. При этом экономисты отмечают сохраняющуюся избыточность барьеров в торговле с государствами АТР[5], которая не согласуется с политическими декларациями о максимальном благоприятствовании такому сотрудничеству.

Есть у рассматриваемой проблемы и региональный аспект. Российские регионы, желающие защитить себя от политической и экономической волатильности, должны выстроить систему целей устойчивого развития[6], включающую в себя как интегральный компонент и ESG-цели, принятые на вооружение нашими азиатскими партнерами. На прошедшей в сентябре 2025 г. совместной конференции Института экономических исследований ДВО РАН и Korea Institute for International Economic Policy (KIEP), посвященной новой парадигме российско-корейского сотрудничества[7], корейские коллеги отмечали, что для крупных корейских корпораций и для компаний с государственным участием в капитале сегодня невозможно согласовать сколько-нибудь значительные инвестиции в зарубежный проект не имеющий ESG-оценки.

То, есть настоящая проблема, препятствующая наращиванию инвестиций — это не статус «недружественного» государства и не антироссийские санкции, а несопряжённые подходы к социально-экономической эффективности проектов. Для эффективного обхода санкций на инвестиционном треке существует специальный административно-налоговый режим САР о. Русский[8], который уже доказал свою эффективность, предоставляя резидентам как анонимность бенефициаров, так и беспрецедентные налоговые льготы и возможность вывода операций из-под отечественного валютного контроля. К началу 2025 года в САР о. Русский уже были зарегистрированы 109 участников, которые по состоянию на конец 2024 года осуществили более 5,7 млрд рублей инвестиций[9].

Какую цель государство видит в развитии своего Дальнего Востока (ДВФО) и как эта цель сопрягается с векторами развития близлежащих стран можно увидеть из анализа документов стратегического развития и из отчетов, соответствующих государственных институтов, которым поручено развивать регион. Основным из упомянутых выше стратегических документов остается «Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года»[10], в которой ключевое внимание уделено объему привлекаемых частных инвестиций и количеству вновь созданных рабочих мест. Если мы посмотрим на те достижения СПВ, которые представлены на сайте ключевого института развития региона — АО «КРДВ», то увидим: зарегистрированы 1 953 резидента СПВ, созданы 114 154 рабочих места, инвестировано 1 876 млрд рублей[11].

---

[4] *Тураева, М.О.* Российско-вьетнамское экономическое сотрудничество в новых условиях / М.О. Тураева, А.А. Яковлев // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2023. — № 1 (58). — С. 165–171. — DOI: 10.31737/22212264_2023_1_165.

[5] *Изотов, Д.А.* Торговля России со странами Восточной Азии: сравнительные издержки и потенциал // Пространственная экономика. — 2022. — Т. 18. — № 3. — С. 17–41. — DOI: 10.14530/se.2022.3.017-041.

[6] *Замятина, М.Ф.* Проблемы и перспективы устойчивого развития российских регионов в контексте геополитической турбулентности // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. — 2023. — № 1 (72). — С.27–39. — DOI: 10.52897/2411-4588-2023-1-27-39.

[7] Events / Korea Institute for International Economic Policy. — https://www.kiep.go.kr/board.es?mid=a20401000000&bid=0051.

[8] Специальный административный район (САР на острове Русский) / Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. — https://erdc.ru/about-sar/.

[9] Сводная информация об участниках САР / Ежегодный отчёт САР «Остров Русский». — 2024. — https://erdc.ru/upload/iblock/09b/pdu7a6m1pdri78bd1pxrd2szfyduixum/Otchet-upravlyayushchey-kompanii-SAR-za-2024-god.pdf.

[10] «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года» Распоряжение Правительства РФ от 24.09.2020 N 2464-р (ред. от 29.11.2023). — .http://static.government.ru/media/files/NAlSPJ8QMRZUPd9LIMWJoeVhn1l6eGqD.pdf.

[11] Свободный порт Владивосток / Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. — https://erdc.ru/about-spv/.

То, что целеполагание определяет результат, не требует отдельного доказывания. И сегодня уместно задать вопрос: если мы измеряем успешность развития региона количеством «закопанных в землю» инвестиций и количеством новых рабочих мест, можем ли мы рассчитывать, что ответом на это станет создание современных, высокопроизводительных и высокотехнологичных производств, не говоря уже о создании комфортной социально-экономической ситуации в регионе? Чем выше уровень автоматизации производства, тем меньше потребуется работников для выпуска заданного объема товаров или оказания определенного объема услуг. Чем больше отношение генерируемого проектом финансового результата к требуемым инвестициям, тем привлекательнее проект для потенциального инвестора. Но, государство по-прежнему ставит в качестве цели максимизацию инвестиций и создание многочисленных, а значит, низкоквалифицированных и низкооплачиваемых рабочих мест.

Аналогичную проблему видят и наши коллеги из Сибирского региона, призывающие государство уделять больше внимания наукоемким и интеграционным проектам[12]. Еще одним следствием применяемого подхода становится перенос в ДФО устаревших и малоэффективных производств в интересах компаний из северных районов КНР. При этом чрезмерная ориентация на сотрудничество с КНР может иметь долгосрочные негативные последствия в виду усиливающегося дисбаланса экономических потенциалов[13]. Это особенно важно в условиях, когда ДВФО и сопредельные территории СВА, по сути, формируют отдельный мезорегион[14], а социальные демографические проблемы регионов ДФО тормозят инвестиционное взаимодействие даже с КНР[15].

Оттолкнувшись от вышеизложенного, можно предложить следующие подходы к повышению социально-экономической эффективности «Поворота на Восток» и повышению отдачи от государственных инвестиций в развитие Дальнего Востока:

— отказ от целеполагания XX века, то есть максимизации инвестиций и заявленного количества рабочих мест к целеполаганию XXI века, то есть максимизации эффективности производства и производительности каждого рабочего места;

— создание системы стимулов для постоянного повышения оплаты труда, не только через налоговые льготы, но и через вовлечение государства в качестве третьей стороны — гаранта — в совместные проекты российских компаний с наиболее инновационными корпорациями АТР и СВА. Перенос на территорию ДФО не тех производств, которые уже безнадежно устарели по азиатским меркам, а тех, которые являются пилотными проектами;

— развитие системы мониторинга реализации проектов с открытым доступом, которая позволит азиатским инвесторам убедиться, что государственная поддержка инвестиций в ДФО существует в реальности, а не на уровне деклараций. Те, кто полагает, что у потенциальных инвесторов из АТР и СВА нет причин в этом сомневаться, могут ознакомиться с историей строительства в Приморском крае завода «Hyundai Heavy Industries»[16] и отелей «Hyatt Hotels»[17];

---

[12] *Ерохина, Е.А.* «Поворот на Восток» и тренды современного регионального развития: сибирский вектор // Society and Security Insights. — 2022. — Т. 5. — № 3. — С. 13–25. — DOI 10.14258/ssi(2022)3-01.

[13] *Лузянин, С.Г.* Дальневосточное измерение российского поворота на Восток. Закроет ли Китай санкционные «бреши» России? // Азия и Африка сегодня. — 2022. — № 6. — С. 5–14. — DOI 10.31857/S032150750020426-0.

[14] *Кривелевич, М.Е.* Мезорегионы: проблемы партнерства и столкновения цивилизаций на примере российского Дальнего Востока / М.Е. Кривелевич, В.А. Лазарев, В.А. Останин // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. — 2025. — Т. 27. — № 1. — С. 27–38. — DOI 10.15688/ek.jvolsu.2025.1.3.

[15] *Бризицкая, А.В.* Оценка инвестиционной привлекательности дальневосточных регионов России для китайских инвесторов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. — 2025. — Т. 17. — № 2. — С. 32–46. — DOI 10.63973/2949-1258/2025-2/032-046.

[16] Построенный к саммиту АТЭС завод «Хендэ Электросистемы» в Приморье нашел нового владельца // Информационный портал «ПримаМедиа». — https://primamedia.ru/news/616066/.

[17] 12 лет спустя: скандально известный «Хаятт» во Владивостоке почти готов к открытию — что там есть и сколько стоит // Информационный портал «ПримаМедиа». — https://primamedia.ru/news/1342028/?ysclid=mi3zlew1wt858069932.

— переход от экстенсивного к интенсивному развитию транспортной инфраструктуры: создание порта-хаба, развитие мультимодальных транспортно-логистических комплексов и «сухих портов» для движения транзитных грузов, в том числе в направлении ввоза грузов по железной дороге из северных районов КНР с последующей перегрузкой на морские суда;
— сопряжение экологических и социальных стандартов развития региона с теми стандартами, которые внедряются передовыми государствами АТР и постановка во главу угла роста человеческого капитала региона.

Предлагаемые подходы направлены не просто на увеличение темпов экономического роста, а на формирование комплексной, современной и привлекательной для инвесторов и граждан социально-экономической экосистемы ДФО, такой, которая сможет во всех смыслах окупить государственные инвестиции и государственную поддержку развития региона.

Леонов С.Н.
д.э.н., профессор,
в.н.с. Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск
Leonov@ecrin.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ И ПРОМЫШЛЕННЫХ ЛОКАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В СТРАНАХ ЕС

Ключевые слова: сельские локальные территории, промышленные локальные территории, пространственное развитие, Европейский Союз.
Key words: rural local areas, industrial local areas, spatial development, European Union.

Для большинства стран вопрос о регулировании пространственного развития в рамках локальных территорий имеет особую значимость. Именно здесь, на низшем уровне территориальной иерархии, создаются экономические параметры валового регионального продукта, формируется социальная среда проживания населения.

В работе под «локальной территорией» понимается совокупность муниципалитетов, имеющих схожую специализацию отраслей (кооперацию производств) и, зачастую, однотипную систему расселения, к которым применяются схожие методы реализации региональной политики. В зависимости от преобладающих видов деятельности, локальные территории имеют или промышленную, или сельскохозяйственную специализацию.

В качестве «носителей» зарубежного опыта в работе рассматриваются страны Европейского Союза (ЕС)[1], где региональная проблематика занимает значительное место в деятельности правительств и, соответственно, сформировался значительный интересующий нас информационный массив.

Исторически сложившиеся в странах ЕС подходы к развитию локальных промышленных и сельских территорий имеют как общие черты, так и отличия.

При этом акцентируем два момента — роль муниципалитетов и взаимосвязь отраслевой и региональной политики.

[1] Страны, входящие в Европейский Союз (год присоединения/член ЕС): 1958 (Бельгия, Люксембург, Италия, Германия, Франция, Нидерланды); 1973 (Великобритания (вышла из ЕС в 2020 г.), Дания, Ирландия); 1981 — Греция; 1986 (Испания, Португалия); 1995 (Австрия, Швеция, Финляндия); 2004 (Венгрия, Кипр, Литва, Латвия, Мальта, Польша, Чехия, Словакия, Эстония, Словения); 2007 (Румыния, Болгария); 2013 — Хорватия.

Во-первых, муниципалитеты являются ключевыми субъектами реализации региональной «политики сплочения» ЕС[2]. Их деятельность включает получение финансирования из фондов ЕС, разработку местных стратегий, партнерство с региональными и национальными властями, а также взаимодействие с местными сообществами и бизнесом для достижения целей политики.

Во-вторых, следует учитывать «временной лаг» в анализе организации региональной политики в отношении локальных территорий за рубежом. Если региональная политика развития промышленных территорий и отраслевая промышленная политики уже в годы Великой депрессии (1929–1933 гг.) обособились в самостоятельные виды политики[3], то процесс развития сельских территорий лишь относительно недавно (30–40 лет назад) стал формироваться в самостоятельный вид политики, отличный от политики поддержки отраслей сельского хозяйства[4]. Это четко фиксируется в процессе реализации Единой сельскохозяйственной политики ЕС.

С учетом отмеченных моментов рассмотрим особенности формирования региональной политики в отношении локальных сельских территорий и сравним их с особенностями реализации региональной политики в части промышленных регионов.

Постулированная в работе цель достигнута с использованием обзорно-аналитических методов, включавших периодизацию планов и результатов осуществления программных мероприятий; обобщение аналитических отчетов и результатов теоретических исследований по данной тематике; анализ официальных документов ЕС в части развития локальных сельскохозяйственных и промышленных территорий. Период исследования охватывал 1960–2020-е гг. Анализируемые данные включали вторичные данные государственной и ведомственной статистики, нормативные и аналитические документы официальных отчётов.

Результаты

Регулирование развития сельских территорий

Интерес к опыту государственного регулирования локальных сельских территорий в Евросоюзе объясняется тем, что сельские муниципалитеты охватывают более 80% площади ЕС, здесь проживает четверть населения Союза.

В рамках политики ЕС концепция сельского развития применяется с начала создания Союза и постоянно эволюционирует, отличаясь двойственностью (дихотомией) между отраслевым и территориальным подходом. Подобное «противостояние» отраслевого и территориального подхода к развитию сельского хозяйства достаточно хорошо описано в литературе[5].

В отраслевой модели внимание концентрируется на сельском хозяйстве. Цели государственной политики поддержки сельского хозяйства при этом заключаются в усилении конкурентоспособности производственных структур, особенно путем увеличения размеров производства. Движущей силой этой модели является «профессиональное» сельскохозяйственное предприятие[6].

Изначально политика господдержки отраслей сельского хозяйства и сельских территорий, реализующаяся с 1962 г. в ЕС в рамках Единой сельскохозяйственной политики (Common

---

[2] *Bryden J.M., Mantino F.* Rural policy in Europe. — 2017.

[3] *Барабаш Е.С., Леонов С.Н.* Проблемы и механизмы реализации региональной политики. — М.: Русайнс, 2016. — 160 с.; *Уткин Э., Денисов А.* Государственное и региональное управление. — М.: ЭКМОС, 2002. — 320 с.

[4] *Cairol D., Coudel E., Knickel K., Caron P., Kröger M.* Multifunctionality of Agriculture and Rural Areas as Reflected in Policies: The Importance and Relevance of the Territorial View // Journal of Environmental Policy and Planning. — 2009. — Vol. 11. — No 4. — P. 269–289.

[5] *Saraceno E.* Rural development policies and the second pillar of the common agricultural policy // Policy vision for sustainable rural economies in an enlarged Europe. — 2003; *Мантино Ф.* Сельское развитие в Европе. Политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней. — 2010. Совместное издание Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН и Business Media of the Sole 24 Ore.

[6] *Bryden J.M., Mantino F.* Rural policy in Europe. — 2017.

Agricultural Policy, — CAP) акцентировалась именно на поддержке развития отраслей агропромышленного комплекса и функционировании фермерских хозяйств, которые в совокупности формировали так называемый первый компонент CAP (First Pillar). Что касается вопросов развития сельских территорий, то в это время они были «зашиты» в рамки первого компонента CAP и финансировались по остаточному принципу.

Со второй половины 1980-х годов в политике Сообщества появляется общая законодательная база и единые подходы к разработке концепции локального развития. Местное сельское развитие начинает характеризоваться подходом «снизу вверх», предполагающим участие трех основных элементов, а именно: территориальной, а не отраслевой ориентации политики, акцент на региональных масштабах и ориентацию на местные ресурсы, которые используются для максимизации выгод развития в пределах локальных территорий[7].

Ниже мы покажем, что в это время сельские территории начали диверсифицировать свое экономическое развитие и фактически отказались от центральной роли, которую сельскохозяйственное производство играло в них в прежние времена и которую ранее использовали как стартовые модели для политики развития сельских территорий[8].

Дальнейшее совершенствование реформ в ЕС связано с принятием в 1999 г. программы «Повестка дня 2000». Основные аспекты «Повестки дня 2000» включали мероприятия по разделу финансирования отраслей АПК и непосредственного развития сельских территорий; усилению функций местных сообществ, в процесс управления стали активно вовлекаться административные уровни более низкого порядка (местные сообщества и отдельные коммуны)[9]. Главным результатом явилось то, что с 2000 г. в политике CAP в качестве самостоятельного компонента финансирования стала выделяться политика развития сельских районов (Second Pillar).

Современная Единая сельскохозяйственная политика ЕС учитывает шесть базовых приоритетов, закрепленных в Регламенте Европейского Союза[10]. Основными базовыми приоритетами CAP ЕС декларируются:

— содействие передаче знаний и инновациям в сельском хозяйстве и сельских районах;
— стимулирование конкурентоспособности и жизнеспособности фермерских хозяйств;
— содействие организации продовольственных цепочек и управлению рисками в сельском хозяйстве;
— сохранение и улучшение экосистем, зависящих от сельского и лесного хозяйства;
— содействие ресурсной эффективности и поддержка перехода к низкоуглеродной и климатически устойчивой экономике в сельском и лесном хозяйстве;
— содействие социальной интеграции, сокращению бедности в сельских районах.

В 2010 г. с внедрением новой стратегии «Европа-2020», акцент на совершенствование форм многоуровневого управления, превратился в ключевой момент функционирования политики развития сельских локальных территорий, что привело к стимулированию возникновения различных видов партнерств (местные партнерства, проектные комитеты, различные организации совместного действия членов сообществ). Стратегия «Европа 2020» послужила основой для новой стратегии «Европа 2030», разрабатываемой в настоящее время[11].

Наряду с ростом активности местных сообществ в настоящее время усиливаются финансовые возможности поддержки регионального развития. Государства-члены ЕС получают воз-

---

[7] *Johansson J., Holmquist M.* LEADER and rural development policy — What's the problem represented to be? // Journal of Rural Studies. — 2024. — No 4.

[8] *Saraceno E.* Rural development policies and the second pillar of the common agricultural policy // Policy vision for sustainable rural economies in an enlarged Europe. — 2003.

[9] European Regional Policy, an inspiration for Countries outside the EU? Applying the principles, sharing the lessons, exchanging experience. — https://ec.europa.eu/regional_policy/en/information/publications/brochures/2009/european-regional-policy-an-inspiration-for-countries-outside-the-eu-applying-the-principles-sharing-the-lessons-exchanging-experience.

[10] Regulation (EU) No 1305/2013 of The European Parliament And of The Council of 17 December 2013 on Support for Rural Development by the European Agricultural Fund for Rural Development (EAFRD) and Repealing Council Regulation (EC) No 1698/2005.

[11] The next chapter for the CAP. — https://agriculture.ec.europa.eu/media/news/next-chapter-cap-2025-07-17_en.

можность переводить часть средств, полученных от ЕС на финансирование первой, отраслевой компоненты (First Pillar), в пользу второй, территориальной компоненты (Second Pillar), направленной на непосредственную поддержку развития сельских территорий.

Многофункциональность, индустриализация и сельская урбанизация

Важной особенностью поддержки сельских локальных территорий в последние десятилетия становится акцент на многофункциональность фермерских хозяйств, что является результатом роста производительности труда, механизации трудовых процессов в сельском хозяйстве и, как следствие, — сокращения занятых непосредственно в сельскохозяйственном производстве.

Выше мы упоминали, что сельские территории оказались способными диверсифицировать свое экономическое развитие и фактически отказаться от центральной роли, которую сельское производство играло в них в прежние времена. Существующие оценки показывают, что, например, в странах Латинской Америки 39% сельской рабочей силы в настоящее время занято в несельскохозяйственных видах деятельности, из которых 21% — в обрабатывающей промышленности и 77% — в сфере услуг[12].

В Китае развитие сельского хозяйства, рост его техновооруженности также привел к росту производительности труда и высвобождению рабочей силы, показав, что сельские локальные территории не могут развиваться только за счет отраслей растениеводства или животноводства. Сельская индустриализация 1990-х гг. породила в КНР новое явление — сельскую урбанизацию[13], когда концентрация производства в сельских промышленных центрах привела к формированию на их основе малых городов, специализирующихся на переработке сельскохозяйственной продукции, изготовлении товаров массового потребления, стройматериалов или малогабаритной техники.

Дальнейшие перспективы развития сельских территорий в ЕС связаны с разрабатываемой Европейской комиссией новой стратегией «Европа 2030»[14], основой которой является внимание к оценке эффективности рационального управления. Главный акцент касается перехода от контроля, основанного на соблюдении требований, к контролю, базирующемуся на достижении эффективной реализации принимаемых решений[15].

Особенности господдержки локальных промышленных территорий

Регулирование развития локальных промышленных территорий в ЕС имеет как общие черты, так и свою специфику в сравнении со стимулированием развития сельских регионов.

Особенности, характеризующие состояние локальных промышленных территорий, объясняются трактовкой этого понятия в работах зарубежных исследователей, где промышленный район понимается как «результат трансформации местного сообщества, специализирующегося на определённом виде производства. Эта специализация происходит в пределах территории, определяемой районом проживания местного сообщества, и охватывает основную отрасль промышленности и ассортимент производимых ею товаров, а также вспомогательные отрасли (включая обрабатывающую промышленность и сферу деловых услуг), которые поддерживают экономическую деятельность предприятий основной отрасли. Каждая фирма в основной отрасли специализируется на одном или нескольких этапах производственного процесса»[16].

Отметим два важных момента, фиксируемых в ходе совершенствования регулирования промышленных территорий. Один касается роли инвестиций в этом процессе, второй, — роли жителей локальных сообществ рассматриваемых территорий.

---

[12] *Janvry A. de, Sadoulet E.* Toward a territorial approach to rural development // Agricultural and Development Economics. — 2007. — Vol. 4. — No 1. — P. 66–98.

[13] *Баснукаев, Х.У.* Зарубежный опыт реализации государственной политики пространственного развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2018. — № 6. — С. 18–24.

[14] The next chapter for the CAP. — https://agriculture.ec.europa.eu/media/news/next-chapter-cap-2025-07-17_en.

[15] *Carey M.* The Common Agricultural Policy's New Delivery Model Post-2020: National administration perspective // EuroChoices. — 2019. — Vol. 18. — No 1. — P. 11–17.

[16] *Sforzi, F., Boix, R.* What about Industrial District(s) in Regional Science? // Investigaciones Regionales. — 2015. — No 32. — P. 62.

Аналитические работы декларируют, что наиболее значимым фактором экономического роста промышленных территорий являются инвестиции и инновации не в крупные, а в небольшие и средние компании[17].

Кроме того, отмечается, что «каждая территория, определяемая сочетанием природных условий и исторического развития, в любой момент времени обладает определенной производственной «хоральностью (согласованностью)». Эта продуктивная согласованность обусловлена не только технической, пространственной и культурной близостью предприятий, но и, **что более важно** (*выделено нами. — С.Л.*), культурной однородностью и конгруэнтностью (согласованностью) всех жителей этого места, которые вносят положительный или отрицательный вклад в местное производство»[18].

Названные уточнения значимо заявили о себе в ходе кризисных ситуаций. Мировой промышленный кризис 2008 г. акцентировал в Европейском союзе интерес к развитию локальных промышленных районов (industrial districts).

Наиболее удачные примеры европейских локальных промышленных районов сосредоточены в Италии. По данным Национального института статистики Италии[19], в стране насчитывается порядка 130 локальных промышленных районов, что составляет 92,2% от общего числа промышленных районов Италии. Они в основном специализируются на продукции машиностроения (27,0%), текстиля и одежды (22,7%), товаров личного пользования (17,0%), обуви и изделий из кожи (12,1%).

Итальянские промышленные районы играют важную роль в экономике страны, при этом попытки крупных предприятий перекупить эти производства оказывались безуспешными, так как конкурентные преимущества данных территорий базируются на своеобразном сочетании конкуренции и кооперации, являющихся социальными нормами этих локальных сообществ.

Прирост потенциала местных сообществ осуществляется через учет экономических возможностей местных органов власти, создание институтов индикативного стратегирования и разработку проектов регионального и местного развития. Наиболее четко индикативное планирование осуществляется в форме «экономики согласований» в скандинавских странах ЕС, когда все важнейшие решения в области развития принимаются путем переговоров и согласования интересов различных сторон[20].

Несмотря на достаточно успешный опыт государственного регулирования развития локальных промышленных территорий, в зарубежный литературе высказывается мнение, что в настоящее время в части государственной политики, направленной на поддержку конкурентоспособности отдельных промышленных районов, энтузиазм 1990-х годов и первого десятилетия этого века, пошёл на спад[21]. Отмечается, что причина потери импульса в политике развития промышленных районов кроется не столько в кризисе еврозоны, который изменил приоритеты правительств, а скорее, связана с доминирующими неолиберальными тенденциями, отрицающими необходимость промышленной политики[22]. Заметим, что нам не удалось найти надёжных исследований, документально подтверждающих высказанное мнение.

---

[17] European Regional Policy, an inspiration for Countries outside the EU? Applying the principles, sharing the lessons, exchanging experience. — https://ec.europa.eu/regional_policy/en/information/publications/brochures/2009/european-regional-policy-an-inspiration-for-countries-outside-the-eu-applying-the-principles-sharing-the-lessons-exchanging-experience

[18] *Becattini G.* Beyond geo-sectoriality: the productive chorality of places // Investigaciones Regionales. — 2015. — No 32. — P. 31.

[19] Industrial districts. — https://www.istat.it/it/files/2015/02/EN_Industrial-districts.pdf.

[20] *Баснукаев, Х.У.* Зарубежный опыт реализации государственной политики пространственного развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2018. — № 6. — С. 18–24; *Леонов С.Н., Сидоренко О.В.* Закономерности и особенности реализации селективной региональной политики зарубежных стран // Пространственная экономика. — 2011. — № 1. — С. 67–80.

[21] *Sforzi, F., Boix, R.* What about Industrial District(s) in Regional Science? // Investigaciones Regionales. — 2015. — No 32. — P. 61–73.

[22] *Sforzi F.* Rethinking the industrial district: 35 years later // Investigaciones Regionales. — 2015. — No 32. — P. 11–29.

Выводы

Анализ зарубежного опыта позволил выделить ряд общих черт в рамках трех ключевых направлений государственной региональной политики в отношении локальных сельских и промышленных территорий в зарубежных странах.

1. *Наращивание институционального потенциала* локальных территорий касалось прироста потенциала местных органов власти, главным образом за счет создания институтов стратегирования, разработки проектов местного развития, активизации действий членов местных сообществ.
2. *Трансформация финансово-экономических систем локальных территорий* осуществлялась посредством развития местных и региональных финансовых институтов. За рубежом в части мер политики воздействия на развитие локальных территорий наряду с инвестициями (государственными, межгосударственных объединений и локальных территорий), важнейшим элементом являются меры содействия широкому распространению инноваций в небольших и средних компаниях.
3. *Акцент в развитии сравнительных конкурентных преимуществ локальных территорий* делался на четкой реализации инфраструктурных транспортных проектов, связавших рассматриваемые локальные территории с динамично развивающимися национальными и зарубежными рынками; на возникновении на стыке сельских и промышленных территориальных структур новых промышленных районов и поддержке многофункциональности локальных территорий, включая и локальные «гастрономические» тренды. Подобные тренды должны учитываться и закладываться и в стратегию территориального развития России.

Поиск оптимальной модели государственного регулирования пространственного развития локальных территорий занял за рубежом не одно десятилетие. Сложившаяся здесь модель взаимодействия уровней власти, бизнеса и населения имеет динамический характер, позволяющий корректировать степень и глубину подобных взаимодействий с помощью относительно «мягких» методов адаптивности территорий к внешним шокам[23]. При этом следует отдавать отчет в сложности переноса зарубежного опыта организации региональной политики в отношении локальных территорий на российскую почву. Плохо обстоит дело с невысокой активностью российских местных сообществ, которые полностью проигрывают в этой части западным муниципалитетам. Ситуация осложняется неразвитостью местного самоуправления в России в сравнении со странами ЕС[24].

Резюмируя, подчеркнем, что возможности использования зарубежных, относительно «мягких» методов управления экономикой локальных территорий в жестких условиях российской хозяйственной практики, неразвитости институциональной среды, местного самоуправления и гражданского общества в целом, могут оказаться сильно ограниченными.

[23] *Леонов С.Н.* Адаптивность регионов к шоковым воздействиям: теоретические аспекты // Регионалистика. — 2025. — Т. 12. — № 2. — С. 33–49.

[24] *Леонов С.Н.* Финансовые и структурные аспекты реформы местного самоуправления в России: Монография / отв. ред. Н.Н. Михеева. — Хабаровск: Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, 2023. — 232 с.

Леонов С.Н.
д.э.н., профессор,
профессор Кафедры менеджмента и государственного управления,
Дальневосточный институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ, г. Хабаровск
Барабаш Е.С.
к.э.н.,
зав. Кафедрой экономики,
Тихоокеанская высшая школа экономики и управления, г. Хабаровск

СПОСОБНОСТЬ РЕГИОНОВ К АДАПТАЦИИ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Ключевые слова: адаптивность, устойчивость, резильентность, экономический шок, экономическая турбулентность.
Key words: adaptability, sustainability, resilience, economic shock, economic turbulence.

Кризис всегда предоставляет возможность выбора, и подобный взгляд особенно актуален в настоящее время, в условиях нарастающей экономической турбулентности. В период кризисов правительства пытаются смягчить их негативное влияние на экономику как страны, так и регионов, используя факторы устойчивости («сопротивляемости») и резильентности («упругости») развития региональных систем.

Соотношение понятий «адаптивность», «устойчивость», «резильентность»

Современный интерес к способности регионов адаптироваться к внешним шокам, проистекает из работ экологов полувековой давности, анализировавших устойчивость (resilience) популяций к внешним шоковым воздействиям. С тех пор использование этого понятия широко распространилось в области организационного поведения, инженерии, планирования, социологии и экономики[1].

Несмотря на растущее значение идей адаптации, устойчивости и резильентности экономического развития к шокам как в среде российских исследователей[2], так и среди иностранных коллег[3], эта концепция до настоящего времени тщательно не определена и не измерена[4].

Оригинальное латинское слово resilience означает «восстановление, устойчивость, упругость». В экологии оно трактуется как “способность систем поглощать изменения” или как «буферная емкость»[5].

---

[1] *Holling C.S.* Resilience and Stability of Ecological Systems // Annual Review of Ecology and Systematics. — 1973. — Vol. 4. — P. 1–23. — http://jstor.org/stable/2096802; *Wei Xie, Adam Rose, Shantong Li, Jianwu He, Ning Li, Tariq Ali.* Dynamic Economic Resilience and Economic Recovery from Disasters: A Quantitative Assessment // Risk Analysis — 2018. — Vol. 38. — No 6 — P. 1306–1318. — https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/risa.12948.

[2] *Акбердина В.В.* Факторы резильентности в российской экономике: сравнительный анализ за период 2000–2020 гг. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2021. — Т. 17. — № 8 (401). — С. 1412–1432; *Дементьев В.Е.* О способности регионов адаптироваться к разным внешним шокам // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2024. — Т. 17. — № 3. — С. 36–49; *Никулкина И.В., Гордячкова О.В., Калаврий Т.Ю., Вандерлинден Ж.-П.* Резильентность социально-экономических систем: методологический аспект // Вопросы инновационной экономики. — 2022. — Т. 12. — № 1. — С. 659–668.

[3] *Hill, E., Wial, H., Wolman, H.* Exploring regional economic resilience. Working Paper / University of California, Institute of Urban and Regional Development. — Berkeley (CA), 2008; *Rose A.* Economic resilience to natural and man-made disasters: Multidisciplinary origins and contextual dimensions // Environmental Hazards. — 2007. — Vol. 7. — No 4. — P. 383–398. — https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1747789107000555.

[4] Например, в статье *Rose A.* Economic resilience to natural and man-made disasters: Multidisciplinary origins and contextual dimensions // Environmental Hazards. — 2007. — Vol. 7. — No 4. — P. 383–398, отмечается, что «экономическая устойчивость является основным способом сокращения потерь от стихийных бедствий. Ее эффективность возросла бы еще больше, если бы ее можно было точно определить и измерить».

[5] *Holling C.S.* Resilience and Stability of Ecological Systems // Annual Review of Ecology and Systematics. — 1973. — Vol. 4. — P. 1–23. — http://jstor.org/stable/2096802.

В экономике, анализируя уровень адаптивности региональной системы к кризисным воздействия, можно выделить две группы факторов:

— устойчивость региональной хозяйственной системы, понимаемая как «сопротивляемость» региональной экономики объему внешнего воздействия,

— резильентность регионального хозяйственного комплекса, трактуемая как степень «упругости» хозяйства, обеспечивающая величину «отскока» от нижней границы падения.

Попытаемся описать некоторые возможные значения как региональной экономической устойчивости (сопротивляемости шоку), так и резильентности («упругости» региональной системы, учитывающей и скорость возвращения региональной экономики в дошоковое состояние) (см. табл. 1).

Устойчивость зачастую воспринимается как способность региональной экономики поддерживать ранее существовавшее состояние, обычно при этом принимаемое за равновесное[6]. При такой трактовке за уровень устойчивости принимается степень, в которой региональная экономика способна избежать выхода из своего предыдущего равновесного состояния в результате внешнего шока.

В ряде работ[7] идея устойчивости трактуется как «жизнестойкость», и рассматривается ее полезность для понимания реакции региональных экономик на крупные рецессионные потрясения. При этом утверждается, что понятие устойчивости может быть с пользой объединено с понятием гистерезиса (запаздывания), что дает более полное понимание возможных реакций региональной экономики на крупные рецессии.

Используя определения, представленные в табл. 1, попытаемся структурировать взаимосвязь понятий адаптивность, устойчивость и резильентность регионального развития.

Общая концепция устойчивости была предложена впервые экологами более 50 лет назад[8]. Позднее она была адаптирована (переосмыслена) для краткосрочных катастроф, затем распространена на адаптацию к долгосрочному изменению климата.

С 2010-х годов в рамках ОЭСР резильентность трактуется как способность системы к мобильной перегруппировке своих элементов и ключевых ресурсов для достижения динамической устойчивости на новом уровне развития в ответ на внезапные внутренние или внешние возмущения[9].

Тем не менее, трудно не согласиться с авторами, отмечающими, что «некоторые определения устойчивости (резильентности) настолько широки, что делают этот термин бессмысленным»[10]. Четкое описание определения важно, поскольку без этого понятия «устойчивости» и «резильентности» рискуют превратиться в пустые модные слова из-за чрезмерного использования и двусмысленности, содержащейся в самом переводе термина «economic resilience», подразумевающего как синонимы и «упругость», и «устойчивость»[11].

Фактически, идея состоит в том, чтобы сосредоточиться на точках согласия и включить работы других авторов в формулировки понятий адаптации, устойчивости и резильентности регионального экономического развития.

---

[6] *Rose A., Liao Shu-Yi.* Modeling Regional Economic Resilience to Disasters: A Computable General Equilibrium Analysis of Water Service Disruptions // Journal of regional science. — 2005. — Vol. 45. — No 1. — P. 75–112. — https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.0022-4146.2005.00365.x.

[7] *Martin R.* Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks // Journal of Economic Geography. — 2012. — Vol. 12. — No 1. — P. 1–32. — https://doi.org/10.1093/jeg/lbr019.

[8] *Holling C.S.* Resilience and Stability of Ecological Systems // Annual Review of Ecology and Systematics. — 1973. — Vol. 4. — P. 1–23. — http://jstor.org/stable/2096802.

[9] *Hill, E., Wial, H., Wolman, H.* Exploring regional economic resilience. Working Paper / University of California, Institute of Urban and Regional Development. — Berkeley (CA), 2008; *Никулкина И.В., Гордячкова О.В., Калаврий Т.Ю., Вандерлинден Ж.-П.* Резильентность социально-экономических систем: методологический аспект // Вопросы инновационной экономики. — 2022. — Т. 12. — № 1. — С. 659–668.

[10] *Rose A.* Economic resilience to natural and man-made disasters: Multidisciplinary origins and contextual dimensions // Environmental Hazards. — 2007. — Vol. 7. — No 4. — P. 383–398.

[11] *Леонов С.Н.* Адаптивность регионов к шоковым воздействиям: теоретические аспекты // Регионалистика. — 2025. — Т. 12. — № 2. — С. 33–49.

Таблица 1

Трактовки понятий «устойчивость» — «резильентность»

Авторы	Главный фактор	Содержание понятия
Holling	Способность системы демпфировать шок	Резильентность — своеобразная «буферная емкость» системы (способность системы поглощать воздействия внешних шоков)
Rose, Liao	Экономическое равновесие	Уровень устойчивости — степень, в которой региональная экономика способна поддерживать ранее существовавшее состояние, обычно принимаемое за равновесное
Xie, Rose, Li, He, Ali	Инвестиции на реконструкцию	Экономическая устойчивость — способность экономики, характеризующаяся двумя аспектами: способностью к восстановлению и скоростью восстановления
Дементьев	Адаптивность системы как способность изменяться в ответ на шок	Устойчивость — адаптация региональной экономики к новым условиям, восстановление положительной динамики региональных показателей, темпы которых не обязательно достигают значений дошокового периода
Акбердина	Акцент на внутренние способности системы	Резильентность — способность экономики полностью восстановиться после воздействия шоков за счет внутренних адаптивных свойств
Михеева	Три группы факторов: общенациональный шок; отраслевые шоки; региональные факторы	Устойчивость регионов рассматривается как способность адаптации их экономик к новым условиям, восстановления положительной динамики региональных показателей, темпы которых не обязательно достигают значений, характерных для дошокового периода
Martin	Объединение понятий «жизнестойкость» и гистерезис	Способность экономики с определенной задержкой адаптировать свою структуру для поддержки приемлемого роста производства, занятости и благосостояния
Hill, Wial, Wolman	Равновесный анализ	Способность экономики справляться с шоками, которые стремятся либо замедлить, либо сильно ограничить потенциал ее роста

Составлено по источникам: *Holling C.S.* Resilience and Stability of Ecological Systems // Annual Review of Ecology and Systematics. — 1973. — Vol. 4. — P. 1–23. — http://jstor.org/stable/2096802; *Rose A., Liao Shu-Yi.* Modeling Regional Economic Resilience to Disasters: A Computable General Equilibrium Analysis of Water Service Disruptions // Journal of regional science. — 2005. — Vol. 45. — No 1. — P. 75–112. — https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.0022-4146.2005.00365.x; *Wei Xie, Adam Rose, Shantong Li, Jianwu He, Ning Li, Tariq Ali.* Dynamic Economic Resilience and Economic Recovery from Disasters: A Quantitative Assessment // Risk Analysis — 2018. — Vol. 38. — No 6. — P. 1306–1318. — https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/risa.12948; *Дементьев В.Е.* О способности регионов адаптироваться к разным внешним шокам // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2024. — Т. 17. — № 3. — С. 36–49; *Акбердина В.В.* Факторы резильентности в российской экономике: сравнительный анализ за период 2000–2020 гг. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2021. — Т. 17. — № 8(401). — С. 1412–1432; *Михеева Н.Н.* Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // Проблемы прогнозирования. — 2021. — № 1. — С. 106–118; *Martin R.* Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks // Journal of Economic Geography. — 2012. — Vol. 12. — No 1. — P. 1–32. — https://doi.org/10.1093/jeg/lbr019; *Hill, E., Wial, H., Wolman, H.* Exploring regional economic resilience. Working Paper / University of California, Institute of Urban and Regional Development. — Berkeley (CA), 2008.

Адаптация регионального развития к шоковому воздействию представляет комплексный процесс, объединяющий и процессы устойчивости (сопротивляемости региональной системы

к экономическим шокам), и процесс резильентности (интенсивности восстановления экономики региона в пострецессионный период).

Нам импонирует подход Rose и Liao[12], определяющих экономическую устойчивость как способность субъекта или системы поддерживать функцию (например, продолжать производство) при шоке. Такая трактовка соответствует фундаментальной экономической проблеме — эффективному распределению ресурсов, которая усугубляется в условиях катастроф. При этом следует согласиться с Акбердиной[13], полагающей, что устойчивость (сопротивляемость) является действием предсобытийного характера, направленным на смягчение последствий будущих кризисов.

В отличие от устойчивости, резильентность, понимаемая как «упругость» региональной экономической системы, обеспечивает «отскок», скорость восстановления дошоковых параметров развития и является свойством, имеющим постсобытийный характер[14].

Инструменты оценки уровня адаптивности развития региона

Большинство исследователей рассматривают шоки как нарушение траектории экономического развития и концентрируются на возможностях экономических систем к возврату в докризисное состояние.

В российской и зарубежной литературе значительное внимание уделяется обсуждению индикаторов адаптивности (устойчивости и резильентности) регионального развития в период кризисов. Для оценки применяются различные как по качественному, так и по количественному составу индикаторы. Иногда это могут быть 1–2 показателя, в качестве которых часто используются «валовой региональный продукт» или «занятость населения»[15]. В других случаях — множество индикаторов, которые группируются по конкретным направлениям[16].

Для оценки устойчивости (сопротивляемости) региональных экономик чаще всего соотносят фактические данные собственного тренда региона и темпов роста (падения) вышестоящего макрорегиона, например, РФ или федерального округа[17], а об уровне резильентности можно судить по темповым характеристикам индикаторов[18].

Комплексная оценка адаптационных свойств региона может быть выполнена индексным методом. При этом следует избегать главной ошибки «сворачивания» отдельных индикаторов в комплексный индекс. Речь идет о стремлении к определению весов исходных показателей без утраты значимости и без излишней субъективности со стороны экспертов[19].

---

[12] *Rose A., Liao Shu-Yi.* Modeling Regional Economic Resilience to Disasters: A Computable General Equilibrium Analysis of Water Service Disruptions // Journal of regional science. — 2005. — Vol. 45. — No 1. — P. 75–112. — https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.0022-4146.2005.00365.x.

[13] *Акбердина В.В.* Факторы резильентности в российской экономике: сравнительный анализ за период 2000–2020 гг. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2021. — Т. 17. — № 8 (401). — С. 1412–1432.

[14] *Wei Xie, Adam Rose, Shantong Li, Jianwu He, Ning Li, Tariq Ali.* Dynamic Economic Resilience and Economic Recovery from Disasters: A Quantitative Assessment // Risk Analysis — 2018. — Vol. 38. — No 6. — P. 1306–1318. — https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/risa.12948.

[15] *Акбердина В.В.* Факторы резильентности в российской экономике: сравнительный анализ за период 2000–2020 гг. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2021. — Т. 17. — № 8 (401). — С. 1412–1432; *Дементьев В.Е.* О способности регионов адаптироваться к разным внешним шокам // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2024. — Т. 17. — № 3. — С. 36–49.

[16] *Hill, E., Wial, H., Wolman, H.* Exploring regional economic resilience. Working Paper / University of California, Institute of Urban and Regional Development. — Berkeley (CA), 2008; *Martin R.* Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks // Journal of Economic Geography. — 2012. — Vol. 12. — No 1. — P. 1–32. — https://doi.org/10.1093/jeg/lbr019.

[17] *Михеева Н.Н.* Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // Проблемы прогнозирования. — 2021. — № 1. — С. 106–118.

[18] *Дементьев В.Е.* О способности регионов адаптироваться к разным внешним шокам // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2024. — Т. 17. — № 3. — С. 36–49.

[19] *Леонов С.Н.* Методологические проблемы формирования и применения интегральных территориальных индексов // Регионалистика. — 2024. — Т. 11. — № 1. — С. 60–68.

Резюмируя, отметим, что усиление интереса в среде ученых-регионалистов к анализу процесса адаптации регионов к шоковому воздействию, включая оценку уровней устойчивости и резильентности региональных систем, объясняется новыми экономическими вызовами, инициированными внезапными глобальными и локальными финансовыми, экономическими, а также внеэкономическими (пандемия) шоками. Выполненный анализ позволил уточнить понятийный аппарат, используемый для разработки методологии адаптивного развития.

Ломакина Н.В.
д.э.н., доцент,
гл.н.с. Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск

НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ ВОСТОКА РОССИИ И ПОТЕНЦИАЛ СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РЕСУРСНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Ключевые слова: ресурсный регион, минерально-сырьевой комплекс, высокотехнологичные проекты, потенциал трансформации, Дальний Восток.
Key words: resource region, mineral resource complex, high-tech projects, transformation potential, Far East.

В сентябре 2025 г. на Восточном экономическом форуме заявлен новый поворот в государственной политике по развитию Дальнего Востока. В выступлении Президента РФ В.В. Путина был не только подтвержден приоритет Дальневосточного макрорегиона в рамках национального развития и подведены ключевые итоги за прошедшее десятилетие, но и заявлены новые задачи государства (с предполагаемыми институциональными мерами), направленные на изменение структурно-технологических характеристик экономики региона[1]. Пожалуй, впервые в рамках реализуемой госполитики одной из ключевых целевых задач в экономической сфере признано развитие Дальнего Востока как территории формирования и реализации высокотехнологичных проектов.

В явном виде такая задача отсутствовала в государственных программах развития Дальнего Востока последнего десятилетия, при том что она давно ожидаема[2]. В то же время, одним из существенных результатов серьезной инвестиционной накачки в прошедший период стал рост значения сырьевых отраслей не только в экономике макрорегиона[3], но и «увеличение доли ДФО в добывающей промышленности России, что может свидетельствовать о сохранении и даже усилении сырьевой направленности экономики макрорегиона»[4]. Да, собственно,

---

[1] Выступление Путина В.В. на пленарном заседании ВЭФ-2025. — 03.09.2025. — http://www.kremlin.ru/events/president/news/77927.

[2] *Ломакина Н.В.* Развитие и технологическая модернизация в отраслях минерально-сырьевого комплекса // Развитие экономики Дальнего Востока России: эффекты государственной политики / отв. ред. П.А. Минакир, С.Н. Найден; ИЭИ ДВО РАН. — Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. — С. 85–110. — http://ecrin.ru/publications/books-2021/1553-EcoFarEast2021.

[3] *Ломакина Н.В.* Минерально-сырьевой комплекс Дальневосточного федерального округа в национальных приоритетах: текущие тренды и перспективы // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. — 2025. — № 1 (192). — С. 33–43.

[4] *Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Исаев А.Г., Мазитова М.Г.* Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2024 г. // Пространственная экономика. — 2025. — Т. 21. — № 2. —С. 139. — https://dx.doi.org/10.14530/se.2025.2.138-183.

и в выступлении Президента РФ иллюстрациями тезиса о формировании «новой индустриальной карты» региона преимущественно стали проекты в минерально-сырьевом комплексе (МСК): Баимский горно-обогатительный комбинат на Чукотке, «Удоканская медь» в Забайкалье, газоперерабатывающий завод и газохимический комплекс в Амурской области, гидрометаллургический комбинат в Хабаровском крае и другие объекты.

Для оценки потенциала структурной трансформации в ресурсной экономике важны несколько составляющих. Во-первых, это соотношение добывающих и перерабатывающих отраслей в структуре промышленного комплекса и их значимость для формирования конечных показателей развития региональной экономики. Во-вторых, важными характеристиками являются прогрессивность внутриотраслевой структуры собственно перерабатывающего сектора, его готовность к восприятию новых технологий.

Что касается значения добывающих и перерабатывающих отраслей для формирования валовой добавленной стоимости в экономике ДФО, то в анализируемом периоде (2018–2023 гг.) практически по всем дальневосточным субъектам РФ оно возросло для вида экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» (ВЭД ДПИ). Так, доля ВЭД ДПИ в структуре региональной валовой добавленной стоимости (ВДС) возросла почти вдвое в Республике Бурятия, Забайкальском и Камчатском краях, более чем в полтора раза — в Хабаровском крае и Еврейской автономной области (табл. 1). При этом для вышеназванных регионов добыча полезных ископаемых не является отраслью экономической специализации (её доля в ВДС территорий не достигает среднероссийской), исключение составляет Забайкальский край (в 2023 г. доля ВЭД ДПИ в ВДС почти в 2 раза превышает среднероссийскую — 25,9% и 14,0% соответственно). Что касается дальневосточных регионов, специализация которых на добыче полезных ископаемых важна не только на региональном, но и на национальном уровне (Якутия, Магаданская и Сахалинская области, Чукотский автономный округ), то этот ВЭД является определяющим при формировании макропоказателей этих региональных экономик (на уровне 50–70% в структуре ВДС). Следует отметить, что роль этих регионов в формировании надежной базы стратегических минеральных ресурсов для реализации в РФ политики технологического лидерства остается по-прежнему значимой. Так, в выступлении Президента РФ на Восточном экономическом форуме поставлена, по сути, двуединая задача: 1) сохранение устойчивой динамики производства и восполнения ресурсной базы в традиционных отраслях минерально-сырьевого комплекса Дальнего Востока; 2) активизация перехода к новым технологиям добычи, обогащения, переработки и конечного потребления минеральных ресурсов для высокотехнологичных отраслей (прежде всего редких и редкоземельных металлов), стимулирование внутреннего спроса на них[5].

Для решения задачи формирования в регионе высокотехнологичных отраслей, обеспечивающих переработку стратегических видов минеральных ресурсов и их конечное (производственное) потребление в новой структуре экономики Дальнего Востока, особое значение имеет соответствующий потенциал перерабатывающего сектора регионального промышленного комплекса. Одним из традиционных подходов к оценке возможностей структурной модернизации (диверсификации) и потенциала развития промышленного комплекса региона является анализ прогрессивности отраслевой структуры обрабатывающего сектора, в рамках которого выделяются высокотехнологичные отрасли-драйверы, средне- и низкотехнологичные отрасли[6]. В таблице 1 представлена характеристика структуры и её динамика в 2018–2023 гг. для обрабатывающего сектора промышленности Дальнего Востока и его регионов.

---

[5] Выступление Путина В.В. на пленарном заседании ВЭФ-2025. 03.09.2025. — http://www.kremlin.ru/events/president/news/77927.

[6] Структурная модернизация как фактор повышения конкурентоспособности региона (на примере Красноярского края) / под ред. Н.Г. Шишацкого. — Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. — 510 с.; *Поподько Г.И.* Особенности и приоритеты реиндустриализации ресурсных регионов // Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки. — 2023. — Т. 16. — № 10. — С. 1720–1727. — EDN: WXFRMR; *Ломакина Н.В.* Особенности промышленной структуры в ресурсном регионе: Дальний Восток России // Пространственная экономика. — 2025. — Т. 21. — № 3. — С. 142–164. — https://dx.doi.org/10.14530/se.2025.3.142-164 и ряд других.

Таблица 1

Структурные характеристики промышленного комплекса ДФО, в %

Субъекты РФ	Доля добывающего и обрабатывающего секторов промышленности в ВДС				Изменение уровня прогрессивности структуры обрабатывающего сектора промышленности					
	ВЭД ДПИ		ВЭД ОП		2018			2023		
	2018	2023	2018	2023	В	С	Н	В	С	Н
РФ	13,9	14,0	17,3	15,9	29,7	49,8	20,5	28,6	49,9	21,5
ДФО	30,1	30,3	4,7	4,3	38,4	20,1	41,5	26,5	44,1	29,4
Республика Бурятия	5,6	9,4	8,1	8,6	70,0	5,5	24,5	71,6	13,8	14,6
Республика Саха (Якутия)	50,7	57,7	1,0	0,7	12,9	58,9	28,2	15,3	59,1	25,6
Забайкальский край	14,4	25,9	2,6	2,5	63,6	16,2	19,6	80,3	9,0	10,7
Камчатский край	5,1	9,4	11,8	4,3	2,1	0,8	96,8	2,8	1,6	95,6
Приморский край	1,1	0,6	8,0	6,5	54,1	14,5	31,4	42,0	22,3	35,7
Хабаровский край	6,5	9,6	9,1	8,4	47,9	34,1	18,0	21,7	48,0	16,7
Амурская область	9,3	10,7	4,2	6,1	8,2	18,1	73,7	61,5	8,3	30,2
Магаданская область	36,7	55,2	1,0	1,4	42,8	16,0	40,9	5,2	96,7	1,0
Сахалинская область	67,9	60,5	2,3	3,4	5,2	12,2	82,6	5,8	10,5	83,7
Еврейская автономная область	6,1	10,1	5,0	3,1	3,3	59,8	36,9	14,1	62,1	23,8
Чукотский автономный округ	37,6	37,0	0,3	0,5	6,7	—	90,2	0,2	99,0	0,8

Примечание: В — высокотехнологичные и среднетехнологичные отрасли высокого уровня; С — среднетехнологичные отрасли низкого уровня; Н — низкотехнологичные отрасли. Источники: Отраслевая структура валовой добавленной стоимости субъектов Российской Федерации (в текущих ценах; в процентах к итогу). — https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts.; статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» за соответствующие периоды. — https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204/

К высокотехнологичным отраслям-драйверам относятся производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях; производство компьютеров, электронных и оптических изделий, производство летательных аппаратов, а также среднетехнологичные отрасли высокого уровня (производство химических веществ и химических продуктов; производство электрического оборудования, производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки, производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов, производство прочих транспортных средств и оборудования, производство медицинских инструментов и оборудования, ремонт и монтаж машин и оборудования)[7]. Другие подотрасли обрабатывающего производства (ВЭД ОП) относятся к среднетехнологичным низкого уровня (производство кокса и нефтепродуктов; производство резиновых и пластмассовых изделий; производство прочих неметаллических минеральных продуктов; металлургическое производство) и низкотехнологичным (производство пищевых продуктов, включая напитки; текстильное и швейное производство; производство кожи, изделий из кожи и производство обуви; обработка древесины и производство изделий из дерева; производство целлюлозы, древесной массы, картона и изделий из них, полиграфическая деятельность; прочие производства)[8].

Как следует из данных табл. 1, структура обрабатывающей промышленности Дальневосточного региона к 2023 году стала более сравнима со среднероссийской с позиций её прогрессивности, т.е. по соотношению высоко-, средне- и низкотехнологичных отраслей. Все субъекты РФ в составе ДФО относятся к промышленно развитым: выраженная сырьевая специализация как макрорегиона в целом, так и большинства его территорий является промышленной специализацией. Однако относительно характеристик уровня прогрессивности обрабатывающего сектора и его взаимосвязи с добывающим сектором регионального промышленного комплекса можно выделить несколько групп регионов.

К экономикам с диверсифицированным типом промышленного комплекса можно отнести, прежде всего, Приморский край, для которого характерно не только преобладание структурных характеристик ВЭД ОП над ВЭД ДПИ в ВДС региона, но и существенное значение высокотехнологичных отраслей в структуре ВЭД ОП в рассматриваемом периоде (табл. 1). Республика Бурятия и Хабаровский край обладают развитым машиностроительным и машиноремонтным комплексом, включающим высокотехнологичные отрасли (в т.ч. ОПК) и по этим характеристикам, безусловно, также относятся к диверсифицированному типу. На «переходе» к такому типу экономики находится Амурская область: при сохраняющемся небольшом преобладании ВЭД ДПИ над ВЭД ОП в структуре ВДС региона здесь активно формируется тренд роста высокотехнологичных отраслей (космической, химической и других) — с 8,2% в 2018 г. до 61,5% в 2023 г. — в структуре обрабатывающего производства.

К группе дальневосточных регионов с сырьевым типом экономики (из-за существенного преобладания оценочных показателей ВЭД ДПИ над ВЭД ОП в ВДС) можно отнести Республику Саха (Якутия) и Забайкальский край. Однако при небольшой доле ВЭД ОП в общей структуре экономики, её качественные характеристики по уровню прогрессивности относятся к средне- и высокотехнологичному соответственно (табл. 1). Такие оценки можно считать существенным потенциалом обеспечения структурной модернизации и технологического перехода к формированию законченных технологических цепочек на основе не только богатых количественно, но и разнообразных по видам минеральных ресурсов этих субъектов РФ. К этой же группе регионов, на наш взгляд, можно отнести и Еврейскую автономную область — её экономика (как и Амурской области) обладает значительным потенциалом перехода к росту как обрабатывающего сектора промышленности в целом, так и уровня его технологичности на основе переработки осваиваемых железорудных ресурсов и включения их в формирующийся межрегиональный металлургический комплекс.

---

[7] Приказ Росстата РФ от 15.12.2017 № 832 (ред. от 17.01.2019) «Об утверждении методики расчета показателей «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте» и «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации». — https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Rosstata-ot-15.12.2017-N-832//

[8] Структурная модернизация как фактор повышения конкурентоспособности региона (на примере Красноярского края) / под ред. Н.Г. Шишацкого. — Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. — С. 261.

Таким образом, в условиях формирования и реализации новых приоритетов государственной политики развития Востока России, ресурсная экономика ДФО не только сохраняет свое значение как национальная база стратегических ресурсов обеспечения технологического лидерства, но и имеет существенный промышленный потенциал «локализации» в экономике макрорегиона законченных технологических цепочек на основе минеральных ресурсов.

Макаров А.А.
специалист отдела сопровождения закупок и ВЭД
АО «Агрохолдинг Белая Дача»
palexxp@gmail.com
Илюхина С.С.
к.т.н., доцент,
зав. Кафедрой бизнес-информатики,
Университет мировых цивилизаций
s.s.iluhina@uwc-i.ru

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЛОГИСТИКИ В ПОРТОВЫХ И ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ

Ключевые слова: транспортно-логистическая система, портово-приграничные регионы, экономическая эффективность, национальная безопасность, таможенно-пограничное администрирование.
Key words: transport and logistics system, port and border regions, economic efficiency, national security, customs and border administration.

Организация транспортно-логистической деятельности в портовых и приграничных регионах характеризуется как сложная система скоординированных операций. Ее ключевая задача — обеспечение бесперебойного движения грузопотоков и пассажиров через портовые терминалы и таможенные границы с учетом локальной специфики. Помимо непосредственно перевозки, данная система охватывает широкий спектр функций, включая таможенное администрирование, контроль грузов, их складскую обработку и диспетчеризацию взаимодействия между разными видами транспорта в международных коридорах. К базовым элементам, определяющим эффективность всей системы, относятся объединение транспортных сетей в единый комплекс, администрирование инфраструктурными объектами (транспортными и складскими), а также внедрение инновационных решений для оптимизации логистики [1].

Приграничные и портовые зоны обладают особым значением в национальной транспортной системе, функционируя в качестве ключевых транзитных хабов для грузовых и пассажирских потоков. Их стратегическая функция определяется расположением на пересечении внутренних и международных коммуникаций, что закрепляет за ними статус критически важных элементов в глобальных логистических цепях. Специфика приграничных регионов заключается в необходимости синхронизации транспортного обслуживания с выполнением строгих требований таможенного законодательства и международных договоров, что дополнительно осложняет управление инфраструктурой. Что касается портов, то они являются центральным звеном в международной торговле, поскольку не только обеспечивают трансграничные грузоперевозки, но и непосредственно влияют на объемы как импортно-экспортных, так и внутренних торговых операций государства.

Экономический вклад приграничных и портовых регионов трудно переоценить. Они являются ключевыми драйверами интеграции государства в мировую экономическую систему, открывая доступ к зарубежным рынкам и активизируя внешнеторговую деятельность. От слаженности трансграничной логистики напрямую зависит конкурентоспособность наци-

ональной экономики, поскольку именно она позволяет оптимизировать цепочки поставок, сокращать сроки и удешевлять доставку. Создание таких эффективных логистических коридоров повышает инвестиционную привлекательность страны, формируя более благоприятный климат для предпринимательства. Кроме того, эти территории служат катализатором развития смежных отраслей — транспорта, таможенного сервиса, судоходства, торговли и промышленности, что генерирует новые рабочие места и стимулирует региональный экономический рост [2].

Обеспечение национальной безопасности в значительной степени зависит от качества управления логистикой в портовых и приграничных зонах. Эти территории представляют стратегический интерес не только в экономическом, но и в оборонном контексте, поскольку являются буфером против трансграничных угроз. Через них осуществляется интенсивный поток материальных ценностей, людей и данных, что создает потенциальные каналы для противоправной деятельности, такой как контрабанда, незаконное пересечение границы или акты терроризма. В связи с этим, организация транспортных потоков здесь требует комплексного подхода, совмещающего экономическую эффективность с мерами безопасности. Реализация такого подхода невозможна без налаженного межведомственного взаимодействия между таможенными, пограничными и правоохранительными институтами. Совместная работа этих служб, подкрепленная передовыми системами отслеживания и контроля, является ключевым условием для нейтрализации рисков, порождаемых международным сообщением.

Экономический рост государства находится в прямой зависимости от результативности управления логистикой в портово-приграничных кластерах. Современная инфраструктура транспортной системы создает фундамент для расширения международного товарооборота, активизации туристических и деловых потоков, а также служит ключевым фактором инвестиционной привлекательности. Внедрение передовых управленческих решений — цифровизации операций, автоматизации документооборота и интеллектуальных систем контроля — приводит к оптимизации работы транспортных узлов, минимизации издержек и интенсификации грузовых и пассажирских потоков. Совокупность этих факторов обусловливает сокращение совокупных логистических расходов и укрепление конкурентных позиций государства на мировой арене [3].

Обобщая, можно утверждать, что регулирование транспортно-логистической сферы в портовых и приграничных территориях должно базироваться на всестороннем и сбалансированном подходе. Такой подход интегрирует в себе задачи экономической эффективности, социальной стабильности, политической координации и требований безопасности. Данные территории, будучи критически важными звеньями глобальных цепей поставок, нуждаются в перманентной модернизации материально-технической базы и активной имплементации инновационных, в том числе цифровых, решений. Это позволяет выводить на новый качественный уровень защищенность, операционную эффективность и общую устойчивость логистических систем. Последующая оптимизация указанных процессов представляет собой императив не только для устойчивого экономического роста, но и для гарантирования основ национальной безопасности, что подчеркивает их стратегическую, многогранную значимость.

Специфика организации логистики в приграничных регионах формируется под воздействием уникального комплекса факторов, определяющих особый характер транспортных операций. Наиболее существенным из них является геополитическая конъюнктура. Будучи зонами стыковки национальных интересов и транспортных систем сопредельных государств, эти территории становятся чувствительным барометром межгосударственных отношений. Любые колебания в политической сфере — от напряженности до кардинальной смены внешнеполитического курса — способны вызвать мгновенную трансформацию маршрутов и объемов грузопотоков. Подобная изменчивость формирует императив для субъектов управления — как государственных, так и коммерческих — поддерживать высокий уровень операционной гибкости и адаптационного потенциала [4].

Конкретным проявлением данной зависимости служит конфигурация грузопотоков, которая определяется действующим режимом международных договоров и участием в торговых альянсах. Не менее значимым инструментом воздействия являются санкционные ограничения, способные как блокировать традиционные торговые коридоры, так и стиму-

лировать формирование альтернативных. Параллельно с этим безопасность логистических операций остается в прямой корреляции с уровнем политических рисков, включая угрозы террористических актов или эскалацию военных действий. Данный контекст обусловливает необходимость разработки специализированных механизмов для укрепления устойчивости транспортной инфраструктуры в приграничных зонах, делая ее способной противостоять потенциальным дестабилизирующим воздействиям.

Отличительной характеристикой транспортных систем в приграничных регионах является необходимость решения специфических задач, связанных с пограничным контролем. Это предполагает наличие не только соответствующей материальной базы — автомобильных и железнодорожных пунктов пропуска, мостов и подъездных путей, — но и отлаженной организации взаимодействия таможенных, пограничных и иных контрольных служб. Низкая эффективность работы данного комплекса напрямую ведет к замедлению грузооборота, росту логистических издержек и, как следствие, к снижению конкурентоспособности национальной экономики. Ключевыми требованиями к инфраструктуре в таких зонах остаются гарантирование безопасности перевозок и строгое соответствие международным регламентам, включая таможенные процедуры, санитарный и фитосанитарный контроль, что в совокупности создает основу для бесперебойного трансграничного сообщения и защиты экономических интересов государства [5].

Ключевым элементом функционирования транспортной логистики в приграничных регионах является отлаженная система таможенно-пограничного администрирования. Оперативность и согласованность работы соответствующих служб непосредственно определяют временные и финансовые параметры перевозок, что становится особенно критичным при обработке массовых грузопотоков и скоростных транзитных операций. Нарушения в таможенном оформлении или ошибки в применении нормативных требований способны спровоцировать существенные экономические потери для отдельных участников ВЭД и целых отраслей промышленности. Спецификой приграничных территорий остается повышенная сложность управления товародвижением, обусловленная необходимостью синхронизации диверсифицированных таможенных регламентов и законодательных баз. Данное обстоятельство обусловливает потребность в выстраивании эффективных механизмов межгосударственного взаимодействия и глубокой аналитической работе по адаптации логистических процессов к местным правовым и экономическим реалиям [6].

Значимость внешнеэкономических факторов для формирования транспортных коридоров трудно переоценить. Логистические операции в приграничных территориях находятся в прямой зависимости от динамики внешнеторговых операций, миграции капиталов и трудовых ресурсов. Особенность международных торговых отношений обусловливает необходимость создания адаптивных транспортных систем, способных оперативно реагировать на колебания рыночного спроса и конъюнктурные изменения в глобальной экономике. Интенсивность и география грузопотоков непосредственно определяются масштабами внешнеэкономической активности, поскольку тесное взаимодействие сопредельных государств в сфере товарообмена и услуг закономерно приводит к росту объемов трансграничных перевозок.

В заключение следует подчеркнуть, что логистические операции в приграничных регионах нуждаются в специализированной системе регулирования, интегрирующей региональные инфраструктурные особенности и параметры внешнеэкономического взаимодействия. Ключевой задачей при этом становится формирование условий для бесперебойного движения транспортных потоков при минимальных операционных издержках, где системы контроля и безопасности должны функционировать без ущерба для пропускной способности. Особое стратегическое значение в международной логистике сохраняют портовые кластеры, являющиеся ключевыми элементами глобальных транспортных сетей. Эти терминалы не только обеспечивают грузообмен и пассажиропотоки, но и активизируют экономические процессы различного масштаба. Выполняя функции узловых точек в международных торговых связях, порты способствуют интеграции национальных экономик в мировую торговую систему. Их роль как мультимодальных хабов, синхронизирующих морские, железнодорожные и автомобильные перевозки, позволяет создавать интегрированные логистические решения, обеспечивающие принципиально иной уровень оперативности и надежности доставки грузов [7].

Список литературы

1. *Белый О.В.* Транспортные сети России (системный анализ, управление, перспективы) / О.В. Белый, С.А. Попов, Р.Э. Францев. — СПб.: СПГУВК, 1999. — 147 с.
2. *Булатова Н.Н.* Перспективы развития региона в формате международного сотрудничества // Промышленная политика в цифровой экономике: проблемы и перспективы. Труды научно-практической конференции с международным участием / под ред. А.В. Бабкина. — СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет, 2017. — С. 182–190.
3. Особенности эффективности порто-ориентированной логистики. — https://lobanov-logist.ru/library/352/63808/.
4. *Окорокова Ю.А.* Совершенствование транспортно-логистических цепей в приграничных регионах России в новых реалиях // Московский экономический журнал. — 2022. — № 9. — С. 646–656.
5. *Ефимова В.Г.* Роль транспорта в экономическом развитии региона: международный аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. — 2009. — № 1. — С. 77–85.
6. *Подолинная С.Д.* Развитие внешнеторговых связей России через систему приграничных транспортно-логистических центров // Молодая наука Сибири. — 2024. — Т. 4. — № 22.
7. *Минакова И.В., Тихомиров М.Е.* Основные направления повышения эффективности функционирования таможенно-логистических терминалов в приграничных регионах как фактора их социально-экономического развития // Вестник Евразийской науки. The Eurasian Scientific Journal. — 2019. — № 6.

Мальцева И.С.
к.э.н.,
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СБЫТ ФЕРМЕРСКОЙ ПРОДУКЦИИ В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ[1]

Ключевые слова: короткие цепочки поставок продовольствия, фермерские хозяйства, северный регион, цифровизация сбыта сельскохозяйственной продукции, социальные сети.
Key words: short food supply chains, farms, northern region, digitalization of agricultural marketing, social media.

Современные цифровые технологии, связывающие агропродовольственные пространства и сети с онлайн-пространствами, становятся все более необходимыми, поскольку средства, используемые для доступа к Интернету, получили значительное развитие, а технологические достижения позволили обеспечить круглосуточное подключение пользователей. В аграрном производстве формируется «умное» сельское хозяйство, которое включает в себя три основные категории технологий: информационные системы управления фермой, точное земледелие, а также сельскохозяйственную автоматизацию и робототехнику [1]. «Умное» (цифровое) сельское хозяйство играет центральную роль в формировании будущего агропродовольственного сектора, устойчивого развития сельских территорий и направлено на обеспечение экономических, социальных и экологических выгод этичным и справедливым образом [2].

Экономисты подчеркивают быстрое развитие и высокий потенциал роста цифровых технологий в сельском хозяйстве России, особую значимость развития цифровых технологий в сфере сбыта [3]. При этом исследователи подчеркивают актуальность развития кооперативных и интеграционных процессов, электронной коммерции, интегрированных платежных систем. Выделяют быстрый рост использования облачных сервисов, хранения данных с помощью цифровых технологий, различных инструментов защиты информации, применения

[1] Работа выполнена по теме НИР «Цифровая биоэкономика северного региона: подходы и направления формирования» (№ Гос. рег. 124012700509-1).

технологий на базе искусственного интеллекта, а также рост закупок в цифровом формате. Электронные торговые площадки объединяют сельхозпроизводителей, поставщиков профильных услуг и товаров, покупателей, дистрибьюторов и др. В этом направлении работают фирмы «Ozon» и «Яндекс», Россельхозбанк запустил сервис «Свое родное». На юге России активно функционируют такие электронные торговые площадки как «АГРОСЕРВЕР.ru», Поле.рф, Краснодар-Агро, Agrisale AGRORU. Использование подобных платформ становится все более популярным среди сельхозпроизводителей, так как позволяет упростить процесс продажи продукции, получения более выгодных условий сотрудничества и сократить затраты на проведение торгов. Развитие аккаунтов в социальных сетях, веб-сайтов в Интернете, небольших Интернет-магазинов, заточенных под малые формы хозяйствования, а также создание информационных площадок (платформ) [4; 5]. является перспективным для вхождения на рынок малых сельских товаропроизводителей.

Вместе с тем, экономистами отмечены лидерство крупных вертикально интегрированных агрохолдингов во внедрении цифровых технологий и недостаточность их внедрения в малых и средних организациях, значительное отставание России от передовых стран по объемам и эффективности инвестиций в аграрную науку; слабая поддержка внедрения цифровых технологий со стороны государства, направленность государственных инвестиций на внедрение систем контроля и прослеживания в отрасли [6]. Эксперты указывают на значимость государственной политики в данной сфере в отношении формирования условий для развития «умного» сельского хозяйства, в том числе становления нормативно-правовой базы, цифровой инфраструктуры [7].

В ближайшие годы за счет бюджетных средств будет поддержано цифровое развитие системы управления отраслью — регламентация, учет, контроль и финансирование. Цифровая трансформация растениеводства и животноводства, а также сбыта и логистики в большей мере должна осуществляться аграрным бизнесом [8].

Китайские исследователи, изучающие проблемы внедрения цифровых технологий в сельском хозяйстве, предлагают правительству и соответствующим ведомствам усилить работу по созданию сельскохозяйственных информационных платформ и веб-сайтов, расширить возможности для обучения фермеров использованию ИКТ [9].

В Республике Коми в рамках реализации Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Коми, утвержденной распоряжением Правительства Республики Коми от 19 августа 2021 г. № 402-р в области сельского хозяйства предусмотрены следующие проекты: автоматизация учета земель сельскохозяйственного назначения; внедрение электронного документооборота в процесс предоставления государственной поддержки; обеспечение прослеживаемости прохождения сельскохозяйственной продукции и маркирования и учета сельскохозяйственных животных посредством применения государственной информационной системы в области ветеринарии (ФГИС «ВетИС»); применение цифровых технологий в производственных процессах с приоритетным использованием отечественного программного обеспечения; содействие обучению работников агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов по направлениям, связанным с цифровыми технологиями, в рамках программ дополнительного образования. Данные проекты, за исключением последнего, не требуют финансирования. Проект по обучению работников будет реализован за счет средств регионального бюджета и (или) внебюджетных источников. Работ по созданию сельскохозяйственных информационных платформ и веб-сайтов не предусмотрено в рамках реализации стратегии до 2030 г.

Исследование направлений и каналов сбыта фермерской продукции в 2023–2025 гг., проведенное на основе интервьюирования 31 фермера в Республике Коми показало, что основными каналами сбыта фермерской продукции являются магазины (в том числе собственные) и перерабатывающие предприятия, а также долгосрочные договора по муниципальным закупкам. Эти каналы отметили 77% и 72% фермеров. Каналы продажи продукции на ярмарках выходного дня, посредством социальных сетей (особенно VK), и в кафе, столовые и рестораны была определена соответственно 58%, 48% и 42% фермеров (рис. 1). Поэтому важно развитие взаимодействия сельских товаропроизводителей через социальные сети.

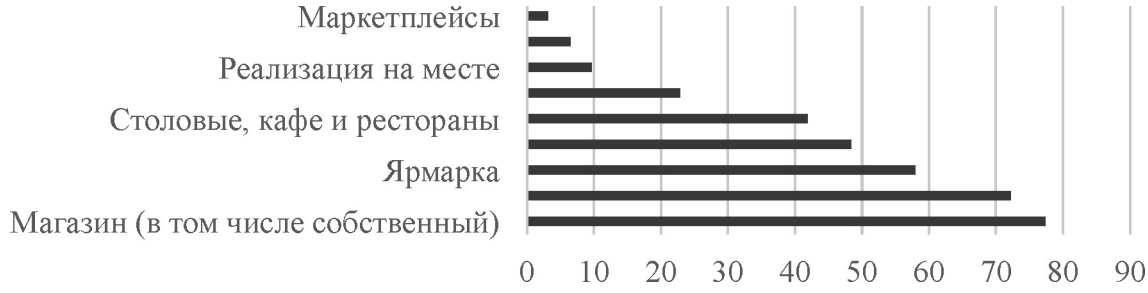


Рис. 1. Удельный вес крестьянских (фермерских) хозяйств Республики Коми, использующих различные каналы сбыта продукции (в общем числе респондентов по результатам анкетирования), в %

Немногим менее четверти крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) (23%) отметили выездную торговлю как важный канал реализации, а 10% опрошенных фермеров реализуют продукцию на месте — то есть покупатели сами приезжают к ним в хозяйства. Только 3,2% респондентов используют маркетплейсы для реализации продукции, и только 6,5% — имеют свой сайт. Такая ситуация связана с направленностью маркетплейсов на другие задачи, а не на сбыт фермерской продукции и с высокой стоимостью создания сайтов. Почти пятая часть опрошенных фермеров (19%) считают, что росту продаж способствует развитие туризма; 42% определяют необходимым развитие рекламы и маркетинга, а 13% активно используют «сарафанное радио». Опрос выявил нацеленность фермеров на развитие сельского хозяйства на Севере (56% респондентов), служение примером для развития бизнеса (26% фермеров) и содействие развитию предпринимательства на селе (23% опрошенных), а также улучшение условий труда работников и содержания животных (26% опрошенных фермеров), обеспечение населения качественной продукцией (16% фермеров). Таким образом, можно констатировать слабое развитие цифровых технологий в сфере сбыта фермерской продукции региона, а также направленность фермеров на решение экономических и социальных и даже экологических проблем сельских территорий.

Выводы

Каналы сбыта фермерской сельхозпродукции в Республике Коми получили развитие в виде ее реализации перерабатывающим предприятиям и через магазины (в том числе собственные), а также по муниципальным закупкам. Продажа продукции на ярмарках выходного дня и через столовые и кафе также являются значимыми. Цифровые технологии слабо используются фермерскими хозяйствами в части сбыта продукции в Республике Коми, хотя имеют высокий потенциал развития, особенно в системе сбыта растениеводческой продукции (картофеля и овощей).

Сельские мелкие и средние товаропроизводители, развивая свой бизнес, способствуют решению экономических и социальных проблем сельских территорий. Дальнейшее развитие цифровизации в аграрном секторе региона весьма актуально с точки зрения повышения доходов сельхозтоваропроизводителей, облегчения их выхода на рынок, обеспечения связанности сельскохозяйственного рынка региона. Важным представляется дальнейшее развитие взаимодействия мелких и средних сельхозтоваропроизводителей региона в рамках социальных сетей и мобильного Интернета.

Список литературы

1. *Balafoutis, A.T., Evert, F.K.V., Fountas, S.* Smart Farming Technology Trends: Economic and Environmental Effects, Labor Impact, and Adoption Readiness // Agronomy. — 2020. — Vol. 10. — No 5. — P. 743. DOI: 10.3390/agronomy10050743.
2. *Albiero D.* Agriculture 4.0: A Terminological Introduction / D. Albiero, R.L. de Pau lo, J.C.F. Junior [et al.] // Revista Ciência Agronômica. — 2020. — Vol. 51. — No 5. — DOI: 10.5935/1806-6690.20200083.

3. *Курбанов, К.К.* Активизация инновационной деятельности и цифровизация — важнейшие факторы развития АПК региона Юга России // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2022. — № 10. — С.31–38. — DOI: 10.26726/1812-7096-2022-10-31-38.
4. *Крылова, Л.В.* Направление организации агромаркетинга и их адаптация к изменяющимся рыночным условиям // Развитие науки и технологий в эпоху глобальной трансформации / Б.А. Абдуллаев, П.К. Абдурахмонов, В.В. Акиндинов и др. — Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2023. — С. 50–71. — DOI: 10.46916/03022023-1-978-5-00174-853-3.
5. *Сидоренков, Д.К.* Цифровизация процессов сбыта продукции фермерских хозяйств // Управленческий учет. — 2024. — № 7. — С. 328–333.
6. *Челышева Д.Н.* Цифровизация отечественного АПК: проблемы и пути решения // АПК: экономика, управление. — 2024. — № 8. — С. 119–123.
7. *Валь О.М., Стадник А.Т., Самохвалова А.А., Кузнецова И.Г.* Цифровая транс формация сельского хозяйства регионов Крайнего Севера // АПК: экономика, управление. — 2025. — № 2. — С. 19–28.
8. *Минеева Н.Н.* Цифровизация в сельском хозяйстве // Бизнес. Образование. Право. — 2022. — № 1(58). — С. 115–118.
9. *Zhang F., Sarkar A., Wang H.* Does internet and information technology help farmers to maximize profit: a cross-sectional study of apple farmers in Shandong, China // Land. — 2021. — Vol. 10. — No 4. — P. 390. — https://doi.org/10.3390/land10040390.

Митько А.В.
к.т.н., доцент,
Всероссийский НИИ метрологии; доцент СПбГУ;
президент,
Арктическая общественная академия наук
amitko@arctic-as.ru
Сидоров В.К.
н.с.,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
hamradio-spb@yandex.ru

РОССИЯ В АРКТИКЕ: НОВЫЕ РЕАЛИИ И ВЫЗОВЫ

Ключевые слова: Арктика, Северный морской путь, военно-стратегическая доктрина, климатическая доктрина, демографические проблемы, климатические проблемы, стратегическое партнерство.
Key words: Arctic, Northern Sea Route, military-strategic doctrine, climate doctrine, demographic problems, climate problems, strategic partnership.

В 2015 году, тогдашний вице-премьер России Дмитрий Рогозин, назвал Арктику «Меккой» для России. Россия является крупнейшей и одной из самых заинтересованных сторон в Арктическом регионе. Маршрут Северного морского пути (СМП), по которому, по праву, Россия имеет преимущество перед другими арктическими странами, поскольку этот исторический морской путь, проложенный еще в XVIII веке, соединяет Европейскую часть России с Дальним Востоком[1]. Арктика для России имеет большое значение с XI века. Во время холодной войны милитаризация ускорилась до опасного уровня, и Советский Союз развивал свои арктические регионы, создавая полномасштабные промышленные объекты, инфраструктуру и крупные постоянные поселения. В советское время СССР обеспечил мощное промышленное

[1] МИД РФ ответил на претензии Норвегии насчет поездки Рогозина на Шпицберген // Труд. — 2015. — 7 мая. — № 31, — https://www.trud.ru/article/20-04-2015/1324320_mid_rf_otvetil_na_pretenzii_norvegii_naschet_poezdki_rogozina_na_shpitsbergen.html.

присутствие в Арктической зоне, а масштабы его экономической деятельности превосходили деятельность других приполярных стран. При Михаиле Горбачеве, Советский Союз радикально снизил уровень военной конфронтации в этом регионе. Президент СССР отметил: «Пусть на Севере земного шара — Арктика, станет зоной мира. Пусть Северный полюс станет полюсом мира». Во время своей речи в Мурманске, в 1987 году, он предложил всем государства, заинтересованным в регионе, начать переговоры об ограничении и сворачивании военной активности на Севере как в Восточном, так и в Западном полушариях. Также, во время встречи в Мурманске, Михаил Горбачев заявил, что если предложение о создании безъядерной зоны в Северной Европе будет принято, в том числе и со стороны США, то Советский Союз готов стать гарантом. Советский Союз уже «в одностороннем порядке демонтировал пусковые установки ракет средней дальности на Кольском полуострове и большую часть пусковых установок таких ракет на оставшейся территории Ленинградского и Прибалтийского военных округов». Из этих районов было также вывезено значительное количество ракет меньшей дальности. Проведение военных учений было ограничено в районах, близких к границам скандинавских стран[2].

Михаил Горбачев полагал, что после заключения соглашения о «глобальном двойном нуле» могут открыться дополнительные возможности для военной разрядки в регионе. Что касается военно-морских взаимоотношений в регионе, Михаил Горбачев предложил провести консультации между странами Организации Варшавского договора и НАТО об ограничении военной активности и сокращении деятельности военно-морских и военно-воздушных сил в Балтийском, Северном, Норвежском и Гренландском морях и принять действенные меры по распространению укрепления доверия на эти районы.

Речь президента СССР свидетельствовала о миролюбивом, основанном на сотрудничестве, внешнеполитическом подходе Советского Союза к Арктике и всему миру, включая открытие Северного морского пути, который соединит Европу с Дальним Востоком и Тихим океаном.

* * *

В 2020 году были утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». Документ определяет Арктику как жизненно важную территорию для экономических и стратегических интересов России, включая развитие Северного морского пути как жизнеспособного и конкурентоспособного транспортного коридора на глобальном уровне и содействие развитию арктической инфраструктуры, а также благополучию проживающих в Арктике людей[3]. В нем также говорится о поддержании боеспособности и готовности вооруженных сил к сдерживанию агрессии против Российской Федерации в Арктике и дальнейшем развитие сил пограничной и береговой охраны в регионе. В то же время, Россия попыталась развеять опасения других стран-членов Арктического совета и подать сигнал заинтересованным странам, в частности Китаю. В 2019 году министр иностранных дел России Сергей Лавров пояснил, что Россия восстанавливает свой военный потенциал, чтобы обеспечить достаточную обороноспособность с учетом политической и военной ситуации на своих границах и не представляет угрозы для кого бы то ни было. Далее он отметил, что страна всегда будет готова защищать свои интересы и территориальную целостность.

События последних лет на Украине и вмешательство в конфликт европейских государств привели к тому, что общая международная напряженность достигла границ Арктики. Однако в 2021 году, когда президент Российской Федерации Владимир Путин и президент США Джо Байден встретились в Женеве, они оба говорили об Арктике как о регионе, где две страны могли бы сотрудничать, несмотря на их глубокие разногласия в других регионах. Однако в своей арктической стратегии на 2021 год, направленной на восстановление господства в Арктике, США говорят о защите своих национальных интересов, поддержании региональ-

[2] Речь Михаила Горбачева в Мурманске на торжественном собрании по случаю вручения городу Мурманску ордена Ленина и Золотой Звезды, 1 октября 1987 года. — https://helion-ltd.ru/gorbachev-speech-part-1/.

[3] Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года. — http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255.

ной стабильности, демонстрации глобальной мощи и возможных направлениях нападения в условиях конфликта[4]. США полагают, что арктические стратегии России противоречат интересам США. Они понимают, что Россия стремится укрепить свои суверенные притязания и контролировать доступ в регион. Как указано в стратегии США, российский военный потенциал в «регионе, безусловно, является наиболее развитой движущей силой соперничества великих держав»[5]. В том же документе США признают, что для России как для «страны, обладающей наибольшей территорией за Полярным кругом, первоочередной задачей является защита своего исторического права на господство на Крайнем Севере, защита своих территориальных интересов от государств, входящих в НАТО». Американцы понимают стремление России создать зону «защитного купола» в этом регионе. США также признают, что оборонительные возможности России в Баренцевом море указывают на «ее способность препятствовать воздушному, морскому или сухопутному доступу сил НАТО или США». На этом фоне, сотрудничество двух государств в Арктике остается маловероятным. В октябре 2022 года США опубликовали второе издание своей Национальной стратегии для Арктического региона», в которой цели и задачи США в Арктике остаются прежними.

Россия уделяла Арктике большое внимание в своих военно-стратегических доктринах. Доктрина 2022 года представляет особый интерес. Эта доктрина фокусируется на общей конфронтации России с США и НАТО. В ней подчеркивается особое значение применения силы для защиты глобальных интересов России. Доктрина представляет Россию как страну, которая пытается обеспечить безопасность своих транспортных маршрутов в Арктическом регионе. Вместе с этим отмечается переориентация российской внешней политики на глобальный Юг, одновременно с развитием выгодных для российской экономики предприятий в Арктике[6].

Учитывая динамику событий, будущее России в Арктике в ближайшие годы будет непростым. Конфликтность отношений России с США и другими арктическими государствами очевидна. Кроме того, Россию могут беспокоить и растущие амбиции Китая в Арктике. Для России Китай стал источником технологий и долгосрочного финансирования для развития энергетики и инфраструктуры в Арктике. Кроме этого, Китай также помогает России в различных областях, начиная от многофункциональных портов и аэродромов и заканчивая добычей энергетических ресурсов. Две страны также сотрудничают в научных исследованиях и обмениваются разведывательными данными, данными наблюдения и рекогносцировки, которые являются важными во многих областях. Интерес Китая к Арктике имеет в основном экономическую составляющую. Однако практика китайского присутствия в Центральной Азии показывает, что военный аспект может внедряться вслед за экономическим в целях защиты стратегических интересов Китая в сфере инвестиций.

Помимо геостратегических угроз со стороны США и других арктических государств, которые также являются членами НАТО, Россия также сталкивается с некоторыми нетрадиционными проблемами. Таяние вечной мерзлоты в Арктике может иметь значительные последствия для российских арктических городов. Российская Арктика больше, чем Аляска, Канада, Гренландия и скандинавские страны. По данным специальных ресурсов, на 01.08.2022 г., российская часть Арктики имеет значительно большее население, где проживает почти 2,5 миллиона человек. В регионе также расположены объекты тяжелой промышленности, в том числе некоторые из крупнейших в мире металлургических заводов, карьеров, горнодобывающих и перерабатывающих предприятий, угольных шахт, полигонов для испытаний ядерного оружия, хранилищ радиоактивных отходов и других экологически опасных объектов[7]. Таяние вечной мерзлоты в этих отдаленных районах может нанести значительный ущерб зданиям

[4] Army announces release of Arctic Strategy // U.S. Army Public Affairs. — 16.03.2021. — https://www.army.mil/article/244261/army_announces_release_of_arctic_strategy.

[5] Regaining Arctic Dominance: The U.S. Army in the Arctic, Headquarters // Department of the Army. — 19.01.2021. — https://api.army.mil/e2/c/downloads/2021/03/15/9944046e/regaining-arcticdominance-us-army-in-the-arctic-19-january-2021-unclassified.pdf.

[6] *Rakov* D. Russia's New Naval Doctrine: A 'Pivot to Asia? // The Diplomat. — 19.08.2022. — https://thediplomat.com/2022/08/russias-new-naval-doctrine-a-pivot-to-asia/.

[7] https://www.thearcticinstitute.org/country-backgrounders/russia/.

и важнейшей инфраструктуре, включая тысячи километров нефте- и газопроводов. Россия является одним из крупнейших источников выбросов парниковых газов. Тем не менее, Россия активно содействовала смягчению последствий изменения климата и опубликовала свою первую Климатическую доктрину в 2009 году. В 2013 году опубликован президентский Указ, в котором была поставлена задача снижения выбросов парниковых газов до 75% от уровня 1990 года. В 2020 году указом Президента было заявлено дальнейшее сокращение этого уровня — еще на 30%. Ныне действующая Климатическая доктрина Российской Федерации утверждена Указом Президента РФ В.В. Путина 26.10.2023 г.[8]

Пожары 2019 года на юге Сибири и в Республике Саха-Якутия, промышленное загрязнение, а также ядерное и военное загрязнение — это другие проблемы, с которыми мы сталкиваемся в Арктическом регионе и которые могут влиять на здоровье проживающих в этом регионе людей. Работа «Влияние глобальных климатических изменений на здоровье населения в российской Арктике», проведенная российской группой исследователей при ООН, показала, что люди в регионе страдают преимущественно от злокачественных опухолей и нарушений иммунной системы, отмечаются также высокие показатели репродуктивной смертности.

Мухсимова Д.Х.
PhD,
Институт макроэкономических и региональных исследований при Кабинете Министров Республики Узбекистан, Ташкент

«УМНЫЕ ГОРОДА» КАК ИНСТРУМЕНТ УСТОЙЧИВОГО УРБАНИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: МИРОВОЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ

Ключевые слова: умный город (Smart City), информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), Интернет вещей (IoT), цифровые двойники городов (Digital Twins).
Key words: smart city (Smart City), information and communication technologies (ICT), Internet of Things (IoT), digital twins of cities (Digital Twins).

Современные города сталкиваются с рядом острых проблем — транспортными заторами, ухудшением экологической ситуации, ростом аварийности и ограниченностью ресурсов. Концепция «умного города» (smart city) рассматривается как комплексный ответ на эти вызовы: она предполагает интеграцию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) с инфраструктурой и сервисами города для повышения качества жизни и рационального использования ресурсов. Европейская комиссия определяет «умный город» как город, который с помощью цифровых сервисов стремится улучшить благосостояние жителей и управлять энергией, водой, трафиком и загрязнением, а также стимулировать вовлечённость граждан и внедрение зелёных технологий[1].

По мнению экспертов, «умный город» — это город, где цифровые технологии, искусственный интеллект и большие данные работают совместно, помогая эффективно управлять транспортом, ЖКХ и безопасностью и тем самым повышать комфорт и устойчивость городской среды[2]. Умный город также сокращает эксплуатационные расходы и снижает негативное воздействие на окружающую среду, что делает его важным инструментом устойчивого урбанистического развития.

Определения «умного города» различаются: IBM называет его «оснащённым, связанным и интеллектуальным», а Европарламент подчёркивает ИКТ-ориентированность, позволяю-

[8] Климатическая доктрина Российской Федерации. 26.10.2023. — http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310260009?index=2.

[1] https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/smart-cities-and-communities.

[2] https://rg.ru/2025/09/02/budushchee-umnyh-gorodov-tehnologii-dlia-megapolisov.

щую решать социальные проблемы (борьба с бедностью, безработицей, эффективное управление энергией и т.д.). Тем не менее, аналитики выделяют общие черты — «умный город» во главу угла ставит устойчивость и экологичность, участие граждан в управлении, эффективное использование данных для оптимизации сервисов и повышение качества жизни[3].

Согласно международным стандартам, ключевые характеристики «умного города» включают ориентацию на человека, открытость и прозрачность (доступность инфраструктуры, открытые данные), интегрированные цифровые сервисы, а также защиту персональных данных жителей. Таким образом, умные города призваны создавать энергоэффективное пространство, где ресурсы расходуются рационально, а технологии служат потребностям граждан.

Концепция базируется на человекоориентированности, активном (проактивном) управлении и цифровой трансформации всех направлений функционирования города. Технологии «умного города» охватывают несколько направлений представленных ниже.

Интернет вещей и сенсорные сети. Подразумевают повсеместное развертывание датчиков и подключённых устройств (уличные датчики, «умные» счётчики, трекеры и т.д.), которые непрерывно собирают данные о состоянии транспорта, инфраструктуры, экологии и т.п. Например, технология радиочастотной идентификации (RFID) позволяет автоматически отслеживать, где находятся люди и оборудование, а mesh-сети IoT (каждый узел связан с каждым) обеспечивают надёжность связи и саморегулирующиеся точки доступа (например, на общественном транспорте). Эти данные передаются в облако для дальнейшего анализа.

Аналитика больших данных и искусственный интеллект (ИИ). Собранные данные обрабатываются с помощью ИИ, что позволяет предсказывать аварийные ситуации, оптимизировать графики движения транспорта, распределение энергии и другие процессы. Развиваются цифровые двойники городов — виртуальные 3D-модели и симуляторы. Так, проект Virtual Singapore создал реалистичную трехмерную модель города, а в ЕС разрабатывается «Local Digital Twins Toolbox» — набор инструментов для создания ИИ-основанных цифровых копий городов. Эти цифровые двойники позволяют заранее прогнозировать последствия городских изменений (например, влияние новой застройки на трафик и загрязнение)[4].

Связь и коммуникации. Умные города используют высокоскоростные сети (4G/5G, широкополосный Интернет), технологии беспроводной связи и Wi-Fi, а также инновационные решения, такие как передача данных через свет (Visible Light Communication). Например, Intel разработала систему VLC для транспортных средств: передающие устройства на фарах автомобилей обмениваются сигналами посредством световых вспышек, предупреждая водителей об опасностях на дороге. Другим примером являются «движущиеся сети» (Moving Networks): точки доступа устанавливают на общественном транспорте, что позволяет обеспечить пассажиров Wi-Fi и собирать данные о движении транспорта[5].

Умная энергетика и экология. Внедряются интеллектуальные энергосети (Smart Grids) и системы управления зданиями. Умное освещение автоматически регулирует яркость в зависимости от условий, что экономит электроэнергию. «Зелёные зоны» (парки, вертикальное озеленение) и мониторинг качества воздуха/воды помогают сохранять окружающую среду. В ЖКХ применяются предиктивные алгоритмы (IoT-счетчики, датчики утечек) для снижения потерь и минимизации аварий.

Электронное управление и безопасность. Развиваются сервисы «электронного правительства»: единые цифровые идентификаторы граждан, онлайн-порталы госуслуг, мобильные приложения обратной связи. Проводится интеграция систем видеонаблюдения с ИИ (аналитика видеопотоков), биометрической аутентификации и системы экстренного оповещения. При этом критически важным становится информационная безопасность: «цифровая нервная система города» уязвима к кибератакам, поэтому защита данных и киберстандарты являются неотъемлемой частью smart city-проектов.

Далее нами рассмотрены примеры успешной интеграции технологий умного города в высокоразвитых странах.

---

[3] https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5fc625769a79471899ba9ad2.

[4] https://interoperable-europe.ec.europa.eu/collection/ldttoolbox.

[5] https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5fc625769a79471899ba9ad2.

Практика умных городов в Германии охватывает десятки муниципалитетов. По данным исследований, в 2024 г. 98% немецких городов приступили к реализации этой стратегии[6]. Среди лидеров — Мюнхен, Гамбург, Кёльн. Мюнхен третий год подряд возглавляет немецкий Smart City Index, благодаря интеграции инноваций в городское управление. Гамбург внедряет интеллектуальное освещение и системы мониторинга энергопотребления, делая упор на устойчивую среду. Берлин активно использует умные светофоры и аналитику трафика для сокращения пробок, на уровне государства разработана «Национальная стратегия умных городов» (Smart Cities Strategy Germany)[7], направленная на развитие инфраструктуры IoT, цифровых платформ и зелёной экономики. Кроме того, немецкие города инвестируют в «умные» транспортные решения — электробусов, велосипедных шеринговых систем и интегрированные маршруты, что способствует снижению выбросов и повышению мобильности.

В отличие от немецкой модели, в японских проектах умных городов основной упор делается на социальную устойчивость и решение демографических проблем, таких как старение населения и отток в сельскую местность. Национальная концепция «Общество 5.0» подразумевает создание «умного» общества на основе ИИ, больших данных и IoT, ориентированного на потребности человека[8]. Пионером стал проект Fujisawa Sustainable Smart Town (префектура Канагава), реализованный компанией Panasonic: городок открыли в 2014 г. для 100 семей, теперь там живут тысячи людей, а проект фокусируется на пяти направлениях — энергоснабжение, безопасность, транспорт, здравоохранение и общество. В рамках Fujisawa SST предполагается, что 30% энергии будет поступать из возобновляемых источников, а выбросы углекислого газа снизятся на 70% относительно первоначальных показателей. Сходный принцип заложен в более поздних проектах — Kashiwa-no-ha и Tsunashima — где ставится акцент на интеграцию ВИЭ, систему накопления энергии и услуги «умного» дома. Японские умные города также уделяют внимание устойчивости к стихийным бедствиям (резервные энергохранилища) и социальной вовлечённости жителей (инициативы по отказу от услуг во избежание избыточного контроля[9].

В отличие от японской модели, в Соединённых Штатах акцент при развитии умных городов традиционно делается на информационно-коммуникационных технологиях и открытых данных. Известен, например, проект Array of Things в Чикаго — сеть из сотен сенсоров на городских столбах и светофорах, измеряющих загрязнения воздуха, уровень шума, плотность трафика и другие параметры. Цель проекта — сделать город «здоровее, комфортнее и эффективнее», предоставляя данные инженерам, учёным и жителям для создания новых прикладных сервисов. Другие американские города (Нью-Йорк, Сан-Франциско, Орландо и др.) внедряют «умные» парковочные системы, платформы открытых данных и ИИ-ассистентов для граждан. Отмечается, что успех этих инициатив зависит от сотрудничества властей с ИТ-компаниями и университетами, а также доверия населения к цифровым технологиям.

В отличие от американской модели, ориентированной на цифровые сервисы и участие частного сектора, Южная Корея реализует проекты «умных городов» с планировкой и строительством с нуля — яркий пример тому район Сонгдо в Инечхоне. Проект начат в начале 2000-х как «город будущего», интегрирующий передовые цифровые технологии с экологическими решениями. Сонгдо, расположенный рядом с аэропортом Инчхон, позиционируется как международный деловой и исследовательский центр с устойчивой инфраструктурой[10]. Там применяются уникальные технологии — подземная пневмосистема сбора мусора, избавляющая город от мусоровозов и уменьшающая трафик; обширный «Центральный парк» с велосипедными дорожками и зонами отдыха; интеллектуальная энергосеть, которая в реальном времени управляет потреблением электроэнергии и максимально интегрирует возобновляемые источники. Сонгдо также является домом для Зеленого климатического фонда (Green Climate Fund), международной организации по финансированию экологических проектов, что подчёркивает ориентацию города на устойчивое развитие. При этом существуют и проблемы — рост населения идёт медленнее ожиданий (возникает эффект «пустого города»), а также

6 https://duscons.com/smart-city-projects-in-germany/.

7 https://projects.au.dk/infrapublics/civic-communication/smart-city-projects/smart-city-strategies-in-germany.

8 https://infopolicy.net/en/umnye-goroda-v-yaponii-izmenenie-oblik.

9 Ibid.

10 https://en.innovando.news/songdo-corea-sud-prima-smart-city-greenfield/.

отмечаются опасения граждан по поводу конфиденциальности данных, собираемых многочисленными сенсорами.

Остров-город Сингапур реализует амбициозную государственную программу Smart Nation. Каждый житель имеет единый цифровой идентификатор (ID) для доступа ко всем электронным услугам. Инфраструктура города «пронизана» сенсорами и камерами: они управляют общественным транспортом, уличным освещением, системами кондиционирования и мониторят безопасность. Ключевой проект (Virtual Singapore) — это трёхмерная цифровая модель города с реальными данными (о зданиях, трафике, климате и т.д.), которая даёт возможность планировщикам «просчитывать» городские сценарии и оценивать последствия изменений (например, где появятся пробки или как изменится воздушное движение при новой застройке). Благодаря таким системам Сингапур давно лидирует в мировых рейтингах Smart City.

В ЕС продвигаются инициативы, связывающие цифровую трансформацию городов с «зеленым курсом». Принцип «умного и устойчивого города» формулируется как использование цифровых технологий для повышения энергоэффективности зданий, уменьшения выбросов и вовлечения граждан. Еврокомиссия финансирует создание платформ обмена данными, цифровых двойников (проекты CitiVERSE и Living-in.EU) и сетей умных сообществ. Многие европейские города (например, Барселона, Амстердам, Осло, Цюрих) реализуют комплексные стратегии, включающие «умный» транспорт (включая велоинфраструктуру), возобновляемую энергетику и цифровые решения в ЖКХ. По оценкам IMD Smart City Index, лидерами в 2025 году стали Цюрих, Осло и Женева, однако именно облик Сингапура часто служит образцом для других городов благодаря глубокой интеграции ИКТ и экологии. Важно отметить, что даже в этих странах программы Smart City строятся с учётом социальных целей — развитие доступного жилья, инклюзия уязвимых групп и устойчивость к изменениям климата.

Ключевыми проблемами на пути развития умных городов остаются кибербезопасность и защита персональных данных. Как отмечает специалист по цифровым решениям, «цифровая нервная система города становится его ахиллесовой пятой, одна успешная атака способна парализовать жизнеобеспечение». Кроме того, внедрение smart-инфраструктуры требует крупных инвестиций и высокой квалификации кадров. Социальные вызовы включают «цифровой разрыв» между разными группами населения и опасения по поводу слежки (как показал пример Сонгдо). Нормативное регулирование также отстаёт: вопросы управления данными, приватности и ответственности за «умные» сервисы требуют новых правовых подходов.

Среди перспектив — дальнейшее развитие 5G/6G-сетей и облачных технологий, расширение использования ИИ, дополненной реальности и дронов. Уже сегодня создаются городские «цифровые двойники», которые позволяют в духе игры SimCity моделировать городские процессы в реальном времени. Специалисты описывают это так: система анализирует данные с тысяч датчиков и «рисует» цифровую карту города, на которой можно тестировать решения и оптимизировать управление «до их реализации». Европейские города начинают применять такие технологии: ЕС внедряет «Local Digital Twins Toolbox»[11], а ряд пилотных проектов по всему миру демонстрируют рост автономных транспортных систем, умных парковок и платформ совместного планирования. Всё это обещает сделать будущие города ещё более эффективными и экологичными, если удастся преодолеть существующие ограничения.

Подводя итоги, отметим, что умные города действительно являются важным инструментом устойчивого урбанистического развития. На примерах индустриально развитых стран видно, что интеграция ИКТ и аналитики позволяет решать традиционные городские задачи (трафик, ЖКХ, экология) и при этом повышать энергоэффективность и качество жизни. Лидеры демонстрируют, что комплексный подход (технологии + социальное планирование) даёт высокую отдачу — от снижения пробок до улучшения экологических показателей. Вместе с тем успех smart city-проектов будет во многом зависеть от способности обществ справляться с новыми рисками (безопасность данных, этика ИИ, экономическая доступность технологий). В глобальной перспективе переход к интеллектуальным городам идёт параллельно с целями ООН в области устойчивого развития: «умные» решения способны сделать города более экологичными, инклюзивными и адаптивными к будущим вызовам.

[11] https://interoperable-europe.ec.europa.eu/collection/ldttoolbox/discover-eu-ldt-toolbox.

Список литературы

1. «Умный город»: пять технологий концепции smart city // РБК Тренды. — https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5fc625769a79471899ba9ad2.
2. Концепция «Умный город» — для решения проблем с транспортом, экологией и безопасностью // UZA. — https://uza.uz/ru/posts/koncepciya-umnyy-gorod-dlya-resheniya-problem-s-transportom-ekologiey-i-bezopasnostyu_689359.
3. *Иминов А.* Важность проекта «умный город» в Узбекистане // Green-Eco.uz. — DOI: 10.5281/zenodo.15729440.
4. *Птичникова Е.* «Умный город» и его «умные пространства»: критические аспекты // Градостроительство и Архитектура. — https://journals.rcsi.science/2542-0151/article/view/310794/ru.
5. Национальный проект «Цифровая экономика» // Википедия.
6. Фантастические «умные» города сегодня // Хабр. — https://habr.com/ru/companies/sezinnopolis/articles/598147/.
7. Songdo, South Korea's first greenfield smart city in the world // Innovando.news. — https://en.innovando.news/songdo-corea-sud-prima-smart-city-greenfield/.
8. Digital Transformation of Cities. Interoperable Europe / European Commission. — https://interoperable-europe.ec.europa.eu/collection/ldttoolbox/discover-eu-ldt-toolbox.

Новоселов А.С.
д.э.н., профессор,
зав. Отделом регионального и муниципального управления,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Ковалев А.Е.
к.э.н., доцент, с.н.с.,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ[1]

Ключевые слова: муниципальное управление, стратегическое планирование, моделирование, прогнозирование, социально-экономическое развитие.
Key words: municipal management, strategic planning, modeling, forecasting, socio-economic development.

В современных условиях глобальных ресурсных и технологических изменений и неопределенности внешней среды в экономике России активизируются процессы модернизации и цифровизации региональных и муниципальных систем планирования и управления. В связи с этим особую роль приобретает научно-обоснованное стратегическое планирование и прогнозирование, базирующееся на современных информационных системах и цифровых технологиях. Следовательно, разработка методических подходов к стратегическому планированию и прогнозированию является весьма актуальной и необходимой предпосылкой реализации социально-экономических реформ во всех муниципальных образованиях Российской Федерации. Актуальность проблемы усиливается тем обстоятельством, что система управления на муниципальном уровне постоянно реформируется, ее становление происходит в условиях недостаточной разработанности пространственного аспекта социально-экономического раз-

[1] Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Научные основы новой модели и стратегического управления развитием восточных районов России с учетом вызовов, угроз и технологических трендов первой половины XXI века».

вития и методов интеграции муниципального уровня в общую систему управления субъектом Федерации.

Проблема совершенствования системы управления, планирования и прогнозирования развития муниципальных образований, безусловно, находит широкое освещение в научной литературе. Вместе с тем следует отметить, что решение этой проблемы происходит в период реформирования всей системы управления РФ, когда еще нет устоявшихся представлений о распределении полномочий, адекватном распределении бюджетных ресурсов и разрешении противоречий между правовыми полномочиями территориальных образований различного уровня и финансово-экономическими возможностями реализации этих прав [1; 2].

В регионах России продолжается процесс разработки управленческого и планово-прогнозного инструментария в форме экономико-математических моделей социально-экономического развития муниципальных образований, а также их внутренних и внешних процессов. При этом авторы все чаще прибегают к проведению многоэтапного анализа с использованием различных подходов, направленных на повышение качества итоговых результатов исследования. Тем не менее, в экономической литературе представлено недостаточно работ, рассматривающих муниципальное образование в целом как систему. Зачастую авторы таких работ выбирают для своего анализа отдельные направления деятельности, что среди прочих причин может объясняться недостаточной развитостью вычислительных продуктов, не способных учесть при расчетах все необходимые для получения качественных результатов данные, ограничения и взаимосвязи.

Разработка моделей сложных экономических систем в целях планирования и прогнозирования имеет давние традиции как в России, так и за рубежом. Зарубежный опыт в области моделирования развития муниципальных образований сконцентрирован преимущественно в области применения моделей общего равновесия. Эти работы связаны в основном с выбором оптимальных функциональных форм для описания рынков и экономических субъектов, заданием различных априорных предположений, расширенным описанием внешних условий, переходом от экзогенного определения показателей модели к эндогенному и т.д. При этом выбор функциональных форм и прочих параметров моделирования осуществляется в рамках решения отдельно взятой специализированной задачи или отдельных проблем, например, таких как рынок жилья на муниципальном уровне, демография отдельно взятого города, влияние миграции на экономическое развитие муниципальных образований, экстерналии в городской экономике и других проблем муниципалитетов [3–5]. В основном эти модели имеют научно-исследовательскую направленность и предназначены в большей степени для выявления отдельных закономерностей и проверки выдвигаемых исследователями гипотез, а не для практического применения. Результат оценки эффективности проведения той или иной экономической политики местными администрациями на моделях такого типа будет в значительной степени зависеть от спецификации функциональных форм при описании экономических агентов.

Методические подходы, представленные в работах российских авторов, различаются как по набору инструментов моделирования и анализа, так и по выбору объекта исследования [6–8]. Также как и в работах зарубежных коллег многие российские ученые рассматривают не муниципальное образование в целом, а некоторые его функции или процессы. Как правило, это распределение финансовых средств, иных ограниченных ресурсов или налоговой нагрузки. Работы российских специалистов условно можно разделить по видам применяемых подходов на две основные группы: качественные и количественные. Указанные подходы не являются взаимоисключающими и на практике дополняют друг друга. В то же время их совместное применение позволяет использовать максимум доступной информации и, как следствие, получать более качественные модели с точки зрения их соответствия наблюдаемым в жизни состояниям объекта и применимости в практике управления.

Происходящие реформы оказывают непосредственное влияние на экономику муниципальных образований, которая характеризуется высокой степенью открытости. Все в большей степени усиливаются взаимосвязанность и взаимозависимость городов и районов, являющихся подсистемами региональной экономической системы [9]. Открытый характер региональных систем предполагает тесные зависимости процессов формирования товарных, финансовых, трудовых, информационных ресурсов и реализации конечной продукции каждого города

и района от размещения производства и потребления, структуры межрегиональных связей в масштабе России, стран ближнего и дальнего зарубежья [10]. Развитие инновационной среды, проявляющееся в распространении новых технологий, компьютеризация экономической деятельности меняют характер муниципальных отношений, глобальная информатизация усиливает интеграционные процессы посредством обмена коммерческой, производственной, научно-технической информацией, резко возрастает роль знаний и инноваций в экономическом развитии городов и районов и обеспечении устойчивой конкурентоспособности [11].

Таким образом, возникает необходимость в новом подходе к моделированию социально-экономических процессов муниципальных образований и прогнозированию развития городов и районов. Задача исследования заключается также в создании новой методологии анализа и прогнозирования пространственного развития субъекта Федерации в изменившихся условиях, когда большая часть муниципальных образований объективно экономически не самостоятельна и должны быть разработаны новые формы, методы и механизм участия региональных органов власти в управлении муниципальными образованиями [12]. Одно из условий повышения эффективности муниципального управления — создание новой технологии разработки планово-прогнозных документов, обеспечивающих единство и взаимосвязь между различными уровнями пространственной системы — федеральным, региональным, муниципальным. Это предполагает реализацию новых методических подходов к системе управления, планирования и прогнозирования на муниципальном уровне, в которой должны быть определены полномочия регионального и муниципального уровня, а также бюджетно-финансовый механизм взаимодействия региональных и муниципальных органов власти [13].

В новых условиях исследование проблем муниципальных образований и прогнозирование их развития становится возможным на основе моделирования социально-экономических процессов. Необходимость системного подхода в муниципальном управлении и использования современного экономико-математического инструментария с целью повышения эффективности принимаемых управленческих решений обосновывается во многих научных работах. В ИЭОПП СО РАН разработаны методологические основы и методический аппарат для моделирования процессов управления экономикой муниципальных образований как сложных институциональных систем. Предложена балансово-оптимизационная модель, предназначенная для прогнозирования и управления социально-экономическими процессами развития муниципального образования [14; 15].

Методологической базой моделирования социально-экономических процессов муниципальных образований и прогнозирования развития городов и районов является теория регионального воспроизводства как основа распределения полномочий и функций управления на региональном и муниципальном уровне, изучения противоречий на региональном и муниципальном уровне, форм и методов их разрешения, анализа распределения финансовых потоков в регионе, источников формирования инвестиционных ресурсов и методов их привлечения [16–18]. Особенность предлагаемого подхода к исследованию проблем управления, планирования и прогнозирования социально-экономического развития муниципальных образований состоит в том, чтобы рассматривать в единстве вопросы практического становления местного самоуправления с созданием такой подсистемы управления муниципальными образованиями, которая бы являлась частью общей системы управления развитием субъекта Федерации. Исследование проблем муниципального управления должно опираться на понимание того, что, во-первых, региональная экономическая система имеет сложную структуру, во-вторых, составные элементы этой системы (муниципальные образования) требуют для своего управления разработки специфического механизма управления, в-третьих, эти механизмы должны быть взаимно непротиворечивы.

При распределении полномочий управления между территориями различных рангов (субъект Федерации, город, район) важным является положение о том, что совокупность региональных воспроизводственных циклов, пространственно локализованных на территории определенного ранга, должна определять круг функций и полномочий того или иного уровня власти. Критерий распределения социально-экономических функций управления между различными уровнями территориальной системы — степень локализации использования результатов выполняемых функций. Не масштабы и количественные параметры социаль-

но-экономического развития, а совокупность осуществляемых функций управления должна стать отличительной особенностью административно-территориальных образований различных рангов. Такой подход к решению данной проблемы позволяет конкретизировать ответственность за решение социально-экономических задач на каждом уровне муниципального управления.

В задачи муниципальных органов входит эффективное управление муниципальной собственностью и экономическое регулирование процессов функционирования предприятий и организаций различных форм собственности, регулирование деятельности населения, занимающегося частным предпринимательством, организаций рыночной инфраструктуры и других сфер деятельности. Для эффективного управления социально-экономическим развитием муниципальные органы управления, не вмешиваясь в дела экономически самостоятельных предприятий, должны играть интегрирующую роль в создании социально-экономической среды местного сообщества, т.е. управлять теми процессами, в которых заинтересованы бизнес и население муниципального образования и которые непосильны отдельным предприятиям [19; 20]. Взаимоотношения муниципальных органов власти и бизнеса должны рассматриваться с позиций каждого субъекта во взаимосвязи различных аспектов (социального, экономического, финансового, инвестиционного, инновационного и др.). При рассмотрении вопросов муниципального налогообложения с точки зрения бизнеса выделяются такие аспекты, как влияние на прибыль, инвестиции, технологии, а при оценке с позиций муниципальных органов власти — возможность свободы в выборе состава местных налогов, налоговых ставок, а также влияние внешних источников доходов. Таким образом, создается возможность всестороннего учета экономических интересов бизнеса, что позволяет обеспечить согласованность и взаимовыгодность рыночных отношений. Взаимодействие муниципальных органов управления и бизнеса должно рассматриваться как муниципально-частное партнерство, а местные налоги — как эффективное средство поддержания взаимовыгодных отношений. Располагая устойчивой базой налогообложения, муниципальные органы управления обеспечивают развитие инфраструктуры, необходимой для бизнеса, охрану окружающей среды, развитие образования и здравоохранения. Партнерство рассматривается главным образом как вопрос местной компетенции, и в этом вопросе муниципальные власти должны быть самостоятельны и не должны зависеть от воли федеральных и региональных органов.

Управление муниципальным образованием представляет собой сложный многоплановый процесс, включающий в себя решение стратегических и тактических задач. Развитие муниципального образования осуществляется в рамках финансово-бюджетных циклов, равных по длительности одному году. В каждом таком цикле принимаются значимые управленческие решения, влияющие на восполнение бюджета и использование средств бюджета в текущем году и в последующие годы, а также влияющие на качественные, нефинансовые показатели развития города. Необходимость повышения сбалансированности принимаемых решений в муниципальном управлении с учетом долгосрочных целей приводит к потребности совершенствования многофункционального инструментария моделирования социально-экономических процессов.

Разработанная модель позволяет прогнозировать показатели социально-экономического развития муниципального образования на длительную перспективу. На основе обобщения положительного опыта использования модели на примере двух небольших городов — Бердска и Кызыла в дальнейшей работе был получен практический опыт применения указанной модели для крупнейшего муниципального образования — города Новосибирска. Результаты исследования показали, что на основе разработанной модели могут быть сделаны прогнозы изменений, происходящих в муниципальном образовании в ответ на определенные виды управленческих воздействий. При этом могут рассчитываться показатели развития муниципального образования в процессе финансово-бюджетных циклов, на каждом из которых принимаются значимые управленческие решения, влияющие на восполнение бюджета не только в следующем году, но и в последующие годы, а также влияющие на социально-экономические показатели развития города. Данная модель охватывает различные показатели, характеризующие развитие муниципального образования. Модель имеет следующие особенности: расчет интегрального показателя, характеризующего в целом развитие муниципального образова-

ния; расчет показателей «возмущения», характеризующих предполагаемое отношение населения к решению определенного перечня задач, стоящих перед муниципальным управлением [21].

Значения переменных в модели определяются последовательно год за годом. Полученный результат расчетов для одного года вводится в уравнение для следующего года и т.д. Таким образом, проводя последовательные вычисления, можно получить результаты решения задачи для любого момента времени. Модель представляет собой систему взаимосвязанных блоков, отражающих различные аспекты деятельности муниципального образования — демографический блок; экономический блок; блок жилищно-коммунальных услуг; блок образования; блок собственности; блок потребления. Для работы модели используется интегральный критерий оптимальности, суммирующий критерии оптимальности каждого этапа.

На первом этапе исследования проведен расчет прогноза показателей развития экономики Новосибирска на период до 2035 г. на базе статистических данных с использованием оптимизационной модели динамического моделирования. Необходимо отметить, что в данных статистики нашли свое отражение отдельные стагнационные явления в экономике. Уже после первой оптимизации прогнозного расчета было достигнуто улучшение ряда ключевых показателей по отношению к базовому прогнозу: в среднем прирост ключевых показателей муниципального образования на конец прогнозируемого периода составил 11%, а для системы образования прирост достиг 53%. Первоначальное использование модели позволило получить положительные результаты и адекватные прогнозы. Прогнозирование основных показателей развития Новосибирска выявило необходимость адаптации модели с учетом особенностей этого крупнейшего муниципального образования.

В целях дальнейшего совершенствования модели на втором этапе были поставлены и решены следующие задачи: оценить достоверность результатов практического применения модели развития г. Новосибирска на период до 2035 г., проанализировать теоретические и методологические аспекты модели, обосновать ее полезность с точки зрения применения для целей практического управления муниципальным образованием, в частности г. Новосибирском, разработать предложения по совершенствованию модели. В результате совершенствования модели получен значительный положительный сдвиг в прогнозах развития экономики города. Расчеты показали, что в целом модель может работать с реальной экономической информацией и дает положительный результат, но при этом она требует адаптации с учетом масштаба муниципального образования и особенностей социально-экономических процессов [21; 22]. Преимуществом предложенной методики является высокая гибкость, скорость вычисления и пересчета возможных сценариев развития, возможность использования статистических данных, экспертных оценок и прогнозов различных показателей на перспективу. Развитие и использование подобного инструмента позволит находить новые решения, своевременно выявлять проблемные зоны и эффективно перераспределять имеющиеся ресурсы в соответствии с выбранными критериями.

Балансово-оптимизационная модель развивается и совершенствуется уже ряд лет, за это время были достигнуты не только отдельные улучшения внутри параметров модели, но и появилась возможность проверить правильность ранее сделанных прогнозов. В целом планфактный анализ показал незначительные отклонения на примере параметров городского бюджета. Наибольшее влияние на данные оптимизированного прогноза оказывают тенденции последних лет, отразившиеся в фактических данных. Тем не менее, в длительной перспективе происходит оптимизация внутренних соотношений показателей без значительного роста экономики в целом, что соответствует ожиданиям, высказываемым ведущими экономистами, в условиях модернизации экономики России.

Проведенные исследования показывают, что сама идея использования балансово-оптимизационных моделей для гармонизации развития муниципального образования остается привлекательной и перспективной. Очень важно, что этот инструмент принципиально может эволюционировать, совершенствоваться опережающими темпами по отношению к изменчивости внешней среды. На основе использования модели удается получить качественный рост показателей и обеспечить повышение адекватности ее практического использования в управлении социально-экономическими процессами муниципального образования. Исследования

показали, что для практического использования модели и получения результатов, которые могли бы быть рекомендованы для применения при разработке долгосрочных стратегических прогнозов, необходимы как методическое совершенствование самой модели, так и повышение качества используемой информации. В процессе дальнейшего совершенствования модели необходимо учитывать выявленные проблемы и принимать во внимание теоретический, методологический и практический аспекты ее использования.

В результате совершенствования модели и разработки прогнозов комплекса показателей социально-экономического развития станет возможным: принимать решения, которые реальны с точки зрения наличия соответствующих финансово-экономических возможностей региона; заинтересовывать бизнес-структуры, расположенные в регионе, в решении общерегиональных задач по усилению конкурентных позиций региона, наращиванию его финансово-экономического потенциала, создавая для бизнеса условия, обеспечивающие экономическую целесообразность и выгодность участия в решении муниципальных проблем; концентрировать деятельность на реализации приоритетных проектов, на решении межотраслевых вопросов, которые важны для каждого отдельного предприятия, расположенного на территории, но могут быть решены лишь на основе межотраслевого взаимодействия.

Список литературы

1. *Бухвальд Е.М.* Совершенствование механизмов стратегического планирования муниципальных образований в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. — 2023. — № 4(182). — С. 51–56.
2. Региональное и муниципальное управление: проблемы теории и практики / А.С. Новоселов, Г.А. Унтура, Г.Д. Ковалева и др. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2022. — 424 с.
3. *Desmet K., Rossi-Hansberg E.* Spatial Development // American Economic Review. — 2014. — Vol. 104. — No 4. — P. 1211–1243.
4. *Young A.* Inequality, the urban-rural gap, and migration // Quarterly Journal of Economics. — 2013. — Vol. 128. — P. 1727–1785.
5. *Brinkman J.* Congestion, Agglomeration, and the Structure of Cities // Journal of Urban Economics. — 2016. — Vol. 94. — P. 13–31.
6. *Соколова О.В.* Прогнозирование социально-экономического развития муниципального образования // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. — 2021. — № 13(4). — С. 85–97.
7. *Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Пивоварова О.В., Орешников В.В., Строев П.В.* Прогнозирование социально-экономического развития муниципального образования: бюджетный аспект // Финансы: теория и практика. — 2023. — Т. 27. — № 3. — С. 79–91.
8. *Барбашова Н.Е.* Подходы к построению и использованию модели долгосрочного бюджетного прогноза на региональном уровне // Финансовый журнал. — 2022. — № 2. — С. 8–25.
9. *Маршалова А.С., Новоселов А.С.* Региональная экономическая политика субъекта Федерации: проблемы разработки и реализации // Регион: экономика и социология. — 2014. — № 1. — С. 124–144.
10. Региональное и муниципальное стратегическое планирование и управление: методология, проблемы, институты / В.Е. Селиверстов, А.С. Новоселов, О.П. Бурматова и др. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2025. — 362 с.
11. *Новоселов А.С., Фалеев А.В.* Стратегическое планирование как основа долгосрочного развития региональной экономики (на материалах Новосибирской области) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. — 2019. — № 3(59).
12. *Новоселов А.С., Маршалова А.С., Ждан Г.В.* Методологические проблемы и организационная структура управления пространственным развитием регионов // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. — 2017. — № 1-1(49). — С. 80–94.
13. *Новоселов А.С., Маршалова А.С.* Инновационный подход к региональному и муниципальному управлению // Регион: экономика и социология. — 2015. — № 1. — С. 55–78.
14. *Гайдук Е.А., Ковалева Г.Д.* Муниципальное образование в системе программного управления. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. — 230 с.

15. *Новоселов А.С., Гайдук Е.А., Ковалев А.Е.* Моделирование стратегического развития муниципального образования // Вестник Кузбасского государственного технического университета. — 2016. — № 4. — С. 123–132.
16. Управление социально-экономическим развитием регионов Сибири / А.С. Новоселов, Г.Д. Ковалева, Т.Г. Ратьковская и др. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2020. — 420 с.
17. *Новоселов А.С.* Институциональная среда социально-экономического развития муниципальных образований // Регион: экономика и социология. — 2020. — № 1. — С. 200–232.
18. *Маршалова А.С., Новоселов А.С., Волянская Т.В.* Концепция регионального управления на этапе поиска эффективной модели экономического развития России // Современные технологии управления. — 2016. — № 8(68). — С. 11–26.
19. *Маршалова А.С., Новоселов А.С.* Муниципальные образования и инновационное развитие экономики // Регион: экономика и социология. — 2011. — № 1. — С. 225–234.
20. Проблемы стратегического управления экономикой региона / А.С. Новоселов, Н.Д. Гончарова, Ю.С. Терехова и др. — Новосибирск, 2010. — 239 с.
21. *Новоселов А.С., Ковалев А.Е., Гайдук Е.А.* Совершенствование муниципального управления на основе моделирования социально-экономических процессов // Регион: экономика и социология. — 2021. — № 2. — С. 236–266.
22. *Novoselov A.S., Kovalev A.E., Gaiduk E.A., Mkrtchyan G.M.* Elaboration of Balance-Optimization in Economic and Mathematical Model of Development of a Large Municipal Unit: Real Experience // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. — 2019. — No 12. — P. 2258–2276.

Прокапало О.М.
д.э.н.,
заместитель директора по научной работе,
Институт экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск
prokapalo@ecrin.ru

ЭКОНОМИКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: санкционные ограничения, мониторинг, макроэкономическая динамика, инвестиции, инфляция, потребительский спрос, Дальневосточный федеральный округ.
Key words: sanction restrictions, monitoring, macroeconomic dynamics, investments, inflation, consumer demand, Far Eastern Federal District.

В настоящее время состояние российской экономики определяется адаптационными возможностями нивелировать воздействие шоков в условиях сохраняющего санкционного давления. В *современной ситуации глобальных вызовов реализация восточного вектора развития в рамках национальной стратегии предъявляет повышенные требования к формированию взвешенной и обоснованной социально-экономической государственной политики в отношении дальневосточных субъектов РФ.* Дальневосточный федеральный округ (ДФО), занимая более 40% территории Российской Федерации, отличается многообразием пространственных форм организации экономической деятельности, а также природными и социальными условиями жизнедеятельности населения. В течение длительного времени Дальний Восток является объектом повышенного внимания центральных органов власти, что подтверждается количеством принятых программ, правительственных постановлений, созданием органов государственного управления и институтов развития[1]. В качестве приоритетных задач выступа-

[1] *Минакир П.А.* Экономика регионов. Дальний Восток. — М.: Экономика, 2006. — 848 с.; *Минакир П.А., Прокапало О.М.* Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. — Хабаровск: ДВО РАН, 2010. — 304 с.;

ет рост экономики темпами, опережающими среднероссийские, рост качества жизни населения, создание условий для привлечения в макрорегион инвестиционных и трудовых ресурсов.

Для дальневосточных регионов оценка результатов реализации политики «поворота на Восток» неоднозначна и характеризуется сохранением неустойчивых тенденций, оказывающих влияние на дальнейшее экономическое развитие. В 2023–2025 гг. индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности (ИВВО) в ДФО составил 112,6%, что на 1,5 п.п. выше среднероссийского показателя (табл. 1).

Таблица 1

Динамика основных показателей развития экономики РФ и ДФО, в % к предыдущему периоду

Показатель	2023		2024		Январь-сентябрь 2025	
	РФ	ДФО	РФ	ДФО	РФ	ДФО
Выпуск товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности	105,1	107,0	104,8	101,5	100,9	103,7
Промышленное производство[1]	104,3	106,0	105,6	103,3	100,7	101,4
добыча полезных ископаемых	99,0	107,5	99,6	104,2	97,9	102,2
обрабатывающие производства	108,7	103,5	109,8	102,2	102,9	99,7
Инвестиции в основной капитал	109,8	122,7	107,4	105,9	100,5	101,6
Строительство	109,0	122,5	102,1	94,7	103,1	106,4
Индекс потребительских цен на товары и услуги	107,4	108,3	109,5	108,7	104,32	105,1[2]
Реальные денежные доходы населения	106,5	103,5	108,4	106,0	106,3	104,8
Оборот розничной торговли	108,0	103,8	107,7	107,6	102,1	105,2

Примечание: [1] — агрегированный индекс производства по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха», «Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений»; [2] – сентябрь 2025 г. к декабрю 2024 г.

Источники: Социально-экономическое положение России. Январь-сентябрь 2025 г. — https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-09-2025.pdf; Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации. — https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259; Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности по субъектам Российской Федерации. — https://fedstat.ru/indicator/62024.

При этом следует отметить снижение темпов роста в 2024 г., что связано, в том числе, со структурными проблемами в отдельных секторах и сферах деятельности в условиях продолжающейся адаптации экономики к новым условиям. По предварительным итогам, в январе — сентябре 2025 г. ИВВО составил 103,7% по сравнению с аналогичным периодом 2024 г. Показатели по ДФО хотя и превышали среднероссийские значения, но значительные амплитудные колебания от слабо отрицательных темпов в мае и августе, до положительных темпов 108,2–105,9% в январе-апреле пока не позволяют говорить о формировании полноценной тенденции роста. Положительная динамика ИВВО была отмечена в большинстве дальневосточных субъектов РФ. Сохранение отрицательных темпов в двух регионах федерального округа (Камчатский край и Сахалинская область) связано, в том числе, со снижением объёмов добычи полезных ископаемых.

Промышленный комплекс, сформированный за счет мощного добывающего сектора, а также обрабатывающих производств, частично ориентированных на обслуживание воен-

Михеева, Н.Н. Дальний Восток как модель геостратегического региона в стратегии пространственного развития // Проблемы прогнозирования. — 2025. — № 4 (211). — С. 58–69. — DOI: 10.47711/0868-6351-211-58-69.

но-оборонного заказа, занимает лидирующее место в ВРП дальневосточных субъектов РФ. На начало 2024 г. доля промышленного производства в общем объеме валового регионального продукта в целом по ДФО составляла 39,8% и варьировала в пределах от 9,4% (Приморский край) до 64–72% (Республика Саха (Якутия) и Сахалинская область).

В промышленном комплексе региона сохранялась неопределенность, вызванная влиянием вводимых антироссийских санкций, последствия которых могут наступать не сразу и имеют длительный характер. Больше всего санкций было наложено на добывающие отрасли, деятельность которых обусловлена также конъюнктурой мировых цен и политикой государства[2]. Доля ДФО в добывающей промышленности России в условиях санкционных ограничений увеличилась с 12,2% (2022 г.) до 13,4% (2024 г.), что может свидетельствовать о сохранении и даже усилении сырьевой направленности макрорегиона. Доля обрабатывающего сектора ДФО в общенациональной структуре невелика и составляла 2,8%. Сохраняется разрыв между темпами роста в добывающем и обрабатывающем сегментах макрорегиона, отмеченный в 2023 г.[3]. В 2023–2024 гг. совокупный темп роста в добывающем секторе составил 112,1%, в обрабатывающем — 105,8%. В 2025 г. эта тенденция отмечена и в 2025 г. За январь-сентябрь 2025 г. темп роста добычи полезных ископаемых составил 102,2%, тогда как в обрабатывающей промышленности отмечено слабо отрицательное снижение (99,7%). Промышленность ДФО выиграла от «поворота на Восток» только в добыче сырья. Не удалось добиться опережающего роста обрабатывающих производств в целом по ДФО. Высокие темпы производства в некоторых регионах связаны с ростом оборонного заказа (Республика Бурятия) и формирования нового уникального центра газопереработки и газохимии (Амурская область)[4]. Доля макрорегиона в обрабатывающей промышленности России остается низкой из-за острого дефицита рабочей силы и более высоких издержек производства[5].

Одним из ключевых факторов расширения экономической деятельности являются инвестиции в основной капитал. В 2024–2025 гг., в условиях сохраняющихся санкционных ограничений, отмечено замедление темпов роста инвестиций в основной капитал. Снижение интенсивности наращивания объема инвестиций может быть связано как с завершением отдельных крупных инвестиционных проектов, так и с количественным сокращением финансирования новых проектов на фоне высокой ключевой ставки Центрального Банка. Сохраняется высокая степень пространственной концентрации инвестиций. Основными реципиентами являются Республика Саха (Якутия), Амурская и Сахалинская области, Приморский и Хабаровский края, что связано с реализацией высокозатратных, в том числе и экспортно-ориентированных, проектов в области нефте- и газохимии, добычи полезных ископаемых, реконструкции транспортной и энергетической инфраструктуры.

В структуре инвестиций по видам основных фондов сохраняются тенденции увеличения удельного веса вложений в нежилые здания и сооружения при снижении удельного веса инвестиций в машины и оборудование[6]. В среднем за период 2023–2025 гг. доля инвестиций в расширение технических мощностей на 3,1 п.п. была ниже уровня 2020 г. Отсутствие заметного улучшения в интенсивности технологической модернизации может стать серьезной проблемой в будущем.

В структуре инвестиций важной составляющей являются вложения в объекты интеллектуальной собственности. В январе-сентябре 2025 г. инвестиции в нематериальные активы в ДФО достигли 55,8 млрд руб. (3,7% общероссийского объема). Нематериальные активы,

---

[2] *Зубаревич Н.В.* Влияние санкций на развитие регионов России в 2022–2024 годах // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2025. — № 1 (66). — С. 274–281. — DOI: 10.31737/22212264_2025_1_274-281.

[3] Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2023 г / О.М. Прокапало, А.Б. Бардаль, А.Г. Исаев, М.Г. Мазитова // Пространственная экономика. — 2024. — Т. 20. — № 2. — С. 122–166. — DOI: 10.14530/se.2024.2.122-166.

[4] *Михеева, Н.Н.* Дальний Восток как модель геостратегического региона в стратегии пространственного развития // Проблемы прогнозирования. — 2025. — № 4 (211). — С. 58–69. — DOI: 10.47711/0868-6351-211-58-69.

[5] *Зубаревич Н.В.* Влияние санкций на развитие регионов России в 2022–2024 годах // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2025. — № 1 (66). — С. 274–281. — DOI: 10.31737/22212264_2025_1_274-281.

[6] *Прокапало, О.М.* Макроэкономические тенденции развития Дальнего Востока России в первой половине 2025 г // Регионалистика. — 2025. — Т. 12. — № 4. — С. 64–78. — DOI: 10.14530/reg.2025.4.64.

по оценкам экспертов, являются самым растущим сегментом в инвестициях в основной капитал и направлены на ускорение научно-технологического развития страны. Для реализации стратегических мероприятий по научно-технологическому развитию и снижению уровня технологической зависимости российское правительство внедряет и расширяет отраслевые и региональные меры поддержки, стимулирующие механизмы, налоговые преференции[7].

В структуре инвестиций в основной капитал ведущую роль играют собственные средства организаций, доля которых увеличилась с 36,0% (2023 г.) до 50,2% (январь-сентябрь 2025 г.). Особенностью формирования инвестиционных ресурсов в ДФО является более высокая по сравнению со среднероссийской доля привлеченных средств и, соответственно, более высокая зависимость от внешних источников финансирования[8].

Недостаток собственных средств компенсируется привлечением дополнительных ресурсов, в том числе частных инвестиций. По оценкам экспертов, на 1 руб. государственных средств на Дальнем Востоке приходится 34 рубля частных инвестиций[9]. Дальневосточная концессия остается одним из основных инструментов реализации инфраструктурных проектов и планов социального развития центров экономического роста регионов Дальнего Востока, с помощью которых государство гарантирует компаниям возврат инвестиций и минимизацию рисков[10]. В рамках привлечения частных инвестиций планируется реализация масштабных проектов по развитию транспортно-логистической, энергетической и коммунальной инфраструктуры, включая модернизацию освещения, строительство жилья, реконструкцию школ и детских садов, обустройство городских досуговых пространств, а также развитие мелиоративных систем в сельском хозяйстве.

В строительном комплексе ДФО, после кратковременного снижения в 2024 г., отмечена положительная динамика. В январе-сентябре 2025 г. объем работ по виду экономической деятельности «Строительство» увеличился на 6,4% по сравнению с аналогичным периодом 2024 г., что значительно выше среднероссийского показателя.

Увеличение масштаба работ связано, в частности, с завершением строительства и вводом в эксплуатацию пассажирского терминала международного аэропорта Елизово (Камчатский край); с расширением строительства линий электропередач, магистральных газопроводов, модернизации железнодорожной инфраструктуры БАМа (Амурская область); вводом в эксплуатацию линий электропередач, трансформаторных подстанций, автомобильных дорог с твердым покрытием, реконструкцией мостовых переходов (Республика Бурятия).

В 2025 г. на фоне расширения объемов строительства и ввода в эксплуатацию промышленных, транспортных, социальных и инфраструктурных объектов отмечено впервые с 2021 г., сокращение темпов ввода жилья.

На сокращение темпов роста вводимого жилья повлияло завершение в июне 2024 г. Программы льготной ипотеки с государственной поддержкой, в рамках которой под фиксированную ставку 8% отсутствовали требования по составу семьи, месту работы и региону покупки жилья, что делало ее доступной практически для всех категорий граждан. Еще одной причиной можно считать высокую статистическую базу сравнения на фоне высокой активности застройщиков в преддверии окончания Программы. Ажиотажный рост объемов одновременно возводимого жилья на фоне удорожания строительных материалов и недостатка квалифицированной рабочей силы приводит к замораживанию уже начатого строительства.

---

[7] МЭР: доля интеллектуальной собственности в структуре инвестиций растёт. — https://rospatent.gov.ru/ru/news/04-06-2025-mer-dolya-intellektualnoy-sobstvennosti-v-strukture-investiciy-rastet; Система управления интеллектуальной собственностью может ускорить научно-технологическое развитие. — https://rospatent.gov.ru/ru/news/28-08-2025-sistema-upravleniya-intellektualnoy-sobstvennostyu-mozhet-uskorit-nauchno-tehnologicheskoe-razvitie.

[8] *Михеева Н.Н.* Дальний Восток как модель геостратегического региона в стратегии пространственного развития // Проблемы прогнозирования. — 2025. — № 4 (211). — С. 58–69. — DOI: 10.47711/0868-6351-211-58-69. — EDN MYWWYB.

[9] Трутнев: в ДФО на 1 рубль вложенных госсредств привлечено 34 рубля инвестиций. — https://tass.ru/ekonomika/24940139.

[10] Правительство увеличило планируемый размер финансирования на развитие инфраструктуры в регионах Дальнего Востока. Постановление Правительства РФ от 21.02.2025 г. № 196. — http://government.ru/docs/54328/.

Для стимулирования жилищного строительства и повышения мобильности населения на территории ДФО сохраняется действие ранее принятых Правительством РФ льготных программ, таких как «Дальневосточная и арктическая ипотека», «Семейная ипотека», «Дальневосточный квартал», «Доступное арендное жилье»[11].

В условиях постепенной адаптации экономики к санкционным ограничениям сохраняется расширение потребительского спроса. Высокий уровень потребительской активности поддерживается ростом реальных доходов населения, оборота розничной торговли и объема платных услуг, интенсивным расширением потребительского кредитования. По оперативной информации, положительная динамика розничных продаж не прерывалась в течение 2023–2025 гг. На статистический учет объемов и динамики розничной торговли также влияет ускоренное развитие электронной торговли, которую сложнее привязать к регионам[12].

На фоне проводимой жесткой денежно-кредитной политики сохраняется умеренный рост цен. В сентябре 2025 г. индекс потребительских цен на товары и услуги в ДФО составил 105,1%. На рост цен оказывают давление удорожание логистики и сырья, индексация тарифов ЖКХ, рост стоимости кредитов на фоне санкционных ограничений и высокой ключевой ставки Центрального Банка России.

Оживление потребительской активности, прежде всего, связано с ростом реальных доходов населения. В 2023–2025 гг. реальные денежные доходы населения вслед за ростом реальной заработной платы в результате дефицита трудовых ресурсов и «лидирующего эффекта» от повышения выплат участникам СВО и занятым в трудодефицитных отраслях промышленности[13] сохраняли положительную динамику и в январе-сентябре 2025 г. выросли на 4,8% по сравнению с соответствующим периодом 2024 г. Рост реальных доходов населения наблюдался во всех дальневосточных субъектах РФ.

Резюмируя, следует отметить, что в 2023–2025 гг. отмечалось нестабильное развитие и замедление темпов роста в отдельных секторах экономики при отсутствии тяжелых кризисных последствий.

Индекс выпуска базовых видов экономической деятельности демонстрирует положительную динамику, но ежемесячные значительные амплитудные колебания темпов прироста пока не позволяют говорить о формировании полноценной тенденции роста.

Динамика промышленного производства отличалась повышенной волатильностью с просматривающейся тенденцией к снижению выпуска. На формирование положительных темпов роста в промышленности ДФО позитивное влияние оказало наращивание объемов в добывающем секторе за счет увеличение добычи полезных ископаемых по основным сырьевым позициям и расширения поисково-изыскательских и буровых работ.

В строительном комплексе, после снижения производства в 2024 г., отмечены позитивные изменения за счет расширения объемов строительства и ввода в эксплуатацию промышленных, транспортных, социальных и инфраструктурных объектов. При этом отмечено сокращение темпов роста ввода жилья, не наблюдаемое с 2021 г.

Продолжается замедление темпов роста инвестиций в основной капитал, связанное как с завершением строительства отдельных крупных инвестиционных проектов, так и снижением объемов финансирования новых проектов на фоне высокой ключевой ставки Центрального Банка.

Отмечается умеренный рост цен на фоне жесткой денежно-кредитной политики. Сохраняется расширение потребительского спроса в отдельных категориях за счёт роста реальных доходов населения.

---

[11] *Прокапало, О.М.* Макроэкономические тенденции развития Дальнего Востока России в первой половине 2025 г // Регионалистика. — 2025. — Т. 12. — № 4. — С. 64–78. — DOI 10.14530/reg.2025.4.64.

[12] *Зубаревич Н.В.* Влияние санкций на развитие регионов России в 2022–2024 годах // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2025. — № 1 (66). — С. 274–281. — DOI 10.31737/22212264_2025_1_274-281. EDN SUZWOO.

[13] О факторах роста российской экономики в 2023–2024 гг. / Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. — http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/DB/20232024fre.pdf.

Румянцева С.Т.
к.э.н., доцент,
заместитель декана Факультета экономики и финансов,
Северо-Западный институт управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург

РЫНОК ТРУДА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: ситуация на рынке труда, напряженность рынка труда, безработица, нехватка рабочей силы, высвобождение персонала, режимы неполной занятости, трудоизбыточные регионы.
Key words: labor market situation, labor market tension, unemployment, labor shortage, staff release, underemployment regimes, labor-surplus regions.

В последние годы российский рынок труда перетерпел кардинальные изменения. Ситуация на этом специфическом рынке, ранее характеризовавшаяся существенной напряженностью, развернулась в обратную сторону — практически все регионы и отрасли стали испытывать острую нехватку работников. Причем это касается не только отдельных специалистов, но и представителей массовых профессий. В 2023 и 2024 гг. проблема обострилась даже на фоне роста численности рабочей силы, что в основном связано с повышением возраста выхода на пенсию по старости.

Динамичное развитие российской экономики потребовало дополнительного притока работников. Даже в 2021 г. расширение объемов производства нельзя трактовать только как восстановительный рост, поскольку численность занятых превысила уровень допандемийного 2019 г. Кроме того, опубликованы статьи, в которых раскрывается такой неожиданный положительный эффект пандемии COVID-19, как оптимизация численного состава работников предприятий и повышение эффективности труда. С.В. Келейникова и А.А. Налейкин в своем исследовании утверждают, что численность работников на многих предприятиях до пандемии COVID-19 была завышенной. В период локдауна, когда предприятия перевели большую часть своих работников в дистанционный формат, открытием стало то, что вполне можно обойтись без значительной части работников, поскольку их отсутствие на рабочих местах не сильно отразилось на результатах[1].

В 2022–2024 гг., когда российская экономика характеризовалась существенным ростом, численность занятых ежегодно увеличивалась и в 2024 г. превысила уровень 2019 г. более чем на 3%. А численность безработных, напротив ежегодно и довольно быстро сокращалась, и в итоге в 2024 г. безработных граждан в стране было меньше в 1,8 раза, чем в 2019 г. (табл. 1).

Еще быстрее снижалась численность зарегистрированных безработных — в анализируемый период этот важный индикатор рынка труда стал меньше в 2,4 раза. Динамика этого показателя наиболее важна, поскольку большей части безработных граждан, зарегистрированных в государственной службе занятости, назначается пособие по безработице, и улучшение ситуации на рынке труда снижает нагрузку на бюджет.

Уровень занятости населения в России в 2019–2024 гг. после объяснимого снижения в 2020 г. в связи с практически повсеместным введением ограничений на перемещение людей в целях борьбы с распространением опасной инфекции, уже в 2021 г. вернулся на допандемийный уровень. В последующие годы этот показатель, отражающий участие населения в экономической деятельности, неуклонно возрастал и в 2024 г. достиг 61,4%. Уровень безработицы, напротив, снизился до рекордных 2,5%.

Если в 2019 г. на каждую заявленную вакансию приходилось 2 безработных гражданина, то в 2024 г. показатель снизился до 1. А в некоторых регионах вакантных рабочих мест было в разы больше, чем безработных граждан: в Амурской области это соотношение составляло 10 раз, в Нижегородской области, Ямало-Ненецком автономном округе, Чукотском автоном-

[1] *Келейникова С.В., Налейкин А.А.* Оценка состояния и использования основного капитала российских предприятий // Вестник Московского финансово-юридического университета. — 2024. — № 4. — С. 140–157. — https://doi:10.52210/2224669X_2024_4_140.

ном округе — 3,3 раза, в Красноярском, Приморском и Хабаровском краях, а также Еврейской автономной области — в 2,5 раза, в Тульской, Ленинградской, Мурманской областях, а также Камчатском крае — 2 раза[2].

Таблица 1

Динамика основных показателей рынка труда Российской Федерации в 2019–2024 гг.[3]

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Численность рабочей силы, в тыс. человек	75 398	74 923	75 969	75 632	76 037	76 105
в том числе:						
занятые	71 933	70 601	72 298	72 644	73 636	74 190
безработные	3 465	4 321	3 671	2 988	2 401	1 915
Численность безработных, зарегистрированных в органах службы занятости населения (на конец года), в тыс. человек	691	2 773	777	564	424	290
из них безработные, которым назначено пособие по безработице	558	1 293	568	413	320	239
Уровень занятости, в %	59,4	58,4	59,4	59,8	60,8	61,4
Уровень безработицы, в %	4,6	5,8	4,8	3,9	3,2	2,5
Коэффициент напряженности	2,1	2,7	1,8	1,6	1,3	1,0
Среднее время поиска работы безработными, в месяцах	6,9	6,3	6,8	6,2	5,8	5,5
Удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, в %	23,8	18,8	22,5	18,1	16,4	13,9

Однако это не означает, что все желающие работать, могут к работе приступить. Вакансии, сохраняющиеся на рынке труда, не всегда соответствуют запросам граждан. По данным Росстата, 22% безработных граждан в России имеют высшее образование, 21% — среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена, 17,3% — среднее профессиональное образование по программам подготовки квалифицированных рабочих (служащих)[4].

А наиболее востребованными профессиями, по данным сервиса поиска работы hh.ru, в III квартале 2025 года остались повара, пекари и кондитеры (более 63,5 тысяч вакансий), администраторы (около 49 тысяч вакансий), официанты, бармены и бариста (35,2 тысячи вакансий), автослесари (более 21 тысячи вакансий)[5].

Со стороны предложения больше всего рабочих специальностей (более 1 млн резюме за август 2025 г.), домашнего персонала (около 900 тыс. резюме), работников сферы транспорта и логистики (около 900 тыс. резюме). Конкурс среди маркетологов и пиар-специалистов — 18 человек на место, консультантов по стратегии и инвестициям — 32 резюме на одну вакансию[6].

Качественный дисбаланс на рынке труда сохраняется — среднее время поиска подходящей работы хотя и уменьшилось, но остается довольно продолжительным — 5,5 месяца. Выраженный прогресс в состоянии рынка труда произошел в части сокращения масштабов самой опасной формы безработицы — застойной. Продолжительное отсутствие работы приводит

[2] Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. — М., 2025. — С. 170–171.

[3] Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстата. — М., 2022. — С. 117; 2023. — С. 117; 2024. — С. 110; 2025. — С. 110; Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. — М., 2020. — С. 208; 2021. — С. 168; 2022. — С. 168; 2023. — С. 168; 2024. — С. 170; 2025. — С. 170.

[4] Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстата. — М., 2025. — С. 124.

[5] Повар, администратор и автослесарь — самые востребованные профессии осени // Коммерсантъ. Карьера. — 05.11.2025. — https://www.kommersant.ru/doc/8180004.

[6] Соискатели расходятся с работодателями. Какую работу ищут россияне и почему не могут найти // Коммерсантъ. — 12.09.2025. — https://www.kommersant.ru/doc/8026689.

к устареванию знаний, утрате профессиональных навыков, снижению самооценки и другим негативным последствиям. Если в 2019 г. практически каждый четвертый безработный гражданин находился в поиске работы более года, то в 2024 г. — каждый седьмой.

Ситуацию на рынке труда в 2024 г. Банк России называл «жесткой» и рассматривал как фактор инфляции. Регулятор в Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов отмечал для 2023 и 2024 гг. был характерен рост дефицита рабочей силы. Чтобы удержать работников или привлечь дополнительных сотрудников, организации были вынуждены повышать заработную плату[7]. Ученые в своих статьях приводили факты, когда предлагаемая работодателем заработная плата превышала ожидаемую работником величину[8].

Однако в некоторых российских субъектах ситуация на рынке труда остается очень напряженной. В первую очередь, речь идет о северокавказских республиках: уровень безработицы в Республике Ингушетия в 2024 г. составлял 26,4% , в Республике Дагестан — 11,2% , в Республике Северная Осетия-Алания — 8,8% , в Чеченской Республике — 8,7% , в Карачаево-Черкесской Республике — 6,9% , в Кабардино-Балкарской Республике — 6,5% .

В большинстве субъектов Северо-Кавказского федерального округа напряженность на рынке труда в 2019–2024 гг. значительно снизилась, однако остается серьезной проблемой: в 2024 г. на 1 заявленную работодателями вакансию в Республике Ингушетия приходилось 283 безработных гражданина, в Республике Дагестан — 38 человек, в Чеченской Республике — 28 безработных. И хотя среднее время поиска работы не превышало 8 месяцев, каждый четвертый в Республике Дагестан и Карачаево-Черкесской Республике искал работу более года. В других республиках Северного Кавказа, за исключением Кабардино-Балкарской Республики и Республики Северная Осетия — Алания застойная форма безработицы тоже имела широкое распространение (табл. 2).

Но есть в стране и регионы, в которых ситуация на рынке труда в 2019–2024 гг. заметно ухудшилась. В период, когда в стране в целом значительно повысился уровень занятости и резко снизился уровень безработицы, а в большинстве регионов число вакансий превысило численность безработных, в Республике Ингушетия в 2019–2024 гг. уровень занятости снизился, уровень безработицы — не изменился, среднее время поиска работы увеличилось в 1,6 раза, а удельный вес граждан, ищущих работу 12 месяцев и более, стал больше в 2,3 раза.

Но в 2025 г., по оценкам мегарегулятора, на рынке труда появились признаки охлаждения: дефицит кадров уменьшился, темп роста зарплат стал более умеренным[9]. Об охлаждении рынка труда в 2025 г. свидетельствуют ряд фактов.

Во-первых, значительно увеличилось число организаций, планирующих уволить часть сотрудников: если в начале 2025 г. о таких намерениях сообщили 6,9% от общего числа, то к середине года их число возросло почти вдвое — в июне 2025 г. 11,5% российских предприятий планировали провести оптимизацию численного состава путем высвобождения персонала. Среди таких работодателей больше всего предприятий, занятых в сфере добычи полезных ископаемых, фармацевтики, машиностроении.

За первое полугодие 2025 г. число российских компаний, планирующих сокращение персонала, увеличилось более чем на треть. По данным Банка России, в январе к увольнению сотрудников готовились почти в 7% организаций, а в июне показатель достиг 11,5%[10]. Примерно такие же данные приводят сервис «Работа.ру» и «СберПодбор»[11].

---

[7] Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов / Банк России. — www.consultant.ru.

[8] *Свинарев Н.Н., Симонова М.В.* Региональная специфика трудового потенциала на специализированном рынке труда // Human Progress. — 2023. — Т. 9, вып. 2. — С. 11. — doi: https://10.34709/IM.192.11. EDN RQGEJU.

[9] Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов / Банк России. — www.consultant.ru.

[10] Россиян предупредили о росте числа сокращений в 2025 году // РБК. — 21.07.2025. — https://www.rbc.ru/economics/21/07/2025/687d8c449a794741b164b66d.

[11] Соискатели расходятся с работодателями. Какую работу ищут россияне и почему не могут найти // Коммерсантъ. — 12.09.2025. — https://www.kommersant.ru/doc/8026689.

Таблица 2

Основные показатели рынка труда в регионах Северо-Кавказского федерального округа в 2024 г.[12]

Субъект Российской Федерации	Уровень занятости, процентов		Уровень безработицы, процентов		Коэффициент напряженности		Среднее время поиска работы безработными, месяцев		Удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, процентов	
	2019	2024	2019	2024	2019	2024	2019	2024	2019	2024
Российская Федерация	59,4	61,4	4,6	2,5	2,1	1,0	6,9	5,5	23,8	13,9
Республика Дагестан	52,0	54,5	13,0	11,2	171,1	38,3	9,0	7,8	37,0	25,7
Республика Ингушетия	53,7	52,0	26,4	26,4	320,6	283,3	3,8	6,2	8,0	18,1
Кабардино-Балкарская Республика	57,9	58,6	10,7	6,5	12,6	6,2	9,3	5,6	35,6	5,4
Карачаево-Черкесская Республика	47,9	55,6	11,7	6,9	11,6	5,2	11,6	7,7	66,3	26,2
Республика Северная Осетия – Алания	48,6	53,6	12,1	8,8	31,3	17,4	11,1	4,8	57,7	12,9
Чеченская Республика	56,4	56,3	13,5	8,7	41,2	28,6	8,1	7,5	22,8	17,9
Ставропольский край	57,2	60,1	4,8	3,4	2,3	1,5	7,0	5,2	23,7	11,2

Во-вторых, некоторые крупные предприятия объявили о введении режимов неполной занятости. В 2025 г. о введении четырехдневной рабочей недели сообщали ГАЗ[13], КамАЗ[14]. АвтоВАЗ ввел неполную рабочую неделю с 29 сентября 2025 г. по 28 марта 2026 г. Кроме того, некоторые подразделения перешли с двухсменного режима работы на односменный[15].

В-третьих, рост зарплат, по данным сервисов поиска работы, в 2025 г. замедлился. Увеличение заработной платы продолжится (судя по заявкам работодателей) в отдельных секторах и по ограниченному кругу технических специальностей[16].

Таким образом, российский рынок труда находится в стадии перехода от дефицитного к избыточному, о чем свидетельствуют уменьшение числа заявляемых вакансий, распространение режимов неполной занятости на крупных предприятиях, участившиеся объявления о намерении сокращения штатов, замедление роста заработной платы, увеличение числа претендентов на отдельные вакансии и другие признаки охлаждения рынка. Это приведет к росту нагрузки на бюджет, поскольку объем выплат пособий по безработице, а также другие затраты, связанные с реализацией мер по помощи безработным гражданам, возрастут. На предотвращение осложнения ситуации на рынке труда должны быть направлены меры по стимулированию экономической активности, что предотвратит массовые сокращения персонала.

---

[12] Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. — М., 2025. — С. 170.

[13] ГАЗ вслед за АвтоВАЗом сократит рабочую неделю из-за падения рынка — 24.07.2025. — https://www.rbc.ru/business/24/07/2025/688240469a7947481f850fe6.

[14] «КАМАЗ» вслед за «ГАЗом» объявил о вводе с августа сокращенной рабочей недели // Интерфакс. — 25.07.2025. — https://www.interfax.ru/business/1037997.

[15] «АвтоВАЗ» перешел на четырехдневку // Газета.Ру. — 2025. — 29 сентября. — https://www.gazeta.ru/auto/news/2025/09/29/26837318.shtml.

[16] В России замедляется рост зарплат. В чем причины? // Российская газета. — 25.12.2025. — https://rg.ru/2025/12/25/v-rossii-zamedliaetsia-rost-zarplat.html.

Своеволин В.Ю.
к.э.н.,
заместитель гендиректора по проектной деятельности, ООО «Вертекс»

ИМПЕРАТИВЫ ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: инновации, инновационное развитие, технологии, регион, цифровизация, санкции, региональная экономика, стратегия «принуждение к инновациям».
Key words: innovations, innovative development, technologies, region, digitalization, sanctions, regional economy, «Forced innovation» strategy.

Современный контекст инновационного развития регионов определяется комплексом структурно-технологических и внешнеэкономических факторов, усиливающих необходимость перехода к устойчивым моделям роста, основанным на знаниях и цифровых технологиях, особенно в сфере искусственного интеллекта (ИИ). Изменения глобального технологического уклада, цифровая трансформация экономики и рост требований к качеству региональной конкурентоспособности сформировали условия, в которых традиционные модели развития перестают обеспечивать достаточную динамику. Для российских регионов это означает необходимость повышения технологической сложности экономики, укрепления инновационного и креативного потенциала, развития инфраструктуры генерации и диффузии знаний, а также формирования стратегий, ориентированных на долгосрочную технологическую устойчивость и адаптацию к внешним вызовам, прежде всего, санкциям недружественных государств.

По нашему мнению, следует реализовать стратегию «принуждение к инновациям», в рамках которой возложить на региональные органы власти и руководителей крупнейших организаций ответственность за внедрение передовых научно-технических разработок, выходящее за рамки формальных обязательств по исполнению программ инновационного развития госкомпаний или государственных программ субъектов РФ. Акцент должен сместиться на реальное формирование и функционирование инновационных экосистем (от региональных до корпоративных и отраслевых), что позволит преодолеть фрагментарность и обеспечить системный технологический суверенитет. Эти обязательства целесообразно включить в перечень ключевых показателей эффективности (КПЭ) губернаторов и руководителей всех уровней, с привязкой к соответствующим метрикам (доля инновационной продукции в ВРП региона, объем инвестиций в НИОКР, индекс участия в научно-технологических проектах и др.). В Стратегии научно-технологического развития (НТР) РФ отмечается «несогласованность приоритетов НТР и инструментов его поддержки на национальном, региональном, отраслевом и корпоративном уровнях»; необходимость «гармонизации государственной научной, научно-технической, инновационной, промышленной, экономической и социальной политики, в т.ч. посредством создания эффективных механизмов последовательной реализации, корректировки и актуализации приоритетов НТР РФ <...> отраслевые документы стратегического планирования в части, касающейся прогнозирования, целеполагания, планирования на федеральном, региональном и муниципальном уровнях в области научно-технологического развития»[1]. Указанные проблемы подчеркивают фрагментарность текущих подходов к НТР на региональном уровне, что делает актуальной интеграцию инновационных метрик в КПЭ губернаторов.

Основу анализа регионального инновационно-технологического развития составляет ряд концепций. Так, концепция национальных и региональных инновационных систем позволяет рассматривать регион как целостный социально-экономический организм, формирующий и использующий знания для создания новых технологий, при этом акцент ставится на взаи-

[1] Указ Президента РФ от 28.11.2024 № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и деятельности исполнительных органов субъектов РФ». — http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411280003; Стратегия научно-технологического развития РФ (утверждена Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145. — http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003.

модействии ключевых акторов — государства, бизнеса, университетов и научных центров[2]. Концепция устойчивого развития в региональном измерении дополняет инновационную проблематику вопросами экологической безопасности, ресурсной эффективности и социального благополучия, что особенно важно для территорий с высокой ресурсной нагрузкой[3]. Концепция технологического суверенитета акцентирует внимание на способности регионов и страны в целом формировать собственные цепочки создания стоимости, снижать зависимость от внешних поставок и обеспечивать доступность критически важных технологий в условиях санкций (Потапцева Е.В., Акбердина В.В., Пономарева А.О. в своем исследовании отмечают, что «понимание технологического суверенитета в России эволюционирует от общего набора мер и направленности на использование отечественных ресурсов к более структурированному и целенаправленному подходу, акцентирующему внимание на национальном контроле в сфере критических и сквозных технологий с приоритизацией «технологического лидерства»)[4].

Реализация задач инновационной модернизации российских регионов и страны в целом сталкивается с ограничениями ресурсного характера. Так, внутренние затраты на исследования и разработки в России в 2024 г. достигли 1,88 трлн руб., что соответствует примерно 0,9% ВВП (с тенденцией к снижению по сравнению с уровнем до начала СВО около 1,0–1,1%), оставаясь одним из относительно низких показателей среди развитых экономик; при этом доля высокотехнологичного и наукоемкого сектора в структуре ВВП оценивается в 13–16% (в зависимости от методики учета), существенно уступая аналогичным индикаторам в странах США и ЕС (свыше 30%)[5]. Санкционное давление усиливает потребность регионов в структурной перестройке и формировании технологических компетенций. Ограниченный доступ к зарубежным технологиям, оборудованию и компонентной базе усиливает необходимость реиндустриализации. Для регионов это означает необходимость модернизации промышленной базы, укрепления научно-производственной кооперации, активизации механизмов государственной поддержки перспективных проектов.

Для большинства регионов цифровая трансформация стала еще одним фактором модернизации производственных процессов, управленческих решений и инфраструктурных моделей. Внедрение цифровых платформ, автоматизации, ИИ и анализа «больших данных» способствует повышению продуктивности, снижению издержек, оптимизации логистических и управленческих цепочек. Цифровизация порождает новые требования к человеческому капиталу, к качеству институциональной среды и к доступности инфраструктуры, что делает исходные различия между регионами более заметными. Кризисные процессы на глобальном и национальном уровнях (волатильность рынков, инфляционное и санкционное давление, нарушения логистических цепочек, рост фискальной нагрузки, макроэкономическая неопределенность, демографические и миграционные вызовы) усиливают давление на региональные хозяйственные комплексы и требуют повышенной адаптивности государственно-управленческих механизмов[6]. Взаимовлияние этих процессов создает сложный институциональный контекст, в рамках которого регионы вынуждены одновременно осуществлять адаптацию к внешним шокам, обеспечивать устойчивый рост и формировать самостоятельные траектории технологического развития[7]. Под влиянием этих факторов возрастает территориальная дифферен-

---

[2] *Cooke P., Uranga M.G., Etxebarria G.* Regional innovation systems: Institutional and organisational dimensions // Research Policy. — 1997. — Vol. 26. — No 4–5. — P. 475–491. — https://doi.org/10.1016/S0048-7333(97)00025-5.

[3] Стратегия пространственного развития РФ на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р. — https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567.

[4] *Потапцева Е.В., Акбердина В.В., Пономарева А.О.* Концепция технологического суверенитета в современной государственной политике России // AlterEconomics. — 2024. — Т. 21. — № 4. — С. 829. — https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-4.9; Концепция технологического развития на период до 2030 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р. — http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250050.

[5] Российская наука в 2024 году: рост ключевых показателей // Новости ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. — 2025. — 23 сентября. — https://issek.hse.ru/news/1082485052.html.

[6] *Malkina M.Yu., Balakin R.V.* Trends in the Russian economy development during the new anti-Russian sanctions // Russian Journal of Economics and Law. — 2024. — Vol. 18. — No 2. — P. 287–313.

[7] *Потемкин А.С.* Санкции против России: экономические последствия, стратегии адаптации и перспективы международных отношений // Экономическая безопасность. — 2024. — № 7. — С. 45–62.

циация — регионы с развитой научно-технологической инфраструктурой и диверсифицированной структурой экономики демонстрируют более высокую устойчивость, в то время как территории с низким уровнем технологической зрелости сталкиваются с риском углубления отставания и требуют усиленной федеральной поддержки, ограниченной, однако, в условиях переориентации ресурсов на милитаризацию экономики и компенсацию санкционных издержек[8]. В таких условиях повышается роль антикризисных инструментов, ориентированных на технологическое обновление и реиндустриализацию (стратегия «принуждение к инновациям»), включая поддержку малого и среднего бизнеса (а не рост налоговой нагрузки)[9].

Цифровизация регионов играет важную роль в повышении конкурентоспособности экономики страны, обеспечивая переход к данным как ключевому ресурсу развития, внедрение платформенных решений в управлении. Регионы-лидеры этого процесса демонстрируют высокий уровень развития цифровых сервисов, использование инструментов ИИ, развитие инфраструктуры связи и электронных госуслуг, что позволяет повышать качество жизни населения. Москва по-прежнему сохраняет доминирующее положение благодаря максимальному потенциалу цифровизации, значительному отрыву в внедрении технологий и интеграции данных в повседневные процессы (табл. 1). Указанный максимум цифровизации рассчитывается как идеальная сумма по 18 индикаторам в шести ключевых направлениях: госуслуги, ИИ, импортозамещение, информационная безопасность, социальная сфера, кадры и поддержка IT-отрасли. Рейтинг охватывает 88 субъектов РФ (без Москвы), и процент показывает, насколько близко регион подошел к этому идеалу (в полном виде рейтинг не публикуется).

Таблица 1

Топ-10 регионов-лидеров цифровой трансформации в России (3 кв. 2025 г.)[10]

Место	Регион	Баллы, в % от max	Ключевые сильные стороны
1	Татарстан	97	Высокий уровень электронных госуслуг и ИИ-применения
2	Тюменская область	90,2	Развитая инфраструктура и цифровое госуправление
3	Белгородская область	89,8	Активная цифровизация социальной сферы
4	Ленинградская область	89,2	Эффективное внедрение платформ обратной связи
5	Сахалинская область	89	Высокая доступность интернета и сервисов
6	Московская область	88,2	Интеграция данных в экономику и услуги
7	Ханты-Мансийский АО – Югра	87	Цифровизация отраслей экономики
8	Новосибирская область	82,8	Научно-техническая база для цифровых решений
9	Калужская область	82,3	Развитие импортонезависимого ПО
10	Тульская область	79,2	Удовлетворенность граждан цифровыми услугами

[8] Региональные бюджеты и экономика в условиях нестабильности: итоги 2024 года / Эксперт РА. — 2024. — С. 12–25. — https://raexpert.ru/researches/regions/regional_budgets_2024; *Дегтярев К.Ю.* Снижение эффективности санкций: анализ влияния санкционных ограничений 2022–2024 гг. // Государственное управление. Электронный вестник. — 2024. — № 107. — С. 115–130. — DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-27–36.

[9] Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов / Минфин России. — 2024. — С. 38–45. — minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/09/main/ONBNiTTP_2025_2027.pdf; Манушин Д.В. Антисанкционная и санкционная экономическая политика России в 2022–2025 годах // Russian Journal of Economics and Law. — 2024. — Vol. 18. — No 1. — С. 36–69.

[10] Рейтинг цифровой трансформации субъектов РФ за 3 квартал 2025 г. (Минцифры РФ, объявлен вице-премьером Д. Григоренко). — https://d-russia.ru/stali-izvestny-top-10-regionov-liderov-tsifrovogo-razvitiya-v-3-kvartale-2025-goda.html.

Региональное развитие науки и инноваций характеризуется дисбалансами, отражающими неоднородность экономического пространства, асимметрию доступности ресурсов и неравномерность включенности территорий в технологические цепочки. Ключевой фактор — разрыв между регионами-лидерами с высокой инновационной активностью (Москва, Татарстан, Нижегородская область, Санкт-Петербург, Новосибирская область) и территориями, где модернизация и цифровизация развиваются медленно из-за ограниченного доступа к инфраструктуре, научному потенциалу и инвестициям[11]. Эти различия проявляются в уровне цифровизации, интенсивности НИОКР, плотности высокотехнологичных предприятий и кадровой обеспеченности. Институциональные барьеры усугубляют ситуацию: недостаточная согласованность федеральной и региональной политики, негибкость механизмов поддержки инноваций, избыточная бюрократия и т.д.

Технологические разрывы наиболее отчетливо проявляются на пространственных перифериях. На Дальнем Востоке ключевыми проблемами остаются низкая плотность инфраструктуры, дефицит квалифицированных кадров и научных центров, высокая стоимость логистики, препятствующая интеграции в национальные цепочки. Несмотря на ресурсную базу и близость к АТР, это задерживает формирование инновационных кластеров. В Арктической зоне страны разрывы усиливаются экстремальными климатическими условиями, капиталоемкостью проектов и сезонностью активности; развитие зависит от специализированных решений (криогенная техника, автономные системы и пр.). На юге России (ЮФО и СКФО) регионы обладают сильным агропроизводством и экспортным потенциалом, но технологизация сектора остается неравномерной: ограниченное внедрение цифровых систем в сельском хозяйстве, слабая интеграция в высокотехнологичные цепочки и низкая концентрация научно-исследовательских, инновационных центров (кроме Ростовской и Волгоградской областей и Краснодарского края). Так, Волкова Н.Н. и Романюк Э.И. на основе авторского расчета показателя НТР регионов отнесли Ростовскую область и Краснодарский край к пятому кластеру регионов с высокой долей сельского хозяйства, торговли и госуправления («с точки зрения кластеризации по индексу НТР эти регионы относятся к слабейшим»), хотя доля науки здесь выше средней по кластеру (2,7% и 3,2% соответственно)[12]. При этом потенциал для развития Ростовской области есть (выше среднего в своей группе), однако для прорыва нужны дополнительные инвестиции в НИОКР, кадры и высокотехнологичные кластеры.

Пространственная асимметрия подтверждается рейтингами — лидеры (Москва, Татарстан, Нижегородская область, Санкт-Петербург, Томская, Московская, Свердловская, Новосибирская, Калужская и Челябинская области) сочетают развитый человеческий капитал, инфраструктуру НИОКР и активный бизнес-сектор; нижние позиции занимают периферийные регионы (Ингушетия, Калмыкия, отдельные автономные округа и ЕАО, ряд южных и северокавказских субъектов) с минимальной инновационной активностью, низкими объемами НИОКР и снижением доли организаций, осуществляющих технологические инновации[13]. Между лидерами и аутсайдерами формируется промежуточная группа с отдельными сильными компонентами, но ограничениями в кооперации и инвестициях; некоторые улучшают позиции за счет повышения качества политики (например, на 10 и более позиций в 2025 г.)[14]. В условиях санкций регионы вынуждены оперативно замещать внешние источники роста собственными технологическими решениями, но сталкиваются с дефицитом компетенций, финансирования инноваций и социального развития. Одна из ключевых причин отставания — институциональные барьеры, включая административные ограничения, несовершенство регуляторной среды и низкую эффективность региональной политики.

---

[11] Рейтинг инновационного развития субъектов РФ. Вып. 10. — М., 2025. — https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1068200858.pdf.

[12] *Волкова Н.Н., Романюк Э.И.* Взаимосвязь индекса научно-технологического развития и структуры экономики регионов России // Проблемы развития территории. — 2025. — Т. 29. — № 6. — С. 128–147.

[13] Рейтинг регионов по научно-технологическому развитию — итоги 2024 г. — https://riarating.ru/infografika/20251020/630287865.html Рейтинг инновационного развития субъектов РФ. Вып. 10. — М., 2025. — https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1068200858.pdf.

[14] Там же.

Таким образом, инновационное развитие регионов России структурировано по модели «ядро — периферия — переходная зона». Ядро концентрирует на себе наиболее благоприятные для инноваций условия — научно-технический потенциал, бизнес-активность, эффективные институциональные механизмы, финансирование, интеграцию в технологические цепочки. Периферия, напротив, остается оторванной от этих потоков; на ней инновации либо минимальны, либо фрагментарны. Промежуточная группа — это потенциальная основа для масштабирования инноваций при условии улучшения институционального окружения, инвестиций, кооперации и инфраструктуры. Такая пространственная асимметрия инновационной карты страны имеет далеко идущие последствия. Во-первых, она препятствует экономической диверсификации регионов, что снижает устойчивость экономики в целом. Во-вторых, она ограничивает возможности для социально-экономического развития отдаленных и инфраструктурно слабых регионов. В-третьих, такая модель повышает уязвимость периферийных территорий при внешних шоках, поскольку в них отсутствует экономический резерв, способный компенсировать кризисные потери.

Региональная асимметрия в инновационно-технологической сфере остается устойчивой и системной, она усугубляется тем, что развитые территории чаще усиливают свои конкурентные преимущества за счет масштабирования инновационной инфраструктуры и концентрации компетенций (пример «Московского инновационного кластера», «Долины МГУ» и др.), тогда как периферийные регионы сталкиваются с ограниченными возможностями для включения в национальную инновационную систему. В текущих условиях такая асимметрия представляет собой серьезную проблему, поскольку ограничивает национальный потенциал НТР и создает риски по уровню технологической готовности ряда субъектов РФ. Сокращение этой асимметрии требует привлечения инвестиций, развития человеческого капитала, инфраструктуры и научно-технологической кооперации (в рамках стратегии «принуждения к инновациям»). Только в этом случае промежуточные регионы смогут приблизиться по уровню технологической зрелости к ядру, а периферия — избежать дальнейшего отставания.

Ключевые императивы инновационно-технологического развития регионов детерминированы необходимостью обновления научно-технологической базы, эффективного использования собственных ресурсов и адаптации к глобальным вызовам. Одним из императивов является ускорение цифровизации и формирование цифровой инфраструктуры как системообразующей основы модернизации экономики. Создание высокоскоростных сетей передачи данных, внедрение цифровых платформ управления, развитие центров обработки данных, применение ИИ, расширение цифровых сервисов становятся ключевыми факторами повышения эффективности управления и развития регионов. Вторым императивом является обеспечение технологического суверенитета, предполагающего развитие собственных производственных цепочек, локализацию критических технологий, стимулирование НИОКР и укрепление промышленности. Третий императив связан с усилением научно-образовательного потенциала регионов, включая повышение качества подготовки кадров, развитие исследовательских центров, поддержку университетской науки, создание молодежных научных лабораторий и стимулирование кооперации между академическим и корпоративным секторами. Еще одним значимым направлением является развитие региональных кластеров и инновационных экосистем, способствующих формированию зон концентрации и кооперации промышленности, науки и сервисов (особенно цифровых). Такой подход позволяет регионам формировать конкурентные преимущества, усиливать технологическую специализацию и интегрироваться в производственные цепочки. Завершающим императивом является трансформация промышленной структуры, предполагающая переход к высокотехнологичным отраслям и диверсификации экономики, реиндустриализации, внедрению ресурсо- и природосберегающих технологий. В совокупности эти императивы определяют стратегическую траекторию регионального развития и задают параметры инновационной модернизации в условиях цифровизации, санкций и кризисных макроэкономических процессов.

Центральное место принадлежит государственной политике, задающей вектор развития и создающей нормативно-правовые, инфраструктурные и финансовые условия для поддержки инновационной активности. Федеральные программы, национальные проекты и государственные стратегии в сфере НТР и цифровой экономики определяют рамки, в пределах

которых регионы формируют собственные стратегии. Региональные программы развития промышленности, цифровизации, образования и науки, а также «дорожные карты» технологической трансформации закрепляют приоритеты локального уровня, направленные на создание условий для притока инвестиций, развития инновационных компетенций и интеграции научно-образовательного и промышленного потенциала.

Таким образом, в рамках реализации предлагаемой стратегии «принуждения к инновациям» ключевыми механизмами реализации вышеуказанных императивов являются инструменты стимулирования, включающие налоговые льготы, субсидии на технологическое переоснащение, грантовую поддержку проектов, финансирование и развитие кадров. Существенное значение имеют программы поддержки НИОКР, направленные на компенсацию издержек научных исследований и снижения рисков для частных инвесторов. Механизмы поддержки технологического предпринимательства (бизнес-инкубаторы, акселерационные программы, инструменты венчурного инвестирования и т.д.) в теории должны сформировать благоприятную среду для роста стартапов, однако на практике получили развитие только в отдельных регионах или отраслях (ИТ, биотех и др.). Поэтому важным направлением становится активное развитие кооперации между бизнесом, вузами и НИИ, позволяющей повысить эффективность трансфера технологий и ускорить вывод новых решений на рынок. Особую роль в реализации императивов играют институты развития, обеспечивающие финансирование ключевых технологических проектов, формирование кластеров, поддержку высокотехнологичных производств и создание инфраструктуры для технологического роста и реиндустриализации. Научные кампусы, индустриальные парки, инжиниринговые центры обеспечивают предприятиям доступ к оборудованию, исследовательской базе и профессиональным компетенциям, что облегчает проведение НИОКР. Важным инструментом являются специальные правовые режимы (территории опережающего развития, особые экономические зоны, инновационные научно-технологические центры), предоставляющие различные льготы и благоприятные условия для привлечения инвесторов и инноваторов. Наконец, платформенные решения в сфере цифровизации играют ключевую роль в формировании современной инфраструктуры инновационного развития регионов. Цифровые платформы должны обеспечить функционирование единой среды для взаимодействия предприятий, вузов, НИИ и технологических центров, обеспечивая стандартизированный обмен данными, координацию процессов, планирование цепочек поставок и оперативное реагирование на изменения спроса и технологической среды[15]. Такие сетецентрические цифровые платформы обеспечивают интеграцию производственных процессов, научных разработок и государственно-управленческих решений, что позволяет ускорять процессы согласования, мониторинга и контроля на всех этапах жизненного цикла инновационного проекта — от разработки до внедрения и масштабирования. Соответственно, платформа становится не только инструментом управления, но и структурным элементом региональной инновационной системы, обеспечивая организационные, экономические и институциональные условия для устойчивого технологического роста регионов, повышения их конкурентоспособности и интеграции в национальные и международные технологические цепочки. В перспективе развитие платформенных решений способствует формированию единой цифровой среды, которая объединяет вузы, НИИ, бизнес и органы власти, что позволяет ускорить трансформацию региональной экономики и повысить ее адаптивность к вызовам цифровой эпохи и глобальных изменений.

[15] Подробнее см.: *Своеволин В.Ю.* Концепция формирования цифровой платформы сетецентрического взаимодействия науки, государства и бизнеса // Экономическое развитие России: вызовы и возможности в меняющемся мире. Матер. Междунар. научно-практ. конф. КубГУ. — Краснодар, 2023. — С. 274–280.

Якубова Э.Т.
PhD, с.н.с.,
Институт макроэкономических и региональных исследований, Ташкент
yakubovaelnora@mail.ru

ОЦЕНКА ЭФФЕКТА ДЕКАПЛИНГА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ УЗБЕКИСТАНА

Ключевые слова: регион, декаплинг, устойчивое развитие, ресурсный декаплинг, экологический декаплинг, водопользование, энергоэффективность, землепользование, «зелёная» экономика, аграрный сектор.
Key words: region, decoupling, sustainable development, resource decoupling, impact decoupling, water use, energy efficiency, land use, «green» economy, agricultural sector.

Экономический рост традиционно считается ключевой целью национальных экономик, однако его сопровождением становится возрастающее давление на природную среду. За последние десятилетия мировое использование ресурсов выросло многократно, а масштабы потребления уже превысили способность экосистем к восстановлению. По данным Global Footprint Network, текущий уровень глобального потребления требует ресурсной базы, превышающей биоемкость Земли примерно на 75%[1].

Ускоряющееся потребление и рост выбросов сформировали понятие «экологического долга», отражающее тот факт, что ежегодно ресурсы, возобновляемые природой, исчерпываются всё раньше. Наибольший вклад в экологический след дают выбросы парниковых газов.

В этой связи в научной дискуссии усилилось внимание к концепции «декаплинга», предполагающей возможность ослабления связи между экономическим ростом и эксплуатацией природных ресурсов. В ряде развитых экономик уже фиксируется относительный декаплинг: использование сырья растёт медленнее ВВП, а выбросы CO_2 стабилизируются. Однако достижение абсолютного сокращения экологической нагрузки при продолжающемся экономическом росте по-прежнему остаётся серьёзным вызовом.

Продвижение к декаплингу требует глубокой технологической модернизации, перехода на экологически чистую энергетику и активного государственного вмешательства. Опыт Австралии, Европейского союза и ряда стран Азии и Америки показывает, что сложные институциональные реформы, поддержка энергоэффективных технологий и корректировка политики способны совмещать экономическое развитие с уменьшением негативного влияния на окружающую среду.

Эти глобальные тенденции в полной мере затрагивают и Узбекистан, который уверенно движется к формированию зелёной и низкоуглеродной экономики. В Стратегии «Узбекистан-2030» экологическая устойчивость обозначена как один из ключевых ориентиров развития.[2] Страна последовательно усиливает энергоэффективность, снижает удельные выбросы, внедряет современные подходы к рациональному использованию водных и природных ресурсов, расширяет долю возобновляемой энергетики. Особое внимание уделяется регионам, поскольку именно они становятся основными экспериментальными площадками для внедрения инновационных и ресурсосберегающих технологий.

Переход региональных экономик на зелёные принципы гармонично вписывается в концепцию декаплинга: экономический рост должен опираться не на расширение ресурсопотребления, а на повышение эффективности и снижение экологических издержек. Для Узбекистана это имеет стратегическое значение, учитывая высокую энергоёмкость экономики, ограниченный водный потенциал и возрастающую чувствительность к климатическим изменениям.

В результате зелёная трансформация регионов является не только экологическим приоритетом, но и важнейшим инструментом повышения их конкурентоспособности, привлека-

[1] Living Planet Report. — 2022. — https://www.footprintnetwork.org/living-planet-report.

[2] Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии «Узбекистан — 2030» от 11.09.2023 г. № УП-158 / https://lex.uz/ru/docs/6600404.

тельности для инвестиций и устойчивости будущего роста. Принципы декаплинга органично дополняют цели Стратегии «Узбекистан — 2030», превращая экологическую модернизацию в фундамент долгосрочного сбалансированного развития страны и ее регионов.

Исследования ученых-экономистов в области экологических факторов экономического прогресса подтверждают высокую значимость анализа явления декаплинга на региональном уровне. Рассматривая декаплинг через призму региональной экономики, исследователи выделяют два его ключевых измерения[3]:

— ресурсный декаплинг (resource decoupling) — снижение интенсивности использования природных ресурсов на единицу создаваемой экономической стоимости;

— декаплинг воздействия (impact decoupling) — уменьшение экологического ущерба и выбросов при продолжающемся экономическом росте.

Оба направления являются важными индикаторами эффективности региональной политики в сфере устойчивого развития, поскольку позволяют оценивать, насколько территория способна повышать конкурентоспособность, одновременно снижая давление на окружающую среду.

В дополнение к этому в научной литературе проводится различие между относительным и абсолютным декаплингом[4]:

— относительный декаплинг предполагает, что экономика растёт быстрее, чем увеличивается использование ресурсов или экологические воздействия;

— абсолютный декаплинг означает реальное снижение объёмов ресурсопотребления или выбросов при продолжающемся росте ВВП.

Для регионов именно достижение абсолютного декаплинга рассматривается как высшая степень эффективности экологической модернизации, поскольку оно требует глубоких технологических преобразований, изменения структуры производства и внедрения инновационных механизмов управления ресурсами.

Анализ декаплинга ресурсного давления и экономического роста в регионах Узбекистана, выполненный по четырём ключевым направлениям (загрязнение атмосферы, энергопотребление, водопользование и землепользование), охватывает два последовательных периода — 2017–2020 годы и 2021–2024 годы. Такой подход позволяет выявить изменения интенсивности использования природных ресурсов в сопоставлении с динамикой экономического роста, что особенно важно для оценки устойчивости регионального развития.

В целом по Республике Узбекистан наблюдается позитивная динамика по большинству ключевых показателей декаплинга. Наиболее выраженный прогресс зафиксирован по снижению атмосферных выбросов (Df_a повысился с 0,10 в период 2017–2020 гг. до 0,27 в период 2021–2024 гг.) и улучшению энергоэффективности (Df_e повысился с 0,04 до 0,11), что отражает постепенное внедрение новых технологий, модернизацию оборудования и структурные изменения в промышленности.

Значимые сдвиги также отмечены в сфере землепользования. Показатель как по экономике в целом (Df_{z1} возрос с 0,19 в период 2017–2020 гг. до 0,25 в период 2021–2024 гг.), так по аграрному сектору (Df_{z2} — с 0,09 до 0,15) демонстрирует переход к более интенсивным и рациональным формам использования земельных ресурсов.

В то же время нагрузка на водные ресурсы продолжает оставаться аспектом, требующим своевременного решения. Несмотря на положительный декаплинг водопользования в экономике ($Df_{w1} = 0,23$) и аграрном секторе ($Df_{w2} = 0,11$), наблюдается незначительное снижение этих показателей за период 2021–2024 гг. по сравнению с 2017–2020 гг., что указывает на сохраняющуюся зависимость экономики от водоёмких культур и недостаточную эффективность действующих ирригационных систем.

К числу территорий, демонстрирующих устойчивый разрыв связи между экономическим ростом и экологическими издержками, относятся Кашкадарьинская, Навоийская, Наманган-

[3] *Забелина И.А.* Эффект декаплинга в эколого-экономическом развитии регионов-участников трансграничного взаимодействия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2019. — Т. 12. — № 1. — С. 241–255.

[4] *Поляков В.В.* Концепция декаплинга: целевой ориентир или иллюзия? // Экономика и экология территориальных образований. — 2024. — № 8 (2). — С. 8–14.

ская и Ташкентская области. Эти регионы имеют положительные декаплинг-факторы почти по всем направлениям, включая атмосферное загрязнение, энерго- и водопользование, а также землепользование. Наиболее значимые результаты характерны для Навоийской области, где отмечается максимальный прогресс в водосбережении и энергоэффективности, а также для Кашкадарьинской области, продемонстрировавшей улучшение по всем шести индикаторам.

Высокий уровень устойчивости наблюдается и в Ташкентской области, где рост промышленности и агропроизводства сопровождается снижением загрязнений и рационализацией землепользования. Это свидетельствует об успешной модернизации хозяйственного комплекса и внедрении современных технологий.

К регионам со смешанной динамикой относятся Самаркандская, Сырдарьинская и Республика Каракалпакстан, где фиксируются положительные тренды по атмосферному загрязнению и энергоэффективности, однако показатели водопользования остаются нестабильными. Особенно это заметно в Республике Каракалпакстан, природная уязвимость которой усиливает экологическую нагрузку, т.е. приводит к отрицательным значениям по аграрному водопользованию и требует внедрения водосберегающих технологий.

Среди регионов с отрицательной динамикой декаплинга Джизакская, Андижанская и Хорезмская области демонстрируют усиление ресурсной нагрузки, проявляющееся в отрицательных декаплинг-факторах по ключевым направлениям. На этих территориях наблюдаются высокая волатильность экологической нагрузки (Андижанская, Джизакская области), уязвимость аграрного сектора к водному дефициту (Хорезмская область), что подчёркивает необходимость ускоренной модернизации инженерной инфраструктуры, внедрения водо- и энергосберегающих технологий.

В целом наиболее проблемным направлением для большинства регионов остаётся водопользование, особенно в аграрном секторе, что требует решения вопросов внедрения менее водоёмких засухоустойчивых культур в сельском хозяйстве, модернизации ирригационных систем, широкого применения капельного и дождевального орошения. Другой важной задачей является снижение атмосферных выбросов в регионах, где промышленный рост сопровождается увеличением загрязнения. При этом приоритетными остаются меры по установке очистных систем, внедрению энергоэффективного оборудования.

Проведённый анализ декаплинг-факторов показывает, что Узбекистан в целом формирует модель «зелёного роста», при которой экономическое развитие всё больше сопровождается относительным уменьшением экологических издержек. Однако региональная дифференциация остаётся высокой: одни регионы демонстрируют устойчивые результаты, тогда как другие сталкиваются с системным ростом ресурсоёмкости.

Переход к устойчивому развитию требует разработки и реализации целевых региональных направлений, которые учитывают специфику природно-ресурсного потенциала, экономических возможностей и социально-экономических особенностей каждого региона:

— *модернизация водного хозяйства*, заключающаяся во внедрении современных систем ирригации и водосбережения, повышающих эффективность использования водных ресурсов в сельском хозяйстве и агропромышленности, реконструкции и оптимизации инфраструктуры водоснабжения, очистных сооружений и систем канализации для минимизации потерь и загрязнения водных объектов, а также создании механизмов мониторинга и управления водными ресурсами на региональном уровне, включая прогнозирование водного дефицита и регулирование водопользования;
— *экологизация аграрного сектора*, предполагающая переход к устойчивым методам ведения сельского хозяйства, включая сокращение применения химических удобрений и пестицидов, внедрение органического и точного земледелия, использование агротехнических мероприятий для снижения эрозии почв, деградации земель и потерь влаги, а также развитие агропромышленных кластеров, ориентированных на переработку и рациональное использование сельскохозяйственной продукции с целью уменьшения нагрузки на природные ресурсы;
— *повышение энергоэффективности*, включающее внедрение энергосберегающих технологий в промышленности, транспорте и жилищно-коммунальном секторе, исполь-

зование систем учета и контроля энергопотребления с оптимизацией режимов работы предприятий и объектов инфраструктуры, а также развитие программ стимулирования «зелёной» энергии и модернизацию существующих энергетических систем с целью сокращения выбросов и уменьшения углеродного следа;

— *внедрение зелёных технологий в промышленности*, предполагающее переход к производственным процессам с минимальным воздействием на окружающую среду, включая использование замкнутых циклов воды, энергоэффективных машин и экологически чистых материалов, развитие инновационных производств, ориентированных на переработку отходов, повторное использование ресурсов и снижение экологической нагрузки, а также стимулирование инвестиционной активности в «зелёную» промышленность через государственные и региональные программы поддержки;

— *оптимизация использования земельных ресурсов* посредством разработки территориальных схем рационального землепользования с учетом сельскохозяйственных, лесохозяйственных и урбанизированных зон, внедрения мер по восстановлению деградированных земель, предотвращению опустынивания и эрозии почв, а также применения цифровых технологий и геоинформационных систем для мониторинга состояния земель, оценки их продуктивности и планирования устойчивого землепользования.

Международные транспортные коридоры на Евразийском пространстве: геополитические, социально-экономические и технологические аспекты[1]

[1] В этом разделе публикуются некоторые материалы одноименной стратегической сессии.

Абдыев Дж.Р.
преподаватель,
Государственный энергетический институт Туркменистана, г. Мары,
Ходжамаммедов М.М.
преподаватель,
Государственный энергетический институт Туркменистана, г. Мары
mekanhoja2021@gmail.com
Гаррыбаев Б.Х.
студент,
Государственный энергетический институт Туркменистана, г. Мары

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: международные транспортные коридоры, Евразийское пространство, логистика, геополитика, транспортная интеграция, цифровизация, роботизация.
Key words: international transport corridors, Eurasian space, logistics, geopolitics, transport integration, digitalization, robotization.

Международные транспортные коридоры (МТК) в Евразии — это не просто маршруты, а стратегические артерии, обеспечивающие экономическую связанность, геополитическое влияние и устойчивый рост. Они служат мостом между быстрорастущими рынками Азии и развитыми экономиками Европы, что делает Евразию ключевым трансконтинентальным хабом. Актуальность исследования обусловлена следующими современными вызовами.

1. *Геополитическая перестройка.* Смена акцентов в мировой торговле с морских на сухопутные маршруты, усиление конкуренции между логистическими инициативами (например, транскаспийский маршрут как альтернатива).
2. *Экономическая эффективность.* Необходимость значительного снижения транзитных издержек и сокращения времени доставки (Time-to-Market) для повышения конкурентоспособности евразийских маршрутов по сравнению с морским путем.
3. *Технологическая революция.* Острая потребность в цифровой трансформации и автоматизации для устранения «узких мест» в логистических цепях, связанных с прохождением границ, перевалкой грузов и таможенными процедурами.

Цель статьи — провести комплексный анализ современного состояния и перспектив развития МТК на евразийском пространстве, а также сформулировать практико-ориентированные рекомендации для их оптимизации и устойчивого функционирования в условиях быстро меняющегося мира.

1. Геополитические и геоэкономические предпосылки развития МТК

Развитие МТК тесно переплетено с интересами великих держав и региональных объединений.

1.1. Геополитическая конфигурация и роль ключевых игроков

Ключевыми факторами, определяющими развитие МТК, являются:

— *инициатива «Один пояс — один путь» (ОПОП) КНР*. Эта масштабная инициатива, включающая «Экономический пояс Шелкового пути», является основным драйвером развития сухопутных МТК. Она нацелена на создание комплексной транспортной, энергетической и торговой сети, которая значительно укрепит экономическое и политическое влияние Китая в Евразии;

— *Россия и Евразийский экономический союз (ЕАЭС).* Россия, обладающая самой протяженной железнодорожной сетью в Евразии (Транссиб, БАМ), является естественным

транзитным хабом. ЕАЭС ставит целью создание единого транспортного пространства с унифицированными тарифами и правилами, что критически важно для интеграции МТК;

— *Туркменистан и Центральная Азия.* Страны Центральной Азии (включая Туркменистан, который активно развивает свои транспортные узлы, такие как Международный морской порт Туркменбаши) играют роль связующего звена между Востоком и Западом, а также между Севером и Югом. Их суверенные транспортные стратегии направлены на диверсификацию маршрутов и получение максимальной выгоды от транзита.

1.2. Основные евразийские транспортные коридоры

Конкуренция за грузопотоки стимулирует развитие нескольких ключевых коридоров:

Таблица 1

Основные международные транспортные коридоры на евразийском пространстве

Коридор	Протяженность, в км	Основные страны	Тип транспорта	Основные грузы
Север–Юг	7200	Россия — Иран — Индия	Железнодорожный, морской	Промышленное оборудование, нефть
Транссибирский	9300	Россия	Железнодорожный	Уголь, металл, контейнеры
Восточно-Западный	5500	Китай — Казахстан — Россия — Европа	Железнодорожный, автомобильный	Электроника, текстиль, продовольствие

Развитие МТК требует согласованной политики в области безопасности, таможенного регулирования и инфраструктурного планирования.

2. Транспортно-логистическое измерение евразийской интеграции

Эффективность МТК напрямую зависит от глубины логистической интеграции, которая выходит за рамки простого транзита.

2.1. Интегрированная логистическая сеть и «узкие места»

Полноценная интеграция требует создания единой логистической сети, а не просто набора стыкующихся национальных систем. Ключевые аспекты:

— *унификация стандартов и процедур*. Переход на единые электронные накладные (например, e-CMR), унификация ширины колеи (в местах стыковки российской/казахстанской и китайской/европейской систем), гармонизация режимов труда и отдыха водителей;

— *развитие мультимодальных хабов*. Создание крупных транспортно-логистических центров (ТЛЦ) в ключевых точках (например, в Туркменбаши, Алашанькоу, Бресте, Калининграде, Новороссийске), где осуществляется быстрая перевалка грузов между разными видами транспорта (железнодорожный ↔ автомобильный ↔ морской);

— *проблема «последней мили» и пропускной способности*. Несмотря на значительные инвестиции в магистральную инфраструктуру, «узкими местами» остаются приграничные станции, порты и подъездные пути к крупным городам, где задержки могут нивелировать эффект от скоростных перевозок на основных участках.

2.2. Экономический эффект от оптимизации логистики

Оптимизация логистики в МТК приводит к ряду следующих экономических выгод.

1. *Снижение транзитного времени.* Например, сокращение времени доставки из Китая в Европу по сухопутным маршрутам с 45–60 дней (морским путем) до 10–14 дней (железнодорожным) позволяет бизнесу быстрее реагировать на рыночный спрос.

2. *Снижение логистических затрат*. Повышение скорости, точности и надежности доставки (уменьшение страховых рисков) в долгосрочной перспективе снижает общую стоимость логистики, хотя и не всегда стоимость самого тарифа.
3. *Стимулирование регионального развития*. Создание ТЛЦ, пунктов технического обслуживания и сервисных центров вдоль МТК способствует развитию приграничных и транзитных регионов, созданию рабочих мест и привлечению инвестиций.

Рис. 1. Модель интегрированной логистической сети Евразии

3. Безопасность и правовое обеспечение международных транспортных коридоров

Безопасность МТК — это многоаспектная проблема, включающая как физические, так и цифровые риски.

Таблица 2

Комплексный подход к безопасности

Аспект безопасности	Содержание	Меры противодействия
Физическая защита	Кража, контрабанда, террористические угрозы, природные катастрофы	Вооруженное сопровождение (при необходимости), видеонаблюдение, спутниковый мониторинг (GPS/ГЛОНАСС), защищенные парковки
Кибербезопасность	Взлом систем управления движением, электронных таможенных деклараций, систем управления складами	Использование защищенных блокчейн-технологий для документооборота, шифрование данных, межгосударственные центры реагирования на киберугроз
Правовое обеспечение	Разночтения в таможенных кодексах, неопределенность ответственности за груз при пересечении границ	Ратификация международных конвенций (например, КДПГ, КОТИФ), разработка типовых межгосударственных соглашений по транзиту, применение принципа «единого окна» на границе.
Экологическая безопасность	Загрязнение окружающей среды, выбросы CO_2	Использование экологически чистого транспорта (электровозы, газомоторное топливо), оптимизация маршрутов для снижения холостого пробега

3.2. Таможенная гармонизация и «единое окно»

Критически важным является ускорение и упрощение таможенных процедур. Инициатива «Единое окно» (Single Window) на границе позволяет всем заинтересованным сторонам (таможня, пограничники, фитосанитарный контроль, перевозчик) обмениваться информацией через единый цифровой портал. Это существенно сокращает время прохождения границы, которое может достигать 30% всего транзитного времени. Развитие электронного декларирования и предварительного информирования о грузах также является ключевым шагом.

4. Международная транспортная интеграция и опыт России и Туркменистана

Развитие МТК требует значительных инвестиций и скоординированных действий на уровне государств.

4.1. Российская Федерация: Модернизация Транссиба и роль в МТК «Север-Юг»

Россия активно инвестирует в комплексное развитие своей транспортной инфраструктуры:

— *Транссиб и БАМ*. Реализуется масштабный проект по увеличению пропускной способности Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей для доведения объемов транзитных перевозок до 100 млн тонн и более, что является фундаментом для развития Восточно-Западного коридора;

— *МТК «Север-Юг»*. Россия является ключевым участником этого коридора, который имеет три ветви — западную (через Азербайджан), восточную (через Казахстан и Туркменистан) и транскаспийскую (морским путем). Развитие этого коридора является стратегическим приоритетом для переориентации грузопотоков на Юг и Юго-Восток;

— *ТЛЦ и порты*. Модернизация портовых мощностей (например, в Новороссийске, Владивостоке, Санкт-Петербурге) и строительство крупных логистических хабов вокруг Москвы и на Урале.

4.2. Роль Туркменистана в центральноазиатских коридорах

Туркменистан, будучи нейтральным государством, активно развивает свою транспортную дипломатию и инфраструктуру, позиционируя себя как ключевой транзитный мост в Центральной Азии.

— *Порт Туркменбаши*. Расширение порта на Каспии обеспечивает выход на морские маршруты в Иран, Азербайджан и Россию, являясь важнейшим узлом Транскаспийского коридора и морской ветви МТК «Север-Юг».

— *Железнодорожные проекты*. Строительство и модернизация железнодорожных линий, таких как Казахстан-Туркменистан-Иран (КТИ), которая является частью восточной ветви МТК «Север-Юг», а также линий, связывающих с Афганистаном и Узбекистаном.

— *Инициативы ООН*. Туркменистан является инициатором и активным участником ряда резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, направленных на развитие устойчивого транспорта и создание Ашхабадского соглашения о создании международного транспортного и транзитного коридора.

5. Перспективы механизации, роботизации и цифровизации МТК

Технологический прорыв является необходимым условием для дальнейшего повышения эффективности МТК и конкурентоспособности сухопутного транспорта.

5.1. Цифровизация и Интернет вещей (IoT)

Цифровизация — это переход от бумажного документооборота к бесшовным электронным потокам данных.

— *Электронная логистика (e-Logistics)*. Внедрение электронных пломб, e-TIR (электронный пропуск), электронных накладных (e-CMR). Это позволяет в режиме реального времени отслеживать груз, его местоположение, состояние и статус прохождения таможенных процедур, исключая человеческий фактор и ошибки.

— *IoT-сенсоры*. Использование датчиков (температуры, влажности, вибрации) для мониторинга состояния скоропортящихся или высокоценных грузов. Это критически важно для перевозки продуктов питания, фармацевтики и электроники.

— *Блокчейн*. Применение технологии распределенного реестра для создания неизменяемой, прозрачной и безопасной цепи поставок, что особенно актуально для многостороннего транзита.

5.2. Роботизация и интеллектуализация

Роботизация и AI (Искусственный интеллект) переводят работу МТК на качественно новый уровень.

Таблица 3

Роботизация и интеллектуализация

Технология	Применение в МТК	Эффект/Преимущество
Автоматизированные терминалы	Полностью или частично автоматизированные порты и контейнерные терминалы (AGV — Automated Guided Vehicles).	Сокращение времени на обработку контейнера до 30-50%, снижение аварийности, круглосуточная работа.
Роботизированные погрузчики	Роботы-штабелеры и погрузчики на складах и в ТЛЦ.	Снижение трудозатрат, повышение точности складирования и инвентаризации, минимизация повреждений груза.
AI-планирование и прогнозирование	Алгоритмы ИИ для оптимизации маршрутов с учетом погодных условий, пробок, пропускной способности узлов и динамики спроса.	Снижение транзитного времени на 5-10%, минимизация холостого пробега, прогнозирование рисков задержек.
Автономный транспорт	Беспилотные грузовики на выделенных участках коридоров (пилотные проекты).	Повышение безопасности, снижение затрат на персонал, возможность круглосуточного движения.

Туркменистан может использовать роботизацию и AI для повышения пропускной способности своих ключевых логистических узлов, таких как морской порт Туркменбаши, чтобы стать еще более привлекательным транзитным партнером.

Заключение и рекомендации

Развитие международных транспортных коридоров на евразийском пространстве является ключевым фактором геоэкономического и геополитического успеха стран-участниц. Только комплексный подход, сочетающий инфраструктурное развитие, гармонизацию правового поля и внедрение передовых технологий, позволит в полной мере реализовать транзитный потенциал Евразии.

Основные рекомендации для оптимизации функционирования МТК:

1) *институциональная координация*. Создание постоянно действующей наднациональной координационной платформы (под эгидой ЕАЭС, ШОС или ООН) для синхронизации транспортных политик, инвестиционных планов и устранения нетарифных барьеров (например, согласование времени работы таможни);
2) *ускоренная цифровизация и стандартизация*. Принятие обязательного единого стандарта электронного документооборота для всех стран-участниц МТК, а также внедрение системы «единого окна» на всех пограничных переходах для ускорения таможенных процедур;
3) *приоритетное инвестирование в «умную» инфраструктуру*. Направление инвестиций не только в строительство новых дорог, но и в модернизацию существующих узлов с внедрением AI-систем управления трафиком и автоматизированных терминалов. Особое внимание необходимо уделить развитию фидерных (подводящих) маршрутов и интермодальных хабов;
4) *развитие кадрового потенциала*. Создание межгосударственных образовательных программ и центров подготовки специалистов в области цифровой логистики, кибербезопасности транспортных систем и эксплуатации роботизированной техники;
5) *устойчивое финансирование*. Привлечение частного капитала и использование механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП) для реализации крупных инфраструктурных проектов. Разработка системы «зеленых облигаций» для финансирования экологически чистых транспортных решений.

Список литературы

1. *Беляев А.В.* Международные транспортные коридоры Евразии: анализ и перспективы. — М.: Наука, 2022.
2. Китайская инициатива «Один пояс — один путь»: транспортно-экономические аспекты. — М., 2020.
3. Евразийский экономический союз: транспортная стратегия. — Минск, 2021.
4. *Сидоров Н.В., Петрова Е.А.* Цифровизация транспортной инфраструктуры. — М., 2023.
5. *Smith J.* Eurasian transport corridors and global trade. — London: Routledge, 2022.
6. *Zhang L., Wang H.* Belt and Road Initiative: logistics and integration. — Beijing, 2021.
7. Российская транспортная стратегия на период 2020-2030 гг. — М., 2020.
8. Евразийская интеграция и транспорт: сборник статей. — М., 2023.
9. Государственная программа развития транспортной системы Туркменистана на период до 2025 года. — Ашхабад, 2020.
10. *Кузнецова Е.И.* Геополитические риски и перспективы развития МТК «Север-Юг» // Журнал транспортных исследований. — 2024. — № 1(45). — С. 12-25.
11. *Мамедов О.Р.* Роль Центральной Азии в формировании трансевразийских логистических цепей. Монография. — Баку: Изд-во АГУ, 2023.
12. Transport in the Eurasian Region: Trends and Policy Implications. UN ESCAP Report. — Bangkok, 2023.
13. Интеллектуальные транспортные системы: вызовы и решения для стран ЕАЭС. Материалы международной конференции. — Минск, 2023.
14. *Хромов Д.С.* Экономическая эффективность и экологическая устойчивость мультимодальных перевозок // Вестник транспорта. — 2024. — № 5. — С. 78–85.

Amanova O.G.
Lecturer,
State Energy Institute of Turkmenistan, Mary
Hojamämmedow M.M.
Lecturer,
State Energy Institute of Turkmenistan, Mary
mekanhoja2021@gmail.com

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION IN THE DEVELOPMENT OF EURASIAN TRANSPORT CORRIDORS

Key words: international transport corridors, scientific cooperation, technical collaboration, Eurasian integration, logistics, infrastructure, innovation.

Ключевые слова: международные транспортные коридоры, научное сотрудничество, техническое сотрудничество, евразийская интеграция, логистика, инфраструктура, инновации.

Introduction

The rapid growth of international trade and the strategic importance of Eurasian transport corridors (ITCs) require innovative approaches to infrastructure development, management, and technological integration. Efficient ITCs depend not only on physical infrastructure but also on scientific and technical cooperation across borders. Collaborative projects can enhance operational

efficiency, safety standards, and technological adoption, contributing to regional integration and economic growth [Smith et al., 2023].

Scientific and technical cooperation encompasses joint research, standardization of procedures, implementation of modern monitoring systems, and development of digital platforms for logistics and transport management. Such collaboration ensures sustainable and resilient corridor operations, mitigating risks associated with geopolitical or economic fluctuations.

The rapid growth of international trade and the strategic importance of Eurasian transport corridors (ITCs) have made the development of robust, efficient, and technologically advanced transport networks a key priority for regional and national governments. These corridors serve as vital arteries for the movement of goods, people, and services across multiple countries, connecting Europe, Central Asia, and East Asia. The effective functioning of ITCs not only facilitates trade and economic growth but also strengthens regional integration, geopolitical stability, and social development [Smith et al., 2023; Johnson & Lee, 2022].

Efficient ITCs rely not only on physical infrastructure, such as roads, railways, ports, and logistics hubs, but also on scientific and technical cooperation across borders. This cooperation involves coordinated planning, research, and innovation to ensure that infrastructure investments are optimized, operations are efficient, and the corridors remain resilient under varying economic, environmental, and geopolitical conditions. Collaborative projects enable the adoption of state-of-the-art technologies, such as real-time monitoring systems, predictive maintenance tools, automated cargo tracking, and smart logistics platforms, which collectively enhance operational efficiency and reliability [Zhang et al., 2021].

Furthermore, scientific and technical cooperation allows stakeholders to harmonize standards, regulations, and operational procedures across multiple jurisdictions. Differences in technical norms, customs protocols, and safety standards can create inefficiencies, delays, and increased costs. Joint research initiatives, workshops, and intergovernmental agreements help to align these standards, facilitating smoother cross-border transport operations and reducing administrative barriers. Such harmonization is particularly crucial for corridors that span multiple countries with diverse legal, economic, and technological environments [Chen et al., 2020].

In addition to infrastructure and regulatory alignment, international scientific collaboration supports the digital transformation of ITCs. Integration of digital platforms, IoT devices, AI-driven analytics, and blockchain-based tracking systems allows corridor operators to monitor real-time traffic flows, forecast demand, detect anomalies, and make data-driven decisions. These innovations improve safety, reduce bottlenecks, and enhance the predictability of transit times. Moreover, by enabling shared access to corridor data, scientific cooperation fosters transparency and trust among participating nations, promoting long-term sustainability and investment confidence.

Finally, scientific and technical cooperation contributes to capacity building and knowledge transfer. Multinational projects, training programs, and joint research initiatives enable participating countries to develop local expertise, strengthen institutional capabilities, and cultivate skilled human resources in logistics, transport engineering, and corridor management. This not only improves the immediate operational performance of ITCs but also ensures that participating countries can maintain and expand corridor infrastructure sustainably over the long term.

In summary, the development of Eurasian transport corridors requires a multidimensional approach that combines physical infrastructure development, technological innovation, and scientific cooperation. By fostering joint research, harmonizing standards, integrating advanced digital systems, and promoting knowledge sharing, international collaboration ensures that ITCs remain efficient, resilient, and capable of supporting the growing demands of trade and regional integration.

International scientific and technical cooperation is a cornerstone in the development, modernization, and operational optimization of Eurasian transport corridors (ITCs). As ITCs traverse multiple countries with varying legal frameworks, technical standards, and infrastructure capabilities, coordinated research and technical collaboration becomes essential for overcoming these challenges and achieving seamless corridor functionality (Johnson & Lee, 2022).

The primary roles of international scientific and technical cooperation include:

Joint Research and Development (R&D). Collaborative R&D projects allow countries to develop innovative solutions for transport corridor optimization, predictive maintenance, and real-time monitoring. For example, joint initiatives in railway signaling technology, automated cargo tracking, and intelligent transport systems (ITS) have demonstrated significant improvements in efficiency and safety (Zhang et al., 2021). By pooling expertise and resources, participating nations can reduce duplication of effort, accelerate technological adoption, and develop scalable solutions applicable across diverse corridor environments.

Standardization and Harmonization. One of the major barriers in international corridor operations is the lack of harmonized technical and operational standards. Scientific cooperation enables the alignment of regulations, safety protocols, customs procedures, and technical specifications. Standardization minimizes operational disruptions, reduces transit times, and ensures interoperability of infrastructure and equipment across borders (Chen et al., 2020). It also facilitates the implementation of cutting-edge technologies, as devices and platforms must meet consistent performance and safety requirements.

Technological Integration and Innovation. International collaboration fosters the adoption of advanced technologies such as IoT-enabled sensors, AI-driven predictive analytics, digital twins, and blockchain-based logistics platforms. These technologies enhance corridor visibility, optimize traffic flow, and allow for real-time monitoring of infrastructure conditions, energy consumption, and cargo movement. Cooperation ensures that technology implementations are compatible across countries and that best practices are shared effectively.

Knowledge Sharing and Capacity Building. Scientific cooperation promotes the exchange of expertise among transport engineers, logistics specialists, policymakers, and researchers. Joint workshops, conferences, and training programs improve the technical capabilities of participating countries, allowing them to better manage and expand corridor infrastructure sustainably. Knowledge transfer also supports innovation by providing access to emerging technologies and research findings that may not be readily available domestically.

Policy and Strategic Planning Support, Collaborative research informs policymakers about corridor design, infrastructure investment priorities, and technological strategies. By integrating insights from multiple nations, scientific and technical cooperation ensures that corridor development is based on comprehensive, evidence-based planning, addressing both regional needs and international trade requirements [Smith et al., 2023].

Environmental and Sustainability Considerations. Scientific cooperation also supports the incorporation of environmental and sustainability standards in corridor development. Research initiatives can identify energy-efficient transport solutions, minimize emissions, and promote the use of renewable energy sources in corridor operations. Joint environmental assessments ensure that corridor expansion projects adhere to global sustainability standards, reducing ecological impacts while maintaining operational efficiency.

In conclusion, international scientific and technical cooperation serves as a critical mechanism for overcoming challenges, enhancing operational efficiency, and driving innovation in the development of Eurasian transport corridors. Through collaborative research, standardization, technological integration, and capacity building, participating countries can achieve a resilient, sustainable, and highly efficient corridor network that supports economic growth and regional integration.

The development and modernization of Eurasian transport corridors (ITCs) increasingly rely on targeted technological and scientific initiatives that enhance operational efficiency, safety, and sustainability. These initiatives are the practical outcomes of international scientific and technical cooperation, enabling corridor operators to implement advanced monitoring systems, predictive maintenance, and smart logistics solutions [Zhang et al., 2021; Chen et al., 2020].

Smart logistics platforms integrate digital technologies to enable real-time cargo tracking, traffic management, and route optimization. These platforms collect and process data from multiple sources, including IoT sensors, GPS devices, and automated cargo handling systems. By leveraging AI and machine learning algorithms, corridor operators can predict congestion,

optimize scheduling, and reduce transit times. International cooperation ensures that these platforms are interoperable across different countries, standardizing data protocols and system interfaces for seamless operations.

Predictive maintenance technologies rely on IoT-enabled sensors, data analytics, and digital twins to continuously monitor the condition of transport infrastructure such as rail tracks, bridges, and ports. By detecting early signs of wear or failure, corridor operators can schedule maintenance activities proactively, preventing costly disruptions and accidents. Scientific collaboration across countries allows for the development of standardized monitoring techniques and sharing of best practices, ensuring safety and reliability across the entire corridor network [Johnson & Lee, 2022].

Digital twin models replicate physical corridor infrastructure in a virtual environment, enabling scenario testing, performance evaluation, and optimization. By simulating cargo flows, traffic density, and infrastructure stress, operators can identify bottlenecks, forecast demand, and develop data-driven strategies for corridor management. International scientific initiatives facilitate the creation of unified digital twin frameworks that can be applied across borders, supporting coordinated corridor planning and investment decisions [Smith et al., 2023].

International cooperation also promotes the establishment of shared data and knowledge platforms, allowing corridor operators, researchers, and government agencies to access, exchange, and analyze critical information. These platforms improve transparency, enhance decision-making, and foster collaboration between multiple stakeholders. Access to shared data supports research initiatives in logistics optimization, safety improvement, and environmental sustainability, contributing to a more resilient and efficient corridor network [Chen et al., 2020].

Case studies demonstrate how joint initiatives between Russia, China, and Central Asian countries have successfully implemented these technologies to enhance corridor efficiency.

International scientific and technical cooperation is essential for the successful development of Eurasian transport corridors. By combining expertise, resources, and technological innovations, countries can improve corridor efficiency, safety, and resilience. Strategic collaboration contributes to economic growth, regional integration, and sustainable infrastructure development.

References

1. *Johnson, T., Lee, H.* Scientific collaboration in international transport corridors: A review // Eurasian Transport Journal. — 2022. — Vol. 14, N 2. — P. 45–62.
2. *Smith, R., Petrova, L., Chen, Y.* Technological modernization of Eurasian transport corridors: International perspectives // Transport and Logistics Review. — 2023. — Vol. 18, N 1. — P. 77–95.
3. *Zhang, W., Li, Q., Wang, H.* Digital platforms and cross-border logistics: Russia–China corridor case study // Journal of International Transport. — 2021. — Vol. 7, N 3. — P. 88–104.

Бардаль А.Б.[1]
д.э.н., доцент, в.н.с.,
Институт экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск
Bardal@ecrin.ru

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ РФ-КНР НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: международные транспортные коридоры, Дальний Восток, КНР, пограничные пункты пропуска, трансграничная инфраструктура.
Key words: international transport corridors, the Far East, China, border crossings, cross-border infrastructure.

В 2013 г. произошла корректировка внешнеэкономической политики РФ, акцентирующая внимание на развитии сотрудничества со странами Азии (позднее обозначенная как «поворот на Восток»). Это вследствие постепенного роста грузопотоков привело к увеличению объемов работы транспорта Дальнего Востока России, выступающего естественной контактной территорией со странами СВА (прежде всего КНР). С 2022 г. данная тенденция получила новый масштаб, выраженный в переориентации внешнеторговых потоков РФ с европейского на восточное направление в условиях роста санкционного давления и изменения условий на транспортных рынках западных районов страны[2].

На современном этапе ключевые векторы торгово-экономических взаимодействий РФ (и, соответственно, обслуживающие их транспортные маршруты) формируются через развитие отношений с дружественными странами, к числу которых традиционно относится КНР[3]. Важность создания трансграничной транспортной инфраструктуры и транспортных коридоров с КНР определяется не только географической близостью наших стран, но и значительным масштабом китайской экономики (формирующей спрос на товары ресурсного сектора), возможностью организации логистических взаимодействий с третьими странами через КНР, длительным опытом экономического сотрудничества, а также сохраняющимся взаимопониманием в политической сфере.

Основу для развития взаимодействий РФ и КНР представляет наличие протяженной государственной границы с сухопутными и водными (реки, озера) участками, что определяет возможности организации перевозок автомобильным, железнодорожным и речным транспортом[4]. Государственная граница между РФ и КНР протяженностью более 4,2 тыс. км преимущественно проходит в пределах ДФО (имеется участок границы 55 км на территории Сибирского федерального округа (Республика Алтай), однако он не обустроен пунктами пропуска).

Помимо прямых кроссграничных взаимодействий, рассматриваемых в данной работе, между странами осуществляются перевозки через территорию Казахстана и Монголии, а также маршруты с использованием морского и воздушного видов транспорта (табл. 1).

---

[1] Сфера профессиональных интересов: экономика транспорта, транспортный комплекс Дальнего Востока, международные транспортные коридоры, транспорт стран СВА.

[2] Актуализация транспортной стратегии России как необходимое условие обеспечения экономического прорыва и национальной безопасности страны на этапах геополитического противостояния: коллективная монография в 2 ч. / З.Б. Амирова, Л.Б. Аристова, Ю.М. Баженов [и др.]. — Нижний Новгород: Волжский государственный университет водного транспорта, 2023. — 482 с.

[3] Под «дружественными» понимаем страны, не вошедшие в перечень недружественных. См.: Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц». — https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/.

[4] *Цай И.* Межрегиональные российско-китайские отношения и социально-экономические условия на Дальнем Востоке для развития Амурского речного транспорта в Амурской области в конце XX — начале XXI вв. // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. — 2024. — № 24. — С. 51–54. — DOI: 10.48344/22232338_2024_24_51.

Таблица 1

Основные маршруты между РФ и КНР по видам транспорта

Вид транспорта	Основные маршруты	Срок доставки, в днях	Стоимость перевозки, в тыс. долл. США/СФЭ
Железнодорожный	Китай — Казахстан (Достык, Алтынколь) / Монголия (Замын-Ууд) / Дальний Восток / Забайкальск — Москва	15–30	≈3,2–4 в зависимости от маршрута
Автомобильный	Китай — Казахстан (Алтынколь) / Монголия (Замын-Ууд) / Дальний Восток — Москва	11–25	≈8 за тент (22 т)
Морской (мультимодальные схемы)	Порты КНР — порты РФ — Москва	35–50	Владивосток: ≈3,9 Санкт-Петербург: ≈4,5–4,7 Новороссийск: ≈4,9–5,0
Воздушный	Китай — Москва	2–7	~5,0 за тонну

Примечание: СФЭ — контейнер в 40-футовом эквиваленте.

Источник: Тенденции взаимной торговли и транспортной логистики между Россией и Китаем. — https://index1520.com/analytics/tendentsii-vzaimnoy-torgovli-i-transportnoy-logistiki-mezhdu-rossiey-i-kitaem/.

Отметим, что организация международных транспортных взаимодействий имеет специфику для отдельных видов транспорта с позиции технологических, институциональных и финансовых факторов. Более того, системы международных перевозок изменяются под влиянием как экономических (например, введение субсидий на железнодорожный тариф для экспортеров в КНР и РФ), так и неэкономических факторов (например, изменение технологии перевозки, введение ограничений работы пограничных пунктов пропуска в период пандемии COVID-19)[5].

В целом, при прямых трансграничных перемещениях между РФ и КНР основной объем перевозок осуществляется железнодорожным транспортом, в то время как объем перевозок автомобильным транспортом значительно ниже (рис. 1).

Рис. 1. Динамика прямых трансграничных перевозок между РФ и КНР, в млн т

За 2018–2024 гг. объем перевозимых между РФ и КНР грузов вырос на 17,8%, в т.ч. на 83,4% увеличился объем перевозок автомобильным транспортом и на 12,3% — железнодорожным. Автомобильный транспорт выполняет важную роль в интермодальных перевозках и обслуживании двусторонних торговых потоков. Значительный рост перевозок автомобильным транспортом определяется увеличением товарооборота между странами, а также предпринимаемыми усилиями по улучшению инфраструктуры и организации работы пограничных пунктов пропуска (переход на круглосуточный режим работы, внедрение электронной очереди и др.).

[5] Более подробно см.: *Бардаль А.Б.* Россия и Китай: взаимодействия в сфере наземного транспорта на современном этапе // Регионалистика. — 2024. — Т. 11. — № 2. — С. 59–73. — http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.2.59.

Одним из факторов развития автомобильных перевозок является расширение применения унифицированных форм документов при международных перевозках. Так, в 2024 г. в КНР зафиксирован рост автоперевозок по системе МДП (TIR[6]): число перевозчиков и транспортных средств, применявших эту систему, возросло более чем в четыре раза[7].

Преимущества автомобильных перевозок состоят в возможности построения гибкого маршрута, доставки грузов «от двери до двери», в более коротком сроке доставки и возможности организации перевозок широкого спектра грузовой номенклатуры. Однако автомобильные перевозки остаются дополнительным (альтернативным) вариантом доставки грузов в случае, когда невозможно использовать морской или железнодорожный виды транспорта. Основными факторами, по которым автомобильный транспорт отстает в конкурентоспособности, являются стоимость перевозки, ограничение по объемам и видам принимаемых к транспортировке грузов.

Роль автомобильных перевозок будет возрастать по мере развития трансграничной инфраструктуры между РФ и КНР, расширения маршрутной сети, модернизации пограничных пунктов пропуска и внедрения цифровых технологий (как в управление, так и непосредственно в процесс перевозки).

Как было сказано выше, в пределах территории ДФО проходит протяженный участок государственной границы между РФ и КНР, вдоль которого установлено 39 пограничных пунктов пропуска (с КНДР, Монголией и КНР), включая 28 с КНР. В это число входит одиннадцать автомобильных пунктов, четыре железнодорожных, одиннадцать смешанных, один речной и один пешеходный. Однако на сегодня восемь из официально установленных пограничных пунктов пропуска с КНР не действуют.

Сложившаяся ситуация с учетом роста экономических взаимодействий РФ-КНР и возможностей разгрузки инфраструктуры Восточного полигона через создание альтернативных прямых трансграничных маршрутов требует повышения эффективности системы пунктов пропуска. Некоторые направления возможных изменений рассматривались ранее[8], поэтому в рамках данной работы останавливаться на них подробно не будем. Отметим лишь кратко, что предусматриваются мероприятия по четырем направлениям:

1) закрытие пунктов пропуска, не функционирующих в настоящее время и не имеющих перспектив формирования грузовой базы;
2) возобновление работы пунктов пропуска, не функционирующих в настоящее время, но имеющих перспективу формирования грузовой базы;
3) развитие инфраструктуры функционирующих пунктов пропуска, спрос на перевозки которых возрастает;
4) строительство новых пунктов пропуска.

При этом реализация отдельных проектов развития трансграничной инфраструктуры может привести к формированию новых международных транспортных коридоров. Например, строительство автомобильного пункта пропуска на о. Большой Уссурийский и возобновление работы пункта пропуска Джалинда с последующим строительством мостового перехода между РФ и КНР.

Первый проект позволит сформировать транспортный коридор через пункт пропуска на о. Большой Уссурийский (РФ, Хабаровский край) — Хэйсяцзыдао (КНР). Дискуссия относительно вариантов совместного освоения Большого Уссурийского острова имеет долгую историю, ее основные составляющие изменяются со временем[9]. Вариант, реализуемый сегодня,

---

[6] МДП/TIR — Международные дорожные перевозки/Transports Internationaux Routiers — это система международной транзитной документации, позволяющей перевозить грузы через несколько стран без полной таможенной проверки на каждой границе. Действует для стран-участниц «Конвенции о международной перевозке грузов с применением книжки МДП».

[7] Тенденции взаимной торговли и транспортной логистики между Россией и Китаем. — https://index1520.com/analytics/tendentsii-vzaimnoy-torgovli-i-transportnoy-logistiki-mezhdu-rossiey-i-kitaem/

[8] *Бардаль А.Б.* Транспорт востока России: обеспечение приоритетов экономического развития в новых условиях // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. — 2024. — № 4(79). — С. 46–51. — DOI: 10.52897/2411-4588- 2024-4-46-51.

[9] *Зуенко И.Ю.* Перспективы и проблемы совместного российско-китайского освоения острова Большой Уссурийский // Современные востоковедческие исследования. — 2023. — № 5 (4). — С. 147–165.

представляет возможность организации грузопассажирского сообщения. Грузопассажирский пограничный пункт пропуска будет построен к 2028 г., завершение строительства с режимом временной эксплуатации планируется осенью 2026 г. Мощность автомобильного пункта составит 1,4 млн т и 1,3 млн чел.

Второй проект может стать основной нового меридионального транспортного коридора из Республики Саха (Якутия) через Амурскую область (пункт пропуска Джалинда) в г. Мохэ (КНР). Обсуждение вариантов инфраструктурных решений для отдельных звеньев данного коридора активизировалась с 2022 г. Рассматриваются варианты возобновления работы смешанного пункта пропуска (с установкой понтонного моста) на первом этапе с дальнейшим строительством автомобильного либо железнодорожного моста[10]. Строительство мостового перехода и модернизация железнодорожной сети на подходах к нему (участок Сковородино — Рейново) позволит организовать прямой грузопоток из Республики Саха (Якутия) в КНР, что сократит расстояние перевозки (более чем на 2 тыс. км) и снизит нагрузку на инфраструктуру Восточного полигона. Планируемый объем перевозки составит до 20 млн т.

Еще одним проектом трансграничной инфраструктуры, находящимся в высокой степени готовности, является канатная дорога Благовещенск (РФ, Амурская область) — Хэйхэ (КНР). Планируемые параметры: трасса (976 м), пропускная способность до 6,8 тыс. чел. в день. В настоящее время объекты инфраструктуры завершены на 80%, начало эксплуатации планируется весной 2026 г.

Помимо указанных выше, развитие трансграничной инфраструктуры между РФ и КНР включает следующие проекты[11]:

— строительство автомобильного мостового перехода Полтавка (РФ, Приморский край) — Дуннин (КНР);
— модернизация автомобильного мостового перехода Олочи (РФ, Забайкальский край) — Шивей (КНР);
— реконструкция многостороннего автомобильного пункта пропуска Краскино-1 в Приморском крае (увеличение пропускной способности до 250 транспортных средств в сутки) и строительство автомобильного пункта пропуска Краскино-2 (до 750 транспортных средств в сутки);
— реконструкция автомобильного пункта пропуска Марково (РФ, Приморский край) — Хулинь (КНР) (до 150 транспортных средств в сутки);
— организация на базе двухстороннего автомобильного пункта пропуска Турий Рог (РФ, Приморский край) — Мишань (КНР) многостороннего пункта пропуска (240 транспортных средств в сутки).

Таким образом, несмотря на то, что большая часть международной торговли между РФ и КНР осуществляется посредством морского транспорта (более 70%), наличие протяженной границы создает условия для развития прямых трансграничных наземных сообщений. В условиях переориентации внешнеторговых потоков России на восток, вызвавшей повышение нагрузки на транзитную инфраструктуру ДФО, развитие прямых кроссграничных сообщений приобретает особую актуальность. Формирование сухопутных МТК не только снимает часть нагрузки с традиционного широтного транзитного коридора (Восточный полигон железных дорог и морские порты Тихоокеанского побережья), но и может рассматриваться как альтернатива, необходимая с точки зрения снижения рисков в случае возникновения непредвиденных ситуаций при использовании традиционных морских маршрутов. Помимо этого, международные железнодорожные и автомобильные перевозки активно используются для обслуживания двухсторонней торговли приграничных регионов двух стран: дальневосточных субъектов РФ и северо-восточных провинций КНР.

[10] *Васильев В.Е.* Анализ реализации международного транспортного перехода Джалинда-Мохэ // Прикладные экономические исследования. — 2025. — № 6. — С. 98–106. — DOI: 10.47576/2949-1908.2025.6.6.012.

[11] *Король Р.Г.* Организация приграничной терминально-логистической инфраструктуры транспортной системы Дальнего Востока. — Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2025. — 178 с.

Бирюков А.Л.
д.т.н., профессор,
Всемирная академия наук комплексной безопасности
azchs@mail.ru
Савостова Т.Л.
к.э.н., доцент,
независимый эксперт
t.savostova@inno.mgimo.ru

ТРАНСАРКТИЧЕСКИЙ ТРАНСПОРТНЫЙ КОРИДОР — РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК

Ключевые слова: БРИКС, Трансарктический транспортный коридор, региональная экономика, управление, логистика, риски.
Key words: BRICS, Trans-Arctic Transport Corridor, regional economy, management, logistics, risks.

Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 10.03.2025 года был подписан указ № 136 «О праздновании 500-летия Северного морского пути». Именно 500 лет назад, русский посланник царя Ивана III к папе Клименту VII Дмитрий Герасимов, показал возможность практического использования Северо-Восточного прохода — так раньше называли Севморпуть (СМП). Таким образом, впервые документально была сформулирована идея практического прохода по русским северным морям до Китая и организации торговых путей на восток[1].

На пленарном заседании VI Международного арктического форума 27.03.2025 «Арктика — территория диалога», Владимир Путин подтвердил слова дипломата Д. Герасимова о необходимости использовании северных морей, планировании экспедиций в Китай и другие страны Востока. Сегодня Россия успешно реализует предсказание об организации торговых маршрутов по СМП, расширив его значение до необходимого масштаба: «Северный морской путь должен стать ключевым участком Трансарктического транспортного коридора (ТТК), который проходит от Санкт-Петербурга через Архангельск, Мурманск до Владивостока»[2].

Таким образом, поставлена масштабная задача организации и развития стратегически важного морского маршрута, связывающего Европу и Азию и проходящего от берегов Балтики, по северным морям до Владивостока и далее в Китай, Индию, страны Персидского залива, Юго-Восточную Азию, Африку, Следует иметь в виду, что протяженность СМП — 5 600 км, он является важной, хорошо изученной частью ТТК, протяженность которого теперь составляет 14 200 км, что почти на 40% меньше маршрута Санкт-Петербург — Владивосток через Суэцкий канал, который составляет 23 200 км.

Следует учитывать. что арктические земли России, по которым проходят морские маршруты ТТК, составляют более четверти территории страны, на которой проживает 2,5 млн человек, формируется 7% ВВП и около 11% экспорта нашей страны[3]. Даже только по этой причине все прилегающие к северным морям территории на трассах движения судов, должны быть связаны в единую систему и объединены возможностями интеграции крупных портовых центров Санкт-Петербурга, Калининграда, Архангельска, Мурманска, Владивостока, других портов Трансарктического транспортного коридора в новую логически интегрированную транспортную систему, объединяющую морские, железнодорожные, автомобильные, речные маршруты в логистически организованную транспортную систему. На этих арктических территориях должны получить дальнейшее развитие аэродромы и морские порты: Сабетта, Дик-

[1] Каркас имперского расширения: 500 лет назад была высказана идея о существовании Севморпути. — https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/karkas-imperskogo-rasshireniya-500-let-nazad-byla-vyskazana-ideya-o-sushchestvovanii-sevmorputi/.

[2] Международный форум «Арктика — территория диалога». — http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76554.

[3] Путин: РФ готова к проектам в Арктике с дружественными странами. — https://tass.ru/politika/23529367.

сон, Хатанга, Дудинка, Тикси, Певек, чтобы последовательно развивать транспортную инфраструктуру, интегрировать евро-азиатские, дальневосточные, арктические центры России в единый, бесшовный мультимодальный транзит для обеспечения доставки грузов морскими, воздушными и сухопутными маршрутами как внутри страны, так и за ее пределы точно в срок.

Экономическая значимость объединенного проекта ТТК заключается в существенном сокращении времени и стоимости доставки грузов при транспортировке из стран Европы в Азию и обратно в сравнении с другими маршрутами. Например, маршрут из Шанхая в Гамбург через ТТК занимает не более 20 дней, через Суэцкий канал — маршрут в 1,5 раза протяженнее, поэтому время в пути составляет 30–35 суток.

В интересах обеспечения безопасной портовой и морской деятельности планируется строительство аварийно-спасательных центров в Сабетте, Диксоне, Тикси, а также проведение других, необходимых работ для повышения безопасности планируемых в арктическом регионе мероприятий.

Важным обстоятельством, которое необходимо учитывать при планировании использования Севморпути и ТТК, является то, что арктические моря — это территориальные воды России, где обеспечивается высокая безопасность судов, а их прибытие/убытие в порты и пункты назначения — в соответствии с принятыми планами.

Потенциал России

Декабрь 2025 отмечен важным событием — в начало сезона зимний навигации все восемь атомных ледоколов «Росатома» впервые в истории России выходят на установленные маршруты для работы с российскими и зарубежными партнерами[4].

В настоящее время увеличение грузопотока на маршрутах Севморпути и ТТК неразрывно связано с развитием и ритмичным функционированием ледокольного флота. В российской арктической группировке сегодня имеется 43 ледокола, из них: 35 дизель-электрических и 8 атомных, в их составе четыре атомных ледокола прошлого поколения «Ямал», «50-лет Победы», «Таймыр», «Вайгач» и ледоколы нового проекта 22220 — «Арктика», «Сибирь», «Урал», «Якутия». Ледоколы этого проекта самые мощные в мире, поскольку их энергетическая установка РИТМ-200 мощнее и компактнее всех предыдущих, Благодаря этим качествам ледоколы проекта 22220 имеют лучшую ледопроходимость, что позволило в 2024 году увеличить грузопоток до рекордных 37,9 млн тонн грузов. Так, один ледокол этого проекта способен в трехметровых льдах проводить танкеры водоизмещением свыше 100 тыс. тонн, при этом он способен благодаря конструктивным особенностям, также эффективно работать в устьях сибирских рек. По планам к 2030 году численность атомного флота увеличится до 11 судов: в 2027 году должна быть принята «Чукотка», через год — «Ленинград», в 2030 году — «Сталинград» и ледокол-лидер «Россия». В ходе закладки атомного ледокола «Сталинград», руководитель «Росатома» Алексей Лихачев сообщил, что в этом году объем перевозок по трассам Севморпути, достиг уровня рекордного 2024 года, в первую очередь, это еще рекорд по транзитным перевозкам, которые достигли 3,2 млн тонн[5].

Дальнейшее развитие Севморпути и Трансарктического транспортного коридора, связано с увеличением транзитного грузопотока, учетом ввода в строй новых ледоколов, развитием транспортной инфраструктуры, строительством и обустройством припортовых территорий. Такой подход даст дополнительный импульс для организации сопряжения морских портов ТТК не только с железнодорожной сетью, но образует связи с речными и автомобильными коммуникациями. В этой связи с 2021 года «Росатом» ведет разработку «Единой платформы цифровых сервисов» (ЕПЦС), которая предусматривает интеграцию различных баз данных

[4] На маршруты СМП впервые в истории России встанут восемь атомных ледоколов. — https://www.dp.ru/a/2025/11/19/na-marshruti-smp-vpervie-v.

[5] Объем перевозок по Севморпути в 2025 году на уровне рекордного 2024 года — Лихачев. — https://dzen.ru/a/aRxqhZmXjixm9okr.

и цифровых продуктов для повышения безопасности судоходства в северных морях и контроля движения судов. Данная платформа рассчитывается на обслуживание до 1 500 возможных пользователей. По плану в состав ЕПЦС входят девять подсистем, основные из них — управление судоходством, безопасность мореплавания, гидрометеорологическое обеспечение и контроль ледовой обстановки, загруженность портов, дислокации судов и ледоколов, экологический мониторинг акватории СМП и другие подсистемы[6]. В завершенном виде ЕПЦС позволит формировать единое цифровое пространство в «режиме одного окна» и оказывать услуги капитанам судов, грузоперевозчикам и др. Отметим, что информационная поддержка от ЕПЦС может существенно снизить эффект влияния человеческого фактора в возможно сложной и неопределенной обстановке, при этом пользователи получат надежный «ледовый навигатор», который позволит с высокой точностью не только прокладывать маршрут в изменяющихся климатических условиях СМП и ТТК, но и оказывать содействие в сложных навигационных ситуациях. Таким образом, в 2025 году, несмотря на имеющиеся сложности, грузоперевозчики показали высокие результаты и подтвердили навигационные и технологические возможности российских специалистов в организации и реализации как внутри российских морских перевозок, так и несмотря на санкционное давление, рекордного зарубежного транзита.

Страны-партнеры в Арктике

В настоящее время из-за существенных транспортных и экономических рисков в Красном море и Суэцком канале многие специалисты стали рассматривать Севморпуть как альтернативный логистический маршрут для доставки грузов из Азии в Европу. Этому предложению также способствует многолетняя, безаварийная эксплуатация СМП при стабильной добыче и доставке грузов в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Считаем, что в перспективе Трансарктический транспортный коридор может рассматриваться дружественными странами как перспективный проект, способный диверсифицировать глобальные цепочки поставок грузов потребителям. Как сообщило Минвостокразвития, грузооборот по трассам СМП на ноябрь 2025 года составил 33,5 млн тонн. Этот факт является лучшим подтверждением стабильной работы всех систем СМП, обеспечивающих безопасную и эффективную доставку арктических грузов на мировые рынки[7].

Другим примером, подтверждающим это, является следующий факт. 13 октября 2025 года в британский порт Феликстоу из Китая прибыл первый контейнерный транзит, который вышел из порта Нинбо 23 сентября с.г. Контейнеровоз прошел маршрут по Севморпути всего за 20 дней. Европейские СМИ так охарактеризовали этот рейс: «Европейский Арктический Экспресс произведет революцию в мировой торговле, радикально сократив маршрут между Китаем и Европой…». Отмечено также, что: «Европейский Арктический Экспресс выбран не только из-за «короткого плеча», но потому, что маршрут будет более безопасным»[8].

На следующий день после прибытия контейнеровоза в Британию, 14 октября 2025 года, в Харбине Россия и Китай на заседании Подкомиссии по сотрудничеству утвердили план развития перевозок по Севморпути[9]. Согласованный документ предусматривает: расширение портовой инфраструктуры, строительство ледокольного флота, цифровизацию логистических процессов, упрощение таможенных процедур для транзитных грузов, дальнейшее развитие системы спутникового мониторинга и навигации. Таким образом, прошедший успешный транзитный рейс по ТТК из Китая в Европу — это показатель того, что две страны успешно развивают международное сотрудничество. Второе — у Китая теперь имеется

---

[6] На Северном морском пути в 2025 году заработает Единая платформа цифровых сервисов. https://dzen.ru/a/Z166ZCu2Yw1a1rAq.

[7] Иностранные компании готовятся вложить миллиарды в российский Севморпуть. — https://www1.ru/news/2025/12/11/inostrannye-kompanii-gotoviatsia-vlozit-milliardy-v-rossiiskii-sevmorput.html.

[8] «Арктический экспресс» свяжет Китай с Европой. — https://inosmi.ru/20250929/arkticheskiy-ekspress-274902192.html.

[9] Северный морской путь: Россия и Китай открывают новую эпоху мировой логистики. — https://dzen.ru/a/aO5AqN8O6ldFw_Ex.

независимый, надежный и более короткий, значит менее дорогой канал поставок грузов. По сообщениям «Росатома», объем контейнерных перевозок по СМП Россия — Китай составит не менее 400 тыс. тонн, что является рекордным показателем. Еще одним важным преимуществом данного маршрута является то, что сокращение маршрута из Китая в Европу по ТТК приводит не только к сокращению времени в пути, но и меньшему потреблению топлива и, следовательно, к снижению углеродного следа. Таким образом, Россия становится настоящим арктическим международным хабом.

Несколько лет назад, жесткие западные санкции незаконно «экспроприировали» у Беларуси портовые мощности в Клайпеде, поэтому выход на внешние рынки у страны возможен только через территории России. В настоящее время и в интересах поддержки члена Союзного государства, порядка 19 портов России, обеспечивают содействие и континентальную логистику. Одновременно в Мурманске в 2025 году продолжается строительство портовых сооружений для перевалки белорусских калийных удобрений мощностью 5–7 млн тонн. Для Беларуси сегодня очень важна поддержка России, поскольку страна имеет статус государства-партнера БРИКС. Белорусский мультимодальный порт на западном берегу Кольского залива будет использоваться не только для калийных удобрений, но и для других важных грузов[10]. Литва с 2022 года считает убытки, поскольку Беларусь заместила портовые возможности Клайпеды на российские порты, в то же время она как член ШОС, получает дополнительные экспортные возможности в рамках «Шелкового пути».

Итогом XXIII саммита «Россия-Индия» явилось совместное заявление, которое подтвердило готовность Индии активизировать сотрудничество на Дальнем Востоке и в Арктической зоне Российской Федерации. Страна является приоритетным экономическим партнером России в многосторонних форматах: БРИКС, ШОС, ЕАЭС. Ключевые направления сотрудничества Индии и России:

— морской коридор Владивосток — Ченнаи для транспортировки угля, нефти, СПГ, контейнерных грузов, удобрений;
— международный транспортный коридор «Север-Юг», где Индия готова принять участие по развитию порта Чабахар в Иране;
— Трансарктический транспортный коридор.

Одно из перспективных направлений сотрудничества двух стран — организация совместного производства судов арктического класса (танкеров, балкеров, СПГ-газовозов)[11]. Отметим, что за последние пять лет товарооборот Россия-Индия вырос почти в семь раз. Планируется, что к 2030 году взаимный товарооборот должен достичь 100 млрд долл., однако Нарендра Моди на пленарном заседании Российско-индийского форума импортеров сказал: «Мы можем достичь этой цели гораздо раньше»[12].

Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Россия — отношения двух стран стабильно развиваются. За предыдущие пять лет товарооборот вырос в шесть раз. Еще в 2023 году «Росатом» и DP World создали совместное предприятие «Международная контейнерная логистика» для развития транзитных контейнерных перевозок по Севморпути[13]. ООО «Международная контейнерная логистика» зарегистрировано в Москве, 51% в совместном предприятии «Русатом Карго» (структура «Росатома») и 49% — у DP World Russia из ОАЭ.

DP World — один из самых крупных портовых операторов мира, принадлежит правительству ОАЭ. Под управлением группы — более 60 портовых терминалов в разных странах мира. Компания управляет крупнейшими портами, терминалами, логистическими и экономическими центрами. «Русатом Карго» разрабатывает технико-экономическое обоснование про-

[10] Путь в Азию: белорусским портам в России нужны железные дороги. — https://sputnik.by/20250711/put-v-aziyu-belorusskim-portam-v-rossii-nuzhny-zheleznye-dorogi-1098049953.html.

[11] Россия и Индия выходят на новый уровень стратегического партнерства: ключевые решения по Арктике, Дальнему Востоку и экономической кооперации. — https://acentury.ru/news/o-chem-dogovorilis-rossiya-i-indiya-v-arktike/.

[12] Моди: Индия и Россия могут достигнуть цели товарооборота до 2030 года. — https://ria.ru/20251205/modi-2060079030.html.

[13] Россия и ОАЭ будут развивать контейнерные перевозки по Севморпути. — https://www.businessemirates.ae/news/uae-property-news/rossiya-i-oae-budut-razvivat-konteynernyye-perevozki-po-sevmorputi/.

екта создания контейнерной линии и портов-хабов на востоке и западе маршрута для транзита грузов по СМП и ТТК.

Председатель совета директоров и генеральный директор логистической компании DP World его Превосходительство Султан Ахмед Бин Селайем на форуме «Атомэкспо» сказал: «Мы очень гордимся нашим сотрудничеством с «Росатомом». Мы разрабатываем транзитный маршрут через Северный морской путь...»[14].

Заключение

1. 500 лет освоения северных территорий и Севморпути подтверждают необходимость пересмотра планов освоения Арктики.
2. Для северных территорий России значимость СМП с каждым годом возрастает. 27.03.2025 г. на МАФ в Мурманске Президентом РФ поставлена задача: «преобразовать СМП в Трансарктический транспортный коридор».
3. Транзит должен быть вторым источником доходов после добычи природных ресурсов в Арктике.
4. В декабре 2025г. на трассы ТТК впервые в мире вышли в море 8 атомных ледоколов, для работы с российскими и зарубежными судами, до лета следующего года.
4. Совместное российско-эмиратское предприятие «Международная контейнерная логистика» продолжает разработку транзитного маршрута через Северный морской путь в страны АТР, Африки, Америки.
5. Китай, Индия, ОАЭ — считают, что СМП это стратегический маршрут для стран АТР, Африки, Америки.
6. Несмотря на санкции, Китай, Индия, Объединенные Арабские Эмираты продолжают успешно сотрудничать с Россией в экономике и освоении международного круглогодичного Трансарктического транспортного коридора.

Дроздов Б.В.
д.т.н.,
генеральный директор НИИ информационно-аналитических технологий

О ПЕРСПЕКТИВНОМ ОБЛИКЕ СИСТЕМЫ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: транспорт, энергозатраты, производительность, безопасность, скорость, магнитолевитационные технологии, конвергенция.
Key words: transport, energy consumption, productivity, security, speed, magnitolevitations, technology, convergence.

Перспективы комплексного социально-экономического развития земной цивилизации во многом зависят от того, какой облик будет приобретать транспортная система в условиях глобализации экономики, при интеграции в масштабах всего мира социальных и культурных процессов. В развитии процессов глобализации и интеграции экономики транспорт играет все более значимую роль. Он превращается в одну из важнейших глобальных систем жизнеобеспечения вместе с другими системами (энергообеспечения, водообеспечения и др.). Развитая в глобальных масштабах, эффективная и надежная транспортная система обеспечивает реальную интеграцию экономических и социальных процессов за счет обеспе-

[14] «Росатом» и DP World готовят «конкурента» Суэцу. — https://stalogistic.kz/news/company/rosatom-i-dp-world-gotovyat-konkurenta-suetsu/.

чения рациональной, удобной, взаимовыгодной специализации и кооперирования национальных и региональных экономик, быстрого и устойчивого обмена товарами, услугами, продуктами, ресурсами жизнеобеспечения. Такой обмен и взаимодействие на принципах равноправия, взаимного уважения и взаимного доверия должен способствовать всеобщему повышению качества жизни людей, эффективной защите от неблагоприятных погодных и климатических условий, созданию условий для сохранения и развития природной среды обитания на Земле.

Удобный, общедоступный и надежный транспорт способствует широкому развитию международного туризма, культурных, профессиональных и межпрофессиональных контактов, расширению кругозора, взаимопонимания населения различных стран, формированию атмосферы доверия и уважения, всеобщего представления о взаимной зависимости и единстве людей на Земле как глобальной человеческой цивилизации. Особую актуальность должна иметь система международных транспортных коридоров на важнейшем участке поверхности Земли, называемом евразийским пространством, являющимся органической частью всего глобального мирового пространства.

Представляет интерес рассмотреть перспективную инженерную структуру системы транспортных коридоров евразийского пространства, а также необходимые для ее эффективной реализации глобальные социально-политические условия.

Существующая структура транспортных систем в странах мира складывалась и развивалась столетиями под влиянием многочисленных и взаимосвязанных факторов экономического, политического, социального, географического, климатического и научно-технического характера. Элементами этой структуры являются транспортные сети (так называемые «коридоры») различного типа, вида и назначения. Имеет смысл сравнить между собой различные виды этих сетей с целью выделения ведущего, на сегодняшний день приоритетного вида транспорта, определяющего, в конечном счете, транспортные возможности всей глобальной транспортной инфраструктуры. Ведущий транспорт должен брать на себя основной объем транспортной работы. Ясно, что ведущий транспорт должен быть наиболее эффективным, тогда эффективным будет и вся транспортная система, а значит, эффективным будет весь процесс цивилизационного развития планеты.

На сегодня известны не одна сотня видов и разновидностей транспортных систем, включая и экзотические виды транспорта (вакуумный трубопроводный, струнный, экранопланный и многие другие)[1].

Рассмотрению для последующего сравнения подлежат основные наиболее распространенные, развитые и исторически повсеместно признанные виды транспорта, включая наземный, подземный, морской (водный) и воздушный. Все виды транспорта принято оценивать по ряду критериев (скорость, безопасность, удобство, экономичность, экологичность). Значимость каждого критерия зависит от вида перевозок. Существенно, прежде всего, идет ли речь о пассажирских или грузовых перевозках. Естественно, что для пассажирских перевозок важнейшими критериями будут безопасность, удобство и скорость, а для грузовых — экономичность. Критерий экономичности сводится к удельному расходу энергии на единицу транспортной работы. Для грузового транспорта в качестве такой единицы транспортной работы принимается тонно-километр (перевоз груза массой в одну тонну на расстояние в один километр). Для пассажирского транспорта такой единицей считается пассажиро-километр.

Известно, что железнодорожный транспорт классического типа имеет энергозатраты ниже других видов наземного и воздушного транспорта. Серьезным конкурентом железной дороге по энергетическому показателю является морской транспорт классического (водоизмещающего) типа (танкеры, контейнеровозы, сухогрузы).

Для стран, имеющих прямой выход к теплым морям, для межконтинентальных грузовых перевозок несомненное преимущество имеет морской транспорт традиционного типа (водоизмещающий). Особенно велики эти преимущества при перевозке жидких грузов (нефть, нефтепродукты). Эти преимущества еще более увеличиваются, если расстояния перевозок мор-

[1] *Дроздов Б.В.* Геостратегические проекты дальневосточного развития России // Культура. Народ. Экосфера. Труды социо-культурного семинара им. В.В. Бугровского. Вып. 4. — М.: Спутник, 2009.

ским путем оказываются значительно меньше, чем сухопутным. Это, прежде всего, относится к перевозкам через Атлантический и Тихий океаны для стран, расположенных по их берегам (например, перевозки Китай, Южная Корея — Америка, Европа, Африка — Америка).

Ведущим звеном перспективного проекта развития глобальной транспортной сети в области внутри евразийских перевозок является железнодорожный транспорт[2]. Положительная особенность этого вида транспорта состоит в потенциальной возможности полной управляемости перевозок, экономичности, высокой производительности, эффективности и общедоступности. Железнодорожная сеть полностью защищена от таких негативных явлений, характерных для автомобильного транспорта, как заторы (пробки) на дорогах, стихийно возникающие затруднения движения.

Требования к железнодорожному транспорту для грузовых и пассажирских перевозок будут существенно отличаться. Для магистральных пассажирских перевозок (при расстояниях 400–600 км и выше) определяющим является скорость перевозок при соблюдении приемлемых показателей энергозатрат. Для массовых перевозок на меньшие расстояния (пригородных, местных) определяющим будет удобство и показатель удельных энергозатрат. Для грузовых перевозок на позиции ведущего выходит традиционный железнодорожный транспорт с электрической тягой.

Для магистральных пассажирских перевозок ведущим требованием является высокая скорость и безопасность движения. Для этого требуется определенное устройства пути, путевого хозяйства и организации движения. Это предполагает создание выделенного огороженного пути, свободного от других видов движения (грузового и пригородного пассажирского), преимущественную прокладку путей по мостам, эстакадам, путепроводам, виадукам, тоннелям. Для высокоскоростного движения оборудуются специальные магистрали (высокоскоростные магистрали — ВСМ). Особую актуальность для евразийского пространства имеют ВСМ для транспортной связи крупных городов и мегаполисов. Они позволяют обеспечить для жителей этих городов высокую доступность отдаленных районов (до 1 000 км.). Скоростное сообщение поездами такого типа в Европе заменило в большинстве случаев авиационное сообщение между городами.

По параметру максимально достигнутой скорости ВСМ в мире идет своего рода негласное соревнование. В системе западноевропейских ВСМ пассажирский железнодорожный состав известной системы TGV на специально подготовленном участке достиг рекорда скорости состава на колесах в 574,8 км/час. Еще более высокие скорости для железнодорожных составов возможны для транспортных систем с неконтактным способом поддержания, например, — на магнитном подвесе (так называемые системы Маглев). Однако поезда на магнитном подвесе требуют существенно больших энергозатрат на передвижение по сравнению с обычными поездами на металлических колесах, поскольку много энергии затрачивается на «подвешивание» подвижного состава над полотном пути.

Поезда системы TGV, получившие широкое распространение в Западной Европе, представляют собой образец современной высокоскоростной железнодорожной транспортной системы. Эти поезда двигаются с весьма высокой маршрутной скоростью и обладают высокими показатели комфортности и надежности сообщения[3]. За всю историю эксплуатации поездов этого типа (с 1981 года) не было ни одного случая гибели пассажиров. Этому способствовала особая организация всего путевого хозяйства и конструкция подвижного состава, в частности, применение общих тележек на стыке двух соседних вагонов.

Следует учесть, что для обеспечения безопасности скоростная железнодорожная магистраль системы TGV при развитии скорости более 500 км/час, требует для своего торможения до полного останова путь в 15 км.

В России до настоящего времени нет ни одной классической высокоскоростной железнодорожной магистрали. В конце 90-х годов прошлого века в РФ был подготовлен первый проект такой высокоскоростной магистрали по маршруту Петербург — Москва (ВСМ). Согласно

---

[2] Железнодорожный транспорт. Энциклопедия. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1995.

[3] Первая в России высокоскоростная специализированная пассажирская железнодорожная магистраль Санкт-Петербург — Москва / РАО «Высокоскоростные магистрали». — СПб., 1992.

этому проекту ВСМ должна была органично вписаться в формируемую транспортную сеть Европейской территории России. Она позволила бы развести пассажирские и грузовые потоки между двумя городами. Максимальная провозная способность этой ВСМ должна была составить 70 пар поездов в сутки, или порядка 100 тысяч пассажиров. В год это должно составить 36 млн пассажиров. Такая потенциальная провозная способность магистрали с запасом могла бы удовлетворить транспортные потребности двух супермегаполисов. Был разработан проект российского высокоскоростного электропоезда «Сокол», выполнен его опытный экземпляр, но в серию он запущен не был. Весь проект ВСМ, включая и новое обособленное путевое хозяйство, не был реализован. Был использован компромиссный вариант — по существующим путям Октябрьской железной дороги был запущен скоростной поезд импортного производства «Сапсан» (германской фирмы Сименс). Итак, к настоящему времени в России нет современных высокоскоростных магистралей для пассажирского сообщения. Утвержденная «Стратегия развития железных дорог в РФ до 2030 года»[4] [4] предусматривает создание в ближайшие годы отечественной системы ВСМ на первом этапе между Москвой и Петербургом с последующим развитием. Согласно этой стратегии предполагается к указанному сроку построить 20 730 км. железных дорог. Планируемый ежегодный темп ввода железных дорог должен составить около 1 тысячи км. В Китае в наше время ежегодно вводится 3 тысячи км. ж.д. путей.

В мире сейчас общая длина ВСМ составляет 17 тысяч километров. Для ряда стран высокоскоростные магистрали являются ведущим инфраструктурным звеном для всех транспортных систем. На первом месте по протяженности ВСМ находится Китай (см. табл. 1).

Таблица 1

Протяженность ВСМ (в км.) по странам мира

№	Страна	Протяженность ВСМ, в км
1.	Китай	6 000
2.	Япония	2 664
3.	Испания	2 656
4.	Франция	2 036
5.	Германия	1 334
6.	Италия	983

Глобальная транспортная система (ГТС) в рамках евразийского пространства с точки зрения ее пространственно-географической структуры представляется в виде многосвязной сети, элементами которой являются транспортные узлы и соединяющие их транспортные линии. Транспортные сети имеют свою топологию, определяемую видом связей между узлами. Выделяются следующие характерные типы таких сетей — радиально-узловые, кольцевые, сетевые. Такие сети формировались исторически под влиянием многих факторов разного характера. Одним из основных факторов явилась складывающаяся структура системы расселения.

Элементами этой структуры стали крупные населенные пункты в виде городов, мегаполисов, агломераций. Крупные и особо крупные города (города-миллионники) становятся ведущими узлами транспортной сети. В этой сети формируется иерархия с четко выраженными радиально-узловыми звеньями. В России в перспективе может сложиться два мощных центра экономического развития — Дальневосточный и Северо-западный. Перспективы освоения этого коридора и связанного с этим экономического и научно-технического развития обсуждаются, в частности, в работе Ю.В. Громыко и Ю.В. Крупнова[5].

В этой ситуации усиливается актуальность организации высокопроизводительного транспортного коридора Запад-Восток через территорию России на базе транссибирской железнодорожной магистрали.

---

[4] Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.06.2008 № 877-Р.

[5] *Громыко Ю.В., Крупнов Ю.В.* Транспортное цивилизационное продвижение — конкретный сценарий развития России. — http://kroupnov.ru/files/transport_civ.pdf.

Для современных транспортных технологий, включая, прежде всего, высокоскоростные, основным лимитирующим фактором и тормозом прогресса являются недостаточные предельные скорости транспортных средств (ТС) и недостаточная их эффективность. Для используемой технологии движения «колесо-рельс» наметились проблемы при последовательном достижении транспортом двух технологических пределов роста скорости ТС. Первый предел связан с ограничением динамики разгона и торможения ТС, зависящим от сцепления колеса с рельсом. Второй предел связан с ограничением возможности дальнейшего повышения скорости ТС свыше примерно 500 км/час, обусловленным ростом в третьей степени затрат энергии на преодоление растущего аэродинамического сопротивления его движению. Радикальное преодоление отмеченных двух пределов увеличения скорости осуществляется применением концепции вакуумной магнитолевитационной технологии (ВМЛТ). Эта концепция обеспечивает эффективную конвергенцию магнитолевитационной, сверхпроводниковой и вакуумной технологий, что позволяет наземному транспорту потенциально достигать скорости движения порядка 6500 км/час и более, при весьма высокой пропускной способности магистрального путепровода и рекордно низких затратах энергии. Основные идеи этой концепции были сформулированы, разработаны и опубликованы в отечественных источниках[6]. На основе изложенного принципа может быть реализована новая интегральная транспортная система (ТС), позволяющая решить проблему транспортной доступности населения стран евразийского пространства на основе объединения новых и традиционных видов транспорта в интегральную транспортную систему. В работах[7] показано, что ВМЛТ транспорт по совокупным величинам энергозатрат на порядок меньше этих затрат для всех традиционных видов транспорта.

По уровню энергетической и транспортной эффективности ВМЛТ не имеет себе равных среди остальных видов транспорта. Он вполне справедливо может претендовать на роль магистральной транспортной системы в комплексе создаваемых систем обеспечения высоких показателей надежности, безопасности и эффективности. Естественно, что реальная практическая реализация технологий ВМЛТ требует серьезных испытаний, экспериментальных отработок на практических полигонах с учетом сооружений, специальных типов систем энергоснабжения, систем управления для всех систем оборудования в условиях воздействия вакуума, низких (криогенных) температур, сильного влияния постоянных и переменных электрических и магнитных по всей длине трассы путепроводов.

Для эффективной реализации в евразийском пространстве системы глобальных транспортных коридоров обязательно должны выполняться необходимые социально-политические условия. Эти условия должны обеспечить свободу транспортной, строительной и эксплуатационной деятельности на всем евразийском пространстве. Национально-государственные и производственно-экономические ограничения не должны создавать препятствия для свободы транспортного развития. Но именно такие ограничения привели к закрытию или заморозке ряда созданных в предыдущие годы транспортных коридоров. На сети транспортных коридоров, которые ранее связывали Россию с Украиной, странами Прибалтики, Закавказья, появились серьезные трудности для осуществления важных жизнеобеспечивающих транзитных перевозок. Для создания эффективно действующей транзитной транспортной системы на этой части евразийского пространства требуется серьезное совершенствование сложившейся здесь социально-политической ситуации.

[6] *Терентьев Ю.А., Филимонов В.В.,* и др. Текущее состояние и перспективы развития интегральной транзитной транспортной системы (ИТТС) России на базе вакуумного магнитного левитационного транспорта // Транспортные системы и технологии. — 2019. — Т. 5. — № 4; *Дроздов Б.В., Терентьев Ю.А*. Перспективы вакуумного магнитолевитационного транспорта // Мир транспорта. — 2017. — Т. 15. — № 1. — С 90–99.

[7] Там же.

Карцев Н.А.
доцент,
действительный государственный советник РФ 3 класса,
ведущий эксперт Управления международных связей Аппарата СФ ФС;
доцент Кафедры мировой политики и межцивилизационного развития,
Университет мировых цивилизаций.
zaprudn@yandex.ru

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ И ФОРМИРОВАНИЕ БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Ключевые слова: Большое Евразийское партнерство (БЕП), международный транспортный коридор (МТК), МТК «Север — Юг», Транссибирская железнодорожная магистраль (Транссиб), Транспортный коридор «Европа — Кавказ — Азия» (ТРАСЕКА), Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ), Трансафганская железная дорога, Трансарктический МТК, Северный морской путь (СМП).

Key words: Greater Eurasian Partnership (GEP}, International Transport Corridor (ITC), North — South ITC, Trans-Siberian Railway (Transsib), Transport Corridor the Europe — the Caucasus — Asia (TRACECA), Trans-Caspian International Transport Route (TITR), Trans-Afghan Railway, Trans-Arctic ITC, Northern Sea Route (NSR).

Президент Российской Федерации В.В. Путин в послании Федеральному Собранию Российской Федерации в 2015 году выдвинул инициативу о формировании Большого Евразийского партнерства (БЕП). Цель этой инициативы заключалась в формировании широкого интеграционного контура в Евразии на основе справедливого полицентричного миропорядка при развитии равноправного, разноскоростного и взаимовыгодного экономического сотрудничества [1; 2].

Одним из приоритетов БЕП является транспортная сфера. Наша страна, самая большая в мире по территории, способна предложить для партнеров широкий набор конкурентоспособных маршрутов, осуществляемых всеми видами транспорта.

Через нашу страну проходят масштабные и перспективные международные транспортные коридоры:

— МТК «Север — Юг»;
— Транссибирская железнодорожная магистраль (Транссиб) или Восточный полигон российских железных дорог (Транссиб и БАМ);
— Трансарктический МТК, важнейшей составной частью которого является Северный морской путь.

МТК «Север — Юг» представляет собой международный меридианный коридор, проходящий через Евразию, от Санкт-Петербурга в России до Мумбаи в Индии. Его история начинается с межправительственного соглашения, подписанного 12 сентября 2000 года в Санкт-Петербурге Россией, Индией и Ираном. Уже тогда было ясно, что в торговле России со странами Южной Азии (прежде всего Индии) и Среднего Востока значительный объем не реализован из-за недостаточно развитого транспортного сообщения между нашими странами. Между тем маршрут по МТК «Север — Юг» между конечными пунктами более чем в два раза короче аналогичного морского маршрута через Суэцкий канал. Это означало, что при создании соответствующей транспортно-логистической инфраструктуры доставка грузов по МТК «Север — Юг» будет как дешевле, так и быстрее.

К маю 2002 года трехстороннее Соглашение было ратифицировано всеми участниками и вступило в силу [3]. Позднее к проекту «Север — Юг» присоединились Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Оман, Турция. Всего в настоящее время в МТК «Север — Юг» участвуют 12 государств.

Несмотря на очевидную перспективность маршрута, активные действия по его реализации начались только в 2021 году. В сентябре 2021 года на трехсторонней встрече в Баку (Россия, Азербайджан, Иран) заместитель Председателя Правительства Российской Федерации

А.В. Новак, заместитель Премьер-министра Азербайджанской Республики Ш.А. Мустафаев и Министр дорог и градостроительства Исламской Республики Иран Р. Гасеми подписали Бакинскую декларацию о развитии МТК «Север — Юг» [4].

Сокращение торговли России с европейскими странами из-за санкционной политики Запада и одновременное увеличение товарооборота между нашей страной и дружественными и нейтральными странами Азии и Африки показали все большую востребованность МТК «Север — Юг».

17 мая 2023 г. подписано российско-иранское межправительственное Соглашение о российском участии в строительстве железной дороги Решт — Астара на территории Ирана. Ввод в действие этой дороги позволит осуществлять непрерывные железнодорожные перевозки от Санкт-Петербурга до портов Ирана в Персидском заливе.

21 декабря 2024 года между Азербайджаном и Россией подписано межправительственное Соглашение о сотрудничестве в целях развития транзитных грузовых перевозок по МТК «Север — Юг» [5] . В соответствии с ним предусмотрены инфраструктурные изменения на азербайджанском участке МТК Ялама — Астара: модернизация, электрификация, строительство новых путей и достижение провозной сквозной способности МТК на первом этапе не менее 5 млн тонн в год (начиная с 1 января 2028 г.), с доведением в перспективе до 15 млн тонн в год.

Три ветки или три маршрута коридора — западный (через Азербайджан), восточный (через Казахстан и Туркменистан) и транскаспийский (с доставкой грузов по Каспийскому морю из российских портов в порты Ирана) уже функционируют, в том числе в мультимодальном формате.

Следует отметить, что перевозки в отношении разных грузов (наливные грузы, насыпные грузы, зерновые грузы, контейнеры и др.) предусматривают разные технологии и экономические показатели. Тем не менее, можно с уверенностью прогнозировать все большую конкурентоспособность всех веток МТР «Север — Юг» и по срокам, и по стоимости перевозок.

Стоит задача активного информирования о возможностях использования МТК «Север — Юг» партнеров, не участвующих в настоящее время в этом проекте, но заинтересованных в ускорении и удешевлении грузооборота с Россией.

«Север — Юг» — это не единственный транзитный маршрут через Каспийский регион, одновременно с этим меридиональным маршрутом развиваются конкурирующие широтные проекты с общим названием «Восток — Запад».

Уже в 1993 году со стороны Европейского союза было принято решение направить грузопотоки из Китая и стран Центральной Азии в обход территории России через страны Южного Кавказа. Тогда была принята Программа ТРАСЕКА (аббревиатура от англ. Transport Corridor the Europe — the Caucasus — Asia, TRACECA). В этой программе ЕС участвуют 10 бывших республик СССР (страны Центральной Азии, Южного Кавказа, Молдавия и Украина), а также Турция [6]. Программа ориентируется на единый для всего маршрута транспортный документ при использовании различных видов транспорта для перевозки грузов. Финансирование программы осуществляет ЕС, а постоянный секретариат находится в Баку.

С февраля 2017 года действует Международная ассоциация «Транскаспийский международный транспортный маршрут» (ТМТМ, англ. TITR или Middle Corridor). ТМТМ предусматривает железнодорожные и морские (в Каспийском море) перевозки грузов из Китая в Европу по маршруту: Китай — Казахстан — Каспийское море — Азербайджан — Грузия — Турция — страны Европы. Штаб-квартира ТМТМ расположена в Астане.

В 2017 году как один из участков ТМТМ была запущена железнодорожная линия Баку — Тбилиси — Карс (БТК), которая соединила железные дороги Азербайджана и Турции через Грузию. В 2024 году была завершена модернизация грузинского участка БТК, которая позволила увеличить пропускную способность этой железной дороги с 1 до 5 млн тонн в год.

Пропускная способность ТМТМ оценивается в 10 млн тонн грузов в год, объем контейнерных перевозок — до 200 тыс. ДФЭ (двадцатифутовый эквивалент — *англ.* TEU). Реальный объем перевозок по ТМТМ составил в 2017 г. — 1,3 млн тонн, в 2024 г. — свыше 3,3 млн тонн. Объем контейнерных перевозок вырос с 9 тыс. ДФЭ в 2017 г. до 56,5 тыс. ДФЭ в 2024 г. [7].

Имеется и ряд других широтных проектов, например, «Евразийский транспортный маршрут» (ЕТМ) [8].

Значительное увеличение международных перевозок по широтным МТК, проходящим в обход территории России, вызвано не их экономически конкурентными условиями, а антироссийской политикой Европейского союза, создаваемыми искусственными препятствиями транзиту через нашу страну. Тем не менее, представляется целесообразным использовать участки этих МТК для перевозок российских грузов там, где это может быть выгодным, например, в Армению и Грузию.

В перспективе возможно соединение МТК «Север — Юг» с проектом Трансафганской железной дороги, которая будет связана с железными дорогами Узбекистана, Ирана, Туркменистана и Пакистана. Не следует думать, что это дело далекого будущего. Конкретные планы строительства Трансафганской железной дороги обсуждались на заседании российско-афганского бизнес-форума в Казани 16 мая 2025 года [9]. Опыт железнодорожного строительства в Афганистане имеется. Уже в 2011 году была построена железнодорожная линия Хайратон — Мазари-Шариф (соединившая Афганистан с Узбекистаном), а в 2017 году — железнодорожная линия Хаф — Герат (соединившая Афганистан с Ираном).

Прорабатываются проекты железнодорожных линий Мазари-Шариф — Герат, Торгунди — Герат. Таким образом, к железнодорожной сети Узбекистана, Туркменистана и Ирана подсоединяются логистические центры северного Афганистана, а впоследствии, после окончания строительства Трансафганской железной дороги — Пакистан. Возможны 2 линии Трансафганской железной дороги: через Мазари-Шариф — Кабул и через Герат — Кандагар. Представляется важным то, что в 2023 году правительство Афганистана приняло решение установить российскую колею 1520 мм на всем протяжении маршрута Трансафганской железной дороги, что даст возможность бесшовного железнодорожного пути из России через Центральную Азию и Афганистан в Пакистан (с населением в 255 миллионов человек в 2025 году) [10].

К сожалению, в настоящее время доля России в транзитных перевозках по Транссибирской железнодорожной магистрали (Транссибу) незначительна, а из-за противоправных санкций ЕС даже сокращается.

Между тем, реальные экономические интересы Европы, которая остается близким соседом России, уже в среднесрочной перспективе могут привести к «отрезвлению» или к смене элит европейских стран. К этому также надо быть готовыми в контексте развития транзитных путей из Азии в Европу через Россию. Резкий разворот внешней торговли России, а также Белоруссии, со стран Европы на Китай уже привел к критичной недостаточности провозных способностей Транссиба и БАМа (это справедливо отмечают Л.Б. Вардомский и М.О. Тураева) [11, с. 59].

Предпринимаются необходимые меры по укреплению транспортно-логистической сети в восточных регионах России. В выступлении на пленарном заседании X Восточного экономического форума (Владивосток, 5 сентября 2025 г.) Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул, что провозные мощности БАМа и Транссиба должны стать в 2032 году в полтора раза выше, чем на начало 2025 года. Необходимо активно развивать новые портовые мощности, судостроение и транспортно-логистические центры на Дальнем Востоке, модернизировать пограничные переходы в районах построенных и строящихся мостов на границе с Китаем и КНДР [12].

Поскольку 80% мировой торговли осуществляется морскими перевозками, понятен интерес к транзитным морским путям по Северному Ледовитому океану. Главный из этих путей (единственный освоенный) — Северный морской путь (СМП), пролегающий в российской Арктике. Интерес к СМП усиливается на фоне глобального потепления климата, которое особенно ощущается в Арктике.

Если в 2014 году по Северному морскому пути было перевезено 4 млн тонн грузов, то в 2024 году — около 38 млн тонн. К 2030 году предполагается увеличение этого грузопотока до 70–100 млн тонн [13].

Ведь морские перевозки по СМП (например, из Шанхая в Гамбург) на 6 400 км короче, чем традиционный морской путь через Малаккский пролив и Красное море. А значит, и скорость доставки грузов другая. К тому же традиционный путь имеет как технические риски (авария контейнеровоза в Суэцком канале в 2021 году), так и политические (международная напряженность в регионе Красного моря, пиратство в Аденском заливе и Малаккском проливе) [14].

Президент Российской Федерации В.В. Путин на Международном форуме «Арктика — территория диалога» (Мурманск, 27 марта 2025 г.) поставил масштабную цель сделать Северный морской путь «ключевым участком Трансарктического транспортного коридора, который пройдет от Санкт-Петербурга через Мурманск до Владивостока. Он призван соединить мировые промышленные, сельскохозяйственные, энергетические центры и потребительские рынки более коротким, безопасным, экономически выгодным маршрутом» [13]. В развитии этой цели В.В. Путин обозначил приоритетные задачи (по строительству ледоколов нового поколения, привлечению международных логистических операторов, увеличению мощностей арктических портов, развитию Арктического полигона железных дорог, раскрытию потенциала российских северных рек). При этом было обращено внимание на то, что новые точки выхода в Арктику появятся у МТК «Север — Юг».

Наши маршруты должны обладать конкурентоспособностью по сравнению с другими международными транспортными коридорами, которые создаются в обход Российской Федерации. Если наша страна создаст конкурентную среду, вложится во все составляющие транспортно-логистической инфраструктуры, то маршруты через Россию будут загружены, несмотря ни на какие препятствия.

В конечном итоге конкурентные преимущества получат те международные транспортные коридоры, которые предложат более выгодные условия перевозок и сокращение сроков доставки грузов при минимизации рисков нарушения договорных обязательств. Особую значимость получит геополитическая безопасность международных транспортных коридоров как один из факторов обеспечения Большого Евразийского партнерства.

Список источников

1. http://www.kremlin.ru/acts/bank/40542/page/1/.
2. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/2062732/.
3. https://ru.wikipedia.org/wiki/Транспортный_коридор_Север_–_Юг.
4. https://www.tass.ru/ekonomika/15705847/.
5. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62731/.
6. Официальный сайт ТРАСЕКА (TRACECA). — https://traceca-org.org/.
7. Официальный сайт ТМТМ (TITR). — https://midlecorridor.com/.
8. https://azertag.az/ru/xeber/uchrezhdena_mezhdunarodnaya_associaciya_evraziiskii_transportnyi_marshrut-3189342/.
9. https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11879/.
10. https://www.ritmeurasia.ru/news--2025-05-28--transafganskaja-zheleznaja-doroga-proekt-sposobnyj-izmenit-v-regione-mnogoe-80582/.
11. *Вардомский Л.Б., Тураева М.О.* Развитие транспортных коридоров Евразии: разнообразие проектов как отражение меняющегося мироустройства: Научный доклад. — М.: ИЭ РАН, 2025. — 72 с.
12. https://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/77927/.
13. https://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/76554/.
14. *Юдин В.И., Карцев Н.А.* Российско-китайское сотрудничество в Арктике // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. — 2023, — № 4. — С. 40–49.

Ларин О.Н.
д.т.н., профессор,
Российский университет транспорта
larin_on@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ

Ключевые слова: международный транспортный коридор; Евразийский экономический союз; Один пояс — Один путь; торговый баланс; внешняя торговля; транспортная связанность; транзитные перевозки; пространственное развитие.
Key words: international transport corridor; Eurasian Economic Union; One belt, One road; trade balance; foreign trade; transport connectivity; transit transportation; spatial development.

В условиях стремительного изменения направлений, номенклатуры и объемов экспортно-импортных и транзитных грузопотоков перед транспортно-логистической отраслью страны стоит задача по своевременному обновлению конфигурации и мощности линейных и узловых инфраструктурных объектов, составляющих основу национальных и международных транспортных коридоров. Под транспортным коридором понимается совокупность маршрутов, использующих магистральную транспортную и логистическую инфраструктуру разных видов транспорта, обслуживающих значительные по объёмам грузовые и пассажирские потоки на устойчивых направлениях перевозок между крупными центрами экономической деятельности, с применением прогрессивных технологических и организационно-правовых решений [1].

Современные тренды в развитии МТК формируются под воздействием многочисленных факторов различной природы — национальные цели, внешнеторговые связи, инфраструктурные ограничения и пр. При этом в результате такого развития должно быть обеспечено повышение эффективности выполняемых МТК функций. К числу основных функций транспортных коридоров относятся [2]:

1) обеспечение транспортной связанности;
2) обслуживание транзитных потоков;
3) содействие экономической интеграции.

Выполнение функции «обеспечение транспортной связанности» предусматривает выполнение перевозок с низкими издержками между экономическими центрами (опорными населёнными пунктами, городскими агломерациями, минерально-сырьевыми центрами и т.д.) внутри отдельного региона или из различных регионов внутри страны, либо в разных странах.

Транспортные связи отображают наличие потребности в перемещении товарных потоков между экономическими центрами. Поэтому развитие транспортных коридоров предусматривает определение экономических центров, которые коридор должен связывать; выбор рациональных транспортно-технологических схем, соединяющих данные центры с участием разных видов транспорта; задание очередности (этапов) создания необходимых инфраструктурных объектов.

Национальные транспортные коридоры (НТК) создаются для обслуживания транспортных связей внутри страны. Примерами таких коридоров являются Транссиб и БАМ, Северный морской путь и др. Развитие НТК нацелено на пространственное развитие страны, ее регионов и городов, что обеспечивает важный вклад в достижение национальных целей. В частности, развитие системы НТК в западной части России должно обеспечить интеграцию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области в общее экономическое пространство страны, в том числе сформировать единое экономическое пространство Приазовья путем обеспечения транспортной связанности новых субъектов с Крымом, с приазовскими и иными граничащими с ними субъектами Российской Федерации (Краснодарский край, Белгородская, Воронежская, Ростовская области) [3].

В свою очередь международные транспортные коридоры (МТК) обслуживают транспортные связи экономических центров из различных стран. Они формируются путем интеграции НТК сопредельных государств. Согласно [3], к 2030 году объемы перевозок по российским

участкам МТК должны составить 1,52 млрд тонн, увеличившись в полтора раза за десять лет, преимущественно за счёт роста внешнеторгового оборота России с дружественными странами из Восточной и Южной Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки.

Изменения во внешней торговле напрямую влияют на распределение грузопотоков по МТК. Ожидается дальнейшее увеличение объемов перевозок в восточном и южном направлениях. При этом отмечается недостаточная провозная и пропускная способность инфраструктуры на данных направлениях (на территории Российской Федерации и смежных стран) для обслуживания возрастающих товарных потоков. Поэтому переориентация российской внешней торговли требует опережающего увеличения мощности и обеспечения резерва пропускной и провозной способности логистической инфраструктуры (в том числе, морских портов и пунктов пропуска на государственной границе и подходов к ним) на новых направлениях товарных потоков.

Современные базовые направления Трансевразийских международных транспортных коридоров задаются, прежде всего, торгово-экономическими связями России с КНР и отчасти со странами ЕС, а также торгово-экономическими связями России со странами Южной Азии. Данные направления обслуживаются коридорами «Запад — Восток» и «Север — Юг», соответственно. Эти же коридоры используются для пропуска по российской территории транзитных грузопотоков из многих государств континента (КНР, стран ЕС, Северо-Восточной, Западной и Центральной Азии).

Так как современные транспортные коридоры имеют сложную конфигурацию инфраструктурных объектов разных видов транспорта, которые используются в качестве участков отдельных маршрутов в составе коридоров, то бывает сложно отграничить коридоры друг от друга. Поэтому на практике могут выделяться самостоятельные коридоры на базе одного или нескольких маршрутов (ответвлений). Такая модель системы МТК, как правило, основана на ситицентричном подходе, когда маршруты и, как следствие, основанные на них коридоры, соединяются в одном центре, чаще всего, в столице государства. Например, на сайте АНО ДМТК приведена информация о пяти российских МТК[1]:

1. «Северо-Западное направление» с одним сухопутным и двумя морскими маршрутами;
2. «Восточное направление» с несколькими сухопутными и морскими маршрутами;
3. «Азово-Черноморское направление» с одним морским маршрутом;
4. «Северный морской путь»;
5. МТК «Север-Юг». При этом МТК «Север-Юг» традиционно разделяется на три маршрута (ответвления): центральный морской (транскаспийский), западный и восточный сухопутные [4].

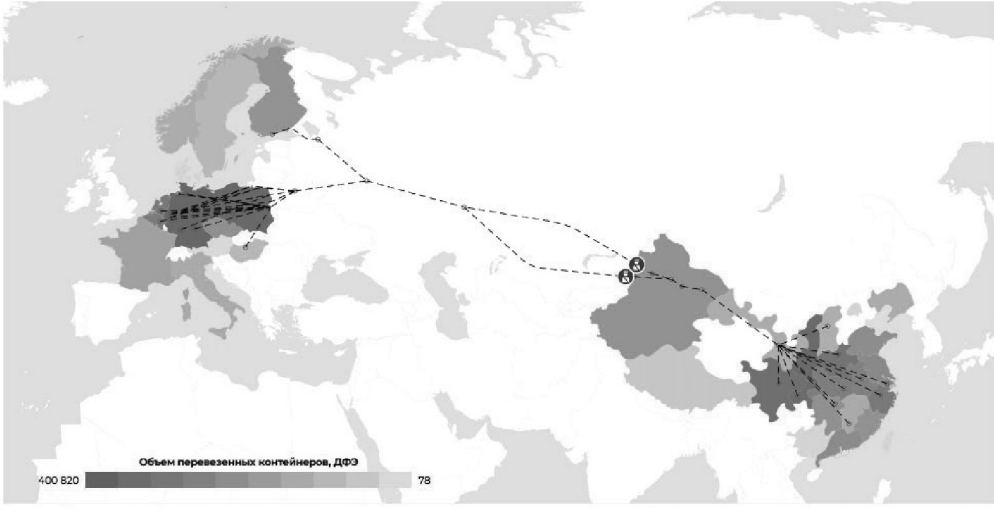
На реконфигурацию МТК влияет не только изменение географической направленности внешнеторговых и транзитных потоков. Трансформация маршрутов происходит под воздействием многочисленных внешних и внутренних вызовов (геополитических, техногенных, природно-климатических и пр.). Например, в последнее время участились случаи задержек транспорта при пересечении границ и проходе «узких мест» (пролив Босфор, Суэцкий канал и др.) из-за вооруженных нападений на морские суда в Красном и Черном морях.

Сбои в работе МТК приводят к изменению маршрутов перевозок и, как следствие, к увеличению расстояний перевозок и росту транспортно-логистических издержек. Для снижения рисков негативного воздействия названных выше факторов на устойчивое обслуживание внешнеторговых и транзитных потоков осуществляется диверсификация маршрутов МТК. Например, российские компании активно используют для перевозки своей продукции на зарубежные рынки транзитные маршруты через Турцию.

При этом появление новых альтернативных маршрутов обеспечивает не только снижение рисков, но и усиливает конкуренцию между разными коридорами, что стимулирует бизнес повышать качество логистических услуг и снижать их стоимость. Например, на Евразийском пространстве формируется сеть конкурирующих между собой МТК, одно из основных назначений которых является обслуживание трансконтинентальных грузопотоков в сообщении КНР — страны ЕС. Традиционный маршрут для трансконтинентальных сообщений прохо-

[1] https://diritc.ru/#/all-mtk.

дит через Россию по железным и автомобильным дорогам. Например, транспортно-логистический оператор «ОТЛК-ЕРА», который осуществляет перевозки по железным дорогам России, Беларуси и Казахстана, за несколько лет кратно нарастил объемы перевозок контейнеров в сообщении ЕС — КНР (рис. 1). Однако в настоящее время конкуренты активно развивают дублирующие маршруты, в том числе, через Каспий.



Пункт входа на колею 1520	Пункт выхода с колеи 1520	Объем перевезенных грузов, ДФЭ		Сравнение, %	Ср. кол-во отправок в месяц
		Янв - Дек 17	Янв - Дек 21		
		175 102	618 180	+253,04%	829,67 (+156,80%)

Рис. 1. Сравнение объемов перевозок по сервисам ОТЛК-ЕРА за 2021 г. к 2017 г.

Источник: https://index1520.com/index/.

Выполнение функции «обслуживание транзитных потоков» предусматривает организацию перевозки грузов между территориями сопредельных государств и (или) морскими гаванями. Привлекательность МТК для транзита зависит от выгоды, которую получают владельцы транзитных грузов от низкой стоимости и высокой скорости их доставки по сравнению с альтернативными вариантами. В некоторых случаях транзит может быть безальтернативным, например, для анклавов, либо для стран, не имеющих выхода к морю. Как известно, любые ограничения в транзите приводят к росту затрат на торговлю (в частности, из-за увеличения транспортных издержек, сроков доставки товаров и т.п.), что негативно отражается на благополучии населения [5]. На сегодняшний день к таким странам относятся 32 государства. По линии ООН уделяется большое внимание транзиту для стран, не имеющих выхода к морю, принимаются документы, которые призваны обеспечить для них свободу транзита через территории государств транзита всеми транспортными средствами (см., например, «Конвенция о транзитной торговле внутриконтинентальных государств»).

В 90-е годы многие страны западной части бывшего СССР получали высокие доходы от транзита российских товаров, в том числе, через их морские порты. В последующем Россия стала наращивать пропускную способность собственной трансграничной транспортной инфраструктуры, строить новые пограничные автомобильные и железнодорожные переходы, терминалы в морских портах для экспортных и импортных перевозок. В итоге за несколько десятилетий мощность российских портов кратно увеличилась (рис. 2), а доходы таких стран от транзита существенно сократились.

Функция «содействие экономической интеграции» реализуется путем создания и развития МТК в составе так называемых экономических коридоров (ЭК), под которыми понимается географически ориентированная инициатива по улучшению транспортной, информационной и энергетической инфраструктуры для стимулирования экономического роста на территориях в русле ЭК и в прилегающих регионах. Широкую известность получила система ЭК, развитие которых предусмотрено в рамках китайской глобальной стратегической инициативы

«Один пояс, Один путь», нацеленной на соединение Азии с Африкой и Европой посредством сухопутных и морских МТК. Согласно [6], инициатива предусматривает создание шести сухопутных и одного морского ЭК. Сухопутные ЭК («Новый евразийский континентальный мост», «Китай — Монголия — Россия», «Китай — Центральная Азия — Западная Азия», «Китай — Индокитай», «Китай — Пакистан», «Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма») связывают воедино все части Евразийского континента, соединяют крупные города и промышленные центры, предоставляя возможности для совместного развития и сотрудничества в различных сферах. «Морской Шелковый путь XXI века» соединяет прибрежные регионы Китая с Юго-Восточной и Южной Азией, южной частью Тихого океана, Ближним Востоком и Восточной Африкой, вплоть до Европы. Например, в рамках экономического коридора «Китай — Монголия — Россия» активно ведется комплексная модернизация и развитие Центрального железнодорожного коридора (Улан-Удэ — Наушки — Сухэ-Батор — Улан-Батор — Замын-Удэ — Эрлянь — Уланчаб — Чжанцзякоу — Пекин — Тяньцзинь).

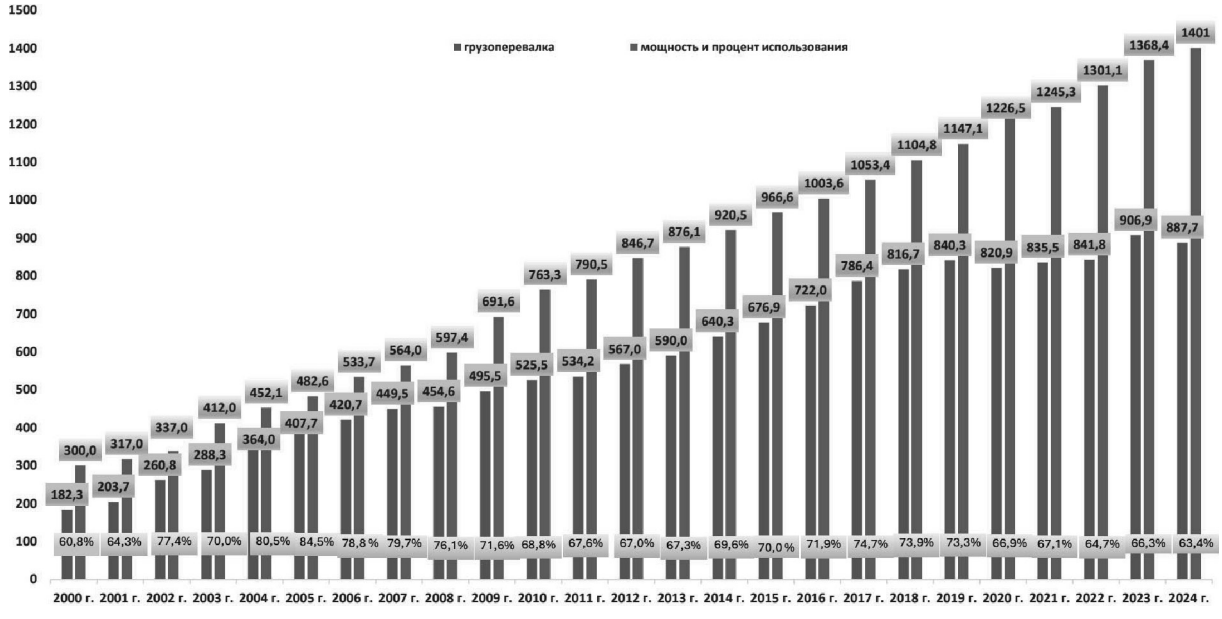


Рис. 2. Динамика количественных показателей грузооборота и мощности морских портов России

Источник: данные Ассоциации морских торговых портов — https://www.morport.com.

Развитие МТК также содействует экономической интеграции между странами, входящими в различные региональные объединения. Например, в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который объединяет Россию, Казахстан, Беларусь, Армению и Кыргызстан, формируется единое транспортное пространство (ЕТП) на принципах конкуренции, открытости, безопасности, надежности, доступности и экологичности. Под ЕТП понимается совокупность транспортных систем всех участников ЕАЭС, которое (пространство) должно обеспечивать беспрепятственное передвижение пассажиров, перемещение грузов и транспортных средств в границах союзного образования на основе технической и технологической совместимости и гармонизации законодательства в сфере транспорта. Уполномоченные органы Экономического союза определяют приоритетные интеграционные инфраструктурные проекты в сфере транспорта, утверждают перечень евразийских транспортных коридоров и маршрутов и планируют их развитие. В актуальном перечне транспортных коридоров и маршрутов содержатся Евразийские одномодальные железнодорожные маршруты с ответвлениями, Евразийский мультимодальный маршрут, а также национальные участки магистральных автомобильных дорог, которые образуют единую сеть Евразийских автомобильных коридоров [7]. Данные коридоры и маршруты обеспечивают интеграцию транспортных систем участников ЕАЭС в мировую транспортную систему, реализацию и развитие их транзитного потенциала, а также надежное и эффективное экономическое взаимодействие государств-членов ЕАЭС как между собой, так и с другими странами.

На практике не каждый МТК выполняет все рассмотренные функции. Функция «обеспечение транспортной связанности» является базовой для любого транспортного коридора, две другие функции («обслуживание транзитных потоков» и «содействие экономической интеграции») — комплементарными, которые дополняют базовую и позволяют предоставлять пользователям различные транспортные услуги с наибольшей эффективностью.

С учетом рассмотренных функций МТК представим некоторые современные тренды в их развитии:

1) формирование новой конфигурации МТК в связи с трансформацией глобальных цепочек создания стоимости (Global Value Chain, GVC, ГЦСС) под воздействием геоэкономической динамики;
2) адаптивные изменения маршрутов перевозок в связи с рестрикциями;
3) создание транзитных хабов для обслуживания новой конфигурации МТК;
4) цифровизация МТК.

Трансформация ГЦСС происходит по различным причинам. Одной из причин, которая относится к числу классических и влияет на работу не только глобальных цепочек, является формирование отрицательного сальдо платежного баланса. Как известно, глобальные компании размещают свои структуры (добывающие, перерабатывающие и сборочные) в регионах с дешевыми ресурсами (сырьевыми, энергетическими, трудовыми и пр.), для обслуживания которых необходимо развитие МТК.

Для многих развивающихся стран создание у них новых высокотехнологичных производств сулит большие выгоды (рабочие места, инфраструктура, доходы и пр.). Так как производимая продукция будет отправляться в основном на экспорт, то для выравнивания платежного баланса национальным властям могут предложить открыть рынки для импорта и даже «охладить» некоторые местные отрасли, если они производят аналогичные товары. Если покупательная способность населения находится на низком уровне, то для поддержания валютного курса развивающиеся страны часто инвестируют валютную выручку в зарубежные активы, чтобы не допустить падения доходов экспортеров из-за укрепления нацвалюты и избежать других негативных эффектов так называемой «революции цен», с которой столкнулась Испания в XVI веке в связи с поступлением огромного количества драгоценных металлов из американских колоний. Приведенная историческая аналогия является условной, однако в настоящее время не менее сложно принимать рациональные экономические решения в условиях сложной системной динамики в глобальном масштабе.

Когда ситуация с отрицательным балансом усугубляется, некоторые страны готовы идти на крайние меры. Например, начало так называемой торговой войны США с КНР было в определенной степени обусловлено значительным дефицитом платежного баланса инициатора конфликта. По данным Бюро экономического анализа США в течение первой четверти текущего века Китай практически постоянно наращивал поставки своих товаров и услуг в Америку (табл. 1) [8].

При этом возможности американских компаний в ведении бизнеса как в Поднебесной, так во многих других странах стали значительно сокращаться из-за активных действий китайских конкурентов. Разногласия между странами еще больше обострились, когда Пекин в 2015 г. утвердил стратегию «Сделано в Китае — 2025», которая предусматривает инновационное развитие экономики страны, в том числе прекращение производства готовой продукции на основе чужих технологий и оборудования и создание продукции мирового уровня на базе собственной высокотехнологичной промышленности [9].

Торговая война, обычно, ведется по многим направлениям. Однако в публичное пространство в основном попадают «выпады» в виде одностороннего повышения таможенных тарифов. Практически в течение всего 2025 года Белый дом объявлял то о крутом повышении, то о понижении или заморозке пошлин в отношении многих своих крупных торговых партнёров, в первую очередь, КНР. К концу года стала появляться информация, что бизнес отреагировал на тарифные барьеры и начал перестраивать свои цепочки поставок. По данным [10], новые тарифные ограничения негативно повлияли на цепочки поставок многих компаний, в том числе, из США. В частности, увеличились затраты на услуги и материалы, снизился спрос со стороны клиентов. В итоге компании стали увеличивать объемы производства и закупок

в регионах, где осуществляют продажи своей продукции. При этом значительная часть глобальных компаний планирует в ближайшие годы переместить большую часть звеньев цепочек поставок в Соединенные Штаты. Также они планируют расширить цепочки поставок в страны ЕС, Юго-Восточной Азии. При этом планируют сократить свое присутствие в Китае. В результате трансформации ГЦСС происходит изменение направлений перемещения значительных по объёмам товарных потоков между крупными центрами экономической деятельности, что, как следствие, потребует модернизации существующих МТК или создания их новой конфигурации.

Таблица 1

Международная торговля США с КНР, в млн долл. США[2]

Период	Экспорт товаров и услуг	Импорт товаров и услуг	Торговый баланс товаров и услуг
1999	17 707	84 637	−66 930
2000	21 862	103 340	−81 478
2001	25 025	105 886	−80 861
2002	28 363	129 404	−101 041
2003	34 628	156 976	−122 348
2004	42 236	203 085	−160 849
2005	50 685	251 791	−201 106
2006	64 841	298 012	−233 171
2007	76 672	333 249	−256 577
2008	86 274	350 448	−264 173
2009	86 766	307 347	−220 580
2010	113 576	377 619	−264 042
2011	130 701	413 275	−282 574
2012	141 706	440 286	−298 580
2013	158 078	456 195	−298 116
2014	166 374	484 566	−318 192
2015	163 329	499 697	−336 368
2016	169 387	479 718	−310 330
2017	187 875	524 144	−336 268
2018	180 750	558 244	−377 493
2019	167 629	469 549	−301 920
2020	166 231	448 740	−282 509
2021	192 782	526 247	−333 464
2022	198 462	562 395	−363 934
2023	196 376	447 188	−250 812
2024	199 273	461 425	−262 152

В последние годы многие российские компании также проводили реконфигурацию своих цепочек поставок в связи с многочисленными рестрикциями со стороны недружественных стран. В итоге стали развиваться новые маршруты перевозок экспортных и импортных грузов, в частности, через страны Центральной Азии и Кавказа. В связи с этим часто обсуждается вопрос, как долго просуществуют такие торговые и транспортные схемы, и есть ли необходимость проводить коренную модернизацию Евразийских МТК, которые формировались многие годы? Ответит на этот вопрос зависит от заинтересованности стран ЕС наладить торговые связи с Россией. Так как там пока нет единства на этот счёт, то поэтому ведется активное фор-

[2] Составлено автором на основе данных сайта https://www.bea.gov.

мирование новых транзитных хабов (в Турции, Казахстане, Иране и других странах) для обслуживания новой конфигурации МТК Евразийского континента.

Для повышения эффективности перевозок по МТК страны ведут совместную работу по цифровизации транспортных коридоров. Например, по линии ЕАЭС реализуется проект по созданию экосистемы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС. Под цифровым транспортным коридором понимается гетерогенная информационно-сервисная цифровая платформа, интегрирующая информационные ресурсы участников МТК и формирующая вокруг него доверительное информационное пространство с целью цифровизации и повышения эффективности сквозных бизнес-процессов в трансконтинентальных цепях поставок; оптимизации использования транспортных средств и инфраструктуры МТК; предоставления комплекса информационно-справочных, аналитических и иных услуг и поддержки управленческих решений. Применение экосистемного подхода позволит организовать устойчивое информационное взаимодействие и обмен данными между всеми участниками международного перевозочного процесса на базе национальных и наднациональных цифровых платформ. Цифровизация МТК является межнациональной и общеотраслевой задачей, в которой решающее значение имеет сотрудничество между всеми заинтересованными дружественными странами.

Анализ современных трендов развития МТК показывает, что они обусловлены влиянием преимущественно геоэкономических факторов (первый и второй). Однако в последующем, когда определен основной вектор трансформации коридоров, конкретные проекты их развития (трассировка конкретных маршрутов, выбор вида транспорта, размещение мультимодальной инфраструктуры, трансграничное взаимодействие и пр.) определяются технологическими факторами (третий и четвертый).

Список литературы и источников

1. Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р (ред. от 06.11.2024) «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года».
2. Логистика: теория и практика / А.А. Арский, Г.П. Быкова, Ф.Д. Венде [и др.]. — М.: КноРус, 2023. — 242 с.
3. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года».
4. *Ларин, О.Н.* Перспективные направления развития транспортной инфраструктуры Индии и стратегические интересы России // Проблемы национальной стратегии. — 2018. — № 3 (48). — С. 156–180.
5. *Arvis, J.Fr.; Marteau, J.-Fr.; Raballand, G.J.R.F.* The cost of being landlocked: logistics costs and supply chain reliability Policy. Research working paper; no. WPS 4258. — Washington, DC: World Bank. — https://documents1.worldbank.org/curated/en/ 987461468008762479/pdf/wps4258.pdf
6. Совместное строительство «Одного пояса, одного пути»: идея, практика и вклад Китая. — Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2017 — 77 с. — https://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydylyw/201705/201705110545004.pdf
7. Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 26.10.2021 № 175 «Об утверждении перечня евразийских транспортных коридоров и маршрутов».
8. U.S. Trade in Goods and Services by Selected Countries and Areas, 1999-present / Bureau of Economic Analysis. — https://www.bea.gov/news/2025/us-international-trade-goods-and-services-september-2025.
9. 国务院关于印发《中国制造2025》的通知 // Сайт Правительства КНР — https://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm.
10. *Foster T., Vu-Huy-Dat M., Trautwein V.* Supply chain risk pulse 2025: Tariffs reshuffle global trade priorities / McKinsey & Company. — 2025. — 8 p.

Матанцева О.Ю.
д.э.н., доцент,
заместитель генерального директора по научной работе ОАО «НИИАТ»
omat@niiat.ru
Казанцев И.С.
генеральный директор ООО «АСМАП-Сервис»,
аспирант РУТ — МИИТ
ikazantsev@asmap-service.ru

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УВЕЛИЧЕНИЯ К 2030 ГОДУ ОБЪЕМА ПЕРЕВОЗОК ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ТРАНСПОРТНЫМ КОРИДОРАМ НЕ МЕНЕЕ ЧЕМ В ПОЛТОРА РАЗА ПО СРАВНЕНИЮ С УРОВНЕМ 2021 ГОДА

Ключевые слова: транспортные коридоры; объем перевозок; обновление транспортных средств; срок эксплуатации транспортных средств; национальные цели.
Key words: transport corridors; volume of transportation; vehicle renewal; vehicle service life; national goals.

Указом Президента от 07.05.2024 № 309 установлены национальные цели, обеспечивающие экономическое и социальное развитие Российской Федерации. Одной из таких целей является «Устойчивая и динамичная экономика». Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач, одна из которых — «увеличение к 2030 году объема перевозок по международным транспортным коридорам не менее чем в полтора раза по сравнению с уровнем 2021 года», решение задачи возможно за счет повышения конкурентоспособности российских маршрутов в международном сообщении.

Основной целью транспорта в целом и автомобильного в частности является надёжное, качественное и своевременное удовлетворение потребностей экономики в перевозках, определяемое объемом перевозок.

Информация об изменении данного показателя представлена в табл. 1, она позволила выявить, что объем перевозок грузов российскими перевозчиками в международном сообщении сократился в 2022 году по сравнению с 2021 годом на 85,3 %. Это было связано с необходимостью перехода с западного направления перевозок на южное и восточное направления.

Таблица 1

Перевозки грузов в международном сообщении автомобильным транспортом, млн. тонн

Год / Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Иностранные перевозчики	19,8	15,8	14	14,6	17,3	17,9	19,1	19,2	19,1	20,6
Российские перевозчики	13,4	11,5	11,3	12,1	13,8	14,7	16,8	15,6	15,7	2,3
Итого	33,2	27,3	25,2	26,7	31,1	32,6	35,9	34,8	34,9	22,9

Введение против нашей страны санкций привело в том числе к изменению основных транспортных коридоров[1]. Грузовой автомобильный транспорт в новых экономических и политических условиях работает не только на новых логистических маршрутах, но и участвует в мультимодальных перевозках. К первым можно отнести перевозки по транспортному коридору «Восток» — Китай-Россия, Китай-Казахстан-Россия и т.д., ко вторым перевозки по маршру-

[1] Решение Совета Европы от 8 апреля 2022 г. № 2022/578 о внесении изменений в Решение Совета Европы № 2014/512/CFSP.

ту «Юг» — Китай-Иран-Туркменистан-Азербайджан-Россия, Китай-Иран-Казахстан-Россия, ОАЭ-Иран-Туркменистан-Азербайджан-Россия и др. [5].

При детальном анализе работы транспорта в новых транспортных коридорах было установлено, что протяженность маршрутов доставки товаров увеличилась, и средняя длина оборотного рейса возросла в 2,15 раза. Создавшиеся условия перевозок требуют увеличения количества транспортных средств для обеспечения выполнения необходимого объема перевозок грузов.

В то же время существенной проблемой организаций автотранспортной отрасли является функциональный и сверхнормативный износ транспортных средств [1; 4].

Это связано с сокращением доли новых и современных транспортных средств в структуре парка, осуществляющего перевозки в международном сообщении [1; 2]. Одновременно средний срок эксплуатации автотранспортных средств увеличился с 8,7 года до 9,6 лет (рис. 1).

Как видно из рис. 1 доля автомобилей со сроком эксплуатации более 13 лет с 2018 года до 2024 года возросла на 25,0%, а доля автомобилей со сроком эксплуатации менее 2 лет сократилась на 23,0%.

Увеличение срока эксплуатации автомобилей, используемых в международном сообщении, связано с отсутствием у автотранспортных организаций достаточных средств не только для расширенного воспроизводства, но и для приобретения новых транспортных средств в целях замены выбывающих [4].

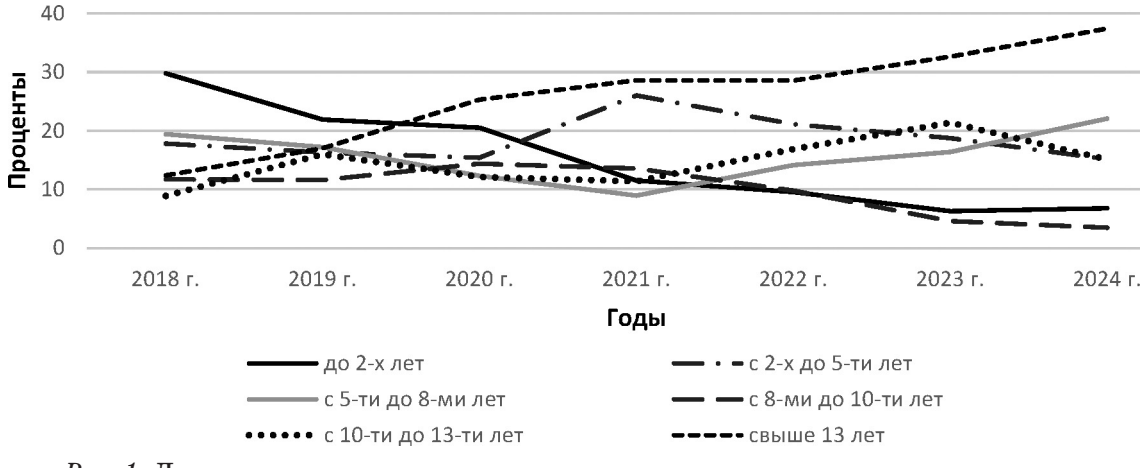


Рис. 1. Динамика увеличения срока эксплуатации парка транспортных средств российских автомобильных перевозчиков, осуществляющих свою деятельность в международном сообщении

Таким образом, износ транспортных средств, а также отсутствие эффективных механизмов их обновления не позволяют решить задачу «увеличение к 2030 году объема перевозок по международным транспортным коридорам не менее чем в полтора раза по сравнению с уровнем 2021 года».

Существенным стимулом для роста парка грузовой автомобильной техники является удлинение маршрутов перевозки во внутреннем и в международном сообщении. В связи с этим для решения задачи по увеличению объемов перевозок по международным транспортным коридорам для реализации национальной цели «Устойчивая и динамичная экономика» организациям, занимающимся грузовыми автомобильными перевозками, для устойчивого развития требуется экономический механизм, позволяющий осуществлять не только своевременное обновление транспортных средств, но и обеспечивать возможность перехода их к расширенному воспроизводству.

В проведенном авторами исследовании была поставлена задача по разработке экономического механизма обновления парка грузовых автомобилей, который обеспечит достижение поставленной цели [3].

Создание эффективного механизма обновления автомобильного парка повысит конкурентоспособность российских автомобильных перевозчиков в международном автотранспортном сообщении, что позволит полноценно использовать транзитный потенциал нашей страны в будущем.

В настоящее время возникли проблемы с применением механизмов лизинга и кредита для приобретения транспортных средств в связи с высокой ключевой ставкой. Исходя из этого, весьма актуальной является задача по разработке и реализации эффективных механизмов обновления транспортных средств за счет собственных источников.

Основная идея, заложенная в разработку механизма обновления транспортных средств — это целевое использование амортизационных отчислений для приобретения новых автотранспортных средств в качестве собственного источника инвестиций, что обеспечит увеличение объемов перевозок грузов в международных транспортных коридорах.

В процессе исследований был разработан научно-практический инструментарий механизма инвестирования в обновление автотранспортных средств на различных стадиях жизненного цикла организации автомобильного транспорта.

Алгоритм реализации инструментария включает следующие этапы [3; 6].

— Анализ экономических показателей деятельности автотранспортной организации, включая оценку возможности увеличения объемов перевозок при изменении количества транспортных средств.
— Определение начисленной амортизации с момента постановки на учет каждого транспортного средства, исходя из его срока полезного использования.
— Определение амортизационных отчислений на транспортные средства способом пропорционально пробегу нарастающим итогом.
— Разработка алгоритма определения экономически целесообразного пробега транспортных средств.
— Разработка сценарной модели управления процессом обновления автотранспортных средств на основе собственных инвестиционных источников.
— Оценка эффективности обновления автотранспортных средств за счет собственных источников в существующих организациях, осуществляющих перевозки грузов.
— Оценка эффективности обновления автотранспортных средств на основе накоплении собственных амортизационных отчислений с момента перехода на новую систему учета основных средств.
— Оценка эффективности инвестирования в обновление автотранспортных средств, включающего сочетание государственных вложений и собственных средств на различных стадиях жизненного цикла организации.
— Оценка экономической эффективности обновления транспортных средств за счет собственных источников.

В процессе исследования проведено экономическое обоснование научно-практического инструментария механизма инвестирования обновления автотранспортных средств на различных стадиях жизненного цикла организации автомобильного транспорта (включая вновь создаваемую организацию, существующую организацию, организацию, действующую в условиях перехода на новую систему учета основных средств).

Оценка экономической эффективности разработанного научно-практического инструментария механизма инвестирования обновления автотранспортных средств на различных стадиях жизненного цикла организации автомобильного транспорта показала, что рентабельность инвестиций по чистой прибыли во всех рассмотренных вариантах превышает внутреннюю норму доходности.

Для существующих организаций средняя рентабельность инвестиций по чистой прибыли составляет 33,08% при внутренней норме доходности равной 27,4%. Для организаций, действующих в условиях перехода на новую систему учета основных средств, средняя рентабельность инвестиций соответствует 44,79% при внутренней норме доходности равной 22,33%. Для вновь создаваемых организаций средняя рентабельность инвестиций по чистой прибыли составляет 49,77 при внутренней норме доходности равной 23,0%.

Список литературы

1. *Казанцев, И.С.* Основные проблемы автомобильных перевозчиков, работающих в международном сообщении // Научный вестник автомобильного транспорта. — 2020. — Январь-декабрь. — С. 89–92.

2. *Казанцев, И.С.* Особенности инвестиций в обновление парка транспортных средств, компаний осуществляющих перевозку грузов в международном сообщении // Научный вестник автомобильного транспорта. — 2022. — Апрель-июнь. — С. 32–40.
3. *Казанцев, И.С.* Совершенствование экономического механизма обновления парка грузовых автомобилей / И.С. Казанцев, О.Ю. Матанцева // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2024. — № 1. — С. 102–112.
4. *Казанцев, И.С.* Современное состояние грузового российского автомобильного транспорта / И.С. Казанцев, О.Ю. Матанцева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики: Серия «Экономика и Право». — 2024. — № 11. — С. 39–44.
5. *Казанцев, И.С.* Разворот с запада на восток и юг. Проблемы и тенденции национального транспортного комплекса: грузовой автомобильный транспорт сегодня // Первый экономический журнал. — 2024. — № 11(353). — С. 59–69.
6. *Казанцев, И.С.* Экономический механизм обновления парка грузовых автомобилей: автореферат диссертации на соискание степени кандидата экономических наук / Российский университет транспорта (МИИТ). — М., 2025.

Мелкумян М.
д.э.н., профессор,
зав. Кафедрой организации бизнеса и сферы услуг
Армянского государственного экономического университета
mikaelmelkumyan@mail.ru
Мелкумян З.
к.э.н., доцент,
преподаватель Кафедры организации бизнеса и сферы услуг
Армянского государственного экономического университета
zaruhim@gmail.com
Исаян Ш.
преподаватель Кафедры организации бизнеса и сферы услуг
Армянского государственного экономического университета
shakeisayan@gmail.com

НОВЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ

Ключевые слова: интеграционные процессы, международные отношения, национальные интересы, международные транспортные коридоры.
Key words: integration processes, international relations, national interests, international transport corridors.

В современном быстро меняющемся мире правила игры диктуют страны с крупными экономическими пространствами, ресурсами и высоким уровнем интегрирования.

Так, мировой ВВП в конце 2024 года составил около 100 триллионов долларов США , из коих около половины составляют ВВП США и Китая. Это значит, что они являются крупнейшими игроками в мировом хозяйстве, и экономическая политика других стран должна учитывать этот фактор. Но это не означает, что правительства других стран не могут и не должны проводить самостоятельную экономическую политику.

Вопросы эффективного взаимодействия зачастую решаются посредством членства в разных экономических союзах. В частности, Республика Армения с 2015 года — член Евразийского экономического союза, она тесно сотрудничает с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), а также с организацией БРИКС. Членство в вышеуказанных организациях даёт нашей стране возможность получить некоторые преимущества, например, в плане приобрете-

ния новых рынков, реализации продукции и услуг, а также льготы в торговых режимах и т.д.

Известно, что высокий уровень интеграции требует наличия эффективных путей сообщения и логистических инфраструктур. В настоящее время для Республики Армении архиважное значение имеет разблокирование коммуникаций, автомобильных и железных дорог. Известно, что около 75% границ РА были блокированы в начале первой карабахской войны в 1992 году и с тех пор остаются закрытыми.

Однако после окончания второй карабахской войны правительством РА прилагаются усилия для заключения мирного договора с Азербайджанской Республикой, вследствие которого, как предполагается, будут проводиться соответствующие процессы по разблокированию границ. Также предполагается, что параллельно пройдут процессы делимитации и демаркации границ между Арменией и Азербайджаном.

Конечно, есть риски. Но между тем уже 8 августа 2025 года в Вашингтоне, в присутствии президента США Дональда Трампа руководители Армении и Азербайджана подписали соглашение по созданию дороги, которая предоставляет Азербайджану прямой доступ к Нахичеванской автономной республике — дорога протяжённостью 43 километра. Эта приграничная дорога получила рабочее наименование TRIPP (то есть дорога Трампа). Подразумевается, что эта дорога будет полностью находиться под юрисдикцией Армении.

Конечно, пока чётко не урегулированы вопросы таможенной службы, сервиса по транспортной безопасности и т.д. Главное в этом вопросе заключается в том, что должна быть гарантия безопасности для перевозок, в том числе грузоперевозок, и для передвижения частных лиц.

Конфликт между двумя странами объективным образом привёл к психологическому антагонизму между двумя народами. В течение последних 30 лет погибли тысячи людей, в том числе представители мирного населения.

Но есть также экономические риски. Что получает от этого Азербайджан, и что получает Армения? Дело в том, что общий процесс разблокирования коммуникаций в регионе не может основываться только на дороге TRIPP. Для полного разблокирования коммуникаций необходимо открыть все дороги, в том числе границу между Арменией и Турцией.

В случае открытия границ с Турцией торгово-экономический оборот резко увеличится в сторону европейских стран, так как будет открыт прямой доступ через Турцию к Средиземному морю.

Возможное разблокирование коммуникаций Армении с соседними странами показано на приводимой ниже карте (рис. 1).

Отметим, что Армения должна защищать своих малых и средних сельхозпредпринимателей. Дело в том, что в Турции четыре раза в году собирается урожай баклажанов, помидоров, кабачков, фасоли и перца. Все эти продукты имеют очень низкую себестоимость, и в таком случае сельскохозяйственные производители Армении окажутся в невыгодном положении, так как и объёмы, и масштабы их производства небольшие, а себестоимость выше.

В этой ситуации власти РА должны использовать таможенные тарифы по ввозу сельскохозяйственной продукции из Турции.

Таким образом открытие границ, естественно, позитивный процесс, но разумное управление рисками также необходимо. Например, Турция уже много десятилетий применяет высокие тарифы на ввоз сельскохозяйственной продукции, тем самым защищая своих производителей.

Поэтому запуск и дальнейшую эксплуатацию новых транспортных путей и логистических зон необходимо сочетать с новыми методами управления дальнейших рисков для предприятий и бизнесов собственной страны. Открытие путей и коммуникаций должно осуществляться комплексным методом. Например, ожидается ввоз казахстанского зерна в Армению через Азербайджанскую железную дорогу, а потом через Грузию. Возникает вопрос, а почему не сразу из Азербайджана в Армению? Ответ очевиден — в настоящее время здесь уже нет действующих линий железной дороги — они давно разобраны. Поэтому до восстановления этих коммуникаций не может быть прямого контакта железных дорог Азербайджана и Армении.

По нашему мнению, особого внимания требует создание приграничных бизнес-зон, таких как свободные экономические зоны или промышленные зоны с учётом международных согла-

шений между странами ЕАЭС и соседними странами. Например, в 2016 г. правительством Армении было принято постановление о создании свободной экономической зоны в Сюнике, а конкретно в Мегри на приграничной территории Армении с Ираном. К 2018 года были построены здание Зоны, площадка для грузовых машин, но не были решены вопросы приграничного регулирования и технические вопросы , касающиеся государственной и таможенной границы. Дело в том, что в Государственном Бюджете РА должно было быть предусмотрено порядка 1,5 млн долларов (650 млн драмов) для технической реконструкции таможенной границы.

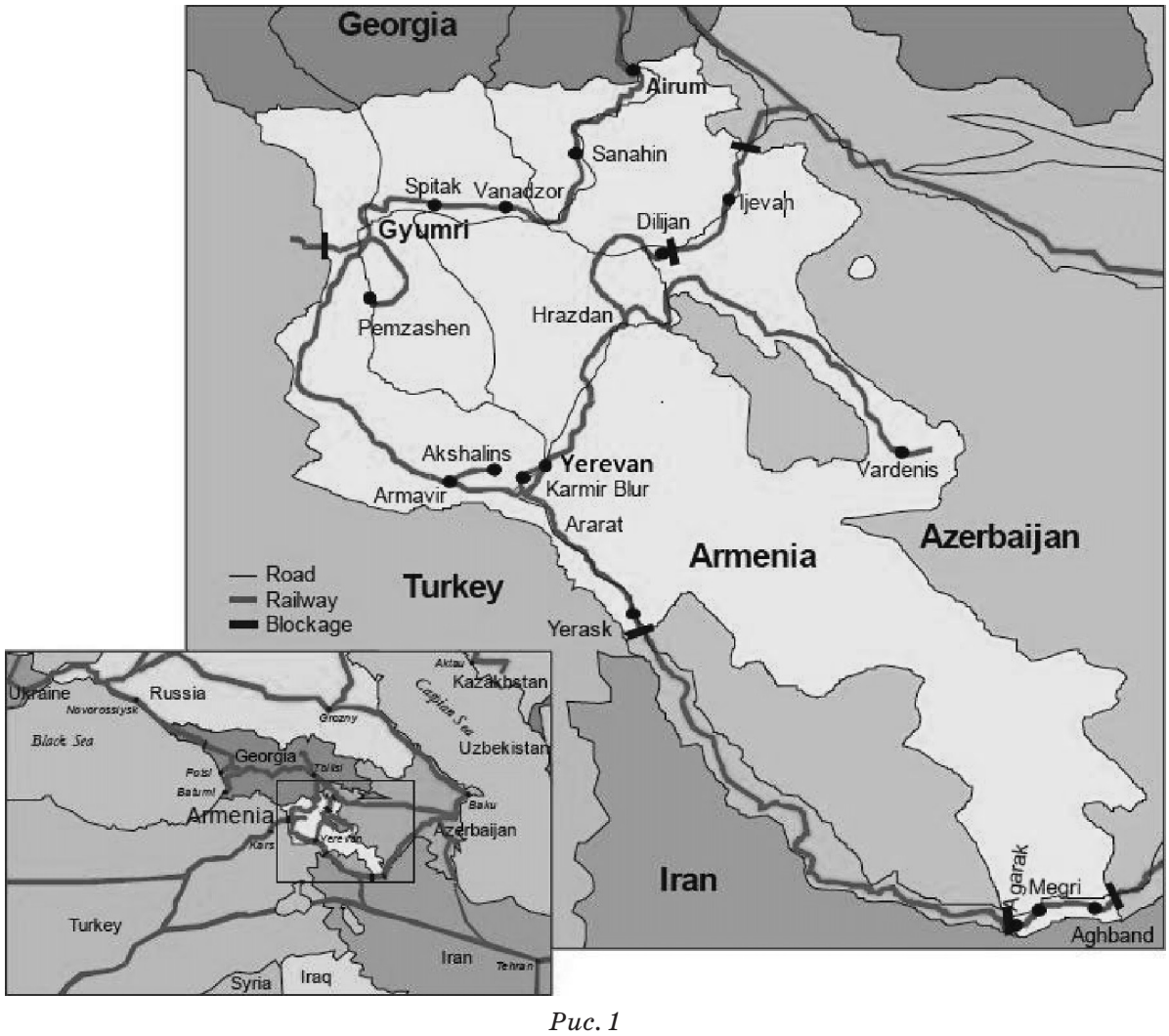


Рис. 1

В бытность моего председательства в Постоянной Комиссии Национального Собрания РА по евразийской и региональной интеграции были созваны два заседания комиссии — одно в Мегри, а второе в парламенте с участием всех заинтересованных сторон и лиц по данной проблеме. Надо также отметить, что эта зона была предоставлена Армении по квоте ЕАЭС.

Отметим, что в 50 километрах от армяно-иранской границы на территории Ирана уже много лет функционирует свободная зона «Араз», где доминирует китайский капитал.

Подытоживая вышесказанное, необходимо отметить, что в настоящее время для Армении важно полноценное интегрирование всех коммуникаций в регионе как с Азербайджаном, так и с Турцией и Ираном.

Совместно с Ираном возможно построить железную дорогу от Мегри до Тебриза, который находится в 152 км от границы Армении.

Другое направление — это восстановление железнодорожной линии Баку — Горадиз — Мегри — Джульфа — Шарур — Ерасх, которая соединяет Азербайджан с Нахичеваном, с выходом в Турцию, когда в 2028 году будет сдана в эксплуатацию ж/д линия Карс — Игдир — Нахичеван.

Другая вариант открытия границ — это открытие ж/д в зоне Гюмри- Карс, которая укорачивает дорогу из Азербайджана до Турции на 40 процентов, а также открывает для Армении выход к Средиземному морю. Кроме того, одна из важных линий разблокирования ж/д с Азербайджаном находится на севере Армении в зоне Казах — Иджеван. Всё это показывает, что если устанавливаются мирные отношения между Арменией и Азербайджаном, то снижаются риски по безопасности и создаются объективные предпосылки для взаимовыгодного сотрудничества.

Для Армении также важна диверсификация географии импорта и экспорта. Известно, что 100 процентов зерна Армения импортирует из России. Сейчас есть возможность импортировать зерно из Казахстана через Азербайджан, тем более что цена 1 казахстанского зерна на 30 процентов ниже российского.

Формируются условия для импорта газа из Азербайджана, т.к. газопровод из Азербайджана в Грузию проходит рядом с границей Армении. Особенно важно то, что Евросоюз принял решение об отказе от импорта российского газа с 1 января 2028 г.

Логистические мощности и таможенно-складские возможности на границе Китая и Казахстана уже исчерпаны и в этом плане вектор Иран — Армения — Турция — Европа является вполне реальным коридором, позволяющим существенно увеличить объём торгово-экономического взаимодействия со странами региона.

Список литературы

1. *Колтаков В.А.* Понятие и значение логистики в современной экономике // Вестник экономической теории. — 2018. — № 10.
2. *Чариев П.* Международная транспортная система: учебник. — 2024.
3. *Арутюнян, Д.О.* Проект «Перекресток мира» в контексте повышения транспортной «связности» на Южном Кавказе // Экономические отношения. — 2025. — Т. 15. — № 1. — С. 169–190.
4. Что такое логистический центр и как он работает? — https://moskva.standart-express.ru/blog/chto-takoe-logisticheskij-centr-i-kak-on-rabotaet/.
5. Everything You Need to Know about Logistics Centers. — https://eu.rxo.com/resources/shipper/everything-you-need-to-know-about-logistics-centers/.
6. ՀՀ Կառավարության 2011 թվականի մայիսի 12-ի «ՀՀ պետական սահմանի անցման կետերը սահմանելու մասին» N 703-Ն որոշում, https://www.arlis.am/documentview.aspx?docID=68391.
7. https://www.dhl.com/global-en/microsites/core/global-connectedness/tracker.html.
8. *Altman S.A., Bastian C.R.* DHL Global Connectedness Report 2024 An in-depth analysis of the state of globalization. — https://www.dhl.com/content/dam/dhl/global/delivered/documents/pdf/dhl-global-connectedness-report-2024-key-highlights.pdf.
9. Size of the global logistics industry from 2018 to 2023, with forecasts until 2028. — https://www.statista.com/statistics/943517/logistics-industry-global-cagr/.
10. https://lpi.worldbank.org/sites/default/files/2023-04/LPI_2023_report.pdf.
11. https://www.statista.com/study/44568/xpo-logistics/.
12. ՀՀ վիճակագրական կոմիտե, Armstatbank տեղեկատվական շտեմարան. — https://statbank.armstat.am/pxweb/hy/ArmStatBank/ArmStatBank__4%20Transport%20and%20tourism__41%20Transport__4101%20Main%20indicators%20of%20general%20purpose%20transport/TT-trmgp01.px/table/tableViewLayout2/?rxid=9ba7b0d1-2ff8-40fa-a309-fae01ea885bb.
13. «Հայաստանի Հանրապետության սոցիալ-տնտեսական վիճակը 2024 թվականի հունվար-դեկտեմբերին» — https://www.armstat.am/file/article/sv_12_24a_124.pdf
14. https://arka.am/news/economy/v_eabr_nazvali_uslovie_vovlechennosti_armenii_v_evraziyskiy_transportnyy_karkas_eksklyuziv/?utm_source=chatgpt.com.

Мухина И.И.
к.э.н.,
доцент Кафедры рекламы и медиакоммуникаций,
Университет мировых цивилизаций
inigmu@mail.ru
Смирнова А.В.
к.э.н., доцент,
Российский университет транспорта
smirnova_a.v@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В МЕЖДУНАРОДНОМ ТРАНСПОРТНОМ СООБЩЕНИИ РОССИЯ-КАЗАХСТАН-КИТАЙ

Ключевые слова: международные транспортные коридоры, транспортно-логистические системы, Республика Казахстан, «Новый Шелковый путь», «Хоргос — Восточные ворота».
Key words: international transport corridors, transport and logistics systems, Republic of Kazakhstan, “New Silk Road”, “Khorgos — Eastern Gate”.

Транспортная отрасль представлена несколькими видами транспорта, осуществляющими перевозки грузов, такими как автомобильный, железнодорожный, водный, воздушный и трубопроводный. Традиционно перевозки отдельными видами транспорта развиваются как отдельные обособленные подсистемы, что препятствует развитию логистики и образованию транспортной системы.

С целью развития транзитных услуг через территорию Республики Казахстан необходимо построить соответствующую инфраструктуру, повысить степень развития транспортной логистики, которая отражается на индустриализации страны в целом, так как последняя зависит от грузоперевозок по рациональным схемам доставки в Республику Казахстан.

Стимулом к развитию транспортно-логистической системы Республика Казахстан должна стать реализация проекта «Новый Шелковый путь». Республика Казахстан в результате реализации этого проекта получит несколько преимуществ, — сокращение сроков доставки; транзитный маршрут, который в основном пройдет по территории Китая, а также строительство зеленого коридора — Торгово-транспортного хаба на юге Казахстана.

Однако следует отметить, что в настоящее время клиент становится более чувствителен к качеству обслуживания и сегодня недостаточно предоставлять только транспортные услуги, они должны сопровождаться логистическим обслуживанием. Учитывая удобное географическое расположение Республики Казахстан, наличие необходимой для обслуживания отечественных и международных клиентов инфраструктуры, стремление конкурентов перетянуть на себя часть транзитных потоков, необходимы конкретные решения с использованием логистических принципов и современных технологий в сфере развития транспортно-логистического комплекса страны. Проанализировав исследования по транспортной системе Казахстана, можно сделать вывод о недостаточном использовании логистических принципов, методов и технологий именно на уровне крупных транспортных узлов, наличие которых положительно влияет на интегрирование элементов транспортно-логистического комплекса Республики Казахстан в мировую экономику. В связи с растущими объемами грузовых перевозок из Китая в Россию через территорию Казахстана, перед страной поставлены новые фундаментальные задачи, решение которых позволит АО «Казахстан Темир Жолы» стать конкурентоспособным привлекая все большие объемы перевозок через территорию страны.

В рамках Государственной программы развития и интеграции инфраструктуры транспортной системы Республики Казахстан с 2014 г. началось создание сети транспортно-логистического центра в регионах. Первый этап строительства реализуется в городах Астане, Павлодаре, Шымкенте, Актау и Атырау. В 2020 г. количество транспортно-логистических центров составило порядка 34. С помощью кластерного подхода и анализа промышленного потенци-

ала регионов Республики Казахстан можно разделить территорию на три производственных кластера (рис. 1).

Для определения центров тяжести грузопотоков (метод гравитации) рассмотрим эти кластеры для определения востребованности транспортного обеспечения. Основные потребители транспортных услуг — это населённые пункты и промышленные предприятия. Численность населения, количество крупных предприятий в рассматриваемых регионах и координатная характеристика рассматриваемых объектов, отражают востребованность транспортных услуг в регионе.

Применим несколько методов с целью определения мест размещения терминалов. Многокритериальный анализ осуществляется по совокупности рассматриваемых критериев, такими критериями могут быть площадь и конфигурация участка под место размещения, степень развитости транспортной инфраструктуры на месте размещения, удалённость от потребителей, стоимость отчуждения земель и т.д. Вторым методом является метод определения центра тяжести грузопотоков или метод гравитации. Комбинирование разных методов позволит добиться более высокого уровня точности при решении задачи. Метод гравитации позволит определить область для поиска решения на уровне страны, а многокритериальный — выбрать конкретные участки для размещения элемента в рассматриваемом регионе.

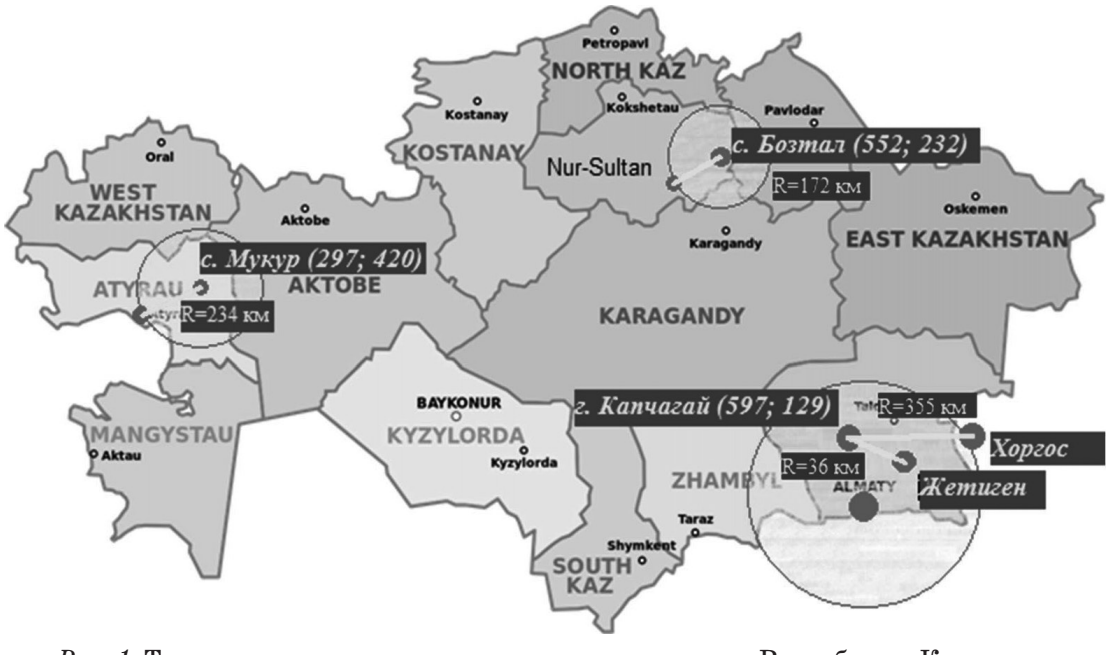


Рис. 1. Три производственных кластера на территории Республики Казахстан

Результаты расчетов отражены в табл. 1. Исходными данными послужили статистические данные предприятий Республики Казахстан с численностью работников не менее 500 чел., а также данные транспортной активности и плотности населения городов.

При выборе места строительства транспортно-логистического центра учитываются численность населения, степень развития транспортной инфраструктуры, пропускная способность пропускных пунктов, объем и ритмичность перевалки грузов и т.д.

С учетом увеличения объёмов железнодорожных грузовых перевозок в международном сообщении через территорию Казахстана возникает необходимость совершенствования транспортной системы по направлению Китай — Казахстан — Россия. На территории Республики Казахстан транспортно-логистическим центром, который консолидирует грузы в одном месте из нескольких китайских провинций, является специальная экономическая зона (СЭЗ) «Хоргос — Восточные ворота», которая включает в себя Международный центр приграничного сотрудничества «Хоргос» (МЦПС «Хоргос»). Транспортно-логистический комплекс расположен на казахстанско-китайской границе.

Отметим, что общая площадь территории СЭЗ «Хоргос — Восточные ворота» составляет 5 740 га и состоит из трех зон: зона сухого порта, логистическая зона; индустриальная зона.

Таблица 1

Размещение транспортно-логистических центров по кластерам

Кластер	Полученные результаты (координаты по кластерам)	Название населенного пункта
Метод гравитации		
1- кластер	597; 129	Капчагай
2- кластер	552; 232	Бозтал
3-кластер	297; 420	Мукур
Комбинация методов (гравитации и многокритериального анализа)		
Кластер	R не более 350 км	Название населенного пункта
1- кластер	36/355	Жетиген/Хоргос
2- кластер	172	Нур-Султан
3-кластер	234	Атырау

Рис. 2. Структура СЭЗ «Хоргос — Восточные ворота»

Зона сухого порта площадью в 129 га расположена на казахско-китайской границе, вблизи приграничной станции Алтынколь. Сухой порт обеспечивает обработку подвижного состава, первичное складирование, на его территории функционируют три крупных терминала ТОО «KTZE — Khorgos Gateway», ТОО «Eurotransit — КТС», АО «Кедентранссервис». Фронт подачи составляет 57 условных вагонов для грузов на открытом подвижном составе и 17 вагон тарно-штучных грузов. В связи с этим именно СЭЗ «Хоргос — Восточные ворота» обеспечивает интеграцию сухопутного Шёлкового пути в мировую транспортную и торговую системы обеспечивая при этом грузооборот порядка 30 млн тонн.

Список литературы

1. *Гаджинский, А.М.* Проектирование товаропроводящих систем на основе логистики. — М.: ИТК «Дашков и К°», 2015. — 324 с.
2. *Изюмова, Н.Ю., Мухина, И.И., Смирнова, А.В., Тинькова, О.А.* Система оценки эффективности функционирования транспортно-логистического комплекса // Наука Красноярья. — 2021. — Т. 10. — № 6-1. — С. 84–91.

3. *Изюмова, Н.Ю., Мухина, И.И., Смирнова, А.В.* Логистический подход к управлению транспортными потоками в системе распределения // Наука Красноярья. — 2021. — Т. 10. — № 2-2. — С. 49–65.
4. *Черноносова, Н.В., Рамазанова, А.* Логистика железнодорожных контейнерных перевозок Республики Казахстан по направлению Китай — Европа // Транспорте: наука, техника, управление. — 2019. — № 9. — С. 79–82.
5. *Smirnova A., Izyumova N.* Modeling and modernization of distribution enterprise. Proceedings of the international conference «Innovation Management, Enterpreneurship and Corporate Sustainability» (IMES 2016). — 2016. — P 242–254. — DOI 10.18267/pr.2016.svo.2153.4

Сазонов С.Л.
к.э.н.,
в.н.с. Института Китая и современной Азии РАН
sazonovch@mail.ru
Ли Фэн
аспирант,
Институт Китая и современной Азии РАН

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ТРАНЗИТА И УКРЕПЛЕНИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Ключевые слова: российско-китайское сотрудничество, евразийский транзит, приграничное сотрудничество, транспортно-логистическая инфраструктура.
Key words: Russian-Chinese cooperation, Eurasian transit, cross-border cooperation, transport and logistics infrastructure.

Введение большого объема санкций со стороны стран Евросоюза и США потребовало побудило Россию и Китай переформатировать весь блок экономического взаимодействия. В первую очередь это коснулось транспортных маршрутов перевозки грузов в рамках как евразийского транзита, так и восточного полигона экспортных поставок. В западном направлении объем железнодорожных грузоперевозок в силу большой взаимозависимости экономик стран ЕС и КНР по-прежнему демонстрирует рост, что определяется безальтернативностью места России как основного и практически единственного ведущего звена континентального маршрута железнодорожных перевозок Китай-Европа-Китай. 10 июля 2024 г. грузовой поезд Китай-Европа отправился со станции Уцзяшань в Ухане (пров. Хубэй) в немецкий город Дуйсбург, ознаменовав важную веху — количество рейсов грузовых поездов Китай-Европа в 2024 г. превысило 10 тыс., преодолев отметку на 19 дней раньше, чем в 2023 г.[1] 15 ноября 2024 г. грузовой поезд отправился из Чунцина в Дуйсбург (Германия)[2], что стало важной вехой сообщения КНР — страны ЕС, общее количество рейсов грузовых поездов по маршруту Китай-Европа превысило 100 тыс. ед. По данным China State Railway Group Co (China Railway/Китайские железные дороги), в 2024 г. грузовые поезда Китай-Европа совершили 19 тыс. рейсов, перевезя 2,07 млн контейнеров с товарами, причем через территорию Казахстана проследовало

[1] China-Europe freight train service witnesses accelerated development. — http://www.china.org.cn/business/2024-07/29/content_117336078.htm.

[2] По данным национального железнодорожного оператора China State Railway Group, 15 ноября 2024 г. поезд X8083, следующий из Чунцина в Дуйсбург (Германия), отправился со станции Туаньцзэцунь в Чунцине, став 100-тысячным грузовым поездом по маршруту Китай-Европа. С 2016 по 2024 гг. ежегодное количество таких поездов увеличилось с 1702 до 19 тыс., увеличившись почти в десять раз (*Luo Wangshu*. China-Europe freight trains reach 100,000. — https://www.chinadaily.com.cn/a/202411/15/WS6736b751a310f1265a1cd95b.html).

1,66 млн контейнеров[3]. В период с 2016 по 2024 г. стоимость перевезенных товаров по железнодорожному маршруту Китай-Европа возросла с 8 млрд долл. до 56,7 млрд долл. в 2023 г. и 58 млрд долл. в 2024 г.[4]. В 2024 г. еженедельно грузовые поезда совершали 7 рейсов из Китая в Европу и 6 рейсов из Европы в Китай, что свидетельствует о том, что в двусторонних потоках объем грузооборота в основном был сбалансирован. Грузовые поезда Китай-Европа, проходящие через территорию России, в настоящее время перевозят более 50 тыс. видов товаров 53 категорий, причем доля высокотехнологичных товаров с высокой добавленной стоимостью и требующих срочной транспортировки, таких как фотоэлектрические модули, электромобили, литий-ионные аккумуляторы, электроника, детали машин, ювелирные изделия, постоянно увеличивается. С целью удовлетворения растущего спроса на перевозки в 2024 г. были введены экспресс-маршруты. Например, из Чэнду был запущен экспресс-маршрут, на котором скорость поездов достигает 120 км/ч, причем они достигают Европы примерно за 10 дней — на пять дней быстрее, чем обычные маршруты. Эта услуга отдает приоритет товарам с высокой стоимостью, таким как литиевые батареи и фотоэлектрическое оборудование. Каждый вагон оборудован электронным замком для отслеживания в режиме реального времени, а китайские и зарубежные железнодорожные бюро по маршруту координируют свои действия для контроля пути следования поезда, чтобы гарантировать пунктуальность. В Китае часть товаров, перевозимых грузовыми поездами Китай-Европа, напрямую доставляются в Национальный товарный терминал Чэнду-Евразия, благодаря чему повысилась эффективность таможенного оформления, скорость транспортировки и стабильность поставок товаров. Устойчивый рост коэффициента возврата грузов в обратных рейсах свидетельствует о позитивном развитии «двустороннего» транспорта, а также отражает улучшение планирования международной торговли Китая[5]. В конце 2024 г. на железнодорожной сети Китая насчитывалось 93 маршрута China-Europe Railway Express, работающих со скоростью 120 км/ч и соединяющих 125 городов КНР. Кроме того, этот ведущий континентальный транзитный железнодорожный маршрут через территорию России достигал 227 города в 25 странах Европы и более 100 городов в 11 странах Азии, охватывая почти весь евразийский континент[6]. В 2024 г. были расширены терминалы на двух железнодорожных КПП между Китаем и Казахстаном, а таможенные процедуры были оптимизированы, что сократило время остановки поездов до шести-восьми часов.

Железнодорожное сообщение не просто расширяется, а становится более устойчивым и экологичным. Сегодня поездам требуется около 10 дней, чтобы преодолеть 9908 км от Сианя (пров. Шэньси) до Дуйсбурга (Германия), что на два дня меньше, чем в 2023 г. Средние выбросы углекислого газа во время этого рейса в 15 раз меньше, чем при авиаперелетах, и в 10 раз меньше, чем при перевозке автомобильным транспортом, что делает его более устойчивым и безопасным вариантом для мировой торговли[7].

В 2024 г. через Экономический круг Чэнду-Чунцин по 52 международным маршрутам транзитных поездов проследовали 36 тыс. грузовых поездов Китай-Европа.[8] Согласно заявлению представителя Главного таможенного управления КНР Чжао Цзэнляня, в 2023 г. общее время, необходимое для таможенного оформления импортных и экспортных товаров, составило 32,02 часа и 1,03 часа соответственно, что на 67,1% и 91,6% меньше, чем в 2017 г.[9].

---

[3] China and Central Asia enter a new era of cooperation. — http://www.chinadaily.com.cn/a/202201/28/WS61f38acea310cdd39bc83ea3.html.

[4] China-Europe freight train service hits 100,000 trips. — http://en.people.cn/n3/2024/1115/c90000-20242422.html.

[5] *Zhang Yiyi*. China-Europe freight train trips hit 100,000, boosting cross-border connectivity and efficiency. — http://en.people.cn/n3/2024/1115/c90000-20242447.html.

[6] China-Europe freight train service hits 100,000 trips. — http://en.people.cn/n3/2024/1115/c90000-20242422.html.

[7] Reconsidering Eurasia connectivity and trade. As maritime trade is threatened by ever-increasing tensions, more countries are realizing the need to develop a railway trade route linking China and Europe. — https://www.chinadaily.com.cn/a/202404/29/WS66500499a31082fc043c8ee7.html.

[8] Chengdu, Chongqing together handle over 36,000 China-Europe freight train trips. — http://en.people.cn/n3/2024/1114/c90000-20241997.html.

[9] Chinese customs offices see substantial results in facilitating cross-border trade. — http://www.china.org.cn/business/2023-03/01/content_85134525.htm.

Следует отметить, что по признанию главы Китайской федерации логистики и закупок Кан Шучуня «использование грузовых поездов Китай-Европа является вариантом, но они ходят реже, чем морские контейнеровозы, и при этом себестоимость транспортировки грузов железнодорожным транспортом подразумевают более высокие затраты по сравнению с судами. Поэтому на долю евразийских железнодорожных перевозок приходится менее 7% объема морских перевозок товаров в направлении Китай-Европа, и очень сложно увеличить эту цифру хотя бы на один процентный пункт»[10]. В условиях глобального потепления коммерческая ценность арктического морского маршрута также оказывается в центре внимания — важной области, где Китай и Россия имеют огромный потенциал и должны укреплять сотрудничество. Согласно признанию китайских специалистов, «Ледяной Шелковый путь» способен сократить время транспортировки грузов между Европой и Восточной Азией на 8–15 дней по сравнению с южным морским путем через Красное море и Суэцкий канал[11]. Хотя арктический морской маршрут, евразийский железнодорожный грузовой маршрут Китай-Европа и другие мероприятия, направленные на улучшение транспортного сообщения, требуют значительных объемов инвестиций, преимущества диверсификации торговых маршрутов нельзя недооценивать[12].

В восточном направлении, в связи с напряженной работой морских портов РФ, Китай оказывает существенную помощь РФ, значительно увеличив объемы транзита через дальневосточные пункты пропуска и постепенно интегрируя российские транспортные сети в сухопутно-морской транзитный коридор через Западный Китай в страны ЮВА. Динамично развивается сотрудничество двух стран в транспортировке углеводородов, причем уже Россия оказывала помощь КНР, создавая новые маршруты перевозки нефти и газа, а также предоставляя значительные скидки при импорте Китаем углеводородов.

С целью укрепления экономической и торговой интеграции между Китаем и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), а также развития таможенного сотрудничества 4 февраля 2022 г. РФ и КНР подписали Соглашение о взаимном признании уполномоченных экономических операторов (УЭО). В соответствии с соглашением об УЭО, товары, напрямую импортируемые и экспортируемые предприятиями УЭО из любой из двух стран, имеют право на упрощенные таможенные процедуры — такой формат таможенного сотрудничества придаст дополнительный импульс углублению торгово-экономических связей России и Китая[13]. По словам китайских экспертов, движимые расширением потенциала сотрудничества, Китай и Россия развивают сотрудничество во всей производственной цепочке, включая транспорт. Они отмечают, что «Россия сталкивается с сужением рынка в западном направлении, поэтому у Китая и России существует огромное пространство для развития интеграции в области инфраструктуры, включая дальнейшее увеличение пропускной способности маршрута грузового транзита Китай-Европа»[14].

Основное сотрудничество сосредоточено в приграничных районах — например, между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян, в то время как центральные регионы России и южные территории Китая слабо вовлечены во взаимодействие[15].

---

[10] *Yin Yeping.* As Red Sea tensions linger, companies navigation rising ship rates, turning to China-Europe freight train as alternative. — https://www.globaltimes.cn/page/202401/1304937.shtml.

[11] China-Europe freight train guarantor of global supply chain stability. — http://www.china.org.cn/opinion/2024-01/24/content_116961638.htm.

[12] *Hu Weijia.* Importance of diversified Eurasian trade routes puts spotlight on BRI. — https://www.globaltimes.cn/page/202312/1304101.shtml.

[13] Liuzhou-Moscow freight train departs after signing of China-Russia AEO. — https://www.globaltimes.cn/page/202202/1253017.shtml.

[14] China, Russia sign new trade agreement on energy and food, expected to further unleash potential. — https://www.globaltimes.cn/page/202206/1268392.shtml.

[15] С 2018 г. в общей сложности 2 тыс. поездов, следовавших по маршрутам международных железнодорожных грузоперевозок Китай-Европа, прошло через погранпереход Гродеково (РФ) — Суйфэньхэ в провинции Хэйлунцзян, причем за последние пять лет ежемесячное количество грузовых поездов Китай-Европа, проходящих через КПП Суйфэньхэ-Гродеково, в среднем увеличилось с 2 до примерно 70 ед. (Northeast China port sees 2,000 China-Europe freight train trips. — http://en.people.cn/n3/2024/0329/c90000-10229125.html). В начале 2023 г. значительно возрос объем грузовых железнодорожных и автомобильных перевозок через КПП Маньчжоули-Забайкальск, который к 15 мар-

Это требует дополнительного развития транзитной и распределительной логистики[16].

Значительную выгоду Россия может получить от реализации разработанных в 1990-е гг. дальневосточными учеными проекта «Приморье-2», который через железнодорожный КПП Махалино-Хуньчунь и автомобильный КПП Краскино-Хуньчунь позволяет вывезти товары и грузы из провинции Цзилинь через южные порты Приморского края — Зарубино, Славянка, Посьет. Сегодня ежегодный объем товарооборота Северо-Восточного Китая (СВК, площадь 1,5 млн кв. км, а численность населения составляет около 130 млн человек) со странами ЮВА превышает 150 млн т грузов ежегодно при тенденции его дальнейшего роста, а объем транзита через территорию Приморского края сегодня составляет менее 1%. Однако экспортный поток северо-восточных провинций КНР (из которых, только провинция Ляонин имеет выход к морю через свои порты — Далянь, Инкоу, Цзиньчжоу, Паньцзинь, Байюйцюань, Сяньжэньдао) осуществляется в основном через крайне загруженную железнодорожную магистраль Харбин–Чанчунь–Шэньян–Далянь протяженностью свыше 800 км (что значительно увеличивает себестоимость перевозимой продукции) с последующей отправкой экспортных грузов через порт Далянь или еще более отдаленный порт Тяньцзинь (расстояние более 1,1 тыс. км), которые в свою очередь с трудом обрабатывают поступающий объем товаров и грузов, произведенных в СВК. Транспортировка грузов из провинции Цзилинь через территорию Приморского края позволяет кратно снижать себестоимость товаров, поскольку от г. Хуньчунь, расположенного в нескольких десятках км от российско-китайской границы, до порта Зарубино расстояние транспортировки сокращается до 75 км (время транспортировки уменьшается на 5 дней), до порта Посьета — 42 км, до порта Славянки — 200 км. Приграничный г. Хуньчунь планировал построить международный сухой порт, который мог бы выполнять роль регионального логистического узла по хранению и отправке товаров и контейнеров. Расположенный на стыке границ Китая, России и КНДР г. Хуньчунь окружен более чем 10 российскими и северокорейскими сухими портами в радиусе 200 кв км. Как итог, перевозка основной номенклатуры сельскохозяйственных и промышленных товаров провинций СВК, автономного района Внутренняя Монголия в центральные и южные регионы КНР по железным дорогам представляет собой серьезную проблему, вследствие наличия больших объемов грузов, предъявляемых к транспортировке по железным дорогам другими провинциями Китая. Все это привело к тому, что в 2023 г. из-за лимитирующих ограничений железнодорожной сети КНР провинции СВК не смогли обеспечить вывоз более 40 млн т грузов[17].

В начале 2023 г. контейнеровоз, груженный автошинами, механическими комплектующими, предметами повседневного обихода и косметическими средствами, отправился из порта Циндао в порт Владивосток, ознаменовав открытие новой контейнерной экспресслинии. Отгруженная партия товара насчитывала 346 контейнеров стоимостью около 13 млн долл., а благодаря этому способу транспортировки пропускная способность была увеличена

та 2023 г. обработал 924 грузовых поезда Китай-Европа, в которых было перевезено 97828 двадцатифутовых контейнеров, что стало на 8,2% и 19,8% больше, по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. (China's largest land port witnesses steady growth of passenger traffic. — http://en.people.cn/n3/2023/0323/c90000-10226517.html). За этот период через КПП автомобильным транспортом было перевезено более 200 тыс. т грузов, что на 249,4% больше по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. Пункт пропуска КПП Махалино-Хуньчунь связан с уникальным незамерзающим портом Зарубино, имеющим удачное расположение в бухте Троица, круглогодичный судозаход и возможности для развития и практически полностью незагруженные мощности. Если бы российская сторона согласилась с предложением китайских инвесторов, которые намеревались построить новый суперсовременный контейнерный терминал в порту Зарубино, заранее прозванный «вторым Пусаном», то ежегодно порт после переоборудования и реконструкции смог бы обрабатывать 200 тыс. контейнеров, или 40 млн т грузов, значительно снизив нагрузку в российских дальневосточных портах. Руководство провинции Цзилинь не раз подчеркивало, что в случае повышения пропускной способности железнодорожного перехода Махалино–Хуньчунь и соседних портов Славянка и Посьет взаимную выгоду от транзитных грузовых потоков будут иметь не только КНР и РФ, но и все страны ЮВА.

[16] В начале 2023 г. были открыты крупные автомобильные КПП на китайско-российской границе. 3 января 2023 г. был открыт КПП Хэйхэ-Благовещенск, 8 января 2023 г. после трёх лет приостановки для пассажиров были вновь открыты КПП Суйфэньхэ-Гродеково, Маньчжоули (АРВМ) — Забайкальск (Забайкальский край), который был закрыт с апреля 2020 г. из-за волны вспышек пандемии COVID-19.

[17] Milestone for Russia's Zarubino Port as ship with 10,000 tons of corn leaves for China. — https://www.globaltimes.cn/page/202302/1284926.shtml.

более чем в 3 раза, а время транспортировки сократилось вдвое — груз прибыл в пункт назначения через 4 дня, а затем товары отправились по Транссибирской магистрали в другие города России без логистической задержки. Открытие новых регулярных железнодорожных сервисов благоприятно влияет на развитие российских и китайских транспортно-логистических центров (ТЛЦ). В 2022 г. были открыты новые маршруты в РФ через КПП Забайкальск-Маньчжоули: Хунчунь-ТЛЦ «Белый Раст», Шанхай-ТЛЦ «Белый Раст», Сучжоу-ТЛЦ «Электроугли» (Московская обл.), Ганьчжоу-ТЛЦ «Электроугли» и Сиань-ТЛЦ «Ворсино» (Калужская обл.), Сиань-Селятино (Московская обл.). Согласно сообщению China Railway Express (Shenyang) Hub Construction and Operation Co., в конце 2023 г. новый центр консолидации грузов для поездов Китай-Европа был введен в эксплуатацию в Шэньяне (административном центре пров. Ляонин на северо-востоке Китая), и первый поезд с 55 контейнерами был отправлен с логистического терминала Пухэ в Шэньяне через пограничный переход Забайкальск-Маньчжоули на ТЛЦ «Безымянка» Куйбышевской железной дороги в Самаре, находящийся под управлением «РЖД Бизнес Актив» для дальнейшей транспортировки грузов по всей России. В Шэньян грузы будут доставляться автомобильным и железнодорожным транспортом из китайских портов Нинбо-Чжоушань, Гуанчжоу, Тяньцзинь, Циндао, Далянь и Инкоу. Грузовой хаб с ежегодной пропускной способностью 1 тыс. грузовых поездов Китай-Европа занимает общую площадь 92 тыс. кв. м, что позволит осуществлять хранение 3,5 тыс. контейнеров. Создание этого центра позволяет заложить прочную основу для создания мультимодального международного логистического узла для железнодорожных перевозок в РФ[18]. С целью оптимизации использования инфраструктуры, сокращения порожнего пробега платформ и контейнеров, российский контейнерный оператор компания «РЖД Бизнес Актив» совместно с дочерней компанией FELB в Китае прорабатывают загрузку сервиса в обратном (экспортном) направлении. В компании отмечают, что открытие дополнительного постоянного маршрута для сухопутной доставки грузов из Китая в Россию позволит разгрузить порты Дальнего Востока, через которые сегодня идёт основной поток импортных грузов. Таможни в городах Чунцин, Куньмин (пров. Юньнань), Маньчжоули (Автономный район Внутренняя Монголия/АРВМ) и Забайкальск (Россия) укрепили сотрудничество и координацию. Для грузов, отправленных из Москвы в Китай через КПП Маньчжоули-Забайкальск, а затем отправленных из Китая в г. Маптапхут (Таиланд), через китайский КПП Мохань, время транзитной доставки составляет всего 15 дней, что на 20 дней быстрее, чем при традиционных морских перевозках[19]. 2 декабря 2023 г. первый грузовой поезд с российскими товарами проехал через железнодорожную станцию Мохань, расположенную приграничном уезде Мэнгла (пров. Юньнань) и через КПП Мохань-Ботен направился в Лаос, став еще одной важной вехой в развитии эффективных железнодорожных грузовых перевозок, соединяющих Европу и АСЕАН через Россию и Китай. Грузовой состав перевозил 32 контейнера с минеральной рудой из России, направляясь на Южный вокзал Вьентьян в Лаосе, где груз был перегружен на железнодорожный поезд (с метровой колеей) и отправлен на конечный пункт назначения в Бангкок (Таиланд). Общее время в пути этого состава составило 22 дня, сократив время доставки примерно на 20 дней по сравнению с традиционными морскими перевозками. В июле 2023 г. грузовой состав из Чунцина совершил первый пилотный рейс в Москву, причем время доставки грузов, произведенных в Китае и странах АСЕАН, сократилось до 18 дней (по сравнению с 35 днями при морских перевозках), а для грузов, отправленных в 2024 г. из Москвы в Таиланд (через Китай) по Паназиатской железной дороге составило всего 15 дней, что на 20 дней быстрее, чем при традиционных морских перевозках[20]. Следует отметить, что это были пилотные грузовые отправления и соответствующим российским и китайским железнодорожным ведомствам следует увеличивать объемы грузоперевозок по этим двум континентальным маршрутам.

[18] Cargo hub for China-Europe freight trains inaugurated in China's Shenyang. — http://en.people.cn/n3/2023/0305/c90000-10216430.html.

[19] *Jian Feng, Zhang Yunhe, Song Haoxin, Zhang Danhua*. New International Land-Sea Trade Corridor achieves rapid development. — http://en.people.cn/n3/2024/0408/c90000-20154261.html.

[20] *Zhong Nan.* Expanding supply chains the Chinese way. — https://www.chinadaily.com.cn/a/202404/01/WS660a087ea31082fc043bfaf0.html.

15 ноября 2022 г. по трансграничному мосту Нижнеленинское-Тунцзян (ЕАО-пров. Хэйлунцзян) в рамках тестового прогона проехал первый локомотив, ознаменовавший открытие первого российско-китайского железнодорожного сообщения через реку Амур (Хэйлунцзян). Первый в истории железнодорожный мостовой переход через реку Амур протяженностью 2209 м (российская часть — 309 м) является одним из крупнейших трансграничных проектов для России и Китая и значимым инфраструктурным проектом, который позволит обеспечить надежный и предсказуемый график движения грузов, сырья и энергоресурсов, а также в 1,5 раза увеличить пропускную способность железнодорожных маршрутов между РФ и КНР[21]. К концу 2024 г. рядом с мостом будет построен транспортно-логистический центр «Гарант» и будет создан перевалочный железнодорожный комплекс для нефтеналивных грузов, который будет обслуживать составы, перевозящие СПГ, нефть, нефтепродукты и продукты нефтехимии.

В ответ на высокий рыночный спрос на евразийские транзитные грузовые перевозки, 20 февраля 2023 г. из бондовой зоны Синьчжэн г. Чжэнчжоу (пров. Хэнань) в Москву через КПП Маньчжоули-Забайкальск был открыт первый транспортный международный автомобильный маршрут МДМ (Международные дорожные перевозки/Transport Internationaux Routier/TIR) протяженностью 9,8 тыс. км, который стал дополнением к грузовому железнодорожному маршруту Китай-Европа, уже работающему на полную мощность в условиях роста транзитных грузовых потоков. Перевозка в опломбированных таможней кузовах или контейнерах с упрощением таможенных процедур позволяет снизить стоимость и сократить время транспортировки примерно на 30%. Теперь, чтобы добраться до Москвы и Европы, грузовику требуется около 8 дней и 12 дней соответственно по сравнению с примерно с 11 и 16 днями для аналогичного железнодорожного маршрута, причем, учитывая высокий спрос на грузовые перевозки по маршруту Китай-Европа, новая услуга может быть забронирована быстрее[22].

В своем послании Федеральному собранию Президент РФ России В. Путин подчеркнул, что «Россия будет расширять перспективные внешнеэкономические связи, а также выстраивать новые логистические коридоры. Уже принято решение продлить скоростную автомагистраль «Москва-Казань» до Екатеринбурга, Челябинска и Тюмени, а в перспективе — до Иркутска и Владивостока, с выходом в Казахстан, Монголию и Китай, что в том числе существенно расширит наши экономические связи с рынками стран ЮВА».

[21] *Yin Yeping.* Passage across Heilongjiang River opens, to propel China-Russia trade. — https://www.globaltimes.cn/page/202301/1283130.shtml.

[22] *Yin Yeping.* First cross-border road freight line between Henan and Moscow launches in response to closer trade ties. — https://www.globaltimes.cn/page/202302/1285867.shtml.

Семенова Н.К.[1]
к.полит.н.,
в.н.с. Института Китая и современной Азии РАН;
с.н.с. Отдела экономических исследований Института востоковедения РАН
semenovanelli-2011@mail.ru

МНОГОУРОВНЕВАЯ АРХИТЕКТУРА МЕЖДУНАРОДНОГО ТРАНСПОРТНОГО КОРИДОРА «СЕВЕР-ЮГ»: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ КЛЮЧЕВЫХ АКТОРОВ

Ключевые слова: «Север-Юг», инфраструктурные проекты, мультимодальные перевозки, евразийская транспортная интеграция, геополитические интересы, региональное сотрудничество.

Key words: «North–South», infrastructure projects, multimodal transportation, Eurasian transport integration, geopolitical interests, regional cooperation.

В современной мировой экономике, отличающейся возрастающей взаимозависимостью стран, ключевые роли отводятся транспортным коридорам, способствующим развитию международной торговли и экономической интеграции. Одним из наиболее значимых транспортных путей является Международный транспортный коридор (МТК) «Север — Юг», призванный связать Балтику, Каспийское море и Индийский океан посредством транзитных потоков через территории государств Центральной Азии, Закавказья, Ближнего Востока и Южной Азии.

Начиная с 2022 г. существенно активизировались изменения в географии внешнеэкономической деятельности[2] Российской Федерации (РФ), формирующей около половины доходов федерального бюджета. Наблюдалось стремительное расширение торговых связей с Республикой Индия и Турецкой Республикой, а также перспективы углубления сотрудничества с Исламской Республикой Иран. Это вызвало потребность в поиске новых путей доставки товаров вследствие ограничений пропускной способности железнодорожных магистралей и портов Дальнего Востока и Азово-Черноморского региона. Маршрут «Север — Юг» становится важнейшим элементом выстраивания современной национальной логистической инфраструктуры.

Присоединяясь к проекту «Север-Юг» каждая страна-участница руководствуется собственными экономическими интересами, ставит перед собой конкретные стратегические цели и решает уникальные задачи для достижения желаемого результата[3].

Страны, участвующие в транспортном коридоре «Север — Юг», можно условно разделить на три группы согласно их значимости, влиянию на реализацию проекта, экономическим ресурсам, географическому положению, уровню развития инфраструктуры и готовности активно содействовать реализации инициативы.

Первую группу составляют ключевые участники, получающие наибольшие выгоды от реализации проекта — Россия, Иран и Индия. Эти государства играют ведущую роль благодаря наличию значительных ресурсов и развитой транспортной инфраструктуры.

Вторая группа включает государства-транзитеры (Азербайджан, страны Центральной Азии), выполняющие роль текущих либо потенциальных мостов между Россией и Ираном.

Третью категорию составляют страны с перспективой будущего участия — Белоруссия,

---

[1] Область научных интересов: Китай, интеграция в рамках ШОС, ЕАЭС и БРИКС, Центральная Азия, политические аспекты энергетического и транспортного сотрудничества, экономика, энергетика и транспорт Китая.

[2] *Елкина, О.С.* Прогнозы и сценарии изменения географии экспорта и импорта промышленных предприятий Санкт-Петербурга под воздействием деглобализации и санкций // Теоретическая экономика. — 2025. — № 3. — С. 96–110. — DOI: 10.52957/2221-3260-2025-3-96-110.

[3] В рамках данного исследования по объективным причинам не рассматриваются некоторые страны, ранее подключившиеся к проекту, включая Украину, Болгарию (которая является наблюдателем) и Сирию (*прим. авт.*).

Грузия, Армения, Турция, Китай, Оман и Объединённые Арабские Эмираты. Хотя сегодня уровень вовлеченности этих стран невелик, они играют важную роль для реализации проекта и способны существенно усилить своё присутствие впоследствии.

Страны, играющие ключевую роль в проекте МТКСЮ — Россия, Иран и Индия, являются основными структурообразующими элементами, формирующими геополитическое направление и развитие всей инициативы. Каждая из этих стран обладает уникальными преимуществами, такими как высокий уровень ресурсной самостоятельности, контроль над важнейшими транспортными магистралями, наличие современной международной портовой инфраструктуры (такие порты, как Астрахань, иранский Бендер-Аббас, индийский Мумбаи) и значительное институциональное влияние. Именно эти ключевые участники определяют общий организационный каркас транспортной системы коридора «Север-Юг», обеспечивая её высокую конкурентоспособность на мировом рынке логистических услуг. Суммарный транспортно-логистический потенциал трёх указанных государств может составлять более 75% от общей пропускной способности всего маршрута[4].

Россия имеет обширную инфраструктуру транспортных путей, включающую железнодорожные сети и морские порты на берегах Балтики и Каспия, и является ключевым участником транзита товаров через свою территорию. Начиная с 2014 г., а особенно резко после 2022 г., Россия столкнулась с многочисленными ограничениями и санкционными мерами западных стран, вынудившими её уйти с привычного европейского рынка сбыта и активизировать процесс переориентации экономики на восточные рынки. Расширение сферы деятельности НАТО привело к сужению возможностей кроссграничных перевозок РФ, а введённый Западом запрет на перевозку российских энергоносителей усугубил ситуацию в энергетическом секторе страны[5].

Перед Россией встала необходимость поиска альтернативных наземных маршрутов транспортировки своей продукции, находящейся под санкционным давлением, в государства, поддерживающие сотрудничество с Москвой. МТК Север-Юг, в этом контексте, играет важную роль для РФ, поскольку позволяет преодолеть препятствия и создать новые логистические направления для бесперебойного экспорта, в т.ч. энергоресурсов.

Данный проект играет ключевую роль в экономическом росте и социальном развитии Ирана. Стремление обеспечить независимость как политическую, так и экономическую реализуется через активное взаимодействие с ключевыми партнёрами, включая Россию, Китай, Индию, государства Персидского Залива и прочие быстроразвивающиеся экономики. Таким образом, успех реализации транспортного коридора демонстрирует эффективность выбранной стратегии и способность противостоять влиянию коллективного Запада, что важно для каждого участника инициативы. Достигнув запланированных мощностей, Иран сможет стать значимым транспортным узлом на пути перевозок между Европой и Азией[6]. Однако до этого Иран должен решить ряд проблем, касающихся модернизации собственной инфраструктуры транспорта, чтобы полноценно включиться в работу международного транспортного коридора. Для успешного выполнения поставленных задач потребуется согласование национальных интересов и целей всех сторон-участников проекта.

Ключевое препятствие на западном направлении коридора Север-Юг заключается в строительстве важнейшего железнодорожного отрезка Решт-Астара, проходящего по территории иранской провинции Гилян. Реализация данного проекта осложняется множеством взаимозависимых проблем. Помимо сложных природных условий региона (гористый ландшафт, повышенная влажность, многочисленные водные препятствия)[7], тормозящими факторами

---

[4] The World Bank Group Annual Report 2025 // World Bank. — https://www.worldbank.org/en/about/annual-report.

[5] 俄罗斯欲借力南北运输走廊“破局”.中国经济网, 2024.06.06 [Россия стремится использовать транспортный коридор «Север-Юг», чтобы «выйти из тупика» // China Economic Net. — 06.06.2024]. — https://finance.sina.cn/2024-06-06/detail-inaxuysw4849117.d.html (кит. яз).

[6] *Перская В.В., Аржаев Ф.И., Ван Я.* Системная оценка транскаспийского маршрута международного транспортного коридора «Север — Юг» на основе динамической стандартной модели // Российский журнал региональных исследований. — 2024. — № 32 (2). — С. 308–325. — DOI: 10.15507/2413-1407.127.032.202402.308-325.

[7] *Vali Kaleji.* Iran–Russia railway pact sets keystone in North–South Corridor // The Cradle. — 2025. — November, 7. — https://thecradle.co/articles-id/34168#:~:text=Despite%20the%20celebratory%20optics%2C%20the,has%20been%20another%20sticking%20point.

являются внутренние противоречия[8], социальные протесты, территориальные конфликты, экологические риски (возможное нарушение экосистемы Каспийского моря, уничтожение реликтовых лесов и сельскохозяйственных угодий)[9] и культурные ценности, представляющие собой уникальное наследие Ирана. Вопросы финансирования и технической осуществимости проекта оказываются второстепенными перед лицом указанных препятствий.

Вероятно, дальнейший прогресс западного направления МТК Север-Юг потребует поиска альтернативных маршрутов взамен трассы Решт-Астара. Среди возможных вариантов стоит рассмотреть обход через Ардебиль (Иран), организацию паромной переправы через Каспийское море посредством понтонажных технологий[10] или подвижных железнодорожных платформ, а также создание прибрежной эстакады вдоль каспийского побережья аналогично проекту Китайского моста Гонконг-Чжухай-Макао (China's HZMB[11]) и др.

Индия, как одна из ключевых стран-участниц, сталкивается с выраженной дилеммой в развитии транспортного коридора через Иран[12]. С одной стороны, она стремится повысить свою экономическую конкурентоспособность, улучшить торговые связи и укрепить геополитические позиции посредством транспортной диверсификации, позволяющий обойти территорию Пакистана. С другой — американские вторичные санкции (CAATSA)[13] создают существенные риски для индийских инвестиций. Показательным примером стала заморозка части финансирования развития портовой инфраструктуры Чабахара (Иран) в 2018–2022 гг., когда индийские компании под давлением санкционного режима были вынуждены свернуть ряд проектов.

Конкуренция транспортных инициатив Индии создает эффект «распыления» ресурсов и дипломатических усилий, снижая приоритетность маршрута Север-Юг[14]. Сосредоточенность Нью-Дели «на развитии собственной логистики товарных потоков, преимущественно направленных на транзит через Афганистан и далее в Узбекистан, и шире — Центральную Азию»[15] совмещается с инициативой транспортного коридора Индия — Ближний Восток — Европа (IMEC)[16] (который может составить конкуренцию китайской инициативе Пояса и пути) и Восточной морской инициативой с Японией и Австралией (Indo-Pacific Maritime Initiative, IPMI)[17]. МТК «Север — Юг» представляет собой классический case study индийской много-

---

8 Amid vanpani bah sakht rah ahan rasht astara/ mojezeh i dar tezanzit keshor etefagh nemi aftad (تخاس هب یهاو دیما تفا یمن قافتا روشک تیزنازت رد یا هزجعم /اراتسآ تشر نهآ هار) [Ложная надежда на строительство железной дороги Решт-Астара. Чуда в транзитной сфере страны не произойдет] // TinNews. — 11.08.2024. — https://www.tinn.ir/ شخب-تیزنازت-18/308205-دیما-یهاو-هب-تخاس-نهآ-هار-تشر-اراتسآ-هزجعم-یا-رد-تیزنازت-روشک-قافتا-یمن-دتفا (фарси).

9 Eteraz keshavarzan bah tamalak ve taghir karbari zamin cpeha dar mosir prozheh rah ahan rasht astara (ضارتعا اراتسآ تشر نهآ هار هژورپ ریسم رد اه نیمز یربراک ریغت و کلمت هب نازرواشک) [Фермеры протестуют против изъятия и изменения назначения земель вдоль маршрута железной дороги Решт-Астара] // TinNews. — 12.03.2025. — https://www.tinn.ir/ شخب-تیزنازت-18/273418-ضارتعا-نازرواشک-هب-تملک-تغییر-یربراک-نیمز-اه-رد-ریسم-پرژوه-هار-نهآ-ارات-تشر (фарси).

10 *Chao Wang, Minghao Cui, Zhengshun, Torgeir Moan*. A review on design and analysis of floating bridges: Numerical simulations, model tests and field measurements // Ocean Engineering. — 2024, 15 August. — Vol. 306. — DOI: 10.1016/j.oceaneng.2024.118065.

11 Hong Kong — Zhuhai — Macao Bridge (HZMB). Hong Kong Section // Transport and logistics Bureau. — 2025. — https://www.hzmb.gov.hk/en/project.html/.

12 *Tourangbam M.* India-Iran Relations amidst Strategic Constraints // Indian Foreign Affairs Journal. — 2018. — No 13 (3). — P. 183–194.

13 Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (CAATSA) // ЦМП. — https://european-court-help.ru/sankcionny-e-zakony-ssha-countering-america-s-adversaries-through-sanctions-act-caatsa-zakon-o-protivodejstvii-protivnikam-ameriki-cherez-sankcii-ot-2017-goda/.

14 *Zakharov A.* The International North-South Transport Corridor: The Prospects and Challenges for Connectivity between Russia and India // MGIMO Review of International Relations. — 2023. — No 16 (2). — P. 216–234. — DOI: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-216-234.

15 *Лунев С., Юртаев В.* Перспективы установления партнерских отношений между Индией и Ираном // Международные процессы. — 2021. — № 19 (2). — С. 121–137. — DOI: 10.17994/IT.2021.19.2.65.3.

16 How the India-Middle East-Europe Economic Corridor could reshape world politics // Firstpost. — 2025. — March 19. — https://www.firstpost.com/explainers/india-middle-east-europe-economic-corridor-reshape-world-politics-india-13872448.html.

17 IPOI Indo-Pacific Oceans Initiative // Indian Council of World Affairs. — 2022. — https://www.icwa.in/pdfs/IndoPacificOceansInitiative.pdf.

векторной политики, где сталкиваются геоэкономические выгоды (доступ к евразийским рынкам, снижение логистических издержек) и геополитические издержки (риски санкций, конкуренция с Китаем). Перспективы проекта для Индии тесно связаны с общей динамикой индийско-западных отношений и эволюцией ситуации в Большой Центральной Азии[18].

Страны, выполняющие транзитные функции в рамках МТК «Север — Юг» (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан и Туркменистан), играют существенную, хотя и структурно подчиненную роль в реализации данного транспортного проекта. Их вклад, несмотря на вторичный характер по сравнению с ключевыми акторами коридора, приобретает стратегическое значение в контексте обеспечения бесперебойности грузопотоков. Эффективность транзитных операций детерминирована комплексом взаимосвязанных факторов — инфраструктурная готовность, институциональная среда и степень гармонизации национального законодательства с международными транспортными конвенциями, макроэкономическая стабильность, инвестиционный климат, уровень интеграции в региональные производственные цепочки и фактор безопасности — защиты транспортных коммуникаций.

Именно транзитные государства зачастую становятся «узкими местами» в международных транспортных системах[19]. Их институциональная и инфраструктурная неготовность может нивелировать конкурентные преимущества ключевых игроков коридора. В этом контексте особую актуальность приобретает разработка механизмов многоуровневой координации, предусматривающих: создание единых стандартов транспортного обслуживания, гармонизацию таможенных процедур, внедрение цифровых платформ управления грузопотоками, развитие механизмов страхования транзитных рисков, существенных институциональных преобразований и инфраструктурных инвестиций.

Для Азербайджана МТК «Север — Юг» является стратегически важным проектом, который открывает новые возможности для экономического роста и укрепления позиций страны на международной арене. Азербайджан занимает ключевое географическое положение на пересечении торговых путей и осуществляет политику «избирательного участия в региональных проектах по развитию торговли и транзита», присутствуя в многочисленных транспортно–транзитных и других проектах, альтернативных коридору Север-Юг. Стремление занять, сохранить и использовать ключевую роль в транзитных маршрутах «Восток — Запад» и «Север — Юг» позволяет Азербайджану «оставаться равноудалённым от конкретных интеграционных проектов и экономических блоков» и сохранять стратегическую автономию в условиях ухудшающихся отношений между Россией и Западом[20]. При этом Азербайджан имеет определенные возможности оказывать давление на Тегеран и Москву, которые зависят от Баку в плане транзита.

Каждая из стран Центральной Азии (ЦА) фокусируется в первую очередь на своих приоритетах, несмотря на общие цели — улучшение транспортной связности и экономический рост. Казахстан признает порт Актау (Казахстан) ключевым узлом на Каспии. Узбекистан заинтересован в расширении экспорта (текстиль, сельхозпродукция, энергоресурсы), модернизации транспортной сети, рассматривая ее как часть стратегии экономического роста, и стремится стать ключевым транзитным узлом в ЦА. Таджикистан заинтересован в преодолении инфраструктурной изоляции из-за горного рельефа. Киргизия нацелена на углубление региональных связей с соседними государствами[21].

Узбекистан, Киргизия и Таджикистан не имеют выхода к морю и стремятся к повышению своей транспортной доступности, развитию транзитного потенциала для роста экономики и создания рабочих мест. Эти страны рассматривают участие в МТК «Север — Юг» как

---

[18] *Joshi N.* India's Engagement with Central Asian Republics: An Appraisal // Indian Foreign Affairs Journal. — 2017. — No 12 (2). — P. 133–146.

[19] Middle Trade and Transport Corridor: Policies and Investments to Triple Freight Volumes and Halve Travel Time by 2030" / World Bank. — Washington, DC, 2023. — https://thedocs.worldbank.org/en/doc/6248f697aed4be0f770d319dcaa4ca52-0080062023/original/Middle-Trade-and-Transport-Corridor-World-Bank-FINAL.pdfo

[20] *Косов Г.В., Гукасов А.В.* Международный транспортный коридор «Север — Юг»: переосмысление ландшафта Евразии (кейс Азербайджана) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2019. — № 3 (60). — С. 212–217.

[21] Там же.

важный инструмент развития транспортной инфраструктуры и интеграции в международные торговые сети, увеличения экспортных возможностей (особенно в сельском хозяйстве, энергетике и других ключевых секторах), привлечения иностранных инвестиций для модернизации экономики и улучшения региональной кооперации с соседними странами[22].

Третья группа государств, рассматриваемая в контексте потенциального участия в МТК «Север — Юг», представляет особый научный и практический интерес в силу их стратегического положения и развивающегося транспортно-логистического потенциала. Хотя текущий уровень вовлеченности этих акторов остается ограниченным, их возможное будущее участие способно качественно трансформировать конфигурацию всего транспортного коридора. Эмпирические данные свидетельствуют, что включение даже части этих государств в проект может увеличить его пропускную способность на 35–40% [23].

Ключевым аспектом потенциального вклада Республики Беларусь является ее географически комплементарное положение. Длительное время Белоруссия не выказывала особого интереса к МТКСЮ, но, после введения секторальных санкций против Республики в 2021 г., руководство государства инициировало активные меры по развитию новых торговых направлений в контексте реализации стратегии «восточного маневра». Это привело к переориентации значительной доли экспортных потоков на РФ и КНР. Высокая степень зависимости национальной экономики от внешнеэкономической деятельности требует диверсификации торговых маршрутов[24].

Закавказские государства (Грузия, Армения) с их возможностями альтернативных маршрутов также имеют заинтересованность в МТКСЮ. Но участие Грузии в проекте сочетает экономические перспективы с геополитическими рисками. Страна видит в этом проекте шанс укрепить транзитный потенциал, модернизировать инфраструктуру и усилить позиции в логистике, особенно через диверсификацию маршрутов[25]. Однако возникают вызовы — балансирование между западными партнёрами и сотрудничеством с Ираном и Россией, конкуренция с другими проектами, административные и другие проблемы. Для достижения оптимальных результатов и минимизации потенциальных рисков грузинская сторона должна выработать адаптивную стратегию, способствующую максимальной реализации преимуществ проекта.

Армения рассматривает МТК Север-Юг как стратегический инструмент для преодоления транспортной блокады, усиления экономической интеграции и повышения своей роли в региональной логистике. Однако участие в проекте сопряжено с комплексом геополитических (санкционные риски при углублении сотрудничества с Ираном[26]) и инфраструктурных вызовов (конкуренция с Азербайджаном, Турцией и Грузией за транзитные потоки и др.), требующих взвешенного подхода. Участие Армении в коридоре остается высокорискованным, но стратегически важным. Ереван продолжает маневрировать между геополитическими центрами силы, пытаясь консолидировать ресурсы на критических направлениях (железные дороги, безопасность) в сочетании с гибкой дипломатией для минимизации давления со стороны Баку и Анкары[27].

Турция, контролирующая черноморские проливы и обладающая развитой портовой инфраструктурой, рассматривает коридор как возможность усилить свои позиции в качестве

---

[22] Развитие Международного транспортного коридора «Север — Юг» // Интернет-портал СНГ. — 27.03.2023. — https://e-cis.info/news/566/107838/

[23] Logistics Performance Index (LPI) // Worldbank, — 2025. — https://lpi.worldbank.org/index.php/international/global.

[24] *Приходько А.А.* Проект МТК «Север — Юг» в контексте внешнеэкономических интересов Белоруссии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. — 2024. — № 5. — С. 85–102. — DOI: 10.15211/vestnikieran5202485102.

[25] *Kochladze M.* Will Georgia's North-South Corridor boost trade, or make it dependent on Russia? // Bankwatch Network. — 10.05.2022. — https://bankwatch.org/wp-content/uploads/2022/04/2022-05-10_EBRD-issue-paper_North-South-Corridor-Georgia.pdf.

[26] *Parsyan, S.H., Grigoryan, E.A., Aslanyan, G.S., Simonyan, A.S., Avagyan, G.A.* The North–South Corridor in the South Caucasus: Armenia and the Islamic Republic of Iran // Sustainable Development of Transport. Lecture Notes in Networks and Systems. — Cham: Springer, 2025. — DOI: 10.1007/978-3-031-99028-1_23.

[27] Armenian President Discussed the INSTC with Iranian Vice-President // Special Eurasia. — 06.08.2025. — https://www.specialeurasia.com/2025/08/06/armenia-iran-instc/.

транзитной страны между Европой и Азией. Участие в этом проекте позволит Турции диверсифицировать свои торговые маршруты и укрепить экономические связи с ЦА и Ираном[28]. Кроме того, это соответствует амбициям Анкары по развитию инфраструктуры и логистики, что является частью более широкой стратегии по повышению конкурентоспособности турецкой экономики.

Ключевым аспектом потенциального вклада Китая является его инвестиционный и технологический потенциал. Китай с его инициативой Пояса и пути и опытом реализации масштабных инфраструктурных проектов видит в МТК Север-Юг значительные возможности для расширения своего влияния как в экономическом, так и в геополитическом плане. Участие в этом проекте соответствует стратегическим интересам страны, направленным на создание более интегрированной и взаимосвязанной транспортной сети[29].

Оман и ОАЭ как финансовые центры и владельцы современных портовых терминалов проявляют растущий интерес к участию в коридоре Север — Юг, рассматривая его как инструмент экономической диверсификации и укрепления своих позиций в глобальной логистике[30]. Оба государства обладают значительными финансовыми ресурсами, современной портовой инфраструктурой и опытом международного транзита, что делает их потенциально ценными партнерами для проекта. Оман традиционно выступает посредником в переговорах, а ОАЭ стремятся снизить напряженность с Тегераном для защиты торговых интересов. Однако их вовлеченность требует учета региональной геополитической динамики, включая отношения с Ираном, Индией и западными странами.

Анализ вовлеченности разных стран в проект международного транспортного коридора «Север — Юг» позволил выявить основные моменты текущего положения дел и перспективы развития. Государства-участники разделяются на три группы: ведущие игроки (Россия, Иран и Индия), транзитные территории (Азербайджан и центральноазиатские республики) и потенциальные участники (Белоруссия, Закавказье, Турция, Китай и государства Персидского залива).

Россия активно задействует маршрут для преодоления санкционных ограничений и переориентации потоков товаров на восточное направление. Для Ирана участие важно с точки зрения укрепления статуса ключевого транспортного узла, хотя здесь также остро стоят вопросы инфраструктуры. Индия пытается найти баланс между коммерческими интересами и риском попасть под санкции.

Страны транзита имеют большое значение для обеспечения грузовых перевозок, однако их недостаточная готовность нередко тормозит процесс реализации потенциала маршрута. Потенциальные участники способны повысить пропускную способность примерно на треть, но перед ними встают серьезные геополитические вызовы. Основные препятствия заключаются в ограничениях транспортной инфраструктуры, потребности в согласовании нормативных актов и конкуренции с альтернативными проектами.

---

[28] Wars of strategic corridors: Iran's interests pass through which one? // Nournews? — 10.09.2023. — https://nournews.ir/En/News/152646/Wars-of-strategic-corridors-Iran%E2%80%99s-interests-pass-through-which-one.

[29] 宋鸿兵. 中俄伊联手复兴陆权，打通欧亚南北大动脉！和平 [*Сун Хунбин*. Китай, Россия и Иран объединяют усилия, чтобы возродить сухопутное могущество и открыть главную артерию, соединяющую Евразию с севера на юг! // Чжи Ху, 14.11.2025]. — https://zhuanlan.zhihu.com/p/1972750059440476874

[30] Oman interested in developing North-South corridor — business council chief // Russian News Agency. 16.11.2025. — https://tass.com/economy/2043361; Multimodal Corridors — IMEC, INSTC, and EMC // Chintan Research Foundation. — 2025. — No 15. — https://www.crfindia.org/-/media/Project/ChintanResearchFoundation/Publications%20PDF/New/17%20may/Multimodal%20Corridors%20%20IMEC%20INSTC%20and%20EMC%201.pdf.

Тураев М.О.
главный специалист Института акроэкономических и региональных исследований, г. Ташкент
mturaev53@mail.ru

ФЕРГАНСКАЯ ДОЛИНА: ПРОСТРАНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: экономика, развитие, взаимосвязи, транспортные коридоры, логистика.
Key words: economy, development, interconnections, transport corridors, logistics.

На 80 сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Президент Узбекистана озвучил тезис о дальнейшей трансформации Центральной Азии в пространство мира, добрососедства и партнёрства. В настоящее время задействован процесс формирования Новой Центральной Азии на основе сплоченности, стабильности и растущей региональной идентичности[1].

Территория Ферганской долины разделена между тремя странами Центральной Азии — Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. В связи с высокими показателями рождаемости в Ферганской долине, отмечается значительный естественный прирост населения. Указанное предопределяет необходимость совместного развития промышленности с созданием межгосударственных индустриальных зон, кластеров и технопарков, а также расширение инфраструктуры транспорта и логистики, с дальнейшим улучшением автомобильных и железнодорожных связей между странами региона и с внешними рынками. В силу своего удобного географического расположения, Ферганская долина является естественным связующим мостом между Китаем, странами Центральной и Южной Азии, тем самым играя важную роль в растущей транспортно-логистической системе.

* * *

Изучению и анализу вопросов развития экономики, в том числе транспортно-логистической системы Центральной Азии посвящено значительное количество научных трудов учёных различных стран, в которых рассмотрены сложные взаимосвязи между экономическим развитием, инфраструктурными проектами и интеграционными процессами региона.

Результаты исследований взаимосвязи и взаимозависимого развития стран Центральной Азии и их соседей в данном сегменте экономики широко представлены в научных работах М. Бруннера, Ф. Старра, С. Дженкинс, Д. Смита, К. Уокера, С. Корнелла и других. Проблемы реформ в транспортно-логистической сфере отражены также в научных работах К. Мухтарова, Т. Назарова, Е. Гарбузаровой, О. Абдимуминова, А. Кортунова, Е. Кузьминой, А. Бурнасова, А. Горда, посвященных изучению различных аспектов данного направления деятельности. Существенный вклад в выявление и решение проблем развития транспорта и логистики внесли учёные Узбекистана М. Рахимов, Г. Федяшева, Ф. Хусаинов, Ф. Хамдамова, У. Надырханов и другие.

Современная экономика Центральной Азии характеризуется высокой степенью хозяйственной взаимосвязанности стран региона, в результате чего постепенно исчезают барьеры и ограничения, уступая место новым, более конкурентоспособным процессам.

Успешная деятельность привлекла внимание международного сообщества. Центральная Азия становится важной участницей мирохозяйственных связей, объем её внешней торговли за последние 8 лет вырос более чем в 2 раза, достигнув порядка $253 млрд. Особенно впечатляющими являются показатели внутрирегиональной торговли, которая увеличилась в 4,5 раза (с $2,4 до $11 млрд)[2].

---

[1] *Хамдамова Ф.* Инициативы лидера Узбекистана направлены на поиск решения глобальных и региональных проблем современности. — 2025. — https://www.uwed.uz/ru/news/937.

[2] Пространство возможностей: Ферганская долина как точка роста всего региона. — 2025. — https://nuz.uz/2025/10/13/prostranstvo-vozmozhnostej-ferganskaya-dolina-kak-tochka-rosta-vsego-regiona/.

За последние 5 лет внешняя торговля стран Центральной Азии с Китаем возросла в два раза. Одновременно на 70% расширились соответствующие транзитные потоки. Развитие Евразийского транспортного комплекса является главным драйвером роста транзитных перевозок и формирования транспортного перекрестка. По прогнозам Обсерватории транспортных проектов ЕАБР, до 2035 года в развитие транспортных коридоров в Центральной Азии будет инвестировано порядка 52 млрд долл.[3].

Экономика региона динамично растет на фоне улучшения конкурентной среды, сокращения участия государства в экономике, благоприятной ситуации с трудовыми ресурсами и внешней конъюнктурой, расширения доступности финансирования за счёт притока инвестиций, развития промышленности, строительства транспорта, торговли и услуг.

Сравнительный анализ показывает, что суммарные площади Андижанской, Наманганской и Ферганской областей составляют порядка 84,1% территории всей долины и 4,1% всего Узбекистана. В трех указанных областях проживает 61,8% населения долины и 27,9% населения всего Узбекистана. На узбекской территории Ферганской долины функционирует более 13 тыс. промышленных предприятий, из которых свыше 1,1 тыс. относятся к высокотехнологичному сегменту[4].

Используя механизмы кооперационных связей в целях дальнейшего экономического развития, в регионе активно создаются приграничные торгово-индустриальные зоны. Прорабатываются вопросы создания трехсторонней торговой площадки с организацией постоянно действующей выставки-ярмарки промышленной и сельскохозяйственной продукции. Созданные ранее Узбекско-Кыргызский и Узбекско-Таджикский инвестиционные фонды являются эффективными финансовыми инструментами для содействия реализации крупных инфраструктурных и промышленных проектов в сельском хозяйстве, транспорте, автомобилестроении, электротехники и текстильной отрасли Ферганской долины[5].

Между странами долины активно расширяется автомобильное, авиационное и железнодорожное сообщение. Действуют регулярные автомобильные маршруты, связывающие Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан по направлениям Ташкент — Ош — Иркештам — Кашгар, Кашгар — Иркештам — Ош — Андижан, Коканд — Шайдон, Коканд — Худжанд, Худжанд — Фергана и др.[6].

Дополнительно открыто железнодорожное сообщение через Ферганскую долину по направлению Ташкент — Бишкек — Балыкчи. Регулярно выполняются авиационные рейсы по маршруту Фергана — Сох — Фергана, что способствовало улучшению транспортной связанности территорий Ферганской долины. Важным инфраструктурным фактором стало восстановление железнодорожного маршрута Бекабад — Канибадам, с выходом на Коканд и Баткен. Развитие транспортной инфраструктуры в регионе способствует улучшению экономики трёх стран, открытию перспектив для углубления эффективного сотрудничества, развития транспортной взаимосвязанности и промышленной кооперации[7].

Происходящие всесторонние созидательные процессы сближения создают благоприятные условия для обеспечения устойчивого развития в Ферганской долине, для дальнейшего повышения благосостояния жителей региона. Учитывая ежегодный прирост численности населения, это особенно актуально для одного из самых густонаселенных регионов Центральной Азии. Появляются новые возможности для дальнейшего развития промышленности, транспорта и сервисной инфраструктуры, а также для производства импортозамещающей продукции. Целесообразно осуществление системной реализации комплекса мер, направленных на развитие кооперационной экономики, приграничной торговли, а также транспортных коммуникаций.

---

[3] Транзит через страны Центральной Азии вырос на 70% за пять лет. — 2025. — https://centrasia.org/newsA.php?st=1760516820.

[4] https://www.uzdaily.uz/ru/prostranstvo-vozmozhnostei-ferganskaia-dolina-kak-tochka-rosta-vsego-regiona/.

[5] Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан могут создать совместную торговую площадку. — 2025. — https://www.spot.uz/ru/2025/03/31/ca-borders/.

[6] Кыргызстан и Узбекистан ознакомились с развитием мультимодального транспортного коридора. — www.tazabek.kg/news:1703175?f=cp.

[7] https://vesti.uz/zheleznodorozhniki-uzbekistana-elektrofitsiruyut-puti-v-tadzhikistane/.

При этом целесообразна дальнейшая координация усилий по промышленной локализации и импортозамещению на основе конкурентных преимуществ и взаимодополняемости экономик региона, совместному производству товаров с высокой добавленной стоимостью, интеграции в глобальные цепочки поставок, развитие технологий и сектора услуг на основе долговременных кооперационных связей.

Поставленные задачи выводят на ключевые роли в экономике всей долины транспорт и логистику, обеспечивая перемещение товаров и людей, стимулируя необходимость дальнейшего развития инфраструктуры, внедрение новых технологий и инновационных решений, которые могут изменить будущее транспорта и логистики как части международной транспортной системы, обеспечивающей эффективное бесперебойное и безопасное перемещение грузов и пассажиров для достижения общей пользы.

Узбекистан вносит значительный вклад в расширение транспортной инфраструктуры Центральной Азии, реализуя ряд крупных инвестиционных проектов, в том числе в Ферганской долине. В их числе можно отметить железнодорожные и автомобильные коридоры Китай — Кыргызстан — Узбекистан, автомобильную магистраль Андижан — Ташкент, направленные на дальнейшее усиление региональной интеграции, с потенциалом увеличения транзитных потоков[8].

Реализация указанных маршрутов будет содействовать созданию сухопутных экономических коридоров Китай — Центральная Азия — Западная Азия с выходом к Каспийскому морю и Персидскому заливу, а также формированию транспортно-транзитного коридора Узбекистан — Афганистан — Пакистан, направленных на увеличение объемов перевозок, открытия широких перспектив совместного развития взаимосвязанных автомобильной и железнодорожной сетей Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана.

Это создаёт благоприятные условия для увеличения объёмов транзитных и мультимодальных перевозок, расширения взаимного товарооборота между странами Центральной Азии, Китая, России, Пакистана, Индии и Юго-Восточной Азии[9].

Заключение

Взаимовыгодная деятельность трех стран по развитию экономики Ферганской долины, укреплению транспортной связанности, кооперационному взаимодействию становится важным фактором в развитии добрососедских отношений и растущих торговых связей. Исследование показало целесообразность продолжения работ по расширению и модернизации внутрирегиональной инфраструктуры, интеграции в международные транспортные коридоры, увеличению частоты и расширению географии авиарейсов, запуску новых автобусных маршрутов между городами в приграничных регионах.

Ускорение интеграции транспортной сети стран Центральной Азии в единую транспортную систему позволит повысить эффективность использования внешних и внутренних факторов и условий для транзита, с созданием благоприятных условий по ускоренной доставке грузов и пассажиров на взаимовыгодной основе.[10] Указанное будет способствовать дальнейшей взаимовыгодной кооперации в различных отраслях, что позволяет успешно решать задачи роста экономической активности в Ферганской долине, формирования и поддержки долгосрочных производственных отношений различного уровня, а также улучшения качества жизни населения региона.

[8] https://www.gazeta.uz/ru/2024/10/11/road-tashkent-andijan-/.

[9] «Пояс и путь» и транспортная связность в Евразии. — 2023. — https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/poyas-i-put-i-transportnaya-svyaznost-v-evrazii/.

[10] TIF 2024: Узбекистан предлагает создать в Центральной Азии единую транспортную систему. — 2024. — https://www.newscentralasia.net/2024/09/10/tif-2024-uzbekistan-predlagayet-sozdat-v-tsentralnoy-azii-yedinuyu-transportnuyu-sistemu/.

Ходжамаммедов М.М.
преподаватель,
Государственный энергетический институт Туркменистана, г. Мары

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ

Ключевые слова: цифровые технологии, международные транспортные коридоры, безопасность, логистика, кибербезопасность, цифровизация, Евразия.
Key words: digital technologies, international transport corridors, security, logistics, cybersecurity, digitalization, Eurasia.

В эпоху глобализации и цифровой трансформации международные транспортные коридоры (МТК) играют стратегическую роль в формировании устойчивых связей между странами, континентами и экономическими системами. Они обеспечивают интеграцию мировых рынков, развитие торговли, ускорение движения товаров, услуг и капитала, а также способствуют реализации международных инициатив, таких как *«Один пояс — один путь»* и *Евразийский транспортный пояс*.

В последние десятилетия транспортно-логистическая инфраструктура переживает качественные изменения под влиянием цифровых технологий. Если ранее безопасность МТК определялась преимущественно физическими мерами — охраной объектов, техническим надзором, обеспечением надежности транспортных средств, — то сегодня всё большее значение приобретает информационная и кибербезопасность.

Международные транспортные коридоры, соединяющие десятки стран Евразии, опираются на сложные информационные системы: системы управления движением, электронные платформы таможенного контроля, базы данных о грузах и маршрутах. Уязвимость этих систем перед внешними вмешательствами, кибератаками и сбоями может привести не только к финансовым потерям, но и к нарушению глобальных цепочек поставок.

Цифровизация в данном контексте становится не просто технологическим трендом, а стратегическим инструментом обеспечения устойчивости и безопасности транспортных потоков. Внедрение цифровых решений позволяет формировать умные логистические сети, где информация, инфраструктура и безопасность интегрированы в единую систему.

Цель исследования — определить и проанализировать роль цифровых технологий в обеспечении безопасности международных транспортных коридоров, рассмотреть основные направления их внедрения и оценить перспективы их развития в Евразийском регионе.

1. Теоретические основы безопасности международных транспортных коридоров

Понятие международного транспортного коридора (МТК) охватывает не только физическую инфраструктуру (автомобильные, железнодорожные, морские и авиационные маршруты), но и совокупность организационно-правовых и информационно-технических механизмов, обеспечивающих движение потоков между странами.

Согласно определению Европейской экономической комиссии ООН, МТК — это *«интегрированные транспортно-логистические системы, обеспечивающие международные перевозки грузов и пассажиров на основе унифицированных технических и правовых стандартов»*.

Безопасность таких систем рассматривается как комплексное состояние защищенности транспортных процессов от угроз различного происхождения:

— природных (землетрясения, наводнения, стихийные бедствия),
— техногенных (аварии, катастрофы, сбои в оборудовании),
— криминальных (контрабанда, вандализм, терроризм),
— информационных и киберугроз.

Современная концепция безопасности МТК базируется на трёх ключевых принципах:

— интегрированность — взаимосвязанность всех элементов транспортной системы;

— предупредительность — ориентация на прогнозирование и предотвращение угроз;
— цифровая адаптивность — способность системы быстро реагировать на новые вызовы за счёт информационных технологий.

Ранее приоритет отдавался физическим аспектам безопасности, но в XXI веке структура рисков сместилась. Появились новые формы угроз — от кибератак на системы управления движением до утечек данных о маршрутах и грузах. Это требует перехода к гибридной модели безопасности, сочетающей традиционные и цифровые инструменты.

2. Цифровые технологии как инструмент обеспечения безопасности МТК

Цифровые технологии радикально меняют подход к управлению транспортными процессами. Они позволяют перейти от реактивного реагирования на инциденты к проактивному управлению рисками. Рассмотрим ключевые направления их применения.

2.1. Интеллектуальные транспортные системы (ITS)

Интеллектуальные транспортные системы представляют собой комплекс аппаратных и программных средств, обеспечивающих автоматизированный сбор, обработку и анализ данных о транспортных потоках. Они включают:

— датчики и сенсоры контроля движения;
— камеры видеонаблюдения и автоматического распознавания номеров;
— спутниковые системы навигации (GPS, ГЛОНАСС);
— аналитические платформы обработки данных.

Такие системы позволяют не только контролировать трафик, но и оперативно выявлять инциденты, предсказывать перегрузки, предотвращать аварии. В контексте безопасности МТК это значит — возможность предотвращения диверсий, несанкционированного доступа к объектам и кибератак на системы управления.

2.2. Интернет вещей (IoT)

Интернет вещей формирует сеть взаимосвязанных устройств, которые в режиме реального времени собирают данные о состоянии транспорта, инфраструктуры, температуре, вибрации, положении груза и др. На железнодорожных и морских маршрутах IoT применяется для мониторинга вагонов, контейнеров, судов, складских терминалов.

Например, в Казахстане и Китае внедрены системы *«умных датчиков»*, которые передают данные о местоположении и состоянии контейнеров по всему пути следования от Ляньюньгана до Минска. Это позволяет оперативно реагировать на отклонения, снижая вероятность краж, повреждений и несанкционированного доступа.

2.3. Блокчейн-технологии

Блокчейн обеспечивает прозрачность и защищенность всех логистических операций. Каждая транзакция (перемещение, пересечение границы, оформление документов) фиксируется в распределённом реестре, где информация защищена криптографическими методами.

Таким образом, исключается возможность подделки накладных, фальсификации данных о грузе или изменении маршрута. Применение блокчейна также сокращает бюрократические издержки и ускоряет взаимодействие между участниками — перевозчиками, таможенными службами и логистическими компаниями.

2.4. Искусственный интеллект и анализ больших данных

Искусственный интеллект (ИИ) позволяет выявлять скрытые закономерности и прогнозировать риски на основе огромных массивов информации. В транспортной безопасности это используется для:

— предсказания инцидентов,
— анализа поведения участников движения,
— выявления подозрительных маршрутов и операций,
— автоматического принятия решений при обнаружении угроз.

Например, алгоритмы машинного обучения способны заранее определить вероятность перегрузки участка дороги, сбоя систем или потенциальной кибератаки. Это повышает устойчивость и снижает человеческий фактор.

2.5. Кибербезопасность

Цифровая безопасность является ключевым элементом защиты МТК. Современные системы включают многоуровневую защиту:

— шифрование данных,
— аутентификация пользователей,
— системы обнаружения вторжений (IDS/IPS),
— постоянный аудит и резервирование данных.

Создание центров мониторинга (SOC — Security Operation Center) в рамках крупных коридоров, таких как «Север — Юг» и «Китай — Европа», позволяет отслеживать цифровую активность и своевременно реагировать на киберинциденты.

3. Международный и российский опыт применения цифровых технологий

3.1. Международная практика

Многие страны активно внедряют цифровые технологии для повышения безопасности транспортных коридоров.

— Китай: в рамках инициативы *«Один пояс — один путь»* создаются интегрированные платформы управления грузопотоками, которые используют IoT, блокчейн и ИИ. Данные о маршрутах контейнеров, статусе перевозок и таможенных операциях обрабатываются в реальном времени. Это позволяет предотвращать задержки, уменьшать риск краж и оптимизировать логистические цепочки.
— Европейский союз (ЕС): проект *"Digital Transport Corridors"* направлен на цифровую синхронизацию транспортных потоков между странами. В рамках проекта используются интеллектуальные системы мониторинга, киберзащита транспортных платформ и стандартизация обмена информацией.
— Сингапур и Южная Корея: развивают умные порты и мультимодальные логистические центры, где цифровые решения позволяют контролировать движение грузов, автоматически распределять транспортные ресурсы и предотвращать инциденты.

3.2. Российская практика

Россия реализует проект *«Цифровой транспорт и логистика»*, направленный на создание единого цифрового пространства транспортной отрасли.

— Внедряются электронные паспорта перевозок, позволяющие отслеживать каждый этап движения груза.
— Создаются платформы для мониторинга грузопотоков и контроля состояния инфраструктуры.
— Применяются интеллектуальные системы, которые анализируют потенциальные угрозы, прогнозируют аварии и обеспечивают киберзащиту.

Кроме того, создаются центры обработки и анализа больших данных, где информация от железнодорожных, автомобильных и морских операторов объединяется для оценки рисков и оптимизации маршрутов.

3.3. Опыт ЕАЭС и СНГ

В рамках Евразийского экономического союза осуществляется унификация стандартов цифровой безопасности транспортных систем.

— Разрабатываются совместимые информационные платформы для обмена данными между странами.
— Применяются блокчейн-решения для контроля таможенных операций.
— Создаются совместные центры мониторинга цифровой безопасности.

4. Проблемы и вызовы цифровизации безопасности МТК

Несмотря на очевидные преимущества цифровизации, внедрение технологий сталкивается с рядом следующих проблем.

1. Киберугрозы и хакерские атаки.
   Рост числа киберинцидентов требует постоянного обновления средств защиты и обучения специалистов.
2. Недостаток квалифицированных кадров.
   Для эксплуатации и развития цифровых систем требуются инженеры по ИТ, аналитики данных, специалисты по кибербезопасности.
3. Отсутствие единых международных стандартов.
   На уровне глобальных и региональных транспортных коридоров пока нет согласованных правил кибербезопасности и обмена информацией.
4. Техническое неравенство стран.
   Различие в уровне цифровизации снижает эффективность совместных мер безопасности.
5. Финансовые ограничения.
   Внедрение инноваций требует значительных инвестиций, что ограничивает возможности некоторых стран региона.

5. Перспективы и рекомендации

Для повышения безопасности МТК с применением цифровых технологий рекомендуется следующее.

1. Создание единой платформы цифровой безопасности МТК.
   Объединение всех участников коридоров на одной платформе позволит обмениваться данными в режиме реального времени, повышая прозрачность и управляемость процессов.
2. Разработка международных стандартов кибербезопасности.
   Унификация правил обеспечит совместимость информационных систем разных стран и снизит риски при пересечении границ.
3. Внедрение блокчейн-систем.
   Использование распределённых реестров для контроля грузоперевозок и предотвращения мошенничества.
4. Применение искусственного интеллекта для прогнозирования рисков.
   AI позволит анализировать большие объёмы данных и предсказывать инциденты до их возникновения.
5. Развитие кадрового потенциала.
   Подготовка специалистов в сфере цифровой логистики и кибербезопасности, проведение международных обучающих программ.
6. Создание цифровых двойников транспортных систем.
   Виртуальные модели коридоров позволят тестировать сценарии чрезвычайных ситуаций без угрозы для реальной инфраструктуры.
7. Стимулирование государственно-частного партнёрства.
   Объединение финансовых и технологических ресурсов для развития цифровой инфраструктуры.

Заключение

Цифровые технологии становятся стратегическим инструментом обеспечения безопасности международных транспортных коридоров. Их применение позволяет интегрировать физическую и информационную безопасность, повысить прозрачность, надежность и устойчивость логистических систем.

Основные выводы:

— безопасность МТК XXI века — это сочетание физической и цифровой защиты;
— применение ITS, IoT, блокчейна, AI и больших данных обеспечивает проактивное управление рисками;
— единая международная политика и стандарты кибербезопасности критически важны для успешной цифровизации;
— инвестиции в технологии и подготовку кадров — ключ к устойчивому развитию транспортных коридоров.

Будущее международных транспортных коридоров напрямую связано с цифровой трансформацией; чем выше уровень цифровизации, тем выше безопасность, эффективность и интеграция всех участников.

Список литературы

1. *Алексеев А.Н.* Цифровизация транспортных систем: современные вызовы и решения. — М.: Инфра-М, 2023.
2. *Гусев К.В.* Безопасность транспортных коридоров Евразии. — Санкт-Петербург: Политех-Пресс, 2022.
3. *Мельников И.А.* Искусственный интеллект в обеспечении транспортной безопасности. — М.: Наука, 2021.
4. Национальный проект «Цифровой транспорт и логистика» / Министерство транспорта РФ. — М., 2024.
5. Программа цифровой интеграции транспортных систем / ЕАЭС. — Астана, 2023.
6. Cybersecurity in Transport and Logistics / World Economic Forum. — Geneva, 2022.
7. *Lee, J., Kim, S.* Blockchain Applications in Global Supply Chain Security. — Transportation Research. — 2022. — Pt E.
8. Digital Transformation in Transport and Logistics / OECD. — Paris, 2021.
9. Transport Connectivity and Digital Corridors in Eurasia / UNESCAP. — 2020.

Научное издание

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ:
РАЗВИТИЕ, БЕЗОПАСНОСТЬ, СОТРУДНИЧЕСТВО

Материалы VIII международной научно-практической конференции
«Большая Евразия:
национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества»
(26–28 ноября 2025 г.)

Ежегодник

Выпуск 9

В трех частях

Часть 3

Компьютерная верстка и дизайн — *И.С. Надворский*

Подписано в печать 07.09.2026. Формат 60×90/8.
Гарнитура SchoolBookAC. Усл. печ. л. 73,75.
Тираж 500 экз. (1-й завод 50 экз.)

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 1/2, корп. 1
Тел.: +7 (499) 261-11-26
www.imc-i.ru; www.imc-ph.ru

Отпечатано в ООО «ТоМиК»
107076, Москва, ул. Стромынка, д. 18, кор. 5, этаж 5, пом. IX, комн. 25